Библиотека
Литературы
Древней
Руси

ТОМ 11

(XVI век)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11: XVI век. – 683 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

НА ПУТИ К НОВОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ СОЗНАНИЮ (СОЧИНЕНИЯ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО И КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО)

Есть эпохи, в которые литература, казалось бы, слабо развивается, — нет признаков «большой литературы», заметно уменьшается число произведений и писателей, не возникают новые большие темы, не появляются новые крупные писатели. Как будто бы силы общества отвлечены на другие заботы. Однако в литературе никогда не бывает простого отступления назад. Старые литературные произведения продолжают читаться, и в тех жанрах, в которых возникают новые произведения, продолжается подспудное движение вперед. Культура не может отступать, ибо она движется вперед путем накопления ценностей. Накопления же не пропадают. Они становятся иногда менее доступными, но и только. Так было в эпоху монголо-татарского наступления на Русь. Летописание в тот период, кажется, свелось к отдельным местным записям, но зато развился жанр воинских повестей и житийный.

Очень часто литература той или иной эпохи идет под знаком одного писателя или даже одного произведения. Вторая половина XVI века обозначена для нас полемикой Ивана Грозного с потомком ярославских князей, московским бояриным князем Андреем Курбским. Именно эта полемика рельефнее всего представила в литературе особенности ее времени. Два голоса этих полемистов звучат поверх всех остальных. Остальные же и не могли быть значительны. Грозный принял на себя ответственность за решение всех политических и нравственных вопросов своего времени. Рядом с Иваном Грозным не могло быть других взглядов. Грозный полагал, что только он один как «помазанник Божий» может судить людей и историю. В его царстве никто не смел высказывать иных суждений, — суждений, не согласных с тем, что утверждал Грозный. Культура во всех своих проявлениях приобрела монологический характер. Только за границами России бежавший из нее и там волей или неволей переставший себя ощущать русским, князь Курбский решился полемизировать с Грозным. Однако, находясь вне

России и даже командуя одно время войсками против Грозного, он лишил себя твердой моральной позиции и принужден был выступать не столько за интересы России, сколько за свои личные. И все ж таки под пером Курбского многие из его личных обид становились общественными явлениями, а через крайне субъективное могло выражаться объективное. То обстоятельство, что переписка Грозного и Курбского, особенно письма последнего, были известны лишь крайне ограниченному числу современников, не лишает ее показательности для своего времени. Оба высказывали свои взгляды не только в переписке, но и в своих многочисленных произведениях — Грозный в разнообразных посланиях и устных высказываниях, Курбский — в «Истории о великом князе московском» и в других сочинениях. Оба были крупнейшими фигурами на общественной арене своего времени, выразителями характернейших взглядов: первый — приверженцев сильной царской власти, второй — оппозиционных слоев населения и в первую очередь — боярства.

Тем не менее развитие литературы шло своим путем, и у обоих полемистов, сколь ни неприятны были бы они нам как личности, определились черты будущего в литературе. Главное, что обнаружилось по обе стороны государственной границы, — это развитие личностного начала в русской литературе. Оно сказывалось и в политических, и в идейных позициях, и в стиле произведений.

Несмотря, однако, на то, что напряженность споров и их эмоциональность сравнительно с полемиками первой половины XVI века сильно возросли, уровень споров резко снизился, а темы их значительно сократились. О чем, в сущности, спорили Грозный и Курбский? Грозный доказывал свое право казнить и миловать своих подданных. Доказательств этого права он почти не предъявлял. Он требовал верить ему в этом и бранил противников. Никакой особо новой, чем-либо замечательной концепции своего самодержавного права создано им не было. Все аргументы его примитивны и однообразны. Курбский, опровергая это право Грозного и упрекая его в грубых жесткостях, хотя и был с моральной точки зрения убедителен в этих упреках, не противопоставил Грозному своей собственной теории государства. Он утверждал лишь, что в первый период своего царствования, слушая умных советников, Грозный не совершал зверств и даже одерживал победы над внешними врагами. Однако концепция его не может сравниться с прежними, превосходно аргументированными «программными» предложениями Ивана Пересветова или с философией Ермолая-Еразма и многих других публицистов и философов первой половины XVI века.

Продвижение вперед в литературе может быть усмотрено лишь во второй, «формальной» сфере литературы, — в сфере господствующих стилей. Главное явление, на которое в этом отношении следует обратить внимание, — это значительный рост индивидуального начала в стиле произведений. Индивидуальные особенности стиля, поднявшиеся над жанровыми трафаретами, были уже в достаточной мере ясны у обоих главных антагонистов эпохи — Грозного и Курбского.

Переписка Грозного с Курбским часто трактуется как выражение борьбы нового со старым. При этом Грозный оказывается выразителем нового, государственного начала, а Курбский — старого, родового. Но политические взгляды обоих были лишены сколько-нибудь четкой ориентации на будущее. Что же касается их места в истории литературы, то черты будущего ярко сказываются у обоих, как мы уже сказали, в усилении личностного начала, но не в появлении новых сильных идей.

Стиль Грозного — как бы часть его поведения в жизни. В жизни Грозный то переодевался со своими опричниками в монашеское платье и глумился над церковными обрядами, то благочестиво пел на клиросе в церкви. Он то отказывался от своей царской власти и сажал на престол татарина Симеона Бекбулатовича, зловеще напоминая этим о трехсотлетнем чужеземном иге, и писал Симеону Бекбулатовичу лицемерно-униженные челобитные, то упивался властью и массами казнил людей. Он постоянно переходил от одного чувства к другому: от торжества к крайнему раскаянию, от веселья к горю, то дразнил, то впадал в ярость и т. д. Поразительно, что в своих произведениях Грозный был таким же, как и в жизни. Изумительный мастер языка, то до крайности резкий и гневный, то лирически приподнятый (как, например, в своем завещании 1572 года), то подавленный страхом смерти и манией преследования (в своем каноне Ангелу Грозному), то изощрявшийся в «кусательном стиле», опускавшийся до грубой брани, то мастер высокого церковно-славянского стиля, стремящийся подавить своего читателя эрудицией, — таков Грозный в своих произведениях, этот самовозбуждающийся и ни с чем не считающийся тиран как на троне, так и в обличии писателя.

Свое послание игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме Грозный начинает очень книжно, а затем постепенно, как бы не выдерживая своей роли наставника, переходит в тон самой непринужденной беседы: беседы страстной, иронической, почти спора. Он призывает в свидетели Бога, ссылается и на живых свидетелей, приводит факты, имена. Его речь становится нетерпеливой. Он сам называет ее «суесловием». Как бы устав от собственного многословия, он прерывает самого себя: «что же много насчитати и глаголати», «множае нас сами весте» и т. д. Грозный не стесняется бранных выражений, обычно им употребляемых: «собака» «собачий», «пес» и пр. Он употребляет разговорные выражения «аз на то плюнул», «а он мужик очюнной врет, а сам не ведает что». Он пользуется поговорками, пересыпает речь восклицаниями: «ох!», «увы!», «горе ей!». Он часто непосредственно обращается к читателям: «видите ли?», «а ты, брат, како?», «ты ж како?» и пр. Разнообразие его лексики поразительно.

Те же черты литературной манеры Грозного мы наблюдаем и во всех других его произведениях. Во многих письмах к иностранным государям, частично явно написанных не им, можно определить, однако, немало страниц, принадлежащих самому Грозному. Эти страницы опознаются по властному тону, по живой игре характерного для Грозного остроумия, по стилю грубой, сильной и выразительной

речи. Одним словом, в произведениях Грозного мы ясно видим все признаки индивидуального стиля.

Характерно и следующее. Пародия возникает в литературе тогда, когда ясно определяются признаки жанрового или индивидуального стиля. Появление пародии —знак осознания стиля как явления, существующего в какой-то мере независимо от содержания, как бы присоединяющегося к содержанию, ибо в пародии главный ее смеховой эффект состоит в несоответствии содержания форме, стилю, содержанию жанра. У Грозного есть послания, целиком выдержанные в тоне пародии. Таково, например, его знаменитое послание Симеону Бекбулатовичу. Послание это — только одно из звеньев политического маскарада, который Грозный организовал, передав свой титул касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу. Грозный в подчеркнуто притворном, униженном тоне называет себя «Иванцем Васильевым», просит разрешения у новопоставленного «великого князя всея Руси» Симеона «перебрать людишек», то есть учинить расправу над неугодными ему людьми.

Читая послания Грозного, иногда приходит на ум предположение, что яркостью индивидуального стиля Грозный как бы прикрывал отсутствие убедительных и аргументированных идей. В самом деле, что за «идея» — неустанно, многократно и однообразно твердить о своем полном праве творить все что угодно со своими подданными, — даже при том, если поводы к этим жестокостям явно несправедливы. Доводы только те, что творятся эти несправедливости «по прародителей своих обычаю» и что право на них утверждено якобы Писанием: «Се бо есть воля Господня — еже, благое творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити?» Долг, следовательно, подданных — страдать и терпеть даже несправедливые наказания от своего владыки, а воздаяние получать на том свете: там можно за эти муки и «венец жизни наследити», то есть стать святым мучеником.

Было бы неправильно сводить всю проблему появления индивидуального авторского стиля у Грозного к тому, что он как своенравный самодержец позволял себе не считаться ни с литературным этикетом, ни с канонами жанров. Владимир Мономах также обладал главенствующим положением в государстве, однако если и отступал от особенностей поучения, или от летописного стиля в своей автобиографии, или от типа посланий в своем письме к Олегу Святославичу, то как бы помимо своей воли. Между тем Грозный часто менял свой стиль, приноравливаясь к случаю, к адресату, к своим собственным намерениям как можно больнее ужалить своего противника.

С князем-изменником Курбским он — властный самодержец, с участником его потех Васюткой Грязным, попавшим в плен и требующим выкупа, он — глумливый хозяин, с игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Козьмой он — сперва монах, потом — жестокий разоблачитель, с проповедником лютеранства Рокитой он — дерзкий спорщик и защитник православной веры, с посаженным им

«царем» Симеоном Бекбулатовичем он — притворный челобитчик, в своей молитве к Ангелу Грозному он — преисполненный страха смерти молящийся, в посланиях к Елизавете Английской или шведскому королю Юхану III он — многоопытный властитель могущественного государства. Он издевается, зло шутит, иногда даже бранится. Он актер — всегда иной и всегда тот же самый. Особенность его литературной манеры — в умении создавать свой собственный образ, каждый раз иной и одновременно в чем-то прежний.

Он пишет то от себя, то от имени бояр, то под псевдонимом Парфений Уродивый. Обычно жанры, в которых выступает Грозный, — это послания, письма, «челобитные», то есть жанры прямого обращения к читателю. Это жанры, в которых на первый план выступают спор, обличение, утверждение своей правоты. Письма и послания входили в его арсенал как правителя.

Если индивидуальный стиль произведений Грозного был частью или одной из форм его поведения, то стиль произведений Курбского был как бы производной его жизненных обстоятельств. Различие, казалось бы, небольшое, но существенное по результатам. Индивидуальный стиль Курбского не так резко менялся. Он был индивидуально стабилен и связан с его стремлением найти свою «позицию» в жизни.

Курбский стал писателем, бежав за рубеж. Ему надо было оправдать себя в глазах общественного мнения в России и в Польско-Литовском государстве. Больше того — ему надо было оправдать себя в своих собственных глазах, ощутить свое право на позицию моралиста и нравоучителя. Его писания были самооправдательными документами, в которых он позировал перед другими, перед своими читателями, но прежде всего перед самим собой. Различие заключалось не столько в меньшей «гибкости» стиля Курбского, сколько в разной степени талантливости обоих. Грозный был несомненно талантливее Курбского и соответственно более решителен в выборе стиля, языка и в нарушениях жанровых традиций, чем Курбский.

Читатель вправе спросить: если в выборе стиля у этих двух писателей, Грозного и Курбского, играли такую роль их поведение и их жизненные позиции, то разве не было до того писателей с такими же яркими (или сугубо мрачными) судьбами, и почему выработались у них эти индивидуальные черты стиля? Все дело, конечно, в том, что в истории литературы внешние обстоятельства начинают играть решающую роль тогда, когда они подготовлены всем предшествующим процессом развития литературы и когда они оказываются поэтому способными выполнить свою роль. Литература шла по пути индивидуализации, к развитию индивидуальных стилей. Несколько позднее этот же путь индивидуализации приведет литературу к появлению в ней индивидуальных характеров персонажей, к возникновению в литературных произведениях ярких человеческих образов, к появлению автобиографии.

Князь Курбский был плодовитым писателем. Однако не все им написанное выявлено и еще меньше издано. Среди наиболее известных

его сочинений — его письма к Грозному и своеобразное продолжение этих писем — его «История о великом князе московском», где в основном продолжаются те же темы и где Курбский уже обращается не только к Грозному, но и к многим читателям в Польско-Литовском и Русском государствах. Известны несколько писем Курбского в Псковско-Печерский монастырь. Писал Курбский и к Константину Острожскому, и к Марку, ученику еретика Артемия, и к Кузьме Мамоничу, и к Кодияну Чапличу, и к пану Федору Бокею, и к княгине Чарторыйской, и многим другим. Он переводил Цицерона, Иоанна Златоуста, Дионисия Ареопагита (что совсем сложно), в особых сочинениях защищал православие от униатства в Литве, составлял богословские сочинения и пр.

В известной мере Курбский был «перевертнем», вынужденным приспосабливаться к меняющейся обстановке, менять характер своего стиля и языка, систему аргументации и пр. Один свой лик он являл русским читателям, другой — западно-русским. По отношению к Грозному он стремился занять позу человека более образованного, изобразить себя человеком утонченной западной культуры. Курбский упрекал Грозного не только в «варварстве», но и в литературной неумелости, необразованности и отсутствии литературного вкуса. Себя Курбский стремился изобразить человеком западной просвещенности и цитировал для этого не только отцов церкви и церковно-авторитетные тексты, но и античных авторов. В своем Втором письме к Грозному Курбский явно придерживался правил латинских риторик и эпистолографии гуманистов. Он знал, очевидно, учебники эпистолографии и, в частности, руководство Эразма Роттердамского. Исходя из предлагаемых им правил, он и упрекал Ивана. Одним из главных достоинств писем считалась, например, их краткость. Он насмехался над Грозным за то, что он этой краткости не придерживался, и его послание явилось «широковещательным и многошумящим». С высот своей новой образованности он поучает Грозного, что не следовало бы ему писать такие неискусные письма «на чюждую землю, идеже некоторые человецы обретаются, не токмо в граматических и риторическихъ, но и в диалектических и философских ученые».

Со свойственным многим эмигрантам стремлением подчеркнуть свое былое высокое положение на родине Курбский хвастает и своей родовитостью, и своим прежним значением в России при Грозном.

По мере того как Курбский осваивался со своей новой родиной, он пишет о России как о посторонней для него стране: «тамо есть у вас обычай», называет русских бояр «велицые гордые паны, по их языку боярове» и т. п. При этом в язык Курбского постоянно входят полонизмы, а великорусскую речь он называет «их языком» — языком московитов. Следовательно, появление полонизмов в его речи вполне сознательно.

Характерна его биография Грозного, изложенная им в «Истории о великом князе московском». В русской литературе до Курбского не было жизнеописания обличительного характера. Были жития святых,

ставившие себе целью прославление своего «героя». В поисках способов обличительного изложения жизни Грозного он отталкивается от житийного жанра и строит жизнеописание как своеобразное «антижитие». Курбский начинает «житие» Грозного с привычных для московских людей агиографических трафаретов, только перевертывая их значение, демонстрируя в «житии» Грозного прямо противоположные святому начала. Все начало жизнеописания Грозного — это «житие» по жанру, но перевернутое, как бы опрокинутое в зло. Сам типичный перевертыш, Курбский и это свое произведение строит в «перевернутом» строе — стиле антижития. Он как бы «паразитирует» на традиционном жанре, разрушая его. «Разрушительная» работа Курбского в известной мере была необходима в историко-литературном процессе. Доказательства этому в следующем периоде, когда писателям приходилось характеризовать деятелей Смутного времени не только как святых и героев, но во всей их сложности. Но об этом в дальнейшем. В истории литературы иногда расшатывание старых литературных форм имеет значение для созидания новых. Даже не стремясь к новшествам, Курбский разрушал жанровую систему древнерусской литературы. «История о великом князе московском», начатая сначала как своего рода «антижитие», затем переходит от одного жанра к другому, и в результате невольно создалось произведение, выходившее за пределы любого из древне-русских жанров. Задача, поставленная Курбским, заставляла его охватывать жизнеописательную тематику, послания, воспоминания, историю царствования Грозного и просто перечень его преступлений, ставший вместе с тем как бы и перечнем мучеников тирании Грозного. Немалую роль в создании этого многопланового и многожанрового произведения сыграла и постоянная перемена того воображаемого читателя, к которому обращался Курбский. То это был западнорусский читатель, которому он хотел разъяснить — почему он выехал из России, то это был сам Грозный, которого он разоблачал за глаза из своего безопасного зарубежного укрытия, но как бы и в глаза, прямо обращаясь к нему во втором лице. В моменты этих обращений Курбский, наверное, чувствовал себя очень смелым, нелицеприятным и прямым...

«История о великом князе московском» не участвовала в русском литературном процессе. Она не была известна на Руси в XVI веке, но тем не менее она явилась ярким свидетельством тех явлений, которые подспудно совершались в русской литературе — в первую очередь показателем ломки традиций.

Хотя основные произведения эпохи сосредоточиваются вокруг двух авторов — Грозного и его противника Курбского, литературная жизнь продолжалась в тиши монастырских келий, по большим общежительным монастырям и провинциальным городам.

Д. С. Лихачев

Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным

Переписка князя Андрея Михайловича Курбского с царем Иваном Грозным принадлежит к числу самых известных памятников древнерусской литературы. История этой переписки вкратце такова. В апреле 1564 г. царский воевода князь А. М. Курбский бежал под покровом ночи в сопровождении верных ему слуг из новоприсоединенного к Русскому государству ливонского города Юрьева в соседний ливонский город Вольмар, принадлежавший в это время польскому королю Сигизмунду II Августу. Поводом для поспешного бегства послужили полученные Курбским сведения о готовящейся над ним царской расправе. А. М. Курбский — потомок владетельных ярославских князей, был не только видным военачальником Ивана Грозного; сражавшийся под Казанью и в Ливонии, он был также одним из влиятельных государственных деятелей этого времени и был близок к кругу самых близких к царю лиц, которых он впоследствии назвал «Избранной радой». В начале 60-х гг. XVI в. после падения «Избранной рады» многие из близких сподвижников царя были подвергнуты опалам и репрессиям. В этих условиях ожидал жестокого наказания и Курбский, и тревоги его не были лишены некоторых оснований. Уже само назначение Курбского воеводой (наместником) в «дальноконный» Юрьев после победоносного похода русской армии на Полоцк 1562—1563 гг., в котором он командовал сторожевым полком, могло рассматриваться как предвестие грядущей расправы над ним. Курбский стал вести тайные переговоры с литовцами с целью своего возможного перехода на службу к польскому королю. Бежав в Вольмар, Курбский обратился к Ивану IV с обличительным посланием, в котором обвинил русского царя в неслыханных гонениях, муках и казнях бояр и воевод, покоривших ему «прегордые царства» и завоевавших «претвердые грады». Иван Грозный, получив обличительное письмо от изменившего ему боярина, не мог удержаться от резкого пространного ответа «государеву изменнику». Так было положено начало знаменитой полемической переписке. Послания обоих политических противников были написаны с конкретными публицистическими целями. Всего известно два послания Ивана Грозного и три послания Курбского царю.

Переписка Ивана Грозного с Курбским не дошла до нас ни в автографах, ни в современных ей списках. Обстоятельство это (довольно обычное, когда речь идет о древнерусских памятниках) легко объяснимо: послания Курбского были сугубо недозволенной литературой — только первое из них, написанное в обстановке острой общественной борьбы накануне опричнины, смогло (как и послания Курбского другим адресатам, также направленные против царя) дойти до русских читателей; остальные два его послания Ивану IV едва ли могли быть известны на Московской Руси до XVII в. Первое послание Ивана Грозного, предназначенное для противодействия посланию Курбского 1564 г., имело лишь кратковременное распространение; вскоре оно совершенно устарело. Еще более коротким было существование Второго послания царя Курбскому 1577 г.: написанное в разгар военных успехов в Ливонии — как наиболее бесспорное доказательство благоволения «Божией судьбы» Ивану IV — оно обращалось в страшное оружие против царя, стоило только «Божией судьбе» повернуться в иную сторону и военным успехам смениться

неудачами. Послания Курбского и Ивана IV, не долго служившие памятниками живой политической пропаганды, тем не менее были известны современникам и нашли отражение в подлинных документах XVI в.[1] Послания антагонистов сохранились до нашего времени в рукописной традиции в нескольких редакциях. Впервые эти памятники были опубликованы Н. Г. Устряловым[2], а вслед за ним Г. З. Кунцевичем[3]. В 1951 г. были найдены, изучены и опубликованы древнейшие версии первых посланий Ивана Грозного и Курбского, дошедшие в списках 20-х гг. XVII в.[4] Наиболее полное издание и текстологическое исследование посланий Курбского и Грозного были предприняты в недавнее время.[5] Однако из поля зрения новейших исследователей и издателей Переписки выпал, к сожалению, самый ранний список Первого послания Курбского Ивану Грозному, который сохранился в составе сборника *РНБ*конца XVI—начала XVII в., принадлежавшего ранее странствующему соловецкому иноку-клирошанину Ионе. Этот список послания был разыскан в 1986 г. и опубликован в 1987 г. московским историком и археографом Б. Н. Морозовым[6].

При подготовке к печати в настоящем томе «Библиотеки литературы Древней Руси» текстов посланий Ивана Грозного и Андрея Курбского и их комментировании нами учитывались как материалы последнего издания Переписки (и, в частности, комментарии В. Б. Кобрина к посланиям Курбского), так и публикация самого раннего списка Первого послания Курбского Ивану Грозному, осуществленная Б. Н. Морозовым.

---

[1] *Флоря Б. Н.* Новое о Грозном и Курбском // История СССР. 1974. № 3. С. 144; *Юзефович Л. А.* Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 143—144; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина. М., 1978. Вып. 3. С. 429—433; ср. сообщение ливонского хрониста Ф. Ниенштедта начала XVII века в изд.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. 4. С. 36.
[2] *Устрялов Н. Г.* Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. I; 2-е изд. СПб., 1842; 3-е изд. СПб., 1868.
[3] Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные / Подгот. к печати Г. З. Кунцевич. Под смотрением С. Ф. Платонова // *РИБ.* СПб., 1914. Т. 31. С этого издания по постановлению Императорской Археографической комиссии был опубликован и отдельный оттиск под названием «Переписка князя Курбского с царем Иоанном Грозным» (СПб., 1914).
[4] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.
[5] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981; репринт — М., 1993. С. 21 и 386.
[6] *Морозов Б. Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI—начала XVII века // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 277—289.

Первое послание Курбского Ивану Грозному

Подготовка текста Ю. Д. Рыкова, перевод О. В. Творогова, комментарии Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова

ВСТУПЛЕНИЕ

Первое послание Андрея Курбского Ивану Грозному было написано, очевидно, вскоре после побега «государева изменника» за рубеж, т. е. в мае 1564 г. Текст этого послания лаконичен и логичен, а стиль представляет замечательный образец стройной риторики, лишенный каких-либо конкретных деталей. В послании содержится решительный протест князя Андрея против начавшихся в России беззаконий, гонений и казней государственных и военных деятелей на пороге опричнины. Курбский выступает в данном письме не только в роли защитника всех опальных царя Ивана, но и в роли своеобразного пророка, обличающего царя в совершенных им законопреступлениях и кровопролитиях. Обличая лютую жестокость и непримиримую ненависть Ивана IV в отношении его подданных, жалуясь на лично перенесенные от царя многочисленные гонения и обиды, Курбский тем самым стремится оправдать свой «отъезд» к польскому королю Сигизмунду II Августу и главным образом, очевидно, не перед адресатом, а перед лицом общественного мнения.

Самые ранние списки Послания Курбского Ивану IV содержат текст первой редакции памятника. Наиболее ранний список Послания сохранился в составе сборника конца XVI — начала XVII в. из Основного собрания Российской национальной библиотеки *(РНБ)* под шифром Q. XVII, № 67 (сборник этот ранее находился в частном собрании известного московского коллекционера графа Ф. А. Толстого под номером 195). И хотя данный кодекс уже давно был известен отечественным ученым, имевшийся в его составе список Первого послания Курбского Ивану IV долгое время оставался не замеченным современными исследователями Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским. Этот список был выявлен в 1986 г. Б. Н. Морозовым, который осуществил изучение и публикацию данного списка. Исследователь установил, что внешние палеографические признаки и кодикологические данные позволяют датировать выявленный список, скорее всего, концом XVI в. Б. Н. Морозову удалось со временем установить и имя автора-составителя данного кодекса. Им оказался странствующий клирошанин инок Иона Соловецкий (20. XI. 1561 — первая треть XVII в.) (см.: *Морозов Б. Н.* 1) Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI — начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 277—288; 2) Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке странствующего монаха Ионы Соловецкого (к вопросу о распространении переписки в конце XVI — начале XVII в.) //

Московская Русь (1359—1584): Культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 475—494).

Все остальные самые ранние списки Послания, известные ныне исследователям, датируются 20—30-ми гг. XVII в. Дошли они как в составе так называемых «Печерских сборников», так и в виде отдельных списков вне «Печерских сборников».

Первая редакция Послания Курбского Ивану Грозному, согласно выводам современных исследователей Переписки, распадается на две группы, а внутри каждой группы — на виды и подвиды (см. об этом: *Зимин А. А.* Первое послание Курбского Ивану Грозному // *ТОДРЛ.* Т. 31. С. 176—201; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 251—292).

Наиболее ранний список Послания, введенный в научный оборот Б. Н. Морозовым, относится по имеющейся классификации ко второму подвиду второго вида первой редакции памятника и имеет особую текстологическую близость к двум спискам данного подвида — списку *РГБ,* собр. *ОИДР,* № 197, игравшему довольно существенную роль в построениях американского профессора Э. Кинана, считавшего его списком, наиболее близким по своему тексту к архетипу Послания, а также к списку *РНБ,* Основное собр., Q. IV, № 280. Вместе с тем новонайденный список Послания содержит ряд текстуальных особенностей, не находящих соответствия в других известных ранних списках этого памятника (см.: *Морозов Б. Н.* 1) Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике... С. 284—287; 2) Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке... С. 485).

В русской рукописной традиции Первого послания Курбского Ивану Грозному существовали и другие редакции этого памятника (см. о них: *Зимин А. А.* Первое послание Курбского Ивану Грозному. С. 177—180; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 277—292; *Морозов Б. Н.* Особая редакция Первого послания Курбского Ивану Грозному // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 143—151).

В настоящем издании публикуется текст первой редакции этого Послания по самому раннему списку памятника — *РНБ,* Основное собр., Q. XVII, № 67, л. 16 об.—17. С учетом того, что текст данного списка имеет небольшие утраты из-за повреждения и подклейки краев бумаги, лакуны восполняются вслед за первым публикатором данного списка по другим спискам второго подвида второго вида первой редакции, и прежде всего по списку *РГБ,* собр. *ОИДР,* № 197. Недостающий текст в конце памятника, отсутствующий также в вышеуказанном списке *ОИДР,* печатается по списку первого подвида второго вида первой группы — *РГАДА,* собр. Библиотеки *МГАМИД* (ф. 181), № 461/929, лл. 185 об.—189. Исправления и восполнения утрат текста публикуемого списка выделены курсивом.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ КУРБСКАГО

Царю, от Бога препрославленому, паче же *во правос*лавии пресвѣтлу явльшуся, ныне же грѣх ради наших сопротивне обрѣтеся,[1] разумеваа да разумѣет, совесть про*каженну* имуща, якова же ни в безбожных языцех обретается. И болши сего о сем глаголати вся по ряду не попустих языку моем*у, но гонения* ради прегорчайшаго от державы твоея и ото многиа горести сердца поущаюся мало изрещи ти.

Про что, царю, силных в*о Израили побил* еси, и воевод, от Бога данных ти на враги твоя, различными смертми разторгнул еси,[2] и побѣдоносную святую кровь их въ церкв*ах Божиях пр*олиал еси, и мученическими кровми праги церковныя обагрил еси,[3] и на доброхотных твоих, душа своя за тя полагающих,[4] неслых*ованные от* вѣка муки, и смерти, и гонениа умыслил еси,[5] измѣнами, и чародѣйствы, и иными неподобными облыгаа православных[6] и тщася *со усердиемъ* свѣт во тму преложити, и тму в свѣт, и сладкое горко прозвати, и горкое сладко?[7] А что провинили пред тобою и чем про*гнѣваша* тя христианстии предстатели?[8] Не прегордыя ли царства разорили и подручны во всем тебѣ их сотворили,[9] у нихже преже *в работѣ* были праотцы наши?[10] Не претвердыя ли грады германскиа тщанием разума их от Бога тебѣ даны быша?[11] Сия ли нам, бѣдным, *воздал еси,* всеродно погубляя нас?[12] Или безсмертен, царю, мнишися и в небытную ересь прелщен еси, аки не хотя уже предстати неумытному *Судии**[13]** и* надежде христианстей, богоначалному Исусу, хотящему судити вселенней в правду,[14] паче же не обинуяся прегордым гонителем, *и хотяще* я истязати до влас прегрешениа их, якоже словеса глаголют?[15] Онъ есть Христос мой, седяй на престоле херувимсте одесную Силы ве*личест*виа въ превысоких,[16] — судитель межу тобою и мною.

И коего зла и гонениа от тебе не претерпѣх! И коих бѣд и напастей на мя не подвигнул еси! *Коих лж*ей и измѣн на мя не возвел еси! А вся приключившаа ми ся от тебе различныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи, *понеже гор*естию еще душа моя объята бысть. Но вкупе вся реку конечно: всего лишен бых и от земля Божиа туне тобою отогнан *есмъ.**[17]** И за* благаа моя воздал ми еси злаа, и за возлюбление мое — непримирителную ненавѣсть.[18] Кровь моя, яко вода пролита за тя, *вопиет на* тя Богу моему.[19] Богъ — сердцам зритель: во умѣ моем прилѣжне смышлях, и совѣсть мою свѣдѣтеля представлях, и исках, и зрѣх, *смышленно о*бращаася, и не свѣм себе, и не наидох в чем пред тобою виновата и согрешивша.[20] Пред войском твоим хождах и исхождах, и никоего*же тебѣ беще*стиа не приведох, но развѣ побѣды пресвѣтлы помощию аггела Господня въ славу твою поставлях и никогдаже полков твоих чюжим *полкомъ хреб*том обратих, но паче одолѣниа преславнаа на похвалу тебѣ сотворях. И сие не во

единином лѣте, ни во двою, но во многих лѣтех *потрудих*ся многими поты и терпѣнием,[21] яко мало и рожшеа мя зрѣх,[22] и жены моея не познах,[23] и отечества своего остах, но всегда *в далних и околн*ых градѣх твоих против врагов твоих ополчахся и претерпевах естественыя болѣзни, имже Господь мой Исус Христос свѣдѣтель; паче же *учащаем* бых ранами от варварских рук в различных битвах, сокрушено же ранами все тѣло мое имѣю.[24] И тебѣ, царю, вся сиа ни во что же бысть.

*Но хотѣх ре*щи вся по ряду ратныя дѣла моя, ихже сотворих на похвалу твою, но сего ради не изрекох, за*н*еже лутче Богъ вѣсть. Он бо есть всѣм *симъ* мздовоздаатель, и не токмо сим, но и за чашу студеныя воды.[25] Еще, царю, сказую ти к тому: уже не узриши лица моего до дни *Страшнаго* суда.[26] И не мни мене молчаща ти о сем: до дни скончяниа живота моего буду непрестанно вопити на тя со слезами пред без*началной* Троицею, в неяже вѣрую, и призываю в помощь херувимскаго Владыки Матерь, надежду мою и заступницу Владычицу Богородицу, и всѣх *святых, из*бранных Божиих, и государя моего князя Федора Ростиславича.[27]

Царю, не помышляй и не мудръствуй мысльми, аки уже погибших *и избиенных* от тебе неповинно и заточенных, и прогнанных без правды.[28] Не радуйся о сем, аки хваляся сим: разсѣченыя тобою у престола *предстоят* Владычня; отомщения на тя просят, заточенныя же и прогнанныя тобою без правды от земля Богу вопиют на тя день и нощь![29] Аще и тмами *хвалишися в го*рдости своей и при временном сем скоротекущем вѣце умышляеши на христианский род мучителныя сосуды, па*че же наругаешися,* попирающи аггелский образ,[30] согласующим ти ласкателем и товарыщем трапезы, бесогласным твоим боляром и гу*бителемъ души твоей и* тѣлу, и детми своими паче же Кроновых жерцов дѣйствуют.[31] О сем даже до здѣ.

А сие писание, слезами из*мочено, во гроб велю с собою положити, грядущи ми на суд с тобою Бога моего Исуса. Аминь.*

*Писано во граде Волмѣре****[32]*** *государя мо*его Августа Жигимонта короля, от негоже надѣюся много пожалован быти и утѣшен ото всѣх скорбей м*оих милостию его государъскою****[33]****,* паче же ми Богу помогающу.

И слышах от священных писаний, хотяща от диавола пущена быти на род христианск*ий губителя, от блуда* зачатаго богоборнаго Антихриста,

[34] видѣх же ныне синглита, всѣм вѣдома, яко от преблуженија рожен есть, иже д*несь шепчет во уши* царю ложнаа и льет кровь христианску, яко воду, и выгубил уже силных во Израили, аки соглаголник дѣлом Антихристу[35]: не при*гоже таким по*такати,[36] о царю! В законе Господни первом писано: «Моавитин, и аманитин, и выблядок до десяти родов во церковь Божию не *входит»,**[37]** и про*чаа.

---

[1] *...во православии пресвѣтлу явльшуся, ныне же грѣх ради наших сопротивне обрѣтеся...* — Курбский здесь имеет в виду отступление царя Ивана IV от истинного благочестия, в которое он был обращен ранее стараниями своего духовника благовещенского священника Сильвестра, митрополита Московского Макария и других «предобрыхъ и преподобных мужей, презвитерством почтенных» (см. наст. изд.). Упоминая, что царь явился «пресвѣтлым» «во православии», Курбский, по всей вероятности, намекает на большую роль Ивана IV в деле созыва церковного Стоглавого собора и проведении церковных реформ в годы его благочестивого правления совместно с так называемой «Избранной радой». На заседаниях этого собора в январе—феврале 1551 г. церковными иерархами были заслушаны и рассмотрены царские вопросы, которые содержали широкую программу церковных преобразований, направленных на укрепление церковного благочиния и христианского благочестия. На основе данных царских вопросов участники собора приняли постановления, строго регламентирующие церковно-монастырскую жизнь, богослужение и христианскую нравственность русского общества. Отступление царя Ивана от соблюдения ряда постановлений Стоглавого собора после смерти царицы Анастасии и падения «Избранной рады» Курбским рассматривалось как измена православию. Такое обвинение Ивана IV в измене его первоначальному «пресветлому православию» вызвало наибольшее возмущение царя, настаивавшего на том, что именно он сохранил верность «пресветлому православию» начала своего правления (времени Стоглавого собора).

[2] *...силных во Израили побил еси, и воевод... различными смертми разторгнул еси...* — Имеются в виду виднейшие сподвижники и воеводы Ивана IV первых лет его царствования, подвергшиеся различным опалам и казням по приказу царя. Употребление наименования «Израиль» по отношению к России было связано с идеей «богоизбранности» православной Руси, популярной среди публицистов XV—XVI вв.

[3] *...кровь их во церквах Божиях пролиал еси, и мученическими кровми праги церковныя обагрил еси...* — В ночь с 30 на 31 января 1564 г. были убиты князь М. П. Репнин-Оболенский в церкви «близу самого алтаря»

и князь Ю. И. Кашин-Оболенский «на самом празе церковном» (см. наст. изд.). Оба убитых князя были видными боярами Ивана IV и постоянно участвовали как воеводы в военных сражениях времени Ивана IV, в том числе в победоносном походе на Казань в 1552 г.

[4] *...душа своя за тя полагающих...* — Здесь Курбский намекает на известный евангельский текст: «Больши сее любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13).

[5] *...неслыханные от вѣка муки, и смерти, и гонениа умыслил еси...* — Речь идет о многочисленных казнях и гонениях, последовавших за внезапной смертью главы правительства царя Ивана IV окольничего А. Ф. Адашева в декабре 1560 г. Эти казни и гонения Курбский впоследствии красочно описал в своей «Истории» (см. наст. изд. и коммент. к нему).

[6] *...измѣнами, и чародѣйствы, и иными неподобными облыгаа православных...* — Обвинение в измене служило одной из основных форм обвинений, выдвигаемых против опальных Ивана Грозного. Наряду со стандартными обвинениями подданных в измене при Иване IV опальным вменялось чародейство, то есть колдовство. Царь Иван в ответном послании Курбскому писал: «...а еже о измѣнах и чародѣйстве воспомянул еси, — ино таких собак везде казнят» (см. наст. изд., с. 38). Из «Истории» Курбского можно узнать, что до побега князя Андрея из России и до написания им Первого послания Ивану IV с помощью предъявленного обвинения в колдовстве была оклеветана и казнена перешедшая в православие из католичества полька Мария по прозвищу Магдалина, близкая к А. Ф. Адашеву (см. наст. изд.). Других подобных случаев Курбский в своей «Истории» не приводит, но они наверняка имели место в российской действительности, поскольку царь Иван не опроверг этого обвинения в своем ответном Послании Курбскому, а, напротив, как бы подтвердил (см. текст вышеприведенной цитаты из Послания царя в наст. коммент.).

[7] *...тщася со усердиемъ свѣт въ тму преложити, и тму в свѣт, и сладкое горко прозвати, и горкое сладко?* — Данный текст Курбского так или иначе восходит к библейской книге пророка Исайи, где читается: «Горе... полагающим тму свѣт и свѣт тму, полагающим горкое сладко, а сладкое горко» (Ис. 5, 20), однако порядок риторических противопоставлений и повторов в публикуемом списке Послания Курбского царю Ивану иной, чем в библейском тексте. Точно такой же порядок риторических противопоставлений и повторов, как отметил Б. Н. Морозов, имеется в списке *ОИДР,* № 197, а также в списке *РНБ,* Основное собр., Q. IV, № 280. Во всех других известных нам сейчас списках Послания Курбского Ивану Грозному первой редакции слова «и тму в свѣт» и «горкое сладко» опущены (см.: *Морозов Б. Н.* 1) Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике... С. 286; 2) Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке... С. 485). Указанный текст пророка Исайи Курбский употребил также в послании польскому шляхтичу Кодияну Чапличу, написанном 21 марта 1575 г. (см. наст. изд.; см. также: *Рыков Ю. Д.* К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 239). Порядок

риторических противопоставлений и повторов в этом эпистолярном сочинении Курбского полностью совпадает с порядком риторических противопоставлений и повторов в публикуемом списке Послания Курбского царю и списках *ОИДР,* № 197 и Q. IV, № 280 (см. об этом: *Морозов Б. Н.* 1) Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике... С. 286). Можно в этой связи полагать, что комментируемый пассаж в публикуемом списке и в списках *ОИДР,* № 197 и Q. IV, № 280 ближе к архетипу, чем в других списках. Отличия текста в посланиях Курбского к царю и к Кодияну Чапличу от библейского пророческого текста объясняются тем, что Курбский цитировал этот текст по памяти в обоих случаях. Курбский включил указанный выше текст в Послание, очевидно, с намеком на то, что царя Ивана в свете этого пророческого высказывания ждет неминуемое горе.

[8] *...христианстии предстатели?* — Слово «предстатели» употреблено здесь Курбским в значении христианских защитников, или воинов, сражающихся в первых рядах против врагов.

[9] *Не прегордыя ли царства разорили и подручны во всем тебь их сотворили...* — Речь идет об успешном завоевании при Иване IV русскими войсками татарских Казанского и Астраханского ханств соответственно в 1552 и 1556 гг.

[10] *...у нихже преже в работѣ были праотцы наши?* — Слово «работа» в данном случае означает «рабство», «неволя», «подчинение». В комментируемом тексте Курбский имеет в виду, что в результате постоянных набегов на Русь военных отрядов казанских и крымских татар многие тысячи русских людей с давних времен захватывались в плен, а затем использовались или продавались в рабство на восточных невольничьих рынках (см.: *Шмидт С. О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1954. Т. 6. С. 220 и др.).

[11] *Не претвердыя ли грады германскиа... тебѣ даны быша?* — Речь идет об успешном завоевании русскими войсками ряда ливонских укрепленных городов («претвердых градов») в первые годы Ливонской войны.

[12] *...всеродно погубляя нас?* — Под всеродным погублением Курбский имел в виду опалы и казни представителей класса феодалов вместе со всем семейством или родом, включая свойственников. Опала главы «Избранной рады» окольничего А. Ф. Адашева в 1560 г. привела к опалам и казням многих его родичей и близких к нему лиц. Брат главы «Рады» воевода Д. Ф. Адашев вместе со своим малолетним сыном Тархом и тестем П. И. Туровым, братья Сатины, бывшие в свойстве с А. Ф. Адашевым через его жену Анастасию, урожденную Сатину, родственник Адашевых воевода И. Ф. Шишкин вместе со своей женой и детьми и другие родичи и свойственники Адашевых погибли в числе первых жертв царского террора накануне введения опричнины (см. наст. изд. и коммент. к нему). Всеродному погублению подвергся и род ведущего деятеля «Избранной рады» воеводы боярина князя Д. И.

Курлятева-Оболенского. В октябре 1562 г. Иван Грозный, по свидетельству Курбского и других источников, насильно приказал постричь в монахи князя Дмитрия вместе со всем его семейством — женой и детьми. Курбский расценивал это пострижение как «неслыханное беззаконие» (см. наст. изд., а также *ПСРЛ.* М., 1965. Т. 29. С. 301). В годы опричнины Ивана Грозного всеродное погубление семей опальных стало своеобразной «нормой» террористической политики царя, и Курбский как бы пророчески предсказал в своем Послании 1564 г. массовые казни и опалы знати в опричные времена.

[13] *...неумытному Судии...* — «Неумытный» — значит «неподкупный». Выражение «неумытный Судия» многократно используется в целом ряде оригинальных и переводных сочинений Максима Грека, и поэтому оно, возможно, восходит к ним. Как известно, Курбский всегда считал этого ученого монаха и писателя своим «превозлюбленным» духовным «учителем» и постоянно читал его сочинения. Сборник сочинений Максима Грека находился в распоряжении князя Андрея даже во время его пребывания на наместничестве в Юрьеве (см.: *РИБ.* Т. 31. Стб. 495).

[14] *...хотящему судити вселенней в правду...* — Данный пассаж восходит к библейским текстам (ср. Деян. 17, 31; Пс. 9, 8—9; 95, 13; 97, 9).

[15] *...не обинуяся... истязати до влас прегрешениа их, якоже словеса глаголют?* — Ср. Пс. 67, 22.

[16] *...седяй на престоле херувимсте одесную Силы величествиа въ превысоких...* — Ср. Евр. 1, 3; 8, 1. Сходный текст содержится и в переводе Максима Грека данного апостольского послания, он же с небольшой вариацией использован Максимом Греком и в его «Исповедании православной веры» (см. об этом: *Рыков Ю. Д.* К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV. С. 239—240).

[17] *...И коего зла и гонениа от тебе не претерпѣх!... и от земля Божиа туне тобою отогнан есмъ.* — Уже после неудачного сражения под Невелем в 1562 г. Курбский (который был ранен) вызвал недовольство царя и в конце 1562 — начале 1563 г. был назначен наместником в Юрьев Ливонский (ныне Тарту), что означало ссылку, аналогичную той, которой был подвергнут ранее глава «Избранной рады» А. Ф. Адашев (направленный незадолго до смерти наместником в Феллин (Вильян, ныне Вильянди)). Посылку боярина М. Я. Морозова на Юрьевское наместничество в 1564 г. сподвижники Курбского Т. Тетерин и М. Сарыхозин также рассматривали как наказание в своем письме к М. Я Морозову, написанном в Вольмаре, вероятно при участии Курбского (см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 47—48). О своих бедах и напастях Курбский упоминал несколько ранее также в своем Первом послании старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, написанном в Юрьеве еще до побега: «...паки напасти и бѣды от Вавилона (т. е. Ивана IV) на нас кипети многи начинают» (см. наст. изд.). Наличие многих «изменных дел» у Курбского признавал и сам царь Иван, что нашло отражение в его переписке с Курбским и в памятниках дипломатических отношений России с Польшей. В

Послании 1564 г. Иван Грозный отрицал свое намерение казнить Курбского, заявляя, что тот бежал, убоявшись ложного «отречения смертнаго», которое он получил от своих друзей «злодѣйственным солганием» их. Вместе с тем царь признавал, что был сильно недоволен Курбским и разгневан на него. Курбский в своем Третьем послании к царю писал: «Аще ли же кто прелютаго ради гонения не бегает, аки бы сам себе убийца». Основания у Курбского были, конечно, не беспочвенные: в 1579 г. Иван Грозный в послании к Стефану Баторию без всяких обиняков написал, что Курбский «нас израдил, что хотел нашей смерти, и мы ево сыскавъ изради, хотѣли ево казнити» (см. наст. изд.).

[18] Стр. 16. *И за благаа моя воздал ми еси злаа, и за возлюбление мое — непримирителную ненавѣсть.* — Ср. Пс. 108, 3—5; 37, 20—21; 34, 12; Быт. 44, 4; Иерем. 18, 20. Порядок слов комментируемого пассажа точно соответствует порядку слов пассажа лишь в списке *ОИДР,* № 197 и в списке Q. IV, № 280, во всех других известных списках Первого послания Курбского 1-й редакции порядок слов в этом тексте иной (см.: *Морозов Б. Н.* 1) Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике... С. 285—286; 2) Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке... С. 485). Текст «За благая моя воздал ми злая и за возлюбление мое — непримирителну ненависть» читается также и в Послании («Жалобе») каменец-подольского монаха Исайи его недругу греческому митрополиту Иоасафу, близость этого текста к пассажу списка Послания Курбского из собрания *ОИДР,* № 197 американский ученый Э. Кинан считал одним из основных доказательств близости списка *ОИДР,* № 197 к архетипу послания Курбского (см.: *Keenan E. L.* The Kurbskii— Groznyi Apocrypha. The Seventeenth — Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971. P. 28—29, 154). Публикуемый здесь новый, самый ранний список Послания Курбского свидетельствует в пользу мнения Э. Кинана. Установленная этим ученым текстологическая взаимосвязь данных пассажей у Курбского и у инока Исайи несомненна. Тексты Послания Курбского и «Жалобы» Исайи, помимо общего порядка слов в данном пассаже, сближает друг с другом и наличие общего для них эпитета «непримирительную» перед словом «ненависть», ибо этого эпитета в сходном библейском тексте нет.

[19] *Кровь моя, яко вода пролита за тя, вопиет на тя Богу моему.* — Ср. Быт. 4, 9; Пс. 78, 3. Близкий к данному пассажу текст обнаруживается вновь в «Жалобе» каменец-подольского монаха Исайи (см.: *Keenan E. L.* The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. P. 28—29, 154), однако если Курбский имел все надлежащие основания писать в своем Послании к царю о пролитой им крови, то инок Исайя, очевидно, не мог так писать, и это обстоятельство, как справедливо отмечено в научной литературе, говорит о явной вторичности текста «Жалобы» Исайи по сравнению с Посланием Курбского (см.: Андреев Н. Е. Мнимая тема. О спекуляциях Э. Кинана // Новый журнал (The New Rewiev). Нью-Йорк, 1972. № 109. С. 270—271).

[20] *Богъ — сердцам зритель: во умѣ моем прилѣжне смышлях... и не наидох в чем пред тобою виновата и согрешивша.* — Выражение «Богъ

— сердцам зритель» восходит к библейскому тексту (ср. 1 Цар. 16, 7). Сходное с текстом Послания Курбского выражение имеется в вольмарском письме Т. Тетерина и М. Сарыхозина боярину М. Я. Морозову: «...и в том, государь, сердцам зритель волен Бог. Он бо есть зрит всех вину и правость сердечную» (Послания Ивана Грозного. С. 537). Отражение библейского текста можно найти и в сочинениях известного русского публициста XVI в. игумена Иосифа Волоцкого, который в одном из своих посланий писал, что «страшное и всевидящее око небесного царя всех человек сердца зрит и помышления веси» (Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текстов А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 184). Э. Кинан отметил наличие подобного пассажа и в «Жалобе» каменец-подольского инока Исайи, текстологически вполне совпадающего с указанным выше текстом Курбского (*Keenan E. L.* The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. P. 28—29). Имеющееся в комментируемом пассаже Послания Курбского чтение «пред тобою» более логично и последовательно, судя по контексту, чем чтение «пред ним», имеющееся у Исайи (см.: *Зимин А. А.* Первое послание КурбскогоИвану Грозному... С. 190). Вместе стем следуетотметить, что в комментируемом пассаже Послания Курбского выражение «виновата и согрешивша» не находится в других известных списках этого Послания. Исключение представляет лишь список Q. IV, № 280, где это чтение имеется, и список *ОИДР,* № 197, где это чтение передано как «виновата и согрешався» (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 353. Л. 6 об., разночт. *р).* Все это вновь говорит об особой близости публикуемого списка со списком *ОИДР,* № 197 и списком Q. IV, № 280 (пример не отмечен Б. Н. Морозовым). В «Жалобе» каменец-подольского монаха Исайи со словом Послания Курбского «виновата» корреспондируется слово «повинен» (см.: *АбрамовичД. И.* К литературной деятельности мниха камянчанина Исайи // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1913. Вып. 181. С. 7). Из данного примера вновь видна первичность публикуемого текста Послания Курбского, равным образом как и текстов списка *ОИДР,* № 197 и списка Q. IV, № 280.

[21] *Пред войском твоим хождах и исхождах... потрудихся многими поты и терпѣнием...* — Курбский с раннего возраста находился на военной службе. В 1549 г. он — участник похода на Казань в звании есаула, а 13 августа 1550 г. он назначается воеводой в Пронск. С этих времен Курбский постоянно несет ратную службу в воеводских чинах. Подробное и яркое освещение своей военной деятельности во время победоносного похода на Казанское ханство в 1552 г. и в начальный период Ливонской войны кн. Андрей оставил на страницах своей «Истории» (см. наст. изд.).

[22] *...яко мало и рожшеа мя зрѣх...* — Речь идет о матери князя Андрея Курбского, которая была дочерью окольничего М. В. Тучкова, получившего незадолго до января 1533 г. боярский чин (см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 240). После бегства князя Андрея в Литву его мать была брошена Иваном Грозным в тюрьму, где и скончалась. Мать Курбского находилась в родстве с царицей

Анастасией Романовной. См. об этом коммент. к Третьему посланию Курбского Ивану Грозному (наст. изд.).

[23] *...и жены моея не познах...* — Речь идет о первой жене князя Андрея Курбского княгине Евфросинье Курбской. В брак с князем Андреем Курбским она вступила, очевидно, около 1553 г. Имела от Курбского малолетнего сына, неизвестного нам по имени. Во время пребывания Курбского на Юрьевском наместничестве княгиня Ефросинья находилась в Ливонии. Сохранился легендарный рассказ Латухинской Степенной книги, как князь Андрей накануне своего побега из Юрьева приходил прощаться с женой (см.: *Устрялов Н.* Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. XV). Курбский не взял свою жену с собой, очевидно, по причине ее беременности, о чем нам известно из сообщений ливонского хрониста Ф. Ниенштедта (см.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. 4. С. 36). По словам немца-опричника Г. Штадена, Курбский бежал в Литву к королю Сигизмунду-Августу, предварительно пристроив свою жену и детей (см.: *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника / Пер. И. И. Полосина. Л., 1925. С. 87). После бегства Курбского за рубеж княгиня Евфросинья вместе с малолетним сыном и свекровью были брошены Иваном Грозным в темницу, где они и скончались (см. наст. изд.). Имя княгини Евфросиньи Курбской было записано в кормовые книги ярославского Спасо-Преображенского монастыря, где по ней монахами два раза в год устраивался «корм» — 10 июня «на ея преставление» и 19 июня, очевидно на день рождения (см.: Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Дополнение. Кормовая книга. М., 1896. С. 25).

[24] *...учащаем бых ранами от варварских рук в различных битвах, сокрушено же ранами все тѣло мое имѣю.* — Показания Курбского о своих многочисленных ранениях во время различных боевых сражений подтверждаются историческими источниками. Одно из ранений Курбский получил в сражении под Тулой с войсками крымских татар в июне 1552 г., когда ему были нанесены тяжелые ранения в голову и другие части тела. Другое весьма серьезное ранение Курбский получил во время штурма Казани 2 октября 1552 г., когда он, сильно порубленный татарскими саблями, свалился в беспамятстве на землю вместе со своим боевым конем (см.: *ПСРЛ.* М., 1965. Т. 29. С. 203, а также наст. изд.). Еще одно известное ранение Курбского произошло под Невелем в 1562 г. во время сражения с поляками (см. наст. изд.). Возможно, Курбский получал ранения и в других военных сражениях.

[25] *...всѣм симъ мздовоздаатель, и не токмо сим, но и за чашу студеныя воды.* — Курбский имеет в виду слова из Евангелия (Мф. 10, 42) о том, что тот, кто совершит хотя бы малое дело — напоит кого-либо «чашей студеной воды», не останется без «мзды» (награды); поэтому и он надеется получить награду от Бога за свои «ратные дѣла». Данный евангельский сюжет о воздаянии Богом мзды даже за чашу студеной воды Курбский позднее использовал и в своей «Истории о великом князе Московском», где он, говоря о «новоизбиенных мучениках» Ивана Грозного замечал: «Едва ли Христосъ не воздастъ им и не украситъ венцы мученическими таковых, яже обѣщал и за чашу

студеные воды отдати мзду?» (см. наст. изд.). Употребленный Курбским в комментируемом пассаже термин «мздовоздаатель» восходит к апостольскому тексту, где сказано, что Христос верующим в него «и взыскующим его мздовоздатель бывает» (Евр. II, 6). Параллели к слову «мздовоздаатель» находятся также и в Апокалипсисе Иоанна Богослова (см. Апок. 22, 12). Современник и учитель Курбского Максим Грек в своих сочинениях называл Христа «богатейшим мздовоздавцем» (см.: Сочинения Максима Грека. Казань, 1859. Ч. 2. С. 411). Тема евангельского сюжета о мздовоздаянии и о чаше студеной воды находит свое заметное отражение и в словах Иоанна Златоуста, в том числе в тех, которые были помещены в составе «Книги, глаголемой Райской», полученной Курбским от старца Псково-Печерского монастыря Вассиана Муромцева по прибытии своем в Юрьев Ливонский на наместническую службу в 1563 г. (см.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 25). Таким образом, Курбский мог усвоить данную тему о «мздовоздателе» Христе и о «чаше студеной воды» из самых разных источников, в том числе и из библейских, что в целом характерно для его литературной манеры. Американский ученый Э. Кинан обнаружил интересные текстологические параллели между Посланием Курбского и «Плачем» каменец-подольского монаха Исайи в указанном выше пассаже. Исходя из несомненного сходства этих текстов, Э. Кинан заключил, что Послание Курбского имело своим источником текст «Плача» Исайи, написанного в 1566 г., и это обстоятельство делает датировку Послания Курбского 1564 г. невозможной (См.: *Keenan E. L.* Kurbskii—Groznyi Apocrypha. P. 22—26, 197, n. 16). Вопреки мнению некоторых авторов, текст Курбского в комментируемом пассаже более последователен и понятен, чем в «Плаче» Исайи. Курбский надеется получить мзду за свои ратные дела. Заточенный в Ростовскую тюрьму каменец-подольский монах также надеется получить мзду, но контекст у него совершенно другой. Исайя пишет в своем «Плаче»: «Чаю смерть, безсмертие помышляю. Узрю ли спекулаторский меч, небо вменяю, и всим сим мздовоздател Христос, истинный Бог наш, и не токмо сим, но и за чашу студеной воды: воспомяни убо всех, благоугодивших Богу, коим образом улучиша спасение...» (см.: *Абрамович Д. И.* К литературной деятельности мниха камянчанина Исайи. С. 7). Смысл текста у Исайи, несомненно, есть, но он не такой ясный и понятный, как у Курбского. Одним из вероятных пониманий данного текста является то, что заключенный в тюрьме Исайя в предсмертном ожидании помышляет о бессмертии и склонен считать грядущий меч палача равноценным залогом получения спасения на небе. Итак, контекст вышеуказанного пассажа в «Плаче» Исайи совершенно иной и не такой ясный, как у Курбского в Послании, и поэтому очевидно, что данный текст Исайи не мог быть литературным источником для Курбского. Литературных источников у Курбского было достаточно и без «Плача» Исайи.

[26] *...до дни Страшнаго суда...* — Страшный суд — по христианскому вероучению, суд над живыми и мертвыми людьми, который произойдет после конца света во время Второго пришествия Сына Божьего Иисуса Христа. После этого суда праведники получат вечную жизнь на

небесах, а грешники будут осуждены на вечные муки в аду (см.: Мф. 25, 31—46; Ин. 5, 28—29).

[27] *...князя Федора Ростиславича...* — Имеется в виду предок князя А. М. Курбского смоленский князь Федор Ростиславич, получивший в приданое Ярославское княжество в 1294 г. В 1463 г. этот князь был канонизирован ярославскими князьями и церковью как святой. Впоследствии, когда Ярославское княжество вошло в состав Русского централизованного государства, князь Федор Ростиславич стал общерусским святым.

[28] *...погибших и избиенных от тебе неповинно и заточенных и прогнанных без правды.* — Речь вновь идет о начавшихся после падения «Избранной рады» беззаконных опалах и казнях Ивана Грозного, не опирающихся на судебное разбирательство, основанное на «правде», т. е. законе.

[29] *...разсѣченыя тобою у престола предстоят Владычня, отомщения на тя просят... Богу вопиют на тя день и нощь!* — Курбский использует здесь библейские тексты, намекая царю Ивану IV на суровое Божье возмездие, которое неминуемо ждет мучителей за пролитую кровь и чинимые беззакония (ср. Лк. 18, 6—8; Вт. 32, 43; Апок. 6, 9; Пс. 9, 13; 17, 48; 37, 20; 57, 11; 78, 10 и др.; см. об этом: *Рыков Ю. Д.* К вопросу об источниках ... С. 239). В рукописи над строкой над словом «Владычня» написано «Господня».

[30] *...попирающи аггелский образ...* — «Ангельским образом» в России с давних времен аллегорически именовалось монашество. Курбский здесь имеет в виду, по всей вероятности, насильственное пострижение в монахи по приказу Ивана IV таких лиц, как боярин князь Д. И. Курлятев, члены его семьи и стрелецкий голова Т. И. Тетерин; насильственное пострижение в монахи противоречило принципу добровольного принятия иноческого чина (см. наст. изд. и коммент. к нему).

[31] *...детми своими паче же Кроновых жерцов дѣйствуют.* — Кронос — согласно греческой мифологии, кровожадный титан, пожиравший своих детей. Был отцом верховного олимпийского божества Зевса. «Кроновы жерцы» — это служители Кроноса. В комментируемом пассаже речь, очевидно, идет о новых царских приближенных, которые с помощью своих детей губят тело и душу царя. Одним из таких «губителей» являлся, очевидно, влиятельный боярин А. Д. Басманов, сын которого Федор состоял в противоестественных любовных связях с царем, благодаря чему Федор обладал возможностью подводить «всех под гнев тирана» (см.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга / Пер. А. И. Малеина. Л., 1934. С. 17; ср. Гваньини Александр. Описание Московии / Пер. с лат., вводная статья и коммент. Г. Г. Козловой. М., 1997. С. 97; *Штаден Генрих.* О Москве Ивана Грозного. С. 96). Одной из жертв любимого царем Ф. А. Басманова стал молодой воевода князь Д. Ф. Овчинин, происходивший из знатного боярского рода князей Оболенских. Этот князь был задушен псарями Ивана IV за то, что он «среди ссор и брани с Федором,

сыном Басмана ... попрекнул его нечестным деянием» (Новое известие о России времени Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга. С. 17; ср.: *Гваньини Александр.* Описание Московии. С. 97).

[32] *Писано во граде Волмѣре...* — Вольмер, или Вольмар (ныне Валмиера в Латвии) — город в Ливонии, который вместе с территорией Ливонии в 1561 г. перешел под власть Польши. В Вольмере Курбский находился начиная с первых чисел мая 1564 г., после своего побега из Юрьева ночью 30 апреля 1564 г.

[33] *...государя моего Августа Жигимонта короля, от негоже надѣюся много пожалован быти... милостию его государъскою...* — Август Жигимонт — польский король Сигизмунд II Август (1520—1571), с 1548 г. являвшийся также и великим князем Литовским. Активно участвовал в борьбе за Прибалтику в ходе Ливонской войны, добился перехода Ливонии под протекторат Польши и Литвы. Сыграл важную роль в заключении Люблинской унии 1569 г., приведшей к образованию единого Польско-Литовского государства — Речи Посполитой. Был последним представителем правившей в Польше династии Ягеллонов. «Надежда» Курбского на богатое пожалование его королем Сигизмундом II Августом «милостию его государъскою» была отнюдь не беспочвенной. Как установлено исследователями, Курбский еще до побега вступил в тайную переписку с витебским воеводой князем Н. Ю. Радзивиллом и подканцлером Е. Воловичем. После получения согласия Курбского перейти на службу к королю Сигизмунду II Августу литовский гетман князь Н. Ю. Радзивилл прислал Курбскому грамоту с обещаниями приличного содержания его в Литве, вслед за этим была отправлена Курбскому и королевская грамота с обещанием пожалования ему земель (см. подробнее: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 183—185). Уже 4 июля 1564 г. король Сигизмунд II Август выполнил свое обещание и щедро пожаловал Курбскому на содержание город Ковель с богатыми ковельскими землями на Волыни, а также обширные поместья в Литве взамен утраченных им на родине ярославских земель. Позднее, 25 февраля 1567 г., Ковель и ковельские земли были утверждены за Курбским и его мужским потомством на ленном праве навечно в награду за доблестную службу Курбского в рядах польской армии, воевавшей с войсками Ивана IV (см.: *Устрялов Н.* Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. XVI—XVII). Так сбылась «надежда» Курбского на богатое пожалование его новым своим «государем».

[34] Стр. 18. *И слышах от священных писаний, хотяща от диавола пущена быти... богоборнаго Антихриста...* — Антихрист в буквальном переводе с греческого означает противник Христа. По библейским сказаниям, Антихрист должен явиться непосредственно перед Вторым пришествием Христа и Страшным судом; он будет бороться с истинным Христом и уничтожать христиан, но затем погибнет страшной смертью от Бога. С особенной полнотой появление чувственного Антихриста описано в Апокалипсисе апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

[35] *...видѣх же ныне синглита, всѣм вѣдома... аки соглаголник дѣлом Антихристу...* — Упоминая в данном пассаже некоего «синглита», то

есть царского боярина, или советника, который подобно Антихристу рожден «от преблужения» и который через свои нашептывания ложного характера в царские уши пролил много христианской крови и погубил «силных во Израили», Курбский, очевидно, вновь напоминает царю, что приход Антихриста и Страшный суд уже близки. Согласно библейским представлениям, в «последние времена» явится много антихристов, то есть людей, отрицающих истинного Бога, которые подобны самому Антихристу (см. 1 Ин. 2, 18). «Синглит», названный Курбским в данном пассаже, — это один из предшественников библейского Антихриста, который по своим делам подобен ему. Курбский не называет конкретного имимени этого «синглита», так как он «всѣм вѣдом» в России. В свое время Н. Г. Устрялов предположил, что под анонимным «синглитом», кажется, имеется в виду «царский любимец того времени» Ф. А. Басманов, который «славился мужеством полководца, но был ненавистен народу как злейший опричник» (*Устрялов Н.* Сказания князя Курбского. С. 340). Более правдоподобно мнение Р. Г. Скрынникова, согласно которому под незаконнорожденным вельможей подразумевается известный боярин А. Д. Басманов, один из инициаторов и руководителей будущей царской опричнины (см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 178). В пользу мнения Р. Г. Скрынникова можно дополнительно заметить, что сам Курбский позднее в своей «Истории» писал про боярина А. Д. Басманова, что тот был «преславным похлѣбником» или «маньяком» и «губителем» царя и всей «Святорусской земли». По словам Курбского, боярин А. Д. Басманов был зарезан впоследствии своим сыном Федором, и в этой связи Курбский с сарказмом подчеркивает: «Что братиям готовал, то вскоре и самъ вкусил!» (см. наст. изд.). Думается, что эти слова Курбского хорошо увязываются с той характеристикой «синглита», губящего «силных во Израили», которая дана в комментируемом пассаже, и подтверждают вероятность предположения Р. Г. Скрынникова.

[36] *...не пригоже таким потакати...* — В списке Рукописного отдела библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, № 461/929 этот пассаж читается как «не пригоже таких почитати». В других списках второго вида первой группы Послания Курбского первой редакции, куда входят списки *ОИДР,* № 197 и Рукописного отдела Библиотеки *МГАМИД,* № 461/929, содержится чтение «не пригоже таким почитати». Особое чтение дает лишь список из собрания А. И. Хлудова, № 246, где этот пассаж выглядит так: «не пригоже у тебе быти таковым потаковщиком», но это чтение, вероятно, правлено по какому-нибудь списку Послания второй группы типа списка собрания Рукописного отдела Библиотеки *МГАМИД,* № 352/801 (см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 355. Л. 8 об., разночт. п-п). В публикуемом списке из-за обрыва бумаги сохранилось лишь «не п...такати». Последнее чтение можно предположительно восстановить по смыслу как «не пригоже таким потакати», а это чтение характерно для текста списков Послания Курбского второй редакции (см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 11).

[37] *В законе Господни первом писано: «Моавитин, и аманитин, и выблядок до десяти родов во церковь Божию не входит»...* — Ср. Вт. 23,

1—3. «Моавитин» и «аммонитин» — это жители Моава и Аммона, древнейших государств Ближнего Востока II—I тысячелетий до н. э., расположенных в районе Мертвого моря. Родоначальником моавитян и государства Моав был сын библейского Лота Моав, родившийся от кровосмесительной связи Лота со своей старшей дочерью. Родоначальником аммонитян и государства Аммон был другой сын библейского Лота Бен-Амми, родившийся от кровосмесительной связи Лота со своей младшей дочерью. Комментируемый пассаж был вставлен в текст Послания Курбского, очевидно, с целью подкрепить справедливость высказывания князя Андрея о том, что «не пригоже» Ивану IV «потакать» делам незаконорожденного вельможи, каковым он мог считать «синглита» А. Д. Басманова (см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 178, а также коммент. выше). Американский ученый Э. Кинан отметил, что текст вышеприведенного пассажа Послания Курбского имеет «поразительное сходство» с Посланием князя С. И. Шаховского к царю Михаилу Федоровичу, написанным в связи с предполагавшимся замужеством его дочери царевны Ирины (см.: Kritika. Cambridge, Mass., 1973. Vol. 10. № 1. P. 21). По известному мнению Э. Кинана, князь С. И. Шаховской — это наиболее вероятный автор Первого послания Курбского царю Ивану Грозному (см.: *Keenan E. L.* 1) Kurbskii—Groznyi Apocrypha. P. 31—45, 73—76; 2) Kritika. Cambridge, Mass., 1973. Vol. 10. № 1. P. 21). Публикуемый список Послания Курбского, датируемый концом XVI в., полностью снимает проблему предполагаемого Э. Кинаном авторства князя С. И. Шаховского своей древностью, ибо в конце XVI в. князь Семен был слишком мал, чтобы быть писателем.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ КУРБСКОГО

Царю, Богом препрославленному и более того — среди православных пресветлым явившемуся, ныне же — за грехи наши — ставшему супротивным (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных. И более <сказанного> говорить об этом всё по порядку запретил я языку моему, но из-за притеснений тягчайших от власти твоей и от великого горя сердечного дерзну сказать тебе, <хотя бы> немногое.

Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах Божьих пролил, и кровью мученическою обагрил церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, оболгав православных в изменах и чародействе и в ином непотребстве и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким, а горькое сладким? В чем же провинились

перед тобой и чем прогневали тебя заступники христианские? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, у которых прежде в рабстве были предки наши? Не отданы ли тебе Богом крепчайшие крепости немецкие благодаря мудрости их? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не предстоит тебе предстать пред неподкупным судией и надеждой христианской, богоначальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не минует гордых притеснителей и взыщет за все и мельчайшие прегрешения их, как вещают <божественные> слова? Это он, Христос мой, восседающий на престоле херувимском одесную величайшего из высших, — судия между тобой и мной.

Какого только зла и каких гонений от тебя не претерпел! И каких бед и напастей на меня не обрушил! И каких грехов и измен не возвел на меня! А всех причиненных тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их и горем еще объята душа моя. Но под конец обо всем вместе скажу: всего лишен был и из земли Божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злом за добро мое и за любовь мою непримиримой ненавистью. Кровь моя, словно вода, пролитая за тебя, вопиет против тебя перед Богом моим. Бог читает в сердцах: я в уме своем постоянно размышлял, и совесть свою брал в свидетели, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и не понял, и не нашел — в чем же я перед тобой виноват и согрешил. Полки твои водил и выступал с ними и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела Господня одерживал для твоей славы и никогда полков твоих не обратил спиной к чужим полкам, а, напротив, преславно одолевал на похвалу тебе. И все это не один год и не два, а в течение многих лет неустанно и терпеливо трудился в поте лица своего, так что мало мог видеть родителей своих, и с женой своей не бывал, и вдали от отечества своего находился, в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук, которым Господь мой Иисус Христос свидетель; особенно много ран получил от варваров в различных битвах, и все тело мое покрыто ранами. Но тебе, царь, до всего этого и дела нет.

Хотел перечислить по порядку все ратные подвиги мои, которые совершил я во славу твою, но потому не называю <их>, что Бог их <еще> лучше ведает. Он ведь за все это воздаст, и не только за это, но и за чашу воды студеной. И еще, царь, говорю тебе при этом: уже не увидишь лица моего до дня Страшного суда. И не надейся, что буду я молчать обо всем: до последнего дня жизни моей буду беспрестанно со слезами обличать тебя перед безначальной Троицей, в которую я верую, и призываю на помощь херувимского Владыки Мать — надежду мою и заступницу, Владычицу Богородицу, и всех святых, избранников Божьих, и государя моего князя Федора Ростиславича.

Не думай, царь, и не помышляй в заблуждении своем, что мы уже погибли и истреблены тобою без вины и заточены и изгнаны несправедливо. Не радуйся этому, словно похваляясь этим: казненные тобой у престола Господня стоят, взывают об отомщении тебе, заточенные же и несправедливо изгнанные тобой из страны взывают день и ночь к Богу, обличая тебя. Хотя и похваляешься ты постоянно в гордыне своей в этой временной и скоропреходящей жизни, измышляешь на людей христианских мучительнейшие казни, к тому же надругаясь над ангельским образом и попирая его, вместе со вторящими тебе льстецами и товарищами твоих пиров бесовских, единомышленниками твоими боярами, губящими душу твою и тело, которые детьми своими жертвуют, превзойдя в этом жрецов Крона. И обо всем этом здесь кончаю.

А письмо это, слезами омоченное, во гроб с собою прикажу положить, перед тем как идти с тобой на суд Бога моего Иисуса. Аминь.

Писано в городе Волмере, <владении> государя моего короля Сигизмунда Августа, от которого надеюсь быть пожалован и утешен во всех печалях моих милостью его государевой, а особенно помощью Божьей.

Знаю я из Священного Писания, что будет дьяволом послан на род христианский губитель, в блуде зачатый богоборец Антихрист, и ныне вижу советника <твоего> всем известного, от прелюбодеяния рожденного, который сегодня шепчет в уши царские ложь и проливает кровь христианскую, словно воду, и погубил уже <стольких> сильных в Израиле, по делам своим <он подобен> Антихристу: не пристало тебе, царь, таким потакать! В законе Божьем в первом написано: «Моавитянин и аммонитянин и незаконнорожденный до десятого колена в церковь Божью не входит» и прочая.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому

Подготовка текста Е. И. Ванеевой и Я. С. Лурье, перевод Я. С. Лурье и О. В. Творогова, комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Первое послание Андрею Курбскому — самое крупное из публицистических произведений Ивана IV; оно является несомненно и одним из важнейших памятников древнерусской публицистики в целом. Послание, датированное 5 июля 1564 г., написано в ответ на Первое послание Курбского. Быстрота, с которой было написано это обширное послание (пять-шесть недель), делает весьма вероятным предположение о том, что оно составлялось не одним лицом, а дьяками царской канцелярии (как и дипломатические послания). Однако ключевые места послания (воспоминания детства Грозного, полемические выпады против оппонента) несомненно принадлежали самому царю: «грубиянский» стиль послания и даже отдельные его обороты (сравнение противника с собакой) напоминают более поздние сочинения царя — например, послания шведскому королю Юхану III.

Как и Первое послание Курбского, послание царя, очевидно, предназначалось главным образом не его формальному адресату, а более широким кругам читателей. Первое послание Ивана Грозного заключает в себе и прямые свидетельства об этом: в его ранних редакциях оно озаглавлено как послание царя «во все его великия Росии государство (в других списках: Российское царство) на крестопреступников его, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене»; один из наиболее ранних списков послания содержит еще особое указание: «Послание царево во все городы на крестопреступников его...»

Главным предметом полемики между царем и Курбским был вопрос о том, кто из них верен политике начала царствования Ивана Грозного (политике Стоглавого собора 1551 г. и реформ 50-х гг.). Оба они были согласны в том, что Иван IV в начале царствования был «пресветлым в православии», но Курбский утверждал, что, расправившись с прежними советниками («Избранной радой»), царь стал «супротивным» прежней политике. В ответном послании, которое в 20 раз обширнее послания Курбского, царь, обвиняя Курбского в измене, вновь и вновь доказывал свою верность «пресветлому православию» начала своего правления. Главными врагами государства он объявлял «изменных бояр» (ставя при этом в вину Курбскому «боярское правление» в годы своего детства, хотя Курбский был ровесником царя). Это указание на «бояр» как главных противников самодержавия оказало большое влияние на историографию последующего времени. Царь уверял, что главной целью его существования является благо поданных: «...за них желаем противо всех враг их не токмо до крови, но и до смерти пострадати». По его словам, все репрессии против прежних советников уже позади, «ныне же убо все», в том числе и единомышленники Курбского, могут наслаждаться «всяким благом и свободой» и не опасаться наказаний за «прежнюю злобу». Все это писалось летом 1564 г. — за полгода до учреждения опричнины.

Первое послание Грозного Курбскому не дошло до нас в списках XVI в.; наиболее ранние его списки относятся к первой трети XVII в. Причиной этого наряду с общей бедностью светской рукописной традиции XVI в. является и то, что послание, в котором объявлялась «свобода» и прекращение «гонений» и с сочувствием упоминались лица,

впоследствии погибшие в опричнине, стало неуместным с точки зрения его царственного автора.

Первое послание Курбского дошло до нас в трех редакциях — 1-й Пространной, Краткой и 2-й Пространной. Первоначальной является несомненно 1-я Пространная редакция, и наиболее первичный ее текст читается в списках, где послание царя еще не было, как это случилось впоследствии («Печерские сборники», «Сборники Курбского» конца XVII века), объединено в одних сборниках с посланием Курбского. Текст публикуется по списку *РНБ,* собр. Погодина, № 1311, использованному в качестве основного списка в издании «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». В настоящем издании текст основного списка в ряде случаев заново исправлен по лучшим чтениям рукописей *ФИРИ,* ф. 11, № 41 и *РНБ,* собр. Титова, охр. № 1121; новая сверка текста с рукописью проведена Е. И. Ванеевой.

ОРИГИНАЛ

БЛАГОЧЕСТИВАГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ ПОСЛАНИЕ ВО ВСЕ ЕГО ВЕЛИКИЯ РОСИИ ГОСУДАРСТВО НА КРЕСТОПРЕСТУПНИКОВЪ, КНЯЗЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА КУРБСКОГО С ТОВАРЫЩИ, О ИХЪ ИЗМѢНЕ

Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый и нынѣ есть, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, ниже начала имѣетъ, ниже конца, о немже живемъ и движемся, имже царие величаются и силнии пишут правду, иже дана бысть единороднаго слова Божия Исусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, побѣдоносная хоруговь — крестъ честный, и николи же побѣдима есть, первому во благочестии царю Констянтину[1] и всѣмъ православнымъ царемъ и содержителемъ православия. Понеже смотрения Божия слова всюду исполняшеся, и божественнымъ слугамъ Божия слова всю вселенную, яко же орли летаниемъ, обтекше, даже искра благочестия доиде и до Росийскаго царствия. Сего убо православия *истиннаго* Росийскаго царствия самодержавство Божиимъ изволениемъ *почень* от великого князя Владимира, просвѣтившаго Рускую землю святымъ крещениемъ, и великого князя Владимира Мономаха, иже от грекъ высокодостойнѣйшую честь приимшу,[2] и храбраго великого государя Александра Невского, иже над безбожными нѣмцы велию побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго великого государя Димитрия,[3] иже за Дономъ над безбожными агаряны велию победу показавшаго, даже и до мстителя *неправдамъ,* дѣда нашего, великого государя Иоанна, и закоснѣннымъ прародителствия землямъ обрѣтателя, блаженыя памяти отца нашего великого государя Василия, даже доиде и до насъ, смиренныхъ, скипетромдержания Росийского царствия. Мы же хвалимъ Бога за премногую его милость, произшедшую на насъ, еже не попусти доселе десницъ нашихъ единоплеменною кровию обагритися, понеже не восхотѣхомъ ни под кимъ же царства, но Божиимъ изволениемъ и прародителей своих и родителей

благословениемъ, яко же родихомся в царствии, тако и воспитахомся и возрастохомъ и воцарихомся Божиимъ велѣниемъ, и прародителей своих и родителей благословениемъ свое взяхомъ, а чюжаго не восхотѣхомъ. Сего православнаго истиннаго християнского самодержавства, многими владычествы владѣющаго, повелѣния, нашъ же християнский смиренный отвѣтъ бывшему прежде православнаго истинного християнства и нашего самодержания боярину и совѣтнику и воеводе, нынѣ же крестопреступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю хрестиянскому, и ко врагомъ християнскимъ слагателю, отступшему божественнаго *иконнаго* поклонения и поправшему вся священная повелѣния, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священныя сосуды *и образы,* яко же Исавръ, Гноетезный, Арменинъ,[4] и симъ всимъ соединителю, — князю Андрею Михайловичю *Курбскому,* восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти ярославскому владыце,[5] вѣдомо да есть.

Почто, о княже, аще *мнишися* благочестие имѣти, единородную свою душу отверглъ еси? Что же *даси* на ней измѣну в день Страшнаго суда? Аще и весь миръ приобрящеши, послѣди смерть всяко восхититъ *тя;* чесо ради на тѣле душу предалъ еси, аще убоялся еси смерти, по своихъ бесоизвыкшихъ друзей и назирателей ложному ихъ слову? И всюду, яко же бѣси на весь миръ, тако же и ваши изволившия быти друзи и служебники,[6] насъ же отвергшеся, преступивше крестное целование, бесовъ подражающе, *на насъ многоразличными виды всюду сѣти поляцающе* и бѣсовскимъ обычаемъ насъ всячески назирающе, блюдуще глаголания и хождения, мняще насъ аки безплотныхъ быти,[7] и от сего многая сшивающе на насъ поношения и укоризны, и во весь миръ позорующихъ и к вамъ приносяще. Вы же имъ воздарие многое за сие злодѣйство даровали есте нашею же землею и казною, называючи ихъ ложно слугами; и ото *сихъ* бесовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, яко же ехидна смертоносна, возъярився на мя и душу свою погубивъ, и на церковное разорение стали есте. Не мни праведно быти: возъярився на человѣка и Богу приразитися; ино бо человѣческо есть, аще перфиру носитъ, ино же Божествено есть. Или мниши, окаянне, како уберечися того? Никако же! Аще ти с ними воеватися, тогда ти и церкви разоряти, и иконы попирати и крестияны погубляти; аще и руками гдѣ не дерзнеши, но мыслию яда своего смертоноснаго много сия злобы сотвориши.

Помысли же, како браннымъ пришествиемъ мяхкая младенческая удеса конскими ногами стираема и разтерзаема! Егда убо зимѣ належащи, сия наипаче злоба совершается. И сие убо твое злобесное измѣнное собацкое умышление како не уподобится Иродовому злому неистовству, еже во младенцехъ убийство показа? Сие ли убо мниши быти благочестие, еже сицевая творити злая? Аще ли же насъ глаголеши воюющихъ на кристьянъ, еже на германы и литаоны[8] — ино нѣсть сие, нѣсть. Аще бы и кристияне были в тѣхъ странахъ, и мы *воюемъ* по прародителей своихъ обычаю, яко же и прежде сего многажды

случилося; нынѣ же вѣмы, в тѣхъ странахъ нѣсть християнъ,[9] развѣ малѣйшихъ служителей церковныхъ и сокровенныхъ рабъ Господнихъ. К сему убо и литовская брань учинилася вашею измѣною и недоброхотствомъ и нерадѣниемъ[10] безсовѣтнымъ.

Ты же тѣла ради душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущия нетлѣнную славу презрѣлъ еси, и на человѣка возъярився, на Бога возсталъ еси. Разумѣй же, бѣдникъ, от каковыя высоты и в какову пропасть душею и тѣломъ сшелъ еси! Збысться на тебѣ реченное: «Иже имѣя мнится, взято будетъ от него».[11] Се твое благочестие, еже самолюбия ради погубилъ ся еси, а не Бога ради? Могутъ же разумѣти и тамо сущии и разумъ имуще твой злобный ядъ, яко славы ради сея маловременныя жизни скоротекущаго вѣку и богатства ради сие сотворилъ еси, а не от смерти бѣгая. Аще праведенъ и благочестивъ еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти,[12] еже нѣсть смерть, но приобрѣтение? Последи же всяко умрети же. Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отречения смертнаго, по твоихъ друзѣй, сотонинскихъ слугъ, злодѣйственному солганию, се убо явно есть ваше измѣнное умышление от начала и до нынѣ. Почто же апостола Павла презрѣлъ еси, якоже рече: «Всяка душа владыкамъ превладѣющимъ да повинуется; никоя же бо владычества, яже не от Бога, учиненна суть: тѣмъ же противляяйся власти Божию повелѣнию противится».[13] Смотри же сего и разумѣй, яко противляяйся власти Богу противится; аще убо кто Богу противится, — сей отступник именуется, еже убо горчайшее согрѣшение. Сие же убо реченно бысть о всякой власти, еже убо кровми и бранми приемлюще власти. Разумѣй же реченное, яко не восхищениемъ прияхомъ царство; тѣмъ же наипаче противляяйся власти Богу противится. Тако же и апостолъ Павелъ рече, ты же и сия словеса презрѣлъ еси: «Раби, послушайте господий своихъ, не перед очима точию работающе, яко человѣкомъ угодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совесть».[14] Се бо есть воля Господня, еже благое творяще пострадати.[15] И аще праведенъ еси и благочестивъ, про что не изволилъ еси от мене, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити?

Но ради привременныя славы, и самолюбия, и сладости мира сего все *свое* благочестие душевное со крестиянскою вѣрою и з закономъ попралъ еси, уподобился еси сѣмени, падающему на камени и возрастшему;[16] возсиявшу же солнцу со зноемъ, абие словесе ради ложнаго соблазнился еси, и *отпалъ* еси и плода не сотворилъ еси; и по ложныхъ словесѣхъ убо, подобно на пути падающему сѣмени, сотворилъ еси, еже убо всѣявше слово к Богу вѣру истинну и к намъ прямую службу — сие убо врагъ все из сердца твоего изхитилъ есть и сотворилъ в своей воли ходити. Тѣмъ же и вся Божественная Писания исповѣдуютъ, яко не повелѣваютъ чадомъ отцемъ противитися, а рабомъ господиямъ кромѣ вѣры. Аще убо сие от отца твоего, диявола, *восприимъ,* много ложными словесы своеми сплетаеши, яко вѣры ради избѣжалъ еси — и сего ради живъ Господь Богъ мой, и жива душа моя,

[17] — яко не токмо *ты,* но и всѣ твои согласники, бѣсовские служители, не могутъ в насъ сего обрести. Паче же уповаемъ, Божия слова воплощениемъ и пречистыя его матери, заступницы христианския милостию и всѣхъ святыхъ молитвами, не токмо тебѣ сему *отвѣтъ* дати, но и противу поправшихъ святыя иконы, и всю християнскую божественную тайну отвергшимъ, и Бога отступльшимъ (к нимъ же ты любителнѣ совокупился еси), словесъ сихъ нечестие *изобличити* и благочестие явити и воспроповѣдати, яко же благодать возсия.

Како же не устрамишися раба своего Васки Шибанова?[18] Еже убо онъ свое благочестие соблюде, пред царемъ и пред всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и крестнаго ради целования тебе не отвержеся и похваляяся всячески, умрети за тебе тщашеся. Ты же убо сего благочестию не поревновалъ еси: единаго ради малаго слова гнѣвна не токмо свою едину душу, но и своихъ прародителей души погубилъ еси, понеже Божиимъ изволениемъ дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ в работу, и они, давъ свои души, и до своей смерти служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служити дѣда нашего дѣтямъ и внучатомъ. И ты то все забылъ еси, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступивъ крестное целование, ко врагомъ християнскимъ соединился еси; и к тому, своея злобы не разсмотря, сицевыми скудоумными глаголы, яко на небо камениемъ меща, нелѣпая глаголеши, и раба своего благочестия не стыдишися, и подобная тому сотворити своему владыце отвергся еси.

Писание же твое прията бысть и уразумлено внятелно. Понеже бо еси положилъ ядъ аспиденъ под устнами своими, наполнено убо меда и сота по твоему разуму, горчайши *же пелыни* обрѣтающеся; пророку глаголющему: «Умякнуша словеса ихъ паче елея, и та суть стрѣлы».[19] Тако ли убо навыклъ еси, кристиянинъ будучи, кристиянскому государю подобно служити? И тако ли убо честь подобна *воздаяти* от Бога данному владыце, якоже ты *бѣсовскимъ обычеемъ* ядъ отрыгаеши? Начало убо твоего писания, еже убо разумевая написалъ еси, навацкое *помышляя,* еже убо не о покаянии, но выше человѣческаго естества мниши человѣкомъ быти, *якоже и Наватъ.* А еже убо насъ «во православие и во пресвѣтлыхъ явившася» написалъ еси, и сие убо тако и есть: яко же тогда, тако и нынѣ вѣруемъ, *вѣрою истинною,* Богу живу *и истинну.* А еже убо «супротивнымъ, разумѣваяй совесть прокаженну имуще»,[20] се убо навацкое помышляеши, и не разсуждаеши еуаггельского слова. (…)

Ино се ли «совесть прокаженна», яко *свое* царство в своей руцѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? И се ли «сопротивенъ разумъ», еже не хотѣти быти работными своими владѣнну? Се ли «православия пресвѣтлое», еже рабы обладаему и повелеваему быти?

Сие убо о внѣшнихъ; о душевныхъ же и о церковныхъ аще и есть мало нѣкое согрешение, но и сие от вашего же соблазна и измѣны, паче же убо и человѣкъ есми: нѣсть бо человѣка без греха, токмо Богъ единъ; а не яко же ты, *еже* мнишися быти выше человѣка, со аггелы равенъ. А о безбожныхъ языцехъ, что *и глаголати!* Понеже тѣ всѣ царствии своими не владѣютъ: какъ имъ повелятъ работные ихъ, тако и владѣютъ. А Российское самодержавство изначала сами владѣютъ своими государствы, а не боляре и велможи! И того в своей злобе не моглъ еси разсудити, нарицая благочестие, еже подо властию нарицамаго попа[21] и вашего злочестия повелѣния самодержавству быти. А се по твоему разуму «нечестие», еже от Бога данные намъ власти самѣмъ владѣти и не восхотѣхомъ подо властию быти попа и вашего злодѣяния? Се ли разумѣваемая «супротивъ», яко вашему злобесному умышлению тогда Божиею милостию и пречистые Богородицы заступлениемъ и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей своихъ благословениемъ погубити себя не далъ есми? А какова злая от васъ тогда пострадахъ, сие убо пространнѣйши напреди словомъ известитъ.

Аще ли же о семъ помышляеши, яко церковное предстояние не тако и играмъ бытие,[22] се убо вашего же ради лукаваго умышления бысть, понеже мя исторгосте от духовнаго покойнаго жития и бремя фарисейскимъ обычаемъ бѣдне носима на мя наложисте, сами же ни единымъ перстомъ не прикоснутеся; и сего ради церковное предстояние не твердо, ово убо ради царскихъ правлений, еже вами разрушенно, ово же вашихъ злолукавыхъ умышлений бѣгая. Играмъ же — сходя немощи человѣчестей, понеже многъ народъ в слѣдъ своего пагубнаго умышления отторгосте, и того ради — яко же мати дѣтей пущаетъ глумления ради младенства, и егда же совершени будутъ, тогда сия отвергнутъ или убо от родителей разумомъ на уншее возведутся, или яко же Израилю Богъ попусти, аще и жертвы приносити, токмо Богови, а не бесомъ, — того ради и азъ сие сотворихъ, сходя к немощи ихъ, точию дабы насъ, своихъ государей, познали, *а не васъ, изменников. И чимъ у васъ извыкли прохлажатися?*

И се ли «супротивно явися», еже вамъ погубити себя не далъ есми? А ты о чемъ сопротивно разумѣ души своей и крестное целование ни во что же вмѣнилъ еси, ложнаго ради страха смертнаго? Самъ *убо* сего не твориши, намъ же сие совѣтуеши! И сие убо навацкое и фарисейское мудрствуеши: наватское убо, еже выше естества человѣческаго велиши человѣкомъ быти, фарисейское же, еже самъ не творя, инымъ повелеваеши творити. Паче же сия поносы и укоризны, яко же исперва начали есте, тако и нынѣ не престаете, всяческимъ образомъ *дивияго зверя* разпыхаяся, измѣну свою совершаете: се ли ваша прямая и доброхотная служба, еже поношати и укаряти? Бесному подобляшеся *колеблетеся* и Божий судъ восхищающе и прежде Божия суда своимъ злолукавымъ самохотнымъ изложениемъ, яко же с своими началники, с

попомъ и Алексѣемъ,[23] изложили есте, собацки осуждающе. И сего ради Богу противни являющеся, како и святыхъ всѣхъ преподобныхъ, иже в постѣ и в подвизѣ просиявшихъ, милование, еже ко грѣшнымъ, отвергосте; много бо в нихъ обрящеши падшихъ и возставшихъ (восстание не бѣдно!) и страждущимъ руку помощи подавше, и от рва согрешения миловательнѣ возведшихъ, по апостолу, «яко братию, я не яко враговъ имуще»,[24] — еже ты отверглъ еси! И якова *они* бо от бесовъ *пострадаша,* таковая азъ же от васъ пострадахъ.

Что же, собака, и пишеши и болѣзнуешъ, совершивъ таковую злобу? Чему убо совѣтъ твой подобенъ, паче кала смердяй? Или мниши праведно быти, еже от единомысленниковъ твоихъ злобесныхъ учинено, еже иноческое одѣяние свергше и на крестьянъ воевати? Или се есть вамъ на отвѣщание, яко неволное пострижение? Ино нѣсть се, нѣсть. Како убо Лѣствичникъ[25] рече: «Видѣхъ неволею ко иночеству пришедшихъ, паче волныхъ исправившихся». Чесо убо сему слову не подражасте, аще благочестиви есте? Много же и не в Тимохину версту[26] обрящеши, тако же постриженыхъ, и не поправшихъ иноческаго образа, глаголю бо и до царей. Аще ли кои дерзнуша тако сотворити, ничимъ же себе ползоваша, но паче в горшая душевная и тѣлесныя погибели приидоша, яко же князь великий Рюрикъ Ростиславичъ Смоленский постриженъ от зятя своего Романа Галического. Смотри же благочестия княгини его: восхотѣвшу ему взяти ея из неволнаго пострижения, она же не восхотѣ мимотекущаго царствия, но паче желая нетлѣннаго, пострижеся и в схиму; онъ же убо, розстригшися, много крови християнския пролия и святыя церкви и монастыри пограби, и игуменовъ и поповъ и чернцовъ помучи, и до конца княжения удержати не возможе, но имя его без вести бысть. (…)

Како же сего не моглъ еси разсудити, яко подобаетъ властелемъ не звѣрски яритися, ниже безсловесно смирятися? *Якоже рече апостолъ:* «Овехъ убо милуйте разсуждающе, овехъ же страхомъ *спасайте,* от огня восхищающе».[27] Видиши ли, яко апостолъ страхомъ повелѣваетъ спасати? Тако же и во благочестивыхъ царѣхъ и *временехъ* много обрящеши злѣйшее мучение. Како убо, по твоему безумному разуму, единако быти царю, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татие мукамъ неповинни суть? Паче же и злѣйша сихъ лукавая умышления! То убо вся царствия нестроении и межоусобными бранми разтлятся. И тако ли убо пастырю подобаетъ еже не разсмотряти о неустроении о подовластныхъ своихъ? (…)

Сие ли убо «супротивно разуму», еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и в царѣхъ великого Константина: како царствия ради сына своего, *рожденнаго* от себе, убилъ есть.[28] И князь Феодоръ Ростиславичь,[29] прародитель вашъ, в Смоленсцѣ на Пасху колики крови пролиялъ есть. И во святыхъ причитаются. (…) Всегда бо царемъ

подобаетъ обозрителнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, ко злому же ярость и мучение, аще ли сего не имѣя, нѣсть царь. Царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ. Хощеши ли не боятися власти, то благое твори; аще ли зло твориши, бойся, не бо туне мечь носитъ — в месть убо злодѣемъ, в похвалу же добродѣемъ. Аще благъ еси и правъ, почто, имѣя в сигклите пламени паляща, не погасилъ еси, по паче разжеглъ еси? Гдѣ было ти совѣтомъ разума своего злодѣйственный совѣтъ[30] исторгнути, ты же убо болми плевела наполнилъ еси. И збысться на тебѣ пророческое слово: «Се всѣ вы огнь зжете, и ходите по совѣту в пламени огня вашего, егоже сами себѣ разжгосте».[31] Како ли убо ты не со Июдою предателемъ равно причтешися! Яко же убо онъ на общаго владыку всѣхъ богатства ради возбесися и на убиение предастъ со ученики убо водворяшеся, со июдеи же веселяшеся, такоже убо и ты, с нами же убо пребывая, и хлѣбъ нашъ ядяше, и намъ служити соглаголаше, на насъ же вся злая в сердцы собираше. Тако ли убо исправилъ еси крестное целование, еже хотѣти добра во всемъ безо всякия хитрости? И что убо твоего злаго умышления злѣе? Якоже рече *премудръ:* «Нѣсть главы, паче главы змиевы»,[32] паче же нѣсть злѣе злобы твоей. (...)

Или мниши сие свѣтлость благочестива, еже обладатися царству от попа невѣжи[33] и от злодѣйственныхъ *изменныхъ* человѣкъ и царю повелеваему быти? И сие ли «супротивно разуму и совесть прокаженна», еже невѣжу взустити и злодѣйственныхъ человѣкъ возразити, и от Бога данному царю воцаритися? Нигдѣ же бо обрящеши, еже не разоритися царству, еже от поповъ владому. Ты же почто ревнуеши — иже во грецехъ царствие погубиша и туркомъ повинующимся?[34] Сию убо погибель и намъ совѣтуеши? И сия убо погибель на твою главу паче да будет! (...)

Или убо сие свѣтъ, яко попу и прегордымъ лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо председаниемъ и царскою честию почтенну быти, властию же ничимъ же лучши *быти* раба? А се ли тма, яко царю *содержати* царство и владѣти, рабомъ же рабская содержати повеленная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строит? (...)

Речеши ли убо, яко едино слово обращая пишу? Понеже бо есть вина и главизна всѣмъ дѣломъ вашего злобеснаго умышления, понеже с попомъ положисте совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ государь, а вы б с попомъ дѣломъ. Сего ради вся сия случишася, понеже и донынѣ не престаете, умышляюще совѣты злыя. Воспомяни же, егда Богъ извождаше Израиля из работы, егда убо священника постави владѣти людми, или многихъ рядниковъ? Но единого Моисея, яко царя, постави владателя над ними; священствовати же ему не повелѣнно, Аарону, брату его, повелѣ священствовати,[35] людскаго же строения ничего не

творити; егда же Ааронъ сотвори людскии строи, тогда от Господа люди отведе. Смотри же сего, яко не подобаетъ священникомъ царская творити. (...)

Смотри же убо се и разумѣй, како управление составляется в разныхъ началехъ и властехъ, понеже убо тамо быша царие послушны епархомъ и синклитомъ, и в какову погибель приидоша. Сия ли убо и намъ совѣтуеши, еже к таковѣй погибели приити? И сие ли убо благочестие, еже не строити царства, и злодѣйственныхъ человѣкъ не взустити, и к разорению иноплеменныхъ подати? Илиречеши ми, яко святителская поучения тамо приимаху? Ей благо и прикладно! Но ино убо еже свою душу спасати, ино же многими душами и телесы пещися; ино убо есть постническое пребывание, ино же во общемъ житии сожитие, ино же святителская власть, ино царско правление. Постническое пребывание подобно агньцу, непротивну никому же, или яко птице, иже ни сѣявшу, ни жнущу, ни в житницу собирающу; во общемъ убо житии, аще и мира отрекшимся, но обаче строения и попечения имѣютъ, тако же и наказание, аще ли сего невнимателни будутъ, то общее житие разорится; святителская же власть требуетъ зѣлнаго запрещения языкомъ по благословнѣй же винѣ и ярости, славы и чести и украшения, и председания, еже инокомъ неприлично; царскому же правлению — страха, и запрещения, и обуздания, и конечнѣйшаго запрещения по безумию злѣйшихъ человѣкъ лукавыхъ. Се убо разумѣй разньство постничеству, и общежителству, и святителству, и царству. И аще убо царю се прилично, иже биющему в ланиту обратити другую? Се убо совершеннѣйшая заповѣдь. Како же управити, аще самъ без чести будетъ? Святителемъ же сие прилично. По сему разумѣй разньства святителству с царствомъ. Обрящеши же много и во *отрекшихся* мира наказания, аще и не смертию, но зѣло тяжкая наказания. Колми же паче въ царствие подобаетъ наказанию злодѣйственнымъ человѣкомъ быти!

Тако же убо и ваше хотѣние, еже вамъ на градѣхъ и на властехъ совладѣти, идѣже быти, не подобаетъ. И что от сего *случишася* в Руси, егда быша в коемждо граде градоначалницы и *местоблюстители**[36]*** и какова разорения быша, от сего самъ своима беззаконныма очима видалъ еси, от сего можеши разумѣти, что сие есть. (...)

Како же убо измѣнниковъ сихъ доброхотными наречеши? Якоже убо во Израили случися *с* Авимелехомъ оженимыя Гедеоновы, сирѣчь наложницы, лжею согласившеся, и лесть сокрывше, во единъ же день избиша семдесятъ сыновъ Гедеоновыхъ,[37] еже убо от законныхъ женъ ему, и воцариша Авемелеха, тако же убо и вы, собацкимъ своимъ измѣннымъ злымъ обычаемъ, похотѣсте в царствии царей достойныхъ истребити, да аще и не от наложницы, но от царствия разстоящеся колѣна и хотѣсте *воцарити.* И се ли убо доброхотны есте и души за мя

полагаете, еже, подобно Ироду, ссущаго млеко младенца моего смертию пагубною хотѣсте свѣта сего лишити, чюжаго же царя в царство ввести? Се ли за мя душу полагаете и доброхотствуете? И тако ли убо своимъ чадомъ хощете сотворити, егда убо въ яйца мѣсто подадите скорпию или в рыбы мѣсто камень?[38] Аще бо вы злы суще умѣете даяния благая даяти чадомъ вашимъ, и аще убо доброхотны и благи наречетеся, — почто убо такихъ благихъ даяний не приносите чадомъ нашимъ, якоже своимъ? Но понеже убо извыкосте от прародителей своихъ измѣну учинити: якоже дѣдъ твой, князь Михайло Карамышъ, со княземъ Андреемъ Углецкимъ[39] на дѣда нашего, великого государя Иванна, умышлял измѣнныи обычаи, тако же отецъ твой, князь Михайло, с великимъ княземъ Дмитриемъ внукомъ[40] на отца нашего, блаженныя памяти великого государя Василия, многия пагубы и смерти умышлялъ, тако же и матери твоей дѣды,[41] Василей да Иванъ Тучки, многая поносная и укоризненная словеса дѣду нашему, великому государю Ивану, износили; такожe и дѣдъ твой, Михайло Тучковъ, на преставление матери нашея, великие царицы Елены, *про нее* дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая *надменная* словеса изрече; и понеже еси порождение *изчадья ехиднова,* посему такой ядъ отрыгаеши. Се убо доволно указахъ ти, чесо убо ради по твоему злобесному разуму «супротивнымъ обретаяся разумевая», и «разумевая совесть прокаженну имуще», не мни, яже никакого от державы моея нѣсть. А отцу твоему, князю Михайлу, гонения было много, да и убожества, а измѣны такой не учинилъ, яко же ты, собака.

А еже писалъ еси,[42] про что есмя силныхъ во Израили побили, и воеводъ, от Бога данныхъ намъ на враги наша, различными смертми *расторгли* есмя, и побѣдоносную ихъ святую кровь в церквахъ Божиихъ пролияли есмя, и мученическими кровми праги церковные обагрили есмя, и на доброхотныхъ своихъ и души за насъ полагающихъ неслыханые муки, смерти и гонения умыслили есми, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными облыгая православныхъ, и то еси писалъ и глаголалъ лжею, яко же отецъ твой, диаволъ, научилъ тя есть, понеже рече Христосъ: «Вы отца вашего диявола есте и похоти *отца вашего* хощете творити, яко же онъ бѣ человѣкоубийца искони, и во истиннѣ не стоитъ, яко нѣсть истинны в немъ; и егда ложь *глаголетъ,* от своихъ глаголетъ: ложь бо есть и отецъ его».[43] А силныхъ есми во Израили не побили, и не вѣмъ, кто есть силнѣйший во Израили, понеже бо Русская земля правится Божиимъ милосердиемъ, и пречистые Богородицы милостию, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословениемъ, и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы, ниже *ипаты* и стратиги.[44] Ниже воеводъ своихъ различными смертми разторгли есмя, а з Божиею помощию имѣемъ у себе воеводъ множество и опричь васъ, измѣнниковъ. А жаловати есмя своихъ холопей волны, а и казнити волны же есми были.

Крови же в церквахъ Божиихъ никакие не проливали есмя. Побѣдоносные же святыя крови в своей землѣ в нынѣчнее время ничьея

явленно не вѣмы. Праги же церковныя, — елика наша сила и разумъ осязаетъ, яко же подовластные наши к намъ службу свою являютъ, сице украшенми всякими церкви Божия свѣтится, всякими благостинями; елика после вашея державы бесовския сотворихомъ, не токмо праги, и помостъ, и *предверия,* елика всѣмъ видима есть иноплеменнымъ украшения. Кровию же никакою праги церковныя не обагряемъ; мучениковъ же в сие время за вѣру у насъ нѣтъ; доброхотныхъ же своихъ и *душу* за насъ полагающихъ истинно, а не лестно, *не* языкомъ глаголюще благая, а сердцемъ злая собирающе, *не* пред очима собирающе и похваляюще, а внѣ — расточяюще и укаряюще (подобно зерцалу, егда смотря и тогда видитъ, каковъ бѣ, егда же отъидетъ, тогда забудетъ, каковъ бѣ)[45] и, егда кого обрящемъ, всѣхъ сихъ *злыхъ* свобожденна, а к намъ прямую свою службу содевающе и не забывающе порученныя ему службы, яко в зерцале, и мы того жалуемъ своимъ великимъ всякимъ жалованиемъ; а еже обрящется в сопротивныхъ, еже выше рѣхомъ, тотъ по своей винѣ и казнь приемлетъ. А в ыныхъ земляхъ самъ узриши, елика содеваются злымъ злая — тамъ не по здѣшнему. То вы своимъ злобеснымъ обычаемъ утвердили измѣнниковъ любити, а в ыныхъ земляхъ израдецъ не любятъ и казнятъ, да тѣмъ и утвержаются.

А мукъ и гонения и смертей многообразныхъ ни на кого не умысливали есмя; а еже о измѣнахъ и чародѣйстве воспомянулъ еси, ино такихъ собакъ вездѣ казнятъ.

А еже нѣчто облыгаемъ православныхъ, и понеже убо уподобился еси аспиду глухому, по пророку глаголющему, яко «аспидъ глухий затыкаетъ уши свои, иже не слышитъ гласа обавающаго, обаче обаваемъ обавается от премудра, понеже зубы ихъ во устѣхъ ихъ сокрушилъ есть Господь и членовныя лвомъ сокрушилъ есть»;[46] и аще азъ облыгаю, о иномъ же истинна о комъ явится? Ино то измѣнники чесо не сотворятъ, а обличения нѣсть имъ, по твоему злобесному умышлению? Чесо же ради намъ сихъ облыгати? Власти ли от своихъ работныхъ желая, или рубища ихъ худая, или колеб ихъ насытитися? Како убо смѣху не подлежитъ твой разумъ? На заецъ потреба множество псовъ, на враги же множество вои; како убо безлѣпа казнити подовластныхъ, имуще разумъ!

И якоже выше рѣхъ, какова злая пострадахъ от васъ от юности даже и донынѣ, пространнѣйши изобличити. Се убо являемъ (аще убо и юнъ еси сихъ лѣтъ, но обаче вѣдети можеши): егда Божиими судбами отецъ нашъ, великий государь Василей, пременивъ порфиру аггельскимъ пremенениемъ, тлѣнное сие мимотекущее земное царствие оставилъ, преиде на небесная[47] во онъ вѣкъ нескончаемый, предстояти Царю царемъ и Господу господемъ, мнѣ же оставльшуся со единороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгиемъ.[48] Мнѣ убо трею лѣтъ суще,

брату же моему лѣта единого, родителнице же нашей, благочестивой царице Елене, в сицевѣ бѣдне вдовствѣ оставшей, яко в пламени отвсюду пребывающе, ово убо от иноплеменныхъ языкъ откругъ приседящихъ брани непремерителныа приемлюще от всѣхъ языкъ, литаонска, и поляковъ, и перекопий, тарханей, и нагай, и казани,[49] ово же от васъ измѣнниковъ бѣды и скорби разными виды приемлюще, яко же подобно тебѣ, бѣшеной собаке, князь Семенъ Бѣлской да Иванъ Ляцкой[50] оттекоша в Литву и камо ни скакаше бесящеся, — въ Царьградъ, и в Крымъ, и в Нагаи, и отовсюду на православие рати воздвизающе. Но ничтоже успѣша: Богу заступающу, и пречистой Богородице, и великимъ чюдотворцомъ, и родителей нашихъ молитвами и благословениемъ, вся сия якоже Ахитофель[51] совѣтъ разсыпася. Такоже потомъ дядю нашего, князя Андрея Ивановича,[52] измѣнники на насъ подъяша, и с тѣми измѣнники пошолъ былъ к Новугороду (и которыхъ хвалиши, доброхотныхъ намъ и *душу* за насъ полагающихъ *называеши),* и тѣ в тѣ поры от насъ отступили и приложилися к дяде нашему, ко князю Андрею, а в головахъ твой братъ, князь Иванъ княжь Семеновъ сынъ, княжь Петрова Головы Романовича,[53] и иные многие. И тако Божиею помощию тотъ совѣтъ не совершися. Ино то ли тѣхъ доброхотство, которыхъ ты хвалиши? И тако ли душу *свою* за насъ полагаютъ, еже насъ хотѣли погубити, а дядю нашего воцарити? По томъ же, измѣннымъ обычаемъ, недругу нашему литовскому державцу почали вотчину нашу отдавати, грады Радогощъ, Стародубъ, Гомей[54] — и тако ли доброхотствуютъ? Егда нѣсть во всей землѣ, кѣмъ погубити от земли и славы в персть вселити, и тогда *иноплеменнымъ* примешаются любовию, точию да погубятъ безпамятнѣ!

Такоже изволися *судбами Божиими* быти, родителнице нашей, благочестивой царице Елене, преити от земнаго царствия на небесное,[55] намъ же со святопочившимъ братомъ Георгиемъ сиротствующимъ родителей своихъ и ниоткуду же промышления человѣческаго не приемлюще, токмо на Божие милосердие уповающе и пречистые Богородицы милость, и на всѣхъ святыхъ молитвы, и на родителей своихъ благословение и упование положихомъ. Мнѣ же осмому лѣту от рождения тогда преходяще, и тако подвластнымъ нашимъ аки хотѣние свое *улучившимъ,* еже царство без владателя обретоша, насъ убо, государей своихъ, никоего промышления доброхотнаго не сподобиша, сами же ринушеся богатству и славѣ и тако наскочиша другъ на друга. И елико тогда сотвориша! Колико бояръ нашихъ, и доброхотныхъ отца нашего, и воеводъ избиша! Дворы, и села, и имѣние дядь нашихъ себѣ восхитиша и водворишася в нихъ. И казну матери нашей перенесли в Болшую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще, а иное же разъяша. А дѣдъ твой, Михайло Тучковъ, то и творилъ. И тако князь Василей и князь Иванъ Шуйские самоволствомъ у меня в бережении учинилися[56] и тако воцаришася; а тѣхъ всѣхъ, которые отцу нашему и матери нашей были главные измѣнники, ис поимания ихъ выпускали[57] и к себѣ ихъ примирили. А князь Василей Шуйской на дяди нашего княжь Андреевѣ дворѣ учалъ жити, и на томъ дворѣ сонмищемъ июдейскимъ отца нашего и нашего дьяка ближнего Федора *Мишурина* изымав и позоровавши убили,[58] и князя Ивана Федоровича

Бѣлского и иныхъ многихъ в разные места заточиша; и на церковь вооружишася и Данила митрополита, сведше с митрополии, и в заточение послаша;[59] и тако свое хотѣние во всемъ учиниша и сами убо царствовати начаша. Насъ же со единороднымъ братомъ моимъ, святопочившим Георгиемъ, питати начаша яко *иностранныхъ или яко убожейшую чадь.* Мы же пострадали во одеянии и в алчбѣ. Во всемъ бо семъ воли нѣсть; но вся не по своей воли и не по времени юности. Едино воспомянути: намъ бо въ юности дѣтская играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйской сѣдя на лавке, лохтемъ опершися о отца нашего постелю, ногу положа на стулъ, к намъ же не прикланяяся не токмо яко родителски, но ниже властелски, рабское же ничтоже обрѣтеся. И такова гордѣния кто можетъ понести? Како же исчести таковая бѣдне страдания многа, еже от юности пострадахъ? Многажды же поздо ядохъ не по своей воле. Что же убо о казнахъ родителского ми достояния? Вся восхитиша лукавымъ умышлениемъ, бутто дѣтемъ боярскимъ жалование, а все себѣ у нихъ поимаша во мздоимание, а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстаютъ не по достоинству; а казну дѣда нашего и отца нашего *безчисленну* себѣ поимаша, и такъ в той нашей казнѣ *исковаша* себѣ сосуды златыя и сребреныя и имена на нихъ родителей своихъ возложиша, бутто ихъ родителское стяжание. А всѣмъ людемъ вѣдомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйсково была шуба мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи; и коли б то было ихъ старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лутчи шуба переменити, а в ысходке сосуды ковати. Что же о казнахъ дядь нашихъ глаголати? Но все себѣ восхитиша. По семъ же на грады и села возскочиша, и тако горчайшимъ мучениемъ многообразными виды имѣния ту живущихъ без милости пограбиша. Сусѣдствующихъ же от нихъ *напасти* кто может исчести? Подовластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотвориша, рабы же своя аки велможи сотвориша, правити же мнящеся и строити, и вмѣсто сего неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмѣрну ото всѣхъ збирающе, и вся по мздѣ творяще и глаголюще.

И тако имъ многа лѣта жившимъ, мнѣ же возрастомъ тѣла преспевающе, и не восхотѣхъ под властию рабскою быти, и того для князя Ивана Василевича Шуйского от себя отослалъ *на службу,* а у себя есми велѣлъ быти боярину своему князю Ивану Федоровичю Бѣлскому.[60] И князь Иванъ Шуйской, приворотя к себѣ всѣхъ людей и к целованию приведе, пришелъ ратию к Москве,[61] и боярина нашего князя Ивана Федоровича Бѣлскаго и иныхъ бояръ и дворянъ переимали совѣтники его *Кубенские и иные**[62]** до его приезду,* и сослали на Белоезеро и убили,[63] да и митрополита Иоасафа с великимъ безчестиемъ с митрополии согнаша.[64] Такоже и князь Андрей Шуйской[65] с своими единомысленники *пришедъ* к намъ в ызбу в столовую, неистовымъ обычаемъ перед нами изымали боярина нашего Федора Семеновича Воронцова,[66] ободравъ его и позоровавъ, вынесли из ызбы да убити хотѣли. И мы посылали к нимъ митрополита Макария, да бояръ своихъ, Ивана да Василия Григорьевичевъ Морозовыхъ,[67] своимъ словомъ, чтобъ его не убили, и онѣ едва по нашему слову послали его на Кострому, а митрополита затеснили и манатию на немъ с ысточники изодрали, а бояръ в хребетъ толкали. Ино то ли

доброхотны, что бояръ нашихъ и угодныхъ сопротивно нашему повелѣнию переимали и побили и разными муками и гонении мучили? И тако ли годно за насъ, государей своихъ, души полагати, еже к нашему государьству ратию приходити и перед нами сонмищемъ июдейскимъ имати и с нами холопу зъ государемъ ссылатися и государю у холопа выпрашивати? Тако ли пригоже прямая служба воинству? Вся вселенная подсмеетъ, *видя* такую правду! О гонении же что изглаголати, каковы тогда случишася? От преставления матери нашия и до того времени шесть лѣтъ *и полъ****[68]*** не престаша сия злая.

Намъ же пятагонадесятъ лѣта возраста преходяще, и тако сами яхомся строити свое царство, и по Божие милости и благо было началося строити. И понеже грехомъ человечѣскимъ повсегда Божию благодать *раздражающимъ,* и тако случися грѣхъ ради нашихъ Божию гнѣву распростершуся, пламени огненному царствующий градъ Москву попаливщу, наши же измѣнные бояре, от тебе же нарицаемыя мученики (ихъже имена волею *премину), аки* время благополучно своей измѣнной злобе улучиша, научиша народъ скудожайшихъ умомъ,[69] бутто матери нашей мать, княгини Анна Глинская, с своими *детьми и* людми, сердца человѣческия выимали и такимъ чародѣйствомъ Москву попалили, да бутто и мы тотъ ихъ совѣтъ вѣдали. И тако тѣхъ измѣнниковъ научениемъ боярина нашего, князя Юрья Василевича Глинсково,[70] воскричавъ народъ июдейскимъ обычаемъ, изымали его в предѣле великомученика Христова Димитрия Селунского, выволокли его в соборную и апостольскую церковь Пречистые Богородицы[71] противу митрополича мѣста, без милости его убиша и кровию церковь наполниша, и выволокли его мертва в передние двери церковныя и положиша его на торжищи яко осужденика. И сие в церкви убийство всѣмъ вѣдомо, а не яко же ты, собака, лжеши! Намъ же тогда живущимъ в своемъ селѣ Воробьевѣ,[72] и тѣ измѣнники научили были народъ и насъ убити за то, что бутто мы княжь Юрьеву мати, княгиню Анну, и брата его, князя Михаила,[73] у себя хоронимъ от нихъ. Како убо смѣху не подлежитъ мудрость сия? Почто убо намъ самимъ царству своему запалителемъ быти? Толика убо стяжания, прародителей нашихъ благословение, у насъ погибоша, еже ни во вселеннѣй *обрястися можетъ.* Кто же безуменъ или яръ таковъ обрящется, разгнѣвався на рабы, да свое стяжание погубити? И онъ бы ихъ попалилъ, а себя бы уберегъ. Во всемъ ваша собачья измѣна обличается! Якоже сему подобно, еже Иванъ Святый[74] водою кропити, толику безмѣрну высоту имущу. И сие убо безумие ваше явственно. И тако ли доброхотно *подобаетъ* нашимъ бояромъ и воеводамъ намъ служити, еже такими собрании собатцкими без нашего вѣдома бояръ нашихъ убивати, да еще в черте кровномъ намъ? И тако ли душу свою за насъ полагаютъ, еже убо душу нашу желаютъ от мира сего на всякъ часъ во онъ вѣкъ препустити? Намъ убо законъ полагающе во святыню, сами же с нами путишествовати не хотяще! Что же, собака, и хвалишися в гордости и иныхъ собакъ измѣнниковъ похваляеши бранною храбростию? Господу нашему Исусу Христу глаголющу: «Аще царство само на ся разделится, то не можетъ стояти царство то».[75] Како же можетъ бранная люте понести противу врага,

аще междоусобными бранми растлится царство? Како убо можетъ древо цвести, аще корени суху сущу? Тако и сие: аще не прежде строения в царствии благо будетъ, како бранная храбре поставятся? Аще убо предводитель не множае полкъ утверждаетъ, тогда множае побѣждаемъ паче бываетъ, неже побѣдитъ. Ты же, вся сия презрѣвъ, едину храбрость похваляеши; а о чесомъ же храбрости состоятися, сия ни во что же полагаеши, и являя ся не токмо утвержая храбрость, но паче разрушая. И являя ся яко ничтоже еси; в дому измѣнникъ, в ратныхъ же пребывании разсуждения не имѣя, понеже хощеши междоусобными бранми и самоволствомъ храбрость утвердити, емуже быти не возможно.

До того же времени бывшу сему собаке, Алексѣю Адашову, вашему началнику, нашего царствия *во* дворѣ, и въ юности нашей, не вѣмъ, какимъ обычаемъ из батожниковъ водворившася,[76] намъ же такия измѣны от велможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ сего от гноища и учинивъ с велможами, а чающе от него прямые службы. Какихъ же честей и богатствъ не исполнихъ его, и не токмо его, но и родъ его! Какова же служения праведна от него прияхъ, напреди возвестимъ. По семъ же совѣта ради духовнаго и спасения ради души своея, прияхъ попа Селивестра,[77] а чающе тоже, что онъ, предстояния ради у престола Владычня, побрежетъ своея души, а онъ, поправъ священныя обѣты и херотонию, иже со аггелы у престола Владычня *предстояния,* идѣже желаютъ аггелы приникнути, идѣже повсегда агнецъ Божий жремый за мирское спасение и никогдаже пожренный, — еже онъ во плоти сый, серафимския службы своими руками сподобися, и сия убо вся поправъ лукавымъ обычаемъ, исперва убо яко благо нача, послѣдуя Божественному Писанию. Мнѣ же вѣдевшу в Божественномъ Писании, како подобаетъ наставникомъ благимъ покорятися без всякого разсуждения, и сему совѣта ради духовнаго *повинухся* волею, а не в невѣдение; онъ же восхитився властию, якоже Илия жрецъ,[78] нача *совокуплятися* подобно в дружбу мирскимъ. По томъ же собрахомъ вся архиепископы, и епископы, и весь освященный соборъ русския митрополии,[79] и еже убо въ юности нашей содѣянная, на васъ, бояръ нашихъ, наши опалы, та же и от васъ, бояръ нашихъ, еже намъ сопротивное *и проступки,* сами убо пред отцемъ своимъ и богомолцемъ, перед Макариемъ, митрополитомъ всеа Русии, во всемъ в томъ соборне простихомся; васъ же, бояръ своихъ, и всѣхъ людей своихъ в проступкахъ пожаловали и впередъ того не воспоминати, и тако убо мы всѣхъ васъ яко благи начахомъ держати.

Вы же перваго своего лукаваго обычая не остависте, но паки на первая возвратистеся, и паки начасте лукавымъ совѣтомъ служити намъ, а не истинною, и вся со умышлениемъ, а не простотою творити. Такожe попъ Селивестръ со Алексѣемъ здружилися и начаша совѣтовати отаи насъ, мнѣвше насъ неразсудныхъ суще, и тако вмѣсто духовныхъ мирская нача совѣтовати, и тако помалу всѣхъ васъ бояръ в самоволство нача приводити, нашу же власть с васъ снимающе, и в супротивословие васъ

приводяще, и честию васъ мало не с нами равняюще, молотчихъ же дѣтей боярскихъ с вами честию уподобляюще. И тако помалу утвердися злоба сия, и васъ почали причитати к вотчинамъ и ко градомъ и к селомъ, еже дѣда нашего великого государя уложение, которые вотчины у васъ взимати и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба от насъ даятися, и тѣ вотчины вѣтру подобно раздаяли неподобно,[80] и то дѣда нашего уложение разрушили, и тѣмъ многихъ людей к себѣ примирили. И по томъ единомысленника своего, князя Дмитрея Курлятева,[81] к намъ в синклитъ припустили, насъ же подходя лукавымъ обычаемъ духовнаго ради совѣта, бутто души ради то творитъ, а не лукавствомъ; и тако с тѣмъ своимъ единомысленникомъ начал злый *свой* совѣтъ утвержати, и ни единыя власти оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ свое хотѣние улучиша. По семъ же с тѣмъ своимъ единомысленникомъ от прародителей нашихъ данную намъ власть от насъ отъяша, еже вамъ, бояромъ нашимъ, по нашему жалованию честию и предсѣданиемъ почтеннымъ быти,[82] сия убо вся во своей власти *и вашей* положиша, яко же вамъ годе, и яко же кто какъ восхощетъ; по томъ же утвердися дружбами, и всю власть во своей воли имый, ничтоже от насъ пытая, аки нѣсть насъ, вся строения и утверждения по своей воле и своихъ совѣтниковъ хотѣния творяще. Намъ же что аще и благо совѣтующе, сия вся непотребна имъ учиняхуся, они же аще что непотребна учиняху, *аще что* строптиво и развращенно совѣтоваху, *но сия вся во благо творяху.*

И тако убо ниже во внѣшнихъ, ниже во внутреннихъ, ниже в малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же *до пища и до спания,* вся не по своей воле бяху, но по ихъ хотѣнию творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ.

Ино се ли «сопротивно разуму», еже не восхотѣхомъ в совершеннемъ возрасте младенцемъ быти? Та же по семъ и сия утвердися: еже намъ противословие ни единому еже от худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сия вся аки злочестива творяхуся, яко же въ твоей бесосоставной грамоте написано; от его же совѣтниковъ, аще кто и худѣйших, намъ не яко владыце или яко к брату, но аки к худѣйшему человѣку надменная словеса *неистове* изношаху, и сия вся благочестиве вменяхуся имъ; кто убо мало послушание или покой намъ сотворитъ, тому убо гонение и мучение велико; аще же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ намъ утеснение, тому богатство, и слава, и честь; аще ли не тако, то душѣ пагуба и царству разорение. И тако убо намъ в сицевомъ гонении и утеснении пребывающимъ, и такова злая не токмо от дни до дни, но от часу растяху; и еже убо намъ сопротивно, сия умножахуся, а еже убо намъ послушно и покойно, сия умаляхуся. Таково убо тогда православие сияше! Кто же убо можетъ подробну изчести, еже в житейскихъ пребывании, хожениихъ и в покое, та же и в церковномъ предстоянии и во всякомъ своемъ житие гонение и утеснение? И тако убо симъ бывающимъ, намъ же сия Бога ради вмещающимъ, мняще убо яко душевныя ради ползы сицевая утеснения

творитъ намъ, а не лукавства ради. Та же по Божию изволению со крестоносною хоругвию всего православнаго християнского воинства, православнаго ради християнства заступления, намъ бо двигшимся на безбожный языкъ казанский,[83] и тако неизреченымъ Божиимъ милосердиемъ, иже надтѣмъ безбожнымъ языкомъ побѣду показавше, со всѣмъ бо воинствомъ православнаго християнства здравы возвратихомся восвояси. Что же убо изреку от тебе нарицаемыхъ мучениковъ доброхотство к себѣ? Како убо, аки *плѣнника* всадивъ в судно, везяху зѣло с малѣйшими людми сквозѣ безбожную и невѣрную землю. Аще не бы всемогущая десница вышняя защитила мое смирение, то всячески живота гонзнулъ бы. Таково тѣхъ доброхотство к намъ, за кого ты глаголешь, и тако за насъ души полагаютъ, еже нашу душу во иноплеменыхъ руки тщатся предати!

Та же намъ пришедшимъ въ царствующий градъ Москву, Богу же милосердие свое к намъ *множащу* и наслѣдника намъ тогда давшу, сына Димитрия;[84] мало же времени минувши, еже убо въ человѣческомъ бытии случается, намъ же немощию одержымымъ бывшимъ и зелне изнемогшимъ, тогда убо еже от тебе нарицаемыя доброхотны возшаташася яко пиянии, с попомъ Селивестромъ и с началникомъ вашимъ Алексѣемъ Адашовым,[85] мнѣвше насъ небытию быти, забывше благодеяний нашихъ, ниже своихъ душъ, еже отцу нашему целовали крестъ и намъ, еже кромѣ нашихъ дѣтей иного государя себе не имати, они же хотѣша воцарити, еже от насъ разстоящася в колѣнехъ, князя Володимера,[86] младенца же нашего, еже от Бога даннаго намъ, хотѣша подобно Ироду погубити, и како бы имъ не погубити, воцаривъ князя Володимера. Понеже бо и во внѣшнихъ писаниихъ древнихъ реченно есть,[87] но обаче прилично: «Царь бо царю не кланяется; *но* единому умершу, другий обладаетъ». Се убо намъ живымъ сущимъ, такова от своихъ подовластныхъ доброхотства насладихомся, что же убо по насъ будетъ! Та же Божиимъ милосердиемъ намъ узнавшимъ и уразумѣвшимъ внятелно, и сий совѣтъ ихъ разсыпася, попу же Селивестру и Алексѣю Адашову оттоле не престающе *вся* злая совѣтовати, и утеснение горчяйшее сотворяти, на доброхотныхъ же намъ гонение разными виды умышляюще, князю же Володимеру во всемъ его хотѣние утвержающе, та же и на нашу царицу Анастасию[88] ненависть зѣлну воздвигше и уподобляюще ко всѣмъ нечестивымъ царицамъ; чадъ же нашихъ ниже помянути могоша.

Та же по семъ собака измѣнникъ старый ростовской князь Семенъ, иже по нашей милости, а не по своему достоинству сподобленъ быти от нас синклитства, своимъ же измѣннымъ обычаемъ литовскимъ посломъ, пану Станиславу Давойну с товарыщи, нашу думу изнесѣ,[89] насъ укаряя и нашу царицу и нашихъ чадъ; и мы то его злодѣйство сыскавъ, и еже милостиво казнь свою над нимъ учинили. И после того попъ Селивестръ и с вами, своими злыми совѣтники, того собаку учалъ в велице брежение держати и помогати ему всѣми благими, и не токмо ему, но и всему его роду. И тако убо оттоле всѣмъ измѣнникомъ благо

время улучися, намъ же убо оттоле в болшомъ утеснении пребывающимъ: от нихъже во единомъ и ты былъ еси явленно, еже с Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицково.[90]

Та же убо наченшись войнѣ, еже на германы,[91] о семъ же убо напреди слово пространнѣйши ся явитъ, попу же Селивестру и с вами, своими совѣтники, о томъ на насъ люте належаще;[92] и еже убо согрѣшений ради нашихъ приключающихся болѣзнехъ на насъ и на царице нашей и на чадехъ нашихъ, и сия убо вся вменяху аки ихъ ради, нашего к нимъ непослушания сия бываху. Како убо воспомяну, иже во царствующий градъ с нашею царицею Анастасиею с немощною от Можайска немилостивное путное прехождение?[93] Единаго ради мала слова непотребна! Молитвы же убо *и прехождения* по святымъ местомъ, и еже убо приношение и обѣты ко святыне о душевномъ спасение, и о тѣлесномъ здравие, и о всемъ благомъ пребывании нашемъ и царицы нашея и чадъ нашихъ, и сия вся вашимъ лукавымъ умышлениемъ от насъ отнюдь взяшася, врачевстей же хитрости, своего ради здравия, ниже помянути тогда бяше.

И сице убо намъ в таковыхъ зѣлныхъ скорбехъ пребывающимъ, и понеже убо такова отягчения не могохомъ понести, еже не человѣчески сотвористе, и сего ради, сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашова со всѣми его совѣтники, милостивно ему свой гнѣвъ учинили,[94] смертные казни не положили, но по рознымъ местомъ розослали, попу же Селивестру, видевше своихъ совѣтников ни во что же бывше, и сего ради своею волею отоиде, намъ же яко благословне отпустившимъ,[95] не яко *устыдившеся,* но яко не хотѣвшу ми судитися здѣ, но в будущемъ вѣце, пред агньцемъ Божиимъ, еже онъ повсегда служа и презрѣвъ лукавымъ своимъ обычаемъ, злая сотвори ми; но в будущемъ вѣце хощу судъ прияти, елико от него пострадахъ душевне и тѣлесне. Того ради и чаду его сотворихъ и по се время во благоденстве пребывати,[96] точию убо лица нашего не зряй. И аще убо подобно тобѣ *хто* смѣху *быти глаголетъ,* еже попу повиноватися? И понеже убо до конца не вѣсте християнского мнишеского устава, како подобаетъ наставникомъ покарятися, понеже бо немощни бысте слухи, требующе учителя лѣта ради, и понеже бысте требующи млека, а не крѣпки пищи, сего ради тако сия глаголетъ. И того ради убо попу Селивестру ничего зла не сотворихъ, якоже выше рѣхъ. А еже убо мирскимъ, яже подо властию нашею сущимъ, симъ убо по ихъ измѣне, тако и сотворихомъ: исперва же убо казнию конечною ни единому коснухомся, всѣмъ же убо, иже к ним не приставше, повелѣхомъ от нихъ отлучатися и к нимъ не приставати; и сию убо заповѣдь положивше и крестнымъ целованиемъ утвердихомъ; и понеже убо *от* нарицаемыхъ тобою мучениковъ и согласныхъ *имъ* наша заповѣдь ни во что же бысть и крестное целование преступивше, не токмо отсташа от тѣхъ измѣнниковъ, но и болми начаша имъ помогати и всячески промышляти, дабы ихъ на первый чинъ возвратити и на насъ лютѣйшее составляти умышление; и понеже убо злоба неутолима явися и разумъ непреклоненъ обличися, —

сего ради повинные по своей винѣ таковъ судъ прияли.[97] *Се* убо есть по твоему разуму «сопротивно разуму обрѣтеся, разумевая», еже вашей воли не повинухомся? Понеже сами имуще совесть непостоятелну и крестопреступну, и малаго ради блистания злата премененну, се убо и намъ совѣтуете. Сего ради реку: о, июдино окаянство сие хотѣние! От негоже избави, Боже, душа наша и всѣхъ православныхъ християнъ. Якоже убо Июда злата ради преда Христа, тако же убо и вы наслаждения ради мира сего православное християнство и насъ, своихъ государей, предали есте, души свои забывъ и крестное целование преступили есте.

В церквахъ же, яко же ты лжеши, сия нѣсть было. Се убо, якоже выше рѣхъ, сего ради повинныя прияша казнь по своимъ винамъ, а не якоже ты лжеши, неподобне измѣнниковъ и блудниковъ нарицаеши мученики и ихъ кровь побѣдоносну и святу, и намъ супротивныхъ силными нарицая, и отступниковъ нашихъ воеводами нарицаешъ; доброхотство же ихъ и души ихъ полагания за насъ — сия вся изъявленна есть, якоже выше рѣхъ. И не можеши рещи, яко и нынѣ облыгание есть, но сия ихъ измѣны всей вселеннѣй вѣдомы, аще восхощещи, и в варварскихъ языцехъ увѣси и самовидцовъ симъ злымъ дѣяниемъ можеши обрести, иже куплю творящимъ в нашемъ царствии и в посолственныхъ прихожденияхъ приходящимъ. Но сия убо быша. Нынѣ же убо *всѣмъ,* иже в вашемъ согласии *бывшимъ,* всякого блага и свободы наслаждающимся и богатѣющимъ, и никая же имъ злоба первая поминается, в первомъ своемъ достоянии и чести суще. (...)

Свѣта же во тму *прилагати* не тщуся и сладкое горко не прозываю. А се ли убо свѣтъ или сладко, еже рабомъ владѣти? А се ли тма и горко, еже от Бога данному государю владѣти, о немже многа слова пространнѣйше напреди изъявленна? (...)

О провинении же и прогнѣвании подовластныхъ нашихъ перед нами. Доселе русские владатели не истязуемы были ни от кого, но волны были подовластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кѣмъ; аще же и подобаетъ рещи о винахъ ихъ, ино выше реченно есть. (...)

А еже писалъ еси, что бутто тѣ предстатели прегордые царства разоряли и подручны намъ *ихъ* во всемъ сотворили, у нихъже прежде в работе были праотцы ваши, — се убо разумно есть, еже едино царство Казанское; *от* Дажитархани[98] же, *неже* близ вашия мысли было, не точию дѣло бранно. И еже о сей храбрости свыше начну обличати безумие. Како убо, гордостию дмяся, хвалишися! Како убо прародителемъ вашимъ и отцомъ вашимъ и дядемъ, в каковѣ разумѣ и

храбрости суще и помысла попечения, яко вся ваша храбрость и мудрость ни къ единому ихъ сонному видѣнию подобно, и такие храбрые и мудрые люди, никѣмъже понуждаеми, но своимъ хотѣниемъ и бранной храбрости хотимыя, не якоже вы, еже понуждаеми на рать и о семъ скорбяще; и такие храбрые тринадесят лѣтъ до нашего возраста не могоша от варваръ христианъ защитити? По апостолу Павлу *реку**[99]**:* быхъ вамъ подобенъ безумиемъ хваляся, понеже вы мя понудисте, власть бо приемлете, безумнии, аще кто вы *поедаетъ,* аще кто в лице биетъ, аще кто величится; по досажению глаголю. Всѣмъ убо явлена суть, какова тогда злая пострадаша от варваръ православнии, — от Крыма и *от* Казани: до полуземли пусто бяше. И егда начало восприяхомъ *з* Божиею помощию, еже брани на варвары, егда первое посылахомъ на Казанскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулинсково[100] с товарыщи, како вы всѣ *глаголали есте,* яко мы в опале своей послали, казнити его хотя, а не своего для дѣла. Ино се ли храбрость, еже служба ставити в опалу? И тако ли *покаряти* прегордые царства? Та же сколко хожения ни бывало в Казанскую землю, когда не с понуждениемъ хотѣния ходисте? Но всегда аки на бѣдное хождение ходисте! Егда же Богъ милосердие свое яви намъ, и тотъ родъ варварский християнству покори, и тогда како вы не хотѣсте с нами воевати на варвары, яко боле пятинадесятъ тысящъ вашего ради нехотѣния тогда с нами не быша.[101] И тако ли прегордые царства разоряете, еже народъ безумными глаголы *наущати* и от брани отвращати, подобно Янушу Угорскому?[102] Такоже и в тамошнемъ пребывании всегда развращенная совѣтовасте, и егда *запасы* истопоша, како три дни стоявъ, хотѣсте восвояси возвратитися! И повсегда не хотѣсте во мнозе бо пребывании подобна времени ждати, *ниже* главъ своя щадяще, *ниже* бранныя побѣды сматряюще, точию: или побѣдивъ наскоре или побѣжденнымъ бывшимъ, и скорѣйши во своя возвратитися. Та же и воины многоподобные возвращения ради скораго остависте, еже последи от сего много пролития крови християнския бысть. Како же убо и в самое взятие града, аще бы не удержалъ васъ, како напрасно хотѣсте погубити православное воинство, не в подобно время брань начати? Тако же убо по взятии града Божиимъ милосердиемъ, вы же убо вмѣсто строения на грабление текосте! Тако ли убо прегордые царства разоряти, еже убо ты, безумиемъ дмяся, хвалишися? Еже ни единыя похвалы, аще истинно рещи, достойно есть, понеже вся, яко *раби,* с понужениемъ сотвористе, а не хотѣниемъ паче же с роптаниемъ. Се убо похвално есть, еже хотѣниемъ желания брани творити. Подручна же тако царствия сия сотвористе намъ, якоже множае седми лѣтъ меже сихъ царствъ и нашего государствия бранная лютость не преста!

Егда же Алексѣева и ваша собацкая власть преста, тогда и та царствия нашему государству во всемъ послушны *учинишася,* и множае треюдесятъ тысящъ бранныхъ исходитъ в помощъ[103] православию. Тако убо вы прегордые царства разоряли и подручны намъ сотворяли! Такоже и нашъ промыслъ и попечение о православии и тако «супротивенъ разумъ», по твоему злобесовскому умышлению! И сие убо о Казани, о Крыме же и на пустыхъ мѣстехъ, идѣже звѣрие бяху, грады

и села устроиша. Что же убо и ваша побѣда, *еже Днепромъ и Дономъ?* ***[104]*** И колика убо злая истощения и пагуба християномъ содеяшася, супротивнымъ же ни малыя досады! О Иване же Шереметеве[105] что изглаголю? Еже по вашему злосовѣтию, а не по нашему хотѣнию, *случися такая пагуба православному* християнству. Се убо такова ваша доброхотная служба, и тако прегордые царства разоряете и подручны сотворяете, якоже выше явихомъ.

О германскихъ же градехъ глаголешъ, яко тщаниемъ разума измѣнниковъ нашихъ от Бога даны намъ. Но, якоже наученъ еси от отца своего диявола лжею глаголати и писати! Како убо, егда начася брань, еже на германы, тогда посылали есмя слугу своего, царя Шихалея, и боярина своего и воеводу, князя Михаила Василевича Глинсково,[106] с товарыщи германы воевати, и от того времяни от попа Селивестра и от Алексѣя и от васъ какова отягчения словесная пострадахъ, ихже нѣсть мощно подробну изглаголати! Еже какова скорбная ни сотворися намъ, то вся сия германъ ради случися! Егда же васъ послахомъ на лѣто на германские грады, — тебѣ бо тогда сущу въ нашей вотчине, во Пскове, своея ради потребы, а не нашимъ посланиемъ, — множае убо седми посланниковъ послали есмя к боярину нашему и воеводе, ко князю Петру Ивановичю Шуйскому, и к тебѣ; вы же егда поидосте с малѣйшими людми, и нашимъ многимъ посланиемъ напоминаниемъ множае *пятинадесятъ* градовъ взясте.[107] Ино се ли убо тщание разума вашего, еже нашимъ посланиемъ напоминаниемъ грады взясте, а не по своему разуму? Како же убо воспомяну о германскихъ градѣхъ супротивословия попа Селивестра и Алексия Адашова и всѣхъ васъ на всяко время, еже бы не ходити бранию, и како убо лукаваго ради напоминание датцкого короля[108] лѣто цѣло дасте *безлепа* фивлянтомъ збиратися! Они же, пришедъ пред зимнимъ временемъ, и сколко тогда народу християнского погубили![109] Се ли тщание измѣнниковъ нашихъ, да и васъ благо, еже тако народъ християнский погубляти! По томъ же послахомъ васъ с началникомъ вашимъ Алексѣемъ и зело со многими людми; вы же едва одинъ Вельянъ взясте,[110] и туто много *народу* нашего погубисте. Какоже убо тогда от литовские рати дѣтскими страшилы устрашистеся![111] Под Пайду же нашимъ повелѣниемъ неволею поидосте, и каковъ трудъ воиномъ сотвористе и ничтоже успѣсте![112] Тако убо тщание разума и тако ли убо претвердые грады германские тщалися утвержати? И аще не бы ваша злобесная претыкания была, и з Божиею помощию уже бы вся Германия была за православиемъ.[113] Та же оттоле литаонский языкъ и готфѣйский и ина множайшая воздвигосте на православие. Се убо «тщание разума вашего» и тако хотисте утвержати православие?

А всеродно васъ не погубляемъ, а измѣнникомъ бо вездѣ казнь и опала живетъ: в кою землю поѣхалъ еси, тамо о семъ пространнѣйше явленна увѣси. За такие ваши послуги, еже выше рѣхъ, достойны были есте многихъ казней и опалы; но мы еще с милостию вамъ опалу свою чинили, аще бы по твоему достоинству, и ты бы к недругу нашему от

насъ не *уехалъ,* и в такомъ бы еси в далекомъ граде нашемъ не былъ, и утекания было тебѣ сотворити не возможно, коли бы мы тебѣ в томъ не вѣрили. И мы, тебѣ вѣря, в ту свою вотчину послали, и ты такъ собацкимъ обычаемъ измѣну свою учинилъ.

Безсмертенъ же быти не мнюся, понеже смерть адамский грѣхъ, общедателный долгъ всѣмъ человѣкомъ; аще бо и перфиру ношу, но обаче вѣмъ се, яко по всему немощию подобно всѣмъ человѣкомъ обложенъ есмь по естеству, а не яко же вы мудрърствуете, выше естества велите быти ми, от ереси же всякой. (...)

Гонения же аще на людей воскладаете: вы ли убо с попомъ и с Алексѣемъ не *гонили?* Како убо епископа коломенского Феодосия,[114] намъ совѣтна, народу града Коломны повелѣсте камениемъ побити? И его Богъ ублюде, и вы его со престола согнали. Что же о казначее нашемъ Миките Афонасиевиче?[115] Про что животъ напрасно разграбисте, самого же в заточение много лѣтъ в далныхъ странахъ во алчбе и наготе держали есте? И аще убо вся гонения ваша исчести кто доволенъ за множество ихъ, церковныхъ же и мирскихъ! Хто мало намъ принесетъ послушание, тѣхъ всѣхъ гонисте. (...)

Зла же гонения безлѣпа от мене не приялъ еси, и бѣдъ и напастей на тебе не подвигли есмя; а кое наказание малое бывало на тебѣ, ино то за твое преступление, понеже согласился еси с нашими измѣнники. А лжей и измѣнъ, ихже не сотворилъ еси, на тебя не взваживали есмя; а которые свои преступки дѣлалъ, и мы по тѣмъ твоимъ винамъ по томъ и наказание тебѣ чинили. Аще ты нашихъ опалъ, за множество ихъ, не можеши изрещи, како же убо вся вселенная исписати можетъ вашихъ измѣнъ и утеснений, земскихъ и особныхъ, еже вы злобесовскимъ умышлениемъ сотвористе на мя? (...) *Злую* же и непримирителную ненависть кою воздахомъ тебѣ? Видящи тя отовсюду от юности твоей и во дворении нашемъ, и в синклитстве, и до нынѣчния твоей измѣны всячески дышуще на пагубу нашу, и достойныхъ мукъ по твоему злоумию не воздахомъ. Се ли убо зло и непримирителная ненависть, еже видяще тя о главѣ нашей *злая* совѣтующа и в каковѣ приближении и чести и многоимствѣ державомъ, выше отца твоего. Еже вси вѣдятъ, в каковѣ чести и богатствѣ родители твои жили и како убо отецъ твой, князь Михайло, в каковемъ жаловании и в богатствѣ и чести былъ. Се вси вѣдятъ, како же пред нимъ ты и сколко у отца твоего началниковъ поселяномъ, колико же у тебя. Отецъ твой былъ князя Михайла Кубенского бояринъ, понеже онъ ему дядя,[116] ты же нашъ — мы тебя сие чести сподобихомъ. Се ли убо не *доволно* чести и имѣния и воздания? Всѣмъ еси былъ лутчи отца своего нашимъ жалованиемъ, а храброваниемъ его хуждьши *еси,* измѣною прешелъ еси. И аще таковъ еси, почему недоволенъ еси? Се ли убо твое благое возлюбление, еже

повсегда сѣти и претыкания намъ поляцалъ еси, конечнее же подобно *Иуде* на пагубу нашу поучался еси?

И аще кровь твоя, пролитая от иноплеменныхъ за насъ, по твоему безумию, *вопиетъ* на насъ к Богу, и еже убо не от насъ пролитая, тѣмъ же убо смѣху подлежитъ сия; еже убо от иного пролитая и на иного вопиетъ, паче же и должная отечеству сие совершилъ еси, аще бы сего не сотворил еси, то не бы еси былъ християниномъ, но варваръ; и сие к намъ неприлично. Колми же паче наша кровь на васъ вопиетъ к Богу, от васъ самѣхъ пролитая: не ранами же, ниже кровными потоки, но многими поты, и трудовъ множества от васъ прияхъ и отягчения безлѣпа, яко по премногу от васъ отяготихомся паче силы! От многаго вашего озлобления и оскорбления и утеснения, вмѣсто крови, много излияшася нашихъ слезъ и воздыхания и стенания сердечная, и от сего бо пречреслие прияхъ, еже убо и конечному люблению не сподобисте мя, еже о царицѣ нашей и о чадехъ нашихъ не поскорбѣсте со мною. Се убо все на вы вопиетъ к Богу моему; паче вашего безумия, понеже убо иное за православие пролияли есте кровь свою, ина же, желая чести и богатства. И сие убо Богови неприятно есть; паче же удавлению вмѣняется, еже славы ради умрети. Мое же утеснение — вмѣсто крови пролитыя от васъ самѣхъ прияхъ всякое оскорбление и озлобление, еже вашимъ злымъ сѣяниемъ оскорбления строптиваго жития не престанетъ, се убо наипаче на васъ безпрестани вопиетъ къ Богу! Совесть же *свою* испыталъ еси не истинно, но лестно, сего ради истинны не обрѣлъ еси, понеже о единомъ войсце испыталъ еси, а еже убо о нашей главѣ твоего нечестия, се презрѣлъ еси; по сему мнишся и неповиненъ быти.

«Побѣды же пресвѣтлые и одолѣние преславное» когда сотворилъ еси? Егда убо послахомъ тя въ свою вотчину, в Казань, непослушныхъ намъ повинити,[117] ты же, в повинныхъ мѣсто, неповинныхъ к намъ привелъ еси, измѣну на нихъ возложа, а на нихже послахомъ тя, никоегоже имъ зла сотворилъ еси. Егда же в нашу вотчину, на Тулу, недругъ нашъ приходилъ, крымской царь,[118] и мы тогда васъ послахомъ, оному же устрашившуся и во своя возвратившуся, воеводамъ же его, *Ак-магметъ*-улану не со многими людми оставшуся; вы же поѣхасте ясти и пити к воеводе нашему, ко князю Григорию Темкину, и ѣдши, поидосте за ними, они же от васъ отоидоша здравы. Аще убо вы раны многи претерпѣсте, но обаче побѣды благи никоеяже сотвористе. Како же убо под градомъ нашимъ Невлемъ пятьюнадесятъ тысящъ четырехъ тысящъ не могосте побити,[119] и не токмо убо побѣдисте, но и сами от нихъ язвлени едва возвратистеся, симъ ничтоже успѣвшимъ? Се ли убо пресвѣтлая побѣда и одолѣние преславно *и* похвално и честно? Иная же убо не твоей власти бяху — сия убо тебе на похвалу и не вписуется!

А еже убо мало рождьшия своея *зрелъ еси* и жены своея позналъ еси и отечествия своего осталъ еси, и всегда в далноконныхъ градѣхъ нашихъ противъ враговъ нашихъ ополчался еси, и претерпевалъ еси естественныя болѣзни, и ранами учащенъ еси от варварскихъ рукъ в различныхъ бранехъ, и сокрушенно же ранами все тѣло имѣешь, — и сия тебѣ вся сотворишася тогда, егда вы с попомъ и со Алексѣемъ владѣсте. И аще не годно, почто тако сотворили есте? Аще же творили есте, почто самъ сотворивъ своею властью, на насъ словеса съкладаете? Аще же и мы бы сие сотворили, сие нѣсть дивно, понеже бо *сие* должно нашему повелѣнию в вашемъ служении быти. И аще бы мужъ браненоносецъ былъ, *не бы* еси исчиталъ бранные труды, но паче на *преднейшея* простиралъ ся; аще ли же исчитаеши бранные труды, то сего ради бегунъ явился еси, яко не хотя бранныхъ трудовъ понести, и сего ради покоя требовати похотѣлъ еси. Сия же твоя худѣйшая браненоносия намъ ни во что же поставленна есть, еже вѣдомыя измѣны твоя и еже претыкания о нашей главѣ тебе презрѣнна быша, и яко единъ от вѣрнѣйшихъ слугъ нашихъ былъ еси славою и честию и богатствомъ? И аще бы не тако, то какихъ казней за свою злобу достоинъ былъ еси! И аще бы не было на тебѣ нашего милосердия, не бы возможно было тебѣ угонзнути к нашему недругу, толко бы наше гонение тако было, якоже по твоему злобесному разуму писалъ еси. Бранныя же дѣла твои всѣ намъ вѣдомы. Не мни мя неразумна суща, ниже разумомъ младенчествующа, яко же началницы ваши, попъ Селивестръ и Алексѣй Адашовъ, неподобно глаголали. Ниже мните мя дѣтскими страшилы устрашити, якоже прежде того с попомъ Селивестромъ[120] и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прелстисте мя, ниже мните, якоже таковая и нынѣ сотворили. Якоже в притчахъ реченно бысть: «Егоже не можеши няти, не покушайся имати».

Мздовоздателя Бога призываешъ; воистинну то есть всѣмъ мздовоздатель всякимъ дѣломъ, благимъ же и злымъ; но токмо подобаетъ человѣку разсуждение имѣти, како и противу какихъ дѣлъ своихъ кто мздовоздаяния приемлетъ? Лице же свое показуеши драго. Кто бо убо и желаетъ таковаго ефиопскаго лица видѣти? Гдѣ же убо кто обрящетъ мужа правдива, *иже* зыкры очи имуща?[121] Понеже видъ твой и злолукавый твой нравъ исповѣдуетъ! (...)

О преподобномъ же князе Феодоре Ростиславиче воспомянулъ еси, — сего азъ на судъ желателне приемлю, аще и сродникъ вамъ есть, понеже бо святии видятъ паче по смерти праведне сотворити, и видятъ межи нами и вами яже от начала и до днесь, и то убо праведно разсудятъ. И еже убо нашу царицу Анастасию, вами уподобляемую Евдоксе,[122] како супротиво вашего желателнаго *злаго* немилосердаго умышления и хотѣния святый преподобный князь Феодоръ Ростиславичъ, дѣйствомъ Святаго Духа, царицу нашу от вратъ смертныхъ воздвигъ?[123] И се убо наипаче явленна есть, яко не вамъ способствуетъ, но намъ, недостойнымъ, милость свою спростираетъ. Такоже и нынѣ уповаемъ способника его быти намъ паче неже вамъ,

понеже «чада Авраамля аще были, то и дѣла Авраамля бысте творили; можетъ бо Богу и от камени сего воздвигнути чада Аврааму; не вси бо, изшедшии из Авраама, *сѣмя* Авраамле причитаются, *но* живущии по вѣре Авраамовѣ, сии суть сѣмя Авраамле».[124]

Суемудренными же мысльми ничегоже помышляемъ, ни творимъ, *на* такой ползѣ и степени ногъ своихъ *не* утвержаемъ; но, елика наша сила, крѣпчайша разума испытуемъ бо, на твердей степени утвердивъ ноги своя, стоимъ неподвижно.

Прогнанныхъ же от насъ нѣсть никогоже, развѣ сами от православия отторгошася. Избиенныя же и заточенныя по своимъ винамъ, якоже выше рѣхомъ, по тому тако и прияша. (…)

Ни о чесомъ же убо хвалюся в гордости, и никако же убо гордѣния желаю, понеже убо свое царское содеваю и выше себе ничтоже творю. Паче убо вы гордитеся дмящеся, понеже раби суще святителский санъ и царский восхищаете, учаще, и запрещающе, и повелевающе. На родъ же кристиянский мучителныхъ сосудовъ не умышляемъ, но паче за нихъ желаемъ противо всѣхъ врагъ ихъ не токмо до крови, но и до смерти пострадати. Подовластныхъ же своихъ благимъ убо благая подаваемъ, злымъ же злая приносятся наказания, не хотя, ни желая, но по нужде, ихъ ради злаго преступления и наказание бывает. (…)

От *Кроновыхъ* же убо жерцехъ реклъ еси — еже подобно псу лая иль ядъ ехиднинъ отрыгая, сие неподобно писалъ еси: еже убо родителемъ своимъ чадомъ како сицевая неудобствия творити, паче же и намъ, царемъ, разумъ имущимъ, како уклонитися на сие, безлѣпие творити? Сия убо вся злобеснымъ своимъ собацкимъ умышлениемъ писалъ еси.

А еже свое писание хощеши с собою во гробъ положити, се убо послѣднее християнство свое отложилъ еси. И еже убо Господу повелѣвшу еже не противитися злу, ты же убо и обычное, еже и невѣжда имутъ, конечное прощение отверглъ еси; и по сему же нѣсть подобно и пѣнию над тобою быти.

В нашей же вотчинѣ, в Вифлянской землѣ, градъ Володимерь[125] недруга нашего Жигимонта короля нарицаеши, — се убо свою злобесную собацкую измѣну до конца совершаеши. А еже от него надѣешися много пожалованъ быти, — се убо подобно есть, понеже убо

не хотѣсте под Божиею десницею власти его быти, и от Бога даннымъ намъ, владыкамъ своимъ, послушнымъ и повиннымъ быти нашего повелѣния, — но в самоволстве самовластно жити. Сего ради такова и государя себѣ обрѣлъ еси, еже по своему злобесному собацкому хотѣнию, еже ничимъже собою владѣюща, но паче худѣйша худѣйшихъ рабъ суща, понеже от всѣхъ повелеваемъ есть, а не самъ повелевая. Понеже и утѣшенъ не можеши быти, понеже тамъ особь кождо о своемъ попечение имѣя.[126] Кто убо можетъ избавити тя от насилныхъ рукъ и от обидящаго восхитити тя возможетъ, иже сиру и вдовице суду не внемлюще, ихъже вы, желающе на християнство злая, составляете! (…)

Дана во вселѣнней росийстей царьствующаго православнаго града Москвы степени честнаго порога[127] крѣпкая заповѣдь и слово то лѣто от создания миру 7072-го, июля въ 5 день.

---

[1] *…царю Констянтину…* — Константин Флавий I (307—337), византийский император, сделавший христианство государственной религией.

[2] *…Владимира Мономаха, иже от грекъ высокодостойнѣйшую честь приимшу…* — Иван IV опирается на публицистические памятники начала XVI в. («Послание о Мономаховом венце», «Сказание о князьях Владимирских»), утверждавшие, что киевский князь Владимир Мономах (1113—1125) получил «шапку Мономаха» и другие царские регалии от своих византийских предков.

[3] *…хваламъ достойнаго великого государя Димитрия…* — Дмитрий Донской (1359—1389).

[4] *Исавръ, Гноетезный, Арменинъ* — византийские императоры-иконоборцы: Лев III Исавр, Константин Копроним (т. е. «Навозоименный», по-древнерусски «Гноетезный») (оба — VIII в.), Лев V Армянин (IX в.).

[5] *…быти ярославскому владыце…* — Курбский именовал себя князем ярославским в связи с тем, что род его вел происхождение от ярославских князей.

[6] *…друзи и служебники…* — Грозный обращается не только к Курбскому, но и к другим «крестопреступникам», разделяя их на две категории — «друзей» Курбского и «служебников». К друзьям он причислял таких, например, эмигрантов, как князья-рюриковичи Заболоцкие, к слугам — подлинных слуг Курбского (братья Калыметы и др.) и, вероятно, независимых, но не знатных лиц, как Тимоха Тетерин,

Марк Сарыгозин и т. п. Послам указывалось, что упрекать за «измену» следует только Курбского и других «радных», а «худому излаяв, да плюнути в глаза».

[7] *...мняще насъ аки безплотныхъ быти...* — Грозный обвиняет Курбского и его сподвижников в «наватской» ереси (ереси Навата, или Новициана, III в. н. э.), требовавшей от людей, чтобы они были выше (нравственней) «человеческого естества».

[8] *...на германы и литаоны...* — Имеется в виду Ливонская война (с 1558 г.) и война с Польско-Литовским государством (с 1560 г.).

[9] *...нѣсть християнъ...* — Иван IV не признавал подлинным христианством ни господствующее в Польше и Литве католичество, ни возникшую в Ливонии и польско-литовских землях протестантскую (реформационную) церковь.

[10] *...литовская брань учинилася вашею измѣною и недоброхотствомъ и нерадѣниемъ...* — Грозный считал, что вмешательство Польско-Литовского государства в Ливонскую войну в конце 1559 г. было вызвано задержкой в военных действиях из-за нежелания «Избранной рады» вести Ливонскую войну.

[11] *«Иже имѣя... него».* — Мф. 25, 29.

[12] *...убоялся еси неповинныя смерти...* — В первых дипломатических посланиях после бегства Курбского царь утверждал, что собирался только «понаказати» и «посмирити» Курбского, но позднее он признавался, что намеревался его казнить.

[13] *«Всяка душа... противится».* — Рим. 13, 1—2.

[14] *«Раби... но и за совесть».* — См. Еф. 6, 5—7; 1 Пет. 2, 18; Рим. 13, 5.

[15] *Се бо есть... пострадати.* — Ср. 1 Пет. 3, 17.

[16] *...уподобися еси семени... и возрастшему...* — Ср. Лк. 8, 6.

[17] *...живъ Господъ... душа моя...* — Ср. 1 Цар. 20, 3.

[18] *...раба своево Васки Шибанова?* — Слуга Курбского Василий Шибанов был, согласно летописи XVI в., «поиман» (арестован) после бегства его господина — очевидно, где-то в пограничных местах, откуда бежал Курбский; летописец утверждает также, что Шибанов «сказал... князя Ондрея изменные дела». Однако в послании сам царь пишет, что Шибанов «не отвержеся» Курбского даже перед лицом смерти. Уже в 30-х гг. XVII в. на одном из списков послания Курбского была сделана помета, что Курбский писал к царю «с человеком своим с Васкою Шибановым»; в конце XVII в. в Латухинской Степенной книге появился рассказ о том, как Шибанов доставил Ивану IV и публично прочел на «красном крыльце» в Кремле письмо Курбского (на этом рассказе

основана известная баллада А. К. Толстого «Василий Шибанов»). Будучи пленником, публично вручать царю послание Шибанов не мог.

[19] *«Умякнуша словеса... стрѣлы».* — Пс. 54, 22.

[20] *...«супротивнымъ, разумѣваяй совесть прокаженну имуще»...* — Слова Курбского из Первого послания Ивану Грозному.

[21] *...нарицаемаго попа...* — Речь идет о протопопе кремлевского Благовещенского собора Сильвестре, одном из руководителей «Избранной рады».

[22] *...играмъ бытие...* — Очевидно, оправдание в скоморошеских «играх», которые были запрещены Стоглавым собором, но устраивались при дворе (за отказ от участия в одной из таких игр был убит, по известию Курбского, князь М. П. Репнин).

[23] *...Алексѣемъ...* — Алексей Федорович Адашев, руководитель «Избранной рады».

[24] *...«яко братию... имуще»...* — Ср. 2 Фес. 3, 15.

[25] Л*ѣствичникъ* — Иоанн Лествичник, монах и церковный писатель VI в., автор «Лествицы» (Лестницы), наставления о монашеской жизни.

[26] *...не в Тимохину версту...* — Тимофей-Тихон Тетерин-Пухов, насильственно постриженный в Сийском монастыре и сбежавший в конце 50-х—начале 60-х гг. в Литву, как и Курбский, в посланиях на Русь обличал политику Ивана Грозного.

[27] *Овехъ убо... восхищающе.* — Иуд. 1, 22—23.

[28] *...великого Константина: како... сына своего... убилъ есть.* — Император Константин I казнил в 326 г. своего сына Криспа.

[29] *...Феодоръ Ростиславичь...* — В 1298 г. осаждал Смоленск.

[30] *...злодѣйственный совѣтъ...* — Речь идет, вероятно, о событиях во время болезни царя в 1553 г.

[31] Стр. 30—32. *«Се всѣ вы... разжгосте».* — Ис. 50, 11.

[32] *«Нѣсть... змиевы»...* — Сир. 25, 17.

[33] *...от попа невѣжи...* — Речь идет опять о Сильвестре.

[34] *...во грецехъ царствие погубиша и туркомъ повинующимся?* — Подобно публицисту середины XV в. Ивану Пересветову, Иван IV объясняет завоевание Византии турками в XV веке слабостью царской (императорской) власти, особенно подчеркивая отрицательную роль «попов» в управлении (Пересветов отводил главную роль «вельможам»).

Далее в доказательство этой идеи Иван IV приводил целый очерк византийской истории.

[35] *...Моисея, яко царя... Аарону, брату его, повелѣ священствовати...* — Ссылка на библейские рассказы о разделении правления и священства между Моисеем и Аароном. Далее следует ряд аналогичных примеров из библейской истории.

[36] *...градоначалницы и местоблюстители...* — Речь идет о наместническом управлении («наместники» в уездах и «волостели» в волостях), существовавшем до 50-х гг. XVI в. Наместники получали определенную территорию в «кормление» (для собственного обеспечения): их административные функции прямо и неприкрыто связывались с получением дохода. Реформами «Избранной рады» 50-х гг. наместничество было в основном отменено.

[37] *...с Авимелехомъ оженимыя Гедеоновы... избиша семдесятъ сыновъ Гедеоновыхъ...* — Имеется в виду библейский рассказ о смерти царя Гедеона, захвате его царства незаконным сыном Авимелехом и убийстве законных сыновей Гедеона.

[38] *...егда убо въ яйца мѣсто... камень?* — Не совсем точная цитата: Лк. 11, 11 —12.

[39] *...со княземъ Андреемъ Углецкимъ...* — Князь Андрей Углицкий, брат деда Ивана Грозного (Ивана III), был заточен в 1491 г. по обвинению в измене и умер в заточении.

[40] *...с великимъ княземъ Дмитриемъ внукомъ...* — Внук Ивана III Дмитрий Иванович был в 1498 г. коронован «шапкой Мономаха» как наследник и соправитель деда, но в 1502 г. при неизвестных обстоятельствах низложен и заточен вместе с матерью (через несколько лет был убит); наследником Ивана III стал его второй сын Василий Иванович (отец Ивана Грозного).

[41] *...матери твоей дѣды...* — Предки Курбского по матери, Тучковы, занимали видное место при дворе деда и отца Ивана IV.

[42] *...еже писалъ еси...* — Далее следуют неточная цитата из Первого послания Курбского и развернутый ответ на нее.

[43] *«Вы отца вашего... и отецъ его».* — Ин. 8, 44.

[44] *...ниже ипаты и стратиги...* — Ипат (упат) (греч.) — правитель, консул; стратиг (греч.) — начальник, военачальник.

[45] *...подобно зерцалу... каковъ бѣ...* — Ср. Иак. 1, 23—24.

[46] *...«испидъ глухий... сокрушилъ есть»...* — Ср. Пс. 57, 5—7.

[47] *...великий государь Василей... преиде на небесная...* — Василий III умер в 1533 г.

[48] *...святопочившимъ Георгиемъ.* — Младший брат Ивана IV, Юрий, умер в 1563 г.

[49] *...литаонска, и поляковъ, и перекопий, тарханей и нагай, и казани...* — В правление матери Ивана IV Елены Глинской Русское государство не раз подвергалось нападениям. В 1535 г. в результате заговора в Казани вместо московского ставленника ханом стал крымский ставленник Сафа-Гирей; Елене пришлось признать его. Крымские («перекопские») ханы совершали отдельные набеги, но внутренние смуты не давали возможности крымцам начать большую войну. В Астрахани («Тархане») произошел государственный переворот, и ханом вместо дружественного России Абдэль-Рахмана стал Дербыш-Али. Ногайская орда, расположенная между средним и нижним течением Волги и р. Яиком, также обнаруживала в 1534—1535 гг. признаки враждебности. О столкновениях с Польско-Литовским государством см. следующий коммент.

[50] *...князь Семенъ Бѣлской да Иванъ Ляцкой...* — Бегство С. Ф. Бельского и окольничего И. В. Ляцкого к польскому королю Сигизмунду I относится к 1534 г. С 1534 г. шла война с Польско-Литовским государством, но уже в 1536—1537 гг. начались переговоры о перемирии. Не удовлетворенный таким ходом войны, С. Ф. Бельский отправился в Константинополь, вступил в переговоры с султаном и в 1536 г. ходил с турецко-крымскими войсками на Русь.

[51] *...якоже Ахитофель...* — Иван IV имеет в виду библейский рассказ о выступлении против царя Давида царевича Авессалома по наущению его советника Ахитофела.

[52] *...дядю нашего, князя Андрея Ивановича...* — Заговор князя Андрея Старицкого, брата Василия III, относится к 1537 г.; Андрей пытался поднять против Елены помещиков, служивших в Новгороде, но не достиг успеха и был вынужден сдаться.

[53] *...твой братъ, князь Иванъ княжь Семеновъ сынъ, княжь Петрова Головы Романовича...* — Грозный называет имена предков ярославского князя Ивана Семеновича (об участии которого в заговоре Андрея Старицкого других известий нет), чтобы подчеркнуть его родство с Андреем Курбским.

[54] *Радогощъ, Стародубъ, Гомей* — были взяты войсками Сигизмунда I в 1534—1535 гг.

[55] *...царице Елене, преити от земнаго царствия на небесное...* — Мать Ивана IV Елена Васильевна умерла в апреле 1538 г.; по известиям иностранцев, она была отравлена.

[56] *...князь Василей и князь Иванъ Шуйские самоволствомъ у меня в бережении учинилися...* — Осенью 1538 г. двум виднейшим представителям рода Шуйских — Василию Васильевичу (вскоре умершему) и Ивану Васильевичу — удалось добиться падения своего главного соперника И. Ф. Бельского.

[57] *...главные измѣнники... ихъ выпускали...* — Родич И. В. Шуйского Андрей Шуйский (арестованный в связи с заговором Андрея Старицкого) был освобожден еще весной 1538 г., сразу после смерти Елены Васильевны и ареста Овчины-Телепнева (тогда же был освобожден и И. Ф. Бельский).

[58] *...дьяка ближнего Федора Мишурина... позоровавши убили...* — Мишурин был казнен в октябре 1538 г.

[59] *...и Данила митрополита, сведше с митрополии, и в заточение послаша...* — Митрополит Даниил лишился митрополичьего престола в феврале 1539 г.; его преемником стал бывший троицкий игумен Иоасаф.

[60] *...Ивана Василевича Шуйского от себя отославъ... велѣлъ быти... Ивану Федоровичю Бѣлскому.* — И. Ф. Бельский, вновь арестованный осенью 1538 г., был освобожден «из нятства» летом 1540 г.; спустя год И. В. Шуйский был отправлен на воеводство во Владимир и к власти пришел И. Ф. Бельский. Едва ли видную роль в этих событиях играл Иван IV, ибо ему было тогда 10 лет.

[61] *...князь Иванъ Шуйской... пришелъ ратию к Москве...* — Новая победа Шуйских и арест И. Ф. Бельского относятся к январю 1542 г.

[62] *...Кубенские и иные...* — Дворецкий Иван Кубенский и его брат Михаил, родичи Курбских, выступали во время «боярского правления» и на стороне Шуйских, и на стороне Бельских.

[63] *...сослали на Белоезеро и убили...* — И. Ф. Бельский был убит на Белоозере в мае 1542 г.

[64] *...митрополита Иоасафа с великимъ безчестиемъ с митрополии согнаша.* — Свержение Иоасафа произошло во время переворота в январе 1542 г.; преемником его стал в марте того же года новгородский архиепископ Макарий.

[65] *...Андрей Шуйской...* — После смерти своего родича И. В. Шуйского (май 1542 г.) стал главным представителем рода Шуйских.

[66] *...Федора Семеновича Воронцова...* — Ф. С. Воронцов, углицкий дворецкий, представитель старомосковского боярского служилого рода, был, очевидно, приближенным малолетнего Ивана IV; описание попытки его убийства и последующих событий в послании Грозного близко к описанию в официальном Лицевом летописном своде, составленном, возможно, при участии царя.

[67] *...бояръ своихъ, Ивана да Василия Григорьевичевъ Морозовыхъ...* — Морозовы, как и Воронцовы, были представителями старомосковских служилых бояр.

[68] *...шесть лѣтъ и полъ...* — Грозный считал, что период «боярского правления» длился с начала 1538 по конец 1543 г., когда по приказу

юного царя был схвачен и убит псарями А. М. Шуйский. Фактически в последующие годы власть находилась в руках родичей матери Ивана IV — Глинских.

[69] *...научиша народъ скудожайшихъ умомъ...* — Пожар и народное восстание в Москве произошли в июне 1547 г. В официальном Лицевом своде вдохновителями восстания, направленного против Глинских, названы благовещенсжий протопоп Бармин, князь Ф. И. Шуйский, князь Ю. И. Темкин-Ростовский, бояре И. П. Федоров и Г. Ю. Захарьин и др. Однако Лицевой свод (в частности его последний том — Царственная книга) был составлен через несколько десятков лет после этих событий, когда все названные лица уже умерли (в большинстве — насильственной смертью). В других источниках восстание описывается как восстание «черных людей», вставших «вечьем».

[70] *...князя Юрья Василевича Глинсково...* — Речь идет о дяде царя; мать его, бабка Ивана IV Анна Глинская, обвиненная в колдовстве в связи с пожарами, осталась жива.

[71] *...церковь Пречистые Богородицы...* — Успенский собор.

[72] *...селѣ Воробъевѣ...* — «По кличу палача» народ во время восстания пришел в подмосковное село Воробьево (на Воробьевых горах); в послании Стоглавому собору 1551 г. царь писал, что «от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моа».

[73] *Князъ Михаил* — М. Л. Глинский, старший из дядьев царя, игравший видную роль в управлении страной.

[74] *...Иванъ Святый...* — Колокольня Ивана Лествичника (Ивана Великого) в Кремле.

[75] *«Аще царство... царство то».* — Мк. 3, 24.

[76] *...собаке, Алексѣю Адашову... не вѣмъ, какимъ обычаемъ из батожниковъ водворившася...* — Грозный преувеличивает незнатность Алексея Адашева. В действительности Адашевы представляли собой костромской дворянский род; уже отец Алексея, Федор Адашев, выполнял ответственные поручения царя.

[77] *...попа Селивестра...* — Сменивший замешанного в событиях 1547 г. протопопа кремлевского Благовещенского собора Ф. Бармина, Сильвестр был выходцем из Новгорода; он был связан с митрополитом Макарием.

[78] *...якоже Илия жрецъ...* — Первосвященник, захвативший, согласно библейскому рассказу, власть в период после правления ряда судей.

[79] *...собрахомъ... весь освященный соборъ русския митрополии...* — Речь идет, очевидно, об «освященном» соборе в феврале 1549 г., на котором впервые была провозглашена программа реформ (будущих реформ «Избранной рады»).

[80] *...вотчины вѣтру подобно раздаяли неподобно...* —Характеристика политики «Избранной рады», данная царем в послании, крайне тенденциозна и противоречит документальным источникам. В 1550 г. было объявлено о так называемом «испомещении тысячи» детей боярских под Москвой; в 1551 г. издан закон, запрещавший передачу княжеских вотчин в монастыри.

[81] *...князя Дмитрея Курлятева...* — Князь Д. И. Курлятев, получивший боярское звание в 1549 г., входил в Ближнюю думу и был одним из главных деятелей «Избранной рады»; в начале 60-х гг. подвергся опале вместе с А. Адашевым.

[82] *...бояромъ нашимъ, по нашему жалованию честию и предсѣданиемъ почтеннымъ быти...* — Царь, по-видимому, обвинял «Избранную раду» в том, что она брала на себя разрешение местнических споров. Однако в действительности в 1549 г. был издан закон противоположного характера, регламентировавший и ограничивавший местнические счеты в войске.

[83] *...со крестоносною хоругвию... двигшимся на безбожный языкъ казанский...* — Речь идет о походе 23 августа 1552 г., когда «велел государь хоругви крестиянские розвертети» *(ПСРЛ.* М., 1965. Т. XXIX. С. 95); в октябре 1552 г. Казань была взята.

[84] *...сына Димитрия...* — Дмитрий, первый из сыновей Ивана IV (от Анастасии Романовой), носивший это имя, родился в 1553 г. (спустя год, в 1554 г., он умер).

[85] *...намъ же немощию одержымымъ бывшимъ... возшаташася яко пиянии, с попомъ Селивестромъ и с началникомъ вашимъ Алексѣемъ Адашовымъ...* — События, произошедшие во время болезни царя в 1553 г., описываются в послании Ивана IV и других источниках по-разному. В наиболее раннем официальном летописном рассказе ни о каких спорах во время болезни не сообщается, но в приписке к этому рассказу (в Лицевом своде) говорится, что царь требовал присяги малолетнему сыну, а ряд бояр выступил против этого. Однако эти обвинения были выдвинуты уже позже, в 60-х гг., а непосредственно после 1553 г. лица, обвиняемые в этой приписке в «мятеже у царевой постели», сохраняли влияние и никаким преследованиям не подвергались.

[86] *...князя Володимера...* — Речь идет о двоюродном брате царя князе Владимире Старицком, сыне заточенного и погибшего в правление Елены Глинской Андрея Старицкого. В стремлении возвести на престол Владимира Андреевича более поздний летописный рассказ обвинял князей Щенятева, Пронского, Лобанова-Ростовского, а также Сильвестра, Палецкого, Курлятева и Фуникова.

[87] *...во внѣшнихъ писаниихъ древнихъ реченно есть...* — Далее приводятся слова Александра Македонского из сербской «Александрии», переводного романа конца XV в.

[88] *...царицу Анастасию...* — Анастасия, дочь Романа Юрьевича Захарьина, представителя старомосковского нетитулованного боярства, стала женой Ивана IV и царицей в 1547 г. Царь обвинял Адашева и его сторонников во враждебности к царице, ибо Адашевы боролись с Захарьиными-Юрьевыми в 50-х гг.

[89] *...ростовской князь Семенъ... пану Станиславу Давойну... нашу думу изнесѣ...* — Тайные переговоры между князем Семеном Лобановым-Ростовским и литовским послом Довойно могли происходить летом 1553 г., когда приезжал этот посол. В «Книге Посольского двора», № 4 (1549—1558 гг.) и наиболее раннем летописном рассказе говорилось, что Семен Ростовский «хотел бежати» за границу «от малоумства». В переписке к Лицевому своду упоминается тайный заговор, затеянный С. Ростовским и другими представителями крупного княжья; следователями по этому делу названы Д. Курлятев, Н. Фуников и Д. Палецкий — то есть люди, которых более поздняя приписка объявила противниками присяги во время царевой болезни.

[90] *...с Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицково.* — Судя по сообщению царя в его Втором послании Курбскому, судебная тяжба возникла из-за земли, принадлежавшей князьям Прозоровским и отписанной на малолетнего царевича Федора (родился в 1557 г.); Сицкий был женат на сестре царицы Анастасии и защищал, очевидно, интересы царевича.

[91] *...наченшись войнѣ, еже на германы...* — Война с Ливонией началась в январе 1558 г.

[92] *...попу же Силивестру... о томъ на насъ люте належаще...* — По-видимому, Сильвестр и другие деятели «Избранной рады» были противниками ведения большой войны в Прибалтике, отстаивая другое направление русской внешней политики — войну на юге с Крымом.

[93] *...с нашею царицею Анастасиею с немощною от Можайска... путное прехождение?* — В конце 1559 г. царю, находившемуся в Можайске с больной царицей, пришлось срочно выехать в Москву; в 1560 г. царица умерла.

[94] *...сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашова... милостивно ему свой гнѣвъ учинили...* — А. Адашев был отправлен летом 1560 г. в Ливонию, затем сослан в Юрьев (Тарту), где и умер; царь подозревал его в самоубийстве.

[95] *...попу же Селивестру... благословне отпустившимъ...* — Сильвестр был сослан в Соловецкий монастырь около 1560 г.

[96] *...чаду его сотворихъ... во благоденстве пребывати...* — Сын Сильвестра Анфим был послан дьяком в Смоленск в 1561 г.

[97] *...повинные по своей винѣ таковъ судъ прияли.* — Царь имеет в виду, очевидно, расправу над сторонниками «Избранной рады» —

насильственное пострижение Д. Курлятева, казнь брата А. Адашева Даниила и других его родичей, а также опалу князей Воротынских и др. в 1562 г.

[98] *...Дажитархани...* — Очевидно, Хаджи-Тархан (Астрахань). В присоединении Астрахани в 1557 г. Курбский сколько-нибудь видной роли не играл.

[99] *По апостолу Павлу реку...* — Ср. Деян. 10, 26.

[100] *...князя Семена Ивановича Микулинсково...* — Поход С. И. Пункова-Микулинского на Казань относится к 1545 г.

[101] *...боле пятинадесятъ тысящъ... тогда с нами не быша.* — Грозный имеет в виду так называемых «нетчиков» — лиц, не явившихся во время похода 1552 г. на Казань; царь приказывал «отписывать поместья» у таких «нетчиков».

[102] *...Янушу Угорскому?* — Венгерского магната Яна Заполю, ставшего в 1526 г. королем Венгрии после гибели в бою с турками юного Людовика Ягеллона, обвиняли в предательстве по отношению к Людовику.

[103] *...множае треюдесятъ тысящъ бранныхъ исходитъ в помощъ...* — О включении Грозным после взятия Казани и Астрахани в свое войско «неодолимой силы татар» писали и современники-иностранцы.

[104] *...ваша побѣда, еже Днепромъ и Дономъ?* — Походы на Днепр и Дон в 1558—1559 гг. против крымского хана, возглавлявшиеся перешедшим на русскую службу украинским магнатом, основателем Запорожской Сечи, Дмитрием Вишневецким и Даниилом Адашевым, несмотря на военные успехи, ни к чему не привели.

[105] *...О Иване же Шереметеве...* — Речь идет о походе И. В. Шереметева в 1555 г. на крымцев.

[106] *...посылали... царя Шихалея... и воеводу, князя Михаила Василевича Глинсково...* — Поход на Ливонию бывшего казанского хана Шах-Али и М. В. Глинского происходил в начале 1558 г.

[107] ...*ко князю Петру Ивановичю Шуйскому, и к тебѣ... множае пятинадесятъ градовъ взясте.* — А. М. Курбский и П. И. Шуйский вступили в Ливонию со стороны Пскова в июле 1558 г. и завоевали Новгородок Ливонский (Нейшлос), Юрьев (Тарту) и ряд других городов.

[108] *...лукаваго ради напоминание датцкого короля...* — В марте 1559 г. Иван IV «для королева челобитья Датцкого» согласился на перемирие в Ливонии (до ноября). Перемирие было использовано ливонцами для обращения к германскому императору, польскому королю и другим западным государям за помощью.

[109] *...пред зимнимъ временемъ, и сколко тогда народу християнского погубили!* — В октябре—ноябре 1559 г., еще до истечения срока перемирия, войска нового ливонского магистра Кетлера, признавшего власть польского короля, напали на русские войска вблизи Юрьева; узнав об этом, Иван IV срочно выехал с больной царицей из Можайска в Москву.

[110] *...вы же едва одинъ Вельянъ взясте...* — В августе 1560 г. русские войска взяли крупную ливонскую крепость Феллин (Вильянди); русскими военачальниками были в это время А. Адашев и А. Курбский.

[111] *...от литовские рати дѣтскими страшилы устрашистеся!* — Вероятно, речь идет о потере русскими и взятии польско-литовскими войсками в начале 1561 г. города Тарваса (Тарвасту) с помощью подкопа.

[112] *Под Пайду... ничто же успѣсте!* — Осада русскими войсками города Пайды (Пайде, Вайссенштейн) в конце 1560 г. окончилась неудачей; в конце концов город был взят шведами.

[113] *...уже бы вся Германия была за православиемъ.* — На собрании представителей Германской Римской империи («депутационстаг») в октябре 1560 г. ряд князей высказал ту же мысль о возможности завоевания Иваном IV Мекленбурга, Пруссии и других германских земель.

[114] *...епископа коломенского Феодосия...* — Феодосий был епископом коломенским с 1542 г.; о «гонениях» на него при «Избранной раде» других сведений нет.

[115] *...о казначее нашемъ Миките Афонасиевиче?* — Речь идет о Н. А. Фуникове-Курцеве, удаленном в середине 50-х гг. из Казенного приказа (в «Дворовой тетради» тех лет около его имени помета: «в опале») и ставшем первым казначеем лишь в 1560—1561 гг. По-видимому, Н. А. Фуников был сторонником Захарьиных и находился в немилости у Сильвестра и Адашева.

[116] *Отецъ твой былъ князя Михайла Кубенского бояринъ, понеже онъ ему дядя...* — Князья Кубенские, как и Курбские, — потомки ярославских князей; утверждение Ивана IV, что М. М. Курбский был бояриномМ. И. Кубенского, — обычное для него преувеличение; в местнических счетах Курбский и Кубенский занимали равное место.

[117] *...послахомъ тя въ свою вотчину, в Казань, непослушныхъ намъ повинити...* — Речь идет об участии Курбского в подавлении восстания в Казанском царстве в 1553—1554 гг. Воеводы привели «большой полон», но царь, стремившийся привлечь татарскую знать на службу, был недоволен излишней жестокостью этой «карательной экспедиции».

[118] *...на Тулу, недругъ нашъ приходилъ крымской царь...* — Поход крымцев на Тулу происходил в 1552 г.; воевода Г. И. Темкин-Ростовский

и другие военачальники «поехали к государю» и пришли в Тулу через 3 часа после ухода хана; отпор крымцам дало само население города.

[119] *...под... Невлемъ пятьюнадесятъ тысящъ четырехъ тысящъ не могосте побити...* — В августе 1562 г. польско-литовские войска напали на русскую пограничную крепость Невель; в этом сражении Курбский был ранен. Об этой неудаче русских войск сообщают и польские источники.

[120] *Ниже мните мя дѣтскими страшилы устрашити, якоже прежде того с попомъ Селивестромъ...* — Это обвинение царя против Сильвестра подтверждается и словами Курбского в его «Истории», что Сильвестр «пущал», воздействуя на царя, «ужасновение... для детских неистовых его нравов».

[121] *...кто обрящетъ мужа правдива, иже зыкры очи имуща?* — Правильно, вероятно, «зекры» (голубые), как читается в одном из списков другой редакции. Заявление Грозного о нежелании видеть «ефиопского лица» Курбского — не простая полемическая грубость, а отражение средневековой физиономистики, предостерегавшей против людей с «зекрыми» глазами («Тайная тайных»).

[122] *...вами уподобляемую Евдоксе...* — Императрица Евдокия, супруга византийского императора Аркадия (конец IV—начало V в.), гонительница виднейшего церковного деятеля Иоанна Златоуста.

[123] *...князь Феодоръ Ростиславичъ... царицу нашу от вратъ смертныхъ воздвигъ?* — Речь идет об обращении больной царицы Анастасии к мощам князя Федора Ярославского, предка Курбского.

[124] *...чада Авраамля... сѣмя Авраамле.* — Цитаты из: Ин. 8, 39; Мф. 3, 9; Рим. 9, 7; Гал. 3, 7.

[125] *В нашей же вотчинѣ, в Вифлянской землѣ, градъ Володимерь...* — Город Владимир Ливонский (Вольмар, Валмиера), который, как и всю Ливонию, царь считал своей «вотчиной», находился с 1559 г. под властью польского короля Сигизмунда II Августа. Курбский назвал его в своем послании «градом государя моего, Августа Жигимонта»; Грозный видел в этом еще одно доказательство его «собацкой измены».

[126] *...тамъ особь кождо о своемъ попечение имѣя.* — Грозный имеет в виду Польско-Литовское государство, где короли, власть которых утверждалась сеймом, были, по его представлениям, «худейша худейших раб» и не могли повелевать и заботиться о своих подданных.

[127] *...степени честнаго порога...* — Это выражение, как и в посланиях шведскому королю Юхану III, должно было подчеркивать высокий ранг русских государей.

ПЕРЕВОД

БЛАГОЧЕСТИВОГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВСЕЯ РУСИ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ПОСЛАНИЕ ВО ВСЕ ЕГО ВЕЛИКОЙ РОССИИ ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ КРЕСТОПРЕСТУПНИКОВ, КНЯЗЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА КУРБСКОГО С ТОВАРИЩАМИ, ОБ ИХ ИЗМЕНЕ

Бог наш Троица, прежде всех времен бывший и ныне сущий, Отец и Сын и Святой Дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, именем которого цари прославляются и властители пишут правду; Богом нашим Иисусом Христом дана была единородного слова Божия победоносная и вовеки непобедимая хоругвь — крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия. И после того как исполнилась повсюду воля Провидения и божественные слуги слова Божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по Божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, удостоившегося высокой чести от греков, и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за Доном победу над безбожными агарянами, вплоть до отомстителя за неправды — деда нашего, великого князя Ивана, и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего великого государя Василия, и до нас пребывает, смиренных скипетродержателей Российского царства. Мы же хвалим Бога за безмерную его милость, ниспосланную нам, что не допустил он доныне, чтобы десница наша обагрялась кровью единоплеменников, ибо мы не возжелали ни у кого отнять царства, но по Божию изволению и по благословению прародителей и родителей своих как родились на царстве, так и воспитались и возмужали, и Божиим повелением воцарились, и взяли нам принадлежащее по благословению прародителей своих и родителей, а чужого не возжелали. Этого истинно православного христианского самодержавия, многою властию обладающего, повеление и наш христианский смиренный ответ бывшему прежде истинного православного христианства и нашего самодержавия боярину, и советнику, и воеводе, ныне же — отступнику от честного и животворящего креста Господня и губителю христиан, и примкнувшему к врагам христианства, отступившему от поклонения божественным иконам, и поправшему все священные установления, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священные сосуды и образы, подобно Исавру, Гноетезному и Армянину, их всех в себе соединившему — князю Андрею Михайловичу Курбскому, изменнически пожелавшему стать ярославским князем, — да будет ведомо.

Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою единородную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть напоследок все равно похитит тебя; зачем ради тела душой пожертвовал, если устрашился смерти, поверив лживым словам своих бесами наученных друзей и советчиков? И повсюду, как бесы во всем мире, так и изволившие стать вашими друзьями и слугами, отрекшись от нас, нарушив крестное целование, подражая бесам, раскинули против нас различные сети и, по обычаю бесов, всячески следят за нами, за каждым словом и шагом, принимая нас за бесплотных, и посему возводят на нас многочисленные поклепы и оскорбления, приносят их к вам и позорят нас на весь мир. Вы же за эти злодеяния раздаете им многие награды нашей же землей и казной, заблуждаясь, считаете их слугами, и, наполнившись этих бесовских слухов, вы, словно смертоносная ехидна, разъярившись на меня и душу свою погубив, поднялись на церковное разорение. Не полагай, что это справедливо — разъярившись на человека, выступить против Бога; одно дело — человек, даже в царскую порфиру облеченный, а другое дело — Бог. Или мнишь, окаянный, что убережешься? Нет уж! Если тебе придется вместе с ними воевать, тогда придется тебе и церкви разорять, и иконы попирать, и христиан убивать; если где и руками не дерзнешь, то там много зла принесешь и смертоносным ядом своего умысла.

Представь же себе, как во время военного нашествия конские копыта попирают и давят нежные тела младенцев! Когда же зима наступает, еще больше жестокостей совершается. И разве твой злобесный собачий умысел изменить не похож на злое неистовство Ирода, явившегося убийцей младенцев? Это ли считаешь благочестием — совершать такие злодейства? Если же ты возразишь, что мы тоже воюем с христианами — германцами и литовцами, то это совсем не то. Если бы и христиане были в тех странах, то ведь мы воюем по обычаям своих прародителей, как и прежде многократно бывало; но сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан, кроме мелких церковных служителей и тайных рабов Господних. Кроме того, и война с Литвой вызвана вашей же изменой, недоброжелательством и легкомысленным небрежением.

Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против Бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылось на тебе сказанное: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». В том ли твое благочестие, что ты погубил себя из-за своего себялюбия, а не ради Бога? Могут же догадаться находящиеся возле тебя и способные к размышлению, что в тебе — злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в той кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а дар благой? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоялся смертного приговора по навету, поверив злодейской лжи

твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел, как это бывало в прошлом, так и есть ныне. Почему же ты презрел слова апостола Павла, который сказал: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти кроме как от Бога: тот, кто противится власти, противится Божьему повелению». Посмотри на это и вдумайся: кто противится власти — противится Богу; а кто противится Богу — тот именуется отступником, а это наихудшее из согрешений. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти, добытой кровью и войнами. Вдумайся в сказанное, ведь мы не насилием добыли царства, тем более поэтому, кто противится такой власти — противится Богу. Тот же апостол Павел сказал (и этим словам ты не внял): «Рабы, слушайтесь своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». Но это уж воля Господня, если придется пострадать, творя добро. Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни?

Но ради преходящей славы, себялюбия, радостей мира сего все свое душевное благочестие, вместе с христианской верой и законом, ты попрал, уподобился семени, брошенному на камень и выросшему; когда же воссияло знойное солнце, тотчас же, из-за одного ложного слова, поддался ты искушению, и отвергся, и не вырастил плода; из-за лживых слов ты уподобился семени, упавшему на дорогу, ибо дьявол исторг из твоего сердца посеянную там истинную веру в Бога и преданную службу нам и подчинил тебя своей воле. Потому и все Божественные Писания наставляют в том, что дети не должны противиться родителям, а рабы господам ни в чем, кроме веры. А если ты, научившись у отца своего, дьявола, всякое лживыми словами своими сплетаешь, будто бы бежал от меня ради веры, то — жив Господь Бог мой, жива душа моя — в этом не только ты, но и твои единомышленники, бесовские слуги, не смогут нас обвинить. Но более всего уповаем — воплощения Божьего слова и пречистой его Матери, заступницы христианской, милостью и молитвами всех святых — дать ответ не только тебе, но и тем, кто попрал святые иконы, отверг христианскую Божественную тайну и отступил от Бога (ты же с ними полюбовно объединился), обличить их словом, и провозгласить благочестие, и объявить, что воссияла благодать.

Как же ты не стыдишься раба своего Васьки Шибанова? Он ведь сохранил свое благочестие, перед царем и перед всем народом стоя, у порога смерти, не отрекся от крестного целования тебе, прославляя тебя всячески и вызываясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то незначительного гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков, — ибо по Божьему изволению Бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили до своей смерти и завещали вам, своим детям, служить детям

и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой нарушив крестное целование, присоединился к врагам христианства; и к тому же еще, не подумав о собственном злодействе, нелепости говоришь этими неумными словами, будто в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить подобно ему перед своим господином.

Писание твое принято и прочитано внимательно. А так как змеиный яд таишь ты под языком своим, то хотя письмо твое по хитрости твоей наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни; как сказал пророк: «Слова их мягче елея, но подобны они стрелам». Так ли привык ты, будучи христианином, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от Бога данному, как делаешь ты, изрыгая яд по обычаю бесовскому? Начало своего письма ты написал, размышляя о наватской ереси, думая не о покаянии, а — подобно Навату — о том, что выше человеческой природы. А когда ты про нас написал: «среди православных и среди пресветлых явившемуся», — то это так и есть: как в прошлом, так и сейчас веруем верой истинной в истинного и живого Бога. А что до слов «сопротивным, разумеющий совесть прокаженную имея», то тут ты по-наватски рассуждаешь и не думаешь об евангельских словах.<...>

Разве это и есть «совесть прокаженная» — держать свое царство в своих руках, а своим рабам не давать господствовать? Это ли «против разума» — не хотеть быть под властью своих рабов? И это ли «православие пресветлое» — быть под властью и в повиновении у рабов?

Это все о мирском; в духовном же и церковном если и есть некий небольшой грех, то только из-за вашего же соблазна и измены, кроме того, и я человек: нет ведь человека без греха, один Бог безгрешен; а не так как ты — считаешь себя выше людей и равным ангелам. А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! И этого в своей озлобленности не смог ты понять, считая благочестием, чтобы самодержавие подпало под власть известного тебе попа и под ваше злодейское управление. А это по твоему рассуждению «нечестие», когда мы сами обладаем властью, данной нам от Бога, и не хотим быть под властью попа и вашего злодейства? Это ли мыслится «супротивно», что вашему злобесному умыслу тогда — Божьей милостью, и заступничеством пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и родительским благословением — не дал погубить себя? Сколько зла я тогда от вас претерпел, обо всем это подробнее дальнейшие слова известят.

Если же ты вспоминаешь о том, что в церковном предстоянии что-то не так было и что игры бывали, то ведь это тоже было из-за ваших коварных замыслов, ибо вы отторгли меня от спокойной духовной жизни и по-фарисейски взвалили на меня едва переносимое бремя, а сами и пальцем не шевельнули; и поэтому было церковное предстояние нетвердо, частью из-за забот царского правления, вами подорванного, а иногда — чтобы избежать ваших коварных замыслов. Что же до игр, то лишь снисходя к человеческим слабостям, ибо вы много народа увлекли своими коварными замыслами, устраивал я их для того, чтобы он нас, своих государей, признал, а не вас, изменников, подобно тому как мать разрешает детям забавы в младенческом возрасте, ибо когда они вырастут, то откажутся от них сами или, по советам родителей, к более достойному обратятся, или подобно тому как Бог разрешил евреям приносить жертвы, — лишь бы Богу приносили, а не бесам. А чем у вас привыкли забавляться?

В том ли «супротивным явился», что я не дал вам погубить себя? А ты зачем против разума душу свою и крестное целование ни во что счел, из-за мнимого страха смерти? Советуешь нам то, чего сам не делаешь! По-наватски и по-фарисейски рассуждаешь: по-наватски потому, что требуешь от человека большего, чем позволяет человеческая природа, по-фарисейски же потому, что, сам не делая, требуешь этого от других. Но всего более этими оскорблениями и укорами, которые вы как начали в прошлом, так и до сих пор продолжаете, ярясь как дикие звери, вы измену свою творите — в этом ли состоит ваша усердная и верная служба, чтобы оскорблять и укорять? Уподобляясь бесноватым, дрожите и, предвосхищая Божий суд, и, прежде его, своим злолукавым и самовольным приговором со своими начальниками, с попом и Алексеем, осуждаете меня, как собаки. И этим вы стали противниками Богу, а также и всем святым и преподобным, прославившимся постом и подвигами, отвергаете милосердие к грешным, а среди них много найдешь падших, и вновь восставших (не позорно подняться!), и подавших страждущим руку, и от бездны грехов милосердно отведших, по апостолу, «за братьев, а не за врагов их считая», ты же отвернулся от них! Так же как эти святые страдали от бесов, так и я от вас пострадал.

Что же ты, собака, совершив такое злодейство, пишешь и жалуешься? Чему подобен твой совет, смердящий хуже кала? Или, по-твоему, праведно поступили твои злобесные единомышленники, сбросившие монашескую одежду и воюющие против христиан? Или готовитесь ответить, что это было насильственное пострижение? Но не так это, не так! Как говорил Иоанн Лествичник: «Видел я насильственно обращенных в монахи, которые стали праведнее, чем постригшиеся добровольно». Что же вы этому слову не последовали, если благочестивы? Много было насильно постриженных и получше Тимохи даже среди царей, а они не оскверняли иноческого образа. Тем же, которые дерзали расстричься, это на пользу не пошло — их ждала еще

худшая гибель, духовная и телесная, как было с князем Рюриком Ростиславичем Смоленским, постриженным по приказу своего зятя Романа Галичского. А посмотри на благочестие его княгини: когда он захотел освободить ее от насильственного пострижения, она не пожелала преходящего царства, а предпочла вечное и приняла схиму; он же, расстригшись, пролил много христианской крови, разграбил святые церкви и монастыри, игуменов, попов и монахов истязал и в конце концов не удержал своего княжения, и даже имя его забыто.<...>

Как же ты не смог этого понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться? Апостол сказал: «К одним будьте милостивы, отличая их, других же страхом спасайте, исторгая из огня». Видишь ли, что апостол повелевает спасать страхом? Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний. Неужели ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств? Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников еще опаснее! Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Что же должен делать правитель, как не разбирать несогласия своих подданных?<...>

Разве же это «супротив разума» — сообразоваться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина: как он ради царства сына своего, им же рожденного, убил! И князь Федор Ростиславич, прародитель ваш, сколько крови пролил в Смоленске во время Пасхи! А ведь они причислены к святым.<...> Ибо всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими; добрым же — милосердие и кротость, злым же — жестокость и муки, если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных. Если же ты добр и праведен, то почему, видя, как в царском совете разгорелся огонь, не погасил его, но еще сильнее разжег? Где тебе следовало разумным советом уничтожить злодейский замысел, там ты еще больше посеял плевел. И сбылось на тебе пророческое слово: «Вы все разожгли огонь и ходите в пламени огня вашего, который вы сами на себя разожгли». Разве ты не сходен с Иудой-предателем? Так же как он ради денег разъярился на владыку всех и отдал его на убиение, находясь среди его учеников, а веселясь с иудеями, так и ты, живя с нами, ел наш хлеб и нам служить обещался, а в душе копил злобу на нас. Так-то ты соблюл крестное целование желать нам добра во всем без всякой хитрости? Что же может быть подлее твоего коварного умысла? Как говорил премудрый: «Нет головы злее головы змеиной», также и нет злобы злее твоей.<...>

Неужели же ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-невежды и злодеев-изменников, а царь им повинуется? А это, по-твоему, «супротивно разуму и прокаженная совесть», когда невежда вынужден молчать, злодеи отражены и царствует Богом поставленный царь? Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Тебе чего захотелось — того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам? Это ты нам советуешь? Так пусть эта погибель падет на твою голову!<...>

Неужели же это свет — когда поп и лукавые рабы правят, царь же — только по имени и по чести царь, а властью нисколько не лучше раба? И неужели это тьма — когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет?<...>

Скажешь, что я, переворачивая единое слово, пишу все одно и то же? Но в том-то причина и суть всего вашего злобесного замысла, ибо вы с попом решили, что я должен быть государем только на словах, а вы бы с попом — на деле. Потому все так и случилось, что вы до сих пор не перестаете строить злодейские козни. Вспомни, когда Бог избавил евреев от рабства, разве он поставил перед ними священника или многих управителей? Нет, он поставил владеть ими одного царя — Моисея, священствовать же приказал не ему, а брату его Аарону, но зато запретил заниматься мирскими делами; когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от Бога. Заключи из этого, что не подобает священнослужителям браться за дела правления.<...>

Посмотри на все это и подумай, какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как погибли эти страны. Это ли и нам посоветуешь, чтобы к такой же гибели прийти? И в том ли благочестие, чтобы не управлять царством, и злодеев не держать в узде, и отдаться на разграбление иноплеменникам? Или скажешь мне, что там повиновались святительским наставлениям? Хорошо это и полезно! Но одно дело — спасать свою душу, а другое дело — заботиться о телах и душах многих людей; одно дело — отшельничество, иное — монашество, иное — священническая власть, иное — царское правление. Отшельничество подобно агнцу, никому не противящемуся, или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницу; монахи же, хотя и отреклись от мира, но, однако, имеют уже обязанности, подчиняются уставам и заповедям, — если они не будут всего этого соблюдать, то совместное житие их расстроится; священническая же власть требует строгих запретов словом за вину и зло, допускает славу, и почести, и украшения, и подчинение одного другому, чего инокам не подобает; царской же власти позволено действовать страхом, и запрещением, и обузданием и

строжайше обуздать безумие злейших и коварных людей. Так пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. И разве подобает царю, если его бьют по щеке, подставлять другую? Это самая совершенная заповедь. Как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священникам это подобает. Уразумей поэтому разницу между царской и священнической властью! Даже у отрекшихся от мира встретишь многие тяжелые наказания, хотя и не смертную казнь. Насколько суровее должна наказывать злодеев царская власть!

Так же неприемлемо и ваше желание править теми городами и областями, где вы находитесь. Ты сам своими бесчестными очами видел, какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители, и потому можешь понять, что это такое.<...>

Как же ты называешь таких изменников доброжелателями? Так же, как однажды в Израиле заговорщики, изменнически и тайно сговорившись с Авимелехом, сыном Гедеона от любовницы, то есть от наложницы, перебили в один день семьдесят сыновей Гедеона, родившихся от его законных жен, и посадили на престол Авимелеха, вы, по собачьему своему изменническому обыкновению, хотели истребить законных царей, достойных царства, и посадить на престол хоть и не сына наложницы, но дальнего царского родственника. Какие же вы доброжелатели и как же вы душу за меня готовы положить, если, подобно Ироду, хотели моего сосущего молоко младенца смертью жестокою свести со света сего и посадить на царство чужого царя? Так-то вы душу за меня готовы положить и добра мне желаете? Разве так поступили бы со своими детьми: дали бы вы им вместо яйца скорпиона и вместо рыбы камень? Если вы злы, то почему умеете творить добро своим детям, а если вы считаетесь добрыми и сердечными, то почему же вы не творите так же добра нашим детям, как и своим? Но вы еще от прародителей научились изменять: как дед твой Михайло Карамыш вместе с князем Андреем Углицким умыслил измену против нашего деда, великого государя Ивана, так и отец твой, князь Михаил, с великим князем Дмитрием-внуком многие беды замышлял и готовил смерть отцу нашему, блаженной памяти великому государю Василию, так же и деды твоей матери — Василий и Иван Тучки — говорили оскорбительные слова нашему деду, великому государю Ивану; так же и дед твой Михайло Тучков, при кончине нашей матери, великой царицы Елены, много говорил о ней высокомерных слов нашему дьяку Елизару Цыплятеву; и так как ты ехидны отродье, потому и изрыгаешь такой яд. Этим я достаточно объяснил тебе, почему я по твоему злобесному разуму «стал супротивным разумевая» и «разумевая, совесть прокаженную имеющий», но не измышляй, ибо в державе моей таковых нет. И хотя твой отец, князь Михаил, много претерпел гонений и уничижений, но такой измены, как ты, собака, он не совершил.

А когда ты вопрошал, зачем мы перебили сильных во Израиле и воевод, данных нам Богом для борьбы с врагами нашими, различным казням предали и их святую и геройскую кровь в церквах Божиих пролили, и кровью мученическою обагрили церковные пороги, и придумали неслыханные мучения, казни и гонения для своих доброхотов, полагающих за нас душу, облыгая православных и обвиняя их в изменах, чародействе и в ином непотребстве, то ты писал и говорил ложь, как научил тебя отец твой, дьявол, ибо сказал Христос: «Вы дети дьявола и хотите исполнить желания отца вашего, ибо он был искони человекоубийца и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». А сильных во Израиле мы не убивали, и не знаю я, кто это сильнейший во Израиле, потому что Русская земля держится Божьим милосердием, и милостью пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей, и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, а тем более не ипатами и стратигами. Не предавали мы своих воевод различным смертям, а с Божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников. А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить.

Крови же в церквах Божьих мы никакой не проливали. Победоносной же и святой крови в нынешнее время в нашей земле не видно, и нам о ней неведомо. А церковные пороги — насколько хватает наших сил и разума и верной службы наших подданных — светятся всякими украшениями, достойными Божьей церкви, всякими даяниями; после того как мы избавились от вашей бесовской власти, мы украшаем не только пороги, но и помост, и преддверие, — это могут видеть и иноплеменники. Кровью же никакой мы церковных порогов не обагряем; мучеников за веру у нас нет; когда же мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренно, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах одаряют и хвалят, а за глаза поносят и укоряют (подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает отошедшего), когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат нам честно и не забывают, подобно зеркалу, порученной службы, то мы награждаем их великим жалованием; тот же, который, как я сказал, противится, заслуживает казни за свою вину. А в других странах сам увидишь, как там карают злодеев — не по-здешнему. Это вы по своему злобесному нраву решили любить изменников, а в других странах изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою.

А мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали; если же ты вспоминаешь о изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят.

А то, что мы оболгали православных, то ты сам уподобился аспиду глухому, ибо, по словам пророка, «аспид глухой затыкает уши свои, чтобы не слышать голоса заклинателя, иначе будет заклят премудрым, ибо зубы в пасти их сокрушил Господь и челюсти львам раздробил»; если уж я облыгаю, от кого же тогда ждать истины? Что же, по твоему злобесному мнению, что бы изменники ни сделали, их и обличить нельзя? А облыгать мне их для чего? Что мне желать от своих подданных? Власти, или их худого рубища, или хлебом их насытиться? Не смеха ли достойна твоя выдумка? Чтобы охотиться на зайцев, нужно множество псов, чтобы побеждать врагов — множество воинов: кто же, имея разум, будет без причины казнить своих подданных!

Выше я обещал подробно рассказать, как жестоко я пострадал из-за вас в юности и страдаю доныне. Это известно всем (ты был еще молод в те годы, но, однако, можешь знать это): когда по Божьей воле, сменив порфиру на монашескую рясу, наш отец, великий государь Василий, оставил это бренное земное царство и вступил на вечные времена в царство небесное предстоять пред Царем царей и Господином государей, мы остались с родным братом, святопочившим Георгием. Мне было три года, брату же моему год, а мать наша, благочестивая царица Елена, осталась несчастнейшей вдовой, словно среди пламени находясь: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы — литовцы, поляки, крымские татары, Астрахань, ногаи, казанцы, и от вас, изменников, пришлось претерпеть разные невзгоды и печали, ибо князь Семен Бельский и Иван Ляцкий, подобно тебе, бешеной собаке, сбежали в Литву, и куда только они не бегали, взбесившись, — и в Царьград, и в Крым, и к ногаям, и отовсюду шли войной на православных. Но ничего из этого не вышло: по Божьему заступничеству и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и по молитвам и благословению наших родителей все эти замыслы рассыпались в прах как заговор Ахитофела. Потом изменники подняли против нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду (вот кого ты хвалишь и называешь доброжелателями, готовыми положить за нас душу), а от нас в это время отложились и присоединились к дяде нашему, к князю Андрею, многие бояре во главе с твоим родичем, князем Иваном, сыном князя Семена, внуком князя Петра Головы Романовича, и многие другие. Но с Божьей помощью этот заговор не осуществился. Не то ли это доброжелательство, за которое ты их хвалишь? Не в том ли они за нас свою душу кладут, что хотели погубить нас, а дядю нашего посадить на престол? Затем же они, как подобает изменникам, стали уступать нашему врагу, государю литовскому, наши вотчины, города Радогощь, Стародуб, Гомель, — так ли доброжелательствуют? Если в своей земле некого подучить, чтобы погубили славу родной земли, то вступают в союз с иноплеменниками — лишь бы навсегда погубить землю!

Когда же суждено было по Божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой царице Елене, переселиться из земного царства в

небесное, остались мы со святопочившим в Боге братом Георгием круглыми сиротами — никто нам не помогал; оставалась нам надежда только на милосердие Божие, и на милость пречистой Богородицы, и на всех святых молитвы и уповали лишь на благословение родителей наших. Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца, и воевод перебили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери нашей перенесли в Большую казну, при этом неистово пиная ногами и тыча палками, а остальное разделили. А ведь делал это дед твой, Михайло Тучков. Вот так князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли, свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единородным братом моим, святопочившим в Боге Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить подобные бессчетные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалование, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние. А известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая зеленая на куницах, да к тому же на потертых; так если это и было их наследство, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. А о казне наших дядей что и говорить? Всю себе захватили. Потом напали на города и села и, подвергая жителей различным жестоким мучениям, без жалости грабили их имущество. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее поступали и говорили.

Так они жили много лет, но когда я стал подрастать, то не захотел быть под властью своих рабов и поэтому князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал на службу, а при себе велел быть боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Так же вот и князь Андрей Шуйский и его единомышленники явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, оборвали на нем одежду, вытащили из нашей столовой палаты и хотели его убить. Тогда мы послали к ним митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они с неохотой послушались наших слов и сослали его в Кострому, а митрополита толкали и разорвали на нем мантию с украшениями, а бояр пихали взашей. Это они-то — доброжелатели, что вопреки нашему повелению хватали угодных нам бояр и избивали их, мучили и ссылали? Так ли они охотно душу за нас, государей своих, отдают, если приходят на нас войной, а на глазах у нас сонмищем иудейским захватывают бояр, а государю приходится сноситься с холопами и государю упрашивать своих холопов? Хороша ли такая верная воинская служба? Вся вселенная будет насмехаться над такой верностью! Что же и говорить о притеснениях, бывших в то время? Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!

Когда же нам исполнилось пятнадцать лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава Богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи часто раздражают Бога, то случился за наши грехи по Божьему гневу в царствующем граде Москве пожар, и наши изменники-бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто мать матери нашей, княгиня Анна Глинская, со своими людьми и слугами вынимала человеческие сердца и таким колдовством спалила Москву и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников народ, собравшись по обычаю иудейскому, с криками захватил в приделе церкви великомученика Христова Димитрия Солунского нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского, втащили его в соборную и апостольскую церковь Пречистой Богородицы и бесчеловечно убили напротив митрополичьего места, залив церковь кровью, и, вытащив его тело через передние церковные двери, положили его на торжище, как осужденного преступника. И это убийство в церкви всем известно, а не то, о котором ты, собака, лжешь! Мы жили тогда в своем селе Воробьеве, и те же изменники подговорили народ и нас убить за то, что

мы будто бы прячем от них у себя мать князя Юрия, княгиню Анну, и его брата, князя Михаила. Как же не посмеяться над таким измышлением? Чего ради нам самим жечь свое царство? Сколько ведь ценных вещей из родительского благословения у нас сгорело, каких во всей вселенной не сыщешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое собственное имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег. Во всем видна ваша собачья измена! Это похоже на то, как если бы попытаться окропить водой колокольню Ивана Святого, имеющую столь огромную высоту. Это — явное безумие. В этом ли состоит достойная служба нам наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи стаи, убивают наших бояр, да еще наших родственников? И так ли душу свою за нас полагают, что всегда жаждут отправить душу нашу из мира сего в вечную жизнь? Нам велят свято чтить закон, а сами нам в этом последовать не хотят! Что же ты, собака, гордо хвалишься и хвалишь за воинскую доблесть других собак-изменников? Господь наш Иисус Христос сказал: «Если царство разделится, то оно не сможет устоять», кто же может вести войну против врагов, если его царство раздирается междоусобными распрями? Как может цвести дерево, если у него высохли корни? Так и здесь: пока в царстве не будет должного порядка, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель не укрепляет постоянно войско, то скорее он будет побежденным, чем победителем. Ты же, все это презрев, одну храбрость хвалишь; а на чем храбрость основывается — это для тебя неважно, ты, оказывается, не только не укрепляешь храбрость, но сам ее подрываешь. И выходит, что ты — ничтожество; в доме ты — изменник, а в военных делах ничего не понимаешь, если хочешь укрепить храбрость в самовольстве и в междоусобных бранях, а это невозможно.

Был в это время при нашем дворе собака Алексей Адашев, ваш начальник, еще в дни нашей юности, не пойму каким образом, возвысившийся из телохранителей; мы же, видя все эти измены вельмож, взяли его из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на верную его службу. Каких почестей и богатств не удостоили мы его, и не только его, но и его род! Какой же верной службой он отплатил нам за это, расскажем дальше. Потом, для совета в духовных делах и спасения своей души, взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у престола Господня, побережет свою душу, а он, поправ свои священнические обеты и свой сан и право предстоять с ангелами у престола Господня, к которому стремятся ангелы преклониться, где вечно приносится в жертву за спасение мира агнец Божий и никогда не гибнет, он, еще при жизни удостоившийся серафимской службы, все это попрал коварно, а сперва как будто начал творить благо, следуя Божественному Писанию. Так как я знал из Божественного Писания, что подобает без раздумий повиноваться добрым наставникам, и ему, ради совета его духовного, повиновался своей волей, а не по неведению; он же, желая власти, как Илья-жрец, начал также окружать себя мирскими друзьями. Потом собрали мы всех архиепископов, епископов и весь священный собор русской митрополии и получили прощение на соборе том от нашего отца и богомольца митрополита всея Руси

Макария за то, что мы в юности возлагали опалы на вас, бояр, также и за то, что вы, бояре наши, выступали против нас; вас же, бояр своих, и всех прочих людей за вины все простили и обещали впредь об этом не вспоминать, и так признали всех вас верными слугами.

Но вы не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью. Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: и так вместо духовных стали обсуждать мирские дела, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам и в чести вас почти что равняли с нами, а мелких детей боярских по чести вам уподобляли. И так мало-помалу это зло окрепло, и стали вам возвращать вотчины, и города, и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не надлежит быть у вас; и те вотчины, словно ветром разметав, беззаконно роздали, нарушив уложение нашего деда, и этим привлекли к себе многих людей. И потом ввели к нам в совет своего единомышленника, князя Дмитрия Курлятева, делая вид, что он заботится о нашей душе и занимается духовными делами, а не хитростями; затем начали они со своим единомышленником осуществлять свои злые замыслы, не оставив ни одного места, где бы у них не были назначены свои сторонники, и так во всем смогли добиться своего. Затем с этим своим единомышленником они лишили нас прародителями данной власти и права распределять честь и места между вами, боярами нашими, и взяли это дело в свое ведение и усмотрение, как вам заблагорассудится и будет угодно, потом же окружили себя друзьями и всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, — все решения и установления принимали по своей воле и желаниям своих советников. Если мы предлагали даже что-либо хорошее, им это было неугодно, а их даже негодные, даже плохие и скверные советы считались хорошими.

Так было и во внешних делах, и во внутренних, и даже в мельчайших и самых незначительных, вплоть до пищи и сна, нам ни в чем не давали воли, все свершалось согласно их желанию, на нас же смотрели, как на младенцев.

Неужели же это «противно разуму», что взрослый человек не захотел быть младенцем? Потом вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечестии, как ты сейчас написал в своей нескладной грамоте, а если и последний из его советников обращается ко мне с надменной и грубой речью, не как к владыке и даже не как к брату, а как к низшему, — то это хорошим считается у них; кто нас хоть в малом послушается, сделает по-нашему, — тому гонение и великая мука, а если кто раздражит нас

или принесет какое-либо огорчение, — тому богатство, слава и честь, а если не соглашусь, — пагуба душе и разорение царству. И так жили мы в таком гонении и утеснении, и росло это гонение не день ото дня, а час от часу; все, что было нам враждебно, умножалось, все же, что было нам по нраву и успокаивало, то умалялось. Вот какое тогда сияло православие! Кто сможет подробно перечислить все те притеснения, которым мы подвергались в житейских делах, во время поездок, и во время отдыха, и в церковном предстоянии, и во всяких других делах? И так это происходило, мы же дозволяли это Бога ради, думая, что творят такие утеснения не из коварства, а ради нашей пользы. Когда же мы Божьей волей с крестоносной хоругвью всего православного христианского воинства ради защиты православных христиан двинулись на безбожный народ казанский, и по неизреченному Божьему милосердию одержали победу над этим безбожным народом, и со всем войском невредимые возвращались обратно, что могу сказать о добре, сделанном нам людьми, которых ты называешь мучениками? А вот что: как пленника, посадив в судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и неверную землю! Если бы рука Всевышнего не защитила меня, смиренного, наверняка бы я жизни лишился. Вот каково доброжелательство к нам тех людей, о которых ты говоришь, и так они душой за нас жертвуют — хотят выдать нас иноплеменникам!

Когда же вернулись мы в царствующий град Москву, Бог, свое милосердие к нам умножая, дал нам тогда наследника — сына Дмитрия; когда же, немного времени спустя, я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями, с попом Сильвестром и вашим начальником Алексеем Адашевым, восшатались как пьяные, решили, что мы уже в небытии, и, забыв наши благодеяния, а того более — души свои и то, что целовали крест нашему отцу и нам — не искать себе иного государя, кроме наших детей, решили посадить на престол нашего дальнего родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от Бога, хотели погубить, подобно Ироду (и как бы им не погубить!), воцарив князя Владимира. Говорит ведь древнее изречение, хоть и мирское, но справедливое: «Царь перед царем не преклоняется, но когда один умирает, другой принимает власть». Вот каким доброжелательством от них мы насладились еще при жизни, — что же будет после нас! Когда же мы по Божью милосердию все узнали и полностью уразумели и замысел этот рассыпался в прах, поп Сильвестр и Алексей Адашев и после этого не перестали жесточайше притеснять нас и давать злые советы, под разными предлогами изгоняли наших доброжелателей, во всем потакали князю Владимиру, преследовали лютой ненавистью нашу царицу Анастасию и уподобляли ее всем нечестивым царицам, а про детей наших и вспомнить не желали.

А после этого собака и давний изменник, князь Семен Ростовский, который был принят нами в думу не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы литовским послам, пану

Станиславу Довойно с товарищами, и поносил перед ними нас, нашу царицу и наших детей; мы же, расследовав это злодейство, наказали того, но милостиво. А поп Сильвестр после этого вместе с вами, злыми советниками своими, стал оказывать этой собаке всяческое покровительство и помогать ему всякими благами, и не только ему, но и всему его роду. И так с тех пор для всех изменников настало вольготное время, а мы с той поры терпели еще больше притеснений: ты также был среди них, известно, что вы с Курлятевым хотели втянуть нас в тяжбу из-за Сицкого.

Когда же началась война с германцами, о которой дальше будет написано подробнее, поп Сильвестр с вами, своими советчиками, жестоко нас за нее порицал; когда за свои грехи заболевали мы, наша царица или наши дети, — все это, по их словам, свершалось за наше непослушание им. Как не вспомнить тяжкий путь из Можайска в царствующий град с больной царицей нашей Анастасией? Из-за одного лишь неподобающего слова! Молитв, хождений к святым местам, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нашем, нашей царицы и детей — всего этого по вашему коварному умыслу нас лишили, о врачебной же помощи против болезни тогда и не вспоминали.

И когда, пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы человеческие, мы, расследовав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, нестрого наказали их за все это: на смертную казнь не осудили, а разослали по разным местам, поп Сильвестр, видя, что его советники лишились всего, ушел по своей воле, мы же его с благословением отпустили, не потому, что устыдились его, но потому, что я хочу судиться с ним не здесь, а в будущем веке, перед агнцем Божьим, которому он всегда служил, но, презрев, по коварству своего нрава, причинил мне зло; в будущей жизни хочу с ним судиться за все страдания мои душевные и телесные. Поэтому и чаду его я до сих пор позволил жить в благоденствии, только видеть нас он не смеет. Кто же, подобно тебе, будет говорить такую нелепость, что следует повиноваться попу? Видно, вы потому так говорите, что немощны слухом и не знаете как должно христианский монашеский устав, как следует наставникам покоряться, поэтому вы и требуете для меня, словно для малолетнего, учителя и молока вместо твердой пищи. Как я сказал выше, я не причинил Сильвестру никакого зла. Что же касается мирских людей, бывших под нашей властью, то мы наказали их по их изменам: сначала никого не осудили на смертную казнь, но всем, кто не был с ними заодно, повелели их сторониться; это повеление провозгласили и утвердили крестным целованием, но те, кого ты называешь мучениками, и их сообщники презрели наш приказ и преступили крестное целование и не только не отшатнулись от этих изменников, но стали им помогать еще больше и всячески искать способа вернуть им прежнее положение, чтобы составить против нас еще более коварные

заговоры; и так как тут обнаружились неутолимая злоба и непокорство, то виноватые получили наказание, достойное их вины. Не потому ли я, по твоему мнению, «оказался сопротивным разуму, разумея», что тогда не подчинился вашей воле? Поскольку вы сами бессовестные и клятвопреступники, готовые изменять ради блеска золота, то вы и нам такими же стать советуете. Скажу поэтому: иудино окаянство — такое желание! От него же избавь, Боже, нашу душу и все христианские души. Ибо как Иуда ради золота предал Христа, так и вы, ради наслаждений мира сего, о душах своих забыв и нарушив присягу, предали православное христианство и нас, своих государей.

В церквах же, вопреки лжи твоей, ничего подобного не было. Как я сказал выше, виновные понесли наказание по своим проступкам, а не так все было, как ты лжешь, неподобающим образом называя изменников и блудников — мучениками, а кровь их — победоносной и святой, и наших врагов именуя сильными, и отступников наших — воеводами; только что я рассказал, каково их доброжелательство и как они за нас полагают души. И не можешь сказать, что теперь мы клевещем, ибо измена их известна всему миру: если захочешь, сможешь найти свидетелей этих злодейств даже среди варваров, приходящих к нам по торговым и посольским делам. Так это было. Ныне же даже те, кто был в согласии с вами, наслаждаются всеми благами и свободой и богатеют, им не вспоминают их прежних поступков, и они пребывают в прежней чести и богатстве.<...>

Свет же во тьму я не превращаю и сладкое горьким не называю. Не это ли, по-твоему, свет и сладость, если рабы господствуют? И тьма и горечь ли это, если господствует данный Богом государь, как подробно написано выше?<...>

О вине наших подданных и нашем гневе на них. До сих пор русские властители ни перед кем не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились с ними ни перед кем; но если и подобает поведать о винах их, об этом сказано выше.<...>

А что ты писал, будто эти предстатели покорили и подчинили прегордые царства, под властью которых были ваши предки, то это справедливо, если речь идет об одном Казанском царстве; под Астраханью же вы не только не воевали, но и в мыслях не были. А насчет бранной храбрости снова могу тебя обличить в неразумии. Что ты хвалишься, надуваясь от гордости! Ведь предки ваши, отцы и дяди были так мудры и храбры и заботились о деле, что ваша храбрость и смекалка разве что во сне могут с их достоинствами сравниться, и шли в бой эти храбрые и мудрые люди не по принуждению, а по собственной

воле, охваченные бранным пылом, не так, как вы, силою влекомые на бой и скорбящие об этом; и такие храбрые люди в течение тринадцати лет до нашего возмужания не смогли защитить христиан от варваров? Скажу словами апостола Павла: «Уподобился я вам, безумием хвалясь, потому что вы меня к этому принудили, ибо вы, безумные, принимаете власть, если вас губят, если в лицо бьют, если превозносятся; я говорю это с досадой». Всем ведь известно, как жестоко пострадали православные от варваров — и от Крыма, и от Казани: почти половина земли пустовала. А когда мы воцарились и, с Божьей помощью, начали войну с варварами, когда в первый раз послали на Казанскую землю своего воеводу, князя Семена Ивановича Микулинского с товарищами, как вы все заговорили, что мы посылаем его в знак немилости, желая его наказать, а не ради дела. Какая же это храбрость, если вы равняете службу с опалой? Так ли следует покорять прегордые царства? Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили не по принуждению? Но всегда словно в тяжкий путь отправлялись! Когда же Бог проявил к нам милосердие и покорил христианству варварский народ, то и тогда вы настолько не хотели воевать с нами против варваров, что из-за вашего нежелания к нам не явилось более пятнадцати тысяч человек! Тем ли вы разрушаете прегордые царства, что внушаете народу безумные мысли и отговариваете его от битвы, подобно Янушу Венгерскому? Ведь и тогда, когда мы были там, вы все время давали вредные советы, а когда запасы утонули, предлагали вернуться, пробыв три дня! И никогда вы не соглашались потратить лишнее время, чтобы дождаться благоприятных обстоятельств, ни голов своих не щадя, ни о победе в бою не помышляя, а стремились только к одному: либо быстрее победить, либо быть побежденными, только бы поскорее вернуться восвояси. Ради скорейшего возвращения вы не взяли с собой самых лучших воинов, из-за чего потом было пролито много христианской крови. А разве при взятии города вы не собирались, если бы я вас не удержал, понапрасну погубить православное воинство, начав битву в неподходящее время? Когда же город по Божьему милосердию был взят, вы не занялись установлением порядка, а устремились грабить! Таково ли покорение прегордых царств, которым ты, кичась, неразумно хвалишься? Никакой похвалы оно, по правде говоря, не стоит, ибо все это вы совершили не по желанию, а как рабы — по принуждению и даже с ропотом. Достойно похвалы, когда воюют по собственному побуждению. И так подчинили вы нам эти царства, что более семи лет между ними и нашим государством не прекращались ожесточенные боевые стычки!

Когда же кончилась ваша с Алексеем собачья власть, тогда и эти царства нам во всем подчинились, и теперь оттуда приходит на помощь православию больше тридцати тысяч воинов. Так-то вы громили и подчиняли нам прегордые царства! И вот так заботимся и печемся о христианстве мы, и таков «сопротивен разум», по твоему злобесному умышлению! Это все о Казани, а на Крымской земле и на пустых землях, где бродили звери, теперь устроены города и села. А чего стоит ваша победа на Днепре и на Дону? Сколько же злых лишений и пагубы вы причинили христианам, а врагам — никакого вреда! Об Иване же

Шереметеве что скажу? Из-за вашего злого совета, а не по нашей воле, случилась эта беда православному христианству. Такова ваша усердная служба, и так вы разрушаете и подчиняете нам прегордые царства, как я уже описал выше.

О германских городах говоришь, будто они достались нам по Божьей воле благодаря мудрости наших изменников. Но как же ты научился от отца своего, дьявола, говорить и писать ложь! Вспомни, когда началась война с германцами и мы посылали своего слугу царя Шигалея и своего боярина и воеводу Михаила Васильевича Глинского с товарищами воевать против германцев, то сколько мы услышали тогда укоризненных слов от попа Сильвестра, от Алексея и от вас — невозможно и пересказать подробно! Все что ни случалось с нами плохого, все это происходило из-за германцев! Когда же мы послали вас на год против германских городов (ты был тогда в нашей вотчине, во Пскове, ради собственных нужд, а не по нашему поручению), нам пришлось более семи раз посылать гонцов к боярину нашему и воеводе, ко князю Петру Ивановичу Шуйскому, и к тебе, лишь тогда вы наконец пошли с небольшим числом людей и после многих наших напоминаний взяли свыше пятнадцати городов. Это ли ваше старание, если вы берете города после наших посланий и напоминаний, а не по собственному стремлению? Как не вспомнить постоянные возражения попа Сильвестра, Алексея Адашева и всех вас против похода на германские города и как из-за коварного предложения короля датского вы дали ливонцам возможность целый год собирать силы! Они же, напав на нас перед зимним временем, сколько христианского народа перебили! Это ли старания изменников наших да и ваше добро — губить христианский народ! Потом мы послали вас с вашим начальником Алексеем и со множеством воинов; вы же едва взяли один Вильян и при этом еще погубили много нашего народа. Как же вы тогда испугались литовских войск, словно малые дети! А под Пайду же вы пошли нехотя, по нашему приказу, измучили войска и ничего не добились! Это ли ваши старания, так-то вы старались завладеть претвердыми германскими городами? Если бы не ваше злобесное сопротивление, то с Божьей помощью уже вся Германия была бы под православными. Тогда же вы подняли против православных литовский народ и готский, и многие другие. Это ли «старания разума вашего» и так-то вы стремились укреплять православие?

А всеми родами мы вас не истребляем, но изменников повсюду ожидают расправа и немилость: в той стране, куда ты поехал, узнаешь об этом подробнее. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше, вы достойны многих казней и опалы; но мы еще милостиво вас наказали, — если бы мы наказали тебя так, как следовало, то ты бы не смог уехать от нас к нашему врагу; если бы мы тебе не доверяли, то не был бы отправлен в наш окраинный город и убежать бы не смог. Но мы, доверяя тебе, отправили в ту свою вотчину, и ты по собачьему обычаю изменил нам.

Бессмертным себя я не считаю, ибо смерть — общий удел всех людей за адамов грех; хоть я и ношу порфиру, но, однако, знаю, что по природе я так же подвержен немощам, как и все люди, а не так, как вы еретически мудрствуете и велите мне стать выше законов естества.<…>

Вы обвиняете в гонениях на людей, а вы с попом и Алексеем не совершали гонений? Разве вы не приказали народу города Коломны побить каменьями нашего советчика, епископа коломенского Феодосия? Но Бог сохранил его, и тогда вы согнали его с престола. А что сказать о нашем казначее Никите Афанасьевиче? Зачем вы разграбили все его имущество, а самого его много лет держали в заточении в отдаленных землях, в голоде и нищете? Разве сможет кто полностью перечислить ваши гонения на церковных и мирских людей, так много их было! Все, кто хоть немного оставались покорными нам, подвергались от вас притеснениям.<…>

Зла же и гонения несправедливого ты от меня не претерпел, бед и напастей мы на тебя не навлекли, а если какое-нибудь небольшое наказание и было, то лишь за твое преступление, ибо ты вступил в сговор с изменившими нам. Не возводили мы на тебя ложных наветов и не приписывали тебе измен, которых ты не совершал; за твои же действительные проступки мы возлагали на тебя наказание, соответствующее вине. Если же ты не можешь пересказать всех наших наказаний из-за множества их, то может ли вся вселенная перечислить ваши измены и притеснения в государственных и частных делах, которые вы причинили мне по вашему злобесному умыслу?<…> Какую же я имел к тебе лютую и непримиримую ненависть? Знали мы тебя с юности твоей, при нашем дворе и в совете, и еще до нынешней твоей измены ты всячески пытался нас погубить, но мы не подвергли тебя наказаниям, которые ты заслужил своим злоумием. Это ли наша злоба и непримиримая ненависть, если, зная, что ты замышляешь против нас зло, мы держали тебя подле себя в чести и в благоденствии, каких не удостаивался и твой отец. Ведь нам известно, в какой чести и богатстве жили твои родители и какие пожалования, богатство и почести имел твой отец, князь Михайло. Все знают, каков ты по сравнению с ним, сколько было у твоего отца управителей по селам и сколько у тебя. Отец твой был боярином князя Михаила Кубенского, ибо он приходился ему дядей, ты же был нашим боярином: мы удостоили тебя этой чести. Разве недостаточно было тебе почестей, богатства и наград? Нашими милостями ты был облагодетельствован больше, чем твой отец, а в храбрости уступал ему и в отличие от него совершил измену. Но если ты таков, чем же ты недоволен? Это ли твое добро и любовь к нам, если ты всегда тщательно расставлял против нас сети и препятствия и, подобно Иуде, готовился нас погубить?

А что, по твоим безумным словам, твоя кровь, пролитая руками иноплеменников ради нас, вопиет на нас к Богу, то, раз она не нами пролита, это достойно смеха: кровь вопиет на того, кем она пролита, а ты выполнил свой долг перед отечеством, и мы тут ни при чем; ведь если бы ты этого не сделал, то был бы не христианин, но варвар. Насколько сильнее вопиет на вас наша кровь, пролитая из-за вас: не из ран и не потоки крови, но немалый пот, пролитый мною во многих непосильных трудах и ненужных тяготах, произошедших по вашей вине! Пусть не кровь, но немало слез было пролито из-за чинимого вами зла, оскорблений и притеснения, сколько вздыхал я в скорби сердечной, сколько перенес из-за этого поношений, ибо вы не возлюбили меня и не печалились вместе со мной о нашей царице и детях. И это вопиет на вас к Богу моему: несравнимо это с вашим безумием, ибо одно дело пролить кровь за православие, а другое — желая чести и богатства. Такая жертва Богу неугодна; он скорее простит удавившегося, чем погибшего ради тщеславия. Моя же обида и то, что вместо пролития крови я перенес от вас всякие оскорбления и нападки; все, что было посеяно вашей строптивой злобой, не перестает жить и непрестанно вопиет на вас к Богу! Совесть же свою ты вопрошал не искренне, а лживо, и потому не нашел истины, думая только о военных подвигах, а о бесчестии, нанесенном нам, не пожелал вспомнить; поэтому ты и считаешь себя неповинным.

Какие же «победы пресветлые» ты совершал и когда ты «преславно одолевал»? Когда мы послали тебя в нашу вотчину, в Казань, привести к повиновению непослушных, ты вместо виноватых привел к нам невинных, обвиняя их в измене, а тем, против кого ты был послан, не причинил никакого вреда. Когда наш недруг, крымский царь, приходил к нашей вотчине Туле, мы послали вас против него, но царь устрашился и вернулся назад, и остался только его воевода Ак-Магомет-улан с немногими людьми; вы же поехали есть и пить к нашему воеводе, князю Григорию Темкину, и только после пира отправились за ними, а они уже ушли от вас целы и невредимы. Если вы и получили при этом многие раны, то никакой славной победы не одержали. А как же под городом нашим Невелем с пятнадцатью тысячами человек вы не смогли победить четыре тысячи, и не только не победили, но сами от них, израненные, едва спаслись, ничего не добившись? Это ли пресветлая победа и славное одоление, достойные похвалы и чести? А иное свершилось без твоего участия — это тебе в похвалу и не ставится!

А что ты мало видел свою родительницу и мало знал жену, покидал отечество и вечно находился в походе против врагов в дальноконных городах, страдал от болезни и много ран получил от варварских рук в боях, и все тело твое изранено, — то ведь все это происходило тогда, когда господствовали вы с попом и с Алексеем. Если вам это не нравилось, зачем вы так делали? А если делали, то зачем, сотворив по

своей воле, возлагаете вину на нас? А если мы так и поступали, то в этом нет ничего удивительного, ибо вы обязаны были служить по нашему повелению. Если бы ты был воинственным мужем, то не считал бы свои бранные подвиги, а искал бы новых; потому ты и перечисляешь свои бранные деяния, что оказался беглецом, не стремясь к бранным подвигам, а ища покоя. Разве же мы не оценили твоих ничтожных ратных подвигов, если даже пренебрегли известными нам твоими изменами и противодействиями, и ты был среди наших вернейших слуг в славе, в чести и в богатстве? Если бы было не так, то каких бы казней за свою злобу был бы ты достоин! И если бы не наше милосердие к тебе, и если бы, как ты писал в своем злобесном письме, подвергался ты гонению, то тебе не удалось бы убежать к нашему недругу. Твои воинские подвиги нам хорошо известны. Не думай, что я слабоумен или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники, поп Сильвестр и Алексей Адашев. И не надейтесь запугать меня, как пугают детей и как прежде обманывали меня с попом Сильвестром и Алексеем благодаря своей хитрости, и не надейтесь, что и теперь это вам удастся. Как сказано в притчах: «Чего не можешь взять, не пытайся и брать».

Ты взываешь к Богу, мзду воздающему; поистине он справедливо воздает за всякие дела — добрые и злые, но только следует каждому человеку поразмыслить: какого и за какие дела он заслуживает воздаяния? А лицо свое ты высоко ценишь. Но кто же захочет такое эфиопское лицо видеть? Встречал ли кто-либо честного человека, у которого голубые глаза? Ведь даже облик твой выдает твой коварный нрав!<...>

Ты напомнил о святом Федоре Ростиславиче — с охотой принимаю его в судьи, хотя он вам и родственник, ибо святые знают, как и после смерти творить добро, и видят, что было между вами и нами от начала и доныне, и поэтому рассудят справедливо. А как, вопреки вашим злым немилосердным замыслам и желаниям, святой преподобный князь Федор Ростиславич действием Святого Духа поднял бывшую уже у врат смертных нашу царицу Анастасию, которую вы уподобляли Евдокии? И из этого особенно явствует, что он не вам помогает, а нам, недостойным, оказывает свою милость. Вот и теперь мы надеемся, что он будет помогать больше нам, чем вам, ибо «если бы вы были детьми Авраама, то творили бы дела Авраама, а Бог может и из камней сотворить детей Аврааму; ведь не все, произошедшие от Авраама, считаются его потомством, но только те, кто живет в вере Авраама».

По суетным же замыслам мы ничего не решаем и не делаем и на зыбкое основание не становимся ногами своими, но насколько у нас хватает сил стремимся к твердым решениям и, опершись ногами в прочное основание, стоим неколебимо.

Никого мы из своей земли не изгоняли, кроме тех, кто изменил православию. Убитые же и заточенные, как я сказал выше, получили наказание по своей вине.<...>

Ничем я не горжусь и не хвастаюсь и ни о какой гордости не помышляю, ибо я исполняю свой царский долг и не делаю того, что выше моих сил. Скорее, это вы надуваетесь от гордости, ибо, будучи рабами, присваиваете себе святительский и царский сан, поучая, запрещая и повелевая. Никаких козней для истязания христиан мы не придумываем, а, напротив, сами готовы пострадать ради них в борьбе с врагами не только до крови, но и до смерти. Подданным своим воздаем добром за добро и наказываем злом за зло, не желая этого, но по необходимости, по злым их преступлениям им и наказание следует.<...>

Насчет Кроновых жрецов ты писал нелепости, лая, подобно псу, или изрыгая яд, подобно ехидне: родители не станут причинять своим детям таких страданий — как же мы, цари, имеющие разум, можем впасть в такое нечестие? Все это ты писал по своему злобесному собачьему умыслу.

А если ты свое писание хочешь с собою в гроб положить, значит ты уже окончательно отпал от христианства. Господь повелел не противиться злу, ты же и перед смертью не хочешь простить врагам, как обычно поступают даже невежды; поэтому над тобой не следует совершать и последнего отпевания.

Город Владимир, находящийся в нашей вотчине, Ливонской земле, ты называешь владением нашего недруга, короля Сигизмунда, чем окончательно обнаруживаешь свою собачью измену. А если ты надеешься получить от него многие пожалования, то это так и должно, ибо вы не захотели жить под властью Бога и нас, данных Богом государей, слушать и повиноваться нам, а захотели жить по своей воле. Поэтому ты и нашел себе такого государя, который — как и следует по твоему злобесному собачьему желанию — ничем сам не управляет, но хуже последнего раба — от всех получает приказания, а сам никем не повелевает. Но ты не найдешь себе там утешения, ибо там каждый о себе заботится. Кто оградит тебя от насилий или защитит от обидчиков, если даже сиротам и вдовицам не внемлет суд, что вы, желающие для христианства бед, творите! <...>

Дано это крепкое наставление в Москве, царствующем православном граде всей России, в 7072 году от создания мира, июля в 5 день (5 июля 1564 г.).

Второе послание Курбского Ивану Грозному

Подготовка текста Ю. Д. Рыкова, перевод О. В. Творогова, комментарии Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова

ВСТУПЛЕНИЕ

Второе послание Андрея Курбского Ивану Грозному было написано в ответ на Первое царское послание, датированное 5 июля 1564 г. Второе послание не имеет точной датировки своего составления. По сведениям Курбского 1579 г., он уже «давно» написал ответ на «широковещательное и многошумящее» послание царя Ивана Грозного, но не мог своевременно отправить его «в царство Русское» из-за закрытия границы между Россией и Польско-Литовским государством во время Ливонской войны: лишь спустя много лет, в сентябре 1579 г., Курбский предпринял попытку отправить его вместе с ответом на Второе послание Ивана IV в Россию. Желая отправить свой давний ответ царю, Курбский, видимо, счел нужным дополнить старый текст упоминанием, что он первоначально хотел пространно ответить царю на его письмо от 5 июля 1564 г., но, так как он научился под старость «аттическому» языку, «удержах руку со тростию». В 1564 г. Курбскому было около 36 лет, и этот возраст нельзя связывать со «старостью». Естественно, что упоминаний о своей старости Курбский не мог делать и в ближайшие после бегства из Юрьева годы. Ясно, что мы имеем дело с позднейшей вставкой в текст, которую следует датировать временем по крайней мере не ранее начала 70-х гг. XVI в. Именно в это время Курбский активно занимался изучением латинского языка, которому обучился только «уже в сединах», т. е. под старость *(РИБ,* т. XXXI, стб. 416—417). Одновременно с латинским языком Курбский проходил длительный курс обучения «внешним наукам», совершенствуя свои филологические познания в области искусства слова. Учителем Курбского был выпускник Краковского университета бакалавр Амброжий, который закончил университет с этой степенью лишь в 1569 г. (см.: *Auerbach I.* 1) Andrej Michajlovič Kurbskij. Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985. S. 136, 379, 380, 399—400; 2) Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert: Andrej Michailovič Kurbskij und sein Kreis // Kurbskij A. M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach. Gissen, 1987. Bd 3. Lfg. 15. S. 17—18). Латинский язык, точнее, высокий стиль красноречия, основанный на латинской образованности, очевидно, и имел в виду Курбский, когда писал Ивану IV о том, что он знает язык аттический.

Во Втором послании Курбский обрушился с резкой критикой на «широковещательное и многошумящее» послание Ивана Грозного от 5 июля 1564 г., поскольку это противоречило риторическим правилам построения эпистолярного стиля — «краткословию» и «мерности». Данное мнение основывалось на убеждении князя Андрея в том, что риторика «учит зѣло красно и превосходне глаголати, ово вкратце многой разум замыкающе, ово пространне расширяюще, но и то под мѣрами, не допущающе со велеречением много звягати» (см. наст. изд.). Курбский стыдит Ивана IV за то, что он отправил свое безобразное «писание» в чужие земли и осрамил себя тем самым перед учеными людьми, которые знают не только грамматику и риторику, но и диалектику с философией (см. об этом подробнее: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 218—225).

Второе послание Курбского Ивану IV в русской рукописной традиции сохранилось только в составе так называемых «сборников Курбского». Сведений о том, что оно попало к адресату и бытовало в рукописной традиции Речи Посполитой, нет.

В настоящем издании текст Второго послания Курбского Ивану Грозному публикуется по наиболее раннему и исправному списку 70-х гг. XVII в., принадлежавшему в прошлом известному боярину Б. М. Хитрово *(ГИМ,* собр. А. С. Уварова, № 301, лл. 137 об.—139 об.). Исправления в тексте Послания делаются по другим спискам XVII в. и выделены курсивом.

ОРИГИНАЛ

КРАТКОЕ ОТВѢЩАНИЕ АНДРѢЯ КУРБЪСКОГО НА ЗѢЛО ШИРОКУЮ ЕПИСТОЛИЮ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО

Широковещательное и многошумящее твое писание приях, и выразумѣх, и познахъ, иже от неукротимаго гнѣва со ядовитыми словесы отрыгано, еже не токмо цареви, так великому и во вселенной славному, но и простому убогому воину сие было не достоило, а наипаче такъ ото многихъ священных словес хватано, исте со многою яростию и лютостию, не строками, а ни стихами, яко есть обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случиться кому будетъ писати, в краткихъ словесѣх многоо*й* разумъ замыкающе, но зѣло паче мѣры преизлишно и *звя*гливо, цѣлыми книгами, паремъями,[1] цѣлыми посланьми! Туто же о постелях, о телогрѣяхъ[2] и иные б*е*щисленные, воистинну, яко бы неистовых баб басни, и такъ варварско, яко не токмо ученнымъ и искусным мужемъ, но и простым и дѣтемъ со удивлениемъ и смѣхомъ, наипаче же в чюждую землю, идѣже нѣкоторые человѣцы обрѣтаются, не токмо в грамматических и риторскихъ, но и в диалектических и философских ученые.

Но еще к тому и ко мнѣ, человѣку, смирившемуся уже до зела, в странстве, много оскорбленному и без правды изгнанному, аще и многогрѣшному, но очи сердечные и языкъ не неученный имущ*у*, такъ претительне и многошумяще, прежде суда Божия, претити и грозити! И вмѣсто утешения, во скорбехъ мнозех бывше*му,* аки забыв и отступивши пророка: «Не оскорбляй, — рече, — мужа в бедѣ его, довольно бо таковому»,[3] яко твое величество меня, неповиннаго, во странстве таковыми, во утешения мѣсто, посѣщаешъ. Да будетъ о семъ Богъ тобѣ судьею. И сице грысти кусате*льне* за очи неповиннаго мя мужа, ото юности нѣкогда бывшаго вѣрнаго слугу твоего![4] Не вѣрю, иже бы сие было Богу угодно.

И уже не разумѣю, чего уже у насъ хощеши. Уже не токмо единоплемянныхъ княжатъ, влекомых от роду великого Владимера, различными смертми поморилъ еси, и движимые стяжания и недвижимые, чего еще былъ дѣд твой и отецъ не разграбилъ,[5] но и послѣднихъ срачицъ, могу рещи со дерзновениемъ, по евангельскому словеси, твоему прегордому и ц*арскому* величеству не возбранихомъ.[6] А хотѣх на кождое слово твое отписати, о царю, и мог бы избран*н*е, понеже за благодати*ю* Христа моего и языкъ маю аттически по силе моей наказан, аще уже и во старости моей здѣ приучихся сему,[7] но удержах руку со тростию[8] сего ради, яко и в прежнемъ посланию моемъ написах ти, возлагаючи все сие на Божи*й* суд: и умыслих и лучше разсудихъ здѣ в молчанию пребыти, а тамо глаголати пред маестатом (*На поле:* пред величествия престолом)[9] Христа моего со дерзновениемъ вкупе со всѣми избиенными и гонимыми от тобя, яко и Соломан рече: «Тогда, — рече, — станутъ праведнии пред лицемъ мучащихъ», *т*огда, егда Христос приидетъ судити, и возглаголютъ со многимъ дерзновениемъ со мучащими или обидящими их,[10] идѣже, яко и самъ вѣси, не будетъ лица приятия на судѣ ономъ, но кождому человѣку правость сердечная и лукавство из*ъ*являемо будетъ, вмѣсто же свидѣтелей самаго кождаго свойственно совести вопиющей и свидѣтельствующей. А к тому еще и то, иже не достоит мужемъ рыцерскимъ, сваритися, аки рабамъ,[11] паче же и зѣло срамно намъ, християномъ, отрыгати глаголы изо устъ нечистые и кусательные, яко многажды рѣхъ и прежде. Лучще умыслих возложити упование мое на всемогущаго Бога, в трех лицах славимаго и поклоняемаго, ибо Он есть свидѣтель на мою душу, иже не чюю ся пред тобою винен в ничесомже. А сего ради пождемъ мало, понеже вѣрую, иже близ, на самомъ прагу пред дверию надежды нашие християнские Господа Бога, Спаса нашего Исуса Христа пришествие.[12] Аминь.

---

[1] *...паремъями...* — Паремьи — это избранные тексты из Священного Писания, читаемые в церквах на богослужении по определенным дням.

В древние времена паремьи включались, как правило, в состав специальных богослужебных сборников паремийных чтений, называемых паремийниками. Начиная примерно с XV в. паремьи стали обычно включаться в состав церковных служб, помещенных в минеях и триодях. Паремьи по своему объему представляли собой довольно значительные отрывки текста Библии. Курбский называет их в тексте своего Послания в одном ряду с «цѣлыми книгами» и «цѣлыми посланьми», выразительно подчеркивая неумение царя Ивана IV соблюдать чувство меры в литературном творчестве и язвительно осмеивая его «варварскую» приверженность к многословию и чрезмерному цитированию.

[2] ...о *постелях, о телогрѣяхъ...* — Курбский имел в виду, очевидно, упоминания Ивана IV в его рассказе о его детских годах о поведении князя И. В. Шуйского, опиравшегося «о отца нашего постелю» и присваивавшего себе драгоценные сосуды, которые он наковал на деньги из великокняжеской казны, вместо того чтобы на эти якобы собственные деньги справить себе новую шубу взамен старой потертой мухояровой шубы на куницах.

[3] *...аки забыв и отступивши пророка: «Не оскорбляй, — рече, — мужа в бедѣ его, доволно бо таковому»...* — Ср. Сирах 4, 2; 7, 11.

[4] *...ото юности нѣкогда бывшаго вѣрнаго слугу твоего!* — В возрасте 19 лет осенью 1547 г. Курбский в числе придворной знати принимал участие в свадебных торжествах царского брата кн. Юрия, а в 1549 г. стольник Курбский в звании есаула участвовал в походе русской армии на Казань (см.: *Рыков Ю. Д.* Князь Курбский и его концепция государственной власти // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 193).

[5] *Уже не токмо единоплемянныхъ княжатъ... поморил еси, и движимые стяжания и недвижимые, чего еще былъ дѣд твой и отецъ не разграбилъ...* — Курбский имеет в виду конфискацию имущества и владений князей-рюриковичей — потомков князя Киевского Владимира Святославича (980—1115) — при великом князе Московском Иване III и при его сыне Василии III и подчеркивает тем самым преемственность политики Ивана IV.

[6] *...но и послѣднихъ срачицъ... по евангелскому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возбранихомъ.* — Ср. Лк. 6, 29; Мф. 5, 40.

[7] *...и языкъ маю аттически по силе моей наказан... приучихся сему...* — Курбский с гордостью подчеркивает в этом месте свою западноевропейскую образованность в области литературного языка и стиля, приобретенное им за годы пребывания в Литве умение говорить и писать по законам римского аттикизма, которым искусно владели в Западной Европе XVI в. только высокообразованные люди, знающие латинский язык. Пребывая в Литве, Курбский в свободное от службы время изучал латинский язык и, будучи «уже в сединах», усвоил его, а также ряд классических «внешних» наук. Именно это и дает

современным исследователям основание считать, что в комментируемом пассаже под «аттическим» языком имеется в виду, по всей вероятности, латинский язык, точнее, его лучшая стилистическая разновидность. Следует помнить, что самое определение «аттический» означает «относящийся к Аттике», т. е. к той части Древней Греции, где жили афиняне, культура и литература которых оставила яркую и неизгладимую с веками картину во всей истории древнего мира. В этой связи аттический язык, очевидно, можно трактовать как классический язык искусства слова, как высший его стиль, ибо в этой литературной манере говорили и писали многие выдающиеся философы и ораторы Древней Греции. Страсть к высокому красноречию была характерна именно для Афин, для Аттики, как подчеркивал знаменитый римский оратор Марк Туллий Цицерон (см.: *Цицерон*. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1972. С. 262, 264 и др.). Канонам аттического стиля греков следовали и римские писатели-аттикисты, ярчайшим представителем которых был упоминавшийся выше М. Т. Цицерон, чьи сочинения с глубоким интересом переводил и изучал Курбский. Представления об аттическом языке как наивысшем стиле красноречия избранных интеллектуалов могли сложиться у Курбского после усвоения им оригинальных и переводных трудов его учителя Максима Грека, а затем могли быть более глубоко развиты после изучения латинского языка и сочинений Цицерона. Определенный материал для развития таких представлений у Курбского за границей мог дать и латинский толковый словарь монаха-августинца Амвросия Калепино (1435—1511), который, как показал В. В. Калугин, активно использовался в произведениях Курбского, написанных за рубежом. О вышеприведенной трактовке «аттического языка» и об источниках представлений Курбского об этом «языке» подробнее см.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 61—64; ср.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 293—296).

[8] *...но удержах руку со тростию...* — Под «тростью» Курбский одновременно мог иметь в виду не только перо как орудие письма, но и трость как орудие наказания.

[9] *...пред маестатом...* — Употребленное Курбским слово «маестат» восходит к польскому «majestat», а последнее — к латинскому «majestats», в Острожской Библии — «перед лицем, стужающим его», что означает «величие», «величество», «величественность» или «высокость». Истолкование значения этого иностранного слова приведено на боковом поле рукописи (в наст. изд. оно дано в виде подстрочного примечания).

[10] *...яко и Соломан рече: «Тогда, — рече, — стануть праведные пред лицемъ мучащихъ»... и возглаголютъ со многимъ дерзновениемъ со мучащими их...* — Данный текст восходит к Книге Премудрости царя Соломона (ср. Притч. 5, 1), однако имеет лексические отличия от современных Курбскому полных церковно-славянских переводов Библии. Так, в Острожской Библии содержится чтение: «Тогда станетъ въ дръзновении велицѣ праведникъ пред лицем стужающим его и лишающим трудовъ его» (Библия. Острог, 1581. Премудрости

Соломони. Л. 48). В Геннадиевской Библии читается: «Тогда стануть праведнии велицѣ крѣпости на них, иже угѣсниша и иже взяша труды их». К слову «крѣпости» на поле сделана глосса: «дрѣзновении» *(ГИМ,* Синодальное собр., № 915, л. 447. Сообщено Ю. А. Грибовым). Приводимый князем Андреем библейский текст в целом ближе к тексту Острожской Библии, однако пассаж «стануть праведнии» сближает его и с текстом Геннадиевской Библии. Обращает на себя внимание и то, что в данной реминисценции из Книги Премудрости царя Соломона по сравнению с Острожской Библией Курбский слегка видоизменил библейский текст, употребив пассаж «пред лицемъ мучащих» вместо пассажа «пред лицем стужающим его». Указанный библейский текст Курбский использовал также и в своей «Истории». Реминисценция из Книги Премудрости царя Соломона, приведенная князем Андреем в «Истории», в целом опять оказывается ближе к тексту Острожской Библии, но характерно, что и здесь Курбский трансформирует пассаж «пред лицемъ мучителя».

[11] *...не достоит мужемъ рыцерскимъ сваритися, аки рабамъ...* — Ср. 2 Тим. 2, 24—25. Эти же апостольские слова Курбский употребил и в письме к львовскому мещанину Семену Седларю в 1580 г. Как справедливо подчеркивает В. В. Калугин, кроме самого апостольского послания, на данный пассаж Курбского могли повлиять и другие литературные памятники, в частности «Слова постнические» Василия Великого, которые были в княжеской библиотеке на Волыни (см.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 225—226).

[12] *...понеже вѣрую, иже близ, на самом прагу, пред дверию... Исуса Христа пришествие.* — В «Откровении» апостола и евангелиста Иоанна Богослова говорится о том, что Иисус Христос пошлет своего ангела показать верующим то, что Он придет скоро и что это «время бо близ» и возмездие «комуждо по делом его» придет вместе с Богом. Христос обязал Иоанна Богослова сообщить ангелу Лаодекийской церкви, что Он стоит уже «при дверех» и стучит в дверь, и если кто услышит его голос и откроет дверь, то Он войдет к нему и будет вечерять вместе с ним (см. Апок. 1, 1, 3; 3, 20; 4, 1; 22, 7, 10, 20). Очевидно, Курбский в комментируемом пассаже имеет в виду данные пророческие известия «Откровения» Иоанна Богослова о скором Втором пришествии Христове и о стоянии Иисуса Христа у вышеуказанной «двери».

ПЕРЕВОД

КРАТКИЙ ОТВЕТ АНДРЕЯ КУРБСКОГО НА ПРЕПРОСТРАННОЕ ПОСЛАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО

Широковещательное и многошумное послание твое получил, и понял, и уразумел, что оно от неукротимого гнева с ядовитыми словами изрыгнуто, таковое бы не только царю, столь великому и во вселенной прославленному, но и простому бедному воину не подобало, а особенно потому, что из многих священных книг нахватано, как видно со многой

яростью и злобой, не строчками и не стихами, как это в обычае у людей искусных и ученых, когда случается им кому-либо писать, в кратких словах излагая важные мысли, а сверх меры многословно и пустозвонно, целыми книгами, паремиями, целыми посланиями! Тут же и о постелях, и о шубейках, и иное многое — поистине словно вздорных баб россказни, и так все невежественно, что не только ученым и знающим мужам, но и простым и детям на удивление и на осмеяние, а тем более посылать в чужую землю, где встречаются и люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику, и философию.

И еще к тому же меня, человека, уже совсем смирившегося, скитальца, жестоко оскорбленного и несправедливо изгнанного, хотя и многогрешного, но имеющего чуткое сердце и в письме искусного, так осудительно и так шумливо, не дожидаясь суда Божьего, порицать и так мне грозить! И вместо того чтобы утешить меня, пребывающего во многих печалях, словно забыл ты и презрел пророка, говорящего: «Не оскорбляй мужа в беде его, и так достаточно ему», твое величество меня, неповинного изгнанника, такими словами, вместо утешения, осыпаешь. Да будет за это Бог тебе судьей. И так жестоко грызть за глаза ни в чем не повинного мужа, с юных лет бывшего верным слугой твоим! Не поверю, что это было бы угодно Богу.

И уж не знаю, чего ты от меня хочешь. Уже не только единоплеменных княжат, восходящих к роду великого Владимира, различными смертями погубил, и богатство их, движимое и недвижимое, чего не разграбили еще дед твой и отец твой, до последних рубах отнял, и могу сказать с дерзостью, евангельскими словами, твоему прегордому царскому величеству ни в чем не воспрепятствовали. А хотел, царь, ответить на каждое твое слово и мог бы написать не хуже тебя, ибо по благодати Христа моего овладел по мере способностей своих слогом аттическим, уже на старости здесь обучился ему; но удержал руку свою с пером, потому что, как и в прежнем своем послании писал тебе, возлагаю все на Божий суд: и размыслил я и решил, что лучше здесь промолчать, а там дерзнуть возгласить перед престолом Христа моего вместе со всеми замученными тобою и изгнанными, как и Соломон говорит: «Тогда, дескать, предстанут праведники перед лицом мучителей своих», тогда, когда Христос придет судить, и станут смело обличать мучивших и оскорблявших их, и, как и сам знаешь, не будет лицеприятия на суде том, но каждому человеку прямодушие его или коварство предъявлены будут, а вместо свидетелей собственная совесть каждого провозгласит и засвидетельствует истину. А кроме того, скажу, что не подобает мужам благородным браниться, как простолюдинам, а тем более стыдно нам, христианам, извергать из уст грубые и гневные слова, о чем я тебе не раз говорил и раньше. Лучше, подумал я, возложить надежду свою на всемогущего Бога, в трех лицах прославляемого и чтимого, ибо ему открыта моя душа и видит он, что чувствую я себя ни в чем перед тобой виновным. А посему подождем немного, так как верую, что мы с тобою

близко, у самого порога ожидаем пришествия надежды нашей христианской — Господа Бога, Спаса нашего, Иисуса Христа. Аминь.

Второе послание Ивана Грозного Курбскому

Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод Я. С. Лурье и О. В. Творогова, комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Второе послание царя Курбскому написано в 1577 г. — через 13 лет после Первого послания. Ни Первое послание Курбского, проникшее на Русь накануне опричнины, ни ответное «широковещательное и многошумящее» послание царя, составленное в том же 1564 г. (ни тем более краткий ответ Курбского на это «широковещательное» послание, не отправленный, по-видимому, до 1579 г.), не могли иметь распространение в русской письменности; даже текст государева послания «во все его великия Росии государство», некогда специально рассылавшийся «во все городы», совершенно устарел к этому времени: «казначей наш Никита Афанасьевич» (Н. А. Фуников-Курцев), за преследования которого царь так страстно укорял в 1564 г. Курбского и его друзей, был уже к этому времени (в 1569 г.) казнен Иваном Грозным. В памяти остались только само бегство Курбского и то обстоятельство, что после измены он еще «грамоту к государю невежливо писал».

В 1577 г. был предпринят один из самых больших и удачных походов Ивана IV в Ливонию. Отправившись из Пскова на юг, царь затем направился по Двине и занял почти все прибрежные крепости; к сентябрю вся Ливония (за исключением только Ревеля и Риги) была в руках Грозного. Именно в этой обстановке царь в 1577 г. и написал ряд посланий своим различным противникам — новоизбранному польскому королю Стефану Баторию, гетману Г. Ходкевичу, виднейшим магнатам М. Талвашу и М. Радзивиллу, вице-регенту в Ливонии А. Полубенскому и «государевым изменникам» — А. М. Курбскому, Тимохе Тетерину, к «Туву да к Илерту» (ливонцам Таубе и Крузе, служившим Грозному и изменившим ему). Второе послание царя «государеву изменнику» не осталось незамеченным. В 1580 г., когда военная ситуация изменилась, Стефан Баторий, отвечая на послание царя 1577 г., упомянул, в частности, о «листах», которые Иван IV «фасливе» (хвастливо?) писал «до нас и до князя Курпского... с великой попудливостью (запальчивостью)».

Второе послание Грозного Курбскому сохранилось лишь в двух копиях XVII в. со сборника посланий 1579—1580 гг., связанных с походом 1577 г. и его последствиями. Остальные списки Второго послания относятся к XVIII—XIX вв.

Второе послание публикуется по списку 80-х гг. XVII в. — *РГБ,* ф. 304 (Троицкое II собр.), № 17, лл. 253—259 об. с исправлениями по списку 80-х гг. XVII в. — *РГАДА,* ф. 79 (Сношения с Польшей), 1573 г., ед. хр. № 1.

ОРИГИНАЛ

ТАКОВА ГРАМОТА ПОСЛАНА ОТ ГОСУДАРЯ ИЗ ВОЛОДИМЕРЦА ЖЕ КО КНЯЗЮ АНДРЕЮ Х КУРБЪСКОМУ СО КНЯЗЕМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПОЛУБѢНСКИМЪ[1]

Всемогущие и вседержительные десница дланию содержащаго всея земли конца Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, иже со Отцемъ и Святымъ Духомъ во единстве покланяема и славима, милостию своею благоволи намъ удержати скифетры Росийского царьствия, смиреннымъ и недостойнымъ рабомъ своимъ, и от его вседержавныя десница христоносныя хоругви сице пишемъ *мы,* великий государь, царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии, Владимерский, Московъский, Ноугородцкий, царь Казанский и царь Астороханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверъский, Югорский, Пермъский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Бѣлозерский и государь отчинные и обладатель земли Лифлянския Неметцкого чину, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирския земли и Севѣрные страны повелитель — бывшему нашему боярину и воеводѣ, князю Андрею Михайловичю Курбъскому.

Воспоминаю ти, княже, со смирениемъ: смотри Божия смотрения величества, еже о нашихъ согрешенияхъ, паче же о моемъ беззаконии, ждый моего обращения, иже паче Монасия беззаконовахъ,[2] кромѣ отступления. И не отчеваюся Создателева милосердия, во еже спасену быти ми, якоже рече во святомъ своемъ Евангилии, яко радуется о единомъ грѣшнице кающемъся, нежели о девятидесятъ и девяти праведникъ; такожъ о овцахъ и о драгмахъ[3] притчи. Аще бо и паче числа песка морскаго беззакония моя, но надеюся на милость благоутробия Божия — может *пучиною* милости своея потопити беззакония моя. Якоже ныне грѣшника мя суща, и блудника, и мучителя, помилова и животворящимъ своимъ крестомъ Амалика и Максентия низложи.[4] Крестоносной проходящий хоругвии и никаяжъ бранная хитрость непотребна бысть, якожъ нѣ едина Русь, но и немцы, и литва, и татарове, и многия языцы сведятъ. Самъ прося ихъ, увѣдай, имъже имя исписати не хощу, понеже не моя *побѣда,* но Божия. Тебѣ жъ о многихъ мало воспомяну; вся бо досады, яже писалъ еси ко мнѣ, преже сего восписахъ ти о всемъ подлинно; ныне жъ от многа мало воспоминати. Воспомяни убо реченное во Иове:[5] «Обшедъ землю и

прохожю поднебѣсную»; тако и вы хотесте с попомъ Селиверстомъ и с Олѣксѣемъ с Адашевымъ и со всеми своими семьями под ногами своими всю Рускую землю видѣти; Богъ же даетъ власть емужъ хощетъ.

Писалъ еси, что язъ *разтлѣн* разумомъ,[6] якожъ ни въ языцехъ имянуемо. И я таки тебя, судию, и поставлю с собою: вы ли разтлѣнны, или язъ, что язъ хотелъ вами владѣти, а вы не хотели под моею властию быти, и язъ за то на вас опалался? Или вы разтлѣнныи, что не токмо похотѣстѣ повинными мнѣ быти и послушными, но и мною владѣсте, и всю власть с меня снясте, и сами государилися, какъ хотѣли, а с меня есте государство сняли: словомъ язъ былъ государь, а деломъ ничево не владелъ. *Колики* напасти язъ от васъ приялъ, колики оскорбления, колики досады и укоризны! И за что? Что моя пред вами исперва вина? Ково чемъ оскорбихъ? То ли моя вина, что Прозоровского полътораста четье Федора сына дороже? Попамятуй и *посуди:* с какою есть укоризною ко мне судили Сицково с Прозоровскими,[7] и какъ обыскивали, кабы злодея! Ино та земля нашихъ головъ дороже? И сами Прозоровские каковы перед *нами?* Ино то уж мы в ногу ихъ не судны. А у батюшка, да Божиимъ милосердиемъ и пречистые Богородицы милостию, и великихъ чюдотворцовъ молитвою, и Сергиевою милостию, и батюшковымъ благословениемъ, и у меня Прозоровскихъ было не одно сто. А Курлятевъ былъ почему меня лутче? Ево дочеремъ всякое узорочье покупай, и благословно и здорово, а моимъ дочеремъ — проклято да за упокой.[8] Да много того, что мне от васъ бѣдъ, всего того не исписати.

А и з женою про что разлучили? Толко *бы* вы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было.[9] А будетъ молвишъ, что язъ о томъ не терпѣлъ и чистоты не сохранилъ, — ино вси есмы человѣцы. Ты чево для понялъ стрелетцкую жену? Толко б есте на меня с попомъ не стали, ино б того ничево не было: все то учинилося от вашего самовольства. А князя Володимера на царство чего для естя хотѣли посадити,[10] а меня з детми известь? Язъ *восхищеньем* ли, или ратью, или кровъю сѣлъ на государство? Народилъся есми Божиимъ изволениемъ на царьстве, и не мню того, какъ меня батюшка пожаловалъ благословилъ государствомъ, да и взросъ есми на государстве. А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертово удѣлново родилъся.[11] Что его достоинство и государьству которого его поколенье, развее вашие измены к нему, да его дурости? Что моя вина пред нимъ? Что ваши жъ дяди и господины отца его уморили в тюрмѣ, а его и с *матерью* тако жъ *держали* в тюрмѣ? И я его и *матерь* от того свободил[12] и держалъ во чти в урядствѣ; а он былъ уже от тово и отшолъ. И язъ такие досады *стерпѣти* не могъ, — за себя есми сталъ. И вы почали противъ меня болши стаяти да изменяти, и я потому жесточайше почалъ противъ васъ стояти. Язъ хотелъ васъ покорити в свою волю, и вы за то какъ святыню Господню осквернили и поругали! Осердяся на человѣка, да Богу ся есте приразили. Колико церкви и монастыри и святыхъ мѣстъ испоругали естя и осквернили! Сами о томъ Богу отвѣтъ воздадите. О семъ же паки умолчю; ныне *о* настоящемъ восписую ти. Смотри, о княже, Божия судьбы, яко Богъ даетъ власть емуже хощетъ. Вы убо, яко дьяволъ, с Селиверстомъ с попомъ и с Олѣксѣемъ с Одашевымъ рекосте, якоже *во Иове* хваляся:

«Обыдохъ землю и прошедъ поднебѣсную, и поднебѣсную под ногами учинихъ» (рече ему Господь: «внят ли на раба моего Иева?»). Тако убо и вы мнѣсте под ногами быти у васъ всю Рускую землю; *но* вся мудрость ваша ни во что же бысть Божиимъ изволениемъ. Сего ради трость наша наострися к тебе писати. Якоже рекосте: «Несть людей на Русии, нѣкому стояти», — ино ныне васъ нет, а нынѣ кто претвердыя грады германские взимаетъ? Но сила животворящего креста, побѣдившая Амалика, Максентия, грады взимаетъ. Не дожидаютца грады германские *бранново* бою,[13] но явлениемъ животворящего креста поклоняютъ главы своя. А гдѣ по грѣхомъ, по случаю, животворящего креста явления не было, тутъ и бой былъ.[14] Много отпущено всякихъ людей: спрося ихъ, уведай.

А писалъ себѣ в досаду, что мы тебя в дальноконыя грады, кабы опалаючися, посылали, — ино ныне мы з Божиею волею своею сединою и дали твоихъ *дальноконыхъ* градовъ прошли, и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги, из Литвы и в Литву, и пѣши ходили, и воду во всехъ техъ мѣстехъ пили, ино ужъ Литве нелзѣ говорити, что не *везде* коня нашего ноги были. И гдѣ еси хотелъ упокоене быти от всехъ твоихъ трудовъ, в Волмерѣ,[15] и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ, и гдѣ, чаялъ, ушелъ, а мы тутъ з Божиею волею сугнали, и ты тогда дальноконѣе поехалъ.

И сия мы тебѣ от многа мало написахомъ. Самъ себѣ разсуди, што ты и каково делалъ, и за что, и Божия смотрения *величества* его о насъ милости разсуди, что ты сотворилъ. Сия в себѣ разсмотри и самъ себѣ разтвори сия вся! А мы тебѣ написахомъ сия вся, ни гордяся, ни дмяся — Богъ вѣсть, но к воспоминанию твоего исправления, чтобъ ты о спасении душа своея помыслилъ.

Писана в нашей отчине Лифлянские земли во граде Волмерѣ, лѣта 7086 года, государствия нашего 43-го, а царствъ нашихъ Росийского 31-го, Казансково 25-го, Асторохансково 24-го.

---

[1] *...со княземъ Александромъ Полубѣнскимъ.* — Польский военачальник Александр Полубенский был взят в плен во время похода Ивана IV в Ливонию в 1577 г. После бегства из России Курбский стал свойственником Полубенского, который помогал ему еще в 1564 г. переписываться с Россией; в 1569 г. Полубенский захватил обманом русскую крепость Изборск. В начале похода царь написал Полубенскому, тогда еще вице-регенту польского короля в Ливонии, весьма язвительное послание, но после пленения Иван IV резко переменил к нему отношение — по-видимому, это было связано с тайными сношениями, которые Полубенский завязал с царем незадолго до пленения.

[2] *...паче Монасия беззаконовахъ...* — Речь идет о библейском царе, который восстановил идолопоклонство, занимался гаданием, ворожбой, вызывал мертвецов (4 Цар. 21; 2 Парал. 31).

[3] *...о овцахъ и о драгмахъ...* — Евангельские притчи о том, что хозяин, имеющий сто овец, будет более всего беспокоиться об одной из них — пропавшей, и, найдя ее, возрадуется, и хозяйка, имеющая десять драхм и потерявшая одну из них, будет больше всего радоваться обретению этой потерянной драхмы (Лк. 15, 7 и 15, 8—9).

[4] *...Амалика и Максентия низложи.* — Амалик, согласно Библии, — родоначальник амаликитян, нападавших на Израиль; Максенций — враг первого христианского императора Константина Великого, разбитый им в 312 г.; в житии Константина победа эта объяснялась появлением в воздухе креста с надписью: «Тем побеждай...»

[5] *...реченное во Иове...* — Далее приведены хвастливые слова дьявола из библейской Книги Иова (Иов. 1, 7).

[6] *...разтлѣн разумомъ...* — Этих слов не было в Первом послании Курбского; может быть, царь просто спутал текст Курбского («совесть прокаженная»), а возможно, что имел в виду слова литовского гетмана Яна Ходкевича по его адресу, содержавшиеся в перехваченном послании Ходкевича М. И. Воротынскому.

[7] *...судили Сицково с Прозоровскими...* — О тяжбе из-за земли Прозоровского см. выше.

[8] *Ево дочеремъ всякое узорочье покупай... а моимъ дочеремъ — проклято да за упокой.* — У Д. Курлятева было две дочери, постриженные в монахини во время опалы их отца в 1562 г.; дочери Ивана IV (от Анастасии) умерли в раннем детстве.

[9] *Толко бы вы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было.* — В посланиях Курбскому и официальном летописании сподвижники Курбского не обвинялись в смерти Анастасии Романовны (в вину Сильвестру ставилось только суровое с ней обращение), в «Истории о великом князе Московском» Курбский упоминал и это обвинение Ивана IV против «Избранной рады». Во всяком случае, казни бояр царь рассматривал и как возмездие за гибель Анастасии.

[10] *А князя Володимера на царство чего для естя хотѣли посадити...* — Начиная с 60-х гг. Иван IV неоднократно обвинял своих противников в попытках посадить на престол Владимира Андреевича Старицкого, в 1563 г. Владимир подвергся опале, в 1566 г. у него был отнят его удел, в 1569 г. он был убит с женой и детьми.

[11] *...от четвертово удѣлново родилъся.* — Отец Владимира, Андрей Старицкий, был четвертым сыном Ивана III.

[12] *И я его и матерь от того свободил...* — По смерти Елены Глинской жена Андрея Старицкого и его сын Владимир были в декабре 1540 г. (в правление Бельских) освобождены.

[13] *Не дожидаютца грады германские бранново бою...* — Во время похода 1577 г. на Двину ряд городов (Режица, Двинск и др.) сдались добровольно.

[14] *...тутъ и бой былъ.* — Наибольшее сопротивление Ивану IV оказал город Венден (Кесь, Цесис); гарнизон, не желая сдаваться, взорвал себя вместе с крепостью.

[15] *...Волмерѣ...* — Иван IV вспомнил этот город в связи с тем, что из него Курбский написал царю свое Первое послание.

ПЕРЕВОД

ТАКАЯ ГРАМОТА ПОСЛАНА ГОСУДАРЕМ ТАКЖЕ ИЗ ВЛАДИМИРЦА К КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРБСКОМУ С КНЯЗЕМ АЛЕКСАНДРОМ ПОЛУБЕНСКИМ

Всемогущей и вседержительной десницей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, держащего в своей длани все концы земли, которому поклоняемся и кого славим вместе с Отцом и Святым Духом, милостью своей позволил нам, смиренным и недостойным рабам своим, удержать скипетр Российского царства от его вседержительной десницы христоносной хоругви, так пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский и царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Нижнего Новгорода, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский и отчинный государь и обладатель земли Лифляндской Немецкого чина, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Сибирской земли и Северной страны повелитель — бывшему нашему боярину и воеводе князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Со смирением напоминаю тебе, о князь: посмотри, как к нашим согрешениям и особенно к моему беззаконию, превзошедшему беззакония Манассии, хотя я не отступил от веры, терпеливо Божье величество, веря в мое покаяние. И не сомневаюсь в милосердии Создателя, которое принесет мне спасение, ибо говорит Бог в святом Евангелии, что больше радуется об одном раскаявшемся грешнике, чем о девяноста девяти праведниках; то же говорится и в притче об овцах и драхмах. Ибо если и многочисленнее песка морского беззакония мои, все же надеюсь на милость благоутробия Божьего — может Господь в море своей милости потопить беззакония мои. Вот и теперь Господь помиловал меня, грешника, блудника и мучителя, и животворящим своим крестом низложил Амалика и Максентия. А наступающей крестоносной хоругви никакая военная хитрость не нужна, что знает не только Русь, но и немцы, и литовцы, и татары, и многие народы. Сам

спроси у них и узнаешь, я же не хочу перечислять эти победы, ибо не мои они, а Божьи. Тебе же напомню лишь кое-что из многого, ибо на укоризны, которые ты писал ко мне, я уже со всей истиной ответил; теперь же напомню немногое из многого. Вспомни сказанное в Книге Иова: «Обошел землю и иду по вселенной»; так и вы с попом Сильвестром и Алексеем Адашевым и со всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но Бог дает власть тому, кому захочет.

Писал ты, что я растлен разумом, как не встретишь и у неверных. Я же ставлю тебя самого судьею между мной и тобой: вы ли растлены разумом или я, который хотел над вами господствовать, а вы не хотели быть под моей властью, и я за то разгневался на вас? Или растленны вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили, как хотели, а меня отстранили от власти: на словах я был государь, а на деле ничем не владел. Сколько напастей я от вас перенес, сколько оскорблений, сколько обид и упреков! И за что? В чем была моя вина перед вами с самого начала? Кого и чем я оскорбил? Это ли моя вина, что полтораста четей Прозоровского вам были дороже моего сына Федора? Вспомни и рассуди: как оскорбительно для меня вы разбирали дело Сицкого с Прозоровским и допрашивали, словно злодея! Неужели эта земля вам была дороже наших жизней? И что такое сами Прозоровские рядом с нами?.. Божиим милосердием, милостью пречистой Богородицы, и молитвой великих чудотворцев, и милостью святого Сергия у моего батюшки и с батюшкиного благословения у меня была не одна сотня таких, как Прозоровский. А чем лучше меня был Курлятев? Его дочерям покупают всякие украшения, это благословенно и хорошо, а моим дочерям — проклято и за упокой. Много таких было мне от вас бед — не исписать.

А с женою моей зачем вы меня разлучили? Не отняли бы вы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв. А если скажешь, что я после этого не стерпел и не соблюл чистоты, — так ведь все мы люди. А ты для чего взял стрелецкую жену? А если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось: все это случилось из-за вашего самовольства. А зачем вы захотели князя Владимира посадить на престол, а меня с детьми погубить? Разве я похитил престол или захватил его через войну и кровопролитие? По Божьему изволению с рождения был я предназначен к царству: и уже не вспомню, как меня отец благословил на государство; на царском престоле и вырос. А князю Владимиру с какой стати следовало быть государем? Он сын четвертого удельного князя. Какие у него достоинства, какие наследственные права быть государем, кроме вашей измены и его глупости? В чем моя вина перед ним? Что ваши же дяди и господины уморили отца его в тюрьме, а его с матерью также в тюрьме держали? А я и его, и его мать освободил и держал их в чести и благоденствии; а он уже от всего этого отвык. И я такие оскорбления стерпеть не смог — и стал за самого себя. И вы тогда начали против меня еще больше выступать и изменять, и я потому еще решительнее начал выступать против вас. Я хотел вас подчинить своей воле, и как же вы из-за этого надругались над святыней Господней и осквернили ее! Рассердившись

на человека, восстали на Бога. Сколько церквей, монастырей и святых мест вами поругано и осквернено! Сами за это Богу ответ дадите. Но опять-таки умолчу об этом; пишу здесь тебе о нынешних делах. Смотри, княже, на Божий суд: как Бог дает власть кому хочет. Вы ведь с попом Сильвестром и с Алексеем Адашевым хвастались, как дьявол в Книге Иова: «Обошел землю и прошел вселенную, и вся земля под ногами моими» (и сказал ему Господь: «А знаешь ли ты раба моего Иова?»). Так и вы мнили, что вся Русская земля у вас под ногами, но по Божьей воле мудрость ваша оказалась тщетной. Вот ради этого я и поострил свое перо, чтобы тебе написать. Вы ведь говорили: «Нет людей на Руси, некому обороняться», — а нынче вас нет; кто же нынче завоевывает претвердые германские крепости? Это сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентия, завоевывает крепости. Не дожидаются бранного боя германские города, но склоняют головы свои перед силой животворящего креста. А где случайно за грехи наши явления животворящего креста не было, там бой был. Много всяких людей отпущено: спроси их, узнаешь.

Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя в дальноконные города как бы в наказание посылали, — так теперь мы со своими сединами и дальше твоих дальноконных городов, слава Богу, прошли и ногами коней наших прошли по всем вашим дорогам — из Литвы и в Литву, и пешими ходили, и воду во всех тех местах пили, — теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Вольмер, на покой твой привел нас Бог: настигли тебя, и ты еще дальноконнее поехал.

Итак, мы написали тебе лишь немногое из многого. Рассуди сам, как и что ты сделал и для чего, и, зная милость Божьего попечения о нас, рассуди, что ты сотворил. Все это сам рассмотри и сам найди решение этому! Видит Бог, что написали это мы тебе не из гордости или надменности, но чтобы напомнить тебе о необходимости исправления, чтобы ты о спасении души своей подумал.

Писано в нашей вотчине Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 (1577) году, на сорок третьем году нашего правления, на тридцать первом году нашего Российского царства, двадцать пятом — Казанского, двадцать четвертом — Астраханского.

Третье послание Курбского Ивану Грозному

Подготовка текста Ю. Д. Рыкова, перевод О. В. Творогова, комментарии Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова

ВСТУПЛЕНИЕ

Третье послание Курбского Ивану Грозному завершает знаменитую переписку. Писано оно в ответ на Второе послание Ивана IV Курбскому 1577 г. Третье послание писалось Курбским, судя по всему, в несколько приемов. Первоначальный текст ответа Курбского дополнялся более поздними постскриптумами. Вероятно, Курбский не смог дать сразу ответ царю Ивану, так как положение Речи Посполитой в конце 1577 г. было недостаточно прочным. Налицо были крупные успехи русских войск в Ливонии. К тому же часть шляхты в этих условиях выступала за передачу власти Ивану IV. 21 октября 1578 г. произошло сражение польско-литовских и русских военных отрядов под Венденом (Кесью), столицей Ливонии, в этой битве царские воеводы потерпели поражение от войск короля Стефана Батория. Под властью польского короля после успешных для Речи Посполитой военных операций оказались также Двинск (Даугавпилс) и некоторые другие ливонские города. Эти серьезные поражения царя от польско-литовских войск, очевидно, вдохновили Курбского на написание торжествующего ответа. Сведения об этих поражениях Курбский привел в средней части своего послания, но не исключено, конечно, что он мог их вставить и в написанный им еще до этих поражений текст, ибо известия о поражениях царя разрывают ткань повествования Послания о внутриполитических делах в России. В своем послании Ивану IV Курбский подчеркивает, что он не достоин быть царским исповедником, так как не является «пресвитером». Князь Андрей обвиняет царя в оклеветании им «правоверных и святых мужей», укоряет в неблагодарном отношении к попу Сильвестру, который «исчистил» его душу через истинное покаяние, характеризует беды России, полученные в результате приближения к нему «презлых и прелукавых ласкателей». Курбский дает ответ на различные обвинения против него, выдвинутые Иваном Грозным в вольмарском послании 1577 г. Стремясь оправдать свое бегство из Юрьева, Курбский не только использует Священное Писание и сочинения «отцов церкви», но и прилагает к ответу на Второе послание царя два переведенных им отрывка из «Парадоксов» известного римского политического деятеля Марка Туллия Цицерона, содержание которых перекликалось с его судьбой. Последнее он сделал также из желания с нескрываемой гордостью подчеркнуть перед царем свою западноевропейскую ученость и образованность. Не отказал себе князь Андрей Михайлович и в удовольствии приложить к Третьему письму и свое Второе послание Ивану Грозному, которое, по его словам, он не смог своевременно отправить в Россию. Осенью 1579 г. польско-литовские войска под предводительством короля Стефана Батория захватили русскую крепость Полоцк, важную в военно-стратегическом отношении. На третий день после взятия Полоцка, т. е. 3 сентября, Курбский, принимавший участие в полоцком походе польско-литовских войск, сделал обширную приписку к первоначальному тексту Третьего письма к царю. Поражения армии Ивана Грозного в Ливонии Курбский объясняет отсутствием у царя опытных воевод, которых он ранее «различными смертми растерзал» и «всеродне погубил без суда и права, приклонивши ухо единой странѣ, сиирѣчь презлым ласкателем, пагубникам отечества». Курбский вновь высмеивает утверждения царя, что ему в борьбе с врагами помогает сила животворящего креста Христова. В качестве убедительных примеров неправоты Ивана Грозного князь Андрей ссылается на два «срамотнейших» поражения

царя и его войск: сожжение крымскими татарами Москвы в 1571 г. и только что случившееся падение Полоцка. Курбский призывает царя покаяться и возвратиться к первым дням своего царствования.

В конце сентября 1579 г. царские войска потерпели еще одно крупное поражение от войск короля Стефана Батория под Соколом в районе Полоцка, и это обстоятельство вдохновило князя Андрея на написание нового торжествующего дополнительного «писания»: он пишет, что данная приписка написана им в Полоцке «по сущему преодолѣнию под Соколом во 4 день», т. е. 15 сентября 1579 г. Этой датой, таким образом, датируется окончательное составление Курбским текста «Отвещания» на Второе послание царя, которое князь Андрей получил два года назад.

Третье послание Курбского Ивану Грозному, как и его «История о великом князе Московском», содержит большое число западнорусизмов и полонизмов, что, вероятно, является следствием того, что в языке Курбского произошли очень серьезные перемены, вызванные его длительным пребыванием на чужбине. Это свидетельствует также и в пользу того, что князь рассчитывал на чтение своего послания «светлыми мужами» Польско-Литовского государства. Однако изменения в литературном языке Курбского объясняются не только влиянием новой внешней среды, в которой оказался бывший царский боярин и писатель. Как указывает В. В. Калугин, языковая пестрота в сочинениях Курбского объясняется также и тем, что князь Андрей «сознательно смешивал разнородную лексику, добиваясь особого стилистического и смыслового эффекта». Кроме того, Курбский, усвоив западноевропейские гуманитарные науки и латинский язык в период своего пребывания в Литве и на Волыни, обогащал свои сочинения различными «учеными» заимствованиями, плодами своей новой филологической образованности (см. подробнее: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 246—252).

Попало ли Третье послание Курбского к царю Ивану IV вместе с приложенным к нему Вторым посланием в руки адресата, у нас никаких сведений на сей счет нет. Во всяком случае ответа Ивана Грозного на Второе и Третье послания Курбского в рукописной традиции не имеется. Нет никаких упоминаний об этих письмах в русских дипломатических документах и других источниках XVI в. Скорее всего, царь не получил этих посланий Курбского, и этим объясняется «молчание» Ивана Грозного. Так оборвалась переписка непримиримых политических противников.

Третье послание Курбского Ивану Грозному, как и Второе, сохранилось только в составе «сборников Курбского» XVII—XIX вв. В настоящем издании это послание печатается по наиболее раннему и исправному Уваровскому списку 70-х гг. XVII в. — *ГИМ,* собр. А. С. Уварова, № 301, лл. 140—159 об. Исправления в тексте Послания делаются по другим спискам XVII в. и выделены курсивом. Имеющиеся на полях списка глоссы на полях воспроизведены в подстрочнике к тексту.

ОРИГИНАЛ

НА ВТОРУЮ ЕПИСТОЛИЮ ОТВѢЩАНИЕ ЦАРЕВИ ВЕЛИКОМУ МОСКОВСКОМУ УБОГАГО АНДРѢЯ КУРБСКОГО, КНЯЖАТИ КОВЕЛЬСКОГО

Во странстве пребывающе и во убожествѣ от твоего гонения, титул твой величайший и должайший оставя, зане ото убогихъ тобѣ, великому царю, сие непотребно, но негли от царей царемъ сие прилично таковые имянования со преизлишным предолжением исчитати. А еже исповедь твою ко мнѣ, яко ко единому презвитеру, исчитаеши по ряду, сего аз недостоин, яко простый человѣкъ, в военномъ чину сущъ, и краемъ уха послушати, а наипаче же многими и безщисленными грѣхи обтяхченъ. А всяко, воистинну достойно было *бы* радоватися и зѣло веселитися не токмо мнѣ, нѣкогда рабу твоему вѣрну бывшу, но и всѣмъ царемъ и народомъ християнскимъ, аще бы твое было истинное, в Ветхомъ, яко Монасиино, покояние, ибо глаголютъ его по кровопийствах и неправдах покаявша*ся* и в законе Господне живуща аже до смерти кротко и праведно, и никогоже, а ни мало к тому обидѣвша,[1] в Новомъ же, яко Закхеино прехвалное покояние и возвращение четверосугубное изообиженнымъ от него.[2]

И аще бы согласовало твое покаяние тымъ священнымъ узрокомъ, ихже от священнагго Писания приемлюще, привод*ишь*, яко от Ветхаго, такъ и от Новаго! А еже потомъ во епистол*и*и твоей, в послѣдующих, являются не токмо не согласно, но изумѣтельно и удивления достойно и зѣло на обе бедры храмлюще, и хождение неблагочинно являюще внутренняго человѣка,[3] наипаче же в землях твоих супостатов, идѣже мужие многие обретаются не токмо внѣшной философие искусны, но и во Священных Писаниях силны: ово преизлишне уничижаешися, ово преизобильне и паче мѣры возносишися! Господь глаголетъ ко своимъ апостоломъ: «Аще и вся заповеди исполните, глаголите: раби непотребны есмы»,[4] а диявол подущаетъ нас, грѣшных, усты точию каятися, а в сердцу превысоце о собѣ держати и святымъ преславнымъ мужем ровнятися. Господь повелѣваетъ никогоже прежде суда осуждати и берно из своего ока первие отимати, и потом сучецъ из братня ока изимати,[5] а диявол подущает точию словомъ проблекотати, аки бы то покаяние, дѣломъ же не токмо возноситися и гордитися по безчисленныхъ беззакониях и кровопролитиях, но и нарочитых святых мужей не токмо проклинати учитъ, но и дияволомъ нарицати, яко и Христа древле жидове ово лстецомъ и беснующим*ся*, ово о Велзауле, князе бесовстемъ, изгоняющ*а* бѣсы,[6] яко во епистолии твоего величества зрится, иже правовѣрных и святых мужей дияволомъ нарицае*шь* и духом Божиим водимых духомъ бесовскимъ не срамляешся потворяти,[7] аки отступивши великагго апостола: «Никтоже бо, — рече, — нарицает Исуса Господомъ, токмо Духом Святымъ».[8] А кто християнина пра*во*вѣрнаго оклеветует, не того оклеветует, но самого Духа Святаго, пребывающаго в немъ, и грѣх неисцѣлимый на главу свою самъ привлачитъ, яко Господь рече: «Аще кто хулитъ на Духа Святаго, не оставится ему ни в сей вѣкъ, ни в будущей».[9]

А к тому еще что нагнушательнѣйшаго и прескверпѣйшаго, еже исповѣдника твоего потворяти и сикованции[10] на него умышляти, который душу твою царьскую к покоянию привел, грѣхи твои на своей вые носилъ, и, взявши тя от преявственнѣйшихъ сквернъ, яко чиста, пред начистѣйшимъ царемъ Христомъ, Богомъ нашимъ, исчистя покоянием, поставил![11] Се тако ли воздаешъ ему и по смерти? О чюдо! Яко зависть, от презлых и прелукавых маньяков твоих сшитая, и по смерти на святых и предобрых мужей не угаснетъ! Не ужесаеши ли ся, о царю, притчи Хамовы, яже насмѣвался наготѣ отчей? Како снесенно бысть о томъ на исчадия его проклятие![12] И аще таковая притча о телесных отцѣх случилася, кольми паче о духовных должны есмя покрывати, аще бы нѣчто и случилося человѣческия ради немощи, яко то и ласкатели твои клеветали на онаго презвитера, иже бы тя устращал не истинными, но лстивыми видѣнии. О воистинну и аз глаголю: лстецъ он былъ, коварен и благокознен, понеже лестию ял тя, исторгнувши от сѣтей диявольских и от челюстей мысленнаго лва, и привел был тя ко Христу, Богу нашему.[13] То же воистинну и врачеве премудрые творят: дикие мяса и неудобь цѣлимые гагрины бритвами рѣжутъ аж до живаго тѣла и потомъ наводятъ помалу и исцѣляютъ недужных. Тако же и он творилъ, презвитер блаженный Селивестръ, видяще недуги твои душевные, многими лѣты застарѣвшияся и неудобны ко исцѣлению. Яко нѣцые премудрые глаголют: «Застарѣвшиеся, — рече, — злые обычаи в душах человѣческих многими лѣты во естество прелагаются и неудобь исцѣлны бываютъ», — тако же и он, преподобный, неудобь исцѣлнаго ради твоего недуга прилагал пластыри, ово кусательными словесы нападающе на тя и порицающе, яко бритвою непреподобные твои нравы наказаниемъ жестокимъ рѣжуще, негли он памятал пророческое слово: «Да претерпишъ лучше, — рече, — раны приятеля, неже ласкателные целования вражии».[14] Ты же не воспомянул того или забыл, прелщенъ будучи от презлыхъ и прелукавыхъ, о*т*огнал еси его от собя и Христа нашего с нимъ. Ово, яко уздою крѣпкою со браздами, невоздержание, и преизлишную похотъ, и ярость твою востязающе. Но збысться на немъ Соломоново слово: «Накажи, — рече, — праведника и преложитъ со благодарениемъ приимати», и паки: «Обличай праведнаго, и возлюбитъ тя».[15] Прочие же, послѣдующ*и*е стихи умолчю: возлагающе ихъ царьской совести твоей, вѣдуще тя священнаго Писания искуснаго. А к тому да не зѣло приражуся кусательными словесы ко твоей царьской высотѣ азъ, убоги, яко могучи, вмѣщая, да укроюся от свару, понеже зѣло не достоитъ намъ, воиномъ, яко рабамъ, сваритися.[16]

А мог бы еси и воспомянути на то, яко во время благочестивых твоих дней вещи тобѣ по воле благодати ради Божии обращалися за молитвами святыхъ и за избраннымъ совѣтомъ нарочитых синглитов[17] твоих,[18] и яко потомъ, егда прелстили тя презлые и прелукавые ласкатели,[19] погубники твои и отечества своего, яко и что приключилося: и яковые язвы, от Бога пущенные, глады, глаголю, и

стрѣлы повѣтренные,[20] и последи мечь варварский, мститель закона Божия, и преславутаго града Москвы внезапное сожжение, и всея Руские земли спустошение,[21] и что наигоршаго и срамотънѣйшаго — царьские души опровержение и в бѣгство плечь царьских, прежде храбрых бывших, обращение; яко нѣцыи здѣ намъ повѣдают, аки бы, хороняся тогда от татар по лѣсомъ,[22] со кромѣшники твоими,[23] вмале гладом не погиб еси! А той же измаильтески пес[24] прежде, когда богоугодно пребывал еси пред нами, намнѣйшими слугами твоими, и на поле диком бѣгая, мѣста не нашол и вмѣсто нынѣшных превеликих и тяжкихъ даней твоих, имиже накупуешъ его на християнскую кровь, нашими саблями, воинов твоих, в бусурманские головы было плачено, или дань даван*а* ему.

А еже пишеши, имянующе нас измѣнники, для того, иже есмя принужденны были от тебя по неволе крестъ целовати, яко тамо есть у вас обычай, аще бы кто не присягнул, горчайшею смертию да умретъ, на сие тобѣ отвѣтъ мой: всѣ мудрые о семъ згажаются,[25] аще кто по неволе присягаетъ или кленется, не тому бывает грѣх, кто крестъ целуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ, аще бы и *гонения* не было. Аще ли же кт*о* прелютаго ради гонения не бѣгаетъ, аки бы самъ собѣ убийца, противящ*е*ся Господню словеси: «Аще, — рече, — гонят васъ во граде, бѣгайте во другий».[26] А к тому и образ Господь Христос, Бог нашъ, показал вѣрным своимъ, бѣгающе не токмо от смерти, но и от зависти богоборных жидов.

А еже реклъ еси, иже аки бы аз разгнѣвався на человѣка, а приразився Богу, сиречь церкви Божии разорилъ и по*п*алил, на сие отвѣтъ: или нас туне не оклеветуй, или выглади, царю, письмо, иже и Давидъ принужден был гонения ради Саулова со поганскимъ царемъ на землю Израилеву воевати.[27] Азъ же не от поганских, но от християнских царей заповѣдание исполнях, заповѣданиемъ ихъ хождах. Но исповѣдую грѣх мой, иже принужден бых за твоимъ повелѣниемъ Витепское великое мѣсто и в немъ двадесять четыре церкви християнскихъ сожещи.[28] Тако же и от короля Сигисмунда Августа принужденъ бых Луцкие влости воевати. И тамо зѣло стрегли есмы вкупе со Корецким княземъ, иже бы невѣрные церквей Божиихъ не жгли и не разоряли. И воистинну не возмогохомъ множества ради воинъства устрещи, понеже пятьнадесять тысящей тогда с нами было войска, между которыми немало было ово варваров измаильтеских, ово других еретиков, обновителей древних ересей, врагов креста Христова; и без нашего вѣдома, по исхождению нашемъ закрадшеся, нечестивые сожгли едину церковь и с монастырем. Да свидѣтельствуют о сем мнихи, яже пущени были от нас ис пленения![29] А потом, аки по лѣте едином, неприятель твой главный, царь перекопский, присылал, яко кролеви моляся, так и нас просячи, иже бы пошел е*см*и с ним на тую часть Руские земли, яже под державою тво*е*ю.[30] Азъ же, повелѣвающ*у ми* и кролеви, отрекохся: не восхотѣх и по*мыс*лити сего безумия, же бы шел под бусорманскими хорунгами на землю християнскую с чюждим царем,

безвѣрником. Потом и сам кроль тому удивился и похвалил мя, иже самъ не уподобился безумным, прежде мене на сие дерзнувшим.

А еже пишеши, аки бы царицу твою счаровано и тобя с нею разлученно от тѣх[31] предреченных мужей и от мене,[32] аз ти за оных святых не отвещаю, бо вещи вопиют, трубы явленнѣйше глас испущающе, о святыне их и добродѣтели. О мнѣ же вкратце отвещаю ти[33]: аще и зѣло многогрѣшен есми и недостоин, но обаче рожден бых от благородных родителей, от пленицы же великого князя смоленского Феодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добре вѣси от лѣтописцов руских,[34] иже тое пленицы княжата не обыкли тѣла своего ясти и крове братии своей пити, яко есть нѣкоторым издавна обычай, яко первие дерзнул Юрей Московский в Ордѣ на святого великого князя Михаила Тверскаго,[35] а потом и протчие сущие во свѣжой еще памяти и предо очима. Что Углецким учинено, и Ерославичом,[36] и прочим единые крови? И како их всеродне заглаженно и потребленно? Еже ко слышанию тяжко, ужасно! От сесцов матерних оторвавши, во премрачных темницах затв*о*ренно и многими лѣты поморенно, и внуку оному, присно блаженному и боговенчанному!

А тая твоя царица мнѣ, убогому, ближняя сродница, яко узришь сродство оно на странѣ того листа написано.[37]

А о Володимере, брате своем, воспоминаешь, аки бы есмо его хотѣли на государство; воистинну, о сем не мыслих, понеже и не достоин был того.[38] А тогды же есмь угодал грядущеѣ мнѣние твое на мя, когда еще сестру мою насилием от мене взял еси за того то брата твоего,[39] наипаче же, могу поистиннѣ рещи со дерзновением, — в тот ваш издавна кровопивственный род.

А еже хвалишися и величаешися горе и долу, иже лифлянтов окаянных поработил еси, аки бы животворящаго креста силою, не вѣм и не разумѣю, аще бы то вѣре было подобно: подобнейше, с разбойнических крестов хоругвями![40] Иже еще кролеви нашему от маестата своего не двигш*у*ся,[41] и вся шляхта в домѣх своих пребывающе, и все воинство королево при короле на мѣсте было, а уже кресты тые во многих градѣх поломалися от нѣякого Жабки,[42] а в Кеси, стольном граде, от латышей.[43] А сего ради поистинне не Христовы кресты, но погибшаго разбойника, яко пред разбойником ношено. Гетмани же лятцкие и литовские еще а ни начинали готоватися сопротив тебѣ, а твои окаянные воеводишка, а праведнѣйше рекше калики,[44] ис-под крестов твоих влачими в чимбурехъ,[45] здѣ, на великом сойме, идеже различные народы бывают,[46] ото всѣх подсмеваеми и наругаеми,

окаянныи, на прескверное и вѣчное твое постыдѣние и всея Святорусския земли, и на посрамощение народов — сынов руских.

А еже пишеши о Курлетеве, о Прозоровских и о Ситцких, и не вѣм о яких узорочьях и за упокой, припоминаючи и Кроновы, и Афродитовы дѣла,[47] и стрелѣцких жен, аки бы нѣчто смеху достойно и пияных баб басни, на сие отвѣту не потреба, *по* премудрому Соломону: «Глупающему, — рече, — отвѣщати не подобает»,[48] понеже уже всѣх тѣх предреченных, не токмо Прозоровских и Курлетевых, но и бесчисленных благородныхъ лютость мучительская пожерла, а в то мѣсто осталися калики, ихъже воеводами поставляти усильствуешь, или любопришься упряме сопротив разума и Бога, а того ради скоро и со грады ищезают, не токмо от единаго воина ужасающеся, *но* и от листу, вѣтром вѣющаго, пропадающе и з грады, яко во Девторономии[49] пишет святый пророк Моисѣй: «Един, — рече, — поженет за беззакония ваша тысящу, а два двигнут тмы».[50]

А в той же епистолии припамянено, иже на мой листъ уже отписано, но и аз давно уже на широковещательный листъ твой[51] отписах ти, да не возмогох послати[52] непохвальнаго ради обыкновения земель тѣх, иже затворил еси царство Руское, сиречь свободное естество человѣческое,[53] аки во аде твердыни, и кто бы из земли твоей поѣхал, по пророку, до чюжих земель, яко Исусъ Сирахов глаголет,[54] ты называешь того измѣнником, а естли изымают на предѣле, и ты казнишъ различными смертми. Такоже и здѣ, тобѣ уподобяся, жестоце творят. И того ради так долго не послах ти его. А ныне, яко сию отпись на нынешную епистолию твою, так и оную, на широковещательный листъ твой прежний, посылаю ко величеству высоты твоея. И аще будеши мудръ, в тишинѣ духа, без гнѣва, да прочтеши их! И к тому молю ти ся: не дерзай уже писати до чюжих слуг, паче же идѣже умѣют отписати, яко нѣкоторый мудрый рече: «Возглаголеши хотяще, да услышиши не хотяще», сиречь отвѣт на твое глаголание.

А еже пишеши, аки бы тобѣ не покоряхся и землею твоею хотѣх владѣти, и изменником, и изгнанцом нарицающе мене, сие отвещание оставляю явственнаго ради от тебѣ навѣту, или потвору. Тако же и другии отвещевания оставляю того ради, *иже* достоило отвѣщати тобѣ и отписати на твою епистолию, ово сокращая епистолию мою, к тобѣ писаную, да не явитца варварско преизлишных ради глаголов, ово возлагающе на суд нелицемѣрнаго Судии Христа, Господа Бога нашего, яко и во первых моих епистолиях о сем многажды уже воспомянух, и к тому не хотячи с твоею царскою высотою аз, убогий, вящей сваритися.

А всяко посылаю ти двѣ главы, выписав от книги премудраго Цицерона, римскаго наилѣпшаго синглита,[55] яже еще тогда владѣли римляне всею вселенною. А писал той отвѣт к недругом своим, яже укаряше его изогнанцом и изменником, тому подобно, яко твое величество нас, убогихъ, не могуще воздержати лютости твоего гонения, стреляюще нас издалѣча стрелами огнеными сикованции[56] твоея туне и всуе.

Андрей Курбский, княжа на Ковлю.[57]

(...)

Зри, о царю, со прилежаниемъ: аще поганские философи по естественному закону достигли таковую правду и разумность со дивною мудростию между собя, яко апостолъ рече: «Помыслом осуждающим или оставляющим»,[58] а того ради и всею вселенною попустил Богъ имъ владѣти, а мы християне нарицаемся, а не токмо достигаемъ книжников и фарисеов правды, но и человѣков, естественным законом живущих! О, горе нам! Что Христу нашему отвѣщаем на суде и чѣм оправдимся? Аки по лѣте едином или дву писания перваго моего к тобѣ,[59] видѣх збывшѣеся от Бога, по дѣлом твоим и по начинани*ю* рук твоих, прескверную и зѣло паче мѣры срамотную побѣду над тобою и над воинством твоим,[60] яко погубил еси славу блаженные памяти великих княжат руских, прародителей твоих и наших, в Великой Руси царствующих блаженне и преславне. И мало того, яко не постыдился еси и не усрамился от Господа наказания и обличения, яко и во перших епистолиях воспомянухом ти, сиречь казней неправедных различных беззакония ради твоего,[61] еже в Руси никогдаже бывали и отечества твоего преславнаго града Москвы сожжения от безбожных измаильтян,[62] и взял еси на ся прескверным произволением фараоницкое непокорение и ожесточение сопротив Бога и совѣсти,[63] отнюдь поправши совѣсть чистую, во всякого человѣка от Бога вложенную и яко недреманное око и неусыпнаго стража всякому человѣку душѣ и уму безсмертному подану и поставлену стражи ради и хранения. И что еще безумнѣйшего творишь и дерзаешь? Не срамляешися писати к нам, аки бы ти, воинствующу сопротив врагов своих, сила животворящаго креста помогала! И тако непшуеши или мниши? О безумие человѣческое, наипаче же развращенные души от похлѣбников, или от любимых ма*нья*ков твоих! Зѣло аз о семъ удивляюся и всѣ сущие, имущие разум, наипаче же тѣ, которые пред тѣм знали *тя,* когда в заповѣдех Господних пребывал еси, избранных мужей нарочитых окрестъ собе имѣл еси и не токмо был еси храбрый и мужественный подвижник и врагом твоим страшен, но и Священнаго Писания преполон и святынею и чистотою освящен. А нынѣ во якую бездну глупства и безумия развращения ради прискверных ма*нья*ков твоих совлечен еси и памяти здравы лишен!

Како не воспомянеши во священных книгах лежащих, к наказанию нашему писаных, иже прескверным и прелукавым Богъ всемогущий и святыня его не помогает? (...)

А твоего вели*че*ства лютость ни единаго Непо*т*ияна и прочих дву неповинных,[64] но бесчисленных воевод и стратилатовъ благородныхъ[65] и великихъ в роде, и пресвѣтлых в делесех и в разуме, и в военных вещах искусившихся от самые юности своея, и в полкоустроениях, и свидѣтельствованных сущих мужей, еже бываетъ наилѣпшее и наикрепчайшее в борениях ко преодолѣниям супостатов, различными смертми разтерзал еси и всеродне погубил без суда и без права,[66] приклонивши ухо единой странѣ, сиирѣчь презлым ласкателемъ, пагубником отечества. И бывша в таковых скверных и кровопролитиях, посы*лаешь* в чюждую землю армату великую християнскую под чюждыи грады без ыскусных и свидѣтельствованных стратилатов, и к тому отнюдъ не имущихъ мудраго и храбраго прос*т*атора, или гетмана великаго, что бывает в войске паче всего погибельнѣйшее и повѣтреннѣйшее, сиирѣчь вкратце рещи: без людей, с овцами или з зайцы, не имущими добраго пастыря, которые от вѣтру листу вѣющаго боятся, яко и во первой моей епистолии воспомянухом о к*а*ликах твоих,[67] ихже воеводишками усильствуешъ безстыдне творити вмѣсто оных предреченных храбрых и нарочитых мужей, избиеных и разогнаных от тобя.

А ныне к тому приложил еси и другую срамоту прародителемъ своимъ, сромотнѣйшую и тысяща крат беднѣйшую: град великий Полоц*к* со всѣю цѣлою церковью, сиирѣчь со епископомъ и клирики, и воинством, и с народы предал еси, пред обличием твоим, егоже был достал еси персми своими, уже не глаголю, тешечи тебе, нашими вѣрными службами и многими труды, бо еще тогда не всѣхъ был еси до конца погубил и розогнал, егда Полоцка досталъ былъ еси.[68] Собравшися со всѣмъ твоим воинством, за лесы забившися, яко един хороняка и бегунъ, трепещешъ и исчезаешъ;[69] никому же гонящ*у* тя, токмо совѣсть твоя внутрь вопиюще на тя, обличающе за прескверные твои дѣла и бесчисленные крове. Только ти негли остовает сваритися, яко рабе пьяной, а что воистинну сану царскому належит или достоит, сиирѣчь суд праведный и оборона, се уже подобно изчезла за молитвою и совѣтом прелукавые четы осифлянския Васьяна Топоркова, яже ти совѣтовал и шептал во ухо не держати мудрѣйшие *р*ады при собѣ,[70] и других таковых совѣтников твоих вселукавых мнихов и мирских. Се славу таковую от них получил еси! И свѣтлую побѣду изообрѣли тобѣ, яко пророчествовал Костянтину Великому святый Николае за трех мужей[71] и тобѣ множество блаженный Селивестръ, исповѣдникъ твой, казняще тя и наказующе о непреподобных твоих дѣлех и прелукавых нравех, на нь же и по смерти непримирительне враждуешь! Або не

читал еси во Исайе пророце лежащаго: «Л*у*тчи, — рече, — лоза или жезлъ приятеля, нежели ласкательные целования вражии?».[72]

Помяни первые дни и возвратися. Поки[73] нагою главою безстудствуешь сопротив Господа твоего? Або еще не час[74] образумитися, и покаятися, и возвратитися ко Христу? Поки еще есмя не распряглися от тѣла, понеже нѣсть во смерти поминания *и во аде исповѣдания или покаяния* всяко. Мудръ бывал еси, и, мню, вѣдаешь о тричасном души, како порабощаются смертные части безсмертной. Аще ли же не вѣдаешь, и ты научися у мудрѣйших, и покори, и поработи звѣрскую часть Божию образу и подобию: всѣ бо от вѣка такъ спасаютца, покаряюще хуждшее[75] лутчему.

А еже *от* преизлишнаго надмения и гордости, мнящеся о собѣ мудръ и всея вселенныя учитель быти, пишеши до чюждие земли и до чюждых слуг, аки научающе ихъ и наказующе, яже паче здѣ смеюттися о семъ и наругаются. (...)

Писано во преславном граде Полоцку государя нашего свѣтлого кроля Стефана, паче же преславна суща в богатырских вещах, во третий день по взят*и*ю града.[76]

Андрѣй Курбский, княжа на Ковлю.

Аще пророцы плакали и рыдали о граде Ерусалиме и о церкве преукрашеной, от каменей прекраснѣйшей созданной, и о сущих, живущих в нем, погибающих,[77] како не достоит нам зѣло восплакати о разорению града Бога живаго, или церкви твоей телѣсной, юже создал Господь, а не человѣкъ. В нѣйже нѣкогда Духъ Святый пребывал,[78] яже по прехвальном покаянию была вычищена и чистыми слезами измыта, от неяже чистая молитва, яко благоуханное миро или фимияна, ко престолу Господню возходила;[79] в нейже, яко на твердом основанию правовѣрные вѣры, благочестивые дѣла созидашася, и царская душа в той церкви, яко голубица крылы посребренными, между же рамия ея блистал*а*ся, пречистѣйши и пресвѣтлѣйше злата,[80] благодатию Духа Святого преукрашенна дѣла*ми* укрѣпления ради и освящения тѣла Христова и надражайшие его крови, еюже нас откупил от работы дияволи! Се такова твоя прежде бывала церковь телесная! А за тѣм того ради всѣ добрые послѣдовали хоругвям крестоносным християнским. Языцы различные варварские не токмо со грады, но и со цѣлыми царствы их покоряхуся тобѣ,[81] и пред полками християнскими архангел хранитель хождаше со ополчением его,

«осеняюще и заступающе окрестъ боящихся Бога»,[82] по положению *предѣлов языка* нашего, яко реклъ святый пророк Моисѣй,[83] врагов же устрашающе и низлагающе супостатов. Тогда было, тогда глаголю, егда со избранными мужи избранен бывал еси, и со преподобными преподобен, и со неповинными неповинен, яко рече блаженный Давидъ,[84] и животворящаго креста сила помогаше ти и воинству твоему.

Егда же развращенныи и прелукавыи развратиша тя, сопротив обрелся еси и по таковом покоянию возвратился еси на первую блевотину[85] за совѣтом и дум*о*ю любимых твоих ласкателей, егда церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, ноипаче же пятоградные г*н*усности пропастию[86] и иными бесчисленными и неизреченными злодѣйствы напроказили, имиже всегубитель нашъ, диявол, род человѣческий издавна гнусен творит и мерзок перед Богом и во послѣднюю погибель вревает, яко ныне и твоему величеству от него случилося: вмѣсто избранных и преподобных мужей, правду ти глаголющих, не стыдяся,[87] прескверных паразитовъ[88] и маньяков поднес тобѣ; вмѣсто крѣпких стратигов и стратилатов — прегнусодѣйных и богомерзких Бельских с товарыщи[89] и вмѣсто храбраго воинства — кромѣшников, или опришнинцов кровоядных,[90] тмы тмами горших, нежели палачей; вмѣсто богодухновенных книг и молитвъ священных, имиже душа твоя безсмертная наслаждалася и слухи твои царские освящалися, — скоморохов со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣснми,[91] ко осквернению и затворению слуха входу ко феологии;[92] вмѣсто блаженнаго оного презвитера, яже тя был примирил ко Богу покаянием чистым,[93] и других совѣтников, духовно часто бесѣдующих с тобою,[94] яко нам здѣ повѣдают, не вѣм, есть ли правда — чаровников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающе их о счастливых днях,[95] яко скверный и богомерский Саул творил, оставя пророков Божиих, ко матропе или ко фотунисе, женѣ чаровнице, притекалъ, пытающе ея о сражению настоящем, яже ему похотѣния его мечтанием бесовским Самуила пророка, аки воставшаго от мертвых, в мечте показала, яко о том толкует свѣтле святый Августын во своих книгах.[96] А што же тому за конец случился? Сие сам добре вешь. Погибель ему и дому его царскому, яко и блаженный Давидъ рече: «Не пребуд*у*т долго пред Богом, которые созидают престолъ беззакония»,[97] сииречь трудные повелѣния, или декреты, неудобь терпимыи.

И аще погибают царие или властели, яже созидают трудные декреты и неудобь подъемлемые номоканоны, *а* кольми паче не токмо созидающе неудобь подъемлемые повелѣния или уставы з домы погибнути должны, но во яковых сии обрящутся, яже пустошат землю свою и губят подручных всеродне, ни сосущих младенцов не щадяще, за нихже должни суть властели, кождый за подручных своих, кровь свою против враго*в* изливати, и девиц, глаголют, чистых четы собирающе, за собою их подводами волочаще и нещадно чистоту их разтлевающе,[98] не удовлився уже своими пятма или шестма женами![99] Еще к тому на

неисповедимое ко слышанию ужастное разтлѣние выдавающе их чистоту. О беда! О горе! В каковую пропасть глубочайшую диявол, супостат нашъ, самовластие и волю нашу низвлачит и вревает!

Еще другие и другие, яко нам здѣ от твоея земли приходящие повѣдают, тмы тмами крат гнуснѣйшие и богомерские, оставляю писати, ово сокращения ради писанейца сего, ово ждуще суда Христова, и, положа персты на уста, преудивляю*ся* зѣло и плачю сего ради.

Еще ли мниши таковых ради и ко слуху тяжких и нестерпимых, иже бы ти помогала и вои*нству* твоему сила животворящаго креста? О сопоспѣшниче перваго звѣря и самого великого дракона, якоже искони сопротивляется Богу и ангелом его, погубити хотяще всю тварь Божию и все человѣческое естество! Поколь такъ долго не насытишися крови християнские, *попирающе**[100]*** совѣсть[101] свою? И прочто так долго от так тяжкого лежания или сна не воспрянешь и *не* приложишися[102] в часть ко Богу и ко человѣколюбивым ангелом его?

Воспомяни дни свои первые, в нихже блаженне царствовал еси!

Не губи к тому собя и дому твоего!

Аще рече Давидъ: «Любяй неправду ненавидит сво*ю* душу»,[103] кольми паче кровьми християнскими оплывающии ищезнут воскоре со всѣмъ домом!

Воскую так долго лежишь простертъ и храпиши на одрѣ, зѣло болѣзненом, объят будучи аки леторгитцким сном? Очютися и воспряни! Нѣкогда позд*н*о, понеже самовластие наше и воля, аже до распряжения души от тѣла ко покаянию данная и вложенная в нас от Бога, не отъемлетца исправления ради нашего на лутчее.

Приими божественный антидот,[104] имъже, глаголют, цел*ят*ся неисцѣльные яды смертоносныи, имиже от похлѣбников и от самого отца их, прелютаго дракона, д*а*вно уже напоен еси. Егда же кто того лекарства внутренным человѣком вкусит, яко рече Златоустый, пишучи во первом слове страстном о Петра апостола покаянию: по вкушению

того посылаются молитвы ко Богу умиленные «чрез послы слезные». Мудрому довлѣет. Аминь.

Писано в Полоцку государя нашего короля Стефана по сущему преодолѣнию под Соколом во 4 день.[105]

Андрей Курбский, княжа на Ковлю.

---

[1] *...яко Монасиино, покояние... и никогоже, а нимало к тому обидѣвша...* — Манассия — царь Иудейский. В данном пассаже имеется в виду библейский рассказ об освобождении жестокого и нечестивого Манассии от Божьего гнева и наказания после искреннего покаяния и молитвы его к Богу, о возвращении его из ассирийского плена и о дальнейшей его благочестивой жизни в своей столице, сделавшего перед смертью много добрых дел для исправления былых своих беззаконий и идолопоклонства (см. 4 Цар. 20—21).

[2] *...яко Закхеино прехвальное покояние и возвращение четверосугубное изообиженнымъ от него.* — По евангельскому рассказу, Закхей — мытарь (сборщик налогов), уверовавший в Иисуса Христа и вернувший вчетверо больше всем обиженным от него при несправедливом сборе налогов (см. Лк. 19, 2—8).

[3] *...являюще внутренняго человѣка...* — Внутренний человек — духовная сущность человека, его душа, в отличие от его внешней материальной сущности, т. е. тела или плоти. Понятие о внутреннем и внешнем человеке было распространено в древнерусской письменности и имело своим первоисточником послания апостола Павла (см. Рим. 7, 22; Коринф. 4, 16; Ефес. 3, 16; ср. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 239, 245).

[4] *Господь глаголетъ ко своимъ апостоломъ: «Аще и вся заповеди исполните, глаголите: раби непотребны есмы»...* — Ср. Лк. 17, 10.

[5] *Господъ повелѣваетъ никогоже прежде суда осуждати... и потом сучецъ из братня ока изимати...* — Курбский намекает в этом пассаже на широко известные верующим евангельские мысли (см. Мф. 7, 1—4; Лк. 6, 41—42).

[6] *...яко и Христа древле жидове... изгоняща бѣсы...* — Здесь содержится реминисценция из евангельских рассказов. Евангелист Матфей сообщает, что фарисеи после распятия Иисуса Христа говорили

римскому прокуратору Понтию Пилату, «яко лстец он» (Мф. 27, 63). По данным евангелиста Иоанна, часть слушателей говорила о Иисусе Христе: «Бѣса имать и неистов есть» (Ин. 10, 20). В евангельских рассказах содержались также данные об Иисусе Христе, что он «о Велзевуле, князе бѣсовстем, изгонит бѣсы» (Мф. 12, 24; Лк. 11, 15).

[7] *На поле:* ложно оклеветати.

[8][8] *...аки отступивши великаго апостола: «Никтоже бо, — рече, — нарицает Исуса Господомъ, токмо Духомъ Святымъ».* — 1 Кор. 12, 3.

[9] *...яко Господь рече: «Аще кто хулитъ на Духа Святаго, не оставится ему ни в сей вѣкъ, ни в будущей».* — Ср. Мр. 3, 29; Мф. 12, 32.

[10] *На поле:* лжесшивания.

[11] *...исповѣдника твоего потворяти и сикованции на него умышляти, который душу твою... поставил!* — Речь идет о священнике московского кремлевского Благовещенского собора Сильвестре, который являлся духовником царя Ивана IV и одним из руководителей так называемой «Избранной рады». Подробный рассказ о Сильвестре Курбский дал в своей «Истории о великом князе Московском» (см. наст. изд.). Сикованции — это множественное число от слова «сикованция», которое означает «клевета», «навет», «наговор» (см. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 2000. Вып. 24. С. 133).

[12] *Не ужесаеши ли ся, о царю, притчи Хамовы, яже насмѣвался наготѣ отчей? Како снесенно бысть о томъ на исчадия его проклятие!* — Речь идет о ветхозаветном библейском сюжете, по которому один из трех сыновей праведника Ноя Хам после спасения от всемирного потопа на построенном по велению Бога ковчеге оказался непочтительным по отношению к отцу, который заснул обнаженным; после насмешек сына над наготой отца Хам был проклят Ноем (см. Быт. 6, 10).

[13] *...ласкатели твои клеветали на онаго презвитера, иже бы тя устращал не истинными, но лстивыми видѣнии. О воистинну и аз глаголю: лстецъ он былъ, коварен и благокознен... и привел был тя ко Христу, Богу нашему.* — В «Истории» Курбский не упоминает об этой клевете «ласкателей» на попа Сильвестра, а только подтверждает факт устрашения юного царя чудесами, идущими, как знамения, от Бога, специально оговаривая, что он не ведает, истинные ли то были чудеса или вымышленные. Возможность использования небольшого вымысла Сильвестром с целью исцеления царя от великого зла Курбский в принципе не исключает.

[14] *...негли он памятал пророческое слово: «Да претерпишь лучше, — рече, — раны приятеля, неже ласкателные целования вражии».* — В пророческих книгахэтого изречения нет. Цитата восходит к Притчам царя Соломона. Ср. Притч. 27, 6.

[15] *Но збысться на немъ Соломоново слово: «Накажи, — рече, — праведника и преложитъ со благодарениемъ приимати», и паки: «Обличай праведнаго, и возлюбитъ тя».* — Притч. 9, 8—9.

[16] *...не достоитъ намъ, воиномъ, яко рабамъ, сваритися.* — Этот пассаж с небольшим разночтением Курбский употребил и во Втором послании к царю.

[17] *На поле:* сенатов.

[18] *...нарочитых синглитов твоих...* — В рукописи к слову «синглитов» на поле дана объяснительная глосса: «сенаторов». Термин «синглит» или «синклит» обозначал в Древней Руси Боярскую думу или ее членов. Термин «сенатор» (лат. senator) имелся в древнерусском и польском языках XVI в. и представлял собой слово, обозначающее члена сената, т. е. члена государственного совета, или государственного советника. Термины «синглит» («синклит») и «сенатор» употреблялись в сочинениях Курбского как синонимы древнерусским словам «советник» или «боярин».

[19] (*На поле:* человѣкоугодники, или по их маньяки, паче же всѣ мудрые согласуютъ, иже во царствѣ, гдѣ любят их, ничтоже может смертоноснѣйшаго прыща быть над них.) *Человѣкоугодники, или по их манъяки... ничтоже может смертоноснѣйшаго прыща быть над них.* — Данное примечание к словам Послания «презлые и прелукавые ласкатели» восходит, как установил В. В. Калугин, к поэтической эпиграмме Курбского «о плодех ласкателей», которая в самых различных вариантах сатирически употребляется князем Андреем в его сочинениях (см. об этом подробнее: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 214—218). Упомянутый в тексте примечания «смертоноснѣйший прыщ» — это нарыв или язва на коже, образующиеся на теле человека в результате заболевания его чумой, эпидемической болезнью, опасной для жизни. Данным примечанием о «человекоугодниках» Курбский подчеркивает особую опасность для страны нового окружения царя Ивана.

[20] *...и яковые язвы, от Бога пущенные, глады, глаголю, и стрѣлы повѣтренные...* — «Язвы», или эпидемии, в Русской земле начались во время Ливонской войны уже в 1563 г. (Полоцк), продолжались в 1566 г. (Озерище, Великие Луки, Смоленск, Великий Новгород, Псков) и в 1567/68 г. (снова Великий Новгород) и в 1567/68 г. начался голод, а в 1569—1571 гг. резко подорожали хлеб и другие продовольственные товары.

[21] *...мечь варварский, мститель закона Божия, и преславутаго града Москвы внезапное сожжение, и всея Руские земли спустошение...* — Курбский имеет здесь в виду сокрушительное и опустошительное стремительное нашествие войск крымского хана Девлет-Гирея на Русское государство в мае 1571 г., когда в грандиозном пожаре 24 мая была сожжена Москва. Об этом сожжении Москвы Курбский в комментируемом послании пишет и ниже. Князь Андрей описывает грандиозный московский пожар и в других своих сочинениях. О набеге

крымского хана Девлет-Гирея и о сожжении татарами Москвы 24 мая 1571 г. см.: *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 453—459; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 424—427.

[22] *...в бѣгство плечь царьских... хороняся тогда от татар по лѣсомъ...* — Царь Иван IV не был в войсках и столице, когда хан Девлет-Гирей напал на Москву. По известиям разрядных книг, царь «с людми собратца не поспел»; к русским воеводам, бывшим с войсками на береговой службе, поступили ложные сведения о том, что крымский хан отложил свой набег на Русь, и Иван Грозный в этой связи отправился в северо-восточные уезды страны, чтобы, как полагает В. Б. Кобрин, наказать лиц, не явившихся на «государеву службу», а также для сбора войск.

[23][23] *...со кромѣшники твоими...* — Кромѣшники — это опричники царя Ивана Грозного. Здесь игра слов: наречия «опричь» и «кромѣ» — синонимы, поэтому «опричников» (людей, принадлежавших к «особому», отдельному государеву уделу) можно было именовать и «кромѣшниками», т. е. людьми, принадлежавшими к «кромешной тьме» — аду.

[24] *...измаильтески пес...* — Имеется в виду крымский хан Девлет-Гирей, которого Курбский и сторонники «Избранной рады» считали главным врагом Русского государства и всех православных христиан.

[25] *На поле:* согласуются.

[26] *...противящеся Господню словеси: «Аще, — рече, — гонят васъ во граде, бѣгайте во другий».* — Мф. 10, 23.

[27] *...и Давидъ принужден был гонения ради Саулова со поганскимъ царемъ на землю Израилеву воевати.* — По библейским преданиям, Давид, бежав из-за гонений в царствование первого израильского царя Саула из своей страны, готов был принять участие в войне против Израиля на стороне его врагов — филистимлян (см. 1 Цар. 27—29).

[28] *...исповѣдую грѣх мой, иже принужден бых... двадесять четыре церкви християнскихъ сожещи.* — «Исповедь» Курбского (ответ на упрек царя) в данном случае имеет значение острого полемического приема: князь Андрей действительно сжег, по всей вероятности, православные церкви в Витебске, но это было в 1562 г., когда он с войском Ивана IV участвовал в Ливонской войне и завоевывал Витебск, находившийся на территории неприятеля. Официальный «Летописец начала царства» подтверждает участие князя Курбского «с товарыщи» в походе 1562 г. на Витебск, взятие витебского острога и поджога его, городского посада и окрестных сел и деревень, но не инкриминирует московским воеводам вины за сожжение церквей (см. *ПСРЛ.* Т. 29. М., 1965. С. 298—299).

[29] *Тако же и от короля Сигисмунда Августа принужденъ бых Луцкие влости воевати. И тамо зѣло стрегли есмы вкупе со Корецким княземъ... яже пущени были от нас ис пленения!* — Курбский говорит здесь уже о своем участии в походе польско-литовских войск на Великие Луки.

Согласно «Летописцу начала царства», этот поход состоялся в сентябре—октябре 1564 г.; походом руководил польско-литовский гетман Н. Ю. Радзивилл, в составе участников похода на Великие Луки действительно находились и князь Андрей Курбский, и князь Богуш (Бауш) Корецкий (см. *ПСРЛ.* Т. 29. С. 340), который упоминается в комментируемом пассаже Послания. Под «варварами измаильтескими» Курбский, несомненно, имел в виду крымских татар, а под «еретиками, обновителями древних ересей», он мог подразумевать кальвинистов, лютеран и других реформаторов и сектантов.

[30] *...царь перекопский... пошел есми с ним на тую часть Руские земли,* яже *под державою твоею.* — Речь идет о присылке в Речь Посполитую послов крымского хана Девлет-Гирея с предложением о совместном нападении крымских татар и польско-литовских войск на земли Российского царства. После получения отказа ДевлетТирей осенью 1564 г. совершил безуспешное нападение на Рязань.

[31] *На поле:* от оныхъ.

[32] *...аки бы царицу твою счаровано и тобя с нею разлученно от тѣх предреченных мужей и от мене...* — Эти слова Курбского восходят к тексту Второго послания Ивана Грозного Курбскому, в котором действительно упоминается о разлучении царя с женою, но ничего не говорится о ее устранении с помощью чародейства. Обвинение в «счаровании» Анастасии Романовны попом Сильвестром и окольничим А. Ф. Адашевым Курбский воспроизвел также и в «Истории о великом князе Московском», где он связывал это обвинение не с именем царя, а с клеветническими измышлениями «презлых ласкателей» — его «шурьев» и других «нечестивых губителей», которые стали распространять слух, что царица Анастасия умерла вследствие колдовской деятельности священника Благовещенского собора Сильвестра и окольничего А. Ф. Адашева, и убедили в этом царя. Обвинения опальных подданных в изменах и колдовстве действительно выдвигались царем еще до бегства Курбского за границу. Иван Грозный, отвечая в 1564 г. на Первое послание Курбского, писал: «а еже о измѣнахъ и чародѣйстве воспомянулъ еси, — ино такихъ собакъ вездѣ казнятъ» (см. наст. изд.). Царь Иван ничего не написал конкретного о чародействах, но он не опроверг в принципе утверждений Курбского о казнях православных подданных, обвиняемых в колдовстве. В отношении покойной царицы Анастасии он лишь подчеркнул, что злые советники своим «лукавымъ умышлениемъ» помешали оказать какую-либо врачебную помощь больной царице во время ее «немилостивного путного прехождения» из Можайска в Москву (см. наст. изд.). Позднее, во время опричного террора, Иван Грозный, отпуская своих послов для переговоров в Литву, предписывал им в своем наказе прямо заявлять там, будто старая измена Курбского состояла в том, что он «учинил» над царицей Анастасией «лихое дело» вместе «с своими советники» (Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 588).

[33] *На поле:* сиирѣчь по великой неволи принужден бо быхъ от тебя, аще же бы не отвѣщал тия правды, был бы яко безсловесен или повинен тому, чим мя напрасно оклеветуешь.

[34] *...рожден бых от благородных родителей... добре вѣси от лѣтописцов руских...* — Отцом Курбского был боярин и воевода князь Михаил Михайлович Курбский, потомок смоленского князя Федора Ростиславича, получившего в результате брака в 1294 г. Ярославское княжество в качестве приданого и титул ярославского князя. Мать Курбского была дочерью Михаила Васильевича Тучкова, представителя знатного старомосковского боярского рода Морозовых.

[35] *...яко первие дерзнул Юрей Московский в Ордѣ на святого великого князя Михаила Тверскаго...* — Московский князь Юрий Данилович (1303—1325), претендовавший на великокняжеский владимирский престол, который в начале XIV в. принадлежал тверскому князю Михаилу Ярославичу (1285—1318), привел в 1313—1314 гг. войска татарского военачальника Кавгадая на Тверь. Князь Михаил Ярославич разбил объединенные московско-татарские войска, но затем был вызван по требованию хана в Золотую Орду и казнен там в 1318 г. в присутствии своего соперника князя Юрия, который настаивал на этой казни. Впоследствии князь Михаил Ярославич Тверской был причислен к лику святых мучеников. Современное сказание о нем было внесено в русские летописи и бытовало в различных вариантах в русской рукописной традиции, подвергнувшись промосковской цензуре (см.: *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 275—276. См. издание летописной редакции Жития Михаила Ярославича Тверского в 6 т. наст. изд.). Курбский, очевидно, знал тайную историю этих событий не из официальной литературы.

[36] *...и Ерославичом...* — Речь идет о расправе великого князя Московского Василия Васильевича Темного, прадеда Ивана IV, над его бывшим верным союзником серпуховским удельным князем Василием Ярославичем, который в 1456 г. был заточен, а затем отправлен в ссылку. После ссылки князя Василия Ярославича его жена и сын бежали в Литву, сам же опальный князь скончался в «железах» на Вологде зимой 1482/83 г.

[37] (*На поле:* Род. Борис Ивановичь Морозов родил Тучковъ двух: Василия и Иоанна. Иоаннъ родилъ Ирину, матерь Романову. Василей родил Михаила, отца матери моей. Роман же сплодил Анастасѣю царицу.) *А тая твоя царица мнѣ, убогому, ближняя сродница, яко... написано.* — Курбский привел в Послании специальную генеалогическую справку, подтверждающую это близкое родство. В публикуемом списке, как и в ряде других, она дана в форме примечания, писанного на поле основного текста. Из содержания данного примечания непреложно вытекает, что князь Андрей Курбский и царица Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева действительно находились между собой в кровном родстве, доводясь друг другу четвероюродными братом и сестрой. О Морозовых и Тучковых, упомянутых в примечании на поле, см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 200, 205—207; *Шмидт С. О.* Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 129—141;

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 234—243. В генеалогической справке Курбским или позднейшим переписчиком допущена лишь одна ошибка: Борис Морозов был сыном Михаила Ивановича Морозова и внуком родоначальника Морозовых Ивана Мороза. Очевидно, в данном случае генеалогическая ошибка объясняется либо забывчивостью Курбского, либо опиской позднейшего переписчика.

[38] *...А о Володимере, брате своем, воспоминаешь... не достоин был того.* — О намерении бояр посадить на царский престол удельного князя Владимира Андреевича Старицкого — двоюродного брата Ивана Грозного — Иван IV писал и в Первом, и во Втором посланиях Курбскому, но против самого князя Андрея это обвинение Иваном IV в переписке никогда прямо не высказывалось: царь подчеркивал лишь идейную близость Курбского к боярам-заговорщикам, хотевшим якобы возвести «на царство» князя Владимира. Прямых сведений об участии Курбского в каком-либо «заговоре» бояр в пользу передачи царского престола Владимиру Старицкому нет ни в Царственной книге, ни в приписках к синодальному тому Лицевого летописного свода XVI в. Впрочем, позднее царские послы в Литве по указанию Ивана IV заявляли, что Курбский изменил царю еще тогда, когда он «подыскивал под государем нашим государства, а хотел видети на государстве князя Володимера Ондреевича» (см.: *Скрынников Р. Г.* Бегство Курбского // Прометей. М., 1977. № 11. С. 294).

[39] *...сестру мою насилием от мене взял еси за того то брата твоего...* — Речь идет о княжне Евдокии Романовне Одоевской, второй жене князя Владимира Андреевича Старицкого, которая доводилась князю А. М. Курбскому двоюродной сестрой (см.: *Скрынников Р. Г.* Бегство Курбского. С. 294). Однако из источников неясно, из какого все-таки рода происходила ее мать — из рода князей Курбских или из рода Тучковых. Княгиня Евдокия Старицкая в 1569 г. стала жертвой террора Ивана Грозного: она вслед за своим мужем, князем Владимиром, была отравлена вместе с девятилетней дочерью Евдокией (см.: *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 270, 272; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 256). Курбский знал о ее гибели — в своей «Истории» он привел версию о том, что жена князя Владимира вместе с двумя сыновьями была расстреляна из ружей по приказу Ивана Грозного. Эта версия, правда, не вполне точна; сыновья князя Владимира от второго брака убиты не были, что доказывается синодиком опальных Ивана Грозного, где из детей князя Владимира Старицкого казненной показана только дочь (см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 535). Курбский отметил также в «Истории», что княгиня Евдокия Старицкая была родной сестрой князя Н. Р. Одоевского, но никоим образом не обмолвился, что она доводилась самому автору двоюродной сестрой и что она была отдана замуж за князя Владимира «насилием» по настоянию Ивана IV. Курбский лишь охарактеризовал княгиню Евдокию как женщину «воистину святую и зело кроткую, и Священных Писаний искусную, и пѣния божественного всего навыкшую».

[40] *...аки бы животворящаго креста силою... разбойнических крестов хоругвями!* — Животворящий крест — крест, на котором был распят на Голгофе Иисус Христос. Для верующих этот крест Христа был животворящим и являлся символом спасения. Отвечая на утверждение Ивана IV, что двинские крепости были завоеваны в 1577 г. силою «животворящего креста», Курбский вспоминает кресты двух разбойников, вместе с которыми, по евангельским сказаниям, был распят Христос, заявляя с насмешкой, что войска царя были осенены не «животворящим», а «разбойническими крестами».

[41] *Иже еще кролеви нашему от маестата своего не двигшуся...* — Речь идет о польском короле Стефане Батории, который был избран на престол Речи Посполитой элекционным сеймом в 1575 г. и официально коронован 1 мая 1576 г. Был королем вплоть до своей смерти в 1586 г. С именем Стефана Батория связано возрождение военного могущества Польско-Литовского государства.

[42] *...кресты тыя во многих градѣх поломалися от нѣякого Жабки...* — Жабка — это, как убедительно предположил В. Б. Кобрин, вероятно, казак Борис Заба, или Жаба, который был предводителем польских войск, захвативших Двинск (Динабург) в 1578 г. (см.: *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1889. С. 7; *Новодворский В. В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904. С. 84; Сборник материалов по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3. С. 301). Поломавшиеся кресты — это те самые «разбойнические кресты», о которых Курбский полемически упоминал выше.

[43] *...в Кеси, столъном граде, от латышей.* — Кесь (Венден, ныне — Цесис в Латвии), бывшая столица Ливонского ордена, была захвачена польскими войсками, согласно «Запискам» Р. Гейденштейна, с помощью местных жителей — латышей, находившихся в крепости (см.: *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. С. 7; *Новодворский В. В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). С. 84).

[44] *...окаянные воеводишка, а праведнѣйше рекше калики...* — Калики (калѣки) — это нищие и убогие люди; с ними Курбский насмешливо сравнивает русских воевод, захваченных в польско-литовский плен в ходе боевых действий 1578 г. на ливонском фронте.

[45] (*На поле:* во взенех.) *...в чимбурѣхъ...* — В рукописи на поле к этому слову сделана синонимическая глосса: «во взенех». По данным «Словаря» В. И. Даля, чембур — это «третий, одинокий повод уздечки, за который водят верхового коня, привязывают или дают валяться» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4. С. 589). Слово «взень» в древнерусском языке означает «веревку» или «аркан» (см.: *Срезневский И. И.* Материалы для «Словаря древнерусского языка». СПб., 1893. Т. 1. Стб. 254; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 151).

[46] *...здѣ, на великом сойме, идеже различные народы бывают...* — Слово «сойм» — это диалектный вариант слова «сейм» (польск. sejm), которое означает сословно-представительное собрание господствующего класса в Польше и Литве, а после их объединения в 1569 г. — и в Речи Посполитой для рассмотрения и решения государственных вопросов. Как государственный институт сейм сложился на основе непериодических съездов шляхты и являлся двухпалатным представительным учреждением, состоящим из сената и палаты депутатов, избираемых на провинциальных сеймах, или сеймиках. В отличие от провинциальных сеймов, или сеймиков, сейм Речи Посполитой представлял собой съезд избранных феодалов всего государства: поляков, литовцев, русских и других жителей Речи Посполитой. В свете этих данных становится хорошо понятным, почему князь Андрей пишет о «великом сейме», на котором были «различные народы».

[47] *...Кроновы и Афродитовы дѣла...* — Крон и Афродита — персонажи греческой мифологии. Афродита — богиня любви. Крон — кровожадный титан, пожиравший своих детей. В Первом послании Грозному Курбский вспоминал Кроновых жрецов, с которыми он сравнивал новое окружение царя. В комментируемом тексте упоминания Кроновых и Афродитских дел связаны с текстом Второго послания Ивана IV Курбскому, в котором «Кроновы жертвы» ставятся в прямую связь со смертью царицы Анастасии, «отнятой» у царя боярами, а грешная жизнь царя после смерти «юницы» связывается с естественными потребностями людей.

[48] *...по премудрому Соломону: «Глупающему, — рече, — отвѣщати не подобает»...* — Ср. Притч. 26, 4.

[49] *...яко во Девторономии...* — Слово «девторономия» — это заимствование из греческого языка, буквально означающее в русском переводе «Второзаконие». Девторономией, или Второзаконием, называется заключительная 5-я книга в библейском Пятикнижии пророка и боговидца Моисея. Эта книга содержит речи Моисея, которые повторяют основные законы пророка и боговидца, записанные в первых четырех книгах Пятикнижия (Бытие, Исход, Левит и Числа), и дополняют их.

[50] *...«Един, — рече, — поженет за беззакония ваша тысящу, а два двигнут тмы».* — Вт. 32, 30.

[51] *На поле:* грамоту твою.

[52] *...аз давно уже... отписах ти, да не возмогох послати...* — Курбский имеет здесь в виду свое Второе послание Ивану Грозному (см. его текст в наст. изд., а также коммент. к нему).

[53] *...свободное естество человѣческое...* — Представление о существовании прирожденных человеческих прав, «свободного естества человѣческого», появляется в сочинениях Курбского сравнительно поздно — в 70-х гг. XVI в. — в Предисловии к «Новому Маргариту»,

«Истории о великом князе Московском» и в данном послании (где достижение «таковой правды» приписывается еще «поганским философам»). Идея эта органически не связана со всем мировоззрением Курбского и отражает, по-видимому, влияние западных гуманистических идей, с которыми он познакомился в процессе получения западноевропейского образования на чужбине.

[54] *...и кто бы из земли твоей поѣхал, по пророку, до чюжих земель, яко Исусъ Сирахов глаголет...* — В книге Премудрости Иисуса Сирахова говорится, что праведный и мудрый «в земли чуждих язык проидет, добро бо и зло в человѣцех искуси» (см. Сирах. 39, 5). На совет Иисуса Сирахова ездить «до чужих стран» Курбский ссылался и ранее в Предисловии к «Богословию» Иоанна Дамаскина (см. наст. изд.).

[55] (*На поле:* сенатора.) *А всяко посылаю ти двѣ главы, выписав от книги премудраго Цицерона, римскаго наилѣпшаго синглита...* — Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.) — древнеримский политический деятель, философ, писатель и оратор. «Книга» Цицерона, на которую ссылается Курбский, — это сочинение Марка Туллия Цицерона «Paradoxa ad M. Brutum». Г. З. Кунцевич указывает на печатное издание этой «Книги» 1541 г. (см.: *РИБ.* Т. 31. Стб. 137—138, примеч. а). «Главы» — это отрывки текста из «Paradoxa ad M. Brutum», II. 16—19 и IV. 27. Данные переводы из «Парадоксов» Цицерона были использованы Курбским как приложения к первой части его составного «Отвещания» на Второе послание Ивана Грозного, писавшегося в несколько приемов в период времени между получением царского послания Курбским через возвратившегося из русского плена князя А. И. Полубенского осенью 1577 г. и 15 сентября 1579 г. (см. наст. изд. и коммент. к нему).

[56] *На поле:* потворцы.

[57] *...Андрей Курбский, княжа на Ковлю.* — Город Ковель с крепостным замком расположен на территории Волыни. Был дан князю Курбскому польским королем Сигизмундом Августом на содержание в июле 1564 г. В феврале 1567 г. Ковель был пожалован Курбскому на ленном праве в награду за доблестную службу Курбского в рядах королевской армии (см.: *Устрялов Н.* Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. XVI—XVII). Данной подписью первоначально заканчивался текст «Отвѣщания» Курбского царю на его Второе послание. Этот текст князь Андрей в более поздних приписках к нему называл «первым писанием» или «первой епистолией». Составил он его вполне, очевидно, не ранее конца 1578 г., когда «окаянные воеводишки» были в качестве военнопленных доставлены в Речь Посполитую на «великий сейм» (см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 298—299; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 66—67). После данной подписи Курбского в рукописи помещены два отрывка из «Парадоксов» Цицерона, о которых говорилось в коммент. выше. Эти отрывки в настоящее издание не включены.

[58] *...апостолъ рече: «Помыслом осуждающим или оставляющим»...* — Ср. Рим. 2, 14—15.

[59] *Аки по лѣте едином или дву писания перваго моего к тобѣ...* — Под «первым писанием» здесь несомненно имеется в виду не Первое послание Курбского Ивану Грозному 1564 г., а первоначальный текст Третьего послания Курбского царю, который писался в ответ на Второе послание Ивана IV к Курбскому, переправленное в Литву через отпущенного из русского плена гетмана князя А. И. Полубенского осенью 1577 г. Этот текст был составлен в своем окончательном виде никак не ранее конца 1578 г.

[60] *...видѣх... прескверную и зѣло паче мѣры срамотную побѣду над тобою и над воинством твоим...* — Здесь имеется в виду захват Полоцка польско-литовскими войсками 31 августа 1579 г. Ниже Курбский вновь обращается к этой теме, где трактует сдачу царскими войсками Полоцка как «срамоту прародителемъ своимъ сромотнѣйшую и тысяща крат беднѣйшую». Курбский действительно видел это «срамотное» поражение царских войск, так как принимал личное участие в победоносном походе польского короля Стефана Батория на Полоцк.

[61] *...яко и во перших епистолиях воспомянухом ти... беззакония ради твоего...* — Под «першими», т. е. первыми, «епистолиями» Курбский имеет здесь в виду свои Первое и Второе послания к царю.

[62] *...и отечества твоего преславнаго града Москвы сожжения от безбожных измаильтян...* — Имеется в виду грандиозный пожар Москвы, который произошел 24 мая 1571 г.

[63] *...фараоницкое непокорение и ожесточение сопротив Бога и совѣсти...* — Курбский имеет в виду эпизод библейской истории, связанный с исходом евреев из Египта, когда древнеегипетский фараон в своем ожесточении и непокорстве не желал выполнить волю Бога и отпустить богоизбранный народ из Египта, благодаря чему он заслужил страшную гибель со своим войском в волнах Чермного моря (см. Исх. 5—14; ср. Рим. 9, 17).

[64] *...ни единаго Непотияна и прочих дву неповинных...* — Курбский в опущенном в наст. изд. тексте вспоминал эпизод из легендарного Жития Николая Чудотворца, спасшего трех оклеветанных воевод — Непотияна, Урса и Ерпилиона, которые были неправедно осуждены на казнь римским императором Константином I Флавием. Деятельность Николая Мирликийского относили к IV в. н. э., но сказания о нем стали складываться позже — в IX—X вв. На Руси был известен перевод Жития Николая Мирликийского, составленный Симеоном Метафрастом, византийским автором X в., который во времена митрополита Московского Макария был включен в состав Великих Миней Четьих. Однако текст рассказа Жития дается Курбским в Третьем послании к Ивану IV не в переводе Макарьевских Миней Четьих, о котором он, очевидно, не знал, а в переводе, осуществленном Курбским совместно с сотрудниками своего литературно-переводческого кружка в Миляновичах (см.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 51—52).

[65] *На поле:* ротмистров свѣтлых.

[66] *...бесчисленных воевод и стратилатовъ благородныхъ... различными смертми разтерзал еси и всеродне погубил без суда и без права...* — Курбский имеет в виду несчетное множество опал и казней русских воевод, начавшихся в России после падения правительства так называемой «Избранной рады» по наущению новых советников царя Ивана IV — «презлых ласкателей». Впечатляющую и красочную картину этих опал и казней Курбский нарисовал в своей «Истории».

[67] *...яко и во первой моей епистолии воспомянухом о каликах твоих...* — Курбский здесь имеет в виду не свое Первое послание Ивану IV 1564 г., а первоначальный вариант Третьего послания царя с приложенными к нему двумя отрывками из «Парадоксов» М. Т. Цицерона.

[68] *...град великий Полоцк... досталъ былъ еси.* — Город Полоцк был взят польско-литовскими войсками под предводительством короля Стефана Батория 31 августа 1579 г. Захват Полоцка явился крупнейшим поражением армии Ивана Грозного в Ливонской войне, ибо он свел на нет победоносное завоевание Полоцка русскими войсками под командованием Ивана IV 15 февраля 1563 г., которое было важнейшим военным успехом России в этой войне.

[69] *Собравшися со всѣмъ твоим воинством, за лесы забившися, яко един хороняка и бегунъ, трепещешъ и исчезаешъ...* — Курбский имеет здесь в виду, очевидно, тот известный факт, что Иван Грозный, находясь с главными силами русской армии во Пскове, не пришел на помощь к Полоцку, когда его штурмовали польско-литовские войска (см.: *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 47). Стояние царя с войсками во Пскове вряд ли объяснялось трусостью царя, как это трактует Курбский в данном пассаже. По мнению Р. Г. Скрынникова, пребывание царя с войсками во Пскове диктовалось начавшейся концентрацией шведской армии в районе Нарвы и Ивангорода и тем, что царь дорожил Нарвой как крепостью и портом больше, чем Полоцком.

[70] *...за молитвою и совѣтом прелукавые четы осифлянския Васьяна Топоркова... не держати мудрѣйшие рады при собѣ...* — Вассиан Топорков — племянник основателя иосифлянства, игумена Волоцкого Успенского монастыря Иосифа (в миру — Ивана Санина), являвшегося воинствующим церковником, ярым сторонником самодержавия и противником нестяжателей. Вассиан был одним из первых постриженников Волоцкого Успенского монастыря, а затем игуменом Николаевского Песношского монастыря, расположенного в удельном Дмитровском княжестве. В 1525—1548 гг. был коломенским епископом. Вместе с митрополитом Московским Даниилом оказал большую поддержку Василию III в его бракоразводном деле в связи с бесплодием его первой жены Соломонии Сабуровой, активно участвовал в осуждении Максима Грека, Вассиана Патрикеева и других нестяжателей. С 1542 г. жил в Николаевском Песношском монастыре. Упомянутая в комментируемом пассаже «мудрѣйшая рада» — это так называемая «Избранная рада» Ивана IV, представлявшая собой круг особо приближенных к царю лиц — «государевых советников», проводивших от имени царя внутреннюю и внешнюю политику страны и

крупномасштабные реформы в конце 1540—1550-х гг. Главными деятелями «Избранной рады» были окольничий А. Ф. Адашев и священник Благовещенского собора в Московском Кремле Сильвестр. Термин «Избранная рада» употреблен и истолкован Курбским в его «Истории о великом князе Московском». Слово «рада» является полонизмом (польск. «rada») и означает «совет». Рекомендацию царю Ивану о необходимости отстранения «мудрѣйшие рады» Вассиан Топорков дал царю в мае 1553 г., когда последний посетил Песношский монастырь. Подробно об этом Курбский рассказал на страницах своей «Истории».

[71] *И свѣтлую побѣду изообрѣли тобѣ, яко пророчествовал Костянтину Великому святый Николае за трех мужей...* — Курбский опять припоминает эпизод рассказа Жития Николая Чудотворца о трех оклеветанных и неправедно осужденных воеводах — Непотиане, Урсе и Ерпилионе, за которых ходатайствовал перед византийским императором Константином Николай Мирликийский, однако, согласно тексту Жития, святой Николай пророчествовал не победы императору над врагами, а различные беды ему в случае отказа помиловать оклеветанных воевод.

[72] (*На поле:* Вииждь.) *Або не читал еси во Исайе пророце лежащаго: «Лутчи, — рече, — лоза или жезлъ приятеля, нежели ласкателъные целования вражии?»* — В книге пророка Исайи такого или подобного ему текста нет. Вероятно, как заметил еще Г. З. Кунцевич (см.: *РИБ.* Т. 31. Стб. 152. Примеч. в), Курбский в данном случае имел в виду текст из книги Притчи Соломона, который он процитировал выше в данном послании ошибочно как «пророческое слово». Оба изречения, которые процитировал Курбский в комментируемом послании, сходны по своему идейному смыслу, однако в то же время они имеют лексические различия. Ни одно из них не совпадает дословно и с соответствующим текстом славянского перевода, напечатанного в Острожской Библии, где читается: «Достовѣрнѣйши суть струпи друга, нежели волнаа любзания врага» (см.: Библия. Острог, 1581. Притчи Соломони. Л. 39). Нет совпадения и со славянским переводом Геннадиевской Библии, где содержится следующий текст: «Достойно вѣриѣйши струпи друга, нежели с лестию лобзаниа врага» *(ГИМ,* Синодальное собр., № 915. Л. 434. Сообщено Ю. А. Грибовым). Отмеченные несовпадения могут объясняться тем, что князь Андрей цитировал данные библейские тексты по памяти. В пользу этого свидетельствует тот факт, что изречения царя Соломона Курбский ошибочно называет в данном послании «пророческими словами» или словами пророка Исайи. По всей вероятности, по памяти князь Андрей цитировал тексты Священного Писания и в Первом послании царю Ивану, написанном вскоре после побега в Литву, когда все его книги были оставлены в спешке в Юрьеве (ср.: *Рыков Ю. Д.* К вопросу об источниках... С. 239, 244). Не исключено и то, что источником для Курбского были в ряде случаев не сами библейские тексты, а творения отцов церкви. Так, созвучную вышеуказанным изречениям цитату можно прочитать в Первом страстном слове Иоанна Златоуста об Иуде-предателе и о Тайной вечере Господней, переведенном с латинского текста в литературном кружке Курбского в Миляновичах и включенном князем

Андреем в составленный им в 70-е гг. XVI в. сборник под названием «Новый Маргарит»: «Лѣпше есть раны искреняго, нежели целования вражия». К слову «искреняго» в списке перевода на поле сделана глосса: «приятеля» (см.: *Kurbskij A. M.* Novyj Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach. Gissen, 1977. Bd 1. Lfg. 2. S. 29). Реминисценции из вышеуказанного Слова Иоанна Златоуста обнаруживаются во втором заключительном постскриптуме Третьего послания Курбского Ивану Грозному, написанном в Полоцке 15 сентября 1579 г.

[73] *На поле:* Поколь.

[74] *На поле:* Али еще не время.

[75] (*На поле:* Зри о семъ во книзѣ блаженнаго Исака Сирина и во книге премудраго Иванна Дамаскина. Мню, иже во твоей земли не преложенна сполна з гретцка языка, а у нас здѣ благодати ради Христовы вся есть цела преведенна и со великим прилежанием исправлена.) *Зри о семъ во книзѣ блаженнаго Исака Сирина и во книге премудраго Иванна Дамаскина... вся есть цела преведенна и со великим прилежанием. исправлена.* — Упомянутые Курбским в этой глоссе Исаак Сирин и Иоанн Дамаскин — видные церковные писатели-богословы VII—VIII вв. н. э., которые последующей христианской традицией были причислены к отцам церкви. В тексте глоссы речь несомненно идет о переводе на русский язык книги Иоанна Дамаскина, содержащей его «Богословие» и «Диалектику». Данный перевод книги Дамаскина был выполнен в литературно-переводческом кружке Курбского на Волыни, очевидно, в период времени, начиная с конца 1575 г. и кончая первой половиной 1579 г. (см. об этом: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 36—37).

[76] *Писано во преславном граде Полоцку...во третий день по взятию града.* — Как уже отмечалось выше, Полоцк был взят королевской армией Стефана Батория 31 августа 1579 г. Следовательно, «третий день по взятию града» — это 3 сентября 1579 г. Таким образом, данная часть письма представляет собой текст, писанный в дополнение к первоначальному варианту Ответа Курбского на Второе послание Ивана Грозного.

[77] *Аще пророцы плакали и рыдали о граде Ерусалиме... и о сущих, живущих в нем, погибающих...* — Данный пассаж текста навеян Курбскому, очевидно, «Плачем пророка Иеремии», посвященным разорению некогда цветущего и славнейшего города Иерусалима и бедствиям населявшего его народа (см. Иерем. 1—5).

[78] *...о разорению града Бога живаго, или церкви твоей телѣсной... в нѣйже нѣкогда Духъ Святый пребывал...* — Образ телесной церкви, или храма, созданного Богом, в котором пребывал Святой Дух, заимствован Курбским из 1-го Послания апостола Павла к Коринфянам (см. 1 Кор., 19).

[79] *...чистая молитва, яко благоуханное миро или фимияна, ко престолу Господню возходила...* — Ср. Пс. 140, 2.

[80] *...яко голубица крылы посребренными, между же рамия ея блисталася, пречистѣйши и пресвѣтлѣйше злата...* — Ср. Пс. 67, 14.

[81] *Языцы различные варварские... покоряхуся тобѣ...* — Курбский имеет здесь в виду военные успехи России в первый период правления Ивана IV — покорение народов Среднего Поволжья, завоевание Казанского и Астраханского ханств. Эту тему Курбский кратко ставил еще в своем Первом послании к царю. Останавливался на ней он и в «Истории о великом князе Московском», особенно подробно рассказав о победоносном Казанском походе и взятии Казани в 1552 г.

[82] *...архангел хранитель хождаше со ополчением его, осеняюще и заступающе окрестъ боящихся Бога...* — Ср. Пс. 33, 8.

[83] *...по положению предѣлов языка нашего, яко реклъ святый пророк Моисѣй...* — Ср. Исх. 23, 31.

[84] *...со избранными мужи избранен... яко рече блаженный Давидъ...* — Ср. Пс. 18, 26.

[85] *...возвратился еси на первую блевотину...* — Ср. 2 Петр. 2, 22.

[86] *...пятоградные гнусности пропастию...* — Здесь содержится намек на крайнее нечестие и разврат, которыми были известны в библейской истории пять городов Сиддимской долины: Содом, Гоморра, Адма, Севоим и Цоар. В наказание за эти великие грехи данные пять городов были подвергнуты разрушению небесным огнем, посланным от Бога. На месте разрушенных пяти городов в Сиддимской долине образовалось соленое Содомское, или Мертвое, море. См. об этом Быт. 14, 2—8; 19, 24—25, 28; Прем. 10, 64.

[87] *...вмѣсто... мужей, правду ти глаголющих, не стыдяся...* — Курбский использует в данном пассаже библейское выражение «не стыдяся» (Пс. 118, 45—46), чтобы показать преемственную связь обличений данных «мужей» с деятельностью древних пророков, бесстрашно обличавших неправедных и беззаконных царей, говоря им правду в лицо (см. 1—4 Цар.).

[88] (*На поле:* подобѣдовъ или тунеядцовъ.)

[89] *...прегнусодѣйных и богомерзких Бельских с товарыщи...* — Речь идет не о князьях Бельских — Гедеминовичах или их однофамильцах — ярославских князьях, а о служилых людях из опричнины Ивана Грозного — Малюте (Григории) Лукьяновиче Скуратове-Бельском, его племяннике Богдане (Андрее) Яковлевиче Бельском и, очевидно, о других представителях этой фамилии, также служивших опричниками. Об опричниках Бельских подробнее см.: *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 23—25.

[90] *...кромѣшников, или опришнинцов кровоядных...* — Здесь, как и выше, Курбский употребляет игру слов.

[91] *...скоромохов со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣснми...* — Скоморохи — средневековые русские бродячие музыканты, певцы, плясуны, актеры-комедианты, клоуны, дрессировщики, акробаты, которые нередко приглашались на пиры и свадьбы отдельными представителями господствующего класса. Русские церковные власти осуждали глумливые «действа» и «бесовские песни» скоморохов, которые порой носили грубый циничный характер, нарушая тем самым духовно-нравственные устои древнерусского общества. Церковные власти нередко подвергали скороморохов гонениям. Особо важную роль в борьбе со скоморошеством в XVI в. сыграл московский Стоглавый собор 1551 г., постановления которого запретили людям приглашать скоморохов и «глумов» на пиры и свадьбы.

[92] ...ко *феологии...* — Употребленное Курбским слово «феология» восходит к греческому, что означает «учение о Боге», «слово о Боге», «богословие». В словарях древнерусского и церковнославянского языков слово «феология» не отмечено: известна лишь лексема «Феолог» как прозвище апостола и евангелиста Иоанна, которая соответствует в этих языках слову «Богослов». Однако слово «феология» зарегистрировано картотекой древнерусского языка в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН начиная с XVI в. Самое раннее употребление этого слова отмечено в сочинениях Максима Грека (см.: Сочинения Максима Грека. Казань, 1859. Ч. I. С. 297). Максим Грек был духовным учителем Курбского, и его сочинения Курбский читал еще до своего бегства из России, поэтому можно думать, что термин «феология», употребленный Курбским, восходит к сочинениям Максима Грека. В более раннее время в древнерусском языке употреблялись лишь такие кальки с греческого слова «феология», как «богословесние», «богословестие», «богословестьство», «богословие», «богословление» (см.: *Срезневский И. И.* Материалы для «Словаря древнерусского языка». Т. 1. Стб. 135). Известно, что отцы церкви в своих творениях под богословием первоначально понимали лишь Священное Писание, но позднее они стали включать в это понятие не только Священное Писание, но и всякое учение о Боге и о божественных истинах и ценностях вообще. Очевидно, Курбский в таком расширенном смысле и употребил слово «феология». Судя по контексту, Курбский в тексте данного послания Ивану Грозному подчеркивает, что кощунственное увлечение царя скоморохами и их «богоненавистными и бесовскими песнями» лишает его возможности постигать божественные истины. Следует отметить, что греческое слово было заимствовано латинским языком в форме Theologia, которая несомненно была знакома Курбскому, жившему в Литве и на Волыни, изучавшему латинский язык и переводившему с латыни творения отцов церкви. Однако Курбский предпочел употребить в послании к царю греческую форму вслед за своим духовным учителем. Настоящий комментарий составлен нами совместно с филологом-медиевистом Л. И. Щёголевой.

[93] *...вмѣсто блаженнаго оного презвитера... покаянием чистым...* — Имеется в виду священник Благовещенского собора Сильвестр. О нем см. выше, а также ниже.

[94] *...и других совѣтников, духовно часто бесѣдующих с тобою...* — Курбский имеет здесь в виду членов правительства «Избранной рады», которые были близки к царю Ивану IV и являлись разработчиками и проводниками внутриполитических и внешнеполитических реформ Ивана Грозного, направленных на укрепление Русского государства.

[95] *...чаровников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающе их о счастливых днях...* — Репутацией колдуна при дворе царя Ивана IV прочно пользовался лейб-медик и астролог Елисей Бомелий, выехавший в Россию из Англии ок. 1570 г. Являлся выходцем из Вестфалии. Бомелий не только лечил царя, его семью и ближних царских бояр, но и занимался составлением специальных гороскопов для царя, суливших ему пути спасения в будущем. Русские современники считали Бомелия «лютым волхвом» (см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 484—485). По сведениям английского дворянина и дипломата Джерома Горсея, в последний год жизни Ивана Грозного при царском дворе жило 60 лапландских колдунов и колдуний, которые ему ворожили и предсказывали все, что он хотел знать (см.: *Горсей Джером.* Записки о Московии. XVI—начало XVII в. / Вступ. статья, пер. и коммент. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 84—85). Подчеркивая особую тягу Ивана IV к «волхвам» и «чаровникам», Курбский, очевидно, имел в виду его отход от «пресветлого православия», ибо подобное устремление царя к этим лицам шло вразрез с официальными постановлениями Стоглавого собора, осудившими «волхвов», «чародеев» и «лживых пророков» (см. Стоглав. СПб., 1863. С. 137—140).

[96] *...яко скверный и богомерский Саул творил... яко о том толкует свѣтле святый Августын во своих книгах.* — Саул — первый библейский царь Израиля, одержал целый ряд блестящих военных побед над врагами. За отказ выполнить повеление Бога наказать амаликитян за их прегрешения перед Израилем во время исхода евреев из Египта Саул был лишен расположения Бога. Незадолго до своей смерти царь Саул обратился в суеверие и отправился к волшебнице в Аэндоре, чтобы она вывела ему пророка Самуила, ибо тот уже умер. Волшебница с помощью колдовства увидела в своем видении пророка Самуила, восставшего как бы из мертвых, и сказала об этом Саулу. Израильский царь поклонился Самуилу и, отвечая на вопрос пророка, зачем он его потревожил, сказал, что филистимляне воюют против него, но Бог отступил от него, и поэтому он не знает, что ему делать накануне сражения. Самуил предсказал ему гибель в предстоящем сражении с филистимлянами, что и случилось (см. 1 Цар. 9.2). Толкователь данного библейского сказания святой Августин — это выдающийся церковный писатель IV—V вв. Августин Аврелий, епископ Гиппонский, один из виднейших теоретиков западного христианства. Упомянутые в комментируемом пассаже слова «матропа» и «фотуниса», связанные с последующим разъяснением у Курбского — «жена чаровница», по определению филолога-медиевиста Л. И. Щёголевой. являются искаженными вариантами чтений «мастропа» и «пютонисса». Слово

«мастропа» употреблено, например, в древнерусском тексте Палеи исторической, причем в том же самом библейском сюжете о приходе израильского царя Саула к «мастропе-металке», о видении ею пророка Самуила, «яко в зеркале», и о словах Самуила, услышанных Саулом, о его Божьем отвержении от царства (см.: *Попов А.* Книга бытия небеси и земли (Палея историческая) с приложением сокращенной Палеи русской редакции. М., 1881. С. 154—155; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 40; ср.: *Срезневский И. И.* Материалы для «Словаря древнерусского языка». СПб., 1895. Т. 2. Стб. 116; *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 299). Слово «пютонисса» в просмотренных словарях церковнославянского и древнерусского языков не отмечено, однако оно употреблено в оригинальном латинском чтении «pythonissa» в том самом толковании блаженного Аврелия Августина, на которое ссылается Курбский в комментируемом тексте (см.: S. Aurelii Augustini, Hipponensis episcopi. De diversis quaestionibus ad Simplicianum Liber 1, quaest. 3 // PL 40. 142—144; Ejusdem De octo Dulciti quaestionibus quaest. 6 // Ibid. 162—165). Слово «pythonissa» с соответству-ющим объяснением имеется также и в уже упоминавшемся выше толковом словаре латинских терминов монаха-августинца Амвросия Калепино (см.: Ambrosii Calepini Dictionarium… Lutetiae, 1570. P. 903). В словаре указывается, что данное слово восходит к греч., которое в свою очередь, по мнению Л. И. Щёголевой, происходит от названия местности Пи Эсо в Древней Греции, где располагался г. Дельфы со знаменитым оракулом Аполлона. Следует также отметить, что слово «фотуниса», употребленное в изданном списке Третьего послания Курбского к Ивану IV, в других списках памятника из-за малопонятности древнерусским писцам подверглось дальнейшим искажениям: в издании вариантов этого чтения зарегистрированы, например, такие чтения: «фотуния», «вотуниса» и «вотуния» (см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 376. Л. 158 об. Разночт. б).

[97] *…яко и блаженный Давидѣ рече: «Не пребудут долго пред Богом, которые созидают престолъ беззакония»…* — Ср. Пс. 93, 20.

[98] *…и девиц, глаголют, чистых четы собирающе… чистоту их разтлевающе…* — По словам англичанина Джерома Горсея, Иван IV «грешил беспрерывно в течение пятидесяти лет; он сам хвастал тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни» (*Горсей Джером.* Записки о Московии. С. 85). О сексуальной распущенности царя Ивана по отношению к знатным женщинам, которых он нередко держал после оговоров у себя несколько недель для удовлетворения своей похоти, писал и такой современник Курбского, как итальянец Александр Гваньини, находившийся на польской королевской службе (см.: *Гваньини Александр.* Описание Московии / Пер. с лат., вводная статья и коммент. Г. Г. Козловой. М., 1997. С. 109).

[99] *…не удовлився уже своими пятма или шестма женами!* — К 1579 г. Иван IV действительно был женат не менее пяти раз. Первые три жены царя — Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева, Мария (Кученей) Темрюковна Черкасская и Марфа Васильевна Собакина — скончались, а две другие — Анна Алексеевна Колтовская и Анна Григорьевна

Васильчикова — были насильственно пострижены царем в монахини. Шестой невенчанной женой Ивана Грозного в 1579 г., по преданию, была дочь царского дьяка Мелентия Иванова Василиса Мелентьева. Судьба ее неизвестна.

[100] *На поле:* биюще.

[101] *На поле:* рекше чрез естество покаряющеся и послушающе сатаны.

[102] *На поле:* сииречь по естеству от Бога в тобя вложеннаго человѣколюбия, милосердия сотворя, купующе елей, поколь еще торжище не разыдется.

[103] *Аще рече Давидъ: «Любяй неправду ненавидит свою душу»...*— Ср. Пс. 10,5.

[104] *Воскую так долго лежишь простертъ и храпиши на одрѣ, зѣло болѣзненном, объят будучи аки леторгитцким сном? ... Приими божественый антидот, имъже, глаголют, целятся неисцѣльные яды смертоносныи... по вкушению того посылаются молитвы ко Богу умиленные чрез послы слезные.* — Комментируемый фрагмент является реминисценцией из уже упоминавшегося выше Первого страстного слова Иоанна Златоуста об Иуде-предателе и о Тайной вечере Господней. В Послании Курбского в данном месте сделана прямая ссылка на текст упомянутого Слова Иоанна Златоуста. В переводе данного Слова, выполненном в кружке Курбского в Миляновичах, имеются лексические параллели к комментируемому фрагменту: здесь говорится и об «одре болезненном», и о «леторгицком сне», и о «божественном антидоте», и о возведении апостолом Петром покаянных молитв к Богу «чрез послы слезные» (см.: *Kurbskij A. M.* Novyj Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift. Bd 1. Lfg. 2. S. 29). В рассматриваемом фрагменте перевода Слова Иоанна Златоуста князем Андреем сделаны глоссы к словам «леторгицкий сон» и «антидот». Исловам «леторгицкий сон» на поле помещен разъяснительный «Сказ» Курбского: «Леторгицкий недуг тайна есть, в коем человѣци так тяжко спят, иже возбуждением очнутися не возмогут», а к слову «антидот» сделано следующее толкование: «Антидот лѣкарство таковое есть, коим исцеляются лютейшие раны смертоносные» (Ibid.). Объяснение Курбским слова «антидот», как установил В. В. Калугин, восходит к латинскому толковому словарю итальянского лексикографа монаха-августинца Амвросия Калепино (см.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 59). Текст вышеприведенного толкования на слово «антидот» из словаря А. Калеспино также использован Курбским в комментируемом пассаже. В этом же словаре находятся и толкования слов «летаргия» и «летаргический» (лат. lethargus, lethargicus), согласно которому «летаргия» — это «оцепенение и почти непобедимая потребность во сне, сопровождаемая помрачением рассудка» и «забвением всего» (см.: Ambrosii Caiepini Dictionarium... P. 597. Перевод — Л. И. Щёголевой).

[105] *...по сущему преодолѣнию под Соколом во 4 день.* — Сокол — русская крепость, расположенная на земле Белоруссии к северу от Полоцка (ныне пос. Соколище Витебской обл.), которая успешно была завоевана королевской армией Стефана Батория 11 сентября 1579 г. (см.: *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1889. С. 63). Следовательно, последний постскриптум к Третьему посланию Курбского Ивану IV, начиная со слов «Аще пророцы плакали...», был закончен 15 сентября 1579 г.

ПЕРЕВОД

ОТВЕТ ЦАРЮ ВЕЛИКОМУ МОСКОВСКОМУ НА ЕГО ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ УБОГОГО АНДРЕЯ КУРБСКОГО, КНЯЗЯ КОВЕЛЬСКОГО

В скитаниях пребывая и в бедности, тобой изгнанный, титул твой великий и пространный не привожу, так как не подобает ничтожным делать этого тебе, великому царю, а лишь в обращении царей к царям приличествует употреблять такие именования с пространнейшими продолжениями. А то, что исповедуешься мне столь подробно, словно перед каким-либо священником, так этого я недостоин, будучи простым человеком и чина воинского, даже краем уха услышать, а всего более потому, что и сам обременен многими и бесчисленными грехами. А вообще-то поистине хорошо было бы радоваться и веселиться не только мне, некогда рабу твоему верному, но и всем царям и народам христианским, если бы было твое истинное покаяние, как в Ветхом завете Манассиино, ибо говорится, как он, покаявшись в кровопийстве своем и в нечестии, в законе Господнем прожил до самой смерти кротко и праведно и никого и ни в чем не обидел, а в Новом завете — о достойном хвалы Закхеином покаянии и о том, как в четырехкратном размере возвращено было все обиженным им.

И если бы последовал ты в своем покаянии тем священным примерам, которые ты приводишь из Священного Писания, из Ветхого завета и из Нового! А что далее следует в послании твоем, не только с этим не согласно, но изумления и удивления достойно, ибо представляет тебя изнутри как человека, на обе ноги хромающего и ходящего неблагочинно, особенно же в землях твоих противников, где немало мужей найдется, которые не только в мирской философии искусны, но и в Священном Писании сильны: то ты чрезмерно унижаешься, то беспредельно и сверх меры превозносишься! Господь вещает к своим апостолам: «Если и все заповеди исполните, все равно говорите: мы рабы недостойные», а дьявол подстрекает нас, грешных, на словах только каяться, а в сердце себя превозносить и равнять со святыми преславными мужами. Господь повелевает никого не осуждать до Страшного суда и сначала вынуть бревно из своего ока, а потом уже вытаскивать сучок из ока брата своего, а дьявол подстрекает только

какие-то слова произнести, будто бы каешься, а на деле же не только возноситься и гордиться бесчисленными беззакониями и кровопролитиями, но и почитаемых святых мужей учит не только проклинать, но даже дьяволами называть, как и Христа в древности евреи называли обманщиком и бесноватым, который с помощью Вельзевула, князя бесовского, изгоняет бесов, а все это видно из послания твоего величества, где ты правоверных и святых мужей дьяволами называешь и тех, кого дух Божий наставляет, не стыдишься порицать за дух бесовский, словно отступился ты от великого апостола: «Никто же, — говорит он, — не называет Иисуса Господом, «только Духом Святым»«. А кто на христианина правоверного клевещет, не на него клевещет, а на самого Духа Святого, в нем пребывающего, и неотмолимый грех сам на свою голову навлечет; ибо говорит Господь: «Если кто поносит Духа Святого, то не простится ему ни на этом свете, ни на том».

А к тому же, что может быть гнуснее и что пресквернее, чем исповедника своего поправлять и мукам его подвергать, того, кто душу твою царскую к покаянию привел, грехи твои на своей вые носил и, подняв тебя из явной скверны, чистым поставил перед наичистейшим царем Христом, Богом нашим, омыв покаянием! Так ли ты воздаешь ему после смерти его? О чудо! Как клевета, презлыми и коварнейшими маньяками твоими измышленная на святых и преславных мужей, и после смерти их еще жива! Не ужасаешься ли, царь, вспоминая притчу о Хаме, посмеявшемся над наготой отцовской? Какова была кара за это потомству его! А если таковое свершилось из-за отца по плоти, то насколько заботливей следует снисходить к проступку духовного отца, если даже что и случилось с ним по человеческой его природе, как об этом и нашептывали тебе льстецы твои про того священника, если даже он тебя и устрашал не истинными, но придуманными знамениями. О, по правде и я скажу: хитрец он был, коварен и хитроумен, ибо обманом овладел тобой, извлек из сетей дьявольских и словно бы из пасти льва привел тебя к Христу, Богу нашему. Так же действительно и врачи мудрые поступают: дикое мясо и неизлечимую гангрену бритвой вырезают, пока не достигнут здорового тела, и потом излечивают мало-помалу и исцеляют больных. Так же и он поступал, священник блаженный Сильвестр, видя недуги твои душевные, за многие годы застаревшие и трудноизлечимые. Как некие мудрецы говорят: «Застаревшие, — сказано, — дурные привычки в душах человеческих через многие годы становятся самим естеством людей, и трудно от них избавиться», — вот так же и тот, преподобный, ради трудноизлечимого недуга твоего прибегал к пластырям: язвительными словами осыпал тебя и порицал и суровыми наставлениями, словно бритвой, вырезал твои дурные обычаи, ибо помнил он пророческое слово: «Да лучше перетерпишь, — сказано, — раны от друга, чем ласковый поцелуй врага». Ты же не вспомнил о том или забыл, будучи совращен злыми и лукавыми, отогнал и его от себя, и Христа нашего вместе с ним. А порой он, словно уздой крепкой и поводьями, удерживал невоздержанность твою и непомерную похоть и ярость. Но на его примере сбылись слова Соломоновы: «Укори праведного, и с

благодарностью примет» и еще: «Обличай праведного, и полюбит тебя». Другие же, следующие далее стихи не привожу: надеюсь на царскую совесть твою, зная, что искусен ты в Священном Писании. А потому и не слишком бичую своими резкими словами твое царское величие я, ничтожный, а делаю что могу и воздержусь от брани, ибо совсем не подобает нам, воинам, словно слугам, браниться.

А мог бы ты и о том вспомнить, как во времена благочестивой жизни твоей все дела у тебя шли хорошо по молитвам святых и по наставлениям избранной рады, достойнейших советников твоих, и как потом, когда прельстили тебя жестокие и лукавые льстецы, губители и твои, и отечества своего, как и что случилось: и какие язвы были Богом посланы — говорю я о голоде и стрелах поветрия <мора>, а напоследок и о мече варварском, отомстителе за поругание закона Божьего, и внезапное сожжение главного града Москвы, и опустошение всей земли Русской, и, что всего горше и позорнее, — царской души падение, и позорное бегство войск царских, прежде бывших храбрыми; как некие здесь нам говорят — будто бы тогда, хоронясь от татар по лесам, с кромешниками своими, едва и ты от голода не погиб! А прежде тот измаильский пес, когда ты богоугодно царствовал, от нас, ничтожнейших слуг твоих, в поле диком бегая, места не находил и вместо нынешних великих и тяжелых даней твоих, которыми ты наводишь его на христианскую кровь, выплачивая дань ему, саблями нашими, — воинов твоих, — была дань басурманским головам заплачена.

А то, что ты пишешь, именуя нас изменниками, так мы были принуждены против воли крест целовать, ибо есть у вас обычай, если кто не присягнет — то умрет страшной смертью, на это все тебе ответ мой: все мудрые с тем согласны, что если кто-либо по принуждению присягает или клянется, то не на того падет грех, кто крест целует, но всего более на того, кто принуждает, хотя бы и гонений не было. Если же кто не спасается от жестокого преследования, тот сам себе убийца, идущий против слова Господня: «Если, — говорит, — преследуют вас в городе, идите в другой». А пример этому показал Господь Христос, Бог наш, нам, верным своим, ибо спасался не только от смерти, но и от преследования богоборцев евреев.

А то, что ты сказал, будто бы я, разгневавшись на человека, поднял руку на Бога, а именно церкви Божьи разорил и пожег, на это отвечаю: или на нас понапрасну не клевещи, или выскобли, царь, эти слова, ибо и Давид принужден был из-за преследований Саула идти войной на землю Израилеву вместе с царем язычников. Я же исполнял волю не языческих, а христианских царей, по их воле и ходил. Но каюсь в грехе своем, что принужден был по твоему повелению сжечь большой город Витебск и в нем двадцать четыре церкви христианские. Так же и по

воле короля Сигизмунда-Августа должен был разорить Луцкую волость. И там мы строго следили вместе с Корецким князем, чтобы неверные церквей Божьих не жгли и не разоряли. И воистину не смог из-за множества воинов уследить, ибо пятнадцать тысяч было тогда с нами воинов, среди которых было немало и варваров: измаильтян и других еретиков, обновителей древних ересей, врагов креста Христова; и без нашего ведома и в наше отсутствие, затаившись, нечестивые сожгли одну церковь с монастырем. И подтверждают это монахи, которые вызволены были нами из плена! А потом, около года спустя, главный враг твой — царь перекопский, присылал к королю, упрашивая его, а также и меня, чтобы пошли с ним на ту часть земли Русской, что под властью твоей. Я же, несмотря на повеление королевское, отказался: не захотел и подумать о таком безумии, чтобы пойти под басурманскими знаменами на землю христианскую вместе с чужим царем безбожным. Потому и сам король тому удивился и похвалил меня, что я не уподобился безумным, до меня решавшимся на подобное.

А то, что ты пишешь, будто бы царицу твою околдовали и тебя с ней разлучили те прежденазванные мужи и я с ними, то я тебе вместо тех святых говорить не стану, ибо дела их вопиют, словно трубы, возглашая о святости их и о добродетели. О себе же вкратце отвечу тебе: хотя и весьма многогрешен и недостоин, но, однако, рожден от благородных родителей, из рода я великого князя смоленского Федора Ростиславича, как и ты, великий царь, прекрасно знаешь из летописей русских, что князья того рода не привыкли тело собственное терзать и кровь братии своей пить, как у некоторых издавна вошло в обычай: ибо первый дерзнул так сделать Юрий Московский, будучи в Орде, выступив против святого великого князя Михаила Тверского, а потом и прочие, чьи дела еще свежи в памяти и были на наших глазах. Что с Углицким сделано и что с Ярославичами и другими той же крови? И как весь их род уничтожен и истреблен? Это и слышать тяжело и ужасно! От сосцов материнских оторван, в мрачных темницах затворен и долгие годы находился в заточении и тот внук вечно блаженный и боговенчанный!

А та твоя царица мне, несчастному, близкая родственница, и убедишься в родстве нашем из написанного на той же странице.

А о Владимире, брате своем, вспоминаешь, как будто бы его хотели возвести на престол, воистину об этом и не думал, ибо и недостоин был этого. А тогда я предугадал, что подумаешь ты обо мне, еще когда сестру мою силою от меня взял и отдал за того брата своего или же, могу откровенно сказать со всей дерзостью, — в тот ваш издавна кровопийственный род.

А еще хвалишься повсеместно и гордишься, что будто бы силою животворящего креста лифляндцев окаянных поработил, не знаю и не понимаю, как в это можно было поверить: скорее — под сенью разбойничьих крестов! Еще когда король наш с престола своего не двинулся, и вся шляхта еще в домах своих пребывала, и все воинство королевское находилось подле короля, а уже кресты те во многих городах были повергнуты неким Жабкой, а в Кеси — стольном городе — латышами. И поэтому ясно, что не Христовы это кресты, а крест распятого разбойника, который несли перед ним. Гетманы польские и литовские еще и не начинали готовиться к походу на тебя, а твои окаянные воеводишки, а правильнее сказать, калики, из-под сени этих крестов твоих выволакивались связанные, а здесь, на великом сейме, на котором бывает множество народа, подвергались всеобщим насмешкам и надругательствам, окаянные, к вечному и немалому позору твоему и всей святорусской земли, и на поношение народу — сынам русским.

А то, что ты пишешь о Курлятеве, о Прозоровских и о Сицких, и не пойму, о каких узорочьях, о каком проклятии, и тут же припоминая деяния Крона и Афродиты и стрелецких жен, — то все это достойно осмеяния и подобно россказням пьяных баб, и на все это отвечать не требуется, как говорит премудрый Соломон: «Глупцу, — сказано, — отвечать не подобает», — поскольку уже всех тех вышеназванных, не только Прозоровских и Курлятевых, но и других многочисленных благородных мужей поглотила лютость мучителей их, а вместо них остались калики, которых силишься ставить воеводами, и упрямо выступаешь против разума и Бога, а поэтому они вскоре вместе с городами исчезают, не только трепеща при виде единственного воина, но и пугаясь листка, носимого ветром, пропадают вместе с городами, как во Второзаконии пишет святой пророк Моисей: «Один, — сказано, — из-за беззаконий ваших обратит в бегство тысячу, а два — десятки тысяч».

А в том же послании напоминаешь, что на мое письмо уже отвечено, но и я давно уже на широковещательный лист твой написал ответ, но не смог послать из-за постыдного обычая тех земель, ибо затворил ты царство Русское, свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне, и если кто из твоей земли поехал, следуя пророку, в чужие земли, как говорит Иисус Сирахов, ты такого называешь изменником, а если схватят его на границе, то тем или иным способом предаешь его смерти. Так же и здесь, уподобившись тебе, жестоко поступают. И поэтому так долго не посылал тебе того письма. А теперь как этот ответ на теперешнее твое послание, как и тот — на широковещательное послание твое предыдущее посылаю к высокому твоему величеству. И если окажешься мудрым, да прочти их в тишине душевной и без гнева! И к тому же прошу тебя: не пытайся более писать чужим слугам, ибо и здесь умеют ответить, как сказал некий мудрец: «Захотел сказать, да не хочешь услышать», то есть ответ на твои слова.

А то, что пишешь ты, будто бы тебе не покорялся и хотел завладеть твоим государством, и называешь меня изменником и изгнанником, то на все это не отвечаю из-за явного на меня твоего наговора или клеветы. Также и от других ответов воздерживаюсь, потому что можно было писать в ответ на твое послание либо сократив то, что уже тебе написано, чтобы не явилось письмо мое варварским из-за многих лишних слов, либо отдавшись на суд неподкупного судьи Христа, Господа Бога нашего, о чем я уже не раз напоминал тебе в прежних моих посланиях; поэтому же не хочу я, несчастный, перебраниваться с твоим царским величеством.

А еще посылаю тебе две главы, выписанные из книги премудрого Цицерона, известнейшего римского советника, жившего еще в те времена, когда римляне владели всей вселенной. А писал он, отвечая недругам своим, которые укоряли его как изгнанника и изменника, подобно тому как твое величество не в силах сдержать ярости своего преследования, стреляет в нас, убогих, издалека огненными стрелами угроз своих и понапрасну, и попусту.

Андрей Курбский, князь Ковельский.

<...>

Посмотри же, царь, со вниманием: если языческие философы по естественным законам дошли до таких истин и до такого разума и великой мудрости между собой, как говорил апостол: «Помыслам осуждающим и оправдывающим», и того ради допустил Бог, чтобы они владели всей вселенной, то почему же мы называемся христианами, а не можем уподобиться не только книжникам и фарисеям, но и людям, живущим по естественным законам! О, горе нам! Что ответим Христу нашему на суде и чем оправдаемся? Год спустя или два после первого послания моего к тебе увидел я, как воздал тебе Бог по делам твоим и по содеянному руками твоими, постыдное и сверх всякой меры позорное поражение твое и войска твоего, погубил ты славу блаженной памяти великих князей русских, предков твоих и наших, благочестиво и славно царствовавших в великой Руси. И мало того что не устыдили и не посрамили тебя Божественные кары и обличения, о которых я напомнил тебе в прежних письмах, казни различные за твое беззаконие, каких на Руси никогда не бывало, и сожжение безбожными измаильтянами преславной столицы отечества твоего Москвы, и остался ты по своему прескверному произволению в своей фараонской непокорности и в своем ожесточении против Бога и совести, всячески

поправ чистую совесть, вложенную Богом во всякого человека, которая словно недреманное око и неусыпный страж бережет и хранит душу и ум бессмертный в каждом человеке. И что еще того безумнее творишь и на что дерзаешь? Не постыдился написать нам, будто бы тебе, воевавшему с врагами своими, помогала сила животворящего креста! Так ты полагаешь и думаешь? О безумие человеческое, а особо — души, развращенные нахлебниками твоими или любимцами-маньяками! Очень и я тому удивился и все прочие мудрые люди, особенно же те, которые прежде знали тебя, когда ты еще жил по заповедям Господним и был окружен избранными достойными мужами и не только был храбрым и мужественным подвижником, страшным врагам своим, но и наполнен был духом Священного Писания и осиян чистотою и святостью. А ныне, развращенный своими мерзкими маньяками, в какую бездну недомыслия и безумия низвергнут ты и даже памяти лишен!

Как не вспомнишь ты, заглянув в священные книги, писанные для наставления нашего, что погрязшим в скверне и коварстве Бог всемогущий и святость его не помогают? <...>

А лютость твоей власти погубила не одного Непотиана и двух других невиновных, а и многих воевод и полководцев, благородных и знатных и прославленных делами и мудростью, с молодых ногтей искушенных в военном деле и в руководстве войсками, и всем ведомых мужей — все, что есть лучшее и надежнейшее в битвах для победы над врагами, — ты предал различным казням и целыми семьями погубил без суда и без повода, прислушиваясь лишь к одной стороне, а именно, внимая коварным своим льстецам, губителям отечества. И, погрязнув в подобных злодеяниях и кровопролитии, посылаешь на чужие земли под стены чужих крепостей великую армию христианскую без опытных и всем ведомых полководцев, не имеющую к тому же мудрого и храброго предводителя или гетмана великого, что бывает для войска особенно губительно и мору подобно, то есть, короче говоря, — без людей идешь, с овцами и с зайцами, не имеющими доброго пастыря и страшащимися даже гонимого ветром листика, как и в прежнем своем послании писал я тебе о каликах твоих, которых ты бесстыдно пытаешься превратить в воеводишек взамен тех храбрых и достойных мужей, которые истреблены или изгнаны тобою.

А недавно ко всему этому ты добавил еще один позор для предков твоих, пресрамный и в тысячу раз более горький: город великий Полоцк в своем же присутствии сдал ты со всею церковью — то есть с епископами и клириками, и с воинами, и со всем народом, а город тот ты прежде добыл своею грудью (чтобы потешить твое самолюбие, не скажу уже, что нашею верною службою и многими трудами!), ибо тогда ты еще не всех окончательно погубил и поразогнал, когда добыл себе

Полоцк. Ныне же вместе со всем своим воинством ты в лесах прячешься, как хоронится одинокий беглец, трепещешь и скрываешься, хотя никто не преследует тебя, только совесть твоя в душе твоей вопиет, обличая прескверные дела твои и бесчисленные кровопролития. Тебе только и остается, что браниться, как пьяной рабыне, а то, что поистине тебе подобает и что достойно царского сана, а именно — справедливый суд и защита, то все уже давно утрачено по молитвам и советам Вассиана Топоркова, из среды лукавейших иосифлян, который тебе советовал и нашептывал, чтобы ты не держал при себе советников мудрых, и по наставлениям других, подобных ему советчиков, из среды монахов и мирян. Вот каковую славу от них приобрел! И разве даровали они тебе победу, как предрек Константину Великому святой Николай за трех мужей и тебе многократно сулил блаженный Сильвестр, исповедник твой, порицая тебя и осуждая за непотребные твои дела и коварный нрав, на него же ты и после смерти его продолжаешь негодовать! Или не читал ты написанного Исайей пророком: «Лучше розга или палка в руках друга, чем нежные поцелуи врага»?

Вспомни прошедшие дни и возвратись к ним. Зачем ты, безумный, все еще бесчинствуешь против Господа своего? Разве не настала пора образумиться и покаяться, и возвратиться к Христу? Пока еще не отторгнута душа от тела, ибо после смерти не опомнишься, а в аду не исповедуешься и не покаешься. Ты же был мудрым и, думаю, знаешь о трех частях души и о том, как подчиняются смертные части бессмертной. Если же ты не ведаешь, то поучись у мудрейших и покори и подчини в себе звериную часть Божественному образу и подобию: все ведь издавна тем и спасают душу, что худшее в себе подчиняют лучшему.

А если же в непомерной гордости и зазнайстве думаешь о себе, что мудр и что всю вселенную можешь поучать, пишешь в чужие земли чужим слугам, как бы воспитывая их и наставляя, то здесь над этим смеются и поносят тебя за это. <...>

Написано в преславном городе Полоцке, владении государя нашего пресветлого короля Стефана, особо прославленного богатырскими деяниями, на третий день после взятия города.

Андрей Курбский, князь Ковельский.

Если пророки плакали и рыдали о Иерусалиме и о церкви, возведенной из камня, разукрашенной и прекрасной, и о всех жителях, в нем погибающих, то как не возрыдать нам о разорении града живого Бога и о церкви телесной, которую создал Господь, а не человек. В ней некогда Святой Дух пребывал, она была похвальным покаянием очищена и чистыми слезами омыта, из нее чистая молитва, словно благоуханное миро или фимиам, восходила к престолу Господню, в ней же, как на твердом основании православной веры, созидались благочестивые дела, и царская душа в той церкви, словно голубка крыльями серебристыми, сверкала в груди чище и светлее самого золота, благодатью Духа Святого украшена и делами во имя крепости и святости тела Христова и драгоценнейшей его крови, которой он нас откупил от рабства у дьявола! Вот какова бывала прежде твоя церковь телесная! А за тобой и ради тебя все благочестивые следовали с хоругвями и крестами христианскими. Народы разные варварские не только с городами своими, но и целыми царствами покорялись тебе, и перед полками христианскими шел ангел-хранитель с воинством своим, «осеняя и защищая вокруг себя всех богобоязненных» «для установления пределов земли нашей», как сказал святой пророк Моисей, «врагов же устрашая и противников низлагая». Тогда это было, тогда, говорю тебе, когда «с избранными мужами и сам был избранным, с преподобными — преподобен, с неповинными — неповинен», как говорил блаженный Давид, и сила животворящего креста помогала тебе и воинству твоему.

Когда же развращенные и коварные совратили тебя, и супротивником стал ты, и после некоего покаяния снова обратился к прежним грехам по советам и наставлениям любимых своих льстецов, которые церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, а особенно бездной пятоградной гнусности и другими бесчисленными и невыразимыми злодействами отличились, которыми вечно губящий нас дьявол издавна совращает род человеческий, и делает его мерзким перед лицом Бога, и толкает на край гибели, как ныне и с твоим величеством по воле его случилось: вместо избранных и достойных мужей, которые не стыдясь говорили тебе всю правду, окружил ты себя сквернейшими прихлебателями и маньяками, вместо доблестных воевод и полководцев — гнуснейшими и Богу ненавистными Бельскими с товарищами их, и вместо храброго воинства — кромешниками, или опричниками кровожадными, которые несравнимо отвратительней палачей; вместо божественных книг и священных молитв, которыми наслаждалась твоя бессмертная душа и освящался твой царский слух, — скоморохами с различными дудами и с ненавистными Богу бесовскими песнями, для осквернения и отвращения твоего слуха от богословия; вместо того блаженного священника, который бы тебя примирил с Богом через чистое твое покаяние, и других советников духовных, часто с тобой беседовавших, ты, как здесь нам говорят, — не знаю, правда ли это, — собираешь чародеев и волхвов из дальних стран, вопрошаешь их о счастливых днях, поступая подобно скверному и богомерзкому Саулу, который приходил, презрев пророков Божьих, к матропе, или к фотунисе, женщине-чародейке, расспрашивая ее о предстоящем сражении, она же в ответ на его желание по дьявольскому

наваждению показала Самуила-пророка, словно бы восставшего из мертвых, показала в видении, как разъясняет святой Августин в своих книгах. А что далее с ними случилось? Это сам хорошо знаешь. Гибель его и дома его царского, о чем и блаженный Давид говорил: «Не долго проживут перед Богом те, кто созидает престол беззакония», то есть жестокие повеления или суровые законы.

И если погибают цари и властелины, составляющие жестокие законы и неисполнимые предписания, то уж тем более должны погибнуть со всем домом своим те, которые не только составляют невыполнимые законы или уставы, но и опустошают свою землю и губят подданных целыми родами, не щадя и грудных младенцев, а должны были бы властелины каждый за подданных своих кровь свою проливать в борьбе с врагами, а они, говорят, девушек собрав невинных, за собою их поводами возят и безжалостно чистоту их растлевают, не удовольствуясь уже своими пятью или шестью женами! Еще же к тому — о чем невозможно и слышать — чистоту их отдавая на злое растление. О беда! О горе! В какую пропасть глубочайшую дьявол, супостат наш, самостоятельность и свободу нашу низвергает и толкает!

Еще и новые и новые злодеяния, как рассказывают нам здесь приходящие из твоей земли, в сотни раз более гнусные и богомерзкие, не стану описывать и ради сокращения писаньица моего и потому, что ожидаю суда Христова, и, закрыв рукой уста, дивлюсь я и оплакиваю все это.

А ты еще думаешь, что после всего этого, о чем даже слышать тяжело и нестерпимо, тебе и воинству твоему будет помогать сила животворящего креста? О споспешник древнего зверя и самого великого дракона, который искони противится Богу и ангелам его, желая погубить все творение Божие и все человеческое естество! Что же так долго не можешь насытиться кровью христианской, попирая собственную совесть? И почему так долго лежишь в тяжелом сне и не воспрянешь и не обратишься к Богу и человеколюбивым ангелам его?

Вспомни же дни своей молодости, когда блаженно царствовал!

Не губи себя и вместе с собой и дома своего!

Как говорит Давид: «Любящий неправду ненавидит свою душу», и тем более обагренные кровью христианской исчезнут вскоре со всем своим домом!

Почему так долго лежишь распростерт и храпишь на одре болезни своей, словно объятый летаргическим сном? Очнись и встань! Никогда не поздно, ибо самовластие наше и воля, до той поры как расстанется с телом душа, данная нам Богом для покаяния, не отнимутся от нас ради перемены к лучшему.

Прими же божественное лекарство, которым, говорят, исцеляются и от самых смертоносных ядов, каковыми давно уже опоили тебя нахлебники твои и сам отец их — прелютый дракон. Когда же кто-либо этого лекарства для души человеческой вкусит, тогда, как говорит Златоуст в первом слове своем на Страстную неделю о покаянии Петра апостола: «После вкушения того воссылаются умиленные молитвы к Богу слезами-посланцами». Мудрому достаточно. Аминь.

Написано в городе государя нашего короля Стефана, в Полоцке, после победы, бывшей под Соколом, на четвертый день.

Андрей Курбский, князь Ковельский.

Послания Ивана Грозного

Послание английской королеве Елизавете I

Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Послание Ивана Грозного Елизавете — яркий памятник эпистолярного творчества царя. Как и многие другие послания, оно соединяет черты дипломатического послания с характерными особенностями «грубианского» стиля Ивана IV.

Послание написано в связи с неудачей плана русско-английского союза, возникшего у Грозного в 1567 г. Идея этого союза, изложенная царем в переговорах с английским послом А. Дженкинсоном (*Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. СПб., 1875, № 12), была неприемлема для Елизаветы уже потому, что он подразумевал помощь Ивану IV в Ливонской войне, ведшейся, в частности, против Польско-Литовского государства. Реальный интерес к политическому союзу с Россией появился у Елизаветы лишь в 80-х гг., когда готовилось нашествие испанской Армады на Англию и Филипп II попытался привлечь к войне и русского царя. Но в 60-х гг. угроза испанского нападения еще не возникла, а с Польшей Англия имела не менее тесные торговые связи, чем с Московским государством. В инструкциях, данных в июне 1568 г. послу Рандольфу, ближайший сподвижник Елизаветы лорд-казначей Сесиль (Берли) писал: «Такими общими и благопотребными речами имеете вы удовольствовать его, не давая повода вступать в какие-либо особые трактаты и договоры для заключения между нами такого союза, который называется наступательным и оборонительным...». Соответствующее этим инструкциям поведение английских дипломатов и вызвало резкую реакцию Ивана IV.

Послание публикуется по фотокопии с подлинной рукописи (свитка) XVI века, хранящейся в лондонском Публичном архиве (Public Record Office) S. P. 102/49. Текст печатается с любезного разрешения Public Record Office. Ознакомление с фотокопией обнаружило, что слова «пошлая девица» (адресованные королеве) были написаны по выскребленному; сотрудники лондонского Публичного архива, запрошенные об этом, подтвердили, что текст в этом месте был выскреблен. Кроме того, рукопись имеет лакуны, из-за чего текст в некоторых местах поврежден.

ОРИГИНАЛ

Милосердия ради милости Бога нашего (...) мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии (...) королевне Елизавети Аглинской, Француовской, Хиперской[1] и иных.

Что преже сего нѣ в которое время братъ твой Едвартъ король нѣкоторых людей своих на имя Рыцерта послал нѣкоторыхъ для потреб по всему миру мѣстом, и писал ко всѣмъ королем и царем и княземъ и властодержцомъ и мѣстоблюстителем.[2] А къ намъ ни одного слова на имя не было. И тѣ брата твоего люди, Рыцертъ с товарыщи, не вѣдаемъ которымъ обычаемъ, волею или неволею, пристали к пристанищу к морскому в нашемъ граде Двины.[3] И мы и туто какъ подобаетъ государемъ христьянскимъ милостивно учинили ихъ в чести, принели, и въ своихъ в государских в нарядных столѣхъ ихъ своимъ жалованьемъ упокоили (...) брату к твоему отпустили.

И от того брата твоего приѣхали къ намъ тот же Рыцертъ Рыцертов, да Рыцерто Грай.[4] И мы и тѣхъ также пожаловали, с честью отпустили. И после того приѣхал к намъ от брата от твоего Рыцертъ Рыцертовъ, и мы послали къ брату твоему своего посланника Осифа Григорьевича Непею.[5] А гостемъ брата твоего и всѣмъ аглинскимъ людемъ жаловалную свою грамоту дали такову свободну, какова и нашимъ людемъ торговым не живет свободна, а чаяли есмя то, что от брата вашего и от вас великие дружбы и от всѣхъ аглинских людей службы.

И в кою пору послали есмя своего посланника, и в тѣ поры брата твоего Едварта короля не стало, а учинилася на государстве сестра твоя Мария,[6] и после того пошла за ишпанского короля за Филипа.[7] И ишпанской король Филип и сестра твоя Марья посланника нашего приняла с честью и к намъ отпустили, а дѣла с нимъ никоторого не приказали.[8] А в тѣ поры ваши аглинские гости почали многие лукавства дѣлати над нашими гостьми и товары свои почали дорого продавати, что чего не стоит.

А после того учинилося нам вѣдомо, что и сестры твоей Марьи королевны не стало, а Филипа короля ишпанского аглинские люди с королевства сослали, а тебя учинили на королевстве.[9] И мы и тутъ твоимъ гостемъ не учинили никоторые тесноты, а велѣли имъ по первому торговати.

А сколько грамот и приходило по ся мѣста, — а ни у одной грамоты чтобы печать была одна! У всѣх грамотъ печати розные. И то не государскимъ обычаемъ, а такимъ грамотам во всѣх государьствах не вѣрят. У государей в государстве живет печать одна. И мы и тутъ вашимъ грамотамъ всѣмъ вѣрили и по тѣмъ грамотам дѣлали.

И после того прислала еси к намъ своего посланника Онтона Янкина[10] о торговых дѣлех. И мы, чаючи того, что он у тебя в жалованье, его есмя привели х правде, да и другово твоего торгового человека Рафа Иванова[11] для толмачства, потому что было в такомъ великомъ дѣле толмачити нѣкому, и приказывали есмя с нимъ к тебѣ словом свои великие дѣла тайные, а от тебя хотячи любви.[12] А тебѣ было къ намъ прислати своего ближнего человека, да Онтона ж с нимъ, или б одного Онтона прислала. И намъ то не вѣдомо, донес ли тѣ рѣчи до тебя Онтонъ или не донес, а про Онтона года с полтора вѣдома не было. А от тебя к намъ посланникъ, ни посол никаков не бывал. А мы для того дѣла твоимъ гостем дали другую свою жаловальную грамоту; а чаяли есмя того, что тѣ гости у тебя в жалованье, и мы того для имъ свое жалованье свыше учинили.

И после того намъ учинилося вѣдомо, что твой человекъ аглинецъ приѣхал на Ругодивъ[13] Едваръдъ Гудыван[14] и с нимъ многие грамоты, и мы велѣли спросити о Онтоне, и он о Онтоне вѣдома никоторого не учинил, а нашимъ посланникомъ, которые были у него приставлены, многие невѣжливые слова говорил. И мы велѣли у него обыскати грамот, и у него многие грамоты выняли, и в тѣх грамотах про наше государьское имя и про наше государьство со укоризною писано и многи вѣсти неподобные писаны, что будто в нашемъ царстве неподобные дѣла дѣлаютца. И мы его и тут пожаловали — велѣли с честью подержати, докуды от тебя о тѣх рѣчех, которые есмя приказывали с *Онтономъ,* от тебя вѣдомо будет.

И после того приѣхал от тебя к нам посланникъ на Ругодив Юрьи Милдентов[15] о торговых дѣлех. И мы его велѣли спрашивати про Онтона про Янкина, бывал ли он у теба, и как ему от тебя к намъ быти. И посланникъ твой Юрьи дѣла никоторого не сказал и нашимъ посланникомъ и Онтону лаял. И мы его также велѣли подержати, докуды от тебя намъ про Онтоновы рѣчи вѣдомо будет.

И после того нам учинилося вѣдомо, што от тебя пришел посол на Двинское пристанищо Томос Ронделфъ,[16] и мы к нему послали с своимъ жалованьемъ сына боярского и велѣли ему быти у него в приставех[17] и честь есмя учинили ему великую. А велели есмя его спросити, ест ли с нимъ Онтон, и он нашему сыну боярскому не сказал ничего, а Онтон с нимъ не пришол, и почал говорити о мужитцких о торговых дѣлех.

И приѣхал к нам в наше государьство, и мы к нему посылали многижды, чтоб он с нашими бояры о томъ известился, ест ли с нимъ приказ от тебя о тѣх рѣчех, что мы к тебѣ с Онтономъ приказывали. И он уродственымь обычаемъ не пошел. А жалобы писал на Томоса да на Рафа,[18] да о иных о торговых дѣлех писал, а наши государьские дѣла положил в бездѣлье. И потому посол твой замешкал у нас быти; а после того пришло Божье посланье — повѣтрее, и ему было у нас невозможно быти. И как время пришло, и Божье посланье минулось повѣтрее, и мы ему велѣли свои очи видети. И он намъ говорил о торговых же дѣлех. И мы къ нему высылали боярина своего и намѣстника вологотцкого князя Офонасья Ивановича Вяземского,[19] да печатника своего Ивана Михайлова,[20] да дьяка Ондрѣя Васильева,[21] а велѣли есмя его спросити о том, ест ли за нимъ тот приказ, что есмя к тебѣ приказывали с Онтономъ. И он сказал, что за нимъ тот приказ есть же. И мы потому к нему жалованье свое великое учинили, и после того у нас и наединѣ был. И он о тѣх же о мужитцких о торговых дѣлех говорил, да и тѣ дѣла намъ изредка сказал же. И намъ в то время поѣздъ лучился в нашу

отчину на Вологду, и мы велѣли твоему послу Томосу за собою ж ѣхати. И тамъ на Вологде высылали есмя к нему боярина своего, князя Офонасья Ивановича Вяземского, да дьяка своего Петра Григорьева[22] и велѣли есмя с нимъ говорити, какъ тѣмъ дѣломъ промеж нас пригоже быти. И посол твой Томос Рондолфъ говорил о торговом же дѣле и одва его уговорили, и о тѣхъ дѣлех говорили. И приговорили о тѣх дѣлех, какъ тѣмъ дѣломъ пригож меж нас быти, да и грамоты пописали[23] и печати свои есмя к тѣмъ грамотам привѣсили. А тебѣ было, будет тебѣ любо то дѣло, таково ж грамоты пописати и послов своих к намъ прислати добрых людей, да и Онтона Янкина с ними было прислати ж. А Онтона мы просили для того, что хотѣли есмя его о томъ роспросити, донес ли он тѣ рѣчи, которые есмя к тебѣ с нимъ приказывали, любы ли тебѣ тѣ дѣла, и что о тѣх дѣлех твой промыслъ. И вмѣсте есмя с твоимъ посломъ послали своего посла Ондрѣя Григоревича Совина.[24]

И ныне ты къ нам отпустила нашего посла, а с нимъ еси к намъ своего посла не прислала. А наше дѣло здѣлала еси не по тому, какъ посол твой приговорилъ.[25] А грамоту еси прислала обычную, какъ проѣжжую. А такие великие дѣла без крепостей не дѣлаютца и без послов. А ты то дѣло отложила на сторону, а дѣлали с нашимъ посломъ твои бояре — все о торговых дѣлех, а владѣли всѣмъ дѣломъ твоим гости — сертъ Ульян Гарит да сертъ Ульян Честер.[26] И мы чаяли того, что ты на своемъ государьстве государыня и сама владѣеш и своей государской чести смотриш и своему государству прибытка, и мы потому такие дѣла и хотѣли с тобою дѣлати. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣют, и не токмо люди, но мужики торговые,[27] и о нашихъ о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываеш въ своемъ девическомъ чину, как есть пошлая девица.[28] А что которой будет хотя и в нашемъ дѣле был, да нам изменил, и тому было вѣрити не пригож.[29]

И коли уж такъ, и мы тѣ дѣла отставим на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государские головы и нашу государскую честь и нашимъ землямъ прибыток, а смотрят своихъ торговыъ дѣлъ, и они посмотрят, какъ учнут торговати! А Московское государьство покамѣсто без аглинских товаров не скудно было. А грамоту б еси, которую есмя к тебѣ послали о торговомъ дѣле, прислала къ нам. А хотя к намъ тоѣ грамоты и не пришлеш, и намъ по той грамоте не велѣти дѣлати ничего. Да и всѣ наши грамоты, которые есмя давали о торговых дѣлех, по сей день не в грамоты.

Писана в нашем государстве града Москвы лѣта от созданья миру 7079-го октября в 24.

---

[1] *...Францовской, Хиперской...* — Упоминание Франции входит в титул английских королей со времени Столетней войны XIV в.; завоевание Ирландии началось со второй половины XII в.

[2] *...Едвартъ король нѣкоторых людей своих на имя Рыцерта послал... и мѣстоблюстителем* — Английская экспедиция 1553 г. для открытия северного морского пути в Индию имела грамоты короля Эдуарда VI ко «всем царям, государям и владыкам и всяким судиям земли и вождям ее». Один из кораблей экспедиции погиб, а другой, под командованием Ричарда Ченслера, был занесен бурей в Белое море.

[3] *...к пристанищу к морскому в нашемъ граде Двины.* — Корабль Ченслера пристал в августе 1553 г. к устью Двины у Никольского Корельского монастыря; Ченслер был доставлен (через Холмогоры) в Москву.

[4] *тот же Рыцертъ Рыцертов, да Рыцерто Грай.* — Ричард Ченслер вместе с Ричардом Греем приезжал в Москву вторично в 1555—1556 гг.

[5] *И после того приѣхал к намъ... Рыцертъ Рыцертовъ, и мы послали къ брату твоему своего посланника Осифа Григорьевича Непею.* — Английский переводчик XVI в. заключил из этих слов, что Р. Ченслер ездил в Москву еще третий раз (ср.: *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. СПб., 1875. С. 110). Однако поездка 1555—1556 гг. была последней поездкой Ченслера в Россию: в июне 1556 г. он был отправлен вместе с русским послом Осипом Непеей в Англию и погиб при кораблекрушении *(ПСРЛ.* СПб., 1904. Т. XIII. С. 270 и 285—286). Очевидно, речь идет об уже упомянутой второй поездке Ченслера: «после того» значит «после того, как».

[6] *...брата твоего Едварта короля не стало, а учинилася на государстве сестра твоя Мария...* — Эдуард VI умер летом 1553 г., еще до второй поездки Ченслера; на престол вступила его старшая сестра Мария Тюдор (Кровавая), отменившая реформацию и восстановившая католицизм в Англии.

[7] *...за ишпанского короля за Филипа.* — Испанский король Филипп II, женившись на Марии Тюдор, не становился по английским законам о престолонаследии королем Англии; однако он оказывал значительное влияние на английскую внешнюю политику (восстановление католицизма).

[8] *...а дѣла с нимъ никоторого не приказали.* — Содержание переговоров, которые Непея вел с Филиппом и Марией в 1557 г., неизвестно — в грамоте короля и королевы, посланной с Непеей, говорится, что они «воздерживаются» «писать более пространно» и поручают посланнику передать их слова устно; впоследствии Иван IV утверждал, что вел переговоры «о любви и соединении с Филипом и

Марией». В Европе ходили слухи, что Филипп II уговаривал Ивана IV (еще не вступившего в Ливонскую войну) воевать с Турцией и снабдил его оружием.

[9] *...сестры твоей Марьи королевны не стало, а Филипа короля ишпанского аглинские люди с королевства сослали, а тебя учинили на королевстве.* — Мария Тюдор умерла в ноябре 1558 г.; на престол вступила ее сестра Елизавета; Филипп II пытался сохранить влияние на английскую политику, предложив руку Елизавете, но успеха не имел. Воцарение Елизаветы означало восстановление реформации (победу англиканской церкви) в Англии.

[10] *Онтон Янкин* — английский посол Антони Дженкинсон, приезжавший в Москву в 1567 г.

[11] *Раф Иванов* — Ральф (Рудольф) Рюттер, купец, не входивший в английскую «Московскую компанию», имевшую монополию на торговлю в России.

[12] *...великие дѣла тайные, а от тебя хотячи любви.* — Согласно предложению Ивана IV, переданному через А. Дженкинсона, между обоими государствами должны быть установлены «вечная дружба и любовь» и союз против всех врагов (в частности, против польского короля). Англия также обязалась посылать корабельных мастеров и доставлять артиллерию и снаряды. Оба государя гарантировали друг другу (втайне), что, «если бы с кем-либо из них случилась какая-либо беда», другой предоставил ему право убежища. Одновременно с союзом с Елизаветой царь предполагал заключить аналогичный союз со шведским королем Эриком XIV.

[13] *Ругодивъ* — Нарва, находившаяся под русской властью с 1558 г.

[14] *Евадръдъ Гудыван* — Эдуард Гудмен, представитель «Московской компании», приезжавший в Нарву в 1567—1568 гг.

[15] *Юрьи Милдентов* — Джордж Мидлтон, представитель «Московской компании», приезжавший в Нарву в первой половине 1568 г.

[16] *Томос Ронделфь* — английский посол Томас Рандольф, приехавший в Россию в июле 1568 г.; в феврале 1569 г. он был принят царем в Вологде.

[17] *...в приставех...* — Пристав — должностное лицо, царский уполномоченный; в английском переводе XVI в. это слово передано как guide (проводник, советник).

[18] *...жалобы писал на Томоса да на Рафа...* — Жалобы на купцов Томаса Гловера и Ральфа Рюттера, принимавших участие в переговорах Дженкинсона с царем в 1567 г., были, по-видимому, связаны с тем, что они торговали помимо «Московской компании».

[19] *...боярина своего и намѣстника вологотцкого князя Офонасья Ивановича Вяземского...* — Известный деятель опричнины, попавший в опалу в связи с «новгородским изменным делом» и погибший год спустя — в 1570 г.

[20] *...печатника своего Ивана Михайлова...* — Речь идет о дьяке и печатнике (хранителе печати) Иване Михайловиче Висковатом, одном из руководителей внешней политики Ивана Грозного, казненном в 1570 г.

[21] *...дьяка Ондрея Васильева...* — Дьяк Андрей Васильевич Монастырев-Безносов, погибший во время карательного похода Ивана IV на Новгород в 1570 г.

[22] *...дьяка своего Петра Григоръева...* — Очевидно, дворцовый дьяк Петр Григорьевич Совин, служивший в опричнине.

[23] *...приговорили о тѣх дѣлех, как тѣмъ дѣломъ пригож меж нас быти, да и грамоты пописали...* — Томас Рандольф, согласно написанным позже «Запискам» Антони Дженкинсона, отрицал, что во время «разговора о государских делах» в России он «когда-либо соглашался, решал или давал какое-либо обещание на какие бы то ни было условия или распоряжения», и мы не знаем, в чем заключалось содержание подписанных Рандольфом в 1569 г. грамот («Английские дела» русского Посольского приказа за эти годы не сохранились; среди английских грамот они тоже не обнаружены).

[24] *...посла Ондрѣя Григоръевича Совина.* — Андрей Совин, брат опричного дьяка Петра Григорьевича, участвовавшего в переговорах с Рандольфом, был отправлен в Англию в июне 1569 г. А. Г. Совин вел переговоры в Англии с июля 1569 г. до мая 1570 г.

[25] *...наше дѣло здѣлала еси не по тому, какъ посол твой приговорилъ.* — Елизавета внесла в первоначальный проект договора, предложенный царем, важные изменения: вместо прямой военной помощи она предлагала, чтобы в случае нападения на одного из союзников другой союзник «самым настоятельным образом... потребовал от причинившего вред государя, чтобы он воздержался от дальнейших обид», и только если «зачинщик государь... откажется сие исполнить», союзнику будет оказана помощь; вместо взаимного права убежища она предлагала Ивану IV прием в Англии, если он будет «вынужден покинуть» Русь.

[26] *...твоим гости — сертъ Ульян Гарит да сертъ Ульян Честер.* — Уильям Гаррард (Джеральд) и Уильям Честер.

[27] *...мимо тебя люди владѣют, и не токмо люди, но мужики торговые...* — Иван Грозный имеет в виду, очевидно, ограничение монархической власти в Англии парламентом, в частности палатой общин («мужики торговые»). Елизавета, мало считавшаяся с парламентом, велела своему послу ответить на это, что «никакие купцы не управляют у нас

государством и делами, но что мы сами печемся о ведении дел, как подобает деве и королевне».

[28] *...как естъ пошлая девица.* — Эти слова грамоты, как мы уже отметили, написаны по выскребленному, и мы не знаем, каков был первоначальный текст (возможно, еще более резкий, чем дошедший до нас). Фотографирование в ультрафиолетовом и инфракрасном свете, произведенное в лондонском Публичном архиве, не помогло прочтению первоначального текста.

[29] *...которой будет хотя и в нашемъ дѣле был, да нам изменил, и тому было вѣрити не пригож.* — Это высказывание находит объяснение в заявлении Ивана Грозного английскому послу Баусу в 1584 г. о том, что посол Андрей Совин «делал с нашим человеком со князем Офонасьем Вяземским, а не по нашему наказу, и над Ондреем потому от нас и наша опала учинена». А. Совин, таким образом, был связан с погибшим в 1570 г. опричником Вяземским.

ПЕРЕВОД

Ради милосердия Бога нашего <...> мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси <...> королевне Елизавете Английской, Французской, Ирландской и иных.

Некоторое время тому назад брат твой, король Эдуард, послал своих людей под предводительством Ричарда для каких-то надобностей по всем странам мира и писал ко всем королям, и князьям, и властителям, и управителям. А на наше имя ни одного слова послано не было. И те люди твоего брата, Ричард с людьми своими, неизвестно каким образом, вольно или невольно, пристали к морской пристани у нашей крепости на Двине. И тут мы, как подобает государям христианским, милостиво оказали им честь, приняли их за государевыми парадными столами, пожаловали <...> к брату твоему отпустили.

И от того твоего брата приехали к нам тот же Ричард Ричардов и Ричард Грей. Мы их также пожаловали и отпустили с честью. И после того как к нам приехал от твоего брата Ричард Ричардов, мы послали к брату твоему своего посланника Осипа Григорьевича Непею. А купцам твоего брата и всем англичанам мы дали такую свободную жалованную грамоту, какую даже из наших купцов никто не получал, а надеялись за это на великую дружбу вашего брата и вас и на услуги от всех английских людей.

В то время, когда мы послали своего посланника, брат твой Эдуард скончался, и на престол вступила сестра твоя Мария, а потом она

вышла замуж за испанского короля Филиппа. И испанский король Филипп и сестра твоя Мария приняли нашего посланника с честью и к нам отпустили, а дела с ним никакого не передали. А в то время ваши английские купцы начали творить нашим купцам многие обманы и свои товары начали продавать дороже того, чего они стоят.

А после этого стало нам известно, что и сестра твоя, королевна Мария, скончалась, а испанского короля Филиппа англичане выслали из королевства, а на королевство посадили тебя. Но мы и тут не учинили твоим купцам никаких притеснений и велели им торговать по-прежнему.

А до сих пор, сколько ни приходило грамот, — хотя бы у одной была одинаковая печать! У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому у государей, — таким грамотам ни в каких государствах не верят. У государей в государстве должна быть единая печать. Но мы и тут всем вашим грамотам доверяли и поступали в соответствии с этими грамотами.

И после этого ты прислала к нам по торговым делам своего посланника Антона Янкина. И мы, надеясь, что он у тебя в милости, привели его к присяге, да и другого твоего купца Ральфа Иванова — как переводчика, потому что некому было быть переводчиком в таком великом деле, и передали с ним устно великие тайные дела, желая с тобой дружбы. Тебе же следовало к нам прислать своего ближнего человека, а с ним Антона или одного Антона. И нам неизвестно, передал ли эти дела тебе Антон или нет, про Антона года полтора не было известий. А от тебя никакой ни посланник, ни посол к нам не прибывал. Мы же ради этого дела дали твоим купцам другую свою жалованную грамоту; надеясь, что эти гости пользуются твоей милостью, мы даровали им свою милость свыше прежнего.

И после этого нам стало известно, что в Ругодив приехал твой подданный, англичанин Эдуард Гудыван, с которым было много грамот, и мы велели спросить его об Антоне, но он ничего нам об Антоне не сообщил, а нашим посланникам, которые были к нему приставлены, говорил многие невежливые слова. Тогда мы велели расследовать, нет ли с ним грамот, и захватили у него многие грамоты, в которых о нашем государевом имени и нашем государстве говорится с презрением и написаны оскорбительные вести, будто в нашем царстве творятся недостойные дела. Но мы и тут отнеслись к нему милостиво — велели держать его с честью до тех пор, пока не станет известен ответ от тебя на те поручения, которые переданы с Антоном.

И после этого приехал от тебя к нам в Ругодив посланник Юрий Милдентов по торговым делам. И мы его велели спросить про Антона Янкина, был ли он у тебя и когда он должен прибыть от тебя к нам. Но посланник твой Юрий ничего нам об этом не сказал и наших посланников и Антона облаял. Тогда мы также велели его задержать, пока не получим от тебя вестей о делах, порученных Антону.

После этого нам стало известно, что к Двинской пристани прибыл от тебя посол Томас Рандольф, и мы милостиво послали к нему своего сына боярского и приказали ему быть приставом при после, а послу оказали великую честь. А приказали спросить его, нет ли с ним Антона, он же нашему сыну боярскому ничего не сказал и начал говорить о мужицких торговых делах; а Антон с ним не пришел.

Когда он приехал в наше государство, мы много раз ему указывали, чтобы он известил наших бояр о том, есть ли у него приказ от тебя о делах, о которых мы передали тебе с Антоном. Но он нелепым образом уклонился. А писал жалобы на Томаса и на Ральфа и о других торговых делах писал, а нашими государственными делами пренебрегал. Из-за этого-то твой посол и запоздал явиться к нам; а затем пришло Божье послание — моровое поветрие, и он не мог быть принят. Когда же время пришло и Божье послание — поветрие — кончилось, мы его допустили пред свои очи. Но он опять говорил нам о торговых делах. Мы высылали к нему своего боярина и наместника вологодского князя Афанасия Ивановича Вяземского, печатника своего Ивана Михайлова и дьяка Андрея Васильева и велели его спросить, если ли у него поручение по тем делам, о которых мы передавали тебе с Антоном. Он ответил, что такое поручение с ним тоже есть. А мы поэтому оказали ему великую честь, и он был принят нами наедине. Но он говорил о тех же мужицких торговых делах и лишь изредка касался того дела. А нам в то время случилось отправиться в нашу вотчину Вологду, и мы велели твоему послу Томасу ехать с собой. А там, в Вологде, мы выслали к нему своего боярина князя Афанасия Ивановича Вяземского и дьяка Петра Григорьева и велели с ним переговорить, как лучше всего устроить между нами это дело. Но посол твой Томас Рандольф все время говорил о торговом деле, и едва его убедили поговорить о тех делах. Наконец договорились об этих делах, как следует эти дела устроить, написали грамоты и привесили к ним печати. Тебе же, если тебе это было бы угодно, следовало таким же образом написать грамоты и прислать к нам послами достойных людей и с ними вместе прислать Антона Янкина. Прислать Антона мы просили потому, что хотели его расспросить, передал ли он тебе те слова, которые мы ему говорили, угодны ли тебе наши предложения и каковы твои о них намерения. И вместе с твоим послом послали своего посла Андрея Григорьевича Совина.

Ныне ты к нам отпустила нашего посла, а своего посла с ним ты к нам не послала. А наше дело ты сделала не таким образом, как договорился твой посол. Грамоту же ты послала обычную, вроде как проезжую. Но такие дела не делаются без присяги и без обмена послами. А ты то дело отложила в сторону, а вели переговоры с нашим послом твои бояре только о торговых делах, управляли же всем делом твои купцы — сэр Ульян Гарит да сэр Ульян Честер. Мы надеялись, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государской чести и выгодах для государства, поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица. А тому, кто хотя бы и участвовал в нашем деле, да нам изменил, верить не следовало.

И если уж так, то мы те дела отставим в сторону. Пусть те торговые мужики, которые пренебрегали нашими государскими головами и государской честью и выгодами для страны, а заботятся о торговых делах, посмотрят, как они будут торговать! А Московское государство пока и без английских товаров не скудно было. А торговую грамоту, которую мы к тебе послали, ты прислала бы к нам. Даже если ты и не пришлешь ту грамоту, мы все равно не велим по ней ничего делать. Да и все наши грамоты, которые до сего дня мы давали о торговых делах, мы отныне за грамоты не считаем.

Писана в нашем Московском государстве, в году от создания мира 7079-м (1570), 24 октября.

Послание шведскому королю Юхану III 1572 года

Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Послания Ивана IV шведскому королю Юхану III выполняли функции дипломатических грамот, и копии их помещались в составе «Книги Свейских посольств» в архиве Посольского приказа, а впоследствии — Министерства иностранных дел. Два послания (1572 и 1573 гг.), включенные в настоящее издание, принадлежат к числу многочисленных дипломатических посланий Ивана IV к шведским королям; публицистический характер сближает их (как и послание Елизавете I и послания Стефану Баторию) с иными сочинениями Ивана

Грозного. Публицистический характер этих посланий ощущался уже древнерусским читателем: послания эти переписывались в «четьих» сборниках XVII—XVIII вв. (один из списков помещен в сборнике *РНБ* конца XVII века, собр. Титова, охр. № 1121 вместе с Первым посланием Курбскому).

В настоящем издании Послания Юхану III публикуются по списку конца XVI в. *РГАДА,* ф. 96 (сношения со Швецией), Свейских посольств кн. № 3 (1572—1577), лл. 2—6 об. и 7 об.—91 об.

ОРИГИНАЛ

Божественнаго (...) естества (...) милостию и властию и хотѣньемъ скифетродержателя Росийскаго царствия великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, (...) обладателя высочайшаго нашего царьского порога, честные нашия степени величества[1] грозное сие повелѣнье с великосилною заповедью да есть.

Какъ сие государьское писанье дойдетъ, вѣдомо да есть Ягану, королю Свѣйскому и Готцкому и Вендийскому,[2] что преж сего дана тебѣ заповедь в генварѣ месяцѣ.[3] И писано в той заповеди подлинно, какъ присылалъ еси к нашего порога величеству бити челомъ маистра Павла, бископа Абовского, с товарыщи, и какъ нашия степени величество былъ в своей вотчине в Великомъ Новѣгороде, и какъ твоихъ пословъ донесено до нашея степени величества приѣздъ ихъ в нашу отчину в Великий Новгородъ, и какъ от нашего порога степени величества заповедь учинилася посломъ твоимъ по прежнимъ обычаемъ, и какъ послы твои уродственнымъ обычаемъ нашие степени величество раздражили, и какъ нашия степени величество на нихъ гнѣвъ свой распростеръ, и какъ нашего порога степени величество былъ в своей вотчине в Великомъ Новѣгороде и какъ хотѣлъ за твое недоумѣтелство на твою землю Свѣйскую гнѣвъ свой распростерть, и коимъ обычаемъ нашего порога степени величества гнѣвъ отложился на время, ждучи от тебя обращенья, для пословъ твоих челобитья к нашего порога величества думѣ царевичю Михаилу Кайбуловичю Азтороханскому[4] с товарыщи и для печалованья детей нашего величества и нашего порога степени величества думы челобитья твоихъ пословъ отпустя, с ними заповеди нашие честные повелѣнье к тебѣ послали есмя, какъ тебѣ нашие степени величества умолити. И о томъ тебѣ неодинова подлинно заповедь писана и дана; а срокъ тому положили есмя на семъ лѣте твоимъ посломъ с челобитьемъ быти в нашу отчину в Великий Новгородъ к нашего порога степени величеству Троицынъ день.[5] А сами, какъ есть государи истинные христьянския, умилосердилися, на твою Свѣйскую землю гнѣвъ свой поудержали и возвратили бранную лютость. А которые немногия передние люди оторвався да такъ учинили, гдѣ еси своихъ людей дѣлъ и что твоей землѣ учинили[6] и сколко пленили, то самъ сочтешь. А нашия степени величества чаяли того, что уже ты и Свѣйская земля в своихъ глупостехъ познаетеся. А твоихъ пословъ пожаловав милостиво

отпустили есмя. А какъ тебѣ намъ бити челомъ, и тому наша степень величество заповедь учинила и срокъ заповѣданъ — о Троицынъ день. А нашия степени величество реклися быти в то же время в своей вотчине в Великомъ Новѣгороде и розслушати твоего челобитья от пословъ твоихъ.

И нашия степени величество приезжали есмя в свою в вотчину в Великий Новгородъ с своими думными людми нашего порога величества по заповеданному тебѣ сроку — Троицынъ день. И ты аки изумленъ, и по августа осмый день никоторого от тебя отвѣту нѣт. А мы и по ся мѣста милостивно от тебя пословъ с челобитьемъ ожидали в кроткомъ предстоянии своею лѣпотою царьскою и з своимъ чиномъ думою, з ближними людми, без рати, и про пословъ твоихъ слуху нѣт и по ся мѣстъ, быти ли имъ или не быти. А выборской твой приказщикъ Андрусъ Нилишевъ писалъ к орѣховскому намѣснику ко князю Григорью к Путятину,[7] будто нашия степени величество сами просили миру у вашихъ пословъ.

И о томъ много писати не треба: увидишь нашего порога степени величества на сей зимѣ прошение миру, то уже не зимушнее! А после того сказали, что твои послы будутъ к Петрову дни.[8] Али чаешь, что по прежнему воровать Свѣйской землѣ, какъ отецъ твой Гаставъ через перемирье Орѣшекъ воевалъ?[9] И что толды доспѣлося Свѣйской землѣ? А какъ братъ твой Ирикъ оманкою намъ хотѣлъ дати жену твою Катерину, да и с королевства его сослали,[10] а тебя посадили! А осене сь сказали тебя мертва, а весну сь сказали, что тебя збили со государьства братъ твой Карло да зять твой арцог Маамусъ.[11] А опосле того учинилось вѣдомо про пословъ твоихъ, будто идутъ, а ты будто на своемъ государьстве. А ныне про пословъ твоихъ слуху нѣтъ, а ты, сказываютъ, сидишь в Стеколне в осаде, а братъ твой Ирикъ к тебѣ приступаетъ. И то уже ваше воровство все наруже: опрометываетеся какъ бы гадъ розными виды. И коли уже такъ лѣто прошло, а ты бити челомъ не прислалъ, а земли своей и людей тебѣ не жаль (надѣешься на денги, что еси богатъ!), и мы много писати не хотимъ: положили есмя упованье на Бога. А что крымскому без насъ от нашихъ воеводъ учинилось,[12] о томъ спрося увѣдаешь!

А мы ныне поѣхали на свое царство на Москву, а опять будемъ в своей вотчине в Великомъ Новѣгороде декабря месяца, и ты толды посмотришь, какъ мы и люди наши учнемъ у тебя миру просити! И похошь бранную лютость утолити и пришлешь пословъ с нашею заповедью, и мы, смотря по твоему покоренью, также пожалуемъ.

Дана честная сия заповедь в нашей отчине в Великомъ Новѣгороде лѣта 7080-го, месяца августа въ 11, индикта 15, государьства нашего 39, а царствъ нашихъ Росийскаго 26, Казанского 20, Астароханского 18.

---

[1] *...высочайшаго нашего царьского порога, честные нашия степени величества...* — Выражениями «степень величества», «порог величества» Грозный подчеркивает, что он монарх гораздо более высокого «ранга» («степени»), чем шведский король. Слово «порог» имеет еще дополнительный смысловой оттенок: указание на то высокое место, откуда царь говорит с менее высокопоставленными лицами (аналогично выражению «высокие врата» — «Порта» в титуле султана); иногда же (см.: Первое послание Грозного Курбскому) Грозный употребляет этот термин в том же смысле, что и «степень». В переводе первое выражение сохраняется, второе переводится как «высокое величество».

[2] *Ягану, королю Свѣйскому и Готцкому и Вендийскому...* — В титул шведских королей входит прежде всего наименование двух основных племен, из которых составился шведский народ, — свеев (свионов) и готов (гаутов, ётов), а также имя славянского племени вендов (венетов), вставленное в XVI в. (при Густаве Вазе) в результате ошибочного смешения вендов с вандалами — германским народом, побежденным, согласно легенде, готами во времена Великого переселения народов. Король Юхан III вступил на шведский престол в конце 1568 г. после свержения его брата Эрика XIV.

[3] *...заповедъ в генварѣ месяцѣ.* — После вступления Юхана на престол отношения их с Иваном IV были резко враждебными: в ответ на задержку Юханом III русских послов был задержан шведский посол епископ Павел Абовский, происходили пограничные столкновения, и шла подготовка к военным действиям более крупного масштаба. В январе 1572 г. шведские послы, принятые в Новгороде, согласились на ряд политических уступок, требуемых царем, после чего Иван Грозный отпустил их в Швецию.

[4] *...царевичю Михаилу Кайбуловичю Азтороханскому.* — Речь идет о Михаиле Араслановиче Кайбуличе (Кайбуловиче), сыне астраханского царевича Кайбулы, перешедшего на русскую службу в 1552 г. Михаил Кайбулич был связан с опричниной, в 1571—1572 гг. Иван Грозный поставил его во главе боярской думы с титулом «царевича Азтороханского».

[5] *Троицынъ день* — в 1572 г. приходился на 25 мая.

[6] *...передние люди оторвався... что твоей землѣ учинили...* — Речь идет о военных столкновениях в конце 1571 г.

[7] *...выборской твой приказщикъ Андрусъ Нилишевъ писалъ к орбховскому намѣснику ко князю Григорью к Путятину...* — А. Нильсен, наместник шведского короля в Выборге, чья «непригожая грамота» наместнику царя в Орешке, в которой он утверждал, что Иван IV просил мира у шведского короля, была непосредственным поводом к написанию данного послания.

[8] *...к Петрову дни.* — 29 июня.

[9] *...отецъ твой Гаставъ через перемирье Орѣшекъ воевалъ?* — Война между отцом Юхана III Густавом I Вазой и Иваном IV происходила в 1555—1557 гг.; война эта означала нарушение перемирия, заключенного в 1537 г.

[10] *...братъ твой Ирикъ оманкою намъ хотѣлъ дати жену твою Катерину, да и с королевства его сослали...* — Старший брат Юхана III Эрик XIV в 1567 г. заключил договор с Иваном IV о разделе Ливонии (основная часть ее должна была отойти к России) и взаимной помощи; по условиям этого договора Эрик обязался отослать к Ивану IV Катерину Ягеллон, сестру польского короля и жену Юхана, в то время арестованного. Договор этот не вступил в силу из-за переворота 1568 г. и вступления на престол Юхана III.

[11] *...братъ твой Карло да зять твой арцог Маамусъ.* — Герцог Карл Зюдерманландский, третий сын Густава Вазы, будущий король Карл IX, и Магнус, сын германского герцога Саксен-Люнебургского, женатый на дочери Густава Вазы и живший в Швеции.

[12] *...крымскому без насъ от нашихъ воеводъ учинилосъ...* — В июле 1572 г. русские войска под командованием М. И. Воротынского одержали победу над крымским ханом у села Молоди на р. Лопасне.

ПЕРЕВОД

Божественного <...> естества <...> милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси <...> обладателя высочайшего царского сана и почетной степени величества это грозное повеление с великосильным наставлением да есть.

Когда ты получишь это наше государево послание, тебе, Юхану, королю Шведскому, Готскому и Вендийскому, будет уже известно и другое наставление, данное нами прежде, в январе месяце. В этом наставлении было точно описано, как ты присылал к нашему высокому величеству бить челом магистра Павла, епископа Абовского с товарищами, когда нашей степени величество было в своей вотчине в Великом Новгороде, как о приезде твоих послов было донесено нашей степени величеству в нашу отчину в Великий Новгород и как от нашего высокого величества было дано твоим послам наставление по прежнему обычаю, как твои послы раздражили нашей степени величество своим

нелепым поведением и наше высокое величество на них разгневалось, когда нашей степени величество, находясь в нашей вотчине, в Великом Новгороде, хотел за твое невежество обратить свой гнев на твою Шведскую землю, и по какой причине наше высокое величество, надеясь, что ты образумишься, отложило на время свой гнев, ради челобитья твоих послов нашей степени величества думе, царевичу Михаилу Кайбуловичу Астраханскому с товарищами, ради ходатайства наших детей и челобитья думы нашего высокого величества и как мы, отпустив твоих послов, послали с ними к тебе наставление и повеление, как тебе умолить наше высокое величество. Об этом тебе неоднократно было писано точное наставление, писано и дано; а срок для прибытия твоих послов с челобитьем к нашему высокому величеству в нашу вотчину Великий Новгород указали тебе Троицын день этого года. Мы же сами, как истинные христианские государи, умилосердились, удержали свой гнев на твою Шведскую землю и остановили бранную лютость. А немногие наши люди из передовых частей, оторвавшись от остальных, такое учинили на твоей земле, что ты сам сочтешь, куда делись твои люди, что сталось с твоей землей и сколько людей пленили. А нашей степени величество надеялось, что ты и Шведская земля уже осознали свою глупость. Мы, пожаловав твоих послов, милостиво отпустили их домой. Наше высокое величество дало тебе наставление, как тебе бить челом, и назначило срок — Троицын день. А нашей степени величество обещало быть к этому времени в своей вотчине, в Великом Новгороде, и выслушать твое челобитье от твоих послов.

И нашей степени величество со своими думными людьми прибыло в свою вотчину, в Великий Новгород, к указанному тебе сроку — в Троицын день. Но ты словно обезумел, и по восьмой день августа от тебя никакого ответа нет. А мы до сих пор милостиво ожидали от тебя послов с челобитьем, мирно пребывая здесь со всем своим царским великолепием и со своей избранной думой, с ближними людьми, без рати, а до сих пор про твоих послов слуха нет, прибудут они или нет. А выборгский твой приказчик Андрус Нилишев писал к ореховскому наместнику князю Григорию Путятину, будто наше высокое величество само просило мира у ваших послов.

И о том много писать нет надобности: этой зимой ты сам увидишь, как нашей степени величество просит мира, — то будет уже не то, что прошлой зимой! А после того сказали, что твои послы будут к Петрову дню. Не надеешься ли ты, что Шведская земля может по-прежнему разбойничать, как делал твой отец Густав, нападавший, вопреки перемирию, на Орешек? Что тогда досталось Шведской земле? А как брат твой Эрик обманом хотел нам дать жену твою Катерину, а его свергли с престола и тебя посадили! А осенью нам говорили, что ты умер, а весной сказали, что тебя согнали с государства брат твой Карл да зять твой герцог Магнус. А после этого пришла весть про послов твоих, будто они идут, и будто ты на своем государстве. А ныне про послов твоих слуху нет, а ты, говорят, сидишь в Стокгольме в осаде, а

брат твой Эрик на тебя наступает. И тут-то ваше плутовство и обнаруживается: оборачиваетесь, как гад, разными видами. И раз уж год прошел, а ты бить челом не прислал, а земли своей и людей тебе не жаль (богат и надеешься на деньги!), и мы тогда много писать не хотим: возложили упование на Бога. А как крымскому хану без нас от наших воевод досталось, о том, спросив, узнаешь!

Ныне же мы поехали на свое царство в Москву, а в декабре опять будем в своей вотчине, Великом Новгороде, и тогда ты посмотришь, как мы и наши люди станем у тебя мира просить! Если же ты захочешь бранную лютость утолить и пришлешь послов, согласно нашему наставлению, и мы, оценив твою покорность, тебя пожалуем.

Дано это величественное наставление в нашей вотчине, в Великом Новгороде, в 7080 (1572)году, 11августа, индикта 15-го, на 39-й год нашего правления, на 26-й год нашего Российского царства, 20-й год Казанского царства, 18-й год Астраханского царства.

Послание шведскому королю Юхану III 1573 года

Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Послания Ивана IV шведскому королю Юхану III выполняли функции дипломатических грамот, и копии их помещались в составе «Книги Свейских посольств» в архиве Посольского приказа, а впоследствии — Министерства иностранных дел. Два послания (1572 и 1573 гг.), включенные в настоящее издание, принадлежат к числу многочисленных дипломатических посланий Ивана IV к шведским королям; публицистический характер сближает их (как и послание Елизавете I и послания Стефану Баторию) с иными сочинениями Ивана Грозного. Публицистический характер этих посланий ощущался уже древнерусским читателем: послания эти переписывались в «четьих» сборниках XVII—XVIII вв. (один из списков помещен в сборнике *РНБ* конца XVII века, собр. Титова, охр. № 1121 вместе с Первым посланием Курбскому).

В настоящем издании Послания Юхану III публикуются по списку конца XVI в. *РГАДА,* ф. 96 (сношения со Швецией), Свейских посольств кн. № 3 (1572—1577), лл. 2—6 об. и 7 об.—91 об.

ОРИГИНАЛ

Божественнаго (...) существа (...) милостью и властию и хотѣниемъ скифетродержателя Росийскаго царствия, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси (...) честныя нашия степени величества слово наше то Ягану, королю Свѣйскому и Готцкому и Вендийскому.

Что прислалъ еси свою грамоту с полоняникомъ,[1] и которая твоя лая,[2] и тому заповедь опосле. А ныне своимъ государьскимъ высокодостойнейшия чести величества обычаемъ подлинную заповедь со смирениемъ даемъ.

Первое, что ты пишешь свое имя напередъ нашего, и то не по пригоже по тому, что намъ цысарь римский братъ и иныя великия государи, а тебѣ тѣмъ братомъ назватися не возможно по тому, что Свѣйская земля тѣхъ государствъ честию ниже, якоже напреди явленно будетъ. А сказываешь отца своего вотчину Свѣйскую землю, и ты б намъ известилъ, чей сынъ отецъ твой Густавъ и какъ дѣда твоего имянемъ звали,[3] и на королевстве былъ ли, и с которыми государи братство ему и дружба была, укажи намъ то и имянно и грамоты пришли, и мы по тому уразумѣемъ.

А что присылалъ еси гонца своего Петрушу толмача просити опасной грамоты на своихъ пословъ, и мы чаяли, что по прежнему, какъ преже того бывалъ вамъ миръ с намѣсники ноугородцкими[4] (а то велося изстари за нѣколкое сто лѣтъ, ещо при князе Юрье,[5] да при посадникехъ ноугородцкихъ, а у васъ при Магнуше князе, которой приходилъ к Орѣшку[6]), и мы по тому и опасную грамоту послали по прежнимъ обычаемъ и миръ нашимъ вотчинамъ, Великому Новугороду и Лифлянской землѣ, с тобою учинити по прежнимъ обычаемъ пожаловати хотѣли есмя. И ты бискупа Павла прислалъ з бездѣльемъ гордостно, ино по тому так и не дѣлалось. А что опасная грамота послана з бискупомъ Павломъ,[7] и ты о чомъ к намъ пословъ своихъ не прислалъ во все лѣто? А мы были в своей вотчине в Великомъ Новѣгороде, а ждали от тебя покоренья, а рати нашия нигдѣ никоторыя не было, развее мужики порубежныя меж себя бранилися. А что в Финской землѣ оторвався от нашихъ от передовыхъ людей немногие люди да повоевали, и то учинилось по тому: в кою пору мы к тебѣ грамоту опасную послали на послы з бискупомъ с Павломъ, а тѣ люди передъ нами ушли за далеко, и мы и послали ихъ ворочати, и наши посланники ихъ не сустигли, и они и повоевали.

А Вифлянские земли намъ не перестать доступать, докудова намъ еѣ Богъ дастъ. А лихорадство почалъ ты, какъ сѣлъ еси на государьство. И пословъ нашихъ великихъ, боярина нашего и намѣсника смоленскаго Ивана Михайловича Воронцова, да дворетцкаго нашего можайского Василья Ивановича Наумова, да дьяка нашего Ивана Васильева сына Лапина, неповинно за посмѣхъ велѣлъ еси ограбити и безчествовати,[8] в одныхъ сорочкахъ поставили! А такихъ великихъ людей: отецъ того Ивана Михайло Семеновичъ Воронцовъ былъ от насъ намѣсникомъ на нашей отчине, на Великомъ Новѣгороде; а того из века не бывало, чтобы от нашия державы быти посломъ в Свѣйской землѣ; все хаживали послы от ноугороцкихъ намѣсниковъ! А на пословъ пеня положена напрасно, будто то ихъ пеня, что они по твою жену приѣхали, а они не сами приѣхали — послали ихъ, а послали ихъ по вашей же облышке, что сказали тебя в животѣ нѣтъ. А коли бы сказали, что ты живъ, ино было какъ твоей жены просити? И каждый то вѣдаетъ, что жена у мужа взяти нелзя. И тебѣ было пенять на своего брата Ирика да на его думцовъ, которые с нимъ то дѣло дѣлали ложно. А послы наши, бояринъ нашъ и намѣсникъ смоленской Иванъ Михайловичъ Воронцовъ с товарыщи, за посмѣхъ страдали от твоего неразсуженья.

А то дѣлалось тѣмъ обычаемъ: первое после свадбы твоей вборзе учинилось вѣдомо, что братъ твой Ирикъ тебя поималъ, а после того учинилось вѣдомо, что тебя не стало. И мы, помешкавши года с полтора, послали есмя к брату твоему, Ирику королю, гонца своего Третьяка Ондрѣевича Пушечникова[9] провѣдати, ест ли ты или нѣтъ, и будетъ тебя в животѣ нѣтъ, а детей у тебя нѣтъ же, и братъ бы твой Ирикъ, похотя нашего жалованья, брата нашего короля полского и великого князя литовского Жигимонта Августа сестру Катерину к намъ прислалъ, а мы его за то пожалуемъ — от намѣсниковъ своей отчины, Великого Новагорода, отведемъ и учнемъ с нимъ сами ссылатися. А просили есмя брата своего сестры Катерины не иного чего для, толко взявъ еѣ, хотѣли отдать брату еѣ и своему Жигимонту Августу, Божиею милостию королю полскому и великому князю литовскому, а у него взяти за сестру его Катерину свою отчину, Лифлянскую землю, без крови, а не по тому, как безлѣпишники по своимъ безлѣпицамъ врали. А в томъ дѣле иного ничего нѣтъ опричь того, какъ есмя выше писали.

А тебя у насъ утаили; а толко бы мы вѣдали, кое ты живъ, и намъ было твоей жены лзя ли просити? И посланника нашего Третьяка, заведши в пустынныя мѣста, лихою смертью уморили, а к намъ прислалъ братъ твой посланника своего Ивана Лаврентьева,[10] будто нашего гонца Третьяка притчею не стало, а то бы мы известить велѣли, с чѣмъ мы к Ирику послали были своего гонца Третьяка. И мы то Ивану Лаврентьеву велѣли сказати свое желованье брату твоему: толко онъ пришлетъ короля полского сестру Катерину, а мы его пожалуемъ — от намѣсниковъ отведемъ. И после того братъ твой Ирикъ послалъ к намъ

пословъ своихъ, князя Нилша с товарыщи,[11] и посулили намъ дати полского короля сестру Катерину, а мы были пожаловали брата твоего Ирика, отвели от намѣсниковъ и крестъ целовали и своихъ великихъ пословъ послали. И наши послы великия жили у васъ с полтора году. А про тебя слуху никакого не было — есть ли ты, нѣтъ ли, и у Нилша с товарыщи не могли про тебя допытатися ничего, ино по тому тебя и не чаяно, и по тому то и прошено. И ты пришедши да неподѣлно на нашихъ пословъ грабежъ и безчестье и соромоту учинилъ, по лъживому посланью брата твоего и всѣхъ свѣйскихъ людей. Оманкою заведши нашихъ пословъ, да мучити, да ограбя, да в Абове сидѣли за сторожи годъ, да какъ всякихъ полоняниковъ отпустилъ еси! А наши послы не виноваты ни в чемъ, толко б ваши люди не солгали, и нашимъ было посломъ не по што ходити; мы чаяли то, что правда. И тебѣ было пеняти на своихъ людей, которые неправдою посылаютъ, а наши послы от тебя напрасно мучилися от твоего неразсужения. А после того еси прислалъ к намъ с великою гордостью пословъ своихъ — Павла, бискупа Абовского. Ино лихорадство ты почалъ дѣлати, что мимо лживыхъ людей да на прямыхъ падаешь, — коли б мы вашей лжи не повѣрили, ино бы такъ не сталось.

И мы тебѣ то подлинно известили, а много говорить о томъ не надобѣть: жена твоя у тебя нехто еѣ хватаетъ, а и такъ еси одного для слова жены своей крови много пролилъ напрасно. А впередъ о той безлѣпице говорити много не надобе, а учнешь говорити, и намъ тебя не слушати: ты какъ хочешь и з женою, нехто еѣ у тебя пытаетъ!

А что писалъ еси о брате своемъ Ирике королѣ,[12] будто намъ его для было с тобою война почати, и то смеху подобно. Того для было намъ с тобою нѣчего для война починати: намъ братъ твой Ирикъ не нуженъ. А что мы к нему свою жаловалную грамоту посылали, и то дѣлалося тѣмъ обычаемъ: какъ ты присылалъ к намъ гонца своего Онтона Олса, а в тѣ поры в нашей отчине Великому Ноугороду с тобою война учинилась, и к намъ черезъ нѣкоторыхъ людей от Ирика короля челобитье дошло, чтоб намъ ему какъ помощь учинити, или к намъ прибежитъ, и намъ бы его пожаловати приняти. И мы по тому свое жалованье послали, что ты нашей отчине недругъ, ино бы откудова нибудь на тебя что вставити, чтобы ты в своихъ гордостехъ узнался и посмирелъ; а намъ было рать почать же, ино и то тутъ готово. А того для было рати нѣчего для починать, да и не хачивали есмя починать того для; а бѣглово было намъ какъ не хотѣти приимати? А к тебѣ есмя писали, чтобы ты узнался, да прислалъ пословъ, ино бы приговор о всемъ былъ, какъ по пригожю. Ино ты гордостью не прислалъ пословъ, ино по тому и кровь льеца. А о Ирике ведь мы к тебѣ ни с кѣмъ не приказывали и за нево не говаривали и не вывечивали, и коли дѣла не было, ино о чомъ говорити? А грамота что знаетъ? Написано, да и минулося.

И коли б ты хотѣлъ правдою жити, и ты б прислалъ ко мнѣ пословъ, ино бы то все без крови изправилось. А то ты крови желаешь, да бездѣлье говоришь и пишешь. Нехто тебя пытаетъ, з женою и з братомъ какъ с ними хочешь; о томъ говорити много не надобе. А кровь болшая проливаетца за нашу вотчину, Лифлянскую землю, да за твою гордость, что не хочешь по прежнимъ обычаемъ ссылатися с намѣсники ноугородцкими; и толко в томъ не узнаешься, ино и впередъ много крови литися неповинно от твоей гордости и что неподѣлно вступился еси в нашу отчину, в Лифлянскую землю. А что писалъ еси, будто мы не здержимъ печати, ни грамоты, ино много великихъ государствъ и во всѣхъ тѣхъ государствахъ наше слово непремѣнно живетъ, и ты там спрося увѣдай, ино бы то в одной Свѣйской землѣ то переменилось? А что послы твои черезъ обычей и черезъ опасную грамоту такъ безчествованы и в поиманье были,[13] и ты тому не дивися: за твое неподобное дѣло над нашими послы терпѣти было не возможно, да и еще то не сровнялося с нашими послы — наши великие люди, а тѣ — страдники, а наши послы у тебя в Абове сидѣли заперты долго (ино то не поиманье ли?), да и отпустилъ еси ихъ кабы полоняниковъ, а и всѣхъ поотрутили и приѣхавъ сюды да померли. А спесивства нашего никоторого нѣть, а писали есмя по своему самодерьжству, какъ пригоже быти, и по твоему королевству, занеже преже того не бывало, что великимъ государемъ всеа Русии с Свѣйскими правители ссылатися, а ссылалися Свѣйские правители с Новымъ городомъ. Ино тѣм ли Великий Новгородъ отчина наша честна была, что от насъ откладна была, али тѣмъ ныне безчестна, что насъ познали своихъ государей, какъ ты пишешь неподобно? А войску нашему правитель Богъ, а не человѣкъ: какъ Богъ дасть, такъ и будетъ.

А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичей родъ, а не государьской. А пишешь к намъ, что отец твой венчанный король, а мати твоя также венчанная королева, — ино то отецъ твой и мати твоя и венчанныя, а дотоле не бывалъ нихто! Уже такъ сказываешься государьской родъ, и ты скажи, отецъ твой Густавъ чей сынъ и какъ дѣда твоего звали, и гдѣ на государьстве сидѣлъ, и с которыми государи былъ в братстве, и которого ты роду государьского? Пришли родству своему письмо, и мы по тому розсудимъ. А намъ дополна вѣдомо, что отецъ твой Густавъ из Щмалотъ,[14] да и по тому намъ то вѣдомо, что вы мужичей родъ, а не государьской: коли при отцѣ при твоемъ при Густаве приезжали наши торговые люди с саломъ и с воскомъ, и отецъ твой самъ в рукавицы нарядяся сала и воску за простого человѣка вмѣсто опытомъ пыталъ и пересматривалъ на судѣхъ и в Выборе того для бывалъ, а то есмя слыхалъ от своихъ торговыхъ людей. И то государьское ли дѣло? Коли бы отецъ твой былъ не мужичей сынъ, и онъ бы такъ не дѣлалъ. А что пишешь, за нѣколко сотъ лѣтъ в Свѣе короли бывали, и мы того не слыхали, опричь Магнуша, которой подъ Орѣшкомъ былъ, и то былъ князь, а не король. А Стенъ Стуръ[15] давно ли былъ правитель на Свѣйской землѣ? Тому у тебя памятуховъ много, их спрося увѣдай. А и отецъ твой грамоты писалъ с намѣсники ноугородцкими, и в тѣхъ грамотахъ писано так:[16] первое писано нашего царьского величества титло, да после писано: «Густаусъ

Ериковичъ, Божиею милостию Свѣйский и Готцкий король, и совѣтники кралевства Свѣйскаго и вся земля Свѣйская присылали своихъ великихъ пословъ к великому государю Ивану, Божиею милостью царю и государю всеа Русии и великому князю, бити челомъ, чтобы великий государь Иванъ, Божиею милостью царь и государь всеа Русии и великий князь, Гастауса, короля Свѣйского и Готцкого, и советниковъ кралевства Свѣйскаго и всю землю Свѣйскую пожаловалъ, велѣлъ своимъ бояромъ и намѣсникомъ Великого Новагорода и своей отчине, Великому Новугороду, взяти перемирье, да и торги бы своей отчины людемъ, Великого Новагорода, з землею Свѣйскою велѣлъ держати по старине. И великий государь Иванъ, Божиею милостью царь и государь всеа Русии и великий князь, по ихъ челобитью, Гастауса Ериковича, короля Свѣйскаго, и всю землю Свѣйскую пожаловалъ, велѣлъ своему боярину и намѣснику Великого Новагорода князю Борису Ивановичю Горбатому да дворетцкому Семену Никитичю Бутурлину и своей отчине, Великому Новугороду, взяти перемирье, да и торгъ своей отчины людемъ с Свѣйскою землею велѣлъ держати по старинѣ. И добиша челомъ великого государя царя рускаго намѣснику ноугородцкому и князю Борису Ивановичю Горъбатому и дворетцкому Семену Никитичю Бутурлину послове свѣйские, господинъ Кнутъ Ондрѣевичъ да Бернядинъ Николаевичъ, и взяли перемирье с великого государя царя рускаго намѣсникомъ со княземъ Борисомъ Ивановичемъ Горбатымъ и з дворетцкимъ с Семеномъ Никитичемъ Бутурлинымъ за великого государя отчину за всю Ноугородцкую землю на шездесятъ лѣтъ, от Благовѣщеньева дни лѣта семь тысящъ четыредесятъ пятово до Благовѣщеньева дни лѣта семь тысящъ сто пятого, и за всю землю Свѣйскую. А на томъ миру быти съѣзду на Соболине, на Оксе рекѣ, после взятия миру на десятомъ году на Ильинъ день лѣта седмь тысящъ пятьдесятъ пятого, а на съѣзде быти из великого государя царя рускаго отчины, из Великого Новагорода, также и из Свѣйскаго кралевства честнымъ людемъ с обе стороны, которымъ отвести и рубежъ учинити землѣ и водѣ по княжь Юрьевымъ грамотамъ и по княжь Магнушевымъ грамотамъ. А на томъ на всемъ на сей перемирной грамоте повелѣниемъ великого государя Ивана, Божиею милостью царя государя всеа Русии и великого князя, бояринъ и намѣсникъ Великого Новагорода князь Борисъ Ивановичъ Горбатой и дворетцкой Семенъ Никитичъ Бутурлинъ к сей грамоте печати свои привѣсили и крестъ на сей грамоте целовали и за отчину великого государя царя рускаго, за Великий Новгородъ и за всю Новгородцкую державу. А от Свѣйские земли от Гастаусовы королевские державы и от Выборские державы и от Выбора города, и от всеѣ земли Свѣйские и за Выборъ городъ и за Выборскую державу и за всю землю Свѣйскую от Гастауса короля и от совѣтниковъ кралевства Свѣйскаго целовали крестъ послове кралевства Свѣйскаго, Кнутъ Ондрѣевичъ да Бернядинъ Николаевичъ. А какъ пошлютъ великого государя царя рускаго намѣсники ноугородцкие своего посла к Гастаусу королю, и Гастаусу, королю Свѣйскому и Годцкому, передъ тѣмъ посломъ крестъ целовати на томъ, какъ в сей перемирной грамоте писано, за всю державу кралевства Свѣйскаго, и печать своя к сей грамоте привѣсити Гастаусу королю Свѣйскому. А арцыбискупу Апсалимскому на томъ рука дати за всю державу кралевства Свѣйскаго, да и по тому имъ и правити, какъ в сѣхъ в перемирныхъ грамотахъ писано. А се миръ взятъ в Великомъ

Новѣгороде лѣта семь тысящъ четыредесятъ пятово, а от воплощения Господня лѣта тысяща пятсотъ тридесятъ седмое».

И то есмя тебѣ из грамоты выписали подлинно, какъ отецъ твой Гастаусъ былъ в перемирье с намѣсники с ноугородцкими. И коли бы то ваше совершенное королевство было, ино бы отцу арцыбискупъ и совѣтники и вся земля в товарыщехъ не были, и землю к государемъ великимъ не приписываютъ. А всево тово подлиннее пришли государству своему писмо, какъ самъ еси писалъ, за четыреста лѣтъ — хто и которой государь после которого сидѣлъ на государьстве и с которыми государи в братстве былъ, и мы по тому уразумѣемъ твоего государьства величество. А что прежния ваши жили по городомъ и по государьскимъ мѣстомъ, а не по мужитцкимъ деревнямъ, и хто будетъ роду вашего былъ, опричь отца твоего, и ты скажи имянно, и которые короли были от которого роду. А что писалъ еси о Арцымагнусе королѣ,[17] и мы, опричь его, то вѣдаемъ, что вы мужичей родъ, да родствомъ въгосударилися, а не по достоинству. А хто будетъ и былъ по городомъ и по болшимъ мѣстомъ, ино не от вашего же роду, да и не короли. А королей мы Свѣйской землѣ не слыхали и до отца твоего Гастауса; первой король — отецъ твой, а и ссылка в отца твоего грамотахъ на княжь Магнушевы грамоты, а не на короля. Моглъ бы то и отецъ твой сыскати прежнихъ королей, да не писалъ королей, а написалъ князя Магнуша, а ты, невѣдомо по чему, сыскалъ у себя прежнихъ королей! Да и по тому вашъ мужичей родъ и не великое государьство, что писано в тѣхъ же грамотахъ отцу твоему целовати крестъ за всю Свѣйскую державу и за Выборъ городъ и за Выборскую державу, а арцыбискупу Апсалимъскому[18] на томъ рука дати на грамоте; а от Свѣйские земли от Гастаусовы королевы державы и от Выборские державы и от Выбора города и от всеѣ Свѣйския земли и за Выборъ городъ и за Выборскую державу и за всю землю Свѣйскую от Гастауса короля и от совѣтниковъ кралевства Свѣйскаго целовали крестъ послы кралевства Свѣйскаго для того, что Гастаусу королю целовати крестъ, а арцыбискупу Апсалимскому рука дати, да по тому имъ и правити. И ты бы себѣ розсудилъ, в великихъ государьствахъ такъ ведетца ли как в вашемъ? Отецъ твой целовалъ за Свѣйскую державу да и за Выборскую державу, и по тому Выборъ кабы иное мѣсто, а на Выборе отцу твоему кабы товарыщъ. Коли бы ваше великое государьство было, и арцыпискупъ бы Апсалимской в товарыщехъ отцу твоему писанъ не былъ, а то написанъ арцыбискупъ отцу твоему товарыщъ. А совѣтники королевства Свѣйскаго почему отцу твоему товарыщи? А послы не от одного отца твоего, от всего кралевства Свѣйскаго, а отецъ твой у нихъ в головахъ кабы староста в волости. И коли бы отецъ твой великой государь былъ, и арцыбискупъ бы у него в товарищехъ не былъ, и совѣтники и вся земля Свѣйская и Выборьская держава не приписана была, и послы бы были от отца твоего от одного, а не от кралевства Свѣйскаго, а то послы от кралевства Свѣйскаго, а не от одного отца твоего, а арцыбискупъ написанъ. «Правити имъ по той грамоте» — ино видиши ли, каково отцу твоему правити, таково и арцыбискупу! И тебѣ по тому нелзя ровнятися с великими государи: в великихъ государьствахъ техъ обычаевъ не ведетца. А хто будетъ не бережетъ своего государства, а к тобѣ пишетъ

братомъ, тотъ самъ вѣдаетъ,[19] а намъ на то не сматривати, мы смотримъ своего царьствия степени чести. А будетъ не вѣришь той грамоте отца своего, и ты пришли пословъ своихъ вѣрныхъ людей, и они посмотрятъ тоѣ грамоты и печать у неѣ отца твоего. А хто будетъ напередъ отца твоего на Свѣйской землѣ король былъ, и ты извести намъ с послы имянно, хто былъ на королевстве и которого роду и с кѣмъ в братьстве былъ; мы того не слыхали, нѣшто будетъ ты ново гдѣ нашолъ королей тѣхъ в которой своей коморе?

А король Магнусъ намъ того не сказывалъ и самъ онъ столко не вѣдаетъ, какъ мы про вашъ мужичей родъ от всѣхъ земель вѣдаемъ, которые к намъ приходятъ. А что мы короля Арцымагнуса пожаловали городомъ Полчевымъ[20] и иными городы, и мы з Божиею волею в своей вотчине волны: ково хотим, тово жалуемъ. А что о королеве о Арцымагнусове прародителе Фредрике,[21] ино нѣчто буде переводчики не гораздо описалися. А ты самъ о томъ правду написалъ, что Керстанъ,[22] Дацкой дородной король, взялъ былъ дородствомъ Свѣйское королевство, да оставя своихъ бояръ тутъ, да поѣхалъ на свое государьство в Датцкую землю; и отецъ твой Гастаусъ, зговоряся с прежними правители Свѣйския земли, да пригнался из Шмолантъ с коровами, да Крестеновыхъ короля Дацкого бояръ побилъ, а самъ королемъ учинился; а после того сослався с Крестьянусомъ, с Магнусовымъ отцомъ, да Крестана поимали, а Крестьянуса на Датцкомъ королевстве посадили.[23] То такъ дѣлалось, ты о томъ писалъ правду намъ, болши того писать не надобе. И самъ ты написалъ, что у васъ королевство учинилось от Датцкого королевства, а толко намъ грамоту и печать покажешь, какъ бездушствомъ отецъ твой Гастаусъ дѣлалъ и королевства досталъ, ино и того лутче, намъ о томъ писати много не надобе, — самъ еси свое страдничество написалъ!

А что ты написалъ по нашему самодержьства писму о великомъ государи самодержце Георгии-Ярославе, и мы по тому такъ писали, что в прежнихъ кроникахъ и лѣтописцехъ писано, что с великимъ государемъ самодержцемъ Георгиемъ-Ярославомъ на многих битвахъ бывали варяги, а варяги — нѣмцы; и коли его слушали, ино то его были; да толко мы то известили, а намъ то не надобе. А что пишешь о печати своей, и мы по тому писали, что ты хочешь мимо намѣсниковъ ноугородцкихъ с нами ссылатися, и тебѣ бы насъ противъ того почтити чѣм пригоже, да и о томъ есмя х тебѣ писали; а без почестливости тому быти не возможно, что тебѣ мимо намѣсниковъ с нами ссылатися. А что писалъ еси о Римского царства печати, и у насъ своя печать от прародителей нашихъ, а и римская печать намъ не дико: мы от Августа кесаря родствомъ ведемся,[24] а ты усужаешь намъ то противно Богу — что намъ Богъ дал, и ты и то у нас отнимаешь; мало тебѣ насъ укарять, и ты на Бога уста разверзъ. А твоя намъ титла и печать, чаешь, примѣриватися, высости ли для, — намъ твоей чести мужичьей нѣчево добиватца и примѣриватца к твоей высости нѣ к чему. Мы тебѣ тово для писали, что тебѣ надобе мимо намѣсниковъ с нами ссылатися, и тебѣ

того, не выкупя у насъ чѣмъ пригоже, не видать будетъ. Захошъ тово для кровь проливати, то ты вѣдаешь, а мы положили на Божию волю, что намъ милосердый Богъ устроилъ. А твоево титла и печати мы такъ за просто не хотимъ: будетъ тебѣ любо с нами ссылатися мимо намѣсниковъ, и ты намъ покорися и поддайся, и что будетъ пригоже, тѣмъ насъ почти, и мы тебя пожалуемъ, от намѣсниковъ отведемъ, а даромъ тебѣ с нами ссылатися не пригоже и по государьству и по отечеству; а сами без твоего покорения твоего титла и печати не хотимъ. А что хочешь нашего царьствия величества титла и печати учинити, и ты обезумѣвъ хоти и вселенней назовешься государемъ, да хто тебя послушаетъ? А будетъ тебѣ такъ нелюбо, и ты живи по старому с намѣсники. А что писалъ еси, что намъ то честь, что ваша печать и земли, и мы по тому такъ писали: коли хошь с нами ссылатися мимо намѣсниковъ, и ты намъ поддайся, и коли поддашься, ино земля и владѣние и печать наша, и мы тебя жалуемъ и ссылаемся с тобою какъ своимъ, а с чюжимъ с молодымъ какъ ты ссылатися намъ не пригоже.

А к намѣсникомъ тебя не я примѣриваю, то изстари ведетца, Богъ в томъ тебя устроилъ; и ты и Богу противишься, а в Божие повелѣние не хошь быти. А которому тобѣ Богу молитца, а ты безбоженъ, не токма что изстинны не позналъ еси, но и малую сѣнь латынскаго служения испровергли есте[25] и образы побили и быти свещеннику, яко людемъ; а то и самъ написалъ еси, что король на Свѣйской землѣ отцомъ твоимъ.[26] А мы себя сами ни хвалимъ, ни славимъ, а пишемъ, в каковѣ насъ достоинствѣ Богъ устроилъ; а тебя не хулимъ, а пишемъ к тебѣ по тому такъ, чтобы еси познался, да от неподобныхъ дѣлъ отсталъ.

А что писалъ еси о своей королевне, будто мы еѣ у тебя просимъ, и ты, неразуменъ сый, не разумѣ: мы к тебѣ тово для то писали, будетъ тому возможно статися, что тебѣ жена отдати, ино то и то и сстанеца, что намъ самимъ крестъ целовати; ино ведь тому не возможно статися, что у мужа жена взяти, каждому то вѣдомо (да и мы того не хотимъ!), такъ тому не возможно статися, что намъ с тобою самимъ ссылатися мимо намѣсников — таково то велико! А ты не розсудя писалъ. Мы тебѣ писали, не жены у тебя просили — намъ твоя жена не надобе, мы тебѣ к розсуду то писали: сколь то не возможно у тебя жены взять, таково то не возможно тебѣ с намѣсники не ссылатися. Мы тебѣ писали, величество гордыни твоей розсужая, а не жены у тебя просили; намъ твоя жена однолично не надобе, какъ хочеши с нею. И крови неповинные мы не желаемъ — ты за свою гордостъ розливаешь кровъ крестьянскую и розливати желаешь. А что пишешь, будто ложно, что полская королевна за конюхомъ была, и ты спроси хто вѣдаетъ, при Ягайле, королѣ полскомъ, хто былъ Воидило и которымъ обычаемъ Ягайлу з дядею своимъ с Кестутьемъ бои были[27] и какъ Кестутей и Воидила повѣсилъ и какъ Ягайло Кестутья изымалъ да велѣлъ удавити, и познанно будетъ правда.

А что диякъ нашъ приказывалъ твоему человеку Онтону Олсу,[28] чтобы ты намъ поступился всево тово, что в нашей вотчине в Вифлянской землѣ, неподобно вступився, держишь, и о серебряной рудѣ и о мастерѣхъ, которые руды ищутъ, и о десяти тысячахъ ефимкехъ за пословъ нашихъ безчестье, и о воинскихъ людехъ, — то мы приказывали по тому: будетъ тебѣ надобно с нами ссылатися, и тебѣ было то учинити; а не поставя противъ такова великого дѣла великого же дѣла, тому сстатися не возможно. А мы такихъ неподѣлствъ не приимаемъ — ты приимаешь, коли то неподѣлно. А то почему подѣлно, что тебѣ с нами ссылатися? Ино то и то неподѣлно, что намъ с тобою ссылатися, а что намъ с тобою самимъ миръ учинити и крестъ целовати мимо намѣсниковъ и пословъ своихъ к тебѣ послати.

А ты к намъ своихъ пословъ не хошь послати бити челомъ, и мы тому удивляемся, откудова на тебя гордость и сила взошла, что ты в томъ быти не хочешь, в чомъ отецъ твой былъ: отецъ твой вѣкъ свой изжилъ, а с намѣсники ссылался, а маленко былъ не похотѣлъ под старость,[29] — и каково ему удалось то, и ты вѣдаешь. Ино отецъ твой в томъ вѣкъ изжилъ, а ты не хочешь, — большое ты лутче отца, что отца своего чину не хочешь! А не пришлешь пословъ, ино миру не бывать; а намъ к тебѣ пословъ послать не пригоже. А мы тебя жалуючи пишемъ. Похошь нашего жалованья, чтобы мы тебя от намѣсниковъ отвели, и ты пришли к намъ пословъ своихъ великихъ бити челомъ, да противу того также насъ почти великимъ дѣломъ, какъ тебѣ возможно, и мы тебя пожалуемъ, от намѣсниковъ отведемъ; а не выкупя, тебѣ тово у насъ не видати.

А что писалъ еси к намъ лаю и вперед хочешь лаю ж писати противъ нашего писма, и намъ великимъ государемъ и без лаи к тебѣ писати нѣчево, да и не пригодитца великимъ государемъ лая писати; а мы к тебѣ не лаю писали, правду, а иное и по тому же столко писали, что от тебя без разсуженья отвѣту не было ни о чемъ. А ты, взявъ собачей ротъ, да хошь за посмѣхъ лаяти, ино то твое страдничье пригожство; тебѣ то честь, а намъ великимъ государемъ с тобою и ссылатися безщестно, а лая от себя писати тово хуже, а с тобою перелаиватися и на семъ свѣте тово горѣе и нѣтъ, и будетъ похошь перелаиватися, и ты себѣ найди таковаго же страдника, каковъ еси самъ страдникъ, да с нимъ перелаивайся. А к намъ тебѣ сколко ни писати лаи, и намъ тебѣ о томъ отвѣту никакого не давывать.

А что хошь пытатися, и твои пушки наши люди видели; и впередъ похошь ещо попытатися, и что будетъ тебѣ прибыль, и ты себѣ розсмотришь. А похошь землѣ своей покоя, и ты б прислалъ к намъ пословъ своихъ, и что будетъ твое хотѣнье, и мы ихъ выслушаемъ, да что по пригожю, такъ и учинимъ.

Писана в нашей вотчины Лифлянские земли города Пайды лѣта 7081, месяца генваря в 6, индикта 1, господствия нашего 40, а царствъ нашихъ Росийскаго 26, Казанского 21, Асторохансково 18.

---

[1] *...грамоту с полоняникомъ...* — Грамота Юхана III была получена через пленника во время похода на северную Ливонию (Пайда) в конце 1572 — начале 1573 г.

[2] *...твоя лая...* — Текст ответа Юхана III на Первое послание царя не был включен в «Посольские дела», ибо было указано, что он написан «не по пригожею».

[3] *...сказываешь отца своего вотчину Свѣйскую землю, и ты б намъ известилъ, чей сынъ отецъ твой Густавъ и как дѣда твоего имянемъ звали...* — Отец Юхана III Густав Ваза вступил на престол в 1523 г. в результате свержения власти датских королей над Швецией; он происходил из старинного шведского дворянского, но не королевского рода. Грозный поэтому считал шведских королей не равными себе — «прирожденному государю».

[4] *...миръ с намѣсники ноугородцкими...* — Поскольку Швеция с конца XIV в. находилась под властью датских королей, русские государи со времени присоединения Новгорода сносились с нею не непосредственно, а через своих новгородских наместников.

[5] *...при князе Юрье...* — Речь идет о московском князе Юрии Даниловиче, занимавшем в начале XIV в. новгородский престол и ходившем в 1323 г. в поход на шведов (на Неве).

[6] *...при Магнуше князе, который приходилъ к Орѣшку...* — Король Магнус Эриксон, занимавший в 1333 г. шведский престол, ходил на новгородский Орешек; поход был отбит новгородцами под предводительством московского князя Семена Ивановича Гордого.

[7] *...опасная грамота послана з бискупомъ Павломъ...* — О переговорах с епископом Павлом Абовским и военных действиях в 1572 г. (см. коммент. к письму Ивана Грозного Юхану III 1572 г.).

[8] *...пословъ нашихъ... Ивана Михайловича Воронцова, да... Василья Ивановича Наумова... велѣлъ еси ограбити и безчествовати...* — И. М. Воронцов и другие русские послы к королю Эрику XIV находились в Швеции с июля 1567 г.; во время их пребывания шведский король сошел с ума (стал «не сам у собя своею персоною», как объясняли послам шведы). Арестованный Эриком Юхан был освобожден в

сентябре 1568 г. и, низложив Эрика, вступил в Стокгольм; тем самым договор с Иваном Грозным потерял силу; послы были лишены дипломатических прав и ограблены. Только в мае 1569 г. их освободили и отправили на Русь.

[9] *...гонца своего Третьяка Ондрѣевича Пушечникова...* — Третьяк Пушечников был отправлен в Швецию еще в апреле 1565 г., при Эрике XIV; умер в феврале 1566 г.; в то время обвинения шведам в его отравлении не высказывались (считалось, что он умер «поветреем» — заразной болезнью).

[10] *...посланника своего Ивана Лаврентьева...* — Шведский гонец Ганс Ларсон приехал в Россию в апреле 1566 г. после смерти Т. Пушечникова.

[11] *...князя Нилша с товарыщи...* — Посол Нильс Гюлленшерн подписал в 1567 г. союзный договор с Эриком XIV, для окончательного заключения которого и приезжал в 1567—1569 гг. И. М. Воронцов с товарищами.

[12] *...о брате своемъ Ирике королѣ...* — После сентября 1567 г. плененный Эрик XIV из Або (Турку) пытался вести переговоры с Иваном IV (через толмача Анса), и Иван IV в 1571 г. послал ему тайную грамоту, перехваченную Юханом III.

[13] *...послы твои... в поиманье были...* — О задержке в 1570—1572 гг. послов Юхана III Павла Абовского и других см. коммент. к письму Ивана Грозного Юхану III 1572 г. В конце 1569 г. во время известной карательной экспедиции на Новгород царь велел «пограбити» шведских послов в отместку за такое же обращение с И. М. Воронцовым и товарищами.

[14] *...из Щмалотъ...* — Иван IV считал, что Густав Ваза происходил из Смоланда — провинции на юге Швеции; в действительности род Ваз происходил из провинции Упланд.

[15] *Стенъ Стуръ* — Иван IV имеет в виду, очевидно, Стена Стуре Старшего, регента Швеции в 1470—1497 и 1501—1503 гг. (в 1512—1520 гг. регентом был Стен Стуре Младший).

[16] *...и в тѣхъ грамотахъ писано так...* — Иван IV далее почти дословно цитирует русско-шведский договор 1537 г.

[17] ...о *Арцымагнусе королѣ...* — Речь идет о датском принце Магнусе, которого Иван IV признал королем Ливонии.

[18] *...арцыбискупу Апсалимъскому...* — Архиепископ Упсальский являлся главой шведской церкви и играл важную роль в государственных делах.

[19] *...а к тобѣ пишетъ братомъ, тотъ самъ вѣдает...* — Иван IV намекает, очевидно, на польского короля Сигизмунда II Августа (незадолго до этого умершего), шурина Юхана III.

[20] *...мы короля Арцымагнуса пожаловали городомъ Полчевымъ...* — Герцог Магнус, брат датского короля Фридриха II, был провозглашен «королем Ливонии» и «голдовником» Ивана IV еще в 1570 г., но после военной неудачи под Ревелем он отказался от этого звания. В конце 1572 г. Иван IV воскресил этот план, пожаловал Магнуса городом Полчевом (Пылтсама) в качестве временной резиденции; некоторое время спустя он обвенчал его со своей племянницей Марией Владимировной.

[21] *...прародителе Фредрике...* — Речь идет о датском короле Фридрихе I, царствовавшем с 1524 по 1533 г.

[22] *Керстанъ* — Христиан (Христиерн) II, датский король с 1513 по 1524 г.; в 1520 г. захватил Стокгольм и учинил избиение шведской знати — «стокгольмскую кровавую баню»; событие это дало толчок к перевороту в Дании и национальному восстанию в Швеции.

[23] *...Крестьянуса на Датцкомъ королевстве посадили.* — В Дании королем стал в 1524 г. Фридрих I (дед Фридриха II), но только в 1533 г. его сыну Христиану III удалось овладеть всей страной.

[24] *...мы от Августа кесаря родствомъ ведемся...* — Иван IV имеет в виду легенду о происхождении русских Рюриковичей (через легендарного Пруса) от Августа, впервые изложенную в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы (см. наст. изд. т. 9.).

[25] *...а ты безбоженъ... и малую сѣнь латынскаго служения испровергли есте...* — Реформация в Швеции началась в 1527 г.; конфискация церковных земель была завершена к 1540 г.

[26] *...король на Свѣйской землѣ отцомъ твоимъ.* — Иван IV, по-видимому, противопоставляет себя, царя «божьей милостью», Юхану, получившему власть от отца.

[27] *...при Ягайле, королѣ полскомъ, хто былъ Воидило и которымъ обычаемъ Ягайлу з дядею своимъ с Кестутьемъ бои были...* — Ягайло — великий князь литовский (с 1377 г.) и король польский (с 1385 г.); Кейстут — его дядя (младший брат Ольгерда). В литовско-русских летописях рассказывается, что у князя Ольгерда был любимец, холоп Войдило; Ягайло женил этого бывшего холопа на своей сестре княжне Марии; Кейстут убил Войдило; Ягайло, захватив Кейстута в плен, велел его удавить.

[28] *...Онтону Олсу...* — Речь идет об участнике посольства Павла Абовского Тоне Ольсоне, который был отпущен в Швецию еще в декабре 1571 г., когда остальные послы еще оставались задержанными.

[29] *...а маленко былъ не похотѣлъ под старость...* — Речь идет о войне 1555—1557 гг. между Густавом I Вазой и Иваном IV, одним из поводов к которой было требование Густава сноситься непосредственно с русским царем.

ПЕРЕВОД

Божественного <...> существа <...> милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси <...> почетной нашей степени величества слово Юхану, королю Шведскому, и Готскому, и Вендийскому.

На твою грамоту, пересланную через пленника, и лай, который в этой грамоте, мы дадим отповедь позже. А сейчас, по своему государскому обычаю, достойному чести нашего высокого величества, посылаем тебе подлинную отповедь со смирением.

Первое: ты пишешь свое имя впереди нашего — это неприлично, ибо нам брат — цесарь римский и другие великие государи, а тебе невозможно называться им братом, ибо Шведская земля честью ниже этих государств, как будет доказано впереди. Если ты говоришь, что Шведская земля вотчина отца твоего, то ты бы нас известил, чей сын отец твой Густав, и как деда твоего звали, и был ли твой дед на королевстве, и с какими царями он был в братстве и в дружбе, укажи нам всех их поименно и грамоты пришли, и мы тогда уразумеем.

Когда ты прислал гонца своего Петрушу-переводчика просить охранной грамоты для своих послов, то мы думали — ты хочешь заключить мир по прежнему обычаю, как прежде бывал мир с наместниками новгородскими (так велось исстари в течение нескольких сот лет, еще при князе Юрии, да при посадниках новгородских, а у вас при князе Магнусе, который ходил с войной к Орешку), и потому мы послали охранную грамоту по прежним обычаям и хотели пожаловать тебе по прежним обычаям мир с нашими вотчинами — Великим Новгородом и Ливонской землей. Но ты епископа Павла прислал без настоящих полномочий и с надменностью, и поэтому из этого ничего не вышло. С архиепископом Павлом была послана охранная грамота, так почему же ты к нам в течение всего лета не прислал послов? А мы были в своей вотчине, в Великом Новгороде, и ждали, что ты смиришься, а военных действий не вели нигде, разве что какие-нибудь мужики столкнулись между собой на границе. А если некоторые люди, оторвавшись от наших передовых частей, и повоевали в Финской земле, то это случилось потому, что, когда мы отправили с епископом Павлом охранные грамоты на послов, эти люди уже далеко зашли — мы

приказали их вернуть, но наши посланники их не настигли, поэтому они и повоевали.

А Ливонскую землю мы не перестанем завоевывать, пока нам ее Бог не даст. Злое же дело начал ты, как только сел на государство. И наших великих послов, боярина нашего и наместника смоленского Ивана Михайловича Воронцова, да дворецкого нашего можайского Василия Ивановича Наумова, да дьяка нашего Ивана Васильева сына Лапина, неповинно и с глумлением велел ограбить и обесчестить — в одних сорочках их оставили! Таких великих людей: отец того Ивана, Михаил Семенович Воронцов, был нашим наместником в нашей вотчине, в Великом Новгороде; а прежде никогда не бывало, чтобы от нас, государей, ходили послы в Шведскую землю; послы всегда ходили от новгородских наместников! А наказание на послов возложено напрасно, якобы за то, что они за твоей женой приехали, а они не сами приехали — прислали их, а послали их из-за вашего же вранья: сказали, что тебя в живых нет. Если бы сказали, что ты жив, как же было твою жену просить? Каждый знает, что жену у мужа взять нельзя. И тебе надо было пенять на своего брата Эрика да на его советников, которые с ним делали это дело обманом. А послы наши, боярин наш и наместник смоленский Иван Михайлович Воронцов с товарищами, приняли страдания и глумления из-за твоего недомыслия.

А произошло это таким образом: прежде всего, вскоре после твоей свадьбы стало известно, что твой брат Эрик подверг тебя заточению, а после этого стало известно, что ты скончался. И мы, прождав года с полтора, послали к твоему брату, королю Эрику, гонца своего Третьяка Андреевича Пушечникова узнать, жив ты или нет, и если тебя нет в живых и детей у тебя также нет, то чтобы брат твой Эрик прислал к нам, желая наших милостей, сестру брата нашего короля польского и великого князя литовского Сигизмунда-Августа Катерину, а мы его за то пожалуем — освободим от сношений с наместниками нашей вотчины, Великого Новгорода, и начнем с ним сноситься сами. А просили мы Катерину, сестру брата своего, для того только, чтобы, взяв ее, отдать своему и ее брату Сигизмунду-Августу, Божьей милостью королю польскому и великому князю литовскому, а у него взять за сестру его Катерину свою вотчину, Ливонскую землю, без кровопролития, а не по той причине, которую измыслили выдумщики ради обмана. В этом деле нет никаких причин, кроме тех, о которых мы писали выше.

Тебя же от нас утаили; ведь если бы мы знали, что ты жив, могли ли бы мы просить твою жену? И посланника нашего Третьяка, заведя в пустынные места, уморили насильственной смертью, а к нам прислал твой брат своего посланника Ивана Лаврентьева с уверением, что наш гонец Третьяк умер случайно и чтобы мы известили, что именно мы

хотели передать Эрику через Третьяка. И мы Ивану Лаврентьеву велели сказать о нашей милости твоему брату: если он пришлет сестру короля польского Катерину, то мы его пожалуем — освободим от сношений с наместниками. После этого твой брат Эрик послал к нам своих послов, князя Нильса с товарищами, и они посулили отдать нам сестру польского короля Катерину, а мы пожаловали твоего брата Эрика, освободили его от сношений с наместниками, дали присягу и послали своих полномочных послов. Наши полномочные послы жили у вас года с полтора. А про тебя слуху никакого не было — жив ты или нет, и у Нильса с товарищами не могли они ничего про тебя выпытать, поэтому-то о тебе и не чаяли, поэтому-то и была высказана такая просьба. Когда же ты пришел к власти, ты беспричинно предал наших послов грабежу, бесчестью и сраму из-за лживого послания твоего брата и всех шведских людей. Заманив обманом наших послов, да и мучили, ограбив, да и год просидели в Або под стражей, да еще отпустил ты их, как каких-нибудь пленников! А наши послы не виноваты ни в чем — не солгали бы ваши люди, нашим людям и ходить незачем было; а мы думали, что они говорят правду. Тебе надо было пенять на своих людей, которые сообщают неправду, а наши послы у тебя напрасно мучились из-за твоего недомыслия. А после всего этого ты с надменностью послал к нам своих послов — Павла, епископа Абовского и других. Итак, это ты начал делать злое дело, нападая на честных людей вместо лживых, — если бы мы вашей лжи не поверили, этого бы не было.

Все это мы тебе точно объяснили, а много говорить об этом нет нужды: жена твоя у тебя, никто ее не хватает, и так уже много крови ради одного слова своей жены ты пролил зря. А впредь об этом вздоре много говорить не стоит, а станешь говорить, мы тебя и слушать не будем: делай что хочешь со своей женой, никто на нее не покушается!

А что ты писал о своем брате короле Эрике, будто мы из-за него собирались начать с тобой войну, то это смехотворно. Ради этого нам нечего было с тобой войну начинать: нам брат твой Эрик не нужен. А что мы ему свою жалованную грамоту посылали, то это произошло таким образом: в то время, когда ты присылал к нам своего гонца Антона Ольса, между нашей отчиной, Великим Новгородом, и тобой началась война, и к нам через некоторых людей дошло челобитье от твоего брата короля Эрика, чтобы нам ему оказать помощь или, если он прибежит к нам, принять его к себе. И мы потому оказали ему милость, что ты — враг нашей вотчине, и нам нужно было что-нибудь сделать, чтобы ты осознал свою гордость и присмирел; а если бы нам пришлось начать войну, это также пригодилось бы. А ради этого нам войну начинать не стоило, да и не собирались мы ради этого войну начинать; а беглого нам как не принять? Тебе же мы писали, чтобы ты пришел в сознание и прислал послов, тогда и решение было бы обо всем по-хорошему. Но ты из гордости не прислал послов, из-за этого и кровь льется. Об Эрике же мы тебе ни с кем ничего не передавали и за него

не хлопотали, а раз такого дела не было, то что и говорить? А что значит, что была грамота? Было написано, да прошло.

Если бы ты хотел жить по правде, так ты бы прислал ко мне послов, все бы и без крови разрешилось. А ты крови желаешь, поэтому вздор говоришь и пишешь. Никто на тебя не покушается, делай с женой и с братом что хочешь; об этом много говорить не стоит. А много крови проливается из-за нашей вотчины, Ливонской земли, да из-за твоей гордости, что не хочешь по прежним обычаям сноситься с новгородскими наместниками; и пока ты этого не осознаешь, и дальше будет литься много невинной крови из-за твоей гордости и из-за того, что незаконно вступил в нашу вотчину, в Ливонскую землю. Ты писал, что мы не сдержим обязательств, данных в грамоте и скрепленных печатью, но ведь на свете есть много великих государств, и во всех этих государствах наше слово неизменно сохраняет силу (ты спроси там — узнаешь!), почему же в одной Шведской земле будет по-иному? А что послы твои вопреки обычаю и охранной грамоте были обесчещены и отправлены в заключение, то ты этому не дивись: нельзя же было терпеть твой недостойный поступок с нашими послами, да и то мы еще не поквитались за наших послов: ведь наши послы — великие люди, а те — холопы, а наши послы у тебя в Або сидели взаперти долго (это ли не заточение?), да и отпустил ты их, как пленников, а всех их опоили отравой, и они, приехав сюда, померли. Спеси же с нашей стороны никакой нет, а писали мы тебе так, как подобает писать нашей самодержавной власти к твоей королевской, — ибо раньше того не бывало, чтобы великим государям всея Руси сноситься со шведскими правителями, сносились шведские правители с Новгородом. Неужели же достоинство нашей вотчины, Великого Новгорода, заключалось в том, что она от нас отделялась, а теперешнее бесчестие — в том, что она признает нас, великих государей, как ты нелепо пишешь? А войску нашему правитель — Бог, а не человек: как Бог даст, так и будет.

А это истинная правда, а не ложь, что вы мужичий род, а не государский. Пишешь ты нам, что отец твой — венчанный король, а мать твоя — также венчанная королева; но хоть отец твой и мать — венчанные, а предки-то их на престоле не бывали! А если уж ты называешь свой род государским, то скажи нам, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, и где на государстве сидел, и с какими государями был в братстве, и из какого ты государского рода? Пришли нам запись о твоих родичах, и мы по ней рассудим. А нам доподлинно известно, что отец твой Густав происходил из Смоланда, и вот еще почему нам известно, что вы мужичий род, а не государский: когда при отце твоем Густаве приезжали наши торговые люди с салом и с воском, то твой отец сам, надев рукавицы, как простой человек, пробовал сало и воск, и на судах осматривал, и ездил для этого в Выборг; а слыхал я это от своих торговых людей. Разве это государское дело? Не будь твой отец мужичий сын, он бы так не делал. Ты пишешь, что в течение нескольких сот лет в Швеции были короли, но мы о таких не слыхали,

кроме как о Магнусе, который ходил под Орешек, да и тот был князь, а не король. А давно ли в Шведской земле сидел правитель — Стен Стуре? Об этом у тебя многие помнят: спроси — узнаешь. А отец твой обменивался грамотами с новгородскими наместниками, и грамоты эти писались следующим образом: сперва написан титул нашего царского величества, а затем написано: «Густав Эрикович, Божьей милостью Шведский и Готский король, и советники королевства Шведского и вся земля Шведская присылали своих великих послов к великому государю Ивану, Божьей милостью царю и государю всея Руси и великому князю, бить челом, чтобы великий государь Иван, Божьей милостью царь и государь всея Руси и великий князь, Густава, короля Шведского и Готского, и советников королевства Шведского и всю землю Шведскую пожаловал, велел своим боярам и наместникам Великого Новгорода и своей вотчине, Великому Новгороду, заключить перемирие, а также велел людям своей вотчины, Великого Новгорода, торговать со Шведской землей по-прежнему. И великий государь Иван, Божьей милостью царь и государь всея Руси и великий князь, по их челобитью, Густава Эриковича, шведского короля, и всю Шведскую землю пожаловал, велел своему боярину и наместнику Великого Новгорода князю Борису Ивановичу Горбатому и дворецкому Семену Никитичу Бутурлину и своей вотчине, Великому Новгороду, заключить перемирие, а также велел людям своей вотчины торговать со Шведской землей по-прежнему. И довели до конца это челобитье новгородскому наместнику великого государя царя русского — князю Борису Ивановичу Горбатому и дворецкому — Семену Никитичу Бутурлину шведские послы, господин Кнут Андреевич и Бернардин Николаевич, и заключили перемирие с вотчиной великого государя, Новгородской землей, на шестьдесят лет — от Благовещенья семь тысяч сорок пятого (1537) года до Благовещенья семь тысяч сто пятого (1597) года — с наместником великого государя царя русского — Борисом Ивановичем Горбатым и дворецким — Семеном Никитичем Бутурлиным от имени всей Шведской земли. И по условиям этого мира должен быть устроен съезд в Соболине, на реке Вуоксе, через десять лет после заключения мира, в Ильин день семь тысяч пятьдесят пятого (1547) года, а на этом съезде должны присутствовать с обеих сторон достойные люди из вотчины великого государя царя русского, Великого Новгорода, а также из Шведского королевства, которые должны размерить и установить границы по земле и воде согласно грамотам князя Юрия и князя Магнуса. Во исполнение всех этих условий перемирия, по повелению великого государя Ивана, Божьей милостью царя и государя всея Руси и великого князя, боярин и наместник Великого Новгорода — князь Борис Иванович Горбатый и дворецкий — Семен Никитич Бутурлин привесили к этой мирной грамоте свои печати и принесли присягу, целуя крест за вотчину великого государя, царя русского, за Великий Новгород и за Новгородскую державу. А от имени Шведской земли, державы короля Густава, и от Выборгской державы и от города Выборга, и от всей земли Шведской за город Выборг и за Выборгскую державу и за всю Шведскую землю по поручению короля Густава и советников королевства Шведского целовали крест послы Шведского королевства Кнут Андреевич и Бернардин Николаевич. Когда же новгородские наместники великого государя царя Русского пошлют своего посла к королю Густаву, то Густав, король Шведский и Готский,

должен будет за всю Шведскую державу перед этим послом целовать крест, обязуясь исполнить то, что написано в этой мирной грамоте, и должен будет Густав, король Шведский, привесить к этой грамоте свою печать. А архиепископ Упсальский должен будет поручиться за всю Шведскую державу, и должны будут они исполнять то, что написано в этих грамотах. Заключен этот мир в Великом Новгороде в семь тысяч сорок пятом году, а от воплощения Господня в тысяча пятьсот тридцать седьмом году».

Все это мы тебе выписали точно из грамоты о перемирии, которую отец твой Густав заключил с новгородскими наместниками. И если бы у вас было настоящее королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля в товарищах не были, а землю к именам великих государей не приписывают. Всего же достовернее будет, если ты пришлешь запись о своем государском роде, о котором ты писал, что ему четыреста лет, — кто и какой государь после кого сидел на престоле, с какими государями были в братстве, и мы оттуда уразумеем величие твоего государства. Какие ваши предки жили в городах и столицах, а не в мужицких деревнях, и кто входил в ваш род, кроме твоего отца, ты назови по именам, и какие были еще короли и из какого рода. А что ты писал о короле Арцымагнусе, так мы и помимо него знаем, что вы — мужичий род и попали на престол не по своему достоинству, а благодаря родству. Те же, которые сидели в городах и больших местах, были не из вашего рода, да и не короли. А королей мы в Шведской земле не слыхали до твоего отца Густава; первый король — твой отец, а ссылался он в своих грамотах на грамоты князя Магнуса, а не короля. Ведь и твой отец мог бы сыскать прежних королей, да не ссылался на королей, а ссылался на князя Магнуса, а ты, неведомо каким образом, сыскал у себя прежних королей! И потому еще ваш род мужичий и государство не великое, что написано в тех же грамотах, что отец твой должен целовать крест за всю Шведскую державу и за город Выборг и за Выборгскую державу, а архиепископ Упсальский в том должен поручиться; а от имени Шведской державы короля Густава и от Выборгской державы и от города Выборга, от всей Шведской земли за город Выборг и за Выборгскую державу и за всю Шведскую землю по поручению короля Густава и советников Шведского королевства целовали крест послы Шведского королевства, обещая, что король Густав будет целовать крест, а архиепископ Упсальский давать поручительство, и все сказанное должны будут исполнить. И ты бы сам рассудил, ведется ли так в великих государствах, как в вашем? Отец твой целовал за Шведскую державу и за Выборгскую державу — выходит, что Выборг как бы особое место, а сидит там как будто бы товарищ отца твоего. Если бы ваше государство было великое, то и архиепископ Упсальский не был бы записан в товарищах отца твоего, а то записан архиепископ как товарищ твоего отца. А советники Шведского королевства почему товарищи твоему отцу? А послы не от одного отца твоего, а от всего Шведского королевства, а отец твой во главе их, как староста в волости. И если бы отец твой был великим государем, то и архиепископ у него в товарищах не был бы, и советники и вся земля Шведская и Выборгская держава приписаны не были бы, и

послы были бы от одного твоего отца, а не от королевства Шведского, а здесь послы от королевства Шведского, а не от одного отца твоего, и архиепископ приписан. «Должны будут исполнить то, что написано в той грамоте», — видишь ведь, как отцу твоему исполнить, так и архиепископу! И тебе поэтому нельзя равняться с великими государями: у великих государей таких обычаев не ведется. Если же кто-нибудь не бережет своего государского достоинства и называет тебя своим братом, то это его дело; а мы на это смотреть не будем, мы соблюдаем свою честь, как подобает нашему царскому величеству. Если же ты не доверяешь той грамоте своего отца, то пришли своих послов, верных людей, и они посмотрят эту грамоту и печать твоего отца на ней. И с этими послами ты сообщи нам, был ли кто-нибудь королем в Шведской земле до отца твоего, кто именно был и из какого рода и с кем он был в братстве; а мы об этом не слыхали — уж не нашел ли ты этих королей у себя в какой-нибудь кладовой?

А король Магнус нам этого не рассказывал, и он сам столько не знает, сколько мы узнали про ваш мужичий род от людей, приходящих из разных земель. А что мы короля Арцымагнуса пожаловали городом Полчевым и иными городами, то мы, по Божьей воле, в своей вотчине вольны: кого хотим, того и жалуем. А что было написано о деде Арцымагнуса Фридрихе, то тут, как видно, переводчики сделали какую-то описку. Сам же ты написал верно, что некоторое время тому назад Христиерн, благородный король Дании, взял было своей доблестью Шведское королевство, а затем, оставив там своих бояр, поехал на свое государство в Датскую землю; и отец твой Густав, сговорясь с прежними правителями Шведской земли, примчался из Смоланда с коровами и перебил бояр короля Христиерна Датского, а сам стал королем; после этого он сговорился с Христианом, отцом Магнуса, и они захватили Христиерна, а датским королем посадили Христиана. Так оно и было, правду ты нам написал, больше и писать нечего. Сам ведь ты написал, что ваше королевство выделилось из Датского королевства, а если ты еще нам пришлешь грамоту с печатью о том, как бессовестно поступил отец твой Густав, захватив королевство, то и того лучше будет, нам и писать будет нечего об этом, — сам ты свое холопство признал!

Ты писал по нашему царскому письму о великом государе самодержце Георгии-Ярославе — это мы потому так писали, что в прежних хрониках и летописцах написано, что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом во многих битвах бывали варяги, а варяги — немцы; и раз они его слушали, значит, были его подданными; но мы об этом только известили, а нам это не нужно. А что ты пишешь о своей печати, то мы писали потому, что если ты хочешь с нами сноситься, минуя наместников новгородских, то ты должен за это нас чем-нибудь отблагодарить, вот почему мы тебе об этом писали; а без такой благодарности тебе нельзя позволить сноситься с нами помимо наместников. А что ты писал о печати Римского царства, то у нас есть

своя печать от наших прародителей; а римская печать нам также не чужда: мы ведем род от Августа-кесаря, а ты судишь о нас, вопреки воле Бога, — что нам Бог дал, то ты отнимаешь у нас; мало тебе нас укорять, ты и на Бога раскрыл уста. Ты думаешь, что мы хотим присвоить твои титулы и печать как бы для возвеличения, — нам твоей мужичьей чести добиваться нечего и подлаживаться к твоему величию ни к чему. Мы тебе потому писали, что тебе надобно сноситься с нами помимо наместников, но без достойного выкупа тебе этого не видать. Если же ты захочешь из-за этого кровь проливать — дело твое; а мы положились на Божью волю, что нам милосердный Бог даст. А твоего титула и печати мы просто так не хотим: если тебе хочется с нами сноситься помимо наместников, то ты нам уступи и подчинись и отблагодари нас как следует, и тогда мы тебя пожалуем и освободим от сношений с наместниками, а сноситься тебе с нами даром не дает права ни твое государство, ни твой род; а без твоего подчинения мы и сами не хотим твоего титула и печати. А если ты хочешь присвоить титулы и печати нашего царского величества, так ты, обезумев, можешь, пожалуй, и государем вселенной назваться, да кто тебя послушает? Если же тебе неугодно по нашему указанию поступить, то сносись по-старому с наместниками. А что ты писал, будто мы из честолюбия хотим присвоить твою печать и землю, так мы писали об этом потому, что если ты хочешь с нами сноситься помимо наместников, то ты должен нам подчиниться, а если ты подчинишься, то и земля твоя и владения и печать будут нашими, и тогда мы тебя пожалуем и будем сноситься с тобою, как со своим; а с чужим и столь ничтожным государем, как ты, сноситься нам не подобает.

А к наместникам не я тебя приравниваю — так исстари ведется, так Бог твое место определил; а ты Богу противишься и не хочешь по его повелению поступить. Да какому тебе Богу молиться — ты ведь безбожник: не только истинной веры не познал ты, но даже скромное прибежище латинского богослужения разрушено у вас, и иконы разбили, и священников сравняли с мирянами; ты сам ведь писал, что принял власть от отца своего, короля Шведской земли. А себя мы не хвалим и не прославляем, а только указываем на достоинство, данное нам от Бога; и тебя мы не хулим, а пишем это лишь для того, чтобы ты пришел в сознание и не требовал неподобающих вещей.

А что ты писал, будто мы просим у тебя твою королевну, так ты, неразумный человек, не уразумел: мы писали тебе, что так же возможно, чтобы ты нам свою жену отдал, как и то, чтобы мы сами тебе крест целовали; но ведь это невозможно, чтобы у мужа жену взять, всякий это знает (да мы и не хотим этого!), так же невозможно и то, чтобы мы с тобой сами сносились, помимо наместников — настолько это недостижимо! А ты, не рассудив, написал. Мы тебе писали не затем, чтобы жену у тебя просить, — нам твоя жена не нужна; мы для твоего вразумления писали: насколько невозможно у тебя взять жену, настолько же невозможно тебе не сноситься через наместников. Мы

писали тебе, осуждая твою гордыню, а не просили твою жену; нам твоя жена вовсе не нужна, делай с ней что хочешь. И крови неповинной мы не желаем — это ты из-за своей гордости проливаешь кровь христианскую и стремишься проливать. Ты пишешь, будто это ложь, что польская королевна была замужем за конюхом, так ты спроси тех, кто знает, кто такой был Войдило при Ягайле, короле польском, и из-за чего была борьба между Ягайло и его дядей Кейстутом, и как Кейстут повесил Войдилу, и как Ягайло Кейстута захватил и велел удавить, тогда и узнаешь правду.

А что наш дьяк передавал твоему подданному Антону Ольсу, чтобы ты нам уступил все те земли, которые ты захватил в нашей вотчине, Ливонской земле, незаконно туда вступив, и насчет серебряной руды и мастеров, которые добывают руду, и насчет десяти тысяч ефимков за оскорбление наших послов, и насчет воинских людей, так это мы передавали тебе потому, что раз тебе надобно с нами сноситься, то ты должен это сделать; а если за такое великое дело с нашей стороны вы не отплатите великим же делом, то ничего не выйдет. Мы несправедливости не допускаем — это ты допускаешь несправедливости. Что тут справедливого, чтобы ты с нами сносился? Это совсем несправедливо, чтобы мы сносились с тобой, сами с тобой заключали мир, целовали крест, минуя наместников, и своих послов к тебе посылали.

Ты не хочешь послать нам послов бить челом, и мы удивлены, откуда у тебя такая гордость и сила взялась, что ты не хочешь согласиться на то, на что соглашался твой отец: отец твой весь свой век прожил, сносясь с наместниками, только разок под старость не захотел, — и как ему удалось это, ты знаешь. Отец твой с этим век прожил, а ты не хочешь — видно, ты лучше отца, что места его не хочешь! Если не пришлешь послов, — миру не бывать; нам же к тебе послов посылать не подобает. Мы из снисхождения к тебе пишем. Если хочешь, чтобы мы тебя пожаловали и от сношения с наместниками освободили, то пришли к нам своих великих послов бить челом и отблагодари нас за это великим делом, насколько сможешь, тогда мы тебя пожалуем и от наместников освободим; а не дав выкупа, ты у нас этого не добьешься.

А что ты обращался к нам с лаем и дальше хочешь лаем отвечать на наше письмо, так нам, великим государям, к тебе, кроме лая, и писать ничего не стоит, да и писать лай не подобает великим государям; мы же писали к тебе не лай, а правду, а иногда потому так пространно писали, что если тебе не разъяснить, то от тебя и ответа не получишь. А если ты, взяв собачий рот, захочешь лаять для забавы, так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой — бесчестие, а лай тебе писать — и того хуже, а перелаиваться с тобой — горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться,

так ты найди себе такого же холопа, какой ты сам холоп, да с ним и перелаивайся. Отныне, сколько ты ни напишешь лая, мы тебе никакого ответа давать не будем.

Если хочешь выступить, так наши люди твои пушки видели; а захочешь еще попытаться — увидишь, какая тебе будет прибыль. Если же захочешь мира своей земле — пришли к нам своих послов, и каковы твои намеренья, мы их послушаем, и что следует сделать, то и сделаем.

Писана в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Пайде, в 7081году, 6января (6 января 1573 г.), индикта 1, на 40-й год нашего правления, на 26-й год нашего Российского царства, 21-й — Казанского, 18-й — Астраханского.

Послание в Кирилло-Белозерский монастырь

Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, как и его послания Курбскому, имело не только деловой характер — судя по довольно широкому распространению (свыше 20 списков), которое получило это послание, оно воспринималось как литературный памятник. Но в списках XVI века оно не сохранилось: едва ли игумен и старцы Кириллова монастыря были в XVI в. заинтересованы в распространении этого далеко не лестного для них послания.

Послание Грозного, очевидно, написано в сентябре 1573 г. в ответ на грамоту братии Кирилло-Белозерского монастыря, просившей царя о «наставлении» в связи с возникшим в монастыре конфликтом между двумя высокопоставленными монахами — Иваном-Ионой Шереметевым и Василием-Варлаамом Собакиным, посланным Иваном IV в монастырь, но отозванным весной 1573 г. в Москву.

Основной темой послания были взаимоотношения между монастырем и оппозиционной знатью: крупные землевладельцы, не уверенные в эти годы в прочности своих владений, часто предпочитали передавать их в монастырь. Какими становились взаимоотношения между таким вкладчиком и монастырем в последующее время — вероятно, зависело от многих обстоятельств. В случае, который стал конкретным поводом для написания послания, бывший боярин И. В. Шереметев, постригшийся в монахи под именем Ионы, держал при монастыре

«особые годовые запасы» и фактически содержал монастырь. Царя такое резкое расширение независимого церковного землевладения и уход из-под государственного контроля очень беспокоили; монастырь, настаивал он, не должен ни от кого зависеть, кроме государя.

Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь публикуется по списку Архива *ФИРИ,* собр. Н. П. Лихачева, № 94, сборник XVII века, л. 1—53 об.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛИЕВИЧЯ ВСЕА РУСИИ В КИРИЛОВЪ МОНАСТЫРЬ ИГУМЕНУ КОЗМѢ,[1] ЯЖЕ О ХРИСТѢ З БРАТИЕЮ

Въ пречестную обитель пресвятыя и пречистыя Владычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила чюдотворца, яже о Христе Божественаго полка наставнику и вожу и руководителю к пренебесному селению, преподобному игумену Козмѣ, яже о Христѣ з братиею, царь и великий князь Иоаннъ Василиевичь всеа Русии челомъ биетъ.

Увы мнѣ грѣшному! Горе мнѣ окаянному! Охъ мнѣ скверному! Кто есмь азъ, на таковую высоту дерзати? Бога ради, господие и отцы, молю васъ, престаните от таковаго начинания. Азъ братъ вашъ недостоинъ есми нарещися, но, по еуангельскому словеси, сотворите мя яко единаго от наемникъ своихъ,[2] тѣмже припадая честныхъ ногъ вашихъ стопамъ и милъ ся дѣя, — Бога ради престаните от таковаго начинания. Писано бо есть: «Свѣтъ инокомъ — ангели, свѣтъ же миряномъ — иноки». Ино подобаетъ вамъ, нашимъ государемъ, и насъ, заблуждьшихъ во тмѣ гордости и сѣни смертнѣ, прелести тщеславия, ласкордъства и ласкосердия, просвѣщати. А мнѣ, псу смердящему, кому учити и чему наказати и чѣмъ просвѣтити? Самъ повсегда въ пряньствѣ, в блудѣ, в прелюбодѣйствѣ, въ скверне, во убийствѣ, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодѣйствѣ, по великому апостолу Павлу: «Надѣяй же ся себе вождь быти слѣпымъ, свѣтъ сущимъ во тмѣ, наказатель безумнымъ, учитель младенцемъ, имуща образъ разума и истиннѣ в законе: научяй бо иного, себе ли не учиши? Проповѣдаяй не красти, крадеши? Глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши? Скаредуяй ся идолъ, святая крадеши? Иже в законѣ хвалишися, преступлениемъ закона Богу досаждаеши?»[3] И паки той же великий апостолъ глаголетъ: «Егда како инѣмъ проповѣдавъ, самъ неключимъ буду?»[4]

Бога ради, отцы святии и преблаженнии, не дѣйте мене, грѣшнаго и сквернаго, плакатися грѣховъ своихъ и себѣ внимати среди лютаго сего треволнения прелестнаго мимотекущаго свѣта сего. Паче же в настоящемъ семъ многомятежномъ и жестокомъ времени кому мнѣ, нечистому и скверному и душегубцу, учителю быти? Да негли Господь Богъ вашихъ ради святыхъ молитвъ сие писание в покаяние мнѣ вмѣнитъ. И аще хощете, есть у васъ дома учитель среди васъ, великий свѣтильник Кирилъ, и на его гробъ повсегда зрите и от него всегда

просвѣщаетеся, по томъ же великие подвижници, ученицы его, а ваши наставницы и отцы по приятию рода духовнаго, даже и до васъ, и святый уставъ великагo чюдотворца Кирила, якоже у васъ ведется. Се у васъ учитель и наставникъ, от сего учитеся, от сего наставляитеся, от сего просвѣщаитеся, о семь утвержаитеся, да и насъ, убогихъ духомъ и нищихъ благодатию, просвѣщайте, а за дерзость Бога ради простите.

Понеже помните, отцы святии, егда нѣкогда прилучися нѣкоимъ нашимъ приходомъ к вамъ[5] в пречестную обитель пречистыя Богородицы и чюдотворца Кирила и случися тако судбами Божиими по милости пречистыя Богородицы и чюдотворца Кирила молитвами от темныя ми мрачности малу зарю свѣта Божия в помыслѣ моемъ восприяхъ и повелѣхъ тогда сущему преподобному вашему игумену Кирилу с нѣкоими от васъ братии нѣгде в кѣлии сокровенѣ быти, самому же такожде от мятежъ и плища мирскаго упразнившуся и пришедшу ми к вашему преподобию; и тогда со игуменомъ бяше Иосафъ архимандритъ каменьской, Сергий Колачевъ, ты, Никодимъ, ты, Антоней, а иныхъ не упомню. И бывши о семъ бесѣде надолзѣ, и азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желание свое о пострижении и искушахъ, окаянный, вашу святыню слабыми словесы. И вы извѣстисте ми о Бозѣ крѣпостное житие. И якоже услышахъ сие Божественое житие, ту абие возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душею, яко обрѣтохъ узду помощи Божия своему невоздержанию и пристанище спасения. И свое обѣщание положихъ вамъ с радостию, яко нигдѣ индѣ, аще благоволитъ Богъ в благополучно время здраву пострищися, точию во пречестнѣй сей обители пречистыя Богородицы, чюдотворца Кирила составления. И вамъ молитвовавшимъ, азъ же окаянный преклонихъ скверную свою главу и припадохъ к честнымъ стопамъ преподобнаго игумена тогда сущаго вашего же и моего на семъ благословения прося. Оному же руку на мнѣ положъшу и благословившу мене на семъ, якоже выше рѣхъ, яко нѣкоего новоприходящаго пострищися.

И мнѣ мнится, окаянному, яко исполу есмь чернецъ; аще и не отложихъ всякого мирскаго мятежа, но уже рукоположение благословения ангельскаго образа на себѣ ношу. И видѣхъ во пристанищи спасения многи корабли душевныя лютѣ обуреваеми треволнением, сего ради не могохъ терпѣти, малодушьствовахъ и о своей души поболѣхъ, яко сый уже вашъ, да не пристанище спасения испразнится, сице дерзнухъ глаголати.

И вы Бога ради, господия мои и отцы, простите мене грешнаго за дерзость доселе моего к вамъ суесловия. (...)

Первое, господие мои и отцы, по Божии милости и пречистыя его матере молитвами, и великаго чюдотворца Кирила молитвами имате уставъ великаго сего отца, даже и доселе в васъ дѣйствуется. Сего имуще о немъ стойте, мужайтеся, утвержайтеся и не паки подъ игомъ работѣ держитеся. (...)

И вы, господие и отцы, стойте мужественѣ за чюдотворцево предание и не ослабляйте, какъ васъ Богъ и Пречистая и чюдотворецъ просвѣтитъ, якоже писано есть: «Свѣтъ инокомъ — ангели и свѣтъ мiряномъ —

инокы». И аще свѣтъ тма, а мы, окаяннии, тма суще, кольми помрачимся! Помните, господие мои и отцы святии, Маккавѣи за едино свиное мясо, равно еже за Христа, с мученикы почтошася; и како рече Елеазару мучитель, и на се сошедшу, да не ястъ свиная мяса, но токмо в руку прииметъ, и рекутъ людемъ, яко Елеазаръ мяса ястъ. Доблественный же сей рече сице: «Осмьдесятъ лѣтъ имать Елеазаръ и нѣсмь соблазнилъ люди Божия, и нынѣ, старъ сый, како соблазнъ буду Израилю». И тако скончася. И божественный Златаустъ[6] *пострада* за обидящихъ и царицу возгражая от лихоимания. Не бо исперва виноградъ и вдовица вина бысть толику злу, и чюдному сему отцу изгнание и труды и нужную от повлачения смерть. Сие бо о виноградѣ от невѣждь глаголется, аще же кто житие его прочтетъ, извѣстно увѣсть, яко за многихъ Златаустъ сие пострада, а не за единъ виноградъ. И виноградъ же сий не просто, якоже глаголютъ, но бысть нѣкто мужъ во Царѣграде, болярьска сана сый, и оглаголанъ бысть царице, яко поношаетъ ей о лихоимании, она же гнѣвомъ обията бывши заточи его и с чады в Селунь. Оному же и великаго Златауста моляще помощи ему; оному же царицы не воспретившу, но попустивши сему тако быти, и тамо ему в заточении и кончавшуся. Царица же гнѣвомъ неутолима сущи и, еже на прекормление убозѣй сей остави виноградъ, восхотѣ злохитръствомъ отняти. И аще святий о малыхъ сихъ вещехъ сице страдаху, кольми паче, господие мои и отцы, вамъ подобаетъ о чюдотворцовѣ предании пострадати. Якоже апостоли Христу сраспинаеми и соумеръшвляеми и совоскрешаеми будутъ, тако и вамъ подобаетъ усердно послѣдствовати великому чюдотворцу Кирилу и предание его крѣпко держати и о истиннѣ подвизатися крѣпцѣ и не быти бѣгуномъ, пометати щитъ и иная, но вся оружия Божия восприимѣте и не предавайте чюдотворцова предания никтоже от васъ, яко Июда Христа сребра ради, тако и нынѣ страстолюбия ради. Есть бо в васъ Анна и Каияфа — Шереметевъ и Хабаровъ,[7] и есть Пилатъ — Варламъ Сабакинъ,[8] понеже от царския власти посланъ, и есть Христосъ распинаемъ — чюдотворцово предание преобидимо. Бога ради, отцы святии, мало в чемъ ослабу попустите, то и велико будет.

Воспомяните, святии отцы, великаго святителя и епископа Василия Амасийскаго,[9] еже писа к нѣкоему мниху, и тамо прочтите, и каково то ваше иноческое попользновение или ослабление умиления и плача достойно, и какова радость и подсмияние врагомъ, и какова скорбь и плачь вѣрнымъ! Тамо писано есть ко оному мниху сице, еже и к вамъ прилично, ко овѣмъ убо яко от великия высоты мирскаго пристрастия богатьства ко иноческому житию пришедшимъ, ко овѣмъ же яко во иночестемъ житии воспитавшимся. (…)

Видите ли, каково послабление иноческому житию плача и скорби достойно? И по тому вашему ослаблению, ино то Шереметева для и Хабарова для такова у вас слабость учинилася и чюдотворцову преданию преступление. И только намъ благоволитъ Богъ у васъ пострищися, ино то всему царьскому двору у васъ быти, а монастыря уже и не будет. Ино почти в черьнцы, и какъ молвити «отрицаюся мира и вся, яже суть в мирѣ», а миръ весь в очех? И како на мѣстѣ семъ святемъ съ братиею скорби терпѣти и всякия напасти приключьшыяся, и в повиновении быти игумену и всей братии в послушание и в любве,

якоже во обѣщании иноческомъ стоитъ? А Шереметеву какъ назвати братиею — ано у него и десятой холопъ, которой у него в кѣлии живетъ, ѣстъ лутче братии, которыя в трапезѣ ядятъ. И велицыи свѣтилницы Сергие, и Кирилъ, и Варламъ, Димитрей и Пафнотей[10] и мнози преподобнии в Рустей земли уставили уставы иноческому житию крѣпостныя, якоже подобаетъ спастися. А бояре к вамъ пришедъ свои любострастныя уставы ввели: ино то не они у васъ постриглися, вы у нихъ постриглися, не вы имъ учители и законоположители, они вамъ учители и законоположители. Да Шереметева уставъ добръ — держите его, а Кириловъ уставъ не добръ — оставь его! Да сево дни тотъ бояринъ ту страсть введетъ, а иногды иной иную слабость введетъ, да помалу, помалу весь обиходъ монастырской крѣпостной испразнится и будутъ все обычаи мирския. Ведь по всѣмъ монастыремъ сперва начальники уставили крѣпкое житие, да опосле ихъ разорили любострастныя. И Кирило чюдотворецъ на Симонове[11] былъ, а после его Сергей, а законъ каковъ былъ — прочтите в житии чюдотворцове и тамо извѣстно увѣсте, да тотъ маленько слабостей ввелъ, а после его иныя побольши; да помалу, помалу и до сего, якоже и сами видите, на Симонове, кромѣ сокровенныхъ рабъ Божиихъ, точию одѣяниемъ иноцы, а мирская вся совершаются, якоже и у Чюда[12] быша среди царствующаго града пред нашима отчима — намъ и вамъ видимо. Быша архимандрити: Иона, Исакъ Собака, Михайло, Васиянъ Глазатой, Аврамей, — при всѣхъ сихъ яко единъ от убогихъ бысть монастырей. При Левкии же како сравнася всякимъ благочиниемъ с великими обители и духовнымъ жительствомъ мало чимъ *отстоя.* Смотрите же, слабость ли утверждаетъ или крѣпость?

А во се надъ Воротыньскимъ церковь есть поставили[13] — ино надъ Воротыньскимъ церковь, а надъ чюдотворцомъ нѣтъ, Воротыньской в церкви, а чюдотворецъ за церквию! А на Страшномъ Спасовѣ судищи Воротыньской да Шереметевъ выше станутъ: потому Воротыньской церковию, а Шереметевъ закономъ, что ихъ Кирилова крѣпче. Слышахъ брата от васъ нѣкоего глаголюща, яко добрѣ се сотворила княгиня Воротыньскаго, азъ же глаголю, яко недобрѣ: по сему первое, яко гордыни есть и величания образъ, еже подобно царьстѣй власти церковию и гробницею и покровомъ почитатися. И не токмо души не пособь, но и пагуба, души бо пособие бываетъ от всякого смирения. Второе, и сие зазоръ немалъ, что мимо чюдотворца надъ нимъ церковь, а и единъ священникъ повсегда приношение приноситъ скуднѣе сие собора. Аще ли не повсегда — сего хужайше, якоже множайше насъ сами вѣсте. А и украшение церковное у васъ вмѣстѣ бы было, ино бы вамъ то прибылние было, а того бы роздоху прибылного не было, все бы было вмѣсте, и молитва совокупная. И мню и Богу бы приятнее было. Во се при нашихъ очехъ у Дионисия преподобнаго на Глушицахъ[14] и у великаго чюдотворца Александра на Свири[15] только бояре не стрыгутся и они Божиею благодатию процветаютъ постническими подвиги. Во се у вас сперва Иасафу Умному дали оловяники в кѣлью, дали Серапиону Сицкому, дали Ионе Ручкину, а Шереметеву уже с поставцомъ, да и поварня своя. Ведь дати воля царю — ино и псарю; дати слабость вельможе — ино и простому. Не глаголи ми никтоже римлянина оного, велика суща в добродѣтелехъ и сице покоящася, и сие не обдержная бѣ, но смотрения вещь, и в пустыни бѣ и то сотворяше

вкратцѣ и бес плища, и никогоже соблазни, яко же рече Господь во Еуангелии: «Нужно бо есть приити соблазномъ; горе же человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ».[16] Ино бо есть единому жити и ино во общемъ житии.

Господие мои, отцы преподобнии, воспомяните вельможу оного, иже в Лѣствицы, Исидора глаголемаго Желѣзнаго, иже князь Александръский бѣ, и в каково смирение достиже. Такоже и вельможа Авенира царя индѣйскаго, иже на испытании бысть, и каково портище на немъ было, — ни куние, ни соболие. Та же и самъ Иоасафъ,[17] сего царя сынъ, како царство оставя и до тоя Синаридския пустыни пѣшьшествова, и ризы царьския премени власяницею и многия напасти претерпѣ, имже николи же обыкъ, и како божественнаго Варлама достиже, и како с нимъ поживе — царски ли или постнически? И кто бысть болий — царевъ ли сынъ или невѣдомый пустынникъ? И съ собою ли царевъ сынъ законъ принесе или по пустынникову закону поживе и после его? Множае насъ сами вѣсте. А много у него было и своихъ Шереметевыхъ. И Елизвой Ефиопъский[18] царь каково жестоко житие поживе? И Сава Сербъский како отца, и матерь, и братию, и род, и други вкупѣ же и царьство и с вельможами остави и крестъ Христовъ приятъ и каковы труды постничества показа? Таже и отец его Неманя, иже Симеонъ, и с материю его Мариею,[19] его для поучения, како оставя царство и багряница премениша ангельскимъ образомъ и кое утѣшение улучиша телесное, да небесную радость улучиша? Како же и великий князь Святоша,[20] преддержавый великое княжение Киевское, и пострижеся в Печерстемъ монастыри и пятьнадесятъ лѣтъ во вратарѣхъ бысть и всѣмъ работаше знающимъ его, имиже преже самъ владяше? И да толики срамоты Христа ради не отвержеся, яко и братиямъ его негодовати нань, своей державѣ того ради укоризну себѣ вменяху, но ниже сами, ниже нарѣчие инѣми к нему посылающе, не могоша его отвратити от таковаго начинания до дне преставления его. Но и по преставлении его, от стула древянаго, на немже седѣше у вратъ, бѣси прогоними бываху. Тако святии подвизахуся Христа ради, а у всѣхъ тѣхъ свои Шереметевы и Хабаровы были. А Игнатия блаженнаго патриарха Цариграда,[21] царева же сына бывша, егоже в заточении замучи Варда кесарь, обличения ради, подобно Крестителю, понеже бо той Варда живяше с сыновней женою, — гдѣ сего праведнаго положиши?

А коли жестоко в черньцехъ, ино было жити в боярехъ, да не стричися. Доселе, отцы святии, моего к вамъ безумнаго суесловия отвѣщание мала изрекохъ вам, понеже в Божественомъ Писании о всемъ о семъ сами множае насъ окаянныхъ вѣсте. И сия малая изрекохъ вамъ понеже вы мя понудисте. Годъ уже равенъ, какъ былъ игуменъ Никодимъ на Москвѣ, отдуху нѣть, таки Собакинъ да Шереметевъ! А я имъ отецъ ли духовный или начальникъ — какъ себѣ хотятъ, такъ живутъ, коли имъ спасение души своея не надобетъ. Но доколе молвы и смущения, доколе плища и мятежа, доколе рети и *шепетания,* и суесловия, чесо ради? Злобѣснаго ради пса Василья Собакина, иже не токмо не вѣдуще иноческаго жития, но ни видяща, яко есть чернецъ, не токмо инокъ,[22] еже есть велико. А сей и платья не знаетъ, не токмо жительства. Или бѣсова для сына Иоанна Шереметева? Или дурака для и упиря Хабарова? Воистинну, отцы святии, нѣсть сии черньцы, но поругатели

иноческому житию. Или не вѣсте Шереметева отца Василия?[23] Веть его бѣсомъ звали! И какъ постригся, да пришелъ к Троицы в Сергиевъ монастырь, да снялся с Курцовыми,[24] Асафъ, что былъ митрополитъ, тотъ с Коровиными. Да межь себя бранитца, да оттоле се имъ и почалося. И в каково простое житие достиже святая та обитель, всѣмъ, разумъ имущимъ видѣти, видимо.

А дотоле у Троицы было крѣпко житие[25] и мы се видѣхомъ. И при нашемъ приѣздѣ потчивают множество, а сами чювственны пребываютъ. А во едино время мы своима очима видели в нашь приѣздъ. Князь Иоаннъ былъ Кубенской у насъ дворецкой. Да у насъ кушание отошло приезжее, а всенощное благовѣстятъ. И онъ похотѣлъ тутъ поѣсти да испити — за жажду, а не за прохладъ. И старецъ Симанъ Шюбинъ и иныя с нимъ не от большихъ, а большия давно отошли по кѣлиамъ, и они ему о томъ какъ бы шютками молвили: «Князь Ивансу, поздо, уже благовѣстятъ». Да се сь сидячи у поставца с конца ѣсть, а они з другово конца отсылаютъ. Да хватился хлебнуть испити, ано и капельки не осталося, все отнесено на погребъ. Таково было у Троицы крѣпко, да то мирянину, а не черньцу! А и слышахъ от многихъ, яко и таковы старцы во святомъ томъ мѣсте обрѣталися: въ приѣзды бояръ нашихъ и велможъ ихъ подчиваху, а сами никакоже ни к чему касахуся, аще и вельможи ихъ нужаху не в подобно время, но аще и в подобно время, и тогда мало касахуся. В древняя же времена в томъ святомъ мѣсте сего дивнѣйше слышахъ. Нѣкогда пришедши преподобному Пафнутию чюдотворцу живоначальной Троици помолитися и к чюдотворцову Сергиеву гробу и ту сущей братии бесѣды ради духовной, бесѣдовавшимъ имъ и оному отоити хотящу, они же ради духовныя любви и за врата провожаху преподобнаго. И тако воспомянувше завѣтъ преподобнаго Сергия, яко за ворота не исходити, и вкупѣ и преподобнаго Пафнотия подвигше на молитву. И о семъ молитвовавше и тако разыдошася. И сея ради духовныя любви, тако святии отеческия заповѣди не презираху, а не телесныя ради страсти! Такова бысть крѣпость во святомъ томъ мѣсте древле. А нынѣ грѣхъ ради нашихъ хуже и Пѣсноши,[26] какъ дотудова Пѣсношь бывала.

А вся та слабость от начала учинилася от Василия от Шереметева подобно иконоборцомъ в Цариграде, царемъ Льву Исавру и сыну его Констянтину Гноетезному. Понеже Левъ точию сѣмена злочестия посѣя, Констянтинъ же всего царствующаго града во всякомъ благочестии помрачи. Тако и Васиянъ Шереметевъ у Троицы в Сергиеве монастырѣ, близ царствующаго града, постническое житие своимъ злокозньствомъ испроверже. Сице и сынъ его Иона тщится погубити послѣднее свѣтило, равно с солньцемъ сияющее, и душамъ совершенное пристанище спасения, в Кириловѣ монастырѣ, в самой пустыни, постническое житие искоренити. А и в миру тотъ Шереметевъ с Висковатымъ первыя не почели за кресты ходити.[27] И на то смотря всѣ не почали ходити. А дотудова все православное християньство и зъ женами и со младенцы за кресты ходили и не торговали того дни, опричь съестного, ничѣмъ, а хто учнетъ торговати, и на томъ имали заповѣди. А то все благочестие погибло от Шереметевыхъ. Таковы тѣ Шереметевы! И намъ видится, что и в Кириловѣ по тому же хотятъ благочестие потребити. А будетъ хто речетъ, что мы на Шереметевыхъ

гнѣвомъ то чинимъ или Собакиныхъ для, ино свидѣтель Богъ и пречистая Богородица, и чюдотворецъ Кирилъ, что монастырьскаго для чину и слабости для говорю.

Слышалъ есми у васъ же в Кириловѣ свѣчи не по уставу были по рукамъ братии на празникъ — ини и тутъ служебника смиряли. А Асафъ митрополитъ не могъ уговорити Алексия Айгустова, чтобы поваровъ прибавити передъ чюдотворцовымъ, какъ при чюдотворце было немного, да не могли на то привести. Да и иныхъ много вещей крѣпостныхъ и у васъ в монастырѣ творилося и за малые вещи прежние старцы стояли и говорили. А коли мы первое были в Кириловѣ въ юности,[28] и мы поизпоздали ужинати, занеже у васъ в Кириловѣ в лѣтнюю пору не знати дня с ночию, а иное мы юностнымъ обычаемъ. А в тѣ поры подкеларникъ былъ у васъ Исайя Немой. Ино хто у насъ у ѣствы сидѣлъ, и попытали стерьлядей, а Исайи в тѣ поры не было, былъ у себя в кѣлии, и они едва его с нужею привели и почалъ ему говорити, хто у насъ в тѣ поры у ѣствы сидѣлъ, о стерлядѣхъ и о иной рыбѣ. И онъ отвѣчалъ такъ: «О томъ, осу, мнѣ приказу не было, а о чомъ мнѣ былъ приказъ и язъ то и приготовилъ, а нынѣ ночь, взяти нѣгде. Государя боюся, а Бога надобе больши того боятися». Етакова у васъ и тогда была крѣпость, по пророку глаголющему: «Правдою и предъ цари не стыдяхся».[29] О истиннѣ сия есть праведно противу царей вѣщати, а не инако. А нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ в кѣлии что царь, а Хабаровъ к нему приходитъ, да и иныя черньцы, да едятъ, да пиютъ, что в миру. А Шереметевъ нивѣсти съ свадьбы, нивести с родинъ розсылаетъ по кѣлиямъ пастилы, коврижки и иныя пряныя составныя овощи, а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовыя всякия. А вы ему молчите о таковомъ великомъ пагубномъ монастырьскомъ бесчинии. Оставихъ глаголати, повѣрю вашимъ душамъ! А инии глаголютъ, будто де вино горячее потихоньку в кѣлию к Шереметеву приносили, ано по монастыремъ и фряские вина зазоръ, не токмо что горячие. Ино то ли путь спасения, то ли иноческое пребывание? Али было нѣчимъ вамъ Шереметева кормити, что у него особныя годовыя запасы были? Милыя мои, доселе многия страны Кириловъ препитывалъ и в гладныя времена, а нынѣ и самѣхъ васъ в хлѣбное время толико бы не Шереметевъ перекормилъ, и вамъ бы всѣмъ з голоду перемерети. Пригоже ли такъ Кирилову быти, какъ Иасафъ митрополитъ у Троицы с крылошаны пировалъ или какъ Мисайло Сукинъ в Никитцкомъ и по инымъ мѣстомъ, якоже вельможа нѣкий жилъ, и какъ Иона Мотякинъ и инии мнози таковы же, которыя не любятъ на собѣ начала монастырскаго держати, живутъ? А Иона Шереметевъ таково же хочетъ без начала жити, какъ и отецъ его без начала былъ. И отцу его еще слово, что неволею от бѣды постригся. Да и тутъ Лѣствичникъ написалъ: «Видѣхъ азъ неволею постригъшихся, и паче вольныхъ исправившихся». Да то от невольныхъ! А Иону ведь Шереметева нехто в зашеекъ билъ, про что такъ безчиньствуетъ?

И будетъ такия чины пригоже у васъ, то вы вѣдаете, Богъ свидѣтель, монастырьскаго для безчиния говорилъ. А што на Шереметевыхъ гнѣвъ держати, ино ведь есть его братия в миру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опала своя положити, а надъ черньцомъ что опалитися или поругатися. А буде хто молвитъ, что про Собакиныхъ, и мнѣ про Собакиныхъ нѣ про что

кручинится. Варламовы племянники[30] хотѣли были меня и з дѣтьми чародѣйствомъ извести, и Богъ меня от нихъ укрылъ: ихъ злодѣйство объявилося и по тому и сталося. И мнѣ про своихъ душегубцовъ нѣ про што мстить. Одно было ми досадно, что есте моего слова не подержали. Собакинъ приѣхалъ с моимъ словомъ, и вы его не поберегли, да еще моимъ имянемъ и поносили, чему судъ Божий произшелъ быти. Ано было пригоже нашего для слова и насъ для его дурость и покрыти, да вкратцѣ учинити. А Шереметевъ о себѣ приѣхалъ, и вы того чтете и бережете. Ино уже не Сабакину ровно, моего слова больши Шереметев; Собакинъ моего для слова погибъ, а Шереметевъ о себѣ воскресъ. Про что Шереметева для годъ равенъ мятежь чинити, да токою великою обителию волновати? Другой на васъ Селивестръ наскочилъ,[31] а однако его семьи. И што было про Собакина для моего слова на Шереметевыхъ мнѣ гнѣвно, ино то въ миру отдано. А нынѣ воистинну монастырьскаго для безчиния говорилъ. А не было бы страсти, ино было и Собакину с Шереметевымъ нѣ про што бранитися. Слышахъ нѣ от коего брата вашея же обители безумныя глаголы глаголюща, яко Шереметеву с Собакинымъ давная мирская вражда есть. Ино то ли путь спасения и ваше учительство, что пострижениемъ прежния вражды не разрушити? Какоже отрещися мира и вся, яже суть в мирѣ, и со отъятиемъ власъ и долу влекущая мудрования соотрѣзати, апостолу же повелѣвшу «во обновлении живота шествовати»[32]? По Господню же словеси: «Оставите любострастныхъ мертвыхъ погребсти любострастия, яко же своя мертвеца. Вы же шедше возвѣщайте царствие Божие».[33]

И только пострижениемъ вражды мирския не разрушити, ино то и царства, и боярьства, и славы некоея мирския отложити, но кто былъ великъ в бѣльцѣхъ, тотъ и в черньцехъ. Ино то по тому же быти в царствии небесномъ: кто здѣсе богатъ и великъ, тотъ и тамъ богатъ и великъ будетъ? Ино то Махметова прелесть и какъ онъ говорилъ, у кого здѣсе богатьства много, тотъ и тамъ будетъ богатъ, кто здѣсе великъ и честенъ, тотъ и тамо, и ина много блядословилъ. Ино то ли путь спасения, что в черньцехъ бояринъ боярьства не състрижетъ, а холопъ холопъства не избудетъ? Да како апостолово слово: «Нѣсть еллинъ и скифъ, рабъ и свободъ, вси едино есте о Христѣ»?[34] Да како едино, коли бояринъ по старому бояринъ, а холопъ по старому холопъ? А Павелъ како Анисима Филимону братомъ нарече, его существенаго раба?[35] А вы и чюжихь холопей къ бояромъ не ровняете. А в здѣшнихъ монастырехъ равеньство и по се время держалося — холопемъ и бояромъ, и мужикомъ торговым. И у Троицы при отцѣ нашемъ келарь былъ Нифонтъ, Ряполовскаго холопъ, да з Бѣльскимъ з блюда едалъ, а на правомъ крылосе Лопотало да Варламъ невѣсти кто, а княжь Александровъ сынъ Васильевича Оболеньскаго Варламъ на лѣвомъ. Ино смотри же того, коли былъ путь спасения, холопъ з Бѣльскимъ ровенъ, а князя доброва сынъ с страдники сверстанъ. А и передъ нашима очима Игнатей Курачевъ, белозерецъ, на правомъ крылосе, а Федоритъ Ступишинъ на лѣвомъ, да ничимъ былъ от крылошанъ не отлученъ. Да и инде много того было и доселе. А в Правилехъ великаго Василия написано есть: «Аще чернецъ хвалится при людехъ, яко добра роду есмь, и родъ имый, да постится 8 дней, а поклоновъ по 80 на день». А нынѣ то и слово: «Тотъ великъ, а тотъ того больши», — ино то и братьства нѣтъ. Ведь коли ровно, ино то и братьство, а коли не ровно,

которому братьству быти, ино то иноческаго жития нѣтъ! А нынѣ бояре по всѣмъ монастыремъ то испразнили своимъ любострастиемъ. Да и еще реку и сего страшнѣе: како рыболовъ Петръ и поселянинъ Богословъ и станутъ судити богоотцу Давиду, о немже рече Богъ, яко «обрѣтохъ мужа по сердцу Моему», и славному царю Соломону, иже Господь глагола, яко «под солнцемъ нѣсть такова украшена всякимъ царьскимъ украшениемъ и славою», и великому святому царю Констянтину, и своимъ мучителемъ, и всѣмъ сильнымъ царемъ, обладавшимъ вселенною? Дванадесять убогихъ учнуть судити всѣмъ тѣмъ. Да и еще и сего страшнѣйше: рождьшая без сѣмени Христа Бога нашего и в рожденыхъ женами болий Креститель Христовъ, тѣ учнутъ предстояти, а рыболови учнутъ на 12 престолу седѣти и судити всей вселеннѣй. А Кирила вамъ своего тогды какъ с Шереметевымъ поставити — которого выше? Шереметевъ постригся из боярства, а Кирило и в приказе у государя не былъ![36] Видите ли куда васъ слабость завела? По апостолу Павлу: «Не льститеся, тлятъ бо обычая благи бесѣды злыя».[37] Не глаголи никтоже студныя сия глаголы, яко «только намъ з бояры не знатся — ино монастырь без даяния оскудѣетъ». Сергей, и Кирилъ, и Варламъ, и Димитрий, и ини святии мнози не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители ихъ распространилися: благочестиемъ монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ. У Троицы в Сергиеве благочестие иссякло и монастырь оскудѣлъ: ни пострижется нихто и не дастъ нихто ничего. А на Сторожѣхъ[38] до чего допили? Тово и затворити монастыря нѣкому, по трапезѣ трава ростетъ. А и мы видали братии до осмидесятъ бывало, а крылошанъ по одиннацати на крылосѣ было: благочестия ради болми монастыри распространяются, а не слабости ради. (...)

Сия убо написахомъ мало от многа. Аще хощете высочайши сего вѣдѣти, и вы сами больши насъ вѣсте, и много въ Божественомъ Писании семъ обрящете. И будетъ помните то, что язъ Варлама из монастыря взялъ, ево жалуючи, а на васъ кручиняся, ино Богъ свидѣтель, никако же иного ничего для, развее того для велѣли есмя ему быти у себя — какъ пришла волна та, а вы к намъ немного извѣстили, и мы Варлама приказали про его безчиние посмирити по монастырскому чину. А племянники его намъ сказывали, что ему от васъ для Шереметева утѣснение велико. А еще Собакиныхъ пред нами и тогды измѣны не было. И мы жалуючи ихъ, велѣли есмя Варламу у себя быти, а хотѣли есмя его распросити, за что у нихъ вражда учинилася, да и понаказати его хотѣли, чтобы в терпѣнии былъ, что будетъ ему от васъ скорбно, занеже инокомъ подобаетъ скорбьми и терпѣниемъ спастися. И зиму сь по него потому не послали, что намъ походъ учинился в Немецкую землю.[39] И какъ мы ис походу пришли, и по него послали, и его розпрашивали, и онъ заговорилъ вздорную — на васъ доводити учалъ, что будто вы про нас негоряздо говорите со укоризною. И язъ на то плюнулъ и его бранилъ. И онъ уродъствуетъ, а сказывается правъ. И язъ спрашивалъ о его жительствѣ, и онъ заговорилъ невѣсть что, не токмо что не знаючи иноческаго жития или платия, и того не вѣдаетъ, что на семъ свѣте есть черньцы, да хочетъ жити и чести себѣ по тому же какъ в миру. И мы видя его сотониньское разжение любострастное, по его неистовому любострастию, в любострастное житие и отпустили жити. А то самъ за свою душю отвещаетъ, коли не ищетъ своей души спасения.

А к вамъ есмя его не послали воистинну по тому не хотя себя кручинити, а васъ волновати. А ему добрѣ хотѣлося к вамъ. А онъ, мужикъ очюнной, вретъ и самъ себе не вѣдаетъ что. А и вы не гораздо доспѣли, его прислали кабы ис тюрмы, да старца соборново кабы приставъ у него. А онъ пришелъ кабы нѣкоторой государь. А вы с нимъ прислали к намъ поминъки, да еще ножи, кабы не хотя намъ здоровья. [40] Что с такою враждою сотонинъскою поминъки к нам посылати? Ано было его отпустити, а с нимъ отпустити молодыхъ черньцовъ, а поминъковъ было в томъ кручинномъ дѣле непригоже посылати. А ведь соборной онъ старецъ ни прибавилъ, ни убавилъ ничево, его не умѣлъ уняти; что захотѣлъ, то вралъ, а мы чего захотѣли, того слушали, — соборной старецъ не испортилъ, ни починилъ ничего. А Варламу есмя не повѣрили ни в чемъ.

А то есмя говорили, Богъ свидѣтель и Пречистая и чюдотворецъ, монастырьскаго для безчиния, а не на Шереметева гнѣваючися. А будетъ хто молвитъ, что такъ жестоко, ино су совѣтъ дати, по немощи сходя, что Шереметевъ без хитрости боленъ, и онъ ежь в кѣльи да одинъ с келейникомъ. А сходъ к нему на что, да пировати, а овощи в кѣльи на што? Досюдова в Кириловѣ и иглы было и нити лишние в кѣльи не держати, не токмо что иныхъ вещей. А дворъ за монастыремъ, да и запасъ на что? То все беззаконие, а не нужа. А коли нужа, и онъ ѣжь в кѣлии какъ нищей: крому хлѣба да звено рыбы, да чаша квасу. А сверхъ того коли вы послабляете, и вы давайте колько хотите, только бы ѣлъ одинъ, а сходовъ бы да пировъ не было, какъ преже сего у васъ же было. А кому к нему приити бесѣды ради духовныя, — и онъ приди не в трапезное время, ѣствы бы и пития в тѣ поры не было, ино то бесѣда духовная. А что пришлютъ братия поминковъ, и онъ бы отсылалъ в монастырьския службы, а у себя бы в кѣлии никакихъ вещей не держалъ. А что к нему пришлютъ, то бы розделяли на всю братию, а не двема, ни трема по дружбѣ и по страсти. А чего мало, ино держати на время, а иное что пригоже, ино и его тѣмъ покоити. А вы бы его в кѣлии и монастырскимъ всѣмъ покоили, только бы что безстрастно было. А люди бы его за монастыремъ не жили. А и приѣдутъ от братии з грамотою или з запасомъ и с поминъки, и они поживи дни два-три, да отписку взявъ, да поѣдь прочь, — ино такъ ему покойно, а монастырю безмятежно.

Слыхали есмя еще малы, что такая крѣпость у васъ же была, да и по инымъ монастыремъ, гдѣ о Бозѣ жительство имѣли. И мы сколько лутчего знали, то и написали. А нынѣ есте прислали к намъ грамоту, а отдуху от васъ нѣтъ о Шереметеве. А написано что говорилъ вамъ нашимъ словомъ старецъ Антоней о Ионѣ о Шереметеве, да о Аасафе Хабарове, чтобы ѣли в трапезѣ з братиею. И я то приказывалъ монастырьскаго для чину, и Шереметевъ себѣ поставилъ кабы во опалу. И я сколько уразумѣлъ, и что слышалъ, какъ дѣлалося у васъ и по инымъ крѣпкимъ монастыремъ, и я то и написалъ, повыше сего, какъ ему жити покойно в кѣлии, а монастырю безмятежно будетъ, — добро и вы по тому учините ему покой. А потому ли вамъ добрѣ жаль Шереметева, что жестоко за него стоите, что братия его и нынѣ не престанутъ в Крымъ посылать, да бесерменьство на христианьство наводити?[41]

А Хабаровъ велить мнѣ себя переводити в ыной монастырь, и яз ему не ходатай скверному житию. Али уже больно *надокучило!* Иноческое житие — не игрушка. Три дни в черньцехъ, а семой монастырь! Да коли былъ в миру, ино образы окладывати, да книги оболочи бархаты, да застѣшки и жюки серебряны, да налои избирати, да жити затворяся, да кѣльи ставити, да четки в рукахъ, а нынѣ з братьею вмѣсте ѣсти лихо! Надобе четки не на скрижалехъ каменныхъ, но на скрижалехъ сердецъ плотянъ! Я видалъ по четкамъ матерны лаютъ! Что в тѣхъ четкахъ? И о Хабарове мнѣ нѣчего писати, какъ себѣ хочетъ, такъ дуруетъ. А что Шереметевъ сказываетъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома: ино ведь не всѣхъ леженекъ для разорити законы святыя.

Сия мала от многихъ изрекохъ вамъ любви ради вашея и иноческаго для жития, имже сами множае насъ вѣсте; аще хощете, обрящете много въ Божественомъ Писании. А намъ к вамъ болши того писати невозможно, да и писати нѣчего, уже конецъ моихъ словесъ к вамъ. А впередъ бы есте о Шереметеве и о иныхъ о безлѣпицахъ намъ не докучали: намъ о томъ никако отвѣту не давати. Сами вѣдаете, коли благочестие не потребно, а нечестие любо! А Шереметеву хоти и золотыя сосуды скуйте и чинъ царской устройте, — то вы вѣдаете. Уставьте с Шереметевымъ свое предание, а чюдотворцово отложите, будетъ такъ добро. Какъ лутче, такъ дѣлайте! Сами вѣдаете, какъ себѣ с нимъ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ! Впередъ о томъ не докучайте: воистинну ни о чемъ не отвѣчивати. А что весну сь к вамъ Собакины от моего лица злокозненную прислали грамоту, и вы бы с нынешнимъ моимъ писаниемъ сложили и по слогнямъ разумѣли, и по тому впередъ безлѣпицамъ вѣрили.

Богъ же мира и пречистыя Богородицы милость и чюдотворца Кирила молитвы буди со всѣми вами и нами. Аминь. А мы вамъ, господие мои и отцы, челомъ биемъ до лица земнаго.

---

[1] *...игумену Козмѣ...* — Козма стал игуменом Кириллова монастыря с сентября 1572 г.

[2] *Азъ братъ вашъ... наемникъ своихъ...* — Ср. Лк. 15, 19.

[3] *«Надеяй же ся... досаждаеши?»* — Рим. 2, 19—23.

[4] *«Егда како неключим буду?»* — 1 Кор. 9, 27.

[5] *Понеже помните... егда нѣкогда прилучися нѣкоимъ нашимъ приходомъ к вамъ...* — Видимо, в одну из поездок 1564—1572 гг.

[6] *...Маккавѣи... Елеазар... Златаустъ...* — Отстаивая необходимость стойкости в соблюдении заветов Кирилла Белозерского, Иван IV приводит примеры из 1-й и 2-й книг Маккавеев и из жития Иоанна Златоуста, византийского церковного деятеля, константинопольского

патриарха в IV—начале V в. н. э., которое было знакомо царю по одному из популярнейших церковных памятников XVI в. — Великим Минеям Четьям (ноябрь).

[7] *...Анна и Каияфа — Шереметевъ и Хабаровъ...* — Иван Васильевич Большой-Шереметев — один из выдающихся политических и военных деятелей 50-х гг. В 1564 г., подозреваемый в измене, был арестован, а затем пострижен в Кирилло-Белозерский монастырь. Казнен ок. 1573 г. Иван Иванович Хабаров — боярин, насильно постриженный в Кирилловом монастыре; Курбский причислял его к числу жертв Ивана IV, но дата его смерти неизвестна. Обвиняя Шереметева и Хабарова в неблагочестивом поведении, царь сравнивает их с библейскими первосвященниками, гонителями Христа — Анной и Кайафой.

[8] *...Варламъ Сабакинъ...* — Речь идет, очевидно, о родиче одной из жен Ивана IV, Марфы Собакиной, Василии-Варлааме Собакине, постриженном после смерти Марфы в 1572 г. в Кирилловом монастыре, — неизвестно, был ли это ее отец Василий Большой или дядя Василий Меньшой.

[9] *Василий Амасийский* — великомученик IV в., епископ г. Амасии в Передней Азии, казнен при преследователе христиан императоре Ликинии, его послания в славянской письменности в настоящее время неизвестны.

[10] *...Сергие, и Кирилъ, и Варламъ, Димитрей и Пафнотей...* — Основатели крупнейших монастырей того времени — Сергий Радонежский (XIV в.), Кирилл Белозерский (конец XIV—начало XV в.), Варлаам Хутынский (XII в.), Дмитрий Прилуцкий (XIV в.) и Пафнутий Боровский (XV в.).

[11] *...на Симонове...* — В московском Симонове монастыре, на окраине города.

[12] *...у Чюда...* — В Чудовом монастыре в Кремле.

[13] *...надъ Воротыньскимъ церковь есть поставили...* — Речь идет о приделе к главному храму кирилловского Успенского монастыря, в 1555 г. построенном вдовой воеводы князя В. И. Воротынского над его могилой.

[14] *...у Дионисия преподобнаго на Глушицахъ...* — Дионисиев Глушицкий монастырь вблизи Вологды.

[15] *...у... Александра на Свири...* — Александро-Свирский Троицкий монастырь вблизи Олонца.

[16] *«Нужно бо есть... приходитъ».* — Мф. 18, 7.

[17] *...вельможа Авенира царя индѣскаго... и самъ Иоасафъ...* — Персонажи из популярной в Древней Руси переводной повести о Варлааме и Иоасафе (см. наст. изд., т. 2.).

[18] *Елизвой Ефиопьский* — эфиопский царь (негус) Элесбоа, по легенде, сохранившейся в Великих Минеях Четьях, принял монашество после победы над царем-иудеем Дунасом (Зу-Нувасом) и жил в монашестве чрезвычайно суровой жизнью.

[19] *...Сава Сербьский... отец его Неманя... с материю его Мариею...* — Савва — славянский святой, сын сербского царя Стефана-Немани, принял монашество в юности, был архиепископом Сербии; Стефан-Неманя под влиянием сына отрекся от престола и постригся в монахи под именем Симеона в 1195 г.

[20] *...великий князь Святоша...* — Черниговский князь начала XII в. Святослав Давидович; рассказ о Святоше содержится в Киево-Печерском патерике (наст. изд., т. 4.).

[21] *...Игнатия блаженнаго патриарха Цариграда...* — Речь идет о патриархе константинопольском Игнатии (IX в.), сыне императора Михаила I Рангава (ср. Хронограф — *ПСРЛ,* XXII. С. 344—345).

[22] *...ни видяща, яко есть чернецъ, не токмо инокъ...* — Подчеркивая, что инок выше чернеца, Иван IV обозначает, очевидно, этими терминами две степени монахов, имея в виду под чернецами «новоначальных» (монахов, не имеющих степени), а под иноками — «малосхимников» (первая степень монашества; признаком малосхимников являлась мантия).

[23] *...Шереметева отца Василия?* — Отец И. В. Шереметева постригся в Троице-Сергиевом монастыре (под именен Вассиана) между 1537 и 1539 гг., возможно в связи с борьбой партий в период «боярского правления».

[24] *...снялся с Курцовыми...* — Слово «снятися» («сънятися», «съятися») могло иметь различный, иногда прямо противоположный смысл: «собраться», «сочетаться», «сойтись», «съехаться» и также «вступить в бой», «сразиться». Возможно, что в борьбе, раздиравшей Троицкий монастырь, Шереметев выступал совместно с Курцевыми, а митрополит Иоасаф с Коровиными.

[25] *А дотоле у Троицы было крѣпко житие...* — Иван IV вспоминает свои поездки в Троицкий монастырь в 1544 или 1545 г.

[26] *Пѣсношъ* — Песношский Никольский монастырь находился недалеко от г. Дмитрова.

[27] *...тотъ Шереметевъ с Висковатымъ первыя не почели за кресты ходити.* — И. М. Висковатый — государственный дьяк и печатник, один из выдающихся политических деятелей времени Грозного — достиг значительного влияния еще при «Избранной раде» и сохранил это влияние и во время опричнины; в 1570 г. Висковатый был казнен Грозным при не вполне ясных обстоятельствах. Отказ участвовать в крестных ходах, возможно, стоит в какой-то связи с религиозными «сумнениями», заявленными Висковатым в 1554 г., когда он «вопил на

весь народ», протестуя против новых церковных росписей и икон, введенных Сильвестром под покровительством Макария.

[28] *А коли мы первое были в Кириловѣ въ юности...* — Имеется в виду, очевидно, поездка в Кириллов монастырь 1545 г.

[29] *«Правдою и... не стыдяхся».* — Пс. 118, 46.

[30] *Варламовы племянники...* — Очевидно, казненные Иваном III Калист, Степан и Семен Собакины.

[31] *Другой на васъ Селивестръ наскочилъ...* — Намек, очевидно, на то, что руководство монастыря, подобно Сильвестру, претендует на роль руководителя и наставника при царе.

[32] *«во обновлении живота шествовати».* — Рим. 6, 4.

[33] *«Оставите... царствие Божие».* — Ср. Лк. 9, 60.

[34] *«Нѣсть еллинъ... о Христѣ»?* — К 3, 11.

[35] *А Павел... раба?* — См. Флм. 1, 8—16.

[36] *...а Кирило и в приказе у государя не былъ!* — Кирилл Белозерский до основания монастыря, в конце XIV в., был казначеем у своего дальнего родственника, московского окольничего Вельяминова.

[37] *«Не лъститеся... бесѣды злыя».* — 1 Кор. 15, 33.

[38] *А на Сторожѣхъ...* — Имеется в виду Саввин Сторожевский монастырь вблизи Звенигорода.

[39] *...походъ учинился в Немецкую землю.* — Речь идет, очевидно, о походе в шведскую Ливонию в 1573 г.

[40] *...поминъки, да еще ножи, кабы не хотя намъ здоровья.* — Преподнесение ножа в качестве «поминка» (подарка) считалось враждебным актом.

[41] *...что братия его и нынѣ не престануть в Крымъ посылать, да бесерменьство на христианъство наводити?* — Речь идет, очевидно, о братьях Ивана-Ионы Шереметева — Иване Меньшом и Федоре. В протоколе допроса двух русских пленников, вернувшихся из Крыма в середине 70-х гг., Иван и Федор обвинялись в тайных сношениях с Крымом.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РУСИ В КИРИЛЛОВ МОНАСТЫРЬ ИГУМЕНУ КОЗЬМЕ С БРАТИЕЮ ВО ХРИСТЕ

В пречестную обитель Успения пресвятой и пречистой Владычицы нашей Богородицы и нашего преподобного и богоносного отца Кирилла-чудотворца, священного Христова полка наставнику, проводнику и руководителю на пути в небесные селения, преподобному игумену Козьме с братиею во Христе царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси челом бьет.

Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! Кто я такой, чтобы покушаться на такое величие? Молю вас, господа и отцы, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Я и братом вашим называться не достоин, но считайте меня, по евангельскому завету, одним из ваших наемников. И поэтому, припадая к вашим святым ногам, умоляю, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Сказано ведь в Писании: «Свет инокам — ангелы, свет мирянам — иноки». Так подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости и находящихся в смертной обители обманчивого тщеславия, чревоугодия и невоздержания, просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить, и чему наставлять, и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, хищениях и ненависти, во всяком злодействе, как говорит великий апостол Павел: «Ты уверен, что ты путеводитель слепым, свет для находящихся во тьме, наставник невеждам, учитель младенцам, имеющий в законе образец знания и истины: как же, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? Говоря «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь; гнушаясь идолов, святотатствуешь; хвалишься законом, а нарушением его досаждаешь Богу?» И опять тот же великий апостол говорит: «Как, проповедуя другим, сам останусь недостойным?»

Ради Бога, святые и преблаженные отцы, не принуждайте меня, грешного и скверного, плакаться вам о своих грехах среди лютых треволнений этого обманчивого и преходящего мира. Как могу я, нечистый и скверный и душегубец, быть учителем, да еще в столь многомятежное и жестокое время? Пусть лучше Господь Бог, ради ваших святых молитв, примет мое писание как покаяние. А если хотите, есть у вас дома учитель, великий светоч Кирилл, гроб которого всегда перед вами и от которого всегда просвещаетесь, и великие подвижники, ученики Кирилла, а ваши наставники и отцы по восприятию духовной жизни, вплоть до вас, и устав великого чудотворца Кирилла, по которому вы живете. Вот у вас учитель и наставник, у него учитесь, у него наставляйтесь, у него просвещайтесь, будьте тверды в его заветах, да и нас, убогих духом и бедных благодатию, просвещайте, а за дерзость простите, Бога ради.

Ибо вы помните, святые отцы, как некогда случилось мне прийти в вашу пречестную обитель Пречистой Богородицы и чудотворца Кирилла и как совершилось по воле провидения, по милости Пречистой Богородицы и по молитвам чудотворца Кирилла, я обрел среди темных и мрачных мыслей небольшой просвет света Божия и повелел тогдашнему игумену Кириллу с некоторыми из вас, братия, тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мирского мятежа и смятения и обратившись к вашей добродетели; был тогда с игуменом Иоасаф, архимандрит каменский, Сергий Колычев, ты,

Никодим, ты, Антоний, а иных не упомню. И в долгой беседе я, грешный, открыл вам свое желание постричься в монахи и искушал, окаянный, вашу святость своими слабыми словами. Вы же мне описали суровую монашескую жизнь. И тогда я услышал об этой Божественной жизни, сразу же возрадовались мое скверное сердце с окаянной душою, ибо я нашел узду помощи Божьей для своего невоздержания и спасительное прибежище. С радостью я сообщил вам свое решение: если Бог даст мне постричься в благоприятное время и здоровым, совершу это не в каком-либо ином месте, а только в этой пречестной обители пречистой Богородицы, созданной чудотворцем Кириллом. И когда вы молились, я, окаянный, склонил свою скверную голову и припал к честным стопам тогдашнего игумена, вашего и моего, прося на то благословения. Он же возложил на меня руку и благословил меня на ту жизнь, о которой я упоминал, как и всякого человека, пришедшего постричься.

И кажется мне, окаянному, что наполовину я уже чернец; хоть и не совсем еще отказался от мирской суеты, но уже ношу на себе рукоположение и благословение монашеского образа. И, видя в пристанище спасения многие корабли душевные, обуреваемые жестоким смятением, не мог поэтому терпеть, отчаялся и о своей душе обеспокоился (ибо я уже ваш), и чтобы пристанище спасения не погибло, дерзнул сказать это.

И вы, мои господа и отцы, ради Бога, простите меня, грешного, за дерзость моих суетных слов. <...>

Прежде всего, господа мои и отцы, вы по Божьей милости и молитвами его пречистой матери и великого чудотворца Кирилла имеете у себя устав этого великого отца, действующий у вас до сих пор. Имея такой устав, мужайтесь и держитесь его, но не как рабского ярма. <...>

И вы, господа и отцы, стойте мужественно за заветы чудотворца и не уступайте в том, в чем вас просвещает Бог, пречистая Богородица и чудотворец, ибо сказано, что «свет инокам — ангелы и свет мирянам — иноки». И если уж свет станет тьмой, то в какой же мрак впадем мы — темные и окаянные! Помните, господа мои и святые отцы, что Маккавеи только из-за того, что не едят свиного мяса, почитаются наравне с мучениками за Христа; вспомните, как Елеазару сказал мучитель, чтобы он не ел свиное мясо, а только взял его в руку, чтобы можно было сказать людям, что Елеазар ест мясо. Доблестный же так на это ответил: «Восемьдесят лет Елеазару, а ни разу он не соблазнил людей Божьих. Как же ныне, будучи стариком, буду соблазном народу Израиля?» И так погиб. И божественный Златоуст пострадал от обидчиков, предостерегая царицу от лихоимства. Ибо не виноградник и не вдова были первой причиной этого зла, изгнания чудотворца, мук его и его тяжкой смерти вследствие изгнания. Это невежды рассказывают, что он пострадал за виноградник, а тот, кто прочтет его житие, узнает, что Златоуст пострадал за многих, а не только за виноградник. И с виноградником этим дело было не так просто, как рассказывают, но был в Царьграде некий муж в боярском сане, и про него наклеветали царице, что он поносит ее за лихоимство, она же,

объятая гневом, заточила его вместе с детьми в Селунь. Тогда он попросил великого Златоуста помочь ему; но тот не уговорил царицу, и все осталось, как было, там этот человек и скончался в заточении. Но царица, неутолимая в своем гневе, захотела убогий виноградник, который он оставил своей убогой семье для прокормления, хитростью отнять. И если святые из-за столь малых вещей принимали такие страдания, сколь же сильнее, мои господа и отцы, следует вам пострадать ради заветов чудотворца. Так же как апостолы Христовы шли за ним на распятие и умерщвление и вместе с ним воскреснут, так и вам подобает усердно следовать великому чудотворцу Кириллу, крепко держаться его заветов и бороться за истину, а не быть бегунами, бросающими щит и другие доспехи, но возьмитесь за оружие Божье, и да никто из вас не предаст заветов чудотворца, подобно Иуде, за серебро или, как сейчас, ради удовлетворения своих страстей. Ибо есть и у вас Анна и Кайафа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлаам Собакин, ибо он послан от царской власти, и есть Христос распинаемый — поруганные заветы чудотворца. Ради Бога, святые отцы, ведь если вы в чем-нибудь малом допустите послабление, оно обратится в великое.

Вспомните, святые отцы, что писал к некоему монаху великий святитель и епископ Василий Амасийский, и прочтите там, какого плача и огорчения достойны проступки ваших иноков и послабления им, какую радость и веселье они доставляют врагам и какой плач и скорбь верным! То, что там написано некоему монаху, относится и к вам, и ко всем, которые ушли от великой высоты мирских страстей и богатства в иноческую жизнь, и ко всем, которые воспитались в иночестве. <...>

Видите, как послабление в иноческой жизни достойно плача и скорби? Вы же ради Шереметева и Хабарова совершили такое послабление и преступили заветы чудотворца. А если мы по Божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдет, а монастыря уже и не будет. Зачем тогда идти в монахи и к чему говорить «отрекаюсь от мира и всего, что в нем есть», если мир весь в очах? Как в этом святом месте терпеть скорби и всякие напасти со всей братией и быть в повиновении у игумена и в любви и послушании у всей братии, как сказано в иноческом обете? А Шереметеву как назвать вас братиею? Да у него и десятый холоп, который у него в келье живет, ест лучше братии, которая обедает в трапезной. И великие светильники Сергий, и Кирилл, и Варлаам, и Дмитрий, и Пафнутий, и многие преподобные Русской земли установили крепкие уставы иноческой жизни, необходимые для спасения души. А бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы: выходит, что не они у вас постриглись, а вы у них постриглись, не вы им учители и законодатели, а они вам учители и законодатели. И если вам устав Шереметева хорош — держите его, а устав Кирилла плох — оставьте его! Сегодня тот боярин один порок введет, завтра другой иное послабление введет, да мало-помалу и весь крепкий монастырский уклад потеряет силу и пойдут мирские обычаи. Ведь во всех монастырях основатели сперва установили крепкие обычаи, а затем их уничтожили распутники. Чудотворец Кирилл был когда-то и в Симонове монастыре, а после него был там Сергий. Какие там были правила при чудотворце, узнаете, если прочтете его житие, а

тот ввел уже некоторые послабления, а другие после него — еще больше; мало-помалу и дошло до того, что сейчас, как вы сами видите, в Симоновом монастыре все, кроме сокровенных рабов Господних, только по одеянию иноки, а делается у них все, как у мирских, так же как в Чудовом монастыре, стоящем среди столицы перед нашими глазами, — у нас и у вас на виду. Были там архимандриты: Иона, Исак Собака, Михайло, Вассиан Глазатый, Авраамий, — при всех них был этот монастырь одним из самых убогих. А при Левкии он сравнялся всяким благочинием с великими обителями, мало в чем уступая им в чистоте монашеской жизни. Смотрите сами, что дает силу: послабление или твердость?

А над гробом Воротынского поставили церковь — над Воротынским-то церковь, а над чудотворцем нет, Воротынский в церкви, а чудотворец за церковью! Видно, и на Страшном суде Воротынский да Шереметев станут выше чудотворца: потому что Воротынский со своей церковью, а Шереметев со своим уставом, который крепче, чем Кириллов. Я слышал, как один брат из ваших говорил, что хорошо сделала княгиня Воротынская. А я скажу: нехорошо, во-первых, потому что это образец гордыни и высокомерия, ибо лишь царской власти следует воздавать честь церковью, гробницей и покровом. Это не только не спасение души, но и пагуба: спасение души бывает от всяческого смирения. А во-вторых, очень зазорно и то, что над ним церковь, а не над чудотворцем, которому служит всегда только один священник, а это меньше, чем собор. А если не всегда служит, то это совсем плохо; а остальное вы сами знаете лучше нас. А если бы у вас было церковное украшение общее, вам было бы прибыльнее и лишнего расхода не было бы — все было бы вместе и молитва общая. Думаю, и Богу это было бы приятнее. Вот ведь на наших глазах только в монастырях преподобного Дионисия в Глушицах и великого чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и эти монастыри по Божьей благодати процветают монашескими подвигами. А у вас дали сперва Иосафу Умному оловянную посуду в келью, потом дали Серапиону Сицкому, дали Ионе Ручкину, а Шереметеву — стол в келью, да и поварня своя. Дашь ведь волю царю — надо и псарю; дашь послабление вельможе — надо и простому. Не рассказывайте мне о том римлянине, который славился своими добродетелями и все-таки жил такой жизнью; то ведь не назначено было, а было по своей воле, и в пустыне было, недолго и без суеты, никого не соблазнило, ибо говорит Господь в Евангелии: «Трудно не поддаться соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит». Одно дело — жить одному, а другое дело — в общем житии.

Господа мои, отцы преподобные! Вспомните вельможу, описанного в «Лествице», — Исидора, прозванного Железным, который был князем Александрийским, а какого смирения достиг. Вспомните также и вельможу царя индийского Авенира, который явился на испытание, и какое одеяние на нем было, — ни кунье, ни соболье. А Иоасаф, сын этого царя: как он, оставив царство, пешком пошел до Синаридской пустыни, сменил царские одежды на власяницу и претерпел много бедствий, о которых раньше и не знал, и как он достиг божественного Варлаама, и какой жизнью стал жить вместе с ним — царской или отшельнической? Кто же был более велик — царский сын или

неведомый пустынник? Принес ли царский сын с собой свои обычаи или стал жить по обычаям пустынника даже и после его смерти? Вы сами знаете это гораздо лучше нас. А у него много было своих Шереметевых. А Елизвой, царь Эфиопский, какой суровой жизнью жил? А как Савва Сербский отца, и мать, и братьев, и родных, и друзей вместе со всем царством и с вельможами оставил и принял крест Христов и какие отшельнические подвиги совершил? А как отец его Неманя, он же Симеон, с матерью его Марией по его поучению оставили царство и сменили багряные одежды на одеяния ангельского чина и какое они обрели земное утешение и получили радость небесную? А как великий князь Святоша, владевший великим княжением Киевским, постригся в Печерском монастыре и пятнадцать лет был привратником и работал на всех, кто знал его и над кем он прежде сам властвовал? И не устыдился ради Христа такого унижения, из-за которого даже его братья вознегодовали на него. Они видели в этом унижение для своей державы, но ни сами, ни уговорами через других людей не могли отвратить его от этого дела до дня его кончины. И даже после его кончины к его деревянному стулу, на котором он сидел у ворот, бесы не могли подойти. Вот какие подвиги совершали эти святые во имя Христа, а ведь у всех них были свои Шереметевы и Хабаровы. А блаженный цареградский патриарх Игнатий, который тоже был сыном царя и был, подобно Иоанну Крестителю, замучен кесарем Вардой за обличение его преступлений, ибо Варда жил с женой своего сына, — с кем этого праведника сравнишь?

А если в монахах жить тяжело, надо было жить в боярах, а не постригаться. Вот то немногое, что я смог написать вам по моему безумию суетными словами, отцы святые, ибо вы все это в Божественном Писании знаете гораздо лучше нас, окаянных. Да и это немногое я сказал вам потому, что вы меня к этому принудили. Вот уже год, как игумен Никодим был в Москве, а отдыха все нет: все Собакин и Шереметев! Что я им, отец духовный или начальник? Пусть как хотят, так и живут, если им спасение своей души не дорого! Но до каких пор будут длиться эти разговоры и смуты, суета и мятеж, распри и нашептывания и празднословие? И из-за чего? Из-за злобесного пса Василия Собакина, который не только не знает правил иноческой жизни, но не понимает даже, что такое чернец, а тем более инок, что еще выше, чем чернец. Он даже в одежде монашеской не разбирается, не только в образе жительства. Или из-за бесова сына Иоанна Шереметева? Или из-за дурака и упыря Хабарова? Поистине, святые отцы, это не чернецы, а оскорбители монашеского образа. Не знаете вы разве отца Шереметева — Василия? Ведь его бесом звали! Как он постригся да пришел в Троице-Сергиев монастырь, так сошелся с Курцевыми, а Иоасаф, который был митрополитом, — с Коровиными. И начали они между собой браниться, тут все и началось. И в какое мирское житие впала эта святая обитель, видно всем, имеющим разум.

А до этого в Троице было крепкое житие, и мы сами это видели. Во время нашего приезда они потчевали множество людей, а сами только присутствовали. Однажды мы увидели это собственными глазами. Дворецким тогда у нас был князь Иоанн Кубенский. У нас кончилась еда, взятая в дорогу, а там уже благовестили к всенощной. Он и захотел

поесть и попить — из жажды, а не для удовольствия. А старец Симон Шубин и другие с ним, не из самых главных (главные давно разошлись по кельям), сказали ему, как бы шутя: «Сударь, князь Иван, поздно, уже благовестят». Сел он за еду — с одного конца стола ест, а они с другого конца отсылают. Захотел он попить, хватился хлебнуть, а уже ни капельки не осталось: все отнесено в погреб. Такие были крепкие порядки в Троице, — и ведь мирянину, не чернецу! А слышал я от многих, что были в этом святом месте и такие старцы, которые, когда приезжали наши бояре и вельможи, их потчевали, а сами ни к чему не прикасались, если вельможи их заставляли в неподобающее время, но даже в подобающее время, — и тогда едва прикасались. А про порядки, которые были в этом святом месте в древние времена, я слышал еще более удивительное: было это, когда в монастырь приходил преподобный чудотворец Пафнутий помолиться живоначальной Троице и гробу Сергия-чудотворца и вести духовную беседу с жившей там братией. Когда же он побеседовал и захотел уйти, они, из духовной любви к нему, проводили его за ворота. И тогда, вспомнив завет преподобного Сергия — не выходить за ворота, — все вместе, побудив и преподобного Пафнутия, стали молиться. И, помолившись об этом, затем разошлись. И даже ради такой духовной любви не пренебрегали святыми отеческими заповедями, а не то что ради чувственных удовольствий! Вот какие крепкие порядки были в этом святом месте в древние времена. Ныне же, за грехи наши, монастырь этот хуже Песношского, какой была Песношь в те времена.

А все это послабление начало твориться из-за Василия Шереметева, подобно тому как в Царьграде все зло началось от царей-иконоборцев Льва Исавра и его сына Константина Гноетезного. Ибо Лев только посеял семена злочестия, Константин же обратил царствующий град от благочестия к мраку. Так и Вассиан Шереметев в Троице-Сергиеве монастыре, близ царствующего града, своими кознями разрушил отшельническую жизнь. Так же и сын его Иона стремится погубить последнее светило, сияющее, как солнце, и уничтожить спасительное пристанище для душ, в Кирилловом монастыре, в самом уединенном месте, уничтожить отшельническую жизнь. Ведь этот Шереметев, когда он еще был в миру, вместе с Висковатым первыми не стали ходить с крестным ходом. А глядя на это, и все перестали ходить. А до этого все православные христиане, и с женами, и с младенцами, участвовали в крестном ходе и не торговали в те дни ничем, кроме съестного. А кто попробует торговать, с тех взымали пеню. И такое благочестие погибло из-за Шереметевых. Вот каковы Шереметевы! Кажется нам, что они и в Кирилловом монастыре таким же образом хотят истребить благочестие. А если кто заподозрит нас в ненависти к Шереметевым или в пристрастии к Собакиным, то свидетель Бог, и пречистая Богородица, и чудотворец Кирилл, что я говорю это ради монастырского порядка и искоренения послаблений.

Слышал я, что у вас в Кириллове монастыре на праздник были розданы братии свечи не по правилам, — они и тут чин службы подчинили. А прежде даже Иоасаф-митрополит не мог уговорить Алексия Айгустова, чтобы тот прибавил нескольких поваров к тому небольшому числу, которое было при чудотворце, даже это не мог установить. Немало и

других было в монастыре строгостей, и прежние старцы твердо стояли и настаивали даже на мелочах. А когда мы в юности впервые были в Кирилловом монастыре, как-то опоздали однажды ужинать из-за того, что у вас в Кириллове в летнюю пору не отличить дня от ночи, а также по юношеским привычкам. А в то время помощником келаря был у вас тогда Исайя Немой. И вот кто-то из тех, кто был приставлен к нашему столу, попросил стерлядей, а Исайи в то время не было — был он у себя в келье, и они с трудом его привели, и тот, кто был приставлен к нашему столу, спросил его о стерлядях или иной рыбе. А он так ответил: «Об этом, о судари, мне не было приказа; что мне приказали, то я вам и приготовил, а сейчас ночь, взять негде. Государя боюсь, а Бога надо больше бояться». Вот какие у вас тогда были крепкие порядки: «правду говорить и перед царями не стыдиться», как сказал пророк. Ради истины праведно и царям возражать, но не ради чего-либо иного. А ныне у вас Шереметев сидит в келье, словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят и пьют, словно в миру. А Шереметев, не то со свадьбы, не то с родин, рассылает по кельям пастилу, коврижки и иные пряные искусные яства, а за монастырем у него двор, а в нем на год всяких запасов. Вы же ему ни слова не скажете против такого великого и пагубного нарушения монастырских порядков. Больше и говорить не буду: поверю вашим душам! А то ведь некоторые говорят, будто и вино горячее потихоньку Шереметеву в келью приносили, — так ведь в монастырях зазорно и фряжские вина пить, а не только что горячие. Это ли путь спасения, это ли иноческая жизнь? Неужели вам нечем было кормить Шереметева, что ему пришлось завести особые годовые запасы? Милые мои! До сих пор Кириллов монастырь прокармливал целые области в голодные времена, а теперь, в самое урожайное время, если бы вас Шереметев не прокормил, вы бы все с голоду перемерли. Хорошо ли, чтобы в Кирилловом монастыре завелись такие порядки, которые заводил митрополит Иоасаф, пировавший в Троицком монастыре с клирошанами, или Мисаил Сукин, живший в Никитском и других монастырях, как вельможа, и как Иона Мотякин и другие многие, не желающие соблюдать монастырские порядки, живут? А Иона Шереметев хочет жить, не подчиняясь правилам, так же как отец его жил. Про отца его хоть можно было сказать, что он неволей, с горя постригся. Да и о таких Лествичник писал: «Видел я насильственно постриженных, которые стали праведнее вольных». Так те ведь невольные! А ведь Иону Шереметева никто взашей не толкал: чего же он бесчинствует?

Но если, может быть, такие поступки у вас считаются приличными, то дело ваше: Бог свидетель, я пишу это только, беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Гнев на Шереметевых тут ни при чем: у него ведь имеются братья в миру, и мне есть на кого положить опалу. Зачем же надругаться над монахом и возлагать на него опалу! А если кто скажет, что я ради Собакиных, так мне из-за Собакиных нечего беспокоиться. Варлаамовы племянники хотели меня с детьми чародейством извести, а Бог меня от них спас: их злодейство раскрылось, и из-за этого все и произошло. Мне за своих душегубцев мстить незачем. Одно только было мне досадно, что вы моего слова не послушались. Собакин приехал с моим поручением, а вы его не

уважили, да еще и поносили его моим именем, что и рассудилось судом Божиим. А следовало бы ради моего слова и ради нас пренебречь его дуростью и решить это дело побыстрее. А Шереметев приехал сам по себе, и вы потому его чтите и бережете. Это — не то что Собакин; Шереметев дороже моего слова; Собакин приехал с моим словом и погиб, а Шереметев — сам по себе, и воскрес. Но стоит ли ради Шереметева целый год устраивать мятеж и волновать такую великую обитель? Другой Сильвестр на вас наскочил: а, однако, вы одной с ним породы. Но если я гневался на Шереметевых за Собакина и за пренебрежение к моему слову, то за все это я воздал им еще в миру. Ныне же поистине я писал, беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Не было бы у вас в обители тех пороков, не пришлось бы и Собакину с Шереметевым браниться. Слышал я, как кто-то из братьев вашей обители говорил нелепые слова, что у Шереметева с Собакиным давняя мирская вражда. Так какой же это путь спасения и чего стоит ваше учительство, если и пострижение прежней вражды не разрушает? Так вы отрекаетесь от мира и от всего мирского и, отрезая волоса, отрезаете и унижающие суетные мысли, так вы следуете повелению апостола: «жить обновленной жизнью»? По Господню же слову: «Оставьте порочным мертвецам погребать свои пороки, как и своих мертвецов. Вы же, шествуя, возвещайте царство Божие».

И если уж пострижение не разрушает мирской вражды, тогда, видно, и царство, и боярство, и любая мирская слава сохранятся в монашестве, и кто был велик в бельцах, будет велик и в чернецах. Тогда уж и в царствии небесном так же будет: кто здесь богат и могуществен, будет и там богат и могуществен? Так ведь это лживое учение Магомета, который говорил: у кого здесь богатства много, тот и там будет богат, кто здесь в силе и славе, тот и там будет. Он и другое многое лгал. Это ли путь спасения, если в монастыре боярин не сострижет боярства, а холоп не освободится от холопства? Как же будет с апостольским словом: «Нет ни эллина, ни скифа, ни раба, ни свободного, все едины во Христе»? Как же они едины, если боярин — по-старому боярин, а холоп — по-старому холоп? А как апостол Павел называл Анисима, бывшего раба Филимона, его братом? А вы и чужих холопов к боярам не приравниваете. А в здешних монастырях до последнего времени держалось равенство между холопами, боярами и торговыми мужиками. В Троице при нашем отце келарем был Нифонт, холоп Ряполовского, а с Бельским с одного блюда ел. На правом клиросе стояли Лопотало и Варлаам, невесть кто такие, а Варлаам, сын князя Александра Васильевича Оболенского, — на левом. Видите: когда был настоящий путь спасения, холоп был равен Бельскому, а сын знатного князя делал одно дело с работниками. Да и при нас на правом клиросе был Игнатий Курачев, белозерец, а на левом — Федорит Ступишин, и он ничем не отличался от других клирошан. Да и много других таких случаев было до сих пор. А в Правилах великого Василия написано: «Если чернец хвалится при других благородством происхождения, то пусть за это постится 8дней и совершает 80поклонов в день». А ныне то и слово: «Тот знатен, а тот еще выше», — тут и братства нет. Ведь когда все равны, тут и братство, а коли не равны, то какое же тут братство и иноческое житие! А ныне бояре разрушили порядок во всех монастырях своими пороками. Скажу еще более страшное: как рыболов Петр и

поселянин Иоанн Богослов будут судить богоотца Давида, о котором Бог сказал: «обрел мужа по сердцу моему», и славного царя Соломона, о котором Господь сказал, что «нет под солнцем человека, украшенного такими царственными достоинствами и славой», и великого царя Константина, и своих мучителей, и всех сильных царей, господствовавших над вселенной? Двенадцать скромных людей будут их судить. Да еще того страшнее: родившая без греха Господа нашего Христа и первый среди людей человек, Креститель Христов, — те будут стоять, а рыболовы будут сидеть на 12-ти престолах и судить всю вселенную. А вам как своего Кирилла поставить рядом с Шереметевым, — кто из них выше? Шереметев постригся из бояр, а Кирилл даже приказным дьяком не был! Видите, куда завели вас послабления? Как сказал апостол Павел: «Не впадайте во зло, ибо злые слова растлевают благие обычаи». И пусть никто не говорит мне эти постыдные слова: «Если нам с боярами не знаться, монастырь без даяний оскудеет». Сергий, и Кирилл, и Варлаам, и Дмитрий, и другие многие святые не гонялись за боярами, но бояре за ними гонялись, и обители их расширялись: благочестием монастыри поддерживаются и не оскудевают. Иссякло в Троице-Сергиевом монастыре благочестие — и монастырь оскудел: никто у них не постригается и никто им ничего не дает. А в Сторожевском монастыре до чего допились? Некому и затворить монастырь, на трапезе трава растет. А мы видели, как у них было больше восьмидесяти человек братии и по одиннадцать человек на клиросе: монастыри разрастаются благодаря благочестивой жизни, а не из-за послаблений. <...>

Это — лишь малое из многого. Если же хотите еще больше узнать, хотя вы сами знаете все лучше нас, можете многое найти в Божественных Писаниях. А если вы напомните, что я забрал Варлаама из монастыря, обнаружив этим милость к нему и кручинясь на вас, то Бог свидетель — не для чего другого мы сделали это, а только потому велели ему быть у себя, что, когда возникло это волнение и вы сообщили об этом нам, мы приказали наказать Варлаама за его бесчинство по монастырским правилам. Племянники же его нам говорили, что вы его притесняли ради Шереметева. А Собакины тогда еще не совершили измены против нас. И мы из милости к ним велели Варлааму явиться к нам и хотели его расспросить, из-за чего у них возникла вражда? И приказать ему хотели, чтобы он сохранял терпение, если вы будете его притеснять, ибо притеснения и терпение помогают душевному спасению иноков. Но в ту зиму мы за ним потому не послали, что были заняты походом в Немецкую землю. Когда же мы вернулись из похода, то послали за ним, расспрашивали его, и он стал говорить вздор — доносить на вас, что будто вы говорите о нас неподобающие слова с укоризной. А я на это плюнул и выругал его. Но он продолжал говорить нелепости, настаивая, что говорит правду. Затем я расспрашивал его о жизни в монастыре, и он стал говорить невесть что, и оказалось, что он не только не знает иноческой жизни и одежды, но вообще не понимает, что такое чернецы, и хочет такой же жизни и чести, как в миру. И, видя его сатанинский суетный пыл, по его неистовой суетности, мы его и отпустили жить суетной жизнью. Пусть сам отвечает за свою душу, если не ищет спасения своей души. А к вам его поистине потому не послали, что не хотели огорчать себя и волновать вас. Он же очень хотел к вам. А он —

настоящий мужик, врет, сам не зная что. А и вы нехорошо поступили, что прислали его как бы из тюрьмы, а старец соборный при нем словно пристав. А он явился, как государь какой-то. И вы еще прислали с ним к нам подарки, да к тому же ножи, как будто вы хотите нам вреда. Как же можно посылать подарки с такой сатанинской враждебностью? Вам следовало его отпустить и отправить с ним молодых монахов, а посылать подарки при таком нехорошем деле неприлично. Все равно соборный старец ничего не мог ни прибавить, ни убавить, унять его он не сумел; все, что он захотел врать — он соврал, что мы захотели слушать — выслушали: соборный старец ничего не ухудшил и не улучшил. Все равно мы Варлааму ни в чем не поверили.

А говорим мы все это, свидетель Бог, пречистая Богородица и чудотворец, из-за нарушения монастырских порядков, а не гневаясь на Шереметева. Если же кто скажет, что это жестоко и чтобы вам, государи, совет дать, снисходя к немощи, что Шереметев вправду болен, то пусть ест один в келье с келейником. А сходиться к нему зачем, да пировать, да яства в келье на что? До сих пор в Кириллове лишней иголки с ниткой в келье не держали, а не только других вещей. А двор за монастырем и запасы на что? Все то беззаконие, а не нужда. А если нужда, пусть он ест в келье, как нищий: кус хлеба, звено рыбы да чашку квасу. Если же вы хотите дать ему еще какие-нибудь послабления, то вы давайте сколько хотите, но пусть хотя бы ест один, а сходок и пиров не было бы, как прежде у нас водилось. А если кто хочет прийти к нему ради беседы духовной, пускай приходит не в трапезное время, чтобы в это время еды и питья не было, — так это будет беседа духовная. Подарки же, которые ему присылают братья, пусть отдает в монастырское хозяйство, а у себя в келье никаких таких вещей не держит. Пусть то, что к нему пришлют, будет разделено на всю братию, а не дано двум или трем монахам по дружбе и пристрастию. Если ему чего-нибудь не хватает, пусть временно держит. И иное что можно — тем его услаждайте. Но давайте ему в кельи и из монастырских запасов, чтобы не возбуждать соблазна. А люди его пусть при монастыре не живут. Если же приедет кто-нибудь от его братьев с письмом, едой или подарками, пусть поживет дня два-три, возьмет ответ и едет прочь — и ему будет хорошо, и монастырю безмятежно.

Мы еще в детстве слышали, что таковы были крепкие правила и в вашем монастыре, да и в других монастырях, где по Божественному жили. Мы и написали вам все лучшее, что нам известно. А вы теперь прислали нам грамоту, и нет нам отдыха от вас из-за Шереметева. Написано, что я передавал вам устно через старца Антония о Ионе Шереметеве да о Иоасафе Хабарове, чтобы ели в общей трапезной с братией. Я передавал это только ради соблюдения монастырских порядков, а Шереметев увидел в этом как бы опалу. Я писал только то, что я знал из обычаев вашего и других крепких монастырей, и выше я написал, как ему жить в келье на покое, не волнуя монастырь, — хорошо, если и вы его предоставите тихой жизни. А не потому ли вам так жаль Шереметева и вы крепко за него стоите, что его братья до сих пор не перестают посылать в Крым и навлекать басурман на христиан?

А Хабаров просит меня перевести его в другой монастырь, но я не стану содействовать его скверной жизни. Видно, уж очень надоело! Иноческое житие — не игрушка. Три дня в чернецах, а седьмой монастырь меняет! Пока он был в миру, только и знал, что образа одевать в оклады, переплетать книги в бархат с серебряными застежками и жуками, аналои убирать, жить в затворничестве, кельи ставить, вечно четки в руках носить. А ныне ему с братией вместе есть тяжело! Надо молиться на четках не по скрижалям каменным, а по скрижалям сердец телесных! Я видел — по четкам матерно бранятся! Что в тех четках? Нечего мне писать о Хабарове — пусть как хочет, так и дурачится. А что Шереметев говорит, то его болезнь мне известна: так ведь не для всякого же лежебоки нарушать святые правила.

Написал я вам малое из многого ради любви к вам и для укрепления иноческой жизни, вы же это знаете лучше нас. Если же хотите, найдете многое в Божественном Писании. А мы к вам больше писать не можем, да и нечего писать. Это — конец моего к вам письма. А вперед бы вы нам о Шереметеве и других нелепицах не докучали: мы отвечать не будем. Сами знаете, если вам благочестие не нужно, а желательно нечестие! Скуйте Шереметеву хоть золотые сосуды и воздайте ему царские почести — ваше дело. Установите вместе с Шереметевым свои правила, а правила чудотворца отставьте — так хорошо будет. Как лучше, так и делайте! Вы сами знаете; делайте как хотите, а мне ни до чего дела нет! Больше не докучайте: воистину ничего не отвечу. А злокозненную грамоту, которую вам весной прислали Собакины от моего имени, сравните с моим нынешним письмом, уразумейте слово в слово, а затем уже решайте, верить ли дальше нелепицам.

Да пребудут с вами и с нами милость Бога мира и Богородицы и молитвы чудотворца Кирилла. Аминь. А мы вам, мои господа и отцы, челом бьем до земли.

Послание Василию Грязному

Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Послание Ивана Грозного воеводе, опричнику Василию Грязному отражает разочарование Грозного в учрежденной им в 1564 г. опричнине. Как и другой видный опричник, Малюта Скуратов, Василий Грязной был послан с опасным военным поручением. Он попал в крымский плен. Послание царя Василию Грязному дошло в рукописи

второй половины XVI в., примерно современной самому посланию, — *РГАДА,* ф. 123 (сношения с Крымом), Крымская Посольская книга № 14, лл. 214 об.—217 об. Послание царя Василию Грязному находится среди распоряжений об отъезде посланника И. Мясоедова (июнь 1574 г.). В дальнейшей части той же рукописи приводится «вестовой список» Мясоедова, присланный весной 1576 г., в составе которого два отдельных письма В. Грязного (лл. 241—254 об.).

ОРИГИНАЛ

ОТ ЦАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧЮ ГРЯЗНОМУ-ИЛЬИНУ[1]

Что писалъ еси, что по грехомъ взяли тебя в полонъ; ино было, Васюшка, без путя середи крымскихъ улусовъ не заѣзжати, а уж заѣхано, ино было не по объѣзному спати; ты чаялъ, что в объѣздъ приѣхалъ с собаками за зайцы, ажно крымцы самого тебя в торокъ ввязали. Али ты чаялъ, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньемъ шутити? Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, да васъ, дрочонъ, умѣютъ ловити; да такъ не говорятъ, дошодши до чюжей земли: да пора домовъ! Толко б таковы крымъцы были, какъ вы, жонки, — ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве.[2]

А что сказываешься великой человекъ — ино что по грехомъ моимъ учинилось и намъ того какъ утаити, что отца нашего и наши князи и бояре намъ учали изменяти, и мы и васъ, страдниковъ, приближали,[3] хотячи от васъ службы и правды. А помянулъ бы ти свое величество и отца своего в Олексине[4] — ино таковы и в станицахъ ѣзживали, а ты в станице у Пѣнинъского[5] былъ мало что не в охотникехъ с собаками, и прежние твои были у ростовъскихъ владыкъ служили. И мы того не запираемъся, что ты у насъ в приближенье былъ. И мы для приближенья твоего тысячи двѣ рублевъ дадимъ, а доселева такие по пятидесятъ рублевъ бывали; а ста тысячъ опричъ государей ни на комъ окупу не емлютъ, а опричь государей такихъ окуповъ ни на комъ не даютъ. А коли бы ты сказывалъся молодой человекъ — ино б на тебѣ Дивѣя не просили.[6] А Дивѣя, сказываетъ царь, что онъ молодой человекъ, а ста тысячь рублевъ не хочетъ на тебѣ мимо Дивѣя: Дивѣй ему ста тысячь рублевъ лутчи, а за сына за Дивѣева дочерь свою далъ; а нагайской князь и мурзы ему всѣ братья; у Дивѣя и своихъ такихъ полно было, какъ ты, Вася. Опричь было князя Семена Пункова нѣ на кого меняти Дивѣя; ано и князя Михаила Васильевича Глинъского нѣчто для присвоенья меняти было; а то в нынешнее время нѣково на Дивѣя меняти. Тебѣ, вышедчи ис полону, столко не привесть татаръ, ни поимать, сколко Дивѣй кристьян пленитъ. И тебя, ведь, на Дивѣя выменити не для кристьянства — на кристьянство: ты одинъ свободенъ будешь, да приѣхавъ по своему увѣчью лежать станешь, а Дивѣй приѣхавъ учнетъ воевати, да неколко сотъ кристьянъ лутчи тебя пленитъ. Что в томъ будетъ прибытокъ?

Коли еси сулилъ мену не по себѣ и писалъ, и что не в мѣру, и то какъ дати? То кристьянъству не пособити — разорить кристьянъство, что неподобною мѣрою здѣлать. А что будетъ по твоей мѣре мена или окупъ,

и мы тебя тѣмъ пожалуемъ. А будетъ станишь за гордость на кристьянъство — ино Христосъ тебѣ противникъ!

---

[1] *...Василью Григоръевичю Грязному-Ильину...* — Как и многие опричники, Василий Грязной был из рода ростовских вотчинников, перешедших на московскую службу; несколько представителей рода Ильиных служили в опричнине и были казнены в начале 1570-х гг. Василий Грязной прямой опале не подвергся, но, посланный на опасную разведку донецкой степи, попал в плен на р. Молочные воды (впадающей в Азовское море). Уже в 1574 г. В. Грязной просил царя выкупить его или обменять (Грязной был назначен воеводой в 1573 г.)

[2] *...к Москве.* — В мае 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей, захватив Москву, сжег ее.

[3] *...князи и бояре намъ учали изменяти, и мы и васъ, страдниковъ, приближали...* — Отрицательная характеристика опричнины связана с тем, что в 1572 г. она была официально отменена; такие видные опричники, как Басмановы, Михаил Черкасский, Вяземский, В. П. Яковлев, князь В. И. Темкин-Ростовский, были казнены или подверглись опале.

[4] ...в *Олексине...* — Город Алексин в первой половине XVI в. принадлежал князьям Старицким, в 1566 г. был у них отобран и включен в состав пограничной «засечной черты».

[5] *...у Пѣнинъского...* — Речь идет о князьях Пенинских-Оболенских, служивших в свою очередь князьям Старицким.

[6] *...ино б на тебѣ Дивѣя не просили.* — Один из крупнейших полководцев и сподвижников Девлет-Гирея, представитель ногайского рода Мансуров, Дивей-мурза был взят в плен русскими войсками в 1572 г. во время победы над крымцами. Дальнейшая судьба Дивея неясна: в ноябре 1576 г. царь заявил, что Дивей умер, но за границей утверждали, что он перешел на русскую службу.

ПЕРЕВОД

ОТ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РУСИ ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ГРЯЗНОМУ-ИЛЬИНУ

Писал ты, что за грехи взяли тебя в плен; так надо было, Васюшка, без пути средь крымских улусов не разъезжать, а уж как заехал, не надо было спать, как при охотничьей поездке; ты думал, что в окольные места приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя к седлу и приторочили. Или ты думал, что и в Крыму можно так же шутить, как у меня, стоя за кушаньем? Крымцы так не спят, как вы, да вас, неженок, умеют ловить; они не говорят, дойдя до чужой земли: пора домой! Если

бы крымцы были такими бабами, как вы, то им бы и за рекой не бывать, не только что в Москве.

Ты объявил себя великим человеком, так ведь это за грехи мои случилось (и нам это как утаить?), что князья и бояре наши и отца нашего стали нам изменять, и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды. А вспомнил бы ты свое и отца своего величие в Алексине — такие там в станицах езжали, а ты в станице у Пенинского был чуть ли не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских архиепископов служили. И мы не запираемся, что ты у нас в приближенье был. И ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали; а ста тысяч выкупа ни за кого, кроме государей, не берут и не дают такого выкупа ни за кого, кроме государей. А если б ты объявил себя маленьким человеком — за тебя бы в обмен Дивея не просили. Про Дивея хоть царь и говорит, что он человек маленький, да не хочет взять за тебя ста тысяч рублей вместо Дивея: Дивей ему ста тысячи рублей дороже; за сына Дивеева он дочь свою выдал; а ногайский князь и мурзы все ему братья; у Дивея своих таких полно было, как ты, Вася. Кроме как на князя Семена Пункова, не на кого было менять Дивея; разве что, если бы надо было доставать князя Михайла Васильевича Глинского, можно было его выменять; а в нынешнее время некого на Дивея менять. Тебе, выйдя из плена, столько не привести татар и не захватить, сколько Дивей христиан пленит. И тебя ведь на Дивея выменять не на пользу христианству — во вред христианству: ты один свободен будешь, да, приехав, лежать станешь из-за своего увечия, а Дивей, приехав, станет воевать да несколько сот христиан получше тебя пленит. Какая в том будет польза?

Если ты обещал не по себе и ценил себя выше меры, как же можно столько дать? Мерить такой неправильной мерой — значит не пособить христианству, а разорить христианство. А если будет мена или выкуп по твоей мере, и мы тебя тогда пожалуем. Если же из гордости ты станешь против христианства, то Христос тебе противник!

Послание польскому королю Стефану Баторию 1579 года

Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Первое из публикуемых здесь посланий польскому королю Стефану Баторию (оно далеко не первое из посланий Ивана IV этому государю — переписка между ними завязалась уже в 1576 г.) не сохранилось (возможно, вследствие своего публицистического и резко полемического характера) в польских делах и официальных дипломатических памятниках. Оно сохранилось лишь в литературном сборнике, содержащем только послания Курбского, Ивана IV, Тимохи

Тетерина и другие произведения публицистического характера. Однако самый факт пребывания Ивана IV в октябре 1579 г. в Пскове, откуда отправлено послание, засвидетельствован документально, и у нас нет оснований сомневаться в принадлежности данной грамоты царю. Послание было обнаружено Д. К. Уо и опубликовано им в 1971 г. (М., 1972. С. 357—361).

В настоящем издании послание 1579 г. Грозного Стефану Баторию публикуется по единственному списку *ГИМ,* Музейское собр., № 1551, второй четверти XVII в., лл. 35 об. — 41.

ОРИГИНАЛ

ГРАМОТА ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ К СТЕПАНУ КОРОЛЮ ПОЛСКОМУ

(…) мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, самодержецъ, Стефану, Божиею милостию великому государю, королю Полскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемоитскому, Мазовецкому, княжате Седмиградскому.[1]

Мы твою грамоту вычли и вразумѣли гораздо, — и взял еси велиречивые уста и зияющи неподобию християнскому, а такия есмя укоризны и похвалы не слыхали ни от турецково, ни от цысаря, ни от иных государей. А гдѣ ты в которой земли был и в тѣх землях болши тово тебѣ вѣдомо, и нигдѣ того, чтоб государь ко государю так писал, какъ ты к нам писал. А жил еси в державе бесерменской,[2] а вера латынская — полухристиянство, а паны твое вѣруют иконоборную ереси люторскую. А ныне слышимъ, что в твоей земли ариянская вѣра начинается явно,[3] а гдѣ ариянская вѣра, тут и Христово имя не вмѣщается, понеже Арий Христову имени истовый врагъ, и гдѣ ариева вѣра, и тут и Христосъ ни в кою ползу есть, и не подобает християнством звати и християны тѣх людей именовати и о християнской крови тѣмъ людемъ нѣ о чем тужити. Мы же, смиренныя, во Христа крестихомся, во Христа облекохомся, во Христа вѣруемъ, в смерть его крестихомся и християным по Христовым священным заповѣдем свойственно есть беды терпети.

И твоя высокая высость к чему приложити, и самъ то можешъ разумѣти. И Олександръ, царь македонский, к Дарию царю таковые высости не писал.[4] И помяни же пророческое слово, «аще возграеши, яко орѣлъ, и свевши гнездо свое посрѣди звѣздъ небесных, и тамо…», — рече пророкь, — самъ конецъ тому прочти.[5] И паче или иная *ханаанская* пещь на ны возгорѣся,[6] аз же ти противу тричисленнаго Божества тривещанною цевницею. Есть Бог силен на небеси, иже может нас взяти от всякия гордыни, хвалящися разорению вдати. Тѣмже помысли и всѣхъ хвалящихся[7] — Сенахирима и Хоздроя, и в недавных лѣтех Темир-Аксака и Витовта. Ими убо тако речеши: «Не се ли есть град мой великий Вавилон,[8] не рука ли моя сотвори сия вся?» Али всю Рускую землю, яко птицу, рукою своею возмеши? Или по Курбсково думѣ[9] насъ, яко мшицу, потребиши, которой нас израдил, что хотел нашей смерти, и мы ево сыскавъ изради, хотѣли ево казнити?

А то его умышление было и хотѣл насъ извести и иного государя учинити, и нас от того Богъ поберег, и онъ от насъ отбежав, да и тамо будучи, на нашу голову крымского подымал, и от тово нас Богъ сохранил, и ныне он подастривает тебя. И ты пишешся благочестивъ и побожен, и ты не слушай же злочестивых разуму, и себя благочестием и побожеством прослави, а напрасно християнской крови не проливай.

Разумѣй же сие, к чему тебя Курбской претворил, чтоб нас погубити! Мы со смирением тебе воспоминаем по християнскому обычаю, веть тебя Курбской нашол нам губителя, и ты державою помысла благочестива его злочестия не слушай и тово на себя неподобнаго имени не возводи, но паче украси благочестивым государем и благочестием. И коли тебѣ Богъ благоволил от таковаго княжества в таком великом государстве быти, и ты по такому государству такия и обычаи християнския повѣди, что которые х такому великому государству пригожи. А учнешь с нами и вперед такими укоризны бранитися, ино то знатно, какова еси отечества, таково здѣлаешь и пишешь. А мы какъ есть християне по християнскому обычаю со смирением напоминаем и бранитися с тобою не хотим, занеже тебѣ со мною бранитися честь, а мнѣ с тобою бранитися безчестье. Тѣм же, яко Иезекѣя, царь июдин, ко асирискому царю Сенахириму[10]: «Се раб твой, господи, Иезекѣя», такоже и аз к тебѣ, к Стефану, вещаю: «Се раб твой, господи, Иванъ, се раб твой, господи, Иван, се аз раб твой, господи, Иван». Уже ли есмя тебя утешилъ покорением?

Прочѣе же Господь бысть мнѣ помощник и не убоюся, что сотворит мнѣ человѣкъ, и той поставляет царя и князя и властеля во вся страны и даетъ власть емуже хощет. И никтоже приемлет честь о себе, токмо званный от Бога приемлет. Якоже хощет Богъ, тако и сотворит о мнѣ, недостойном рабе своем, и прославит имя свое святое и рождьшая его, всѣх святых, благоугодивших ему, иже в сем росийском острове[11] молбами и дароношением и молитвами приношаемыми по вся часы во славу имени своего святаго.

И ты по тому ли нам великъ хощешь быти, что насъ отчитаешь от Августа кесаря?[12] И ты по тому разсуди свое отечество, а нашу низость. Нам всемогий Богъ благоволил во всем роду! Государствуем от великаго Рюрика 717 лѣтъ, а ты вчера на таком великом государстве, в своем роду первое тебя по Божей милости обрали народи и станы королевства Полскаго, да посадили тебя на тѣ государствуя устраивати их, а не владѣти ими. А они люди во своей producedволности, а ты им на маистатѣ[13] всей земли присягаешь, а нам всемогущая десница Божия дала государство, а от человѣкъ нихто же, и Божиею десницею и милостию владѣемъ своим государством сами, а не от человѣкъ приемлем государство, развѣ сынъ ото отца отеческое наслѣдие по благословению приемлет самовластно и самодержавно, а своим людем креста не целуем. И на что еси прародителей наших на Божье судѣ укорил, и тому тебѣ будет судитель Богъ и противник твоей гордости, и они создателеву милость умолят и достояния своего Господь Богъ не оставитъ, и прародителей наших державы тебѣ не предастъ, и лукъ твой сокрушитца, и стрѣлы твои внидут в сердце твое, по пророческому словѣси,[14] а мы положилися есмя на Божию волю — как Господь Богъ

возхощет тако и будет. «Вси языцы обыдоша мя[15] и именем Господним противляхся имъ, обыдоша мя, яко пчелы сотъ, и разгорешася, яко огнь в тернии, и именем Господним противляхся им, крѣпость моя и пѣние мое, Господь бысть мнѣ во спасение».

А ты тако гордынею хвалишися, кабы уже пред собою связана меня видиши, ино в том воля Господня: какъ Господь благоволит, тако и будетъ. А что на мя на одново вооружаешся, крови моей по Курбскаго совѣту ищешь, и ты первое разсуди то, на что тебя Курбской приводит, и в какое безчестие тебя сводит своимъ совѣтом. Но и всемогий Богъ какъ восхощетъ, так и сотворит, и свое стадо сохранит от всѣх *волкъ,* губящих их. Якоже рече пророкъ: «Слышите убо, царие, и разумѣйте, накажитеся вси судящеи земли и гордящеися о народѣх языкъ, яко дана бысть вам держава и сила от Вышняго».[16]

Сего ради мы, уповая на Божью всещедрую милость, ждем и чаем от его всемогущия десницы милость, и державу, и силу, и побѣду прияти на вся видимыя и невидимыя враги своя. Якоже Господь возхощет, тако свое достояние искру благочестия истиннаго християнства в Росийском царстве сохранитъ и державу нашу утвердитъ от всяких лвовъ, пыхающих на ны. А ты на что уповаешь, какъ хочешь, такъ и живы, понеже бо «не в силе констей благоволит Господь, ни в лыствах мужеских, благоволит Господь на боящихся его и на уповающих на милость его».[17] А мы надежу свою и волю и живот свой положили на всемогущаго Бога, якоже святей его воли о насъ, недостойных, тако и будет, яко от него держава, и сила, и власть, и область. Буди имя Господне благословено отныне и до вѣка! Буди, Господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя!

Писана в нашей отчине во граде Пскове лѣта от создания миру 7088-го[18] октября въ 1 день, индикта 8-го, государствия нашего 45-го, а царствъ нашихъ: Росийскаго 32, Казанского 28, Астарохансково 25.

---

[1] *...Полскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемоитскому, Мазовецкому, княжате Седмиградскому.* — Титул польского короля включал (наряду с Прусской и Мазовской землей, входившей в состав Польши) титул великого князя Литовского, в свою очередь претендовавшего на власть над «русскими» (белорусскими, украинскими) и «жемоитскими» (жмудскими, западнолитовскими) землями; «княжество Седмиградское» —Трансильвания, восточная часть бывшей Венгерской державы (ныне часть Румынии), где князем до избрания на польский престол был Стефан Баторий.

[2] *А жил еси в державе бесерменской...* — До избрания на польский престол в 1575 г. (официально он короновался 1 мая 1576 г.) Стефан Баторий был трансильванским князем (воеводой) и, следовательно, вассалом турецкого султана, претендовавшего на эту часть Венгрии.

Обвинение в связях с мусульманством постоянно выставлялось Иваном IV в переписке с Баторием.

[3] *...а паны твое вѣруют иконоборную ереси люторскую. А ныне... в твоей земли ариянская вѣра начинается явно...* — Резкие выпады против реформации, довольно широко распространенной в Польше (и, в частности, против «арианства» — антитринитарных ересей, имевших и русских сторонников), связаны с попытками добиться посредничества римского папы с целью приостановить стремительное наступление Батория.

[4] *И Олександръ, царь македонский, к Дарию царю таковые высости не писал.* — Ссылки на «Александрию», средневековый роман об Александре Македонском, встречаются у Ивана IV и в переписке с Курбским.

[5] *...самъ конецъ тому прочти.* — Грозный обрывает библейскую цитату на словах: «и оттуду свергу тя, глаголет Господь». Ср. Иер. 49, 16 и Ис. 14, 13—15.

[6] *И паче или иная ханаанская пещь на ны возгорѣся...* — Иван IV здесь имеет в виду историю трех отроков, брошенных в печь Навуходоносором и оставшихся невредимыми (Дан. гл. 3). Ср. также Пс. 7, 4; 7, 7: «Пылают... как печь», «распалены... как печь» (о врагах).

[7] *...Бог силен... помысли и всѣхъ хвалящихся...* — Далее следуют конкретные примеры наказания «хвалящихся»: *Сенахирим* — имеется в виду упомянутый в Библии ассирийский царь, взявший многие города Иудеи и наложивший болыпую подать на иудейского царя Езекию; *Хоздрой* — речь идет, очевидно, об иранском шахе Хосрове II Парвезе (конец VI—нач. VII в.), при котором Византия не только оправилась от ударов, нанесенных ей шахом Хосровом I (VI в.), но и добилась фактической власти над Ираном, ибо Хосров II был ее ставленником; *Темир-Аксак* — речь идет о крупнейшем среднеазиатском завоевателе конца XIV—нач. XV в. — Тимуре, Тимур-Ленге (Тамерлане), завоевавшем помимо Чагатайской державы также Хорезм, Иран, государства Закавказья, Золотую Орду. Походу Тимура на Русь (до Ельца) была посвящена древнерусская «Повесть о Темир-Аксаке» (см. наст. изд., т. 6.); *Витоет* — Грозный здесь вспоминает литовского великого князя Витовта (1390—1430) в связи с его неудачной попыткой победить вассала Тимура-Аксака хана Тимура Кутлуя в 1399 г., о чем рассказывали русские летописи.

[8] ...*«Не се ли есть град мой великий Вавилон...*.... — Слова Навуходоносора из Библии (Дан. 4, 27).

[9] *...по Курбсково думѣ...* — Заявления царя о замыслах и преступлениях Курбского были весьма разнообразны: царь обвинял Курбского не только в измене (Первое послание), но и в убийстве царицы Анастасии (Второе послание).

[10] *Тѣм же, яко Иезекѣя... ко асирискому царю Сенахириму...* — В 4 кн. Царств Езекия говорит Сеннахириму: «Виновен я; отойди от меня; что наложишь на меня, я внесу» (гл. 18, 14). А его отец Ахаз посылал послов к ассирийскому царю Феглафелласору со словами: «Я раб твой и сын твой» (4 Цар. 16, 7).

[11] *...росийском острове...* — Слово «остров, острова» в Библии имеет также значение: страны, народы.

[12] *...насъ отчитаешь от Августа кесаря...* — Стефан Баторий отвергал принятую Иваном IV легенду о происхождении русских государей от Августа (см. Послание Юхану 1573 г.); однако Грозный настаивал на том, что даже если вести род московских князей только от Рюрика, то и тогда он правит с 862 г. (летописная дата «призвания варягов»), а не со «вчера», как Баторий.

[13] *Маистат* — латинский термин «majestas» на Руси переводили как «величество» («государство» как институт); в употреблении этого термина царь видел проявление высокомерия польского государства по отношению к монархической власти.

[14] *...лукъ твой сокрушитца... словѣси...* — Ср. Пс. 36, 15.

[15] *«Вси языцы обыдоша мя...»* — Пс. 117, 10—14.

[16] *Слышите убо... Вышняго.* — Ср. Пс. 2, 10.

[17] *«не в силе констей... на милость его»* — Пс. 146, 10.

[18] *...лѣта от создания миру 7088-го...* — 1 октября 1579 г.

ПЕРЕВОД

ГРАМОТА ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РУСИ К СТЕФАНУ, КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ

<...> мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси самодержец, Стефану, Божиею милостью великому государю, королю Польскому и великому князю Литовскому, Русскому, Прусскому, Жмудскому, Мазовецкому, князю Семиградскому.

Мы твою грамоту прочли и хорошо поняли — ты широко разверз свои высокомерные уста для оскорбления христианства. А таких укоров и хвастовства мы не слыхали ни от турецкого султана, ни от императора, ни от иных государей. А в той земле, в которой ты был, и в тех землях тебе самому лучше известно, нигде не бывало, чтобы государь государю писал так, как ты к нам писал. А жил ты в державе басурманской, а вера латинская — полухристианство, а паны твои держатся иконоборческой лютеранской ереси. А ныне мы слышим, что в твоей земле явно устанавливается вера арианская, а где арианская вера, там имени Христа быть не может, потому что Арий имени Христову истовый враг, а где ариева вера, тут уже Христос не нужен, и не подобает эту

веру звать христианством и людей этих называть христианами, и о христианской крови тем людям нечего беспокоиться. Мы же, смиренные, во Христа крестились, во Христа облеклись, во Христа веруем, в смерти его обретаем крещение, а христианам по Христовым заповедям подобает терпеть беды.

А твое высокое высокомерие с чем можно сравнить, сам можешь понять. И Александр, царь македонский, Дарию-царю с таким высокомерием не писал. И помяни пророческое слово: «Если ты, как орел, подымешься высоко и совьешь гнездо свое среди звезд небесных, то и оттуда...», — говорит пророк, — а что в конце, прочти сам. И даже если иная ханаанская печь будет угрожать сжечь нас, мы же ответим против нее трезвучной цевницею тричисленного Божества. Есть Бог сильный на небесах, который может взять под защиту против всякой гордыни, хвалящейся предать нас разорению. Поэтому подумай обо всех возносившихся — Сенахириме и Хозрое и в недавнее время Темир-Аксаке и Витовте. Или так скажешь: «Не это ли град мой великий Вавилон, не моя ли рука сотворила все это?» Или всю Русскую землю, как птицу, рукой своей возьмешь? Или раздавишь нас, как мошку, по совету Курбского, который нам изменил, потому что хотел нашей смерти, а мы, раскрыв его измену, хотели его казнить? А он составил заговор и хотел нас извести и возвести на престол другого государя, и нас Бог сохранил, и он, бежав от нас и будучи там, подымал против нас крымского хана, но и от этого Бог нас сохранил, и ныне он подбивает тебя. И ты называешь себя благочестивым и набожным, так ты не слушай суждения злочестивых и прославь себя благочестием и набожностью, а понапрасну христианской крови не проливай.

Пойми же, к чему тебя приводит Курбский, чтобы нас погубить! Мы смиренно уведомляем тебя об этом по христианскому обычаю — ведь тебя Курбский обрел как нашего губителя, а ты мощью благочестивого рассудка отвергни его злочестие и такую недостойную славу на себя не возводи, но лучше укрась себя славой благочестивого государя и благочестием. И если Бог соблаговолил тебя из такого княжества возвести на такое великое государство, то ты в этом государстве введи такие христианские обычаи, которые достойны столь великого государства. А начнешь и впредь браниться с такими оскорблениями, то и будет видно, какого ты происхождения, как поступаешь и пишешь. А мы как христиане по христианскому обычаю со смирением увещеваем и браниться с тобою не хотим, потому что тебе со мною браниться — честь, а мне с тобою браниться — бесчестье. Поэтому как Езекия, царь иудейский, ассирийскому царю Сенахериму говорил: «Вот, господин, раб твой Езекия», так и я тебе, Стефану, говорю: «Вот, господин, раб твой Иван, вот, господин, раб твой Иван, вот я, господин, раб твой Иван». Утешил я тебя такой своей покорностью?

А, впрочем, защитник мне Господь Бог, и я не устрашусь того, что сотворит мне человек, ибо Бог поставляет царя, и князя, и властителя во все страны и дарует власть, кому захочет. И никто не достигает чести сам собой, только призванный Богом получает ее. Как пожелает Бог, так и поступит со мной, недостойным рабом своим, и прославит имя свое святое и родившую его, всех святых, которые на этом

российском острове угодили ему молениями и приношением даров и молитвами, возносимыми во все часы во славу имени его святого.

И не потому ли ты надеешься быть величественнее нас, что отвергаешь наше происхождение от Августа-кесаря? Так поразмысли о своих предках и о нашем ничтожестве. Всемогущий Бог благоволил ко всему нашему роду: мы государствуем от великого Рюрика 717лет, а ты со вчерашнего дня на таком великом государстве, тебя первого из твоего рода по Божьей милости избрали народы и сословия королевства Польского и посадили тебя на эти государства управлять ими, а не владеть ими. А они люди со своими вольностями, и ты присягаешь величию их земли, нам же всемогущая Божья десница даровала государство, а не кто-либо из людей, и Божьей десницей и милостью владеем мы своим государством сами, а не от людей приемлем государство, только сын от отца отцовское по благословению приемлет самовластно и самодержавно, а своим людям мы креста не целуем. А то, что ты прародителей наших перед Божьим судом укорил, то в этом тебе будет Бог судьей и противником твоей гордыни, а они обратят молитвы к милости создателя, и Господь Бог не оставит свою землю и не предаст тебе державы наших прародителей, и лук твой сокрушится, и стрелы твои, по словам пророка, поразят твое сердце, а мы положились на волю Божью — как Господь Бог пожелает, так и будет. «Все народы окружили меня, но именем Господним я низложил их, окружили меня, как пчелы соты, и перегорели, как огонь в терновнике; именем Господним я низложил их; Господь — сила моя и песнь, Господь — мое спасение».

А ты так хвалишься в гордыне, как будто уже видишь меня связанным перед собой, но в этом воля Господня: как Господь благоволит, так и будет. А то, что ты на меня одного вооружаешься, крови моей хочешь по совету Курбского, и ты прежде всего рассуди, к чему тебя Курбский приводит, в какое бесчестие заводит своим советом. Но всемогущий Бог как пожелает, так и сотворит, и свое стадо сохранит от всех волков, губящих их. Как говорит пророк: «Слушайте, цари, и вразумитесь, научитесь, судьи земли и возносящиеся над народами земли, ибо дана была вам держава и сила от всевышнего».

Поэтому мы, уповая на Божье щедрое милосердие, ждем и надеемся милостью его всемогущей десницы обрести и державу, и силу, и победу над всеми видимыми и невидимыми врагами своими. И если пожелает Господь, то сохранит свое достояние — искру благочестия истинного христианства в Российском царстве — и укрепит державу нашу от всех львов, пышущих злобой на нас. А ты уповай на свое, как хочешь, так и живи, ибо «не на силу коня смотрит Бог, не быстроте ног человеческих благоволит; благоволит Господь боящимся его и уповающим на его милость», а мы надежду свою и волю и жизнь свою возлагаем на волю всемогущего Бога, ибо какова его святая воля о нас, недостойных, так и будет, ибо от него держава, и сила, и власть, и господство. Будь имя Господне благословенно отныне и вовеки! Будь, Господи, милость твоя на нас, ибо на тебя мы уповаем!

Писана в нашей вотчине в городе Пскове в лето от создания мира 7088-е (1579), в первый день октября, индикта 8-го, на 45-й год нашего государствования, а царствования нашего: Российского — 32, Казанского — 28, Астраханского — 25.

Послание польскому королю Стефану Баторию 1581 года

Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Второе из публикуемых здесь посланий Стефану Баторию было частью обширной дипломатической переписки Ивана IV с польским королем, и (в отличие от первого послания) копии его включались как в русские, так и в польские посольские материалы.

К лету 1581 г. — почти через два года после написания первого из публикуемых посланий Баторию — соотношение сил резко изменилось в пользу польского короля. Уже во время написания Первого послания были потеряны Венден (Цесис) в Ливонии, Полоцк и Сокол; в первой половине 1580 г. было заключено короткое перемирие, но к лету оно истекло; войска Батория взяли осенью 1580 г. Великие Луки. Летом 1581 г., как раз во время написания комментируемого послания, стотысячная армия Батория двинулась на Псков — через Воронеж и Остров.

Тяжелым военным положением объясняются некоторые особенности Второго послания Баторию. Царь явно стремился быть «смиренным», и даже ядовитейшему намеку на различие между выборным характером власти польского монарха и «прирожденным» — русского придал характер чисто фактической справки. Но по мере того как могучий темперамент Ивана IV брал верх над его дипломатическими намерениями, во Втором послании разворачивается новая тема, лишь намечавшаяся в Первом послании. Будучи трансильванским государем, Баторий, как мы уже знаем, находился в вассальной зависимости от турецкого султана; на это охотно указывали его враги Габсбурги во время избрания на престол. Теперь Иван IV решил использовать это обстоятельство в различных дипломатических выступлениях для воздействия на европейское общественное мнение. Уже с XV в., и особенно во время турецких завоеваний XVI в., германский (римский) император и другие католические державы неоднократно обращались к царю с предложением совместно выступить против «Турка»; Иван IV (несмотря на турецко-крымские нападения) относился к этим предложениям как к заведомо нереальным и пропагандистским. Однако летом 1580 г. он сам поднял вопрос о борьбе с «Турком» в послании к германскому императору; русский гонец Истома Шевригин, посланный к императору Рудольфу, должен был отправиться дальше — к римскому папе. Это был необычный шаг. С середины XV в. русские

категорически отвергали принятую императором накануне падения Константинополя унию православной и католической церкви; «латинство» считалось одной из наиболее зловредных ересей. Но опасность похода Батория и возможность завоевания им Пскова заставили Ивана IV обратиться к папе с неожиданным предложением: если папа остановит своего «крестоносца» Батория (папа послал польскому королю освященное оружие), Грозный обещал осуществить мечту католиков и выступить против «бесермен»; неожиданный визит к папе неизбежно должен был вызвать у последнего и другие надежды — на обращение «схизматического» православного царя в лоно римской церкви.

Резкая враждебность к «бесерменству» и довольно неопределенные намеки на возможность переговоров об объединении церквей (ср. упоминание о Флорентийском соборе в послании) — вот две новые и характерные темы Второго послания Баторию. Насколько они были важны, видно из того, что в надежде на будущее сближение папа в 1581 г. направил в качестве своего посредника в русско-польских переговорах иезуита А. Поссевино, выступившего в роли посредника в русско-польском перемирии 15 января 1582 г. Перемирие дало Русскому государству необходимую передышку после Ливонской войны; планы антитурецкого союза и сближения церквей, как и предвидел Грозный, остались чистой химерой.

В настоящем издании Второе послание Грозного Стефану Баторию публикуется по списку конца XVI века, *РГАДА,* ф. 79 (сношения с Польшей), «Книга Польского двора», № 13 (1581—1582 гг.), лл. 43—65 об. Окончание списка в «Книге Польского двора» отсутствует и публикуется по белорусской «Записной книге посольских дел» («Книга посольская Метрики литовской») — *РГАДА,* ф. 389, оп. 1, ч. II, № 592, лл. 130—144 об.

ОРИГИНАЛ

А СЕ ГРАМОТА ОТ ГОСУДАРЯ Х КОРОЛЮ З ГОНЦОМЪ ЕГО С ХРИШТОПОМЪ З ДЕРШКОМЪ[1]

(...) мы, смиренный, Иванъ Васильевичъ, сподобихомся носитель быти крестноносные хоругви и креста ХристоваРосийскаго царствия и иныхъ многихъ государствъ и царствъ и скифетродержатель великихъ государств, царь и великий князь всеа Русии (...) по Божию изволенью, а не по многомятежному человечества хотѣнию,[2] Стефану, Божьею милостию королю Полскому (...).

Что прислалъ еси к намъ гонца[3] своего Хриштофа Держка з грамотою, а в грамоте своей к намъ писалъ еси, что послы наши великие, дворянинъ нашь и намѣсникъ муромской Остафей Михайловичь Пушкинъ, а дворянинъ нашъ и намѣсникъ шацкой Федоръ Писемской, а диякъ Иванъ Ондрѣевъ сынъ Трифанова, до тебя пришли з листомъ нашимъ вѣрущимъ, в которомъ пишемъ до тебя, абыхъ ты имъ вѣру далъ, чтоб они имянемъ нашимъ тебѣ молвили. Якоже они объявили тебѣ, иж з зуполною наукою пришли на покой хрестьянский становити;

а кгды еси позволилъ имъ с паны радами твоими намовы чинити, они чотыре замки в земли Лифлянской — Новгордокъ Лифлянский, Серенскъ, Адежъ и Ругодивъ — в сторону нашу мѣти хотѣли и ещо домовлялися к тому городовъ, которые прошлого лѣта за помочью Божьею в руки твои пришли; за чѣмъ, дѣла не здѣлавши, отправлены от тебя быти мѣли. А за тымъ просили, абыхъ еси дозволилъ имъ послати до насъ по науку о всѣхъ дѣлехъ, которые имъ объявлены от тебя, каковымъ обычаемъ межи нами приязни статися пригоже, чего еси имъ позволилъ. И намъ бы, углянувши в писанье своихъ пословъ, во всихъ тыхъ речах науку достаточную имъ дати и моць суполную на листемъ своемъ отвористомъ прислати, за которымъ бы листомъ послы наши дѣла таковые становити и доканчивати могли на покой хрестьянский к утвержению приязни и братства межи нами; а тебѣ бы имовѣрно ку застановенью покою приходити. А посылати бы намъ до пословъ своихъ с наукою и с моцью суполною и достаточною не мешкаючи, гды ж тебѣ войска собраные держати в панстве своемъ шкода, а приведши ихъ ближе ку границе, тогды бы и нашему панству от нихъ без шкоды не было. А что еси посломъ нашимъ велѣлъ припомянути и городъ Сѣбежъ на земли Полоцкой збудованый вчинилъ еси, то не для которого пожитку, толко для тово, абы приязнь поставленая своеволными людми межъ насъ не была нарушена, кгды ж около Сѣбежа вездѣ села и люди полоцкие суть; а намъ бы миритися межи себя такъ, какъ бы дѣло доброе непорушне утвержалося на добро хрестьянское, а межи насъ бы приязнь множилася. Ведь же то пущаешь на баченье и уважение наше, а ты для добра хрестьянсково тымъ малымъ дѣломъ болшихъ дѣлъ порушити не хочешь. А которые люди твои невинные купецкие задержаны суть в земли нашей, и тыхъ абы намъ со всѣми маетностями ихъ теперь доброволне выпустити казали, чимъ тебѣ знакъ прихолности твоей ку доброму с тобою пожитью окажемъ. А с симъ листомъ с своимъ послалъ еси до насъ дворянина своего Хриштофа Дершка и намъ бы ничѣмъ его не задерживая к тебѣ отпустити, иж бы он на рокъ, который еси посломъ нашимъ значилъ, до тебя быти не омешкалъ.

А послы наши, дворянинъ нашь и намѣсникъ муромской Остафей Михайловичъ Пушкинъ с товарыщи, писали к намъ, что паны твои рада имъ от тебя говорили, что тебѣ с нами инако не мириватися, развие чтоб намъ тебе поступитися всеѣ Лифлянские земли до одново волока, а Велижъ и Усвятъ и Озерища то готово у тебя, да городъ Сѣбежъ разорити, да четыреста тысячъ золотыхъ червонныхъ за накладъ твой дати тебѣ, что ты наряжаяся ходилъ нашие земли воевати; а Луки Великие и Заволочье и Ржева пустая и Холмъ за хрептомъ в молчаньи покинули.

И мы таково превозношенья не слыхали нигдѣ и тому удивляемся: то ныне миритися хочешь, а такое безмѣрье паны твои говорятъ, а коли будет розмирица, тогды чему мѣра будетъ? Панове рада говорили нашимъ посломъ, что они приѣхали торговати Лифлянскою землею; а ино наши послы торгуютъ Лифлянскою землею, ино то лихо, а то добро, что панове твои нами и нашими государьствы играютъ, да дѣлаютъ гордяся какъ чему сстатися нелзя? А то не торговля, розговоръ.

А коли были прежние государи на томъ государстве хрестьянские побожные, почен от Казимера и до нынешнего Жигимонта Августа, и они о кроворозлитии хрестьянскомъ жалѣли и пословъ своихъ к намъ посылывали, и наши послы к нимъ хаживали, и наши бояре сь ихъ послы розговорные рѣчи говаривали, а ихъ королевские послы рада с нашими послы розговорные рѣчи говаривали и многие приговоры дѣлывали, чтоб какъ на обе стороны любо было, а хрестьянская бы кровь невинная напрасно не проливалася, а межи бы государей миръ и покой былъ, — тово искали прежние паны рада. И сьезжаютца много и побранятца с послы, да опять помирятца, да дѣлаютъ долго, а не однымъ часомъ обернутъ. А ныне видимъ и слышимъ, что въ твоей землѣ хрестьянство умаляетца; ино по тому твои панове рада, не жалѣючи о кроворозлитьи хрестьянскомъ, дѣлаютъ скоро. И ты б, Стефанъ король, попаметовалъ на то и разсудилъ, хрестьянскимъ ли то обычаемъ такъ дѣлаетца?

Какъ еси присылалъ к намъ своихъ великихъ пословъ — воеводу мазовецкого Станислава Крыжского с товарыщи,[4] и они на чомъ с нашими бояры договорилися, да и грамоту, твое слово, написали, какову хотѣли по своей воле, и на той грамоте крестъ целовали и печати свои к той грамоте привѣсили на томъ, что было тебѣ написати грамота своя такова, какову твои послы написали у насъ на Москвѣ, и печать свою к той грамоте привѣсити, и перед нашими послы на той грамоте к намъ крестъ целовати, и по той перемирной грамоте тебѣ к намъ до тѣхъ урочныхъ лѣтъ и правити, и пословъ нашихъ с тою своею грамотою не издержавъ к намъ отпустити.

И мы по приговору пословъ твоихъ з бояры с нашими послали к тебѣ пословъ своихъ, дворецкого тверского и намѣсника муромского Михаила Долматовича Карпова, да казначѣя своего и намѣсника тулского Петра Ивановича Головина,[5] да дьяка Тарасья Курбата Григорьева сына Грамотина, додѣлывати тово дѣла, что послы твои зделали, и у тебя перемирную грамоту взяти и на той грамоте тебя х крестному целованью привезти. И нашего болшого посла Михаила Долматовича Карпова не стало невѣдомо какими обычеи, товарыщи его, казначѣй нашь и намѣсникъ тулской Петръ Ивановичъ Головинъ, да диякъ нашь Тарасей Курбатъ Григорьевъ сынъ Грамотина, какъ к тебѣ пришли, и ты то ни во што поставя, через присягу пословъ своихъ, по ихъ приговору дѣлати не похотѣлъ, и нашихъ пословъ обезчестя, посадилъ еси ихъ за сторожи, якъ вязней, в великой нуже. А что наши послы тебѣ посольства не правили, и они, видя твою гордость, что еси противъ нашего имяни не всталъ и о нашемъ имени самъ не вспросилъ, не зсмѣли без нашего вѣдома тебѣ тое гордости стерпѣти. А впередъ уже какъ ни гордися, то тебѣ уже не встрѣшно будетъ. А к урядникомъ твоимъ посломъ нашимъ у себя на подворье посолство было правити не пригоже, тово из предковъ твоихъ не бывало. Да о томъ много говорити ныне нѣсть потреба. А к намъ еси прислалъ гонца своего Петра Гарабурду з бездѣлною грамотою, а самъ еси почалъ на насъ изо многихъ земель рать копити. А которую еси грамоту к намъ прислалъ с Петромъ с Харабурдою и в той своей грамоте писалъ еси, чтобы намъ то дѣло, которое твои послы здѣлали, отставити, а к своимъ посломъ новой наказъ свой послати и велѣти имъ изнова дѣлати о Лифлянской землѣ.

И то гдѣ ведетца, чтоб целовалъ крестъ, да порушитъ его? Хоти послы что и не гораздо здѣлаютъ, а то не рушитца, терпятъ то до урочныхъ лѣтъ; послы продѣлаютца, ино на нихъ за то опалу кладутъ, а что здѣлаютъ, тово никакъ не передѣлываютъ и нигдѣ тово не передѣлываютъ, а крестного целованья не переступаютъ. Не токмо что во хрестьянскихъ государьствахъ тово не ведетца, чтобы такъ через крестное целованье дѣлати, какъ ты захотѣлъ дѣлати (а зовучися государемъ хрестьянскимъ, а не по хрестьянскому обычаю захотѣлъ еси дѣлати, поругаючися нашему крестному целованью, что мы к тебѣ на грамоте крестъ целовали, и через присягу пословъ своихъ, которое они учинили за твою душу, и через все то да изнова дѣлати, и тово нигдѣ не ведетца!), а и в бесерменскихъ государьствахъ тово не ведетца, чтоб роту и правду переступити, хотя и в бесерменехъ, и государи дородные и разумные то держатъ крѣпко и на себя похулы не наведутъ, а хто порушитъ правду, и они тѣхъ укоряютъ и хулятъ и нигдѣ правды не переступаютъ. А и в предкехъ твоихъ тово не бывало, чтобы порушити то дѣло, на чомъ послы здѣлаютъ, какъ ты учинилъ новую причину! И в книгахъ своихъ во всѣхъ вели искати, ни при Олгерде, ни при Ягайле, ни при Витофте, ни при Казимире, ни при Олбрехте, ни при Александре, ни при Жигимонте первомъ, ни при нынешнемъ Жигимонте[6] Августе, и николи тово не бывало, какъ ты учинилъ новую причину. А коли тѣхъ прежнихъ государей пишешь предки своими, и о чемъ по ихъ уложенью не ходиши, а свои обычеи новые всчиняешь, которые приходятъ к неповинному кроворозлитью хрестьянскому? А тѣ всѣ прежние предки твои, что послы ихъ здѣлаютъ, то не рушивали. И мы, слышавши таковое неподобное дѣло, твоего гонца Петра Гарабурду позадержали, а чаючи тово, что ты на подобное дѣло сойдешь и то дѣло довершишь с послы с нашими. И намъ учинилося вѣдомо, что ты на рать подвиженъ.

И мы твоего гонца Петра Гарабурду к тебѣ отпустили, а с нимъ к тебѣ отпустили своего гонца Ондрѣя Михалкова з грамотою,[7] а в грамоте своей к тебѣ писали есмя, что тому статися нелзя, что, порушивъ крестное целованье, да изнова дѣлати; и ты б то дѣло с нашими послы додѣлалъ, какъ твои послы приговорили с нашими бояры; а о Лифляндской землѣ слалъ бы еси к намъ иных своихъ пословъ и мы с ними велимъ бояромъ своимъ дѣлати какъ пригоже. И ты тово не послушавъ болма на ярость подвигся еси и, зламавъ присягу пословъ своихъ, нашихъ еси пословъ выбилъ из своей земли, кабы злодѣвъ, не давъ имъ своихъ очей видети. А за ними вборзе прислалъ еси к намъ гонца своего Венцлава Лопатинского з грамотою, а в ней про наше государство многие неправые слова писалъ еси и насъ укоряя; о нихъ же нѣсть намъ потреба писати подробну, а после того гонца нашего Ондрѣя к намъ отпустилъ еси,[8] а с нимъ свою грамоту прислалъ еси такъ же яряся. А самъ пришелъ еси со многими землями и с нашими израдцами, с Курбскимъ и з Заболоцкимъ и с Тетеринымъ[9] и с ыными с нашими израдцами ратью. И нашу вотчину городъ Полоцко израдою взялъ еси.[10] Наши воеводы и люди противъ тебя худо билися и городъ Полоцко тебе израдою отдали. А ты идучи к Полоцку грамоту свою писалъ еси ко всѣмъ нашимъ людемъ, чтобы намъ наши люди израживали, а тебѣ з городы подавалися и с мѣсты, а насъ еси за нашихъ измѣнниковъ карати хвалился. А надѣешся не на воинство, на

израду! А мы тово не чаючи, что тебѣ такъ учинити, надѣючися на крестное целованье пословъ твоихъ — чево из веку не бывало, какъ ты учинилъ — пошли были есмя своей очины очищати Лифлянские земли. И какъ мы пришли въ свою отчину во Псковъ, и намъ учинилося про тебя вѣдомо, что ты пришелъ к нашей вотчине к Полоцку ратью, и мы, не хотячи через крестное целованье с тобою кровопролитства дѣлати, сами противъ тебя не пошли и людей болшихъ не послали, а послали есмя в Соколъ немногихъ людей провѣдати про тебя. И пришедши под Соколъ воевода твой виленской со многими людми, городъ Соколъ новымъ умышленьемъ зжегъ и люди побилъ и мертвымъ поругался беззаконнымъ обычаемъ, чево ни в бѣзверныхъ не слыхано: убьютъ ково на бою да покинутъ, ино то ратной обычей; а твои люди собацкимъ обычеемъ дѣлали, выбирая воеводъ и детей боярскихъ лутчихъ мертвыхъ, да у нихъ брюха възрѣзывали, да сало и жолчь выимали какъ бы волховнымъ обычаемъ.[11] Пишешь и зовешся государемъ хрестьянскимъ, а дѣла при тобѣ дѣлаютца не прилишны хрестьянскому обычею: хрестьяномъ не подобаетъ кровемъ радоватися и убийствомъ и подобно варваромъ дѣяти.

И мы еще будучи в терпѣньи, а чаючи тово, что ты мѣру познаешь, поволили бояромъ своимъ с твоими паны обослатися, да и сами с тобою обсылалися есмя и не одинова. И ты вознесся безмѣрьемъ и какъ из предковъ твоихъ велося по тому еси дѣлати не похотѣлъ, и по прежнимъ обычеемъ пословъ своихъ к намъ послати не похотѣлъ еси, а самъ еси училъ на нашу землю наряжатися ратью. А которую еси грамоту к намъ прислалъ з гонцомъ своимъ с Венцлавомъ с Лопатинскимъ и в той твоей грамоте написано, что послы наши «перед маистатъ твой возвани», ино то кабы нѣкоторые незнаемые сирота, а не послы, и приведши ихъ кабы сиротъ поставили у предверного подножия и оттудова яко на небо подобно Богу бесѣдовати, таково нашихъ пословъ «перед твоимъ маистатомъ ставленье» и твоей гордыни превозношенье! Да и во всѣхъ земляхъ тово не слыхано: хоти и не от великого государя послы придутъ к великому государю, не токмо от ровного, и они пословъ держатъ посольскимъ обычеемъ, а не за простыхъ людей мѣсто, ни за данщиковъ мѣсто «перед маистатомъ» ихъ не ставятъ.[12] Также и с нашихъ бояръ человекомъ с Левою с Стремоуховымъ прислалъ еси к намъ свою грамоту[13] опасную на наши послы (а твои панове рада писали к нашимъ бояромъ, чтобы мы к тебѣ по той твоей опасной грамоте послали пословъ своихъ), а та твоя опасная грамота писана не тѣмъ обычеемъ, какъ пишутся опасные грамоты посломъ, та твоя грамота писана кабы молодымъ купецкимъ людемъ через твое государьство проезжая. И такова твоя высость чему уподобити? И к своему ты воеводе виленскому такъ укоризнено не напишешь, какъ та грамота писана. А такие есмя укоризны не слыхали ни от турецкого, ни от иныхъ бесерменскихъ государей.

И мы ещо для кровопролитства хрестьянского в терпѣньи будучи, посылали есмя к тебѣ дворянина своего Григорья Офонасьевича Нащокина[14] з грамотою, а в грамоте своей к тебѣ писали есмя, чтобы ты по звыклому обычею послалъ к намъ пословъ своихъ. А рѣчью есмя с своимъ дворяниномъ к тебѣ приказывали, толко ты не похочешь по звыклому обычею послати к намъ пословъ своихъ, и ты б к намъ

прислалъ на наши послы свою опасную грамоту подобную, а не такову какъ с Левою с Стремоуховымъ, и мы к тебѣ пословъ своихъ и через прежние обычеи часа того пошлемъ, а ты б нашихъ пословъ дождался в своемъ государьстве. И ты нашего дворянина Григорья к намъ отпустилъ, а с нимъ к намъ прислалъ еси свою грамоту и пословъ своихъ по звыклому обычею к намъ послати не похотѣлъ еси. А в своей грамоте писалъ еси, чтобы мы к тебѣ послали своихъ пословъ, да и опасную еси грамоту на наши послы прислалъ, а срокъ еси учинилъ нашимъ посломъ у себя быти, какъ не возможно не токмо что посломъ поспѣти, ни гонцу к тому сроку бывать. А самъ еси какъ отпустилъ нашего дворянина Григорья, хотя видѣти кроворозлитье хрестьянское, тотчасъ на конь сѣлъ, не дожидаяся нашихъ пословъ, пошелъ еси на нашу землю ратью. А тово при предкехъ твоихъ николи не бывало, что послы идутъ, а они бы ратью шли, — нолны послы чево не здѣлаютъ, ино то толды рать пойдетъ, да и тутъ не скоро. А ныне при тебѣ за мечемъ миритись, ино то которой миръ?

И мы видячи твое нежалѣнье о хрестьянстве, пословъ есмя своихъ к тебѣ послали наскоро, столника своего и намѣсника нижегородцкого князя Ивана Васильевича Сицкого-Ярославского, да дворянина своего думного и намѣсника елатмовского Романа Михайловича Пивова, да дьяка своего Фому Дружину Пантелѣева сына Петелина. А перед ними послали есмя к тебѣ парабка своего молодого Федьку Шишмарева[15] з грамотою, чтобы еси нашихъ пословъ подождалъ в своей землѣ. И тотъ нашь гончикъ встрѣтилъ тебя на дорозе блиско Витепска, и ты на тое нашу грамоту ни поглянулъ, а самъ еси пошелъ на нашу землю ратнымъ обычаемъ, ничего не опуская, не жалѣя крови крестьянские. И мы велѣли своимъ посломъ к тебѣ и в рать итти, чево нигдѣ не ведетца, что в рати посломъ быти. И мы и тутъ тебя тѣшили, да не утѣшили, и ты нашихъ пословъ не подождалъ и в Витепске и пошелъ еси на нашу землю ратью, а нашихъ пословъ велѣлъ еси за собою вести тихо. А в тѣ поры наши изратцы Велижъ и Усвятъ и Озерища по твоимъ жаловалнымъ грамотамъ твоимъ людемъ отдали,[16] а самъ еси пошелъ к Лукамъ, а нашихъ пословъ велѣлъ еси за собою вести. И, пришедъ к Лукамъ, учалъ еси приступати, а нашимъ посломъ велѣлъ еси в тѣ поры посолство правити, и туть которому посолству быти? Такая великая неповинная кровь хрестьянская розливаетца, а посломъ посолство дѣлати! А паны твои рада, к нашимъ посломъ приходя, говорили урѣзывая однымъ словомъ: любо здѣлай такъ, ино будетъ миръ, а не здѣлаютъ такъ, какъ паны говорятъ, ино миру нѣтъ. А и такъ которой миръ? Паны с послы в шатрѣ говорятъ о миру, а в тѣ поры по городу без престани бьютъ, о чомъ посломъ с паны с твоими дѣлати? А ты все то и поималъ, и посломъ ужь и посолствовати нѣчего, ано уже посолство ихъ все изрушилося! А к намъ еси прислалъ гонца своего Григорья Лазовицкого з грамотою и с нимъ отпущалъ нашего сына боярского Микифора Сущова, и тутъ писалъ еси неподобное дѣло, чему сстатися не мочно, а другово еси гонца своего Гаврила Любощинского прислалъ к намъ[17] з грамотою, что взялъ еси Луки, кабы грозя намъ и похваляяся. Да сроки чинишь неподобные, какъ поспѣть не мочно не токмо что нашимъ гонцомъ к тебѣ, ни твои гонцы к тѣмъ срокомъ к намъ не приезжаютъ; а ѣздятъ дорогами лениво, а в томъ невинная кровь хрестьянская розливаетца. И такой непобожности ни в

бесерменскихъ государьствахъ не слыхано, чтоб рать билася, а послы посолствовали. Коли послы, и они посолство дѣлають, а коли захотять воевати, и они что нибуди вставятъ, да посолство порвуть, да ратью пойдутъ.

И волочилъ еси нашихъ пословъ за собою осень всю, да и зиму всю держалъ еси ихъ у себя, и отпустилъ еси ихъ ни счѣмъ, а тѣмъ всемъ насъ укоряя и поругаяся намъ. А что твои паны рада говорили нашимъ посломъ под Невлемъ и на чомъ хотѣли толды дѣлати, да какъ у тебя были послы наши в Варшеве и паны твои рада по тому не захотѣли дѣлати. А в кою пору приходили твои паны рада к нашимъ посломъ с отвѣтомъ, и в ту пору с ними пришли твоихъ людей человѣкъ с сорокъ, а паны твои рада нашимъ посломъ сказали, что то твоя меншая рада. И тово ни при которыхъ твоихъ предкехъ не бывало, чтобы тутъ опричь пановъ радныхъ иншие люди были. И то знатно, что твои панове рада всю землю наводятъ на кроворозлитье хрестьянское, желаючи крови розливати хрестьянские. А то твои панове жалѣючи ли о крови хрестьянские нашимъ посломъ в Варшеве говорили: «Которые дѣла под Невлемъ мы с вами, а вы с нами говорили и чего есте просили, что против того объявили, и по тѣмъ мѣрамъ на покой хрестьянству статися не можетъ — а после того уж пролилося долгое время и наклады государю нашему и утраты починилися в воиньстве немалые: взялъ государь нашь у государя вашего после того Заволочье, а ныне уж почалъ государь нашь воинство свое збирати изнова, и то ведь не без накладу ж».[18] И то хрестьянское ли дѣло твои панове говорятъ, а о кровопролитстве хрестьянскомъ не жалѣютъ, а о накладе жалѣютъ? А коли тебѣ убытокъ, и ты Заволочья не ималъ, хто тебѣ о томъ билъ челомъ? А то не жаданье ли кровопролитства — пословъ у себя держий, а дѣла с ними не дѣлай, а от своего брата обсылки не ждий, а воинства изнова збирай, да то розчитай в накладъ? Хто тебя заставливаетъ такъ убычитца?

А какъ отпустилъ еси к намъ пословъ нашихъ, и ты с ними к намъ приказывалъ, толко мы с тобою похотимъ доброго дѣла, ино есть еще коли пословъ намъ к тебѣ послати. И мы еще в терпѣньи будучи, а чаючи того, что ты узнаешься и безмѣрье отставишь и на мѣру сойдешь, и послали есмя к тебѣ другихъ пословъ, дворянина своего и намѣсника своего муромского Остафья Михайловича Пушкина с товарыщи. И ты и тутъ на подобную мѣру не пришелъ, высокою мыслью обнялся, приказывалъ еси с паны радами своими к нашимъ посломъ, что тебѣ инако с нами не мириватися без всеѣ Лифлянские земли и без наряду, что в тѣхъ городѣхъ; да Сѣбежа бы намъ тебе ж поступитися, а Велижъ и Невль готовы у тебя, а Луки и Заволочье и Холмъ, то за хрептомъ покинуто, и Озерища и Усвятъ. Да к тому бы еще намъ тебѣ заплатити твой подъемъ, какъ еси наряжался на нашу землю, а тово четыреста тысячь золотыхъ червонныхъ, а помиритца бы вѣчнымъ миромъ. А будто ты присягалъ на томъ, что тебѣ отыскивати у насъ Лифлянские земли и иныхъ давно зашлыхъ дѣлъ, которые еще при великомъ государе блаженные памяти Иванне, дѣде нашемъ, и при Александре королѣ дѣла дѣлалися.

И коли тому такъ быти, ино то что за миръ? Ныне казну у насъ взявши, да обогатѣвъ, а насъ изубытчивши, да на нашу казну людей нанявши, а землю нашу Лифлянскую взявши, да в ней наполня своими людми, да немножко погодя, да собрався того силнеѣ, да насъ же воевать, да и досталное отнять! Ино и не миряся то же дѣлати и невинная кровь крестьянская розливати! Ино то знатно, что хочешь без престани воевати, а не миру ищешь; мы б тебѣ и всеѣ Лифлянские земли поступилися, да ведь тебя не утѣшить же, а после того тебѣ кровь проливати же! Во се и ныне у первыхъ пословъ нашихъ чего еси не просилъ, а с нынешними с нашими послы и ты прибавилъ Сѣбежъ, и ты, тебѣ дай то, и ты възмѣришься, да иного запросишь, да ни в чомъ мѣры не поставишь, да не помиришься. Мы ищемъ того, какъ бы кровь хрестьянская уняти, а ты ищешь того, какъ бы воевати, да кровь хрестьянская неповинная проливати. Ино чѣмъ намъ с тобою помиритца, а ведь не помиряся тому же быти. А то все ныне при тебѣ дѣлаетца не по хрестьянскому обычею! А писали есмя к тебѣ о томъ и не одинова, чтобы еси к намъ прислалъ своих пословъ по прежнимъ обычеемъ, ино бы ранеѣ кровопролитство неповинное хрестьянское унялося. А нашимъ посломъ мирново постановенья не умѣть здѣлати по тому: мы с которымъ дѣломъ к тебѣ пословъ своихъ пошлемъ, и ты по тому не похочешь дѣлати, да иное дѣло вставишь, да порвавъ, да воевать; да х тому ещо пословъ просишь, а самъ завсе на конѣ готово сидишь, а сроки покладываешь с бесеременского обычея, какъ не мошно поспѣти. Во се и ныне мы то уже чаяли, тебя утѣшили, и послали пословъ своихъ со всѣмъ с тѣмъ, какъ тебѣ надобно, и ты того всего не полюбилъ, да вставя которому дѣлу не пригоже дѣлатися, да дѣла не дѣлавши, самъ еси на конь сѣлъ, да пошелъ на нашу землю ратью. Ино по тому такъ и ссталося, какъ мы к тебѣ писали, что нашимъ посломъ николи у тебя доброва дѣла не здѣлати.

А что о нашей вотчине о Лифлянской землѣ, и то сставлено не по правде, что она твоя, и николи тово не можешь указати — от Казимера ни при которыхъ предкехъ твоихъ — чтоб она была х коруне Полской и к великому княжеству Литовскому. А будетъ у тебя тому писмо есть или какое утверженье, и ты пришли к намъ, и мы тово посмотримъ, да по тому учнемъ дѣлати какъ пригоже. И тебѣ того не умѣть указать! Развее какъ люторство въ твоей землѣ учинилося, ино о Лифлянской землѣ началъ воевода виленской панъ Миколай Яновичъ Радивилъ[19] и иные паны рада для кровопролитства хрестьянского. От лѣта семь тысячь шездесятъ семаго, какъ присылалъ король Жигимонтъ Августъ пословъ своихъ, воеводу подляшского пана Василья Тишкевича с товарыщи, а с ними к намъ приказывалъ о лифлянтехъ, кабы о чюжой землѣ, что государь ихъ им поручилъ не толко межь собою и нами постановенья учинити, но и все хрестьянство в покое радъ видѣти; а вѣдаючи то, что мы валку ведемъ з закономъ Рѣши Немецкие земли и Лифлянские, чево не опустятъ цѣсарь и Рѣша Немецкая, а к тому, что княже Брандоборский Вилгеръ, арцыбискупъ Рижский, кровный его, для которого кривды на ту землю прошлого году тягнулъ, докуды ся узнали в своемъ выступе и его просили, и онъ, привернувши князя арцыбискупа во все прежнее его достоинство, и ихъ просбу принялъ, а ихъ земли не казячи, что крестьяне суть, про то и насъ напоминаетъ, чтобы есмя стерегли кровопролитья хрестьянского, а лутчи со княземъ

арцыбискупомъ Рижскимъ, с кровнымъ его, покойне ся заховать. И ты б посмотрилъ тово, коли бы та Лифлянская земля была х коруне Полской и к великому княжеству Литовскому, и онъ бы еѣ припомянулъ, а то еѣ не припомянулъ ничѣмъ и своею еѣ не назвалъ, приказывалъ об ней кабы чюжой; а и на нихъ ходилъ войною не для своего покоренья, для своего кровного, арцыбискупа Ризского Вилгерма, что его лифлянты поизобидили, и онъ за его обиду ходилъ, а не за то, чтоб ему повинны были. А и самъ написалъ, что «ихъ земли не казячи», — памятуй же на то, что «ихъ земли», а не своей. А после того прислалъ к намъ король Жигимонтъ Августъ лѣта семь тысячь шестдесятъ осмаго своего посланника Мартына Володкова, и с нимъ к намъ приказывалъ о Лифляндской землѣ, что она издавна предкомъ его от цысарства хрестьянского подданна ко отчинному панству ихъ, к великому княжеству Литовскому, под мочь и в оборону. И ты б, Стефанъ король, розсудилъ, пригоже ли такъ государемъ неодностайные рѣчи[20] говорити: с послы своими приказывалъ кабы о чюжой землѣ, а тутъ уже приказалъ, что будто ему от цысарства поддана, да и почалъ еѣ своею называти! А в грамоте своей писалъ, что княжате, мистръ Кетлеръ и иные, втеклися припадаючи до маистату его. И такое неправое дѣло панове рада коруны Полские и великого княжества Литовского удѣлавши и почали называть Лифляскую землю своею подданною и вослали в неѣ своихъ ротмистровъ баламутовъ. И коли бы то правда была, ино бы одно слово было, а то розными словы ухищряючи говорили и писали, чѣмъ бы приметатися к Лифлянской землѣ и неповинная кровь хрестьянская проливати.

И после того панове твои учали говорити, будто мы через присягу вступилися в Лифляскую землю, а тово не могутъ указати и по ся мѣста, на каковѣ то мы листе присегали. И после того почали паны твои рада говорити, что мы присягу и листы свои опасные порушили, а вступилися в Лифляскую землю, а мы того ничего не рушили, и в грамотахъ в перемирныхъ с предки с твоими нигдѣ не написана ни в которую сторону и в листехъ опасныхъ нигдѣ того не написано, что намъ своей отчины Лифлянские земли не очищати. Будетъ пакъ у тебя твоихъ предковъ о Лифлянской землѣ нашихъ прародителей и наши грамоты есть какие, и ты ихъ пришли к намъ или писмо с нихъ пришли к намъ, и мы уже болши того о Лифлянской землѣ и не говоримъ, а то опрочѣ кровопролитства оправдания у тебя нѣтъ никоторого. А чего в писмѣ нѣтъ, и то которое дѣло рушити, ано его и не бывало, и чего не бывало и то что рушити? А у пановъ твоихъ то и слово о лифлянты — воюетъ, порушилъ присягу, порушилъ опасной листъ. А коли та земля особно стояла, а были онѣ наши данщики, и были в ней мистръ и арцыбискупъ и бискупы, а по городомъ были князцы, а литовского чоловека и иныхъ господарствъ жаднаго в них чоловека[21] не бывало, и тогды з Литвою присега и опасные листы рушены же ли были? И хто ими владел, литовские же ли ротмистры? И тобе того не мочи указати!

А коли они не разорены были, и к намъ присылали бити чоломъ, а сами з нашими вотъчинами, каковы сами, з Великимъ Новым-городомъ и со Псковомъ, въ своихъ сплетках мир имали. И в тыхъ *их* челобитныхъ писано, что они нам в томъ добили чоломъ, что они приступали к королю полскому и к великому князю литовъскому, и им вперед къ

королю полскому и к великому князю литовскому никакъ не приставати и ничимъ не помагати. А похошъ того посмотрити, и мы к тобе с тых ихъ грамот послали списки[22] в сей же своей грамоте. А будеть похочешъ тыхъ самыхъ грамотъ посмотрити, и ты пришли посмотрить своихъ великихъ послов, и мы имъ тые грамоты за печатьми покажемъ, какъ лифлянты нашимъ прародителем и деду нашому блаженныя памети великому государу Ивану и отцу нашому блаженныя памети великому государу Василию и цару всея Руси били чоломъ за свои вины, и какъ они от коруны Полское и от великого князства Литовъского отписалися. И коли бы то была земля Лифлянтъская к Полше и к Литве — и лифлянты бы такъ въ своихъ челобитныхъ грамотахъ не писали. О чемъ пакъ предкови твои ихъ от того не встягивали, что они къ прадеду нашому блаженныя памети к великому государу Василию Василевичу[23] присылали бити чоломъ в лете шест тысеч девятъсотъ шестдесят осмомъ, про которого ты пишешъ, будто он с Казимеромъ королемъ о Великомъ Новегороде постановение вел? И коли бы та реч слушна была, ино бы через Новгородъ лифлянты къ прадеду нашому не присылали бити чолом. Также и к деду нашому блаженныя памети великому государу Иоанъну и к отцу нашому блаженныя памети к великому государу Василию, цару всея Руси, и к намъ многижда присылали бити чоломъ и ты было приходы послов ихъ и челобитъя к намъ на Москве посполитому наряду всяких вер и чужеземъцомъ ведомо не тайно, явно. А предки твои к прародителемъ нашимъ и к намъ о томъ не писывали, еще мы были и не в свершеномъ возрасте, чтобы мы ихъ челобития не приймали, и в них не вступалися, и своими лифлянтовъ не называли; и коли бы то была ихъ земля и предкове бы твои о томъ не молчали, а коли мольчали, ино то вжо не ихъ земля!

А что твои панове говорятъ, коли бы то земля наша была и нам было што с нею перемирие брать? Ино та земля была особная, а у нас была наша отчина в прикладе,[24] и жили в ней все немецкие люди, а писали перемирные грамоты с нашими вотчинами, с Великимъ Новымъгородомъ и со Псковомъ, по нашому жалованию, какъ мы имъ велимъ, по тому какъ мужики волостныя меж себя записы пишут, какъ им торговати, а не по тому, какъ государи межъ себе перемирные пишуть. А ты пишешъся прускимъ, а в прусех свое княже и у тебя присега с ним естъ, ино по тому и прусы не твои? А то по тому жъ лифлянты были наша прикладная отчина, какъ у тебя прусы. А что панове твои говорять, коли бы то была наша отчина и мы имъ и приложеныхъ подавали: ино та наша отчина Лифлянтская земля была не нашие веры, а жили в ней все немецкие люди, и наши прародители и мы ихъ пожаловали, дали имъ в томъ волю, что имъ мистром и преложеныхъ обирати по ихъ вере и по ихъ обычаю, а для рускихъ купцов, что приездчая к нимъ торговали, были у них церкви хрестиянские и дворы и слободы. А хоти и преложоных они имали, и они ведь имали у папы, ведь бискуповъ всих ставить папа, а не корол, а предкове твои бискупов не ставили. А что арцыбискупъ Вилгермъ был старого Жикгимонта короля кровный его, ино ему местечка нигде не было, ино по королеву прошению лифлянты ему дали арцыбискупъство ризское; а ведь его ставил в арцыбискупы папа жъ, а не корол: короли ведають мирские дела, а церъковные дела ведаеть папа да арцыбискупы и бискупы; ино по тому Лифлянтская земля ваша же ли? А что панове

твои говорять, что лифлянты рать вели блаженныя памети с великимъ государем Василиемъ и царемъ всея Руси с отцомъ нашымъ, и тому дивитисе нечому! Многижъды подданой, хотя ис подданства выступити, да государу своему противитца ини его за то казнят. А Ягайло и Витолтъ такъ с прусы битву вели[25] и предки твои с Кондратомъ, князем мазовецкимъ, воевалися.[26] А ко отцу нашому блаженныя памети великому государу Василию, цару всея Руси, присылал к нему бити чоломъ княже пруский Олбрехтъ,[27] немецкого чину высокий маистръ пруский, маркрабий брандемборский, статинский, памерский, касубъский и вендиский, дука бургравий ноурмеръский, княз рунгенский о помочи на старъшого Жикгимонта короля. И ты и самъ по чему ко Кгданъску ходил ратию?[28] Ведь он твой, и къ своему почто ратию ходить? А такъ Лифлянтская земля рать против отца нашого по тому жъ учинила. А что панове твои говорать, что лифлянты утеклися до вас, королей полскихъ и великихъ князей литовскихъ, ино покаместа они въ своей воли были, и они к вамъ по чему не утекалися? А как они намъ израдили, и мы на нихъ гнев свой положили и их разрушили, и они к вамъ утеклися. Иного во всей вселенной хто беглеца приимаеть, тот с нимъ вместе неправ живеть; и то не в чужое ли вступился еси? А о чемъ, коли они были не разрушены, и вы ими не умели владети? А коли Витолтъ зъ Ягайломъ розницу вел о отцове убийстве,[29] и в которыхъ онъ немцахъ былъ, и с которыми немцы к Вилне ратию приходилъ, и мало Вилни не взял?! И того тобе жаднымъ словомъ указати нелзя, коли была Лифлянтская земля не разрушена, чтобъ она была послушна къ королевству Полскому и к великому князству Литовскому; и то по всяких справахъ может се знати, что Лифлянтская земля болшей присегала к нашому государству, нижли к вашому.

И о томъ что много и говорити! То уже указано, что вы за посмех называете Лифлянтскую землю своею, а то все ныне, хотя неповинного кровопролитства хрестиянского, паны твои взывають Лифлянтскую землю не по правде своею подданою. А что твои панове рада говорили послом нашымъ, что ты на том присегал, что тобе Лифлянтское земли доступати, и то хрестиянское ли дело, что того для присегать, что за посмехъ, напрасно хотя гордости и корысти и разширения государъству, неповинная кров хрестиянская розливати? Ино ты писал, что предкове наши з неправъдою своею государъство размножили, — а ты з великою правъдою отъискиваешъ, с кровопролитъствомъ, черезъ присягу? А что панове твои рада говорили нашимъ посломъ, что они за лифлянты стали со всею землею, что Лифлянтская земля костелъ римъской, з ними поляки одна вера, и той всей земли пригоже то быти в твоей стороне, а в одной земли два государа, и тут добру не бывать: «А у нас государъ поволной: обираемъ собе государа, кого захотят, которой государъ у нас ни будеть, и он без нас ничого не делаеть; а что и захочеть делати, ино мы не дадимъ; а ныне нашого государа нашого какъ есмя обирали, и мы то ему сказывали, что многие места от нашие земли по неправдамъ государа вашого и предков его отлучоны; и государъ нашъ намъ на томъ присегал, что ему давно зашлыхъ местъ отъискивати и Лифлянтская земля очистити». И то которое хрестиянское дело? Называетеся хрестияне, и у папы и у всих римлянъ и латын то и слово, что однако вера греческая и латынская; а коли собор был в Риме при Евгении папе римъскомъ, от создания миру в лето

шест тысечное девят сотъ чотыридесятъ семое, и тогды был на томъ соборе греческий цар Цариграда Иван Мануйлович, а с нимъ патреархъ Цараградъский Иосифъ (на томъ его соборе и не стало), а из Руси был тогды Исидор митрополитъ, и уложили на томъ соборе, что однако быти греческой вере и з римскою.[30] Ино паны твои то ли хрестиянство держать, что не любять под греческою верою Лифлянтское земли? А они и своему папе не верають: папа ихъ уложил, что однако вера греческая и латынская, и они то разрушают[31] и отводять людей от греческой веры к латинъской, и то хрестиянское ли дело? А у насъ которые в нашей земли держать латинскую веру, и мы их силою от латинское веры не отводим и держимъ ихъ въ своемъ жаловании зъ своими людми ровно, хто какой чести достоин, по их отечеству и по службе, а веру держать, какову захотят. А что паны твои говорили, что в одной земли два государа, и тут добру не бывать; и мы вжо к тобе о томъ и послали, чтобъ ты с нами постановение учинил о Лифлянтской земли, и ты с нами постановения подобного не учинишъ. А что ты присегал на томъ, что тобе давно зашлых местъ отъискивати и Лифлянтская земля очистити, так же и паны твои межъ себя о томъ присегали, что имъ за то стояти, ино то для неповинного кровопролитства хрестиянского уделано з бесерменского обычая. И тот твой миръ знатен: ничого иного не хочешъ, толко бы хрестиянство истребити, мирити ли се тобе с нами и твоим паном, бранити ли ся, толко бы тобе свое хотение и твоим паном улучити на пагубу на хрестиянскую. Ино то что за мир? То прелесть! А толко намъ тобе всее Ляфлянтское земли поступитися, и намъ в том убытокъ великий будет, ино то что за мир, коли убытокъ?

А ты ничого иного не хочеш, толко бы тобе над нами вперед силну быти. И чимъ намъ тобе самим над собою силу давати? И коли еси силен и желателен крови хрестиянское, и ты силою проливая кров неповинную хрестиянскую емли. А и под Невлемъ панове твои рада посломъ нашимъ, столнику нашому и наместнику нижегородскому князю Ивану Василевичу Ситцкому Ярославскому с товарыщи, также жадая крови хрестиянское, говорили: толко мы тобе не поступимся всее Лифлянтское земли, и ты хочешъ тыхъ всих местъ доступати, которые от великого князства литовского къ *московскому* государъству отлучени, а на том тобе не переставывать и не успелося будеть, чого ныне доступити, и то и вперед не уйдеть. И коли такое твое и панов твоихъ рад непрестанное умышление и желание на неповинное крови розлитие хрестиянское, и тут которому миру быти и доброго дела ждати! Изначала же, тебя емлючи панове на государство, на том тебе к присязе приводили, что тобе всих давно зашлыхъ дел отъискивати, — ино на што было и послов посылати? Одною душею да двожды присегати: паном и земли ты присегал, что тобе того доступати, а послы, что тобе зделати с нами мир. И тобе уж на том присегати, что иных местъ намъ поступитися, что пригоже! Да на томъ присегати жъ, ино не ведомо будеть, которая присега крепчей, и самому тобе на той ли присязе быти, на чом еси земли присегал, или на той тобе присязе быти, что послы твои с нами зделают или наши послы с тобою зделають меж нас? Ино тутъ одной присязе которой-нибуд быти изрушеной, а тому статися не мочно, что присеги обе крепко держены были, а не изрушени; и тутъ которому доброму делу быти? И по тому межъ обеюх

наших земел довека кровопролитству не перестать. А и то хрестиянским ли то обычаем делаетца, какъ еси ослободил нашимъ посломъ к намъ отпустити нашого сына боярского Микифора Сущова и твое панове рада велели тую грамоту, которую к намъ посылають, къ собе принести, да ее чли, а вели писати то жъ, что ты пишеш, и иново ничого не дали писати?[32] Ино то не ведомо послы, не ведомо полоняники, не ведомо твои люди, не ведомо мои люди, что жадного слова без твоего ведома не смеют писати. Иное то прамое вытеснение, а не такъ, какъ твои послы по своей воли зделали, и ты тое присягу изламал. Ино что послов и посылать, коли вы всею землею на кровопролитство устремилися? Сколко пословъ ни посылай, что ни давай, а ничимъ не утешишъ, а миру не бывать. А что твои жъ паны говорили, что они на том тобе и взяли, что давно зашлые дела исправити, да и самъ еси писалъ и приказывал с послы и с посланники и не одинова. И то къ которому доброму делу пристоить: с обе стороны не одинъ государъ извелся, и ты уже отошли на Божий суд, а ты болши за сто летъ изыскиваешъ. Ино то тые вси государи не умели того здумати, што за свое стоять, а которые при нихъ были бояре и паны рада, тые глупы были, что того не отыскивали никоторыми обычеи, не токмо что кровию? А ты тых всихъ предковъ своих дородней, а паны рада твои умнее отцовъ своихъ; чого отцы ихъ не умели отыскать, что они кровопролитством отыскивають! Дале жъ уже что и от Адама делалося, и того станеш отъискивати! И коли давно зашлые дела отъискивати, и тут опроче кровопролитства иного нечого ждати; и коли ты пришол крови проливать, и паны тебя взяли на государъство крови жъ розливать, ино на што было пословъ просити? Ведь ничимъ не утешить, доколева кровопролитства насытятца хрестиянского. Ино то знатъно, что ты делаешъ, предаваючи хрестиянство бесерменомъ! А какъ утомишъ обе земли, Рускую и Литовскую, такъ все то за бесермены будеть. И ты хрестиянин именуешъсе, Хрыстово имя на языци обносишъ, а християнству испровержения желаешъ.

А что вечным миром хочешъ з нами миритисе, ино и преж сего при твоих предках перемирие крепчей бывало миру: перемирия нихто не рушивал, а миры вечные всегда рушилися; а ныне и поготову нечому верити по тому, что тобе присяга ни во что порушити за игры места: что послы твои на чом намъ присегали на грамоте, и ты тую присягу порушил, да кровъ проливать почал. Ино нечому верити, коли за присягнение нетвердо держишся, и по тому вечному миру межъ нас быти с тобою нелзя, что нечому верити. А город Себежъ,[33] который есмя з Божеею волею еще не в звершеные свои лета въ свое имя поставили при старшемъ Жикгимонте короли, и он з своей побожности, не хотя видети крoворозлитъства во крестиянстве, какъ естъ государъ хрестианъский, хотя покою видети во крестиянстве, того местца намъ поступился, а за то с нами кровопролитства во хрестиянстве не велъ. И тот бы городъ самъ любо зжечи или розволочити велел, а землю бы намъ тобе тое к Полоцку поступитисе; а ты пришлец, а того просишъ, что не пригодитца к делу; ино тутъ какъ доброму делу быти, коли твое такое прошение неподелное? А что ты писал в своей грамоте, что есмя посылали къ тобе послов своих, и что послы нашы великие, дворанинъ нашъ и наместникъ муромъский Остафей Михайлович Пушкин, да дворанин нашъ и наместник шацкой Федор Анъдреевич Писемъской, да

диякъ Иван Андреевъ сын Трифанова, до тебе пришли з листомъ нашымъ верущим, и в томъ листе пишеть, чтобъ ты имъ веру дал, *что* они именемъ нашим учнуть тобе говорити; ино то во всякомъ опасномъ листе пишется такъ, и что будеть тобе не в обычей, что в той земли делалося до тебя, и ты, старых панов спрося, про то уведай. А что они тобе объявили, что они полную науку имут, а зсылаешъсе на ихъ грамоту, и по сей твоей грамоте, что к намъ послы наши писали, ино ты о всемъ о томъ паномъ своимъ приказовал посломъ нашымъ говорити, и по тому, как послы нашы к намъ писали, что твои у нас запросы, доброму делу статися не возможно. А что намъ дати полная наука посломъ своимъ, ино полнее того какъ наука давати! И так тебе послы наши поступалися болшей семидесятъ городов — Полоцка и с пригороды и из нашие вотчины из Лифлянтские земли городов оприч Курлянъские земли, а Курлянская земля к тобе к тому наддатка, а в ней естъ городов с тридцат. А того ни в которых государствах не ведетца, чтобъ городовъ поступилися; нихто никому ни одного города не поступится, а мы тобе столко городов поступалися, а тебе на доброе дело не могли привести! А что они просили у тебе в нашу сторону из нашие отчины и Лифлянтские земли Новгородокъ, Сыренескъ, Адежъ и Ругодевъ, а ты и того намъ не хочешъ поступитися! А что они просили у тебе нашые извечъные вотъчины, что ты поималъ, и та наша отчина прародителей наших, и намъ было какъ тобе той своее отчины поступатися, то наша отчина извечная от прародителей нашыхъ! И ты того всего делати не похотел, а хотел ихъ отпустити без дела; и они тебе просили, чтобы еси имъ позволил с нами обослатися, а ты имъ объявил, каковым обычаемъ межъ нами приязни статися пригоже, и намъ бы вглянувши в писание своих пословъ, во всих тыхречахъ науку имъ достаточную и моц полную дати.

И мы писанъе своих пословъ вычли гараздъ и вси твои объявления вразумели; ино таковое твое объявление, не токмо намъ меж себе приязни статися не пригоже, и доброе пожитие и покой хрестиянству разораеть и на кровопролитъство наводить, но и потомком нашымъ на многие лета не возможно в приязни быти, развее на долгий час межъ себе кровопролитъство вести безъпрестанное. А науку намъ достаточную и моц полную болшей того какъ давати? А что пишешъ о своемъ войску, что будуть близко наших границ, ино от того убытокъ будеть, ино то давно ведомо, что ты завсе прагнешъ на кровопролитъство хрестиянское! А что город Себежъ намъ разрушити, а землю его тобе поступитися, ино то к доброму делу не пристоить; и коли бы ты хотелъ покою въ християнъстве, и ты бъ к городу к Полоцку не ходил и его не ималъ, ино бы то все была одна земля, ино бранитися не о чом. А и тутъ похочешъ правды держати, ино Себежъ с Полоцкомъ при старшемъ Жикгимонъте короли и при новомъ Жикгимонте Августе короли перемирие былъ, а брани ни о чомъ не бывало, а ты нынеча все зъ задоромъ пишешъ. А что твои панове рада говорили, что ты против Себежа велиш Дрис зжечъ — ино такъ младенъцовъ омыляють,[34] какъ твои панове то говорили; а намъ в томъ которой прибытокъ? Мы Себежъ велим зъжечи, а ты велишъ Дрис зъжечи, а обе земли у тебя будуть! И ты, зжогши, да опятъ велишъ поставить. Ино то твоих пановъ ухищрение, а не дело! А что пишешъ в своей грамоте, чтобъ намъ миритися межи себе такъ, какъ бы доброе дело непорушно

утверъжалося на *добро* хрестиянъское, а межи бы насъ приязнь множиласе, а малымъ бы деломъ болших делъ порушити не хочешъ, — и ты пишешъ, чтобъ было дело доброе непорушно, а сам же всякими обычаи доброе дело разрушаешъ, а малым бы делом болших не порушити, и ты ни малого ни болшого дела въ крепости не поставишъ, толко одно то, чтобъ воевати!

А что писалъ еси о купецкихъ людехъ, ино тые задержаны по тому, что учинилася межъ нас розмирица, а держать их во всякомъ покое, а не якъ вязней, и товары ихъ вси у нихъ не поотниманы, на тых же у нихъ дворехъ стоять, на которых дворех они стоять, а не отпустимъ ихъ для того, чтобъ они, пришедши к тобе, вестей не сказывали, что они в нашемъ государстве ведають, по тому жъ, какъ ты для вестей и за нашимъ прошениемъ наших вязней не выдаешъ на окупъ и на отмену для того, чтобъ намъ про тебе и про твою землю ведома не было. А коли Богъ дасть, межъ нас доброе дело будеть, и мы их тогды отпустим со всими ихъ маетностями без всякое шкоды; а подлинъно есмя к тобе о том особную свою грамоту послали. А чтобъ намъ твоего дворанина Крыштофа Держка не задержавъ к тобе отпустити к тому сроку, какъ еси нашим посломъ объявил, и мы его отпустили, как намъ успелося. А тот твой дворанин Крыштофъ Держко приехал к нам за трынадцать ден от того сроку, и ему было к тобе к тому сроку не поспети же; а хоти бы мы его и поборжей того отпустили, и к тому бы сроку хоти и поспел, и тобе было нам тым не утешить же, и от кровопролитства не унять же; поспеетъ ли, не поспеетъ ли, мир ли, не мир ли, а однако кровопролитству быти! А предки твои вси всего того дожидалися на своихъ на столечных местех, а не в ратном походе, ни на пограничных местех. И мы к тобе его отпустили какъ ся вместило. А что подъему просиш, и то вставлено з бесерменского обычая: такие запросы просят татарове, а въ хрестиянских государствах того не ведется, чтобъ государъ *государу выход* давал; того во крестиянехъ не ведется, то ведеться в бесерменех, а в хрестиянъских государствах нигде того не сыщешъ, чтобъ межъ себя выходы давали; да и бесермены межъ себе выходов не емлют, развее на хрестиянех емлют выходы. А ты зовешъся государем хрестиянскимъ, почто на хрестиянех просишъ выходу з бесерменъского обычая? А за што намъ тобе выход давати? Нас же ты воевал, да такое пленение учинил, да на насъ же правъ убытокъ. Хто тебе заставливал воевать? Мы тобе о томъ не били чоломъ, чтобъ ты пожаловалъ воевалъ! Правъ собе на томъ, хто тебе заставливалъ воевать, а нам тобе не за што платити. Еще пригоже тобе намъ тые убытки заплатити, что ты напрасно землю нашу приходя воевал, да и людей всихъ даромъ отдать. Да и то по хрестиянски ли у тебе делается, что ходя к тобе послы наши и посланники и гонцы по твоим опасным грамотам, и которых они людей от себе отворочають назад и подводы, и твои украинные люди, оршане и дубровляне и иныхъ многих городов, тых наших людей и проводников, которых отворочивають послы наши и гонцы, ихъ самых грабять и обыскивають военънымъ обычаем и лошади у них отнимають? Да что много писати, коли устремился еси на такое кровопролитство и гордыню, а побожность хрестиянскую на сторону отложа, и в такое безмирие и высость взялся еси, кабы хочеш вдруг поглотити, и фалишъся яко Амаликъ и Сенахиримъ или якожъ при Хоздрое Сарваръ[35] воевода, хваляся на царствующий град, глаголет:

«Не блазнитеся убо о Бозе, в Онже веруете, утре бо градъ вашъ, яко птицу, рукою своею возму!». Мы жъ положихомъ Вышняго прибежище собе и уповаем на силу животворащаго креста, и ты воспомяни Максемтея в Риме, како силою честнаго и животворащаго креста погибе; и вси гордящеися и висящеися николи жъ без погибели не бываюць (…) И коли ужъ такъ, что все кровопролитие, а миру нетъ, и ты бъ наших послов к намъ отпустил, а православънaго хрестиянства кровопролитства и нас з тобою Богъ разсудить.

Будеть же похочешъ воздержатися от неповинъного кровопролитъства хрестиянъского, и мы с тобою хотимъ перемирья и вечного пожития. А какъ намъ с тобою быти въ вечном покое или в перемирьи и по тому, какъ мы к тобе приказывали з своими послы, з дворениномъ своимъ и наместникомъ муромъскимъ с Остафъемъ Михаловичымъ Пушкинымъ с товарыщи, и ты в перемирье с нами по тому быти не похотел, и нынече и мы с тобою в перемирии быти не хотим, и въ вечном покою быти не хотимъ по тому, какъ есмо приказывали къ тобе зъ своими послы, столникомъ своимъ и наместником нижегородскимъ со княземъ Иваномъ Василевичом Ситцким Ярославскимъ с товарыщи, и з нынешними своими послы, з дворениномъ и наместникомъ муромским, с Остафъемъ Михайловичом Пушкинымъ с товарыщи. А хотимъ с тобою в перемирье быть и въ вечном покою по тому, какъ есмя ныне къ своимъ послом наказали, и грамоту свою прислали и науку имъ дали о последнемъ деле, какъ межъ нас с тобою мочно имъ доброе дело постановити. А чтобы намъ прислати къ посломъ своим листъ свой отвористый, какъ намъ межъ себе в доброй приязни быти, а тобе бы иноверно ку застановению покою приходити, и на листе своемъ отвористомъ и писав прислати, за которымъ бы листомъ послы наши дела таковые становити и доканчивати могли на покой хрестиянский, — и мы тому листъ свой послали отвористый и за своею печатью къ своимъ посломъ.

А болшей того намъ в перемирии с тобою быти нелзя, а хотимъ с тобою в перемирье быти по тому, какъ есмо ныне к тобе писали, а иные есмо речи послали, и наказ к посломъ своимъ, и велели тобе говорити.[36] И толко похочешъ с нами доброе приязни и в докончание быти или в перемирье, и ты бъ былъ по тому, какъ есмо ныне посломъ своим приказали, къ дворанину своему и наместнику муромскому Остафъю Михайловичу Пушкину с товарыщи. А будеть же не похочешъ доброго дела делати, а похочешъ кровопролитъства хрестиянского, и ты бъ наших послов к намъ отпустил, а уже вперед летъ на сорокъ и на пятдесятъ посломъ и гонцомъ промежъ нас не хаживать. А какъ к нам послов наших отпустишъ, и ты бъ ихъ проводити велел до рубежа, чтобъ ихъ тыи твои украинные лотры не побили и не пограбили; будеть што над ними учинитца какая шкода, и та неправда от тобе жъ будеть. Мы убо советовахомъ собе и тобе благая, ты же непослушлив, якоже онагръ конь, убо на брань готовъ; от Господа же помощъ! Мы жъ о всемъ возложихомъ упование на Бога, тотъ, якоже хощеть, и завершить намъ благая силою своею животворащего креста. На его силу уповая и вооружився во всеоружие креста, против врагов своихъ ополчаемъся силою крестною.

А сю есмя свою грамоту запечатали своею болшею печатью, извещая тобе, каково намъ Богъ поручилъ государство. Писана в царъствия нашого дворе града Москвы лета сем тисечъ осмъдесятъ девятого июня въ двадцать девятый ден, индикта девятого, государъствия нашого сорокъ шостого, а царствъ наших: Росейскаго тридцать четвертого, Казанского двадцать осмого, Астороханского двадцать семого.

---

[1] *...з гонцомъ его с Хриштопомъ з Дершкомъ.* — Гонец Криштоф Држко (Дзержек) был отправлен русскими послами Остафием (Евстафием) Пушкиным и другими, находившимися в лагере Стефана Батория с 1580 г., дипломатами для того, чтобы срочно передать Ивану IV требования польского короля.

[2] *...по Божию изволенью, а не по многомятежному человечества хотѣнию...* — Этот характерный для посланий Грозного выпад против польского короля был выражен в нарочито неопределенной форме. Уже в инструкциях послам О. М. Пушкину и Ф. А. Писемскому на вопрос: «Кто же это со вчерашнего дня государь?», было велено отвечать: «Мы говорим про то, что наш государь не со вчерашнего дня государь, а кто со вчерашнего дня государь, тот сам себя знает» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., б. г. Кн. 2. Т. VI, стлб. 278—279).

[3] *Что прислалъ еси к намъ гонца...* — По дипломатической традиции того времени царь начинал свою грамоту с полного изложения грамоты Батория от 4 июня 1581 г., привезенной ему Держко (она сохранилась в «Книге посольской Метрики литовской»). Русские послы соглашались отказаться от всей Ливонии за исключением Ругодива (Нарвы) и городов, расположенных по течению р. Нарвы у самой русской границы, и от завоеванных Баторием западнорусских городов: Полоцка, Велижа, Усвята и др., возражая только против уничтожения еще не завоеванной крепости Себеж.

[4] *...Станислава Крыжского с товарыщи...* — Польские послы Станислав Крыйский и др. отправились к Ивану IV еще во время похода на Двину в 1577 г., но царь отказался их принять во время похода. Послы были приняты уже в Москве в январе 1578 г. По дипломатической традиции Грозный излагает всю историю предшествующих переговоров за несколько лет.

[5] *...Михаила Долматовича Карпова, да... Петра Ивановича Головина...* — Карпов с Головиным выехали в Полылу в мае 1578 г. Польский посол Гарабурда был отправлен в Москву еще раныпе, в марте 1578 г., и долго не был принят. При приеме Головина (Карпов по дороге умер) король сознательно оскорбил царя, не встав при произнесении его имени и не упомянув о здоровье; Головин отказался вести переговоры, и они затянулись на неопределенное время. Тем временем Баторий отвоевал Двинск и Венден.

[6] *...ни при Олгерде... ни при нынешнемъ Жигимонте...* — Иван IV перечисляет представителей династии Гедиминовичей, занимавших с начала XIV в. литовский престол (Ольгерд, Витовт — великие князья литовские), а с конца XIV в. приглашенных на польский престол (начиная с Ягайло, откуда название династии — Ягеллоны; Ягайло, Казимир, Александр, Сигизмунд I, Сигизмунд II Август — польские короли).

[7] *...Петра Гарабурду к тебѣ отпустили, а с нимъ к тебѣ отпустили... Ондрѣя Михалкова з грамотою...* — Гарабурда и Михалков были отправлены Иваном Грозным из Москвы в январе 1579 г. Русские послы Головин и другие и после отправления Гарабурды в течение полугода оставались задержанными в Польше (до 1 июня 1579 г.).

[8] *...прислалъ еси к намъ гонца своего Венцлава Лопатинского з грамотою... гонца нашего Ондрѣя к намъ отпустилъ еси...* — 1 июня 1579 г. Баторий, полностью подготовившись к военным действиям, «выбил из своей земли кабы злодеев» русских послов Головина и других, а 26 июня отправил к Грозному своего посла Лопатинского и русского гонца Михалкова. «Лист», посланный с Лопатинским, представлял собою «разметную грамоту» — объявление войны. Баторий ставил в вину царю главным образом его военные действия в Ливонии в 1577—1578 гг. Грозный первоначально задержал Лопатинского, но уже в декабре 1579 г. гонец был отпущен, однако при отправке ему было указано, что «которые люди с такими грамотами ездять, и таких везде казнят; да мы, как есть государь христианский, твоей убогой крови не хотим».

[9] *...и с нашими израдцами, с Курбскимъ и з Заболоцкимъ и с Тетеринымъ...* — Участие этих «изратцев» (изменников) в походе на Полоцк подтверждается и в ответе Батория на комментируемое послание.

[10] *И нашу вотчину городъ Полоцко израдою взялъ еси.* — Осада Полоцка длилась с середины августа до середины сентября 1579 г. Перед началом осады король послал защитникам Полоцка грамоту, в которой оправдывал свое наступление против царя и обещал «освободить христианский народ от кровопролития и неволи». Несмотря на эти обещания, Полоцк оборонялся очень энергично и был сдан лишь после пожара в крепости.

[11] *...новымъ умышленьемъ зжегъ и люди побилъ и мертвымъ поругался... как бы волховнымъ обычаемъ.* — «Новое умышление» заключалось в том, что крепость была подожжена раскаленными ядрами. О происшедшем при взятии Сокола надругательстве над трупами рассказывает Гейденштейн: «...многие из убитых отличались тучностью; немецкие маркитантки, взрезывая такие тела, вынимали жир для известных лекарств от ран, и между прочим это было сделано также у Шеина» (*Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1889, с. 79).

[12] *...«перед маистатомъ» ихъ не ставятъ.* — В «разметном листе», посланном с гонцом Лопатинским, Баторий жаловался царю, что русские послы не сказали ему ни слова, «кгды перед маестат наш были возвани», т. е. «когда были приглашены к нашему величеству». Недовольство Грозного этим выражением Баторий объяснил в своем ответе на него тем, что Грозный не понял смысла слова «маестат». В ходе дальнейших дипломатических переговоров Грозный отверг это обидное для него обвинение в невежестве: «...и мы то ведаем: маистат — государство, а на маистате — государь на государстве, и государь государства болши: приведут к государю, что то к его лицу, а приведут к маистату, ино то к повеленью к государскому приведут, а не к самому государю, ино то уж ниже, да и хуже». Выражение «привести к величеству» действительно звучало на тогдашнем дипломатическом языке более унизительно для послов, чем «привести к государю».

[13] *Также и с наших бояръ человекомъ с Левою с Стремоуховымъ прислалъ еси к намъ свою грамоту...* — После падения Полоцка и Сокола из Москвы в Литву был отправлен в конце октября 1579 г. гонец Лев (Леонтий) Стремоухов, — формально не от царя, а от Боярской думы (в обстановке польского наступления предложение мира со стороны самого Грозного имело бы унизительный характер). Гонец должен был передать литовским панам просьбу московсжих бояр — убедить их государя начать мирные переговоры. В своем ответе, посланном с тем же Стремоуховым, члены литовской рады отказывались послать послов к русскому государю, но соглашались принять русских послов, обещая во время их поездки в Польшу не вести военных действий. Грамота литовской рады не удовлетворила Боярскую думу.

[14] *...посылали есмя к тебѣ дворянина своего Григорья Офонасьевича Нащокина...* — Гонец Нащокин был отправлен Иваном Грозным к Баторию в апреле 1580 г.; он должен был убедить польского короля начать мирные переговоры (но выступал на этот раз уже прямо от имени царя, а не от бояр). Когда ему не удалось убедить Батория начать переговоры первым, он предложил королю, согласно имевшейся у него инструкции, послать «опасный (охранный) лист» для русских послов. Король согласился на это, но сперва отказался соблюдать перемирие на время переговоров, а затем согласился на короткое перемирие сроком в пять недель. За это время он полностью подготовился к походу и следующих русских гонцов и послов принимал уже в лагере.

[15] *...послали есмя к тебѣ парабка своего молодого Федъку Шишмарева...*— Гонец Шишмарев прибыл к Баторию в местечко Чашники 19 июля 1580 г., в день, когда истек установленный Баторием срок перемирия; Грозный просил через этого гонца продлить срок перемирия, чтобы могли успеть приехать его «великие послы»; Баторий отказал в этом и двинулся через Витебск на Великие Луки.

[16] *А в тѣ поры наши изратцы Велижъ и Усвятъ и Озерища... отдали...* — 7 августа польским войскам сдался (после четырехдневной осады) Велиж, 16 августа — Усвят; Озерище, вопреки указанию комментируемого послания, было взято Баторием значительно позже —

после падения Великих Лук. 27 августа Баторий начал осаду Великих Лук, а 28 августа к нему прибыли «великие послы» царя — Сицкий, Пивов и другие. Послы, находясь в лагере осаждающих, стали непосредственными свидетелями осады города. Несмотря на это, послы проявили большую настойчивость и упорство, соглашаясь уступить только те города в Ливонии, которые (после измены Магнуса) все равно перешли в польские руки, и несколько западнорусских городов, захваченных Баторием. Переговоры прервались (послы предложили обратиться к царю за новыми инструкциями) еще до взятия Баторием Великих Лук 6 сентября 1580 г.

[17] *...Григорья Лазовицкого з грамотою... Микифора Сущова... Гаврила Любощинского прислалъ к намъ...* — Гонец Григорий Лазовицкий был отправлен Баторием к Грозному 5 сентября 1580 г. (накануне взятия Великих Лук); вместе с ним ехал Никифор Сущов — гонец к царю от находившегося в Польше русского посла Сицкого. В грамотах, врученных гонцам, король требовал от царя уступки всей Ливонии.

[18] *И волочилъ еси нашихъ пословъ... не без накладу ж...* — После неудачных переговоров в августе 1580 г. русские послы Сицкий и другие оставались в Польско-Литовском государстве и продолжали переговоры до февраля 1581 г.

[19] *Миколай Яновичъ Радивилъ* — по прозвищу Черный, воевода Виленский, один из крупнейших политических деятелей времени Сигизмунда II Августа, активный деятель польской реформации (кальвинист). Замечание Грозного, что первопричиной вмешательства Польши в ливонские дела было «люторство», связано, вероятно, с переговорами, которые он завязал в этот период с римским папой.

[20] *...неодностайные рѣчи...* — Нередкий в послании пример полонизма (jednostajny — по-польски: единообразный). Грозный перед этим цитировал два заявления Сигизмунда II Августа: из речей польского посла Тышкевича с товарищами в марте 1559 г. и из грамоты, привезенной посланником Мартином Володкевичем (Володковичем) в начале 1560 г. Архиепископ Рижский маркграф Бранденбургский (брат герцога Альбрехта Прусского и племянник Сигизмунда II Августа) был арестован магистром ордена, но по требованию польского короля освобожден. Разница между содержанием двух польских документов, отмеченная царем, объясняется тем, что в августе—сентябре 1559 г. новый магистр Ливонии признал власть польского короля.

[21] *...жаднаго в них чоловека...* — Еще один пример полонизма. «Zaden» — по-польски: никакой.

[22] ...с *тыхъ ихъ грамот послали списки...* — К посланию были приложены две договорные грамоты, заключенные в 1509 и 1522 гг. между новгородскими и псковскими наместниками отца Ивана IV, Василия III, с одной стороны, и Ливонским орденом — с другой.

[23] *...великому государю Василию Василевичу...* — Челобитье Василию II (Темному) относится к 1459—1460 гг.

[24] *...отчина в прикладе...* — Выражение это разъясняется из контекста: Грозный указывает, что Ливония была «наша прикладная отчина, как у тебя прусы». Прусский герцог — вассал Польши; Грозный, следовательно, «вотчиной в прикладе» именует вассальную (ленную) территорию. «Приложеный» — «przelozony» — по-польски: начальник, управитель.

[25] *...Ягайло и Витолтъ такъ с прусы битву вели...* — В 1410 г. Витовт в союзе с Ягайло и русскими князьями одержал над Прусским орденом победу под Грюнвальдом.

[26] *...предки твои с Кондратомъ, княземъ мазовецкимъ, воевалися.* — Герцогство Мазовия (главный город — Варшава) сохраняло независимость от Польши (ее главный город был Краков) до начала XVI в.; в конце XV в. герцог Конрад Мазовецкий вел переговоры с Иваном III о союзе против Ягеллонов.

[27] *...княже пруский Олбрехтъ...* — Альбрехт, последний магистр Прусского ордена (впоследствии первый прусский герцог) вел переговоры с Василием III против Сигизмунда I.

[28] *...ко Кгданъску ходилъ ратию?* — Грозный вспоминает о войне, которую незадолго до того, в начале своего царствования, Баторий вел с Гданьском, не признававшим его господства.

[29] *...Витолтъ зъ Ягайломъ розницу вел о отцове убийстве...* — Речь идет о походе Витовта в 1390 г. против его двоюродного брата Ягайла (убившего отца Витовта — Кейстута), занимавшего в то время польский и литовский престол; в войне на стороне Витовта принимали участие ливонцы.

[30] *...собор был в Риме при Евгении папе римъскомъ... однако быти греческой вере и з римскою.* — Флорентийский собор 1439 г. принял решение об унии католической и греко-православной церкви, решительно отвергнутое русскими князьями.

[31] *...папа ихъ уложил, что однако вера греческая и латынская, и они то разрушают...* — Положительная оценка Флорентийской унии Иваном IV и его готовность даже признать «латин» «однакими» (едиными) с «греческой» (православной) верой находится в резком противоречии с резко отрицательной оценкой унии во всей русской публицистике XV—XVI вв. и представляет собой дипломатический прием, рассчитанный не столько на польского короля, сколько на папу, с которым царь в это время начал переговоры.

[32] *...Микифора Сущова... иново ничого не дали писати?* — Иван IV возвращается здесь к истории посольства Сицкого—Сущова в 1580 г..

[33] *Себежъ* — крепость, построенная русскими в 1536 г. на отвоеванной у польско-литовского короля территории и официально уступленная Сигизмундом I в 1537 г.

[34] *...против Себежа велиш Дрис зжечъ — ино такъ младенъцовъ омыляютъ...* — Дрисса, крепость при слиянии р. Дриссы и Западной Двины (занятая русскими еще в 1565 г.), была уже в 1581 г. обратно отвоевана Баторием; таким образом, обе крепости и без того были в польских руках. «Омылять» — обманывать, надувать (от пол. omylic).

[35] *...Амаликъ и Сенахиримъ или якожъ при Хоздрое Сарваръ...*— Амалик — библейский царь амаликитян; Сенахирим, Хоздрой — см. коммент. к письму королю Баторию 1579 года. Сарвар — полководец Хосроя (Хосрова) II, легенда о покаянии которого содержалась в Хронографе.

[36] *...какъ есмо ныне к тобе писали... и велели тобе говорити.* — Новые условия перемирия, переданные Иваном IV через гонца Держко, заключались в следующем: царь соглашался уступить Баторию в Западной Руси еще три города — Великие Луки, Холм и Заволочье, но желал за это удержать в Ливонии, кроме городов, упомянутых Пушкиным и другими, еще несколько, в том числе — Юрьев (Тарту). Условия эти были отвергнуты польским королем.

ПЕРЕВОД

А ЭТО — ГРАМОТА ОТ ГОСУДАРЯ К КОРОЛЮ, ПЕРЕСЛАННАЯ С ЕГО ГОНЦОМ КРИШТОФОМ ДЕРЖКОМ

<...> мы, смиренный Иван Васильевич, удостоились быть носителем крестоносной хоругви и креста Христова Российского царства и иных многих государств и царств, скипетродержатель великих государств, царь и великий князь всея Руси <...> по Божьему изволению, а не по многомятежному человеческому желанию, — Стефану, Божьей милостью, королю Польскому <...>.

Прислал ты к нам гонца своего Криштофа Держка с грамотой, а в грамоте своей писал нам, что наши полномочные послы — дворянин и наместник муромский Остафий Михайлович Пушкин и дворянин наш и наместник шацкий Федор Писемский и дьяк Иван Андреев сын Трифонов — прибыли к тебе с нашей верительной грамотой, в которой мы просили тебя доверять их словам, сказанным от нашего имени. Ты пишешь, что они объявили тебе, что пришли со всеми необходимыми полномочиями, чтобы заключить христианский мир; и когда ты им позволил вести переговоры с панами твоей рады, они потребовали сохранения за нами четырех замков в Ливонской земле: Новгородка Ливонского, Сыренска, Адежа и Ругодива, да еще прибавили к этому города, которые в прошлом году с помощью Божьей перешли в твои руки; за это они были отправлены назад, не окончив переговоров. А затем они попросили, чтобы ты дозволил им послать к нам за полномочиями о всех объявленных тобою условиях, какие ты им объявил, чтобы между нами установились добрые отношения, и ты разрешил им это. Ты хочешь, чтобы, ознакомившись с посланием наших послов, мы дали им достаточные указания об этом в своей полномочной грамоте, в соответствии с которой наши послы могли бы вести дела и договариваться о христианском мире и установлении дружбы и

братства между нами; удостоверившись в этом, ты согласишься заключить мир. А указания и полномочия своим послам ты просишь послать не мешкая, ибо для тебя убыточно держать внутри своего государства набранные войска, а если подвинуть их ближе к границе, тогда, по твоим словам, и нашему государству не избежать убытков. Ты пишешь также, что велел нашим послам упомянуть крепость Себеж, построенную на земле Полоцкой, не ради какой-нибудь корысти, а только для того, чтобы установленная дружба не была нарушена своевольными людьми, ибо возле Себежа всюду расположены села и люди полоцкие; нам же, пишешь ты, следует мириться так, чтобы доброе дело нерушимо укрепилось на благо христиан, а дружба между нами все более усиливалась. Но ты предлагаешь это только на наше усмотрение и решение, а сам ты ради блага христиан не собираешься этим малым делом разрушать больших. Тех же твоих купцов, которые без всякой вины задержаны в нашей земле, ты просишь добровольно выпустить со всем их имуществом и тем самым дать тебе доказательство нашей склонности и готовности к дружбе. С этой своей грамотой ты послал к нам своего дворянина Криштофа Держка, и ты просишь без всякой задержки отпустить его к тебе, чтобы он не опоздал к сроку, указанному нашим послам.

Твои же паны, как писали наши послы, дворянин и наместник муромский Остафий Михайлович Пушкин с товарищами, говорили им от твоего имени, что ты с нами помиришься, только если мы уступим тебе всю Ливонскую землю до последнего волока, что Велиж, Усвят и Озерище — все это уже у тебя и что мы должны разрушить крепость Себеж, да еще уплатить тебе четыреста тысяч золотых червонцев за твой убыток, который ты понес, когда снаряжался, отправляясь воевать наши земли; а Луки Великие, Заволочье и Холм беспрекословно оставлены нами при отступлении.

Мы никогда еще не встречали такой гордости и недоумеваем: ведь нынче ты собираешься мириться, а твои послы предъявляют такие безмерные требования, — чего же они потребуют, прервав мирные переговоры? Паны твоей рады говорили нашим послам, что они приехали торговать Ливонской землей. Так что же: если наши послы торгуют Ливонской землей, то это плохо, а если твои паны нами и нашими владениями играют и из гордости предлагают невозможное — это хорошо? Да это не торговля была, а переговоры.

А когда в вашем государстве были благочестивые христианские государи — от Казимира до нынешнего Сигизмунда-Августа — они жалели проливать христианскую кровь и посылали к нам своих послов, и наши послы к ним ездили, и наши бояре вели с их послами предварительные переговоры, и их королевские послы в раде с нашими послами вели предварительные переговоры и неоднократно принимали решения, выгодные для обеих сторон, чтобы невинная христианская кровь не лилась напрасно и между государствами царили мир и спокойствие, — вот к чему стремились паны в прежней раде. Ездят много туда и обратно, побранятся с послами и снова помирятся, и делают дело долго, а не в один час обернутся. А ныне мы видим и слышим, что в твоей земле христианство умаляется; поэтому-то паны

твоей рады, не беспокоясь о кровопролитии среди христиан, действуют наскоро. И ты бы, король Стефан, припомнил все это и рассудил: по христианскому ли это обычаю делается?

Когда послал ты к нам своих полномочных послов — воеводу мазовецкого Стефана Крыйского с товарищами, — то они договорились с нашими боярами, написали от твоего имени грамоту, какую хотели, по своей воле, и, целуя крест и привесив к той грамоте свои печати, присягнули, что ты напишешь такую же свою грамоту, какую они написали в Москве, привесишь к ней свою печать и присягнешь, целуя крест, перед нашими послами, что будешь соблюдать эту грамоту в течение указанных лет, а наших послов отпустишь с той своей грамотой, не задерживая.

Мы же, согласно решению твоих послов и наших бояр, послали к тебе своих послов — дворецкого тверского и наместника муромского Михаила Долматовича Карпова, своего казначея и наместника тульского Петра Ивановича Головина и дьяка Тарасия-Курбата Григорьева сына Грамотина довести до конца то дело, о котором договорились твои послы, взять у тебя грамоту о перемирии и привести тебя на той грамоте к крестному целованию. Наш полномочный посол Михаил Долматович Карпов скончался неизвестно от чего, а когда его товарищи, наш казначей и наместник тульский Петр Иванович Головин и наш дьяк Тарасий-Курбат Григорьев сын Грамотин, пришли к тебе, то ты, ни с чем не считаясь, вопреки присяге твоих послов, соблюдать их соглашение не захотел, предал наших послов бесчестию и насильно посадил их под стражу, как узников, с великим притеснением. А отказались вести с тобою переговоры наши послы потому, что они, увидя твою гордость, когда ты не встал при произнесении нашего имени и не спросил о нас, не решались без нашего ведома стерпеть такую гордость. Отныне же, как бы надменно ты ни поступал, мы ни на что не будем отвечать. А вести переговоры с твоими управителями у себя на подворье нашим послам не подобало: при предках твоих никогда так не бывало. Но много говорить об этом здесь нет надобности. Ты же прислал к нам своего гонца Петра Гарабурду с непристойной грамотой, а сам начал собирать против нас войска из многих земель. А в грамоте, присланной с Петром Гарабурдой, было написано, чтобы мы отказались от условий, принятых твоими послами, и составили новый наказ своим послам, и велели им снова договариваться о Ливонской земле. Где же это ведется, чтобы целовать крест, а потом нарушать договор? Даже если послы совершают что-либо неподобающее, то и тут не нарушают соглашения, а ждут истечения срока, установленного договором; послы ошибутся, на них за это кладут опалу, а что сделано, того никак не переделывают, нигде не переделывают и присяги на кресте не нарушают. Не только в христианских государствах не принято нарушать крестное целование, как ты захотел сделать (называясь христианским государем, ты захотел действовать не по-христиански, надругаясь над нашим крестным целованием, и вопреки присяге твоих послов, данной твоим именем, захотел делать все сызнова, — это нигде не ведется!), но и в басурманских государствах не принято нарушать клятву и обязательство, даже басурмане, если они государи почтенные и

разумные, держат клятву крепко и не навлекают на себя хулы, а тех, кто нарушит обязательство, укоряют и хулят и нигде не нарушают обязательства. Да и у предков твоих этого не бывало, чтобы нарушить то, о чем послы договорились, тут ты установил новый обычай! Прикажи поискать во всех своих книгах — ни при Ольгерде, ни при Ягайле, ни при Витовте, ни при Казимире, ни при Альбрехте, ни при Александре, ни при Сигизмунде-старшем, ни в наше время при Сигизмунде-Августе — никогда не бывало того, что ты совершил по своему новому обычаю. И если уж ты этих прежних государей называешь своими предками — чего же ты по их установлениям не действуешь, а заводишь свои новые обычаи, которые приводят к пролитию невинной христианской крови? Те прежние государи, предки твои, не нарушали обязательств своих послов. И мы, узнав о таком неподобающем деле, задержали твоего гонца Петра Гарабурду, ожидая, что ты согласишься на достойное соглашение и доведешь дело с нашими послами до конца. И тут мы узнали, что ты готовишься к войне.

И мы отпустили к тебе твоего гонца Петра Гарабурду, а с ним своего гонца Андрея Михалкова с грамотой, а в грамоте своей тебе писали, что нельзя так поступать: нарушив крестное целование, все делать заново; тебе следовало доделать то дело, о котором договорились твои послы с нашими боярами; а о Ливонской земле ты должен прислать к нам других своих послов, и мы поручим боярам договориться с ними, как должно. И ты, не послушав этого, впал в еще большую ярость и, нарушив присягу своих послов, выгнал наших послов из своей земли, как каких-то злодеев, не допустив их до своих очей. А с ними ты наспех прислал к нам своего гонца Венцлава Лопатинского с грамотой, а в ней написал о нашем государском величестве многие несправедливые слова и укоры, о которых не стоит подробно писать, а после этого отпустил к нам нашего гонца Андрея, прислав с ним грамоту, также наполненную яростью. Сам же ты пошел со многими людьми из разных земель и с нашими изменниками — с Курбским, Заболоцким, Тетериным и другими нашими изменниками войной. И нашу вотчину, город Полоцк, взял изменой: наши воеводы и люди плохо дрались против тебя и изменнически сдали тебе город Полоцк. Ты же, идя на Полоцк, сам писал нашим людям грамоту, чтобы они нам изменяли и переходили к тебе с крепостями и городами, и хвалился, что покараешь нас за наших изменников. Не на войско надеешься — на измену! А мы, не ожидая, что ты так поступишь, и надеясь на крестное целование твоих послов (ведь ты поступил так, как от веку не бывало!), пошли было очищать свою вотчину, Ливонскую землю. Но когда мы пришли в свою вотчину, в Псков, до нас дошла весть о тебе, что ты пришел с войной к нашей вотчине, к Полоцку, и мы, не желая вопреки крестному целованию начинать с тобой кровопролитие, сами против тебя не пошли и много людей не послали, а послали лишь немногих людей к Соколу разведать о тебе. Тем временем твой воевода виленский, придя со многими людьми к Соколу, небывалым способом зажег город Сокол и перебил наших людей, а над мертвыми надругался беззаконным образом, как не слыхано и у неверных: убить кого-нибудь в бою и оставить — это военный обычай, а твои люди поступили собачьим обычаем: выбирали трупы воевод и лучших детей боярских, разрезали у них животы и вынимали у них сало и желчь, как бы для колдовства. Ты пишешь и

называешь себя государем христианским, а дела у тебя делаются недостойные христианских обычаев: христианам не подобает радоваться крови и убийствам и действовать, подобно варварам.

И мы, все еще сохраняя терпение и надеясь, что ты умеришь свои притязания, разрешили своим боярам снестись с твоими панами, да и сами к тебе посылали, и не однажды. Но ты возгордился безмерно и не захотел делать так, как велось при твоих предках, и не пожелал послать к нам послов по прежним обычаям, а начал снаряжать войско против нашей земли. В грамоте же, которую ты прислал нам со своим гонцом Венцлавом Лопатинским, написано, что наши послы «призваны перед твой маестат», — как будто это какие-то безвестные сироты, а не послы, и поставили их, этих сирот, у порога, и оттуда они беседуют с тобой, как с Богом на небесах: так выглядит это «призвание послов перед твой маестат» и твоя безмерная гордыня! Да и во всех землях такого не слыхано: когда к великому государю приходят послы не только от равного, но даже и не от великого государя, то держат их по посольским обычаям, а не как простых людей, не как данников, не ставят их «перед маестатом». Также, когда ты прислал нам со слугой наших бояр Левой Стремоуховым свою охранную грамоту для наших послов (а паны твоей рады написали нашим боярам, чтобы мы по этой охранной грамоте послали своих послов), то эта грамота оказалась написана не таким образом, как пишутся охранные грамоты для послов: твоя грамота написана как бы для мелких купцов, проезжающих через твое государство. На что похоже такое высокомерие? Ты бы даже своему воеводе виленскому не написал так оскорбительно, как написана эта грамота. Таких оскорблений мы не слышали ни от турецкого, ни от иных басурманских государей.

Но мы, все еще сохраняя терпение, чтобы не допустить пролития христианской крови, послали к тебе своего дворянина Григория Афанасьевича Нащокина с грамотой, а в грамоте своей писали тебе, чтобы ты послал к нам своих послов по прежнему обычаю. Устно же мы передали тебе с этим дворянином, чтобы ты, если не захочешь послать к нам послов по прежнему обычаю, прислал бы нам подобающую охранную грамоту для наших послов, а не такую, как с Левой Стремоуховым, и тогда мы к тебе тотчас же пошлем своих послов, хотя это и противоречит прежним обычаям, а ты бы дожидался наших послов в своем государстве. Ты отпустил к нам нашего дворянина Григория с грамотой к нам, но послать к нам по прежнему обычаю послов не пожелал. А в своей грамоте ты писал, чтобы мы прислали к тебе своих послов, и прислал на наших послов охранную грамоту, но указал такой срок для прибытия послов, что невозможно было не только послам поспеть, но и гонцу к такому сроку не бывать. А сам, желая пролития христианской крови, как только отпустил нашего дворянина Григория, тотчас же сел на коня, не дожидаясь наших послов, и пошел войной на нашу землю. А этого при предках твоих никогда не бывало, чтобы послы ехали, а война шла, — только когда послы чего-нибудь натворят, тогда начинали войну, да и то не сразу. А мириться с мечом в руках, как теперь при тебе, — какой же это мир?

И мы, видя, что ты не щадишь христианства, спешно послали к тебе своих послов — своего стольника и наместника нижегородского князя Ивана Васильевича Сицкого-Ярославского, и своего думного дворянина и наместника елатмовского Романа Михайловича Пивова, и дьяка своего Фому-Дружину Пантелеева сына Петелина. А перед ними послали к тебе своего молодого слугу Федьку Шишмарева с грамотой, прося, чтобы ты подождал наших послов в своей земле. И этот наш гонец встретил тебя на дороге вблизи Витебска, но ты даже не взглянул на нашу грамоту, а сам пошел на нашу землю военным походом, никого не пропуская и не жалея христианской крови. И мы велели своим послам идти к тебе в военный стан, хотя еще никогда не бывало, чтобы послы находились в войске. Мы и тут хотели тебя ублаготворить, да не ублаготворили, — ты и в Витебске не подождал наших послов и пошел на нашу землю войной, а наших послов велел вести за собою не спеша. А тем временем наши изменники по твоим жалованным грамотам сдали твоим людям Велиж, Усвят и Озерище, а сам ты пошел к Лукам, а наших послов велел вести за собой. И, придя к Лукам, ты начал приступ, а нашим послам велел тем временем вести переговоры, но какие же тут могут быть переговоры? Проливается столько невинной христианской крови, а послам вести переговоры! А твои паны, приходя к нашим послам, говорили, отрубая одним словом: либо сделай так, тогда будет мир, а не сделают так, как говорят паны, тогда мира не будет. Что же это за мир? Паны с послами в шатре говорят о мире, а в то же время по городу бьют непрерывно, — что ж тут послам с панами твоими делать? А когда ты все занял, тут послам уже и посольствовать нечего — тут уже всему их посольству конец! А к нам прислал ты своего гонца Григория Лазовицкого с грамотой и с ним отпустил нашего сына боярского Никифора Сущова, а предлагал при этом неподобающее дело, которое не может осуществиться, а другого своего гонца Гавриила Любощинского прислал к нам с сообщением, что взял Луки, как бы грозя нам и хвастаясь. А сроки ты устанавливаешь неподобающие, так что не только наши гонцы к тебе, но и твои гонцы к нам за такие сроки не могут приехать; ездят же они по дорогам лениво, а из-за этого льется невинная христианская кровь. И такого нечестия даже в басурманских государствах не слыхано, чтобы войска сражались, а послы тут же вели переговоры. Если послы — то они и ведут переговоры, а если хотят воевать, то выставляют какую-нибудь причину, прерывают переговоры и шлют войска.

Всю осень таскал ты за собой наших послов, да и всю зиму продержал их у себя, а отпустил их ни с чем, за все это укоряя и ругая нас. А о чем паны твоей рады говорили нашим послам под Невелем и о чем сговорились, от всего этого паны твоей рады отказались, когда послы наши были у тебя в Варшаве. Когда же паны твоей рады приходили к нашим послам с ответом, вместе с ними пришло человек с сорок твоих людей, а твои паны сказали послам, что это твоя младшая рада. Ни при каких твоих предках не бывало, чтобы при переговорах были иные люди, кроме панов рады. Видно, твоя рада, желая лить христианскую кровь, всю твою землю склоняет к пролитию христианской крови. Пожалели ли твои паны о христианской крови, когда они говорили нашим послам в Варшаве: «На тех условиях, о которых мы с вами, а вы с нами сговорились под Невелем и о которых вы просили и получили

ответ, христианский мир заключен быть не может, — ведь после этого прошло долгое время и наш государь понес большие расходы и утраты на войско: взял наш государь у вашего государя Заволочье, а теперь начал снова собирать войско, тут уж без расходов не обойтись». По-христиански ли твои паны говорят: проливать христианскую кровь не жалеют, а о расходах жалеют? А если тебе убыток, так ты бы Заволочья не занимал, кто тебе об этом бил челом? А это ли не жажда кровопролития — послов у себя держи, дела с ними не делай, от брата своего послов не дожидайся, а войско снова собирай, да все это еще засчитай в убыток? Кто тебя заставляет так расходоваться?

Отпуская к нам наших послов, ты передавал с ними, что если мы захотим с тобой соглашения, то можем послать к тебе еще послов. И мы, еще сохраняя терпение и надеясь, что ты придешь в себя, откажешься от безмерных требований и проявишь умеренность, послали к тебе других послов, дворянина своего и своего наместника муромского Остафия Михайловича Пушкина с товарищами. Но ты, не зная меры и охваченный заносчивостью, и тут не пошел на приемлемые условия и передал нашим послам через радных панов, что ты с нами не помиришься, пока мы не уступим всю Ливонскую землю со всеми крепостями и снаряжением; кроме того, мы должны уступить тебе Себеж; Велиж и Невель уже у тебя, а Луки и Заволочье и Холм оставлены при отступлении, как и Озерище и Усвят. Да к тому же мы должны еще уплатить тебе за твои сборы, когда ты снаряжался на нашу землю, — всего четыреста тысяч золотых червонцев, и заключить вечный мир. А ты будто присягал, что будешь добывать у нас Ливонские земли и разрешишь другие давние споры времени великого государя блаженной памяти Ивана, деда нашего, и короля Александра.

И если это так будет, то что же это будет за мир? Взяв теперь у нас казну, разбогатев, нанеся нам убыток, да на наши же деньги наняв людей и взяв нашу Ливонскую землю, наполнив ее своими людьми, немного погодя собрав еще больше силы, да на нас же напасть и остальное отнять! Можно ведь и не мирясь все это делать и невинную христианскую кровь проливать! Видно, ты хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь; мы бы тебе и всю Ливонскую землю уступили, да ведь тебя и этим не успокоить, и после этого все равно ты будешь лить кровь! Вот и теперь — чего только ты у прежних наших послов не просил, а с нынешними нашими послами ты еще прибавил Себеж, а дай тебе его — возгордишься безмерно и иного запросишь и ничем не удовлетворишься и не помиришься. Мы добиваемся, как бы унять кровопролитие христиан, а ты добиваешься, как бы воевать и лить невинную христианскую кровь. Так чем нам с тобой мириться, можно и не мирясь то же делать. Не по христианскому обычаю ныне все это у тебя делается! Мы писали к тебе о том и не однажды, что если бы ты прислал к нам своих послов по прежнему обычаю, то пролитие неповинной христианской крови прекратилось бы скорее. Послы же наши не могут добиться мира потому, что когда мы посылаем к тебе наших послов с каким-нибудь делом, ты на него не соглашаешься, а выставляешь новое требование и, прервав переговоры, принимаешься воевать; да просишь прислать еще послов, а сам все время сидишь на коне наготове, а сроки указываешь по басурманскому обычаю такие,

чтобы поспеть было нельзя. Вот ведь и теперь: мы уже надеялись, что тебя ублаготворили, и послали своих послов, согласившись на все, что тебе надобно, а тебе и это не полюбилось, и ты, выставив неприемлемые требования и не сделав дела, сел на коня и пошел на нашу землю войной. Потому-то так и получилось, как мы к тебе писали, что нашим послам никогда не добиться от тебя доброго дела.

А что наша вотчина, Ливонская земля, — твоя, это сочинено не по правде; никогда ты не сможешь доказать, чтобы она — при каких-либо твоих предках со времен Казимира — входила в королевство Польское и великое княжество Литовское. Если же у тебя есть об этом грамота или какое-нибудь доказательство, ты пришли к нам, и мы их рассмотрим и в соответствии с этим будем поступать как подобает. Не доказать тебе этого! Только когда появилось в твоей земле лютеранство, воевода виленский Николай Янович Радзивил и иные паны начали спор о Ливонской земле ради пролития христианской крови. В семь тысяч шестьдесят седьмом (1558/59) году, когда король Сигизмунд-Август присылал послов своих — воеводу подляшского пана Василия Тышкевича с товарищами, они говорили с нами по его поручению о ливонцах, как о чужой земле: что государь их им поручил заключить договор не только между нами и собою, но что он рад и все христианство видеть в мире, что, как он узнал, мы ведем войну с законом Немецкой империи и Ливонии, а этого не допустит император и Немецкая империя, что, кроме того, князь Бранденбургский Вильгельм, архиепископ Рижский, его родственник, и из-за нанесенной Вильгельму обиды он в прошлом году выступал против этой земли и воевал до тех пор, пока ливонцы не осознали своего преступления и не попросили прощения, и тогда он, вернув князю-архиепископу его прежний сан, принял их просьбу, не разрушая их земли, ибо они — христиане; поэтому он и нас просил остерегаться пролития христианской крови, а главное, сохранять мир с его родственником, князем-архиепископом Рижским. Сам посмотри: если бы Ливонская земля входила в королевство Польское и великое княжество Литовское, он бы об этом упомянул, а он вовсе не упомянул и не называл эту землю своею, а говорил о ней как о чужой; войной же он ходил на нее не для того, чтобы ее покорить себе, а ради своего родственника, архиепископа Рижского Вильгельма, потому что его обидели ливонцы; ходил за его обиду, а не для того, чтобы их подчинить. Сам же написал: «не разрушая их землю», — заметь, что «их землю», а не свою. А после этого в семь тысяч шестьдесят восьмом (1560) году прислал к нам король Сигизмунд-Август своего посланника Мартына Володкова и с ним передавал о Ливонской земле, что она издавна христианскими императорами передана его предкам в дополнение к их отчинному владению — великому княжеству Литовскому для укрепления и обороны. Рассуди сам, король Стефан, хорошо ли государям говорить противоречивые вещи: через своих послов передавал как о чужой земле, а тут заявляет, что она ему передана от императора, и начал называть ее своею! А в своей грамоте он писал, что князья, магистр Кетлер и другие, обратились с мольбой о покровительстве к его маестату. И, сделав такое неправое дело, паны королевства Польского и Великого княжества Литовского стали называть Ливонскую землю своей и послали туда своих смутьянов-ротмистров. И если бы они

говорили правду, то в одно слово говорили бы, а то говорили и писали разными словами, ухищряясь как-нибудь прибрать к рукам Ливонскую землю и проливать неповинную христианскую кровь.

После этого твои паны стали говорить, что мы, вопреки присяге, вступили в Ливонскую землю, но до сих пор не могут указать, в какой же это грамоте мы присягали. И после этого принялись говорить паны твоей рады, что мы нарушили присягу и охранные грамоты и вторглись в Ливонскую землю, а мы ничего этого не нарушали, ибо Ливонская земля не упоминается в мирных грамотах ни с какой стороны, и в охранных грамотах не говорится, что мы не должны освобождать свою вотчину, Ливонскую землю. Опять-таки, если у тебя имеются какие-нибудь грамоты твоих предков, наших прародителей и наши о Ливонской земле, пришли к нам их или список с них, и мы тогда не будем больше говорить о Ливонской земле, а то, кроме кровопролития, оправдания у тебя никакого нет. А как можно нарушать то, чего ни в каких грамотах нет; его и не бывало, а чего не бывало, то как можно нарушить? А у панов твоих одни и те же слова о ливонцах: воюет, нарушил присягу, нарушил охранную грамоту. Но если эта земля существовала отдельно, а жители ее были нашими данщиками, и были в ней магистр, и архиепископ, и епископы, а в городах — князья, а ни одного литовца или из других государств ни одного человека там не было, то была ли тогда нарушена данная Литве присяга и охранная грамота? И кто ими владел, неужели литовские ротмистры? Этого тебе никак не доказать!

Когда они еще не были разорены, они обращались к нам с челобитными и с такими же нашими вотчинами, как они сами, с Великим Новгородом и Псковом, заключали мир в случаях столкновений. И в тех челобитных они писали, что они испросили у нас прощения за то, что они присоединялись к королю польскому и великому князю Литовскому, и что отныне они никогда не будут присоединяться ни к королю польскому, ни к великому князю Литовскому и ничем не будут им помогать. Если хочешь — можешь посмотреть: мы послали тебе списки с тех грамот при этой своей грамоте. А если, может быть, ты захочешь посмотреть самые эти грамоты, то пошли посмотреть своих великих послов, и мы им покажем грамоты с печатями, в которых ливонцы нашим прародителям, деду нашему, блаженной памяти великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, били челом о своих винах и отреклись от подчинения королевству Польскому и великому княжеству Литовскому. Но ведь если бы Ливонская земля принадлежала Польше и Литве, то ливонцы не писали бы так в своих челобитных грамотах. Почему опять-таки твои предки не удерживали их, когда они в шесть тысяч девятьсот шестьдесят восьмом (1460) году присылали бить челом прадеду нашему, блаженной памяти великому государю Василию Васильевичу, о котором ты пишешь, будто он заключил соглашение с Казимиром о Великом Новгороде? А если бы это утверждение было справедливо, то ливонцы не посылали бы бить челом нашему прадеду через Новгород. Также и деду нашему, блаженной памяти великому государю Иоанну, и отцу нашему, блаженной памяти великому государю Василию, царю всея Руси, и к нам присылали многократно бить челом, и эти приходы и

челобитья их послов были известны в Москве представителям всяких вероисповеданий и чужеземцам не тайно, а явно. А предки твои ни нашим прародителям, ни нам, когда мы еще были в юношеском возрасте, никогда не писали, чтобы мы не принимали челобитья ливонцев и не вступали в их области и своими подданными ливонцев не называли; а если бы это была их земля, то твои предки бы об этом не молчали, а если молчали, значит, это была не их земля!

А что твои паны говорят, что если бы это была наша земля, то зачем нам было с нею заключать перемирие? Так ведь эта земля была особая, наша дополнительная вотчина, жили в ней немецкие люди, а заключали соглашения о перемириях с нашими вотчинами, Великим Новгородом и Псковом, с нашего разрешения и по нашему приказу, подобно тому как мужики в волостях заключают между собой соглашения, как им торговать, а не так, как заключаются перемирия между государями. Ты вот называешься прусским, а в Пруссии свой князь, и ты принимаешь от него присягу — стало быть, Пруссия не твоя? Вот Ливония и была такой же нашей дополнительной вотчиной, как Пруссия у тебя. А что твои паны говорят, что если это была наша вотчина, то мы должны были бы назначить им управителей, но ведь эта наша вотчина, Ливонская земля, была не нашей веры, а жили в ней немецкие люди, и наши прародители и мы оказали им милость, позволили им выбирать магистров и управителей согласно их вере и обычаю, а у них для русских купцов, которые торговали, приезжая к ним, были устроены христианские церкви и дворы, и слободы. А хотя управителей они получали, но ведь они получали их от папы — епископов ведь всех ставит папа, а не король, и твои предки епископов не ставили. А что архиепископ Вильгельм был родственником короля Сигизмунда-старшего, так ведь для него нигде местечка не было, и по просьбе короля ливонцы дали ему архиепископство Рижское; а ставил его в архиепископы опять-таки папа, а не король: короли ведают мирскими делами, а церковными делами ведает папа и архиепископы и епископы; так можно ли из-за этого считать Ливонскую землю вашей? А что паны твои говорят, что ливонцы вели войну с блаженной памяти великим государем и царем всея Руси Василием, отцом нашим, так тут дивиться нечему! Многократно бывает, что подданный, желая выйти из подданства, противится своему государю — за это его и наказывают. Воевали же Ягайло и Витовт с пруссами, а предки твои с Кондратом, князем мазовецким. А к нашему отцу, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, присылал с челобитьем князь прусский Альбрехт, магистр немецкого ордена в Пруссии, маркграф бранденбургский, штеттинский, померанский, кашубский и герцог вендский, бургграф и герцог ноурмерский и князь ругенский о помощи против короля Сигизмунда-старшего. Да ты сам зачем к Гданьску ходил войной? Ведь он твой, а к своему зачем ходить войной? Так и Ливонская земля затеяла войну против отца нашего. Говорят твои паны, что ливонцы обратились за покровительством к вам, королям польским и великим князьям литовским, так почему же они не обращались к вам, пока в своей воле были? А вот когда они нам изменили и мы на них возложили свой гнев и разбили их, тут они к вам и обратились. Во всей вселенной ведь так принято: кто беглеца принимает, тот вместе с ним виновен; не покушаешься ли и ты на чужую собственность? Почему же

вы не сумели овладеть ими, пока они не были разбиты? А когда Витовт вел борьбу с Ягайлом из-за убийства отца, к каким именно немцам он обращался и с какими немцами ходил к Вильне войной и чуть не взял Вильны?! Ни единым словом не сможешь ты доказать, что Ливонская земля, пока она не была разбита, подчинялась королевству Польскому и великому княжеству Литовскому; как ни проверяй, всегда обнаруживается, что Ливонская земля в большей степени подчинялась нашему государству, чем вашему.

Да что об этом много говорить! Известно, что вы называете Ливонскую землю своей вздорно, и также сейчас, желая пролития неповинной христианской крови, паны твои несправедливо называют Ливонскую землю своим владением. Говорили еще паны твоей рады нашим послам, что ты присягал, что добудешь Ливонскую землю, — христианское ли это дело: присягать, что будешь, вздорно и напрасно желая славы, богатства и расширения государству, лить неповинную христианскую кровь? Вот ты писал, что предки наши несправедливыми поступками свое государство расширили, — а ты очень справедливо добываешь потерянное, проливая кровь вопреки присяге? Говорили еще твои паны нашим послам, что они за ливонцев вступились всей землей потому, что Ливонская земля римской веры, одной веры с ними, поляками, и поэтому всей этой земле следует быть в твоей власти, ибо нехорошо, чтобы в одной земле было два государя: «А у нас государь по нашей воле: выбираем себе государем, кого захотим; какой бы ни был у нас государь, а без нас ничего не делает; а если и захочет что-нибудь делать, так мы не дадим; а когда мы выбирали теперь нашего государя, то указывали ему, что многие места нашей земли несправедливо отобраны вашим государем и его предками; и государь наш присягал нам, что он будет добывать наши давние владения и очистит Ливонскую землю». Христианское ли это дело? Называетесь христианами, а ведь папа и все римляне и латиняне вечно твердят, что вера греческая и латинская едина; а когда был в Риме в шесть тысяч девятьсот сорок седьмом году от сотворения мира (1439) при папе римском Евгении собор и присутствовал на нем греческий царь Иван Мануйлович, а с ним патриарх Царьградский Иосиф (на этом соборе он и скончался), а из Руси был митрополит Исидор, то на этом соборе постановили, что греческая вера и римская должны быть едины. Так держатся ли твои паны такого же христианства, если они не хотят, чтобы Ливонская земля была под греческой верой? Они и папе своему не верят: папа их установил, что греческая и латинская вера едины, а они это отвергают и обращают людей из греческой веры в латинскую! Христианское ли это дело? А в нашей земле, если кто держится латинской веры, то мы их силой из латинской веры не обращаем, а жалуем их наравне со своими людьми, кто какой чести достоин, по их происхождению и заслугам, а веры держатся какой хотят. Говорят еще твои паны, что если в одной земле два государя, то добру не бывать; так мы же к тебе затем и посылали, чтобы ты заключил с нами соглашение о Ливонской земле, а ты с нами подобающего соглашения не заключаешь. А что ты присягал о том, что будешь добывать отошедшие области и очищать Ливонскую землю, и паны твои также присягали, что будут тебя в этом поддерживать, так ведь это сделано ради пролития неповинной христианской крови по басурманскому обычаю. Вот, значит, каков твой

мир: ничего иного не хочешь, кроме истребления христиан; помиришься ли ты и твои паны с нами или будешь воевать, тебе и твоим панам нужно только удовлетворить свое желание губить христиан. Так что же это за мир? Это обман! А если мы тебе уступим всю Ливонскую землю, то нам от этого большой убыток будет, что же это за мир, если убыток?

А ты ничего иного не хочешь, только бы тебе впредь быть сильнее нас. И зачем нам давать тебе силу против самих себя? А если ты силен и жаждешь крови христианской, так ты приди, пролей неповинную христианскую кровь и возьми. Ведь и под Невелем твои паны, тоже желая христианской крови, говорили нашим послам, стольнику и наместнику нижегородскому князю Ивану Васильевичу Сицкому-Ярославскому с товарищами, что если мы тебе не уступим всей Ливонской земли, то ты будешь отвоевывать все те области, которые отделены от великого княжества Литовского к Московскому государству, и не перестанешь делать этого, а если теперь чего-нибудь и не успеешь отвоевать, так оно и потом не уйдет. Если таково твое и панов твоей рады непрестанное стремление и желание кровопролития, тогда какого ж тут ждать мира и доброго дела! Ведь уже сначала, когда паны брали тебя в государи, они привели тебя к присяге, что ты добудешь все давно отошедшие области; чего же было и послов посылать? Одною душой, а дважды ты присягал: панам и земле ты присягал, что будешь добывать земли, а послы твои присягали, что ты заключишь с нами мир. И ты тогда присягни-ка еще уступить нам какие-нибудь места получше! Присягнешь и на этом — и совсем будет непонятно, какая присяга крепче и держаться ли тебе той присяги, которую давал земле, или той присяги, которую давали твои послы, или той, о которой договорятся наши послы? Видно, одной какой-нибудь присяге придется быть нарушенной, нельзя и две присяги вместе соблюсти и не нарушить; какое же тут может быть доброе дело? И поэтому между обоими нашими землями вечно не будет конца кровопролитию. А это по христианскому ли обычаю было сделано, когда ты разрешил нашим послам отправить к нам нашего сына боярского Никифора Сущова, а паны твоей рады велели ту грамоту, которую они к нам посылали, принести к себе, прочли ее и велели им написать только то, что ты пишешь, и ничего иного не дали писать? Неизвестно, послы ли они, пленники ли, неизвестно, твои ли люди или мои, если ни единого слова без твоего ведома не смеют написать. Это прямое притеснение, а ведь твои послы поступали по своей воле, и ты ту присягу нарушил. Так зачем же и послов посылать, если вы всей землей стремитесь к кровопролитию? Сколько послов ни посылай, что ни давай, ничем вас не удовлетворишь и миру не бывать. А твои паны писали, что для того тебя и взяли, чтобы разрешить давние споры, да ты и сам об этом писал и заявлял с послами и посланниками, и неоднократно. Это к добру не приведет: за это время с обеих сторон не один государь умер и предстал на Божий суд, а ты взыскиваешь больше, чем за сто лет. Видно, все те государи не могли придумать, как за свое стоять, а бояре и радные паны у них глупы были, что не взыскивали это никаким образом, а не то что кровью? А ты, видно, всех своих предков лучше, а паны твоей рады умнее своих отцов; чего отцы их не умели добыть, они с кровопролитием добывают! Скоро начнешь взыскивать и

то, что при Адаме потеряно! Если давно прошедшие споры разбирать, так тут, кроме кровопролития, ждать нечего, а если ты пришел кровь проливать и паны взяли тебя в государи тоже для того, чтобы кровь лить, то зачем было и послов приглашать? Их ничем не удовлетворишь, пока кровью христианской не насытятся. Оно и видно, что ты действуешь, предавая христианство басурманам! А когда обессилишь обе земли — Русскую и Литовскую, все басурманам и достанется. Называешь себя христианином, Христово имя поминаешь, а хочешь ниспровергнуть христианство.

Ты предлагаешь нам заключить вечный мир, но ведь прежде при твоих предках перемирие было крепче мира: перемирий никто не нарушал, а вечный мир всегда нарушался; а ныне и подавно верить нечему, потому что присяга тебе нипочем, ты, играя, нарушаешь ее: нарушил то, в чем послы твои присягали, начал кровь проливать. Но нечему верить, если ты присяги не соблюдаешь, и невозможно заключить вечный мир между нами, если нечему верить. А крепость Себеж, поставленную нашей властью по Божьей воле в годы нашего детства, при короле Сигизмунде-старшем, он, по своему благочестию, не желая кровопролития как государь христианский и стремясь к миру в христианстве, нам уступил и благодаря этому избежал пролития христианской крови между нами. И ты требуешь теперь от нас самих или сжечь, или разобрать эту крепость, а землю уступить тебе вместе с Полоцком; сам пришелец, а просишь невозможного; какое может быть соглашение, если твое предложение ни с чем несообразно? Ты писал в своей грамоте, что мы послали к тебе послов и что наши послы — дворянин наш и наместник муромский Астафий Михайлович Пушкин, дворянин наш и наместник шацкий Федор Андреевич Писемский и дьяк Иван Андреев сын Трифонов пришли к тебе с верительными грамотами, где говорилось, чтобы ты доверял их словам, сказанным от нашего имени; так ведь такие слова пишутся во всякой охранной грамоте; если же тебе неизвестно, что делалось в этой земле до тебя, спроси старых панов и узнаешь. Говорили они тебе также, что имеют достаточные полномочия, но на тех условиях, о которых нам писали наши послы и которые ты приказал своим панам сказать нашим послам, соглашение заключено быть не может. А на что давать полные указания нашим послам, — полнее этого какие можно дать указания! И так наши послы уступили тебе более семидесяти городов — Полоцк с пригородами и города из нашей вотчины, Ливонской земли, не считая Курляндской земли, а Курляндская земля тебе в придаток, а в ней городов с тридцать. А этого ни в каких государствах не водится — уступать города, никто никому ни одного города не уступит, а мы тебе сколько городов уступили и все-таки не смогли побудить тебя к соглашению! А они просили тебя оставить нам из нашей вотчины, Ливонской земли, Новгородок, Сыренск, Адеж и Ругодив, но ты и этим не хочешь поступиться! Просили они тебя также оставить нам наши извечные вотчины, которые ты захватил; это вотчина прародителей наших, и как же мы можем уступить тебе эти извечные вотчины! И ты обо всем этом договориться не пожелал и решил отослать их не договорившись; а когда они попросили разрешения снестись с нами, ты сообщил им, как между нами могут быть установлены добрые отношения, чтобы мы,

ознакомившись с их сообщением, во всех этих делах дали им достаточные указания и полномочия.

Мы внимательно прочли послание своих послов и уразумели все твои предложения, но эти предложения не только не могут привести нас к соглашению, и ты ими не только разрушаешь дружбу и мир между христианами и приводишь к кровопролитию, но делаешь невозможным на долгое время мир между нашими потомками, — им остается только на долгие времена продолжать беспрестанное кровопролитие. А сверх тех подробных указаний и полномочий, которые мы уже дали, что мы можем еще дать? Ты пишешь, что если твое войско будет близко к нашим границам, то от этого будет убыток; так ведь давно известно, что ты всегда жаждешь пролития христианской крови! А разрушить крепость Себеж и землю ее уступить — на это согласиться невозможно; а если бы ты хотел мира среди христиан, так ты бы к Полоцку не ходил и его не забирал, все бы это и была одна земля, не из-за чего было бы и воевать. Если же ты стремишься поступать по закону, то по перемирию, которое было при короле Сигизмунде-старшем и при короле Сигизмунде-Августе новом, Себеж и был вместе с Полоцком, а войны не из-за чего не было; а ты нынче пишешь, только чтобы ссору затеять. Твои радные паны говорили еще, что в обмен за Себеж ты велишь сжечь Дриссу, — таким способом только младенцев надувают; а нам от этого что за прибыль? Мы Себеж велим сжечь, ты велишь Дриссу сжечь, а обе земли у тебя будут! И ты сожжешь, а потом снова велишь поставить. Это ведь ухищрения твоих панов, а не дело! Ты пишешь еще в своей грамоте, что нам нужно мириться так, чтобы на благо христиан доброе дело укрепилось нерушимо, а дружба между нами усиливалась, и что ты не хочешь малым делом разрушать большие, — пишешь о нерушимости доброго дела, а сам всеми средствами доброе дело разрушаешь, опасаешься малым делом разрушить большие, а сам ни большого, ни малого не укрепляешь — только бы воевать!

А что ты писал о купцах, то они были задержаны из-за того, что началась между нами война, а содержат их со всеми удобствами, не как узников, все товары у них не отняты и находятся в тех же дворах, где они сами, а не отпускаем ради того, чтобы они, придя к тебе, не сообщили вестей о нашем государстве, так же как и ты, вопреки нашим просьбам, не выдаешь наших узников ни за выкуп, ни на обмен, чтобы мы не узнали вести ни о тебе, ни о твоем государстве. Но если между нами, Бог даст, будет заключено соглашение, то мы их отпустим со всем имуществом без всякого ущерба; а подробнее мы пишем тебе в особой грамоте. Что же касается того, чтобы отослать твоего дворянина Криштофа Держка без задержки к объявленному тобой сроку, как ты нашим послам заявил, то мы отпустили его, как только успели. Но этот твой дворянин, Криштоф Держко, приехал к нам за тринадцать дней до истечения срока и поспеть к этому сроку не мог, а даже если бы мы его и скорее отпустили и если бы он даже поспел к этому сроку, то все равно мы бы тебя этим не ублаготворили и не отвлекли от кровопролития; поспеет гонец или не поспеет, мир или не мир, а кровопролитие все равно будет! А предки твои в таких случаях ожидали у себя в столице, а не в военном стане, не на пограничных местах. Мы же отпустили его к тебе, как только стало возможно. А что просишь

оплатить военные сборы, это ты взял из басурманского обычая: такие требования выставляют татары, а в христианских государствах не ведется, чтобы государь государю платил дань; этого у христиан не ведется, это ведется у басурман, а в христианских государствах нигде этого не сыщешь, чтобы друг другу давали дань; да и басурмане друг у друга дань не берут, только с христиан берут дань. А ты называешься христианским государем; чего же ты просишь с христиан дань по басурманскому обычаю? И за что нам тебе дань давать? С нами же ты воевал, столько народу в плен забрал и с нас же убытки взымаешь. Кто тебя заставлял воевать? Мы тебе о том не били челом, чтобы ты сделал милость, воевал! Взыскивай с того, кто тебя заставил с нами воевать; а нам тебе не за что платить. Следовало бы скорее тебе оплатить нам убытки за то, что ты, беспричинно напав, завоевывал нашу землю, да и людей следовало бы даром вернуть. Да и это по-христиански ли у тебя делается, что когда наши послы, посланники и гонцы на основании твоих охранных грамот отсылают к нам людей и подводы, то твои пограничные жители, оршане и дубровляне и из других многих городов, этих наших людей и их проводников, которых отсылают наши послы и гонцы, грабят и обыскивают по военному обычаю, а лошадей у них отнимают? Да что много писать, если ты стремишься к кровопролитию, отвергая христианское благочестие, и настолько охвачен безудержной гордыней, что словно хочешь все вокруг проглотить, и хвалишься, как Амалик и Сенахерим или воевода Сарвар при Хозрое, который, похваляясь царствующий город взять, говорил: «Не надейтесь на Бога, в которого верите, завтра город ваш, как птицу, возьму моей рукой!» Мы же ищем себе помощи у Всевышнего и уповаем на силу животворящего креста, и ты вспомни-ка Максентия в Риме, погибшего силою чтимого и животворящего креста; также и все гордящиеся и возвышающиеся никогда не избегнут гибели<...>. И если уж так будет, что без конца кровопролитие, а мира нет, то ты бы наших послов к нам отпустил, а за пролитие православной христианской крови нас с тобой Бог рассудит.

Если же захочешь воздержаться от пролития неповинной христианской крови, то и мы с тобой хотим заключить перемирие и вечный мир. А на тех условиях вечного мира или перемирия, которые мы предлагали со своими послами, со своим дворянином и наместником муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами, ты с нами помириться не захотел, а теперь и мы не хотим заключать с тобою перемирие и вечный мир на тех условиях, которые передавали со своими послами, стольником и наместником нижегородским князем Иваном Васильевичем Сицким-Ярославским с товарищами, и со своими нынешними послами, с дворянином и наместником муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами. А хотим заключить перемирие и вечный мир на условиях, о которых теперь сообщили своим послам, послав к ним грамоту с окончательными указаниями, как можно заключить соглашение между нами. Ты писал, чтобы мы послали своим послам грамоту с полномочиями, как нам заключить между собой соглашение, чтобы, удостоверившись в этом, ты мог согласиться на мир и чтобы все это было записано в полномочной грамоте, на основании которой наши послы могли вести эти дела и заключить христианский мир, — мы и послали своим послам эту полномочную грамоту со своей печатью.

Больше ни на какие условия перемирия мы не согласны; мы готовы заключить с тобою перемирие только на тех условиях, о которых теперь написали, и иные дела изложили и послали наказ своим послам, чтобы они тебе сказали. И если ты хочешь с нами соглашения, договора или перемирия, то согласись на условия, переданные нашим послам дворянину и наместнику муромскому Остафию Михайловичу Пушкину с товарищами. Если же не хочешь соглашения, а желаешь пролития христианской крови, то отпусти к нам наших послов и пусть с этого времени между нами в течение сорока—пятидесяти лет не будет ни послов, ни гонцов. А когда ты послов наших отпустишь, то прикажи проводить их до границы, чтобы их твои пограничные негодяи не убили и не ограбили; а если им будет причинен какой-нибудь ущерб, то вина ляжет на тебя. Мы ведь советуем добро и для себя и для тебя, ты же несговорчив, как онагр-конь, и стремишься к битве; Бог в помощь! Мы же во всем возложили надежду на Бога — если Он захочет, то облагодетельствует нас силою своего животворящего креста. Уповая на Его силу и вооружившись крестоносным оружием, ополчаемся силой креста против своих врагов.

Грамоту эту мы запечатали своей большой печатью, чтобы ты знал, какое государство поручил нам Бог. Писана в Москве, в нашем царском дворце, в семь тысяч восемьдесят девятом (1581) году, июня в двадцать девятый день, индикта девятого, на сорок шестом году нашего правления, на тридцать четвертый год нашего Российского царства, двадцать восьмом — Казанского, двадцать седьмом — Астраханского.

Послание Александру Полубенскому

Подготовка текста Ю. Д. Рыкова, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Послание Грозного Полубенскому было впервые опубликовано в 1951 г. в издании «Послания Ивана Грозного» (сер. «Литературные памятники») по копии XIX в., снятой со списка XVII в. по указанию известного археографа А. Н. Попова, так как оригинал тогда считался утраченным. Уже после выхода в свет этого издания список XVII в., с которого была сделана копия для А. Н. Попова, был обнаружен (А. А. Зиминым и О. П. Лобачковой), и в настоящем издании Послание Полубенскому (как и Второе послание Ивана Грозного Курбскому) печатается по этому списку.

Послание Полубенскому принадлежит к числу посланий, отправленных Иваном Грозным своим противникам во время летне-осеннего похода 1577 г. в Ливонию, когда им было завоевано почти все побережье Западной Двины до Риги. Можно предполагать, что Послание Полубенскому, как и Второе послание Курбскому и ряд других, входили в особый сборник, составленный с определенной политической целью —

восславить успехи царя (успехи эти оказались временными, из-за чего данный сборник и не получил широкого распространения).

Послание Полубенскому печатается по списку 80-х гг. XVII в. — *РГБ,* ф. 304 (Троицкое II собр.), № 17, лл. 221—235.

ОРИГИНАЛ

ТАКОВА ГРАМОТА ПОСЛАНА ОТ ГОСУДАРЯ ИЗО ПСКОВА СО КНЯЗЕМЪ ТИМОФѢЕМЪ РОМАНОВИЧЕМ ТРУБѢЦКИМЪ В ВОЛОДИМЕР КО КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ ПОЛУБЕНСКОМУ[1]

Трисолнычного Божества благоволением, и благостию, и волею,[2] якоже рече избранный сосуд апостол Павелъ: «Вѣмы, яко не единъ идолъ в мире и яко никтоже Богъ инъ, токмо единъ, ибо аще и суть глаголимии бози или на небѣси, или на земли, но намъ единъ Богъ Отец, из негоже вся, и мы у него, и единъ Господь Исус Христос, имъже вся, и мы темъ, единъ Духъ Свят, в не*м*же всяческая, и мы в немъ».[3] Сего убо трисиянного Божества, Отца, и Сына, и Святаго Духа, в трехъ лицех, во единомъ же упостаси исповедуема существѣ, и поклоняема, и славима, и бѣзначална, и бѣсконечна волею, и хотениемъ, и властию, и дѣйством творения, рече Богъ: «да будет свѣтъ»,[4] и бысть свѣтъ и прочая творения твари, яже на небѣси горѣ и яже на земли низу и в преисподних. Тажъ посемъ созда человѣка, мужа и жену, сотвори ихъ, и всели ихъ в рай, и заповедь положи имъ; онѣма жъ послушавши*м* врага и заповедь преступльшимъ, и того ради прогневася на ня Богъ, и из рая *н*ища изгна их, и смертию осуди иих, и болезньми и труды обложи иих, и Богъ от лица своего отрину их. И видѣ врагъ, яко первая его вражда приключися потребна ему и Богъ гневъ возложи на человѣка, врагъ же, сие видѣвъ, до конца содела человѣчеству и Каину Авеля убити сотвори. Богъ же, не оставляя своего создания, милуя род человѣческий, Адаму раданачалника правъдѣ Сифа воздвиже. Таже по сих Енохъ благоугоди Богови, сего ради и Богъ прослави его взятиемъ и проповѣдника его сохраняя Втораго своего пришествия. Таже умноживши*м*ся человѣкомъ, и врагу до конца соодолѣвшу, и человѣком повинувшимъся врагомъ во всемъ и вся его злая дѣла восприимъшимъ, и Богъ больма раздражися на гнѣвъ и пото*по*мъ вся человѣки на земли потреби, единаго Ноя праведника обрет по заповѣдем его ходяща, сего сохранивъ родоначалника вселенней. Посемъ паки умножившимся человѣкомъ и врагу больма прельстившу ихъ, и человѣкомъ на прелесть вражию усердно пришедшимъ и к богоборству уклонишася, начаша созидати столпъ, рѣша бо к себѣ: аще паки восхощет Богъ потопъ навести, тамо, вшедше на столпъ, з Богом брань сотворимъ. И создаша столпа онаго выше облакъ, и Богъ гнѣвомъ, духом устъ своих и духомъ бурномъ и нужномъ, столпъ сокруши, иныя же поби, прочих же раздели на семъдесят и два языка. Един же Евѣр к сему делу и совѣту ихъ не приста, сего ради Богъ помилова его: Адамова языка от него не отъят. От него же евреи глаголютца. Сих же раздели, да разделѣнием другъ на друга востают, и симъ преступлениемъ мучатся. Бога егда глаголю — Отца, и Сына, и Святаго Духа во единомъ существѣ, якоже выше рѣхъ, и якоже и ту рече: «Се человѣцы языкъ единъ и уста една, елика восхотят и сотворят, нисшедше размесимся».[5] И кому сия глаголати, аще бы не

Троица?[6] Тажъ по семъ умножившимъся человѣком и врагу поработившимся, и Богу болма на нихъ прогнѣвавшуся и отступившу от нихъ и дияволъ тако поработися и во своей воли нача водити все человѣчество. И оттолѣ начаша быти мучители, и властцодеръжцы, и царие, якоже первы Невродъ, иже столпъ нача здати, и раздѣление языкомъ бысть. Невpод нача царьствовати в Вавилонѣ, потом же Мисрем во Египте; тажъ ва Асирии Вилъ крѣпкорукий, иже и Кронъ, тажъ Бѣлъ и Бол, и Бѣлус, и Бѣлье, и Вабал, и Вѣльефегоръ, и Вельсавух, и Вѣльесававъ, и Астарти, посем Ниние, тажъ Форъ, иже и Арес, тажъ повсюду многоразлична царьства раставишася, и кождо особначо царьствовати. Сице убо неблагочестне в человѣцѣхъ наченшуся царьству, якоже рече Господь нашъ Исус Христос во Евангилии: «Еже есть высоко в человѣцѣхъ, мерзость есть пред Богом».[7] И сице виде Богъ погибающъ род человѣчѣский, и умилосердися о немъ, и у Аврама правѣдника воздвиже, иже Авраамъ Бога истин*н*ого позна, и Богъ возлюби его. И оттолѣ Богъ преклонися на милосердие к человѣчеству, и Аврама благослови, и обѣтование дасть, и наследника дарова ему Исака и Исаку Иякова, иже есть Исраиль. И сице обѣтова Богъ Аврааму: «Яко отца многимъ языком сотворю тя, и царие ис тебѣ изыдут». И иже исшедше от чреслъ Авраама, Исака, Иякова, и се нарекошася людие, и прочии, иже языцы, якоже рече великий пророкъ Моисей: «Положи пределы языкомъ, по числу ангелъ Божиих, и бысть часть Господня Ияковъ, достоянье его Иисраиль».[8] И *т*ако Господу Богу пасущу род исраильтеский, из Египта изведшу их рукою крѣпкою и мышцею высокою, — Моисѣомъ проводником и Исусом Навгиным, и на земли обѣтованья пос*т*авившу их (в тогдашнеѣ время многоразличныя повсюду царьствия, и иныя же Иисраильты потребиша), и тако Богу соблюдающу род еврейский, и подавающу судия и правителя, и самому водящу их, даже и до Самоила пророка, но понеже по Адамл*ю* преступлению все человѣчество прелестию тогда покровено бысть и врагу поработившуся, сего ради Иизраильты часто заповеди Божия преступаху, прельщающеся дѣлы бѣззаконных языкъ. Богу жъ на них овогда гневающуся и предавающу в порабощенье языкомъ иноплеменнымъ, овогда жъ милующу и свобождающу; егда убо отступаху от Бога и поклоняхуся идоломъ, тогда предавъше их, егда же взыскаху Господа, тогда свобожаше их. Сего ради и сходя к немощи их и жертвы попусти имъ творити,[9] не яко хотя от них сего, но немощи иих попуская быти; аще и жрут, н*о* токмо бы истинному Богу жертву творили, а не бѣсомъ. Тако бысть и до Самоила пророка. Но человѣка есть нечистъ родственая: не восхотѣша Иисраильтяни под Божиимъ имянемъ быти и водими быти праведными слугами его, просиша себѣ царя, и Богу вельми на них за сие прогневавшуся и дастъ имъ царя Саула. И многи напасти претерпѣша, и Бог милосердова о них, и воздвиже имъ праведника Давида царя, и царьство распространи. Се первое благословѣние царству бысть: Богъ, сходя к немощи человѣчестей, и царство благослови. Таж умножившимъся человѣком, и царьствомъ, и властемъ, и бѣззаконию разстущу, Богъ же не прѣзре рода человѣча, от диявола мучима. Первое посла пророки провозвещающе пришествия Божия слова и мира, о грѣсе обличающе и о бѣзъзаконии; они же несмысленнии быша, врагу ими владущу, и пророки избиша, и больма нечествоваша. Тажъ человеколюбия ради самъ Господь-Сынъ, Слово Божие, воплотитися изволи от пречистые

Матере, спасѣние содѣла посредѣ земля человѣкомъ. И исперва убо царствие отверже, якоже рече Господь во Евангилие, иже есть высоко в человѣцех, мерзость есть пред Богомъ, тажъ потом и благослови и якоже Божественным своимъ рожествомъ Августа кесаря прославивъ, в его же кесарьство родитися благоизволи, и его и темъ вспрослави и распрастрани его царство, и дарова ему не токмо Римск*о*ю властию, но и всею вселенною владѣти,[10] и Готфы, и Савроматы, *и* Италия вся, и Далматия, и Нат*о*лия, и Макидония, и и*н*о б*о* — Ази *и* Асия, и Сирия, и Междорѣчие, и Египетъ, и Еросалим, и даже до прѣделъ Перских. И сице обладающу Августу всею вселенною и посади брата своего Пруса во град, глаголемый Мальборокъ, и Торун, и Хвойницу, и преславны Гданескъ по рек*у*, глаголемую Немон, яже течет в ину, в морѣ Варяжское. Господу же нашему Исусу Христу смотрения тайну совершившу, посла божественныя своя ученики в весь миръ просветити вселенную. Он*ы*м же, яко крылатым, всю вселенную обтекше имъ и слово Божие проповѣдающе. И понеже повсю*ду* греху царьствующе и нечестию обладающу, царие и князи, и мѣстоблюстителя, и обладатели вси дьяволу поработившуся и супротивившуся, и побиша ихъ, тажь ии учениковъ, святителей, и священниковъ, и простых множество показаша мучениковъ. И от Августава царства в Римѣ даже до лѣтъ Максентия и Максимияна Галера сие гонение бысть на християны. Господь же нашъ Исусъ Христос не прѣзрѣ моления раб своих, еще же и к Матернимъ *м*олбамъ призирая, и свое обѣтование исполняя, якоже: се аз с вами есть до сканчания вѣка сего,[11] аминь, — и сице воздвиже благочестия корень — великого во благочестии сияюща Констянтина Флавия, царя правдѣ християнска, священство и царство во едино, и оттуду повсюду християнская царьствия умножишася. Таж по благоволению в Троицы славимого Бога в Росийской землѣ воздвижеся царствие сице, якоже выше рѣхъ, еже Августъ, кесарь римский, обладаяй всею вселенн*о*ю, постави брата своего Пруса, иже вышепомянуты. И живоначалные Троицы десницею и милостию воздвижеся царьство в Русии сице: от Пруса четвертое на десять колѣно Рюрикъ прииде,[12] нача княжити в Русии и в Новегороде, иже сам прозвася великий князь и град Великий Новъград нарече. Сынъ же его Игоръ преселися на Киевъ и тамо царьствия скифетры Росии положи, и на Грекех дань емляше, и в Переславце Дунайстемъ живяше, иже есть Бѣнъ и Ведна. Таж что по сих? В Троицы славимый Богъ милосердиемъ своимъ призрѣ на нашу Росийскую землю, сего Святославова сына великого Владимера в познание истинны приведе и свѣтомъ благочестия просвети, славити себѣ истиннаго Бога, Отца. и Сына, и Святаго Духа, во единствѣ поклоняемого, и избра его, якоже втораго Павла, в державных сединах и царя правдѣ християнска во крещение воздвиже, якоже великого Констянтина. Я*ко*же рече божественный апостол Павелъ: «Никая же владычества не от Бога учинена суть, всяко бо душа владыкамъ превладущимъ да повинуетца, тѣмъ же и противляяйся власти Божию повеленью противится»; и никому же повѣле в чюжая пределы преступати. Мы же хвалимъ, благосл*о*вим, покланяемся Господ*у* в трех лицех, во единомъ же сущѣствѣ, поемъ и превозносимъ его во веки, якоже воздвиже намъ рогъ спасения, яже в дому Давида, раба своего, тако в дому блаженного великого Владимера, во святом крещении Василия. Сего убо трисиянного единственнаго Божества милостию и благоволениемъ, и волею утвердися и дастъся

намъ скифетродержание в Росийской землѣ, от сего великого Владимира, иже во святомъ крещении Василия, иже царским вѣнцомъ описуетца на святыхъ иконах, и сына его великого государя Ярослава, нареченного во святомъ крещении Георгия, иже тое Чютцкую землю плени, еже есть Лифлянты, и град Юрьев в свое имя постави, иже нарицается Дерптъ, и великого царя и великого князя Владимера Маномаха, иже на Фракею Царяграда воевавшаго и царьский венецъ и имя приобрѣте[13] царствия (от царя Констянтина, иже тогда во Царѣградѣ царьствующаго сия приемлет), и преславного великого князя Александра, иже над римскими немцы на Невѣ побѣду показавшаго, и хваламъ достойного великого государя великого князя Дмитрея, иже над бѣзбожными Агарены за Дономъ великую побѣду показавшего, и дѣда нашего, блаженные памяти великого государя Ивана Васильевича, собрателя Руския земли и многимъ землямъ обладателя, и отца нашего, великого государя царя всеа Русии блаженныя памяти Василья, закоснѣйнымъ прародител*ств*ия земля*м* обретателя, тажъ по коленству даже доиде и до нас скифетромъ держание Росийскаго царьствия. Мы же хвалимъ Бога, в Троицы славимаго, за премногую его милость, бывшую на нас.

Сего тричисленнаго Божества, Отца, и Сына, и Святаго Духа, милостию и властию, и хотѣниемъ покрываеми, иногда же ограждаеми и заступаеми, и соблюдаеми, и утвержаеми, и удержахомъ скифетро Российскаго царьс*тв*ия; мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии, Владимерски*й*, Московски*й*, Ноугоротцкий, царь Казанский и царь Астораханский, государь Псковский и великий князь Смоленски*й*, Тверский, Югорски*й*, Пермъский, Вяцкий, Болъгарский и иныхъ, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Бѣлоозерски*й*, Удорски*й*, *Обдорский,* Кондиский и иных, и всея Сибирския земли, и Сѣвѣрныя страны повелитель, и государь отчины и земли Лифлянские,[14] и иных многихъ земель государь, нашего царьского повеления слова нашего — Великого княжества Литовского дворенину думному князю Олександру Ивановичю Полубѣнскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирю (то все дудино племя!).[15]

Нашия честныя царьские заповѣди слово то, что не от количихъ лѣтъ Лифлянская земля — отчина наша от великого Ярослава, сына великого Владимера, иже во святомъ крещении Георгия, иже и Чюдцкую землю плени и постави в ней град в свое имя Юрьевъ, а по-немецк*и* Дер*п*тъ, тажъ по семъ великого государя Александра Невского; и дань, и старые залоги с тое Лифлянские земли шла, и прадеду нашему, великому государю и царю Василью, и дѣду нашему, великому государю Ивану, и отцу нашему, великому государю и царю всеа Русии блаженные памяти Василию, присыл*ыва*ли неоднова бити челомъ за свои вины и о своих нужах, и о миру съ ихъ вотчинами, с Великимъ Новымъ городом и Псковомъ, и что было имъ к Литовскому не приставать. Такъ же и к нашему царьскому величеству присылали и не одинова бити челомъ своих пословъ, и дань на себя по-старому положили, и после того в томъ *во* всемъ не исправилися, и за то на них нашъ гневъ, мечь и огнь ходит. И нѣкогда убо прииде в слу*х*и наша, яко то бѣзгосударное мѣсто

Литовское, преступивъ Божиѣ повѣление, еже не повѣле никому же в чюжая пределы преходити, и Литовск*и*е люди в ту нашу отчину, в Лифлянскую землю, вступившися, тебя учинили тут гетманомъ. И ты многия неподобныя дела поделал еси: не имея храбръства, взялъ еси искрадомъ нашия вотчины Пскова пригородокъ Избореськъ, и какъ еси поругалъся, отступивъ от крестьянства, церкви Божии и священства образомъ.[16] Ино тричисленного Божества и пречистые Богородицы милость, и всехъ святых его молитвы, и иконного воспроповѣдания поклоняния крепость вас, иконоборъцов, посрами, а нашу дрѣвнюю отчину к намъ возврати; а ваша надежда — Кронъ и Зевсъ *и* инии, *о* них же выше рѣхомъ, ни во что же бысть.

А пишешъся Палемонова роду,[17] ино то палаумова роду, потому что пришел на государство, да не умелъ его под собою держать, самъ в холопи попал иному роду. А что пишешъся вицерентомъ земли Ифлянъския, справцы рыцерства волного — ино то рыцерство блудящѣе, розблудилося по многимъ землямъ, а не волное.[18] А ты выце-рентъ и справцъ над шибѣницыными людьми, которые из Литвы ушли от шибѣницы, то с тобою рыцерство. А гетманство твое над кемъ? С тобою жаднаго доброва человѣка нетъ из Литвы, а то все воры, да тати, да разбойники. А владѣешъ — городковъ з десять нет, гдѣ тебя слушают. А Колывань за Свейским, а Рига особѣ, а Задвинье за Кѣтрером.[19] А старостить тебѣ над кемъ? Гдѣ менътеръ, гдѣ машъкалка, гдѣ куменъдери, где советники и все воинство Лифлянск*и*е земли?[20] Всево у тебя ничего!

А ныне наше царьское величество пришло своих вотчинъ розсмотрити, Великово Новагорода, и Пскова, и Лифлянские земли, и наше царское повѣленье с милостивн*ѣ*йшимъ защищѣньемъ и чесные заповѣди тебѣ.[21] Почто избранный вашъ государь Стефанъ Обатуръ присылает к нам о миру и пословъ своихъ к намъ шлетъ.[22] И мы хотимъ с нимъ миру какъ будетъ пригоже, и ты б межъ нас с Стефаномъ Об*а*туромъ миру не рушилъ и на кровопролитие християнс*кое* не прагнулъ, и из нашие бы еси вотчины, из Лифлянские земли, поехал со всеми людьми, а мы всему своему воинству приказали, не велели Литовскихъ людей ничемъ крянути. А толко жъ такъ не учинишъ, не пойдешъ из Литвы, из Лифлянские земли, и которые люди Литовъские будут в Лифлянской землѣ, и что над ними учинитца, и то кровопролитие от тебя будет. А на Литовскую землю и ныне никоторые войны не учинимъ, доколѣво у *н*ас от Оботуры послы будутъ. А с сею есмя грамотою послали к тебѣ воеводу своего князя Тимофея Романовича Трубѣцково, Семеновича, Ивановича, Юрьевича, Михайловича, князя Дмитрея, сына великого князя Ольгерда, у которого твои предкове служили Палемонова роду.[23]

Писанъ в дому живоначалные Троицы и великого государя Всеволода-Гаврила, а в нашей отчине двора нашего из боярские державы в городе в Прескове,[24] лѣта 7085-го июля в 9 день, индикта 5-го, государствия нашего 43-го, а царствъ наших: Росийского — 31-го, Казансково — 25-го, Асторохансково — 24-го.

А на подписи у грамоты потписано: Великого княжества Литовского дворянину доброму князю Олександру Ивановичю Полубинскому, дуде, вице-ренту Литовские земли блудящие рыцерства Ливонсково розганеново, старосте Волъмеръскому, блазну.

---

[1] *...в Володимер ко князю Александру Полубенскому.* — Владимир (Владимирец) Ливонский — ливонский город Вольмар (ныне Валмиера в Латвии); Александр Иванович Полубенский — князь, староста Вольмарский и Зегеволодский, правитель Вилькийский и Поюрский. Грамотой к нему начиналась серия посланий Ивана Грозного 1577 г. В дневнике Полубенского, написанном, по-видимому, десять лет спустя (Донесение-дневник Полубенского // Труды X Археологического съезда в Риге в 1896 г. М., 1900. Т. 3), Полубенский ничего не сообщает о получении этой грамоты, но рассказывает, что когда он, будучи пленником, предстал перед Грозным, тот произнес речь (цитируемую в дневнике Полубенского, с. 33), по содержанию совпадающую с комментируемым посланием, — возможно, что царь прочел или изложил Полубенскому свою недавно написанную грамоту. Содержание «листа» царя было передано Полубенским после освобождения из плена польскому королю Стефану Баторию (ср. грамоту Батория в «Книге Посольской метрики Великого княжества Литовского» (КПМЛ). М., 1843. Т. 2. С. 27—28).

[2] *Трисолнычного Божества благоволением и благостию, и волею...* — Композиционное своеобразие комментируемого послания состоит в том, что вступительная часть титула «Божьей милостию», вообще значительно расширенная при Грозном (ср. Первое послание Курбскому и Послание Юхану III 1572 г.), достигает здесь грандиозных размеров — более половины всей грамоты, переходя в краткое изложение библейской и русской истории.

[3] *...«Вѣмы, яко не единъ идолъ... и мы в немъ».* — 2 Кор. 8, 4—6.

[4] *...«да будет свѣтъ»...* — Быт. I, 3.

[5] *...«Се человѣцы языкъ единъ... размесимся».* — Ср. Быт. 11, 7.

[6] *И кому сие глаголати, аще бы не Троица?* — Это рассуждение заимствовано царем из полемики с еретиками Иосифа Волоцкого (Просветитель. Казань, 4-е изд., 1903. С. 66).

[7] *...«Еже есть высоко в человѣцѣхъ, мерзость есть пред Богом».* — Лк. 16, 15.

[8] *...«Положи пределы языкомъ, по числу ангелъ Божиих и... достоянье его Иисраиль».* — Ср. Вт. 32.8—9.

[9] *...сходя к немощи их и жертвы попусти имъ творити...* — Ср. то же рассуждение в Первом послании Курбскому.

[10] *...и дарова ему... всею вселенною владѣти...* — Перечисление владений Августа совпадает в Послании Полубенскому с аналогичным перечислением в Первом послании Курбскому (ср.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981; репринт — М., 1993. С. 21 и 386).

[11] *...се аз с вами есть до скончания вѣка сего...* — Мф. 28.20.

[12] *...постави брата своего Пруса... от Пруса четвертое на десять колѣно Рюрикъ прииде...* — Легенда о происхождении Рюрика и всех русских князей от «сродника Августа кесаря» легендарного Пруса впервые появилась в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, а затем воспроизведена в популярном в XVI в. «Сказании о князьях Владимирских» (*Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 159—213; ср.: наст. изд., т. 9). Легенда эта была включена в Воскресенскую летопись *(ПСРЛ.* СПб., 1856. Т. 7. С. 231 и 268), использована в «Чине венчания» Ивана IV в 1547 г. Царь постоянно обращался к этой легенде и в своих дипломатических актах — в 1563 г. она была упомянута в переговорах с польскими послами, в 1573 г. — в послании шведскому королю Юхану III. Претензии на наследие «Августа-кесаря» (повторенные потом в переговорах с польскими послами в 1578 г.) вызвали ответную реакцию Стефана Батория, который иронически указывал, что в грамоте Полубенскому царь «почал вычитывать рожай свой от сотворенья света, от Адама... яко нигде ничого кгрунтовного (основательного) не назначил» (Книга Посольской метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. Т. 2. С. 27—28, 44).

[13] *...Владимера Маномаха, иже на Фракею Царяграда воевавшаго и царьский венецъ и имя приобрѣте...* — Легенда о войне Владимира Мономаха во Фракии и приобретении им царского венца также восходит к «Посланию» Спиридона-Саввы и «Сказанию о князьях Владимирских». Прозвище Мономах Владимир Всеволодович получил от матери, дочери императора Константина Мономаха.

[14] *...мы, великий государь... и земли Лифлянские...* — Титул Ивана IV в этом послании совпадает с титулом во Втором послании Курбскому.

[15] *...Полубѣнскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирю (то все дудино племя!).* — Назвав Полубенского «дудой» (дудкой; это же прозвище повторяется и в «подписи»-адресе грамоты), царь далее называет еще один музыкальный инструмент — «пищаль», разновидность свирели. Слово «разлада» означает «нестройность, неудача, нескладица», «нефирь» — «негодный, непотребный». Все эти эпитеты имеют целью осмеяние Полубенского, уподобление его скомороху; такой же смысл имеет и заключительный эпитет в «подписи» — «блазень», шут. А. М. Панченко, комментируя эти бранные прозвища, данные царем Полубенскому, отметил любопытное обстоятельство: почти все эти прозвища были в XV в. мирскими

именами в роду московских бояр Квашниных; сыновья Родиона Квашнина именовались Василий Дуда, Иван Пищаль, Степан Самара, Прокофий Разлада. После захвата Полубенским в 1569 г. Изборска пострадал один из членов рода Квашниных — подьячий Рубцов; в опричнину пострадал весь род Квашни (Панченко А.М. «Дудино племя» в послании Ивана Грозного князю Полубенскому // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 151—154). Враждебность царя по отношению к Полубенскому могла объясняться также его свойством с Курбским (ср.: Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. 1. Стб. X—XII, 157) и дружественными связями между ними (ср.: Сочинения князя Курбского. СПб., 1914. Т. I // *РИБ.* Т. XXXI. Приложения. Стб. 495).

[16] *...взялъ еси искрадомъ нашия вотчины Пскова пригородокъ Изборескъ, и как еси поругалъся, отступив от крестъянства, церкви Божии и священства образомъ.* — Захват Изборска Полубенским произошел в январе 1569 г.; польско-литовские войска, по сообщению Псковской 3-й летописи, «взяша Изборескъ оманомъ, впрошалися отпритчиною» (Псковские летописи. М., 1953. Вып. 2. С. 261). Историю этого обмана излагает Генрих Штаден. Он рассказывает, что «губернатор польского короля Сигизмунда в Лифляндии» Александр Полубенский в сопровождении 800 поляков и 3 русских перебежчиков подъехал к воротам Изборска и закричал привратнику: «Открывай! Я иду из опричнины». Поляки продержались в Изборске 14 дней, после чего город был отбит настоящими опричниками (*Штаден Генрих*. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 94). Нападение Полубенского на Изборск и последовавшие за этим военные действия были предметом специальных переговоров между Иваном IV и польским королем Сигизмундом II Августом в течении всего 1569 г. (см. сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. № 23. С. 584—610). Грозный писал польскому королю, что с тех пор как последний «нашу изменную раду, отступников истинного православия, учинил у себя в раде, и от тех мест и посемест кровь крестьянская не престалась лити... И по той твоей раде, брата нашего, а наших изменников умышлению, князь Олександр да князь Иван Полубенские, пришедчи некрестьянским обычаем... сослався с нашими изменники, безбожным обычаем в наш пригород и псковской в Избореск с нашими изменники въехали, и город Избореск на тебя, брата нашего, засели, и вере крестьянской ругательство учинили» (Сб. РИО. Т. 71. С. 588).

[17] *А пишешъся Палемонова роду...* — Палемон — легендарный предок литовских князей; по своему характеру легенда о Палемоне сходна с русской легендой о Прусе. Согласно литовским летописям Палемон был «княжа рымское», родственник «царю Нерону», бежавший от его «крывды» и добравшийся по «море окияну» до реки Неман и положивший начало «панству Литовскому» (*ПСРЛ.* М., 1980. Т. 35. С. 145—146, 173—176, 193, 214). Полубенские считались потомками основателя Литовского государства Гедимина.

[18] *А что пишешъся вицерентомъ земли Ифлянъския, справцы рыцерства волного — ино то рыцерство блудящѣе, розблудилося по многимъ землямъ, а не волное.* — «Справцой людей рыцерских войска...

короля Полского и великого князя Литовского у земли Ифлянской» именовал себя Полубенский в грамотах боярину Ивану Петровичу Федорову (сб. РИО. Т. 71. С. 81 и 87); в грамоте Шабликину и Огибалову он именовался «гетманом Лифлянской земли и справцей рыцарских людей» (Сочинения князя Курбского. Т. I. Стб. 496). «Вице-регентом» Полубенский называл себя, очевидно, как заместитель Яна Ходкевича — администратора («регента») Ливонии.

[19] *А Колывань за Свейским, а Рига особѣ, а Задвинье за Кѣтреромъ.* — Колывань — русское название Ревеля (Таллина), находившегося с 1561 г. под шведской властью. Готгард Кетлер, коадъютор (соправитель) магистра Ливонского ордена, заключил в 1559—1561 гг. с польским королем соглашение, согласно которому южная Ливония (Курляндия, Задвинье) превращалась в вассальное владение Польши — герцогство Курляндское, а Кетлер стал герцогом Курляндским. Рига в 1562 г. признала власть польского короля, но при условии некоторого самоуправления и независимости от герцогства Курляндского. Центральная часть Ливонии была передана в 1565 г. в управление не Кетлеру, а «маршалку» Литовскому Яну Ходкевичу с титулом администратора Ливонии.

[20] *Гдѣ менътеръ, гдѣ машъкалка, гдѣ куменъдери, где советники и все воинство Лифлянские земли?* — Перечисляются чины прежнего Ливонского ордена. «Менътеръ», очевидно, то же, что «местер» (ср. *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте. Л., 1985. С. 198—199) — Grossmeister, магистр Ливонского ордена. «Кумендери» — командоры (ср. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 370, 412). «Машкалка, ламмашкалка» — маршал, ландмаршал (ср. *ПСРЛ.* СПб., 1909. Т. XIII. С. 330).

[21] *...наше царское повѣленье с милостивнейшим защищѣньемъ и чесные заповѣди тебѣ.* — Позиция царя по отношению к Полубенскому была довольно сложной. Осенью 1577 г., после того как Полубенский был захвачен в плен в Вольмаре (Валмиере) и выдан вассалу царя принцу Магнусу, который передал его затем русским, царь решил проявить милость к своему пленнику. Иван IV уже заранее передал ему, «чтоб он не опасался ничево» и что «царское величество милость ему покажет, пожалует, к королю его отпустит». Такое поведение царя объясняется не только тем, что в это время царю изменил и был низложен Магнус, но, по-видимому, также тайными действиями самого Полубенского. Согласно ливонским источникам, командующий литовскими войсками в Ливонии Ходкевич знал о тайных переговорах Магнуса со Стефаном Баторием и известил об этом Полубенского, который заранее сообщил об измене Магнуса царю. В дневнике-донесении, написанном Полубенским через несколько лет после освобождения из плена, он явно умалчивает о целом ряде своих поступков. Бесспорно то, что, став русским пленником, Полубенский содействовал успехам Ивана Грозного, призывал ливонцев (в частности жителей Триката) покориться царю (Ливонский поход царя Ивана Васильевича Грозного в 1577 и 1578 гг. // Военный журнал. 1853. № 6. С. 91—92). По словам Полубенского, 11—15 сентября 1577 г. царь сообщил ему, что он дарует ему жизнь и перешлет с ним письма

(Донесение-дневник Полубенского. С. 136—137). Царь отправил с Полубенским послания Ходкевичу (Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 205—207), Стефану Баторию, Второе послание Курбскому.

[22] *Почто избранный вашъ государь Стефанъ Обатуръ присылает к нам о миру и пословъ своихъ к намъ шлетъ.* — Семиградский (трансильванский) князь Стефан Баторий, избранный частью сейма на престол, короновался польской короной 1 мая 1576 г. Власть его была непрочной, так как основная часть магнатства не признавала его. Уже в августе 1576 г. Стефан отправил посланников к Ивану IV с мирными предложениями. Посланники были встречены холодно; впрочем, Стефану было предложено прислать «великих послов». К июлю 1577 г. послы эти еще не прибыли — этим, между прочим, Иван IV впоследствии оправдывал свое наступление на польскую Ливонию.

[23] *Тимофея Романовича Трубѣцково, Семеновича... Дмитрея, сына великого князя Ольгерда, у которого твои предкове служили Палемонова роду.* — Род князей Трубецких (или Трубчевских), окончательно перешедший на русскую службу в начале XVI в., вел свое происхождение от князя Дмитрия Ольгердовича Брянского-Трубчевского, участника Куликовской битвы (на стороне Дмитрия Донского); перечисляя предков Тимофея Трубецкого, Грозный демонстрировал древность его рода по сравнению с родом Полубенских. 9 июля 1577 г. Трубецкой был направлен царем из Пскова «наперед себя» «воевать немецкие земли»; Трубецкому было дано для передачи комментируемое послание Полубенскому.

[24] *Писанъ в дому живоначалные Троицы и великого государя Всеволода-Гаврила, а в нашей отчине двора нашего из боярские державы в городе в Прескове...* — Троицкий собор — главный храм Пскова, по названию которого часто именовался сам город; Всеволод-Гавриил Мстиславич (первая половина XII в.) — князь, изгнанный из Новгорода и ставший первым князем Пскова; в дальнейшем почитался как местный герой. Канонизирован русской православной церковью. Выражение «двора нашего из боярские державы», очевидно, означает сравнительно скромный ранг Пскова в системе владений царя.

ПЕРЕВОД

ТАКАЯ ГРАМОТА ПОСЛАНА ОТ ГОСУДАРЯ ИЗ ПСКОВА С КНЯЗЕМ ТИМОФЕЕМ РОМАНОВИЧЕМ ТРУБЕЦКИМ ВО ВЛАДИМИР К КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ ПОЛУБЕНСКОМУ

Трехсолнечного Божества благоволением, и благословением, и волею — как говорит избранный Божий сосуд апостол Павел: «Мы знаем, что в мире не один идол, но нет другого Бога кроме единого, ибо хотя и есть так называемые боги или на небе, или на земле, но у нас один Бог-Отец, из которого все, и мы для него, и один Господь Иисус Христос, которым все, и мы им, и один Дух Святой, в нем все, и мы в нем». Этого трисиянного Божества, Отца, и Сына, и Святого Духа, в трех лицах и в одной ипостаси исповедуемого, и поклоняемого, и славимого, и безначального, и бесконечного волей, и желанием, и властью, и силой

творения, когда сказал Бог: «да будет свет» — стал свет, и совершилось иное творение тварей как наверху на небесах, так и внизу на земле и в преисподней. И затем создал Бог человека, мужчину и женщину, сотворил их, поселил в раю и дал им наставление; когда же они послушали врага и наставление преступили, Бог за это прогневался на них, и изгнал их из рая нищими, и осудил их на смерть и болезни, и обрек их на труд, и отлучил их Бог от лица своего. И видел враг, что первые его козни пошли ему на пользу и что Бог прогневался на человека, и, увидя это, решил окончательно уничтожить людей и побудил Каина убить Авеля. Бог же, не оставляя свое создание, из милосердия к роду человеческому сотворил ради Адама родоначальника правды — Сифа. И затем Енох угодил Богу, ради чего Бог прославил его взятием на небо и сохранил его как прорицателя своего Второго пришествия. И когда умножились люди, и враг окончательно усилился, и люди стали повиноваться врагу во всем и восприняли все его злые дела, то Бог еще более разгневался и истребил всех людей на земле потопом и, обнаружив, что только праведник Ной действует по его заповедям, сохранил его за это как родоначальника вселенной. Затем, когда люди вновь умножились и враг еще более прельстил их, и люди усердно предались вражьему прельщению и уклонились в богоборство, они начали создавать столп, говоря себе: если снова захочет Бог навести потоп, то мы, взойдя на столп, вступим в борьбу с Богом. И создали столп этот выше облаков, и Бог гневом, дыханием уст своих, дыханием бурным и сильным, сокрушил столп и одних побил, а других разделил на семьдесят два языка. Один только Евер не присоединился к их делу и замыслу, за что Бог и помиловал его: не отнял у него языка Адамова. От его имени и называются евреи. А других он разделил, чтобы, разделившись, восставали друг на друга и мучались за это преступление. Когда я говорю о Боге, то, как и выше, я говорю об Отце, и Сыне, и Святом Духе в едином существе; ибо здесь были произнесены такие слова: «Вот люди говорят одним языком и едиными устами и могут сделать все, что захотят, спустимся и разделим их». Кто бы это мог говорить, как не Троица? И затем, когда люди вновь умножились и подчинились врагу и Бог еще более на них прогневался и отступил от них, дьявол поработил их и по своей воле стал вести все человечество. И отсюда пошли мучители, и властители, и цари, как первый Неврод, который начал строить столп, когда и произошло разделение языков. Неврод начал царствовать в Вавилоне, затем Мисрем в Египте, и в Ассирии Вил крепкорукий, он же Крон, и Бел, и Бол, и Белус, и Белье, и Вабал, и Вельефегор, и Вельсавух, и Вельсавав, и Астарта, затем Ниние и Фор, он же Арес, и повсюду возникли многоразличные царства и каждое царство отдельно. Так возникло среди людей неблагочестивое царствование, то, о котором Господь наш Иисус Христос говорит в Евангелии: «Высокое для людей — мерзость для Бога». И так увидел Бог, что погибает род человеческий, и умилосердился над ним, и создал праведника Авраама, того Авраама, который познал истинного Бога, и которого Бог возлюбил. И ради этого Бог склонился на милосердие к человечеству и благословил Авраама, и указал ему его обязанности, и даровал ему наследника — Исаака и Исааку Иакова, он же Израиль. И так обещал Бог Аврааму: «Сделаю тебя прародителем многих народов, и цари от тебя произойдут». И те, которые произошли от рода Авраама, Исаака и

Иакова, стали называться людьми, а прочие — язычниками, ибо говорит великий пророк Моисей: «Всевышний поставил пределы народов по числу ангелов Божиих; и стал Иаков уделом Господним, Израиль — достоянием его». И в то время, когда Бог пас народ израильский и извел его из Египта своей рукою крепкою и мышцею высокою — проводником Моисеем и Иисусом Навином, и поместил их в обетованной земле (было в то время много государств, и некоторые из них израильтяне истребили) и так он сохранял еврейский народ и давал ему судей и правителей, и сам руководил ими до самого времени пророка Самуила, но израильтяне из-за того, что после преступления Адама все человечество было охвачено прельщением и порабощено врагу, часто преступали Божьи заповеди, прельщаясь делами беззаконных язычников. Бог же на них иногда гневался и отдавал их в рабство иноплеменникам, иногда же миловал и освобождал; когда они отступали от Бога и поклонялись идолам, тогда предавал их, когда же обращались к Господу, тогда освобождал их. Поэтому он, снисходя к их слабости, разрешал им даже приносить жертвы — не потому, что он хотел от них жертв, а уступая их слабости: пусть приносят жертвы, лишь бы истинному Богу приносили, а не бесам. Так было до пророка Самуила. Но человеку родственна всякая нечисть: не захотели израильтяне жить под Божьим именем и под руководством его праведных слуг и попросили себе царя, и Бог весьма за это прогневался на них и дал им царя Саула. И много напастей претерпели, и Бог умилосердился над ними и дал им царя — праведника Давида — и распространил царство его. Это было первое благословение царству: Бог снизошел к слабости человеческой и благословил царство. И затем, когда умножились люди, и царства, и власти и разрослось беззаконие, Бог не презрел рода человеческого, мучимого дьяволом. Прежде всего послал пророков, провозвестивших пришествие Божьего слова и обличающих грехи и беззакония; были же люди неразумны, и враг ими владел, и избили они пророков и еще более впали в нечестие. И затем во имя человеколюбия сам Бог-Сын, Слово Божие, соизволил воплотиться от пречистой Матери, чтобы спасти людей на земле. И сперва он отверг царство, ибо говорит Господь в Евангелии, что высокое для людей — мерзость для Бога, а затем и благословил его, ибо Божественным своим рождением прославил Августа-кесаря, соизволив родиться в его царствование; и этим прославил его и расширил его царство, и даровал ему не только Римскую державу, но и всю вселенную — и Готов, и Сарматов, и всю Италию, и Далмацию, и Анатолию, и Македонию, и иные — Азию, и Асию, и Сирию, и Междуречье, и Египет, и Иерусалим — вплоть до границ Персии. И когда Август владел таким образом всей вселенной, он посадил брата своего Пруса в город, называемый Мальборг, и в Торунь, и в Хвойницу, и в преславный Гданьск на реке, называемой Неман, которая течет в море Варяжское. Когда же Господь наш Иисус Христос осуществил предназначенное провидением, послал он божественных своих учеников по всему миру просветить вселенную. Они же, точно на крыльях, облетев всю вселенную, проповедывали слово Божие. И так как в то время всюду царствовал грех и господствовало нечестие, а цари, и князья, и управители служили дьяволу и противодействовали им, то они были избиты, и их ученики — святители, и священники, и многие простые люди — приняли мученичество. И со времени царствования Августа

вплоть до Максентия и Максимилиана Галерия было в Риме гонение на христиан. Господь же наш Иисус Христос не презрел моления рабов своих, но, внимая мольбам своей Матери и исполняя свой обет: «Я с вами до скончания мира сего, аминь», создал опору благочестия — великого, сияющего в благочестии Константина Флавия, царя правды христианской, соединившего священство и царство, и с этого времени повсюду умножились христианские царства. И затем по благоволению в Троице славимого Бога в Российской земле создалось царство, когда, как я уже говорил, Август, кесарь римский, обладающий всей вселенной, поставил сюда своего брата Пруса, о котором сказано выше. И силою и милостию живоначальной Троицы там создалось царство на Руси: потомок Пруса в четырнадцатом колене, Рюрик, пришел и начал царствовать на Руси и в Новгороде, назвался сам великим князем и нарек этот город Великим Новгородом. Сын же его Игорь переселился в Киев и там установил скипетр Российского царства, и брал дань с греков, и жил в Переяславце Дунайском, где находятся Бен и Ведна. Что же после них? В Троице славимый Бог умилостивился над нашей Российской землей, и привел сына этого Святослава, великого Владимира, к познанию истины, и просветил светом благочестия, чтобы он славил его, истинного Бога, Отца, и Сына, и Святого Духа, во единстве поклоняемого, и избрал его, как второго Павла, и подвиг его в царственных сединах к крещению, и сделал царя правды христианской, как великого Константина. Как говорит божественный апостол Павел: «Нет власти не от Бога, пусть всякая душа повинуется власти; поэтому тот, кто противится власти, противится Божьему повелению»; и никому не повелевает вступать в чужие пределы. Мы же хвалим, прославляем и почитаем Господа в трех лицах и в едином существе, поем и превозносим его во веки, как давшему нам средство к спасению, как в дому раба своего Давида, так и в дому блаженного великого Владимира, во святом крещении Василия. Того же трисиянного единственного Божества милостью, и благоволением, и волею утвердился и был передан нам скипетр в Российской земле — от того великого Владимира, в святом крещении Василия, который изображается на святых иконах с царским венцом, и от сына его, великого князя Ярослава, названного в святом крещении Георгием, который завоевал эту Чудскую землю, то есть Лифляндию, и поставил город, названный по его имени Юрьевым, а теперь называемый Дерптом, и от великого царя и великого князя Владимира Мономаха, который воевал в цареградской Фракии и приобрел царский венец и имя (от царя Константина, тогда царствовавшего в Царьграде, он их получил), и от преславного великого князя Александра, одержавшего на Неве победу над немцами римской веры, и от достойного хвалы великого государя, великого князя Димитрия, одержавшего за Доном великую победу над безбожными агарянами, и от деда нашего, блаженной памяти великого государя Ивана Васильевича, собирателя Русской земли и многих земель обладателя, и от отца нашего, великого государя всея Руси блаженной памяти Василия, приобретателя исконных прародительных земель, перешел, наконец, и к нам скипетр державы Российского царства. Мы же хвалим Бога, в Троице славимого, за премногую его милость к нам.

Этого тричисленного Божества, Отца, и Сына, и Святого Духа милостью, властью и волей покровительствуемые, а иногда охраняемые, защищаемые, и укрепляемые, мы и удержали скипетр Российского царства; мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский и царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Угорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Нижнего, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и иных, и всей Сибирской земли, и Северной земли повелитель, и государь отчины и земли Лифляндской, и иных многих земель государь — слово наше по нашему царскому повелению думному дворянину Великого княжества Литовского, князю Александру Ивановичу Полубенскому, дудке, пищелке, самаре, разладу, нефирю (все это — дудкино племя!).

А наставление наше царское таково, что с незапамятных времен Лифляндская земля — наша отчина, от сына великого Владимира, великого Ярослава, во святом крещении Георгия, который пленил Чудскую землю и поставил в ней город, названный по его имени Юрьевым, а по-немецки Дерптом, а затем от великого князя Александра Невского; и дань, и старые подати с той земли шли, и они неоднократно присылали бить челом прадеду нашему, великому государю и царю Василию, и деду нашему, великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти государю и царю всея Руси Василию, о своих винах и нуждах, и о мире с их вотчинами — с Великим Новгородом и Псковом, — и обязались не присоединяться к литовскому государю. И к нашему царскому величеству присылали и не один раз бить челом своих послов и обязались платить дань по-прежнему, и потом всего этого не исполнили, и за это на них наш гнев, меч и огонь ходит. И однажды дошло до слуха нашего, что люди безвластного государства Литовского, преступив Божье повеление, не позволяющее никому вступать в чужие владения, вступили в нашу вотчину, в Лифляндскую землю, и тебя сделали там гетманом. И ты наделал многие недостойные дела: не имея доблести, обманом взял пригород нашей вотчины Пскова Изборск, где, отступив от христианства, надругался над церквями Божиими и священными иконами. Но милость тричисленного Божества и пречистой Богородицы, и молитвы всех его святых, и крепость иконного поклонения посрамила вас, иконоборцев, а нашу древнюю вотчину нам возвратила; ваша же надежда — Кронос и Зевс и другие, о чем мы говорили выше, — оказалась напрасной.

А пишешь, что ты — Палемонова рода, так ведь ты — полоумова рода, потому что завладел государством, а удержать его под своей властью не сумел, сам попал в холопы к чужому роду. А что ты называешься вице-регентом земли Лифляндской, правителем рыцарства вольного, так это рыцарство бродячее, разбрелось оно по многим землям, а не вольное. А ты вице-регент и правитель над висельниками; те, кто в Литве от виселицы бежал — вот кто твои рыцари. А гетманство твое над кем? С тобой ни одного доброго человека нет из Литвы, а все мятежники, да воры, да разбойники. А владений у тебя — нет и десяти городков, где бы тебя слушали. А Колывань у Шведского короля, а Рига — особо, а

Задвинье у Кетлера. А кем тебе править? Где магистр, где маршал, где командоры, где советники и все воинство Лифлянской земли? Всего у тебя — ничего!

А ныне наше царское величество пришло обследовать свои вотчины, Великий Новгород, и Псков, и Лифлянские земли, и мы шлем тебе с милостивым покровительством наше царское повеление и достойные наставления. Поскольку избранный ваш государь Стефан Баторий присылает нам предложения мира и послов своих к нам шлет, и мы хотим с ним достойного мира, то ты бы не препятствовал нашему миру со Стефаном Баторием и не стремился к пролитию христианской крови, и уехал бы из нашей вотчины, из Лифлянской земли, со всеми людьми, а мы бы своему воинству приказали литовских людей никак не трогать. А если ты так не сделаешь, не уйдешь из Литвы, из Лифлянской земли, то на тебя падет вина за то, что случится с литовскими людьми, которые будут в Лифлянской земле, и за кровопролитие. А мы никакой войны с Литовской землей вести не будем, пока послы от Батория находятся у нас. А с этой грамотой мы послали к тебе своего воеводу князя Тимофея Трубецкого, сына Романа, сына Семена, сына Ивана, сына Юрия, сына Михаила, сына князя Дмитрия, сына великого князя Ольгерда, у которого твои предки Палемонова рода служили.

Писано в доме живоначальной Троицы и великого государя Всеволода-Гавриила, а в нашей вотчине двора нашего боярской державы, в городе Пскове, в 7085 году, 9 июля [9 июля 1577 г.], индикта 5-го, в 43-й год нашего государства, в 31-м году нашего Российского царства, 25-м году — Казанского, 24-м году Астраханского.

А на подписи к грамоте написано: почтенному дворянину Великого княжества Литовского, князю Александру Ивановичу Полубенскому, дудке, вице-регенту Литовской земли, бродячего разогнанного рыцарства Ливонского, старосте Вольмерскому, шуту.

Ответ Яну Роките

Подготовка текста и комментарии Н. В. Савельевой, перевод Т. Р. Руди и С. А. Семячко

ВСТУПЛЕНИЕ

Весной 1570 г. глава польско-литовского престола Сигизмунд-Август направил к Ивану Грозному своих послов с целью заключить перемирие между Россией и Польшей. В числе посланников находился проповедник Ян Рокита, призванный для совершения богослужения среди шедших с посольским караваном протестантов. Пастор Ян Рокита, чех, родом из Лютомышля, считался одним из наиболее деятельных членов общины чешских братьев, живших в Польше. Получив образование в Германии, Рокита хорошо знал латинский, немецкий и славянские языки, обладал искусством оратора и

неоднократно принимал участие в различных спорах о вере, традиционных для современных протестантских толков. Община чешских братьев описываемого периода во многом опиралась в своих религиозных взглядах на немецкий протестантизм, на учения Лютера и Кальвина. Одним из направлений деятельности общины было стремление распространить свои воззрения среди других верований, не только на Западе, но и в восточных христианских землях. 10 мая 1570 г. в Москве в царских палатах в присутствии королевских послов и русских бояр и духовенства состоялся диспут между Иваном Грозным и Яном Рокитой. Грозный позволил говорить своему оппоненту смело и откровенно, потребовал изложить суть его учения, задал Яну Роките несколько вопросов об основных положениях его веры. Выслушав всю речь Яна Рокиты, Грозный повелел записать ее и обещал вскоре дать письменный ответ с опровержением догматов, высказанных проповедником, это послание было отправлено Роките уже 18 июня 1570 г.

Ответ царя Ивана Васильевича Грозного известен в настоящее время в трех списках полной редакции и одном списке сокращенной редакции, подписанной псевдонимом Грозного — «Парфений Уродивый» (см.: *Лихачев Д. С.* Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 10—21). Это одно из немногих сочинений Ивана Грозного, дошедших до нашего времени в рукописях XVI в. (два списка), что является значимым аргументом в полемике о подлинности творческого наследия Ивана Грозного. Кроме того, существует латинский перевод Ответа Грозного, сделанный вскоре после получения послания литовским протестантом Ласицким. Русский текст Ответа Грозного (обе редакции) был издан четырежды: два раза по древнейшему списку Холмской духовной семинарии, хранящемуся ныне в Гарварде (см.: Холмско-Варшавский Епархиальный Вестник, 1878, № 13, 18, приложение; Tumins V. Tsar Ivan IV's Reply to Jan Rokyta. The Hague—Paris, 1971); один раз А. Поповым no списку из своего собрания *(РГБ,* ф. 236, № 19), также XVI в. (см.: Древнерусские полемические сочинения против протестантов // *ЧОИДР.* М., 1878. Кн. 2. Вып. 1), и краткая редакция — по списку из собрания Уварова *(ГИМ,* Ув. 423) (см.: Послание к неизвестному против люторов. Творение Парфения Уродивого. Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886. С. V—VI).

Ответ Яну Роките выделяется из других сочинений Ивана Грозного прежде всего потому, что это иное по жанру и тематике произведение. Жанр — прение о вере — и тема сочинения — опровержение протестантских догматов и защита православия — диктуют автору и тональность послания, и определенный характер использованных в прении аргументов. Иван Грозный опирался при написании своего ответа на письменный источник — запись речи Яна Рокиты, отсюда в тексте то и дело встречаются ссылки на этот источник: «Да писал еси так...», «А что еси писалъ...» и т. д. В то же время в сочинении четко выдержана устная природа жанра прения о вере: на каждый тезис оппонента Грозный дает антитезис и его развернутое обоснование. Таким образом, это произведение в наибольшей степени жанрово

выдержанное по сравнению с другими сочинениями Ивана Грозного. Ответ Яну Роките обладает многими качествами яркого индивидуального стиля Ивана Грозного, хотя и в меньшей степени, опять же в силу жанра и темы послания. Особенности стилистики, выделенные Д. С. Лихачевым (см.: *Лихачев Д. С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (Царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 183—202. (Лит. памятники); Репр. изд. 1993 г.), с наибольшей яркостью выступающие в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским, отразились и в этом памятнике. Здесь и ироническое отношение к собеседнику, и бранчливые выражения, все, однако, заимствованные из Писания — онагр, аспид глухой, козлище; и смешение высоких торжественных слов с просторечием. И все же самой яркой характеристикой стиля Ответа Яну Роките является полное тождество Ивана Грозного как писателя и личности. Здесь Грозный выступает не только как правитель государства, но и как проповедник православия, потому в произведении нет, например, характерного для других текстов самоуничижения, юродства, но преобладает покровительственный, поучительный тон наставника в вере.

Прение Грозного с Яном Рокитой ведется по основным вопросам, отличающим учение протестантизма и восточной православной церкви: о непреложности положений Нового Завета, о значении ветхозаветных заповедей и обрядов, о лютеранском понимании оправдания верой, о посте, о святых и апостолах, о литургии, монашестве, о иконопочитании. Обсуждая эти вопросы, Грозный еще раз демонстрирует свою образованность, прекрасное знание текстов Ветхого и Нового Заветов, патристики, исторической литературы, агиографии. В его аргументах сочетаются цитаты из Нового Завета с описаниями исторических персонажей, взятыми из Хронографов, литургические тексты и апокрифические легенды, обращения к ветхозаветным реалиям и житиям византийских святых. Особенно ярко образованность и начитанность автора выражается в главе об иконопочитании. Здесь Грозный демонстрирует знание практически всех византийских и русских источников, посвященных этой значимой для православия теме. Важно отметить, что все тексты, к которым обращается для аргументации в защиту иконопочитания Иван Грозный, впоследствии вошли в состав «Сборника о почитании икон», вышедшего в 1642 г., одного из первых четьих изданий Московского Печатного Двора.

Текст памятника публикуется по списку кон. XVI в.: *РГБ,* ф. 236. № 19; при восстановлении лакун и исправлении ошибок текста учтены списки: Холмской духовной семинарии (по факсимильному воспроизведению V. Tumins); *РНБ,* Пог., № 1597, а также издание А. Попова. Все исправления выделены курсивом.

ОРИГИНАЛ

В лѣта 7090-го во дни благочестиваго царя и государя и великаго князя Иванна Василиевича всеа Русии приходил из Риму от папы посланник именемъ Антонъ и говорил государю от папы, что росийский род

християня не в вѣре живутъ, не по проповѣди евангельской и не по учению апостольскому, и прошал у господаря собора о вѣре поговорити и поучити. И отвѣтъ государевъ: «О томъ нам от святых апостолъ и от святыхъ отецъ заповѣдано, что собору осмому не быти до пришествия Господня, егда явится в славѣ своей и воскреситъ всѣхъ, иже от вѣка, и тогда открыются совѣты сердечныя, и явится вѣра и дѣла всѣх человекъ, кождо содѣя; а что твое учение, и ты подай намъ писмо, и мы поразсудимъ о томъ, велимъ к папе отписати».[1]

Отвѣтъ государевъ

Не хотѣлъ убо бых тебѣ слова подати, якоже преже рекох ти, *понеже* испытования ради испытуеши, а не вѣры ради, якоже учими есми Господемъ нашимъ Исусом Христомъ, еже «Не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ пред свиниями»,[2] сиирѣчь не давайте святаго слова псомъ невѣрнымъ и не вѣрующим Святому Писанию, божественаго слова пред ними не глаголати и божественных дохматъ не исповѣдати пред ними, яко сущимъ недостойным слышати о божественных словесѣх. Яко пси житие имуще, и своимъ лаяниемъ и злобою внутренняго человека поядающим и растерзающимъ, яко свиния в кале тимѣния валяющеся и въ сквернах пребывающе.[3] И сего ради не подобает бисернаго слова пред ними просыпати, да не токмо слова попираютъ, но и самого учащаго растерзают. И в толико в бесчестие превосходят, яко преже учения чесо сотвориша, сия по учении горчайшая *сотворяют.* И бывает спасение глаголъ вина погибели. И паки тойже божественный апостолъ Павелъ, къ Титу пиша, глаголетъ: «Еретика человѣка по единемъ и по второмъ наказании отрицайся, вѣдый, яко совратися таковый и согрѣшаетъ, сей самоосужен».[4] И сего ради убо хотѣхъ премолчати. И многих ради упражнения еже царскых правлений и еже нынѣ нѣсть удобно о толиких бѣсѣдований от Божественных Писаний указати истинну, понеже убо *«мя* постигнет повѣствующа лѣта».[5] Сего ради мало изреку, да не возмниши мя яко не вѣдуща, яковый яд излиялъ еси, или возмнится вамъ, яко не вѣмъ отвѣщати и не могу противъ вашихъ составити слова, и не вѣдуще Писания, или вашей прелестной тмѣ повинувшеся и во унынии впадша, или сладостне ваше учение приемше, или нѣсть во истинных християнехъ, еже о тайне христианстей истинну вѣдѣти. Сего ради вашего сомнѣния вмале изреку вамъ.

Первое убо мое слово

О вашемъ учителе Люторе,[6] яко убо в житии его имя себѣ прилично сочета. Воистинну бо Лютор, иже «лютъ», глаголется. Люто бо, люто,

иже краеугольнему камени Христу[7] приражатися, и его божественныя уставы разоряти, и божественных его ученикъ и апостолъ проповѣди разсецати, и священныхъ отецъ уставы превращати. И разно убо козньствующе всякое Божественное Писание и неистинно исповѣдуете. Якоже убо Сатанаил отверженъ бысть с небесе и вмѣсто аггела свѣтла тма и прелесть наречется, и аггели его бѣсове нарицахуся, тако убо и вы. Яко началникъ бѣсомъ и имя Сатана, тако и вашему началнику имя Лютор, якоже ангели его именуются бѣсове, тако и вы — козноդѣи.[8] Яко рече избранный сосуд апостолъ Павелъ: «Не чудно бо, яко преобразуяся Сатана во аггела свѣтла, тако и служители его, яко служителя правды».[9] Яко учитель нашъ Исус Христос рече: «Внемлите от лживыхъ пророкъ, приходящих къ вамъ во одеждах овчиихъ, волцы суть внутрь и хищницы. От плод ихъ познаете ихъ»,[10] сиирѣчь от учения ихъ, кои от Бога есть и кое лестное учение (а не яко скажется учителемъ, имѣя одѣяния смирения, внутрь дыхает злобою лукавых нечестивых учения). И яко во Иоанне реченное: «Не входяй двери во дворъ овчий, но прелазя инудѣ, той есть тать и разбойникъ. А входяй двери пастырь есть овцамъ. Сему дверникъ отверзаетъ, овца гласа его слышатъ».[11] Тако убо и вы чрез перегpаду божественнаго учения прелѣзше, и на учительскомъ мѣстѣ ставше, и своим учениемъ Христовы словесныя овца, ихже искупи своею честною кровию, яко татие крадѣте и разбиваете, понеже убо двери не внидосте ни коимъ повелѣниемъ. Яко убо дверник Христос рече верховному апостолу Петру: «Паси овца моя». И сия убо трикраты провозгласи трикратнаго ради отвержения и всѣмъ покаянию начало показуя,[12] еже вы спасение отвергосте. И паки индѣ глаголетъ верховному апостолу Петру: «И дам ти ключь Царства Небеснаго. Елико аще свяжеши на земли, связана суть на небесѣхъ. Елико аще разрѣши*ши* на земли, разрѣшена суть на небесѣхъ».[13] И по сихъ божественный апостолъ Петръ власть приим от всѣхъ владыки Христа, тако и своимъ ученикомъ преподасть, и епископы по градомъ постави, сиирѣчь посѣтители,[14] даже и до нас доиде. И сия убо двери вшедше, и дверъникъ Христосъ отверзе имъ двери, и овца Христовы *кождо* по своей силѣ пасоша. Вы же, от самовольства вземшеися, и на учителство воскочисте, и двери не внидосте, сего ради татие и разбойницы нарицаетеся. Сия убо доздѣ.

Второе мое слово

Нарицаешися именем християнинъ. Нас же Громовъ сынъ[15] научи:«Иже не исповѣдует Исуса Христа, в плоть пришедша, и сего учения не приносит, радоватися ему не глаголете. Глаголяй бо ему *радоватися* причащается дѣлехъ его злых».[16] И по сему писанию ты нѣсть християнин, понеже Христова учения развращаеши, а святыхъ апостолъ и святых отецъ учения отметаеши.

3-е слово мое

Да писал еси так, что будто ты учишь всякому християнину полную вѣру имѣти всѣмъ писмом святымъ, что сколко пророцы, и евангелисты, и апостолы научили и на писмѣ подали, чудесы великыми запечатлѣли. И вы сами, что учите, то и разоряете, понеже убо вси уставы святыхъ отецъ развратисте и отвергосте. Господу нашему Исусу Христу во Евангелии глаголющу: «Шедше научите вся языки, крещаше их во имя Отца и Сына и Святого Духа, учаще ихъ блюсти вся, елико заповѣдах вамъ. И се аз с вами есжь вся дни до скончания вѣка. Аминь».[17] Смотри убо сего, како обѣщевается «и до скончания вѣка». Гдѣ убо нынѣ суть апостоли? Не якоже ли по его божественому словеси, идѣже убо бяше труп божественаго его воплощения со Отцем сѣдяй, тому бо божественнии орли апостоли собрашася.[18] Или убо нынѣ Христа нѣсть с вѣрными? Еже да *не* будет, но сего ради наведе и рече «до скончания вѣка», а не рече «до скончания вашего». Они убо, яко добрии строителие благодати Владычне послуживше, на небесныя востекоша, радующеся. Господь нашъ Исус Христос смотрения исполнивъ тайну, пославъ божественыя ученики и апостолы на проповѣдь, и при них, и по них, и доселе пребываетъ съ вѣрными, — и до скончания вѣка, даже до втораго его пришествия, иже приидет судити живым и мертвымъ. По неложному обѣщанию с вѣрными пребудет и якоже при божественнѣй своей *страсти* плотскаго смотрения исполняет тайну, моля Отца своего о ученицѣх и о всемъ мирѣ и рече: «Якоже мене пославъ иже в мир, и аз посла ихъ въ мир, и аз за них свѣщу себе, да и тии будут священнии воистинну. Не о сих молю токмо, но и о вѣрующих словесе их ради въ мя. Да вси едино суть. Яко ты, Отче, во мнѣ и азъ в тебѣ, да и тии в нас едино будут, и да мир вѣру имет, яко ты мя посла».[19] Видиши ли, каково величество святыхъ отецъ? И Господу нашему Исусу Христу молящуся Отцу своему не токмо о одних ученицѣх, но и о всѣх вѣрующих словесе ихъ ради во нь. Да и ти въ них будутъ едино со Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ неразлучно — не существомъ, но вѣрою и заповедей Христовых совершениемъ и тамо сущихъ в Небесномъ Царствии благъ наслаждений. Сия убо яко Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцы сотворяют человекамъ з Богом быти и въ Бозѣ пребывати заповѣдей его исполнениемъ. В Марке же глаголетъ Господь: «Знамения вѣрующим сия послѣдуют: именемъ моим бѣсы изженутъ, языки возглаголют новы; змия возмут, аще и что смертно испиютъ, не вредит ихъ, на недужныя руки возложат и здрави будут».[20] Сия убо многая обрящиши божественными отцы сотворена. Святый Великий Василей, иже в Кесарии бывый архиепископъ, богоносному Ефрѣму Сирину дасть молитву отъ асирийска языка елински, иже глаголется гречески, глаголати.[21] Сия убо многа въ Божественномъ Писании, аще хощеши, многа обрящеши. Аще бы убо они неистиннии пастырие были и *не дверми* вошли паствы Христовы пасти, не бы таких евангельскых чюдес сотворили дѣлом, яже Христос словомъ проповѣда. И *к*ако убо вы вѣру всѣмъ писмом святыхъ учите держати, сами вся Божественная Писания развративше и отвергосте?

А что о чюдесѣх писалъ еси, и избранный сосуд апостолъ Павелъ къ коринфомъ в первомъ своем послании глаголет: «Знамения убо *не* вѣрнымъ, но невѣрным, а пророчество не невѣрным, но вѣрующим».[22] И аще бы есте вѣрны были, и вы бы вѣровали Божественымъ Писанием, а не чюдесем дивилися. Яко во Иоанне реченно есть: рече Исус ко пришедшимъ къ нему июдеомъ: «Ищете мене, не яко видѣсте знамения, но яко яли есте хлѣбы и насытистеся. Дѣлайте не брашно гибнущее, но брашно, пребывающее в животѣ вѣчнемъ».[23] Яко рече избранный сосудъ апостолъ Павелъ, ко евреомъ пиша, глаголет: «Бысть убо яко младенцы умом и бысть требующе млека, а не крѣпки пища. Всяк убо причащаяйся млецѣ, младенец убо есть, неискусен слову».[24] Тако убо и вы о чюдесѣхъ внемлете, яко о млецѣ, Писания силы не разумѣсте, яко крѣпкия пища. И паки тойже Павелъ, къ коринфом пиша, рече въ первомъ Послании: «Июдѣи бо знамения просятъ, и еллины премудрости ищут. Мы же проповѣдаем Христа распята. Июдеомъ убо блазнъ, и еллином безумие. Самѣмъ званным, июдеом и еллиномъ, Христа, Божию силу *и* премудрость».[25] Сия убо *до*здѣ.

4-е убо мое слово

А что еси писалъ о 10-законии во 2-х книгах Моисеовых,[26] ино то есть и божественными апостолы отречено: развѣ едины двѣ заповѣди приемлются, еже «Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея душа твоея, и от всея крѣпости твоея, и от всего ума твоего, и всѣмъ помышлениемъ твоимъ, и ближняго своего яко самъ себе».[27] И вы сами не совершаете. Богословецъ бо глаголетъ: «Глаголяй пребывати въ Бозѣ долженъ есть, яко Исус Христос Сынъ Божий ходилъ есть, и самъ тако ходити».[28] Вы же вся отвергосте и по своимъ *ласкосердьством* житие произведосте. А еже от прочихъ словесъ о 2-законии словесѣхъ, аще нужда ихъ держати, то нужда есть и обрёзоватися и вся Моисеова Закона блюсти (и сего ради жидовствующе являетеся, истиннымъ християномъ неподобно), — яже Христос своего божественаго плотскаго смотрения таинствомъ разруши и Новъ Завѣт законоположи. И якоже Богословецъ рече: «Яко законъ Моисеожъ данъ бысть, благодать и истина Исусъ Христомъ бысть».[29] Павелъ же о 2 законѣ, ко евреом пиша, глаголетъ: «Аще бы 1 законъ непороченъ былъ, не бы 2-му искалося мѣсто».[30] Сиирѣчь новая благодать христианская аще убо и последи бысть, но обаче благодатию Христовою истинная явися, и сего ради 1-е речется. Стефанъ же 1 мученикъ, на исповеди стоя, в Дѣянии апостольских *о* 2-законии рече: «Иже приасте законъ повелѣниемъ аггелъ и не сохранисте».[31] Павелъ же избранный сосудъ, ко евреомъ пиша, глаголетъ: «И Моисей убо есть вѣренъ во всемъ дому своем, яко угодникъ во свидѣтельство глаголанным. Христос же яко сынъ в дому своемъ. Домъ его мы есмы».[32] Сего ради не подобаетъ истинным християном евангельское учение претекати, во 2 законѣ полагати, еже есть отступление бѣдно, и со июдѣи Христа распинати начинати. О обрѣзании Павелъ, къ галатомъ пиша, глаголетъ: «Яко аще обрѣзаетеся, Христос вамъ ни в кую ползу

есть».[33] Сего ради, мало или велико слово приемля о 2-законии кромѣ евангельскаго учения, Христа отвергъся еси. А иже писалъ еси о вѣрѣ, о молитвѣ и о службѣ Божии, смѣшалъ еси службу со крестомъ, и о вечери Христовѣ, и что еси писал главами от Матфея, и мы от апостольскаго проповѣдания и от отецъ предания вѣмы и како сия подобает творити. А спрашивали есмя тебя, чтобы ты намъ *то* извѣстилъ, како то ты творишь и учишь. И ты намъ того не оказал. Сия убо *до*здѣ.

5 убо мое слово

Се же писалъ еси, Адамскаго ради преступления вси ражаемся подъ завѣсою плоти и смертию осудихомся. Ино сего ради Богъ Слово *плоть* бысть и вселися в ны.[34] Восхотѣвъ Богъ помиловати заблуждшаго человека, человекъ быти сподобися от пречистыя Дѣвы Мария. Понеже убо царствова смерть от Адама до Авраама, от Авраама до Моисея, а от Моисея до воплощения Христова. И не на согрѣшших царство смертное се, иже убо и праведнии и до Христова воплощения смертию осуждени быша и во адъ идяху. По Христовѣ воплощении сего дрьзновения смерть не имѣяше, понеже убо Богъ нашъ Исус Христос обновив путь новъ и удобенъ и дѣлающимъ во благое и вѣрующимъ въ правду во спасение. Нынѣ убо смерть никакойже власти имѣяше, но яко убо вси праведнии, яко сномъ уснувше, къ вѣчному царствию преходятъ. Ни воздушныя духи не возмогутъ ихъ удержати, понеже убо добродѣтелми сиящи, свѣтлѣйши солнца явися, и никако возмогутъ удержати противнии дуси, понеже убо въ нихъ не имущи своего обрести. Якоже убо рече Господь нашъ Исус Христос во святемъ Иоанне евангелисте: «Грядетъ убо мира сего князь и во мнѣ не имать ничесоже».[35] Тако убо и сии послѣдоваша по стопамъ Христовымъ, и князь мира сего не обретаетъ ничесоже. И сего ради на нихъ смерть *царства* не обрѣтает. А иже самоволно предаша себе князю мира сего и прелести его послѣдоваша, сии убо своеволне впадаютъ, подъ царство смертное подкланяются, и здѣ горестию душа злѣ от тѣла разлучаются, и тамо бесконечныя муки приемлют. Понеже убо Господь нашъ Исусъ Христос сотвори человека самовластна, яко и Адамъ преже бысть преступления, послѣдующе стопамъ Христовымъ. Адамьское преступление праведныхъ жителствомъ разрѣшается, и смерьть на них никоеяже власти имѣет. Согрѣшившимъ или отступникомъ не токмо Адамское согрѣшение на них взыскуется, но и приложение своея злобы, и сугубо от своего согрѣшения мучатся. На сих убо царьствует смерть, яко и преже, к симъ и заповѣдей Христовыхъ несохранение на нихъ испытуется. А еже к римлянеж в Послании: «Еже повинни быхомъ, июдеомъ и еллиномъ, всѣм под грѣхомъ быти».[36] Но выше писано, яко: «У Бога нѣсть разньствия лицу».[37] Якоже тойже святый апостолъ Павелъ пиша, глаголетъ: «Нѣсть разньствия у Бога. Варваръ и скифъ, рабъ и свобод, мужский полъ и женский — вси едино есть о Христѣ токмо дѣлы благими».[38]

А что писалъ еси, что ни единъ себя ничимъ избавити не можетъ своими ученьми и дѣлы благими, и указал еси в римленьском Послании *и* къ галатомъ: «И дѣлающимъ мужемъ мзда не вменяется по благодати, но по долгу, а не дѣлающему, вѣрующему во оправдающаго нечестива, причитается вѣра его въ правду».[39] Что убо, ко евреомъ пиша, глаголетъ? «Праведный вѣрою живъ будет. И аще обинется, не благоволит душа моя о *немъ.* Мы же нѣсмы обиновении в погибель, но в вѣре во снабдѣние души. Есть вѣра надѣемымъ вещемъ составъ, обличение невидимьшъ. В се бо свидѣтельствовани быша старцы. Вѣрою разумѣваем совершитися вѣкомъ глаголомъ Божиимъ, во еже не от видимых видимымъ быти. Вѣрою множайшу быти жертву Авель паче Каина принесе Богови, еяже ради свидѣтельствованъ быти праведенъ быти. Вѣрою зовомъ Авраамъ послуш*а* изы*ти* въ мѣсто, иже хотяше прияти в наслѣдие, изыде, не вѣдый, камо грядетъ. Вѣрою и сама Сарра силою возложениемъ сѣмени прият и во время старости роди. Вѣрою Моисей, великъ бывъ, отврьжеся нарицатися сынъ дщери фараоновы, паче изволи страдати с людьми Божиими, нежели имѣти временнаго грѣха сладость. Больши богатство въменивъ египетскихъ сокровищь поношение Христово, взираше бо на мздовоздание. Вѣрою оставивъ Египта, не убоявся ярости царевы, невидимаго бо яко видя, терпяше».[40]

Что убо во Ияковли Послании соборномъ глаголетъ: «Кая полза, братия моя, аще вѣру кто глаголетъ *имѣти,* дѣла не имать? Егда бо можетъ вѣра спасти его? Аще ли *братъ* и сестра нага будета и лишена будета дневныя пища, рече кто *има* от васъ: "Идѣта, грѣитася и с миромъ насыщаитася", и не дасть има требования телеснаго, кая полза? Сице и вѣра, аще дѣлъ не имать, мертва есть о себѣ. Но речетъ кто: Ты вѣру имаши, азъ дѣла имамъ; покажи ми вѣру твою от дѣлъ твоихъ, и азъ тебѣ покажу и от дѣлъ моих вѣру мою. Ты вѣруеши, яко единъ Богъ есть, добрѣ твориши; и бѣси вѣруют и трепещутъ. Хощеши ли разумѣти, о человече суетне, яко вѣра без дѣлъ мертва есть? Авраамъ отецъ нашъ не от дѣлъ ли оправдася, вознесъ Исаака сына своего на олтарь? Видиши ли, яко вѣра поспѣшествоваше дѣломъ его, и от дѣл совершися вѣра? И *совершися* Писание глаголюще: "Вѣрова Авраамъ Богови и вмѣнися ему в правду, и другъ Божий наречеся". Зрите ли убо, яко от дѣлъ оправдается человек, а не от вѣры единоя?»[41] А что убо сотворим апостолом симъ, Павлу убо, пишущу о вѣрѣ, Иаков*у* — о дѣле? Или мниши, яко распря бѣ въ нихъ? Ни, но великаго согласия. Единъ убо подтвержаше дѣла, друзий утвержаше вѣру. Обѣма совершитися во едину бо ползу ко спасению человеком *по* вѣрѣ и дѣломъ. И сего смотри Павла апостола, вѣру исповѣдающу и дѣла утвержающу. Аще бы Авель жертвы не содѣлалъ, не бы свидѣтелствован праведенъ. Аще бы Енохъ не преставленъ бысть, не бы вѣренъ был. Аще бы Ное ковчега не сотворил, не бы вѣровал. Аще не бы Авраамъ на землю обѣтованную не пришел, не бы вѣровал. Аще бы Сарра не родила Исаака, не бы вѣровала рожению сѣмени. Аще бы Аврамъ Исака на заклание не привел, не бы вѣровал, яко от мертвых воздвигнути силенъ есть Богъ;

тѣмъже ино того прият, и друг Божий наречеся.[42] Смотри и самого апостола Павла, писа о дѣлех: «Идѣже умножися грѣх, преизбыточьствова благодать. Но яко царствова грѣхъ смертию, тако и благодать воцарится правдою в жизнь вѣчную Исусом Христом Господемъ нашимъ. Что убо речемъ: да належи*мъ* ли грѣсѣ, да благодать умножится? Да не будетъ. Имже убо умрохомъ, како паки оживемъ о немъ? Или не вѣсте, яко елицы во Христа Исуса крестихомся, во смерть его крестихомся? Яко да воста Христос от смерти со славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнемъ».[43] Видиши ли, яко дѣлы благими угожати Богу?

А еже, обращая, глаголеши свыше и долу, яко чрез единаго Господа Бога нашего Исуса Христа начало спасения человекомъ, и сего ради обѣгаеши *отеческаго* предания, неразумия глаголеши, ни о немже утверждаешися. О семъ бо глаголетъ Писания тако, яко «Начала никто можетъ положити паче лежащаго, иже есть Христос»,[44] и еже есть основания вѣры узаконоположения, дѣлом исправления во християнствѣ. Апостоли и отцы, яко предобрии наставницы руководствующе къ Божию повелѣнию, не свѣдуще*мъ* таиньство открываютъ и Богови наставляютъ. Якоже апостолъ Павел*ъ* пиша к Тимофѣю: «Возмагай о благодати, яже о Христѣ Исусе. И яже слыша от мене многими свидѣтели, сия предаждь вѣрнымъ человекомъ, и доволни будутъ и иныхъ научити».[45] Видиши ли, яко повелевает вождемъ и наставникомъ быти и иных научити? И вси убо вожди и наставницы не на своемъ основании пологаху, но ко Христову основанию вся *приводяша,* начало убо Христос. И апостолъ Павел, к коринфомъ пиша, глаголетъ: «Богу бо есмы поспѣшницы, Божия стяжания, Божия здания есте. По благодати Божии, даннѣй мнѣ, яко премудръ архитектон, основание положих, *ин же назидает; кождо же да блюдет, како назидает.* Основания бо никтоже не может положити, паче лежащаго, иже есть Христос».[46] И паки, к Тимофѣю пиша, глаголетъ: «Благодать имамъ укрѣпльшему мя Христу Исусу Господу нашему, яко вѣрна непщева положити в службу, иже первие суща хулника, и гонителя, и досадителя, но помилован бых, яко невѣдый сотворих, въ невѣрствии; упреумножися благодать Господа нашего вѣрою и любовию еже о Христѣ Исусѣ».[47]

Сия убо ходатай есть Господь Исусъ Христосъ к Богу и Отцу о людех. Еже плотскаго смотрения свершениемъ Адамский грѣхъ разрушается. И еже до крещения невѣдый кто что сотворит, сия убо очищаются благодатию Христовою и, яко новорожденным младенцемъ, еже от божественнаго крещения от купели исшедше, всякого грѣха на себѣ не имуще будет по крещении и вся заповѣди долженъ есть хранити. Аще ли же не сохранитъ, и ничто убо ему ползует, согрѣшившу, Христово воплощение. Аще бы Владыка о рабѣхъ сицевая пострада, како мы не хотимъ о Владыке пострадати и заповѣди соблюдати и совершати! Господу нашему Исусу Христу глаголющу: «Аще кто служитъ мнѣ, и мнѣ да послѣдствуетъ».[48] И паки: «Не всякъ, глаголяй ми, Господи,

Господи, внидетъ во Царствие Небесное, но творяй волю Отца моего, иже есть на небесѣх».[49] Видиши ли, како не велит ленитися дѣлати дѣла благаа? И паки инде рече: «Аще не преизбудетъ правда ваша паче книжник и фарисей, и не внидѣте во Царствие Небесное».[50]

О галатех писал еси сия, самъ славу свою разрушаеши. Сия убо писано о 2-мъ законии, отрицая 1 Моисеовъ закон, иже ты притекаеши. А еже писал еси, яко Иванк Предтеч*а* показуя перстом и глаголетъ о Сыне Божии: «Се агнецъ Божий, вземляй грѣхи всего мира»;[51] и се выше писах ти. Боюся много глаголати, да не со Июдою осужденъ буду, повѣдая врагомъ тайну. И якоже рече божественый апостолъ Павелъ, пиша к филиписеомъ: «Много глаголах вам. И нынѣ, плачя, глаголю о вразех креста Христова. Имже бог — чрево, и слава — во студ имъ, и земная мудрствующе».[52] Паче навожу тричисленых отрокъ гласа ко Навходоносору царю:[53] «Есть Богъ силенъ на небеси, и может нас избавити от пещи, огнемъ горящия, аще ли ни богомъ твоимъ не служимъ и тѣлу златому, еже постави, не покланяемся».[54] Хощу бо ваше нечестие препрѣти молчаниемъ, яко и Христосъ Пилата и архиереи,[55] *неже* долгими словесы. Се есть неудерьжание сластемъ и работати чреву и подпупию, еже вы на беззаконный брак разрѣшисте.

А что писал еси о воплощении Слова Божия, еретичествуя, что почался Сынъ Слово Божие от пречистыя Богородица, ино апостолъ, пиша, Павелъ к филиписеомъ глаголетъ о семъ: «Се убо да премудрствуется в вас, еже о Христе Исусе, иже во зрацѣ Божии, не восхищение*мъ* непщева быти равенъ Богу, но себе излия, зрак раба прием, въ подобии человечестемъ быв, и образомъ обрѣтеся яко человекъ».[56] Видиши ли, яко не ин, воплотивыйся от Присно Дѣвы Мария, соприсносущное его Слово Божие Отцу и Духови, воплотившейся на спасение наше, заимствова плоть от Пречистыя и Приснодѣвыя Мария, той единъ Отца Сынъ собезначален, и единороден, и от Приснодѣвыя Мария воплотивыйся на спасение. «Яко всяк младенецъ мужска полу разверзает ложесна, свято Богови наречется».[57] Совершенъ Богъ и человекъ.

А еже о страсти Христовѣ, и воскресении, и о вознесении, и о сѣдении одесную Отца, мы вѣмы. А ты *к*ако вѣси, ни писал еси. Еже посредство имѣетъ Христос о нас, и, яко рече апостолъ Павел, еже всегда проповѣдати о нас,[58] ты убо *к*ако чтеши? Аще вѣруеши апостолским преданиемъ, въ коемъ чину ихъ самих положиши и како имъ почесть воздаси, иже таковую тайну намъ открывше и на таковый путь истинный наставившимъ и научившимъ? Кую почесть имъ подобаетъ творити!? Аще убо златокузньца обрящеши, или землѣмѣрителя, или архитектона, философию исправляюще, или строение зданиемъ строящи, или каменосѣчьца, или какоя иная земная мудрования, како учителей и наставников сихъ почтемъ, яко открывшемъ намъ

премудрость и жительству строения преподавшу. И аще убо сии о тлѣнномъ и мимотекущемъ мудровании подобнимъ честемъ мздовоздаания восприимут, — въ ваших странах златокузньцы и среброкузньцы, аще кое строят дѣло работу, противу состоянию дѣлу приемлетъ множайшее сугубо, — и аще убо таковы сии достойнии почести таковым, *к*ако же не почтем убо ко благочестию насъ наставляющих, и *благ*оразумия разумъ намъ открывающе, и уруководствующе ко Христу! Аще и по твоему слову, яко написанному, вѣровати? И аще бы не написаны бысть были Евангелия, како убо быша разумѣли Божия Слова смотрения? Аще бы апостоли не бысть учили и послания не бысть писали, како убо разумѣли Слово Божие, къ человекомъ схожения и къ Богу человекомъ возведение? Како убо не суть божественнии апостоли и святии отцы достойны чести, и покланянию, и похвалению, иже таковый свѣт просвѣтивше душа наша, и данный имъ талантъ Господемъ умноживышим, и мног прикупъ сотворившим!? Мы же, истиннии християне, вѣруем, яко ходатай есть к Богу, и начало спасению, и посредникъ о людех Христосъ Богъ *наш* к Богу и Отцу. Емуже, яко здания и раби суще, и страстию его спасени быхомъ, со Отцемъ и с Пресвятымъ Духомъ во едином существѣ и во триехъ лицехъ покланяемся, и молимся, и славословимъ, и превозносимъ его во вѣки, и просимъ отпуста грѣховъ и Царствию Небесному наслѣдия, и полезная душамъ и телесемъ нашимъ, яко Богу, и Царю, и Создателю, всѣм, и вся въ руцѣ свои содержащу. Пресвятей, пречистей и присно дѣвѣ Марии, яко сподобльшейся таковей тайнѣ послужити, и огнь Божества во своих ложеснахъ неопално приимши, вмѣстивши намъ невмѣс*тимаго* Бога, еюже къ Богови примирихомся, и вражда, иже от Адама, от Бога разрушися, и яко Матери всѣхъ, Владычице и Богородице, яко матерне дерзновение к нему стяжавши и недостаточная наша благодатию Христовою наполняющи. Якоже рече божественный апостолъ Павелъ: «Сила бо Христова в немощи совершается».[59] Сей убо, яко заступнице и предстателнице всего роду христианскаго, молимся и просимъ помощи, да умолит Творца своего и Сына и Бога нашего о наших согрѣшении, да подасть намъ Христос Богъ нашъ ея молитвами спасение получити и будущих благъ наслаждения прияти.

Апостоловъ не боготворим, не буди то, яко самъ апостолъ, пиша, глаголетъ: «Аз насадих, Аполос напои, Христос возрастит. Тѣмъ ни насажаяй, ни напаяй, но возращаяй».[60] Тако убо и мы божественныхъ апостолъ почитаемъ, яко Слова Божия ученики и посланники, нашему спасению наставники и руководители. Сего ради молимся имъ и призываем въ помощь, да яже они написаша и научиша, сия убо разумнѣйша разумѣваем и их спасению нашему спомощники имамы. Тако и святыя отцы, яко наставникы и учители ко истиннѣ и благочестию. Тако и святыя страстотерпца почитаемъ, яко *о* истиннб благочестия пострадавше, и ихъ ревностию вооружаяся, благочестия совершаемъ. Преподобныя, яко совершителя апостолскому учению, и сих ревнующе, сами на путь благочестия направляежся. Сице убо мы вѣруем, яко единъ ходатай Господь нашь Исус Христос; пречистая его Богомати — всѣхъ Владычице, и ходатаице, и заступление всѣмъ

християномъ; сия вси апостоли, пророцы, и святители, и вси святии, яко служителе правде и намъ наставницы, и Христу приводящу, почитаются, сего ради и мощемъ их поклоняемся, да болшую помощь от нихъ обрящемъ. И якоже рече Господь нашъ Исус Христос: «Нѣсть *ученик* над учителем своимъ. Совершен всяк будетъ, яко и учитель его».[61] Видиши ли, яко не велитъ взиматися над учителемъ, но послѣдствовати учителю. Но якоже рече божественный апостолъ Павелъ: «Комуждо дается явление Духа на ползу. Овому убо Духомъ дается слово премудрости, иному слово разума о том же Дусѣ, другому вѣра тѣмъ же Духомъ, иному дарования исцѣлением о том же Дусѣ, другому дѣйствия силамъ, иному пророчество, другому разсуждение духовомъ, иному роди языкомъ. Вся сия дѣйствует единый той же Духъ, раздѣляяй на власти комуждо, яко хощет. И, яко бо тѣло едино есть, и уды имать многи, вси уды единаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло. Тако и Христос. Ибо едином Духомъ мы вси во едино тѣло крестихомся, аще июдѣи, аще ли еллини, аще раби, аще свободни, вси бо единымъ пивомъ напихомся. Ибо тѣло нѣсть един удъ, но мнози. Аще речет нога: нѣсмь рука, нѣсмь от тѣла, но сего ли ради нѣсть от тѣла? *И аще речет ухо, яко нѣсмь око, нѣсмь от тѣла, ни от сего ли нѣсть от тѣла?* И аще все тѣло око, гдѣ слух? Аще все слух, гдѣ ухание? И нынѣ положи Богъ уды, единаго кождо в тѣлеси, якоже восхотѣ. Аще ли быша вси един удъ, гдѣ тѣло? И нынѣ положи мнози удове, едино тѣло. Не можеть око рещи руцѣ: не требе ми еси; или паки глава ногама: не требе ми есте. Но много паче мнящеися уди тѣла, немощнейше быти, нужнѣйши суть, яже мнимъ нечестнѣйша быти тѣлу, симъ честь множайшу облагаемъ; и неблагообразни наши благообразие множайше имутъ, а благообразнии наши не требе имут. Но Богъ раствори тѣло, лишающемуся болшую дастъ честь, да не будет распря в телеси, но тожде въ себѣ пекутся уды. И аще стражетъ единъ удъ, *с ним стражють вси уди.* Вы есте тѣло Христово, и уди от части. И овѣх убо положи Богъ во церкви, 1 апостолы, 2 пророкы, 3 учителя, потом силы, таже дарование исцѣления, заступления, кормителя, роди языкомъ. Еда вси апостоли, и пророцы, и учители? *Еда* вси силы дѣютъ, вси дарования имуть исцѣления? Еда вси языки глаголют?»[62]

Над се убо указах ти доволно, како подобает почитати богоносныя апостолы и священныя отца. А еже писал еси, что о ходатайствѣ Божии и о имени, еже нѣсть спастися о иномъ имени развее о имени Господа Исуса Христа, и отпущения грѣхомъ о имени его, живот вѣчный, и мы вѣруемъ тако, но токмо сими ученики его, и апостолы, и богоносными отцы к сему приводимся и на истинный путь наставляемся. А еже о началех глаголалъ еси, ино сами апостоли того не написали о своих началех — спасению человекомъ быти, — да едино начало Христово они убо, яко служители благодати Владычне, распространиша и устроиша на основании и началѣ Христовѣ. А еже писалъ еси, что грѣхи по благодати отпущают даромъ, а не дѣлы сопряжны, и недостаточная благодатию наполняемы, аще не дѣлы грех изыдетъ, слыши Господа, во святомъ Евангелии глаголюща: «Аще кто не оставит отца своего и матерь, жену и чада, села и имѣния и не отвержется себе всего, еще и душа своея, не может быти мой ученикъ. И аще не возметъ кто креста

своего и вослѣд мене грядет, нѣсть мене достоинъ».[63] Крестъ есть, еже распятися мирови, яже суть в мирѣ. Распятие се есть — мирьскаго всякаго хотѣния остатися: сел, и имѣния, и богатьства, пища, и пития, и ничего требовати и не избирати, развѣ удовлятися по прилучаю случающимися, и сия с воздержаниемъ великымъ, и крѣпостию, и молитвою непрестанною. И к сему любити враги и вся оскорбляющая, и молитися за творящих напасть, своя вся, аки не сущая, презирати и не пещися ими, но токмо непрестанное молитва, постъ и заповедемъ Господним сохранение со спасениеж. И здѣ яко пришельцы, яко рече апостолъ Павел, но тамо будущаго повсегда желающе,[64] и к вѣчнымъ онемъ селениемъ преселитися хотяще, и ничто о здѣшних желающе. Сице крестъ свой взимати и распинатися мирови, по Исусе ходити.

А что еси писал, что Богъ Отецъ для заслуги Сына своего приимъ человека в милость свою и грѣхи отпущает даром, и то еси писал ересью Ариевою,[65] понеже повинн*а* написал ес*и* Отцу Сына. Громовъ сынъ нас научи: «Въ начале бѣ Слово, и Слово бѣ к Богу, и Богъ бѣ Слово. Се бѣ искони къ Богу. Вся тѣмъ быша, и без него ничтоже бысть, еже бысть».[66] Видиши, яко собезначален Сынъ Отцу, и любве ради и имѣя составъ Отецъ къ Сыну нераздѣлный и неслиянный по Богословцу. Яко и во святомъ Иоанне евангелисте речено бысть: «Глаголы, *яже* аз глаголю вам, о себѣ не глаголю, Отецъ во мнѣ пребываяй, и той творит дѣла. Вѣруйте мнѣ, яко аз во Отцы и Отецъ во мнѣ». «И аще чесо просите от Отца о имени моемъ, то и сотворю, да прославится Отецъ въ Сынѣ». «Имѣяй заповѣди моя и соблюдая их, той есть любяй мя, а любяй мя, возлюблен будет Отцемъ моимъ, и аз возлюблю его и явлюся ему сам».[67] И паки речено есть: «Отецъ любитъ Сына и вся показует ему, яже самъ творит. Яко Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живит, тако и Сынъ, ихже хощетъ, и живит. Отецъ бо не судитъ никому, но суд весь дасть Сынови, да вси чтутъ Сына, якоже чтут Отца, пославшаго его». [68] Послание разумѣй не уничижениемъ, но едину волю и хотѣние Отца и Сына и Святаго Духа. Но единъ от Троица Сынъ Слово Божие съ плотию смотрениемъ тайны своея человекомъ спасение содѣла со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Идѣже бо есть Сынъ, ту и Отецъ, и Духъ, и гдѣ Духъ, ту и Отецъ, и Сынъ. Якоже рече во святомъ Евангелии: «Егда приидет утѣшитель, егоже аз послю вамъ от Отца, Духъ истинный, *иже* от Отца исходит, той свидѣтельствуетъ о мнѣ».[69] Видиши ли Отца безлѣтна и собезначална Сына, сприсносущна Пресвятаго Духа? Едина слава, честь и держава, едина воля, и хотѣние, и сотворение, Святыя Троица. И паки помале наводит, глаголя: «Егда приидетъ онъ, Духъ истинный, наставит вы на всяку истинну. Не от себѣ бо глаголати имать, но елика аще услышит, глаголати имать, и грядущая возвеститъ вамъ. Той мя прославитъ, яко от моего приимет, и возвеститъ вамъ. Вся, елика имать Отецъ, моя суть, сего ради рѣх, яко от мене прииметъ, и возвѣстит вам».[70] Видиши ли едино существо, яко Сынъ посланъ волею от Отца и своимъ хотѣниемъ и дѣйствомъ Пресвятаго Духа спасение человекомъ содѣла. Тако и Духъ не имать от себѣ глаголати, но со едино хотѣние со Отцем и Сыномъ, ино послание Сынове плотному смотрени*ю* разумѣваемъ. Паки же о единосуществѣ и собезначалствѣ Сыну ко Отцу во Иоаннѣ речено есть: «Сего ради мя

Отецъ любит, яко яз душу свою полагаю, да паки прииму ю. Никтоже возметъ ю от мене, но азъ полагаю ю о себѣ. Область бо имам положити ю, и область имамъ паки прияти ю. Сию заповѣдь приях от Отца моего». [71] Видиши ли, самовластво и собезначальство ко Отцу? И не требующу никогоже воставити его от мертвыхъ, но самовластно воскрешаетъ из мертвыхъ. Якоже рече избранный сосудъ Павелъ: «Не восхищениеж непщева быти равенъ Богу, но себе излия, зракъ раба приимъ»,[72] и прочая. Егда Лазаря воскреси, и пришедъ, надъ него рече: «Отче, хвалу тебѣ воздаю, яко услыша мя. Азъ вѣдѣх, яко всегда мя послушаеши, но народа ради, стоящаго окрестъ, рѣхъ, да вѣру имуть, яко ты посла».[73] И паки рече Исус: «Аще кто любитъ мя и слово мое соблюдетъ, и Отецъ мой возлюбит его, и к нему придевѣ, и обитель у него сотворивѣ».[74] Видиши ли, вездѣ равновластие, а не повиновение. И паки рече Исусъ: «Отче, прослави Сына своего, да Сынъ твой прославит тя».[75] И ина многа обрящеши в Божественном Писании о семъ свидѣтельствующе, яко равночестенъ есть Сынъ Отцу, а не служебенъ. Сия *убо доздѣ.*

6 мое убо слово

Се же писал еси, чему приидетъ здѣ убо Господь нашъ Исус Христос судить живымъ и мертвым, ино о томъ о всемъ выше сего писано, а ты не гораздо выразумѣлъ. Мы тобя воспросили в томъ, како вѣруеши Суду быти Божию, о востании мертвыхъ. Иное заговорилъ, а *о* томъ не писал еси. А что писалъ еси, что зовете не то ученики добрые, что человекъ самъ се вымыслитъ, и то еси писалъ на апостолы и на святыя отца, и о томъ писано выше сего. А еже о Десятословии писалъ еси, выше речено есть. Аще приимаеши Законъ Моисеовъ, тогда подобает ти и *суботствовати* по-жидовски,[76] о немже вся вмале выше сего рекох ти совершено, и многословити съ тобою не хощу, якоже со псомъ, врагъ бо еси креста Христова. А что пишешь по главамъ во Апостоле и во Евангелии, ино наши главы с вашими главами не сходятся,[77] потому что вамъ Люторь тако указал; а иное лжешь. А что еси писал во Евангелье в Матфѣе: «Что мя хвалите помышлениемъ человеческымъ», и то в Матфѣе не описано, а писано въ Луцѣ, да не также, какъ ты писалъ, а написано въ Луцѣ так: «Что зовете мя, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю».[78] И ты — врагъ креста, и посредѣ пшеницы плевелы сѣешь,[79] и лжу на истинну претворяеши. Якоже рече Господь во Евангелии: «Вы отца вашего диявола есте, и похоти отца вашего хощете творити. И егда ложь глаголет, от своих *глаголет;* яко ложь и отецъ его есть».[80] А что писал еси, что апостолъ Павелъ пишет к коринфомъ, яко «Царствия Божия не наслѣдятъ ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакия, ни мужеложницы, ни татие, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни досадители, ни клеветницы, ни хищницы»[81] — и то все у вас творится, у люторовъ. А что идолослужение вы, лютори, прилагаете ко иконному поклонению, и тому пространнѣйша напреди слово явитъ. А иное писалъ еси, лжучи, чего во Божественномъ Писании нѣтъ. Сия убо *до*здѣ.

7 убо мое слово

И что еси писал о Лютореве учении, что вы вѣру свою покладаете на самомъ Христе Господб нашимъ, а не на Люторе, а что *бы* Люторь, а любо иный кто, науку свою показал. Что и Святымъ Писмомъ сложно, то и науку должни приимати вы, яко от самого Бога. А есть бы кто противъ той науки Господа нашего Исуса Христа, евангельска и апостольска, кто научал, аще бы и аггелъ с небеси, того *проклятого бы судилъ.* Слыши, что апостолъ глаголетъ о томъ, что писал еси. Та бо глаголет: «Чюжду же бо, яко тако скоро прилагаетеся от звавшаго вы благодатию Христовою во ино благовѣствование, еже нѣсть ино, аще бо не нѣцыи смущающеи вы и хотяще превратити благовѣствование Христово. Но *и* аще мы, или аггелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихом вамъ, анафема да будетъ. Но яко преди рекохомъ, и нынѣ паки глаголю: аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже приясте, анафема да будет. Нынѣ убо человеки препираю или Бога? И ищу человекомъ угожати? Аще *бо* единаче человекомъ угожал бых, Христу раб не бых был. Сказаю вам, благовѣствование, благовѣщеное от мене, яко нѣсть по человеку, ни аз бо от человекъ приах е, ни научихся, но явлениемъ Исус Христовымъ».[82] Видиши ли, яко ни своимъ хотѣниемъ, ни своимъ смышлениемъ проповѣдь благовѣстити, ни паки что от себе мысли. Аще что сложно Божественому Писанию, ничто от себе помысли, якоже вашь Люторь и с вами козноди. Но Павел явлением Исус Христовымъ благовѣсти *и* основания своего *не* положи паче лежащаго, иже *есть* Христос. Слыши, тойже Павелъ глаголетъ, коринфомъ пиша: «Основания бо иного никто может положити паче лежащаго, еже есть Христос. Аще ли кто назидает на основание семъ и злато, и сребро, камение честно, древа, сѣно, отростие, — комуждо дѣло яве будетъ, день бо явит имъ».[83] Видиши ли, яко основание паче лежащаго, еже есть Христосъ, никто может *положити.*

Христос посла по воскресении своемъ божественыя своя ученикы и апостолы на проповѣдь, глаголеть: «Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдах вамъ».[84] Видиши ли, яко повелевает блюсти повелѣнная, написаная? Якоже Громовъ сынъ глаголет: «Суоть и ина многа сотвори Исусъ пред ученикы своими, яже не суть писана въ книгах сихъ. Аще по единому писана бывают, ни самому, мню, всему миру вмѣстисти писаных книг».[85] Не послушающих апостольских поучений и неповинующи*х*ся, слышиши, что в Луцѣ глаголетъ: «Послушаяй васъ, мене слушает, отметаяйся вас, мене отметается».[86] Апостоли же на проповѣдь исшедша, воставиша в свое мѣсто намѣстницы апостолы 70, по них и святители, даже и доселе по преданию рода духовна достигоша, от нихже и священницы, иже наставницы человекомъ. Яже Павелъ, к Титу пиша, глаголетъ: «Чадо Тите, сего ради оставих тя въ Крите, да некончанная исправиши и

поставиши по всѣх градех попы».[87] И аще бы не нужно се было христианомъ, не бы апостолъ о семъ писалъ. Вашего же Лютора и васъ кто на се поставилъ? Паче же не токмо не истиньствуете, но паче развращаете. Якоже рече верховный апостолъ Петръ во втором послании, сице глаголя: «И яко, — рече, — возлюбленный брат наш Павелъ по данней ему премудрости написа вам, яко и во всѣхъ своихъ посланиихъ, глаголяй въ них о сих, въ нихже суть неудобь разумна нѣкаа, иже ненаучении и неутвержении развращают, яко и прочая писании, к своей погибели имъ».[88] Основание выше рѣхъ, яко «Кто назидаетъ на основание злато, сребро, камение честно» — сиирѣчь дѣла благия; «дрова, сѣно, трость» — худѣйшая дѣла и грѣшная. Видиши ли, в кую пропасть снидосте, яко Петръ глаголетъ, иже развращати Писания, и яко вы развращаете по своему хотѣнию. Павел же глаголетъ, яко «основание никто может положити паче лежащаго, иже Исус Христос». Вы же, притекше священникомъ, притекше учителемъ инѣмъ, *тоже* и святителемъ и апостолом, самое Христово повелѣние развращаете, вспропинающе въ себѣ Христа Исуса, и самовластнѣ учите. И еже апостолъ, пиша к галатомъ, глаголет: «Яже и аггела не послушати, паче, еже и приясте».[89] *Вы же* предание апостольское все отвергосте, сего ради по апостолу сами себе проклинаете. Тѣмже и мы, яко врагомъ истинны и нечестию поборникомъ праведенъ судъ, проклятию наводимъ, яко люди есте Антихристовы, еже есть Сопротивника.

А что еси писал о руской вѣрѣ, ино как Богъ, просветилъ прародителя нашего благочестиваго великаго князя Владимира, нареченнаго во святом крещении Василия, — крестися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь, — от тѣх мѣстъ и доселе *не* нарицается руская *вѣра, но* християньская. Тѣмже и повсюду вселенныя, аще гдѣ християнска вѣра истинная, ту християне зовутся, а идѣже зовутся иным именемъ, которые земли, по прозвищу имя, ту ересь и расколъ, а не истинная вѣра. Яко рече божественный апостолъ Павелъ: «Аще во языцѣхъ бози мнози и господие мнози, но намъ единъ Богъ Отецъ, из него вся, и мы у него. И единъ Господь Исусъ Христосъ, *имже* вся, и мы тѣмъ. И единъ Духъ Святый, в немже всяческая, и мы въ немъ; едино крещение и едина вѣра. Аще языцы повсюду вѣруют и жрут, мнящеся Богу, но бѣсомъ вѣруют и жрут».[90] О семъ убо во Троицы славимому Богу молимся прилѣжно, да соблюдетъ нас от неприязни тмы невѣрия вашего и все православне християнство Руския земли.

А еже убо что видиши от слабых и ленивых, не вся заповѣданная исполняющих, сия ни закону *оиисующу,* ино онѣхъ небрежениемъ. Сия убо недостаточная, яже в немощи Христосъ благодатию навершаетъ. Аще ли по благодати нечювствены пребывают, сами на своя главы неотреченыя Божия гнѣва суд приносятъ. А что писал еси о церкве, иже вы не затворяете до одного народа, языку, али бо мѣсцу на свите, ино християнская соборная и апостольская церкви едина есть. Аще и во едином мѣстѣ, во граде, или веси, или повсюду вселенныя, аще много

церквей, и уставъ един имѣют. А что писалъ еси о латынской церкве, и аз о томъ не хощу много глаголати, понеже, яко латыни — прелесть, тако и вы — тма. Аще бо кто нѣкоего изведетъ ис темницы, темны суща и несвѣтлы, во друзей темне и мрачне затворит, что убо ползова? Но прелесть, а не истинна. Искомое бо себѣ, еже от тмы на свѣт извести. Аще ли паки тмѣ наслѣдника сотвори, прелестникъ есть, а не истиненъ. Сия убо доздѣ.

Осмое убо мое слово

А что писалъ еси о Люторе, како он во учение вшел, будто справедливе сказуетъ, и о томъ много обличихомъ выше сего, яко вся развращенна вашего Лютора учения и ваша прелесть. Яко Сатана з бѣсы повсюду человеки прелщаютъ, тако и вы способствуете бѣсовстей прелести. А о латынской церкве выше сего указахомъ. А что Люторъ будто от собор*а* християнскаго выбран на тот уряд, и ты б намъ о том вѣдомо учинил, от кого онъ выбран, и кто его ставил, и въ каком онъ урядствѣ был: апостолъ ли или епископъ. Апостолъ бо Павелъ пишетъ о самоволномъ учении, яко ваше: «Вся*к* бо, аще призоветъ имя Господне, спасется. Како убо призовутъ, *иже* в него не вѣроваша? Какоже вѣруют, егоже не услышаша? И *к*ако услышат бес проповѣдающаго? И како проповѣдуют, аще не послани будутъ?»[91] А вы убо от кого послани, сице прелщаете человѣки, развращающе истинну? А что еси писал о духовном куповании богатьства, и то вездѣ отречено. А коли тебе что не потребова, а Писаниемъ вѣруеши, и ты о чемъ истинней вѣре не послѣдствуеши?

9 убо мое слово

А что описал еси о постѣ, и ты лжешь, а не истиньствуешь. Понеже убо и самъ Господь нашъ Исусъ Христосъ, егда убо абие взыде от воды и постився 40 дний и 40 нощи, побѣди плотнымъ божествомъ своимъ смотрением искусителя.[92] Сия же писа Матфѣй, Марко, Лука писа: самъ Господь ученикомъ своимъ рече, егда преобразися и сниде з горы, егда приведе ко учеником его человекъ из народа сына своего бѣснуема, и ученицы еще несовершени тогда бяху, благодати и Духа Святаго даръ не бяше прияли, и не возмогоша его изгнати; послѣди приводя бѣснуемаго ко Исусови, Исусъ же исцѣли его; ученицы же вопросиша его о семъ въ дому единаго, и рече им: «Сей род ничимъ изыти может, токмо молитвою и постом».[93] Сего ради и мы, християне, послѣдствующе Владыце Господу нашему Исусу Христу, 40-ной постъ постимся, якоже онъ постился, и сего прилогающе къ его божественней страсти и воскресению.[94] Постъ же святыхъ апостолъ[95] по покою и по ослабе воздержанию виною постимся, паче

и подъ запрещениемъ бывающих симъ способствуе*м*. Постъ же пресвятыя Богородица,[96] яко матери всѣх, Владычице почесть приносимъ. *Пост* же пред Рождествомъ Христовымъ,[97] яко и святыхъ апостолъ постимся. Постъ вселѣтный, еже убо среда и пятокъ, постимся неложно за сего ради, яко в среду тварь на Господа всѣхъ славы убийству совѣт сотвори, в пятокъ же распят.[98] И сему убо овому дивящеся и Бога похваляюще, яко Спас человеческаго ради спасения *до* толико смотрениемъ сниде, *иже* за человекы пострада, ово скорбимъ и сѣтуемъ, яко тварь сицевая на Содѣтеля дерзну.

Множайше и твердѣйшая посты воздержания ради устроиша и порабощения тѣлу. Якоже рече апостолъ Павелъ: «Аз убо тако теку, не воздухъ бию, но удержюся тѣлу, порабощу е».[99] Сице убо и мы постимся, да удержимъ тѣла, и поработим е духови, и вся оправдания Господня приимемъ. Якоже *убо* воздух*у* дебелу сущи не может свѣтло солнца видѣти, тако и плоти насыщеннѣ паче примрачнаго облака заповѣдей Господнихъ невозможно разумѣти и праведнаго солнца Христа видѣти.

А что писалъ еси от Исайя пророка о постѣх, ино Господу нашему Исусу Христу во святомъ Евангелии глаголющу: «Горе вамъ, книжницы и фарисеи, лицемѣрии, яко одесятствуете мятву, и копръ, и кимень и остависте вящшее закону, суд, милость и вѣру. Вожди слѣпии, оцѣждающеи комары, велбуды пожирающе».[100] Апостолу же Павлу глаголющу: «Не опивайтеся вина, в нем бо есть блуд и иная злая».[101] И аще убо истрезвится человекъ постомъ, тогда и вся дѣла благая восприимет, иже есть разрѣшение Писания долгу, и нужных *изменении* смырению, любви, согласию, милости, милостыни, нищекормьствию и прочимъ добродѣтелемъ. Не имущимъ поста ничто сего возможно сотворити. О Ионинѣ постѣ и Аггеевѣ, яко о Ниневии и прочии,[102] и сие убо подобна есть. Тако и Ахавъ Езавели ради Науфею постъ заповѣда, и въ томъ постѣ уби его.[103] Якоже рече пророкъ Давыдъ: «Егда убиваше их, тогда взыскаху его, и возвращахуся, и утреневаху къ Богу. Помянуша, яко Богъ помощникъ имъ есть, и Богъ вышний избавитель имъ есть. Возлюбиша его усты своими, и языкомъ своимъ солгаша ему, и сердце ихъ не бѣ право с нимъ, ни увѣришася въ завѣте его».[104] И ина многая обрящеши в Божественномъ Писании о семъ. А что писалъ еси, что апостолъ Павелъ писал къ Тимофѣю во обоих послании о ложных пророцехъ и о послѣднихъ прелестницехъ,[105] и тому всему *вы* послѣдователи. Якоже рече апостолъ Павелъ въ тѣхъже послании, яко «вете в сѣти дияволи, живи уловлении от него в того волю»,[106] и прочая, якоже тамо пишет. Сия убо *до*здѣ.

10 мое убо слово

А что еси писалъ о молитвѣ, что святых на помощь не призываешь и литоргии не слушаешь, и о томъ писано выше того много, а нынѣ вмале изреку ти. Аще бы еси на основании Христовѣ и апостолскомъ назидании былъ, и во оградѣ священныхъ учений былъ словесная овца, ничесоже бы еси апостолскихъ повелѣний разрушал. Аще ли разрушаеши, не токмо козлище еси, но хищникъ и волкъ, тать и разбойникъ. И яко речено есть во Евангелии: «Яко прелазя преграду, той тать есть и разбойникъ».[107] Якоже Громовъ сынъ глаголетъ: «Изыдоша от нас, но *не бѣша* от насъ; аще убо быша были от нас, *пребыша* убо были с нами».[108] И паки наводит, глаголя: «Не пребываяй во учении Христовѣ, Бога не имать, и се есть Антихристовъ».[109] Памятуй то, и яко в Луцѣ речено есть: «Отметаяйся апостолъ, Христа отметается».[110] И есть в Матфее писано: «Иже Господу Богу поклонишися и тому единому послужиши».[111] То рече Господь ко дияволу. О апостолехъ и о всѣх святых, како подобаетъ имъ молитися, выше написахомъ.

О литоргии подлинно во Евангелии написано есть. По семъ священныи апостолы уставиша молитвы, и святыя отца, како литоргию сотворити. Или мниши, яко просто хлѣбъ и вино? Како убо воспоминати смерть Господню, аще литоргия не сотворяти? Апостолъ убо Павелъ, къ коринъфомъ пиша, глаголетъ: «Аз убо прияхъ от Господа и предах вамъ, яко Господь Исусъ въ нощь, в нюже предан бываше, прия хлѣб, благодаривъ, преломивъ, рече: „Приимѣте и ядите. Се есть тѣло мое, еже за вы ломимое. Се творите в мое воспоминание". Тако и чашу по вечери, глаголя: "Сия чаша Новый Завѣт есть о моей крови. Се творите, елико аще пиете, в мое воспоминание. Елико аще ясте хлѣбъ сей и чашу сию пиете, смерть Господню возвѣщаете"».[112] И Господу нашему Исусу Христу глаголющу, егда на божественней своей страсти возлегъ со обѣманадесять ученикома своима и рече къ нимъ: «И приемъ хлѣбъ, хвалу воздавъ, преломи, дасть имъ, глаголя: "Се есть тѣло мое, и за вы даемое; се творите в мое воспоминание". Такоже и чашу по вечери, глаголя: "Сия чаша Новый Завѣт есть моею кровию, еже за вы проливается"».[113] Сия убо в Луцѣ, Матфѣй и Марко глаголетъ: «Се есть кровь моя Новаго Завѣта, еже за многия изливаема во оставление грѣховъ».[114] Смотри сего, како воспоминание Господне сотворити, аще литоргии нѣсть? Паче убо самъ, научая учениковъ своихъ и апостоловъ молитву сотворяти, самъ воздая хвалу Богу и Отцу, якоже при Лазори, тако и здѣ. И сего ради убо, аще ли кто литоргия не совершает, тот смерти Господни не возвѣщаетъ, и се есть Антихристъ и развратникъ вѣре Христовѣ. Избранному же сосуду апостолу Павлу глаголющу: «Вся кровию очищаются по закону, без кровопролития не быва*ет* оставление. Но в них воспоминание грѣхомъ на коеждо лѣто, невозможно *бо крови юнчей и козлей отпущати грѣхи».* Тогда рече: «Се прииду сотворити волю твою, Боже. Отъемлетъ 1, еда 2 поставит. О нейже воли освящени есми и приношениемъ тѣла Исусъ Христова единова».[115] Видиши ли, како о литоргии пиша, глаголет, яко подобает ю творити и послушати? Не хотящимъ сего сотворити таково запрещение полагаетъ, глаголя: «Волею бо согрѣшающимъ намъ, по приятию разума истинне, к тому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва.

Страшьно чаяние суда и огня зависть, поясти хотя противныя. Отвергся кто Закона Моисеова, без милосердия при двою или триех свидѣтелей умираетъ. Колицей, *мнитца,* сподобитися горцѣй муцѣ, иже Сына Божия поправ и кровь завѣтную просту непщева, в нейже освятися, и Духъ благодати укоривъ? Вѣмы бо рекшаго: Мнѣ отмщение, аз воздамъ — глаголеть Господь».[116] Сия убо доздѣ.

11 убо мое слово

Се часто поминаешь о ходатайстве Исус Христовѣ. И ты слыши: ходатайство Господа нашего Исуса Христа се есть и божественных его ученикъ, и апостолъ, и святыхъ отецъ. Ходатайство Господа нашего Исуса Христа се есть, якоже писано в Бытийскаx книгах:[117] искони сотвори Богъ небо и землю, видимая вся и невидимая, послѣди же Адама и Евву, и заповѣдь положи ему. Оному преступльшу заповѣдь, изгнанъ бысть ис породы райския и осуженъ смертию и тяжестию плоти. Раю приставлени бысть херувими, с пламенным оружиемъ стрегущии врат Едемскых, да никто входит во нь. Не мни убо се, яко противникъ кто Богу есть и властию похитити райское селение, но ради сего приставлено бысть пламенное оружие, возвѣщая *гнѣвание* Божие к человекомъ. И оттоле царствоваше смерть и грѣх человекомъ, на несогрѣщихъ, от Адама до Ноя, от Ноя до Авраама, от Авраама до Моисея, от Моисея до Христова воплощения. Якоже рече Павелъ, ко евреом пиша, глаголетъ: «Святии вси, иже вѣрою побѣдиша царствия», и прочая, — «И си вси послушествовани вѣрою, не прияша обѣтования, Богу о насъ лучшее что прозрѣвшу, да не без нас совершени будутъ».[118] Понеже бо до Христова пришествия, аще и праведнии непорочни бяху кои обрѣтаеми, но обаче осужениемъ адамовымъ вси умираху и во ад схожаху. И видѣвъ Богъ создание свое, от диявола мучимо, и милосердова — посла Сына своего воплотитися от пречистыя присно Дѣвы Мария на спасение человекомъ. Якоже рече избранный апостолъ Павел: «Посла Богъ Сына своего единороднаго, ражающася от жены, бывающа под закономъ, да подзаконныя искупит, да всыновление приимемъ».[119] И паки, ко евреомъ пиша, глаголетъ: «Имуще убо, о братие, дерзъновение вход святых кровию Исус Христовою, и обнови нам путь новъ завѣсою, сиирѣчь плотию своею, и святителя велика на дому Божии».[120]

Сие убо ходатайство Господа нашего Исуса Христа. Яко речено бысть в Луцѣ о рождествѣ Господа нашего Исуса Христа: «Внезапу бысть со аггеломъ множество вой небесных, хвалящих Бога и глаголющихъ: Слава в вышнихъ Богу и на земли мир, во человецѣх благоволение».[121] Понеже гнѣв Божий и вражда, на человѣцхъ пребывая от Адама и до воплощения Христова, Христовымъ божественнымъ плотнымъ смотрениемъ вся сия разрушися: и смерть, и грѣх, и дияволя держава. Самовластни быша человецы Христовою благодатию и научени, како

подобает побѣждати князя тмы вѣка сего и миродержителя. И волю Божию совершивъ, и о божественемъ его слове *содѣйствомъ* Святаго Духа и Царства Небеснаго наслѣдницы *будем.* Самоволно не приемлющи заповѣди Христовы и самовластно диаволу покарящеся снидутъ въ муку вѣчную; понеже бо до Христова пришествия и неволею, аще и праведни бяху, но ради Божия гнѣва и проклятия Адамля дияволъ область имяше, и душа ихъ во адъ сводяшеся. Исус Христос, пришед, воплощениемъ своимъ, и распятиемъ, и воскресениемъ сию клятву разруши, бывъ по насъ клятва, и миръ Божий давъ человекомъ, и древний гнѣвъ разори, еже о Адаме, и диявол*ю* дрьжаву разруши, и самовластна человека *сотвори,* якоже и Адамъ бысть преже преступления, творити добро и зло. Якоже рече апостолъ Павелъ, пиша к римляномъ: «Слава, и честь, и миръ всякому дѣлающему благое. Повинующимся неправде — ярость, гнѣвъ. Скорбь, теснота на всякой души человека, творящаго злое».[122] И научи Господь нашъ Исус Христос, како подобает заповѣди его, Отца и Святаго Духа совершати и Царствию Небесному наслѣдникомъ быти. И се, егда возношашеся на небеса, предасть божественнымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ, посылая ихъ на проповѣдь и повелевая к тому иныхъ научити.

Се есть ходатайство Господа нашего Исуса Христа. «Приидѣте, возрадуемся Господеви, настоящую тайну исповѣдающе, средоградия стѣны разорися, и пламенное оружие плещи дает ми, и херувимъ отступает от древа жизни, и райския пища причащаюся, от негоже изгнан бых ослушания ради, ибо неизмѣнный образ Отечь, образъ подобия присносущия его, образъ рабий приемлет. Из неискусобрачныя матере исшед, не преложение прият, иже бѣ пребысть. Богъ сый истиненъ. И еже не бѣ прията, человек быв человеколюбия ради».[123] И пакы в воскресных стисѣх глаголетъ: «Животворящему твоему кресту бес престани кланяющеся, Христе, и тридневное твое воскресение славимъ. Тѣмъ бо обнови истлѣвшее человеческое естество, всесилне, небесный входъ обновил еси намъ, яко единъ благъ и человеколюбецъ». [124]

Се есть ходатайство Господа нашего Исуса Христа. И много тебѣ изрекъ от Божественнаго Писания, но ты о семъ, яко онагръ[125] не вѣруеши, и «яко аспидъ глухий, затыкая уши свои, и не слышиши гласа истинне нынѣ обавающаго тя».[126] Ходатайство апостольское и святыхъ отецъ — учити люди и наказывати, како подобаетъ заповѣди Христовы совершати, яже выше рѣче, яко вси полагаху на основании Христовѣ, якоже апостолъ Павелъ пишет, яко: «Основания никто может положити иного паче лежащаго, иже есть Христос».[127] От Христова бо воплощения и доселе вси нарицаемся християне и во ино имя не крещаемся, развѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И вси убо божественнии апостоли и священныя отца учили и проводили людей, руководствующе и к спасеннымъ заповедемъ Христовымъ, и недоумѣннымъ словомъ и вещемъ научили, и растворях, како подобаеть вѣровати и заповѣди Христовы сотворяти. Яже убо выше сего много о

томъ писах ти от Божественаго Писания, что есть ходатайство Господа нашего Исуса Христа, и что учение божественных апостолъ и святых отецъ. Аще ли не хощеши похвалити святыхъ отецъ и святыхъ апостолъ, руководству ихъ послѣдовати и *н*арицати ихъ, яко наставника спасению, подобаетъ ти писанию ихъ не вѣровати. И аще ли писанию ихъ не вѣровати, то *почесому* разумѣти, яко есть Богъ, и яко во Троицы славится, и *чесо* ради съ небесе сниде, и воплотися, и пострада, и воскресе, и вознесеся на небеса. Како разумѣти заповѣди Божия? Воистинну убо тма есть, еже не разумѣти вѣры в Бозе. Како убо разумѣти, аще *не* кто наставиот. Божественныхъ апостолъ и святых отецъ поучениемъ свѣт вѣры видимъ. Якоже Громовъ сынъ Иоанъ глаголя: «Яко позна Господа, и заповѣди его не соблюдаетъ, ложь есть, и в семъ истинн*ы* нѣсть. Яко тма ослѣпи очи его».[128] Се убо есть тма, еже не видѣти закона Божия како разумѣти. Се убо свѣт, еже разумѣти заповѣди Божия. Како разумѣти, аще *не* от Писания ли кто наставит? *И сего* ради нужда належит, яко божественных апостолъ и святыхъ отецъ яко наставникы почитати и молитися имъ, тогда и Писанию вѣровати и из него поучатися. Аще убо сия тако будутъ, яко ты *надшен* от диявола, прелстился еси, тогда вси человецы яко скоти будут, ничто разумѣюще. Слыши же, Господу нашему Исусу Христу глаголющу о вас во Иоане Богослове: *«Не* посла Богъ Сына своего въ миръ, да судитъ мирови. Вѣруяй во нь не будетъ осужен, а не вѣруяй осуженъ есть, яко не вѣруяй в *имя* единороднаго Сына Божия. Сей есть суд, яко свѣт прииде в миръ, и возлюбиша паче тму, неже свѣтъ, бѣша бо ихъ дѣла зла. Всякъ убо дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта».[129] Сия убо доздѣ.

12 убо мое слово

Си писалъ еси о иконномъ поклонении, и сие убо твое безумие вкратцѣ обличю тя. Аще ли хощеши истинно увѣдати, прочти во «Царствиих» Льва Исавра иконоборца, и сына его Констянтина Гноитезнаго, и Льва Арменина, и Феофила Богомерскаго,[130] святымъ досадителя, и вся тамо изъяснена обрящемъ о божественных иконнопоклонений, и богомерскаго ихъ сопротивства нечестивыхъ царей, в неже нечестие вы самоволне подастеся. А что ко Второзаконию прибѣгаеши, азъ выше сего писал тебѣ: аще ли к Закону Моисеову прибѣгаеши, то подобает ти вся законная творити. Аще ли едино обрѣзание сотвориши, не токмо вся законная, Христос тебѣ ни въ кую ползу есть. Якоже апостолъ Павел, пиша, глаголетъ к галатомъ: «Яко аще обрѣзаетеся, Христосъ вамъ ни в кую ползу есть. Свидѣтельствую же паки всякому человеку обрѣзающемуся, яко должен есть весь законъ творити. Упразднистеся от Христа, и закономъ оправдаетеся, от благодати отпадаете».[131] А еже убо приводиши от десятисловия, еже «Не сотвориши себѣ подобия ниже на небеси горѣ, ниже на земл*и* низу»[132] — тако и пророцы вси, и аз ти о семъ ползую, яко вся сия о идолех реченно есть. Яко во Исходе Моисеове глаголется: егда скрыжали Моисей приятъ, тогда убо восташа вси людие на Арона и рекоша: «Сотвори намъ боги, иже приидутъ пред нами, Моисей убо изведе нас изъ Египта, не вѣмы, что

бысть ему». И тако убо собраша злато, перьсни и серязи у жен своихъ и ввергоша во огнь, и сольяся глава телчая, и поклонишася ему, рекущи: «Сий есть бози твои, изведшии тя из Египта, Израилю».[133] Егда приидоша к Валаку, царю маавску, и како осквернения ради женъ льпоты, ихже вы безумне приасте, женское совокупление, и дѣвство отрицающе, и тако убо тогда июдѣи, прельстившеся женъ ради лѣпоты, «Воелфегору послуживши, и снедоша жертвы мертвыхъ», и *Остарти* и сидонстей мерзости служивше, и о Хамосе плакашеся;[134] яко рече пророкъ Давыдъ: «Искусиша и прогнѣваша Бога вышняго, и свидѣния его не сохраниша, и обратишася, и отвергошася, якоже отцы их, превратишася в лук развращенъ, и прогнѣваша в холмѣх своихъ и во истуканных своих раздражиша»,[135] «смесишася во языцех, и навыкоша дѣла ихъ, и поработаша истуканнымъ их, и бысть имъ в соблазнь; и пожроша сыны своя и дщеря своя бѣсовом, и пролияша кровь неповинную, кровь сынов своих и дщерей, яже пожроша истуканным ханаанскимъ».[136] Якоже Соломон жены ради поклонися идоломъ и отступи от Бога жива,[137] и паки Ероавамль в Самории сотвори двѣ юнницы злате и велѣ имъ поклонитися и людемъ, и пребысть сие поклонение даждь и до разорения Самарии.[138]

И много убо о семъ идолопоклонении, о немъже убо пророцы глаголаша и апостоли благовѣстиша. И ты убо посреди святаго и мирскаго не разсудилъ еси, Христову бо икону равно Аполонову идолу судил еси, Богородичну икону равно Диеву судил еси, и прочих святых,[139] *ихъже убо идолопоклонение вмѣнилъ еси. Мы же, християнѣ, первообразно, и божественно, и сообразно, и спасению ходатайственъно истинъно почитаемъ и поклоняемъся.* Идѣже убо обрящеши о божественных иконахъ жертвеное заколение и кровемъ пролитие? И якоже рече пророкъ: «И да ям мяса юньча или кровь козлию пию? И пожри Богови хвалѣ жертву, и воздаждь Вышнему молитвы твоя».[140] Не сия ли вся о иконах совершается, яже о идолех никакоже не дѣйствуется, понеже убо тамо о идолех требищи, и сквары, и жертвы, и кровемъ пролитие; о иконах — церкви, и духовная молитва, сердечная жертва. Не мни, яко боготворимъ сия, *но первообразному почестъ воздаюше, поклоняемся. Ни бо шаровомъ и дщицамъ****[141]*** *но образомъ написанымъ Христовымъ, и Богородичным, и всѣмъ святымъ, иже убо на первообразную честъ возводяще.*

А иже от Моисеова закона глаголеши, аз ти преведу самого Моисея: како убо Моисей два херувима златы содѣла во Святая Святыхъ, како убо и завѣсу истка, на нейже швениемъ вся небесных подобие содѣла, како убо и киотъ завѣта, иже всюду окован златомъ, в немъ стамна имущи, манну и жезлъ Аароновъ прозябший, и скрыжали Завѣта, имже всѣмъ симъ поклоняхуся июдѣи. И не токмо проречение бяше истинныи. И сия тако почитахуся, како убо Святая Святыхъ почиташеся. Егда убо июдѣи хождаху, тогда вси покрывала имяху. И егда убо во Святая Святых вхождаху, тогда покрывала отлагаху.[142] Како убо и воплощение Слова Божия, егда убо Авгарь, Едеский князь на

убрусе приат Господне воображение, и како от раслабления недуга воздвиже его. И на самом том одрѣ не могий обратитися, егда Господь нашъ Исус Христосъ посла свое ему воображение на убрусе со апостоломъ с Фадеом. И емуже грядущу со воображением, и егда бысть за 3 поприща от града, и на самомъ томъ одрѣ не могий воздвигнутися, воста простъ и здравъ и ходя на ногу свою, во вратех града срѣте божественное воображение. И колико оттоле от божественаго оного образа содѣяшася многоразличная чюдеса: больнымъ исцеление и бѣсомъ прогнание, воиньствомъ нечестивым побѣждение, благочестивымъ поборание даждь и до разорения Греческаго царства! [143] Колика оттоле от божественаго оного образа содѣя многая различная чюдеса! Аще ли хощеши истинну увѣдѣти, почти *царства* Греческаго, тамо вся истинна увѣси. Како и кровоточивая она, егда исцелена бысть от раны, и *ботомужный* образ Христовъ мѣдным лиянием сотвори в мѣру возраста Господня. И много исцеления творящи воображение оно даждь до лѣта сотонинскаго оного служителя и отступника злочестиваго царя Улияна.[144]

Что о Лидской церкве, в нейже бысть воображение пречистыя Богоматере с превѣчнымъ младенцемъ на столпѣ от западных вратъ, сию убо церковь составиша апостоли, в нейже воображение то явися, *прѣния* ради правовѣрных с невѣрными: до коея вѣры явится знамение, тоя вѣры имѣти церковь. Яже убо Божиимъ повелѣниемъ нерукотворенный образъ на столпѣ вообразися, не рукописан бысть, но богописанъ. Яже убо и сама Богомати во плоти суща, *тиюже* молиша апостоли, да приидет на освещение храму. Она же рече: «Приидѣте, чада, а яз тамо съ вами буду». Они же шедше и преславное то воображение видѣвше, радости бесчисленыя исполнившеся, со слезами молитвы возсылаху творцу всѣхъ Богу. Последи и Богомати пришедшей, свое воображение видѣвше неложно, рекше, сице глаголетъ: «Благодать моя и сила да будетъ с тобою». Сия убо божественное воображение злосмрадный онъ Ульян хотя сокрушити. И елико убо сечцы сечаху камень и тщахуся воображение оно на землю низвергнути, *т*олико убо Божиимъ повелѣниемъ вапы оны невещественую силу вземше, *болма* бо в камень вхождаху. И до толика содѣяшася чюдеса, елико посланникы бездѣлно отъидоша, воображение оно никакоже низвергнути не могущи, разве сих нѣкто *не глатко* сѣчениемъ сотвориша. Последи благочестивых руки и сия убо угладиша. И егда бо секоша и углажда*ше*, вапие шарово никако своего цвѣта премѣншеся, якоже исперва быша. Что и Енея онъ, иже исцѣлен бысть от Петра и Иоанна. Тако и церкву прекрасну воздвиг, тако и Богоматери образ вообразися, и чюдеса многа содѣяшася. Како и божественный Лука Богоматери образъ написа и к ней принесе. Она же прирекши: «Благодать моя и сила будетъ съ тобою». Еже убо и сия икона, Божиимъ повелѣниемъ здѣ во царствующемъ градѣ Москвѣ сохраняющи християнство, пребываетъ. Что убо реку ти о оной иконѣ Богоматере, *ю*же божественный онъ Германъ патриярхъ Царяграда со он*ы*я с Литцкия преписа, и како немокреными стопами чрез море до Рима шествова?[145] Сами *множае можете насъ вѣдѣти,* занеже Римская церкви у вас есть. Что убо изреку ти о чюдесѣхъ, и о исцѣлении недугомъ, и бѣсомъ прогнании, яже от

божественых икон и поклонниковъ их содѣяшася? Яже множества ради не могу исписати, — «постигънеот убо мя повѣствующа лѣто»[146] о сицевых, якоже рече апостолъ Павел, ко евреомъ пиша. И аще хощеши истинну видѣти, вся сия в Божественномъ Писании обрящеши.

И рцы ми убо, отколе начало и како идоломъ поклонение, и иконно воображение, и коего ради чина? Не первый бо ли Серух идолы поча творити?[147] Ово убо в храбрых имя человекъ, ово в мудрыхъ, ово во иныя ради вещи похвалныя, и онъ убо яко разумен памяти ради похвалы сия творящи. Последи его, не разумѣвше его разума, яко *богы* твориша я, яко богу идоломъ поклоняхуся, се и самыя тыя идолы боги нарицаху. Се убо мерско есть и отречено пророкы Божиимъ повелѣниемъ, понеже убо идолы творяхуся во имя скверных человекъ: ово убо блудникомъ, инии пияницы, инии же разбойницы, татие и гудцы. Божественое воображение — 1 убо воображение Спаса и Господа нашего Исуса Христа, яко симъ образомъ изволи воплотитися и спасти нас. Пречистая его Богомати — яко сподобльшияся таковѣй божественей тайне послужити и огнь божественей нетѣсно в ложеснах своихъ приимши, яко ходатаица спасению роду нашему, еюже к Богу примирихомся. И сего ради образу ея поклоняемся. Небесных силъ — яко ходатаи спасению нашему. Всѣхъ святых воображении на иконахъ почитаемъ сего ради, яко совершителя заповѣдемъ Господнимъ, наставникы. И сами ревнующе благочестию, подражатели и соверьшители *желаемъ* быти. Сия убо о иконах. Яже о идолех, *таковая не можеши указати, иже разньствуетъ бо иконно поклонение со идольскимъ бѣсованиемъ.* Глаголи же ми, яко можеши ли таковая чюдеса показати о идолех и, якоже о иконах, исцеления человеком? Иже тебѣ иконному поклонению яко псу не вѣрующу, по Господни заповѣди, не подобает пред тобою святая глаголати.

А что еси писалъ о Иоаннове послании о иконах, и во Иванновѣ послании писано: «Чадца, хранитеся от требъ идолских!»[148] А о иконах во Иоанновѣ послании не писано. И то еси писал ложно. А что еси написал, что за то Богъ карал грозно, которыя образы ставят, и мы того в Божественномъ Писании нигдѣ не нашли. А что еси писал о вознесении Господни, и та строка к тому не стоитъ. А что писалъ апостолъ Павелъ, «что телеса наша — церкви Богови, в нихже Духъ Божий живет».[149] А иже о Петрѣ и о Корнилии глаголал еси, и яже в Богослове во Откровении о аггелѣ, и сия смирения ради.[150] Понеже убо и самъ Господь нашъ Исус Христос, егда преобразися на горѣ, и сходящу з горы, заповѣда ученикомъ своимъ, глаголя: «Никому повѣдати видѣния, дондеже Сынъ человеческий из мертвых воскреснетъ».[151] Сего ради показует Господь смирения и научая смирятися, да никто себе самъ превозноситъ. Сего ради и аггелъ Богословца воздвизаетъ — смирения образ научаетъ. Тако и Петръ к Корнилию — ради смирения. И аще бы сие сице было, якоже ты глаголеши, то гдё хощеши положити, иже трикратнемъ вопрошени*ем* Господнемъ 3 кратно отвержение Петрово исправися, иже: «Паси овца

моя»?[152] И аще не покланяетеся и не хвалите, паки какой пастве быти!

Смотри же, како и власть имѣютъ апостоли святии. И рече Господь во Евангелии къ Петру: «И дамъ ти ключь Царствия Небеснаго. И елико убо свяжеши на земли, связаны суть на небесѣхъ, и елика аще разрѣшишы на земли, разрѣшена суть на небесѣхъ».[153] Видиши ли, яко и небесное началство апостолскому и святительскому начальству подложно суть. И яко во 2-законии Илья затвори небо и не бысть *дождя* лѣт 3 и месяцъ 6, токмо глаголомъ усть пророчих.[154] Яко обычай благодати, видиши ли, Божии послушати угодниковъ своихъ. А писалъ еси о Павле и о Варнаве, и они того ради возбранили, что жерцы идолския хотѣли имъ жертву принести что идоломъ. И они потому возбранили, а они не тако ихъ почитали, како подобаетъ святыхъ почитати.[155] А что писалъ еси, что не подобаетъ кромѣ Бога святыхъ на помощь призывати, ино написано есть во Евангелии: «Видѣв же Господь народ *многъ,* милосердова о нихъ, яко смятени бяху и отвержени яко овца, не имущи пастыря».[156] Тогда глагола ученикомъ своимъ: «Жатва убо многа, дѣлателей же мало. Молитеся Господину убо о жатве, яко да изведет дѣлателей на жатву свою». «И призва оба на 10 ученики своя, дасть имъ власть на дусех нечистых, яко да изгонять, и исцѣляти всяк недугъ и всяку болѣзнь».[157] И ты видиши ли, какову дасть власть Господь ученикомъ своимъ и святителемъ, не яко не могий спасти человеки, но сходя к немощем их, к неразумѣнию, и сими наставляя человеки на истинный путь, яже выше о семъ писано.

А еже от Давыдова псалма глаголеши, и сия вся о идолех писано, а не о иконахъ. А что писалъ еси, что нѣколико сотъ лѣтъ образовъ не бывало, и писал еси ложно. От Христова воплощения почалися образы и донынѣ. А что писалъ еси о святемъ епискупе о Епифанѣ Кипрьскомъ, [158] буде онъ на полотенце образ терзал нѣкоего святаго, и то писано ложно. А то написание еретическое и во истинных християнех не приемлется. Воспомяни и самого Епифания, аще ко отеческому учению притекаеши, како последи епископъ бысть во острове Кипрьскомъ, идѣже много иконнаго поклонения исполнено бысть бяше в Кипрьскомъ островѣ, и поклоняхуся много. А егда поставлен Епифаний епископом Кифрия града *Паппосом* епископомъ, тогда избрание его бысть дивно, понеже убо от явления подвигошася духомъ святии отцы, обрѣтоша его на торжищи, идѣже Божие вообpажение купуется. В та бо времена пребожественный Златоустъ бысть, и той рече: «И восколиянно вообpажении почитаю». Великий Василий глаголетъ, преже сихъ бывъ, яко почесть образа на первообразная восход*ит.* А что в вашей странѣ дѣется о образѣхъ, и азъ *о* томъ глаголати не хощу, како есте подалися в бѣсовскую прелесть, и о том сами вѣдаете. Яко рече божественный апостолъ Петръ в послании: «Судъ вашь не укоснит, и огонь не угаснетъ».[159] А что писалъ еси от *Дѣяний* святыхъ апостолъ о апостоле Петрѣ, и то не к тому еси писал, в Дѣянии апостолских того не писано, и то есть писал ложно. Сия убо *до*здѣ.

13 убо мое слово

А что писал есть о дѣвстве и о браку, и ты не то писал, в чемъ азъ тебе вопрашивал. Азъ бо тя вопрашивал въ томъ, како держите дѣвство, и брак, и блуд, и ты не по тому писалъ. А что еси писал, и о томъ пишетъ Иоаннъ Богословъ во своемъ 1 послании: «Аще кто вѣрует въ Господа Исуса Христа, в плоть пришедша, и глаголяй, въ немъ пребывати должен есть». Якоже онъ ходилъ есть, намъ такоже ходити.[160] А Христос жены не имѣл, и апостоли вси женъ не имѣли. Аще ли Петръ тещу и жену имѣл, и сия до послѣдования Христова. Егда послѣдова Христови, тогда чистоту храняше, и тещу убо имѣ яко матерь, и жену яко сестру. Тако и Филиппъ от 7 дияконъ, и 4 дщери имяше пророчицы. И егда *не* послѣдова Христу, тогда сия роди, егда Христу послѣдова, тогда в чистотѣ пребысть. И дщери его дѣвство храняху, и мужьское усердьство восприимше, и пророческаго дару сподобишася, и слово Божие со апостолы проповѣда*ху*.[161] Что убо и о мироносицахъ, не вся ли дѣвству послѣдоваша? Не токмо совершися в мужстемъ полу, но и в женстем.

На два убо чину в нас лежит християнское пребывание: на дѣвственно убо и просто. И обѣщавшимся дѣвствовати, подобает имъ хранитися брака и мяс, не яко гнушения ради, но виною воздержания. А не обѣщавшимся дѣвствовати, аще и браку и мясомъ причастятся, нѣсть имъ возбранения, аще и заповѣди Христовы сохранятъ, понеже бо *не* едины заповѣди есть инокомъ и мирскимъ. А обещавшимся дѣвствовати и не сохраняющимъ заповѣди, пишетъ о сих апостолъ Петръ: «Лутче бы имъ не познати пути правды, нежели познавше, возвратитися имъ от преданныя имъ святыя заповѣди. Случи бо ся имъ истинная притча: песъ, возвращься на своя блевотины, и свиния, омывся — в кале тимѣния».[162] Господу нашему Исусу Христу о дѣвстве глаголющу и о браку: «Сего ради человекъ оставит отца своего и матерь, и прилепится к женѣ своей, и будета оба в плоть едину, яко к тому нѣсть два, но плоть едина. Иже убо Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ».[163] И паки: «Аще пустит жену свою, аще развѣ словесе прелюбодѣйнаго, и оженится иною, прелюбы творитъ, и женяйся пущеницею, прелюбы дѣет».[164] Сия убо о бракѣ. О дѣвстве же сице и евангелистъ Матфей пишетъ: «Глаголаша ему ученицы его: Аще вина человеку тако с женою, уне есть не женитися. Рече имъ Исус: не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъже дано есть. Суть скопцы, иже изъ чрева матерня родишася таки; и суть скопцы, иже ископишася от человекъ; и суть скопцы, иже ископи*ша* сами себе Царствия ради Небеснаго. Могий вмѣстити, да вмѣстит».[165]

Избранный сосудъ апостолъ Павелъ, к римляном пиша, глаголетъ: «Нынѣ убо ближайшая намъ спасения, или егда вѣровахомъ. Нощь успе, а день приближися. Отверземъ убо дѣла тмы и облецемся во оружие свѣта. Яко во дне, благообразно ходимъ: *не* козлогласовании и пиянства, ни любодѣянии и студодѣянии, ни рвениемъ, ни завистию, но облецетеся Господемъ Исусом Христомъ, и плоти угодия не творите в похоть».[166] И паки тойже Павелъ, къ коринфомъ пиша, глаголетъ: «О них писасте ми, добро человеку женѣ не прикасатися. Любодѣяния ради, кождо свою жену да имать, и каяждо свой мужь да имать. Мужь женѣ должную любовь да воздает, тако и жена мужу. Жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужь, тако и мужь своимъ тѣлом *не владѣет,* но жена. Не лишась другъ друга, точию от согласия, ко времени, да празднуйте въ постѣ и въ молитвѣ, и паки вкупе збирайтеся, да не искуситъ васъ сатана за невоздержание ваше. Се глаголю по совѣту, а не по повелѣнию. Хощу бо, да вси человецы будут, якоже и аз, но кождо свое дарование имать от Бога, ово убо сице, ово сице. И глаголю юнотамъ и вдовицамъ, добро имъ есть, аще пребудуть яко и аз. *Аще ли не воздержаютца, да посягаютъ.* Лучши бо есть женитися, нежели разжизатися. А оженшимся, заповѣдую не аз, но Богъ, женѣ не разлучатися; аще ли и разлучится, да пребывает без мужа, или съ мужемъ да смирится. И мужу жены не отпущати». «О юнотах и дѣвах повелѣния Господня не имамъ и совѣть даю, яко помилован от Господа вѣренъ быти. Мню убо се добро быти за настоящую нужьду, яко добро человеку, иже тако быти. Привязаеши ли ся женѣ? Не ищи разрѣшения. Отрѣшся жены? Не ищи иныя. Аще ли и оженишися, не согрѣшил еси; и аще посягнет *дѣва,* не согрѣшила есть. Скорбь плотию имѣть начнут таковии». «И хощу вас беспечальны имѣти и быти. Не оженивыйся печется о Господних, како угодити Господеви; а оженивыйся печется о мирскых, како угодити женѣ. Раздѣлися жена и дѣва: не посягшия печется о Господних, яко да есть свята тѣломъ и духомъ, а посягшия печется о мирскыхъ, како угодити мужу. Се къ ползе вамъ самѣмъ глаголю, не да силу вамъ наложу, но ко благообразию и благоприступанию Господеви безмолвно. Аще ли кто не благообразѣ образѣ дѣву свою мнитъ, аще есть преходница, и тако должна есть быти, и хощетъ, да творитъ, не согрѣшаетъ, да посягнетъ. А иже стоитъ твердо сердце, не имый нужду, власть имать о своей воли, и *се* разсудил есть в сердцы своемъ блюсти свою дѣву, добрѣ творитъ. Тѣмъ вдаяй къ браку свою дѣву, добрѣ творит, а не вдаяй — лутчее творитъ. Жена есть привязана закономъ, въ нелико время живет мужь ея; аще ли умрет мужь ея, свободна есть, *за негоже хощет посягнуть, точию о Господе.* Блаженънѣйша есть, аще тако пребудетъ, по моему совѣту. Мню бо, и аз Духъ Божий имый».[167]

Сии убо написах ти, како убо подобаетъ брак хранити. А о немже вопрошах тя сего ради, яко слышахомъ о семъ, яко инии в васъ блудъ ни во что пологаютъ и грѣха в семъ не творятъ. И сихъ убо обличая, глаголетъ верховный Петръ апостолъ: «Вѣсть Господь благочестивыя от напасти избавляти, неправедники же в День судный мучимы блюсти, паче во слѣдъ похоти плотския сквернения ходящая, и о господстве не радящая, продерзателе, себе угодни, славы не трепещутъ, хуляще,

идѣже аггели, крѣпостию и силою больши сущи, не терпят на ся Господа хулна суда. Сии яко скоти животнии естествомъ бывше в погибели и тля, въ нихже не вѣдяще и хуляще, во истлѣниихъ истлѣютъ. Приемлюще мзду неправедну, сласть *меняще дневную* пищу, сквернителы и порочницы, питающеся лестми своими, ядуще съ вами. Очи имуще исполнь любодъяния и непрестающе грѣха, льстяще душа неутвержены, сердце научено лихоимству *имущи,* клятве чада! Оставльше правый путь, прелстишася, послѣдова*ша* пути Валаамову Восорову, иже мзду неправедну возлюби, обличение имѣ своего беззакония: яремникъ безгласен человеческимъ гласомъ провѣщавъ, возбрани пророку беззакония. Сии суть источницы безводни, облацы и мглы от вѣтра приносими, ихъже мракъ тмы во вѣки блюдется. Прегордая бо суетию вѣщающе, прелщаютъ въ похоти плоти нечистот, иже воистинну отбѣгшая и въ прелести живущая. Свободу имъ обѣщевающе, сами раби суще тлѣнию».[168]

А еже о иноческомъ жительствѣ писалъ еси, и то начася от апостолъ. Господу нашему Исусу Христу о семъ глаголющу въ Матфѣе, зачало 19: «Иже любитъ отца или матерь паче мене, нѣсть мене достоинъ; иже любитъ сына или дщерь паче мене, нѣсть мене достоинъ. И иже не прииметъ креста своего и во слѣдъ мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ».[169] И паки, глава 33: «Аще кто хощетъ по мнѣ итти, да отвержется себе, и возмет крестъ свой, и по мнѣ грядет».[170] Въ Луцѣ, глава 54: «Аще кто грядетъ ко мнѣ и *не* возненавидитъ отца своего и матерь, жену и чад, и братию, и сестръ, еще и душу свою, не можетъ быти мой ученикъ. *Иже* не носитъ креста своего и вослѣд мене грядет, не можетъ быти мой ученикъ».[171] «Тако убо всяк от васъ, иже не отречется всего своего имѣния, не может быти мой ученикъ».[172] Избранный сосуд апостолъ Павелъ, къ римляномъ пиша, глаголетъ о семъ: «Елицы крестихомся во Христа Исуса, в смерть его крестихомся. Спогребохомся убо с нимъ крещениемъ въ смерть, да, яко воста Христос от мертвых со славою Отчею, тако и мы во обновлени жизни ходити начнемъ. Аще убо образни быхомъ по подобию смерти его, то и воскресению будемъ, се вѣдуще, яко ветхий нашъ человекъ распятся, да упразнится тѣло грѣховное, не к тому работати намъ грѣху, умерый бо оправдися от грѣха. Аще ли умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко живи будемъ съ нимъ, вѣдяще, яко Христос, воста от мертвых, уже не умрет, смерть ему уже не удолѣет. Еже убо умрет грѣхови, умретъ единою, а иже живетъ — Богови. Тако и вы причитайте себе и мертвымъ убо быти грѣху, живемъ же Господеви о Христе Исусе Господе нашемъ. Да не царствует убо грѣхъ в мертвенномъ вашемъ тѣле, послушати его в похоти его. Ни приставляти уды ваша оружия неправдѣ грѣху, но представляйте себе Богови, яко от мертвыхъ живы, и уды ваша — оружие правдѣ Богови. Грѣхъ бо вамъ не удолѣет, нѣсте бо под закономъ, но под благодатию».[173] «Вся ми лѣть суть, но не вся на пользу. Вся ми возможна суть, но не аз обладан буду от кого. Брашна чреву, и чрево брашномъ, Богъ же и сия да упразднит. Тѣло не любодѣянию, но Богови, и Господь тѣлу. Богъ же и Господа воздвиже, и нас совоздвигнетъ силою своею. Не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша удове Христови суть? Тѣм ли убо уды Христовы, сотворю любодѣица. Да не будетъ. Или не вѣсте, яко прилепляяйся

любодѣицы, едино тѣло есть? Будета бо, рече, оба в плоть едину. Прилепляяйся Господеви, единъ духъ есть. Бѣгайте любодѣяния; всяк бо грѣхъ, аще сотворит человекъ, кромѣ тѣла есть, а творяй любы в свое тѣло согрѣшает. Или не вѣсте, яко телеса ваша храмъ иже в вас Святому Духу есть, имате от Бога, и нѣсть себе? Куплени бе есте ценою. Прославите Бога в тѣле вашемъ и в дусѣ вашемъ, яко суть Божия».[174] «И мнѣ да не будетъ похвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Исуса Христа, имже миръ распятся, и азъ мирови. О Христѣ бо Исусѣ ни обрѣзание что может, ни необрѣзание, но нова тварь. И елици правилемъ семъ приложатся, мир на них, милость, на Израиля Божия. Прочее, труды да никто дает ми, аз бо язвы Господа Исуса на тѣле моемъ ношу».[175] И рцы ми, кто недуги исцели, кто болныя востави, кто мертвыя воскресы, кто смертно испи, не вреди ся, кто бѣсы прогна, не вреди ся, и прочая по Евангелию? Не вся ли иноческаго суть *натрижения?* Сия убо доздѣ.

14 убо мое слово

А что писалъ еси, что по нашему велѣнию волно и смѣло говорил, и нам бы на тобя не опалятися, и нынѣ мы свое слово помнимъ, а на тобя опалы никоторыя не кладем. А что мнѣ тобя не еретиком держати нелзѣ, потому что учения твоя вся развратна Христову учению, и Христовѣ церкви вся сопротиво мудрствуеши, и не токмо еретик еси, но и слуга Антихристовъ диявольскаго совѣта. А не пуще Люторь, еще тобя пущи есть! А впред бы еси сего своего учения в нашей странѣ не объявлялъ. А о томъ Господа нашего Исуса Христа прилѣжно молимъ, всѣхъ Спасителя, дабы нас, росийский родъ, сохранилъ от тмы невѣрия вашего. Отцу купно слава со присносущнымъ его Сыномъ и Святымъ Духом, нынѣ и присно и во вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *В лѣта 7090-го… из Риму от папы посланник именемъ Антонъ… велимъ к папе отписати». —* Данное вступление, выделенное в рукописи киноварью, имеется только в списке *РГБ,* ф. 236, № 19. Речь в нем идет о визите в Россию в 1581—1582 гг. Антонио Поссевино (1534—1611) — одного из наиболее видных деятелей католической реакции. Антонио Поссевино участвовал в миссии по заключению перемирия между Иваном Грозным и Стефаном Баторием. В то же время известно, что по поручению папы римского Григория XIII он пытался вести прения о вере с царем Иваном Васильевичем, с целью обратить его в католичество, однако эта попытка не увенчалась успехом. Очевидно, переписчик данной рукописи соотнес недавние по времени события

(список датируется кон. XVI в.) с темой другого прения о вере — Ивана Грозного с Яном Рокитой.

[2] *«Не дадите святая псомъ... пред свиниями»...* — Мф. 7, 6.

[3] *Яко пси житие имуще... въ скверна пребывающе.* — Ср. 2 Петр. 2, 22.

[4] *«Еретика человѣка... сей самоосужен».* — Тит. 3, 10—11.

[5] *...«мя постигнет повѣствующа лѣта».* — Евр. 11, 32.

[6] *...учителе Люторе...* — Мартин Лютер (1483—1546) — один из вождей Реформации, основоположник лютеранства как протестантского учения (1517).

[7] *...краеугольнему камени Христу...* — Ср. Пс. 117, 22; 1 Петр. 2, 7.

[8] *Якоже убо Сатанаил... козводѣи.* — Апокриф о свержении с небес Сатаны см.: Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. // Труд учеников Н. С. Тихонравова, М., 1892, вып. 1. Стб. 73—74. Называя последователей учения Лютера казнодеями, т. е. «нечестивыми, строящими козни», Грозный ироническиобыгрывает польское слово«kaznodzieja», т. е.«проповедник» (см.: Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 547, прим. 3).

[9] *«Не чюдно бо... служителя правды».* — 2 Кор. 11, 14—15.

[10] *«Внемлите от лживыхъ пророкъ... познаете ихъ»...* — Мф. 7, 15—16.

[11] *«Не входяй двери... гласа его слышатъ».* — Иоан. 10, 1—3.

[12] *Яко убо дверник Христос... покаянию начало показуя...* — Троекратным вопрошением Иисус Христос принял покаяние Петра и объявил ему свое прощение (см. Иоан. 21, 15—17).

[13] *«И дам ти ключь... на небесѣхъ».* — Мф. 16, 19.

[14] *...епископы... сиирѣчь посѣтители...* — Епископ в раннехристианские времена — глава христианской общины.

[15] *...Громовъ сынъ...* — Иоанн Богослов, апостол, ученик и последователь Иисуса Христа, автор одного из Евангелий, посланий и Апокалипсиса. Уже в начале своего пути был назван Иисусом Христом «сыном Грома» (см. Мр. 3, 17).

[16] *«Иже не исповѣдует... дѣлехъ его злых».* — Ср. 2 Иоан. 7—11.

[17] *«Шедше научите... до скончания вѣка. Аминь».* — Мф. 28, 19—20.

[18] *...идѣже убо бяше труп... апостоли собрашася.* — Ср. Мф. 24, 28.

[19] *«Якоже мене пославъ... яко ты мя посла».* — Иоан. 17, 18—21.

[20] *«Знамения вѣрующим... здрави будут».* — Мр. 16, 17—18.

[21] *Святый Великий Василей... Ефрѣму Сирину... глаголати.* — Ефрем Сирин (IV в.), один из великих учителей Церкви, обрел знание греческого языка благодаря молитве *Василия Великого* (329—379), архиепископа Кесарийского, великого отца и учителя Церкви, см. Пролог, 28 янв.: «Житие Ефрема Сирина» и «Повесть о святем Ефреме преподобнем и о Василии Великом»).

[22] «Знамения убо не *вѣрнымъ... вѣрующим».* — 1 Кор. 14, 22.

[23] *«Ищете мене... в животѣ вѣчнемъ».* — Иоан. 6, 26—27.

[24] *«Бысть убо яко младенцы... неискусен слову».* — Ср. Евр. 5, 12—13.

[25] *«Июдѣи бо знамения просятъ... премудрость».* — 1 Кор. 1, 22—24.

[26] ...о *10-законии во 2-х книгах Моисеовых...* — Т. е. о Десяти заповедях Ветхого Завета, изложенных во «Второзаконии» — последней из книг Пятикнижия Моисеева (Вт. 5, 6—21).

[27] *«Возлюбиши Господа Бога... яко самъ себе».* — Лк. 10, 27.

[28] *«Глаголяй пребывати въ Бозѣ... самъ тако ходити».* — 1 Иоан. 2, 6.

[29] *«Яко законъ Моисеомъ... Исусъ Христомъ бысть».* — Иоан. 1, 17.

[30] *«Аще бы 1 законъ... искалося мѣсто».* — Евр. 8, 7.

[31] *Стефанъ же 1 мученикъ... «Иже приасте законъ... не сохранисте».* — Деян. 7, 53. Стефан — апостол и первомученик, один из 7 дьяконов, поставленных апостолами. Рассказ о нем в Деяниях апостолов — одной из книг Нового Завета, повествующей о проповедании христианства учениками Христа после его смерти — изображает Стефана мудрым, исполненным веры, совершающим чудеса и знамения. Не будучи в силах противостоять в споре мудрости Стефану, противники оклеветали его перед синедрионом в хуле на Бога и Моисея. После обличительной речи он был побит камнями (см. Деян. 6, 8—15 и 7, 53—60). Православная церковь чтит память первомученика 4 янв. и 27 дек.

[32] *«И Моисей убо есть вѣренъ... Домъ его мы есмы».* — Евр. 3, 5—6.

[33] *«Яко аще обрѣзаетеся, Христос вамъ ни в кую ползу есть».* — Гал. 5, 2.

[34] *Ино сего ради... вселися в ны.* — Ср. Иоан. 1, 14.

[35] *«Грядетъ убо... не имать ничесоже».* — Иоан. 14, 30.

[36] *«Еже повинни быхомъ... всѣм под грѣхомъ быти».* — Рим. 3, 9.

[37] *«У Бога нѣсть разньствия лицу».* — Рим. 2, 11.

[38] *«Нѣсть разньствия у Бога... токмо дѣлы благими».* — Ср. Кол. 3, 11; Гал. 3, 28.

[39] *«И дѣлающимъ мужемъ... вѣра его въ правду».* — Рим. 4, 4—5; ср. Гал. 2, 16.

[40] *«Праведный вѣрою живъ будет... невидимаго бо, яко видя, терпяше».* — Евр. 10, 38—39; 11, 1—4, 8, 11, 24—27. Авель, Каин, Авраам, Сарра, Моисей — персонажи Ветхого Завета, получившие чудесные знамения от Бога благодаря искренней вере в него.

[41] *«Кая полза, братия моя... не от вѣры единоя?»* — Иак. 2, 14—24 (см. Быт. 15, 6).

[42] *Аще бы Авель жертвы не содѣлалъ... друг Божий наречеся.* — Ср. Евр. 11, 4—18.

[43] *«Идѣже умножися грѣх... ходити начнемъ».* — Рим. 5, 20—21; 6, 1—4.

[44] *«Начала никто можетъ положити паче лежащаго, иже есть Христос»...* — 1 Кор. 3, 11.

[45] *«Возмагай о благодати... и иныхъ научити».* — 2 Тим. 2, 1—2.

[46] *«Богу бо есмы поспѣшницы... иже есть Христос».* — 1 Кор. 3, 9—11.

[47] *«Благодать имамъ... любовию еже о Христѣ Исусѣ».* — 1 Тим. 1, 12—14.

[48] *«Аще кто служитъ мнѣ, и мнѣ да послѣдствуетъ».* — Иоан. 12, 26.

[49] *«Не всякъ, глаголяй ми, Господи... иже есть на небесѣх».* — Мф. 7, 21.

[50] *«Аще не преизбудетъ... во Царствие Небесное».* — Мф. 5, 20.

[51] *«Се агнецъ Божий, вземляй грѣхи всего мира»...* — Иоан. 1, 29.

[52] *«Много глаголах вам... земная мудрствующе».* — Фил. 3, 18—19.

[53] *...Навходоносору царю...* — Навуходоносор — вавилонский царь (604—561 гг. до н. э.). Прославился своими многочисленными победами, а также укреплением Вавилона, превращением его в новую столицу, застроенную великолепными зданиями, окруженную городской стеной. Книга пророка Даниила повествует о множестве чудес, совершившихся во времена правления Навуходоносора, наиболее известное из них — чудо о спасении трех отроков из огненной печи (Дан. 3, 12—97).

[54] *«Есть Богъ силенъ на небеси... не покланяемся».* — Дан. 3, 17—18.

[55] *...препрѣти молчаниемъ, яко и Христосъ Пилата и архиереи...* — Ср. Мф. 27, 14.

[56] *«Се убо да премудствуется в вас... яко человекъ».* — Фил. 2, 5—7.

[57] *«Яко всяк младенецъ... Богови наречется».* — Лк. 2, 23 (см. Исход. 13, 2).

[58] *...еже всегда проповѣдати о нас...* — Ср. Рим. 8, 34.

[59] *«Сила бо Христова в немощи совершается».* — Ср. 2 Кор. 12, 9.

[60] *«Аз насадих, Аполос напои... ни напаяй, но возращаяй».* — 1 Кор. 3, 6—7.

[61] *«Нѣсть ученик над учителем... яко и учитель его».* — Лк. 6, 40.

[62] *«Комуждо дается явление Духа на ползу... Еда вси языки глаголют?»* — 1 Кор. 12, 7—30.

[63] *«Аще кто не оставит... нѣсть мене достоинъ».* — Ср. Мф. 10, 37—38; Лк. 14, 26—27.

[64] *И здѣ яко пришельцы... будущаго повсегда желающе...* — Ср. Евр. 11, 13; 13, 14.

[65] *...ересью Ариевою...* — Арий (ум. в 336 г.) — священник из г. Александрии, основатель арианства. В 318 г. выступил против учения о единосущности Бога-Отца и Бога-Сына, утверждая, что Христос подчинен Богу-Отцу, так как им создан. Арианство осуждено как ересь в 325 г. на Никейском вселенском соборе.

[66] *«Въ начале бѣ Слово... еже бысть».* — Иоан. 1, 1—3.

[67] *«Глаголы, яже аз глаголю вам... явлюся ему сам».* — Иоан. 14, 10—11, 13, 21.

[68] *«Отецъ любитъ Сына... чтут Отца, пославшаго его».* — Ср. Иоан. 5, 20—23.

[69] *«Егда приидет утѣшитель... свидѣтельствуетъ о мнѣ».* — Иоан. 15, 26.

[70] *«Егда приидетъ онъ... и возвѣстит вам».* — Иоан. 16, 13—15.

[71] *«Сего ради мя Отецъ любит... от Отца моего».* — Иоан. 10, 17—18.

[72] *«Не восхищением непщева... зракъ раба приимъ»...* — Ср. Фил. 2, 6—7.

[73] *«Отче, хвалу тебѣ воздаю... яко ты посла».* — Иоан. 11, 41—42.

[74] *«Аще кто любитъ мя... обитель у него сотворивѣ».* — Иоан. 14, 23.

[75] *«Отче, прослави Сына своего... прославит тя».* — Иоан. 17, 1.

[76] *...суботствовати по-жидовски...* — Т. е. чтить субботу. По иудейскому обычаю, в субботу — 7-й день недели — необходимо оставить всякий труд и посвятить себя покою и служению Богу. Празднование субботы посвящено сотворению мира и счастливому исходу иудеев из Египта. Богослужение в субботу отличается принесением большей жертвы.

[77] *...пишешь по главамъ во Апостоле и во Евангелии, ино наши... главы с вашими главами не сходятся...* — В истории текста Библии существовало две традиции деления на главы четьих типов новозаветных книг — Евангелия и Апостола. Если в Западной Европе традиция деления Библии на главы, сходного с современным, была распространена уже в XIII в., то на Русь она попала впервые с текстом Геннадиевской библии (1499 г.), но распространение получила лишь после издания Острожской библии (1581 г.). До этого времени на Руси придерживались старого византийского деления Апостола на так называемые «евфалиевы» и Евангелия на «аммониевы» главы (см.: *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Библия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 68—83). Сам Иван Грозный, ссылаясь в послании к Роките на определенные места из Евангелия, указывает нумерацию глав по «аммониеву» делению.

[78] *«Что зовете мя, Господи... яже глаголю».* — Лк. 6, 46.

[79] *...посредѣ пшеницы плевелы сѣешь...* — Грозный сравнивает Ивана Рокиту с врагом рода человеческого, перефразируя евангельскую притчу о плевелах, насажденных среди доброй пшеницы (см. Мф. 13, 24—43).

[80] *«Вы отца вашего диявола есте... отецъ его есть».* — Ср. Иоан. 8, 44.

[81] *«Царствия Божия не наслѣдятъ... ни хищницы»...* — 1 Кор. 6, 9—10.

[82] *«Чюжду же бо... явлениемъ Исус Христовымъ».* — Гал. 1, 6—12.

[83] *«Основания бо иного... день бо явит имъ».* — 1 Кор. 3, 11—13.

[84] *«Шедше научите вся языки... елика заповѣдах вамъ».* — Мф. 28, 19—20.

[85] *«Суть и ина многа сотвори Исусъ... писаных книг».* —Иоан. 21, 25.

[86] *«Послушаяй васъ, мене слушает... мене отметается».* — Лк. 10, 16.

[87] *«Чадо Тите, сего ради оставих... по всѣх градех попы».* — Тит. 1, 5.

[88] *«И яко... возлюбленный брат наш Павелъ... к своей погибели имъ».* — Ср. 2 Петр. 3, 15—16.

[89] *«Яже и аггела не послушати, паче, еже и приясте».* — Ср. Гал. 1, 8.

[90] *«Аще во языцѣхъ бози мнози... бѣсомъ вѣруют и жрут».* — Ср. 1 Кор. 8, 5—6; Еф. 4, 5—6; 1 Кор. 10, 20.

[91] *«Всяк бо, аще призоветъ имя Господне... не послани будутъ?»* — Рим. 10, 13—15.

[92] *...Господь нашъ Исусъ Христосъ... побѣди... искусителя.* — Рассказ о 40-дневном пощении Иисуса Христа в пустыне и о различных искушениях его Сатаной см. Мф. 4, 1—11; Мр. 1, 12—13; Лк. 4, 1—13.

[93] *...сам Господь ученикомъ своимъ рече... «Сей род ничимъ изыти может, токмо молитвою и постом».* — Мф. 17, 1—8, 14—22; Мр. 9, 2—8, 16—30; Лк. 9, 28—36.

[94] *...40-ной постъ постимся... къ его божественней страсти и воскресению.* — Т. е. Великий пост — пост святой четыредесятницы, продолжающийся 40 дней перед Пасхой.

[95] *Постъ... святыхъ апостолъ...* — Петров пост, перед днем памяти св. апостолов Петра и Павла 12 июля (29 июня); начало его зависит от празднования Пасхи, поэтому продолжительность бывает разной: от 6 недель до 8 дней.

[96] *Постъ... Пресвятыя Богородица...* — Успенский пост, перед днем Успения Пресвятой Богородицы, продолжается с 14 (1) до 28 (15) августа.

[97] *Пост... пред Рождествомъ Христовымъ...* — Рождественский (или Филиппов) пост продолжается с 28 (15) ноября до 7 января (25 декабря).

[98] *Постъ вселѣтный... в пятокъ же распят.* — Пост в среду и в пятницу установлен со времен апостолов в память о предании Иисуса Христа на страдания и смерть (среда) и о самих страданиях и смерти Господа (пятница).

[99] *«Аз убо тако теку... порабощу е».* — Ср. 1 Кор. 9, 26—27.

[100] *«Горе вамъ, книжницы и фарисеи... комары, велбуды пожирающе».* — Мф. 23, 23—24.

[101] *«Не опивайтеся вина, в нем бо есть блуд и иная злая».* — Ср. Еф. 5, 18.

[102] *О Ионинѣ постѣ и Аггеевѣ, яко о Ниневии, и прочии...* — Во времена опасности или общественных бедствий у иудеев был обычай и считалось религиозной обязанностью налагать на себя пост, т. е. воздерживаться от пищи, молиться и приносить жертвы. О двух таких постах упоминает Иван Грозный — о посте, проповеданном пророком Ионой жителям Ниневии — столицы Ассирийского царства (Иона. 3, 3—

5), и о посте, проповеданном иудеям пророком Аггеем при строительстве храма Господня во времена правления Зоровавеля (Агг. 1—2).

[103] *Тако и Ахавъ Езавели ради Науфею постъ заповѣда, и в томъ постѣ уби его.* — Ахав, 8-й царь Израильский (925—903 гг. до н. э.), однажды решил взять в свое владение виноградник соседа Навуфея. Однако тот отказал ему. Тогда нечестивая жена Ахава Иезавель повелела старейшинам от имени мужа объявить в городе пост и по обычаю посадить Навуфея на первое место в народе, а напротив его посадить двух клеветников. Оклеветанный ими Навуфей был выведен за город и до смерти забит камнями, Ахав же таким образом завладел его виноградником (3 Цар. 21).

[104] *«Егда убиваше их... ни увѣришася въ завѣте его».* — Пс. 77, 34—37.

[105] *...апостолъ Павелъ писал къТимофѣю... о послѣднихъ прелестницехъ...* — Ср. 1 Тим. 1, 6—7; 2 Тим. 4, 3—4.

[106] *«...весте в сѣти диаволи... в того волю»...* — 2 Тим. 2, 26.

[107] *«Яко прелазя преграду, той тать есть и разбойникъ».* — Иоан. 10, 1.

[108] *«Изыдоша от нас... пребыша убо были с нами».* — 1 Иоан. 2, 19.

[109] *«Не пребываяй во учении Христовѣ... есть Антихристовъ».* — Ср. 1 Иоан. 4, 3; 2 Иоан, 9.

[110] *«Отметаяйся апостолъ, Христа отметается».* — Ср. Лк. 10, 16.

[111] *«Иже Господу Богу поклонишися и тому единому послужиши».* — Мф. 4, 10.

[112] *«Аз убо прияхъ от Господа... смерть Господню возвѣщаете».* — 1 Кор. 11, 23—26.

[113] *«И приемъ хлѣбъ, хвалу воздавъ... еже за вы проливается».* — Лк. 22, 19—20.

[114] *«Се есть кровь моя Новаго Завѣта... во оставление грѣховъ».* — Мф. 26, 28; Мр. 14, 24.

[115] *«Вся кровию очищаются по закону... тѣла Исусъ Христова единова».* — Евр. 9, 22; 10, 3, 9—11.

[116] *«Волею бо согрѣшающимъ намъ... глаголеть Господь».* — Евр. 10, 26—30.

[117] ...в *Бытийскаx книгах...* — Бытие — одна из пяти книг Ветхого Завета, написанных пророком Моисеем. Бытие состоит из 50 глав и повествует о сотворении мира и человека, о грехопадении Адама и

искуплении греха, содержит в себе историю патриархов от Адама до Иосифа. Далее Иван Грозный кратко пересказывает основной сюжет Бытия о сотворении мира и грехопадении Адама.

[118] *«Святии еси иже вѣрою и побѣдиша царствия... совершени будутъ».* — Ср. Евр. 11, 33, 39—40.

[119] *«Посла Богъ Сына своего... да всыновление приимемъ».* — Гал. 4, 4—5.

[120] *«Имуще убо, о братие, дерзъновение... на дому Божии».* —Евр. 10, 19—21.

[121] *«Внезапу бысть со аггеломъ... во человецѣхъ благоволение».* — Лк. 2, 13—14.

[122] *«Слава, и честь, и миръ всякому дѣлающему благое... человека, творящаго злое».* — Рим. 2, 10, 8—9.

[123] *«Приидѣте, возрадуемся Господеви... человек быв человеколюбия ради».* — Из службы на Рождество Христово.

[124] *«Животворящему твоему кресту бес престани кланяющеся... яко единъ благъ и человеколюбецъ».* — См. Октоих, стихиры воскресны, глас 4.

[125] *Онагръ* — дикий осел; это животное упоминается в Библии (см. Быт. 16, 12; Иов. 39, 5 и др.).

[126] *...«яко аспидъ глухий... истинне нынѣ обавающаго тя».* — Пс. 57, 5—6.

[127] *«Основания никто может положити... иже есть Христос».* — 1 Кор. 3, 11.

[128] *«Яко позна Господа, и заповѣди его не соблюдаетъ... тма ослѣпи очи его».* — Ср. 1 Иоан. 2, 4, 11.

[129] *«Не посла Богъ Сына своего въ миръ... дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта».* — Иоан. 3, 17—20.

[130] *...прочти во «Царствиих» Льва Исавра иконоборца... Констянтина Гноитезнаго, и Льва Арменина, и Феофила Богомерскаго...* — Ссылаясь на известия Хронографа (см. *ПСРЛ.* Т. 22. Ч. I. С. 316—319, 332—333, 338), Иван Грозный называет имена византийских императоров, наиболее значимых деятелей иконоборчества — движения против почитания икон в Византии в первой пол. VIII—сер. IX в.: Лев III Исаврийский (717—741) в 726—728 гг. первым выступил против иконопочитания, приказав снимать и закрашивать иконы. Константин V Копроним (Гноитезный, 741—775) — сын предыдущего. В 754 г. созвал церковный собор, поддержавший иконоборцев. Постановления этого собора, на котором не присутствовало ни одного представителя

патриарших кафедр, были отвергнуты в 787 г. VII Вселенским собором в Никее, предавшим иконоборцев анафеме и возобновившим иконопочитание. Лев V Армянин (813—820) в 815 г. созвал собор, восстановивший определения собора 754 г., вследствие чего движение иконоборцев возобновилось при нем после длительного перерыва. Феофил Богомерзкий (828—842) также активно преследовал поклонение иконам, так что окончательно иконопочитание было установлено лишь после его смерти, когда в 842 г. состоялся собор, окончательно утвердивший все определения Никейского собора. Имена этих византийских императоров упоминаются Иваном Грозным и в Первом послании Андрею Курбскому, где Грозный сравнивает с императорами-иконоборцами современных «врагов христианства» — польско-литовских правителей и военачальников, неоднократно обвиняемых русскими источниками того времени в разграблении и разорении православных церквей.

[131] *«Яко аще обрѣзаетеся... от благодати отпадаете».* — Гал. 5, 2—4.

[132] *«Не сотвориши себѣ подобия... на земли низу»...* — Одна из 10 заповедей Моисея (ср. Исход. 20, 4; Вт. 5, 8).

[133] *...во Исходе Моисеове... «Сии есть бози твои, изведшии тя из Египта, Израилю».* — Исход — вторая книга Ветхого Завета, входящая в Пятикнижие Моисеево, состоит из 40 глав и повествует о чудесном исходе евреев из Египта под предводительством Моисея и о законе, данном народу на горе Синай; продолжает историю народа, избранного Богом, от Иосифа до построения скинии. Сюжет о создании богательца см. Исход. 32, 1—4.

[134] *...к Валаку царю Маавску... о Хамосе плакашеся...* — Моав — страна, находившаяся на востоке от Мертвого моря, по обеим сторонам реки Арнон. Моавитяне были привержены идолопоклонству, приносили жертвы различным богам. Дни правления моавитского царя Валака приходятся на время, когда путь евреев из Египта в Землю обетованную лежал через моавскую землю (Чис. 22, 1—10). Моавитяне, испуганные численностью иудеев, не встретили их хлебом и водой, а попытались навредить им, в частности искушая их развратными действиями дочерей Моава и приобщая их к идолослужению. За это Моавская земля была проклята Богом и осуждена на вечное неприобщение к Господу (Вт. 23, 3—6). *Ваал Фегор* (Пс. 105, 28) — название Моавитской горы и языческого божества. Служение и празднества этому божеству сопровождались развратом, женщины и девицы приносили в жертву свою честь и целомудрие (Ос. 9, 10). *Астарта* — главное женское божество у финикиян и сирийцев, подобное Ваалу — главному мужскому божеству во многих языческих землях. Идолослужение Астарте велось с древнейших времен и было распространено настолько, что царь Соломон ввел поклонение Астарте в самом Иерусалиме (3 Цар. 11, 33). В Писании имя Астарта чаще всего упоминается вместе с Ваалом. Писание также называет Астарту Сидонской мерзостью, так как поклонение ей сопровождалось оргиями и развратом. *Хамос* (огонь, пламя) — Моавитский идол, называемый также Моавитской мерзостью (Чис. 21, 29). Есть мнение, что Хамос олицетворял собой планету Марс.

[135] *«Искусиша и прогнѣваша Бога вышняго... во истуканных своих раздражиша».* — Пс. 77, 56—58.

[136] *«Смесишася во языцех... пожроша истуканным ханаанскимъ».* — Пс. 105, 35—38. Первоначально жители земли Ханаанской, сыны Ханаана, потомки Хама до прихода в эту землю израильтян были известны как ревнивые последователи языческих обрядов. Поэтому Моисею были даны Богом строгие законы, согласно которым не допускалось никакое терпение по отношению к хананеям, не разрешались никакие союзы и особенно браки с хананеянками (Исход. 23, 23—33). Однако израильтяне не выполнили волю Божью: хананеи не были истреблены, с ними заключались браки, сами израильтяне стали поклоняться языческим богам. В наказание за это на них обрушивались величайшие бедствия. Противостояние израильтян и хананеев продолжалось очень долго, и лишь во времена Ездры было осуждено языческое идолопоклонство, расторгнуты все браки с язычниками и все иудеи поклялись исполнять заповеди Бога (1 Езд. 9; 10; 2 Езд. 8, 65—92; 9).

[137] *Якоже Соломон жены ради поклонился идоломъ и отступи от Бога жива...* — Соломон, царь Иудейский, 10-й сын Давида, вступив на престол, женился на дочери египетского царя Фараона и, хотя поклонялся единому Богу своего отца, счел необходимым на время разрешить идольские богослужения и жертвоприношения (3 Цар. 3, 2—3). Впоследствии, уже в старости, набрав себе в гарем множество наложниц из языческих стран, в угоду им построил капище Хамосу и Молоху и стал служить им и поклоняться Астарте и другим языческим божествам (3 Цар. 11, 1—13).

[138] *...Ероавамль в Самории... до разорения Самарии.* — Иеровоам — царь Израильский (975—954 гг. до н. э.). Его резиденцией был город Сихем на западе Самарии — центральной области земли Ханаанской. Уже в начале своего царствования Иеровоам поставил в городах Дане и Вефиле, находящихся на противоположных концах царства, двух золотых тельцов с целью лишить народ Самарии потребности ходить для совершения жертвоприношений в Иерусалим — столицу враждебного царства (3 Цар. 12, 25—28). И установил праздник, подобный празднику в Иудее, во время которого народ совершал жертвоприношения своим тельцам. Этот обычай поддерживался и последующими правителями вплоть до разорения Самарии во время правления царя Осии (4 Цар. 17, 1-6).

[139] *...Христову бо икону равно Аполонову идолу судил еси, Богородичну икону равно Диеву судил еси, и прочих святых...* — Аполлон, Дий (Зевс) — античные божества. Этот фрагмент послания Грозного — цитата из Послания Иоанна Дамаскина к Константину Копрониму о святых и честных иконах, памятника, традиционно использующегося в полемике с иконоборцами и вошедшего впоследствии в изданный Печатным Двором «Сборник о почитании икон» (ср. «Коему убо идолу кланяюся, рцы ми. Аполону ли, паче же погибшему, или образу Господа нашего Исуса Христа... Артемидину ли или образу Пресвятыя чистыя владычицы нашея Богородицы и присно

Девы Марии, матере Господа нашего Исуса Христа ...Дию ли или образу святаго Иоанна Предтечи и Крестителя? Киимъ идоломъ поклоняюся, Диеву ли или святыхъ апостолъ и мученикъ воображениемъ и всѣхъ святыхъ иже от вѣка угодившихъ Господеви?...» — Цит. по изд.: «Сборник о почитании икон». М., 1642. Л. 92—92 об.).

[140] *«И да ям мяса юньча... молитвы твоя».* — Пс. 49, 13—14.

[141] *Ни бо шаровомъ и дщицамъ...* — В тексте «и птицамъ», испр. по смыслу. В этом месте ни один из известных в настоящее время списков не дает однозначного верного чтения. Исправление, близкое к нашему, «ни дцкамъ», помещено без объяснений в издании А. И. Попова. Данное исправление дается нами на основании того, что эта фраза явно восходит к общему месту нескольких слов Иоанна Дамаскина, направленных против иконоборцев, вошедших позднее в «Сборник о почитании икон» (ср., например: «Святые образы на иконах пишем, не доску почитающе, ни шаровное украшение... но вид воображения тела Господня...» (л. 125—125 об.); «Поклоняемся же святым иконам... не шары и доски... чтуще...» (л. 129 об.); «Сице и аз не дску почитаю, ниже стену, ниже мшель шаровный, но воображение тела и смотрение Господне...» (л. 95 об.—96). Цит. по изд.: «Сборник о почитании икон». М., 1642).

[142] *А иже от Моисеова закона глаголеши... тогда покрывала отлагаху.* — Подробное описание скинии — места для служения Богу, созданного Моисеем по завету Бога, см. Исход. 25—27; Евр. 9, 1—10.

[143] *...Авгарь едеский князь на убрусе приат Господне воображение... и до разорения Греческаго царства.* — Легенда о Нерукотворном образе Иисуса Христа является традиционным аргументом в защиту иконопочитания. Различные варианты текста известны по многочисленным памятникам, текст читается в Хронике Амартола, Русском Хронографе, сочинениях Иоанна Дамаскина, ВМЧ (16 авг.) и др. По набору фактических данных, описанных в послании Иваном Грозным, трудно определить, каким именно источником он пользовался. Наиболее полный текст легенды см. в изд.: Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 2. С. 11—13.

[144] *Како и кровоточивая она... злочестиваго царя Улияна.* — Легенда о кровоточивой жене Веронике, исцеленной Христом, также известна по нескольким памятникам: апокрифическое Евангелие Никодима, Хроника Иоанна Малалы, Летописец Еллинский и Римский, Русский Хронограф, ВМЧ (16 авг.). Краткий пересказ легенды находится на л. 154—154 об. в «Сборнике о почитании икон» (см.: *Творогов О. В.* Легенда о кровоточивой жене Веронике // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 6—7).

[145] *Что о Лидской церкве... Что и Енея онъ... Како и божественный Лука Богоматери образъ написа... Что убо реку ти о оной иконѣ Богоматере, юже божественный онъ Германъ патриярхъ... преписа, и како... чрез море до Рима шествова?* — Все эти сюжеты восходят к

Сказанию о чудесах иконы Богородицы Римляныни. Текст памятника с XIV в. был довольно широко известен в Древней Руси, и, в частности, потому, что читался по Уставу в понедельник 2-й недели Великого поста. Сказание входило в состав рукописных сборников как устойчивого (Торжественник), так и неустойчивого состава. В 1642 г. оно также было включено в «Сборник о почитании икон» (л. 232—283). Очевидно знакомство Ивана Грозного с памятником. Свидетельством этому может служить и тот факт, что один из Торжественников конца XV—начала XVI в., содержащий текст сказания, был вложен им в Соловецкий монастырь *(РНБ,* Солов. собр., 1051/1160). Изд. см.: *Kulakowski S.* Legenda o obrazie Matki Boskiej Rzymskiej w literaturze staroruskiej // Prace Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Wydzial 1 (1926). Warszawa, 1926. S. 47—75.

[146] *...«постигънет убо мя повѣствующа лѣто»...* — Евр. 11, 32.

[147] *Не первый бо ли Серух идолы поча творити?* — Один из ветхозаветных послепотопных патриархов. Начал возводить идолы в память о славных мужах древности. Потомки же, не поняв его замысла, стали поклоняться им как истуканам (см. *ПСРЛ.* Т. 22. Ч. 1. С. 31).

[148] *«Чадца, хранитеся от требъ идолских!»* — 1 Иоан. 5, 21.

[149] *...«что телеса наша — церкви Богови, в нихже Духъ Божий живет».* — Ср. 1 Кор. 6, 19.

[150] *А иже о Петрѣ и о Корнилии... сия смирения ради.* — Апостол Петр, придя в Кесарию, поднял кланявшегося ему Корнилия со словами: «Я тоже человек» (Деян. 10, 25—26); ангел Господень запретил Иоанну поклоняться ему, повелевая поклоняться Богу (Апок. 22, 8—9).

[151] *...самъ Господь нашъ... «Никому повѣдати видѣния... из мертвых воскреснетъ».* — См. Мф. 17, 1—9.

[152] *...трикратнемъ вопрошении Господнемъ... иже «Паси овца моя»?* — Иоан. 21, 15—17.

[153] *«И дамъ ти ключь... разрѣшена суть на небесѣхъ».* — Мф. 16, 19.

[154] *...Илья затвори небо... глаголомъ устъ пророчих.* — См. 3 Цар. 18, 1—41.

[155] *А писалъ еси о Павле и Варнаве... како подобаетъ святыхъ почитати.* — Апостол Павел и его спутник Варнава запретили жителям Листры и жрецам, посчитавшим их равными античным богам, приносить им жертву и служить им как языческим богам (Деян. 14, 11—18).

[156] *«Видѣв же Господь народ многъ... не имущи пастыря».* — Мр. 6, 34.

[157] *Тогда глагола ученикомъ своимъ... недугъ и всяку болѣзнь.* — Ср. Лк. 10, 2—9.

[158] *...о святемъ епискупе о Епифанѣ Кипрьскомъ...* — Епифаний Кипрский (367—403) — епископ Саламинский на острове Кипр, активный защитник христианства в борьбе с различными ересями. Иван Грозный пересказывает сюжет из Жития Епифания Кипрского (см. Пролог, 12 мая).

[159] *«Судъ вашь не укоснит, и огнь не угаснетъ».* — 2 Петр. 2, 3.

[160] *...«Аще кто вѣрует въ Господа... намъ такоже ходити».* — Ср. 1 Иоан. 2, 6.

[161] *...Филиппъ от 7 дияконъ... со апостолы проповѣдаху.* — Филипп — один из 7 дьяконов Иерусалимской церкви (Деян. 6, 5); имел 4 дочерей, обладавших даром пророчества (Деян. 21, 8—9).

[162] *«Лутче бы имъ не познати пути правды... в кале тимѣния».* — 2 Петр. 2, 21—22.

[163] *«Сего ради человекъ оставит отца... да не разлучаетъ».* — Мф. 19, 5—6.

[164] *«Аще пустит жену свою... прелюбы дѣет».* — Мф. 19, 9.

[165] *«Глаголаша ему ученицы его... Могий вмѣстити, да вмѣстит».* — Мф. 19, 10—12.

[166] *«Нынѣ убо ближайшая намъ спасения... не творите в похоть».* — Рим. 13, 11—14.

[167] *«О них писасте ми, добро человеку женѣ не прикасатися... Мню бо, и аз Духъ Божий имый».* — 1 Кор. 7, 1—12, 25—28, 32—40.

[168] *«Вѣсть Господь благочестивыя от напасти избавляти... сами раби суще тлѣнию».* — 2 Петр. 2, 9—19.

[169] *«Иже любитъ отца или матерь паче мене... нѣсть мене достоинъ».* — Мф. 10, 37—38.

[170] *«Аще кто хощетъ по мнѣ итти... и по мнѣ грядет».* — Мр. 8, 34.

[171] *«Аще кто грядетъ ко мнѣ... не можетъ быти мой ученикъ».* — Лк. 14, 26—27.

[172] *«Тако убо всяк от васъ... не может быти мой ученикъ».*—Лк. 14, 33.

[173] *«Елицы крестихомся во Христа Исуса... но под благодатию».* — Рим. 6, 3—14.

[174] *«Вся ми лѣть суть... в дусѣ вашемъ, яко суть Божия».* — 1 Кор. 6, 12—20.

[175] *«И мнѣ да не будетъ похвалитися... на тѣле моемъ ношу».* — Гал. 6, 14—17.

ПЕРЕВОД

В 7090 (1582)-м году во дни благочестивого царя и государя всея Руси и великого князя Ивана Васильевича приходил из Рима от папы посланник по имени Антон и говорил государю от <лица> папы, что российский народ, христиане, не в вере живут, не по проповеди евангельской и не по учению апостольскому, и просил у государя <созвать> собор, поговорить о вере и поучить. Ответ же государев: «О том нам от святых апостолов и святых отцов заповедано, что восьмому собору не бывать до пришествия Господня, когда явится он в славе своей и воскресит всех <бывших> от века, и тогда откроются помыслы сердечные, и станут явными вера и дела всех людей, — что каждый содеял; а каково твое учение — ты подай нам <о том> письмо, и мы об этом поразмыслим и велим папе ответить».

Ответ государев

Не хотел я было тебе отвечать, как и прежде сказал тебе, поскольку ты расспрашиваешь ради расспросов, а не веры ради, ведь научаемы мы Господом нашим Иисусом Христом: «Не давайте святыни псам, не мечите бисера вашего перед свиньями», то есть не давайте святого слова псам неверным и не верующим в Святое Писание; <не подобает> божественных слов перед ними произносить и божественных догматов исповедывать перед ними, ибо недостойны они слышать божественного слова. Имеют жизнь, подобную псам, и своим лаем и злобою духовную сущность человека поедают и растерзывают, как свиньи в грязи тины валяются и в мерзости пребывают. И потому не подобает бисерного слова перед ними рассыпать, чтобы не только слова не попрали, но и самого учащего не растерзали. И настолько в бесчестии они погрязли, что если до поучения что творили, то после поучения еще пуще то же самое творят. И становится слово спасения причиной погибели. И еще тот же божественный апостол Павел в Послании к Титу говорит: «Еретика после первого и второго наставления отвращайся, зная, что он развратился и грешит, таковой сам себя осудил». И потому хотел я было промолчать. И из-за многих дел царского правления теперь нелегко мне в таких беседах от Божественного Писания указать истину, поскольку «не достанет мне времени для повествования». Потому коротко скажу, чтобы не возомнил ты, будто я не ведаю, какой яд ты излиял, или возомнится вам, будто я не знаю, что ответить, и не могу вашим словам своего противопоставить, и не знаю Писания, или вашей тьме соблазна повиновался и впал в уныние, или в сладость ваше учение принял, или будто нет среди истинных христиан тех, кто ведал

бы истину о тайне христианской. Из-за этого вашего сомнения вкратце скажу вам.

Первое мое слово

О вашем учителе Лютере: как он в жизни своей имя, ему приличествующее, получил. Воистину же зовется Лютером, потому что лют. Ибо люто, люто о краеугольный камень, Христа, биться, и его божественные законы разрушать, и божественных его учеников и апостолов проповеди сокрушать, и установления святых отцов переиначивать. И, по-разному изощряясь, все Божественное Писание ложно исповедуете. Как Сатанаил свержен был с небес и вместо светлого ангела тьмой и прелестью стал называться, а ангелы его бесами именоваться, — так и вы. Как родоначальнику бесов имя Сатана, так и первому из вас имя Лютер, как ангелы его именуются бесами, так и вы — кознодеи. Как говорит избранный сосуд апостол Павел: «Не удивительно ведь: как сам Сатана принимает образ светлого ангела, так и служители его <принимают вид> служителей правды». Как сказал учитель наш Иисус Христос: «Остерегайтесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьих одеждах, будучи внутри волками хищными. По плодам их познаете их», то есть по учению их — кто от Бога есть, и какое учение ложно (а не так, как будет сказано учителем, имеющим одежды смирения, внутри же дышащим злобою учения нечестивых грешников). И как сказано в Евангелии от Иоанна: «Кто не дверьми входит во двор овчий, но влезает другим путем, тот вор и разбойник. А входящий дверьми есть пастырь овцам. Ему привратник отворяет, и овцы слушаются голоса его». Так же и вы, через ограду божественного учения перелезши и на учительском месте став, своим учением Христовых словесных овец, которых он своею честною кровью искупил, как воры крадете и губите, ибо дверьми не входили ни по чьему повелению. Как и привратник Христос говорит верховному апостолу Петру: «Паси овец моих». И это трижды провозгласил он из-за троекратного отвержения, показав всем начало покаяния, спасение через которое вы отвергли. И еще в другом месте говорит <Христос> верховному апостолу Петру: «И дам тебе ключи Царства Небесного. И что свяжешь на земле, то связано будет на небесах. И что разрешишь на земле, то разрешено на небесах будет». И после того божественный апостол Петр принял власть от владыки всех Христа, и так передал своим ученикам, и епископов по городам поставил, то есть посещающих, что вплоть до нас дошло. И они дверьми вошли, и привратник Христос отворил им двери, и пасли овец Христовых каждый по силе своей. Вы же, от своеволия взявшиеся, на учительство посягнули, а дверьми не вошли, и потому ворами и разбойниками называетесь. На том и <остановимся>.

Второе мое слово

Ты именуешься христианином. Нас же Громов сын научил: «Если кто не исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедшего, и этого учения не несет, не приветствуйте его. Ибо приветствующий его приобщается ко злым делам его». И по этому писанию ты не христианин, ибо Христово учение искажаешь, а учение святых апостолов и святых отцов отвергаешь.

Третье мое слово

Да писал ты так, будто учишь, что следует каждому христианину истинную веру иметь ко всем писаниям святым, ко всему, чему пророки и евангелисты и апостолы научили и в писаниях оставили, в чудесах великих запечатлели. А сами вы чему учите, то и разрушаете, поскольку все правила святых отцов исказили и отвергли. Господь наш Иисус Христос в Евангелии говорит: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я заповедал вам. И вот я с вами во все дни до скончания века. Аминь». Смотри же, как обещается: «и до скончания века». Где теперь апостолы? Не по божественному ли его слову — где труп божественного его воплощения с Отцом сидит, туда же и божественные орлы апостолы собрались. Или теперь Христа нет с верными? Не бывать тому, но ради этого послал <апостолов> и сказал «до скончания века», а не сказал «до скончания вашего <века>«. Они же, как добрые делатели, благодати Владычней послужив, на небеса взошли, радуясь. Господь наш Иисус Христос, исполнив тайну своего промысла, послав божественных учеников и апостолов на проповедь, и при них, и после них, и доныне пребывает с верными — и до скончания века, до второго его пришествия, когда придет <он> судить живых и мертвых. По истинному обещанию пребудет он с верными, ибо при божественной своей страсти исполняет тайну промысла своего вочеловечения, моля Отца своего об учениках и обо всем мире, и говорит: «Как ты послал меня в мир, так и я послал их в мир, и я за них посвящаю себя, чтобы и они были освящены воистину. Не о них только молю, но и о верующих в меня благодаря их словам. Да будут все едины. Как ты, Отче, во мне и я в тебе, так и они в нас едины будут, и да уверует мир, что ты меня послал». Видишь ли ты, каково величие святых отцов? И Господь наш Иисус Христос молился Отцу своему не только об одних учениках, но и обо всех, верующих в него благодаря их учению. Чтобы и те, через них, соединились с Отцом, и Сыном, и Святым Духом неразлучно — не существом, но верою и исполнением заповедей Христовых и наслаждением благами, сущими в Царствии Небесном. Это позволяет людям быть с Богом и в Боге пребывать, исполнением его заповедей, как Отец в Сыне и Сын в Отце. В Евангелии же от Марка говорит Господь: «Уверовавших же будут сопровождать такие знамения: именем моим будут изгонять бесов, заговорят на новых языках; смогут брать <в руки> змей и, если что смертоносное выпьют, не повредит им; на

больных возложат руки — и те будут здоровы». Всего этого во множестве найдешь, исполненного божественными отцами. Святой Василий Великий, бывший архиепископом в Кесарии, дал <возможность> богоносному Ефрему Сирину <написанную> на ассирийском языке молитву произносить по-эллински, иначе говоря, по-гречески. Много такого в Божественном Писании, если захочешь, много <подобного> найдешь. Если бы они не были истинными пастырями и не дверьми вошли паству Христову пасти, не совершили бы на деле тех евангельских чудес, которые Христос словом проповедовал. И как же вы учите сохранять веру во все писания святых <отцов>, сами же все Божественное Писание исказили и отвергли?

А что о чудесах написал ты, так избранный сосуд апостол Павел в первом своем Послании к коринфянам говорит: «Знамения не для верующих, но для неверующих, пророчество же не для неверующих, но для верующих». И если бы вы были верующими, вы бы веровали в Божественное Писание, а не чудесам дивились. Как в Евангелии от Иоанна сказано: сказал Иисус пришедшим к нему иудеям: «Вы ищете меня не потому, что видели знамения, а потому, что ели хлебы и насытились. Заботьтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизни вечной». Как сказал избранный сосуд апостол Павел в Послании к евреям: «Вы были умом как младенцы и для вас требовалось молоко, а не твердая пища. Всякий, питаемый молоком, не сведущ в слове, потому что он младенец». Так же и вы: чудеса воспринимаете, как молоко, а силы Писания не разумеете, как твердую пищу. И еще тот же Павел говорит в первом Послании к коринфянам: «Иудеи чудес просят, а эллины премудрости ищут. Мы же проповедуем Христа распятого. Для иудеев — соблазн, а для эллинов — безумие. Для самих же избранных, иудеев и эллинов, Христа, силу Божию и <Божию> премудрость». На том и <остановимся>.

Четвертое мое слово

А что написал ты о 10 заповедях из Второзакония Моисея, так то и божественными апостолами отвергнуто: только лишь две заповеди принимаются: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душей твоей, и всей крепостью твоей, и всем умом твоим, и всем разумением твоим, и ближнего своего как самого себя». И вы сами не совершаете <того>. Ведь говорит Иоанн Богослов: «Кто говорит, что пребывает в Боге, тот должен и сам поступать так, как поступал Иисус Христос, Сын Божий». Вы же все отвергли и <в угоду> своей невоздержанности жизнь устроили. А что до прочих слов, во Второзаконии сказанных, то если нужно их придерживаться, то нужно и обрезываться и всё в Законе Моисеевом соблюдать (и потому являетесь вы жидовствующими, <что> не подобает истинным христианам), <всё> это Христос таинством своего божественного

воплощения разрушил и Новый Завет как закон установил. И как сказал Иоанн Богослов: «Как закон через Моисея дан, так благодать и истина <произошли> через Иисуса Христа». Павел же в Послании к евреям говорит о Второзаконии: «Если бы первый закон был без недостатков, не было бы нужды искать места второму». Иначе сказать, хоть новая благодать христианская была и после <закона>, однако благодатью Христовой явлена истина, и потому первой называется. Стефан же первомученик, на исповеди стоя, сказал о Второзаконии в Деяниях апостольских: «<Вы>, которые приняли закон повелением ангелов и не сохранили». Павел же, избранный сосуд, в Послании к евреям говорит: «И Моисей верен во всем доме своем, как слуга, для засвидетельствования сказанного. Христос же — как сын в доме своем. Дом же его — мы». Потому не подобает истинным христианам евангельское учение оспаривать и на Второзаконии основываться (что есть отступление, чреватое бедой), и начинать с иудеями распинать Христа. Павел в Послании к галатам пишет об обрезании: «Если вы обрезываетесь, то не будет вам никакой пользы от Христа». Поэтому, приняв из Второзакония малое или большое слово, помимо евангельского учения, ты отступил от Христа. А что написал ты о вере, о молитве и о службе Божией (напутал о службе с крестом), и о вечери Христовой, и что написал ты главами от Матфея, то и нам проповеди апостольские и предания <святых> отцов ведомы и <известно>, как подобает их исполнять. А просили мы тебя, чтобы ты нам то поведал, как ты это исполняешь и как учишь. И ты нам этого не показал. На том и <остановимся>.

Пятое мое слово

Написал же ты и то, что из-за грехопадения Адамова все мы рождаемся облеченными в плоть и осуждены на смерть. И потому Бог Слово стал плотью и вселился в нас. Захотев помиловать заблудшего человека, сподобился Бог стать человеком, <родившись> от пречистой Девы Марии. Ибо царствовала смерть от Адама до Авраама, от Авраама до Моисея, а от Моисея до воплощения Христова. И не для согрешивших <только> это царство смертное, ведь и праведники до Христова воплощения на смерть осуждены были и шли в ад. После воплощения Христа смерть <больше> не имела такого дерзновения, потому что Бог наш Иисус Христос основал новый и простой путь и для работающих во благо и истинно верующих во спасение. Теперь смерть не имеет никакой власти, а все праведные, будто заснув, в Царство Вечное переходят. Не смогут их удержать и небесные духи, ибо они добродетелями сияют ярче солнца, и никак не смогут удержать их враждебные духи, поскольку не могут в праведниках ничего своего обрести. Как говорит Господь наш Иисус Христос в Евангелии от Иоанна: «Уже грядет князь мира сего, и во мне не имеет ничего». Так и эти <праведники> последовали по стопам Христовым, и князь мира сего ничего <в них> не обретает. И потому смерть не имеет власти над ними. А те, кто по своей воле предали себя князю мира сего и

соблазнам его последовали, те по собственной воле <в искушение> впадают, царству смертному покоряются, и здесь со скорбью, мучительно души с телом разлучаются и там бесконечные муки принимают. Ведь Господь наш Иисус Христос сотворил человека свободным, каким и Адам был до грехопадения, следуя стопам Христовым. Грех Адама жизнью праведников искупается, и смерть над ними никакой власти не имеет. С согрешивших же или отступников не только за Адамово согрешение спрашивается, но к тому же и за собственные пороки, и из-за своих грехов вдвойне мучаются. Над ними царствует смерть, как и прежде, к тому же с них спрашивается и за несоблюдение заповедей Христовых. А что в Послании к римлянам <сказано>: «Что повинны мы, и удеи, и эллины, все под грехом». А выше написано, что «у Бога нет различия ни для кого». Как тот же святой апостол Павел в послании говорит: «Нет различия у Бога. Варвар и скиф, раб и свободный, мужской пол и женский — все едины есть во Христе только делами благими».

А что написал ты, что никто себя ничем избавить не может, ни своим учением, ни благими делами, и указал в Посланиях к римлянам и к галатам: «И делающим мужам воздаяние вменяется не по милости, но по долгу, а не делающему, но верующему в того, кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность». А что в Послании к евреям говорит <апостол Павел>: «Праведный верою жив будет. А если <кто> поколеблется, не благоволит к тому душа моя. Мы же не из колеблющихся на погибель, но <пребываем> в вере ко спасению души. Вера же есть осуществление ожидаемого, облик невидимого. В ней свидетельствованы были древние. Верою познаем, что века устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое. Верою Авель принес Богу большую жертву, нежели Каин, ею же получил свидетельство, что он праведен. Верою призванный Авраам повиновался идти в страну, которую должен был получить в наследство, и пошел, не зная, куда идет. Верою и сама Сарра обрела силу к принятию семени и, будучи уже старой, родила. Верою Моисей, повзрослев, отказался называться сыном дочери фараоновой и предпочел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение. Поношение, подобное поношению Христа, счел он большим <для себя> богатством, чем египетские сокровища, ибо помнил о воздаянии. Верою оставил он Египет, не убоявшись гнева царского, ибо он, невидимое будто воочию видя, был тверд».

И что Иаков говорит в Соборном послании: «Что пользы, братья мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Разве может эта вера спасти его? Если брат или сестра раздеты будут и лишены пищи на день, а кто-нибудь из вас скажет им: «Идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела, что пользы <в том>? Так и вера, если дел не имеет, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: ты веру имеешь, я же дела имею; покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе мою веру из дел моих. Ты веруешь, что Бог един,

— хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли ты понять, о ничтожный человек, что вера без дел мертва? Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего? Видишь ли ты, что вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства? И исполнилось сказанное в Писании: «Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и был он наречен другом Божиим». Видите ли вы, что делами оправдывается человек, а не верою только?» А что же делать нам с апостолами этими, когда Павел пишет о вере, а Иаков — о деле? Или, думаешь, распря была между ними? Нет, <не распря>, но великое согласие. Один укреплял дела, другой веру утверждал. И благодаря обоим совершалась общая польза людям во спасение — по вере и делам. Смотри также, что тот же апостол Павел веру исповедывал и дела утверждал. Если бы Авель жертвы не совершил, не получил бы свидетельства, что праведен. Если бы Енох не был переселен, не был бы верным. Если бы Ной не построил ковчега, не уверовал бы. Если бы Авраам не пришел в Землю Обетованную, не уверовал бы. Если бы Сарра не родила Исаака, не поверила бы в рождение семени. Если бы Авраам не привел Исаака на заклание, не поверил бы, что Бог в силе воскресить из мертвых; за то и принял его <Бог>, и он другом Божиим наречен был. Смотри и самого апостола Павла, пишущего о делах: «Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать. Но как грех царствовал через смерть, так и благодать воцарится через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим. Что же сказать нам: усердствовать ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Да не бывать <тому>. Мы умерли из-за греха, как же нам ожить благодаря ему? Разве не знаете, что все мы, во Христа Иисуса крестившиеся, в смерть его крестились? Как Христос восстал из мертвых славою Отца, так и мы в обновленной жизни ходить начнем». Видишь ли ты, что благими делами следует угождать Богу?

А если, говоря повсюду, ты искажаешь <мысль о том>, что только через Господа Бога нашего Иисуса Христа <возможно> основание спасения людям, то тем самым ты уклоняешься от отеческого предания, неразумное говоришь, не удостоверившись ни в чем. Об этом так говорит Писание: «Никто не может положить <иного> основания, кроме положенного, которое есть Христос», и это есть в христианстве основание для установления веры и исполнения дел. Апостолы и отцы, как предобрые наставники, направляют к <познанию> Божьей воли, открывают тайну несведущим и наставляют к Богу. Как апостол Павел пишет к Тимофею: «Укрепляйся в благодати Иисусом Христом. И что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые смогут и других научить». Видишь ли, как повелевает быть поводырем и наставником и других научить? И все поводыри и наставники не на своем основании полагали, но ко Христову основанию все привели, ибо начало всему Христос. И апостол Павел в Послании к коринфянам говорит: «Ибо мы соработники у Бога, а вы — Божее достояние, Божее создание. По данной мне от Бога благодати я, как мудрый зодчий, основание положил, другой же строит; но каждый должен следить, как он строит. Ибо никто не может положить другого

основания, кроме положенного, которое есть Христос». И в Послании к Тимофею снова говорит он: «Благодарю давшего мне силу Иисуса Христа, Господа нашего, что он признал меня верным, поставив на служение, меня, который прежде был хулителем и гонителем, и обидчиком, но был я помилован, потому что не ведал, что творил, в неверии; благодать же Господа нашего преумножилась <во мне> с верою и любовью во Христе Иисусе».

Итак, Господь Иисус Христос есть ходатай перед Богом и Отцом за людей. Адамов грех разрушается через воплощение. И те, кто до крещения не ведали, что творили, те очищаются благодатью Христовою и, как новорожденные младенцы, выйдя из купели божественного крещения, не будут иметь на себе по крещении никакого греха и должны соблюдать все заповеди. Если же кто не соблюдет их, то не принесет пользы ему, согрешившему, Христово воплощение. Ведь если Владыка так пострадал за рабов, то как же мы не хотим пострадать за Владыку и заповеди <его> соблюдать и исполнять! Господь наш Иисус Христос говорит: «Кто служит мне, тот за мной пусть последует». И еще: «Не всякий, говорящий мне: Господи, Господи! — войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца моего, что на небесах». Видишь ли ты, как <Господь> велит не лениться делать благие дела? И еще в другом месте говорит он: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то не войдете вы в Царство Небесное».

<А если> о галатах ты так написал, то сам свою славу опровергаешь. Ибо это написано о Второзаконии, в отрицание первого Закона Моисеева, к которому ты прибегаешь. А что написал ты, как Иоанн Предтеча указывает перстом и говорит о Сыне Божием: «Это агнец Божий, берущий <на себя> грехи всего мира»; и об этом уже выше писал я тебе. Боюсь много говорить, чтобы не быть осужденным вместе с Иудой, открывая тайну врагам. И как сказал божественный апостол Павел в Послании к филиппийцам: «Много говорил вам. И теперь, плача, говорю о врагах креста Христова. Их бог — чрево, и слава их — на стыд им, они мудрствуют о земном». Приведу еще восклицание трех отроков, <обращенное> к царю Навуходоносору: «Есть Бог всесильный на небесах, и может он нас от огненной печи избавить, если мы ни богам твоим не послужим, ни идолу золотому, что ты поставил, не поклонимся». Хочу я ваше нечестие победить молчанием, как Христос <победил> Пилата и архиереев, а не долгими речами. То, что вы разрешили беззаконный брак, — это невоздержанность в наслаждениях, угождение чреву и похоти.

А что написал ты, впадая в ересь, о воплощении Слова Божия, что Сын Слово Божие начал существование <лишь по рождестве> от пречистой Богородицы, так апостол Павел в Послании к филиппийцам об этом

говорит: «Да будет в вас та же высшая мудрость, что и во Христе Иисусе, который, будучи в образе Божием, не помыслил хищнически присвоить себе равенство с Богом, но уничижил себя самого, приняв образ раба, будучи в человеческом подобии, и по облику став, как человек». Видишь ли ты, что не кто другой воплотился от Приснодевы Марии, но соприсносущное Отцу и Духу Слово Божие, <Христос>, воплотившийся во имя нашего спасения, заимствовав плоть от Пречистой и Приснодевы Марии, он, единый собезначальный Сын Отца и единородный ему, воплотившийся от Приснодевы Марии ради спасения. «Как всякий младенец мужского пола, разверзающий материнское чрево, посвящается Богу». Совершен Бог и человек.

А о страсти Христовой, и о воскресении, и о вознесении, и о сидении одесную Отца, — нам это известно. А как ты это понимаешь, того не написал ты. То, что Христос принимает в нас участие, и, как сказал апостол Павел, что <он> всегда проповедует ради нас, то как ты это читаешь? Если веришь ты преданиям апостолов, в какой чин ты их сам определяешь, и как почести им воздаешь, — им, которые такую тайну нам открыли и на путь истинный наставили и научили? Какие же почести подобает им оказывать?! Если кузнеца по золоту встречаешь, или землемера, или строителя, науки совершенствующих, или строящих здания, или камнереза, или кого-либо еще из земных ремесленников, — то почитаем их как учителей и наставников, открывших нам премудрость и преподавших жизненное устройство. И если они за преходящие и мимотекущие умствования с подобной честью воздаяния получают, — в ваших странах кузнецы по золоту и серебру, если выполняют какое-либо дело, в соответствии с качеством работы получают особенно много, — так если эти <мастера> достойны таких почестей, как же можем мы не почитать наставляющих нас ко благочестию, и мудрость познания нам открывающих, и направляющих ко Христу! Неужели и твоему слову, как <слову> Писания, верить? И если бы не были написаны Евангелия, как бы поняли мы промысел Слова Божия? И если бы апостолы не учили и послания бы не писали, как бы разумели мы Слово Божие, к людям нисходящее и людей к Богу возводящее? Кто же достоин чести, и поклонения, и похвал, как не божественные апостолы и святые отцы, просветившие таковым светом души наши и умножившие данный им Господом талант и большой прибыток получившие? Мы же, истинные христиане, веруем, что Христос Бог наш есть ходатай перед Богом, и начало спасения, и заступник о людях — перед Богом и Отцом. Мы же, его творение и рабы, страстью его спасенные, ему поклоняемся со Отцом и со Пресвятым Духом, в едином существе и в трех лицах, и молимся, и славословим, и превозносим его во веки, и просим отпущения грехов и наследования Царства Небесного, и пользы душам и телам нашим, — как Богу и Царю, и Создателю всего, и все в руках своих держащему. <Поклоняемся> пресвятой пречистой Приснодеве Марии, ибо сподобилась она послужить такой тайне и приняла в свое чрево без опаления огонь Божества, ради нас вместив <в себя> невместимого Бога, через нее примирились <мы> с Богом, и вражда, бывшая от Адама, Богом была разрушена, <поклоняемся> и как Матери всех,

Владычице и Богородице, ибо материнское дерзновение к нему обрела и несовершенство наше восполняет Христовою благодатью. Как сказал божественный апостол Павел: «Ибо сила Христова в немощи совершается». Ей как заступнице и предстательнице всего рода христианского молимся и просим помощи, чтобы умолила Творца, и Сына своего, и Бога нашего о <прощении> грехов наших, чтобы позволил нам Христос Бог наш ее молитвами получить спасение и принять сладость будущих благ.

Мы апостолов не боготворим, не бывать тому, как сам апостол говорит в послании: «Я насадил, Аполлос поливал, Христос возрастит. Потому и насаждающий, и поливающий есть ничто, а <всё — Бог> взращивающий». Так и мы почитаем божественных апостолов, ибо они — Слова Божия ученики и посланники, наставники и руководители нашего спасения. Потому мы молимся им и призываем их в помощь, чтобы то, что они написали и <чему> научили, все мы лучше усвоили и получили их в помощники нашему спасению. Так <почитаем> и святых отцов — как наставников и учителей истины и благочестия. Так и святых страстотерпцев почитаем, ибо они за истину благочестия пострадали, и мы, их усердием вооружаясь, <дела> благочестия совершаем. <Почитаем и> преподобных как воплотивших апостольское учение и, им подражая, сами на путь благочестия направляемся. Так веруем мы, что один <у нас> заступник — Господь наш Иисус Христос; Пречистая его Матерь — Владычица всех и обо всех просительница и заступница за всех христиан; все апостолы, пророки и святители, и все святые как служители правды и наши наставники, ко Христу приводящие, почитаются, потому мы и мощам их поклоняемся, чтобы большую помощь от них получить. И как сказал Господь наш Иисус Христос: «Нет ученика выше учителя своего. Довольно для каждого, чтобы он был как учитель его». Видишь ли ты, что <Господь> велит не подниматься над учителем, но следовать ему. Но как говорит божественный апостол Павел: «Каждому на пользу дается проявление Духа. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово разума, тем же Духом, иному вера, тем же Духом, иному дары исцеления, тем же Духом, другому чудотворения, иному пророчество, другому различение духов, иному различные языки. Все же сие совершает один и тот же Дух, разделяя каждому <своей> властью, как ему угодно. Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя и много их, составляют одно тело. Так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, иудеи или эллины, рабы или свободные, все напоены одним питьем <духовным>. Ибо тело <состоит> не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не рука, и потому не принадлежу к телу, — то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет, что я не глаз и потому не принадлежу к телу, — то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело — глаз, то где же слух? Если все слух, то где обоняние? Но теперь расположил Бог члены, каждый в <составе> тела, как ему было угодно. А если бы все были один член, то где <было бы> тело? Но теперь создал <Бог> членов много, но тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, многие

члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые кажутся нам менее достойными в теле, те большим вниманием окружаем; и неблагообразные наши <части тела> больше благообразия получают, а благообразные не нуждаются <в том>. Но Бог соразмерил тело, определив нуждающемуся большую честь, дабы не было размежевания в теле, а все члены о себе заботились. И если страдает один член, страдают с ним все члены. Вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных поставил Бог в церкви: во-первых апостолами, во-вторых пророками, в-третьих учителями, затем <иным дал> силы <чудодейственные>, также дары исцеления, заступничества, управления, разные языки. Все ли апостолы, и пророки, и учители? Разве все чудеса творят, все имеют дар исцеления? Все ли говорят на языках?»

Довольно указал я тебе на то, как подобает почитать богоносных апостолов и святых отцов. А что написал ты о заступничестве Божием и об имени, что нельзя спастись во имя иное, только во имя Господа Иисуса Христа, <что> и отпущение грехов — во имя его, и жизнь вечная, — так и мы так же веруем, но только приходим к этому через учеников его и апостолов и богоносных отцов и на путь истинный <ими> наставляемся. А что о началах сказал ты, так сами апостолы не написали того о своих началах — быть спасением людям, — ибо единственное начало, Христово, они как служители благодати Владычной распространили и утвердили на основании и начале Христовом. А что написал ты, что грехи отпускают по благодати, даром, а не сообразно с делами, и <что> недостатки благодатью восполняются, если не делами грех побеждается, то услышь Господа, говорящего в святом Евангелии: «Кто не оставит отца своего и мать, жену и детей, села и имения и не отречется от себя целиком, даже от души своей, <тот> не может быть моим учеником. И кто не возьмет креста своего и не последует за мной, не достоин меня». Крест для тех, кто <пребывает> в миру, означает предать себя на распятие миру. Распятие же значит отречение от всех мирских пристрастий: сел, и имения, и богатства, пищи и пития, и ничего не требовать, и не выбирать, довольствоваться лишь <тем, что> случается непреднамеренно, и все это — с воздержанием великим, и твердостью <духа>, и непрестанной молитвой. И к тому еще любить врагов <своих> и всех оскорбляющих вас, молиться за обижающих вас, все же, принадлежащее вам, презирать как несуществующее и не заботиться о нем, но только <творить> непрестанную молитву, соблюдать пост и исполнение заповедей Господних со страхом <Божиим>. Мы здесь только временные жители, как сказал апостол Павел, но будущего <века> навсегда желаем и в те вечные селения переселиться хотим, и ничего здешнего не желаем. Таково крест свой брать, и распинаться миру, и за Иисусом следовать.

А что написал ты, что Бог-Отец ради заслуг Сына своего принял человека в милость свою и грехи отпускает даром, то написал ты это,

впадая в арианскую ересь, поскольку объявил Сына подвластным Отцу. Громов сын научил нас: «В начале было Слово, и Слово было к Богу, и Слово было Бог. Оно было изначально к Богу. Все через него возникло и без него ничто не началось, что началось». Ты видишь, что собезначален Сын Отцу, любви ради, и нераздельны и неслиянны Отец с Сыном, по Богослову. Как и в святом Евангелии от Иоанна сказано: «Слова, которые я говорю вам, не от себя говорю, Отец, который во мне пребывает, он творит дела. Верьте мне, что я в Отце, и Отец во мне». «И если чего попросите у Отца во имя мое, то и сделаю, да прославится Отец в Сыне». «Кто имеет заповеди мои и соблюдает их, тот любит меня, а кто любит меня, тот возлюблен будет Отцом моим, и я возлюблю его и явлюсь ему сам». И еще сказано: «Отец любит Сына и показывает ему все, что творит сам. Как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца, пославшего его». Послание понимай не как унижение, но как общую волю и желание Отца и Сына и Святого Духа. Но <только> один из Троицы, Сын Слово Божие, во плоти промыслом тайны своей дал спасение людям — с Отцом и Святым Духом. Ибо где Сын, там и Отец, и Дух, и где Дух, тут и Отец, и Сын. Как сказал <Господь> во святом Евангелии: «Когда придет утешитель, которого я пошлю вам от Отца, Дух истины, от Отца исходящий, он будет свидетельствовать обо мне». Видишь ли ты, что Отец безлетен и Сын собезначален и что оба они соприсносущны Пресвятому Духу? Одна слава, честь и держава, одна воля и стремление, и сотворение — Святая Троица. И потом вскоре наставляет <Христос>, говоря: «Когда придет он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину. Ибо не от себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит меня, потому что от моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть мое, потому я сказал, что от моего возьмет и возвестит вам». Видишь ли ты единую сущность: что Сын послан волею Отца и своей волей и воздействием Пресвятого Духа спасение людям сотворил. Так и Дух не может от себя говорить, но <только> одной волею с Отцом и Сыном, а послание Сына мы понимаем как воплощение. Еще же о единосущности и собезначальности Сына и Отца сказано в Евангелии от Иоанна: «Потому любит меня Отец, что я жизнь свою отдаю, чтобы опять принять ее. Никто не отнимет ее у меня, но я сам отдаю ее. Ибо имею власть отдать ее, и власть имею опять принять ее. Сию заповедь получил я от Отца моего». Видишь ли ты, <что Сын> самовластен и собезначален Отцу? И не требуется никто, чтобы поднять его из мертвых, но он своею властью воскрешает из мертвых. Как говорит избранный сосуд <апостол> Павел: «<Христос> не помыслил хищнически присвоить себе равенство с Богом, но уничижил себя самого, приняв образ раба», и прочее. Когда Лазаря воскресил <Господь> и, придя, сказал над ним: «Отче, благодарю тебя, что ты услышал меня. Я знал, что ты всегда услышишь меня, но <сказал это> для народа, стоящего вокруг, чтобы поверили, что ты послал меня». И еще сказал Иисус: «Если кто любит меня и слово мое соблюдет, то Отец мой возлюбит того, и мы придем к нему и обитель у него сотворим». Видишь ли ты: всюду равновластие, а не повиновение. И еще сказал Иисус: «Отче, прославь Сына своего, да Сын твой прославит тебя». И много еще другого найдешь ты в Божественном Писании,

свидетельствующего о том, что Сын равен честью Отцу, а не подвластен. На том и <остановимся>.

Шестое мое слово

И то написал ты, почему придет сюда Господь наш Иисус Христос судить живых и мертвых, но обо всем том выше написано, а ты не слишком уразумел. Мы спросили тебя о том, как ты веришь, каким будет Суд Божий и восстание из мертвых. И ты о другом заговорил, а об этом не написал. А написал, что не называете вы хорошими учениками за то, что человек сам выдумает, — и это написал ты об апостолах и о святых отцах, но об этом уже написано выше. А что о десяти заповедях написал ты, так об этом выше сказано. Если ты принимаешь Закон Моисеев, тогда подобает тебе и субботу чтить по-иудейски, о чем я тебе уже выше вкратце сказал довольно, и многословить с тобой не хочу, как со псом, ибо ты — враг креста Христова. А что пишешь ты по главам в Апостоле и в Евангелии, то наши главы с вашими главами не сходятся, потому что вам Лютер так указал; а другое ты лжешь. А что написал ты, будто в Евангелии от Матфея <сказано>: «Что меня хвалите помышлением человеческим», то того у Матфея не написано, а написано у Луки, да не так, как ты писал, а написано у Луки так: «Что вы зовете меня: Господи! Господи! и не делаете того, что я говорю?» А ты — враг креста и посреди пшеницы плевелы сеешь, и ложь в истину превращаешь. И как сказал Господь в Евангелии: «Ваш отец — дьявол, и вы похоти отца вашего исполнять хотите. И когда говорит он ложь, то говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». А что написал ты, что апостол Павел пишет <в Послании> к коринфянам, что «Царства Божия не наследуют ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни обидчики, ни клеветники, ни хищники», — и это все у вас происходит, у лютеран. А что вы, лютеране, поклонение иконам приравниваете к идолослужению, об этом будет пространная речь впереди. Написал ты, солгав, и другое, чего нет в Божественном Писании. На том и <остановимся>.

Седьмое мое слово

Ты написал о Лютерове учении, что веру свою вы основываете на самом Христе, Господе нашем, а не на Лютере, а что будто бы Лютер или другой кто показали свое понимание. Что в Священном Писании сложено, ту науку должны вы принимать, как от самого Бога. А если бы кто учил против той науки Господа нашего Иисуса Христа, евангельской и апостольской, будь он хоть ангелом с небес, того осудил бы как проклятого. Слушай же, что апостол говорит о том, что ты

написал. Так говорит: «Удивляюсь, что вы так скоро переходите от призвавшего вас благодатью Христовою к иному благовествованию, которое <впрочем> не иное, если бы только не некие люди, смущающие вас и желающие переиначить благовествование Христово. Но если бы мы, или <даже> ангел с небес благовествовали вам не то, что мы благовествовали вам, анафема да будет. Но, как прежде мы сказали, <так> и теперь еще говорю: если кто благовествует вам не то, что приняли, анафема да будет. У людей ли я ныне ищу благоволения или у Бога? Людям ли угождать стараюсь? Если бы я все-таки угождал людям, то не был бы рабом Христовым. Возвещаю вам, что благовествование, которое я благовествовал, не есть от человека, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа». Видишь ли ты, что <недопустимо> по своему желанию или по своему разумению благую весть проповедовать, ни еще чего-либо от себя домыслить. Если что сказано в Божественном Писании, ничто от себя не мысли, как ваш Лютер и <другие> кознодеи, что вместе с вами. Но Павел благовестил откровением Христовым и своего основания не положил, кроме положенного, которое есть Христос. Слушай, тот же Павел пишет, обращаясь к коринфянам: «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Христос. Если же кто строит на этом основании <что-либо > из золота и серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — дело каждого обнаружится, ибо день покажет». Видишь ли ты, что никто не может положить основания, кроме положенного, которое есть Христос.

Христос после своего воскресения послал божественных своих учеников и апостолов на проповедь, говоря: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я повелел вам». Видишь ли ты, что <Христос> повелевает соблюдать повеленное и написанное? Как и Громов сын говорит: «Есть и многое другое, что совершил Иисус перед учениками своими, что не записано в этих книгах. Но если бы записывать это подробно, то, думаю, не <только мне> самому, но и всему миру не вместить бы написанных книг». Слушай, что говорит <Иисус> в Евангелии от Луки о не слушающих апостольских поучений и неповинующихся: «Слушающий вас меня слушает, отвергающийся вас меня отвергается». Апостолы же, уйдя на проповедь, поставили на свое место 70 наместников апостолов, следующие за ними стали святителями, которые по установлению духовенства достигли и наших дней, из них <вышли> и священники, которые <являются> наставниками людям. Как говорит Павел в Послании к Титу: «Чадо Тит, для того я оставил тебя на Крите, чтобы ты завершил неоконченное и поставил во всех городах священников». А если бы не нужно было это христианам, не стал бы апостол писать об этом. Вашего же Лютера и вас кто на это поставил? Вы же не только истины не говорите, но еще и извращаете <ее>. Как сказал верховный апостол Петр, во Втором послании так говоря: «Как и, — сказал, — возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех своих посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвердившиеся извращают,

как и прочие Писания, к своей погибели». Об основании я сказал выше, что «Кто настраивает на основание золото, серебро, драгоценные камни», то есть благие дела <совершает; а кто> «дрова, сено, солому» — недостойные дела и грешные. Видишь ли ты, в какую пропасть скатились вы, искажая Писание, как говорит Петр, ибо искажаете по собственной воле. Павел же говорит, что «основания никто не может положить кроме положенного, которое есть Иисус Христос». Вы же, минуя священников, минуя других учителей, также и святителей, и апостолов, самое Христово повеление извращаете, распиная в себе Христа Иисуса, и своею властью учите. А что апостол в Послании к галатам говорит: «Нельзя и ангела слушать, <говорящего> не то, что вы приняли». Вы же предание апостольское все отвергли, потому, по апостолу, сами себя проклинаете. Поэтому и мы, как праведный суд над врагами истины и поборниками нечестия, предаем <вас> проклятию, ибо вы — люди Антихристовы, то есть Супротивника.

А что написал ты о русской вере, то <с тех пор> как Бог просветил прародителя нашего благочестивого великого князя Владимира, нареченного в святом крещении Василием, — он крестился во имя Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков, аминь, — с тех пор и доныне именуется <наша> вера не русской, но христианской. Потому же и всюду, по всей земле, где истинная вера христианская, зовутся <люди> христианами, а где зовутся иным именем, по названию земли, тут ересь и раскол, а не истинная вера. Как говорит божественный апостол Павел: «Хотя у язычников много богов и много господ, но у нас один Бог Отец, из него же все, и мы — в нем. И один Господь Иисус Христос, через него же все, и мы через него. И один Дух Святой, в нем же все, и мы в нем; одно крещение и одна вера. Хотя язычники всюду веруют и приносят жертвы, думая, что богу, <в действительности же> бесам веруют и жертвы приносят». В Троице славимому Богу молимся прилежно о том, чтобы уберег нас и все православное христианство земли Русской от напасти тьмы неверия вашего.

А если видишь ты что-то у слабых и ленивых, не все повеленное исполняющих, то это не <из-за того, что> закон предписывает, а по их небрежению. Это то несовершенство, которое в немощи Христос благодатью восполняет. Если же, и получив благодать, они неразумными остаются, то сами на свои нераскаявшиеся головы суд Божиего гнева обращают. А что написал ты о церкви, что вы не ограничиваете <ее> одним народом, языком или местом на свете, так христианская соборная и апостольская церковь едина есть. В одном ли месте, в городе или селе, или повсюду, по всей земле, — хотя много церквей, а устав один имеют. А что написал ты о католической церкви, так я не хочу об этом много говорить, поскольку как католики — ложь, так и вы — тьма. Ведь если кто-то выведет некоего <человека> из тюрьмы, темной и несветлой, и заточит его в другой, темной и мрачной, какую пользу принесет? Это обман, а не истина. Ведь искомое для себя

— из тьмы на свет вывести. Если же <кто> еще вдобавок наследника тьме создаст, то обманщик он, а не праведный. На том и <остановимся>.

Восьмое мое слово

А что писал ты о Лютере, как он пришел к <своему> учению и что якобы он правильно учит, то выше многократно обличали, что все учения вашего Лютера — это извращение и ваше обольщение. Как Сатана с бесами повсюду людей прельщают, так и вы бесовской прелести способствуете. И о латинской церкви мы выше указали. А что Лютер будто бы христианским собором выбран на свой чин, ты бы нам о том поведал, кем он выбран, и кто его ставил, и в каком он чине был: апостол ли или епископ. Апостол Павел пишет о самовольном учении наподобие вашего: «Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Но как призовут того, в кого не уверовали? Как же будут веровать в того, кого не услышали? И как услышат без проповедующего? И как станут проповедовать, если не будут посланы?» А вы кем посланы, что так прельщаете людей, извращая истину? А что ты писал о духовном приобретении богатства, то везде отвергли. А коли тебе что не угодно, а Писанию веришь, то почему истинной вере не следуешь?

Девятое мое слово

А что написал ты о посте, все — ложь, а не истина. Ибо и сам Господь наш Иисус Христос, когда вышел из воды и постился 40 дней и 40 ночей, победил искусителя воплощенной божественной сутью своей. Об этом писали Матфей, Марк, Лука: сам Господь сказал <это> своим ученикам, когда преобразился он и сошел с горы, когда привел к ученикам его человек из народа своего беснующегося сына, а ученики тогда несовершенны еще были, не приняли еще благодати и дара Святого Духа и не смогли изгнать <беса>; после того привели беснующегося к Иисусу, и Иисус исцелил его; и ученики спросили его об этом в доме одного <из них>, и сказал им <Иисус>: «Сей род ничем изгнать невозможно, только молитвою и постом». Потому и мы, христиане, следуя Владыке Господу нашему Иисусу Христу, сорокадневным постом постимся, как и он постился, подражая тем его божественному страданию и воскресению. Пост же святых апостолов постимся в большем покое и с меньшим воздержанием, кроме того, пост служит на пользу тем, кто под запрещением. В пост же Пресвятой Богородицы Владычице как матери всех почесть воздаем. В пост же перед Рождеством Христовым, как и в пост святых апостолов, постимся. Круглогодичный пост, тот, что в среду и пятницу, честно постимся, потому, что в среду тварь замыслила убийство Господа, славы всех, в

пятницу же был он распят. И мы этому дивимся и Бога прославляем, что Спаситель ради человеческого спасения провидением <своим> снизошел до такого — за людей пострадал, то скорбим и негодуем, что такая тварь на Создателя дерзнула.

Многие и более строгие посты установлены ради воздержания и порабощения тела. Как сказал апостол Павел: «Я так бегу, не для того, чтобы воздух бить, но чтобы тело сдерживать, подчинять его». Так и мы постимся, чтобы сдерживать тело и подчинять его духу, — и оправдаемся перед Господом. Когда воздух затуманился, нельзя ясно увидеть солнце, так и при насыщенной плоти, пуще чем при сумрачном облаке, невозможно понять заповеди Господни и увидеть праведное солнце — Христа.

А что ты писал из пророка Исайи о постах, так Господь наш Иисус Христос в Евангелии иное говорит: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемерные, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, а оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру. Вожди слепые, отцеживающие комаров, а верблюдов пожирающие». И апостол Павел говорит: «Не упивайтесь вином, от которого блуд и иное зло». И если человек отрезвится постом, тогда и восприимет все благие дела, которые, по Писанию, ведут к освобождению для долга и необходимых изменений к смирению, любви, согласию, милости, милостыне, заботе о нищих и прочим добродетелям. Не соблюдающим поста ничего этого невозможно сделать. Об Ионином посте и об Аггееве, также и о Ниневии и прочем — все они подобны друг другу. Так и Ахав ради Иезавели Навуфею приказал поститься и в тот пост убил его. Как сказал пророк Давид: «Когда он убивал их, тогда они взыскали его, и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу. Вспоминали, что Бог их помощник, и Бог всевышний их избавитель. Льстили ему устами своими и языком своим лгали ему, сердце же их было неправо пред ним, и не были они верны завету его». И многое другое найдешь об этом в Божественном Писании. А что ты писал, что апостол Павел писал к Тимофею в обоих посланиях о лжепророках и о последних прельстителях, всему тому вы последователи. Как сказал апостол Павел в тех же посланиях, что «вы в сети дьявола, живыми пойманы им в его волю», и прочее, как он там пишет. На том и <остановимся>.

Десятое мое слово

А что писал ты о молитве, что святых на помощь не призываешь и литургии не слушаешь, — и о том выше много писано было, а теперь лишь немного скажу тебе. Если бы ты на основании Христовом и апостольском назидании стоял и в ограде священных учений был

словесной овцой, ничего бы ты из апостольских повелений не разрушал. А коли разрушаешь, то ты не только козлище, но хищник и волк, вор и разбойник. И как сказано в Евангелии: «Кто перелезает ограду, тот вор и разбойник». Как говорит сын Громов: «Они вышли от нас, но не были нашими, ибо если бы были нашими, то остались бы с нами». И снова <к тому же> подводит, говоря: «Тот, кто не пребывает в учении Христовом, не имеет Бога, это <человек> антихристов». Вспомни и то, что у Луки сказано: «Отвергающий апостолов — Христа отвергает». И у Матфея написано: «Вот Господу Богу поклонишься, ему одному послужишь». Это говорит Господь дьяволу. Об апостолах и о всех святых, как подобает им молиться, я выше написал.

О литургии в Евангелии подлинно написано. Затем священные апостолы установили молитвы, а святые отцы — как литургию творить. Или мнишь, будто это просто хлеб и вино? Как же поминать смерть Господню, если литургии не творить? Апостол Павел, обращаясь к коринфянам, пишет: «Ибо я принял от Господа и передал вам, как Господь Иисус в ту ночь, в которую был предан, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: «Примите и ешьте. Это тело мое, за вас преломляемое. Творите сие в мое воспоминание». Также и чашу после вечери, говоря: «Сия чаша есть Новый Завет, <данный через> мою кровь. Творите сие, когда станете пить, в мое воспоминание. Когда едите хлеб сей и чашу сию пьете, о смерти Господней возвещаете»«. И Господь наш Иисус Христос говорил, когда в божественном своем страдании возлег с двенадцатью своими учениками и сказал им: «И, взяв хлеб и воздав хвалу, преломил и дал им, сказав: «Это тело мое, за вас предаваемое; творите сие в мое воспоминание». Также и чашу <взял> после вечери, говоря: «Сия чаша есть Новый Завет, <данный через> мою кровь, которая за вас проливается»«. Это у Луки. Матфей и Марк говорят: «Сие есть кровь моя Нового Завета, за многих проливаемая ради оставления грехов». Смотри, как воспоминание Господне творить, если литургии нет? Тем более, что <Христос> сам учил своих учеников и апостолов творить молитву, сам воздавал хвалу Богу и Отцу, как при Лазаре, так и здесь. И потому, если кто литургии не совершает, тот не возвещает о смерти Господней, он — антихрист и извратитель веры Христовой. Избранный сосуд, апостол Павел говорит: «Все по закону очищается кровью, и без кровопролития не бывает прощения. Ими (т.е. жертвами) каждый год напоминается о грехах, ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов искупала грехи». Тогда сказал: «Вот, иду исполнить волю твою, Боже. Отменяет первое, когда постановит второе. Благодаря этой воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа». Видишь ли, как, о литургии говоря, пишет, как подобает ее творить и слушать? А не хотящим сего творить такое наказание налагает, говоря: «Если мы, восприняв разумение истины, своею волею грешим, то не найти более жертвы за <эти> грехи. Страшно ожидание суда и ярости огня, готового пожрать супротивных. Кто отвергся Закона Моисеева, без милосердия при двух или трех свидетелях предается смерти. Но какой же, думается, горчайшей муки предстоит сподобиться тому, кто попирает Сына Божия и простою считает кровь Завета, которою освящен, и Дух

благодати оскорбляет? Мы знаем сказавшего: «У меня отмщение, и я воздам», — говорит Господь». На том и <остановимся>.

Одиннадцатое мое слово

Ты вот часто поминаешь о ходатайстве Иисуса Христа. Ты послушай: ходатайство Господа нашего Иисуса Христа это и <ходатайство> божественных его учеников, и апостолов, и святых отцов. Ходатайство Господа нашего Иисуса Христа таково, как написано в книгах Бытия: сначала сотворил Бог небо и землю, видимое все и невидимое, потом же Адама и Еву и заповедь положил ему. Когда он преступил заповедь, то изгнан был из пределов райских и осужден быть смертным и претерпевать плотские тяготы. К Раю были приставлены херувимы с огненным оружием стеречь врата Эдема, чтобы никто не вошел в него. Не думай, что есть кто-то супротивный Богу и имеет власть похитить райское селение, но ради того приставлено было огненное оружие, чтобы возвестить гнев Божий на людей. И с тех пор царствовали смерть и грех среди людей несогрешивших, от Адама до Ноя, от Ноя до Авраама, от Авраама до Моисея, от Моисея до Христова воплощения. Как сказал Павел, обращаясь к евреям: «Все святые, которые верою победили царства», и прочее, — «и все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, ибо Бог предусмотрел для нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства». Потому что до Христова пришествия, если кто и был праведен, непорочен, но из-за Адамова осуждения все умирали и в ад сходили. И Бог, видя, что создание его мучит дьявол, умилосердился — послал Сына своего воплотиться от пречистой Приснодевы Марии для спасения людей. Как говорит избранный апостол Павел: «Послал Бог Сына своего единородного, родившегося от женщины, подчинившегося закону, чтобы искупить подзаконных, чтобы мы приняли усыновление». И снова, к евреям обращаясь, пишет: «О братия, мы имеем дерзновение входить в святилище <посредством> крови Иисуса Христа, <который> открыл нам новый путь завесою, т.е. своею плотью, и имеем святителя в доме Божием».

Вот ходатайство Господа нашего Иисуса Христа. Как было сказано у Луки о рождестве Господа нашего Иисуса Христа: «Внезапно явилось с ангелом множество воинов небесных, славящих Бога и взывающих: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в людях благоволение»«. Потому что гнев Божий и вражда среди людей пребывали от Адама и до воплощения Христова, Христовым божественным промыслом о воплощении все это разрушилось: и смерть, и грех, и держава дьявола. И по Христовой благодати люди стали властны над собой, и были научены, как следует побеждать князя тьмы века сего и миродержателя. И сотворив волю Божию, и благодаря божественному его слову, с помощью Святого Духа, будем наследниками Царства

Небесного. Своею волею не приемлющие заповедей Христовых и добровольно покоряющиеся дьяволу сойдут в муку вечную; ибо до Христова воплощения, если случайно и были праведные, то из-за гнева Божия и проклятия Адамова дьявол <над ними> власть имел и души их в ад сводил. Иисус Христос, придя, воплощением своим, и распятием, и воскресением проклятие это разрушил, став за нас клятвой, и мир Божий дав людям, и уничтожил древний гнев из-за Адама, и державу дьявола разрушил, и сделал человека способным своею властью творить добро и зло, каким и Адам был до преступления <заповеди>. Как пишет апостол Павел, обращаясь к римлянам: «Слава, и честь, и мир всякому, делающему благое, повинующимся неправде — ярость и гнев. Скорбь и теснота всякой душе человека, творящего злое». И научил Господь наш Иисус Христос, как подобает заповеди Его, Отца и Святого Духа исполнять и быть наследником Царствия Небесного. И когда возносился на небеса, передал это божественным своим ученикам и апостолам, посылая их на проповедь и повелевая этому других научить.

Вот ходатайство Господа нашего Иисуса Христа. «Приидите, возрадуемся Господу, истинную тайну исповедая, стены ограды разрушились, и огненное оружие отворачивается от меня, и херувим отступает от древа жизни, и я причащаюсь райской пищи, <рая>, из которого изгнан был из-за ослушания, ибо неизменный образ Отца, образ его присносущности принимает <на себя> образ раба. Из <чрева> в браке неискушенной матери выйдя, не изменился тот, кто был и остался Богом истинным. И то, что не приняло изменения, стало человеком ради человеколюбия». И снова в воскресных стихирах говорит: «Животворящему твоему кресту беспрестанно кланяемся, Христе, и тридневное твое воскресение славим. Ибо этим ты обновил истлевшее человеческое естество, всесильный, вход на небеса обновил нам; ты один благ и человеколюбив».

Вот ходатайство Господа нашего Иисуса Христа. Много я тебе пересказал из Божественного Писания, но ты в это, как онагр, не веришь и, «как аспид глухой, затыкая свои уши, не слышишь голоса, истину тебе объявляющего». Ходатайство апостолов и святых отцов — учить людей и наставлять, как подобает выполнять заповеди Христовы, о чем выше была речь, как все на основании Христовом полагается, как пишет апостол Павел, что «никто не может положить иного основания, кроме положенного, которое — Христос». Ибо от Христова воплощения и доныне мы все называемся христианами и ни в какое иное имя не крестимся, кроме как во имя Отца и Сына и Святого Духа. И все божественные апостолы и святые отцы учили и вели людей, направляя <их> к спасительным заповедям Христовым и научили словам и вещам, которые выше ума, и открывали, как следует веровать и заповеди Христовы исполнять. Выше я много о том писал тебе из Божественного Писания, что такое ходатайство Господа нашего Иисуса Христа и что такое учение божественных апостолов и святых отцов. Если ты не хочешь воздавать хвалу святым отцам и святым апостолам, последовать

их руководству и называть их наставниками к спасению, подобает тебе и писанию их не верить. А если писанию их не верить, то как уразуметь, что есть Бог, и как <он> в Троице славится, и ради чего сошел с небес, и воплотился, и пострадал, и воскрес, и вознесся на небеса. Как уразуметь заповеди Божии? Ибо это воистину тьма — не разуметь веры в Бога. Как уразуметь, если никто не наставит? Благодаря учению божественных апостолов и святых отцов мы свет веры видим. Как говорит Громов сын Иоанн: «Кто познал Господа, а заповеди его не соблюдает — ложь это, и нет в этом истины, будто тьма ослепила очи его». Тьма — не видеть, как уразуметь закона Божия. Свет — разуметь заповеди Божии. И как уразуметь, иначе как от Писания кто наставит? И ради того надлежит божественных апостолов и святых отцов как наставников почитать и молиться им, тогда и Писанию веровать, и научаться из него. Если же все будет так, как ты, подталкиваемый дьяволом, обольщаешься, то тогда все люди будут как скоты, ничего не разумеющие. Слушай, что Господь наш Иисус Христос говорит о вас в Иоанне Богослове: «Не послал Бог Сына своего в мир, чтобы судить мир. Верующий в него не будет осужден, а неверующий уже осужден, потому что не веровал во имя единородного Сына Божия. Суд же в том, что свет пришел в мир, но <люди> более возлюбили тьму, нежели свет, ибо дела их были злы. Всякий, делающий злое, ненавидит свет». На том и <остановимся>.

Двенадцатое мое слово

Ты вот писал о поклонении иконам, и я кратко это твое безумие обличу. Если хочешь узнать истину, прочти в «Царствиях» об иконоборце Льве Исавре и сыне его Константине Гноитезном, и Льве Армянине, и Феофиле Богомерзком, досадителе святым, — и все там найдем объясненным о божественном поклонении иконам и о богомерзком супротивстве нечестивых царей, в нечестие которых вы своею волей подались. А что к Второзаконию прибегаешь, я выше тебе писал: если к Закону Моисееву прибегаешь, то подобает тебе все по <этому> закону творить. Если даже одно обрезание совершишь, а не только все, что в законе, никакой пользы тебе от Христа не будет. Как пишет апостол Павел, обращаясь к галатам: «Если вы обрезаетесь, никакой пользы вам от Христа не будет. Снова свидетельствую каждому человеку, совершающему обрезание, что он должен исполнять весь Закон <Моисеев>. Откажетесь от Христа и Законом <Моисеевым> оправдаетесь, — от благодати отпадете». А то, что ты приводишь из десяти заповедей «не сотвори себе подобия ни на небесах вверху, ни на земле внизу», — так и все пророки, и я тебе об этом толкую, что все это об идолах сказано. Как говорится в Исходе Моисееве: когда Моисей принимал скрижали, тогда все люди восстали на Аарона и сказали: «Сотвори нам богов, которые поведут нас, ибо не знаем, что случилось с Моисеем, который вывел нас из Египта». И так собрали золото, перстни и серьги у своих женщин и бросили в огонь, и была слита голова тельца, и поклонились ему, говоря: «Вот боги твои, выведшие тебя из Египта,

Израиль». Когда пришли они к Валаку, царю моавскому, и как из-за красоты женской впали в скверну, которую вы без ума перенимаете, принимая совокупление с женщинами и отрицая девство, так и иудеи тогда, прельстившись красотой женской, Ваалфегору послужили и ели жертвы мертвым, и Астарте, и сидонской мерзости служили, и о Хамосе плакались; как сказал пророк Давид: «Искусили и прогневали Бога Всевышнего, и уставов его не сохранили, обратились и отреклись, как и отцы их, обернулись, как лук неверный, и прогневали высотами своими, и истуканами своими раздражили», «смешались с язычниками и научились делам их, и служили истуканам их, и было им <это> соблазном; и приносили в жертву бесам сыновей своих и дочерей своих, и пролили кровь неповинную, кровь сыновей своих и дочерей, которых приносили в жертву истуканам ханаанским». Как и Соломон ради женщины поклонился идолам и отступил от Бога живого, а еще Иеровоам в Самарии поставил два золотых тельца и велел людям поклоняться им, и было это поклонение вплоть до разорения Самарии.

Но довольно об этом идолопоклонстве, о котором и пророки говорили, и апостолы благовестили. А ты посреди святого и мирского запутался разумом: о Христовой иконе наравне с Аполлоновым идолом судил, о Богородичной иконе — наравне с Дивой, <также> и прочих святых, поклонение которым ты счел за идолопоклонство. Наше же, христиан, поклонение и почитание обращено к первообразу и божественной <сущности>, и ведет к спасению. Где же ты найдешь при божественных иконах заклание жертв и пролитие крови? И как сказал пророк: «Разве я ем мясо тельца или кровь козлиную пью? Принеси в жертву Богу хвалу, и воздай Всевышнему молитвы твои». Не все ли то при иконах совершают, что при идолах никак не делают, ибо там, при идолах, капища, и костры, и жертвы, и пролитие крови; при иконах — церкви, и духовная молитва и сердечная жертва. Не думай, что мы боготворим это, но первообразу, почесть воздавая, поклоняемся. Не краскам и доскам, но написанным образам Христа, Богородицы и всех святых <поклоняемся>, прообразу честь воздавая.

А что ты из Закона Моисеева говоришь, <так> я тебе самого Моисея приведу: как Моисей двух золотых херувимов поставил в Святая Святых, и как соткал завесу, на которой шитьем изобразил все небесное подобие, и как <поставил> киот Завета, со всех сторон окованный золотом, в котором хранятся сосуды, манна, и расцветший жезл Ааронов, и скрижали Завета, — всему этому поклонялись иудеи. И <это> было не только проречением истины. <Все> это также почиталось, как почиталась Святая Святых. Когда иудеи ходили <вне храма>, то на всех были покрывала. А когда они входили в Святая Святых, тогда покрывала откидывали. Как и воплощение Слова Божия, когда Авгарь, эдесский князь, получил Господне изображение на убрусе, и как <оно> его от болезни расслабления подняло. А на самой той постели не мог повернуться, когда Господь наш Иисус Христос послал ему с апостолом Фаддеем свое изображение на убрусе. И когда

тот пошел с изображением, и когда был за три поприща от города, <Авгарь>, не могший двинуться на той самой постели, запросто встал здоровым и, идя своими ногами, встретил у ворот города божественное изображение. И сколько с тех пор от того божественного образа совершилось различных чудес: исцеление больных, изгнание бесов, поражение нечестивых воинств, победа благочестивых — вплоть до разорения Греческого царства! Сколь много с тех пор различных чудес совершилось от того божественного образа! Если хочешь узнать истину, почитай о Греческом царстве, там всю истину и узнаешь. И как кровоточивая та, когда была исцелена от раны, отлила из меди богочеловеческий образ Христов в полный рост. И много исцелений сотворило это изображение, вплоть до времени <правления> служителя Сатаны и злочестивого отступника царя Юлиана.

А что до Лидской церкви, в которой на столпе у западных врат было изображение пречистой Богоматери с превечным младенцем, <то> церковь эту поставили апостолы, и в ней явилось то изображение из-за прений правоверных с неверными: какой веры явится знамение, той веры и церковь иметь. Божиим повелением нерукотворный образ на столпе изобразился, не рукою был написан, но Богом. И сама Богоматерь <еще> жива была, и апостолы умоляли ее, чтобы пришла на освящение храма. Она же сказала: «Ступайте, чада, и я там с вами буду». Они же, придя и увидев то преславное изображение, исполнились бесконечной радости, со слезами воссылали молитвы Богу, творцу всех. Потом и Богоматерь пришла, чтобы увидеть свое изображение истинное, и так сказала: «Благодать моя и сила да будет с тобою». И это божественное изображение злосмрадный тот Юлиан хотел сокрушить. И сколько камнетесы ни секли камень, и сколько ни пытались изображение то на землю низвергнуть, Божиим повелением эти краски невещественную силу обретали, еще глубже входя в камень. И такие чудеса случились, что посланные ушли ни с чем, никак не сумев это изображение низвергнуть, разве что кое-где негладко стало из-за посечения. Потом руки благочестивых и это сгладили. И когда посекали и сглаживали, краски нисколько своего цвета не изменили, были, как и прежде. Так и тот Эней, что был исцелен Петром и Иоанном. Так же воздвиг он прекрасную церковь, и так же образ Богоматери изобразился, и многие чудеса произошли. Так и божественный Лука образ Богоматери написал и к ней принес. Она же сказала: «Благодать моя и сила будет с тобою». И эта икона Божиим повелением здесь, в царствующем граде Москве, пребывает, охраняя христиан. Что же сказать тебе о той иконе Богоматери, которую божественный Герман, патриарх Царьграда, с той Лидской <иконы> списал, и как она, не намочив стоп, через море до Рима шествовала? Вы сами больше нас можете знать <об этом>, потому что церковь римская — у вас. Что сказать тебе о чудесах, и об исцелении недугов, и об изгнании бесов, которые случились благодаря божественным иконам и тем, кто им поклонялся? Из-за их множества и описать не могу их, — «придется мне повествовать целый год» об этом, как пишет апостол Павел, обращаясь к евреям. И коли хочешь познать истину, все это найдешь в Божественном Писании.

И скажи мне, когда и как началось поклонение идолам и творение икон, и ради чего? Не Серух ли первым начал идолов создавать? Кто среди храбрых имя свое прославил, кто среди мудрых, кто благодаря <какой-нибудь> иной вещи похвальной <прославился>, — и он, ибо был разумен, ради памяти и похвалы это делал. После него не имевшие его мудрости стали делать их, как богов, и как богам им поклонялись, и тех самых идолов богами называли. Это мерзко и запрещено через пророков Божиим повелением, ибо идолы создавались во имя скверных людей: одни были блудники, другие пьяницы, иные же разбойники, воры и скоморохи. Божественное изображение — во-первых, это изображение Спаса и Господа нашего Иисуса Христа, ибо в этот образ изволил воплотиться и спасти нас. Пречистая его Богоматерь — как сподобившаяся таковой божественной тайне послужить и принявшая просторно божественный огонь во чреве своем, как ходатайница о спасении рода нашего, через которую мы с Богом примирились. И потому образу ее поклоняемся. Небесные силы — как ходатаи о спасении нашем. Изображения всех святых на иконах почитаем мы потому, что они исполнители заповедей Господних, наставники. И сами мы стремимся к благочестию, подражать <F60680M%-4>м<F255D>им> хотим и исполнять <заповеди>. Это об иконах. Что касается идолов, такого ты указать не можешь, ибо отличается поклонение иконам от идольского беснования. Скажи же мне, можешь ли ты такие чудеса указать при идолах, как при иконах исцеления людей? Если ты поклонению иконам, как пес, не веришь, то, по Господней заповеди, не подобает перед тобой о святом говорить.

А что ты писал об Иоанновом послании об иконах, то в Иоанновом послании написано: «Чада! Храните себя от треб идольских». А об иконах в Иоанновом послании не писано. И это ты ложь написал. А что ты написал, будто Бог грозно карал тех, кто образы ставит, то мы того в Божественном Писании нигде не нашли. А что ты писал о вознесении Господнем, то та строка к этому не подходит. А что писал апостол Павел, что «тела наши суть церкви Божии, в которых живет Дух Божий». А что ты о Петре и Корнилии говорил, и как <говорится> у Богослова в Откровении об ангеле, — так <все> это ради смирения. Ибо и сам Господь наш Иисус Христос, когда преобразился на горе, сходя с горы, заповедал своим ученикам, говоря «никому не сообщать о виденном, пока Сын Человеческий не воскреснет из мертвых». И тем Господь показывает смирение и учит смиряться, дабы никто себя сам не превозносил. Потому и ангел Богословца воздвигает — учит смирению. Также и Петр <пришел> к Корнилию ради смирения. А если бы это было так, как ты говоришь, то что будешь делать с тем, что трикратным вопрошением Господним трикратное отвержение Петрово исправилось, <словами>: «Паси овец моих»? И если вы не поклоняетесь и не славите, то какой же быть пастве!

Посмотри же, что святые апостолы и власть имеют. И в Евангелии сказал Господь Петру: «И дам тебе ключ царствия небесного. И что свяжешь на земле, то связано будет на небесах, и что разрешить на земле, то разрешено на небесах будет». Видишь ли, что и небесная иерархия апостольской и святительской подчинена? И как во Второзаконии Илья затворил небо, и не было дождя три года и шесть месяцев только лишь по глаголу уст пророческих. Видишь ли, каков обычай благодати Божией слушать своих угодников. А <что> писал ты о Павле и о Варнаве, так они из-за того запретили, что жрецы идольские хотели им жертву принести, будто идолам. Они потому и запретили, что те не так их почитали, как подобает святых почитать. А что ты писал, что не подобает, кроме Бога, призывать на помощь святых, так в Евангелии иное написано: «Господь, увидев множество народа, смилосердствовался над ними, ибо они были в смятении и были отвержены, как овцы, не имеющие пастыря». Тогда сказал он своим ученикам: «Жатвы много, а делателей мало. Молитеся Господину о жатве, чтобы вывел делателей на жатву свою». «И призвал двенадцать учеников своих, дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгоняли <их>, и исцеляли всякий недуг и всякую болезнь». И видишь ли ты, какую власть дал Господь ученикам своим и святителям, не потому, что не мог спасти людей, но снисходя к их немощам и неразумию, и через тех наставляя людей на истинный путь, как об этом выше писано.

А что ты из Давидова псалма говоришь, то все об идолах писано, а не об иконах. А что писал ты, что несколько сот лет образов не было, то написал ты ложь. От Христова воплощения пошли образы и поныне. А что писал ты о святом епископе Епифании Кипрском, будто он растерзал образ некоего святого на полотенце, то лживо написано. То писание еретическое и истинными христианами не приемлется. Вспомни и самого Епифания, если к отеческому учению прибегаешь, как потом он был епископом на острове Кипре, где много поклонения иконам было, и поклонялись много. А когда Епифаний был епископом Папосом поставлен в епископы города Кипра, тогда дивным было его избрание, ибо святые отцы подвиглись духом от явления — обрели его на торге, где продается Божье изображение. В те времена был пребожественный Златоуст, и тот сказал: «Почитаю изображение, слитое из воска». Василий Великий, живший до того, говорит, что почитание образа относится к первообразу. А что в вашей стране с образами делается, я о том и говорить не хочу, как поддались вы бесовскому обольщению, сами о том знаете. Как сказал божественный апостол Петр в послании: «Суд вас не минует, и огонь не угаснет». А что ты писал из Деяний святых апостолов об апостоле Петре, то не к тому ты писал, в Деяниях апостольских того не писано, и написал ты ложь. На том и <остановимся>.

Тринадцатое мое слово

А что ты писал о девстве и о браке, то ты не о том писал, о чем я тебя спрашивал. Я тебя спрашивал о том, как вы относитесь к девству, браку и блуду, а не о том, что ты писал. А что ты написал, так об этом пишет Иоанн Богослов в своем первом послании: «Всякий, верующий в Господа Иисуса Христа воплотившегося и свидетельствующий <об этом>, в нем пребывать должен». Как он поступал, так и нам поступать <следует>. А у Христа жены не было, и все апостолы жен не имели. А что у Петра были теща и жена, так это до последования Христу. Когда же он последовал за Христом, то чистоту хранил, и теща ему была как мать, а жена — как сестра. Также и Филипп, из семи дьяконов, который имел четырех дочерей, пророчиц. Когда он не следовал Христу, тогда и родил их, когда же Христу последовал, тогда пребывал в чистоте. И дочери его с мужской твердостью хранили девство, сподобились пророческого дара и слово Божье вместе с апостолами проповедовали. Что же до мироносиц, то не все ли они девству последовали? <Все это> произошло не только с <людьми> мужского пола, но и женского.

Двояким может быть пребывание в христианстве, девственным и обычным. Давшим обет девства подобает отказаться от брака и от мяса, не из брезгливости, но ради воздержания. Тем же, кто не давал обета девства, если и будут причастны браку и мясу, то нет им <на это> запрещения, если заповеди Христовы сохранят, ибо не одинаковы заповеди для иноков и мирян. А о тех, кто дал обет девства и не сохраняет заповеди <Христовы>, пишет апостол Петр: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться <назад> от преданной им святой заповеди. Случилось с ними по истинной притче: пес, возвращающийся на свою блевотину, и вымытая свинья — в кал и грязь». Господь наш Иисус Христос говорит о девстве и о браке: «Потому оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут оба одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Ибо что Бог сочетал, того человек да не разлучит». И снова: «Если кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует, и тот, кто женится на разведенной, прелюбодействует». Это о браке. О девстве же евангелист Матфей пишет так: «Говорят ему ученики его: если такова обязаность человека к жене, то лучше не жениться. Сказал им Иисус: не все вмещают слово сие, но те, кому дано. Есть скопцы, которые такими родились из материнского чрева, и есть скопцы, которые оскоплены людьми, и есть скопцы, которые оскопили себя сами ради Царствия Небесного. Кто может вместить, да вместит».

Избранный сосуд апостол Павел пишет, обращаясь к римлянам: «Ныне нам спасение ближе, чем когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился. Отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света. Как днем, будем вести себя благообразно, <не предаваясь> ни пированию и пьянству, ни прелюбодейству, и постыдным делам, ни ссорам, ни зависти, но отдайтесь Господу Иисусу Христу и не угождайте плотской похоти». И опять тот же Павел, обращаясь к коринфянам, пишет: «Вы

писали мне о том, что добро, если человек не прикасается к женщине. Во <избежание> прелюбодеяния пусть каждый имеет жену свою, и каждая — мужа своего. Пусть муж жене должную любовь воздает, также и жена мужу. Пусть жена своим телом не владеет, но муж, также и муж своим телом пусть не владеет, но жена. Не лишайте друг друга, разве что временами, по согласию, для поста и молитвы, и снова соединяйтесь, да не искусит вас сатана за невоздержание ваше. Говорю вам так советуя, а не повелевая. Ибо хочу, чтобы все люди были, как я, но каждому свой дар дан от Бога, одному так, а другому так. Говорю юным и вдовицам: добро им, если останутся, как я. Если же не воздержатся, пусть вступают в брак. Лучше жениться, чем быть разжигаемым. А женившимся не я заповедаю, но Бог — с женой не разлучаться; если же разведется, то пусть живет без мужа или с мужем помирится. И мужу жену не отпускать». «Об отроках и девах я не имею повеления Господня и даю совет как получивший от Господа милость быть <ему> верным. По настоящей нужде признаю, что хорошо человеку оставаться так. Соединен ли ты с женой? Не ищи развода. Остался без жены? Не ищи иной. Если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Скорбь по плоти будут иметь таковые». «И я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разница между замужней и девицей: незамужняя заботится о Господнем, ибо свята телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы налагать на вас узы, но чтобы вы благообразно и благочинно <служили> Господу, безмолвствуя. Если кто считает неприличным для своей девицы, что она, будучи в зрелом возрасте, так остается, пусть делает, что хочет, не согрешит: пусть <она> выходит замуж. А если кто тверд сердцем и, не имея нужды, властен в своей воле, и так решил в сердце своем соблюдать свою деву, хорошо поступает. Так что выдающий свою девицу замуж хорошо поступает, а невыдающий поступает лучше. Жена связана законом, пока жив ее муж; если же умрет ее муж, она свободна выйти замуж, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так, по моему совету, ибо, думаю, и я имею Дух Божий».

Это я написал тебе, как подобает брак хранить. А спрашивал я тебя о нем, потому что слышал, что некоторые из вас блуду значения не придают и греха в нем не видят. И обличая таковых, верховный апостол Петр говорит: «Знает Господь, как избавлять благочестивых от напасти, а неправедных соблюдать до мучений в День судный, наипаче же тех, кто идет вслед плотской похоти, и о начальстве не радеют, дерзки, своевольны и хулят, не боясь быть ославленными, тогда как и ангелы, превосходя их крепостью и силой, не принимают на себя Господнего права осуждать. Они, как животные, естеством пребываемые в погибели и тлении, о которых не ведают и хулят, в растлении истлеют. Взимая мзду неправедную, сласть принимая за повседневную пищу, они — осквернители и срамники, питающиеся своею лестью, пиршествуя с вами. Очи их исполнены прелюбодейства, и они не оставляют греха, прельщая слабые души, сердце <их> приучено к лихоимству,

проклятые чада! Оставив правый путь, они прельстились, следуя по пути Валаама <сына> Восорова, который возлюбил неправедную мзду, <но> был обличен в своем беззаконии: безгласная ослица, возвестив человеческим голосом, запретила пророку <творить> беззаконие. Это источники безводные, облака и тучи, приносимые ветром, которым навеки уготован мрак тьмы. Произнося в суете горделивые речи, они совращают в нечистоты плотской похоти тех, кто воистину отпал и живет в соблазне. Обещают им свободу, будучи сами рабами тления».

А что написал ты об иноческом житии, то пошло оно от апостолов. Как сказал Господь наш Иисус Христос в Евангелии от Матфея, зачало 19: «Кто любит отца своего или мать более меня, не достоин меня; кто любит сына или дочь более меня, не достоин меня. И кто не примет креста своего и не последует за мной, не достоин меня». И снова, глава 33: «Кто хочет идти за мной, пусть откажется от себя, и возьмет крест свой, и следует за мной». В Евангелии от Луки, глава 54: «Если кто следует за мной и не возненавидит отца своего и мать, жену и детей, и братьев, и сестер, да и душу свою, не может быть моим учеником. Кто не носит креста своего и не следует за мной, не может быть моим учеником». «Так всякий из вас, кто не откажется от всего своего имения, не может быть моим учеником». Избранный сосуд апостол Павел, обращаясь к римлянам, пишет об этом: «Крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть его крестились. Мы погреблись с ним крещением в смерть, дабы, как Христос восстал из мертвых славою Отца, так и мы вступим в обновленную жизнь. Ибо если мы соединены с ним подобием смерти его, то будем <объединены> и <подобием> воскресения, ведая то, что ветхий наш человек был распят, чтобы упразднено было тело греховное, дабы не служить нам греху, ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, <то> веруем, что и жить будем с ним, ведая, что Христос, восстав из мертвых, уже не умрет, смерть его уже не одолеет. То, что он умер однажды для греха, он умер однажды, а если живет, то <живет> для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живем же мы для Господа во Христе Иисусе Господе нашем. Да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы повиноваться ему в похоти его. Не предавайте члены ваши греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как ожившие из мертвых, и члены ваши — Богу в орудия правды. Пусть грех не одолеет вас, ибо вы не под законом, но под благодатью». «Все мне позволительно, но не все на пользу. Все мне возможно, но никто не должен обладать мною. Пища для чрева, и чрево для пищи, но Бог и это упразднит. Тело не для прелюбодейства, но для Бога, и Господь для тела. Бог же и Господа воскресил, и нас воскресит с ним силою своею. Разве не знаете, что тела ваши это члены Христовы? Разве из членов Христовых сотворю прелюбодея? Да не будет <этого>. Или не знаете, что совокупляющийся с блудницей становится <с ней> одним телом? Ибо сказано, будете оба единой плотью. Соединяющийся с Господом становится <с ним> одним духом. Избегайте прелюбодейства, ибо всякий грех, что творит человек, вне тела, а творящий прелюбодеяние в своем теле согрешает. Или не знаете, что тела ваши это храм живущего в вас Святого Духа, <который> имеете от Бога, и вы не свои? Ибо вы

куплены <дорогою> ценою. Прославляйте Бога в теле вашем и в духе вашем, ибо вы суть Божии». «И да ничем не подобает хвалиться, только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым мир распят, и я миру. Ибо во Христе Иисусе ни обрезание ничего не значит, ни необрезание, но новое творение. И тем, кто поступает по этому правилу, мир им, милость, Израилю Божиему. Впрочем, никто да не утруждает меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле своем». И скажи мне, кто недуги исцелил, кто больных <на ноги> поставил, кто мертвых воскресил, кто смертную <чашу> испил, не навредив себе, кто бесов изгнал, не навредив себе, и прочее по Евангелию? Не все ли это иноческий подвиг? На том и <остановимся>.

14 убо мое слово

Четырнадцатое мое слово

А что писал ты, что ты по нашему повелению вольно и смело говорил, и нам бы на тебя опалы не держать, то мы ныне слово свое помним и никакой опалы на тебя не кладем. А что мне тебя нельзя держать за неeретика, так это потому, что все учения твои отвратны Христову учению, и обо всем ты мудрствуешь супротив Христовой церкви, и ты не только еретик, но и слуга Антихристов дьявольского совета. И <если> не пуще Лютера, <то> пуще тебя есть! А впредь бы тебе этого своего учения в нашей стране не объявлять. И о том Господа нашего Иисуса Христа, всех Спасителя, прилежно молим, чтобы нас, российский народ, сохранил от тьмы вашего неверия. Слава Отцу вместе с присносущим его Сыном и Святым Духом, ныне и присно и вовеки веков. Аминь.

Гимнографическое творчество Ивана Грозного

Стихотворное наследие Древней Руси представлено почти исключительно в жанрах церковной гимнографии. Главными стихотворными приемами являлись ритм (но без организации текста в стопы), синтаксическая инверсия и повторы. Поскольку тексты исполнялись на определенные мелодии, было необходимо сохранение заданного количества слогов; иногда это достигалось прибавлением гласных в тех местах, где они когда-то были в эпоху до падения редуцированных гласных (тогда краткие гласные обозначались буквами ер и ерь), или введением искусственных гласных. Из публикуемых текстов это явление, называемое в музыковедении «хомонией», особенно ярко представлено в «Стихирах митрополиту Петру».

Интерес Ивана Грозного к гимнографии хорошо известен: сохранилось свидетельство того, что во время освящения в 1564 г. собора в Никитском монастыре в Переяславле Залесском «сам же государь пел на заутрени и на литургии». Кроме того, в современной медиевистике принято считать, что царь не только пел церковные службы, но и создавал гимнографические тексты. К настоящему времени перу Ивана Грозного приписывается пять таких сочинений, авторство которых в разной степени доказано или предполагается в качестве научной гипотезы: Канон Ангелу Грозному воеводе, Молитва Иисусу Христу и архангелу Михаилу, Стихиры митрополиту Петру и Сретению Владимирской иконы Божией Матери и Тропарь и кондак на перенесение мощей Михаила Черниговского. В заглавиях большинства этих текстов, бытующих в рукописной традиции, читаются ремарки об их принадлежности особе царской крови (иногда, правда, лишь в одном или нескольких списках): «Творение царево», «Творение царя Иоанна, деспота Российскаго», «Творение Ивана, богомудраго царя, самодержца Российскаго» и др. Самое значительное и известное из этих сочинений «Канон Ангелу Грозному, воеводе» подписано литературным псевдонимом Грозного — именем Парфения Уродивого: царственный автор, укрываясь под вымышленным именем, иронически называл себя «девственником». Как писал Д. С. Лихачев, построенный по канонической схеме, с сохранением традиционных тем, положенных для входящих в него песнопений, Канон в действительности посвящен лишь одной теме — смерти — и тем отступает от традиционной формы. Вообще, при всей формальной традиционности большинства гимнографических сочинений Ивана Грозного исследователи отмечают своеобразие их текстов (а иногда — и напева), что определяет несомненное наличие в них момента авторского творчества.

Канон Ангелу Грозному, воеводе

Подготовка текста Т. Р. Руди, перевод Е. Л. Алексеевой, комментарии Е. Л. Алексеевой и Т. Р. Руди

ВСТУПЛЕНИЕ

Текст Канона Ангелу Грозному, воеводе публикуется по списку первой половины XVII в.: *ИРЛИ,* Карельское собр., № 2, лл. 4—10 об.; необходимые исправления внесены по рукописи *БАН,* 33.3.20 (сер. XVII в.), лл. 213 об.—227. Пометы о песнопениях «Слава» и «И нынѣ», помещенные в списке *ИРЛИ* на полях, при издании текста Канона внесены в строку.

Исследование и публикацию текстов Канона Ангелу Грозному воеводе по указанным спискам *ИРЛИ* и *БАН* см. в работе: *Лихачев Д. С.* Канон и Молитва Ангелу Грозному, воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 10—27.

ОРИГИНАЛ

КАНУН АНГЕЛУ ГРОЗНОМУ, И ВОЕВОДЕ, И ХРАНИТЕЛЮ ВСѢХ ЧЕЛОВЪКЪ, ОТ ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ БОГА ПОСЛАННОМУ ПО ВСЯ ДУША ЧЕЛОВЪЧЕСКАЯ. ТЫ ЖЕ, ЧЕЛОВѢЧЕ, НЕ ЗАБЫВАЙ ЧАСА СМЕРТНОГО: ПОЙ ПО ВСЯ ДНИ КАНУН СЕЙ. ТВОРЕНИЕ УРОДИВАГО ПАРФЕНИЯ

По утреннемъ пѣнии глаголи: «Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ. Аминь», «Царю Небесный»,[2] «Трисвятое» и по «Отче нашъ»[3] — «Господи, помилуй» 12, «Слава»,[4] «И нынѣ»,[5] «Приидете, поклонимся» 3-жды, таже псалом 50: «Помилуй мя, Боже», таже канун глас 6,[6] пѣснь 1, ирмосъ[7] «Яко посуху». Запѣвъ: «Святый ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас».

Прежде страшнаго и грознаго *твоего,* ангеле, пришествия умоли о мнѣ, грѣшнем, о рабѣ твоем, имярекъ. Возвести ми конец мой, да покаюся дѣл своих злыхъ, да отрину от себѣ бремя греховное. Далече ми с тобою путешествати, страшный и грозный ангеле, не устраши мене, маломощнаго. Дай ми, ангеле, смиренное свое пришествие и красное хождение, и велми ся тебѣ возрадую. Напои мя, ангеле, чашею спасения!

«Слава». Святый ангеле, да мя напоиши чашею спасения и весело теку вослѣд твоему хождению и молюся: не остави мене сира.

«И нынѣ». Рождешия ти царя вышним силамъ, Пресвятая Царица, ты бо еси милостива, можеши бо облехчити мое бремя грѣховное, тяшкое.

Пѣснь 3, ирмосѣ — «Нѣсте свята, якоже ты, Господи Боже».

Святый ангеле Христовъ, грозный воевода, помилуй мя, грѣшнаго раба своего, имярекъ. Егда приидет время твоего прихода, святый ангеле, по мене, грѣшнаго, имярекъ, разлучити мою душу от убогаго ми телеси, — и вниди с тихостию, да с радостию усрящу тя честно.

Молю ти ся, святый ангеле, яви ми свой свѣтлый зрак и весело возри на мя, окаяннаго, да не устрашит мене приход твой святый, да уготоваюся на срѣтение тебѣ честно.

«Слава». Святый ангеле, посланниче Божий, дажь ми, ангеле, час покаятися согрешении и отринути от себе бремя тяшкое. Далече ми тещи вослѣд тебе.

«И нынѣ». Святый ангеле, не имам иного развѣе тебе заступника скора. Помилуй грѣшнаго раба своего, имярекъ, и приведи душу мою ко Владычицы, та бо есть милостива отпущати грѣшнымъ согрѣшения.

Пѣснь 4, ирмос — «Христосъ мнѣ».

Молю ти ся, страшный и грозный посланниче вышняго Царя, воевода, — весело возриши на мя, окаяннаго, да не ужаснуся твоего зрака и весело с тобою путешествую.

Плачася и вопию, воевода Небесного Царя: грозно возхождение твое, да не вскоре разтлише мене, грѣшнаго, но весело и тихо напои мене смертною чашею.

«Слава». От сердца вопию ти, грозный воевода и воине Царя царствующимъ: нѣсть силнѣе тебя и крепчайши во брани, и умиленна в смерти, и пряма во исправлении. Исправи душу мою на путь вѣченъ.

«И нынѣ». Госпоже Богородице, Дево, рожшия Царя Небеснаго, смертоноснаго часа не минухся, избави душу раба своего, имярекъ, от сети ловящихъ.

Пѣснь 5, ирмос — «Божиимъ».

О сродници мои, егда видите мене, от вас разлучена, и зрак лица моего изменихся, и гробу предаюся, и ко Судии влеком буду, и молитеся о мнѣ святому ангелу, да ведет душу мою в мѣсто покойно.

О друзи мои любезнии, егда видите мене, от вас разлученна и земли предаема, помолитеся о мнѣ, грѣшнем, ко святому ангелу, да проводит душу мою вся двадесят мытарствъ[8] и измет от всѣх погибелей.

«Слава». Людие Божии благочестнии и вся племена земъстии, егда видите смертоносное тѣло, на земли повержено и вонею объяся, помолитеся ко ангелу смертоносному о мнѣ, да ведет душу мою в тихое пристанище невлаемо.

«И нынѣ». Пресвятая Дево Богородице, Владычице, ты вѣси немощь земных человѣкъ: вскоре разоряетца естество плоти нашей, — ты, Госпоже, буди нам заступница.

Пѣснь 6, ирмос — «Житейскаго».

От Бога посланнаго и страшнаго воина царемъ, и князем, и архиерѣемъ, и всѣмъ людем великое изменение от суетнаго вѣка сего, в напастех пребывающих и в скорбѣхъ тружающихъ сущи вѣрныхъ.

«Слава» 2. Святый ангеле, от всѣхъ насъ, на земли живущих, дань свою приимеши, *от Бога повелѣнную ти, егда приидеши и приимеши душу мою,* и неси *ю* в сокровище свѣта.

«Слава» 1. Святый ангеле, грозный посланниче, и мене избави от суетнаго жилища сего.

«И нынѣ». О Царице Владычице, сирымъ питателница и обидимымъ помощница, *болным надѣяние* и всѣмъ грѣшнымъ оцыщение, и мнѣ, грѣшному, имярекъ, буди ми помощница и помилуй мя.

Кондак.[9] **Глас 5.**

Небеснаго Царя воевода и предстатель престолу Божию и сотворитель воли Господни и совершитель заповедей его, не лишиши ся *славы* велѣлепныя *и прославишися, скоро пленяеши и не замедлиши николиже.* Всюду готовъ стоиши и храбруеши, и зла не убоишися, ни стара отриеши, ни млада отступиши. Вся имеши и ведеши в мѣсто покойно. И мене помилуй, грѣшнаго и окаяннаго, имярекъ, да поемъ ти аллилуйя.

Пѣснь 7, ирмос — «Хладод*а*виц».

Великий, мудрый хитрец, никтоже может твоея хитрости разумѣти, дабы скрылся от твоея нещадости. Святый ангеле, умилися о мнѣ, грѣшнемъ и окаяннемъ.

Мудрый ангеле и свѣтлый, просвети ми мрачную мою душу своим свѣтлымъ пришествиемъ, да во свѣтѣ теку вослѣдъ тебѣ.

«Слава». Святый ангеле, радуюся душею и трепещу рукою и показуя людем час разлучения души моей грѣшней от убогаго ми телеси. Святый анъгеле, помолися о мнѣ, грѣшнем.

«И нынѣ». Пресвятая Богородице, Владычице, помилуй грѣшнаго в час разлучения. Святый ангеле, страшный посланниче, изми душу мою от сѣти ловящих.

Пѣснь 8, ирмос — «Ис пламени».

Царю Небесному слава нетлѣнному и непроходимая, сотворшему чины ангелския, такова страшна и грозна смертоносна ангела. Хвалите, пойте и превозносите его во вѣки.

Царя Небеснаго слуга и предстатель престолу Божию, святый ангеле, смерть принося намъ, измени нас добротою здания твоего и приведи нас к свѣту свѣтлейшему Судии. Хвалите, пойте и превозносите его во вѣки.

«Слава». Царю Небесному, Богу нашему угождаеши, славы не отпадаеши, и заповеди его не преступаеши, и волю его твориши, и в любви пребываеши. Ангела тя свята хвалим, поемъ и превозносимъ его во вѣки.

«И нынѣ». Царице, Владычице, рожшия и вышнимъ силамъ и земнымъ Бога и Господа, Спасителя от находящих ны бѣд, молися Богу, да помилует ны в день судный. Господа пойте и превозносите его во вѣки.

Пѣснь 9, ирмос — «Бога человѣкомъ».

Осквернивше душу злыми похотми и теплыми слезами не омывше и милостынею не очистивше, страшнаго ангела посланника не поминающе, мы же тя, ангеле, по достоянию величаемъ.

Бога намъ повѣдаеши, святый ангеле, и душу мою окаянную ис тѣла изимаеши, и плоть разтлиши и гробу предаеши, молим ти ся, святый ангеле, изми душу мою от сети ловящихъ. Тя величаемъ.

«Слава». От Бога посланному, всѣхъ ангелъ пристрашен еси, святый ангеле, не устраши мою душу убогую, наполнену злосмрадия, и очисти, и престави ю престолу Божию непорочну. Тя величаемъ.

«И нынѣ». О Божия Мати Пречистая, вся спасаеши и милуеши, такожде помилуй мене, грѣшнаго и злосмраднаго, в час разлучения. И в муку посланному, тогда же ми помози, от огня изхити мя и от муки избави мя. Тя величаем.

Таже «Достойно есть», яко и «Тресвятае», и по «Отче нашъ» **трапарь, глас 5**.

Небесных сил избраннаго воеводу, от Бога посланнаго мудраго оружника и грознаго полченина и победителя вражиимъ силам, святого ангела, поюще, хвалимъ. Смертию нас назираетъ, и от суеты мира избавляетъ, и на суд *праведны* ко Христу представля*етъ*, и от вѣчных мукъ избавляетъ.

«Слава», «И нынѣ», Богородичен.[10]

Упование наше, Богородице, крѣпкая помощнице скорбящимъ, и от смерти изимаеши и от муки избавляеши, комуждо по достоянию благодать даеши.

Таже и отпустъ[11]: «Чеснѣйшу херувим»[12], «Слава», «И нынѣ», «Господи, помилуй» 2-жды, «Господи, благослови».

Конецъ всѣмъ благим. Слава свершителю Богу. Аминь.

---

[1] *Канон* — особая группа богослужебных песнопений, входящих в состав утрени и связанных в одно целое единством предмета. Полный канон состоит из девяти песен, причем вторая песнь поется только в канонах Великого поста. В полных канонах каждая песнь имеет свой особый предмет, заимствованный из ветхозаветных песен.

[2] *«Царю Небесный»* — одна из утренних молитв.

[3] *...«Трисвятое» и по «Отче наш»...* — Указание на необходимость прочесть ряд кратких молитв, начиная с Трисвятой песни и кончая Господней («Отче наш»).

[4] *«Слава»* — песнь «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу».

[5] *«И ныне»* — «И ныне и присно и во веки веков».

[6] *...Гласъ...* — Гласы — музыкальные лады (всего 8), на которых основаны все песнопения.

[7] *Ирмос* — первый тропарь в ряду других тропарей, входящих в одну песнь канона; он служит образцом для составления прочих. Здесь после слова «ирмос» приводятся его первые слова.

[8] *...двадесят мытарствъ...* — Апокрифическое представление об истязании души по разлучении с телом прежде суда Божия, производимое в воздушном пространстве злыми духами.

[9] *Кондак* — краткая песнь в похвалу святого или праздника.

[10] *...Богородичен.* — Песнопение в честь Богородицы.

[11] *Отпуст* — благословение, которое произносит священник по окончании службы при отпуске молящихся из храма.

[12] ...*«Честнейшую херувим»...* — Начальные слова стиха в честь Богородицы.

ПЕРЕВОД

КАНОН АНГЕЛУ ГРОЗНОМУ, ВОЕВОДЕ И ХРАНИТЕЛЮ ВСЕХ ЛЮДЕЙ, ПОСЛАННОМУ ОТ ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ БОГА ПО ВСЕ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ. ТЫ ЖЕ, ЧЕЛОВЕК, НЕ ЗАБЫВАЙ ЧАСА СМЕРТНОГО: ПОЙ КАЖДЫЙ ДЕНЬ КАНОН ЭТОТ. ТВОРЕНИЕ ЮРОДИВОГО ПАРФЕНИЯ

После утреннего пения читай: «Молитвами святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй нас. Аминь», «Царю Небесный», «Трисвятое» и по «Отче наш» — «Господи, помилуй» двенадцать раз, «Слава», «И ныне», «Придите, поклонимся» трижды, потом псалом 50-й «Помилуй меня, Боже», потом канон шестого гласа, песнь первую, ирмос «Как посуху». Запев: «Святой ангел, грозный воевода, моли Бога о нас».

До страшного и грозного твоего, ангел, пришествия смилуйся обо мне грешном, о рабе твоем, имярек. Возвести мне конец мой, да покаюсь в делах своих злых, да отрину от себя бремя греховное. Далеко мне с тобой путешествовать, страшный и грозный ангел, не устраши меня, немощного. Приди ко мне, ангел, с миром и милостью, и тебе я очень возрадуюсь. Напои меня, ангел, из чаши спасения!

«Слава». Ангел святой! Напои меня из чаши спасения, и с радостью поспешу вслед тебе и молюсь: не оставь меня в сиротстве.

«И ныне». Родившая царя вышним силам, Пресвятая Царица! Ты милостива, ты можешь облегчить мое бремя греховное, тяжкое.

Песнь третья, ирмос — «Никто не свят, как ты, Господи Боже».

Святой ангел Христов, грозный воевода, помилуй меня, грешного раба своего, имярек. Когда настанет пора прийти тебе, ангел святой, за мной, грешным, имярек, и отделить мою душу от убогого тела, — войди с кротостью, да с радостью встречу тебя достойно.

Молюсь тебе, ангел святой, яви мне свой светлый лик и весело посмотри на меня, окаянного, да не устрашит меня приход твой святой, да приготовлюсь к встрече с тобой достойно.

«Слава». Ангел святой, посланник Божий! Дай мне, ангел, время покаяться в согрешениях и отринуть от себя бремя тяжкое, далеко мне идти вслед тебе.

«И ныне». Ангел святой! Нет другого у меня заступника скорого. Помилуй грешного раба своего, имярек, и приведи душу мою ко Владычице, милостиво отпускающей грешным согрешения.

Песнь четвертая, ирмос — «Христос мне».

Молюсь тебе, страшный и грозный посланник вышнего Царя, воевода, посмотри весело на меня, окаянного, да не ужаснусь вида твоего и весело с тобою в путь пойду.

Плачу и вопию, воевода Царя Небесного: страшно восхождение твое! Да не тотчас предашь меня, грешного, тлению, но весело и тихо напоишь меня из смертной чаши.

«Слава». От сердца взываю к тебе, грозный воевода и воин Царя царствующим: нет никого сильнее и крепче тебя в битве и милосердного в смерти и справедливого в исправлении. Направь душу мою на путь вечен.

«И ныне». Госпожа Богородица, Дева, родившая Царя Небесного! Смертоносного часа не минул я, спаси душу раба своего, имярек, от сети ловящих.

Песнь пятая, ирмос — «Божиим».

О близкие мои! Когда увидите, что разлучился я с вами, и изменился образ лица моего, и гробу предаюсь, и когда к Судии влеком буду, — молитесь обо мне ангелу святому, да отведет душу мою в место покойное.

О друзья мои возлюбленные! Когда увидите, что разлучился я с вами и земле предаюсь, помолитесь обо мне, грешном, ангелу святому, да

проводит душу мою сквозь все двадцать мытарств и да спасет от всех бедствий.

«Слава». Люди Божии благочестные и все племена земные! Если увидите: мертвое тело на земле повержено и запах источает, помолитесь обо мне ангелу смертоносному, да отведет душу мою в тихое пристанище неволнуемое.

«И ныне». Пресвятая Дева Богородица, Владычица! Ты знаешь слабость земных людей: быстро разрушается естество плоти нашей, ты, Госпожа, будь нам заступницей.

Песнь шестая, ирмос — «Житейского».

От посланного Богом страшного воина даруется царям, и князьям, и архиереям, и всем людям великое избавление от суетной этой жизни всех подвергающихся напастям и в муках совершающих подвиги — всех верующих.

«Слава» 2. Ангел святой! От всех нас, живущих на земле, ты дань свою примешь, как повелено тебе Богом; когда придешь и примешь душу мою, отнеси ее в хранилище света.

«Слава» 1. Ангел святой, посланник грозный! Избавь и меня от суетной жизни этой.

«И ныне». О Царица Владычица, сиротам кормилица и обижаемым помощница, больным надежда и всем грешным очищение! И мне, грешному, имярек, будь помощница и помилуй меня.

Кондак. Глас пятый.

Небесного Царя воевода, стоящий пред престолом Божиим, творящий волю Господню и совершающий заповеди его! Ты не лишишься славы великолепной и прославишься, ты тотчас берешь в плен и не медлишь никогда, всюду готов стоишь, выказываешь храбрость и не пугаешься зла. Ты ни старого не отвергнешь, ни от молодого не отступишь, всех примешь и отведешь в место покойное. И меня помилуй, грешного и окаянного, имярек, да поем тебе «аллилуйя».

Песнь седьмая, ирмос — «Дающую прохладу».

Великий мудрый знаток всего! Никто не может постичь твоего всеведения, чтобы скрыться от твоей беспощадности. Ангел святой, помилуй меня, грешного и окаянного.

Ангел мудрый и светлый! Просвети мою мрачную душу своим светлым пришествием, да во свете пойду за тобой.

«Слава». Ангел святой! Радуется душа моя и дрожат руки мои, показывая людям время разлучения души моей грешной с убогим моим телом. Ангел святой, помолись обо мне грешном.

«И ныне». Пресвятая Богородица, Владычица! Помилуй грешного в час разлучения. Ангел святой, посланник страшный, вынь душу мою из сети ловящих.

Песнь восьмая, ирмос — «Из пламени».

Слава нетленная и непреходящая Царю Небесному, сотворившему чины ангельские, такого страшного и грозного смертоносного ангела. Хвалите, воспевайте и превозносите его вовеки.

Царя Небесного слуга, стоящий у престола Божия, ангел святой, смерть приносящий нам! Измени нас добротою природы твоей и приведи нас к свету светлейшему Судии. Хвалите, воспевайте и превозносите его вовеки.

«Слава». Царю Небесному, Богу нашему угождаешь, славы не лишаешься, и заповеди его не преступаешь, и волю его творишь, и в любви пребываешь. Тебя, ангела святого, хвалим, воспеваем и превозносим его вовеки.

«И ныне». Царица, Владычица, родившая и вышним силам и земным Бога и Господа, Спасителя от приходящих к нам бед! Молись Богу, да помилует он нас в день судный. Господа воспевайте и превозносите его вовеки.

Песнь девятая, ирмос — «Бога человекам».

Осквернив душу низкими желаниями, и теплыми слезами не омыв, и милостыней не очистив, страшного ангела посланника не поминая, мы же тебя, ангел, по достоинству величаем.

Бога нам поведаешь, ангел святой, и душу мою окаянную из тела вынешь, и плоть тлению предашь и в гроб положишь. Молимся тебе, ангел святой, вынь душу мою из сети ловящих. Тебя величаем.

«Слава». От Бога посланный, всех ангелов ты страшнее, ангел святой! Не устраши мою душу убогую, исполненную злосмрадия, и очисти и поставь перед престолом Божиим непорочную. Тебя величаем.

«И ныне». О Божия Мать Пречистая, всех ты спасаешь и милуешь, также помилуй и меня, грешного и злосмрадного, в час разлучения. И когда буду на муку посылаем, тотчас мне помоги, от огня спаси меня и от муки избавь меня. Тебя величаем.

Потом «Достойно есть», «Трисвятое» и после «Отче наш» — тропарь, глас пятый.

От небесных сил избранного воеводу, от Бога посланного мудрого воина и грозного ратника и победителя вражьих сил, святого ангела, воспевая, хвалим. Он в смерти за нами надзирает, и от суеты мира избавляет, и на суд праведный к Христу представляет, и от вечных мук избавляет.

«Слава», «И ныне», Богородичен.

Упование наше, Богородица, надежная помощница скорбящим! Ты и от смерти спасаешь, и от муки избавляешь, каждому по заслуге благодать даешь.

Потом отпуст, «Честнейшую херувим», «Слава», «И ныне», «Господи, помилуй» дважды, «Господи, благослови».

Конец всем благим. Слава создателю Богу. Аминь.

Молитва к Господу нашему Иисусу Христу, к святому архангелу Михаилу

Подготовка текста Т. Р. Руди, перевод Е. Л. Алексеевой, комментарии Е. Л. Алексеевой и Т. Р. Руди

ВСТУПЛЕНИЕ

Текст Молитвы Иисусу Христу и архангелу Михаилу публикуется по списку первой половины XVII в.: *ИРЛИ,* Карельское собр., № 2, лл. 4—10 об.; необходимые исправления внесены по рукописи *БАН,* 33.3.20 (сер. XVII в.), лл. 213 об.—227.

ОРИГИНАЛ

Господи Исусе Христе Сыне Божий, великий царю, безначалный и невидимый и несозданный, сѣдяй на престоле со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, приемля славу от небесных силъ, посли архаггела своего Михаила на помощь рабу своему, имярек, изъяти мя из руки врагъ моихъ.

О великий Михаиле Архаггеле, дѣмономъ прогонителю! Господи Исусе Христе, излѣй миро, яко благъ и человѣколюбецъ, на раба твоего, имярек, и запрети всѣмъ врагомъ, борющимся со мною, сотвори ихъ яко овецъ и сокруши ихъ яко прахъ пред лицем вѣтру.

О великий Михаиле Архаггеле, шестокрилатых первый князь и воевода небесных силъ, херувимъ и серафимъ[1] и всѣх аггелъ!

О чюдный архистратиже страшный, Михаиле Архаггеле, хранителю неизреченных таинъ, егда услышиши глас раба Божия, имярек, призывающаго тя на помощь, Михаиле Архаггеле, услыши и ускори на помощь мою и прожени от мене вся противныя нечистыя духи силою Святаго твоего Духа, молитвами святыхъ апостолъ и святых пророкъ, святых святитель и святых мученикъ, и святых пустынникъ, святых безмѣздникъ и святых столпникъ, святых мучеництъ и всѣхъ святыхъ праведникъ, угодивших от вѣка Христу, — молитвами ихъ соблюди раба Божия в бедах и в скорбех и в печалех, на распутияхъ, на реках и в пустынях, в ратѣх, въ царѣхъ и въ князех, в вельможахъ, и в людех, и во всякой власти. И от всякоя притчи, и от диявола, Господи Исусе Христе, избави и, великий Михаиле Архаггеле, соблюди раба Божия, имярек, от очию злых человѣкъ и от напрасныя смерти, и от всякого зла, молитвами пресвятыя Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мария и святаго пророка и предотечи, крестителя Господня Иоанна, и святаго пророка Илии, и святаго отца нашего Николы Чюдотворца, и святых мученикъ Никиты и Еупатия и всѣх святых твоихъ молитвами, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

---

[1] *...херувимъ, и серафимъ...* — Первые два чина ангельской иерархии.

ПЕРЕВОД

Господи Иисусе Христе, Сын Божий, великий царь, безначальный и невидимый и несозданный, сидящий на престоле с Отцом и со Святым Духом, принимая славу от небесных сил, пошли архангела своего Михаила на помощь рабу своему, имярек, чтобы спас он меня от рук врагов моих.

О великий Михаил Архангел, прогоняющий демонов! Господи Иисусе Христе, ты добр и человеколюбив, пролей миро на раба твоего, имярек, и поставь преграду на пути всех врагов, борющихся со мной, преврати их в овец и развей их, как ветер пыль.

О великий Михаил Архангел, вождь шестикрылых и воевода небесных сил, херувимов, серафимов и всех ангелов!

О чудный архистратиг, внушающий ужас, Михаил Архангел, хранитель неизреченных тайн! Когда услышишь голос раба Божия, имярек, призывающего тебя на помощь, Михаил Архангел, услышь меня и поспеши на помощь мне, и прогони от меня все враждебные нечистые духи силою твоего Святого Духа, молитвами святых апостолов и святых пророков, святых святителей и святых мучеников, святых отшельников, святых бессребреников и святых столпников, святых мучениц и всех святых праведников, угодивших во все времена Христу, — молитвами их сохрани раба Божия в бедах и в несчастьях и в печалях, на дорогах, на реках и в пустынях, в битвах, в царях и в князьях, в вельможах и в людях, и во всякой власти. И от всякой беды, и от дьявола, Господи Иисусе Христе, избави, и, великий Михаил Архангел, сохрани раба Божия, имярек, от глаз недобрых людей, и от внезапной смерти, и от всякого зла молитвами пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и святого пророка и предтечи крестителя Господня Иоанна, и святого пророка Илии, и святого отца нашего Николая Чудотворца, и святых мучеников Никиты и Евпатия и всех святых твоих молитвами, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Стихиры митрополиту Петру

Подготовка текста Т. Р. Руди, перевод Е. Л. Алексеевой, комментарии Е. Л. Алексеевой и Т. Р. Руди

ВСТУПЛЕНИЕ

Текст Стихир митрополиту Петру публикуется по факсимильному воспроизведению рукописи *РГБ,* собр. Библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), № 428, лл. 98—101, 222 об.—225 об. (см.: *Леонид, архим.* Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение царя Иоанна, деспота Российскаго. По рукописи Библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 428 // Памятники древней письменности. Т. 63. СПб., 1886). О

рукописной традиции Стихир митрополиту Петру см.: *Серегина Н. С.* Стихиры митрополиту Петру «творения» Ивана Грозного // Древнерусская певческая культура и книжность. Серия: Проблемы музыкознания. Л., 1990. Вып. 4. С. 69—80.

ОРИГИНАЛ

ДЕКЕМВРИА 21 ДНЯ. ВЪ ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ ПРЕСТАВЛЕНИЕ ПЕТРА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО[1] И ВСЕЯ РОССИИ ЧУДОТВОРЦА. НА «ГОСПОДИ ВОЗЗВАХЪ» СТИХИРЫ, ГЛАСЪ 2. ПОДОБЕНЪ[2]: «КИИМИ ПОХВАЛЬНЫМИ ВѢНЦЫ» (...) ИНЫ СТИХИРЫ, ГЛАСЪ ТОЙ ЖЕ. ТВОРЕНИЕ ЦАРЯ ИОАННА, ДЕСПОТА РОСИЙСКАГО

Кыми похвалеными вѣнецы увяземо святителя, иже плотью в Руси суща и духовно всѣмъ достизающа, иже чистѣ того любяще, вѣрнымо предстателя и заступеника, иже всѣмо скорбнымо утѣшителя, благочестия рѣку, землю Рускую веселющу течении, Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя?

Кыми пророческими пѣнии вѣнчаемо святителя, нечестию спротивобореца и благочестию правителя, освященнаго ото пелено, столпа церкви неподвижимаго, иже веся злобеныя посрамляюща, потребителя Сеитова,[3] реку многихъ чюдесо, землю Рускую веселящу течении, Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя?

Кыми духовеными пѣнии воспоимо святителя, иже далная суща провидяща и отстоящая яко близо суща пророчествующа неложено, иже явлениеме Пречистыя первосвятителю явлешуся дивнаго в чюдесѣхъ исцеления весѣмо подавающа, реку землю Рускую веселящу течении, Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя?

«Слава». Глас 1. Божественаго совыше явления свѣтелостию умоме своиме просвѣтивося, Петре, твердый умоме, законы избѣже естественыя, якоже сѣне благодатию же истиненою, весемудре, осиянно бысте,[4] отонюдуже и приятелище Пресвятаго Духа бысте, чюдесемо дарово прията обогащая сими чада своя, и нынѣ с первосвятители предостоя Христу, молися о душахо нашихо.

«И ныне» празднику. Глас той же. Приимите ясли егоже во купинѣ Моисей Законоположенико провидѣ во Хоривѣ[5] нынѣ ражаемо ото Дѣвы Духоме Божественыиме: тая и есте иже в Законѣ реченная, тая

есте пророческая печате, яже Бога плотию тлѣннымо являюще, емуже поклонимося.

НА ИСХОЖЕНИИ:[6] СЛАВА, ГЛАС 6. ТВОРЕНИЕ ЦАРЕВО

Денесе собори рустии сошедошеся радостено празденуимо, первосвятителю Петру и чюдотворецу ото земля на небо прошедошу, благочестено торжествуимо прежеосвященнаго ото пелено во спасение Христовыхъ словесеныхъ овеце: цари свѣща носяща предоидуте, царскаго благолѣпия чтуще честеное украшение, святители трудо весе отоложеше радостено послѣдующе первосвятителю Божию Петру и предстателю; веси убо радостено возопиемо: «Радуйся, святителю Петре, молися прилѣжно о душахо нашихо».

«И ныне» празнику.

---

[1] *...Петра митрополита Московскаго* — Петр, митрополит Московский и с 1308 г. митрополит всея Руси. Основатель московского кафедрального Успенского собора. Много способствовал возвышению Московского княжества. Скончался в 1326 г., годом позже канонизован во Владимире, в 1339 г. — в Константинополе. Почитается как небесный покровитель г. Москвы.

[2] *Подобенъ...* — Церковная песнь, по содержанию, размеру и тону подобная другой песни служебной минеи или октоиха. В данном случае «самогласным» образцом послужили стихиры апостолам Петру и Павлу (29 июня). Первые два стиха стихир митрополиту Петру воспроизводят стихиры Николаю Чудотворцу, помещаемые под 6 декабря.

[3] *...потребителя Сеитова...* — Из жития митрополита Петра известно, что он в прении победил и проклял некоего еретика Сеита (судя по имени, принадлежавшего к мусульманскому духовенству).

[4] *...сѣне благодатию же истиненою... осиянно быстe...* — Под сенью (тенью) имеется в виду Ветхий Завет, под благодатью — Новый.

[5] *Хорив* — другое название горы Синай.

[6] *На исхожении.* — Имеется в виду выход клира из алтаря к раке святого в Успенском соборе во время молебна. По содержанию данная

стихира восходит к заключительной стихире службы Введения во храм 21 ноября.

ПЕРЕВОД

21 ДЕКАБРЯ. В ЭТОТ ДЕНЬ ПРЕСТАВЛЕНИЕ ПЕТРА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И ВСЕЙ РОССИИ ЧУДОТВОРЦА. СТИХИРЫ НА «ГОСПОДИ, ВОЗЗВАХ», ГЛАС ВТОРОЙ. ПОДОБЕН «КИИМИ ПОХВАЛЬНЫМИ ВЕНЦЫ» <...> ДРУГИЕ СТИХИРЫ, ГЛАС ТОТ ЖЕ. ТВОРЕНИЕ ЦАРЯ ИОАННА, ВЛАСТЕЛИНА РОССИЙСКОГО

Какой наградой увенчаем святителя, телом находящегося на Руси, а духом достигающего всех, чистой любовью его любящего, наставника и заступника верующим, всем скорбящим утешителя, реку благочестия, течением своим радующую землю Русскую, Петра, горячего заступника нашего и хранителя?

Какими пророческими песнопениями увенчаем святителя, борца с бесчестием и поборника благочестия, освященного от пелен, столпа Церкви непоколебимого, посрамляющего все греховное, победителя Сеита, реку многих чудес, течением своим радующую землю Русскую, Петра, горячего заступника нашего и хранителя?

Какими духовными песнопениями воспоем святителя, провидящего далекое и находящееся в отдалении как близкое предсказывающего истинно, дающего всем дивное в чудесах исцеление явлением Пречистой, явившейся первосвятителю, реку, течением своим радующую землю Русскую, Петра, горячего заступника нашего и хранителя?

«Слава». Глас первый. Просветившись умом своим от светлости Божественного явления свыше, Петр, твердый умом, ты избежал закона природы, как сень благодатию истинною ты, всемудрый, освещен был, почему и стал ты вместилищем Пресвятого Духа, приняв дары чудес, обогащая ими чад своих, и ныне с первосвятителями стоя перед Христом, молись о душах наших.

«И ныне» празднику. Глас тот же. Примите, ясли: тот, о ком Моисей Законоположник узнал наперед в купине на Хориве, ныне рождается от Девы Духом Божественным: она и есть та, что названа в Законе, она и есть пророческий знак, она являет Бога тленного плотью, которому поклоняемся.

ПРИ ИСХОЖДЕНИИ: «СЛАВА», ГЛАС ШЕСТОЙ. ТВОРЕНИЕ ЦАРЯ

Сегодня, соборы русские, сойдясь, радостно празднуем, потому что первосвятитель Петр и чудотворец с земли на небо взошел, благочестно празднуем преждеосвященного от пелен во спасение Христовых духовных овец: цари, неся свечи, впереди идут, почитая бесценное украшение царской красоты; архиереи, труд весь отложив, с радостью подражают первосвятителю Божию и защитнику Петру; все радостно воскликнем: «Радуйся, святитель Петр, молись прилежно о душах наших».

«И ныне» празднику.

Стихиры сретенью Владимирской иконы Божией Матери

Подготовка текста Т. Р. Руди, перевод Е. Л. Алексеевой, комментарии Е. Л. Алексеевой и Т. Р. Руди

ВСТУПЛЕНИЕ

Текст Стихир митрополиту Петру и Сретению Владимирской иконы Божией Матери публикуется по факсимильному воспроизведению рукописи *РГБ,* собр. Библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), № 428, лл. 98—101, 222 об.—225 об. (см.: *Леонид, архим*. Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение царя Иоанна, деспота Российскаго. По рукописи Библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 428 // Памятники древней письменности. Т. 63. СПб., 1886).

ОРИГИНАЛ

СТИХИРЫ СРЕТЕНИЮ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ[1]

ИУНИЯ 23 ДНЯ. ВЪ ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ ПРАЗДНУЕМЪ СРѢТЕНИЕ ПРЕЧИСТОЙ ВЛАДИМИРСКОЙ. НА «ГОСПОДИ ВОЗЗВАХЪ» СТИХИРЫ, ГЛАСЪ 4 (...) ИНЫ СТИХИРЫ. ГЛАС 1. ПОДОБЕН: «О ДИВНОЕ ЧЮДО». [2] ТВОРЕНИЕ ЦАРЕВО

О великое милосердие грѣшнымо еси, Богородице пречистая, скорая помоще, спасение и заступление. Веселися, преименитый градъ Москва, приемля чюдотворную икону Владычица. Воспоимо, вѣрении, со архиерѣи и со князи: «Обрадованная, радуйся, с тобою Господе, подаяй намо тобою велию милость».

Дивно твое милосердие, Владычице: егда бо християне припадоша ти избавитися пагубнаго заколения, тогда невидимо Сыну си молящеся, честеным же си образомъ люди спасающе. Християне, возрадуитеся, поюще: «Обрадованная, радуйся».

Твое славяте заступление архиерѣи и священицы, царие и князи, иноки же и причетницы, и весенародное множество, со женами и младенцы. О святѣй иконѣ твоей хвалящеся, припадаюте велможи с воинествы рускими, зовуще: «Обра(дованная, радуйся)».

«Слава», «И ныне». Глас 6. Вострубите трубою пѣсней во благонарочитеме дни праздеденика нашего. И тмы разрушение и свѣту пришествие паче солнеца восиявошу; се бо весѣхо Царица и Владычица и Богородица, Мати Твореца весѣхо, Христа Бога нашего, услышавоше моление недостоиныхо рабо своихо, на милосердие прекланяетеся, и милостивено невидимо руцѣ простирающи к Сыну си и Богу нашему, молитву о всей Руси предолагающи, и согрѣшениемъ свобожение даровати молящися, и праведеное его прещение возвратити. О, великое милосердие, Владычица, о, великое щедрото, милости Царица, о, великое заступление, Богородица, како убо, молящи Сына своего и Бога нашего, пришествиеме честенаго образа преславено и выше слова градо и веся люди ото напасти и смерти избавляющи. Царие и князи да сотекутеся, святители и священицы да возвеселятеся, и весяко возрасто вѣреныхо моножество совокупленное весѣхо Царицы, Царя рожешей, да воспоемъ благодарественная, в радости глаголюще: «Радуйся, Божие жилище и граде одушевленный Царя Христа Бога нашего; радуйся, християномо излияние милости и щедрото и промышления; радуйся, к тобѣ прибегающимо пристанище и заступление, и избавление и спасение наше».

На литии[3]. «Слава», «И нынѣ». Глас 6.

Яко венцеме пресвѣтлыме, пречистая Богородице, образомъ твоимъ святыме градо Москва украсися и свѣтится.

Весь до конца писанъ Покрову.

---

[1] *Владимирская икона Божией Матери* — доставлена в Киев из Константинополя в XII в. Князь Андрей Боголюбский перенес ее в Вышгород, затем в Боголюбово, откуда она попала во Владимир. В ожидании нашествия Тамерлана в 1395 г. икона была перенесена в Москву. На месте ее встречи заложен Сретенский монастырь.

[2] *Подобен «О, дивное чудо».* — Образцом послужили стихиры Успения Богородицы 15 августа. Первые два стиха стихир восходят к стихирам Николаю Чудотворцу 6 декабря.

[3] *Лития.* — Общественное моление в притворе храма или вне храма.

ПЕРЕВОД

СТИХИРЫ СРЕТЕНИЮ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ[1]

23 ИЮНЯ. В ЭТОТ ДЕНЬ ПРАЗДНУЕМ ВСТРЕЧУ ПРЕЧИСТОЙ ВЛАДИМИРСКОЙ. СТИХИРЫ НА «ГОСПОДИ, ВОЗЗВАХ», ГЛАС ЧЕТВЕРТЫЙ <...> ДРУГИЕ СТИХИРЫ. ГЛАС 1. ПОДОБЕН «О ДИВНОЕ ЧУДО». ТВОРЕНИЕ ЦАРЯ

Ты великое милосердие к грешным, Богородица Пречистая, помощь скорая, спасение и заступничество! Веселись, преименитый град Москва, принимая чудотворную икону Владычицы! Воспоем, верные, с архиереями и князьями: «Обрадованная, радуйся, с тобою Господь, подающий нам через тебя великую милость!»

Дивно твое милосердие, Владычица: когда христиане обратились к тебе, чтобы избавиться от гибельного принесения в жертву, тогда, невидимо молясь своему Сыну, честным своим образом ты спасла людей. Радуйтесь, христиане, и пойте: «Обрадованная, радуйся!»

Твое заступничество славят архиереи и священники, цари и князья, иноки и причетники, и все множество народа с женами и детьми. К

святой иконе твоей с пением припадают вельможи и воинства русские, призывая: «Обрадованная, радуйся!»

«Слава», «И ныне». Глас шестой. Вострубите трубою песни в знаменательный день праздника нашего! И рушится тьма, и приходит свет, сияющий ярче солнца, — это всех Царица и Владычица и Богородица, Мать Творца всех, Христа Бога нашего, услышав моление недостойных рабов своих, склоняется к милосердию, милостиво невидимо руки простирая к Сыну своему и Богу нашему, принося молитву о всей Руси, молясь о даровании освобождения от согрешений и о смирении его праведного гнева. О, великое милосердие, Владычица, о, великая щедрота, милости Царица, о, великое заступничество, Богородица, молящая Сына своего и Бога нашего, появлением честного образа преславно и несказанно город и всех людей избавляющая от беды и смерти! Пусть соберутся цари и князья, пусть возрадуются архиереи и священники, и всех возрастов верные Царице всех, родившей Царя, и воспоем слова благодарности, радостно повторяя: «Радуйся, Божие жилище и град одушевленный Царя Христа Бога нашего! Радуйся, излияние христианам милости и щедрот и заботы! Радуйся, обращающимся к тебе пристань и заступничество, избавление и спасение наше!»

На литии «Слава», «И ныне». Глас шестой.

Как венцом пресветлым, Пречистая Богородица, образом твоим святым украсился и светится град Москва.

Весь до конца написан на Покров.

Тропарь и кондак на перенесение мощей Михаила Черниговского

Подготовка текста Т. Р. Руди, перевод Е. Л. Алексеевой, комментарии Е. Л. Алексеевой и Т. Р. Руди

ВСТУПЛЕНИЕ

Текст Тропаря и кондака на перенесение мощей Михаила Черниговского публикуется по единственному известному полному

списку: *РНБ,* собр. А. А. Титова, № 3802 (XVII в., первая пол.), лл. 156 об. —158.

См. также: *Рамазанова Н. В.* Тропарь и кондак на пренесение честных мощей князю Михаилу Черниговскому, «...творение Ивана, богомудраго царя, самодержца российскаго» (к проблеме атрибуции) // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 107—116.

ОРИГИНАЛ

ТРОПАРЬ И КОНДАК НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО[1]

НА ПРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕМ ТРОПАРЬ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ ЧЕРНИГОВСКОМУ. ТВОРЕНИЕ ИВАНА, БОГОМУДРАГО ЦАРЯ, САМОДЕРЖЬЦА РОСИЙСКАГО

Глас 8. Троичнаго Божества осианиемъ просвѣтився, пресьвѣтле и всеблаженне, великий княже Михаиле, з доблим и всемудрым болярином ти Феодоромъ, ярости нечестиваго царя не убоявшеся исповѣдания ради Святыя Троица, самозваннии к подвигом устремистеся и видимому сему солнцу паче праведнаго солнца Христа не поклонистеся, кусту же *и* огню и идолом не поклонистеся, но поплевасте. Кровии своихъ струями обагривщеся, востекосте радостно ко Господу господем и Царю царем, Господу нашему Исусу Христу, в Троице славимому, от него побѣдная вѣнца приясте и своими кровии страдании тогда всю Рускую землю от нечестия свободисте, — тако и нынѣ своимъ пришесьствиемъ насъ свыше назирайте, предстояще у престола Владыки Христа, моляще Святую Троицу избавитися намъ от ходящих ны золъ: душевных согрѣшений, и телесных болѣзней, и варварскаго нахождения, и межуусобныа брани, и всяких скорбей, душевных и телесных, и мятежей. Молим вы, святии, яко да вашими святыми молитвами подасть нам вся благая Христос человѣколюбець, прославляемый во святых своихъ.

Кондак. Глас 5. Солнца мысленаго, праведнаго Христа, озарився сияниемъ пребогате, Михаиле, видимому солнцу не поклонился еси, и твари паче Творца не послужилъ еси, и нечестия обуздал еси; ярости царя не убоявся и кровии своихъ обагрении Христови предсталъ еси, радуяся. И нынѣ в пренесении мощей твоихъ нас свыше назирай и Христа, Бога нашего, молити тебѣ о нас молимся, яко спастися намъ и державы царствия непоколебимо, отечество ваше соблюсти о всѣхъ противныхъ иноплеменных, и межуусобных ратей, и мятежа, и оскудения, и праведнаго Господня гнѣва, и прещения возвратити и сохранити Господу Богу нашему Исусу Христу во всемъ молитвами твоими, — святителя же, и царя, и вся люди по велицей его милости.

[1] *Михаил Черниговский.* — Великий князь. 20 сентября 1246 г. замучен в Орде вместе с боярином Федором; оба причтены к лику святых. Местом первоначального погребения был Чернигов, затем их тела были перенесены в Москву в кремлевский Архангельский собор.

ПЕРЕВОД

ТРОПАРЬ И КОНДАК НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО[1]

ТРОПАРЬ НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ ЧЕРНИГОВСКОМУ. ТВОРЕНИЕ ИВАНА, БОГОМУДРОГО ЦАРЯ, САМОДЕРЖЦА РОССИЙСКОГО

Глас восьмой. Просветившись сиянием Троичного Божества, пресветлый и всеблаженный великий князь Михаил, вместе с храбрым и всемудрым твоим боярином Феодором, не испугавшись ярости нечестивого царя ради исповедания Святой Троицы, подчинившись внутреннему зову, вы устремились к подвигу, не поклонились видимому солнцу вместо праведного солнца Христа, кусту, огню и идолам не поклонились, но поплевали на них. Крови своей струями обагрившись, с радостью взошли к Господу господам и Царю царям, Господу нашему Иисусу Христу, в Троице славимому, от него приняли победные венцы и своими кровными страданиями тогда всю землю Русскую от позора освободили, — так и теперь пришествием своим надзирайте за нами сверху, стоя у престола владыки Христа, умоляя Святую Троицу, чтобы избавиться нам от наступающих бед: духовных прегрешений, телесных болезней, вражеских набегов, междуусобной брани, всяческих скорбей — как душевных, так и телесных, мятежей. Молим мы вас, святые, чтобы святыми молитвами вашими все благое дал нам Христос-человеколюбец, прославляемый в своих святых.

Кондак, глас пятый. Духовного солнца, праведного Христа, сиянием щедро озаренный, не поклонился ты, Михаил, видимому солнцу, не послужил творению больше, чем творцу, бесстыдства обуздал, гнева царского не убоялся, обагренный кровью своею предстал перед Христом, радуясь. Теперь же при перенесении мощей твоих над нами сверху надзирай, и Христа, Бога нашего, просим мы тебя молить за нас, чтобы спастись и нам, и державе царства непременно, отечество наше сохранить от всех врагов иноплеменных, от битв междуусобных, от мятежей и бедности, от праведного гнева Господня и наказания, во всем обратить и спасти нас для Господа нашего, Иисуса Христа, молитвами твоими по его великой милости, — и святителя, и царя, и весь народ.

Рассказ о болезни царской 1553 года в приписке к Лицевому летописному своду

Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Рассказ о болезни Ивана IV в 1553 г. и о мятеже бояр, не желавших присягнуть его малолетнему сыну, примыкает к важнейшим публицистическим памятникам XVI в. — переписке Ивана Грозного с Курбским, летописным рассказам о политических переворотах того времени. Однако своеобразие этого рассказа в том, что он помещен не в основном тексте летописи, а в скорописной приписке к одному из томов Лицевого свода. Обширный иллюстрированный свод, охватывающий всю историю с библейских времен до второй половины XVI в., состоит из 10 томов, украшенных иллюстрациями («лицами»), — трех, которые содержат хронограф (всемирную историю), шести томов, охватывающих русскую историю до 1567 г., и еще одного тома с нераскрашенными иллюстрациями, переплетенного в XVIII в. и изданного М. М. Щербатовым под названием «Царственной книги».

Н. П. Лихачев датировал Лицевой свод по водяным знакам 70-ми— началом 80-х гг. XVI в. Комментируемая далее приписка содержится в «Царственной книге». Это обстоятельство давало основание для предположения, что текст «Царственной книги» и приписка к нему были написаны позже, чем предшествующий том Лицевого свода — Синодальный список *(ГИМ,* Синод. собр., № 962). Однако Т. Н. Протасьева убедительно показала, что «Царственная книга» не является единым памятником, а представляет собой комплекс листов, не включенных в XVII в. в переплетенные 9 томов Лицевого свода. Часть из них (с 1535 по 1542 г.) представляла собой перебеленные листы Синодального списка, другая часть (с 1543 по 1553 г.) состояла из листов самого Синодального списка, не попавших в XVII в. в переплет (годы 1543—1553 в Синодальном списке отсутствуют). Скорописные приписки за 1539 и 1542 гг., читающиеся в Синодальном списке, были включены на перебеленных листах «Царственной книги» в основной текст (т. е. учтены составителем перебеленного текста и частично дополнены). Что касается приписки 1553 г. (о болезни царской), сохранившейся в «Царственной книге», и приписке 1554 г. (о заговоре Семена Ростовского), дошедшей в составе Синодального списка (в «Царственной книге» текста после 1553 г. нет), то они, очевидно, отражали не разные этапы редактирования лицевого свода (как полагали Д. Н. Альшиц и другие авторы), а следы единовременной работы.

Приписка 1553 г. о царевой болезни, как и другие приписки в Лицевом своде, имели для XVI в. актуальное политическое значение. Исследователями было уже отмечено, что приписки за 1539 (убийство Мишурина) и 1542 гг. (заговор Шуйских и свержение митрополита Иоасафа), читающиеся в Синодальном списке и перебеленные в соответствующем тексте «Царственной книги», иногда дословно совпадают с Первым посланием Грозного. Но когда и кем они были сделаны? Предположение, что они представляли собой автографы Ивана Грозного, представляется сомнительным: у нас нет сведений о

том, что царь собственноручно писал (а не диктовал) свои сочинения. Но связь их с творчеством и политическими традициями царя очевидна. М. М. Щербатов, собравший из отдельных листов «Царственную книгу», упоминал в издании 1769 г., что среди этих листов был один, изображающий коронацию Федора Ивановича; соответствующий текст сохранился в копии Лицевого свода, написанной в XVII в., — в Александро-Невской летописи. Значит ли это, что Лицевой свод с приписками относится ко времени после смерти Ивана IV и что текст за 1567—1584 гг. до нас просто не дошел? Едва ли это так. Составление такого обширного и актуального для времени Грозного памятника в царствие его сына совсем невероятно; никаких следов летописания за последнее двадцатилетие царствования Ивана Васильевича до нас не дошло (нет их, в частности, в обеих копиях Лицевого свода — в Александро-Невской и Лебедевской летописях). Скорее всего, свод был составлен все-таки при Грозном — в 70-х гг., а описание коронации 1584 г. добавлено более поздним редактором. Какого происхождения приписки к своду, перекликающиеся с творчеством царя? Заслуживает внимания наблюдение Б. М. Клосса, отметившего, что приписки, несмотря на их небрежный вид, были скопированы с некоего письменного источника, а не являлись авторской работой (на это указывают ошибки писца, иногда забегавшего вперед и вписывавшего слова из последующего текста, а затем зачеркивавшего их). Видимо, дополненный текст за 1553—1554 гг. еще предстояло перебелить (как это было сделано для текста 1539—1542 гг.), но работа не была завершена. Лицевой свод — незаконченный, но грандиозный по своему замыслу историко-публицистический памятник.

Рассказ о болезни царской, содержавшийся в Лицевом своде, публикуется по списку *ГИМ,* Синод. собр., № 149 («Царственная книга»), лл. 650 об.—653.

ОРИГИНАЛ

...По сем же, по крещении царя Семиона Казанского[1], въ среду третия недели поста, марта 1 дня, разболѣся царь и великий князь Иван Васильевич въсея Русии. И бысть болѣзнь его тяжка зѣло, мало и людей знаяше. И тако бяше болен, яко многимъ чаяти: х концу приближися.[2] Царя же и великого князя дияк Иван Михайлов[3] воспомяну государю о духовъной; государь же повелѣ духовъную съвершити, въсегда бо бяше у государя сие готово.

Съвершивше же духовъную, начаша государю говорити о крестномъ целовании, чтобы князя Владимера Ондрѣевича[4] и бояр привести к целованью на царевъчево княже Дмитреево имя.[5] Государь же въвечеру томъ приведе к целованью бояр своих князя Ивана Федоровича Мстиславского, князя Володимера Ивановича Воротынского, Ивана Васильевича Шереметева, Михаила Яковлевича Морозова, князя Дмитрея Федоровича Палетцкого, дияка Ивана Михайлова, да бояр же Данила Романовича, Василья Михайловича Юрьевых.[6] А боярин князь Дмитрей Иванович Шкурлятев,[7] тот не целовал, align=розънемогся, а целовал нолны на третей день, как уже мятеж

минулся. А казначѣй Микита Фуников,[8] тот рознемогся *рано,* а встал, как государь гораздо оздравѣл, и тогды целовал, после въсѣх людей.

А глаголаху про князя Дмитрея Курлятева да про Микиту Фуникова, будто они ссылалися съ княгинею Офросиньею, съ сыномъ ея съ княземъ Владимеромъ,[9] а хотѣли его на государство, а царевъчя князя Дмитрея для младенчества на государство не хотѣли.

А боярин князь Дмитрей Федорович Палетцкой, тот после целованья посылал ко княгине Офросинеи к сыну къ еѣ ко князю Владимеру зятя своего Василья Петрова сына Борисова Бороздина, а за ним бѣ князя Дмитрея Палетцкого сестра; а Васильева сестра родная была за *Хованскимъ,* а Хованского дочь, а Василью племянница — княгиня Офросинья, княже Владимерова мать.[10] А посылал князь Дмитрей Василья того ради понеже судомъ Божиимъ, а государскимъ царя и великого князя произволениемъ понял царя и великого князя брат князь Юрьи Васильевич княж Дмитрееву Палетцкого дочерь, и князь Дмитрей Палетцкой посылал Василья о томъ ко княгинѣ Офросиньѣ и к сыну къ еѣ къ князю Володимеру, чтобы княгиня и сынъ еѣ пожаловали князю Юрью Васильевичю и дочери его, а княж Юрьевѣ княгинѣ дали удѣл по великого князя Васильеве духовъной грамоте: а они имъ будут, княгине Офросинье и князю Володимеру, на государство не сопротивны, а служити имъ готовы.[11]

Да которые дворяне были у государя въ думе, Алексѣй Федоров сынъ Адашев да Игнатей Вешняков,[12] и тѣх государь привел к целованью въвечеру же.

А въ то же время князь Володимер Андрѣевич и мати его събрали своих детей боярских да учали имъ давати жалованье денги, и бояре о томъ князю Володимеру учяли говорити, что мати его и он так не гораздо дѣлает: государь недомогает, а он людей своих жалует. И князь Володимер и мати его почяли на бояр велми негодовати и кручинитися; бояре же начаша от них беречися и князя Володимера Ондрѣевича ко государю часто не почали пущати.

Въ та же времена бысть у Благовѣщения у церкви, еже на сѣнех у царского двора, нѣкий священник, зовомъ Селивестръ, родомъ ноугородец. Бысть же сей священник Селиверстръ у государя въ великомъ жаловании и в совѣте въ духовномъ и в думномъ и бысть яко въсемогий. И въся его послушаху и никтоже смѣяше ни в чемже противитися ему ради царского жалования: указываше бо и митрополиту, и владыкамъ, и архимандритомъ, и игуменомъ, и чрънцомъ, и попомъ, и бояромъ, и диякомъ, и приказнымъ людемъ, и воеводамъ, и детемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ; и спроста рещи, въсякия дѣла и власти святителския и царъския правяше, и никтоже смѣяше ничтоже сътворити не по его велѣнию и всѣми въладяше обѣма властми, и святителскими и царскими, якоже царь и святитель, точию имени и образа и седалища не имѣяше святителскаго и царъского, но поповское имѣяше, но токмо чтимъ добрѣ въсѣми и владѣяше въсѣмъ съ своими съвѣтники. Быст же сей Селиверстъ совѣтен и в велицей любви бысть у князя Владимера Ондрѣевича и у матери его княгини

Ефросинии; его бо промыслож и из нятства выпущены. Сей убо тогда начат бояромъ въспрещати, глаголя: «Про что вы ко государю князя Володимера не пущаете? Брат вас, бояр, государю доброхотнѣе». Бояре же глаголаша ему: на чемъ они государю и сыну его царевъчю князю Дмитрею дали правду, по тому и дѣлают, как бы их государству было крѣпче. И оттоле бысть вражда межи бояр и Селиверстомъ и его съвѣтники.[13]

И после того назавтрее, как приводил государь к целованью бояр своих ближних, а наутрее призвал государь бояр своих въсѣх и почал имъ говорити, чтобы они целовали крестъ к сыну его царевъчю ко князю Дмитрею, а целовали бы въ передней избѣ, понеже государъ изнемога же велми, и ему при собѣ их *приводити* к целованью истомно. И он велѣл тут быти бояромъ своимъ ближнимъ — князю Ивану Федоровичю Мстиславскому да князю Володимеру Ивановичю Воротынскому с товарищи. И боярин князь Иван Михайлович Шюйской[14] учал противу государевых речей говорити, что имъ не перед государемъ целовати не мочно: перед кѣмъ имъ целовати, коли государя тут нѣт? А околничей Федор Григорьевич Адашев почал говорити: «Вѣдает Бог, да ты, — государь: тебѣ, государю, и сыну твоему царевъчю князю Дмитрею крестъ целуемъ, а Захарьинымъ намъ, Данилу з братьею, не служивати; сынъ твой, государь нашь, ещо въ пеленицах, а владѣти нами Захарьинымъ, Данилу з братьею.[15] А мы уже от бояр до твоего възрасту беды видели многия».

И бысть мятеж велик и шумъ и рѣчи многия въ въсѣх боярех, а не хотят пеленичнику служити. И которые бояре государю и сыну его царевъчю князю Дмитрею крестъ целовали, почали тѣх бояр въстрѣчати и говорити имъ, чтобы они государю и сыну царевъчю князю Дмитрею крестъ целовали. Бояре же, которые не захотѣли целовати государю и сыну его царевъчю князю Дмитрею, с тѣми бояры, которые государю и сыну его крестъ целовали, почали бранитися жестоко, а говорячи имъ, что они хотят сами владѣти, а они имъ служити и их владѣнья не хотят. И бысть меж бояр брань велия, и крик, и шумъ велик, и слова многия бранныя.

И видѣв царь и великий князь боярскую жестость и почял имъ говорити так: «Коли вы сыну моему Дмитрею креста не целуете, ино то у вас иной государь есть; а целовали есте мнѣ крестъ и не одинова, чтобы есте мимо нас иных государей не искали. А яз вас привожу к целованью и велю вамъ служити сыну своему Дмитрею, а не Захарьинымъ. И яз с вами говорити много не могу; а вы свои души забыли, а намъ и нашимъ дѣтемъ служити не хочете, а на чомъ есте намъ крестъ целовали, и того не помните. А не служити кому которому государю въ пеленицах, тому государю, тот и великому не захочет служити. И коли мы вамъ не надобны, и то на ваших душах».

А которые бояре государю крестъ целовали наперед того, и государь тѣмъ бояромъ почал говорити: «Бояре су, дали есте намъ душу и сыну моему Дмитрею на томъ, что вамъ намъ служити. И нынѣ бояре сына моего на государстве видети не хотят. И будет сстанетца надо мною воля Божия, меня не станет, и вы пожалуйте, попамятуйте, на чемъ

есте мнѣ и сыну моему крестъ целовали; не дайте бояромъ сына моего извести никоторыми обычаи, побежите с нимъ въ чюжую землю, гдѣ Бог наставит».

А Данилу Романовичю и Василью Михайловичю государь молыл: «А вы, Захарьины, чего испужалися? Али чаете, бояре вас пощадят? Вы от бояр первыя мертвецы будете! И вы б за сына моего да и за матерь его умерли, а жены моей на поругание бояромъ не дали!»

И бояре въсе от того государского жестокого слова поустрашилися и пошли въ переднюю избу целовати.

А как пошли бояре въ переднюю избу, и царь и великий князь выслал за ними боярина своего князя Володимера Ивановича Воротынского и иных своих бояр, а со крестомъ выслал дияка своего Ивана Михайлова. И бояре пошли целовати.

И как пошли бояре целовати, а у креста стоял боярин князь Володимер Иванович Воротынской, а дияк Иван Михайлов крест держал. И как пошли целовати, и пришел боярин князь Иван Иванович Пронской-Турунтай да почал говорити князю Володимеру Воротынскому: «Твой отецъ да и ты после великого князя Василья первой измѣнник, а ты приводиши ко кресту!»[16] И князь Володимер ему отвечал: «Я су изменник, а тебя *привожу* крестному целованью, чтобы ты служил государю нашему и сыну его царевъчю князю Дмитрею; а ты су прямъ, а государю нашему и сыну его царевъчю князю Дмитрею креста не целуешъ и служити имъ не хочеши». И князь Иван Пронской исторопяся целовал.

А после того государю сказывал боярин Иван Петрович Федоров,[17] что говорили с нимъ бояре, а креста целовати не хотѣли, князь Петръ Щенятев, князь Иван Пронской, князь Семен Ростовской.[18] «Ведь *де* нами владѣти Захарьинымъ, и чемъ нами владѣти Захарьинымъ, а намъ служити государю малому, и мы учнемъ служити старому — князю Володимеру Ондрѣевичю». Да государю же сказывал околничей Лев Андрѣевич Салтыков,[19] што говорил ему, ѣдучи на площади, боярин князь Дмитрей Иванович Немово[20]: «Бог то де знает! Нас де бояре приводят к целованью, а сами креста не целовали. А как де служити малому мимо старого? А ведь де нами владѣти Захарьинымъ».

А как привел государь бояр к целованью, и государь велѣл написати запись целовалную, на чемъ приводити к целованью князя Володимера Ондрѣевича. И как запись написали, а князь Володимер къ государю пришел, и государь ему велѣл на записи крестъ целовати. И князь Володимер не похотѣл, и государь ему молыл: «То вѣдаеши самъ: коли не хочеши креста целовати, то на твоей душе; што ся станет, мнѣ до того дѣла нѣт». А бояром государь молыл, которые въвечеру целовали: «Бояре су, язъ не могу, мнѣ не до того, а вы на чомъ мнѣ и сыну моему Дмитрею крестъ целовали, и вы по тому и *дѣлайте».*

И бояре почяли *князю* Володимеру Ондрѣевичю, чтобы князь не упрямливался, а государя бы послушал и крестъ бы целовал. А говорил

наперед князь Володимер Воротынской да дияк Иван Михайлов. И князь Володимер Ондрѣевич почал кручинитися прытко, а Воротынскому молыл: «Ты бы де со мною не бранился, ни мако б де ты мнѣ и не указывал, противъ меня и не говорил». И Воротынской въстрѣчю молыл князю: «Яз, государь, дал душу государю своему царю и великому князю Ивану Васильевичю въсея Русии и сыну его царевъчю князю Дмитрею, что мнѣ имъ въ всемъ въправду. И с тобою мнѣ они же, государи мои, велѣли говорити. И служу имъ, государемъ своимъ, а тебѣ служити не хочю, и за них, за государей своих, с тобою говорю. А будет гдѣ доведетца, по их, государей своих, велѣнью и дратися с тобою готов». Да почяли иныя бояре говорити, чтобы князь целовал, а не учнет князь креста целовати, и ему оттудова не выйти. И одва князя Володимера принудили крестъ целовати и целовал крестъ поневоле.

И после того посылал государь ко княгинѣ з грамотою с целовалною, чтобы велѣла к той грамотѣ печать княжую привѣсити, боярина своего князя Дмитрея Федоровичя Палетцкого да дияка своего Ивана Михайлова. И они ко княгине ходили трожды, а она одва велѣла печать приложити, а говорила: «Что то де за целованье, коли неволное?» — и много речей бранных говорила.

И оттоле бысть вражда велия государю съ княземъ Володимеромъ Ондрѣевичемъ, а в боярѣх смута и мятеж, а царству почала быти въ въсемъ скудость.

---

[1] *...по крещении царя Семиона Казанского...* — Рассказ «О болезни царской», помещенный в приписке к Лицевому своду, начинается с описания торжеств по поводу завоевания Казани в 1553 г. и крещения последнего казанского царя Едигера (Ядигера)-Магмета, получившего имя Симеона. В вводной части приписки в качестве «бесерменских жилищ», освобожденных («изспражненных») «Российским царством», названы Казань и Астрахань, хотя Астрахань была присоединена позже.

[2] *...х концу приближися.* — Упоминание об «огневой болезни» царя содержится в ряде летописей XVI в. (Никоновская, Львовская, основной текст Лицевого свода в Синодальном списке и «Царственной книге»), однако о «мятеже» у царевой постели здесь ничего не сообщается. Косвенным намеком на какие-то разногласия в придворной среде можно считать лишь приведенную в летописях библейскую цитату: «поразите пастыря, разыдутся овца» (Матф., 26, 31).

[3] *...дияк Иван Михайлов...* — Иван Михайлович Висковатый, посольский дьяк и печатник, ведавший с 1549 г. всеми сношениями с иностранными государствами. Казнен летом 1570 г. по новгородскому «изменному делу».

[4] *...князя Владимера Ондрѣевича...* — Владимир Андреевич, князь Старицкий, двоюродный брат Ивана IV (сын Андрея Ивановича, одного

из братьев Василия III). Уже в 1563 г. князья Старицкие подверглись опале; в дальнейшем владения Владимира Андреевича были сокращены и принудительно обменены на другие земли. 9 октября 1569 г. Владимир Старицкий был казнен «со княгинею да з дочерью».

[5] *...на царевъчево княже Дмитреево имя.* — Дмитрий, старший сын Ивана Грозного, родился в 1552 г., умер в конце мая—начале июня 1553 г. при поездке Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь.

[6] *...бояр своих... Василья Михайловича Юрьевых.* — Перечисляются ближние бояре царя. Иван Федорович Мстиславский — князь из рода Гедиминовичей, боярин с 1549 г., единственный из бояр, доживший до смерти Ивана Грозного. Владимир Иванович Воротынский — князь из рода Рюриковичей (князья Воротынские перешли в Московскую Русь при Иване III), боярин с 1550 г.; умер в конце 1553 г. Иван Васильевич Шереметев-Большой — представитель старинного боярского рода Кобылиных, боярин с 1550 г. В 1563 г. подвергся опале и пыткам, в 1569 г. постригся в Кирилловом монастыре. Михаил Яковлевич Морозов-Поплевин — представитель одного из старинных боярских родов, выдающийся военный деятель; боярин с 1549 г.; казнен в 1573 г. Дмитрий Федорович Палецкий — князь из рода Гедиминовичей (Стародубских); боярин с 1547 г.; умер около 1556 г.; см. о нем ниже. О Иване Михайлове (Висковатом) см. выше. Юрьевы — представители рода Кобылиных (Захарьиных-Романовых); Даниил Романович — боярин с 1547 г., брат царицы Анастасии; умер в 1564 г.; Василий Михайлович — боярин с 1547 г., двоюродный брат Анастасии, умер в 1566/67 г.

[7] *...Дмитрий Иванович Шкурлятев...* — Дмитрий Иванович Курлятев — князь из рода Оболенских, боярин с 1549 г., сослан за «великие изменные дела» в 1562 г. и пострижен в монахи со всей семьей, а затем умерщвлен. О Курлятеве и его дочерях царь с особым раздражением упоминал в посланиях Курбскому.

[8] *...казначѣй Микита Фуников...* — Никита Афанасьевич Фуников-Курцев, дьяк и печатник с 1545—1550 гг. Казначеем Никита Фуников стал позже 1553 г. — такое его наименование является анахронизмом и свидетельствует об относительно позднем происхождении текста приписки. В Первом послании Курбскому царь упоминает о Фуникове с сочувствием, как о жертве Сильвестра и Адашева (см. с. 50). Казнен в 1570 г. по новгородскому «изменному делу».

[9] *...съ княгинею Офросиньею, съ сыном ея съ княземъ Владимеромъ...* — Евфросиния Андреевна, в иночестве Евдокия, — мать Владимира Старицкого, вдова брата Василия III князя Андрея Ивановича Старицкого, после смерти мужа в 1537 г. была отправлена вместе с сыном в заточение; в 1540 г. они были освобождены; во Втором послании Курбскому царь ставил это освобождение себе в заслугу, хотя ему в то время было 10 лет. В 1569 г., после убийства сына, была умерщвлена.

[10] *...Дмитрей Федорович Палетцкой... Офросинья, княже Владимерова мать...* — Здесь отмечаются родственные связи ряда представителей

московской знати. О Д. Ф. Палецком см. выше, прим. к с. 298. Враждебность составителя Лицевого свода к Дмитрию Палецкому проявилась уже в том, что в приписке к своду за 1542 г. он обвинялся в участии в заговоре («совете») Шуйских, свергших И. Бельского и обесчестивших митрополита Иоасафа. Д. Палецкий был связан свойством через окольничего Василия Петровича Борисова-Бороздина с Евфросинией Старицкой, дочерью князя Андрея Федоровича Хованского, женатого на сестре Борисова-Бороздина.

[11] *А посылал князь Дмитрей... а служити имъ готовы.* — Обвиняя Д. Ф. Палецкого в тайных сношениях с Евфросинией Старицкой после данной им присяги сыну царя, приписка связывает эту двойную игру с расчетами Палецкого на получение части удела старицких князей его дочерью — женой слабоумного брата царя Юрия Васильевича.

[12] *...Алексѣй Федоров сынъ Адашев да Игнатей Вешняков...* — Об Алексее Адашеве см. выше коммент. к с. 28 и 46. Игнатий Михайлович Вешняков — постельничий в 1552—1561 гг.

[13] *И оттоле бысть вражда межи бояр и Селиверстомъ и его съвѣтники.* — О протопопе Благовещенского собора Сильвестре см. выше. Характеристика Сильвестра в приписке носит такой же враждебный характер, как и в посланиях царя, но отличается рядом своеобразных черт. Здесь Сильвестр никак не связывается с Алексеем Адашевым, о котором в приписке сообщается только, что он в первый же вечер присягнул царю; в Первом послании Курбскому царь утверждал, что во время его болезни «возшаташася яко пиянии» и Сильвестр, и Адашев. Сильвестру и его безымянным «советникам» в приписке противопоставляются столь же анонимные «бояре». Для доказательства связи Сильвестра со Старицким здесь указывается, что они были «из нятства выпущены» по ходатайству Сильвестра. Между тем Евфросиния и Владимир были освобождены из заточения в 1540 г.; Сильвестр появился в Москве и при царском дворе не ранее 1547 г.

[14] *Иван Михайлович Шюйской...* — Князь И. М. Шуйский-Плетень из рода Суздальских князей. Один из старейших бояр Ивана IV (в думе с 1538 г.), попадавший в опалу еще при Василии III, участник борьбы за власть в период «боярского правления». Умер в 1560 г.

[15] *А околничей Федор Григорьевич Адашев... владѣти нами Захарьиным, Данилу з братьею.* — Ф. Г. Адашев, отец Алексея Адашева, окольничий с 1549—50-х гг. Опасения по поводу возможного господства Захарьиных — Даниила Романовича и Василия Михайловича, естественно, могли быть связаны с воспоминанием о роли родичей малолетнего Ивана IV (Глинских) в годы «боярского правления».

[16] *...Иван Иванович Пронской-Турунтай... приводиши ко кресту!* — Князь (из князей рязанских), боярин с 1549 г., умер в 1569 г.; по известиям Курбского и Таубе и Крузе был умерщвлен, несмотря на то что был к этому времени пострижен в монахи. Владимир Воротынский, как и его отец Иван, был связан с С. Ф. Бельским, бежавшим в Литву в 1534 г. после смерти Василия III, и был заточен.

[17] *Иван Петрович Федоров* — представитель старинного боярского рода (Хромово-Давыдовых, Челядниных), боярин с 1544 г., конюший с 1549 г., выдающийся военный деятель; казнен в 1567 г. Роль, которую отводит ему автор приписки, не совсем ясна — он не назван в числе бояр, присягнувших первыми, но, очевидно, выступает сторонником царя в этом споре.

[18] *...князь Петр Щенятев, князь Иван Пронской, князь Семен Ростовской.* — Петр Щенятев, князь из рода Гедиминовичей, и Иван Турунтай Пронский, из рода рязанских князей, — бояре с 1549 г.; о казни обоих сообщает Курбский (Щенятев погиб в 1565 г.; Пронский — в 1569 г.). Семен Звяга Лобанов-Ростовский, потомок ростовских князей, был пожалован в бояре в 1553 г., но в 1554 г. за попытку бежать в Литву был приговорен к смерти, замененной ссылкой на Белоозеро. О его казни в годы опричнины сообщает Курбский. В большинстве летописей XVI в. (Никоновская, Львовская и др.) бегство Семена Ростовского объясняется его «убожеством» и «малоумством»; в описи Царского архива содержалось дело об «отъезде и пытке» Семена Ростовского, которое брал при расследовании дела Владимира Старицкого царь в 1568 г. Развернутый рассказ об измене Семена Ростовского содержится в скорописной приписке к рукописи Лицевого свода (читающейся в Синодальном списке и скопированной в Лебедевском списке). Здесь читается показание Семена Ростовского, что «мысль» об измене у него началась, «когда государь недомогал, и мы все думали о том, что толко государя не станет, как нам быти, а ко мне на подворье приезживал от княгини от Офросинии и ото князя Володимера Ондреевича, чтобы я поехал ко князю Володимеру служити, да и людей перезывал. Да и со многими есмя думали бояре, только нам служити царевичю Дмитрею, ино нам владети Захарьиным, и чем нам владети Захарьиным, ино лутчи служити князю Володимеру Ондреевичю. А были в той думе многие бояре и князь Петръ Щенятев, и князь Иван Турунтай Пронский, и Куракины родни, и князь Дмитрей Немой, и князь Петръ Серебряной, и иные многие бояре, и дети боярские, и княжата, и дворяня с нами в той думе были. И как Бог государя помиловал и облегчение ему дал, и мы меж себя почали говорити, чтоб то дело укрыти, а на подворье ко мнѣ приѣзживал и Семен Морозов, а аз со страху с того времени учял мыслити в Литву...». Многими чертами приписка о Семене Ростовском перекликается с комментируемой припиской «О болезни царской»: здесь также возводится обвинение в заговоре на Евфросинию и Владимира Старицких, та же ссылка на «владение Захарьиных» при воцарении младенца-царевича. Однако речь идет именно о тайном заговоре, а не об открытом отказе от присяги, и состав заговорщиков — иной, чем в приписке о болезни: наряду с князьями Щенятевым и Пронским здесь называются князья Куракины, Дмитрий Немой и П. Серебряный-Оболенский и косвенно окольничий С. И. Морозов. И, что особенно существенно, в числе людей, которым согласно приписке в деле Семена Ростовского царь доверил расследовать его «злую измену», оказываются наряду с И. Ф. Мстиславским, И. В. Шереметевым, М. Я. Морозовым, А. Ф. Адашевым, И. М. Вешняковым, Д. Р. и В. М. Юрьевыми, И. Михайловым-Висковатым также Д. Ф. Палецкий, обвиненный в приписке о болезни царя в тайных сношениях со

Старицким, и Д. И. Курлятев и Н. Фуников, якобы уклонившиеся согласно той же приписке от присяги в первые дни. Противоречия между обеими приписками (а также расхождение их содержания с Посланием Грозного Курбскому, где в заговоре во время царевой болезни обвинялись Сильвестр и Адашев) свидетельствуют о тенденциозности и фактической сомнительности комментируемого текста.

[19] *...Лев Андрѣевич Салтыков...* — Боярин с 1562 г.; умер в 1571/72 г.

[20] *...князь Дмитрей Иванович Немово...* — Из князей Оболенских; в 1565 г. пострижен в монахи.

ПЕРЕВОД

...После этого, по крещении царя Симеона Казанского, в среду третьей недели поста, 1 марта, разболелся царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси. И была болезнь его весьма тяжкой — едва людей узнавал. И так он был болен, что многим казалось: приближается к кончине. Дьяк же великого князя Иван Михайлов напомнил царю о завещании; государь же повелел составить завещание, которое всегда у него было наготове.

Когда же завещание было составлено, государю напомнили о крестном целовании, чтобы князя Владимира Андреевича и бояр привести к присяге на имя царевича князя Дмитрия. Государь в тот же вечер привел к присяге своих бояр — князя Ивана Федоровича Мстиславского, князя Владимира Ивановича Воротынского, Ивана Васильевича Шереметева, Михаила Яковлевича Морозова, князя Дмитрия Федоровича Палецкого, дьяка Ивана Михайлова, а также бояр Данила Романовича и Василия Михайловича Юрьевых. А боярин князь Дмитрий Иванович Курлятев — тот не целовал крест, разболелся, а целовал уже только на третий день, когда мятеж утих. А казначей Никита Фуников — тот утром разболелся, а встал, когда государь совсем выздоровел, и тогда целовал, после всех людей.

А про князя Дмитрия Курлятева да про Никиту Фуникова говорили, что они сносились с княгиней Ефросиньей и с ее сыном князем Владимиром и не хотели, чтобы князь Дмитрий в его младенческом возрасте стал государем.

А боярин князь Дмитрий Федорович Палецкий, тот после крестного целования посылал ко княгине Ефросинии и к сыну ее князю Владимиру зятя своего Василия Петровича Борисова-Бороздина, женатого на сестре князя Дмитрия Палецкого; а родная сестра Василия была замужем за Хованским, а дочерью Хованского и племянницей Василия была княгиня Ефросиния, мать князя Владимира. А посылал князь Дмитрий Василия потому, что по Божьему суду и по воле царя и великого князя брат царя и великого князя князь Юрий Васильевич взял замуж дочь князя Дмитрия Палецкого, и князь Дмитрий Палецкий посылал Василия ко княгине Ефросинии и сыну ее князю Владимиру с тем, чтобы княгиня и ее сын пожаловали князю Юрию Васильевичу и

своей дочери, жене князя Юрия, удел согласно завещанию великого князя Василия; они же не будут против того, чтобы княгиня Ефросиния и князь Владимир получили престол государства, и готовы им служить.

А тех дворян, которые были у государя в думе, — Алексея Федоровича Адашева и Игнатия Вешнякова — государь привел ко крестному целованию в тот же вечер.

В то же время князь Владимир Андреевич и его мать собрали своих детей боярских и стали им раздавать денежное жалованье, а бояре стали говорить князю Владимиру, что он и его мать поступают неподобающим образом: государь недомогает, а они людям жалованье раздают. И князь Владимир и его мать стали сердиться; бояре же начали их остерегаться и не стали часто пускать князя Владимира Андреевича к государю.

В то же время был в церкви Благовещения, что в палатах у царского дворца, некий священник по имени Сильвестр, родом новгородец. Был же тот священник Сильвестр в великой милости у государя, был духовным и думным советником и был как бы всемогущ. И все его слушались и никто не смел ни в чем противиться из-за царской к нему милости, ибо он давал указания и митрополиту, и епископам, и архимандритам, и игуменам, и монахам, и попам, и боярам, и дьякам, и приказным людям, и воеводам, и детям боярским, и всяким людям; говоря попросту, он повелевал во всех делах и святительских, и царских, как царь и церковный иерарх, хотя и не имел царского и святительского имени, образа и престола, но лишь священническое, однако высоко почитался всеми и владел всем со своими советниками. Был же тот Сильвестр в совете и великой милости у князя Владимира Андреевича и его матери княгини Ефросинии; его попечением они и из заключения были освобождены. И потому он стал тогда боярам препятствовать, говоря: «Зачем вы к государю князя Владимира не пускаете? Он больше хочет добра государю, чем вы, бояре». Бояре же говорили ему, что они дали присягу государю и сыну его, царевичу Дмитрию, по той присяге и делают так, чтобы государству было крепче. И с того времени началась вражда между боярами и Сильвестром с его советниками.

И после того как назавтра привел государь к крестоцелованию бояр своих ближних, призвал государь поутру всех своих бояр и начал им говорить, чтобы они целовали крест его сыну царевичу князю Дмитрию, а целовали б в передней избе, так как государю сильно немоглось, и приводить их при себе к целованию было ему тяжко. И велел он быть при том боярам своим ближним — князю Ивану Федоровичу Мстиславскому да князю Владимиру Ивановичу Воротынскому с товарищами. И боярин князь Иван Михайлович Шуйский стал в ответ на государевы речи говорить, что им в отсутствии государя <крест> целовать невозможно: перед кем целовать им <крест>, если государя тут нет? А окольничий Федор Григорьевич Адашев начал говорить: «Знает Бог и ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичу князю Дмитрию крест целуем, а Захарьиным, Даниле с братьями, нам не служивать; сын твой, государь наш, еще в пеленках, и станут нами

владеть Захарьины, Данила с братьями. А мы уж видели от бояр, до того как ты вырос, бед много».

И была великая ссора и волнение и многие споры среди всех бояр — не хотят служить младенцу в пеленках. А бояре, которые государю и сыну его царевичу Дмитрию крест целовали, стали тем боярам возражать и говорить им, чтобы они государю и его сыну царевичу князю Дмитрию крест целовали. Бояре же, которые не хотели присягать государю и сыну его царевичу князю Дмитрию, стали жестоко браниться с боярами, которые государю и его сыну крест целовали, говоря, что те хотят сами владеть, а они не хотят служить и подчиняться их власти. И были между бояр споры великие, и крик, и шум великий, и слова многие бранные.

И царь и великий князь, увидев боярское упорство, начал говорить им так: «Если вы сыну моему Дмитрию креста не целуете, то, значит, у вас иной государь есть; а вы целовали крест мне и не однажды, чтобы кроме нас других государей не искать. А я вас привожу к крестному целованию и велю вам служить сыну моему Дмитрию, а не Захарьиным. Я с вами не могу говорить много; а вы души свои забыли, нам и детям нашим служить не хотите, в чем нам присягали, того не помните. А кто не хочет служить государю в пеленках, тот и большому не захочет служить. А если мы вам не надобны, то это ляжет на ваши души».

А боярам, которые целовали крест до того, государь стал говорить: «Государи бояре, вы поклялись своей душой мне и сыну моему Дмитрию, что будете нам служить. А ныне бояре сына моего на государстве видеть не хотят. А если совершится надо мною воля Божья и меня не станет, то вы пожалуйте, вспомните, на чем мне и сыну моему крест целовали; не дайте боярам как-нибудь сына моего извести, но бегите с ним в чужую землю, куда Бог вам укажет».

А Даниилу Романовичу и Василию Михайловичу государь сказал: «А вы, Захарьины, чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете! Так вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали!»

И все бояре устрашились того жесткого государева слова и пошли в переднюю палату целовать крест.

А когда бояре пошли в переднюю палату, царь и великий князь послал за ними своего боярина князя Владимира Ивановича Воротынского и иных своих бояр, а с крестом прислал дьяка своего Ивана Михайлова. И бояре пошли целовать крест.

А когда бояре пришли целовать, то у креста стоял боярин князь Владимир Иванович Воротынский, а дьяк Иван Михайлов держал крест. И как пришли целовать, пришел боярин князь Иван Иванович Пронский-Турунтай и стал говорить князю Владимиру Воротынскому: «Твой отец, да и ты сам после великого князя Василия первый изменник, а ты приводишь ко кресту!» И князь Владимир ему отвечал: «Я, сударь, изменник, а тебя привожу к крестному целованию, чтобы ты

служил государю нашему и сыну его царевичу князю Дмитрию, а ты, сударь, прямой человек, а государю нашему и сыну его царевичу князю Дмитрию креста не целуешь и служить им не хочешь». И князь Иван Пронский второпях поцеловал крест.

А после того государю докладывал боярин Иван Петрович Федоров, что бояре, которые не хотели целовать крест, — князь Петр Щенятев, князь Иван Пронский, князь Семен Ростовский — говорили ему: «Ведь владеть нами Захарьиным, и чем нами владеть Захарьиным и служить нам государю малому, то лучше станем служить старшему государю — князю Владимиру Андреевичу». И еще докладывал государю окольничий Лев Андреевич Салтыков, что боярин князь Дмитрий Иванович Немово, едучи по площади, говорил ему: «Бог знает что! Нас бояре приводят к целованию, а сами креста не целовали. А как служить малому мимо старшего? А ведь владеть нами Захарьиным».

А когда государь привел бояр к присяге, то велел он написать целовальную запись, по которой приводить к присяге князя Владимира Андреевича. А как запись написали, и князь Владимир к государю пришел, и государь ему велел на записи целовать крест. И князь Владимир не захотел, и государь ему сказал: «Сам знаешь, что станется твоей душе, если не хочешь креста целовать; что станется, до того мне дела нет». А боярам, которые вечером целовали, государь сказал: «Государи бояре, мне невмоготу, мне не до того, а на чем вы крест целовали мне и моему сыну Дмитрию, по тому и делайте».

И бояре начали говорить князю Владимиру Андреевичу, чтобы князь не упрямился, а послушал государя и крест целовал. А говорили первыми князь Владимир Воротынский и дьяк Иван Михайлов. И князь Владимир Андреевич стал сердиться и гневаться, а Воротынскому сказал: «Ты бы со мной не спорил, и ничего мне не указывал и против меня не говорил». А Воротынский ответил князю: «Я, государь, дал душу государю своему и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и сыну его князю Дмитрию, что мне служить им во всем по правде. И с тобою мне они же, государи мои, велели говорить. И служу я им, государям своим, а тебе служить не хочу, и за них, государей своих, с тобою говорю. А как доведется, по их, государей своих, повелению, и драться с тобою готов». И стали иные бояре говорить, чтобы князь целовал крест, а не станет князь крест целовать, и ему оттуда не выйти. И с трудом принудили князя Владимира крест целовать, и он целовал крест поневоле.

И после того посылал государь ко княгине боярина своего Дмитрия Федоровича Палецкого, да дьяка Ивана Михайлова, чтобы она велела к той грамоте привесить княжескую печать. И они ко княгине ходили трижды, и она с трудом дала приказ приложить печать, а говорила: «Что это за крестное целование, если поневоле?» — и много бранных речей говорила.

И с тех пор была вражда государю с князем Владимиром Андреевичем, а между бояр смута и мятеж, и царству во всем оскудение.

Сочинения Андрея Курбского

История о великом князе Московском

Подготовка текста и комментарии А. А. Цехановича, перевод А. А. Алексеева

ВСТУПЛЕНИЕ

«История о великом князе Московском» — один из значительнейших памятников русской публицистики второй половины XVI в., а также важнейший источник для русской историографии эпохи царствования Ивана Грозного.

В жанровом отношении «История» неоднородна. В ее составе можно выделить несколько стилистически отличных друг от друга частей — прежде всего единое сюжетное повествование об Иване Грозном, которое сам Курбский назвал «кроникой», и мартиролог погибших от рук тирана мучеников. Внутри же этих двух основных частей обнаруживаются еще более мелкие повести (например о взятии Казани, о Ливонской войне, о Феодорите Кольском и др.). Жанрово-стилистическая неоднородность сочинения, скорее всего, свидетельствует о том, что в окончательном виде оно сложилось из написанных в разное время, фактически не зависимых друг от друга отдельных частей. Впрочем, объединяются эти части одной темой — царствованием Ивана Грозного, и одной задачей — развенчать царя-злодея. «Кроника» была написана, вероятно, вскоре после получения Курбским Первого послания Ивана Грозного. В ней заметно стремление автора обосновать необходимость и оправдать свой отъезд из Московского государства. Объясняя эту необходимость с рациональной точки зрения, Курбский одновременно объясняет рационально (или старается объяснить) происходящие в стране события. Вторая часть произведения, в которой повествуется «о побиении боярских родов», в сущности, представляет собой мартиролог «новоизбиенных мучеников». Стиль повествования Курбского в этой второй части становится более экспрессивным, а характеристики царя более резкими и однозначными. В первой части он старался ограничиться констатированием фактов, а если и позволял себе оценки, то уравновешенные и в какой-то мере объективные; во второй же части он обрушивается на царя с суровыми упреками и обвинениями, называет его «сыном Сатаны», «дивом», апокалиптическим «зверем». Такое

резкое изменение отношения к царю можно объяснить, вероятно, тем, что вторая часть «Истории» была написана уже в разгар опричного террора и отразила реакцию Курбского на политику царя. В окончательном виде «История» сложилась, скорее всего, в первой половине 70-х гг. и, по мнению некоторых исследователей, имела целью дискредитировать Ивана Грозного как претендента на польский престол во время бескоролевья в Речи Посполитой в 1573 г.

Создавая свое сочинение, Курбский обнаруживает великолепное знание Священного Писания, сочинений древних отцов церкви (что особенно будет заметно в его переписке с многочисленными корреспондентами). Текст сочинения свидетельствует также о знакомстве Курбского с такими источниками, как «русские летописные книги» (имеется в виду, скорее всего, «Летописец начала царства»), космографии, «Хроника» Сигизмунда Герберштейна.

«История» является важным этапом в развитии русской историографии. Она одной из первых знаменует собой ее переход к тематическому принципу разделения повествования в отличие от традиционного погодного. Отказ от погодного разделения повествования был характерен и для других сочинений того времени (например тот же «Летописец начала царства», «Казанская история»), но «История о великом князе Московском» отличается от других сочинений тем, что она подчиняется единой цели. Курбский не столько писал историю царствования Ивана Грозного, сколько стремился объяснить превращение Ивана в кровожадного тирана.

«История о великом князе Московском» написана на московском варианте церковно-славянского языка и включает в себя при этом большое число полонизмов и западнорусизмов, известных в обиходе жителей западнорусских областей. Многие из них не были знакомы великорусскому читателю, так что, возможно, уже сам автор снабдил их переводами-синонимами в самом тексте или на полях рукописи (глоссами). Часть таких пояснений добавлена переписчиками «Истории».

Церковнославянский язык избегал всяких иноязычных заимствований, ограничиваясь теми грецизмами, какие попали в него в первоначальную эпоху славянской письменности при переводе с греческого основной массы христианских сочинений. Поэтому обильное включение полонизмов в текст «Истории», вызванное известными историческими обстоятельствами, придает стилю произведения несколько макаронический характер. В этом отношении «История» напоминает и как бы предсказывает сходные по стилистике произведения Петровской эпохи.

Стилистическое своеобразие «Истории» было учтено и в какой-то мере воспроизведено на современном русском литературном языке. Именно поэтому слово «скарбии» (пол. skarb) переведено не «богатство», а «капитал»; слово «старожитный» (пол. starozythy) переведено не «древний», а «античный»; слово «зацный» (пол. zacny) переведено не «благородный», а «аристократический» и т. п. Подобным же образом

пришлось перевести некоторые вычурные грецизмы, почти не известные другим литературным произведениям эпохи: так, слово «стратилатъ» в языке XVI в. занимает такое же возвышенное положение, как слово «стратег» в современном языке.

Однако для многих подобных слов не удалось подобрать в современном литературном языке такие семантические соответствия, которые бы обладали при этом особой стилистической характеристикой, так что слово «печенегъ» из пол. pieczeniarz (от глагола piec — печь, стряпать) переведено «прихлебатель» («клиент» в данном случае было бы слишком большой натяжкой), «мѣсто» из пол. miasto переведено нейтрально «город» и т. п.

Известно более 70 списков «Истории», существующих в четырех редакциях: Полной, Сокращенной, Краткой и Компилятивной. Более половины всех известных списков относится к Полной, наиболее близкой архетипу редакции. Самые ранние списки датируются первой половиной XVII в. Текст «Истории» публикуется по списку Полной редакции первой трети XVII в. *(ГПБ,* собр. Погодина, 1494) с исправлением нескольких испорченных или явно ошибочных мест по изданию Г. З. Кунцевича (Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные *(РИБ.* Т. XXXI). СПб., 1914). Глоссы, помещенные на полях рукописи, издаются в древнерусском тексте и в переводе в подстрочных примечаниях. Соответствующие места текста имеют цифровые обозначения.

ОРИГИНАЛ

ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОМ КНЯЗѢ МОСКОВСКОМ: ЕЖЕ СЛЫШАХОМ У ДОСТОВѢРНЫХ, И ЕЖЕ ВИДѢХОМ ОЧИМА НАШИМА. СИЕ СОКРАЩЕННѢ ВМѢЩАЮЧИ, ЕЛИКО ВОЗМОГОХЪ, НАПИСАХЪ ПРИЛѢЖНАГО РАДИ СТУЖАНИЯ ОТ МНОГИХЪ

Много кратъ ото многихъ свѣтлыхъ мужей вопрошаемъ бых с великимъ стужаниемъ, откуды сия приключишася такъ прежде доброму и нарочитому царю, многожды за отечество и о здравии своемъ не радящу, и в военныхъ вещах сопротивъ враговъ креста Христова труды тяжкие и бѣды, и безчисленные поты претерпѣвающу, и прежде от всѣхъ добрую славу имущему. И многожды умолчахъ со воздыханиемъ и слезами, не восхотѣхъ отвѣщати. Послѣди же, частыхъ ради вопрошений, принужденъ былъ нѣчто рещи отчасти о случаехъ приключшихся таковыхъ. И отвѣщахъ имъ: «Аще бы из начала и по ряду рѣхъ, много бы о том писати, яко в предобрый рускихъ князей род всѣял диявол злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣицами. Яко и во исраилтескихъ царехъ, паче же которых поимовали от иноплеменниковъ».[1] Но сия вся оставя, нѣчто изреку о том самом настоящемъ.

Яко глаголютъ многие премудрые: «Доброму началу и конецъ бывает добръ», такожде и сопротив — злое злым скончевается. А наипаче от самовластнаго человѣческаго естества, злым произволением и по всему супротивныхъ, против Божиихъ заповедей дерзати. Князь великий

Василий Московский ко многимъ злымъ и сопротив закона Божия дѣломъ своим и сие приложил. Иже и писати, и исчитати, краткости ради книжицы сея, невмѣстно, а яже достоитъ воспомянути, зѣло вкратцѣ напишемъ по силѣ.

Живши со женою своею первою Соломаниею[2] двадесятъ и шесть лѣтъ, остриг ея во мнишество, не хотящу и ни мыслящу о том, и заточил в далечайшъ монастырь, от Москвы болши двусотъ миль, в земли Каргопольскии лежащъ. И затворити казалъ ребро свое в темницу, зѣло нужную и уныния исполненую, сиирѣчь жену, ему Богомъ данную, святую и неповинную. И понял себѣ Елену, дщерь Глинского, аще и возбраняющу ему сего беззакония многимъ святым и преподобным не токмо мнихом, но и сигклитом его. От нихъже единъ, Васьян-постынник,[3] сродникъ ему сущъ по матери своей, а по отце внук княжати литовского, Патрикиев, и оставя мирскую славу, в пустыню вселился, и так жестоко и свято житие препровожал во мнишествѣ, подобнѣ великому и славному древнему Антонию. Да не зазрите хто дерзостнѣ рещи, Иоанну Крестителю ревностию уподобился, бо и оный о законопреступном браку царю возбранял, беззаконие творящу. Он в моисейском, сей же во евангелском беззаконовал.

А от мирских сигклитовъ возбранял ему Семен, реченный Курбский,[4] с роду княжатъ смоленскихъ и ярославскихъ. О немже и о святом жителстве его не токмо тамо Руская земля вѣдома, но и Герберштейн,[5] нарочитый муж цесарский и великий посол, на Москвѣ был и увѣдал, и в «Кроице» своей свидѣтельствуетъ, латинским языком, в Медиоланѣ, в славном граде будучи, написал.[6]

Он же, предреченный Василий, великий, паче же в прегордости и в лютости, князь, не токмо ихъ не послушал, такъ великихъ и нарочитыхъ мужей, но онаго блаженного Васьяна, по плоти сродника своего, изымав, заточити повелѣл, и связана святаго мужа, аки злодѣя, в прегорчайшую темницу, к подобнымъ к себѣ, в злости презлыхъ осифляном,[7] в монастырь ихъ отослал и скорою смертию уморити повелѣлъ. Они же, яко лютости его скорые послушницы и во всѣх злыхъ потаковницы, паче же еще и подражатели, умориша его вскорѣ. И других святыхъ мужей, овыхъ заточил на смерть (от нихъже единъ Максимъ Философ,[8] о немже напреди повѣмъ), а другихъ погубити повелѣлъ, ихъже имена здѣ оставляю. А князя Семена ото очей своихъ отогналъ даже до смерти его.

Тогда зачался нынѣшний Иоанъ нашъ, и *родилася* в законопреступлению и во сладострастию лютость, яко рече Иоаннъ Златоустый во Словѣ о женѣ злой,[9] емуже начало: «Днесь намъ Иоанново преподобие и Иродова лютость егда возвѣщалась, смутились и внутренние, сердца вострепетали, зракъ помрачился, разумъ притупился, слухъ скутался» и прочие. И аще святые великие учители ужасалися, пишуще, от мучителей на святыхъ дерзаемые, колми паче намъ, грѣшным, подобаетъ ужасатися, таковую трагедию возвещати! Но послушание всѣ преодолѣваетъ, паче же стужения, або докучания ради вашего частого.

Но и сие к тому злому началу еще возмогло, понеже остался отца своего зѣло млад, аки дву лѣтъ. По немногихъ же лѣтех и мати ему умре. Потом питаша его велицые гордые паны — по ихъ языку боярове, — его на свою и детей своихъ бѣду, ретящеся друг пред другом, ласкающе и угождающе ему во всяком наслаждению и сладострастию. Егда же начал приходити в возрастъ, аки лѣт в дванадесятъ, — и впредь что творил, умолчю иные и иные, обаче же возвещу сие — начал первие безсловесных крови проливати, с стремнинъ высокихъ мечюще ихъ — а по ихъ языку с крылецъ, або с теремовъ, — тако же и иные многие неподобные дѣла творити, являющи хотящее быти немилосердое произволение в себѣ (яко Соломон глаголетъ: «Мудрый, рече, милуетъ души скотовъ своихъ, тако жь и безумный биетъ ихъ нещадно»),[10] а пѣстуномъ ласкающим, попущающе сие и хваляще, на свое горшѣе отрока учаще. Егда же уже приходяще к пятомунадесять лѣту и вящей, тогда началъ человѣковъ ураняти и, собравши четы юныхъ около себя детей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитов, по стогнам и по торжищамъ начал на конѣхъ с ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и жен, бити и грабити, скачюще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбойнические самые творяше и иные злые исполняше, ихъже не токмо глаголати излишно, но и срамно, ласкателем же всѣм таковое на свою бѣду восхваляющим: «О, храбръ, — глаголюще, — будет сей царь и мужественъ!»

Егда прииде к седмомунадесять лѣту, тогда тѣ же прегордые сингклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ против другаго. И первие убиша мужа пресилного, зѣло храброго стратига и великороднаго, иже был с роду княжатъ литовскихъ, единоколененъ кролеви полскому Ягайлу, именем князь Иванъ Бѣлский,[11] иже не токмо был мужественъ, но и в разумѣ многъ, и Священных Писаниихъ в нѣкоторыхъ искусенъ.

По мале же времени онъ же самъ повелѣл убити такожде благородное едино княжа именем Андрѣя Шуйского,[12] с роду княжатъ суждалских. Потом, аки по двухъ лѣтехъ, убилъ трех великородныхъ мужей: единаго ближняго сродника своего, рожденнаго с сестры отца его, князя Иоанна Кубенского, яже был у отца его великимъ земским морщалкомъ. А был роду княжатъ смоленскихъ и ярославскихъ, и муж зѣло разумный и тихий, в совершенныхъ уже лѣтехъ. И вкупѣ побиени с нимъ предреченные мужие Феодоръ и Василий Воронцовы, родомъ от немецка языка, а с племяни княжат рѣшских. И тогда же убиен Феодоръ, глаголемый Невѣжа, зацный и богатый землянин. А мало пред тѣмъ, аки за два лѣта, удавленъ от него князя Богдана сынъ Трубецкого, в пятинадесяти лѣтехъ младенецъ, Михаил именемъ, с роду княжатъ литовскихъ. И потом, памата ми ся, того же лѣта убиени от него благородные княжата: князь Иоаннъ Дорогобужский, с роду великих княжатъ тверскихъ, и Феодоръ, единочадный сынъ князя Иоанна, глаголемаго Овчины, с роду княжатъ торуских и оболенских, — яко агнцы неповинно заколены еще в самом наусии.

Потомъ, егда началъ всякими безчисленными злостьми превосходити, тогда Господь, усмиряюща лютость его, посѣтил град великий Москву презелным огнемъ, и такъ явственнѣ гнѣвъ свой навел, аще бы по ряду

писати, могла бы повесть цѣлая быти або книжица. А пред тѣмъ, еще во младости его, безчисленными пленenми варварскими — ово от царя перекопского, ово от татар нагайскихъ, сиирѣчь заволскихъ, а наипаче и горше всѣхъ от царя казанского, силнаго и можнаго мучителя христианского (яже подо властию своею имѣл шесть языковъ различныхъ), — имиже безчисленное, неисповѣдимое пленение и кровопролитие учинил, так, иже уже было все пусто за осмьнадесять миль до Московского мѣста. Такоже и от перекопского або от крымского царя и от нагай вся Рязанская земля, аже по самую Оку-рѣку спустошено, а внутрь человѣкоугодником со царемъ младым, пустошащим и воюющим нещадно отечество.

Тогда же случилось, после того предреченнаго пожару презелнаго и воистинну зѣло страшнаго, о немже никтоже сумнитца рещи «явственный гнѣв Божий», — а что же тогда бысть? Бысть возмущение великое всему народу,[13] яко и самому царю утещи от града со своим двором его. И в том возмущении убиенъ (...) вой его, князь Юрий Глинский от всего народа, и домъ его весь разграбленъ. Другие же вой его, князь Михаилъ Глинский, которой был всему злому началникъ, утече, и другие человѣкоугодницы, сущие с нимъ, разбегошася. И в то время дивне нѣяко Богъ руку помощи подал отдохнути землѣ христианской образомъ симъ. Тогда убо, тогда, глаголю, прииде к нему един муж, презвитеръ чином, именем Селивестръ,[14] пришлецъ от Новаграда Великого, претяще ему от Бога Священными Писанми и срозе[15] заклинающе его страшным Божиимъ именем, еще ктому и чюдеса и аки бы явление от Бога повѣдающе ему — не вѣмъ, аще истинные, або такъ ужасновение пущающе, буйства его ради и для дѣтскихъ неистовых его нравов умыслил был собѣ сие. Яко многажды и отцы повелѣвают слугамъ детей ужасати мечтателными страхи, и от излишнихъ игор презлых сверсников. Сице, *мню,* блаженный малую присовокупляетъ благокознению, еюже великое зло целити умыслил. Яко и врачеве дѣлают, поневолѣ согнившие гагрины стружуще и рѣжуще жѣлѣзом, або дикое мясо, возрастающее на ранѣ, обрѣзающе аже до живаго мяса. А ему негли подобно и он блаженный, лстецъ истиннъ, умыслил, яко и послѣдовало дѣло, иже душу его от прокаженныхъ ран исцелил и очистилъ был и развращенный умъ исправил, тѣмъ и овым наставляюще на стезю правую.

С нимже соединяетца во общение единъ благородный тогда юноша ко доброму и полезному общему, имянем Алексѣй Адашев. Цареви же той Алексѣй в то время зѣло любимъ был и согласенъ; и был он общей вещи зѣло полезен, и отчасти в нѣкоторых нравѣхъ ангелом подобенъ. И аще бы вся по ряду изъявил о немъ, воистинну вѣре неподобно было бы пред грубыми и мирскими человѣки. И аще же возримъ, яко благодать Святаго Духа вѣрныхъ в Новем завѣте украшает не по дѣлом нашимъ, но по преизообилности щедрот Христа нашего, иже не токмо не дивно будетъ, ино удобно, понеже и крови своеѣ Сотворител всяческих не жаловал за нас излияти. Но, прекративъ сие, до предреченныхъ паки возвратимся.

Что же сие мужие два творят полезное землѣ оной, спустошеной уже воистинну и зѣло бѣдне сокрушеной? Приклони же уже уши и слушай

со прилѣжаниемъ! Сие творятъ, сие дѣлаютъ — главную доброту начинаютъ: утвержаютъ царя! И якого царя? Юнаго, и во злострастиях и в самоволствии без отца воспитанного, и преизлище прелютого, и крови уже напившися всякие, не токмо всѣхъ животных, но и человѣческия! Паче же и согласных его на зло прежде бывшихъ овых отдѣляют от него (яжъ быша зѣло люты), овых же уздают и воздержатъ страхом Бога живаго. И что же еще по сем придаютъ? Наказуют опаснѣ благочестию — молитвам же прилѣжным ко Богу и постомъ, и воздержанию внимати со прилѣжанием. Завѣщеваетъ оной презвитеръ и отгоняетъ от него оных предреченныхъ прелютѣйших зверей (сиирѣчь ласкателей и человѣкъугодников, над нихъже ничтоже можетъ быти поветрѣннѣйшаго во царствѣ) и отсылаетъ, и отдѣляетъ от него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся от Сатаны. И подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ в помощь архиерея оного великого града, и ктому всѣхъ предобрыхъ и преподобных мужей, презвитерством почтенных. И возбуждают царя к покаянию, и исчистив сосуд его внутренный, яко подобаетъ, ко Богу приводят и святыхъ, непорочных Христа нашего тайн сподобляютъ, и в сицевую высоту *онаго,* прежде бывшаго окаянного, возводятъ, яко и многимъ окрестным языком дивитися обращению его и благочестию. И ктому еще и сие прилогаютъ: собирают к нему совѣтников, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастите сущих, благочестием и страхом Божиимъ украшенныхъ, других же, аще и во среднемъ вѣку, тако же предобрыхъ и храбрых, и тѣх и онѣхъ в военныхъ и в земских вещах по всему искусных. И сице ему ихъ в приязнь и в дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту ничесоже устроити или мыслити, воистинну по премудрому Соломону, глаголющему: «Царь, рече, добрыми совѣтники, яко град претвердыми столпы утвержены».[16] И паки: «Любяй, рече, совѣт, хранитъ свою душу, а не любяй его совсѣм изчезнетъ». Понеже яко безсловесным есть належитъ чювством по естеству управлятися, сице всѣм словесным совѣтом и разсуждением.

И нарицалися тогда оные совѣтницы у него избранная рада.[17] Воистинну, по дѣломъ и наречение имѣли, понеже всѣ избранное и нарочитое совѣты своими производили, сиирѣчь суд праведный, нелицеприятен яко богатому такъ и убогому, еже бываетъ во царствиѣ наилѣпшѣе, и ктому воевод искусных и храбрыхъ мужей сопротивъ врагов избираютъ и стратилацкие чины устрояют, яко над ѣзными, такъ и над пѣшими. И аще кто явитца мужественнымъ в битвах и окровил руку во крови вражии, сего дарованми почитано, яко движными вещи, так и недвижными. Нѣкоторые же от нихъ, искуснѣйшие, того ради и на вышние степени возводились. А парозитовъ или тунеядцовъ, сиирѣчъ подобѣдовъ или *товарищей* трапезам, яже блазенством или шутками питаются и кормы хают, не токмо тогда не дарованно, но и отгоняемо вкупѣ с скомрахи и со иными прелукавыми и презлыми таковыми роды. Но токмо на мужество человѣковъ подвизаемо и на храбрость всякими роды даровъ или мздовоздаянми, кождому по достоянию.

И абие за помощию Божиею сопротив супостатов возмогоша воинство християнское. И против якихъ сопостатов? Такъ великого и грознаго измаилтескаго языка, от негоже нѣкогда и вселенная трепетала, и не токмо трепетала, но и спустошена была! И не против единаго царя

ополчашеся, но абие против трех великих и силныхъ, сиирѣчъ сопротив перекопскаго царя и казанского, и сопротив княжатъ нагайских. И за благодатию и помощию Христа Бога нашего, абие от того времяни всѣмъ трем возражаше нахождение, частыми преодолѣнми преодолѣваху и преславными побѣдами украшахуся, о нихъже по ряду писати сия краткая повѣсть не вмѣстит. Но вкратце рекши, по толику спустошению руские земли бѣ от них, не по толику, но множайше предѣлы християнские разширишася за малые лѣта. Идѣже были прежде в спустошенных краехъ руских отзимовища татарские, тамо грады и мѣста сооружишася. И не токмо (...) кони рускихъ сынов во Азии с текущих рѣкъ *напишася* — с Танаиса и Куалы[18] и с протчихъ, но и грады тамо поставишася.

Видѣв же таковые неизреченны Божия щедроты, такъ вскорѣ бываемыя, и сам царь возвревновал ревностию, начал противъ врагов самъ ополчатися своею главою и собирати себѣ воинство множайшее и храбрѣйшее. И не хотяше покою наслажатися, в прекрасных полатахъ затворяся пребывати, яко есть нынѣшним западнымъ царемъ обычай (всѣ целые нощи истребляти, нат карты седяще и над прочими бесовскими бреднями), но подвигся многожды самъ, не щадечи здравия своего, на сопротивнаго и горшаго своего супостата — царя казанского. Единова в лютую зиму,[19] аще и не взял мѣста оного главнаго, сиирѣчь Казани града, и со тщетою немалою атойде, но всяко не сокрушилося ему сердце и воинство его храброе, укрепляющу Богу оными совѣтники его. И разсмотрив тамо положения мѣста, и аки по лѣте единомъ или дву, град тамо превеликий, зѣло прекрасен абие поставити повелѣл на рецѣ Свиязе, от Волги за четверть мили, а от великаго Казанского мѣста аки миль пять, — такъ близу приближился!

[20]И того же лѣта, выправя пушки великие стѣнобитные рекою Волгою, а сам сухим путем хотяще абие поити. И прииде ему вѣсть, иже царь перекопский с великими силами на него идет, возбраняюще хождение ему на Казань. Он же, аще и войска великие прежде, града поставления ради, послал, тако же и при делахъ множество воинов, но обаче того ради на Казань хождение на мало время отложил. И еще аки бы з большою частью войска иде сопротив предреченнаго оного врага Христова и самъ стал на Окѣ-рекѣ, ожидающе его ко сражению брани во едином мѣсте. А другие войска разложил по другим градом, яжь лежать при той же рецѣ, и выведыватися велѣл о немъ, бо невѣдомо еще было, на которое мѣсто итти мѣл. Онъ же, егда услышал, иже великий князь стоит с войскомъ против его, готов над надежду его (бо певне *сподевался,**[21]*** иже уже на Казань пошел), тогда возвратился и облегъ мѣсто великое мурованное[22] Тулу, аки во штина-десяти милях от мѣста Коломны, идѣже царь християнский лежал с войском, ждуще его. А нас тогда послалъ со другими о немъ вывѣдыватися и земли от взгонов бронити. И было с нами тогда войска аки пятьнадесятъ тысящей. Мы же, преплавяся чрез великую Оку-рѣку со многимъ потщаниемъ того дня, зѣло скоро устремишася и преѣхаша аки тринадесять миль. И положишася к нощи на едином потоцѣ близу стражи царя перекопского, от града же Тулы аки за пол-2 мили, под нимъже сам царь стояше. Стража татарская утече ко царю и повѣда ему о множествѣ войска христианского, и мняще, иже сам князь великий

прииде со всѣмъ своим воинством. И тое нощи царь татарский от града утече аки миль осмь в поле дикое, за три реки препроводившися. И пушки, и дѣла нѣкоторые, и кули потопил, и порохов, и верблюдов отбеже, и войско в войнѣ оставил (бо три дни хотяще воевати, а два дни точию под градом стоял, а против третьяго дня побежал).

Наутро же мы, воставши рано, поидохом ко граду и положихомся с войскомъ, идѣже шатры его стояли. Войска же татарского аки третина або вящей остала была в загонехъ, и шли ко граду, надѣющеся царя ихъ стояща. Егда же разсмотриша и увѣдаша о насъ, ополчишася противу насъ. Мы же абие сразившеся с ними, и пребывала битва аки на пол-2 годины. Потом помогъ Богъ намъ, християномъ, над босурманы и толико избиша ихъ, яко зѣло мало ихъ осталося и едва вѣсть в Орду возвратилася. На той-то битве и сам аз тяшкие раны на телеси отнесох, яко на главѣ, такъ и на другихъ составѣхъ.

Егда же возвратихомся ко цареви нашему со пресвѣтлым одолениемъ, он же тогда повелѣлъ опочивати оному утружденному войску аки 8 дней. И по осми дняхъ самъ поиде с воинствомъ х Казани на мѣсто великое, глаголемое Муром, еже лежитъ от поля уже крайнѣе х казанским предѣлом. И оттуду, чрез поле дикое, аки мѣсяцъ шел ко оному предреченному новому граду, поставленному на Свиязе, идѣже воинство его ждало с великими дѣлы и со многими запасы, яжъ приплыша Волгою, рекою великою. А нас тогда послал со тремянадесять тысящей люду чрез Резанскую землю и потом чрезъ Мещерскую, идѣже есть мордовский языкъ. Потом, препроводяся аки за три дни мордовские лѣсы, изыдохомъ на великое дикое поле и идохомъ от него по правой руце, аки в пяти днях конем ѣзду. Понеже мы заслонихом его тѣмъ войском, еже с нами шло, от заволских татар (бояше бо ся он, да не приидутъ на него безвестно тѣ княжата нагайские). И аки бы по пяти неделях, со гладом и с нуждою многою, доидохом Суры, реки великие, на устья Борыша-рѣчки, идѣже и он в том же дни с войски великими прииде. И того дни хлѣба сухаго наядохомся со многою сладостию и благодарениемъ, ово зѣло дорого купующе, ово позычающе[23] от сродных и приятел, и другов: бо нам было не стало аки бы на 9 дней. И Господь Богъ препитал насъ и войско ово рыбами, ово иными зверми, бо в пустых тѣх полях зѣло много в реках рыб.

Егда же преплавишася Суру-реку, тогда и черемиса горняя,[24] а по их чуваша зовомые, языкъ особливый, начаша встрѣчати по пяти сотъ и по тысяще ихъ, аки бы радующеся цареву пришествию (понеже въ ихъ землѣ поставлен онъ предреченный град на Свиязе). И от тое реки шли есма войском 8 дней полями дикими и дубровами, нѣгдѣ же и лесами, а селъ со живущими зѣло мало, понеже у нихъ села при великих крепостях ставлены и незримы, аще и поблизку ходящимъ. И ту уже намъ привожено и, по сторонам ѣздя, добывано купити хлѣба и скотов, аще и зѣло дорого плачено, но нам было, яко изнемоглым от гладу, благодарно (а малмазии и любимыхъ трунков[25] з марцыпаны тамо не воспоминай, черемийский же хлѣбъ сладостнѣйший паче драгоценных колачей обрѣтеся!). И наипаче же сего ради, иже подвызахомся за отечество правовѣрнаго християнства сопротив врагов креста Христова, паче же вкупъ со царемъ своимъ, сие было всего благодарнѣйшии и

радостнѣйшии. И не чюлося ни единые нужды, друг передругом к добрым подвигом ретящеся, наипаче же сам Господь Богъ помогал нам.

Егда же приидохомъ близу новопоставленого града, воистинну зѣло прекрасного, тогда выѣхаша во стретение царя гетмана они — яко градскии, такъ которые и з дѣлы приидоша — с немалыми вои, по чину благочиннѣ устроени полки имущи. С ними же конного войска тысящ пятнадесят изыдоша во стретение, тако же и пѣших множество много, к тому и гуфов[26] оных варваръскихъ, новопокорившихся царю, немало, аки четыре тысящи, ихъже обитания и села близу града оного быша (яже, хотяще и не хотяще, покоришася). И бысть там радость немала о здравии пришествия царева со множествы воевъ, тако же и о побѣде предреченной, яже на крымского пса одержахомъ (бо зѣло трепетахом о прихождении и помощи его Казани), и о поставлению града оного превеликаго. И тамо х тому приѣхали есмо воистинну яко во свои домы от того долгова и зѣло нужнаго пути, понеже привезено нам множество от домов нашихъ Волгою, мало не кождому, в великих в галияхъ запасу. Такоже и купцов безчисленное множество с различными живностьми и со многими иными товары приплыша, идѣже бяше всего достатокъ, чего бы душа восхотѣла (точию нечистоты тамо купить не обрящешь). И опочинув тамо войско аки три дни, начаша великую реку Волгу превозитися, и превезошася все войско аки за два дни.

И на третей же день двигнушася в путь, и преидохомъ четыре мили аки за 3 дни, бо тамо немало рѣкъ, еже впадаютъ в Волгу, препровожашеся чрез мосты и гати, которые были пред нами пока*зили****[27]*** казанцы. И на четвертый день изыдохом сопротив града Казанского на великие и пространные, и гладкие, зѣло веселые луги, и положися тамо все войско подле реки Волги. А лугов оных до мѣста аки миля зѣло велика, бо стоит онъ град и мѣсто не на Волзе, но рѣка под нимъ, Казань реченная, от неяже и наречен. И положение его на великой горѣ, а наипаче от приходу Волги сице зритца, а от нагайской стороны, от Камы-реки, от реченного Арского поля, равно приити к нему. Опочинувши же аки день единъ, паки дѣла нѣкоторые с кораблей выложены, яже пред полками хождаше. На другий же день рано по Божиихъ литоргияхъ, воздвижеся войско от станов со царемъ своимъ и, развивши хоругви християнские, со многимъ благочиниемъ и устроениемъ полков поидоша ко граду сопостатов. Град же видѣхом аки пустъ стоящ, иже а ни человѣкъ, а ни глас человѣчь ни единъ отнуд слышашеся в нем, яко многимъ неискуснымъ радоватися о семъ и глаголати, яко избѣгоша царь и все воинство в лѣсы, от страха великого войска.

Егда же приидохом близу мѣста Казанского, яже в великой крѣпости лежитъ, с востоку от него идетъ Казань-река,[28] а з западу Булакъ-рѣчка, зѣло тиновата и непреходима. Под самое мѣсто течетъ и впадаетъ под уголную вежу[29] в Казан-реку. А течетъ изъ ѣзера, Кабана глаголемаго, немалого, которое езеро кончится аки полверсты от мѣста. И якъ преправитися тую нужную рѣчку, тогда между озеромъ и мѣстом лежитъ с Арскаго поля гора зѣло прикрая[30] и ко восхождению нужная. А от тое реки около мѣста ров копан зѣло глубокий, аже до езерка, реченнаго Поганога, еже лежитъ подле самую Казань-реку. А от Казани-реки гора так высока, иже окомъ возрити

прикро. На нейже град стоитъ и полаты царские, и мечиты зѣло высокие, мурованные, идѣже ихъ умершие царие клались. Числом, памята ми ся, пять ихъ.

Егда же начаша обступати мѣсто оное бусурманское, и войско християнское повелѣно итти тремя полкамъ чрез предреченную рѣчку Булакъ. Егда же первие препровадился, направя[31] мостки чрез неѣ, предний полкъ, а тамо обыкли его звати яртаул, в немже бѣ войска избранного аки седмь тысящей, а над ними стратилаты два — княжа Пронский Юрей и княжа Феодоръ Львов с роду княжат ярославскихъ, юноши зѣло храбрые. И прииде[32] имъ итти с нуждою прямо на оную гору, на Арское поле, между мѣста *и* Кабана, предреченнаго озера, от вратъ градскихъ аки два стреляния лучныхъ. Другий же великий полкъ начаша толко преправожатися чрез оную рѣчку по мостом, царь же казанский выпустилъ войска коннаго из мѣста аки пят тысещь, а пѣшихъ от десять тысящъ на первый предреченный полкъ, конные татаровя с копьи, а пѣшие со стрелами. И абие удариша посреди полка христианского аки в полгоры оные и прерваша его, дондеже поправишася оные стратилатове, бо уже аки со двемя тысящами и вящей взошли было на оную гору. И сразишася с ними крѣпце, и бысть сѣча немала между ими. Потом поспѣшишася другия стратилаты с пѣшими нашими ручничными стрелцы и сопроша бусурмановъ яко конныхъ, такъ и пѣших, и гониша ихъ, биюще, аже до самых врат грацких, и несколко живыхъ поимаша. Той же час вкупѣ во сражение оное и стрѣлбу огненную со града изьявиша яко со вежъ высоких, такъ еще и с стѣны мѣские на войско християнское стреляю*ще*, но ничтоже, за Божиею благодатию, тщеты сотвориша.

И абие в той день обступихом мѣсто и град бусурманский полки християнскими и отняхом ото всѣхъ странъ пути и проѣзды ко граду: не возмогли они никакоже ни из града, ни во град преходити. Таже стратилатове, а по-ихъ воеводы полковъ — передовый полкъ, который ходитъ у нихъ за яртаулом, прииде на Арское поле и еще другий полкъ, в немъже бѣ царь Шигалей[33] — и другие великие стратилатове залегоша тамо пути, яже от Нагайские страны ко граду лежатъ.

Мнѣ же тогда со другимъ моимъ товарыщем правый рогъ, а по-ихъ — правая рука поручена была устрояти. Аще ми и во младыхъ лѣтехъ сущу — бо еще мнѣ тогда лѣтъ было аки двадесятъ и четыре от рождения, — но всяко, за благодатию Христа моего, приидох к тому достоинству не туне, но по степенемъ военным взыдохъ. И было в нашемъ полку вящей, нежели двенадесять тысящей, и пѣших стрелцов, и казаков[34] аки шесть тысящей. И повелено намъ итти за Казан-реку. И простршася войско полка нашего аж до Казани-реки, яже выше града, а другий конецъ до мосту, яже по Галицкой дороге,[35] и до тое же реки, яже ниже града. И залегохомъ пути ото всея луговыя черемисы, яже ко граду лежитъ. И случилася намъ стояти на мѣсте в равнинѣ, на лугу между великими блаты. Граду же с нашие страны на превеликой горѣ стояшу, и сего ради зѣло нам, паче всѣх нужно было от огненныя стрелбы со града, а ззади, с лѣсовъ — от частого наѣзжания черемиского. Другия же полки сташа между Булаком и Казанию *объ сю* страну от Волги. Сам же царь с валным гуфомъ,[36] або со множеством

воевъ стал от Казани аки за версту або мало болши от града с приходу своего от Волги на мѣсте на погористом. И сицевым чином мѣсты и грады бусурманские облегоша.

Царь же казанский затворися во граде со тремядесят тысящей избранных своихъ воиновъ и со всѣми карачи[37] духовными ихъ и мирскими и з двором своимъ. А другую половину войска оставил внѣ города на лѣсехъ, такоже и тѣ людие, яже нагайский улубий[38] прислал на помощь ему, а было их аки две тысящи и колко сотъ. И по трех днях начаша близу мѣста шанцы ставити. Того бусурманы зѣло возбраняше, ово биюще со града, ово, вытекающе, вручь секошася. И нападаху со обою стран множество люду, но обаче вяще бусурманов, нежели християн. И сего ради знак Божия милосердия являшеся християном и духъ храбрости нашимъ прискоряшеся.

Егда же добрѣ и крѣпце заточиша шанцы и стрелцы со стратилаты ихъ закопашася в землю, аки уже безстрашны от стрелбы мѣские и от вытечек мнящеся, тогда привлекоша великие дѣла и средние, и огненные близу града и мѣста, имиже вверх стреляютъ. А памята ми ся, всѣх было аки полтораста и великихъ, и среднихъ за всѣми шанцами ото всѣхъ стран града и мѣста поставлены, а и мнѣйшие было по полторы сажени. Окромѣ того были полные[39] многие около царскихъ шатров. Егда же начаша быти со всѣхъ стран по стенамъ града, и уже очистиша стрелбу великую на граде, сиирѣчь не даша имъ стреляти с великихъ дѣлъ на войско християнское, точию гаковничныя и ручничния не могоша отняти, еюже много тщеты дѣлали войску християнскому в людехъ и конѣхъ.

И еще ктому тогда иную хитрость изобрѣте царь казанский против нас. — Яковую же? Молю, повѣждь ми. — Исте таковую, но слухай прилѣжне, раздрочены воине! Ибо уложил онъ таковой совѣтъ со своими, с тѣм войском, ихъже оставил внѣ града на лесѣхъ, и положилъ с ними таковое знамение, а по ихъ языку — ясакъ:[40] егда изнесутъ на высокую вежу, або иногда на град, на высочайшѣе мѣсце хоругов ихъ зѣло великую бусурманскую и начнутъ ею махать, тогда, глаголю, — понеже далося нам знати — ударять со всѣх стран с лѣсов зѣло грозно и прутко во устроению полковъ бусурманы на полки християнские. А от града во все врата вытекали в тот же часъ на наши шанцы и такъ зѣло жестоце и храбре натекали, яко и вѣре не подобно. И единова изыдоша сами карачи з двором царевымъ, и с ними аки десять тысящей войска на тѣ шанцы, идѣже быша дѣла великие заточены, и такъ сотвориша сечу злую и жестокую бусурманы на християн, уже всѣхъ нашихъ долеко от дѣл отогнали было. И за помощию Божиею приспѣша шляхта муромского повѣту, бо негде ту близу станы ихъ были. И межи рускими та шляхта зѣло храбры и мужественны мужие сущие, стародавные в родѣх рускихъ. Тогда абие взопроша карачей со всѣми силами ихъ, аже принудишася от нихъ подати тыл, а они аж до вратъ меских сѣкоша, биюще ихъ, и не такъ множество посѣкоша, яко во вратѣхъ подавишася тесноты ради. Множество же и живыхъ поимаше. В той же час и на другие врата вытекаше, но не такъ крепце бишася.

И воистинну, на всякий день аки три недѣли тое бѣды было, яко и брашна намъ оного зѣло нужнаго не дали приимати многожды. Но сице намъ Богъ помогахъ, ово храбре за помощию Божиею сражахуся с ними — пѣшие с пѣшими, от града исходящими, конники же с конники, с лѣса наѣзжающими, а к тому и дѣла великие, яже суть з желѣзными кулями, оброщающе от града, стрѣляюще на тѣ полки бусурманские, яже отовнѣ града с лѣсов наѣзжали. А горѣе всѣхъ было от ихъ наѣзжания тѣм християньским полкамъ, яже стояли на Арском поле, яко и намъ з Галицкие дороги, яже суть от луговые черемисы. А которое стояло войско наше под градом за Булаком — на которой странѣ царь нашъ стоял, от Волги, — тѣ ото внѣйшаго нахождения бусурманского в покою пребывали, точию из града частые вытечки тѣ мѣли, яко же ближайше стояли под стѣнами града при дѣлехъ. А что бы повѣдал, яковую нам тщету в людехъ и в конехъ дѣлали, которые слуги наши добывали травы, ѣздяще на кони наши, аки ротмистры, стрегуще с полки своими, не могуще вездѣ обраняти ихъ, злохитровства ради бусурманского и наглаго, внезапнаго, пруткаго ихъ наѣзжания? Воистинно, и пишучи, не исписал бы по ряду, колко бы бито ихъ и поранено.

Видѣв же царь казанский, яко уже изнемогло было зѣло войско християнское, но и паче тое, яже близу стѣн мѣскихъ пришанцовався лежало — ово от частых вытечекъ и наѣзжания ихъ с лѣсовъ, ово от скудости пищи (бѣ зѣло уже драго куповано всякие брашна; в войску за неиспокоемъ, яко рѣхом, не дано и сухаго хлѣба наястися), а ктому мало не всѣ нощи пребывах без сна, храняще дѣл паче же живота и чести своей, — егда же, яко рѣх, уразумѣл сие яко царь ихъ, такъ и вне града бусурманские воеводове утружение войска нашего, тогда тѣм силнѣе и частѣйше отовнѣе наѣзжали и из града исходили. Царь же нашъ со всѣми сигклиты и стратилаты вниде в совѣт о семъ и совѣт в конецъ добръ, благодати ради Божии, произведе: разделити повелѣлъ войско все надвое, аки половину его под градом при делѣхъ оставя, части же ни малой здравия своего стрещи повелѣл при шатрѣхъ своихъ, а тридесят тысящей конников устроя и розделивъ на полки по чину рыцарскому, и поставя над каждом полкомъ по два, негде и по три стратилатовъ храбрыхъ, в богатырских вещах свидѣтелствованныхъ; тако же и пѣших, аки пятнадесятъ тысящей, изведе стрелцов и казаков, и такоже роздѣлиша на гуфы по устроениемъ стратилатским, и поставя надо всѣми ими гетмана великого княжа Суждалского Александра, нареченного Горбатого,[41] мужа зѣло разумного и статечнаго, и в военныхъ вещах свидѣтелствованного. И повелѣл ждати, закрыв все войско християнское за горами, егда же изыдутъ бусурманы с лѣсов по обычаю своему, тогда повелѣнно сразитися с ними.

Во утрии же, аки на третии годинѣ дня, изыдоша на великое поле, глаголемое Арское, от лѣсовъ полки бусурманские и первые удариша на ротмистров, яже на стражех въ полцѣхъ стояще, коимъ было заповѣдано уступити имъ, уклоняющеся аже до шанцовъ. Они же, уповающе, аки, боящеся, християнѣ побѣгоша, гнаша за *ними.* Егда же втиснуша ихъ уже в обоз, тогда начаша под шанцами круги водити и герцовати, стреляюще из луковъ подобию частости дождя. Овы же, во устроению многземъ, помалу полки грядуще конные и пѣшие, аки уже християнъ пожрети хотяще. Тогда убо, тогда, глаголю, изыдоша абие гетманъ с

войскомъ християнским, такожде во устроению множемъ, и приближишася со тщаниемъ ко сражению. Видѣвше же, бусурманы и ради бы назад к лѣсу, но не возмогоша, уже бо далеко отъехали от него на поле, но обаче, хотяще и не хотяще, дали битву и крѣпце сразишася со первыми полки. Егда же надспѣл великий полкъ, в немже сам бяше гетман, також и пѣшие полки приближишася, обходяще ихъ, наипаче от лѣсу, тогда абие в бѣгство обратишася всѣ полки ихъ. Христианское же воинство гониша за ними, биюще ихъ, и яко на пол-2 мили трупия бусурманского множество лежаше, и ктому аки тысечю живыхъ поимаше. Тогда за Божиею помощию таковую пресвѣтлую побѣду христиане над босурманы одержаше.

Егда же приведоша живых вязней оныхъ ко царю нашему, тогда повелѣл, пред шанцы выведши, привезати ихъ х колью, да во граде сущихъ своихъ молятъ и напоминаютъ, да подадут Казанское мѣсто цареви християнскому. Такожде и наши, ѣздяше, напоминали ихъ, обещевающе имъ живот и свободу, яко тѣм вязнемъ, такъ и сущим во граде, от царя нашего. Они же, сихъ словес выслухав тихо, абие начаша стреляти с стѣнъ града не так по наших, яко по своихъ, глаголюще: «Лутче, рече, увидим вас мертвыхъ от рукъ нашихъ бусурманскихъ, нежели бы посѣкли васъ кгауры необрѣзанные!» И иные словеса отрыгающе хулные сь яростию многою, яко и всѣм нам дивитися, зреще.

И по сем аки по трех днехъ повелѣл царь нашъ итти тому княжати Александру Суздалскому с тѣм же войском на засѣку, яже были бусурманы сооружили стѣну между великими блаты на горѣ единой аки две мили от мѣста. Идѣже паки по розбѣжанию ономъ собрашася множество ихъ. И умыслиша оттуду, аки из града единаго выѣзжаючи, паки ударяти на войско християнское. И ктому еще, к ойному предреченному гетману придано другаго гетмана, а по-ихъ — великого воеводу, с полки его, именем князя Семена Микулинского, с роду великихъ княжат тверских, мужа зѣло храбраго и в богатырниих вещах искуснаго. И дано имъ повелѣние таково: аще имъ бы Богъ помоглъ оную стѣну проломити, да идутъ всѣм войскомъ аже до Арского города, который лежитъ от Казани дванадесять мил великих. Егда же приидоша ко оной стѣне, опрошася бусурманы и начаша бранитися крѣпце, аки на две године биющеся. Потом за Божиею помощию одолѣша ихъ наши яко огненною стрелбою, такъ ручною. И побѣгоша бусурманы, наши же гонили ихъ. Егда же препроводишася все войско великое за оную стѣну, и оттуду цареви нашему с сеунчем послали. А тамо наше воинство об нощь пребыло и обрѣтоша в шатрѣх и в станѣхъ бусурманскихъ немало корыстей. И приидоша аки за два дни до оного предреченного града Арского и обрѣтоша его пустъ, покинен, от страха бо избѣжаша из него всѣ страха ради в далѣчайшие лѣсы. И плѣниша тамо в земли оной аки 10 дней, понеже в землѣ той поля великие и зѣло преизобилные, и гобзующе на всякие плоды, такожде и дворы княжат ихъ и велможей зѣло прекрасны и воистинну удивлению достойни. И сѣла часты, хлѣбов же всякихъ такое там множество, воистинну вѣре ко исповѣданию неподобно — аки бы наподобие множества звѣздъ небесныхъ! Такъже и скотов различных стад безчисленныя множества, и корыстей драгоценных, наипаче от различных зверей, в той земли бывающихъ: бо

тамо радятца куны дорогие и бѣлки, и прочие звѣрие ко одеждам и ко едению потребны. А мало за тѣм далѣй — соболей множество, такожде и медовъ, не вѣм, гдѣ бы под солнцем болши было! И по десяти днехъ со бесчисленными корыстми и со множеством плѣну бусурманскихъ жен и детей возвратишася к нам здраво. Такожде и своихъ, древле заведенныхъ многихъ от бусурманъ, свободиша от многолѣтныя работы. И бысть тогда в воинстве християнском велия радость, и благодарение ко Богу воспѣвали. И такъ было таней[42] в войску нашемъ всякие живности, иже краву куповано за десят денегъ московскихъ, а вола великаго за десят аспръ.[43]

Скоро по возвращению онаго войска потомъ, аки по четырехъ дняхъ, собралося черемисы луговыя немало, и ударили на наши станы задние з Галицкие дороги, и немало стадъ коней нашихъ отгромили. Мы же абие послали в погоню за ними трехъ ротмистровъ, и за ними другихъ посылочные полки во устроению засады ради. И угонено ихъ в трех або в четырехъ миляхъ, и овыхъ избиша, другихъ живыхъ поимаша.

А естли бы писал по ряду, яко тамо под градом на кождый день дѣялося, того бы цѣлая книга была. Но вкратце сице воспомянути достоит, яко они на войско християнское чары творили и великую плювию[44] наводили: яко скоро по облежанию града, яко солнце начнет восходити, взыдут на град, всѣм нам зрящим, ово престарѣвшиияся ихъ мужи, ово бабы и начнутъ вопияти сатанинския словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся неблагочинне. Тогда абие востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такий дождь, и сухие мѣста в блато обратятся и мокроты исполнятся. И сие точию было над войскомъ, а по сторонам нѣсть, — не точию по естеству аера случашеся. Видѣвше же сие, абие совѣтоваше цареви послати по древо спасенное до Москвы, яже во крестъ вдѣлано, который всегда при царском венце лежитъ. И збѣгано за Божиею помощию зѣло скоро: водою до Новаграда Нижняго аки в три, або четыре дни вяцкими, зѣло скоро плывающими кораблецы, а от Новаграда аже до Москвы прудкошественными подводами. Егда же привезенъ честный крестъ, в немъже частка вдѣлана спасенного древа, на немже Господь нашъ Иисусъ Христосъ плотию страдал за человѣки, тогда прозвитеры соборне со церемониями[45] християнскими обхождение творяху и по обычаю церковному освятиша имъ воды, и силою животворящаго креста абие от того часа ищезоша и без вести быша чары оные поганские.

И в то же время у нихъ подкопомъ воду отнято за 2 або за 3 недѣли до взятья: бо ся тамо под вежу великую и под тайнники подкопано, откуду они на вес град воду брали, и порохов подставлено аки двадесят бочек великихъ, и вырвало. И къ тому у нас вежу[46] над обычай великую и высокую за две недѣли уроблено потаемне за полмили от града, и единыя нощи близу рва мѣскаго поставлено и на нея взношенно стрелбы десят дѣл и пятдесят гаковниць. И зѣло великую шкоду в мѣсте и во граде на всякъ день чинено с *нее:* бо до взятья градскаго побито люду бусурманского военного, кромѣ женъ и детей, близу десяти тысящей со всѣхъ стран — и з дѣл на вытечках ихъ, и с тое-то вежи. А

яко е ставлено, и яковым обычаемъ и иные различные стѣнобитные хитрости творено, сие оставляю краткости ради истории, бо широце в лѣтописной руской книзе[47] о том писано. Толико о взятию града мало воспомянем, елико можем вспамятати, вкратце опишем. Понеже не токмо Богъ разумъ и даръ духа храбрости тогда подавал, но явления нѣкоторыя достойным и чистыя совести мужем в нощных видѣниях изъявилъ о взятию града бусурманского, к сему подвижуще воинство, яко мню, отомщающе бесчисленное и многолѣтное разлияния крови християнские, а оставльшихся еще тамо живых избавляюще от многолѣтныя работы.

Егда же по скончанию седми недѣль от обложения града заповѣдано намъ еще в дни утренной зари ждати до востока солнца и повелено уготовлятися со всѣхъ стран ко штурму[48] и дана таково знамение: егда взорвутъ стѣну порохи, яже в подкопе, — бо было в другий раз *подкопано* и засажено 48 бочекъ пороху под стѣною мѣскою. И болшую половину войска пѣшаго ко штурму послано, аки же третина войска всего або мало болши на полю осташася, паче же стрегуще здравия царева. Мы же, по повелѣнному, рано к сему уготовавшеся, аки за две годины еще до зори. Бо аз тогда послан был к нижайшим вратамъ, сверху Казани-рѣки приступати, а со мною было дванадесять тысящей войска. Ото всѣхъ же четырехъ странъ такожде устроено присылныхъ и храбрых мужей, нѣкоторыхъ и з болшими почты. Царь же сие казанский и сенатыри его увѣдали о сем и такоже на нас уготовились, яко же и мы на нихъ.

Пред самым же солнычнымъ восходом, або мало что уже нача солнцу являтися, взорвало подкопъ, войско же християнское абие ударило со всѣх странъ на мѣсто. Да свидѣтелствуетъ кождый о себѣ, аз же, что пред очима тогда имѣхъ и дѣлахъ, повѣмъ истинну вкратце. Разрядихъ войско мое дванадесят тысещей под устроениемъ стратилатов, потекохом ко грацким стѣнам и к той великой башне, яже пред враты стояла на горѣ. Егда же еще быхом подалѣче от стѣнъ, ни из единые ручницы або стрелою на нас стрелено, егда же уже близу быхом, тогда первие многоогненный бой на нас пущен с стѣн из башен. Тогда стрѣл густость такая, яко частость дождя, тогда *камения* множество безчисленное, яко и воздуха не видѣти! Егда же близу стѣну подбихомся с великою нуждою и бѣдою, тогда вары кипящими начаша на нас лити и целыми бревны метати. Всяко же Божия помощь помогаше намъ тѣмъ, еже храбрость и крѣпость, и запамятания смерти дароваше. И воистинну с поощрениемъ сердца и со радостию бишася з босурманы за православное християнство и аки бы за полгодины отбиша ихъ от окон стрелами и ручницами. А ктому и дѣла из-за шанцовъ нашихъ помогаше намъ, стреляюще на нихъ: бо они явственно уже стояще на башне оной великой и на стѣнах града, не хранящеся, яко прежде, но крѣпце с нами и обличне вручь бьющеся. И абие могли бы ихъ избити, но много нас ко штурму поидоша, а мало под стѣны градные приидоша, нѣкоторые возвращающеся, множество лежаще и творяшесь побиты и ранены.

Затѣмъ Богъ поможе нам. Первый братъ мой родный[49] на стѣну града взыде по лествице, и другие воини храбрые с нимъ. А овые, секущеся и

колющеся з босурманы, во окна оные великие башни влѣзже, а из башни сметавшись во врата великие градные. Бусурманы же абие тыл подаша, стѣны градные оставив, побѣгоша на великую гору ко двору цареву: бо бѣ зѣло крѣпокъ, между полатъ и мечетей каменныхъ оплотом великимъ обточен. Мы же за ними ко двору цареву, аще и утружденныи во *зброях,* а многие храбрые мужие на телесахъ радны уже имуще. И зѣло нас мало осталося биющихся с ними. А войско наше, яже было оттамо, вне града, яко увидѣли, иже мы уже во граде, а татаровя с стѣнъ побегоша, всѣ во град ринулося, и лежащся глаголемые раненые воскочиша, и творящиияся мертвыя воскресоша. И со всѣхъ стран не токмо тѣ, но и с становъ, и кашевары, и яже были у конех оставлены, и друзии, яже и с куплею приѣхаша, — всѣ збѣгошася во град не ратного ради дѣла, но на корысть многую. Бо то мѣсто воистинну полно было дражайших корыстей — златом и сребром, и камениемъ драгоценным, и соболми кипѣло, и другими великими богатствы. Татаровя же запрошася с нашу сторону на цареве дворѣ, а долную часть мѣста покинули, елико ихъ могло утещи. А з другую сторону, яже с Арского поля, откуду подкопъ взорвало, и царь казанский з дворомъ своимъ, уступя аки в половину мѣста, застоновился на Тезицком рве, по-нашему — на Купецком, биющеся крѣпцѣ со християны. Бо того мѣста две части, аки на равнине, на горѣ стоятъ, а третия часть зѣло удолна, аки в пропасти. А поперегъ, аки в половину мѣста, от стѣны Булака аже до долные части мѣста — ров немалый. А мѣсто оно немало, мало что от Виленского мнѣйше.

И бысть сеѣ предреченные битвы аки на четыре годины и вящей, памята ми ся, ото всѣхъ стран добывания на стены и во граде сѣчи. И якъ видѣвше бусурманы, иже християнского войска мало оставляет, мало не всѣ на корысти падоша — мнози, яко глаголютъ, по два кратъ и по три в станы отхождаху с корыстми и паки возвращахуся, храбрии же воини без престани бьющеся, — видѣв же сие бусурманы, иже утрудишася уже воины храбрые, и начаша крѣпце налегати, ополчающеся на нихъ. Корыстовники же оные предреченные, егда увидѣли, что наши по нужде уступаютъ помалу, бранящеся бусурманомъ, в таковое абие бѣгство вдашеся, яко и во врата многие не попали, но множайшие и с корыстми чрез стѣну метались, а иные и корысти повергоша, толко вопиюще: «Секут! Секут!» Но за благодатию Божиею храбрыхъ сердцемъ не сокрушили. Бо и с нашу сторону зѣло было тяжко от належания бусурмановъ — в то время, отнележе во град внидоша и изодоша, в моем полку девяносто и осмь храбрыхъ мужей убито, кромѣ раненых, — но обаче благодати ради Божия устояхомъ на нашей сторонѣ сопротив ихъ неподвижны. Со оныя же предреченныя страны мало что поступиша, яко рекохомъ, великого ради множества належания ихъ. И доша о собѣ вѣдати цареви нашему и всѣмъ совѣтником, окрестъ его в тот час бывшимъ, яко и самому ему зрящу бѣгство из града оных предреченных бегунов, и зѣло ему не токмо лице изменяшеся, но и сердце сокрушися, уповая, иже все войско уже християнское бусурманы из града изгнаша. Видѣвше же сицевое, мудрые и искусные сигклитове его повелѣша херугов великую християнскую близу вратъ градцкихъ, нареченных Царскихъ, подвинути, и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близу хоругови поставиша: понеже были нѣцыи между сниглицы оными

мужие вѣку еще отцов нашихъ, состарѣвшиеся в добродѣтелях и во всяких искуствах ратныхъ. Полку же царскому великому, в котором было вящей нежели двадесят тысящей воинов избранных, абие повелено сойти с коней аки половине, тамо же не токмо детем своим, — сроднымъ повелѣша, но и самих ихъ половина, сшедши с коней, потекоша во град на помощь утружденнымъ оным воиномъ.

Егда же приидоша во град внезапу такъ много воинства свежего, в пресветлые зброи оболченнаго, абие царь казанский со всѣмъ воинством начаша уступовати назад, обаче браняшеся крѣпце. Наши же по них неотступно крѣпцей находяще, секущеся с ними. Егда же погнаша ихъ аже до мечетей, яже близу царева двора стоят, абие изыдоша во стретение нашихъ обызы ихъ, сеиты,[50] молбы пред великим бискупом ихъ, а по-ихъ с великимъ анарыи, або амиром, именем Кулшерифмуллою, и сразишась с нашими такъ крѣпце, аже до единаго избиша их. Царь же со всѣми остатними затворился в дворе своемъ, нача бронитися крѣпце, аки еще на полторы годины биющеся. Егда же видѣв, яко не возможе уже помощи собѣ, тогда на едину сторону отобраша женъ и детей своихъ в прекрасныхъ и в преиспрещренныхъ одеждахъ, околко десят тысещей, и сташа на единой странѣ великого предреченнаго двора царева, уповающе, иже прелстятся войско християнское на красату ихъ и живити ихъ будутъ. Сами же татаровя со царемъ ихъ отобрашеся во единъ угол и умыслиша не датися живым в руки, точию бы царя живаго соблюсти. И поидоша от царева двора на долную сторону мѣста к нижайшимъ вратом, идѣже аз сопротив ихъ у царева двора стоях. И не остало уже было со мною полутораста воиновъ, а ихъ еще было о десять тысещей, обаче тесноты ради улицы бронилися есма имъ, отходяще и опирающеся крѣпце. Наше же войско великое з горы оные да потиснуша ихъ зѣло, паче же задний конецъ татарского полку, секуще и бьюще. Тогда едва с великою нуждою за Божиею помощию изыдохом из вратъ градцких. Наши же с великие горы крѣпце належаще, тиснуша ихъ, нам же об ону страну стоящем во вратѣхъ биющеся, не пущающе ихъ из града. Уже бо нам на помощь два полка християнские приспѣша. Имъже так тиснушася неволею великаго ради належания з горы, иже с вежею высокою равно, яже надо враты бяше, полно трупия ихъ лежаше, среднимъ же и заднимъ людемъ аже по людем своим идуще на град и на вѣжу. Егда же возведоша царя своего на вежу, тогда начаша вопияти, просяще малого времяни на розмову,[51] мы же мало утишився, послушаще прошения ихъ. Они же абие сице рѣша, глаголюще: «Поки, речи, юртъ стояше (юртъ исмаилтеским языком обыче нарицатися царство, само в себѣ стояще) и мѣсто главное, идѣже престолъ царевъ был, потыя же до смерти браняхуся за царя и отечество. А нынѣ царя вам отдаем здрава, ведете его ко царю своему, а остаток нас исходимъ на широкое поле испити с вами послѣднюю чашу». И отдаша нам царя своего со единым корачом,[52] што наиболшим их, и со двемя имилдеши.[53] Царю ихъ было имя бусурманское Идигеръ, а князю оному Зиниешь. И отдав намъ царя здрава, по нас абие стрелами, а мы по нихъ. И не поидоша на нас во врата, но абие поидоша с стѣны просто чрез Казань-реку и хотяще пробитися прямо противъ моего стану на шанцы тѣми дирами, идѣже шесть дѣл великих стояло.

И абие по нихъ ударено иза всѣхъ тѣх дѣл. Они же воздвигошася оттуды и поидоша налѣво вниз, водле Казань-рѣку, берегомъ, аки три перестрѣлы лучныхъ и по конецъ шанецъ нашихъ, тамо сташа и начаша лехчитися и метати с себя зброи и розувати собя ко бредению реки. Еще бо бѣ ихъ остал полкъ, аки шесть тысещей або мало мнѣйше. Мы же, видѣвши сие, мало нас нѣчто добыша собѣ коней от своихъ станов из-за рѣки, и так, сѣдши на свои кони, устремишася скоро сопротивъ ихъ и заступиша имъ пут, имъже хотяху поити. И обрѣтоша еще ихъ не прешедших чрез рѣку, и собрашася нас сопротив ихъ мало что болши дву сот коней: бо зѣло вскорѣ сия случишася, понеже что остало войска столко об ону сторону мѣста, при царѣ было, паче же мало не всѣ во граде уже. Абие жь они, предбредши реку (бо мѣлка была в том мѣсте, по ихъ сщастью), зжидатися начаша на самом брегу, ополчающеся, готови суще ко сражению, с различными бронми, паче же мало не все со стрелами, и уже на тетивахъ луков стрѣлы имуще. И абие начаша мало от берегу подвигатися, учиня чело немалое, а за ними всѣм идущим вкупѣ зѣло густо и долго, аки два стреляния намалые лучных, по примѣте. Християнского же войска множество безчисленное на стенѣ града, такоже с полатъ царскимъ зрящим, а помощи нам, стремнины для великия и зѣло прикрые горы, никакоже возмогоша подати.

Мы же, отпустя ихъ мало что от брегу, бо еще самому концу остатному из реки не явившуся, тогда удариша на нихъ, хотяще их прервати и устроенные полки ихъ разсторгнути. Молюся, да не возмнитъ мя хто безумна, сам себя хваляща! Правду воистинну глаголю, и дарования духа храбрости, от Бога данна ми, не таю; к тому и коня зѣло быстра и добра имѣхъ. И всѣх первие вразихся во весь полкъ он бусурманский и памятую то, иже, секущеся, три разы в нихъ конь мой оперся, и в четвертый разъ зѣло раненъ повалился в *средине* ихъ со мною. И уже от великих ранъ не памятаю вяще. Очхнув же ся уже потом, аки по малѣ годинѣ, видѣхъ, аки над мертвецом, плачющимъ и рыдающим двема слугам моимъ, надо мною стоящимъ, и другимъ двема воином царскимъ. Азъ же видѣхъ себя обноженна лежаща, многими ранама учащенна, а животъ цѣл понеже на мнѣ збройка была праотеческая зѣло крѣпка, паче же благодать Христа моего такъ благоволила, иже ангеломъ своимъ заповѣдал сохранити *мя,* недостойнаго, во всѣхъ путехъ. Последи же, потом уже увѣдахъ, иже тѣ всѣ благородные, ихъже уже собралось было аки со триста, яже обещалися, устремилися и были со мною вкупѣ, и на них ударили, *да погладили* возле полка ихъ, не сразився с ними. Подобно для того, иже преднихъ ихъ нѣкоторыхъ зѣло поранили, близу собя припустя ихъ, или негли убоящеся толщи ради полку. Возвратився паки, ззади оного бусурманского полку сещи начаша, наѣзжаючи и топчючи ихъ. Чело же ихъ иде невозбранно чрез широкий лугъ великому блату, идѣже конемъ невозможно, а тамо уже за блатом великий лѣс.

Потом, глаголютъ, приспѣл он мой братъ предреченный, иже первие на стѣну градскую взыде. Аки бы среди оного лугу еще застал ихъ, и в самое чело ихъ зѣло быстро, всѣми уздами роспустя коня, вразився в нихъ такъ мужественно, такъ храбро, иже верѣ неподобно. Яко всѣм свидѣтелствовати, аки двакротъ проѣхал посреди ихъ, секуще ихъ и

обращающе конем посредѣ ихъ. Егда уже в третий разъ вразился въ них, поможе ему нѣкоторый благородный воинъ, помогающе ему, вкупѣ бьюще бусурманов. Всѣм же со града зрящим и дивящимся, которые же не вѣдяще о цареве отданию, мняще царя Казанского между ихъ ѣздяща. И такъ его уранили, иже по пяти стрѣл в ногахъ ему было, кромѣ иныхъ ран. Но животъ сохраненъ был Божиею благодатию, понеже зброю на собѣ зѣло крѣпку имѣл. И такого был *мужественнаго* сердца, егда же уже той конь под ним ураниша такъ, иже с мѣста не може двигнутися, другаго коня обрѣл, просто водяща у единого дворянина царева брата, и испрося его, и забывши, паче же не радящи такъ о прелютых своих ранахъ, угонивъ паки полкъ бусурманский, секуще ихъ со другими воины, аже до самого блата. И воистинну имѣхъ таковаго брата храбра и мужественна, и добранравна, и ктому зѣло разумна, иже во всем войску християнском не обрѣташеся храбрѣйший и лутши паче его. Аще бы обрѣлся хто, Господи Боже, да таков же бы был! Паче же мнѣ зѣло былъ превозлюбленъ, и воистинну мѣл бы за него душу свою положити и животом своим здравие его откупити, понеже умре потом на другое лѣто, подобно от тѣх лютых ран. [54]Сие конецъ краткого писания о Казанского великого града бусурманского взятию.

По оной же преславной побѣде, аки бы на третий день, царь нашъ отрыгнул нѣчто неблагодарно вмѣсто благодарения, воеводам и ко всему воинству своему — на единаго разгнѣвался, таковое слово реклъ: «Нынѣ, рече, обронил мя Богъ от вас!» Аки бы реклъ: «Не возмоглъ есма вас мучити, паки Казань стояла сама во собѣ, бо ми есть потребны были всячески, а нынѣ уже волно мнѣ всякую злость и мучителство над вами показывати». О, слово сатанинское, являемое неизреченную лютость человѣческому роду! О, наполнения мѣры кровопийства отческого! Паче к нам, християном, достоило рещи ото всего сердца человѣкови сицевое слово между благодарными глаголы ко Богу всемогущему: «Благодарю тя, Господи, иже нынѣ оборонил еси насъ ото врагов нашихъ!» Приявши же Сатана человѣческий скверный языкъ яко орудие, сице похвалился губити роды християнские со своимъ стаиникомъ, аки бы мстяще християнскому войску, иже воином его скверныхъ измаилтянъ мужеством храбрости своей, Богу имъ помогающу, побили.

Царь же вниде в совѣтъ о устроению града нововзятого. И совѣтовавше ему все мудрые и разумные, иже бы ту пребыл зиму ажь до весны со всѣмъ воинством: бо запасовъ было всякихъ множество *съ* Руския земли кгалиями направажено, якоже и в той землѣ бесчисленное богатство всякихъ достатков. И до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себѣ покорив и усмирил землю навѣки, бо кромѣ татарска языка в том царстве пять различных языков: мордовский, чювашский, черемиский, воитецкий або арски, пятый башкирский; тѣ живут башкирцы вверхъ великие рѣки Камы в лѣсах, яже в Волгу впадает ниже Казани дванадесят миль. Онъ же совѣта мудрыхъ воевод своих не послушал, послушал же совѣта шурьи своихъ,[55] они бо шептаху ему во уши, да споспешитца ко царице своей, сестре ихъ, *а* и других ласкателей направили съ попами.

Онъ же стояв недѣлю и, оставя часть воинства в мѣсте и огненные стрелбы с потребу, и всѣдши в суды, ѣхал к Новугороду Нижнему, еже есть крайнѣе мѣсто великое руское, которое лежит от Казани шездесят миль. А кони наши всѣ послал не тою доброю дорогою, еюже сам шел х Казани, но водле Волгу зѣло притрудными стезями, по великим горам лежащими, на нихже чювашский языкъ обитает, и того ради погубил у всего воинства своего кони тогда: бо у кого было сто або двѣсте коней, едва два або три вышли. Се сия первая дума человѣкоугодницы! Егда же приѣхал в Новгород Нижний и пребывал тамо три дни, и распустил по домам воинство все, сам же пустился на подводах сто миль до главнаго мѣста соего Москвы: бо уродился ему был тогда сынъ Димитрий, егоже своимъ безумьемъ погубил, яко напреди вкратце о сем повѣм. *Приѣхавъ же до Москвы аки по двухъ мѣсяцахъ или по трехъ, разболѣлся зѣло тяжкимъ огненнымъ недугомъ такъ, иже никтоже уже ему жити надѣялся.* ***[56]*** По немалых же днях помалу оздравляти началъ.

Егда же уже оздравел, обѣщался, скоро по недузе оном, и умыслил ѣхати сто миль от Москвы до единаго монастыря, глаголемаго Кирилова. После же великого дня Воскресения Христова, аки на третьей или на четвертой недѣле, поѣхал первие в монастырь Троицы живоначалные, глаголемый Сергиев, яже лежитъ от Москвы двадесять миль на великой дорозе, которая идет к Студеному морю. Поѣхал же не один, но со царицею своею и с новорожденном отрочатем *на такъ* долги путь. И пребыл в Сергиеве монастыре аки три дни, опочиваючи собѣ, бо еще был не зѣло оздравелъ.

А в том тогда монастырю обитал Максимъ преподобный, мнихъ святые горы Афонские, Ватапеда монастыря, грекъ родом, муж зѣло мудрый и не токмо в ритарском искустве многъ, но и филосов искусен. И уже въ лѣтехъ превосходные старости умащен и по Бозѣ в терпѣнию исповѣдническомъ украшенъ. Много бо претерпѣл от отца его многолѣтных и тяжкихъ оков и многолѣтнаго заточения в прегорчайшихъ темницах, и других родов мученей искусил неповинне по зависти Даниила митрополита, прегордаго и лютаго и ото вселукавых мнихов, глаголемых осифлянских. А он был его из заточения свободил по совѣту нѣкоторых синглитовъ своихъ, исповѣдающих ему, иже отнюдь неповинне страждетъ таковый блаженный мужь. Тогда предреченный мнихъ Максим начал совѣтывати ему, да нѣ едетъ на такъ далекий путь, но и паче же со женою и с новорожденным отрочатем.

«Аще, — рече, — и обѣщался еси тамо ѣхати, подвижуще святаго Кирилу на молитву ко Богу, но обѣты таковые с разумом не согласуютъ. А то сего ради: егда доставал еси так прегордаго и силнаго бусурманского царства, тогда и воинства християнского храброго тамо немало от поганов падоша, яже брашася с ними крѣпце по Бозе за православие. И тѣхъ избиенных жены и дѣти осиротѣли и матери обнищадѣли, во слезах многих и в скорбѣхъ пребываютъ. И далеко, — рече, — лучше тѣ тобѣ пожаловати и устроити, утѣшающе ихъ от таковыхъ бѣд и сокрбѣй, собравше ихъ ко своему царствѣннѣйшему граду, нежели тѣ обѣщания не по разуму исполняти. А Богъ, — рече, —

вездѣ сый, все исполняетъ и всюды зритъ недреманнымъ своимъ окомъ, яко пророкъ рече: "Сей не воздремлет, ни уснетъ, храняще Исраиля". [57] И другий пророкъ: "У негоже, — рече, — очи седмь кратъ солнца свѣтлѣйше"[58] Тѣм же не токмо святый Кирилъ духомъ, но и всѣ первородныхъ праведных духи, написанные на небесѣх, иже предстоятъ нынѣ у престола Господня, имуще очи духовные острозритѣлнѣйше, паче с высоты (нежели богатый во аде) и молятся Христу за всѣх человѣков, на земном кругу обитающих, паче же за кающихся грѣхов и волею обращающихся от беззаконий своихъ ко Богу, понеже Богъ и святые его не по мѣсту объятия молитвам нашимъ внимаютъ, но по доброй воле нашей и по самовластию. И аще, — рече, — послушаеши мене, здравъ будеши и многолѣтен со женою и отрочатем».

И иными словесы множайшими наказуя его, воистинну сладчайшими, паче меда, каплющаго ото усть его преподобных. Онъ же, яко гордый человѣкъ, упрямяся, толико: «Ехати да ехати, — рече, — ко святому Кирилу». Ктому ласкающе его и поджигающе миролюбцом и любоименным мнихом и похваляюще умиление царево, аки богоугодное обѣщание. Бо тѣ мнихи боготолюбные не зрят богоугоднаго, а ни совѣтуют по разуму духовному, чему были должны суще паче в мирѣ живущих человѣков, но всячески со прилѣжанием слухают, чтобы угодно было царю и властем, сиирѣчь чем бы угодно бы выманити имѣния к монастырем или богатство многое и жити в сладострастиях скверных яко свиньям питающеся, а не глаголю, в калѣ валяющеся. Прочеѣ же умолчим, да не речем чего горшаго и сквернѣйшаго и ко предреченным возвратимся, о оном добром совѣте глаголюще.

[59]Егда видѣвъ преподобный Максим, иже презрѣл его совѣтъ и ко ѣханию безгодному устремился царь, исполнився духа пророческаго, начал прорицати ему: «Аще, — рече, — не послушаеши мене, по Бозѣ совѣтующаго, и забудеши крови оных мучеников, избиенных от поганов за правовѣрие, и презриши слезы сиротъ оных и вдовицъ, и поѣдеши со упрямством, вѣдай о сем, иже сынъ твой умрет и не возвратится оттуды жив. Аще же послушаеши, и возвратишися, здрав будеши яко сам, так и сынъ твой». И сия словеса приказал ему четырмя нами: первый — исповѣдникъ его, презвитер Андрѣй Протопоповъ,[60] другий — Иоаннъ, княжа Мстиславский, а третей — Алексѣй Адашев,[61] ложничей его, четвертым — мною. И тѣ слова слышав от святаго, исповѣдахом ему по ряду. Онъ же не радяще о сем, и поѣхал оттуды до града, глаголемаго Дмитрова, и оттуды до монастыря единаго, реченнаго «на Песочне»,[62] яже лежитъ при рецѣ Яхромѣ: туто имѣл суды уготованы ко плаванию.

Ту ми зри со прилѣжанием, что враг нашъ непримирителный, Диавол, умышляет и к чему человѣка окоянного приводит и на что подвижет, влагающе ему аки благочестие ложное и обѣщание ко Богу, сопротивное разуму! И аки бы стрѣлою по примѣте царемъ стрелилъ до того монастыря, идѣже епископъ, уже престарѣвшися во днех мнозех, пребывал. Прежде был мних от осифлянские оные лукавые четы,[63] яже был великий похлѣбникъ отца его, и вкупѣ со прегордым и проклятым Даниломъ митрополитомъ, предреченныхъ оныхъ мужей многими лжесшиванми оклеветаше и велико гонение на нихъ

воздвигоша. Той-то митрополитъ Силвана преподобнаго,[64] Максимова ученика, обоего любомудрия внѣшняго и духовнаго искуснаго мужа, во своем епископством дому злою смертию за малые дни уморил. И скоро по смерти князя великаго Василия яко митрополита московскаго, так того коломенского епископа, не токмо по совѣту всѣхъ сигклитов, но и всенародне изгнано от престолов ихъ явственныя ради злости.

Что же тогда приключишася? Тако (…) воистинну: иже приходитъ царь до оного старца в кѣлью и, вѣдая, яже отцу его единосовѣтникъ был и во всемъ угоденъ и согласенъ, вопрошает его: «Како бы моглъ добре царствовати и великихъ и силныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?» И подобало рещи ему: «Самому царю достоит быти яко главѣ и любити мудрыхъ совѣтников своих, яко свои уды», и иными множайшими словесы от Священных Писаней ему подобало о сем совѣтывати и наказати царя християнскаго. Яко достоило епископу нѣкогда бывшу, паче же престарѣвшемуся уже в лѣтехъ доволныхъ. Онъ же что рече? Абие началъ шептали ему во ухо, по древней своей обыкновенной злости, яко и отцу его древле ложное сиковацие[65] шепталъ и таково слово реклъ: «И аще хощеши самодержецъ быти, не держи собѣ советника ни единаго мудрѣйшаго собя, понеже самъ еси всѣхъ лутчши. Тако будеши твердъ на царстве и всѣхъ имѣти будеши в рукахъ своихъ. И аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу собя, по нужде будеши послушенъ имъ». И сице соплете силлогизмъ[66] сотанинский. Царь же абие руку его поцеловалъ и рече: «О, аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми!»

Ту ми разсмотри прилѣжно, яко согласуетъ древний гласъ отечь с новымъ гласомъ сына! Искони отецъ, прежде бывшей Офорос,[67] глаголетъ, видѣвъ себя пресвѣтла и силна и надо многими полки ангелскими чиноначальником от Бога поставлена, и забывъ, иже сотворение есть, рече себѣ: «Погублю землю и море и поставлю престолъ мой выше облакъ небесныхъ и буду равенъ Превышнему!» Аки бы реклъ: «И могу сопротивитися ему!» И абие денница низпаде восходящая заутра, и низпаде аже в преисподние: возгордѣвъ бо и не сохранив своего чина, яко писано есть: и отъ Осфора Сатана нареченъ, сирѣчь отступникъ. Тому древнему отступнику и сынъ гласъ подобенъ провещалъ, паче же онъ самъ, точию дѣйствовалъ устнами престарѣвшимись старца, и рече: «Ты лутчи всѣх, и недостоит ти никого имѣти мудраго». Аки бы реклъ: «Понеже еси Богу равенъ».

О, глас воистинну дияволи, всякие злости и презорства, и забвения преполонъ! Забыл ли еси, епископе, во Второмъ царстве реченнаго? Егда совѣтовалъ Давыдъ со синглиты своими, хотяще считати людей исраилтескихъ, яко речено: совѣтоваша ему всѣ синглитове, да не сочитаетъ, понеже умножил Господь людъ Исраилевъ по обѣщанию своему ко Аврааму, аки песокъ морский. И превозможе, рече, глаголъ царевъ, сирѣчь не послушал совѣтников своих и повелѣл считати людъ дани ради болшие. Забылъ ли еси, что принесло непослушание синглитскаго совѣта, и яковую бѣду навел Богъ сего ради? Мало весь Исраиль не погибе, аще бы царь покаяниемъ и слезами многими не предварил! Запомнил ли еси, что гордость и совѣтъ юныхъ о презрѣние старѣйших совѣту Ровоаму безумному[68] принесло? И иные всѣ

безчисленные во Священных Писанияхъ о семъ учащие оставя, вмѣсто тѣхъ шептанный пребеззаконный глаголъ царю християнскому, покаяниемъ очищену сущу, во уши всѣялъ еси.

Подобно ленился еси прочести златыми усты вещающаго о семъ во словѣ о Духу Святом, емужь начало: «Вчера от насъ, любимицы»,[69] тако же и во другомъ слове, в последней похвалѣ о святомъ Павле, сирѣчь во 9, емуже начало: «Обличили насъ друзи нѣкоторые»,[70] яко он похваляет, нарицающе даръ Духа совѣтъ от Бога данный. Идѣже в них разсуждаетъ о различных дарованияхъ духа, яко мертвыхъ воскрещати и предивные чюдеса творити и различными языки глаголати — дары Духа нарицает, тако жъ и совѣтовати полѣзные на прибыль царства дар совѣта нарицает, и свидѣтелство на то приводитъ не худаго мужа, ни незнаемаго, но самаго славнаго Моисѣя, со Богомъ бесѣдовавшаго, моря раздѣлителя и фараонова бога и преселныхъ амалехитовъ потребителя, и предивных чюдесъ дѣлателя, а дара совѣта не имѣща, яко писано: но принял, рече, совѣтъ ото окромнаго, сирѣчь от чюжеземца або отъ страннаго человѣка, от тестя своего, и не токмо, рече, Богъ совѣтъ Рагуила, тестя его, похвалил, но и в законъ написалъ, яко пространнѣе в предреченныхъ его словесах зрится.

Царь, аще и почтенъ царствомъ, а дарования, которых от Бога не получил, должен искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всеродныхъ человѣкъ, понеже дар духа даетца не по богатеству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной, ибо не зрит Богъ на могутство и гордость, но на правость сердечную и даетъ дары, сирѣчь елико хто вместит добрымъ произволениемъ.[71] Ты же, все сие забывъ, отрыгнулъ же еси вмѣсто благоухания смрад! И еще ктому: что, запамятал еси или не вѣси, иже всѣ безсловесные душевные естеством несутся, або принуждаются, и чювством правятца, а словесные — не токмо человѣцы плотные, но и самые безтелесные силы, сирѣчь святые аггели, совѣтомъ и разумомъ управляютца, яко Дионисий Ареопагитъ[72] и другий великий учитель пишутъ о семъ?

А что древных оныхъ блаженныхъ ликъ исчитал бы! Иже всѣмъ еще тамо во устѣхъ обноситcя, о томъ мало достоитъ воспомянути, сирѣчь дѣда того царя, Иоанна, князя великаго, такъ далече границы свои разширивши. И ктому еще дивнѣйшаго, у негоже в неволе былъ, великаго царя ордынского изгнал и юртъ его разарилъ, не кровопиянства ради своего и любимаго для грабления, — не буди! — но воистинну многаго его совѣта ради с мудрыми и мужественными сигклиты его. Бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти и ничтоже починати без глубочайшаго и многаго совѣта. Ты же, аки сопротив всѣхъ оныхъ, не токмо древнихъ оныхъ великих святыхъ предреченныхъ, но и новаго того славнаго вашего сопротивъ сталъ, понеже всѣ тѣ согласнѣ вѣщаютъ: «Любяй совѣтъ, любитъ свою душу»,[73] а ты рече: «Не держи совѣтниковъ мудрѣйшии собя!»[74]

О, сыну Диаволь! Про что человѣческаго естества, вкратце рещи, жилы пресеклъ еси и, всю крѣпость разрушити отъяти хотящи, таковую искру безбожную в сердце царя християнскаго всѣялъ, отъ неяже во всей святой Руской земли таков пожар лютъ возгорѣлся, о немже

свидѣтелсвовати словесы мню не потреба? Понеже дѣломъ сия прелютѣйшая злость произвелася, якова никогдаже в нашемъ языцѣ бывала, от тебя бѣды начало приемше, яко напреди нами плодъ твоих прелютых дѣлъ вкратце изъявитца! Воистинну мало по наречению твоему и дѣло твое показася, бо наречение ти Топорковъ, а ты не топоркомъ, сирѣчь малою секѣркою, воистинну великою и широкою, и самымъ оскордомъ благородныхъ и славных мужей во великой Руси постиналъ еси.[75] Ктому яко многое воинство, такъ безчисленное множество всѣнародныхъ человѣковъ ни от кого прежде, по добромъ покаянию своему, толко от тебя, Васьяна Топоркова, царь будучи прелютостию наквашенъ, всѣхъ тѣхъ предреченныхъ различными смерти погубил. И сие оставя, да предреченных возвратимся.

Напившися царь християнский от православнаго епископа таковаго смертоноснаго яду, поплыл в путь свой Яхромою-рекою аже до Волги, Волгою жъ плылъ колко десять миль до Шексны-реки великие, и Шексною вверхъ аже до езера великаго Бѣлаго, на немже мѣсто и градъ стоитъ. И не доѣзжаючи монастыря Кирилова, еще Шексною-рѣкою плывучи, сынъ ему, по пророчеству святаго, умре.[76] Се первая радость за молитвами оного предреченнаго епископа! Се полученная мзда за обѣщания не по разуму, паче же не богоугодныхъ! И оттуду приѣхалъ до оного Кирилова монастыря в печали мнозѣ и въ тузѣ, и возвратился тощими руками во мнозей скорби до Москвы.

Ктому и то достоит вкратцѣ воспомянути — перваго ради презрения совѣта добраго, — яже, еще в Казани будуще, совѣтовали ему синглитове и не исходити оттуды, дондеже до конца искоренит от земли оные бусурманских властелей, яко прежде написахом. Что же, смиряюще его гордость, попущаетъ Богъ? Паки ополчаются противъ его оставшие князи казанские, вкупе со предреченными прочими языки поганскими, и воюютъ зелнѣ, не токмо на градъ на Казанский приходяще с великих лѣсовъ, но и на землю Муромскую и Новаграда Нижняго наѣзжаютъ и пленятъ. Того было безпрестанне аки шесть лѣтъ после взятия мѣста Казанскаго, иже во оной землѣ грады новопоставленные, нѣкоторые же и Руской землѣ, в осадѣ были от нихъ. И свели тогда битву съ гетманом его, мужемъ нарочитымъ, емуже имя было Борисъ Морозовъ, глаголемый Салтыков, и падоша полки християнские от погановъ и самъ же гетман поиманъ. И держаша его жива аки два лѣта и потом убиша его: не хотѣша его а ни на откуп, о ни на отмѣну своихъ дати. И в тую шесть лѣтъ битвы многие быша с ними и воевания, и толикое множество в то время погибѣ войска християнскаго, биющеся и воюющеся с ними безпрестанно, иже вѣре неподобно.

И по шестомъ лѣте собра войска немало царь нашъ, вящей нежели от тридесятъ тысящей, и поставилъ над ними воеводъ трех: Иоанна Шеремѣтева, мужа зело мудраго и острозрителнаго и от младости своея во богатырскихъ вещах искуснаго, и предреченнаго князя Симеона Микулинскаго, и меня, и с нами немало стратилатов, свѣтлых и храбрыхъ, и великородныхъ мужей. Мы же, пришедше в Казанъ и опочинувъ мало воинству, *поидохомъ* въ предѣлы оныя далеко, идѣже князие казанские с воинствы бусурманскими и другими поганскими

ополчашеся. И было ихъ во ополчению вящей, нежели пятнадесять тысящей. И поставляху битвы с нами и со предними полки нашими, сражашеся мало не двадесять кратъ, памяти ми ся. Бо имъ удобне бываше яко знаемым во своей ихъ земле, паче же с лѣсовъ прихождаху, сопротивляющии же ся намъ крѣпце, и вездѣ, за благодатию Божиею, поражаеми были от християнъ. И ктому погодное время Богъ далъ намъ на них, понеже зѣло в тую зиму снеги были великие бѣз *северов,* и того ради мало что ихъ осталося. Понеже хождаху за ними мѣсяцъ цѣлый, а предние полки наши гоняху за ними аже за Уржумъ и Мѣтъ-рѣку,[77] за лѣсы великие, и оттуду аже до башкирска языка, яже по Камѣ-рѣке вверхъ ко Сибири протязается. И что ихъ было осталося, тѣ покоришася намъ. И воистинну, было что писати по ряду о оных сражанияхъ съ бусурманы, да краткости ради оставляется, бо тогда болши десяти тысящей воинства бусурманскаго погубихом со атаманы ихъ, тогда же славных кровопийцовъ христианскихъ, Янчуру Измаилтянина и Алеку Черемисина, и других князей ихъ немало погубихомъ. И возвратихомся[78] за Божиею благодатию во отечество со пресвѣтлою побѣдою и со множайшими корыстьми. И оттуды начало усмирятися и покарятися Казанская земля цареви нашему.

И потом того же лѣта прииде вѣсть ко царю нашему, иже царь перекопский со всѣми силами своими, препроводясь чрез проливы морския, пошелъ воевати землю черкасовъ пятигорскихъ. И сего ради послалъ царь нашъ войска на Перекопъ аки тринадесят тысящей, над нимиже поставил гетманом Иоанна Шеремѣтева и другихъ с нимъ стратилатовъ. Егда же наши поидоша чрез поле великое к Перекопи дорогою лежащею, глаголемою *«на* Изюмъ-курганъ».[79] Царемъ же бусурманским яко есть обычай издавна — инуды лукъ потянутъ, а инуды стрѣлятъ, сирѣчь на иную страну славу пустят, аки бы хотяще воевати, а инуды поидутъ. И возвративши войска от Черкаские земли, поиде на Русь дорогою, глаголемою «на Великий перевоз», от тое дороги — иже лежитъ на Изюмъ-курганъ, аки день ѣзду конем, и не вѣдяще о християнскому войску. Иоаннъ же, яко мужъразумный, имяше стражу со обоихъ боковъ зело прилѣжную и подъѣзды под шляхи. И увѣдѣвше о цареве хождению на Руску землю, и абие послал вѣсть ко царю нашему до Москвы, иже грядетъ недругъ его на него в силе тяжестей, а самъ заиде ему созади, хотяше на него ударити в то время, егда в Руской землѣ войско распуститъ. Потомъ увѣдалъ о коше царя перекопскаго, послалъ на него аки третину войска, бо от шляху былъ, имже Иоаннъ идяше, аки полднища в странѣ. *А* обычай есть всегда перекопскаго царя днищъ са пятъ, або за шесть, оставляти половину коней всего воинства своего, пригоды ради.

Писари же наши руския, имже князь великий зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не от шляхецкаго роду, ни от благородна, но паче от поповичевъ, или от простаго всенародства, а то ненавидячи творит вельможей своих, подобно по пророку глаголющему, «хотяще единъ вселитися на земли»,[80] — что же тые сотворили писари? То воистинну: что было таити, сие всемъ велегласно проповѣдали. «Се, рекше, исчезнетъ убо царь перекопский со всѣми силами своими! Царь нашъ грядет со множеством воинства против его, а Иоаннъ Шеремѣтев над главою его идетъ за хрептом». И то во всѣ украины написали, проповѣдающе. Царь

же перекопский, до самых руских предѣловъ прешедши, ни о чемъ же не вѣдяше, но такъ был Богъ далъ, иже ни единаго человѣка не возможе нигдѣ обрѣсти. И о том зѣло тружашеся, тамо и овамо по странам имуще языка. Послѣди же, по несчастию, наиде дву, един же ему вся по ряду исповѣда, муки не претерпѣвъ, еже написали мудрые наши писари. И первие тогда, глаголютъ, во велице ужасе тогда былъ и в недоумѣнию со всѣми своими, и абие возвратился шляхом своимъ к Ордѣ. И по дву днях встретился с войскомъ нашим, и то не со всѣмъ, понеже еще не пришла была оная предреченная часть войска, яже на кошъ была послана. И снидошася оба войска ополудни в среду, и битва пребывала аже до самыя нощи. И такъ было перваго дня посчастил Богъ над босурманы, иже множество побито ихъ, во християнском же войску зѣло мало шкоды быша. И по излишнему смѣлству вразишася нѣкоторые наши в полки бусурманские, и убитъ единъ зацнаго отца сынъ, а два шляхтича изимано живых, от татар приведено ихъ пред царю. Царь же нача со прещениемъ и муками пытати ихъ. Единъ же повѣдалъ ему то, яко достоило храброму воину и благородному, а другий, безумный, устрашился мукъ, повѣдал ему по ряду, иже, рече, малый людъ, и того вящей — четвертая часть на кошъ твой послано.

Царь же татарский, аще и хотяше нощию тою отойти и бѣжати во Орду, зѣло бо бояшеся съзади войска християнскаго и самаго князя великаго, но онъ его, предреченный безумникъ, во всѣмъ утвердилъ, и сего ради задержался. Наутро же, четвергъ, дню свитающу, паки битва начашася и пребывала аже до полудня. Такъ бишася крѣпце и мужествѣнне тѣми малыми людми, иже все были полки татарския розогнали. Царь же единъ остался между янычары (бо было с нимъ аки тысяща с ручницами и дѣлъ немало). И по грѣхом нашимъ в том часу самъ гетман войска християнскаго зелне ранен, и ктому коня застрѣлиша под ним, иже еще ктому збилъ его с себя, яко обычай раненым конемъ. И оброниша его храбрые воины нѣкоторые едва жива и наполы мертва. Татаровя же, видѣвше царя своего между янычары при делехъ, паки обратишася, а нашимъ уже справа без гетмана помѣшалась: аще и были другие воеводы, но нѣ были такъ храбры и справны. Потом еще трвала битва мала не на двѣ годины, яко глаголютъ пословицу: «Аще бы и львов стадо было, без добраго пастыря неспоро». И большую половину войска християнскаго разогнаша татаровя, овыхъ побиша, храбрыхъ же мужей немало же и живых поимано, а другая часть — аки двѣ тысящи и вящей — в байраку единомъ обсѣкошася. К нимже царь со всѣмъ войском своим три краты того же дни приступалъ, добывающе ихъ, и отбишась от него, и поиде от нихъ пред солнечнымъ заходомъ со великою тщетою. Поиде же скоро ко Ордѣ своей, бояше бо ся сзади нашего войска за собою. И приѣхаша тѣ всѣ съ стратилатами и с воями здравии ко царю нашему.

Царь же нашъ, егда о поражению своихъ не вѣдяше, скоро шелъ и со великим потщаниемъ сопротив царю перекопскому, ибо егда пришел от Москвы ко Окѣ-рецѣ, не стоялъ тамо, идѣже обычай бывал издавна застоновлятися християнскому войску против царей татарских, но превезшеся за великую Оку-рѣку, пошел оттуду к мѣсту Тулѣ: хотяше с ним битву великую свести. Егде же аки половину отъиде от Оки до Тулы, прииде ему вѣсть, иже пораженно войско християнское от царя

перекопскаго, потомъ, аки по године, раненые наши воины нѣцыи усрѣтошася. Цареви жъ нашему и многимъ совѣтником его абие мысль отмениша. И начаша иноко, совѣтоваша ему, сирѣчь, да идешъ паки за Оку, а оттуды к Москвѣ; нѣцыи мужественнѣйшии укрепляюще его и глаголюще, да не дастъ хрепта врагу своему и да не посрамитъ прежние славы своея добрые и лицо всѣхъ храбрыхъ своих, и да грядетъ мужественнѣ супротивъ врага креста Христова. И рече: «Аще онъ и выигралъ за грехи християнские битву, но обаче уже утруженно войско имѣетъ, тако же множество раненых и побитыхъ: бо бранъ крѣпкая с нашими пребывала два дни». Ибо сице ему добрый и полѣзный совѣтъ подающе, понеже еще того не вѣдуще, иже царь пошел уже к Орде, не чающе его что час пришествия. Царь же нашъ абие совѣта храбрых послушав, а совѣтъ страшливых отвергъ: иде к Туле-мѣсту, хотящи сразитися съ бусурманы за православное християнство. Се таков нашъ царь былъ, поки любилъ около себя добрых и правду совѣтующих, а не презлых ласкателей, над нихже губителнейшаго и горшаго во царствѣ ничтоже может быти! Егда же приѣхал на Тулу, тогда сьѣхашася к нему немало разогнаннаго войска, и оные предреченные приѣхаша со своими стротилаты, яже от царя отбишася, аки 2000 ихъ, и повѣдаша: уже аки третий день царь поиде ко Ордѣ.

Потом паки, аки бы в покаяние вниде, и немало лѣтъ царствовал добрѣ, ужаснулся бо о наказании оных от Бога, ово перекопским царем, ово казанским возмущением о нихже мало пред тѣмъ рекох. Понеже такъ уже, глаголютъ, было от тѣхъ казанцов изнемогло воинство християнское и в нищету пришло, иже уже у множайших нас и послѣдних стяжаней не стало. Ктому болезни различные и моры частые бывали тамо, яко многим уже совѣтовати со вопиянием, да покинет мѣсто Казанские и град, и вонство християнское сведет оттуду. А рада[81] то была богатых и лѣнивых мнихов и мирских, яко глаголютъ пословицу: «Добре бывает: кому родити, тому и кормити младенца», или попечение о нем имѣти, сирѣчь: хто тружался зѣло и болѣзновал о сем, тому достойно и совѣтовати о таковых.

А потом взяла было черемиса луговая царя себѣ с Нагайския орды, броняшеся християном и воююще. Бо тот черемиский язык не мал есть и зѣло кровопийствен, а обирается ихъ, глаголютъ, вящей двадесятъ тысящей войска. Потом же, егда разсмотривши, иже мало имъ прибыли с того царя, убиша его и сущихъ с ним татаръ аки триста и главу ему отсѣкоша и на высокое древо взэотинули, и глаголали: «Мы было взяли тебя того ради на царство з дворомъ твоимъ, да обороняеши нас; а ты и сущие с тобою не сотворилъ намъ помощи столько, сколько воловъ и коров наших поѣлъ. А ныне глава твоя да царствует на высокомъ коле!» Потомъ, избравше себѣ своих атаманов, бьющеся и воююще с нами крѣпцѣ аки два лѣта, и паки потомъ ово примиряхуся, ово паки брань начинаху. Но иные оставя, в тѣ лѣта бывшые, х краткости историйки тое зряще, но се воспомянемъ.

[82]В тѣх же лѣтех премирие минуло[83] с Лифлянскою землею, и приѣхаша послове от нихъ, просяще миру. Царь же нашъ началъ упоминатися дани, яже еще дѣд его в привилью воспомянулъ об ней, и от того времяни аки пятдесятъ лѣтъ не плачено было от нихъ. А немцы

не хотяще ему дани дати оныя, и затемъ война зачалася. И послалъ тогда насъ[84] трех великихъ воевод и с нами другихъ стратилатов, и войска аки четыредесять тысящей и вящей, не градовъ и мѣстъ добывати, но землю ихъ воевати. И воевахомъ еѣ мѣсяцъ цѣлый, и нигдѣже опрошася намъ битвою. Точию со единаго града изошли сопротивъ посылакъ нашихъ и тамо поражено ихъ. И шли есмя ихъ землею, вающе вдоль вяще четыредесять миль. И изыдохомъ бо в землю Фифлянскую с великого мѣста Пскова, а вышли есми совсѣмъ здраво съ ихъ земли, аже на Иванград, вколо ихъ землею ходяще. И изнесоша с собою множество различныхъ корыстей, понеже тамъ земля зѣло была богатая и жители в ней быша так горды зѣло, иже и вѣры християнские отступили, и обычаевъ, и дѣлъ добрыхъ праотецъ своих, но удалилися и ринулися все ко широкому и пространному пути, сирѣчь ко пьянству многому и невоздержанию, и ко долгому спанию и лѣнивству, к неправдамъ и кровопроливанию междоусобному, яко есть обычай, презлых ради догматов таковым и дѣламъ послѣдовати. И сихъ ради, мню, и не попустилъ имъ Богъ быти в покою и в долготу дней владети отчизнами своими.

Потом же они упросили были премирья на полроку, хотяще себѣ взяти о той предреченной дани на размышление и, сами упросивши, не пребыли в том дву мѣсяцей. Сице, разрушили тое премирье:[85] яко всемъ есть вѣдомо, иже немецкое мѣсто, глаголемое Нарви[86] и руское Иван-град об едину реку стоятъ, а оба два града и мѣста немалые, паче же той русии многонароден. И на самый день, в онже Господь нашъ Иисусъ Христос за человѣческий род плотию пострадалъ, и в той день, ему по силе своей кождый християнинъ подобяся, страстемъ его терпитъ, в посте и в воздержанию пребывающе, — а ихъ милость нѣмцы,[87] велѣможные и гордые, сами себѣ новое имя изобретши, нарекшеся Евангилики, в началѣ еще дня того ужравшися и упившися, над надежду всѣхъ из великих дѣлъ стреляти на мѣсто руское начали. И побиша люду немало християнского со женами и дѣтками, и пролияша кровь християнскую в такие великие и святые дни: бо безпрестани били три дни, и на самый день Христова Воскресения не унелися, будучи в премирию, присягами утверженномъ. А на Иванеграде воевода, не смѣючи без царева вѣдома премирья нарушити, и далъ скоро до Москвы знаки. Царь же вниде в совѣтъ о том и по совѣте на томъ положилъ, иже, по нужде за их початкомъ, повелѣлъ бранитися и стреляти з дѣлъ на их град и мѣсто. Бо уже бы и великих дѣлъ с Москвы припроважено тамо немало, и ктому послалъ стратилатов и повелѣлъ двема пятинам новгородскимъ воинству збиратися к ним. Наши же, егда заточиша дѣла великие на мѣсто их и начаша бити по граду и по полатомъ их, такоже и верхними дѣлы стреляти кулями каменными великими, они же, яко отнюд тому неискусные, живше множество лѣтъ в покою, гордость отложа, абие начаша просити премирья аки на 4 недѣли, беручи себѣ на размышление о поданию мѣста и града. И выправили до Москвы ко царю нашему двух бурмистровъ своихъ, ктому жъ трехъ мужей богатыхъ, обѣщевающи за четыре недѣли мѣсто и град подати. Ко маистру же лифлянскому[88] и ко другимъ властемъ немецкимъ послаша, просяще помощь: «Аще ли, рече, не дадите помощи, мы от такой великие стрелбы не можемъ терпѣти, подадимъ град и мѣсто». Маистръ же абие далъ имъ помощь — антипата фелинскаго,[89] другаго

с Ревля[90] и с ними четыре тысящи люду немецкого, и конных, и пешихъ.

Егда же приидоша войско немецкое во град аки во дву недѣлях потомъ, наши же не начинающи брани, дондеже минет оный мѣсяцъ премирью. Они же не престаша обыкновения своего, сиречь пиянства многаго и ругания над догъматы християнскими: и обрѣтше икону пречистые Богородицы, у неяже на руку написан по плоти превѣчный младенецъ, Господь нашъ Иисус Христос, в коморах оныхъ, идѣже купцы руские у них некогда обитали, возрѣвше на нее господинъ дому с некоторыми новопришедшими немцы, начаша ругатися, глаголюще: «Сей болванъ поставленъ былъ купцов ради руских, а намъ уже нынѣ не потребенъ, приидемъ и истребимъ его». Яко пророк некогда рече о таковых безумных: «Сѣчивомъ и теслою разрушающе, и огнемъ зажигающе святило Божие».[91] Сему подобно и тѣ безумные южики сотвориша — и взявше образ со стены и пришедше к великому огню, игдѣже потребные питья свои в котлѣ варяще, и ввергше абие во огнь. О Христе! Неизреченные силы чюдес твоих, имже обличаеши хотящих дерзати и на имя твое беззаконновавших! Абие паче пращи и прутко лѣтящие, або из якого великого дѣла, весь огнь он ис-пот котла ударил вверхъ — воистинну яко при халдѣйской пещи,[92] и не обрѣтеся ничтоже огня тамо, идѣже образ ввержен, и абие вверху полаты загорелося. Сия же быша аки по третей године в день недѣлный. Аеру чисту бывшу и тиху, и абие внезапу прииде буря великая, и загорелося мѣсто так скоро, же за малый час все мѣсто обьяло.

Людие же немецкие все от мѣста избѣгоша во град от огня великого и не возмогоша нимало помощи себѣ. Народи же руские, видевше, иже стѣны меские пусты, абие устремишася чрез реку — овии в кораблецех различных, овии на дщицах, овии же врата вымающе от домов своих, и поплыша. Потомъ и воинство устремилося, аще и воеводамъ крепце возбраняющимъ имъ о семъ, премирья ради, они же, не послушав, видевше явственный Божий гнѣвъ, на них пущенный, а нашимъ подающе помощь. И абие розламавши врата желѣзные и проломавши стены, внидоша в мѣсто, бѣ бо буря она *зелная* от мѣста на град возбуряше огнь. Егда же приидоша с мѣста ко граду войско наше, тогда начаша немцы противитися имъ, изходяще из вратъ вышеградцкихъ, и бишася с нами аки на две годины. И взявшви наши дѣла, яже в вратехъ мѣста немецкого и которые на стенах стояли, и начаша на них стреляти из дѣлъ оныхъ. Потомъ приспеша стрелцы руские *съ* стратилаты их, такоже и стрѣл множество от наших вкупе с ручничною стрелбою пущаемо на них. Абие встиснуша ихъ во вышград, и ово от великого духа огня, ово от стрелбы, яже из ихъ дѣлъ на них по вратомъ вышеградскимъ стреляно, ово от великого множества народу, бо онъ вышеград былъ тесенъ, начаша абие просити, да territo поволено будетъ имъ размовити. Егда же утишишася с обоих стран войска, изыдоша из града и начаша постанавляти с нашими, да дадутъ имъ волное изхождение и да пустятъ здравых со всемъ. И на томъ постанавили: пустили их со оружиемъ, яже точию при бедрах, новопришедших во град воинство их, а тутошних жителей со женами и з дѣтьми токмо, а богатество и стяжания во граде оставили. А нѣцыи произволиша ту в домѣхъ своих остати, то пущено на волю их.

Се такова мзда ругателей, яже уподобляютъ Христовъ образ, по плоти написан, и рождшие его, болваном поганских богов! Се икономахом[93] воздаяние! Абие, яко за четыре годины або за пять, ото всѣхъ отчин и от превысоких полат и домов златописанныхъ лишени и премногих богатествъ и стежаней обнажены, со уничижениемъ и постыдѣниемъ, и со многою срамотою отоидоша, аки нази: воистинну знамения суда прежде суда на них изъявлено, да прочее накажутся и убоятся не хулити святыни. Сице первое мѣсто немецкое вкупе со градомъ взято. О образе же ономъ того же дня исповѣдано стратилатом нашим. Егда же до конца погашен огнь в той нощи, обретен образ Пречистые в пепеле, идеже былъ вверженъ, наутрии целъ, ничемъ же не рушенъ Божия ради благодати. Потомъ в новосозданной великой церкви поставлен, и по днес всѣми зримъ.

Потомъ, аки недѣля едина, взятъ град другий немецкий, оттуду шесть миль, Сыренецъ глаголемый, яже стоитъ на рекѣ Нарве, идѣже она исходитъ из великого озера Чюцкого. Та есть река немала, еюже от мѣста Пскова портъ, аже до мѣстъ оных предреченных. И били з дѣл по нем толко три дни и подали его немцы нашимъ. Мы же ото Пскова поидоша под немецкий град, нарицаемый Новый, яже лежит от границы псковские аки полторы мили. Стояхом же под нимъ вящей, нежели месяцъ, заточивши дѣла великие, едва возмогохомъ взяти его, бо зело твердъ былъ. Маистръ же лифлянский, со всѣми бискупы и властели земли оные, повель ко граду тому на помощь сопротив нас, имѣюще войска немецкого с собою вящей, нежели осмь тысящей. И не доходя, от нас сталъ аки за пять миль, за великими крѣпостьми блатъ и за рекою единою. К нам же дале не пошелъ, подобно боялся, бо на единомъ мѣсте стоялъ, окопався, четыре недѣли обозомъ. Егда же послышал, иже стены града розбиты и град уже взятъ, поиде назад к мѣсту своему Кеси, а бискупово войско ко Юрьеву-граду, и не допущено ихъ до мѣста и поражено. За маистромъ же сами мы поидохомъ, и отоиде от нас.

Мы же возвратихомся оттуды и поидохомъ до великого мѣста немецкого, глаголемаго Дерпта,[94] в немъже бискупъ самъ затворился со бурмистры великими и со жители града, и ктому аки две тысящи заморских немецъ, еже к нимъ приидоша за пенези. И стояли есмо под темъ великимъ мѣстомъ и градомъ две недѣли, пришанцовався и заточа дѣла и все мѣсто тое облегши, от негоже не могоша уже ни изходити, ни вгодити в него. И бишася с нами крѣпце, броняще града и мѣсто, яко огненою стрелбою, тако частые вытечки творяще на войско наше, воистинну яко достоит рыцерским мужемъ. Егда же уже мы стѣны мѣские из великих дѣлъ розбихомъ, также из верхнихъ дѣлъ стреляюще ово огнистыми кулями, ово каменными, немалую тщету в людех сотворихомъ, тогда они начали роковати[95] с нами и выѣзжали к намъ из града о поставлению четыре кратъ дня единого, о немже бы долго писати, но вкратце рещи — здали мѣсто и град. И оставленъ кождый при домѣхъ своих и при всѣхъ стажанияхъ, токмо бискупу выѣхавъ из мѣста *до кляштора своего, аки бы миля велика отъ мѣста****[96]*** Дерпта и пребылъ тамо до повелѣния царя нашего, и потомъ поѣхалъ к Москве и тамо былъ дан ему удѣлъ до живота его, сирѣчь град единъ со великою властию.

И таго лѣта взяхомъ градовъ немецких с мѣсты близу двадесяти числом, и пребыхомъ в той землѣ аже до самаго первозимия и возвратихомся ко царю нашему с великою и свѣтлою побѣдою, бо и по взятью града, гдѣ и сопротивляшеся немецкое войско к намъ, везде поражаху ихъ от нас посланными на то ротмистры. И скоро по отшествию нашемъ, аки во дву недѣляхъ, собравшися, маистръ сотворилъ немалую шкоду во псковских властех, и оттуды пошелъ к Дерпту и, не доходя мѣста великого, облегъ единъ градок, по иговскому языку[97] зовут его Рылдехъ, аки за четыре мили от мѣста Дерпта. И стоялъ, его облегши, аки три дни, и выбивъ стену, припустилъ штурмъ, и за третьимъ приступомъ взялъ. И которого ротмистра на немъ взялъ с тремасты воины, тѣхъ мало не всѣх во презлых темницах гладомъ и зимою поморил. А помощи дати тому граду не возмогохомъ для далечайшаго путя, презлые ради первозимние дороги, бо от Москвы-мѣста до Дерпта миль сто и осмьдесятъ есть, и войско было уже зело утружденно. И ктому тое земы пошелъ былъ царь перекопский со всею ордою на князя великого, бо дана была с Москвы от татар вѣсть, аки бы князь великими со всѣми силами своими на Лифлянты к мѣсту Ризе пошелъ. Егда же пришел до Украины аки за полтара днища, тогда взялъ на поле, на ловех рыбных и бобровых, казаков нашихъ и довѣдался, иже князь великий на Москвѣ есть и войско от Лифлянские земли возратилося здраво, взявше немецкое мѣсто великое Дерптъ и других о двадесятъ градовъ. Он же не повоевал, оттуды возвратился к Ордѣ со всѣми силами своими, со великою тщетою и срамом, бо та зима зело была студена и снѣги великие, и того ради кони собѣ всѣ погубили, и множество их от зимы и самых померло. Ктому и наши за ними гоняли аже до реки до Донца, глаголемаго Северского, и тамо, по зимовищамъ ихъ обретая, губили. Паки на тую же зиму царь нашъ послалъ с войскомъ своимъ немалымъ гетманов своих — Ивана, княжа Мстиславское, и Петра Шуйского с роду княжат суздалских. И взяли, вшедше, единъ град зело прекрасенъ; стоитъ среди немалого озера на таковой выспѣ,[98] яко велико мѣстечко и град, а зовутъ его иговским языкомъ Алыстъ, а по-немецки Наримъ-бурхъ.

[99]В тѣ же-то лѣта, яко прежде воспомянухомъ, иже былъ царь нашъ смирился и добре царствовалъ, и по пути Господня закона шествовалъ, тогда «ни о чесомже», яко рече пророкъ, «враги его смирилъ» и на наступающих языков народу християнскому возлагалъ руку свою. И произволение человѣческое Господь прещедрый паче добротою наводит и утвержаетъ, нежели казнию, аще ли же уже зело жестоко и непокориво обращутся, тогда прещениемъ, с милосердиемъ смешеннымъ, наказуетъ, егда же уже неисцелно будетъ, тогда казни на образ хотящимъ беззаконновати. Приложил же еще и другое милосердие, яко рѣхоми, дарующе и утешающе в покояния суща царя християнского.

Въ тѣх же лѣтех, аки мало пред тѣмъ, даровалъ ему х Казанскому другое царство — Астраханское, а се вкратце извещу о семъ. Послалъ тридесятъ тысящей войска в кгалиях рекою Волгою на царя астраханского, а над ними поставилъ стратига, Юрья имянемъ, с роду княжат Пронских, яко рѣхомъ прежде о немъ (о казанскомъ взятье пишучи), и к нему прилучилъ другаго мужа — Игнатья, реченнаго

Вешнякова, ложничего[100] своего, мужа воистинну храброго и нарочитого. Они же, шедши, взяша оное царство, лежащие близу Каспиского моря. Царь же утече пред ними, а царицъ его и дѣтей побрали и со скарбы царскими и всѣ людие, яже во царьстве ономъ, ему покорили и возратишася со свѣтлою побѣдою, здравы со всѣмъ воинствомъ.

Потомъ в тѣх же лѣтех мор пущенъ былъ от Бога *на* Нагайскую орду, сирѣчь на заволских татар, и сице наведе его: пустилъ на них такъ зиму зело люте студеную, же и весь скотъ ихъ помер, яко стада конские, такъ и другихъ скотовъ, а на лѣто и сами изчезоша, такъ бо они живятся млекомъ точию от стад различных скотов своих, а хлѣб тамо а ни именуется. Видевше же остатные, иже явственне на них гнѣвъ Божий пущенъ, поидоша препитания ради до Перекопские орды. Господь же и тамо поражаше их такъ: от горѣния солнечнаго наведе сухоту и безводие — идѣже рѣки текли, тамъ не токмо вода обрѣтеся, но и капавши три сажени в землю, едва негдѣ мало что обрѣташеся. И такъ того народу измаилтескаго мало за Волгою осталося, едва пять тысещей военныхъ людей, егоже было число подобно песку морскому. Но и с Перекопи тѣх нагайскихъ татар выгнано, такоже мало что их осташась, понеже и тамо глад былъ и мор великий. Нѣкоторые самовидцы наши, тамо мужие бывше, свидѣтельствовали, иже и в той ордѣ Перекопской десяти тысящей коней от тоѣ язвы не осталося. Тогда время было над бусурманы християнскимъ царемъ мститися за многолѣтную кров християнскую, безпрестанне проливаему от них, и успокоитися собя и отечества свое вѣчне, ибо ничего ради другаго, но точию того ради и помазаны бываютъ, еже прямо судити и царства, врученные имъ от Бога, оброняти от нахождения варваров. Понеже и нашему тогда цареви совѣтницы некоторые, мужие храбрые и мужественные, совѣтавали и стужали, да подвигнется самъ с своею главою, со великими войски на перекопского, времяни на то зовущу и Богу на се подвижущу и помощь на сие истое хотящу подати, аки самымъ перстомъ показующе погубити врагов своих старовѣчных, християнских кровопивцовъ, и избавити пленных множайших от древле заведеныя работы, яко от самых адских пропастей. И аще бы на свой санъ помазания царьского памятал и послушал добрых и мужественных стратиговъ совѣту, яко премногая бы похвала и на семъ свѣте была, но паче тмами кратъ премножайше во ономъ вѣце у самаго создателя Христа Бога, иже надрожащее крови своея не пощадил за человѣческий погибающий род излияти. Аще бо и души наши случилося положити за плененных многими лѣты бѣдных християн, воистинну всѣхъ добродѣтелей сия добродѣтель любви высшии пред нимъ обрела бы ся, яко самъ рече: «Болши сея добродѣтели ничтоже есть, аще кто душу свою положитъ за други своя».[101]

Добро бы, и паки реку, зело добро избавити в Ордѣ плененных от многолѣтныя работы и разрешити окованных от претехчайшие неволи! Но нашъ царь о семъ тогда мало радяще, аще и едва послалъ с пять тысящей всего воинства с Вишневецкимъ Дмитромъ Днепромъ-рекою на Перекопскую орду, а на другое лѣто з Даниломъ Адашевымъ[102] и з другими стратилаты со осмь тысящей такоже водою посла. Они же выплыша Днепром на море и, над надежду татарскую, немалу тщету

учиниша во Ордѣ: яко самых побиша, также женъ и детей ихъ немало поплениша, и христианских людей от работы свободили немало и возвратишася восвояси здравы. Мы же паки о сем, и паки ко царю стужали и совѣтовали: или бы сам потщился итъти, или бы войско великое послалъ в то время на Орду. Онъ же не послушал, прешкаждающе нам сие, и помогающе ему ласкателие, добрые и вѣрные товарыщы трапез и купковъ и различных наслажденей друзи. А подобно уже на своих сродныхъ и единоколѣнных остроту оружия паче, нежели поганомъ, готовал, крыюще въ себѣ оное сѣмя въсѣянное от пререченнаго епископа, глаголемаго Топорка.

А здѣшнему было кролеви и зѣло ближайше, да подобна, его кролевская высота и величество не к тому обращалося умом, но паче в различныя плясания много и в преиспещренныя *мошкары.**[103]*** Также и властели земли тоя драгоцѣнные калачи со безчисленнымъ проторы гортань и чрево с марцыпаны натыкающе и яко бы в утлые дельвы дражайшие различные вина безмерне льюще и с печенеги вкупѣ высоко скачюще и воздухъ биюще, и так прехвалне и прегордѣ другъ друга пьяни восхваляюще, иже не токмо Москву або Константинопол, но аще бы и на небѣ былъ турокъ, совлещи его со другими неприятелми своими обѣщевающе. Егда же возлягутъ на одрехъ своихъ между толстыми перинами, тогда, едва пополудню проспавшися, со связанными головами с похмѣлья едва живы, и выочутяся, востанутъ, на прочие дни паки гнусны и лѣнивы, многолѣтнаго ради обыкновения. И сего ради забыли таковаго благополучнаго времени на бусурманы и не радяще, горши предреченных тѣхъ, о своем отечестве, не токмо о оныхъ заведеныхъ, о нихже выше мало прежде рекохъ, во многолѣтной работѣ сущих, но на кождое лѣто пред очима ихъ женъ и дѣтокъ, также и подручных во плен множество веденных, не пекущеся о них, но паче же *тѣ-то* предреченные печенеги они обраняюще их. Но, аще и срама ради великаго и нарекания многаслезнаго от народу, аки бы выѣдутъ, ополчатся, грядуще издалека вослѣдъ полков бусурманскихъ, боящеся наступити и ударити на враги креста Христова, и пошедчи за ними два дни або три, паки возвратятся восвояси, а что было остало от татар або сохраненно убогих християнъ на лесѣхъ нечто со стяжанием яковым, або скотов, — всѣ поядятъ, а последнее разграбят, и ничтоже бѣдным и окаянным оставляюще оных слезных остатков.

А издавна ли тые народы и тые люди нерадивии и немилосердыи такъ зѣло о ихъ языцѣ и о своих сродных? Но воистинну не издавна, но новои: первие в них обретахусь мужие храбры и чюйны[104] о своемъ отечествѣ. Но что нынѣ таково есть и чего ради имъ таковая приключишася? Заисте,[105] того ради: егда бѣша о вѣрѣ христианской и въ церковныхъ догмѣтехъ утверженны и в дѣлехъ житейских мернѣ и воздержнѣ хранящеся, тогда яко едины человѣцы наилепшие во всѣх пребывающе, себя и отечество броняще. Внегда же путь Господень оставили и вѣру церковную отринули, многаго ради преизлишняго покоя, и возлюбивша же и ринушася во пространный и широкий путь, сирѣчь въ пропасть ереси люторские и других различных сектъ, паче же пребогатѣйшие ихъ властели на сие непреподобие дерзнуша, — тогда от того имъ приключишася. Паче же нѣцыи и велможи ихъ богатые, въ великих властех постановленные у них, на сие самовластие

умъ свой обратиша. На них же зряще, не токмо подрученныя ихъ, но братия их мнѣйшая произволение естественное самоизволне на таковыя слабости, не по преподобне и неразсудне, устремиша. Яко глаголют мудрыя пословицу: идѣже началницы произволяютъ, тамо и всенародства воля несется, або устремляется. А что еще и горшаго видѣх от сихъ сладострастей приключившихся имъ: ибо много от них — не токмо зацные их нѣкоторые и княжата, такъ боязливы и раздраченны от женъ своих, яко послышатъ варварское нахождение, такъ забьются въ претвердые грады и — воистинну смѣху достойно, — вооружившися в зброи, сядутъ за столом за кубками, да баютъ фабулы[106] с пияными бабами своими, а ни из врат градскихъ изыти хотяще, аще и пред самымъ мѣстомъ або под градом сѣча от бусурманъ на християны была. Сие воистинудивное сам очима своима видѣх не во едином от градов, но и во других некоторыхъ.

Во едином же градѣ случилося намъ таково видѣти: идѣже была пятерица великородных з дворы ихъ, кътому два ротмистра с полки своими, и ту жь под самым мѣстом яко нѣкоторых воинов, такъ человѣков всѣнародных биющихся немало с мимо шедшым полком татарскимъ, яже уже со пленом из земли шолъ. И поражаеми суть и гоними не единократъ от бусурман християне, а оные предреченныя властели ни един от града изыде на помощь им: сѣдящи жъ ихъ в то время, глаголютъ, и пиющихъ великими полными алевастры. О пирование, зѣло непохвалное! О алавастръ, не вина, ни меду сладкаго, но самые крови християнские налиянны! И при концѣ битвы тоя, аще бы не Волынский полкъ, прутко гонящий за оными поганы, приспѣлъ, и всѣх бы до конца избили. Но егда видѣвше бусурманы за ними скоро грядущь полкъ грядущий християнский, посѣкши часть болшую плѣну, а других живых помѣтали и, всѣ оставя, въ бѣгство обратишася. Такоже и въ другихъ градѣхъ, яко мало вышши рѣхомъ, очима своима богатых и благородных, вооруженныхъ в зброях видѣхъ, а не токмо сопротивъ врагов хотящих исходити, а ни вослѣд ихъ гонити хотяще, или, подобно, и слѣду ихъ боящеся, понеже а ни лакотъ единъ которые велможи вооруженные дерзнули изыти из градов.

Се таковое — ужаснослышателные, паче же смѣху достойные, от роскошей и от презлыхъ различныхъ вѣръ приключаются християнским предстателемъ. И прежде бывшимъ храбрым и мужественным славнымъ воином женовидные и боязни исполненные случаются. А о тѣхъ волынцахъ не токмо въ крайникахъ мужество их описуется,[107] но и новыми повѣстьми храбрость ихъ свидѣтелствуется, яко мало прежде и о других рѣхом: егда быша въ вѣрѣ православной и пребывающе во обычаехъ мѣрных, и кътому имѣюще над собою гетмана храбраго и славнаго Константина, въ правовѣрныхъ догматахъ свѣтлаго и во всякомъ благочестии сияющаго, яко славний и похвалний в дѣлехъ ратныхъ явишася, отечество свое оброняюще, ни единова, ни дважды, но многажды показашеся нарочиты. Но впала сия повесть, мнит ми ся, произлишие, а сего ради оставя сию, ко предреченным возвратимся.

Преминувшу ми много о Лифлянской войнѣ, мало нечто вкратцѣ о битвахъ нѣкоторых и взятью градов оных воспомянем, к сокращению истории и къ концу зряще. И яко напреди воспомянухомъ оных о дву

добрых мужехъ — исповѣдника царскаго, другаго же — ложничего, которые достойны нарещись друзи его и совѣтницы духовные, яко сам Господь рече: «Идѣже два или три собрани о имени моемъ, ту есм и азъ посреди ихъ».[108] И воистинну был Господь посреди, сирѣчь многая помощь Божия, когда было сердца и душа тѣхъ едина, и ктому совѣтницы оные мудрые и мужественные близ царя со искусными и мужественными стратилаты и храброе воинство цѣло и весело было. Тогда, глаголю, царь всюду прославляем был и земля руская доброю славою цвѣла, и грады предтвердыя аламанския[109] разбивахуся, и предѣлы християнския разширяхуся, и на диких полях древлѣ плененыя грады от Батыя безбожнаго и паки воздвизахуся, и сопротивники царевы и врази креста Христова падаху, а другии покаряхуся, нецыи же от них и ко благочестию обращахуся, огласився и научився от клириков вѣрою, Христу присвояхуся, от лютых варваров, от кровеядных звѣрей в кротость овчю прелагахуся и ко Христовѣ чредѣ присовокупляхуся.

Потом же, аки на четвертое лѣто па Дерпском взятью, послѣдняя власть Лифлянская разрушилася, понеже оставшая часть ихъ кралеви полскому, ко великому княжеству Литовскому поддашася, зане *К*есъ, столечный свой град, новоизбранный свой маистръ отдал и забѣжал, подобно, от страха за Двину-рѣку, упрося себя у краля Курлянскую землю. И протчие грады, яко рекох, сие с Кесью всѣ оставилъ, яже обою страну отсюду Д*ви*ны-рѣки великие, а другие швецкому королю поддашася, яко великое мѣсто Ревль, а другие дунскому. А в мѣсте, реченном Вильяне, а по-немецку Филине, маистръ старый Фиштемъберклъ остал, и при немъ кортуны великие, ихже многою цѣною из-за моря, з Любка, мѣста великаго, от германов своихъ достали было, и вся стрелба огненная многая.

На тот же Филинъ князь великий войско свое с нами великое посланъ, а первые, до того аки за два мѣсяца еще, в самую вѣсну, пришелъ азъ в Дерптъ, посланъ от царя того ради, понеже было у воинства его зѣло сердце сокрушенно от немецъ. Зане егда обращали искусныхъ воевод и стратилатов своихъ сопротив царя перекопскаго, храняще предѣлов своих, а вмѣсто тѣхъ случилося посылати въ вифлянские городы неискусных и необыкновенныхъ в полку устроенияхъ, и того ради многажды были поражени от немецъ, не токмо от равных полков, но уже и от малых людей великие бѣгали. Но сего ради «введе мя царь в ложницу свою» и глагола ми словесами, милосердиемъ растворенными и зѣло любовными, и ктому со обѣщанми многими: «Принужденъ быхъ, — рече, — от оныыхъ прибѣгшихъ воевод моихъ, або самъ итти сопротив лифляндов, або тебя, любимаго моего, послати. Да охрабрится паки воинство мое, Богу помогающу ти. Сего ради иди и послужи ми вѣрнѣ». Азъ же со потщаниемъ поидохъ: послушливъ былъ, яко вѣрный слуга, повелѣнию царя моего.

И тогда въ тѣ два мѣсяца, нежели пришли другие стратиги, азъ ходилъ два кратъ: первие — под Бѣлый Камень,[110] от Дерпта осмьнадесят миль, на зѣло богатые волости. И тамо поразих гуфецъ немецкий под самым градом, яже был на стражи и довѣдахся от тѣхъ вязней о маистре и о другихъ ротмистрех немецкихъ, еже стояли во ополчению немалом оттуду аки в осми милях за великими блаты. Азъ же, со пленом отпустя

къ Дерпту и избрав войско, поидохом к ним в нощи и приидохом во утрии ко оным великим блатом. И препровожахомся легкимъ войском день цѣлый чрез нихъ. А аще бы ту встретились с нами, поразили бы нас, аще бы и трикратно было нашего войска, а со мною невеликое тогда было воинство, аки пят тысяч было. Но они, яко гордыя, стояли на широком поле от тѣхъ блатъ, ждуще нас, аки две мили, ко сражению. Но мы, яко рѣхомъ, препроводясь тѣ нужные мѣста, починути дали аки годину едину конемъ, пред солнечным захождениемъ аки за годину поидохом ко сражению, и уже приидохомъ к нимъ аки в половину нощи — нощь же бѣ лунна, а наипаче близ моря тамо свѣтлы нощи бывают, нежели гдѣ инде — и сразихомся с ними. На широкомъ поле первие предние гуфцы сражахуся. И пребыла битва аки на полторы годины. И не такъ в нощи возмогла имъ огненная стрелба, яко наши стрелы ко блистанию огней ихъ. Егда же прииде помощь полка, тогда сразишася с ними вруч и сопроша ихъ наши. А потом на бѣгство германи устремишася, и гнаша ихъ наши аки милю до единые рѣки, на нейже бѣ мостъ. Егда же прибѣгоша на мостъ, къ тому несчастию ихъ еще под ними мостъ подломился и тамо погибоша до конца. Егда же возвратихомся от сѣчи и уже возсиявшу солнцу, тогда на том предреченномъ полѣ, идѣже битва была, обрѣтохом пѣших ихъ кнегтов, по житомъ и инде расховавшихся лежащих, бо было ихъ четыре полки конных, а пять пѣших. Тогда, кромѣ побиенных, взяхом ихъ живых сто семдесят нарочитых воинов, а наших убиенных особ шляхты шестьнадесят, кромѣ служащих ихъ.

И оттуду возвратихомся паки к Дерпту. И опочивши войско аки 10 дней, ктому своею охотою, не посланных, на то к нам прибыло аки 2000 войска, або и вящей, паки поидохом к Фелину, идѣже бѣ маистръ старый предреченный. И укравши всѣ войско, послахом един полкъ татарский аки предмѣстия жещи. Онъ же, мняще малый люд, выѣхалъ самъ бронити со всѣми людми, яже бѣ во градѣ. И поразихом его засадою, едва самъ утече. И воевахъ потомъ тыждень[111] цѣлый и возвратихомся съ великими богатствы и корыстьми. И вкратцѣ рещи, седмь або осем кратъ того лѣта битвъ имѣхомъ великихъ и малыхъ, и вездѣ, за Божиею помощию, одолѣние получихомъ. А срам бы ми было самому о своихъ дѣлехъ вся сия по ряду писати, а сего ради множайшие оставляю, яко о татарских битвахъ, яже во младости моей бывали с казанцы и перекопцы, такъ и со другими языки. Бо вѣмъ сие добрѣ, иже подвиги християнских воиновъ не суть забвенни, а ни малѣйшии пред Богомъ не токмо подвизи, по Бозѣ за правовѣрие со доброю ревностию производимыя, или сопротивъ чювственныхъ врагов, или мысленных, но и власы на главах нашихъ изочтени суть,[112] яко самъ Господь рече.

Егда же приидоша гетмани со другим великимъ войскомъ къ нам, к Дерпту, с нимиже было воинства вящей тридесят тысящь коннаго и пѣшихъ 10000 стрелцовъ и казаковъ, и дел великих четыредесятъ, такожь и других дѣлъ аки 50, имиже огненной былъ бой съ стѣнъ збиваютъ, а и *мнѣйшие* по полторы сажени, и повелѣние прииде от царя намъ итти под Фелинъ. Мы же, взявши вѣдомость, иже маистръ хощетъ выпроводити картуны великие предреченны и другие дѣла и скарбы свои во град Гупсалъ,[113] иже на самомъ морѣ стоитъ, тогда абие послахомъ 12000 съ стратилаты, да обгонят Фелин, а сами поидохомъ зъ

другою частию войска иным путем, а дѣла всѣ препроводихом Имбѣком-рѣкою вверхъ, и оттуды езеромъ, аже за двѣ мили от Фелина выкладахомъ ихъ на берегъ з кгалей.

А оные стратилаты, прежде посланныя от нас къ Фелину, идяху путем поблиз града немецка Армуса аки за милю. Филипъ же, ленсъмаршалок, муж храбрый и въ военныхъ вещахъ искусный, мающе с собою аки 500 человѣкъ райтаров немцовъ и аки бы другую 500 або 400 пѣшихъ, не вѣдяше о такомъ великомъ люду, мнящи мои посылки, ажь не единъ кратъ посылалъ воевати под той град прежде, да иже великое еще войско пришло со предреченными стратиги — и изыде на них со дерзновениемъ скоро, а наипаче яко немцы мало бываютъ в день трезвы, взявши от бѣгающих в осаду вѣдомость, а не вывѣдавшися совершение, яковое войско грядетъ. Наши же, аще и вѣдали о нем, но не надѣялися, иже такъ малым людом дерзнетъ ударити *на* такъ неравное собѣ войско. И пред полуднем, *на* опочивании, ударили на едину часть, смѣшавшися со стражею наших, потомъ пришли до коней нашихъ, и битва сточися. Стратилаты же другие, видѣвши со полки своими, имѣюще вожей добрых, вѣдомых о мѣсцахъ, обыдоша чрез лесы вкол и поразиша их такъ, иже едва колко ихъ убѣже з битвы, и самаго онаго храбраго мужа и славнаго вь их языцѣхъ, иже воистинну последняго и защитника и надежду лифлянского народу, Алексѣя Адашева пахоликъ[114] жива поимал и с нимъ единнатцат кунтуровъ[115] живыхъ взято и сто двадесят шляхтичей немѣцкихъ кромѣ другихъ. Мы же, о сем не вѣдавше, приидохомъ под мѣсто Фелинъ и тамо обрѣтохъ наших стратилатов не токмо здравых, но и пресвѣтлою побѣдою здравыхъ, и славнаго началника лифлянскаго, храбраго мужа Филиппа, ленсъмаршалка, со единнатцама кунторы и со другими въ рукахъ имуща.

Егда же повелѣхомъ привести его и поставити пред нами и начаша о нѣкоторыхъ вещахъ вопрошати его, яко есть обычай, тогда же онъ мужъ свѣтлымъ и веселым лицемъ (мнился яко пострадавшей за отечество), нимало ужаснувся, началъ со дерзновениемъ отвѣщевати нам. Бѣ бо мужь, яко разсмотрихомъ его добрѣ, не токмо мужественный и храбрый, но и словества полонъ, и остръ разумомъ, и добру память имущь. Иные отвѣты к намъ его, разумомъ раствореные, оставлю, но сие точию едино, яже в память ми приходятъ, оплакователное его вѣщание о Лифлянской земли, воспомяну. Сѣдящему ему у нас нѣкогда на обѣде (бо аще и звязнемъ случилося ему быти, но обаче в почести его имѣхомъ, яко достоило свѣтлого рода мужу) и мѣжду иными бѣсѣдованьми, яко обычай бываетъ при столѣхъ, начал вещати нам:[116]

«Согласяся всѣ кролевѣ западные вкупѣ съ самымъ папою римскою и з самымъ цесарем християнскимъ, выправивши множество воиновъ крестоносныхъ, — овыхъ земли пустошеные християнские от нахождения срацынскаго помощи ради, овыхъ въ земли варварские посѣдания ради и научения для и познания вѣры, яже во Христа (яко и нынѣ содѣловаемо кролемъ ишпанскимъ и потукгалскимъ во Индии). Тогда оное предреченное войско раздѣлиша по три гетмана и пустишася моремъ — едино къ полудню, а два къ полунощи. И яже къ полудню пловущие приплыша к Родису,[117] спустошенному от

предреченныхъ срацынъ несогласия ради безумныхъ греков. Тогда, обрѣтше его въконецъ спустошенъ, обновиша его со прочими грады и мѣсты другими; и укрѣпивъ ихъ и осадя, обладаше тамо со остатными живущими обладати. А яже къ полунощи пловущие, приплыша единъ, идѣже бѣ прусы и тамо живущими обладали. А третьи в тую землю, и обрѣтоша тутъ языцы зѣло жестоки и непокорныхъ варваровъ и заложиша град и мѣсто первое Ригу, потомъ Ревль. И бишася много со живущими ту оными предреченными варвары и едва возмогоша ими обладати и наклонити ихъ немалыми лѣты ко познанию християнские вѣры. Егда же усвоиша тую землю ко Христову наречению, тогда обѣщашася возложение Господеви и похвалу имяни пречистые его Богоматере. Внегдаже пребывахомъ въ каталицкой[118] вѣрѣ и жителствовахом мѣрне[119] и цѣломудреннѣ, тогда Господь нашъ здѣ живущихъ вездѣ покрывалъ ото враговъ нашихъ и помогалъ намъ во всем яко от руских княжатъ, находящихъ на землю сию, такъ и от литовскихъ. Другие оставя, едину же исповѣм, иже зѣло крепку битву имѣхомъ[120] со великимъ княжатемъ литовским Витовтом, иже у нас во един день шесть маистровъ было поставлено, и един по единому побиты. И такъ крѣпце срожахомся, яже нощь темная розвела битву[121] ту. Такоже и недавными лѣты (яко лутчи, мню, вамъ ведомо есть сие) князь великий Иоанъ Московский, дѣд того настоящего, умыслилъ былъ тую землю взяти и крепце бронихомся, яко и со гетманом его Диниломъ сведохом колко битвъ и две одержахомъ. Но обаче, еликими-нибудь абычеи, ублагахом оных предреченыхъ силныхъ, Богу тогда, яко рѣхомъ, помогающу праотцемъ нашим, и при своих отчинах устояли. Ныне же, егда отступихом от веры церковные и дерзнухом, и опровергохом законы и уставы святые, и прияхом веру новоизообретенную, и за тѣм в невоздержание ко широкому и пространному пути вдахомся, вводящему в погибель, и явственно ныне обличающу Господу грехи наши и казнящу насъ за безакония наши, предалъ насъ в руки вамъ, врагомъ нашимъ. И яже сооружили были прародители наши намъ: грады высокие и мѣста твердыя, полаты и дворы пресветлы, — вы, о томъ не трудившусь, ни проторов многихъ налагающе, внидоша в нихъ. Садов же и виноградов нашихъ не насадивше, наслаждаетесь, и другихъ таковых устроеней нашихъ домовыхъ ко житию потребныхъ.

А что глаголю о васъ, яже аки бы мните, зане уже вы аки бы мечемъ побрасте? Другие же без меча в наши богатества и стяжание туне внидоша, нимало ни в чесомъже трудившесь, обещевающе намъ помощь и обронение. Се, добра ихъ помощь, иже стоимъ пред враги связаны! О, кол жалосны ми и зело скорбно, но воспоминаю, иже пред очима нашими все сие лютые быша за грехи наши веденны и милое отечество разорено суще! И сего ради не мните, иже вы силою своею намъ таковые сотвориша, но вся сия Богу на нас попущающу за преступление наше, иже предал насъ в руки врагом нашим!»

И сие ему со текущими слезами к нам глаголющу, яко и нам всѣмъ слез исполнитися, на него зрящимъ и таковая от него слышащим. По семъ же, утерши слезы, радостнымъ лицемъ провеща: «Но обаче благодарю Бога и радуюся, иже связанъ быхъ и стражу за любимое отечество. Аще ми за него и умрети случится, воистину драга ми сия смерть будет и

прелюбезна». Сие ему изрекшу, умолчал. Мы же все удивишася разуму мужа и словеству, и держахом в почести его за стражею. Потомъ послахомъ ево до царя нашего и со протчими властели лифлянскими к Москвѣ и молихом царя много чрез епистолию, да не кажетъ, сиирѣчь да не повелит погубити его. И аще бы послушал насъ, *моглъ* бы всю землю Лифлянскую по нем мѣти, понеже имяху его все лифлянты яко отца. Но егда же приведен былъ пред царя и вопрошаемъ жестоце, отвещал: «Иже, — рѣче, — неправдою и кровопиством отечество наше посядаешь, а не яко достоит царю християнскому». Он же, розгорѣвся гневом, повелѣл абие погубити его, понеже уже лютъ и бѣсчеловеченъ начал быти.

И тогда пот тѣмъ Фелиномъ стояхом, памята ми ся, три недѣли и вяще, заточа шанцы и биюще по граду из дѣлъ великих. И яже аз тогда ходихъ к Кеси, имѣх три битвы, и единого поразихъ новаго лелсъморщалка[122] под Волморемъ-градом, на того мѣста избраннаго, и яко прешедши пот Кесь, ротмистры, посланные на насъ от Еранима Хоткевича,[123] пораженни, и яко стояще под *Кесю*, посылахом к Ризе войну, и яко, слышечи Еронимъ о пороженю своих, и ужаснувся, поиде скоро из земли Лифлянские, аже за Двину-рѣку великую от насъ, — сие премину и оставлю по ряду писати, сокращения ради истории, ко предреченному же о Фелинскомъ взятью возвращаюся.

Егда же уже розбихомъ стѣны мѣские, еще крѣпце сопротивляющеся намъ немцы. Тогда в ночи стреляюще огненными кулями, и едина куля упаде в самое яблоко церковное, яже вверху великие церкови их бе, и другие кули инде и инде, и абие загорѣлося мѣсто. Тогда начаша суще во граде и маистръ просити времяни а постоновлению, обещевающе градъ и мѣсто подати и прошаща волнаго проезду со всеми сущими во граде и скарбы своими. Мы же такъ не поволяше, а на томъ стало: желнерей всехъ выпустити волно и жителѣй грацких, елицы хотѣша, а его не выпущали со скарбы, милость ему обещевающе от царя, — яко и даде ему град на Москвѣ до живота его, и скарбы оные его, елицы были взяты, возвращенны ему потомъ. И сице взяша градъ и мѣсто, и огнь в мѣсте угасихом. А ктому тогда взяхомъ два або три грады, в нихже быша намѣсники того маистра Фирштемъберкга.

Егда же внидохом в мѣсто и во градъ Филинъ, тогда узрѣхом от мѣста стояще еще три вышеграды, и такъ крѣпки и от предтвердых каменей сооружени, и рвы глубоки у них, иже вере неподобно, бо и рвы оные зело глубокие каменми глаткими тесаными выведены. И обретохом в немъ великихъ дѣл стенобитныхъ осмонадесят, и под тѣми великихъ и малыхъ всехъ полпятаста на граде и месте, и запасов и всѣхъ достатков множество. А в самом граде вышнем не токмо церков, или полаты, или самъ град, но и кухня и стани толстыми оловяными тщицами были крысти. И тую всю кровлю абие князь великий повелѣлъ сняти и в то мѣсто кровлю от древа сотворити.

[124]Что же по сем царь нашъ начинает? Егда же уже обронился Божиею помощию, храбрыми своими ото окрѣсных враговъ его, тогда воздаетъ имъ: тогда платитъ презлыми за предобрешие, прелютыми за превозлюбленнѣйшеѣ, лукавствы и хитролествы за прастые и верные

ихъ службы. А якоже сие начинаетъ?[125] Сице: первие отгоняетъ дву мужей оныхъ от себя предреченых, Силивестра, глаголю, пресвитера, и Алексѣя предреченного, Адашева,[126] туне и ни в чемже пред нимъ согрѣшихших, отворивши оба ухи свои презлымъ ласкателѣмъ (над нихже, уже яко многожды рѣхом, ни единъ прыщъ смертны во царствие поветренѣйши быти (…) может), яже ему уже клеветаша и сикованции во уши шептаху заочне на оныхъ святых мужей, паче же шурья его и другие с ними нечестивые губители всего тамошнего царства. А чего же ради сие творяху? Того ради воистину, да не будетъ обличенна злость ихъ и да невозбранно будетъ имъ всеми нами владѣти и, суд превращающе, посулы грабити и другие злости плодити, скверные пожитки свои умножающе. Что же клевещут и шепчютъ во ухо? Тогда цареви жена умре, они же рѣша, аки бы счеравали еѣ оные мужи. Подобно, чему сами искусны и во что вѣруютъ, сие на святыхъ мужей и добрыхъ возлагали. Царь же, буйства исполнився, абие имъ веры ялъ. Услышавше же сие, Силиверстъ и Алексѣй начаша молити, ово епистолиями посылающе, ово чрез митрополита руского, да будетъ очевистное глаголанные с ними. «Не отрицаемся, рече, аще повинни будемъ смерти, но д*а* будет суд явственны пред тобой и предо всемъ сенатом твоим».

Презлые же к сему что умышляютъ! Епистолей не допущают до царя, епископу старому запрещаютъ и грозят, цареви же глаголют; «Аще, рече, припустишъ ихъ к себѣ на очи, очаруютъ тебя и детѣй твоихъ. А ктому, любяще ихъ все твое воинство и народ нежели тобя самого, побиют тебя и нас камением. Аще ли и сего не будет, обвяжут тя паки и покорят тя аки в неволю себе. Так худые люди и ничемуже годные чаровницы тебя, государя, такъ великого и славного и мудрого, благовѣнчанного царя, держали пред темъ аки во оковахъ, повелѣвающе тебѣ в мѣру ясти и пити и со царицею жити, не дающе тебе ни в чесомже своей воли а ни в малѣ, а не *в* великомъ, а ни людей своихъ миловати, а ни царством твоим владѣти. И аще бы не они были при тебе, такъ при государе мужественном и храбромъ и приселномъ и тебя не держали аки уздою, уже бы еси мало не всею вселѣнною обладал. А что творили они своими чаровствы: аки очи тебѣ закрывающе, не дали ни на что же зрѣти, хотяще сами царствовати и нами всеми владѣти. И аще на очи присътупишъ ихъ, паки тя, очаровавши, осляпятъ. Ныне же, егда отогналъ еси ихъ, воистинну образумился еси, сирѣчь во свой разумъ пришел и отворил еси себе очи, зряще уже свободно на все свое царство яко помазанецъ Божий, и никтоже ин, точию самъ един тое управляюще и имъ владѣюще».

И инымъ таковыми множайшими и бесчесленными лжесчивалцы, соглася со отцемъ своимъ, Дияволом — паче же рещи, воистину языкъ ему и уста самому глаголанию бываютъ на пагубу роду християнскому, — сице подходят ласкательными глаголы мужа, и сице опровергаютъ царя християнского душу, добрѣ живущего и в покоянию сущего, и сице растерзают пленицу оную, Богомъ соплетенную в любовь духовную — яко же сам Господь рече: «Идѣже собрани два или три во имя мое, ту азъ посредѣ ихъ»,[127] — ис посреди Бога отгоняют оные проклятые, и паки реку — сицевыми прелестными глаголы царя християнского губяще, добраго бывшего много лѣт, покоянием украшенного и ко Богу

усвоенного, в воздержанию всякомъ и в чистотѣ пребывающа. О злые и всякие презлости и лукавства исполнения, своего отечества губители, — паче же рещи — всего святорускаго царства! Что вамъ принесетъ сие за полѣзное? Вмалѣ узрите над собою дѣломъ исполняемо и над чады своими, и услышитѣ от грядущихъ родов проклятие всегдашное!

Царь же, напився от окоянныхъ со сладостным ласканиемъ смешанного смертоносного яду и самъ лукавства, паче же глупости, наполнився, похваляет советъ и любитъ и усвояетъ ихъ в дружбу и присягами себѣ и ихъ обвязуетъ, вооружающесь на святых неповинныхъ, ктому и на всехъ добрыхъ и добро хотящихъ ему и душу за него полагающихъ, аки на врагов своихъ[128] и собравъ, и учинивъ уже окрестъ себя яко пресилны и великий полкъ сотонински. И что же еще ктому первие начинаетъ и дѣлает? Собираетъ соборище — не токмо весь сенатъ свой мирский, но и духовныхъ всехъ, сирѣчь житрополита и градскихъ епископовъ призывает, и ктому присовокупляетъ прелукавыхъ некоторыхъ мнихов — Мисаила, глаголемаго Сукина, издавна преславного в злостях, и Васьяна Беснаго, поистинне реченного, неистоваго, и другихъ с ними таковыхъ тѣм подобныхъ, исполненыхъ лицемѣрия и всякого безстыдия дияволя и дерзости. И посаждаетъ их близу себя, благодарне послушающе ихъ, вещающихъ и клевещущихъ ложное на святых и глаголющихъ на праведных бѣзакония со премногою гордынею и уничижением. Что же на том соборище производят? Чтут, пописавши, вины оныхъ мужей заочне. Яко и митрополит тогда пред всеми реклъ: «Подобаетъ, — рече, — приведеным имъ быти здѣ пред насъ, да очевисте на них клеветы будут, и намъ убо слышети воистинну достоит, что они на то отвещают». И всемъ ему добрымъ согласующе, такоже рекшим, губителнѣйшие еже ласкатели вкупѣ со царемъ возопиша: «Не подобаетъ, рече, о епископѣ! Понеже ведомые сие злодѣи и чаровницы велицы, ачаруют царя и насъ погубятъ, аще придут!» И тако осудиша ихъ зоочне. О смѣху достойное, паче же беды исполненое усуждение прелщенного от ласкателей царя!

Заточенъ бывает от него Селивестръ-пресвитеръ, исповедникъ его, аже на острове, яже на Студеномъ море, въ монастырь Соловецкий, край корелска языка, в лопи дикой лежаш. А Олексѣй отгоняется от очей его без суда в нововзятый град от насъ Фелинъ, и тамо антипатъ бываетъ на мало время. Егда же услышели презлые, иже и тамо Богъ помогает ему — понеже немало градовъ вифлянскихъ, еще не взятыхъ, хотяще податись ему, его ради доброты, ибо и в беде будуще положенъ, служаше царю своему верне, — они же паки клеветы клеветам, шаптание к шептанию, лжесщивание ко лжесщиванием цареви прелагаютъ на мужа оного и праведного, и доброго. И абие повелѣлъ оттуду свести в Дерптъ[129] и держанъ быти под стражею. И по дву месяцѣхъ потомъ в недуг огненый впаде, исповедався и взявъ святые Христа Бога нашего тайны, к нему отъиде. Егда же о смерти его услышавше, клеветницы возопиша цареви: «Се твой изменикъ самъ себе здалъ ядь смертоносный и умре».[130]

А той Селиверстръ-пресвитеръ, еже преже даже не изгнанъ былъ, видѣв его, иже уже не по Бозе всякие вещи начинаетъ, противъ ему и наказуя много, да во страсѣ Божии пребывает и (...) в воздержанию

жительствуетъ, и иными множайшими словесы божествеными поучая и наказуя много. Он же отнютъ того не внимаше и ко ласкателем умъ свой и уши приклонил. Расмотрив же вся сия, пресвитеръ, иже уже лице свое от него отвратил, отшелъ былъ в монастырь, сто милъ от Москвы лежащъ, и тамо во мнишестве будуще, нарочитое и чистое свое жителство препровожал. Клеветницы же, слышавше, иже и тамо в чести имѣют оныя мниси его, сего ради завистию разсѣдаеми, ово завидяще мужу славы, ово боящися, да не услышит царь о семъ и паки да не возвратит его к собе и да не обличатся ихъ неправды и превращение судов, и многовзимателныя, любимыя издавна обыкновения ихъ, посулы и новоначатые піянства и нечистоты паки не присекутца от оного святого, — и оттуды похватиша его и завезоша на Соловки, и аже преже рехомъ, идѣже бы и слухъ ево не обрелся, похваляющися, аки бы то соборне осудиша его, мужа нарочитого и готоваго отвещати на клеветы.

Гдѣ таковъ суд слышан под солнцемъ без очевистного вещания? Яко и Златоусты пишет во епистоли своей ко Инокентию,[131] папе римскому, нарекающе на Феофила и на царицу и на все соборище его о неправедном изгнанию своемъ, емуже начало: «Первие, нежели отдани суть епистоли наши, мню, благочестие твое слышавше, яковъ здѣ мятеж творити дерзнула неправда». И паки и при конце в той же: «И аще противники обрели, иже такъ презрени сотворили, и еще замышляют ложные клеветы, понеже насъ безвинне изгнали, не давше намъ о ни преписей, а ни книжецъ, о ни объявивша клеветниковъ имѣти и оброняти, и мы сутъ будемъ и покажемъ оных самых, а не нас, быти винными, и что на нас воскладают, понеже неповинны есмя. И сопротив же они сотворили? Сопротивъ всех правилом, сопротивъ всемъ церковнымъ каноном. И что глаголю канономъ церковнымъ? А не в поганских судѣхъ, а ни в варварскихъ престолѣхъ таковые когда случилися, а ни скифы, а ни сармацыи, когда судили сутъ повелѣти единѣй странѣ заочне (...) оклеветанныхъ», и прочие, тѣмъ подобные, яко в томъ ево посланию лучше, читающе, разсмотрится. Сей соборный царя нашего християнского таковъ суд! Се, декрет[132] знамените произведенъ от вселукаваго сонмища ласкателѣй, грядущим родом на срамоту вечныя памяти и уничежения рускому языку, понеже у нихъ в земли уродилися таковые лукавые, презлые, ехеднины отроды! Уже у матери свое чрево прогрызли, сирѣчь земли святорускіе, яже породила ихъ и воспитала, воистину на свою беду и спостошенье!

Что же по сихъ за плод от преславныхъ ласкателей, паче же презлых губителѣй, возрастает? И во что вещи оброщаются? И что царь от нихъ преобретает и получаетъ? Абие с ними Дияволъ умышляет первы вход ко злости, сопротив ускoго и мѣрного путя Христова, по преславномъ и широкомъ пути свободное хождение.[133] А яко же сие начинаютъ и како царева жития прежнею мѣрность[134] разоряют, еже нарицали неволею обьвязана? Начинаютъ пиры частые со многими пьянствы, от нихже всякие нечистоты родятся. И что еще к тому прилагают? Чашии великия, воистину Дьяволу обещанные! И чаши таковые: наложивши в нихъ зѣло пьяного питья, и совѣтуютъ первую цареви выпити, потомъ всемъ сущимъ пирующи с нимъ. И аще ли тѣми *да* обоумертвия, паче же до неистовства, не упиются, они другие и третие прилагаютъ и не

хотящихъ ихъ пити и таковая беззакония творити заклинают со великими прещенми, цареви же вопиют: «Се, рече, онсица и онъсица, имя рекше, не хощетъ на твоемъ пиру веселъ быти, подобно тебя и насъ осуждаетъ и насмѣвает, аки пьяницъ, являющъ праведны лицемѣриемъ. И подобно твои сут недоброхоты, иже с тобою не согласуютъ и тебя не слушают, и еще Селивестров или и Алексѣевъ духъ, сиирѣчъ обычей, не вышелъ из нихъ!» И иными словесы бѣсовскими множайшеми нежели тѣх, многихъ трезвыхъ мужей и мѣрныхъ в житѣлстве добромъ и во нравех, наругаютъ и посрамощаютъ, льюще на нихъ чашии оные проклятые, имиже не хотяще упиватися, убо отнюдъ не могуще и ктому имъ смерти и различными муками претяще, яко и мало последи многихъ того ради погубиша. О воистину новое идолослужение и обещание, и приношение не балвану Аполонову и прочим, но сомому Сатоне и бѣсомъ его: не жертвы воловъ и козловъ приносяще, влекомые носилием на *заколение,* но самые души свои и телѣса самовластию волею, сребролюбия ради и славы мира сего ослепше, сия творяще! И сице первие царское чесное и воздержанное жителство разоряютъ, презлые и окоянные!

Се, царю, получилъ еси от шепчющихъ ти во уши любимыхъ твоих ласкателей: вмѣсто святаго поста твоего и воздержания прежнего — піянство губителное со обещанными Дияволими чашами, и вмѣсто целомудренного и святаго жителства твоего — нечистоты, всяких сквернъ исполненыя, вмѣсто же крѣпости и суда твоего царского — на лютость и бѣсчеловѣчие подвигоша, вмѣсто же молитвъ тихих и кроткихъ, имиже ко Богу твоему бесѣдовалъ еси — лѣности и долгому спанию научиша тя и во сне зиянию, главоболию с похмѣлия и другимъ злостямъ неизмѣримым и несповедимым. А еже восхваляше тя и возношаше, и глаголаше тя царя велика, непобедима и храбра, и воистину таковъ былъ еси, егда во страсѣ Божии жителствовалъ. Егда же надутъ от нихъ и прелщенъ, что получилъ еси? Вмѣсто мужества твоего и храбрасти — бѣгунъ пред врагомъ и храняка: царь велики християнски пред бусурманскимъ волкомъ, яже прежъ пред нами мѣста не нашел и на диком полѣ бегая! А за совѣтомъ любимыхъ твоихъ ласкателей и за молитъвами чюдовского Левки[135] и протчих всехъ лукавыхъ мниховъ, что добраго и полѣзного, и похвалного, и Богу угодного приобрел еси? Разве спустошение земли твоея, ово от тебя самого с кромѣшники твоими, ово от предреченнаго пса бусурманского и ктому злую славу от окрѣсныхъ суседовъ и проклятие, и нарѣкание слезъное ото всего народу. И что еще прегоршего и срамотнѣйшего, и ко слушанию притехчайшего — самое отечество твое, превеликое мѣсто и многонародное, град Москву, во вселѣны славны, созжен и потреблен со бесчислѣными народы християнъскими внезапу. О беда претѣхчайшая и ко слышанию жалостна! Али не часъ было образумитися и покаетися ко Богу, яко Манасия,[136] и отклонити волю естественного самовластия по естеству ко своему сотворителю, искупившему насъ надражайшего кровию своею, нежели то самовластие со произволениемъ самоволнымъ покоряти чрез естеством супостату человѣческому и внимати верным слугамъ его, глаголю, презлымъ ласкателемъ его?

*Е*ще ли ся не расмотришъ, о царю, к чему тя привели человѣкоугодницы и чемъ тя сотворили любимыя маньяки твои, и яковъ опровергли и опроказили прежде святую и многоденую, покаяниемъ украшенъную совесть души твоей? И аще намъ не веришъ, нарицающе насъ туне измѣнниками прелукавыми, да прочтетъ величество твое во слове, златовещателными устнами изреченному, о Ироде, емуже начало: «Днесь намъ Иоанново преподобие, Иродова лютость егда возвещалася, смутилися внутреные, сердца вострепетали, зракъ помрачился, разумъ притупился». Или что твердо в чювствах человеческих, егда погубляетъ добродѣтелѣй величество злостѣй множество? И паки мало пониже: «Достойнѣ убо смущалися внутреные, сердца трепетали, понеже Ирод осквернил церковь, иерейство отнял (яко ты: аще не Иоанъна Крѣстителя, но Филиппа архиепископа со другими святыми смутил), чинъ скверно содѣлолъ, царство сокрушилъ. Что было благочестия, что правилъ, что жития, что обычаевъ, что веры, что наказания — погубилъ и смѣсилъ. Ирод, — рече, — мучитель, гражан, воиновъ разбойник (...), друговъ спустошитель». Твоего же величества произобилие злости, иже не токмо друговъ, но и всея святорускые земли с кромѣшники твоими спустошения, домовых грабитель и убийца сыновъ! От сего Боже сохрани тебя и не попусти тому быти, Господи, царю векомъ! Бо уже и то аки на острию сабли виситъ, понеже аще не сыновъ, но соплемянныхъ и ближнихъ в роде братию уже погубилъ еси, наполняюще мѣру кровопицевъ — отца своего и матери твое и дѣда. [137] Яко отецъ твой и мати, — иже всемъ ведомо, колико погубили. Также и дѣд твой со гречкою, бабою твоею, сына предобраго Иоанна от первые жены своея, от тверские княжны, святые Марии рожденна, наимужественнешего и преславного в богатырскихъ исправлениях, и от него рожденнаго боговенчанного внука своего, царя Димитрия[138] с материю его святою Еленою, ового смертоноснымъ ядом, а того многолѣтнымъ заключениемъ темничнымъ, послѣди же удавлением погубиша, отрекшись и забывши любови и сродства. *И* не удовлевся тѣм! Ктому брата единаутробного, Андрѣя Углецкого, мужа зело разумного и мудраго, тяжкими веригами в темнице за малыя дни удавил, и двухъ сыновъ ево (...), от сосецъ матернихъ оторъвашихъ — о умиленно ко услышанию и тяжко ко изречению, человѣческа злость в толикую презлость превозрастаемо, паче жъ от християнскихъ началниковъ! — многолѣтнымъ заключениемъ темничным нещадно поморилъ! Князя Симиона же, глаголемаго Ряполовского, мужа зело пресилного и разумного, влекомого от роду великого Владимера, главным посечениемъ убилъ. И другихъ братию свою, ближних ему в роде, овыхъ розгнал до чюждых земель, яко Верейскаго Михаила и Василия Ярославича, а других, во отроческом веку еще сущих, тамо же темничным заключением, *на* скверно и проклято заветной грамоте — о увы, о беда ко слышанию тяжка! — заклинающе сына своего Василия, повелѣлъ неповинных погубити неотрочне.

Также сотворили и инымъ многимъ, ихъже долготы ради писания здѣ остовляется. Ко предреченному Златоустову возвращаяся, о Ироде пишущу: «Окрестныхъ, рече, мужеубийца, напояюще землю кровию, в жажде крове содержался,» — сия Златоусты о Ироде во слове своемъ рече, и прочие.

О царю, прежде зѣло любимы от насъ! Не хотѣл бы малыя сея части презлости твоей изрещи, но преодолѣнъ быхъ и принужденъ любовию Христа моего, и ревностию любви распаляхся по мученицехъ, от тебя избиеныхъ неповинне братияхъ нашихъ! Яко и от тебя самого не токмо слышехъ, но и видѣхъ и дѣломъ исполняемо. И о семъ еще аки хвалящеся глаголалъ еси: «Азъ, рече, избиеныхъ ото отца и дѣда моего одѣваю гробы ихъ драгоценными оксамиты и украшаю раки неповинне избиеныхъ праведныхъ». Се, Господне слово збылося на тебя, к жидам реченное: «А сего ради, — рече, — согласуете и соблаговоляете, наполняюще мѣру дѣлы презлыми, убивство презлости отцовъ вашихъ, и показуете сами себѣ, сирѣчь свидѣтелствуете сами о себе, иже есте сынове убицовъ, исповедающеся».[139] А от тебя и от твоих кромѣшниковъ, твоижъ повелѣнием бесчислѣных убиеныхъ мучениковъ кто будетъ украшати гробы и позлощати раки ихъ? О воистину смѣху достойно, со многимъ плачемъ смешеным, и непотребное сие отнюдъ, аще бы было то от сыновъ твоихъ дѣйствуемо, которые бы хотѣли, от чего, Боже, сохрани, мѣру твою сохраняти! Но яко *а* ни Богъ, а ни тѣ избиеные от человѣкоубийцовъ древнихъ того не жеугали, иже *бы* неповине избиени были, такъ и от сыновъ, произволением злым согласующих отцемъ своим, не желают сего по смерти, *не* токмо гробомъ и ракомъ украшаемым и позлащаемым быти, но и самим величаемымъ и похваляемымъ. Но праведные от праведныхъ, мученики от кроткихъ и по закону Божию жителствующихъ похваляеми и почитаеми быти достоят.

А сему уже и конецъ положимъ, понеже и сие краткое сего ради произволихом написати, да не отнюд в забвение предут. Ибо того ради славные и нарочитые исправление великихъ мужей от мудрыхъ человѣковъ историями описавшеся, да ревнуютъ им грядущие роды, а презлых и лукавых пагубные и скверные дѣла того ради написаны, иже бы стреглись и соблюдались от них человѣцы, яко от смертоносныхъ ядовъ или поветрия, не токмо телѣсного, но и душевнаго. Такоже и мы вкратце написахом малую часть, яко прежде многожды рекохом, все оставляюще Божию суду нелицеприятному, хотящему воздати и «сокрушати главы враговъ своихъ, аже и до влас приходящих во прегрѣшенияхъ своих»,[140] сирѣчь отомстить и намалѣйшую обиду убогихъ своихъ от пресилныхъ. И паки той же: «Озлобления ради нищих и воздыхания убогихъ ныне воскресну, — глаголетъ Господь, — положуся во спасение и не обинуюся о немъ».[141] Яко индѣ тем же пророком реклъ: «Помыслилъ еси, — рече, — беззакония, аки был бы тебе подобен. Обличю тя и поставлю пред лицемъ твоим грехи твоя»,[142] — аки бы реклъ: «Аще не покаетеся о неправдах своихъ и о обидах убогих Закхѣевым покаянием».

А ктому да наилѣпше памяти тамо живущим оставляю, понеже азъ еще во среду беды тое приземные отъидохъ отечества моего. А уже и тогда виденнаго и слышенного о токовыхъ злостях и гонениях не моглъ бы на целу книгу написати, яко вмалѣ и вкратце воспомянух о семъ в предисловию, от нас написанномъ на книгу словес Златоустовых, глаголемую «Новы Маргаритъ»,[143] емуже начала: «В лѣто осмыя тысечи веку звериного, яко глаголет во святой Апоколепси» и прочие. Но достоит ми убиеныхъ оныхъ бес правды благородныхъ и свѣтлых

мужей — свѣтлых, глаголю, не токмо в родѣх, но и во обычаехъ, — воспомянути, колико памят ми снесеть, паче же благодать Святаго Духа подастъ, уже во старости немощным тѣломъ сущу, бывшу ми паче же бѣдами и напастми от ту живущихъ человѣковъ и всякими ненавистьми обьяту.

[144]Аще что и забудется, да оставитца ми, молю, от острозрителныхъ в разумѣ и в памяти должайше и неутруждено сущихъ. Се уже, по возможности моей, начну исчитати имена благородныхъ мужей и юношъ, паче же достоитъ со дерзновениемъ нарицати ихъ страдалцовъ а новых мучениковъ, неповиныхъ сущихъ избиеныхъ.

Скоро по Алексѣеве смерти и по Селивестрове изгнанию воскурилося гонение великое и пожаръ лютости в землѣ руской возгорѣлся. И гонение воистину таковое неслыханное не токмо в русской землѣ никогдаже бывало, а не у древнихъ поганскихъ царей: бо и при нечестивыхъ мучетелѣх християня, исповѣдующие веровати Христу и богом поганскимъ ругающися, имаеми и мучими были, а неисповѣдающихъ и крыемыхъ внутрь себя вѣру, аще и ту стоящихъ, аще и знаемыхъ, аще и братию и сродниковъ не имано, а ни мучено. А нашъ новоявленный зверь первие началъ сродников Алексѣевых и Силивестровых писати имена, и не токмо сродныхъ, но о комъ послышел от тѣхъ же клеветниковъ своих и друзей, и сосѣдовъ знаемыхъ, аще и мало знаемыхъ, многих же отнюдъ и не знаемыхъ, ихъ богатествъ ради и стяжания оклеветаемо от тѣхъ. Многих имати повелѣлъ и мучити различными муками, а другихъ множайшихъ ото именей ихъ и от домовъ изгоняти в далные грады. А про что же тѣхъ мучилъ неповиных? Про то, понеже земля возопияла о тѣхъ праведных в неповином изгнанию, нарѣкающе и кленуще тѣх предреченныхъ ласкателей, соблазнившихъ царя. Он же вкупе с ними, ово аки оправдаяся предо всемя, ово яко стрегущесь чаровста, не вѣмъ якого, мучити повелѣл оныхъ — ни единого, ни дву, но народ цѣлъ, ихъже имянъ тѣхъ неповинныхъ, яже в тѣх мукахъ помроша, множества ради исписати невозможно.

Тогда-то убиенна Мария преподобная, нарицаемая Могдалыня, с пятми сынами своими, понеже была родом ляховица, потом *исправилася* в правовѣрие и была великая и превосходная постница, многажды в годъ единова в седмицу вкушающа, и такъ во святом вдовстве провозсиящция, яко на преподобномъ тѣле ея носити ей вериги тяжкие желѣзные, тѣло поробащающе, да духу покорит его. И прочих святыхъ дѣл ея и добродѣтей исписати тамо живущимъ оставляютъ. Оклеветанна же пред царем, аки бо то была черовница и Алексѣева согласница, того ради ее погубити повелѣл и со чады ея, и многихъ другихъ с нею. Понеже той былъ Алексѣй[145] не токмо самъ добродѣтелѣн, но другъ и причастникъ, яко Давыдъ рече, всемъ боящимся Господа и *сообщникъ* всемъ хранящим заповеди его.[146] И колко десят имѣл прокаженных в дому своемъ, тайне питающа и обмывающа ихъ, многожды самъ руками своими гной их отирающа.

То тогда же убиенъ в томъ гонению един мужъ Иоанъ, нареченны Шишкинъ,[147] со женою и з дѣтками. Сродникъ былъ Алексѣевъ и муж

воистину праведны и зело разумны, в роде благороденъ и богатъ. Потом, послѣ тѣх двухъ або трехъ, убиени благородные мужие: Данило, братъ единоутробны Алексѣев и *с* сыном Тархомъ,[148] яже был еще во младенческомъ вѣку, лѣт аки двунадесять, и тесть Даниловъ оного, Петръ Туровъ, и Федоръ, и Алексѣй, и Андрѣй Сатины, ихже была сестра за Алексѣемъ предреченымъ, и другихъ с ними. А Петру оному аки за мѣсяцъ пред смертию видѣние божественное дивное явилось, проповедающее смерть мученическую, — яже мнѣ самъ исповедал, которые ту, краткости ради писания, оставляютъ.

Паки убитъ от него тогда князь Дмитрей Овчининъ,[149] егоже отецъ здѣ много лѣт страдал за него, умре ту. Сие выслужилъ на сына, бо еще во юношескомъ веку, аки лѣт двадесяти или мало боле, закланъ от самаго его руки!

Тогда же убиенъ от него князь Михайла, глаголемы Репнинъ,[150] уже в сигклитском сану сущъ. А за что же убиенъ и за якую вину? Началъ пити с нѣкоторыми любимыми ласкатели своими оными предреченными великими, обещаными Дьяволу чашами, идѣже и онъ по прилучаю призванъ былъ: хотяще бо ево тѣмъ аки в дружбу себѣ присвоити. И упившися, началъ искоморохами в машкарахъ[151] плесати, и сущие пирующие с нимъ. Видѣв же сие бесчиние, он муж нарочиты и благородны началъ плакати и глаголати ему, иже нѣ достоитъ ти, о царю християнский, таковыхъ творити. Онъ же начал *нудити* его, глаголюще: «Веселись и играй с нами», и взявши машкару,[152] класти началъ на лице его. Он же отверже ю и потопта, и рече: «Не буди ми се безумие и бесчиние сотворити, в советническомъ чину сущу мужу!» Царь же, ярости исполнився, отогналъ его ото очей своихъ, и по неколикихъ днях по томъ, в день недѣлный, н*а* всенощном бъдѣнию стоящу ему *въ* церкви, в часъ чтения евангелского, повелѣлъ воиномъ бѣсчеловѣчнымъ и лютымъ заклати его, близу самого алтаря стояще, аки агнца Божия неповинного.

И тое же нощи убити повелѣл сниглита своего князя Юрья, глаголемаго Кашина, такожe ко церкви грядуща на молитву утреньнюю. И закланъ на самом празе церковном, и наполниша помость церковны весь кровию его святою.

Потом убиенъ того Юрья братъ, князь Иоан. И сродникъ ихъ князь Дмитрей,[153] глаголимы Шовыревъ, на колко посаженъ. И глаголють его день быти жива и аки не чювши муки тоя лютыя: на колѣ, яко на престолѣ седящъ, воспѣвал кононъ изо устъ Господу нашему Исусу Христу, и други канонъ благодарственный пречистой Богородицы, с ними же вкупе правило немалое, глаголемое акафистъ, еже в немъ замыкается все плотъское Божие смотрение. И по скончанию пѣния оного духъ свой предалъ Господеви.

И тогда же и другихъ княжат немало того же роду побито. А стрыя тѣх княжат Дмитрия, глаголемаго Курлетева,[154] постричи во мнихи повелѣ, — неслыханное беззаконие! — силою повелѣ, всеродне, сирѣчь со женою и сущими малыми дѣтками, плачющихъ, вопиющихъ. А по

количихъ лѣтех подавлено ихъ всехъ. А сей был князь Дмитрей муж совершенъный и нарочиты в разумѣ синклитъ, избранны в роде.

Потомъ убьенъ от него Петръ Оболенский, глаголеми Сребреный,[155] сниклицкимъ саномъ украшен и муж нарочитъ в воинстве и богатъ. Потом того же роду княжат побиенно Александра Ерославово и князя Владимера Курлетова,[156] сыновца оного Дмитрия. И были тѣ оба, паче же Александръ, мужие воистину ангелом подобные жителством и разумом, бо были так искусны в книжномъ разуме православных догмат, иже все Священыя Писания во устѣх имѣли. Ктому и в военых дѣлех светлы и нарочиты. По роду влекомы от великого Владимера, от пленицы великого князя Михаила Черниговского, яже убиенъ от бѣзбожного Батыя за то, иже боги его насмевал и Христа Бога пред мучителѣм такъ силнымъ и грознымъ со дерзновением проповедалъ. Но *и тѣ* сродницы его, кровию венчавшеяся, преложени суть, пострадавшия неповинне, к пострадавшему за Христа, и представлени мученики к мученику.

Тогда же убиенъ от него княжа сусдолское Александръ, глаголемый Горбаты, со единочадным своимъ сыном Петромъ, в первом цветѣ возвроста, аки в седминадесяти лѣтех. И того жъ дня убиенъ с нимъ шуринъ его Петръ Ховринъ, муж гредцкого роду, зело благородного и богатого, сынъ подскарбия земского, а потомъ и братъ его Михаилъ Петровичь.[157] О томъ-то Александрѣ Горбатомъ воспомянух, пишучи повесть о взятью Казанскомъ. Бо тѣ княжата суздолские влекомы от роду великого Владимера, и была на них власть старшая руская между всеми княжаты боле дву сот лет. И владѣлъ от нихъ единъ Андрѣй, княжа суздолское,[158] Волгою-рекою аже до моря Каспиского.[159] От негоже, памята ми ся, и великая княжата тверские изыдоша, яко лутче о семь знаменует в лѣтописной книге руской.[160] Но и то былъ новоубиенны Александръ муж глубокаго разума и искусный зѣло в военыхъ вещахъ, и ктому *послѣдователь* тшаливо Священых Писани. Яко и при самой смертии ихъ радостны и надежны быша, и неповине от него посечении, яко агнцы Бога живаго. И глаголют о них при томъ бывшия и на то зрящие, егда уже приведены к самому посещению, тогда, глаголютъ, сына его первие со потщанием приклонивша выю к мечю, отецъ же возбранивъ ему и рече: «О чадо превозлюбленыи́ и единородны сыне мой! Да не зрят очи мои отсечения главы твоея!» И первие самъ княжа усечен. Младенецъ же оный храбрьш, взявъ мученическую честную главу отца своего, и поцеловав, и возрѣвъ на небо, рече: «Благодарю тя, о царю векомъ, Иисусе Христе, Боже нашъ, царствующий со Отцемъ и Святымъ Духом, иже сподобилъ еси насъ неповиным убиенным быти, яко и самъ от богоборныхъ жидовъ закланъ еси, неповинный агнче! А сего ради приими души наши в живодателные руце твои, Господи!» И, сие изрекши, приклонився под одскордъ ко усечению главы своя святые. Со таковымъ упованиемъ и со многою верою ко Христу своему отоидоша.

Тогда, в тѣ же лѣта або пред тѣмъ еще мало, убитъ за повелѣнием сего княжа Ряполовское Дмитрей,[161] муж въ разумѣ много и зѣло храбръ, искусенъ же и свидѣтелствованъ от младости своей в богатырскихъ вещах, бо немало, яко всемъ тамо ведомо, выиграл битвъ над

безбожными измаилтяны, аже на дикое поле за ними далеко *ходяще.* Се, выслужилъ! Главою заплатил! От жены и дѣтокъ оторвалъ и внезапу смерти предати повелѣл.

Паки побиени от него того же лѣта княжата ростовские Сѣмен, Андрѣй и Василѣй,[162] и друзи с ними. Паки потом тѣх же княжат ростовских, иже и здѣсь страдал за него, Василей Темкин и сыном своимъ разсеканы от кромѣшниковъ его, катов[163] изобраных, за повелѣниемъ его.

Паки убиенъ княжа Петръ, глаголемы Щенятевъ,[164] внукъ княжати литовского Патрикѣя. Муж зѣло благородны былъ и богаты, и оставя все богатство и многое стяжание, мнишествовати былъ произволил и нестяжателное, христоподражателное жителство возлюбилъ. Но и тамо мучитель мучити его повелѣ, на желѣзной сковороде огнемъ разженной жещи и за нохти иглы бити. И в сицевых мукахъ скончался. Такоже и единоколѣныхъ братию его Петра, Иоана,[165] княжат нарочитыхъ погубилъ.

Въ тѣ же лѣты побиты братия мои, княжата ярославские, влекомые от роду княжати смоленского, святаго Феодора Ростиславича, правнука великого Владимира Мономаха. Имена ихъ были: князь Феодоръ Лвовъ муж зѣло храбры и святого жителства, и от младости своей аже до четыредесятного лѣта служилъ ему верне, многожды над поганскими языки свѣтлыя одолѣния поставлял, крововяще руку свою, паче же освящающе во крови бусурманской сущихъ враговъ креста Христова; другого князя Феодора,[166] внука славного князя Феодора Романовича, яже прадеду того царя, губителя нашего, в Ордѣ будучи, — даже еще в неволи были княжата руские у ординского царя и от его руки власти приимовали, — помогъ, и за его попечением на государство свое возведенъ бystъ. Се, такъ службы и доброхотствования прародителѣй нашихъ ко своим прародителѣм воспомянул и заплатил! Княжата нашии ярославские никогдаже от его прородителей не были отступни в бедах и в напастех, иже яко верные и доброхотные братия сущая, по роду влекомы от единого славного и блаженного Владимера Манамаха. За тѣм-то князем Феодором была сестра его, за двухъ рожденная, тщи князя Михаила Глинского, славного рыцаря, егоже погубила неповине мати его, сущаго стрыя своего, обличающе еѣ за безаконие. Такоже и другихъ тое же пленицы княжат немало погубилъ. Единого от нихъ своею рукою булавою насмерть убилъ на Невле-мѣсте, идучи къ Полотцу, реченного Иоанна Шаховского.[167] И потом Василия, и Александра, и Михаила княжат, глаголемых Прозоровских,[168] и другихъ княжат того же роду, Ушатыхъ нареченныхъ, сродныхъ братий ихъ, сущих тѣх же княжат ярославских роду, погубилъ всеродне, понеже, имѣли отчины великие, мню, негли ис того их погубилъ.

Потомъ Иоанна, княжа Пронское,[169] от роду великихъ князей резанскихъ мужа престарѣвшагося уже во днехъ и от младости ево служаща не токмо ему, еще и отцу его много лѣт и многожды гетманомъ великимъ бывша и сигклицкимъ саном почтенного. Послѣди же мнишество возлюбилъ и в монастырѣ остриже власы и отрекшеся всеа суеты мира сего, Христа своего ради. Он же такъ мужа

престарѣвшаго во днехъ мнозехъ и во старости мастите от чреды спасенныя извлече и в реце утопити повелѣлъ. И другаго княжа Пронское Василий,[170] глаголемого Рыбина, погубилъ.

Въ той же день и иных немало благородныхъ мужей, нарочитыхъ воинъ, аки двести избиены, а нецы глаголют и вящей.

Тогда же убилъ Владимера, стрыечного брата своего,[171] с матерью того Ефросиньею, княжною Хаванскою, яже бѣша от роду князя великого литовского Олгерда, отца Ягола, короля полского, и воистину святую испосницу великую, во святом вдовствѣ и во мнишестве провосиявшую.

Тогда же растреляти с ручницъ повелѣлъ жену брата своего Евдокию, княжну Одоевскую, такоже воистину святую и зело кроткую, и Священыхъ Писаней искусную, и пѣния божественного всего навыкшую, и дву младенцов, сыновъ брата своего, от тое святые рожденых: единому было имя Василий, аки в десяти лѣтех, а други мнѣйши. Запамятах уже, яко было имя его, но лутчи в книгах животныхъ написан, приснопамянутых на небесех у самого Христа Бога нашего. Иныи мнозии слузи ихъ *верныхъ* избиены, ни токмо мужи и юноши благородные, но и жены и девицы свѣтлых родовъ и благородныхъ шляхецкихъ.

Потомъ убиены славный между княжаты рускими Михаилъ Воротынской и Микита, княжа Одоевской,[172] сродны его, со младенчики и дѣтками своими, единъ аки седми лѣт, а други мнѣйший, и со женою его. Всеродне погубленно ихъ, глаголютъ. Его же была сестра, предреченная Евдокия святая, за братомъ царевым Владимеромъ. А что же сему за вина была княжати Воротынскому? Негли тая точию: егда по сожжению великого славного мѣста Московского многонародного от перекопского царя и по спустошению умиленомъ и жалостномъ ко слышанию руские земли от бѣзбожныхъ варъваровъ, аки год единъ спустя той же царь перекопский, хотяще уже до конца спустошити землю оную и самого того князя великого выгнати из царства его, и поиде яко левъ-кровоядецъ, рыкаетъ, розиня лютую пащену[173] на пожрение християнъ со всеми силами своими бусурманскими. Услышав же сие, наше чюдо забѣжалъ пред нимъ сто и двадесят миль с Москвы аже в Новъгород Великий, а того Михаила Воротынского поставил с *войском* и, яко могучи, земли оныя спустошения и окоянныя[174] бронити повелѣл. Онъ же, яко муж крѣпки и мужестъвеной, в полкоустроениях зѣло искусны, с тѣм такъ силнымъ зверемъ бусурманскимъ битву великую сведе. Не далъ ему распростертися, а не на мнѣ воевати убогихъ християнъ, но бияшеся крѣпце зѣло с нимъ, и глаголютъ, колко дней бран она пребывала. И *поможе* Богъ християномъ благоумного мужа полкоустроением, и падоша от воинства християнского бусурманские полки, и самого царя сынове два, глаголютъ, убиени, адин живъ изыманъ на той-то битве, царь же сам едва в Орду утече, а хоругвей великихъ бусурманъскихъ и шатровъ своихъ отбѣжал в нощи. На той же битве и гетмана его, славного кровопийцу християнского, Дивую-мурзу изымано жива. И всехъ тѣхъ, яко гетмана и сына царева, тако и хоруговъ царскую и

шатры его послал до нашего хороняки и бѣгуна, храбраго же и прелютаго на своихъ единоплемянныхъ и единоязычныхъ, не противящихся ему.

Что же воздалъ за сию ему службу? Послушай, молю, прилѣжно пригорчайшия тоя и жалостные ко слышанию трагедии.[175] Аки лѣто едино потом спустя, оного побѣдоносца и обранителя своего и всеа руские земли изымати и связанна привести и предъ собою поставити повелѣл. И обрѣтши единого раба его, окрадшего того господина своего, — а мню, наученъ от него, бо еще тѣ княжата были на своихъ уделѣхъ и велия отчины под собою имѣли, droga тысящъ с нихъ по чту воинства было слугъ ихъ, имже онъ, зазречи, того ради губилъ ихъ — и рече ему: «Се, на тя свидѣтелствуетъ слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счеровати и добывал еси на меня бабъ шепчющихъ». Онъ же, яко княжа от младости своея святы, отвещал: «Не научихся, о царю, и не навыкохъ от прородителѣй своих чароватъ и в бесовство верити, но Бога единого хвалити и в Троице славимаго, и тебѣ, цареви, государю своему, служити верне. А сей клеветъникъ мой есть рабъ и утече от меня, окравши мя. Не подобаетъ ти сему верити и не свидѣтелства от такова принимати, яко от злодѣя и от предателя моего, лжеклевещущаго на мя». Онъ же абие повелѣ связана, положа на древо между двемя огни, жещи мужа в роде по сих же, в разумѣ и в дѣлехъ насвѣтлѣйшего. И притекша глаголютъ самого, яко началного када к катом, мучищамъ победоносца и подгребающе углие горяще жезломъ своимъ проклятым пот тѣло (…) его святое.

Такожде и предреченного Одоевского Никиту мучити различне повелѣл, ово срачицу его, пронзанувши в перси его,[176] тамо и овамо торгати; той же в таковыхъ абия *мученияхъ скончался.* Оного же преодолѣтеля славного; смучена и изжена огнемъ неповине, наполы мертва и едва дышуща, в темницу на Бѣлое озеро повѣсти повелѣлъ. И отвезенъ аки три мили, с того прелютаго пути на путь прохладны и радостны небесного возхождения — ко Христу своему отиде. О мужу налѣпший и накрѣпчайши и многого разума исполнены! Велия и преславная суть память твоя блаженная! Аще негли недостаточна во оной, глаголю, варварской землѣ, в томъ нашемъ неблагородномъ отечествѣ, но здѣ и вездѣ, мню, в чюждих странахъ паче, нежели тамо, преславнѣшая, не токмо во християнскихъ предѣлехъ, но у главныхъ бусурмановъ, сирѣчь у турковъ, понеже немало от турецкого войска на той-то предреченой битве тогда быша. Наипаче же ат Магмета-паши[177] великого двора мнози быша на помощъ послани перекопскому цареви, и за твоим благоразумиемъ все изчезоша, и не возвратился, глаголютъ, ни единъ в Констянтинополь. И что глаголю о отвоей славѣ, на земли сущей? Но и на небеси, у ангелского царя, преславна быша память твоя, яко сущаго мученика и побѣдоносца, яко за оную пресвѣтлую *побѣду* надъ бусурманы, еяже произвел еси и поставил мужеством храбрости своея, побѣду, обраняющи християнски род. Но и паче же сподобился еси мзду премногую получити, еже пострадал еси неповиннѣ от оного кровопийцы, и сподобился еси *со* всѣми оными великими мученики венцовъ от Христа Бога нашего во царьствию его, яже за его овцы, супротив волку бусурманскому, много от младости своей храбровствовал, аже без малы до шездесятого лѣта.

Тѣ два сице блиско сродныя между себя от мучителя вкупѣ пострадали, бо и тѣ княжата Воротынские и Одоевские — от роду мученика князя Михаила Черниговского, закланного ото внѣшнего врага церковнаго — Батыя безбожного. Также и сей Михайло, побѣдоносецъ тезоимениты и оному сродникъ, созженъ ото внутренняго дракона церковного, губителя християнского, боящегося чаровъ. Бо отецъ его Василѣй со оною предреченною законопреступною женою, юною сущею, сам старъ будущи, искалъ черовников презлых отовсюду, да помогут ему ко плодотворению, не хотяще бо властеля быти брата его по нем. Бо имѣлъ брата Юрья зѣло мужественного и добронравного, яко и повѣлел, заповѣдающе женѣ своей и окояным советником своимъ, скоро по смерти своей убити его; яко убиенъ есть. О чаровницах же оных так печашесь, посылашеся по нихъ тамо и овамо, аже до Корѣлы, еже есть Филя (сидит на великихъ горахъ подле Студеного моря), и оттуду провожаху ихъ к нимъ летущихъ оныхъ и презлыхъ совѣтниковъ сатанинскихъ. И за помощию ихъ от прескверныхъ семян, по преизволению презлому, а не по естеству, от Бога вложенному, уродилися ему два сына. Един таковы прелюты и кровопийца, и погубитель отечества, иже не токмо в руской землѣ такова чюда и дива не слыхано, но воистину нигдѣже никогдаже, мню, зане и Нерона презлаго превзыде лютостию и различными нисповедимыми сквернами. Паче же не внѣшни непримирителны врагъ и гонитель церкви Божии бысть, но внутреный змий ядовиты, жруще и разтерзающе рабовъ Божиихъ. А други былъ без ума и бѣс памяти и безсловесенъ, такоже аки дивъ якой родился.

Ту ми зритѣ и прилѣжно созерцайте християнскии родове, яже держаютъ непреподобне приводити себѣ на помощь и к дѣткам своимъ, муже*мъ* презлыхъ чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующихъ, общующе со Дияволом и призывающе его на помощь, что за полѣзную и якову помощъ от того имѣете в предреченной неслыханой лютости, разсмотрите! Мнози бо, яко слышахом многожды, за мало сие себѣ важеть,[178] смѣющесь, глаголютъ: «Мал сей грѣхъ и удобне покаянием исправитца». Аз же глаголю: «Не малъ и воистину превеликъ зѣло». Понеже тѣм Божию заповедь великую во обетованию разоряетъ, бо Господь глаголет: «Да не убоишися никогоже, а не послужишись», сирѣчь: «Ни у когоже помощи не имаши разве меня, а ни небеси горе, а ни на земли низу, а и не под безнами».[179] Паки аще: «Кто отвержется мене пред человѣки, отвергусь и азъ его пред Отцемъ моимъ небесным».[180] И вы, *забывше* таковые страшные заповеди Господа нашего, течете ко Дияволу, просяще *его* чрез чаровники! А чары, яко всемъ есть ведомо, без отверъжения Божия и бѣс согласия со Дияволомъ не бываютъ. Воистину, яко мню, и сей неисцелимый грѣхъ есть тѣм, еже внимаютъ имъ и ко покаянию неудобенъ: неисцелный того ради, зане за малы его собѣ мните, неудобен же ко покаянию, понеже без отвержения Июдина, чары и относы, и смывание прежнеѣ ради купели и стирания *солью мира* ради святого помазания, шептания же скверные, явственыхъ ради обѣщан*ей* ко Христу на святомъ крещение, и относы приношения ради на святомъ жертовнице у пречистаго агнца и бѣс согласия, сирѣчь без обѣщания Дияволу и бѣз отъвержения Христова, яко рѣхомъ, чаровницъ сихъ не могутъ дѣйствовати. Но всяко Дияволом тѣх ради всехъ от

предреченыхѣ презлыхъ человѣковъ, согласниковъ дияволихъ, умышлено. Но Господь Богъ нашъ премногия ради благодати своея да избавитъ всехъ правоверныхъ от таковых! Аще же кто таковымъ не внимает, тому и боятись не подобаетъ, понеже яко дым от знамения честнаго креста исчезаютъ и от простых людей, верующихъ во Христа, не токмо ото искусныхъ християнъ, доброю совестью живущихъ, у которыхъ бываютъ на сердцахъ скрыжалей плотяныхъ написаны заповедей Христовыхъ евангелские слова. О сем бо и самъ Богъ-Слово свидѣтелствует в молитвѣ оной, еюже научалъ ученики своя молитися, при конце глаголюще: «Яко твое есть царство и сила»[181] и протчие. Блаженны жъ Златустъ ясно толкует в бѣседе 19, еже от Матвѣя Евангелие, иже нѣсть царьство, а ни сила иная, а ни боятись кого достоит християном развѣ единого Бога. Аще и Дияволъ негде на нас возмогаетъ мученми, и сие Богу попущающу. А онъ безъ воли Божии, аще и злорадны и прелюты, и непримирителны врагъ нашъ, не токмо на насъ, человѣковъ, не возмогаеть, ни на свиниях, ни на воловых стадахъ, а ни на другихъ скотѣх без Божии воли. И вси и свидѣтелствуетъся и во Евангели. А лепей прочитаючи, узрите во ином священом толкованию златого языка.

Сихъ, еликихъ памятью моглъ объяти, написахъ о княжецкихъ родѣхъ.

О побиении болярскихъ и дворянских *родов*.*[182]*

О великихъ же пановъ родѣхъ, а по их о боярских, аще елико Господь памяти подастъ, покушуся написати.

Убилъ мужа в роде свѣтла, Иоанна Петровича,[183] уже в совершенномъ вѣку бывша, и жену его Марью, воистину святую, погубилъ, у неяже прежде еще во младости своей единочадного возлюбленного сына, от нѣдръ оторвавши, усекнулъ — Иоанна, княжа Дорогобужского, с роду великихъ князей тверскихъ. Его былъ *отецъ* от татаръ казанскихъ на битве убитъ, а тот отрочатко остался у сосцу единъ у матери. Она жь во святомъ вдовстве своем питала его до осмиинадесяти лѣтъ. О егоже убиению мало прежде воспомянухъ, в кройнице пишучи, иже вкупѣ убиени суть со нарочитым юношею, стрыечным братом своимъ, с князем Феодоромъ Овчи*ни*нымъ. И такъ на того Иоанна розгнѣвался, иже не токмо слугъ ево, шляхетныхъ мужей, всеродне погубилъ и различными муками помучелъ, но и мѣста и села — бо зело много отчины имел — все пожег, самъ ѣздя с коромѣшники своими, елико где обрелись со женами и дѣтками их, ссущихъ от сосцовъ матерних, не *пощадилъ,* наконецъ, глаголютъ, а ни *скота* единого, живити повелѣл.

О Иоанне Шереметѣве.[184]

В началѣ же мучителства своего мудрого совѣтника своего Иоанна, глаголюше Шеремѣтева, о немже многожды в кройнеце воспомянух, мучилъ такою презлою ускою темницею, острымъ помостом приправлену, иже вѣре *не* подобно. И оковал тяжкими веригами и по вые, по рукомъ и по ногам, и ктому еще и по чреслам обручь толстый желѣзны, и к тому обручю десять пудов желѣза привесити повелѣлъ и в

таковой бѣде аки день и нощъ мучилъ. Потом пришелъ глаголати с нимъ, ему же, наполы мертву сущу и едва дышущу, в таковых тяжкихъ оковахъ и на таковом остром помосте лежащу повержену. Началъ между иными вопросы о семъ пытати его: «Где, рече, многи скорбии[185] твои? Скажи ми. Вѣм бо, яко богатъ еси зело, бо не обретохъ ихъ, ихъже надѣялся в сокровищницах твоихъ обрести». Отвѣщалъ Иоанъ: «Цѣлы, рече, сокровены лежат, идѣже уже не можешь достати ихъ». Онъ же рече: «Скажи ми о нихъ, аще ли не, муки к мукам приложутъ». Иоан же отвеща: «Твори, еже хощеши. Уже бо ми близъ пристанище». Царь же рече: «Повѣжд ми, прошу тя, о скарбѣх твоих». Иоанъ отвеща: «Аще бы исповѣдал *т*и о них, яко уже рѣх, но не можешь ихъ держати: прынесохъ бо ихъ убогихъ руками в небесное сокровище, ко Христу моему». И другие ответы зѣло премудрыя, яко единъ премудрѣйши филосовъ или учитель великий отвещевалъ ему тогда. Онъ же, умилився мало, повелѣлъ от тѣх тяжкихъ узовъ разрѣшити его и отвести в лехчайшую темницу. И обаче того дня повелѣлъ удавити брата его Никиту, уже в сигклитскомъ сану почтенна суща, мужа храбраго и на тѣлеси от варворскихъ рукъ немало ранъ имуща. Иоан же потом — сокрушено же тѣло насилиемъ — колико лѣт поживе при немъ, оставя все послѣдне стяжание свое, паче же во убогихъ и во страныхъ в духовную лихву и мздовоздоятелю Христу Богу вдав. Во единъ от монастырей изыде, во святы и мнишески образъ облечеся. И не вѣм, аще и там не повелѣлъ ли уморяти его.

Потом убиенъ от него братъ стрыечны жены его, Семенъ Яковлевичъ,[186] муж благородны и богаты; такоже и сынъ его еще во отроческом веку удавлен.

Паки убиени от него мужи: грецка рода именем Хозяинъ,[187] наречены Тютинъ, муж зело богаты и еже былъ у него подскарбиемъ земскимъ, и погубленъ всеродно, сирѣчь со женою и з дѣтками, и со другими южики, такоже и другие мужие нарочитые и богатыхъ, ихже именъ невмѣсно писати широкости ради, бо околико тысячъ их не токмо в мѣсте Московском великом, но и во другихъ великихъ мѣстехъ и во градѣх побито.

Потомъ розграбилъ синглита своего скарбы великие, от праотецъ его еще собраны. Емуже было имя Иоанъ, по наречению Хабаровъ,[188] роду старожитного, яже нарицалися Добрынские. Онъ же муж мало родяще о тѣхъ своихъ сокровищахъ, утешашеся Богомъ, понеже былъ муж наполы в книжном разумѣ искусенъ. По трех же лѣтехъ убити его повелѣл со единочадным сыномъ его из отчизны, понеже великии вотчины имѣлъ во многихъ поветехъ.[189]

В тѣх же *лѣтѣхъ* убилъ свѣтлаго рода мужа Михаила Матвѣевича Лыкова[190] и с нимъ ближняго сродника его, юношу зело прекрасного, в самомъ наусию, яже былъ послан на науку за моря, во Германию. И тамо наукъ добре аляманскому языку и писанию, бо там пребывал, учась, немало лѣтъ и обьездилъ всю землю немѣцкую. И возвратился былъ к нам во отечество, и по колихихъ лѣтехъ смерть вкусил от мучителя неповинне. А той-то Матвей Лыковъ, отецъ Михайловъ, блаженные памяти, созженъ. Пострадал за отечество тогда, когда

возвратишася от Стародуба войско ляцъкое и литовское со гетманомъ своимъ, тогда немало градовъ северскихъ разориша. Матвѣй же то видѣлъ, иже не можетъ избавлен быти градъ его, первие выпустилъ жену и дѣтки свои во пленъ, потомъ, не хотяше самъ видѣти взятье града от супостатовъ, и потоль браняше стѣн грацкихъ вкупе *съ* народомъ, иже произволилъ сожженъ быти с *ними,* нежели супостатом град здати. Жена же и дѣти его отведены быша, яко плѣники, до короля Старого Сигизмунда.[191] Крол же, воистину яко сущи святы християнский, повелѣлъ ихъ питати не яко плениковъ, но яко своихъ сущихъ, не токмо питати во своихъ царскихъ полатах, но и доктором своим повелѣлъ ихъ научити шляшетскихъ наукъ и языку римскому. Потом по количихъ лѣтехъ послы московские великие Василѣй Морозовъ и Федоръ Воронинъ в Кракове упрасиша ихъ у кроля во отечество, глаголю воистину неблагодарное и недостойное ученых мужей, в землю лютых варваровъ, идѣже единъ от нихъ, Иоан именемъ, изыманъ живъ на битве и уморенъ от маистра лифлянского въ прелютой темнице — яко достоило мужу ученному, пострадал за отечество; а други той, предреченны Михаилъ, был остался и былъ воеводою в Ругодиве, там убиенъ, яко рѣхом, от оного мучителя варварского, царя. Такъ убо онъ, грубы и прелюты варваръ, не памятуючи отеческихъ и братскихъ служеб, воздает *своимъ,* свѣтлыми дѣлы украшеным, верным служащим ему мужем!

Потомъ *погубилъ* род Колычовых,[192] такоже мужей светлых и нарочитых в роде, единоплемяныхъ сущихъ Шереметевыхъ, бо прародитель их, муж *свѣтлый* и *знаменитый,* от немѣцкие земли выехал. Емуже имя было Михалъ, глаголют его быти с роду княжатъ рѣшкихъ. А побилъ ихъ тое ради вины, иже разгнѣвался зѣло на стрыя ихъ, Филиппа архиепископа, обличающа его за презлые безокония, о немже вкратце послѣди повемъ. И бысть тогда знамения не *худо* от Бога явлено над единым от тѣхъ, емуже имя было Иоанъ Борисовичъ Колычевъ. Чюдо же воистину такова, яко слышах (...) от самовитца, при том зрящего.

Егда зѣло возъярился, паче же рѣщи, неистовился от неприятного врага человѣческого, бесовские сожителницы раждеженъ, яко прежде рекохъ, ѣздилъ, полилъ мѣста и веси, и дворы оного Иоанна Петровича со живущими в нихъ, тогда обрел храмину, глаголютъ, зело высоку, по их же обыкновенному слову нарицаютъ еѣ повалоша. В самых верхних коморахъ привязати повелѣл крѣпко оного предреченного мужа, и якъ пот тою-то храмину, тако и по-другие, близу тое стоящие, в нихже бяше полно человѣковъ нагнано и затворенно, неколко бочекъ пороховъ повелѣлъ поставити и сам сталъ издалече в полкоустроенияхъ, иже под *супостатнымъ* градом, ожидающе, егда взорветъ храмину. Егда же уже взорвало и розметало не токмо тую храмину, но и другие близъ стоящие, тогда онъ со всеми кромѣшними своими, яко воистину бѣсной с неистовящимися, со всемъ онымъ полкомъ диволскимъ, все вѣлѣгласно возопивше, яко на брани супостатов, и аки пресвѣтлое одолѣние получиша, всеми уздами конскою скоростию расторганыхъ телѣсъ християнскихъ зрѣти поскочиша. Бо бѣ множество в тѣхъ храминах, под нихже порохи подставлены быша, повязаны и затворени быше. Тогда же потом, далече на полѣ, обретено того Иоанна, единою рукою привязана ко великому бревну, на земли цѣла сѣдяша, а

ничемже нимало вредима, прославляюще Господа, творяще чюдеса, а тамо былъ ростягнены, связан рукама и ногама. Егда же сие исповѣдано кромѣшникомъ его, тогда единъ бесчеловѣчны и прелюты устремился и прибѣже прутко на конѣ первие к нему и видѣхъ его здрава и псалмы благодарные Господеви поюща, абие отсече ему саблею главу и принесе еѣ, аки даръ многоцены, подобному лютостию цареви своему. Онъ же абие повелѣл в кожаны мѣх зашити и послал еѣ ко стрыю его, архиепископу предреченному, заточенному в темницу, глаголюще: «Се, сродного твоего глава! Не помогли ему твои чары!»

Тѣх же Колычовых околко десять роду: в нихже бѣша нѣцы мужие храбрые и нарочитые, нѣкоторые же от нихъ и сниглитским саном почтенны, а нѣцы стратилаты быша. А порублени суть всеродне.

Потом убиенъ от него муж зѣло храбры и разумны, и ктому священныхъ Писаней послѣдователь, Василей, глаголемы Разладинъ,[193] роду славного Иоанна Родионовича, нареченного Квашни. А глаголютъ и матерь его Феодосию пострадавшу, от мучителя многими муками мучиму, вдовицу старую сущую, многолѣтную, неповинне терпящу. Толко три сыны у ней были, мужи зѣло храбры: единъ предреченны Василей, а други Иоаннъ, третий Никифоръ убиени на битвахъ еще во юношескомъ вѣку от германовъ (но всякъ тогда пороженыи суть германи). Мужие зѣло быша храбрые и мужественные, и не токмо телѣсы благолѣпны, но воистину нравы благими и душами *преукрашенны* быша.

Тогда же убиенъ от него Дмитрей, по нарѣчению Пушкин,[194] такоже муж разумны и храбры, и уже в совершеныхъ лѣтехъ. Единоплемянне же бѣ Челяднымъ.

Потом убиен от него стратилатъ славный, Крикъ Тыртовъ[195] по наречению, муж не токмо храбры, мужествены и священыхъ Писаней послѣдователь, но воистинѣ и в разумѣ многъ, ктому кротокъ и тих был зѣло, всякими благими нравы преукрашен и обычайми добрыми прелюбезенъ. И ктому — что еще ноилѣпшаго и дивнѣйшего? — от порождения матери своей чистъ и непороченъ. В воинстве християн*ск*омъ знаменитъ и славим, понеже многие раки на телеси имѣл, на многихъ битвах от различныхъ варваровъ. Младу же еще ему сущу, храбре юношествовал в Казанское взятье, и око единого пострадал презелного ради и крѣпкого мужества. Но и таковаго мучитель кровопивственнъ не пощадил!

Тогда же убо мало пред тѣм убиен от него муж благоверны Андрѣй,[196] внукъ славного и силного рыцаря Дмитрия, глаголемого Шеина, с роду Морозовых, яже еще вышли от немцъ вкупѣ с Рюриком, прародитель руских княжат, седмь мужей храбрыхъ и благородных, той-то былъ Мисса Морозовъ, единъ от нихъ. А и Дмитрей онъ[197] венецъ принял мученичиски от казанского царя Магмедеминя, подвизающеся за правовѣрие.

В тѣ же лѣта убиени от него мужие того же роду Морозовыхъ, сниглитскимъ саном почтены: Владимеръ[198] единому имя было, —

много лѣт темницею от него мученъ, а потом и погубилъ его, — а другому имя было Левъ,[199] по наречению Салтыковъ, с четырмя або с пятма сынама, еще во юношескомъ веку цветущими. Нынѣ, послѣди, слышах о Петрѣ Морозовѣ,[200] аки живъ есть, такоже и Львовы дѣти не все погублены, нецыи стали живы, глаголютъ.

Тогда же побиени Игнатей Заболоцки, Богданъ и Федоси,[201] и другия братия их, стратилаты нарочитые и юноши в роде благородны. Глаголютъ, иже и со единоплемянными их всероднѣ погублено.

И паки побиени Василѣй и другия братния[202] его со единоплемянными своими, Буторлины глаголемые, мужие свѣтли в родѣх своихъ. Сродницы же бяше оному предреченному Иоанну Петровичю.

Паки убиенъ от него Иоаннъ Воронцовъ,[203] оного Феодора сынъ. Яже во младости своей еще убилъ отца его Феодора со другими оными мужи, ихже въ кройнице пишуще воспомянух.

Потом убиенъ от него муж велика роду и храбры зѣло со женою и со единочаднымъ сыном своимъ, еще во отроческому веку, аки в пяти или в шести лѣтех, младенческом. А былъ той человѣкъ роду великих Сабуровыхъ,[204] а наречение ему было Замятня. Его-то отца сестра единоутробная была за отцом его, Саломанида, преподобная мученица, о нейже первие в книжице сей воспомянух.

Побиени же от него стратилати, або ротмистры, мнози мужие храбрые и искусные в военых вещах: Андрѣй, глаголемы Кашкаровъ, муж славны в знамянитых своихъ заслугахъ, и братъ его, Азарий[205] именемъ, также муж разумны и во Священых Писаниях искусный, з дѣтками погубленъ и братиею ихъ, Василей и Григорей, глаголемы Тетерины.[206] И другихъ стрыевъ и братии их немало всеродне погубити повелѣл со женами и з дѣтками их.

Также и от резанские шляхты благородныхъ мужей, зацных в родѣхъ, мужественых же и храбрых и славными заслугами украшеных, Данила Чюлкова[207] и другихъ нѣкоторыхъ искусных поляницъ и воеводителѣй, вкратце же рещи пагубниковъ бусурманскихъ а обронителѣй краин христианских, и ротмистра, нарочитова в мужестве Феодора Булгакова со братиями ихъ и со другими многими единоплемянными их всеродне погубленно того жь лѣта и того единого дня в новопоставленомъ граде на самом Танаисе, посланными от него прелютыми кромѣшники. У нихже былъ воевъ дѣмонскихъ воевода, любовникъ его, Федор Басманов, яже последи зарѣзалъ рукою своею отца своего Алексѣя,[208] преславного похлѣбника, а по их языку маняка, и губителя своего и святоруские земли. О Боже праведны, коль праведенъ еси, Господи, и праведны судьбы твои! Что братиям готовал, то воскоре и самъ вкусил.

Тогда же и того дня онъ убилъ предреченного славного в доброте и пресвѣтлаго княжа в родѣ Владимера Курлетева. И тогда же онъ вкупѣ заклал с нимъ Григорея Степанова,[209] сына Сидорова, с роду

великихъ сниглитовъ резанскихъ. А той-то былъ Степан, отецъ его, муж славны в добродѣтелехъ и в богатырскихъ вещахъ искусенъ. Служаще много лѣт, аже до осмидесяти лѣт, верне и трудолѣпнѣ зѣло империи святоруской. Потом же, аки седмица едина преиде, нападоша на той же новопоставлены град поганы измаилтеские со царевичи своими аки в десяти тысячахъ. Християнския же воини сопрошашася с нимъ крѣпце, бранящася града и убогихъ християн, при том граде живущихъ, от наглаго нахождения поганского. И в том обранению подвизающеся храбре, овы зело уранены, овы же, до смерти подвизающеся, посечени от погановъ. И абие по той битве, аки по трехъ днях — предивно и ужасно не токмо ко изречению, но и ко слышанию! — случилося тяжко и изумѣно нечто: абие внезапу нападаша от того прелютаго зверя и святоруские земли губителя, от того антихристова сына и стаиника предреченные кромѣшники его на оставших християнскихъ воиновъ, которые они непщевани были еще остати от заклания их и ото измаилтеска избиения. Прибѣгших их глаголют во град, вопиющих, яко беснующихся, по домох или станѣх рыщущих или обтекающихъ: «Гдѣ есть онсица князь Андрѣй Мещерски и князь Никита, братъ его, и Григорей Иоановъ, сынъ Сидорова[210] (предреченному стрыечный)?» Слуги же их, показующе им телѣса мученические, ото измаилтян новоизбиеные, они же яко неистовые, уповающе еще их живых, вскочиша в домы их рѣзати с мучителскими орудии уготованымъ. Видѣвше же уже их мертвых, абие поскочиша со позтыдѣнием ко зверю сеунчевати сие.

Такоже случишася подобно и брату моему единоплемянному, княжати ярославскому, емуже имя было Андрѣй, по нарѣчению Аленкинъ,[211] внукъ предреченного княжати преславного Феодора Романовича. Ибо случилося ему бранити единаго мѣста или града сѣверскихъ градовъ от нахождения наглаго супостатовъ, и застреленъ былъ ис праща огненнаго и умре на завтреѣ. А по третьемъ дни прискойчиша от мучителя кромѣшника заклати и его и обретоша уже его мертва, и поскочиша ко зверю сеунчевати. Зверь же кровоядны и ненасытимы по смерти святого подвижника отчизну того и все стяжание от жены и дѣтков отнялъ, иже преселивше их в дальную землю от их отечества и тамо, глаголютъ, всеродне тоскою погубилъ всех.

Сабуровых же других, глаголемых Долгихъ, а воистину великих в мужестве и храбрости, и другихъ, Сарыхозиныхъ,[212] всеродне погубити повелѣл. Абие ведено их, глаголютъ, вкупѣ осемдесятъ душъ со женами и з дѣтми, яко и младенцы, у сосцовъ сущие, в немотующим еще вѣку, на матерних руках играющеся, ко посечению носими.

В тѣх же лѣтехъ или мало пред тѣм погубил зацного землянина имянемъ Никиту, по наречению Казаринова, и с сыном единородным Феодором, во цвѣтущемъ возврастѣ сущего, служащаго много лѣт верне империи святоруской.[213] А погубилъ его таковымъ образомъ: егда избранных катовъ послал изымати его, онъ же, видѣвъ ихъ, уѣхал былъ пред нимъ во един монастырь, на Оке-рѣке лежащъ, и тамо принял на ся великий ангелский образъ. Егда же посланные от мучителя кромѣшники начаша пытатыся о немъ, он же, послѣдующе Христу своему, уготовався, сирѣчь принявши святые тайны, изыде во сретение

симъ и рече со дерзновения: «Аз есми, егоже ищите!» Они же яша и приведоша его связана пред него во кровопиственны градъ, глаголемою Слободу. Зверь же словесны, егда узрѣл его во ангелскомъ чину, абие возопил, яко сущей ругатель тайнамъ християнскимъ: «Онъ, рече, ангелъ: подобаетъ ему на небо возлетѣти!» И абие бочку пороху або две подъ единъ струбецъ повелѣлъ поставити и, привязавши тамо мужа, взорвати. Воистину злым произволениемъ согласяся со отцемъ своимъ, с сотоною, неволею правду провѣщалъ еси прелукавыми усты! Яко древле Коияфа, бесящеся на Христа, неволителне пророчествующе, такоже и ты здѣ, окаянны, реклъ еси *о* восхождению небесному вѣрующимъ во Христа, паче же мученикомъ, понеже Христосъ страстию своею, излияниемъ надражайшие крови своей небо верным отворилъ ко возлетѣнию или восхождению небесному.

И что излишнѣ глаголю? Аще бы писалъ по родом и по имяномъ ихъ, ихже памятую добре, мужей оныхъ храбрыхъ и нарочитыхъ, благородныхъ в родѣхъ, и в книгу пишучи не вмѣстилъ бы. А что реку о тѣх, *ихже* памятью, немощи ради человѣческие, не бояхся и забвение уже погрузило? Но имяна ихъ в книгахъ животныхъ лутше есть присноопомянуты, а ни намнѣйшие их страдания не забвени пред Богомъ, мздовоздаятелемъ благимъ и сердцевитцемъ, тайныхъ всехъ испытателемъ.

По тѣх же всехъ, уже предреченыхъ, убиенъ от него же муж в роде славны, егоже был сниглит избранные ради, Михаилъ Морозовъ[214] с сыномъ Иоанномъ, аки в осмидесяти лѣтех, с младенцом и со другим юнейшимъ, емуже имя забыхъ, и са женою его Евдокиею, яже была дщерь князя Дмитрея Бѣлского, ближняго сродника Ягайла короля. И воистину, глаголют еѣ во святом жителствѣ пребывающе, якоже последи и мученическихъ венцемъ с мужемъ своимъ и со возлюблеными своими вкупе украсилася, понеже вкупѣ пострадаша от мучителя.

О страдании священномученика Филиппа, митрополита московскаго.

Не небезбѣдно же ми, мню, умолчати о священомученикахъ, от него пострадавшихъ, но достоит, яко возможно вкратце притещи, оставляюще паче тамо живущимъ, сведомшим и ближайшимъ, паче же мудрѣйшимъ и разумнѣйшимъ, *рекше моего недостатка грубство наполнити, елика достоитъ исправлению от нас написанныхъ о страдалцехъ, исправити и мученическия подвиги преукрасити и облаголѣпити, нежели от насъ в гонении крыющихся въ дальныхъ землях сущих**[215]*** В недостатцехъ или в погрешеных молимся просити.

По умертви митрополита московского Афонасия,[216] или по исшествию его волею от престола, возведенъ бысть Филиппъ, с Соловецкова острова игуменъ на архиепископский престолъ руские митрополыы. Муж, яко рѣхом, славна и велика рода и от младости своея волною мнишескою нищетою и священолѣпным жителствомъ украшенъ, в разуме жъ крѣпокъ и мужественнѣйшъ. Егда же уже епископъ поставленъ, тогда епископскими дѣлы начатъ украшатися,

паче же апостолско и по Бозе ревновати. Видѣв оного царя *не по Бозе ходяща,* всяческими кровми христианскими невинными обливаемы, всякие неподобные и скверные дѣла исполняюще, началъ первие молити благовременне, яко апостолъ великий рече, и бѣзвременне налѣжати,[217] потомъ претити страшнымъ судомъ Христовымъ, заклинающе по данной ему от Бога епископской власти, и глаголати не стыдяся о свидѣнихъ Господнихъ такъ прегордому и прелютому, бесчеловѣчному царю. Онъ же многу с нимъ брань воздвиже и на потварии[218] презлыя и сикованцы абие устремился. О неслыханныя вещи, ко изглаголанию тяжки! Посылаетъ по своей тамо Руской землѣ ласкателей своихъ скверных, тамо и овамо рещуще и обтичюще, аки волцы-разтерзатели от прелютѣйшаго зверя послани, ищуще и набывающе на святого епископа измѣтных вещей, лжесвидѣтелей же многими дарми и с великихъ властей обѣщанми гдѣ бы обрести могли, тамо и овамо обзирающе, со прилѣжанием изыскуютъ.

О бѣды привеликия от неслыханные и *претяжчайшие* дерзности бесовские! О замышления человѣческая, безстудиемъ дияволимъ поджигаеми! Кто слыхалъ гдѣ епископа от мирскихъ судима и испытуема? Яко пишетъ Григори Богослов во Слове о похвалѣ Афонасия Великого, нарекающе на соборъ безбожных агирян: «Иже, рече, посаждаху мирскихъ людей и привождаху прет тѣхъ на испытаныя епископов и презвитеровъ, имже а ни края уха не достоило таковых послушати» и прочее. Гдѣ законы священые? Гдѣ правилы седмостолпные? Гдѣ уложения и уставы апостолские? Все попранны и наруганны от пресквернейшаго кровоятца-зверя и от пребезумнѣшихъ человѣковъ-угодников его, пагубниковъ отечества.

Что же по сихъ начинаетъ? На святителя дерзающе, не посылаетъ до потриарха констянтинаполского, под егожь судом руские митрополиты, аще бы были оклеветани от кого в чемъ, нигдеже инде, точию пред нимъ достойны о собе отвѣт дати. А ни спрошаетъ от престола патриаршеского егзарха во испытание епископъское. И воистину, бесясь на святаго архиепископа, негли *забывъ еси* повесть свежую или не зѣло давную, устнама твоима часто произносимую, о святомъ Петрѣ сущую, рускомъ митрополитѣ, на приключшуюся ему лжеклевету отверскихъ епископа прегордаго? Тогда, услышавше, вси велицы княжата руские не дерзнули разсмотряти между епископов или судити священиков. Бо абие послали ко патриарху костянтинополскому о ексарха, да росмотрит или расъсудитъ о семъ, яко пространѣйшие пишетъ в лѣтописней книзе руской о семь. Або тебѣ не образъ сие былъ, о зверю кровопивствѣний, аще ли еси християнъ хотѣлъ быти?

Но собираетъ на святителя скверные свои соборища ереевъ Велзавелиниxъ и проклятае сонмище согласниковъ Каияфиныхъ, и мируетъ с ними, яко Ирод со Пилатом. И приходят вкупѣ со зверемъ въ великую церковь, и садятся на мѣсте святѣ — мерзость запустѣния со главою окружения ихъ и со трудомъ устенъ ихъ! — и повѣлеваютъ от смрадящие и проклятые власти привести пред ся епископа преподобнаго, во освященыхъ одеждахъ оболчена. И поставляютъ лжеклеветателѣй, мужей скверных, предателѣй своего спасения — о коль тяжко и *умиленно* ко изречению! — и абие обдираютъ

спасителские одежды с него и катомъ[219] отдаютъ в руки святого мужа, от младости в добродѣтелѣхъ превозсиявшего. И нага влекут изъ церкви и посаждаютъ на вола опоко — окоянны и скверны! — и биютъ лютѣ, нещадно тѣло, многими лѣты удрученъное от поста, ведяще по позорищам града и мѣста. Он же, боритель храбрый, вся сия терпяще, яко не имуща тѣла, хвалами и песнми в таковыхъ мучениях Бога благодаряще, безчисленых же народовъ, плачющихъ горце и рыдающихъ, священномученическою десницею своею благословяще.

Согласующи же во всемъ злостию прелютый зверь прелютѣйшему древнему дракану,[220] губителю рода человѣческого, еще не насытился крови священномученика, а ни удовился неслыханнымъ от вѣкомъ бѣсчестием онымъ над преподобнымъ епископом. Ктому повѣлеваетъ его по рукам и ногамъ и по чресломъ претяжчайшими веригами оковати и вовреще во ускую и мрачную темницу мужа смученного, престарѣвшегося, во трудѣхъ мнозѣхъ удрученного и немощнаго уже тѣла суща, и темницу оную повелѣл твердыми заклепы и замки заключити, и согласниковъ своихъ в злости к темнице стражей приставилъ. Потомъ, аки день или два спустя, совѣтниковъ своихъ неякихъ посылаетъ к темнице видети, аще ужъ умеръ. И глаголютъ их нѣцы вшедшихъ в темницу, аки бы обрели епископа от тѣхъ тяжкихъ оковъ избавлена, на псалмопѣнияхъ божественыхъ воздѣвша руки стоявща; а оковы все кромѣ лежаще. Видѣвше же сие, посланые снигхлитове плачюще, рыдающе и припадающе х колѣномъ его, возвратившися же скоро к жестокой и непокоривой оной прегордой власти, и паче же ко прелютому и ненасытимому кровоядцу оному зверю, вся подрядъ ему возвещая. Его же абие возопивша глаголют: «Чары, рече, чары онъ сотворилъ, неприятель мой и измѣникъ!» Тѣх же совѣтниковъ, видевши умилившихся о семъ, начатъ им претити и грозити различными муками и смертми. Потомъ медведя лютого, заморивши гладомъ, повелѣлъ ко епископу оному в темницу пустити и затворити — сие воистину слышахъ от достоверного самовитца, на то зрящего. Потомъ на утрие самъ приде и повелѣл отомкнути темницу, уповающе сьѣденна его быти от зверя, епископа. И паки обрѣтоша его, благодати ради Божия, цела, а нимало чемъ врежденна, такоже, якоже и прежде на молитвѣ стояща, зверя же в кротость овчю преложившася, во едином угле темничномъ лежаща. Оле чюдо! Звѣрие, естеством люте бывше, чрезъ естество в кротость прелагаются,[221] человѣцы же, по естеству от Бога кротцы сотворены, от кротости в лютость и бѣзчеловѣчие самовласно волею измѣняются! Его же глаголютъ абие отходяща, глаголюща: «Чары, рече, творить епископъ». Воистину, нѣкогда тое жъ древни о творящих чюдеса мученицы же глаголали.

Потом, глаголютъ, епископа от мучителя заведенна[222] во единъ монастырь, глаголемы Отрочь, во Тверской землѣ лежащий и тамъ глаголютъ его нѣцы пребывша мало не годъ цѣлы и аки бы посылалъ до него и просилъ благословения его, да простит его, такоже и о возвращению на престолъ его. Он же, яко слышахомъ, отвещал ему: «Аще, рече, обѣщаешися покаятися о своихъ гресехъ и отгнати от себя оный полкъ сатанинский, собранны тобою на пагубу христианскую, сиречь кромѣшниковъ, або апришнилцовъ нарицаемых, аз, рече, благословлю тя и прощу, и на престол мой, послушав тебе, возвращуся.

Аще ли же ни, да будеши проклетъ в сем вице и в будущемъ и с кромѣшники твоими кровоядными, и со всеми согласущими тебѣ во злостяхъ!» И овыи глаголютъ его в томъ монастырѣ удавлена быти за повелѣниемъ его от единого прелютаго и бѣсчеловѣчного кромѣшника, а друзии поведаютъ, аки бо во *единомъ* любимомъ его граду, глаголемъ Слободе,[223] еже кровми христианскими исполненъ, сожжена быти на горящемъ углию. Аще ли же сице или сице, всяко священомученическимъ от Христа венцемъ венчанъ, егоже измлада возлюбилъ, за негоже и на страсть пострадалъ.

По убиении же митрополита не токмо многих кририковъ, но и нехиротонисанныхъ мужей благородныхъ околко сотъ помучено различными муками и погублено. Бо тамъ есть в той землѣ мнози мужие благородные, свѣтлых родовъ имѣния маютъ, во время мирное архиепископом служат, а егда брань належитъ от супостатовъ окрестныхъ, тогда и в войску християнскомъ бывают. Которые не хиротонисанны.[224]

И прежде, даже оному Филиппу на митрополию еще не возведенну, умоленъ былъ от князя великого епископ казански именемъ Германъ, да будетъ архиепископомъ руские митрополии. Онъ же, аще и много возбраняшесь от тое вещи, такъ от него, яко и соборне, принужденъ к сему. И уже аки два дни в полатахъ церковных на митрополичье дворѣ бывша его глаголютъ, но абаче еще воспрещающася от оные тяготы великого пресвитерства, но и паче же пот такъ лютымъ и неразсудным царемъ быти в томъ сану не *хотяше.* Вдался с нимъ, глаголютъ, в бѣседования, тихими и кроткими словесы его наказующе, воспоминающе ему он Страшный судъ Божий и стязания нелицеприятное кождаго человѣка о дѣлехъ, такъ царей, яко и простыхъ. По бѣседовании же оном отоиде царь от него во свои полаты, и абие советъ той духовны любимым своимъ ласкателѣмъ изъявил: уже бо слѣтѣшася к нему отовсюду вмѣсто оные добрые избранные ради не токмо навѣтники презлые и поразиты[225] прелукавыя, и блазни,[226] но и татие воистину, и разбойницы, и всякихъ скверн нечистых исполнены человѣцы. Они жъ, боящеся, аще бы епископа послушал совѣта, абие бы паки были отогнаны от лица его и изчезли в свои пропасти и норы, егда услышавше сие от царя, отвещали яко едиными усты: «Боже, рече, сохрани тебя от таковаго совѣта! Паки ли и хощеши, о царю, быти в неволѣ у того епископа, аще горшей, нежели у Алексѣя и у Силивестра былъ еси пред тѣмъ много лѣтъ?» И моляще его со слезами, х колѣномъ его припадающе, паче же единъ от нихъ, глаголемьш Алексѣй Басмановъ, с сыномъ своим. Онъ же, послушавъ ихъ, абие епископа *съ полатъ* церковныхъ изгнати повелѣлъ глаголюще: «Еще, рече, и на митрополию не возведенъ еси, а уже мя неволею обвязуешъ!» И по дву днехъ обретенъ во дворѣ своемъ мертвъ епископъ онъ казанский. Овы глаголютъ удушенна его тайнѣ за повелѣниемъ его, овы же ядомъ смертоноснымъ уморенна. А былъ той Германъ[227] свѣтла рода человѣкъ, яже Полевы нарицаются та шляхта по отчине. И бѣ он яко тѣла великого мужъ, такъ и разума многа, и мужъ чистого и воистину святаго жителства, и Священных Писаний послѣдователь, и ревнитель по Бозе, и во отрудѣхъ духовныхъ многъ. Ктому и Максима Философа мало нѣчто отчасти учения причастенъ былъ. Аще же и от

осифлянскихъ мнихов четы произыде, но отнють обычая лукаваго и обыкновенного ихъ лицемѣрия не причастенъ былъ, но человѣкъ простый, истиный и непоколебим в разумѣ, и великъ помошникъ былъ в напастѣх и в бедах объятым, такоже и ко убогимъ милостивъ зело.

Потомъ убилъ архиепископа Великого Новаграда Пимина.[228] Тот-то былъ Пиминъ чистаго и зело жестокого жителства, но в дивныхъ былъ обычаяхъ, бо глаголютъ его похлѣбовати мучителю и гонити вкупѣ на Филиппа митрополита. А мало последи и самъ смертную чашу испилъ от него: бо приѣхал самъ в Новъград Великий, в реце его утопити повелѣлъ.

И тогда же таковое гонение воздвигъ во ономъ мѣсте великомъ, иже, глаголютъ, единого дня посещи и потопити, и пожещи, и другими различными муками помучити болши пятинадесяти тысячъ мужей единыхъ, кромѣ женъ и детѣй, повелѣлъ. В том же тогда прелютомъ пожаре убиен от него Андрѣй, глаголемы Тулуповъ,[229] с роду княжатъ Стародубскихъ, муж кротокъ и благонравенъ, в доволныхъ лѣтехъ былъ. И други муж, Цыплетевъ, наречены Неудача, с роду княжат бѣлозерскихъ, со женою и со дѣтками погубленъ. Такоже былъ благонравенъ и искусенъ, и богатъ зело. А были тые даны на послужение великия церкви Софии, сирѣчь Премудрости Божия. И другие с ними благородные шляхетные мужи и юноши различные помучени и побиени.

И слышахомъ, иже великия, проклятые, кровавые богатства тогда приобрѣл, бо в томъ великомъ в старожителномъ мѣсте, в Новеграде, род живетъ куплелюбенъ. Бо маютъ от самого мѣста портъ[230] к морю, сего ради и богати зело бываютъ. Подобенъ, яко мню, великихъ ради богатствъ губилъ ихъ.

Потомъ поставлена другаго архиепископа[231] в того мѣста, мужа, яко слышахом, нарочита и кротка. Но аки по дву летех и того повелѣлъ убити со двема опаты, сирѣчь игумены великими, або архимендриты.

И к тому же в то время множество презвитеровъ и мниховъ различнѣ помучено и погублено. Тогда же убиенъ от него Корнили-игумен,[232] Печерского монастыря началникъ, мужъ святъ и во преподобию многъ и славенъ. Бо от младости своей во мнишескихъ трудѣх провозсиялъ, и монастырь онъ предречены воздвиже и его многими труды и молитвами к Богу. Идѣже и бесчисленные чюдеса прежде истекали благодатию Христа Бога нашего и пречистыя его Матери молитвами, поколь было именей ко монастырю тому не взято и нестяжателно мниси пребывали. Егда же мниси стяжания почели любити, паче же недвижимыя вещи, сирѣчь села и веси, тогда угасоша божественыя чюдеса. И тогда вкупе убиенъ с нимъ другий мнихъ, ученикъ того Корнилия, Васьян именемъ,[233] по наречению Муромцов. Муж былъ ученый и искусный, и во Священыхъ Писанияхъ прослѣдователь. И глаголютъ их вкупѣ во един день орудием мучителскимъ нѣкаким раздавленных. Вкупѣ и телеса ихъ преподобномученическия погребены.

Потомъ мѣсто навеликое Иваняграда, яже близу моря стоит рѣцѣ Нарви, выграбивъ все, сожещи повелѣл. Такоже и во Пскове великомъ и во иных многихъ градѣхъ многие безчислѣные беды и тщеты, и кровопролития тогда быша, ихже по ряду исписати невозможно.

А всемъ тѣмъ служители быша ласкатели его со оным прелютымъ варваром полкъ, нарицаемыхъ кромѣшников, яко и претъ тѣмъ уже многожды о нихъ рѣхом. Вмѣсто нарочитых, доброю совестию украшеных мужей, собралъ себѣ со всея тамошния Руские земли человеков скверныхъ и всякими злостми исполненыхъ. И ктому еще обвязалъ их клятвами страшными и принудилъ окоянных не знатися не токмо со друзи и братиями, а ни с самыми родители, но точию во всемъ ему угождати и скверное его и кровоядное повелѣние исполняти, и на таковыхъ и паче тѣх прелютых ко *кре*стному целованию принуждаще окоянныхъ и бѣзумныхъ.

О вселукаваго супостата человѣческого умышление! О неслыханые презлости и бѣды, паче всехъ преступлений человѣков в пропость поревающе! Кто слыхал от века таковые, иже Христовымъ знамением кленущесь на том, да Христосъ гонимъ будет и мучимъ?[234] И на том крестное знамение целовати, да церковь Христова растерзается различными муками? И клятись клятвами страшными на томъ, да любовь естественая, от сотворителя нашего в насъ всажденная, к родителѣмъ и ближнимъ, и другомъ, расторгнетца? Здѣ ми зри беды неслыханные! Здѣ заслѣпление человѣковъ оных, яко Дияволъ навел ихъ хитролеснѣ Христа отрещись, первие прелстив царя, потомъ уже вкупе со царемъ тѣхъ окоянныхъ вь якую пропость опроверглъ и навел от оныхъ обѣтовъ священыхъ, яже бывают самому Христу на святомъ крещению, отоврещись сице: еже Христовымъ именем кленущесь, евангелскихъ заповедей отрицатись.[235] А что глаголю: евангелскихъ? И естественых, яко рѣхъ: которые в поганских языцех соблюдаеми и сохраняеми, и сохранятися будут, и соблюдатися по впоенному в нас природжению от Бога.[236] Бо Евангелие учитъ враговъ любити и гонящих благословляти[237] и прочие естественые внутрь всех человѣковъ без гласа вопиютъ и бѣзъ языка учатъ к родителемъ покорениемъ, а ко сродным и другом любовь имѣти. А Диявол с клевретомъ своим полкъ кромѣшниковъ сопротивъ всехъ тѣх вооружил и клятвами очаровалъ. И воистину чары, всех чаров проклятие и сквернейшее, над человѣческим бѣдънымъ родомъ стали от чаров зачатого царя. Господь заповедует не приимати имени своего туне, а ни малѣйшими отнють клятвами обвязыватись свободному естеству сущему, сирѣчь а ни небомъ, ни землею, а ни главою своею, и протчими не клятись.[238] А тѣ предреченные кромѣшники, аки забыши, отрекши всех тѣхъ, сопротивные пострадаше.

На что дивитеся, здѣ живущие издавна под свободами християнскихъ кролей, аки вере неподобны бѣды наши оные предреченые мняще? Воистину, паче вере неподобны бы обрелися, аще бы все по ряду испи*сал.* А сие писал, к сокращению трагедии тое жалостные зряще, понеже и такъ едва от великие жалости сердце ми не росторглося.

О преподобномъ Феодоритѣ священномученике.

В тѣхъ же лѣтехъ мужа погубилъ славного во преподобии и воистинну святого и премудраго, архимандрита саном, Феодорита именемъ. О немже и о жителстве его священом вкратце достоит воспомянути. Былъ он муж родом от мѣста Ростова славного, отнюду же и святы Сергий провозрасте. И исшел такъ Феодорьит в третьеенадесять лѣто возрасту своего от дому родитель своихъ и поиде аже на Соловецки остров, в монастырь, иже лежитъ на Ледовомъ[239] море. И тамъ пребыл аки лѣто едино, в четвертое-же-надесять лѣто возрасту своего приял на ся мнишеский образ и вдался во святое послушание, яко есть обычай мнихом юным, единому презвитеру святу, премудру и многолѣтну сущу, Зосиме именемъ, тезоименитому ученику самого святого Зосимы Соловецкого. И послуживъ ему в послушанию духовному неотступно пятнадесят лѣт, там же навыче всякой духовной премудрости и взыде ко преподобию по степенем добродѣтелей. Потом хиротонисанъ былъ от архиепископа новгороцкого дияконом и потомъ, пребывше аки лѣто едино у старца своего, изыде ис того монастыря за благословением его, на созерцание ко славному и великому мужу, чюдотворцу сущу, Александру Свирскому, и пребывъ у него яко чисты у чистаго и непорочный у непорочного. Он же приялъ его со провидѣнием вне монастыря, во стретение его изшедше, ибо никогдаже знаяше его, а ни слышав о нем, рече ему: «Сынъ Аврамль приде к нам, Феодорит диякон». И зело любяше его, покол поживе в монастырѣ ономъ.

Потом от Александра иде аже за Волгу-реку, в тамо сущие великие монастыри, и *ищуще* храбрыхъ воинов Христовых, яже воюютъ сопротивъ началъ властей темных, миродержцовъ вѣка сего. И обходит тѣ все обители, вселился в Кириловъ великий монастырь, понеже обрелъ там духовных мнихов — Сергия, глаголемаго Климина, и другихъ святых мужей. И тамо пребывъ аки два лѣта, *ревнующи ихъ* жестокому и святому жителству, умучая и покоряя плоть свою в порабащение и в послушание духа. И оттуду изыде в пустыни тамошние и обретѣ тамо блаженного Парфирия, исповедника и первамученика, бывша уже игумена Сергиевы обители, много страдавша мученми и тяжкими оковами от князя великого, отца того. А что тому страданию святаго Парфирия за вина была, достоитъ вкратце воспомянути.

Был той Парфири привлечен от пустыни насилиемъ за повелѣниемъ князя великого московского Василия на игуменство Сергиева монастыря. И случилася вещь в то время такова: сродника своего ближняго той-то прелюты князь Василѣй — яко обычай есть московскимъ князем издавна желати братей своихъ крови и губити ихъ убогихъ ради и окояныхъ отчизнъ, несытства ради своего — изымалъ тогда брата своего, во крови ближняго, княжа сѣверского Василия, нареченного Шамятича, мужа славного и зело храбраго, и искусного в богатырских вещах, и поистинѣ рещи, пагубу бусурмановъ, яже не токмо отчину свою Сиверу от частого нахождения бѣзбожныхъ измаилтян обороняль, порожающе их многожды зело часто, но и на дикое поле под самую орду Перекопскую хотяще многожды и тамо пресвѣтлыя одолѣния над ординскими цари поставляюще. Се, толь преславного мужа, воистину побѣдоносца, той-то князь Василѣй предреченны, отъ чародѣицы греческие рожденъ, заточил в темницу и тяжкими оковами вскорѣ уморити повелѣл.

В то время случилося ему во оны Сергиевъ монастырь приехати, на свято великого Пянтикостия (яко тамъ есть обычай московским князем на кождое лѣто того празника в томъ монастырѣ торжествовати: аки бы то духовнѣ). Святый же игуменъ Парфири, яко муж обычаевъ простыхъ и во пустынѣ воспитанъ, началъ просити его и молити о предреченном же Шемятиче, да свободитъ брата от темницы и от такъ тяжкихъ оков. Мучитель же начал, дыхающе аки огнемъ, претити ему, старецъ же тихо отвещевавше и моляше: «Аще, рече, приехалъ еси ко храму бѣзначалные Троицы от трисиянного Божества милости грехов своих просити, сам буди милосердъ над гонимыми от тебя бес правды. Аще ли, яко глаголеши, сромотяще нас, аки бы повинны были тобѣ и согрѣшили пред тобою, остави им долги малых динари, по Христову словеси, яко же и самъ от него желаешъ прощения многихъ талантов».[240] Мучитель же абие изгнати его из монастыря повелѣлъ, о немже молил — его удавити вскоре. Старец же, абие с радостию совлекшеся со одеждъ игуменских и отрясши прахъ от ногъ своихъ во свидѣтелство Божие на него,[241] и приявши свои пустыные одежды худые и раздранные, пѣш аже во оную пустыню потече, от младости ему возжелѣнные. Мучитель же, не престая потом на святого яростию неиставатся, за оклеветанием нѣкоторых любостяжателныхъ и вселукавых мнихов, сущих человѣкоугодниковъ прескверныхъ, паки святого мужа ис такъ далние пустыни, аже до Москвы привлещи повелѣлъ и, катом предавши, различными муками мучити.

Аз же, беды его и мучения все оставя, вкратце едино воспомяну, концу истории тое поспѣшающе, яже дивного сего мужа равноапостольское незлобие в память ми приходит. Егда же уже тогда святый зело был муками удрученъ, едва живъ отдан под стражу Пашку нѣкоему, по-их истопнику или отвернику, еже мучителю был верной катъ или спекулаторь над полачи. Его же оковал он веригами тяжкими и ктому змученного мужа гладомъ удручаша, угождающи и веренъ показующися мучителю, хотящему вскоре смерть навести. Христос же, нашъ царь премилосерды, не оставляше раба своего в бедах, женою оного спекулатаря посещаще, яже к нему немалое человѣколюбие показывала, тайне питаше и раны исцелеваше. И по немалых днех сохранила его на единомъ мѣсте, хотяще его от уз свободити, яко да избегнути возможетъ от мучителских рукъ юзник Христовъ. И пришедша того глаголют мужа еѣ, и вопросилъ жены своей о узнику, порученному ему под стражу от мучителя, она же отвещала: «Избѣгнул, рече, вчера еще, и не вѣмъ». Мужъ же ея, убоявся князя прелютаго, яже поручилъ ему под стражу, извлече ножъ и хотяще сам себя абие заклати. Святы же и сокровенного мѣста, яко Повел апостол древле стражу темничному, велѣгласно возопил: «Не убивай себя, о господине Павле (тако бо оному спекулаторю имя было)! Здѣ бо есмь цел, и твори со мною, еже хощешъ!»[242] Егда же прииде сия повесть к мучителю во уши, и устыдѣвся преподобномученика, разрѣшивши от узъ, и отпустити его повелѣлъ. Святы же паки с радостию, яко Христовъ побѣдоносецъ, раны мученические, яко язвы Христовы, вмѣсто цветовъ прекрасныхъ на телесии святѣмъ носяще, паки в пустыню свою отиде и тамо водворяяся, по пророку Давиду глаголющему: «Удаляясь от мирскихъ мятежей, ждуще Бога спосающего его».[243]

Яко рѣх, оставя другия страдания его тамо живущимъ о жити его и о преставлени писати, а мы, яко здѣ странны и пришелцы, ко предреченной краткой повести о преподобномъ Феодорите возвратимся.

И в той же пустынѣ живъшу ему с Порфирием, обрелъ Артемия, премудраго Иоасафа, глаголемого Бѣлобаева, и другихъ немало пустыников, мужей святых нѣкоторых и престарѣвшихся уже во днехъ. И там с ними и во трудѣх духовных подвизающеся вкупе, поживе аки четыре лѣта. Тогда же старецъ его, провидев свое отшествие к Богу, шлетъ к нему епистолию, просяще, да возвратится к нему. Он же с радостию, яко елень, потече пѣшъ, шествуя такъ должайший путь, вящей нежели о-триста миль, по великим и непроходимым пустыням, и прииде болѣзнеными ногами с таковым тщанием и с охотою. Ни во что же вмѣняше многих трудовъ и жестокого и долгого пути сопротив умышленному усердъному желанию. И возвращается, творя послушание, яко Тимофѣй к Павлу,[244] и объемлетъ многолѣтного святаго старца, и лобызающе и целующе пречестнѣйшие седины презвитерские, и пребываетъ при нем, служаще ему в немощахъ и в недузех его, аже до смерти старца, аки лѣто едино или мнѣе. По разлучению же от тѣла святые души его, тѣло прозвитера погребаетъ.

И вкусилъ и напился оные сладости пустынные, яко же глаголетъ премудры Метофрастъ,[245] пишучи историю и о святом Николаю, понеже пустыня покоя и ума почивание, наилутчая родителница и воспитателница, а клеврет и тишина мисли, и божественного зрѣния плодовиты корень, истиная содружебница з Богом сопряжения духовного. А сего ради розжегся желанием пустынного безмолвного жителства, отходит в далѣчайшую пустыню, въ языкъ глубокихъ варваров, лопарей диких, пловуще великою Колою-рекою, яже впадает своимъ устве в Ледоватое море. И тамо исходит ис короблеца и восходит на горы высокие, ихже наречет Святое Писание ребра северовы,[246] и вселяетца в тѣх лесех пустых оныхъ непроходимых. По коликих же мѣсяцех обретает тамо единого старца-пустыника — памята ми ся, Митрофань бѣ имя ему, — пришедшего во оную пустыню пред нимъ аки за пять лѣтъ. И пребывают вкупѣ в прегорчайшей пустыне, Богомъ храними, питающеся от жестокихъ зелѣй и корение, ихже тамо преизводит пустыня оная. Пребыв тамо со онымъ предреченым старцомъ аки двадесят лѣт во святом и непорочномъ жителстве, потомъ оба возвращаютца во вселѣную и приходят до великого мѣста Новаграда, и поставляется от Макария архиепископа Феодоритъ презвитером. Потом бывает и самому архиепископу духовником и приводит тамо немало светлых и богатых гражданъ к пути спасенному и, не бывше епископом, воистину свѣтлого епископа дѣла исправляет. И вкратце рекше, целит недужных, очищает прокаженых, не телесы, но душами, возвращает заблудших, подъемлюще на рамена и приводяща ко Христу, первому пастырю, уловивши воистину от сетей дияволских. И исчистивъ покаянием, усвояет и приводит чистых к церкви Бога живаго.

Паки по дву лѣтех потом, приемлетъ от богатых нѣкоторыхъ немало сребра в возложение Господеви и возвращается ко оной пустыни, уже с

нѣкоторыми другими. И тамо, на устию предреченые Колы-реки, созидает монастырь и в нем поставляет церковь во имя пребезначалные Троицы. Собирает там среду мнишескую и правило им священное уставляет, заповедающе имъ обще и отнютъ нестежателно жителствовати, сирѣчь бѣзъименно, своими руками пищу набывающе, яко рече великий апостолъ: «Аще кто не дѣлаетъ, да не ястъ»,[247] и паки: «Руце мои послужиша ми и сущим со мною».[248] Потомъ приходящих к нему оныхъ глубокихъ варваровъ наказуетъ помалу и нудит на веру Христову, понеже искусенъ уже былъ языку ихъ. Произволившихъ же нѣкоторых оглашаетъ к пути спасенному и потом присвещает святым крещением. Яко сам онъ поведал ми, иже той языкъ лопский, которые просветѣся с святым крещениемъ, людие зѣло просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны, ко спасенному же пути тщаливы и охочи зѣло, яко последи множества от нихъ мнишеское житие возлюбили за благодатию Христа нашего и за того священыми учени, понеже, науча ихъ писанию и молитвы нѣкоторые привелъ им от словенъска въ их языкъ.

Потом же по лѣтех немалѣхъ, егда распространяшеся в том языце проповед евангелская и явленны бысть чюдеса и знамения нѣкоторыя, — яко глаголетъ божествены Повелъ, знамение, рече, не вѣрующимъ, но бѣзверников ради,[249] — тогда наученых от него и оглашеных лопянъ единаго дня крестишася яко две тысячи и со женами, и детми. Сице он блаженый, апостолом подобны мужъ, исправилъ во глубокихъ варварех за благодатию Христовою, труды своими!

Что же по сих начинаеца? Не терпит древни супостат человѣческого рода, очима завистными зряще благочестие возрастаемо, разсядашася ненавистию. И что же творит? Подущаетъ на него новособраных монастыря мнихов, шепчюще невидимо во уши и глаголюще имъ во сердце: «Тяжекъ, рече, вамъ и неподъемъ. И никтоже можетъ от человѣков претерпѣти уставом, вамъ преданнымъ от него. Како можете безъ имений жити, своими руками хлѣба добывающе?» Понеже другую заповедь отецъ был Феодорит предал имъ уставу Соловецких Зосимы и Соватѣя: «Ктому *не токмо женамъ,* а ни скота единого отнюдъ женского полу не имѣти тамо», сего ради сложившеся со Дияволом, мниси оные взнеистовишася: имаютъ старца святого и биютъ нещадно, и не токмо из монастыря извлечаютъ, но и от страны тое изгоняютъ, аки врага нѣкоего. Он же поиде от тѣх пустынь по неволѣ во вселѣную, и бываетъ игуменъ во едином маломъ монастырѣ в Новогратцкой землѣ лежащим и тамо аки два лѣта пребылъ. Потом возвестил о нем Артеми премудры[250] цареви, ибо тогда былъ игумен великим Сергиева монастыря. Царь же абие призывает к себѣ его и поставляется от архиепископа архимандритом Еуфимиеву монастырю, яже близу великого мѣста Суздоля лежитъ. Там оное достоинство того великого монастыря управляет лѣтъ четыре або пят. Понеже и тамъ обрелъ зело необнузданных мнихов и своеволно, не по уставом и святым правилом живущих, ихже *у*здает и востязает страхом Божиим, наказующим по Великому Васили*еву у*ставу жителствовати. Ктому не токмо мнихов, но и самого епископа суждалского за сребролюбие и пиянство напоминает и обличает, понеже былъ мужъ не токмо в разумѣ и премудрости мног, но и от рождения своего чистъ и непороченъ, ктому и трезвость во вся

дни живота своего храняще. И сихъ ради, яко глаголетъ Златоусты, сопротився правда неправде, милосердию лютость, воздержанию невоздержание, трезвости пьянство и прочие. Того ради, ненавидяще его яко мниси и такъ епископъ гратский.

В тѣх же тогда лѣтех возврастоша плевелы между чистою пшеницею спания ради и опилства многаго пастырей нашихъ, сирѣчь отроды ересей люторскихъ: явишася лясфиму[251] на церковныя догматы. Митрополитъ же росиский за повелѣнием царевым повелѣл оных ругателей вездѣ имати, хотяще истязати ихъ о расколѣхъ ихъ, имиже церковь возмущали, и гдѣ елико аще обретенно их, вездѣ иманно и привожено до мѣста главного Московского, паче же от пустынь заволскихъ, бо и там прозябоша оная ругания. И началось было сие дѣло исперва добрѣ, но в конецъ злыи проиде, сего ради, иже восторгающе плевелы[252] исторгали с ними и святую пшеницу, по Господню словеси. Ктому и тѣхъ расколниковъ, яже были достойни исправлению пастырскому, сотвориша над ними немилосердие и прелютое мучение сице, яко мало напреди нами слово изъявит.

Егда видѣвше любостяжательн*ые*, всякого лукавства исполненыя мнихи приводимых от заволскихъ предреченыхъ пустынь и от инуды расколниковъ, тогда оклеветают преподобного и премудрого Артемия, — бывшего игумена Сергиева монастыря, иже бо онъ отшелъ в пустыню, и царя не послушав, от того великого монастыря, многого ради мятежу и любостяжателныхъ, издавна законопреступныхъ мниховъ, аки бы онъ причастенъ и согласникъ былъ в некоторыхъ люторскихъ расколохъ. Такожъ и на другихъ мниховъ, по Великого Василия уставу живущихъ нестяжателно, неповине лжеклевещут. Тогда абие царь нашъ и с преуродивыми епископы, отнют неискусными, увери*л*ъ имъ и собралъ соборище, отовсюду совлече духовного чину тамошнихъ и повелѣлъ привести ис пустыни, оковавши, преподобного мужа Артемия, тако честного и премудрости исполненного, не поставя очевистя, а ни на суде еще бывша, и другого старца нарочита, в жителстве нестяжателномъ провозсиявша и Писаниемъ Священымъ искусного, Саву именемъ, по наречению Шахъ. Егда же собрано соборище оно и поставлены и истязаны расколницы о руганию ихъ на церковные догматы, тогда между ими Артемия истязано и вопрошенно. Онъ же, яко неповины, со всякою кротостию отвещеваша о своемъ правоверию. Лжеклеветников же, паче же реку сикованцовъ, вопрошено о доводе: они же подали свидетелей мужей скверных и презлых. Старецъ же Артемий отвещал, иже не суть достойны свидѣтелствовати. Они же паки подоли Федорита Соловецкого, архимандрита суща суздолского, и другаго старца славного во преподобию, Иоасафа Белобаева, аки бы тѣ слыхали хулные словеса от Артемия. Егда же тѣ нарочитые мужие на свидѣтелство поставлены, тогда обличиуш наветника главного Нектария, мниха ложне клевещущаго; Артемия же оправдаше, яко отнюдь неповиного, паче же во всякомъ преподобию провозсиявшаго. Тогда епископъ суздолский онъ, пияны и сребролюбны, по ненависти первой, глагола: «Феодорит, рече, давны согласникъ и товарищъ Артемиевъ, негли и сам еретникъ есть, понеже с нимъ во единой пустыне немало лѣт пребылъ». Царь же нашъ, напамятуючи, иже Артемий зѣло похваляет Феодорита пред

нимъ, абие уверивъ, яко пияный пияному и вредоумный вредоумному, понеже ктому и ненависть на него имѣлъ, иже не послушал его и не хотил болши быти на игуменстве в монастыре Сергиеве. Нѣцыи же епископи оправдавша его, вѣдуще его быти мужа нарочита. Тогда же царь с митрополитом своим, угождающе ему во всемъ, и со другами, яко рѣхъ, неискусными и пияными епископы, вмѣсто исправления и духа кротости (...) оныхъ расколниковъ не наказують любезно, но со всякою яростию и лютостию зверьскою в заточение, далнеѣ грады, уские и темные темницы отсылають окованыхъ. Такожде и преподобного, оковавши веригами желѣзными, биють неповинного святога мужа, отсылають аже на Солевецкий остров в вечное заточение аже до смерти. И того предреченного мниха Саву также в заточение на смерть отсылают к ростовскому владыце Никандру, въ пиянстве пограженному. И запровадивъши Артемия на Соловки, и вмѣщут зѣло в ускую кѣлью, не повелѣвающе ему дати и ни малого утешения отнють. Гоняще *бо* на того епископа богатые и миролюбивые, такъ и оные вселукавые и любытяжателные мниси, иже бы не токмо не былъ в Руской землѣ онъ *мужъ,* но иже бы и имя его не именовалось. А то сего ради: прежде бо его царь зѣло любяше и многожды бѣседовавше, поучаяся от него, они жъ боящеся, да не паки в любовь ко царю приидетъ и укажетъ цареви, иже яко епископи, такъ и мниси с началники своими законопреступно и любостяжателно, не по правиломъ апостолскимъ и святыхъ отецъ живутъ. Сего ради всякия творяху, дерзающе и сполняюще такъ презлыя дѣла свои на святыхъ, да покроютъ злость свою и законопреступления. Понеже тогда и другихъ неповиныхъ мужей помучиша различными муками, научающе на Артемия клеветами, иже доброволне не возмогаша навести ихъ, негли и мукъ не претерпевши, нѣчто произнесут. Таковъ въ нынешнем веце, паче же во оной землѣ, презлый и любостяжателный, лукавства исполненъ мнишеский родъ! Воистину всяких катовъ[253] горши, понеже к лютости *вселукавъ* зѣло. Но ко предреченной повести о Феодорите возратимся.

Тогда же онъ блаженны мужъ неповинне пострадалъ ото лжесшивателѣй, наипаче же от того-то епископа суздолского, пьяного и сребролюбиваго, яже клеветаше вкупе на нь со мнихи монастыря Евфимиева, яко имуще на нь ненависти, предреченныя ради вины. Но аще и многия замыкаяху на нь сикованицы,[254] но не можаху ни единого приткнути, но абаче, яко они вселукавые мниси искусны тому, в неволю отослаша его в монастырь Кириловъ, в немже той епископъ сузъдолский прежде игуменомъ былъ до тѣхъ, и ученицы его отомстятъ его прежнюю ненависть епископа. Онъ же егда тамъ завезенъ былъ, и видяще его тамо живущии мнисии, нарочитые и доброжителныя мужие, яже не суть вѣдомы о лукавомъ советѣ и о презломъ дѣле ихъ, вседушне ради ему бывше, видеще бо его мужа издавна во преподобию и святыни многа. И о семъ паче лукавыя мнихи и завестию разъседаеми были, видѣвше мужа от налѣпшихъ и святыхъ мниховъ почитаема, и вяща прилагаху ему ругание и бѣсчестие. И пребыль святый у нихъ аки полтора лѣта, в таковыхъ бедах притерпѣвающе.

Потомъ пишетъ к намъ, сыновомъ своимъ духовнымъ, изъявляющи намъ от тѣхъ вселукавыхъ мниховъ нестерпимую скорбь свою. Мы жъ, колико

насъ собравшеся, сниглитскимъ саномъ почтенныхъ, приходимъ с тѣмъ ко архиепископу Макарию, сказующе ему сие по ряду. Онъ же, услышавъ и устыдѣвся яко нашего сана, такъ и мужа святости, понеже и ему (…) былъ онъ духовникъ, и даетъ скоро епистолии свои во онъ монастырь, повелѣвающе отпустити мужа и жителствовати ему свободне идѣже хощетъ. Онъ же, изъ Кирилова изъшед, вселися в мѣсте въ Ярославле, в монастыре великомъ, идѣже лежитъ во своемъ мѣсте князь Феодоръ Ростиславичъ Смоленский,[255] и тамо пребывъ аки лѣто едино или два.

И призываетъ его царь к себѣ яко мужа искусного и мудрого, посылающи его посломъ ко потриаръху констянтинополскому, просяще благословения о коронацию, и о таковомъ благословению и о величанию,[256] имже и яковым чиномъ цесари римские сущие христианские от папы и патриархов венчаеми были. Онъ же, повелѣния царева послушавъ, уже во старости и в немошномъ тѣле, обаче поиде с радостию на таковое посолство. И ходилъ тамо и сѣмо вяще нежели годъ, многи на пути беды и труды подъялъ, тамо же и огненымъ недугомъ в Констянтинополю аки два мѣсяца обьятъ былъ, но и ото всехъ сихъ благодатию Божиею изъбавленъ, возвратився здравъ и принесе со благословением соборнымъ послание от патриарха ко царского сана возведению великому князю нашему. А потомъ и книгу вскорѣ царского *вѣнчания* всю патриархъ прислалъ к нему со своими послы до Москвы — с митрополитомъ единымъ и со мнихомъ-презвитерожъ противъпсаломъ,[257] яже ныне митрополитомъ Андрѣянополскимъ есть. Но ктому, глаголют, святому мужу оному самъ патриархъ удивлялся, яко преслухался речения и бѣседования его премудрого, такъ и жителства его умиренного и съвященнолѣпного.

Князь же великий, обрадовавшеся патриаршеского послания благословению, даритъ Феодорита тремяста сребреники великими и кожухомъ драгихъ соболей пот аксамитом и ктому якою властию духовною, аще бы он хотѣлъ. Он же, мало усмѣхнувся, рече: «Аз, царю, повелѣния твоего послушахъ и исполних, еже заповедал ми еси, не вмѣняя нимало во старостии моей трудовъ о семъ. Но доволство ми и се за мздовоздаяние, иже бо апостолского намѣстника, великого архиепископа, сирѣчь патриарха вселѣнского, благословения приях. А яко даровъ, такъ и власти не потребую о-твоего величества: даруй ихъ тѣмъ, яже проситъ от тебе и потребуетъ. Азъ яко сребреникъ, такъ и драгоцеными одеждамии не обыкох наслаждатися, а ни ими украшатися. Паче же отрѣкохся всехъ таковыхъ в началѣ постражения власовъ моихъ. Но доброту душевную, благодати духа внутрь украшати тщуся. Но точию сего прошу, да с покоемъ и со бѣзмолвиемъ в келье до изшествия моего да пребуду». Царь же нача молити его, да не обѣсчестит сану царского и да возметъ сие. Он же, повинувся мало, взял от трехъсотъ сребреникъ точию двадесять и пять, и поклонився по обычаю, и изыде от лица царева. Царь же повелѣлъ и кожухъ онъ послати за нимъ и положити во храминѣ, идѣже он обиталъ тогда. Феодоритъ же кожухъ той продавъ, яко и пенези нищимъ абие разда. Потомъ полюбивъ жити в монастырѣ, яже близу великого града Вологды, егоже создалъ святый Димитри Прилуцкий.[258] А то мѣсто

Вологда от Москвы лежит сто миль, на пути ѣдучи ко Лѣдовому морю, на порту.

И забывши ненависть оныхъ нечеловѣколюбных мнихов, с Вологды, такъ дални путь, не ленився посещати их в монастырю, от него созданному. Аже до дикие лопи два кротъ ѣздяше при мнѣ, от Вологды *до* Колъмогор реками плавающе, а двесте миль (...) от Колмогор Двиною-рекою великою до моря, а моремъ до Печенги другою двести миль, яже нарицаются Мурманская земля, идѣже живетъ лопски языкъ. Тамо же и Кола-река великая в море впадает, на еяже устье монастырь онъ созданъ от него.

Воистину сие удивлению достойно: в такой старости и такие неудобные и жестокие пути претерпѣл, лѣтомъ плавающу ему по морю, зимою же на пруткошествелныхъ еленехъ ѣздяще по непроходнымъ пустыням, посещающе детѣй своих духовныхъ, яко мнихов оных, такъ и лопанов, наученых и крещенныхъ от него, пекущеся о спасению душъ их, в нѣверныхъ сеюще проповѣть евангелскую и размножающе благочестиѣ, врученны ему от Христа Бога талантъ, во языце оном глубоких и грубыхъ варваровъ, не щадяще ни старости и нѣмощнаго тѣла, сокрушенного многими лѣты и великими труды. Здѣ ми зри, полуверне, лицемерный христианине, умягченны, раздрочены различными наслажденми, яко храбри еще обретаются старцы в православной християнской землѣ, во правоверныхъ догматех воспитаные: чемъ престарѣются и изнемогутъ тѣлом, тѣмъ храброство ревностию по благочестию полагают и острозрителнейшие и приятнѣйшие ко Богу бывают.

А яковое было бы о том предреченномъ святомъ Феодорите удивлѣние, аще бы вся по ряду исписал добродѣтелныя его дѣла и предивные, ихже аз единъ елико могу памятати! Что возглаголю о том, яковые он имѣлъ дарования от Бога, сирѣчь дары Духа: и силы исцелѣния, даръ пророчествия, даръ мудрости, яко грѣшники и уловляти от презлыхъ дѣлъ дияволихъ, и наводити на путь покаяния, и приводити от нечистия и многолѣтного древняго *неверия* въ веру Христову поганские народы? А что бы реклъ и яко бы изъглаголал о восхищению его в самые обители небесныя, и о видѣнияхъ его незреченныхъ, имъже Богъ посѣтил его? Понеже еще в телесии тленном суща, безтелѣсными и невесчествеными почтенъ достоинствы и аероплаветелными хождении. А яковую той мужъ тихость и кротость многою имѣлъ, и яковые наказания премудрыя, и в гоненияхъ предивные и насладчайшия бѣседования и полъзавателныя апостолоподобныя вещания, егда случилося ему беседовати сыновомъ духовнымъ! Ихъже нѣкогда и азъ, недостойный, многожды причастенъ былъ, тѣхъ священыхъ учений! Еще ктому немало ко удивлению, яко умѣлъ онъ, искусенъ былъ целити согънившия неисцелныя раны, сиречь презлыя дѣла в человѣцехъ обыкновеныя многими лѣты! Яко все мудрыя глаголютъ, иже многолѣтныя обыкновения, от младости утвердившися во человѣческихъ душахъ, во естество обращаются и плохо, или неудоб заглажаеми бываютъ. Таковые онъ умѣлъ веткие гнусности и нечистыя злости расторгати и искореняти от душъ человѣческихъ и нечистыхъ и скверныхъ сущихъ очищати и просвѣщати, и ко Господу усвояти и

многимъ покояниемъ, и слезами, и самымъ Дияволомъ запрещати силою Святаго Духа по даной ему от Бога власти презвитерской, да ктому ни наступитъ, а ни дерзнетъ паки и осквернитъ покаявихся душъ человѣческихъ. Сие воистинно не токмо от достоверныхъ мужей слышахъ, но и очима видѣхъ и над самимъ собою искусивъ бывшее и приключившися мнѣ благодѣяние многое от его святыни, понеже исповѣдникъ мнѣ былъ и премногу зѣло любовь ко мнѣ имѣлъ. Такоже и азъ к нему, многогрѣшный, по силе моей любовию и службою простирался. О мужу налѣпши и накрѣпчайши, мнѣ превозлюбленѣйший и пренадсладчайши, отче мой и родителю духовный, кол ми люто и скорбно от зрѣния наичестнѣйшихъ сединъ твоихъ разлученну бывшу!

Что же таковы превосходны мужъ получилъ во отечестве своемъ неблагодарномъ от того лютого и безчеловѣчного царя? Той, нецы глаголютъ, аки бы воспомянул нѣчто о мнѣ ему, онъ же, глаголютъ, восклехъталъ, яко дивий вепрь, и воскрежеталъ неистово зубами своими и абие повелѣл таковаго святого мужа в реце утопити. И сице приялъ мученичества венецъ и получилъ второе крещение, егоже и Господь нашъ Иисусъ Христос по крещению Иоаннове возжелѣлъ, яко самъ рче: «Коль, рече, желаю чашу сию пити и крещениемъ сим крести*ти*сь!»[259] А нецы глаголютъ о скончанию его, приходящие ото оные земли, аки бы тихою и спокойною смертию о Господѣ почилъ онъ святы мужъ. Аз же истинне не мог достаточнее выведатися о смерти его, аще и со прилѣжаниемъ о томъ выведахся. Яко слышах от нѣкоторыхъ, тако и написахъ, въ странстве будучи и долгимъ растояниемъ отлученны и тунѣ отогнанъ ото оные земли любимаго отечества моего.

А еже тѣхъ по ряду не написахъ о нем, яко выше рекохъ, ово ко краткости истории зряще, ово здѣ живущихъ в грубыхъ и в духовныхъ отнють неискусныхъ, ктому и маловѣрныхъ ради человѣков. И аще Богъ поможетъ, и обрящемъ нѣкоторыхъ духовных мужей, желающих сего, тогда мало нѣчто воспомянем о предивных видѣниях его, и о пророчествияхъ, и о чюдесех нѣкоторыхъ, яко духовные духовным на ползу поведающе. Тѣлесные бо, яко рече апостолъ, не приемлютъ еже от Духа,[260] понеже не вмѣщаютъ, затворяюще волею утробы свои. Глупство видѣтся имъ, еже о духовныхъ глаголемое, понеже в телѣсныхъ вещахъ со прилѣжанием обращаются, а о духовныхъ не родятъ, паче же а ни разумѣти хотятъ.

И нынѣ, скончавающе и историю, новоизбиеныхъ мучеников да похвалимъ по силе нашей, елико можем. И кто бы, умъ здрав имѣюще, возбранял ихъ похвалити? Развие бы кто гнусного, и лениваго, и лютого, и неистоваго ума был! Речет кто негли: «Мученики, царей нечестивых не послушав, и идолом не послужили, и пред лютымии мучители единого Бога исповедали, и сего ради различные муки претерпѣли и смерти срогие[261] подъяли, радующеся за Христа Бога». Сие воистину и аз вем, но и тѣ новоизбиеные от лютаго и безчеловѣчного царя. Аще он Богу мнится и вѣровати и служити *в* Троице славиму, и крещениемъ просвещен былъ. Но Бога единого и Дияволи *вѣдятъ,* в Троице же славимого, и икономахи,[262] и други

мучители исповѣдали. Но такоже и тѣ множество мучеников, исповѣдников прелютыми мученьими получили за Христа. Бо былъ крещенъ и Фока-мучитель, и цесаремъ римскимъ и грецкимъ, но абаче, безъчеловѣчия его ради и мучитель нареченъ есть. Азъ же реку нѣчто поистиннѣ деръзостнѣйши: положил бы нѣкто два драконы ядовиитыхъ и видѣлъ ихъ единого внѣ, а другаго внутрь. Которого жъ бы удобнѣе было устрещися, внѣшнего или внутренняго? Кто прелъ, иже внѣшняго? Тако царие быша прежнии мучители и нечестивые идолослужители, болваномъ глухимъ и немымъ жертву приносящие и *боящесь* тѣхъ боговъ новых, ихъже не подобаше боятися — по реченому: «Убояшася страха, идѣже не бѣ страха»,[263] — и быша оные церкви Христовы явственыя и вниешние неприятелии. Но новый нашъ не внѣшной, но воистину внутренный драконъ, не болваномъ служити повелѣлъ, аки жертвы приносити имъ, но первие самъ самого Диявола волю исполнилъ, возненавидѣлъ уский и прискорбный путь, покаяниемъ ко спасению приводящъ, и потекъ с радостию по широкому и пространному пути, водящимъ в погибель. Яко и самымъ намъ многожды слышащимъ ото устъ его, егда уже былъ развратился, тогда во слухъ всемъ глаголал: «Едино, рече, пред себя взяти: или здѣшное, или тамошное», сиирѣчь или Христовъ прискорбный *путь,* или Сатанинъ широкий.

О безумный и окаяный! Забыл еси прежде тебя царей царствовавшихъ, и в Новомъ, и в Ветхомъ завете, паче же прародителѣй твоихъ, княжат рускихъ святыхъ, ходящихъ по Христову ускому пути, сирѣчь мѣрне и воздержне живущихъ, но абаче царствующихъ блаженнѣ, яко и ты самъ в покаянию был немало лѣтъ и добре царствовалъ. А нынѣ, егда развратился еси и прелстился от ласкателей, тогда таковые словеса отрыгнулъ еси, избравши себѣ пространны Антихристовъ путь, и отринул от себя всехъ предобрыхъ и разумныхъ мужей, и собравший войско дияволе, сиирѣчь похлебников, и отовсюды злодѣев, по всемъ согласующимъ злостем своим, нарицающесь церковником, погнал церковъ Божию. И яко погналъ! И коль страшно и прелюто, иже рещи и выписати невозможно! Яко напреди мало рѣхом, но абаче мало нѣчто и отчасти и о томъ гонению в предреченныхъ изъявлено.

Не нудил жертвы приности болваном, но Дияволом вкупѣ с собою согласовати повелѣвалъ. Трезвымъ во пиянстве погружатися нудилъ, от негоже все злые возрастают. Не Крону жрети и дѣти закалати, но атрекшися естества, сирѣчь отца и матери, и братии, резати человѣков по составом повелѣлъ, яко и Басманова Феодора принудилъ отца убити, и Никиту безумного Прозоровского — Василия, брата своего, и другихъ многихъ. Не пред А*ф*родитевым болваномъ блудотворения и нечистоты плодити, но на ятственнѣйшихъ своихъ скверныхъ пированиях прискверннѣйшие глаголы со восклицаниемъ и со вопиянием отрыгати, а что потом послѣдовали дѣлы, исполняемые скверности и нечистоты, сие совести ихъ пущую лучше вѣдати. Не в Бахусову[264] звезду поставленному болвану пиянствующе и бесчинствующе, ни празникъ его во едино время и в год сие творя, но весь целый вѣкъ свой, егда возненавидѣлъ воздержанное житие, тысячю кратъ горший, нежели и оные поганыи, Бахуса почитающе, пиянствующе и безчинъствующе, крови христианские на проклятыхъ пированияхъ проливающе, не

хотящихъ согласовати ему в таковыхъ. Яко единъ мужъ храбры посредии пиру обличилъ его предо всеми, емуже было наречение Молчанъ Митковъ: егда нудимъ былъ от него предречеными и оными великими, Дияволу обещанными чашами пити, тогда велѣгласно возопивша глаголютъ его и рекша: «О царю, воистину яко самъ пиешъ, такъ и насъ принуждаешъ окояны медъ, кровию смешанный братии нашихъ, правоверныхъ християнъ, пити!» Он же абие возгорѣвся гнѣвом великимъ, копьемъ, яже во проклятом жезлѣ своемъ носяще, абие рукою своею пробилъ его и вънѣ храмины лютымъ крѣмешником повелѣлъ изъвлещи его, едва дышуща, и добити. И сице исполнилъ помостъ полаты кровии посреди проклятого пиру. Едва ли сей муж не мученикъ воистину, свѣтлы и знамениты победоносецъ?

Християнский, речешь, царь? И еще православный, — отвещаю ти: християновъ губилъ и от православныхъ человѣков рожденыхъ и сосущихъ младенцовъ не пощадилъ! Обѣщалъ, рече, Христу на крещение отрекшеся Диявола и всех дѣлъ и всехъ ангелъ его? Реку ти паки: поправши заповеди Христа своего и отвергшися законаположения евангелского, егда не явствено обѣщался Дияволу и ангеломъ его, собравши воинъство полковъ дияволскихъ и учинившии над ними стратилаты окояных своихъ лоскателѣй, и ведый волю Царя Небесного, произвел дѣломъ всю волю Сатанинскую, показующе лютость неслыханную, никогдаже бывшую в Русии, над церковью живаго Бога? Не боится, а ни ужасается новыхъ богов? Глаголю ти: аще не боится новыхъ, но боится чаровъ, сирѣчь стараго и древняго Велиара, научившися и ведуще, и иже знамением честнаго креста всеужасие попирающе и изгоняется. Ктому не яко ли у мучителей древних различнаго орудия мученей, такоже и у нашего новаго: не скаврады ли и пещи, не бичевания ли жестокое и ногти острые, не клещи ли раждеженые, торгания ради тѣлесъ человѣческихъ, не игол ли за ногти биение и резание по составомъ, не претрения ли вервми наполы не токмо муж, но и женъ благородныхъ, и другие бѣсчисленые и неслыханные роды мукъ, на неповиных произведенные от него? Еще ли не мучитель прелютый?

О окоянныи и вселукавые пагубники отечества и телесоядцы, и кровопицы сродницъ своихъ и единоязычных! Поколь маете[265] бестудствовати и оправдати такова человѣкарастерзателя? О преблаженны и достохвальные святые мученники, новоизъбиенные от внутреннего змия! За добрую совесть вашу пострадастѣ. И мало здѣ претерпѣвше и очистившеся прехвалнымъ симъ крѣщением, чисти к пречистейшему Христу отоидосте мзъды трудовъ восприяти! Еда ли тѣ много не потрудишася? Еда ли тѣ не добрые страдаша? Не токмо християнъ убогихъ от варваров в землѣ своей оброняюще, но и царства кровопивственые бусурманские целые мужеством храбрости своея разориша и самими цари ихъ бѣзверными, и предѣлы разширяша царства христианского аже до Скапиского моря и окрѣстъ. И грады тамо христианские поставиша, и святые олтари воздвигоша, и многихъ неверныхъ к верѣ приведоша. И что возглаголю о разпространению границъ и на другие страны? Служащи царевии своему и общей вещии християнской вѣрне, и яковую мзду здѣ получиша и от того лютого и безчеловѣчного царя! Еда ли Христосъ не воздастъ им и не украситъ

венцы мученическими таковых, яже обѣщал и за чашу студеные воды отдати мзду? А сего ради, воистину, будут ездити или плавоти на облацех в стретение Господне в первом воскресению, яко рече Богослов во Апоколипсисе: «Блажен, рече, иже получить часть в первом воскресению»,[266] и Павел: «Яко бо о Адаме всѣ умираютъ, тако и о Христе всѣ оживутъ, кождо во своем чину. Начатокъ Христосъ»,[267] сирѣчь пострадавших: воскресе первый в нетлѣнномъ телеси, началник воскресению за него пострадавшихъ. «Потом Христу вѣровавшие во пришествие его», сирѣчь во второе, егда со ангелы явитца. «Потом кончина», сирѣчь антихристово убиение и общее всѣхъ воскресение. «Тогда, — рече Соломанъ, — станетъ во дерзновении мнозѣ праведникъ пред лицемъ мучителя», рекше очевисте, с мучавшимъ его, або со обидѣвшим. Тогда, глаголю, и тѣ послѣдние мученики со древними страстотерпцы и победоносцы встрѣтятъ Христа своего, посреди аера от превыспреннихъ небесъ грядущаго со всѣми ангелы своими на избавление ихъ. Они же от земли многими и великими полки, яко небопарный Павел глаголетъ, «восхищенныи будутъ на облацѣхъ во стрѣтение Господне на воздусѣхъ, и тако всегда з Господемъ будутъ».[268] Ихъ же и насъ да сподобитъ премногой благодати своей, а не по нашимъ дѣломъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, истинный Богъ, емуже слава со безначалнымъ Отцемъ и со пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1] *...женами ихъ... от иноплеменниковъ.* — Намек на вторую жену Ивана III, племянницу византийского императора Константина XI Софью Палеолог и жену Василия III, мать Ивана Грозного литвинку Елену Глинскую.

[2] *...Соломаниею...* — Первой женой Василия III, отца Ивана Грозного, была Соломония Юрьевна Сабурова, представительница крупного московского боярского рода. Она была пострижена по приказу Василия III в 1525 г. по причине бесплодия. Брак их длился 20, а не 26 лет, как утверждает Курбский.

[3] *...Васьян-постынник...* — Вассиан (в миру Василий) Патрикеев происходил из старого литовского княжеского рода. Его прадед, князь Патрикей Наримунтович, перешел на службу к Василию I в 1408 г. Василий Патрикеев попал в немилость к Ивану III, которому долго до этого служил, был обвинен в измене и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Курбский сравнивает его с Антонием Великим, основателем монашества.

[4] *...Семен, реченный Курбский...* — Семен Курбский был братом деда Андрея Курбского.

[5] *...Герберштейн...* — Барон Сигизмунд фон Герберштейн дважды (в 1517 г., когда был послом императора Максимилиана, и в 1526 г. —

послом императора Карла и эрцгерцога Фердинанда) посетил Москву, где вел переговоры с Василием III об установлении мира с Польшей. Его одно из подробнейших описание Московии под названием Rerum Moscoviticarum Commentarii появилось в Вене в 1549 г. Неизвестно, о каком миланском издании говорит Курбский, так как ни одно из изданий, которым он мог бы воспользоваться, не было напечатано в Милане (Медиолане). Любопытно, что Курбский называет Commentarii «Кроникой» — термин, который он многократно употребляет и для обозначения собственного сочинения.

[6] *На поле:* Той Герберштейн приходил два кратъ к Москве послом великим от славного цесаря християнского Карлуса о великихъ дѣлех, или паче постановляющий миръ вѣчный между царствы християнскими и вооружающий ихъ и подвизающе сопротив поганом. И аще муж был искусный в шляхетныхъ науках и дѣлехъ, но в варварских языцех (глубокихъ ради ихъ и жестоких обычаев) не возмогъ сего достохвалного дѣла до конца исправити.

[7] *...в злости презлыхъ осифляном...* — Любопытно, что Курбский здесь и в других местах однозначно определяет свое отношение к иосифлянству, считая, что влияние советов иосифлян и определяло политику, проводимую Иваном IV. Вместе с тем и в «Истории», и в других сочинениях Курбского заметны многочисленные следы влияния антиеретического сочинения главного идеолога иосифлянства — «Просветителя» Иосифа Волоцкого.

[8] *...Максимъ Философ...* — Максима Грека (ок. 1475—1566 гг.) Курбский не раз вспоминает в своих писаниях как учителя. Вероятно, антииосифлянские взгляды Курбского сложились не без влияния взглядов ученого грека, так же как и его взгляды на просвещение. Впрочем, единственная засвидетельствованная встреча обоих деятелей произошла весной 1553 г. в Троице-Сергиевом монастыре, когда Курбский сопровождал царя с семьей на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. Максим Грек, обвиненный иосифлянским руководством церкви в еретичестве, с 1551 по 1556 г. содержался в Троице-Сергиевом монастыре.

[9] *...яко рече Иоаннъ Златоустый во Словѣ о женѣ злой...* — Цитируемое здесь Слово о жене злой представляет собой начало беседы Иоанна Златоуста «На усекновение Иоанна Крестителя», которая входит в состав сборника переводов сочинений Златоуста, выполненных Курбским и объединенных им под названием Новый Маргарит (см. Предисловие к Новому Маргариту).

[10] *...«Мудрый... нещадно»...* — Ср. Притч. 12, 10.

[11] *Иван Бельский* — праправнук великого князя литовского Ольгерда, отца Ягайла, короля польского. В соответствии с данными официальных летописей был сослан в 1542 г. в Кирилло-Белозерский монастырь без ведома великого князя и без его же ведома казнен. В это время Ивану было 11, а не 17 лет, как утверждает Курбский.

[12] *...княжа именем Андрѣя Шуйского ... князя Иоанна Кубенского... Феодоръ и Василий Воронцовы... княжатъ рѣшских.* — Участники политической борьбы после смерти Василия III. Андрей Михайлович Шуйский был казнен в 1543 г., Иван Иванович Кубенский, Федор Семенович и Василий Михайлович Воронцовы — в 1546 г. Предки Воронцовых, согласно генеалогической легенде, происходили из Скандинавии. *Рѣшских* — имперских (от нем. Reich, пол. rzesza).

[13] *...возмущение великое всему народу...* — После опустошительного московского пожара летом 1547 г. Глинские, вызывавшие глубокое недовольство у населения, были обвинены в поджигательстве. Брат Елены Глинской, Юрий Васильевич, был отдан на расправу толпе. Князь Михаил Васильевич Глинский пытался бежать в Литву, но по дороге был схвачен и по настоянию бояр лишен титула конюшего.

[14] *...презвитеръ чином, именем Селивестръ... юноша... имянем Алексѣй Адашев...* — Придворный священник Сильвестр и государственный казначей боярин Алексей Адашев возглавили партию реформ, которыми был отмечен начальный период правления Ивана Грозного. Они стремились примирить противоположные устремления дворянства и крупной земельной аристократии. Они имели значительное влияние на молодого царя и стояли во главе правительства 50-х гг., названного Курбским «избранной радой». Курбский неоднократно оценивал «избранную раду» как идеальную государственную систему.

[15] *На поле:* и лютѣ.

[16] *«Царь... утвержены»; «Любяй... изчезнетъ».* — Ср. Притч. 25, 29.

[17] *На поле:* дума.

[18] *На поле:* Танаис по-римски, а по-роску Дон, яже Еуропу дѣлит со Асиею, яко космографии описуют в землемерителной книзѣ; Куала же исмаилтским языком глаголется, а словенским Медведица. *...и Куалы...* — Вероятно, тюркское название р. Медведицы, левого притока Дона. Берет свое начало недалеко от Саратова. Это название обращает на себя внимание в связи с названием реки «Каяла», упоминаемой в «Слове о полку Игореве».

[19] *Единова в лютую зиму...* — Имеется в виду первый, неудачный поход на Казань зимой 1547 г. После безуспешных попыток взять город русские войска отступили, но по приказу царя недалеко от места впадения р. Свияги в Волгу была выстроена крепость Свияжск, база русских войск в будущей Казанской кампании.

[20] *На поле:* О взятии казанском.

[21] *На поле:* истинно надѣяшеся.

[22] *На поле:* град великий каменный.

[23] *На поле:* заимствующе.

[24] *...черемиса горняя...* — Черемисой обычно называли представителей марийской народности. Горняя черемиса занимала пространство вдоль правого высокого берега Волги. Луговая черемиса обитала на восток и на север от Казани, на низком левом берегу.

[25] [2] *На поле:* напоевъ.

[26] *На поле:* полков.

[27] *На поле:* препортили.

[28] *...Казань-река... Булакъ-рѣчка... ѣзера, Кабана глаголемаго... езерка, реченнаго Поганога...* — Естественные водные преграды, входившие в оборонительную систему казанского кремля.

[29] *На поле:* башню.

[30] *На поле:* высокая.

[31] *На поле:* устроя.

[32] *На поле:* случися.

[33] *...царь Шигалей...* — Шах-Али, казанский хан и главнокомандующий казанскими войсками во время войны 1552 г.

[34] *На поле:* левентов.

[35] *...по Галицкой дороге...* — Дорога, ведущая на запад от Казани.

[36] *На поле:* с великим полком.

[37] *...карачи...* — Особо значительные княжеские роды в Казани. Русские летописи переводят это название как «слуги, князья казанских князей». Обычно существовало четыре рода карачиев, их представители были непременными членами правительства, во главе которого стоял царь.

[38] *На поле:* князь.

[39] *На поле:* полковые.

[40] *...ясакъ...* — В русском языке обычно употреблялось в значении «дань». Здесь употреблено в значении «сигнал».

[41] *...княжа Суждалского Александра... Горбатого...* — Александр Борисович Горбатый из рода князей суздальских принимал участие в первом казанском походе 1549 г. После падения Казани был назначен первым ее наместником.

[42] *На поле:* дешево.

[43] *...аспръ...* — Аспра*,* мелкая серебряная монета, бывшая в XVI в. в обращении на мусульманском Востоке, в Болгарии, Сербии. Была известна и в России.

[44] *На поле:* дождество.

[45] *На поле:* со службами.

[46] *На поле:* башню.

[47] *...в лѣтописной руской книзе...* — Имеется в виду, скорее всего, «Летописец начала царства» (1553—1555), посвященный событиям похода на Казань. Заканчивался описанием торжеств по поводу взятия Казани.

[48] *На поле:* к приступу.

[49] *...братъ мой родный...* — Роман Курбский, также прославившийся своим мужеством под Казанью.

[50] *...сеиты...* — Сеид — глава духовенства.

[51] *На поле:* на розговор.

[52] *На поле:* советником.

[53] *На поле:* мамичи, яже бывают питаеми единым сосцом с царскимъ отрочатемъ.

[54] *На поле:* Конецъ взятью Казанскому.

[55] *...шурьи своихъ...* — Братья царицы Анастасии Даниил и Никита Романовичи Юрьевы-Захарьины.

[56] *...Приѣхавъ же ... надѣялся.* — Этот отрывок в рукописи испорчен и не читается. Восстанавливается по изданию Кунцевича.

[57] *Сей не воздремлет... Исраиля.* — Пс. 120, 4.

[58] *У негоже ... свѣтлѣйше.* — Сирах. 23, 27.

[59] *На поле:* О епископе Васяне.

[60] *...презвитер Андрѣй Протопоповъ...* — Пресвитер кремлевского Благовещенского собора. Позже постригся и под именем Афанасий наследовал митрополичью кафедру после Макария.

[61] *Алексей Адашев* — Курбский называет его здесь ложничим, т. е. постельничим. Этот факт не подтверждается никакими другими

источниками. Известно только, что Адашев и Мстиславский были спальниками Ивана Грозного.

[62] *...реченнаго «на Песочне»...* — Никольский Песношский монастырь, основан в 1361 г. учеником Сергия Радонежского Мефодием. Назван по имени речки Песноши, левого притока Яхромы, на которой он расположен.

[63] *...мних от осифлянские оные лукавые четы...* — Епископ Коломенский Вассиан Топорков, соратник митрополита Даниила и советник Василия III. Был сторонником сильной монархической власти. Как далее будет видно, предостережения старца Вассиана в разговоре с царем касались не одной только знати, поскольку сразу же по возвращении царя из Кириллова последовали жестокие гонения на нестяжателей и на еретиков.

[64] *...Силвана преподобнаго...* — Ученик Максима Грека инок Силуан принимал участие в переводе и в исправлении церковных книг. Перевел, в частности, беседы Иоанна Златоуста на Евангелия от Иоанна и от Матфея, но не полностью. Непереведенными им оказались 45-я беседа на Евангелие от Матфея и беседы 22—23, 44—47 на Евангелие от Иоанна. Эти беседы перевел Курбский и включил их в свой сборник переводов из Иоанна Златоуста Новый Маргарит. (См. Предисловие к Новому Маргариту). Вместе с Максимом Греком Силуан был заключен в Иосифо-Волоколамский монастырь и позже казнен.

[65] *На поле:* лжещивание.

[66] *На поле:* слогию, или стих.

[67] *...Офорос...* — В христианской традиции обозначают Сатану. Ср. Апок. 12, 7—9; Исход. 14, 12—14; Лк. 10, 18.

[68] *...Ровоаму безумному...* — Ср. 2 Цар. 24; 3 Цар. 12. Здесь Курбский проводит параллель между внуком царя Давида Ровоамом, чье небрежение советами старших послужило источником многочисленных нестроений в государстве, и Иваном Грозным, которого он упрекает в отказе от традиционных форм правления совместно с боярской думой. Самовластие царя и возведение на высшие должности «ласкателей», стремящихся во всем угодить своеволию царя, представляются Курбскому источником всех бед.

[69] *Вчера от насъ, любимицы...* — Беседа Иоанна Златоуста «О святом и прехвальном Духу». Также была переведена Курбским и вошла в состав его Нового Маргарита как 30-я глава (л. 118 об. Вольфенбюттельского списка).

[70] *Обличили... нѣкоторые.* — Это 9-я похвала Иоанна Златоуста апостолу Павлу. Переведена Курбским и под названием «О подъятию обличеней и о обращению Павлове» включена в Новый Маргарит (л. 390 Вольфенбюттельского списка).

[71] *На поле:* Также зри о добром совѣте в Златоустаго толковании Втораго послания коринфскаго Павловых словес во нравоучении от бесѣды 18.

[72] *Дионисий Ареопагит* — Епископ афинский (I в. н. э.), которому традиция приписывает авторство значительного по объему корпуса философских сочинений, пользовавшегося огромным авторитетом в христианском средневековье. И Курбский, и Иван Грозный использовали этого автора для аргументации своих антагонистических взглядов, высказываемых ими в их полемической переписке. Здесь Курбский ссылается на сочинение «О небесной иерархии», гл. IV, 1.

[73] *...«Любяй... душу»...* — Ср. Притч. 15, 32.

[74] *На поле:* Зри сопротивнаго и надхненнаго от Сатаны повѣтреннаго совѣту, тысящу крат горша совѣта Ахитофелова, от негоже храбрый и непобѣдимый преодолѣтель страшных и ужасных гигантовѣ, богоотецѣ Давыдѣ вострепетал. Не царя юно и всего исраилтескаго войска боюся, но от совѣта лукаваго оного мужа ужасается, якъ писано въ Книгах царствѣ вторых. Но лучше бы тому прелукавому епископу таковѣ конец был. Но лучше Богъ вѣсть, еже попусти сему быти за грѣхи наша по неизреченным праведнымѣ судбамѣ своим.

[75] *На поле:* посѣклъ еси.

[76] *...сынъ ему... умре.* — Никоновская летопись сообщает, что сын Ивана умер в июне 1553 г. в Москве, после возвращения царя с богомолья.

[77] *...за Уржумъ и Мѣть-рѣку...* — Реки Уржумка и Мета в верховьях Камы.

[78] *И возратихомся...* — Экспедиция под началом Шереметева, Микулинского и самого Курбского была отправлена в сентябре 1553 г., а вернулась в Казань после успешного похода в марте 1554 г.

[79] *...«на Изюмъ-курганъ»...; ...«на Великий перевоз»...* — Изюм-Курган и Великий перевоз находятся недалеко от слияния Северного Донца с Осколом.

[80] *...хотяще... на земли...* — Ср. Исход. 5, 8.

[81] *На поле:* совѣт.

[82] *На поле:* Гистория о войнѣ Лифлянтской.

[83] *...премирие минуло...* — В 1503 г., после победы в войне с Литвой, Иван III заключил договор с союзником Литвы магистром фон Плеттенбергом, по которому тот обязался выплачивать дань. Условие это не выполнялось в течение пятидесяти лет, и после окончания действия договора Иван Грозный потребовал выплаты всех долгов в три года.

[84] *...посдалъ тогда насъ...* — Среди командующих войском, выступившим в поход в ноябре 1557 г., были Михаил Васильевич Глинский, Иван Васильевич Шереметев и сам Курбский.

[85] *...разрушили тое премирье...* — Первоначальный ход войны был благоприятным для русской армии, но по настоянию Адашева наступление было приостановлено, а ордену было предоставлено перемирие с мая по ноябрь 1559 г. В это же время правительство снарядило очередную экспедицию против крымских татар. Используя перемирие и то, что русские войска были отвлечены войной с татарами, магистр Кеттлер подписал договор с литовцами, и орден перешел под протекторат Литвы. Конфликт с Ливонией перерос, таким образом, в войну с Литвой и Польшей. Ливонские войска, значительно подкрепленные за время перемирия, нарушили это перемирие и нанесли поражение русским войскам в окрестностях Дерпта. Бои под Нарвой, о которых упоминает Курбский, происходили уже после этого поражения.

[86] *На поле:* Ругодивъ.

[87] *На поле:* германи (ругаяся пишетъ).

[88] *На поле:* Тогда маистръ былъ имянем Фурстембергъ, о том Стриковской, лист 769. *...Стриковской...* — Здесь Курбский ссылается на один из важнейших польских источников по истории XVI в., в том числе и Ливонской войны, «Хронику» Стрыйковского.

[89] *На поле:* Вильянского. *...антипата фелинскаго...* — Антипат — т. е. проконсул. В данном случае — правитель. Феллин — одна из наиболее укрепленных ливонских крепостей. Современное название Вильянди, город в Эстонии южнее Тарту.

[90] *На поле:* с Колывани.

[91] *Сѣчивомъ... Божие.* — Ср. Пс. 73, 5—7.

[92] *...яко при халдѣйской пещи...* — Имеется в виду библейская история из книги пророка Даниила о трех отроках, сохранивших веру отцов. По приказу царя Навуходоносора они были брошены в раскаленную печь, но остались невредимыми благодаря силе своей веры и заступничеству Бога. Ср. Дан. 3, 1—25.

[93] *На поле:* борцомъ.

[94] *На поле:* Юрьева.

[95] *На поле:* постоновляти.

[96] *...до кляштора... миля велика отъ мѣста...* — В рукописи испорчено, восстанавливается по изданию Кунцевича.

[97] *...по иговскому языку...* — Традиционно понималось как «их языку». Но латыши называют эстонцев igonni, отсюда «игонский», а затем «иговский».

[98] *На поле:* островѣ.

[99] *На поле:* О взятии Астаранскомъ и о полякахъ.

[100] *На поле:* постельничего.

[101] *«Болши... своя».* — Иоан. 15, 13.

[102] *...с Вишневецким Дмитромъ... з Даниломъ Адашевымъ...* — Князь Дмитрий Иванович Вишневецкий перешел в 1557 г. из Литвы на службу к русскому царю. Вместе с братом Алексея Адашева Даниилом отражал набеги татар на южные области русского государства.

[103] *На поле:* личины.

[104] *На поле:* бодры.

[105] *На поле:* воистину.

[106] *На поле:* басни.

[107] *...въ крайникахъ мужество их описуется...* — Волынский полк, которым предводительствовал князь Константин Константинович Острожский, действительно прославился своим мужеством, отражая набеги крымских татар на Волынь. Хроника, на которую ссылается Курбский, это, скорее всего, «Хроника» Стрыйковского, в которой описываются и эти события.

[108] *«Идѣже ... посреди ихъ».* — Ср. Матф. 18, 20.

[109] *На поле:* немецкие.

[110] *Бѣлый Камень* — нем. Weissenstein, город Пайде на севере Эстонии.

[111] *На поле:* недѣлю.

[112] *...власы... изочтени суть...* — Ср. Лк. 12, 7; Матф. 10, 30.

[113] *...Гупсалъ...* — Ныне г. Хаапсалу в Эстонии.

[114] *На поле:* слуга.

[115] *На поле:* старостъ.

[116] *На поле:* о началѣ лифлянтов.

[117] *На поле:* Егда же той Родис взя турецкий царь Сулиман, долго самъ в себѣ царствовавшу, и тогда тому родискому опату, сирѣчь архимандриту, дали паки вси царие западний островъ, глаголемый Малегу, сирѣчь Мелетий, егоже Лука въ плавании Пауловом въ «Дѣяниихъ» поминаетъ, в немже сотвориша грады тверды зѣло, яко и недавно войско от того же Сулимана посланное поразиша под нимъ и 2 пашей великихъ убили ковалери опатовы, помогающи ему кралеви гишпанскому и папе. *...въ «Дѣянияхъ» поминаетъ...* — Ср. Деян. 22, 15—17.

[118] *На поле:* церковной.

[119] *На поле:* воздержне.

[120] *...битву имѣхомъ...* — Имеется в виду Грюнвальдская битва в 1410 г., когда объединенные польские и литовские войска под предводительством короля Ягелло и великого князя Витовта разгромили войска ордена крестоносцев, который после этой битвы уже никогда не смог оправиться.

[121] *На поле:* брань.

[122] *...новаго лелсъморщалка...* — Прежний магистр (ландмаршал) ордена Фюрстенберг был замещен в 1559 г. Кеттлером. Год спустя Феллин был взят русскими.

[123] *...от Еранима Хоткевича...* — Иероним (Ян) Ходкевич, гетман Великого княжества Литовского, прославился как талантливый полководец.

[124] *На поле:* Начало злому.

[125] *На поле:* О Селиверстѣ и Олексие Адашеве.

[126] *...Сильвестра... и Алѣксея... Адашева...* — На Алексея Адашева, который командовал русской армией в Ливонии, была возложена вина за промедление в начале кампании. Назначив Адашева сначала управляющим Феллинским замком и тем самым отстранив его от общего руководства военными действиями в Ливонии, Иван IV затем перевел его в Юрьев в подчинение тамошнему воеводе. Его земельные владения были конфискованы. Сильвестр в это время пытался в Москве предотвратить отставку Адашева, но безуспешно, после чего объявил царю об уходе в Кириллов монастырь. Последовавшая за этим смерть царицы Анастасии 7 августа 1560 г. была использована противниками Сильвестра и Адашева для их полной дискредитации. Сильвестра перевели в Соловецкий монастырь на вечное заточение, а Адашев, оставаясь в Юрьеве, был взят под стражу. Там же он вскоре и умер.

[127] *«Идѣже... посредѣ ихъ».* — Ср. Матф. 18, 20.

[128] *На поле:* Зѣло достойно здѣ вкратце рещи римскую древнюю пословицу о презлом и прелукавом Котелине, реченную их языком, —

понеже такова царя нашего учинили ласкатели и таков стался, — сиирѣчь в рускую бѣседу рѣкше: вѣчный и вегдашний врагѣ или *неприятель приятелей своихъ. ...неприятель приятелей своихъ.* — В рукописи испорчено. Восстанавливается по изданию Кунцевича.

[129] *На поле:* в Юрьев.

[130] *На поле:* Зри здѣ Златоустомъ реченное исполнено, яко онъ нѣгдѣ глаголетъ, иже всѣ страсти и злости человѣческия житиемъ разрушаются, а ненависть и по смерти не угаснетъ; яко и на самаго Христа нашего от богоборных иудеов, вѣдущихъ волею лжесшивано по премногому лукавству их, учаше воинов лгати: «Рцыте, рече, яко нам спящим украдоша его ученицы» и прочее. И промчеся то слово между ими и доселѣ, такожде и между тѣми нечестивыми промчеся лгабство ихъ, аки бы муж святый и святою смертию отшедший сам себѣ ядь задалъ.

[131] *...во епистоли своей ко Инокентию...* — Это послание Иоанна Златоуста также было переведено Курбским и под названием «Епистолия Иоана Златаустаго ко Инокентию, епископу римскому» вошло как 96-я глава в состав Нового Маргарита (лл. 426—431 по Вольфенбюттельскому списку).

[132] *На поле:* осуждение.

[133] *На поле:* О началѣ пьянства.

[134] *На поле:* цѣломудрие.

[135] *...чюдовского Левки...* —Архимандрит кремлевского Чудова монастыря.

[136] *...яко Манасия...* — Ср. 2 Пар. 32.

[137] *На поле:* О побиени единокровных братии.

[138] *...царя Димитрия...* — На самом деле причины смерти сына Ивана III от первого брака, Ивана Ивановича, неясны. Трудно предположить, что сам Иван III был причастен к его смерти. Скорее всего, в этом деле была замешана его вторая жена, Софья Палеолог, поскольку врач, лечивший царевича, был прислан в Москву братом Софьи. Внук Ивана III, Дмитрий Иванович, провозглашенный в 1498 г. великим князем Московским, Владимирским и всея Руси, был в 1502 г. заточен в тюрьму, где семью годами позже умер или был убит.

[139] *А сего ради... исповедающеся.* — Ср. Матф. 23, 31—32.

[140] *«...сокрушати... своих».* — Пс. 67, 22.

[141] *«Озлобления... о немъ».* — Пс. 11, 6.

[142] *«Помыслил... твоя».* — Пс. 49, 21.

[143] *...«Новы Маргаритъ»...* — См. Предисловие к Новому Маргариту.

[144] *На поле:* О побиении княжеских родов.

[145] *На поле:* о Одашевѣ глаголетъ.

[146] *...но другъ... заповеди его.* — Ср. Пс. 118, 63.

[147] *...Иоанъ... Шишкинъ...* — Иван Шишкин-Ольгов в марте 1563 г. был обвинен в намерении перейти к польскому королю и арестован, а позже казнен.

[148] *...Данило... с сыном Тархомъ... Петръ Туровъ, и Федоръ, и Алексѣй, и Андрѣй Сатины...* — Родственники и близкие Алексея Адашева, которые были подвергнуты репрессиям в первую очередь.

[149] *Дмитрей Овчининъ* — князь Дмитрий Федорович Телепнев-Овчина-Оболенский был убит около 1564 г. Его отец, Федор Федорович, известный в свое время полководец, был взят в плен во время войны с Литвой при Елене Глинской. После заключения перемирия в 1537 г. вернулся в Москву и умер там, а не в Литве, как сообщает Курбский.

[150] *...Михайла... Репнинъ...* — Князь Михаил Репнин-Оболенский был убит вместе с Юрием Ивановичем Кашиным-Оболенским в январе 1564 г.

[151] *На поле:* в рожахъ.

[152] *На поле:* скурату або личину.

[153] *...князь Иоан... князь Дмитрей...* — Князь Иван Иванович Кашин и князь Дмитрий Андреевич Шевырев были обвинены в измене и казнены в феврале 1565 г.

[154] *...Дмитрия... Курлетева...* — Князь Дмитрий Иванович Курлетев-Оболенский также обвинен в измене и казнен в 1562 г.

[155] *...Петръ Оболенский, глаголеми Сребреный...* — Князь Петр Семенович Оболенский-Серебряный казнен в 1571 г.

[156] *...Александра Ерославово... Владимера Курлетова...* — Князь Александр Иванович Ярославов в последний раз упоминается источниками как живой в 1567 г. Князь Владимир Константинович Курлятев, занимая пост наместника захваченного русскими войсками Полоцка, был казнен, вероятно, в 1568 г. или немного позже. Оба происходили из князей Оболенских.

[157] *...княжа сусдолское Александръ... Петръ Ховринъ... и братъ его Михаилъ Петровичъ...* — Князь Александр Борисович Горбатый-Суздальский, его сын Петр, братья Петр и Михаил Петрович Ховрины-Головнины казнены вместе с Кашиным и Шевыревым в феврале 1565 г.

Предок Ховриных-Головниных Стефан Комнин был выходцем из Кафы, прибыл в Россию в 1399 г.

[158] *...единъ Андрѣй, княжа суздолское...* — Имеется в виду Андрей Юрьевич Боголюбский, великий князь Суздальский и Владимирский, второй сын Юрия Владимировича Долгорукого от половецкой княжны (род. ок. 1110 г. — убит в 1174 г.). Андрей Боголюбский возглавил объединение и возвышение северо-восточных русских земель, заложив таким образом основы будущей централизации русского государства.

[159] *На поле:* Хвалискаго.

[160] *На поле:* Тѣх же то былъ княжатъ суждальских сродичь Нижнаго Новаграда отчичь, славный богатырь в земляхъ руских, князь *Ян Тугой-Лукъ.* Аще бы о нем по ряду воспомянути, была бы цѣлая повѣсть рьцерства его. *...князь Ян Тугой-Лукъ...* — Князь Иван Тугой Лук упоминается среди князей суздальских.

[161] *...княжа Ряполовское Дмитрей...* — Князь Дмитрий Иванович Ряполовский, участник оппозиции, руководимой Челядниным-Федоровым. Казнен вместе с ним в сентябре 1568 г.

[162] *...княжата ростовские Сѣмен, Андрѣй и Василѣй...* — Князь Семен Васильевич Лобанов-Ростовский был одним из лидеров боярской оппозиции в 1553 г. После неудачного побега в Литву был казнен. К этой же оппозиции примыкал князь Андрей Иванович Катырев-Ростовский, казненный вместе с князем Семеном Васильевичем. Князь Василий Иванович Темкин-Ростовский был вначале членом опричного двора, но затем впал в немилость у царя и был казнен в 1571 г.

[163] *На поле:* мучителей.

[164] *...Петръ, глаголемы Щенятевъ...* — Князь Петр Михайлович Щенятев без ведома царя постригся в монахи, что послужило причиной царской немилости. Умер под пытками в 1566 г. Во время взятия Казани он вместе с Курбским возглавлял полк правой руки.

[165] *...братию его Петра, Иоана...* — Петр Андреевич и Иван Андреевич Куракины были родственниками Щенятева.

[166] *...Феодоръ Лвовъ... другого князя Феодора...* — Кто такие Федор Романович и Федор Львов ярославские — неизвестно.

[167] *...Иоанна Шаховского.* — Иван Шаховской был казнен, скорее всего, в январе 1563 г. в Невеле. Также происходил из рода князей ярославских.

[168] *...Василия и Александра, и Михаила княжат... Прозоровских, и Ушатыхъ нареченныхъ...* — Прозоровские и Ушатые происходили из рода князей ярославских. Василий Иванович, его брат Александр и двоюродный брат Михаил Федорович Прозоровские были казнены, вероятно, около 1567 г.

[169] *...Иоанна, княжа Пронское...* — Князь Иван Иванович Пронский-Турунтай, казнен ок. 1569 г.

[170] *...княжа Пронское Василий...* —Князь Василий Федорович Пронский-Рыбин выступил против политики Ивана IV на Земском соборе 1566 г. Казнен в конце этого же года.

[171] *...Владимера, стрыечного брата своего...* — Двоюродный брат царя князь Владимир Андреевич играл важную роль в политических интригах и дважды был кандидатом на престол в планах противников Ивана Грозного. Казнен в 1569 г.

[172] *...Михаилъ Воротынской и Микита, княжа Одоевской...* — Князь Михаил Иванович Воротынский одним из первых попал в опалу и был сослан в 1562 г. в Кирилло-Белозерский монастырь. Получив прощение, он был возвращен в Москву в 1565 г. и избран в Думу. Когда в 1572 г. войска крымского хана Девлет-Гирея под командованием мурзы Диве (Дивей-мирзы) вторглись в русские земли, он был назначен главнокомандующим русских войск и одержал решительную победу над татарами. Был обвинен в измене и казнен 12 июня 1573 г. Вместе с ним был казнен князь Никита Романович Одоевский, также участвовавший в походе против войск Девлет-Гирея, командуя полком правой руки. Оба они последние по времени жертвы репрессий царя, упоминаемые в «Истории».

[173] *На поле:* злые челюсти.

[174] *На поле:* и оплаканныя.

[175] *На поле:* Трогедиа есть игра плачевная, яже радостию починается и зѣло многими бѣдами и скорбми скончевается.

[176] *На поле:* провлекши сквозѣ перси его.

[177] ***...**ат Магмета-паши...* — Махмет-паша был великим визирем турецким в 1565—1579 гг. Его войска также участвовали в качестве подкрепления в походе Девлет-Гирея.

[178] *На поле:* вмѣняютъ.

[179] *«Да не убоишися... не под безнами».* — Ср. Исход. 20, 4—5.

[180] *«Кто отвержется... небесным».* — Матф. 10, 33.

[181] *«Яко твое... сила».* — Матф. 6, 13.

[182] *На поле:* Глава.

[183] *...Иоанна Петровича...* — Имеется в виду Иван Петрович Челяднин-Федоров, предводитель оппозиционной группировки, раскрытой в 1567 г. Точная дата его смерти неизвестна. Он был женат на вдове Ивана Осиповича Дорогобужского, погибшего в казанском

походе 1530 г. Курбский имеет в виду приемного сына Ивана Петровича Челяднина — Ивана Ивановича Дорогобужского.

[184] *О Иоанне Шереметѣве.* — Иван Васильевич Большой-Шереметев — один из выдающихся политических и военных деятелей 50-х гг. В 1564 г., подозреваемый в измене, был арестован, а затем пострижен в Кирилло-Белозерский монастырь. Казнен ок. 1573 г.

[185] *На поле:* сокровище.

[186] *Семенъ Яковлевичъ...* — О ком идет речь, неизвестно.

[187] *...именем Хозяинъ...* — Хозяин Юрьевич Тютин. Казнен по неизвестным причинам ок. 1568 г. Курбский называет его подскарбием. Подскарбием в Польше и в Великом княжестве Литовском назывались казначеи.

[188] *...Хаборовъ...* — Иван Иванович Хаборов, боярин и смоленский наместник, вероятно, ок. 1558 г. В 1573 г. он был еще жив, что видно из писем Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. По некоторым данным, он умер в 1581 г. Хронология Курбского таким образом и в данном случае несколько отлична от сведений других источников.

[189] *На поле:* уѣздѣхъ.

[190] *...Михаила Матвѣевича Лыкова...* — Казнен в 1571 г. по неизвестным причинам.

[191] *...Старого Сигизмунда...* — Король Сигизмунд I Старый, отец Сигизмунда II Августа, на службу к которому перешел Курбский.

[192] *...род Колычовых...* — Неясно, кого из представителей рода Колычевых Курбский имеет в виду. Известно, что после низложения митрополита Филиппа страшные гонения обрушились на его близких. Было казнено около десяти человек из рода Колычевых. См. также коммент. к Предисловию к Новому Маргариту.

[193] *Василей, глаголемы Разладинъ...* — Причина и дата смерти Василия Васильевича Квашнина неизвестны.

[194] *...Дмитрей, по нарѣчению Пушкин...* — Кто такой Дмитрий Пушкин, неизвестно.

[195] *...Крикъ Тыртовъ...* — Казнен в конце 1572-го — начале 1573 г.

[196] *...муж благоверны Андрей...* — Андрей Иванович Шеин, казнен ок. 1568 г.

[197] *...Дмитрей онъ...* — Дмитрий Васильевич Шеин был взят в плен во время Казанского похода Ивана III в 1514 г. и убит.

[198] *...Владимеръ...* — Владимир Васильевич Морозов попал в заключение ок. 1563 г. и казнен ок. 1568 г.

[199] *...Левъ...* — Лев Андреевич Салтыков присоединился к опричному двору между 1567 и 1570 гг. В 1571 г. был насильно пострижен в Троице-Сергиев монастырь и затем казнен.

[200] *...О Петрѣ Морозовѣ...* — В октябре 1580 г. Петр Васильевич Морозов еще упоминается другими источниками как живой. Вероятно, сведение о его смерти было помещено в «Истории» позже, о чем свидетельствуют и слова «ныне», «послѣди».

[201] *...Игнатей Заболоцки, Богданъ и Федоси...* — О их смерти ничего неизвестно.

[202] *...Василѣй и другия братния...* — В Синодике Ивана Грозного упоминается несколько Бутурлиных, в том числе Василий Андреевич и Дмитрий Андреевич. Неизвестно, их ли имел в виду Курбский.

[203] *...Иоаннъ Воронцовъ...* — В 1567 г. Иван Федорович Воронцов уже был опричником. Казнен в 1571 г. или немного позже.

[204] *...роду великих Сабуровых...* — Тимофей Иванович Сабуров, сын Ивана Юрьевича Сабурова, брата Соломонии Сабуровой.

[205] *...Андрѣй... и братъ его, Азарий...* — Андрей Федорович и Азарий Федорович Кашкаровы были казнены, вероятно, в 1566 г. Андрей Федорович помогал Тимофею Тетерину совершить побег в Литву, что, возможно, и послужило причиной его смерти.

[206] *...Василей и Григорей, глаголемы Тетерины...* — Вероятно, родственники бежавшего в Литву Тимофея Тетерина.

[207] *...Данила Чюлкова... Феодора Булгакова...* — Кто такие Даниил Чулков и Федор Булгаков, точно неизвестно.

[208] *...Федор Басманов, яже последи зарѣзалъ рукою своею отца своего Алексѣя...* — Семейство Басмановых играло значительную роль в опричнине. Когда произошло убийство Алексея Басманова его сыном Федором, одним из наиболее приближенных к царю опричников, неизвестно.

[209] *...Григорея Степанова...* — Григорий Степанович Сидоров еще упоминается как живой между 1563 и 1567 гг. В это время он нес службу в рязанских городах Пронске и Михайлове.

[210] *...Андрѣй Мещерски и князь Никита, брат его, и Григорей Иоановъ, сынъ Сидорова...* — Кто такие Андрей и Никита Мещерские, Григорий Иванович Сидоров, неизвестно.

[211] *...Андрѣй, по наречѣнию Аленкинъ...* — Сообщение Курбского о смерти князя Андрея Федоровича Аленкина не подтверждается другими источниками.

[212] *... Сабуровых... Сарыхозиныхъ...* — О родах Долгово-Сабуровых и Сарыхозиных известно очень немногое. Известен Марк Сарыхозин, бежавший с Курбским в Литву (см. Послание Курбского Марку Сарыхозину).

[213] *На поле:* области.

[214] *...Михаилъ Морозовъ...* — Михаил Яковлевич Морозов был казнен летом 1573 г. Скорее всего, «История» была дополнена сообщением о его смерти позже ее написания.

[215] *...рекше... землях сущих.* — В рукописи пропущено. Восстанавливается по изданию Кунцевича.

[216] *...Афонасия...* — Афанасий оставил митрополичью кафедру в мае 1566 г. и удалился в Чудов монастырь.

[217] *...благовременне... налѣжати...* — Ср. 2 Тим. 4, 2.

[218] *На поле:* на лжесловия.

[219] *На поле:* мучителемъ.

[220] *На поле:* змию превеликому.

[221] *На поле:* Яко святый Герасим аргументует или свидѣтелствуетъ о святой первомученицѣ Феклѣ тому подобно, иже ея ѣсть и медвѣди устыдѣшася и почиташа ее, чрез естество в кротость преложишися, и прочее.

[222] *На поле:* точена.

[223] *...глаголемомъ Слободе...* — Александровская Слобода, ныне г. Александровск под Москвой, центр опричнинного правления и резиденция Ивана Грозного после оставления им Москвы.

[224] *На поле:* не рукоположени.

[225] *На поле:* тунеядцы.

[226] *На поле:* шуты.

[227] *...Германъ...* — Герман Полев был архиепископом Казанским с марта 1564 по ноябрь 1567 г. Никаких сведений о том, что он был митрополитом, а затем убит, не сохранилось.

[228] *...Пимина.* — Во время похода на Новгород Иван Грозный обвинил новгородского архиепископа Пимена в предательстве и в подготовке

города к сдаче его полякам. Пимен был отправлен в Москву и умер в 1571 г. Здесь, как и в некоторых других случаях, когда речь идет о событиях, которые произошли после бегства Курбского в Литву, его информация бывает не всегда точной.

[229] *...Андрѣй, глаголѣмы Тулуповъ...* — Князь Андрей Васильевич Тулупов-Стародубский был казнен в Новгороде в 1570 г.

[230] *На поле:* пут водный.

[231] *...другаго архиепископа...* — Имеется в виду преемник Пимена Леонид. Разные источники дают противоречивые сведения о времени возведения его в сан и о его смерти.

[232] *...Корнили-игумен...* — Настоятель Псково-Печерского монастыря. Корнилий был послан жителями Пскова встречать Ивана Грозного на подступах к городу с просьбой не разорять его подобно Новгороду. Был казнен в феврале 1570 г. одновременно со старцем Вассианом Муромцевым.

[233] *...мнихъ... Васьян именемъ...* — Старец Псково-Печерского монастыря Вассиан Муромцев. Курбский познакомился с ним, вероятнее всего, в ходе Ливонской войны и состоял с ним в переписке (см. три Послания Курбского Вассиану Муромцеву).

[234] *На поле:* Како Христа, сѣдяща одесную Отца, здѣ мучима быти, глаголешь? Тако воистинну: егда *церковь* от мучителей гонимо бываетъ, тогда Христосъ, приемлющи сам терпѣти, исповѣдуется: «Сауле, рече, Сауле, почто мя гониши?»

[235] *На поле:* Разсмотряй здѣ прилѣжнѣе и читай златыми усты толкованы Пауловы словеси. К коринфом в Первомъ послании о том бѣсѣдуетъ, во нравоучении 33-м бесѣды пространнѣйше о *вложенномъ* в нас от Бога естественнаго закона любви соблюдении, яко к родителемъ и ближним сродником и ко южикомъ простиратися сродною любовию подобает. И тамо узришь, читателнику, и вѣру имѣшь не туне мя плачущи и рыдающи о семъ.

[236] *На поле:* В яковый ров человѣческий род Дияволъ вверже со своим таинникомъ, зри здѣ. Се маньяков или похлѣбников плоды полѣзны таковы.

[237] *...враговъ... благословляти...* — Ср. Матф. 5, 44; Лк. 6, 27.

[238] *...а ни небомъ... не клятись.* — Ср. Исход. 20, 7; Матф. 5, 34—36; Иак. 5, 12.

[239] *На поле:* на Студеномъ.

[240] *«Аще... талантов».* — Матф. 18, 23—25.

[241] *...прахъ... на него...* — Ср. Матф. 10, 14; Мр. 6, 11; Лк. 9, 5.

[242] *«Не убивай... еже хощешъ!»* — Ср. Деян. 16, 27.

[243] *«Удаляясь... его».* — Пс. 54, 8—9.

[244] *...яко Тимофей к Павлу...* — Ср. I Солун. 3, 6.

[245] *...Метофрастъ...* — Симеон Метафраст — византийский агиограф IX в., прославившийся своей работой по сбору и переработке житий святых. Курбский не раз вспоминает этого писателя в своих сочинениях и цитирует их в собственном переводе. Им был составлен сборник житий из выполненных им же переводов из Симеона Метафраста (см. Предисловие к Симеону Метафрасту).

[246] *...ребра северовы...* — Ср. Пс. 47, 3.

[247] *«Аще кто... не ястъ»...* — 2 Солун. 3, 10.

[248] *«Руце... со мною».* — Деян. 20, 34.

[249] *...бѣзверников ради...* — Ср. I Кор. 14, 22.

[250] *...Артеми премудры...* — См. Послание Курбского Марку Сарыхозину.

[251] *На поле:* хуление.

[252] *...восторгающе... плевелы...* — Ср. Мф. 13, 25.

[253] *На поле:* мучителей.

[254] *На поле:* лжещиваний.

[255] *...Феодоръ Ростиславичъ Смоленский...* — Родоначальник князей ярославских и смоленских, похоронен в Спасском монастыре в Ярославле.

[256] *На поле:* О вѣнчанию царском.

[257] *...противъпсаломъ...* — Искаженная форма слова «протопсалтис» — цер-ковная должность.

[258] *На поле:* Той святый Димитрий, яже князя Константина от многолѣтныхъ его веригъ свободилъ, имиже был связан по рукамъ и ногам, и иссохшие ему руцѣ прикосновением своим исцѣлилъ, яко и здѣ уже князь, ехал уже во свое отечество, зѣло святаго о семъ прославлялъ и почесть и любовь к нему велию имел даже до преставления своего.

[259] *«Коль... креститись!»* — Ср. Мф. 20, 22; Мр. 10, 39.

[260] *Тѣлесные... от Духа...* — Ср. Рим. 8, 5.

[261] *На поле:* жестокие.

[262] *На поле:* иконоборцы.

[263] *«Убояшася... страха».* — Ср. Пс. 8, 5.

[264] *На поле:* не в Дионисову.

[265] *На поле:* имѣете.

[266] *«Блажен... воскресению».* — Апок. 20, 6.

[267] *«Яко бо... Христосъ».* — Ср. Прем. 5, 1.

[268] *...«восхищенныи... будутъ».* — Ср. I Сол. 4, 17.

ПЕРЕВОД

ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ: ТО, ЧТО СЛЫШАЛИ МЫ ОТ ДОСТОВЕРНЫХ ЛЮДЕЙ, И ТО, ЧТО ВИДЕЛИ СОБСТВЕННЫМИ ГЛАЗАМИ. СОКРАЩЕННО ИЗЛАГАЯ, НАПИСАЛ Я ЭТО, КАК СУМЕЛ, ИЗ-ЗА НЕОТСТУПНОЙ НАСТОЙЧИВОСТИ МНОГИХ

Много раз многие умные люди спрашивали меня с большой настойчивостью, как это могло случиться с таким прежде добрым и знаменитым царем, который столько раз ради отечества пренебрегал своим здоровьем, сносил беды, бесчисленные страдания и тяжелый труд в военных предприятиях против врагов Христова креста и пользовался прежде у всех доброй славой. И каждый раз со вздохами и слезами я отмалчивался и не хотел отвечать. В конце концов постоянные расспросы принудили меня кое-что рассказать о том, что же все-таки произошло. И я отвечал им: «Если бы рассказывал я с самого начала и все подробно, много бы пришлось писать о том, как посеял дьявол скверные навыки в добром роде русских князей прежде всего с помощью их злых жен-колдуний. Так ведь было и с царями Израиля, особенно когда брали они жен из других племен». Впрочем, отложив все это, расскажу кое-что по существу дела.

Многие мудрецы говорят: «При хорошем начале хороший конец», точно так и напротив — зло оканчивается злом. В особенности это свойственно свободной природе человека восставать против Божеских заповедей своей свободной волей, злой и всему враждебной. Великий князь московский Василий и это прибавил ко многим скверным своим делам, враждебным Божеским заповедям. По краткости этой книги здесь не место описывать и перечислять их, но то, что необходимо упомянуть, изложим по возможности со всей краткостью.

Прожив с первой своей женой Соломонией двадцать шесть лет, он постриг ее в монашество, хотя она не помышляла об этом и не хотела этого, и заточил ее в самый дальний монастырь, находящийся за двести с лишним миль от Москвы, в Каргопольской земле. Итак, он распорядился ребро свое, то есть Богом данную святую и невинную жену, заключить в темницу, крайне тесную и наполненную мраком. А сам женился на Елене, дочери Глинского, хотя и препятствовали ему в

этом беззаконии многие святые и добродетельные не только монахи, но и сенаторы его. Один из них был пустынник Вассиан Патрикеев, по матери родственник великому князю, а по отцу внук литовского князя, который, оставя славу мира сего, поселился в пустыне и проводил свою жизнь в монашестве с такой строгостью и святостью, как некогда знаменитый Антоний Великий. И не сочтет пусть никто за дерзость сказать, что в усердии своем он был подобен Иоанну Крестителю, ведь и тот препятствовал в непозволительном браке царю, совершавшему беззакония. Тот попирал законы Моисея, а этот — Евангелия.

А из мирских сановников препятствовал великому князю Семен, по прозванию Курбский, из рода князей смоленских и ярославских. О нем и святой жизни его не только там, в Русской земле, знают, но когда был в Москве, слышал и Герберштейн, знаменитый муж и великий посол императора, и рассказал в своей «Хронике», которую написал на латыни в славном городе Милане.

А вышеназванный князь Василий, великий в основном гордыней и жестокостью, не только не послушался этих великих и знатных людей, но и блаженного Вассиана, своего родственника по крови, приказал схватить и заточить, так что святого человека, связанного, как преступника, отправил в ужасающую темницу — монастырь преступных иосифлян, подобных ему в своей преступности, и велел умертвить немедленной смертью. И они, скорые исполнители его жестокости и потворщики ему во всех его преступлениях, пожалуй, еще и соперники в этом, немедленно умертвили того. А других святых людей — одних подверг он пожизненному заключению (один из них философ Максим, о котором я расскажу позже), других велел убить, их имена я здесь опускаю. А князя Семена навсегда прогнал с глаз долой.

Тогда зачат был наш теперешний Иван, и через попрание закона и похоть родилась жестокость, как сказал об этом Иоанн Златоуст в Слове о злой жене, начало которого: «Когда стали нам теперь известны праведность Иоанна и жестокость Ирода, потряслись утробы, вострепетали сердца, померкло зрение, притупился ум, ослабел слух» и так далее. И если великие святые учители ужасались, описывая то, что творили мучители со святыми, как нам, грешным, нужно ужасаться, сообщая о такой трагедии! Но все преодолевает повиновение, в особенности ради постоянной вашей настойчивости или неотступности.

И то еще оказало помощь злому началу, что совсем маленьким, лет двух, остался он без отца. Через несколько лет и мать его умерла. Воспитывали его потом важные и гордые паны — бояре, на их языке, — соревнуясь друг с другом, льстя и угождая ему в его сластолюбии и похоти, — себе и детям своим на беду. А когда начал он подрастать, лет в двенадцать, — что раньше вытворял, все опущу, сообщу лишь это: начал сначала проливать кровь животных, швыряя их с большой высоты — с крылец или теремов, как они говорят, — вытворять также и многие другие негодные вещи, выявляя будущее свое немилосердное своеволие (как говорит Соломон: «Мудрый, дескать, жалеет души скотов своих, а глупый их бьет без пощады»), а воспитатели льстили ему, позволяли это, расхваливали его, на свою беду научая ребенка.

Когда же стало ему лет пятнадцать и больше, тогда начал он и людей бросать и, собрав вокруг себя толпы молодежи из детей и родственников названных сенаторов, стал разъезжать с ними на конях по улицам и площадям, скача повсюду и носясь неблагопристойно, бить и грабить простых людей, мужчин и женщин. Действительно, совершал он просто разбойничьи поступки, совершал другие преступления, о которых говорить не стоит, да и стыдно, а льстецы себе на беду все это расхваливали, говоря: «Вот это будет храбрый и мужественный царь!»

А когда исполнилось ему семнадцать лет, эти же надменные сенаторы один вперед другого стали науськивать его и использовать его для мести в своей вражде. Вначале убили они храбрейшего стратега, влиятельного человека благородного происхождения по имени князь Иван Бельский, который был из рода литовских князей и находился в родстве с польским королем Ягайлой. Был он не только мужествен, но и большого ума и имел неплохой опыт в Священном Писании.

Немного погодя он уже сам приказал убить другого благородного князя по имени Андрей Шуйский, из рода суздальских князей. Года через два после этого убил он трех благородных людей: одного близкого своего родственника, князя Ивана Кубенского, родившегося от сестры его отца и бывшего у его отца великим земским маршалом. Был он из рода князей смоленских и ярославских, очень умный и тихий человек пожилого уже возраста. Вместе с ним были убиты знатные Федор и Василий Воронцовы, происходившие из немцев, из рода имперских князей. Тогда же был убит Федор, по прозванию Невежа, шляхетный и богатый гражданин. А немного раньше, года на два, был удавлен пятнадцатилетний юноша, сын князя Богдана Трубецкого, по имени Михаил, из рода литовских князей. А после, помнится мне, в тот же год убиты были благородные князья: князь Иван Дорогобужский, из рода великих князей тверских, и Федор, единственный сын князя Ивана, по прозванию Овчины, из рода князей тарусских и оболенских, — как агнцы без вины зарезаны в самом младенчестве.

Но когда стал он потом превосходить меру в бесчисленных своих преступлениях, то Господь, смиряя его свирепость, послал на великий город Москву громадный пожар, так что с очевидностью проявил свой гнев, и если бы подробно писать, вышла бы целая повесть или книжка. А еще раньше, в годы его юности, с помощью многочисленных нашествий варваров — то крымского хана, то ногайских, то есть заволжских, татар, и в особенности и страшнее всего казанского царя, сильного и мощного мучителя христиан (который имел в своей власти шесть разных народов), — всеми ими устроил Господь несказанное кровопролитие и нашествие, так что на восемьдесят миль вокруг города Москвы все стало пусто. Вся Рязанская земля до самой Оки опустошена была перекопским, или крымским, ханом и ногаями, притом что внутри угождатели с молодым царем безжалостно опустошали и подвергали отечество бедствиям войны.

Но тогда, после упомянутого пожара, громадного и действительно очень страшного, о котором никто не усомнится сказать «очевидный Божий гнев», — что же было тогда? Было великое всенародное

возмущение, так что самому царю пришлось бежать из города со всем своим двором. В этом возмущении толпой был убит из дядьев его князь Юрий Глинский, а дом его разграблен. Другой же его дядя, князь Михаил Глинский, который был голова всему злу, убежал, а угождатели, бывшие с ним, разбежались. В то время чудесно как-то и следующим образом подал Бог руку помощи, чтобы отдохнула христианская земля. Тогда, именно тогда, говорю я, пришел к нему один человек в сане священника, именем Сильвестр, выходец из великого Новгорода, усмиряя его божественным Священным Писанием, сурово заклиная его грозным именем Бога и вдобавок открывая ему чудеса и как бы знаменья от Бога, — не знаю, истинные ли, или так, чтоб запугать, он сам все это придумал, имея в виду буйство Ивана и по-детски неистовый его характер. Ведь часто и отцы приказывают слугам выдуманными страхами отпугивать детей от чрезмерных игр с дурными сверстниками. Так и блаженный, я полагаю, прибавил немного благих козней, которыми задумал исцелить большое зло. Так поступают и врачи, по необходимости скобля и разрезая железом гниющую гангрену, то есть вплоть до здорового тела срезают вырастающее на ране дикое мясо. Подобное этому придумал, видимо, и блаженный этот, хитрец ради истины, так что случилось то, что душу великого князя он исцелил было и очистил от ран проказы, а развращенный нрав поправил, наставляя то так, то этак на верный путь.

А с ним вступил тогда в союз на пользу и общее благо один благородный юноша по имени Алексей Адашев. Царь в то время очень любил этого Алексея и находился с ним в согласии; был Алексей очень полезен всему государству и даже некоторыми чертами характера подобен ангелу. Если бы я все подробно рассказал о нем, людям невежественным и житейским это, пожалуй, показалось бы невероятным. Но если мы обратим внимание на то, что благодать Святого Духа не за наши дела, но по изобилию щедрот Христа нашего украшает тех, кто верен Новому завету, то покажется это не чудесно, а только уместно, ибо Творец всего даже кровь свою не пожалел пролить за нас. Оставив это, однако, вновь вернемся к начатому.

Что же полезного делают эти два человека для той действительно опустошенной и весьма сильно разрушенной земли? Преклони же слух свой и прилежно слушай! Вот что совершают, вот что делают — самое хорошее начинают: укрепляют царя! И какого царя? Юного, воспитанного без отца в скверных страстях и самоволии, крайне жестокого, напившегося уже всякой крови — не только животных, но и людей! Прежде всего из бывших уже с ним в согласии одних они отстраняют от него (тех, кто был особенно жесток), других обуздывают и удерживают страхом Бога живого. А что же они к этому прибавляют? С осторожностью наставляют в благочестии — в прилежных молитвах к Богу, в прилежном соблюдении постов и воздержании. Иерей этот заклинает и изгоняет от него упомянутых жесточайших зверей (то есть льстецов и угождателей, — нет ничего в царстве заразней, чем они), отделяет и отводит от него всю нечисть и скверну, насланную прежде Сатаной. Он также подвигает на это и призывает на помощь себе архиерея того великого города, а также всех добрых и праведных людей, почтенных священством. Они настраивают царя на покаяние, и,

очистив его внутренний сосуд, приводят, как положено, к Богу, и сподобляют принять святых непорочных тайн Христа нашего, и возводят его, прежде окаянного, на такую высоту, что многие соседние народы вынуждены удивляться его обращению и благочестию. А кроме того, вот что еще прибавляют они: собирают к нему советников, умных и совершенных людей, пребывающих в маститой старости, украшенных благочестием и страхом Божиим, иных же хотя и среднего возраста, но также весьма порядочных и отважных, притом что и те и другие вполне опытны в военных и гражданских вопросах. Они связывают советников с великим князем союзом и дружбой, так что без их совета ничего не предпринимать и не решать, вполне согласно с премудрым Соломоном, сказавшим: «Царь, дескать, хорошими советниками крепок, как город крепкими башнями». И еще он же сказал: «Любящий совет сохраняет жизнь, а нелюбящий его вконец гибнет». Ведь если бессловесные твари согласно своей природе руководствуются как должно чувствами, то все, кто наделен разумом, — советом и размышлением.

Назывались же тогда эти его советники избранной радой. Действительно, по делам и название им было, потому что все избранное и лучшее осуществляли они своими советами, то есть справедливый суд богатому и бедному, невзирая на лица, что служит к украшению царства, кроме того, умелых и храбрых людей они назначают воеводами против врага и ставят на стратегические должности над конницей и пехотой. И если кто проявит мужество в сражениях и омочит в крови врага руки, тот удостаивается наград как движимым, так и недвижимым имуществом. Согласно этому, самые опытные возводились на высшие ступени. А паразиты или тунеядцы, то есть прихлебатели или застольные дружки, которые живут фиглярством и шуточками, насмехаясь над пищей, не только не получали тогда наград, но изгонялись вместе со скоморохами и им подобными скверными и коварными людьми. Лишь только мужество и храбрость людей поощрялись различными пожалованиями или вознаграждениями, каждому по заслугам.

И тотчас с Божьей помощью превозмогло врагов войско христиан. И каких врагов? Великое и грозное измаильское племя, от которого трепетала некогда вселенная, не только трепетала, но и опустошалась! И не с одним царем воевали, но сразу с тремя великими и могучими царями, то есть с крымским, казанским и князьями ногайскими! С помощью и благодатью Христа, Бога нашего, как раз с той поры отражали набеги всех троих, во многих битвах разбивали, славными победами украшались, о которых, если писать подробно, недостанет этой краткой повести. Но если коротко сказать, за несколько лет владения христиан распространились не только на опустошенные русские земли, а гораздо дальше. Где прежде были в опустошенных русских областях татарские зимовья, построены крепости и города. Не только кони русских сынов напились из текущих по Азии рек — из Танаиса и Куалы и других, но и крепости там воздвиглись.

Видев эту несказанную, так скоро пришедшую щедрость Бога, сам царь исполнился усердием, сам и по собственному разумению начал вооружаться против врага и собирать многочисленные и храбрые

войска. Он уже не хотел наслаждаться покоем, жить, затворясь в прекрасных хоромах, как в обыкновении у теперешних царей на западе (прожигать целые ночи, сидя за картами и другими бесовскими измышлениями), но сам поднимался не раз, не щадя своего здоровья, на враждебного и злейшего своего противника — казанского царя. И хоть не взял он в одну суровую зиму этого столичного города, то есть крепости Казани, и отступил без всякого успеха, вовсе не впали в уныние душа его и храбрая его воинственность, притом что Бог поддержал его через советников. И, оценив положение города, через год или два распорядился он построить немедля на реке Свияге большую превосходную крепость, за четверть мили от Волги и миль за пять от великого города Казани, — вот как близко уже подошел!

В тот же год отправив по Волге большие стенобитные пушки, сам он хотел тотчас пойти сухим путем. Но тут пришло известие, что крымский хан идет на него с большими силами, препятствуя походу на Казань. И хотя для постройки крепости он послал прежде большое войско, да и при пушках множество воинов, но по этому случаю ненадолго отсрочил поход на Казань. И вот вроде как с большей частью войска пошел он против названного врага Христова и встал в одном месте на реке Оке, поджидая его для сражения. Другие же войска расположил он по другим городам, которые стоят по этой реке, и распорядился собирать сведения о крымском хане, поскольку еще не было известно, на какой город тот хотел пойти. И когда тот узнал, что против его ожидания великий князь в готовности со своим войском (он-то был вполне уверен, что великий князь отправился против Казани), то повернул назад и осадил большой укрепленный стенами город Тулу, милях в шестнадцати от города Коломны, где располагался с войском христианский царь, дожидаясь его. А нас и других послали тогда собирать сведения о крымском хане и защищать от набегов земли. Было тогда у нас тысяч пятнадцать войска. В тот же день мы переправились с великой осторожностью через большую реку Оку, двинулись скорым походом и прошли миль тридцать. К ночи мы расположились на одной речке вблизи от сторожевых разъездов крымского хана, мили за полторы от города Тулы, под которым находился сам хан. Татарские разъезды прискакали к хану и сообщили ему о множестве христианского войска, полагая, что сам великий князь пришел со всеми своими силами. И в ту же ночь татарский царь отошел от города в степь миль на восемь, переправившись через три реки. Он утопил несколько пушек и орудий, ядра, порох и верблюдов растерял и часть войска оставил в разъездах (ведь он расположился на три дня и лишь два дня стоял у города, а на третий отступил).

Встав рано утром, мы пошли к городу и расположились с войском там, где стояли его шатры. Треть или больше татарского войска осталась в разъездах, и вот они возвратились к городу, думая, что там стоит их царь. И когда они разглядели и сообразили про нас, то изготовились к битве с нами. Мы тотчас вступили в сражение, и бой затянулся часа на полтора. Потом нам, христианам, помог Бог против басурман, и столько мы их перебили, и так мало их осталось, что едва дошло до Орды известие об этом. В том бою я сам получил тяжелые телесные ранения и в голову и в другие части тела.

Когда вернулись мы со славной победой к нашему царю, позволил он дней восемь отдохнуть нашему усталому войску. Через восемь дней выступил он сам с войсками к Казани вначале на большой город, называемый Муром, что стоит уже на границе степи у казанских владений. А оттуда примерно месяц двигался степью он к той упомянутой новой крепости, построенной на Свияге, где ждали его войска с большими пушками и запасами, которые были доставлены по большой реке Волге. А нас он послал тогда с тринадцатью тысячами через Рязанскую и Мещерскую земли, где живет мордва. Пройдя дня за три через мордовские леса, вышли мы в открытую степь и шли правее великого князя в пяти днях конной езды от него. Таким образом, мы прикрывали его тем войском, что было у нас, от заволжских татар (ведь он боялся, чтобы не напали на него внезапно ногайские князья). С великим трудом, изголодавшись, недель через пять добрались мы до Суры, большой реки при устье речки Барыша, куда и он пришел в тот же день с главными войсками. В тот день с большим удовольствием и благодарностью наелись мы сухого хлеба, либо купив по дорогой цене, либо взяв взаймы у родственников, друзей и знакомых: дней на девять недостало нам хлеба. Но прокормил Господь Бог нас и войско наше и рыбами и другими зверьми, ведь в степных реках там много рыбы.

Когда переправились мы через реку Суру, стали встречать нас, как бы радуясь приходу царя, по пятьсот, по тысяче человек верхних черемисов — особый народ, называемый по-русски чувашами (поскольку в их земле построена была упомянутая крепость на Свияге). И от той реки шли мы с войском восемь дней степью и дубравами, кое-где и лесами, а населенных мест там очень мало, поскольку расположены они у них при больших крепостях и незаметны даже тем, кто проходит близко. И тут уж нам добыли и навезли, отъезжая в стороны и скупая, хлеб и скот, хотя и по высокой цене, но мы, измученные голодом, были и этому рады (и не вспоминай про мальвазию и изысканные напитки с конфектами, черемисский хлеб показался слаще добрых калачей!). Но приятнее и радостнее всего было то, что сражались мы за отечество православного христианства против врагов креста Христова да еще вместе со своим царем. И не пугала нас никакая нужда, когда соревновались мы друг с другом в славных подвигах, к тому же и сам Господь Бог помогал нам.

А когда приблизились мы к новопостроенной крепости, действительно превосходной, тогда выехали навстречу царю гетманы — и те, что прибыли с пушками, и крепостные — с немалым войском, ведя полки, построенные как следует, в порядке. С ними и тысяч пятнадцать конницы вышло навстречу, и великое множество пехоты, а сверх того, несколько батальонов варваров, только что признавших власть царя (волей или неволей, а признали), числом до четырех тысяч: их селения и деревни были вблизи этой крепости. И было там великое торжество по случаю прихода царя с большим войском, и по случаю упомянутой победы, которую одержали мы над крымским псом (ведь мы очень опасались, что он придет и поможет Казани), и по случаю постройки этой важной крепости. И к тому же прибыли мы туда поистине как к себе домой после долгого и крайне трудного пути, поскольку на больших галерах было доставлено по Волге из домов наших почти

каждому большое количество припасов. Приплыло также множество купцов с разной живностью и другими товарами, так что всего там было в достатке, чего душа желала (не ищи только купить там мерзости). И войска, отдохнув дня три, начали переправляться через великую Волгу-реку, и дня за два переправились все войска.

А на третий день двинулись мы в путь и четыре мили прошли дня за три, ибо немало там рек, которые впадают в Волгу, так что перебирались по мостам и гатям, а их казанцы попортили перед нами. На четвертый день вышли мы к крепости Казани на большие, просторные, гладкие и очень красивые луга и расположились там войском вдоль реки Волги. И тянутся те луга до города на милю с лишним, но стоят крепость и город не на Волге: река под ними названием Казань, по ней и город назван. Расположен он на большой горе, особенно если смотреть со стороны Волги, а с ногайской стороны, от реки Камы и так называемого Арского поля, к нему идешь по равнине. Отдохнув один день, выгрузили опять с кораблей пушки, которые прибыли прежде войска. На другой день рано после божественной службы поднялись войска со своим царем из стана и, развернув хоругви христианские, стройно и благочинно пошли полками к вражеской крепости. И казалось нам, что стоит крепость пустая, где нет людей, и даже ни один человеческий голос не раздался из нее, так что многие из неопытных радовались этому и говорили, что царь со своим воинством в страхе сбежал в леса от великого войска.

И вот подошли мы к городу Казани, который расположен на неприступном месте: восточнее его течет река Казань, а западнее — речка Булак, сильно заболоченная и непроходимая. Течет она у самого города и впадает у угловой вышки в реку Казань. А вытекает она из довольно большого озера по названию Кабан, это озеро с полверсты не доходит до города. А если перебраться через эту речку, неудобную для переправы, то между озером и городом со стороны Арского поля будет расположена гора, очень крутая и труднодоступная. И вокруг города от той реки и до озерка, по названию Поганое, что расположено у самой реки Казани, выкопан очень глубокий ров. А со стороны реки Казани гора так высока, что трудно охватить ее взглядом. На ней-то и находятся крепость и царский дворец и высокие каменные мечети, где положены их умершие цари. Помнится мне, что числом их пять.

И вот начали мы окружать этот басурманский город, и войску христианскому приказано было двигаться тремя группами через названную речку Булак. И вот, наведя мосты через нее, переправился вначале передний полк, который называют у них обычно ертаул, в составе его было около семи тысяч отборного войска с двумя полководцами, очень храбрыми юношами, — князем Юрием Пронским и князем Федором Львовым из рода князей Ярославских. Пришлось им с трудом взбираться прямо на эту гору, на Арское поле между городом и упомянутым озером Кабаном, примерно в двух полетах стрелы от крепостных ворот. А когда начал другой полк — большой — переходить по мостам через реку, царь казанский выпустил из города на первый упомянутый полк конницы около пяти тысяч, а пеших более десяти тысяч, конные татары с копьями, а пешие с луками. И тотчас ударили

татары в середину полка христиан на половине горы и рассекли его, прежде чем перестроились полководцы, которые с двумя с лишним тысячами взошли уже было на гору. И наши крепко сразились с ними, и бой был немалый. Тут же подоспели другие стратеги с нашими пешими ружейными стрелками, и дали отпор и конным и пешим басурманам, и гнали их, избивая, до самых крепостных ворот, а нескольких взяли живьем. В то же время при этом бое начали татары пушечный обстрел из крепости, как с высоких башен, так и с городских стен, ведя огонь по войску христиан, но благодаря Богу никакого опустошения не произвели.

И как раз в тот день обступили мы христианскими полками басурманский город и крепость и перекрыли со всех сторон пути и подходы к крепости: казанцы никак не могли передвигаться ни из крепости, ни в крепость. Потом стратеги, а по-русски полковые воеводы — передовой полк, который идет у них за ертаулом, вышел на Арское поле и другой полк, где был царь Шигалей, — и другие важные стратеги закрыли пути, ведущие к крепости с Ногайской стороны.

А мне тогда с одним моим товарищем поручено было руководить правым флангом, по-русски — правой рукой. Хоть и был я тогда в молодых летах — от рождения мне было года двадцать четыре — но по благодати Христа моего, вероятно, не случайно достиг я этой должности, а взошел на нее по ступеням воинской службы. В нашем полку было больше двенадцати тысяч, а пеших стрелков и казаков тысяч около шести. Нам было приказано перейти реку Казань. Воинство нашего полка растянулось вплоть до реки Казани, выше крепости по течению, а другой край был у моста на Галицкой дороге, у той же реки, ниже крепости по течению. Так что перекрыли мы дороги, ведущие в крепость со стороны луговых черемисов. Стоять нам пришлось на ровном месте, на лугу между большими болотами. И так как по отношению к нам крепость была расположена на высокой горе, приходилось нам хуже всех от пушечной стрельбы из крепости, а с тылу — от частых набегов черемисов из лесов. А другие полки встали между Булаком и Казанью по эту сторону Волги. Сам же царь с великим батальоном, или со множеством воинов, стал на возвышенном месте примерно за версту или несколько больше от крепости Казани по ходу своего следования от Волги. Таким вот образом окружили басурманский город и крепость.

А казанский царь закрылся в крепости с тридцатью тысячами отборного войска, со всеми духовными и светскими боярами и со своим двором. Другую половину войска он оставил вне крепости в лесах вместе с теми, кого прислал ему на помощь ногайский улуг-бек, а их было две тысячи и несколько сот человек. Через три дня начали мы копать вокруг города шанцы. Басурманы изо всех сил препятствовали этому стрельбой из крепости или вылазками с рукопашным боем. С обеих сторон гибло много людей, но все-таки больше басурман, чем христиан. В этом, прибавляя нашим храбрости, являлся христианам знак Божественного милосердия.

Когда хорошо и прочно устроили шанцы и стрелки со своими стратегами окопались в земле, считая, что находятся в безопасности от городского обстрела и вылазок, тогда подвезли поближе к городу и крепости большие и средние пушки и мортиры, из которых стреляют вверх. Насколько я помню, всего вокруг крепости и города поставлено было в шанцах полтораста пушек больших и средних, причем и самые малые были по полторы сажени в длину. Кроме того, было много полевых орудий около царских шатров. Когда начали мы бить со всех сторон по крепостным стенам, тотчас сбили тяжелый бой в крепости, то есть воспрепятствовали им вести огонь из тяжелых орудий по христианскому войску, не смогли только подавить мушкетный и ружейный огонь, который в христианском войске вызывал большие потери в людях и лошадях.

И вот еще какую другую хитрость придумал тогда против нас царь казанский. — Какую же? Прошу, расскажи мне. — А именно такую, только слушай внимательно, изнеженный воин! Ведь он заключил такое условие со своими, с тем войском, которое оставил в лесах вне крепости, и назначил им такой знак или, как говорят они, ясак: когда вынесут на высокую башню или на какое другое высокое место в крепости их громадное басурманское знамя и начнут им махать, тогда, — поясняю я, поскольку мы на себе испытали это, — ударят басурманы боевым порядком со всех сторон из лесов со всей мощью и быстротой по христианским полкам. А в это же время из крепости через все ворота делались вылазки на наши шанцы, при этом так крепко они и храбро сражались, что трудно поверить. И однажды сделали вылазку на шанцы, где стояли в укрытии тяжелые орудия, сами бояре с царским двором, а с ними около десяти тысяч войска, и в такой вступили жестокий и крепкий бой против христиан, что всех наших отогнали было далеко от пушек. Но с Божьей помощью подоспело дворянство муромского воеводства, поскольку стан его располагался где-то поблизости. Между русскими это дворянство отличается настоящими храбрыми и мужественными мужами, происходящими из древних русских родов. И тотчас они опрокинули бояр со всеми их силами, так что те принуждены были показать тыл, а они их секли, избивая, до самых городских ворот, и не столько посекли, сколько задавлено было из-за тесноты в воротах. Довольно много было захвачено живьем. В это же время делались вылазки и из других ворот, но без таких жестоких сражений.

И действительно, ежедневно в течение трех недель происходило это несчастье, так что зачастую не давали нам употребить крайне скудное наше питание. Но так помогал нам Бог, что с Божьей помощью храбро сражались мы с ними — пешие с пешими, выходящими из крепости, конные с конными, выезжающими из лесов, а вдобавок отворачивали мы от крепости тяжелые орудия, что с железными ядрами, и стреляли по басурманским полкам, которые производили набеги не из крепости, а из лесов. Хуже всего от этих набегов было тем христианским полкам, которые, как мы, стояли на Арском поле у Галицкой дороги со стороны луговых черемисов. А то наше войско, что стояло под крепостью за Булаком у Волги — там и царь наш стоял, — оставалось в покое от басурманских набегов, страдали они только от частых вылазок из

крепости, поскольку со своими пушками находились ближе всего к стенам крепости. А что бы рассказал я о том, какой урон наносили нам в людях и лошадях, когда ездили наши слуги добывать траву для лошадей, притом что командиры, охраняя их со своими отрядами, не всегда могли защитить их вследствие коварства басурман и стремительных, внезапных и быстрых их набегов? Действительно, если писать, не написать в подробностях, сколько их убито и ранено.

Царь казанский, убедившись, что уже как будто очень изнемогло христианское войско, в особенности то, что находилось в шанцах вблизи городских стен, — как от частых вылазок и набегов из лесов, так и от недостатка продовольствия (уж очень за дорого покупалась всякая пища, а войску, как мы уже сказали, из-за беспокойств не удавалось и сухого хлеба наесться), а кроме того, едва не всякую ночь пребывало без сна, охраняя пушки больше жизни и чести своей, — и вот, когда увидел, как я сказал, эти трудности нашего войска их царь, а также и басурманские военачальники за стенами города, тем сильнее и чаще стали совершать набеги извне и делать вылазки. А наш царь со всеми сенаторами и стратегами созвал совет и с Божьей помощью принял хорошее решение: распорядился разделить все войско на две части и примерно половину его оставить у крепости при пушках, порядочной части распорядился нести охрану своего благополучия при своих ставках, а тридцать тысяч конных упорядочил и распределил в полки по кавалерийскому уставу, поставив над каждым полком по два, а кое-где и по три храбрых стратега, отличившихся в героических предприятиях; наконец вывел тысяч пятнадцать пеших стрелков и казаков и также разделил их по стратегическому уставу на батальоны, поставив над всеми ними великим гетманом князя Александра Суздальского, по прозванию Горбатого, человека разумного, достойного и отличившегося в воинских предприятиях. Укрыв все христианское войско за горами, приказал он ожидать, когда басурманы выйдут, как обычно, из лесов, и тогда-то вступить с ними в сражение.

На другой день, часу в третьем, басурманские полки выехали из лесов на большое поле, называемое Арское, и вначале напали на командиров, которые несли охрану в полках и которым было отдано распоряжение, избегая схватки, отступать вплоть до шанцев. Те же, думая, что христиане отступили из страха, пустились за ними в погоню. И когда заперли их в обозах, начали кружить и гарцевать у шанцев, осыпая стрелами из луков, как проливным дождем. Тем временем в добром порядке медленно подходили другие пешие и конные полки, как будто собираясь принести христиан в жертву. И вот тогда, именно тогда, говорю я, вышел внезапно гетман с христианским войском, также в добром порядке и с осмотрительностью приблизился к полю боя. Увидев это, басурманы и рады бы назад к лесу, но это было невозможно, поскольку далеко уже отъехали они от него в поле, так что вольно или невольно приняли бой и крепко бились с первыми отрядами. Когда же подоспел большой полк, где был сам гетман, и приблизились пешие полки, отрезая их прежде всего от леса, тотчас тогда обратились они всеми полками в бегство. А христианское воинство преследовало их, избивая так, что трупы басурман лежали на полторы мили вокруг, а

сверх того, еще почти тысячу взяли живьем. Такую пресветлую победу одержали тогда с Божьей помощью христиане над басурманами.

Когда же привели пленников к нашему царю, распорядился он вывести их и привязать к кольям перед шанцами, чтобы просили и убеждали своих, пребывающих в крепости, сдать город Казань нашему царю. И наши убеждали их, объезжая и обещая от нашего царя жизнь и свободу как самим пленникам, так и находящимся в крепости. А те, выслушав не прерывая эти речи, тут же начали стрелять с крепостных стен не столько по нашим, сколько по своим, и говорили: «Лучше, дескать, видеть вашу гибель от нашей басурманской руки, чем быть вам зарубленными необрезанными гяурами!» В великой ярости изрыгали они и другие ругательства, так что, видя это, мы все удивлялись.

После этого дня через три велел наш царь пойти тому князю Александру Суздальскому с тем же войском на заставу, где басурманы соорудили было стены на горе между большими болотами, в двух примерно милях от города. Там опять после бегства собралось их много. Они намеревались делать оттуда вылазки, как из крепости, и снова нападать на христианское войско. Кроме того, упомянутому гетману был подчинен со своими полками другой гетман — великий воевода, по-русски — именем князь Семен Микулинский, из рода князей тверских, человек очень храбрый и искусный в героических делах. А приказ им дан такой: если поможет Бог проломить те стены, то пусть идут со всем войском до самой Арской крепости, которая находится от Казани в двенадцати больших милях. Когда пришли они к этим стенам, басурманы оказали сопротивление и стали упорно защищаться, отбиваясь в течение двух примерно часов. Потом с Божьей помощью одолели их наши как пушечной, так и ружейной стрельбой. Басурманы побежали, а наши преследовали их. И вот все великое войско вошло в эти стены, и оттуда прислали нашему царю вестника. Наше войско провело там одну ночь и нашло в басурманских шатрах и ставках неплохую добычу. Затем дня за два дошло оно до названной Арской крепости и обнаружило, что она стоит пустая: со страху разбежались из нее все — страха ради в самые дальние леса. И застряло оно там, в той земле, дней на десять, потому что в земле той большие поля, чрезвычайно изобильные и щедрые на всякий плод, там прекрасны также и поистине достойны удивления дворы их князей и вельмож. Села часты, а хлеба всякого такое там множество, что поистине невозможно рассказать и поверить — сравнить, пожалуй, со множеством небесных звезд! Бесчисленны также множества стад разного скота и ценной добычи, прежде всего живущих в той земле разных зверей: ведь обитают там ценная куница и белка и другие звери, годные на одежду и в еду. А чуть подальше — множество соболей и медов, не знаю, где бы было больше под солнцем! Через десять дней благополучно возвратились они к нам с бесчисленной добычей, захватив в плен множество басурманских женщин и детей. Они освободили также от многолетнего рабства множество своих, прежде захваченных басурманами. И была тогда в христианском стане большая радость, и воспели благодарственные молитвы к Богу. И по такой дешевке шла в нашем войске всякая живность, что корову покупали за десять московских денег, а большого вола за десять аспр.

Вскоре после возвращения этого войска, дня через четыре, собралось немало луговых черемисов, и ударили они с тылу по нашим станам у Галицкой дороги и отбили довольно много наших конских табунов. Но мы тотчас послали в погоню за ними трех командиров, а за ними для засады других со снаряженными разъездными полками. Нагнали мы их в трех или четырех милях, одних перебили, других взяли живьем.

Но если бы писал я подробно, что происходило каждый день у крепости, вышла бы о том целая книга. Коротко стоит вспомнить лишь о том, как они наводили на христианское войско чары и посылали великий потоп, а именно: вскоре после начала осады крепости, как станет всходить солнце, на наших глазах выходят на стены то пожилые мужчины, то старухи и начинают выкрикивать сатанинские слова, непристойно кружась и размахивая своими одеждами в сторону нашего войска. Тотчас тогда поднимается ветер и собираются облака, хотя бы и вполне ясно начинался день, и начинается такой дождь, что сухие места наполняются сыростью и обращаются в болота. И это было как раз над войском, а в стороне не было, — происходило это не только от естественных атмосферных явлений. И при виде этого посоветовали царю немедля послать в Москву за спасительным древом: он вделано в крест, который находится всегда при царском венце. И с Божьей помощью очень быстро съездили: водою до Нижнего Новгорода дня в три либо четыре на вятских, весьма быстроходных лодках, а от Новгорода до самой Москвы на скороходных подводах. Когда доставлен был честной крест, в который вделана частица спасительного древа, на коем Господь наш Иисус Христос пострадал плотию за людей, тогда иереи соборно с христианскими церемониями сотворили крестный ход и по церковному обычаю освятили им воду, так что силою животворящего креста эти языческие чары тотчас исчезли и с тех пор не объявлялись.

А тем временем недели за две или за три до взятия с помощью подкопа лишили их воды: подкопали под большую башню и под тайники, откуда они брали воду на всю крепость, поставили около двадцати больших бочек пороха и взорвали. Кроме того, за две недели тайно в полумиле от крепости сделали мы необыкновенно большую и высокую вышку, поставили ее за одну ночь у городского рва и втащили на нее артиллерии десять пушек и пятьдесят мушкетов. Очень большой урон и городу, и крепости наносили мы с нее каждый день: с этой башни до взятия крепости убито вооруженных басурман около десяти тысяч со всех сторон — и из пушек при вылазках их, считая женщин и детей. А как строили ее, каким образом устроены и другие стенобитные изобретения, — все это я опущу для краткости этой истории, ибо пространно описано это в русской летописной книге. Вспомним только кое-что о взятии крепости, сколько сможем вспомнить, и кратко опишем. Между прочим, подавал тогда Бог не только разум и дар храброго духа, но людям достойным и чистой совести некоторыми явлениями в ночных видениях сообщил о взятии басурманской крепости, поощряя к этому воинство и, как я думаю, отмщая за бесчисленное и многолетнее пролитие христианской крови, избавляя от многолетнего рабства еще находящихся там живых.

И вот, когда кончились семь недель осады крепости, еще днем наказано было нам дожидаться утренней зари прежде восхода солнца и приказано было готовиться к штурму со всех сторон и дан такой знак: когда взорвут стену порохом, который в подкопе, — ибо был уже сделан другой подкоп и под городскую стену заложено сорок восемь бочек пороху. Большая часть нашего войска была назначена к штурму, а треть или немного больше оставалась в поле прежде всего для охраны благополучия царя. Мы же, согласно распоряжению, приготовились рано, часа за два до зари. Ведь меня тогда послали к самым нижним воротам наступать с верхнего течения реки Казани, а со мною было двенадцать тысяч войска. Так и на всех четырех сторонах построили могучих и храбрых мужей, некоторых с большими постами. Но царь казанский и сенаторы его узнали об этом, и как мы против них, так и они против нас приготовились.

И перед самым восходом солнца, чуть только стало оно появляться, подкоп был взорван, тотчас со всех сторон устремилось христианское войско на город. Пусть каждый свидетельствует за себя, я же коротко расскажу правду о том, что видел сам и что делал. Я распределил мои двенадцать тысяч войска в подчинение стратегам, и пустились мы к крепостным стенам и к той большой башне, что стояла на горе у ворот. Когда были мы еще далековато от стен, не было ни одного выстрела ни стрелою, ни из ружья, а когда приблизились мы, тогда уже впервые со стен и башен открыли сильную стрельбу. Так густы были тогда стрелы, как частый дождь, а камней столь бесчисленное множество, что и воздуха не видно! Когда же с большими трудами и потерями пробились мы к стенам, начали тогда лить на нас кипящий вар и бросать целые бревна. Безусловно, помощь Божья помогла нам тем, что даровала храбрость, упорство и забвение смерти. И действительно, с сердечным рвением и радостью бились мы с басурманами за православное христианство и уже через полчаса стрелами и ружьями отбили их от амбразур. Кроме того, и пушки из-за наших шанцев помогали нам своим огнем: ведь те уже не прячась, как прежде, а открыто стояли на большой башне и на крепостных стенах, сражаясь с нами упорно, лицом к лицу, врукопашную. Мы бы сразу могли их разбить, но на штурм нас пошло много, а под крепостные стены пришло мало, некоторые вернулись, а многие лежали и притворялись убитыми и ранеными.

Но тут Бог помог нам. Мой родной брат первым взошел по лестнице на крепостную стену, а с ним другие храбрые воины. А иные, рубя и коля басурман, влезли в амбразуры большой башни, а из башни пробрались к большим крепостным воротам. Тотчас басурманы показали тыл и, оставив крепостные стены, побежали на большую гору к царскому двору: обнесенный большим забором меж каменных мечетей и домов, был он очень крепок. А мы — за ними к царскому двору, хоть и были утомлены доспехами и ранами, которые были уже на теле многих храбрых мужей. И очень мало осталось нас в сражении. А наше войско, бывшее там, вне крепости, как увидело, что мы уже в крепости, а татары все со стен побежали, ринулись в крепость, так что лежавшие под именем раненых вскочили, а притворявшиеся мертвыми воскресли. И не только они со всех сторон, но и кашевары из станов, и те, кто был у коней оставлен, и те, кто с товарами приехал, — все сбежались в

крепость не для бранного подвига, а за обильной добычей. И действительно, город был полон самой дорогой добычи — золота, серебра, драгоценных камней, кипел соболями и иным великим богатством. С нашей стороны татары, сколько могло их убежать, укрылись на царском дворе, а нижнюю часть города оставили. А с другой стороны, то есть с Арского поля, где был взорван подкоп, казанский царь со своим двором уступил примерно половину города и закрепился на Тезицком (по-нашему, купеческом) рве, упорно сражаясь с христианами. Ведь две части этого города расположены на горе, как на равнине, а третья часть, очень низменная, как в пропасти. А поперек, примерно на половину города от стены Булак и до самой нижней части города — довольно большой ров. Вообще же, город немалый, чуть меньше Вильны.

И помнится мне, что часа четыре или больше этой описываемой битвы ушло на захват стен со всех сторон и резню в крепости. А когда увидели басурманы, что мало осталось христианского войска, едва ли не все набросились на добычу — говорят, что многие по два и по три раза уходили в станы с добычей и возвращались снова, пока храбрые воины непрерывно сражались, — и когда увидели басурманы, что измучены уже храбрые воины, стали они упорно наступать, направляя удары против них. А когда увидели упомянутые корыстолюбцы, что, сражаясь с басурманами, наши вынужденно и шаг за шагом отступают, в такое тотчас ударились они бегство, что многие не нашли и ворот, и большинство вместе с добычей бросалось со стен, а иные побросали и добычу, крича: «Секут! Секут!» Но с Божьей благодатью не сокрушили татары храбрых сердцем. Хоть и было очень трудно на нашем краю от напора басурман — за время между нашим входом и выходом из крепости убито было в моем полку девяносто восемь храбрых мужей, не считая раненых, — но все же с Божьей благодатью выстояли мы на нашем краю против них недвижно. А на другом упомянутом краю наши продвинулись лишь чуть-чуть из-за весьма значительного, как мы говорили, напора неприятеля. Дали они о себе весть нашему царю и всем советникам, бывшим в тот час около него: ведь он сам видел бегство из города этих упомянутых беглецов, и не только лицом изменился, но и сердце у него сокрушилось при мысли, что все войско христианское басурманы изгнали уже из города. Мудрые и опытные его сенаторы, видя это, распорядились воздвигнуть большую христианскую хоругвь у городских ворот, называемых Царскими, и самого царя, взяв за узду коня его, — волей или неволей — у хоругви поставили: были ведь между теми сенаторами кое-какие мужи в возрасте наших отцов, состарившиеся в добрых делах и в военных предприятиях. И тотчас приказали они примерно половине большого царского полка, в котором было более двадцати тысяч отборных воинов, сойти с коней, то же приказали они не только детям своим и родственникам, но и самих их половина, сойдя с коней, устремилась в город на помощь усталым тем воинам.

И когда внезапно появилось в городе так много свежего войска, облаченного в сияющие доспехи, сразу начал отступать назад царь казанский со всем своим воинством, хотя оборонялись они упорно. А наши, наступая упорно и неотвратимо, рубились с ними. И когда

загнали их к мечетям, которые стоят у царского двора, вышли тут навстречу их абазы и сеиды и муллы с главным их епископом, а на их языке великим ансари или эмиром, по имени Кулшерифмулла, и бились с нашими так упорно, что погибли все до одного. А царь со всеми уцелевшими заперся на своем дворе и стал упорно обороняться, сопротивляясь еще часа полтора. Видя, однако, что им не спастись, свели они в одну сторону своих жен и детей в красивых и нарядных одеждах, около десяти тысяч, и поставили их в одном краю большого царского двора, о котором уже была речь, надеясь, что польстится христианское войско на их красоту и оставит им жизнь. Сами же татары со своим царем собрались в другом углу и задумали не даться живыми в руки, только бы царя сохранить живым. И устремились они от царского двора в нижнюю часть города к самым нижним воротам, где я у царского двора стоял против них. Со мною уже не оставалось и полутораста воинов, а их было еще около десяти тысяч, но в узких улицах мы упорно сопротивлялись им, отступая и отбиваясь. А главное наше войско сильно теснило их с горы, в особенности задние ряды татарского полка, рубя и убивая. А мы с Божьей помощью едва тогда вышли с большим трудом из городских ворот. С большой горы упорно наступали наши и давили их, мы же стояли на другой стороне, сражались в воротах и не выпускали татар из города. Два христианских полка подоспели уже к нам на помощь. И при сильном напоре с горы так стиснулись татары в тесноте, что трупы их легли вровень с высокой башней, что была над воротами, так что идущие следом и сзади всходили на крепостную стену и на башню прямо по своим. И когда ввели они своего царя на башню, стали кричать и просить немного времени, чтобы потолковать, мы же, несколько притихнув, выслушали их просьбу. И вот что они тут сказали: «Пока, дескать, стоял юрт (юртом по-турецки обычно называется самостоятельное царство) и главный город, где был царский престол, до тех пор стояли мы насмерть за царя и отечество. Но теперь отдаем вам царя живым, ведите его к своему царю, а остатком выйдем мы в широкое поле испить с вами смертную чашу». И отдали они нам своего царя с одним корачем, самым большим у них, и с двумя имильдешами. Басурманское имя царю было Идигер, а тому князю — Зениеш. Отдали нам живого царя и тотчас в нас — стрелами, а мы — в них. Не пошли они воротами против нас, а тут же двинулись со стены прямо через реку Казань и хотели пробиться напротив моего стана через шанцы теми амбразурами, где стояли шесть больших пушек.

И тотчас ударили мы по ним из всех этих пушек. А они снялись оттуда и спустились берегом реки Казани вниз налево, на расстояние трех полетов стрелы к краю наших шанцев, остановились там и стали скидывать доспехи и разуваться, чтобы реку перейти. Оставалось их еще в полку тысяч шесть или немного меньше. Увидели мы это, и хоть было нас мало, добыли коней, за рекой у своих станов, и, сев на коней своих, быстро помчались на них и перерезали путь, которым хотели они уйти. Мы настигли их, когда не перешли они еще реку, но набралось нас мало против них, чуть больше двухсот коней: ведь очень быстро все это произошло, а все войско, что было по эту сторону города, было при царе, а почти все остальное было уже в городе. И вот они, перейдя вброд реку (а в том месте мелка была, на их счастье, река), стали

строиться на самом берегу и облачаться в различные доспехи, уже готовые к битве; стрелы были почти у всякого и уже лежали на тетивах луков. И стали тут они уходить тихо от берега: построили чело немалое, за которым вместе двигались, густо столпившись и растянувшись, если прикинуть на глаз, на два больших полета стрелы. Смотрело с крепостной стены и с царского дворца бесчисленное множество христианского войска, а помощи нам оказать не могли из-за большой высоты и очень крутого берега.

Немного отпустили мы их от берега, еще и задний конец их не вышел из реки, и тогда ударили на них, собираясь разрезать и смешать построение их отрядов. Прошу я, пусть не подумают обо мне, что по безумию я сам себя хвалю! Истинную правду говорю я и не скрываю духа храбрости, данного и дарованного мне Богом; к тому же и конь у меня был очень резвый и добрый. Впереди всех врезался я в басурманский тот полк, и помню, что трижды во время сечи упирался во врагов мой конь, а в четвертый раз, тяжко раненный, повалился вместе со мною посреди них. И потом уже дальнейшего не помню из-за тяжелых ран. Очнулся я, видимо, скоро и увидел над собою двух слуг своих и двух каких-то воинов царских: стоят и плачут, и рыдают, как над мертвецом. Сам же я, вижу, лежу повержен, покрыт многими ранами, но жив, потому что был на мне праотеческий доспех очень прочный, но важнее, что благоволила ко мне благодать Христа моего, заповедавшего ангелам своим, чтоб охраняли меня, недостойного, на всех путях. Потом уже, позже, узнал я, что все эти благородные, которых собралось, было, сотни три и которые обещались и пошли, было, вместе со мною, чтоб напасть на врага, лишь потерлись слегка возле вражеского полка, а в бой не вступили. Потому вроде, что некоторых из передовых татары тяжело ранили, подпустив близко к себе, или, скорее, потому, что испугались глубины полка. Только возвратились они и, наезжая и топча, стали рубить с тылу басурманский полк. А чело полка беспрепятственно прошло широкий луг к большому болоту, где конным не пройти, а дальше, за болотом, большой лес.

Говорят, что после подоспел он, мой брат, о котором я говорил уже, что первым он взошел на крепостную стену. Вроде бы еще посреди луга застал он их и врезался в чело полка на всем скаку, отпустив конские поводья, так мужественно, так храбро, что и поверить трудно. Все говорили, что вроде как дважды проехал он посреди татар, рубя их и на коне крутясь посреди них. А когда в третий раз врезался он в них, помогал ему какой-то благородный воин, и вместе били они басурман. Все это видели со стен и удивлялись, а те, кто не знал о сдаче царя, думали, что то казанский царь между них ездит. Он был так изранен, что в ногах было по пяти стрел помимо других ран. Но благодатью Божьей жизнь его была сохранена, поскольку был на нем весьма крепкий доспех. И был он такого мужественного сердца, что когда изранили под ним коня так, что и двинуться тот не мог, увидел другого коня, шедшего в поводу у одного слуги царского брата, и выпросил его и, забыв, а вернее, пренебрегая жестокими ранами, снова нагнал басурманский полк и рубил его вместе с другими воинами до самого болота. Действительно, был у меня брат так храбр, мужествен, такого

доброго нрава, кроме того, так умен, что во всем христианском войске не было храбрее и лучше его. А если бы нашелся кто, Господи Боже, был бы точно таков! И любил я его особенно и поистине хотел бы душу за него положить и жизнью своей заплатить за его здоровье: ведь умер он потом, на другой год, как кажется, от тех жестоких ран. Вот конец краткого описания взятия великой басурманской крепости Казани.

А на третий день после славной этой победы вместо благодарности воеводам и всему своему воинству изрыгнул наш царь неблагодарность — разгневался на всех до одного и такое слово произнес: «Теперь, дескать, защитил меня Бог от вас!» Словно сказал: «Не мог я мучить вас, пока Казань стояла сама по себе, ведь очень нужны вы мне были, а теперь уж свобода мне проявить на вас свою злобу и жестокость». О, сатанинское слово, являющее роду человеческому несказанное зверство! О, переполнение меры кровопийства отцов! Среди благодарственных речей к всемогущему Богу: «Благодарю тебя, Господи, что защитил ныне нас от наших врагов!» — достойно, чтобы человек сказал от всего сердца такое же слово и нам, христианам. А Сатана, приняв как орудие скверный человеческий язык, прямо похвалялся со своим тайным соучастником, что погубит христианский род, как бы отмщая христианскому воинству, что с Божьей помощью мужеством и храбростью своими погубили его воинов, скверных измаильтян.

И вошел царь в совет об устройстве нововзятого города. И советовали ему все мудрые и разумные, чтобы со всем воинством пробыл там зиму до самой весны: ведь из Русской земли доставлено было галерами много запасов, да и в той земле было бесчисленное количество продовольствия. Тем самым царь вконец уничтожил бы басурманское воинство, покорил бы себе царство, усмирил бы навеки землю, ибо кроме татар в царстве том пять различных народов: мордва, чуваши, черемисы, вотяки, или арцы, пятый — башкиры; те башкиры живут в лесах в верховьях большой реки Камы, которая впадает в Волгу в двенадцати милях ниже Казани. Но не послушал он совета мудрых своих воевод, послушал совета шуринов своих, а они нашептывали ему в уши, чтобы спешил к своей царице, их сестре, и других льстецов с попами подослали к нему.

Постоял он неделю и, оставив часть войска в городе с необходимым числом пушек, сел на суда и поехал к Нижнему Новгороду, большому окраинному русскому городу, находящемуся в шестидесяти милях от Казани. Конницу нашу отправил он не по той хорошей дороге, по которой сам шел к Казани, а вдоль Волги, скверными тропами, идущими по большим горам, где живут чуваши, чем погубил тогда всех коней у своего войска: если у кого было сто или двести коней, едва ли дошло два или три. Вот он, первый совет угождателей! А когда приехал он в Нижний Новгород, побыл там три дня и распустил по домам все войско, сам же пустился на подводах за сто миль к главному своему городу Москве: родился у него тогда сын Дмитрий, которого он погубил по своему безумию, как я коротко расскажу об этом потом. А приехав в Москву, месяца через два или три заболел он очень тяжело лихорадкой,

так что никто уже не надеялся, что он выживет. Лишь через немалое время он стал потихоньку поправляться.

А когда поправился, задумал он ехать в монастырь, называемый Кириллов, за сто миль от Москвы, как дал обет сделать сразу по болезни своей. И после великого дня Воскресения Христова, на третьей или четвертой неделе поехал он вначале в монастырь живоначальной Троицы, называемый Сергиев, который расположен от Москвы в двадцати милях по большой дороге, ведущей к Ледовитому океану. В этот долгий путь он поехал не один, а со своей царицей и новорожденным дитятей. В Сергиеве монастыре пробыл он три дня, спал затворившись, потому что был не совсем еще здоров.

В монастыре том тогда обитал преподобный Максим, монах Ватопедского монастыря со святой горы Афона, родом грек, человек весьма мудрый, сведущ не только в риторике, но и искусный философ. Был он умащен летами почтенной старости и украшен в Боге терпеливостью исповедника. При отце царя много он пережил в долголетних и тяжких оковах, многолетнее заключение в самых скверных темницах, испытал и другие роды мучений по зависти гордого и жестокого митрополита Даниила и коварных монахов, называемых иосифлянами. Он же, царь, по совету некоторых сенаторов своих, объяснивших ему, что совершенно невинно страдает такой добродетельный человек, освободил его, было, из заключения. Начал тогда названный монах Максим советовать ему, чтобы не ехал в столь дальний путь, да еще с женой и новорожденным дитятей.

«Хоть, — сказал он, — дал бы обет ехать туда просить святого Кирилла о заступничестве перед Богом, но такие обеты не согласны с рассудком. И вот почему: когда добывал ты надменное и могучее басурманское царство, немало храбрых христианских воинов пало там от язычников, с которыми твердо боролись они за православие по Боге. Жены и дети погибших осиротели, матери нищенствуют и пребывают во многих скорбях и слезах. Будет гораздо лучше, — сказал он, — чтобы их ты наградил и устроил, собрав в свой царственный город и утешив в скорбях и бедах, чем исполнять неразумные обеты. А Бог, дескать, вездесущ, исполняет все и видит везде недремлющим своим оком, как сказал пророк: “Этот не задремлет, не уснет, охраняя Израиль”. А другой пророк сказал: “У него очи в семь раз светлее солнца”. Поэтому не только святого Кирилла душа, но души всех прежде бывших праведников, которые изображены на небесах и которые предстоят теперь Господнему престолу с очами духовными самого острого, особенно сверху, зрения (чем богатый в аду), молятся Христу о всех людях, живущих на земле, особенно о тех, кто раскаивается в грехах и по собственной воле отвращается от беззаконий своих к Богу, ведь Бог и святые его внимают молитвам нашим не по месту их творения, но по нашей доброй воле и по усмотрению. И если, — сказал он, — послушаешь меня, многие лета будешь благополучен с женою и младенцем».

Поучал он его и другими многими словами из своих добродетельных уст, поистине более сладкими, чем каплющий мед. А тот, как человек

надменный, упрямясь, твердил одно: «Ехать да ехать ко святому Кириллу». И те из монахов, кто возлюбил этот мир и богатства, льстили ему, разжигали и расхваливали намерение царя как богоугодный обет. Такие сребролюбивые монахи не ищут богоугодного, но советуют по духовному разуму, что обязаны были бы делать, находясь среди мирских людей, но со всяким старанием слушают то, что желательно царю и властям, то есть чем можно было бы заполучить для монастырей имения или большие богатства, чтобы жить в скверных сладострастиях, как свиньи обжираясь и, лучше не говорить, в нечистотах валяясь. Об остальном умолчим, чтоб не сказать чего-нибудь худшего и сквернейшего, а возвратимся к повествованию и продолжим про добрый тот совет.

Когда увидел праведный Максим, что царь пренебрег его советом и стремится к неуместной поездке, исполнился он пророческого духа и начал прорицать: «Если, — сказал, — не послушаешь меня, Богом советующего тебе, предашь забвению кровь мучеников, убитых за православие язычниками, пренебрежешь слезами сирот и вдов и поедешь из упрямства, знай тогда, что сын твой умрет и живым оттуда не вернется. Если же послушаешься и возвратишься, и сам здоров будешь, и сын твой». Слова эти он передал ему через нас четверых: первого его исповедника пресвитера Андрея Протопопова, второго — Ивана, князя Мстиславского, третьего — его постельничего Алексея Адашева, а четвертого — через меня. Услышав от святого эти слова, мы подробно передали ему. А он не обратил на них внимания и поехал оттуда до города по названию Дмитров, а оттуда до одного монастыря, прозванного «на Песочне», который стоит при реке Яхроме: там были приготовленные к плаванию суда.

Следи теперь внимательно за мной, что замышляет Дьявол, непримиримый наш враг, к чему приводит он несчастного человека, на что толкает его, как благочестие влагая в него лживый и противный разуму обет Богу! Как в цель стрелою выстрелил Дьявол царем в тот монастырь, где епископ был состарившийся в глубоких летах. Был он прежде монах из той иосифлянской коварной общины, первый приживальщик царева отца, вместе с надменным и окаянным митрополитом Даниилом оклеветал он многими наветами тех мужей, о которых уже была речь, и подверг их большим гонениям. Этот самый митрополит в несколько дней предал злой смерти в своем епископском доме ученика праведного Максима, Селивана, мужа искусного в обеих философиях — светской и духовной. Вскоре по смерти великого князя Василия не только по совету всех сенаторов, но и по желанию всего народа московского митрополита и этого коломенского епископа прогнали с престолов за их очевидные преступления.

А что же произошло дальше? Вот что поистине: что приходит царь в келью к этому старцу и, зная, что был он единомышленник отцу его, во всем согласен и на все готов, спрашивает его: «Как мне быть, чтобы хорошо царствовать, а больших и сильных держать в послушании?» А тот должен был сказать так: «Царю должно быть головой и любить мудрых советников своих как члены своего тела», а потом многими высказываниями из Священных Писаний должен был это обосновать и

научить христианского царя. Так должен был поступить тот, кто когда-то был епископом, к тому же и старик в преклонных годах. А что он сказал? Тотчас начал нашептывать ему на ухо по прежней привычной своей злобе, как и отцу его прежде лживые сикофантии нашептывал, и такую сказал речь: «Если хочешь ты быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника умнее себя, поскольку ты сам лучше всех. Через это будет крепка твоя власть, всех держать будешь в своих руках. Но если приблизишь тех, кто умнее тебя, поневоле будешь слушаться их». Вот как сплел сатанинский силлогизм! Тут же поцеловал ему руку царь и сказал: «Ну, хоть и отец был бы мой жив, не сказал бы мне столь полезного слова!»

Обрати внимание, как согласуется древний голос отца с новым голосом сына! Как известно, с самого начала отец, прежде бывший Люцифер, увидел, что он светел, что он силен и что Бог поставил его чиноначальником над многими полками ангелов, тогда сказал он себе, забыв, что сам есть творение: «Уничтожу землю и море, а престол свой поставлю над облаками неба и равен стану самому Превышнему!» Словно сказал: «И смогу противустать ему!» И тотчас упала заря, восходящая утром, и упала в самую преисподнюю: возгордился и не сберег своего сана, как написано: вместо Люцифера Сатаной назван, то есть отступником. Так и сын вещал голосом, подобным древнему этому отступнику; конечно, это он сам и сказал, только использовал уста престарелого старца: «Ты лучше всех, и не нужно тебе никого умного». Словно сказал: «Потому что равен ты Богу».

Поистине дьявольский голос, преисполненный всякой злобой, презрением и беспамятством! Забыл ты, епископ, что сказано в Книге вторых царств? Ведь сказано, что когда советовался Давид со своими сенаторами, собираясь вести перепись населения Израиля, все сенаторы советовали ему, чтобы не считал, поскольку умножил Господь, согласно своему обещанию Аврааму, население Израиля как морской песок. И сказано, что победило мнение царя, то есть не послушался он советников своих и велел считать население ради большей подати. Забыл ли ты, к чему привело неповиновение совету сенаторов и какое несчастье навел за это Бог? И если бы царь не поспешил с покаянием и обильными слезами, погиб бы весь Израиль! А помнишь ли, что принесли безрассудному Ровоаму гордыня и совет юных пренебречь советом старейших? И, оставив все другие бесчисленные места в Священном Писании, учащие этому, вложил ты вместо них в уши христианскому царю, очистившемуся покаянием, доносительное, законопреступное слово!

Точно так же поленился ты прочесть того, кто златыми устами говорит об этом в слове о Святом Духе, которому начало: «Вчера от нас, любимые», также и в другом слове, то есть в девятом, в последней похвале святому Павлу, начало которой: «Обличили нас некоторые из друзей», как хвалит он, называя совет, данный Богом, даром Духа. Вообще же, в этих словах рассуждает он о различных духовных дарованиях, а именно: называет духовным дарованием воскрешать мертвых, творить предивные чудеса, говорить различными языками, а также называет даром совета советовать полезное к выгоде царства и

приводит свидетельство об этом не какого-нибудь низкого человека, не безвестного кого, а самого славного Моисея, собеседника Богу, разделителя моря, истребителя фараонова бога и кочевников амаликян, совершителя предивных чудес, но не обладавшего даром совета, как написано: а принял, дескать, совет от постороннего, то есть от чужеземца, или от иностранца, от своего тестя, а Бог не только, дескать, одобрил совет Рагуила, тестя его, но в законы вписал, как подробнее можно видеть в названных словах Иоанна Златоуста.

А царь, хоть и служит к его чести царство, а не получил какого-нибудь от Бога дара, должен искать доброго и полезного совета не только у советников, но и у простых людей, потому что духовные дарования даются не по внешнему богатству, не по силе царства, но по душевной праведности, ибо не смотрит Бог на силу и гордость, но на правду сердца и так дары дает, то есть кто сколько примет в согласии с доброй волей. А ты, забыв все это, отрыгнул смрад вместо благоухания! И наконец, разве забыл ты или не знаешь, что все бессловесные одушевленные существа направляются или принуждаются природой, а управляются чувством, а словесные — и не только плотские люди, но и сами бесплотные силы, то есть святые ангелы, — управляются помыслом и рассудком, как пишут об этом Дионисий Ареопагит и другой великий учитель?

Да что перебирать собор древних благочестивых мужей! Нужно мимолетно вспомнить о том, кто живет еще там у всех на устах, то есть о деде этого царя, великом князе Иване, далеко раздвинувшем свои пределы. Но что удивительнее всего: великого царя ордынского, у которого был в рабстве, прогнал и юрт его разорил, и это не по своему кровопийству или любви к грабежам, — отнюдь нет! — но действительно благодаря совещаниям с мудрыми и мужественными сановниками. Говорят ведь, что он очень любил советы и не начинал ничего без глубокого и долгого совещания. А ты, как будто против всех их, не только названных древних святых, но и знаменитого вашего современника стал против, потому что все они в один голос говорят: «Кто любит совет, любит свою душу», а ты сказал: «Не держи советников умнее себя!»

О сын Диавола! Зачем рассек ты, так сказать, жилы человеческой природы и, восхотев разрушить и отнять всю крепость, всеял в сердце христианского царя эту безбожную искру, от которой во всей святой Русской земле загорелся столь жестокий пожар, что и говорить о нем словами невозможно? Ведь это жесточайшая несправедливость, какой не бывало никогда раньше в нашем народе, воплотилась в жизнь, приняв в тебе начало несчастиям, и далее мы кратко покажем плод жестоких твоих дел! Действительно, почти по прозванию твоему оказалось твое дело: прозвание тебе Топорков, но ты не топорком, то есть небольшим бердышом, а поистине большой и широкой — настоящей секирой благородных и славных мужей на Руси великой уничтожил. Кроме того, и множество воинов, и бесчисленное множество простых людей — всех их, вышеназванных, царь предал различной смерти, оказавшись после доброго покаяния своего только

от тебя, Вассиана Топоркова, на крайней жестокости заквашен. Но, оставив это, вернемся к нашему рассказу.

Христианский царь, напившись у православного епископа этого смертельного яда, отправился в путь свой рекой Яхромой до Волги, около десяти миль плыл Волгою до большой реки Шексны, а Шексною вверх до самого Белого озера, где стоят город и крепость. Но не доехали они до Кириллова монастыря, а плыли еще по Шексне-реке, когда, по пророчеству святого, умер его сын. Вот первая радость от молитв вышеназванного епископа! Вот полученная награда за неразумные и даже небогоугодные обеты! Приехал он к тому Кириллову монастырю в большой печали и тоске, а в Москву вернулся с пустыми руками и многими скорбями.

Кроме того, нужно вспомнить и о том — первый случай отвержения доброго совета, — как еще в Казани советовали ему сенаторы не уходить оттуда, пока не искоренит полностью из той земли басурманских владык, как мы уже прежде писали. И что же разрешает Бог, смиряя гордость его? Снова вооружаются против него оставшиеся казанские князья вместе с другими названными языческими народами и, выходя из больших лесов, стремительно нападают не только на крепость Казань, но совершают набеги и берут пленных в землях Мурома и Нижнего Новгорода. И так продолжалось лет шесть без перерыва после взятия города Казани, что нововыстроенные крепости в той земле, как и некоторые в земле Русской, оказывались в осаде. С его гетманом, важным человеком, имя которому было Борис Морозов, по прозванию Салтыков, затеяли они тогда битву, и рассыпались христианские полки пред язычниками, а сам гетман был захвачен. Держали его живым года два, а потом убили его: не хотели ни выкуп за него взять, ни в обмен за своих отдать. Много битв и сражений произошло за эти шесть лет, и так много за это время погибло христианского войска, беспрестанно сражаясь и воюя, что поверить трудно.

На шестой год царь наш собрал немалое войско, больше тридцати тысяч, и поставил над ними трех воевод: Ивана Шереметева, человека умного и дальновидного, смолоду опытного в героических предприятиях, названного уже князя Семена Микулинского и меня, а с нами немало стратегов, светлых, храбрых и родовитых мужей. Придя в Казань и дав небольшой отдых войску, мы пошли в те дальние пределы, где казанские князья с басурманским воинством и другими язычниками вели подготовку к войне. В их ополчении было больше пятнадцати тысяч. Они вступали в сражения с нами и нашими передними полками, так что сражались мы, как я помню, чуть не двадцать раз. И хоть было им удобно как знакомым со своей землей, а особенно упорно сражались те, кто приходил из лесов, везде с помощью Божьей бывали они разбиты от христиан. Кроме того, дал нам Бог против них хорошую погоду, потому что в ту зиму без северных ветров снега были очень глубоки, а потом мало их (врагов) осталось. Ведь преследовали мы их целый месяц, а передние полки наши гонялись за ними даже за Уржум и за реку Мет, за большие леса, а там даже до башкир, которые растянулись по реке Каме вверх по направлению к Сибири. А те из них,

что остались, покорились нам. И действительно, есть что написать поподробней о тех битвах с мусульманами, да оставим это для краткости: ведь тогда перебили мы больше десяти тысяч мусульманских воинов с их атаманами, тогда и знаменитых христианских кровопийц, Янчуру Измаильтянина и Алеку Черемисина, и других князей их немало мы побили. И с Божьей благодатью возвратились в свое отечество со светлой победой и богатой добычей. С тех пор стала Казанская земля смиряться и покоряться нашему царю.

А позже в тот год пришла к нашему царю весть, что крымский хан, переправившись со всеми своими силами через морские проливы, пошел войной на землю пятигорских черкасов. По этой причине послал наш царь на Перекоп тысяч тринадцать войска, над которым поставил гетманом Ивана Шереметева, а с ним и других стратегов. Пошли наши через великое поле дорогой, ведущей к Перекопу и называемой «на Изюм-курган». А у мусульманских царей издавна есть обычай — туда лук натянут, а туда стреляют, то есть пустят слух об одной стороне, что ее хотят завоевать, а пойдут на другую. Так что, возвратив войска из Черкасской земли, пошел крымский хан на Русь дорогой, называемой «на Великий перевоз», от нее до дороги на Изюм-курган день примерно езды конем, и не знали они о христианском войске. Иван как рассудительный человек имел с обеих сторон весьма прилежную охрану и разъезды на степных путях. Узнав, что хан идет на Русскую землю, он тотчас послал сообщение нашему царю в Москву, что идет на него враг с большой силой, а сам зашел ему с тыла, собираясь напасть на него тогда, когда распустит войско по Русской земле. Потом он узнал про обоз крымского хана и послал к нему примерно треть войска, а находился он от дороги, которой двигался Иван, на полдня пути в сторону. Известно, что у крымского хана обыкновение в пяти- или шестидневных переходах всегда оставлять на всякий случай половину коней своего войска.

А наши русские писари, которым великий князь очень верит и выбирает их не из дворянского рода, не из благородных, но больше из поповичей или из простонародья, а делает это из ненависти к своим вельможам, как будто по словам пророка, — «один хочет жить на земле», — так что же сделали эти писари? А вот что поистине: что следовало скрывать, то громогласно всем растолковали. «Вот, дескать, сгинет крымский хан со всей своей силой! Идет наш царь со множеством войска против него, а Иван Шереметев на плечах у него идет за спиной». И во все окраины написали, растолковывая это. А крымский хан, дойдя до самых русских пределов, не знал ни о чем, и так дал было Бог, что не мог нигде найти ни одного человека. И очень об этом он старался, разыскивая тут и там по сторонам языка. Наконец, к несчастью, нашел двух, и один из них, не вынеся пыток, все подробно рассказал, что написали наши мудрые писари. Говорят, что вначале он пришел в великий страх и растерянность со всеми своими и тотчас повернул на свою дорогу к Орде. Через два дня встретился он с нашим войском, да и то не со всем, потому что не вернулась еще та названная часть войска, которая была послана к обозу. Сошлись оба войска около полудня в среду, и битва продолжалась до самой ночи. И такую в первый день даровал было удачу Бог над басурманами, что было их убито множество, а войску

христианскому совсем мало ущерба нанесено. По чрезмерной отваге, однако, врезались некоторые из наших в басурманские полки, и один был убит, аристократического отца сын, а двое дворян захвачено живьем и приведены татарами к хану. И стал хан допрашивать их под угрозами и пытками. Один сказал ему лишь то, что достойно храброго и благородного воина, другой, малодушный, испугался пыток и рассказал все подробно, что, дескать, мало войска, и более того, — что четвертая часть послана к обозу.

Татарский хан хотел было в ту ночь отступить и уйти в Орду, потому что очень опасался христианского войска в тылу с самим великим князем, но этот упомянутый малодушный воин очень обнадежил его, и поэтому он задержался. Наутро при рассвете в четверг снова началась битва и продолжалась до полудня. Так стойко и мужественно бились тем малым числом, что разогнали было все татарские полки. Один хан еще держался с янычарами (было их с ним около тысячи с ружьями, и пушек немало). И в то время, по грехам нашим, тяжело был ранен сам гетман христианского войска, к тому же и коня подстрелили под ним, и тот, как часто бывает с ранеными лошадьми, еще и сбросил его с себя. Несколько храбрых воинов спасло его, едва жива и полумертва. Увидели татары своего хана с янычарами при пушках и повернули назад, а у наших уже без гетмана порядок сломался: хоть были и другие военачальники, но не так храбры и толковы. Тянулась потом битва еще почти два часа, но, как говорится в пословице: «Без доброго пастуха и стая львов не помощь». Рассеяли татары большую часть христианского войска, многих убили, немало храбрых воинов взято живьем, а другая часть — тысячи две или больше — отбились в каком-то буераке. Трижды в тот день со всем своим войском нападал на них хан, добираясь до них, но отбились они от него, и перед заходом солнца отступил он с большими потерями. Он устремился в Орду, потому что боялся в тылу у себя нашего войска. И прибыли все те — и стратеги и воины — благополучно к нашему царю.

Еще не зная о поражении своих, скоро и без малейших задержек двигался наш царь вслед за крымским ханом, так что когда прибыл из Москвы на реку Оку, не задержался там, где издавна было в обыкновении останавливаться христианскому войску при походах против татарских ханов, но переправился он через Оку, большую реку, и пошел дальше к городу Туле: хотел он вступить в большое сражение с крымским ханом. Покрыл он уже полпути от Оки до Тулы, и пришло к нему известие о поражении христианского войска от крымского хана, потом, примерно через час, стали попадаться наши раненые воины. У нашего царя и многих советников тотчас изменился замысел. Начали все заново и советовали ему, чтобы он шел, дескать, за Оку, а потом к Москве, притом что кое-кто из самых мужественных вселял в царя твердость, говоря, чтобы не обращался к врагу тылом, чтобы не позорил прежнюю добрую славу свою и храбрых людей своих, чтобы мужественно шел против врага креста Христова. Говорили они также: «Хотя и выиграл он за христианские грехи битву, но теперь у него утомленное войско, много убитых и раненых: ведь два дня длилось упорное сражение с нашими». Подавая ему такой добрый и полезный совет, они еще не знали того, что хан направился к Орде, но каждый

час ждали его появления. И тотчас наш царь послушался совета храбрых и отверг совет робких: пошел он к городу Туле, намереваясь сразиться с басурманами за православное христианство. Вот таков был наш царь, пока любил, чтобы его окружали добрые и советующие истину, а не порочные льстецы, хуже и погибельней которых в царстве ничего быть не может! А когда прибыл он в Тулу, собралось к нему немало рассеянного воинства, и те, упомянутые, которые отбились от хана, со своими стратегами приехали, тысячи две их, и сообщили, что уже третий день как хан направился к Орде.

И снова потом, как бы раскаявшись, несколько лет справедливо царствовал великий князь, видимо, испугался наказаний от Бога то крымским ханом, то казанским мятежом, о чем я только что рассказал. Ведь говорят же, что от этих казанцев христианское воинство совсем было изнемогло и пришло к разорению, так что у большинства из нас не стало и последнего имущества. Кроме того, случались там различные болезни и частые моры, так что многие уже с рыданиями советовали ему, чтобы бросил он крепость и город Казань и вызвал оттуда христианское войско. Исходила эта мысль от богатых и ленивых как монахов, так и мирян, как в пословице говорится: «Вот что добро: кому родить, тому и младенца кормить», то есть печься о нем, иначе говоря: кто много потрудился в каком деле, тот пусть и заботится и советует о нем.

А тут луговые черемисы, не прекращавшие стычек и войн с христианами, взяли было себе хана из Ногайской орды. Эти черемисы довольно многочисленны и очень кровожадны, говорят, что собирают они войска более двадцати тысяч. Но потом они увидели, что мало толку им от этого царя, убили его и бывших с ним татар человек триста, отрубили ему голову, воткнули на высокий кол и сказали: «Взяли мы тебя с двором твоим на царство, чтобы защищал ты нас; ты же со своими больше быков и коров поел, чем пользы принес. Так пусть теперь на высоком колу царствует твоя голова!» Избрали они потом себе атаманов из своих и с нами упорно сражались да воевали года два, а после то снова примирятся, то снова войну начнут. Впрочем, имея в виду краткость этой истории, оставим другие события тех лет и вспомним лишь об одном.

В те годы окончилось перемирие с Лифляндией, и оттуда приехали послы просить мира. Но наш царь стал вспоминать о дани, о которой упоминал еще его дед в привилегии и которая не была плачена уже пятьдесят лет. А поскольку немцы не хотели платить эту дань, началась война. Отправил тогда царь нас, трех главных военачальников, а с нами других стратегов с войском более сорока тысяч, разорять их землю, не беря городов и крепостей. Целый месяц ходили мы по ней, и нигде не дали они нам сражения. Из одной только крепости вышли против наших разъездов и тут же были разбиты. Прошли мы по их земле, разоряя ее, больше сорока миль. Вошли мы в Лифляндию из большого города Пскова и, обойдя вокруг, благополучно вышли из нее у Ивангорода. Вывезли мы с собою множество разной добычи, потому что страна там была очень богатая, а жители ее впали в такую гордыню, что отступили от христианской веры, от обычаев и добрых дел своих

предков, от всего удалились и ринулись все на широкий и просторный путь, то есть в обильное пьянство и невоздержанность, долгий сон и лень, несправедливости и междоусобное кровопролитие, как обыкновенно и бывает, что скверные догматы приводят к совершению таких же дел. Вот из-за этого, думаю я, и не дал им Бог покоя и пожизненного владения вотчинами.

А потом они выпросили себе на полгода перемирия, чтобы иметь время поразмыслить об упомянутой дани, но, выпросивши, сами не сохранили его и двух месяцев. И вот как нарушили они это перемирие: всем известно, что немецкий город по названию Нарва и русский Ивангород стоят на одной реке, и обе крепости, и оба города довольно большие, особенно же многочисленно население русского города. Так вот, в тот самый день, когда Господь наш Иисус Христос пострадал плотию за род человеческий, в тот день, когда, уподобляясь ему, по мере сил каждый христианин терпит подобные ему страсти, пребывая в посте и воздержании, — в тот день их милость немцы, могущественные и гордые, придумавшие сами себе новое имя, назвавшись евангелистами, — еще с утра напившись и нажравшись, начали против всякого чаяния стрелять из больших пушек по русскому городу. Много побили они христиан с женами и детьми и пролили крови христианской в эти великие и святые дни: они, находясь в перемирии, подтвержденном клятвами, стреляли без перерыва три дня, не унялись даже в день Воскресения Христова. Но ивангородский воевода не решался нарушить перемирия без ведома царя и немедля послал в Москву сообщение. Вошел царь в совет с этим и после совета остановился на том, что приказал защищаться и стрелять из пушек по немецкому городу, раз уж сами они начали и принудили к тому. А было уже немало отправлено туда из Москвы больших пушек, вдобавок послал царь полководцев и приказал собраться к ним ратникам двух новгородских пятин. И когда установили наши большие пушки по местам и начали бить по крепости и по зданиям, а также обстреливать большими каменными ядрами из пушек верхнего боя, то непривычные к этому и много лет жившие в мире немцы тотчас отбросили гордость и стали просить перемирия, желая взять себе на размышление о сдаче города и крепости недели четыре. Отправили они к нашему царю в Москву двух своих бурмистров и с ними трех состоятельных лиц, обещая через четыре недели сдать город и крепость, а к лифляндскому магистру и к другим немецким властителям послали с просьбой о помощи: «Если не дадите, мол, помощи, мы не сможем устоять перед таким сильным обстрелом и сдадим крепость и город». И магистр тотчас послал им на помощь экзарха из Феллина, а другого из Ревеля и с ними четыре тысячи конных и пеших немцев.

И хотя недели через две после этого в крепость пришло немецкое войско, наши все не возобновляли войны, пока не пройдет месяц перемирия. А они не отступились от своих обычаев, то есть великого пьянства и оскорбления христианских догматов. И вот, найдя и увидев в тех комнатах, где когда-то жили у них русские купцы, икону пречистой Богородицы, у которой изображено на руках дитя ее по плоти прежде всех времен Господь наш, Иисус Христос, хозяин дома с некоторыми гостями-немцами начали поносить ее, говоря: «Этот идол был

поставлен для русских купцов, а нам в нем теперь нет нужды, давайте возьмем и уничтожим его». Ведь и пророк сказал когда-то о таких безумных: «Секирой и топором разрушая, а огнем зажигая святыню Божию». Подобным образом вели себя и эти родственники по безумию — сняли они со стены образ и, приблизившись к большому огню, где варили в котле обычное свое питие, ввергли его тотчас в огонь. О Христос! Несказанна сила твоих чудес, которыми обличаешь тех, кто готов на предерзости и совершения беззаконий против имени твоего! Тотчас весь огонь, как из пращи быстрометной или как из большой какой пушки, из-под котла вверх ударил — действительно как при пещи халдейской, — так что совсем не оказалось огня там, куда повергнут был образ, а верх строения тут же загорелся. И было это в третьем часу в день воскресения. Воздух чист был и тих, но вдруг пришла внезапно великая буря, и загорелся город так скоро, что за короткое время весь был объят огнем.

Все немцы сбежались в крепость из города от большого пожара, не были они способны хоть чем-нибудь помочь себе. Увидело русское население, что пусты городские стены, и тотчас устремилось через реку — кто на разных лодках, кто на досках, кто снял ворота у своего дома и поплыл. Следом устремились и войска, хоть и настойчиво препятствовали этому по случаю перемирия их военачальники, но не слушались те, видя явный Божий гнев, обрушившийся на немцев, а нашим дающий помощь. Тотчас разломали они железные ворота, проломили стены и вошли в город, тогда как жестокая буря гнала огонь от города на крепость. А когда пришло от города к крепости наше войско, немцы стали оказывать сопротивление, делая вылазки из крепостных ворот, так что сражались они с нами часа два. А наши взяли пушки, которые стояли в воротах немецкого города и на стенах, и стали стрелять по немцам из этих пушек. Потом подоспели русские стрелки со своими стратегами, так что вместе с ружейным огнем обрушили на немцев множество стрел. Загнали тогда их в крепость, и вот то ли от большого жара, то ли от стрельбы, которая велась по крепостным воротам, то ли от большого множества народа, поскольку крепость тесна была, стали они снова просить, чтоб дали им начать переговоры. Когда успокоились с обеих сторон войска, вышли они из крепости и стали договариваться с нашими, чтобы дали им свободный выход и благополучно пропустили со всем имуществом. Но порешили на том: выпустили новопришедшее в крепость войско с оружием, только тем, что на поясе, местных жителей — только с женами и детьми, а ценности и имущество оставлены в крепости. Но иные захотели остаться здесь в своих домах, и это оставлено на их усмотрение.

Вот такова плата оскорбителям, которые приравнивают к идолам языческих богов образ Христа, изображенного во плоти, и родившей его! Вот воздаяние икономахам! Сразу же, часа за четыре или за пять, лишившись всех вотчин, высочайших хором и златоукрашенных домов и потеряв богатства и имущество, отбыли с унижением, стыдом и великим срамом, словно нагие: поистине явился на них знак суда еще до суда, чтобы другие научились и боялись бы хулить святыни. Это был первый немецкий город, взятый вместе с крепостью. А о том образе в тот же день было сообщено нашим стратегам. И когда за ночь

полностью был погашен огонь, то нашелся утром в зале там, где был повержен, и образ Пречистой, целый, ничуть не испорченный по Божьей благодати. Был он помещен потом в новопристроенной большой церкви, где и сегодня все его видят.

Потом, через неделю, взят другой немецкий город, по названию Сыренск, что стоит за шесть миль оттуда на реке Нарве, где выходит она из большого Чудского озера. Река та немалая, по ней от города Пскова и до вышеназванных городов водный путь. Только три дня били из пушек по городу, и сдали его нашим немцы. А мы от Пскова пошли к немецкой крепости, называемой Новая, что стоит от псковской границы в полуторах милях. Стояли мы под ней больше месяца, разместив большие пушки, и едва смогли взять ее, настолько крепка она была. А лифляндский магистр со всеми епископами и властителями той земли пошел против нас этому городу на помощь, имея с собою немецкого войска больше восьми тысяч. Но, не дойдя до нас, стал он в милях пяти за рекой и большими непроходимыми болотами. А дальше на нас не пошел, вероятно, боялся, так что на одном месте и простоял, окопавшись, четыре недели обозом. А когда узнал, что разбиты стены крепости и сама она уже взята, пошел назад в свой город Кесь, а войска епископа — к крепости Юрьеву, но не дошли они до города и были разбиты. А за магистром мы пошли сами, но отступил он от нас.

Отошли мы оттуда и пошли к большому немецкому городу по названию Дерпт, где засел сам епископ с великими бургомистрами и жителями города, а сверх того еще тысячи две немцев из-за моря прибыли к ним за монеты. Стояли мы под этим большим городом и крепостью две недели, выкопав шанцы, разместив пушки и обложив весь город, так что нельзя было ни выйти, ни войти в него. И упорно бились с нами немцы, защищая крепость и город как пушечною стрельбою, так и совершая частые вылазки против наших войск поистине так, как надлежит рыцарям. Но когда разбили мы из больших пушек городские стены и нанесли немалые потери в людях, стреляя из пушек верхнего боя то пороховыми, то каменными ядрами, тогда они учинили трактаменты с нами и четырежды выезжали к нам из крепости для назначения определенного дня, о чем долго было бы писать, но сказать коротко — сдали они и город и крепость. И каждый оставлен в своем доме при своей собственности, только епископ выехал из города в свой монастырь примерно в большой миле от Дерпта и был там до распоряжения нашего царя, а потом поехал в Москву, где дали ему пожизненный удел, то есть город с большой волостью.

Взяли мы за лето около двадцати немецких крепостей с городами, а находились мы в той земле до начала зимы и возвратились к нашему царю с большой и светлой победой, потому что если где и сопротивлялось нам немецкое войско после занятия крепостей, везде разбивали его посылаемые нами командиры. Но вскоре по нашем уходе, недели через две, магистр собрал войско и нанес немалый ущерб псковским областям, а потом пошел к Дерпту, но, не дойдя до этого большого города, обложил осадой крепостицу, на эстонском языке называемую Рынгу, милях в четырех от Дерпта. Стоял он, обложив ее, дня три и, пробив стену, предпринял штурм и взял ее на третьем

приступе. А командира с тремястами воинов, которых захватил при этом, всех почти уморил в ужасных темницах холодом и голодом. И не смогли мы оказать помощи этой крепости из-за дальности пути и скверной первозимней дороги, ведь от Москвы до Дерпта расстояние в сто восемьдесят миль, а войско было уже очень утомлено. Кроме того, в ту же зиму выступил было против великого князя крымский хан со всею Ордой, потому что послано ему было из Москвы от татар известие, что будто великий князь со всеми своими войсками пошел в Лифляндию к городу Риге. Но, не дойдя еще до окраинных пределов на полтора дневных перехода, захватил он в степи на рыбной ловле и бобровых ловах наших казаков и узнал от них, что великий князь находится в Москве, а войска возвратились из Лифляндии благополучно, взяв большой немецкий город Дерпт и почти двадцать других городов. Не начав военных действий, возвратился он со всеми своими силами к Орде с позором и большим уроном, потому что была та зима очень суровая и снега глубокие, так что погубили они всех своих лошадей, да и самих татар умерло множество от холодов. К тому же и наши преследовали их до самой реки Донца, называемого Северским, и там убивали их, настигая по зимовищам. Наконец в ту же зиму послал наш царь со своим порядочным войском своих гетманов — Ивана, князя Мстиславского, и Петра Шуйского из рода князей суздальских. Вторгшись, они захватили превосходную крепость: стоит посреди довольно большого озера на таком отоке, какова площадь городка и крепости, зовется эстонским языком Алуксне, а по-немецки Мариенбург.

И в те-то годы, как я уже говорил, когда был наш царь смирен и правильно царствовал и шел по пути закона Господня, тогда «ничем», как сказал пророк, «усмирил он врагов своих» и руку возложил на нападающие на христианский народ племена. А прещедрый Господь выводит и утверждает свободу человеческой воле скорее добротой, чем наказанием, и если уж очень упрямы и непокорны окажутся люди, тогда поучает он наказанием, смешанным с милосердием, и только если будет неизлечимо, — тогда казни в пример тем, кто готов совершать беззаконие. Прибавил Господь, как сказали мы, и еще милосердие, одаряя и утешая пребывающего в раскаянии христианского царя.

В те же годы или чуть раньше даровал Господь ему сверх Казанского другое царство — Астраханское, и вот об этом я коротко расскажу. Послал царь на астраханского хана рекою Волгою в галерах тридцатитысячное войско, поставил над ним стратега Юрия из роду князей Пронских, о котором мы уже говорили прежде (когда писали о взятии Казани), а к нему приставил другого мужа — Игнатия, по прозванию Вешнякова, своего спальника, человека поистине храброго и выдающегося. Пошли они и взяли это царство, находящееся близ Каспийского моря. Сам хан убежал до них, а ханш его и детей с ханским имуществом они захватили, все население этого царства привели в покорность и возвратились со светлой победой, благополучно и со всем войском.

Потом в те же годы послан был Богом мор на Ногайскую орду, то есть на татар заволжских, и вот как навел он его: послал им зиму с

жесточайшими морозами, так что пал весь их скот, как конские стада, так и прочие, а летом сгинули и сами татары, потому что живут они только молоком от стад различного своего скота, а хлеба там и названия не знают. Оставшиеся увидели с очевидностью, что и точно послан на них Божий гнев, и пошли ради пропитания к Крымской орде. Но и тут поражал их Господь, наведя от солнечного жара засуху и безводие: где текли реки, там не только не было воды, но и на три сажени вглубь копая, едва можно было кое-где найти чуть-чуть. Так что мало за Волгой осталось от этого племени измаильтян, едва пять тысяч воинов, а было число их подобно песку морскому. Но из Крыма тоже выгнали этих ногайских татар, потому что и там был голод и великий мор, так что мало осталось их. Некоторые наши очевидцы, люди, бывшие там, свидетельствовали, что в той Крымской орде не осталось после того мора и десяти тысяч коней. Тогда настало время христианским царям отмстить басурманам за христианскую кровь, проливаемую много лет беспрестанно, и привести себя и отечество свое к покою, ведь не для чего другого, но для того только и бывают они помазаны, чтобы справедливо судить и защищать от нападения варваров царства, врученные им Богом. Поэтому некоторые из советников, храбрые и мужественные люди, советовали и нашему царю и настаивали, чтобы он поднялся сам и лично возглавил большое войско против крымского хана, пока способствует этому время и подталкивает Бог, желая оказать в этом деле действительную помощь и как бы перстом показывая, что нужно уничтожить своих извечных врагов, пьющих христианскую кровь, и спасти множество пленных от давно заведенного рабства, как из преисподней ада. Так что если бы помнил он о своем сане и помазании на царство, слушал советы хороших и мужественных стратегов, великая слава была бы ему уже на этом свете и в тысячу раз большая в иной жизни у самого творца Христа Бога, который не пожалел пролить за гибнущий человеческий род свою драгоценную кровь. Если бы голову пришлось нам сложить за пребывающих в многолетнем плене несчастных христиан, безусловно, это доброе деяние любви оказалось бы перед Богом выше всех других добрых деяний, ведь он сам сказал: «Ничего нет больше той добродетели, чтобы голову свою сложить за своих друзей».

Хорошо бы, повторяю, очень хорошо бы спасти от многолетнего рабства в Орде пленных и закованных освободить от самой тяжкой неволи! Но наш царь мало тогда беспокоился об этом, если и послал-то всего тысяч пять войска рекой Днепром в Крымскую орду во главе с Димитрием Вишневецким, а на другой год — с Даниилом Адашевым и другими стратегами тысяч восемь послал, и тоже водой. По Днепру они выплыли в море и неожиданно для татар нанесли Орде порядочный урон: и татар побили, и женщин с детьми немало захватили, немало и христиан освободили от рабства и домой возвратились благополучно. И опять и опять мы с этим к царю приступали и советовали, чтоб или сам постарался пойти, или же войско большое послал на Орду в это время. Но он не послушался и нам не позволил, и помогли ему в этом льстецы, товарищи добрые и верные по трапезам и кубкам, друзья по разнообразным удовольствиям. А похоже, что уж тогда готовил он против родных и единородных острие оружия больше, чем против

язычников, скрывая еще в себе то семя, посеянное упомянутым епископом по прозванию Топорок.

Здешний же король был еще ближе, да кажется, что не на это обращало свой ум его королевское высочество и величество, а, скорее, на разные пляски, а также и на разукрашенные маскарады. Точно так и властелины этой страны с неисчетными издержками глотку и брюхо набивали дорогими калачами и конфетами, и всякие дорогие вина безо всякой меры вливали в себя, как в дырявые бочки, и вместе с прихлебателями скакали и воздух сотрясали, гордо и самодовольно друг перед другом пьяные похвалялись и клялись, что пусть бы не только в Москве или Константинополе, но хоть бы и на небе воссел турок, стащить его оттуда со всеми другими врагами. А как возлягут на ложах своих меж пышных перин, так за полдень едва живы встанут, едва проспавшись и в себя придя, с головами, с похмелья завязанными, ленивы и мерзки весь остаток дня по многолетней привычке. Вот почему упустили они это благоприятное для борьбы с басурманами время и еще меньше тревожились о своем отечестве, чем те, о которых уже сказано, и вовсе не заботились о тех захваченных, о которых я уже бегло упомянул, находящихся в многолетнем рабстве, а также и о тех женщинах, детях и подданных своих, которых во множестве каждый год уводили в плен, — больше, пожалуй, защищали их эти упомянутые прихлебатели. А если даже из-за великого стыда и многослезных народных упреков вооружатся и вроде как отправятся в поход, идя в отдалении по следам басурманских полков и боясь перейти в наступление и ударить по врагам креста Христова, то, два-три дня походя за ними, опять вернутся восвояси, а что осталось у бедных христиан от татар или сохранилось в лесах из имущества либо скота, — все съедят и последнее разграбят, ничего не оставив бедным и несчастным из слезных этих остатков.

И давно ли люди эти, эти существа так безжалостны и равнодушны к своему народу и своим родным? Нет, вовсе недавно, это что-то новое: вначале были у них люди храбрые, радящие об отечестве своем. А что же теперь такое и почему у них так получилось? Вот почему, конечно: когда пребывали тверды в христианской вере и церковных догматах, и в житейских делах держались умеренности и воздержанности, тогда везде все как один оказывались лучшие люди, защищая себя и отечество. А когда оставили путь Господень и отвергли христианскую веру для всегдашнего и чрезмерного покоя и возлюбили и устремились на просторный и широкий путь, иначе говоря, в бездну лютеранской и различных других сект — в особенности самые богатые их властелины осмелились на это безобразие, — тогда и потому это и случилось с ними. Особенно некоторые вельможи их и богачи, облеченные у них великой властью, обратили свой ум к этому самовольству. Глядя на них, не только помощники, но и меньшая их братия самовольно, безобразно и безрассудно устремилась ради естественной свободы к этим послаблениям. Как говорится у мудрых в пословице: куда начальники захотят, туда и толпы желанье летит иль стремится. Но из этих роскошей, распространившихся у них, видел я и самое скверное: это то, что многие из них — и не только некоторые аристократы, но и князья — так трусливы и изнежены женами, что как услышат о нападении

варваров, так и забьются в неприступные крепости и — действительно, смеха достойно, — облаченные в доспехи, восседают с кубками за столами да брешут байки с пьяными бабами своими, а из ворот крепостных выйти не желают, хотя бы у самого города или крепости было избиение христиан басурманами. И это чудо на самом деле видел я своими глазами не то чтобы в одной только крепости, но в нескольких.

Вот что пришлось нам увидеть в одной из крепостей: было там пятеро благородных со своими свитами и, кроме того, два командира со своими отрядами, а у города тут же несколько воинов и множество простых людей бились с проходящим татарским полком, который уже возвращался из страны с пленниками. Не раз уже были разбиты и разогнаны басурманами христиане, но ни один из названных властителей не вышел им на помощь из крепости: тем временем сидели они, говорят, и пили вино большими и полными кубками. О пир, весьма постыдный! О кубок, не вина или меду сладкого полный, но самой крови христианской! И если бы не подоспел к концу этой битвы Волынский полк, стремительно напавший на язычников, все бы до конца погибли. А когда увидели басурмане стремительно наступающий на них христианский полк, перебили они большую часть пленников, а других бросили живьем и обратились в бегство, оставив все. Точно так и в других крепостях, как чуть выше мы сказали, видел я своими глазами, что богатые и благородные вооружены в доспехи, а не только не желают выйти против врага, но и преследовать его не хотят, кажется, что и следов его боятся, поскольку ни один вооруженный вельможа не посмел выйти из крепости ни на шаг.

Вот что от роскоши и разных скверных верований происходит с защитниками христиан — и слышать страшно, а по сути и смехотворно. Будучи прежде храбрыми, мужественными и славными воинами, становятся они женоподобны и боязливы. А что касается волынцев, то мужество их описывается не только в хрониках, но засвидетельствована их храбрость и недавними рассказами, и как чуть выше говорили мы о других: когда держались веры православной, пребывали в умеренных нравах, а сверх того имели над собою храброго и славного гетмана Константина, светлого правоверными догматами и сияющего всяческим благочестием, тогда оказывались они славны и достойны хвалы в ратном деле и, защищая отечество не раз, не два, но многократно, замечательно проявили себя. Однако кажется мне, что рассказ этот впадает в излишества, так что, оставив его, возвратимся к тому, о чем шла речь.

Многое опустив в рассказе о Лифляндской войне, коротко вспомним кое-что о некоторых сражениях и взятии крепостей, не упуская из виду и краткость истории и ее окончание. И, как прежде, вспоминаем мы тех двух добрых мужей — царского исповедника и другого — постельничего, которые достойны называться друзьями и духовными советниками (царя), как сказал сам Господь: «Где соберутся двое или трое во имя мое, тут и я среди них». И действительно, посреди был Господь, то есть великая помощь от Бога, когда были сердца их и души едины, а при царе рядом с опытными и мужественными

полководцами — мудрые и мужественные советники, а храброе воинство в целости и бодрости. Тогда, говорю я, всюду прославляем был царь, а Русская земля расцветала доброй славой, тогда твердые крепости германские сдавались, а пределы христиан расширялись, захваченные некогда безбожным Батыем крепости в степи снова воздвигались, а противники царя и враги креста Христова одни пали, а другие покорялись, иные же из них и к благочестию обращались, оглашенные и наставленные в вере клириками, ко Христу приближались, из жестоких варваров, из хищных зверей в овечью кротость превращались и к чреде Христовой присоединялись.

Года через четыре после взятия Дерпта пала последняя область в Лифляндии, поскольку оставшаяся ее часть в составе великого княжества Литовского приняла подданство польского короля, когда новоизбранный магистр отдал свой столичный город Кесь и сбежал, видимо от страха, за реку Двину, выпросив себе у короля Курляндию. Другие крепости, что по обе стороны большой реки Двины, он оставил вместе с Кесью, как я сказал, а другие приняли подданство шведского короля, например Ревель, большой город, а другие — датского. А в городе, называемом Вильянди, по-немецки Феллин, остался старый магистр Фирстенберг, а с ним большие картауны, которые по большой цене доставили из-за моря, из Любека, от своих германцев, и все множество пушек.

И к этому Феллину послал с нами великий князь большое войско, но прежде, еще месяца за два до того, в разгар весны прибыл я в Дерпт: царь послал меня потому, что в войсках его, сражающихся с немцами, пал боевой дух. Ведь поскольку опытных военачальников и полководцев отправляли против крымского хана охранять свои рубежи, а вместо них приходилось посылать против лифляндских крепостей неопытных и не привыкших к военному делу, постольку не раз наши были разбиты немцами, и не только равными отрядами, но уже от малого числа во многом числе убегали. Вот за этим-то и «ввел меня царь в покой свой» и вещал мне словами, насыщенными милосердием и весьма любезными, а сверх того, с посулами многими: «Принуждают меня, — сказал он, — сбежавшие военачальники мои или самому пойти на германцев, или тебя, любимца своего, послать. Да поможет тебе Бог, и вновь вернется мужество к моему воинству. Иди на это и послужи мне верно». И отправился я с усердием: как верный слуга был я послушен повелению царя моего.

И в эти два месяца тогда, пока не прибыли другие стратеги, совершил я два похода: первый — на Белый Камень, весьма богатую область в восемнадцати милях от Дерпта. Там разбил я немецкий отрядец, стоявший на страже под самой крепостью, и от пленников узнал о магистре и других немецких командирах, расположившихся с довольно большим войском за болотами в восьми милях оттуда. Я отобрал войско, отпустив остальных с пленниками в Дерпт, и пошли мы ночью, а утром пришли к этим большим болотам. Целый день переправлялись мы через них с легким войском. Если бы столкнулись они тут с нами, то разбили бы нас, хоть бы и втрое было нас больше, а было у меня тогда немного воинов, тысяч с пять. Но эти гордецы стояли на широком поле милях в

двух от болот, поджидая нас к битве. Мы же переправились через те трудные места, как я сказал, примерно час дали отдохнуть коням, а за час до захода солнца мы выступили на битву и уже к полуночи подошли к ним — а ночь была лунная, там, особенно вблизи моря, ночи бывают светлы как нигде — и вступили в бой. Вначале на широком поле с нами сошлись передовые отряды. И продолжалась битва часа полтора. Но не так пригодились им ночью пушки, как нам стрелы на блеск их огней. А когда пришла нашим помощь от полка, тогда сошлись наши с ними врукопашную и опрокинули их. Тогда немцы обратились в бегство, а наши гнали их с милю до реки, через которую был мост. И когда взбежали они на мост, под ними на беду и мост провалился, так что все они погибли там. Уже при восходе солнца возвращались мы с битвы, и на названном поле, где было сражение, нашли пеших их рыцарей — ведь их было четыре полка конных, а пять пеших, — которые лежали, спрятавшись, в житах и других местах. Так что помимо убитых взяли мы живьем сто семьдесят знатных воинов, а у нас было убито шестнадцать персон из дворянства, не считая слуг.

Оттуда мы снова вернулись в Дерпт. Здесь войско отдохнуло дней десять, к тому же к нам прибавилось тысячи две или больше воинов, добровольцев, а не присланных, и мы снова выступили в поход — к Феллину, где был упомянутый прежний магистр. Войско мы укрыли и послали только один татарский полк как бы жечь предместья. Магистр же решил, что нас мало, и выехал на защиту сам со всеми своими, кто был в крепости. А мы из засады разгромили его, так что едва сам спасся. И потом целую седьмицу били мы их, а возвратились с большой добычей и богатством. Коротко сказать, в тот год семь или восемь раз сходились мы с ними в больших и малых сражениях и всякий раз с Божьей помощью одерживали верх. Было бы неприлично мне самому писать все подробно о своих делах, поэтому я опускаю большую часть того, что касается сражений с татарами, с казанцами и крымцами, которые бывали в молодости моей, так и сражений с другими народами. Ведь я твердо верю, что не преданы забвению подвиги христианских воинов, но самые малые перед Богом, и не только подвиги, совершенные с доброй ревностью по Боге за правоверие против ли телесных врагов или же духовных, но и волосы на голове у нас сочтены, как сказал сам Господь.

А когда прибыли к нам в Дерпт гетманы с другим большим войском, а в нем воинов было больше тридцати тысяч конных и десять тысяч пеших стрелков и казаков, сорок больших пушек, которыми подавляют пушечный огонь в крепости, из них самые маленькие по полторы сажени, других пушек около пятидесяти, тогда пришло и распоряжение царя идти нам на Феллин. А мы получили известие, что магистр хочет перевести большие упомянутые картауны и другие пушки и имущество свое в крепость Гапсаль, которая стоит у самого моря, и тотчас послали со стратегами, чтобы обложили Феллин, сами же мы пошли с другой частью войска иным путем, а пушки все отправили по реке Эмбах вверх, а дальше по озеру, так что всего за две мили от Феллина выгрузили их с галер.

Стратеги же, посланные нами уже к Феллину, проходили вблизи примерно в миле от немецкой крепости Эрмис. И ландмаршал Филипп, человек храбрый и опытный в военном деле, взяв с собою человек пятьсот немецких рейтаров и еще пятьсот или четыреста пеших, немедленно и отважно вышел против них (к тому же редко бывают немцы трезвы днем): не знал он о нашей большой численности, а думал, что это разъезд, какие не раз посылал я прежде для набега под эту крепость, прежде чем явилось это большое войско с помянутыми стратегами, — получил он сведения от пробравшихся в крепость, а не удостоверился вполне, какое движется войско. А наши хоть и знали о нем, но не допускали, что столь малым числом осмелится он напасть на столь неравное по силе войско. Но перед полуднем во время отдыха напали они на одну часть, перемешавшись с нашей охраной, потом дошли до наших коней, и бой закипел. Увидев это, другие стратеги взяли хороших проводников, сведущих в местности, прошли со своими полками наискось через лес и ударили по ним так, что едва несколько человек спаслись из боя, а храброго этого мужа, знаменитого в их народе, действительно последнего защитника и надежду народа Лифляндии живьем взял оруженосец Алексея Адашева, и с ним одиннадцать комендантов живьем взято и сто двадцать немецких дворян, не считая прочих. Мы же, не зная об этом, пришли к городу Феллину и обнаружили там, что наши полководцы не только в благополучии, но в благополучии от блестящей победы и держат в своих руках знаменитого лифляндского военачальника, храброго мужа — ландмаршала Филиппа, а с ним одиннадцать комендантов и других прочих.

А когда распорядились мы привести его и поставить перед нами и стали, как заведено, о некоторых предметах его спрашивать, то, ничуть не испугавшись, со светлым и спокойным лицом (думал о себе, что страдает за отечество) стал этот муж смело нам отвечать. Ведь был он человек, насколько мы поняли его, не только мужественный и храбрый, но красноречивый, умный и с прекрасной памятью. Я опущу его ответы нам, исполненные ума, которые приходят мне на память, напомню лишь этот один — скорбную речь его о Лифляндии. Сидя однажды у нас за обедом (хоть и был он пленником, тем не менее мы воздавали ему честь, какая подобает человеку блистательного рода), между прочими разговорами, как это обычно за столом, он сказал нам следующее:

«Все западные короли вместе с самим римским папою и самим христианнейшим императором пришли к согласию и снарядили множество крестоносцев — одних в опустошенные христианские земли для помощи от набегов сарацин, других в варварские земли для заселения и для научения и внедрения христианской веры (как и сейчас делается королем Испании и Португалии в Индии). Это названное войско разделилось тогда между трех гетманов и отправились морем — одна часть на юг, а две на север. И те, кто плыл на юг, доплыли до Родоса, опустошенного названными сарацинами из-за раздоров у неразумных греков. Они нашли его совершенно опустошенным и восстановили его наряду с другими крепостями и городами; а укрепив их и засев в них, владели ими вместе с живущими в них. А из тех, кто плыл на север, одни приплыли туда, где были пруссы,

и овладели тамошними жителями, а другие в эту землю, где обнаружили весьма упорные и непокорные народы варваров и заложили крепость и город — сначала Ригу, потом Ревель. Долго они сражались с живущими тут упомянутыми варварами и лишь через много лет смогли ими овладеть и склонить к познанию христианской веры. А когда они сделали эту землю собственностью Христова имени, дали обет предать ее Господу и для прославления имени пречистой его Матери. И покуда находились мы в католической вере и жизнь вели в умеренности и целомудрии, тогда Господь наш всегда защищал здешних жителей от врагов и помогал во всем как от русских князей, нападающих на эту землю, так и от литовских. Прочее оставив, одно расскажу, а именно о весьма трудном сражении с великим князем литовским Витовтом, когда у нас за день шесть магистров было назначено и один за другим погибли. И так упорно мы сражались, что лишь темная ночь прервала эту битву. Да и в недавние годы (что лучше, думаю, известно вам) великий князь московский Иван, дед нынешнего, задумал было захватить эту землю, но мы упорно защищались и с гетманом его Даниилом сошлись в нескольких сражениях и два выиграли. Однако справлялись мы с сильными этими, о которых говорили, не столько какими-либо особыми приемами, а потому что Бог тогда, как уже сказали мы, помогал нашим предкам, так что и остались они при своих вотчинах. Теперь же, когда отступили мы от соборной веры и дерзнули ниспровергнуть святые законы и установления, приняли новопридуманную веру, а потом и вступили на широкий и просторный, ведущий к погибели путь невоздержанности, предал Господь нас вам, врагам нашим, в руки, воочию обличая ныне грехи наши и казня нас за беззакония наши. И все, что создали было нам предки наши: крепости высокие и города крепкие, дворцы и здания светлые, — вы вошли в них, не потрудившись для того, не понеся особых расходов. Наслаждаетесь вы, не насадивши, садами и виноградниками нашими, а также другими подобными устройствами наших жилищ, нужными для жизни.

Да что говорить о вас, которые вроде бы добыли все это, как вы полагаете, мечом? Другие даже и без меча, за так овладели нашим богатством и имуществом, ничуть ни в чем не потрудились, пообещав нам помощь и защиту. Вот как хороша их помощь, что стоим связанные перед врагами! Горько мне и весьма скорбно, как вспомню, что на глазах у нас все жестокости эти были посланы за грехи наши, а милая родина в разоренье! А потому не думайте, что сделали вы это нам своей силой, но предал нас в руки наших врагов Бог, допуская все это за наши преступления».

Все это сказал он нам, обливаясь слезами, так что и у нас проступили слезы, пока глядели мы на него и слушали это. А после, утерев слезы, сказал он со светлым лицом: «Но все же благодарю я Бога и радуюсь, что попал я в плен и страдаю за любимое отечество. Хоть придется и умереть мне за него, поистине дорога и желанна будет мне такая смерть». Сказал он это и замолк. Мы же дивились все уму и красноречию этого человека и в чести содержали его под стражею. Потом отправили мы его с другими владыками Лифляндии в Москву к нашему царю, а в послании очень просили царя, чтобы не

распорядился, то есть не велел его убивать. Если бы послушал он нас, мог бы всю Лифляндию с ним взять, потому что глядели на него лифляндцы как на отца. Но когда привели его к царю и сурово допрашивали, он ответил, что, дескать: «Несправедливо и жестоко овладел ты отечеством нашим, а не как подобает христианскому царю». И тот вспыхнул яростью и тотчас велел умертвить его, поскольку становился уже жесток и бесчеловечен.

И стояли тогда мы под тем Феллином три недели с лишним, вырыв шанцы, обстреливая крепость из больших пушек. А то, что совершил я тогда поход к Кеси, и дал три сражения, и убил под крепостью Вольмаром нового ландмаршала, избранного вместо этого, и что командиры, посланные против нас Иеронимом Ходькевичем и пришедшие под Кесь, были разбиты, и что, стоя под Кесью, совершали мы набеги на Ригу, и что, узнав о поражении своих, Иероним пришел в ужас и немедленно отступил от нас из Лифляндии за Двину, большую реку, — все это опущу и подробно описывать я не буду ради краткости истории, но возвращусь к начатому о взятии Феллина.

И вот, когда разбили мы уже городские стены, немцы упорно еще сопротивлялись нам. Ночью стреляли мы тогда зажигательными бомбами, одна бомба попала в церковную луковицу, что была на кровле у их большой церкви, другие бомбы — тут и там, и тотчас загорелся город. Находящиеся в городе и магистр стали тогда просить время для переговоров, предлагая сдать крепость и город и испрашивая свободного выхода с имуществом всем, находящимся в городе. Мы же выбрали не это, а постановили так: всех солдат и городских жителей, кто хотел, свободно пропустить, а его вместе с имуществом не выпустили, обещая ему помилование от царя, — тот таки и дал ему пожизненно один из московских городов, а имущество его все, что было взято, потом ему возвращено. Вот так взяли крепость и город, а пожар в городе погасили. А кроме того, мы взяли тогда две или три крепости, в которых были наместники этого магистра Фирстенберга.

А когда вошли мы в город и в крепость Феллин, то увидели, что в городе стоят еще три детинца, — столь крепки, выстроены из прочного камня, около них глубокие рвы, так что трудно поверить: ведь и эти очень глубокие рвы выложены гладким тесаным камнем. Нашли мы тут восемьдесят больших стенобитных орудий, а сверх того, еще четыреста пятьдесят больших и малых как в городе, так и в крепости, множество запасов и всякого добра. А в самом верхнем детинце не только храм, дворец и сама крепость, но даже поварня и стойла были покрыты толстыми оловянными плитами. Великий князь тотчас тогда распорядился снять эту кровлю, а вместо нее сделать кровлю из дерева.

Что же после этого устраивает наш царь? Когда с Божьей помощью храбрецы защитили его от враждебных соседей, тогда он и воздал им: тогда самой злобой отплачивает он за самую доброту, самой жестокостью за самую преданность, коварством и хитростью за добрую и верную их службу. И как он за это принимается? Вот так: во-первых, отдаляет он от себя этих двух вышеназванных мужей, то есть иерея Сильвестра и вышеназванного Алексея Адашева, вовсе ни в чем перед

ним не виноватых, открыв оба своих уха злобным льстецам (я уже не раз говорил, что ни от одной смертоносной язвы не может быть большего мора в царстве, чем от них), которые уже клеветали ему и за глаза, как сикофанты, нашептывали в уши на этих святых мужей, в особенности же его шурины, а с ними другие нечестивые губители всего того царства. Но ради чего делали они это? Ради того, поистине говоря, чтобы злоба их не была обличена и чтобы могли они беспрепятственно господствовать над нами и, извращая суды, вымогать посулы, плодить другие скверные преступления и умножать свою собственность. Что же нашептывают они в уши и клевещут? Умерла тогда жена царя, а они сказали, что якобы напустили на нее чары эти мужи. Всегда так: если сами в чем искусны и к чему расположены, то переносят это на святых и добрых. Придя в неистовство, царь тотчас им поверил. Узнав про это, Сильвестр и Алексей стали просить — то направляя послания, то через русского митрополита, — чтобы допустили их на очное собеседование. «Не отказываемся, дескать, если достойны будем смерти, но пусть состоится открытый суд при тебе и при всем твоем сенате».

Но что на это замышляют злодеи? Посланий к царю не пропускают, престарелому епископу препятствуют и угрожают, а царю говорят: «Если, дескать, допустишь их пред свои очи, околдуют они тебя и твоих детей. Кроме того, все твое войско и народ любят их больше, чем тебя самого, и побьют каменьями и тебя, и нас. Если даже и не случится этого, то они опять опутают тебя и приведут тебя в покорность себе, как в рабство. Столь скверные люди и бесполезные колдуны тебя, государя, столь великого, славного, мудрого, увенчанного благом царя, как в оковах содержали до сих пор, приказывая тебе есть и пить в меру, жить с царицей, ни в чем не давая тебе свободы — ни в малом, ни в великом, ни милости людям своим даровать, ни царством своим управлять. А если бы не было их при тебе, при столь мужественном, храбром и сильном государе, если бы не держали они тебя как в узде, ты бы уже владел едва ли не всей вселенной. Ведь что творили они своим колдовством: желая царствовать сами и господствовать над всеми нами, они вроде как закрывали тебе глаза и ни на что не давали смотреть. И если допустишь их на глаза, они снова, околдовав, ослепят тебя. А теперь, когда ты удалил их, ты действительно поумнел, то есть обрел собственный ум, раскрыл собственные глаза, свободно озирая свое царство, и никто другой, но только сам ты как Божий помазанник им управляешь и им владеешь».

И бесчисленным множеством наветов войдя в соглашение с Дьяволом, своим отцом, — прямо сказать, действительно его язык и уста одними только словами ведут к гибели христианский род, — так вот они обводят мужа льстивыми словами, так вот они ниспровергают христианскую душу царя, живущего порядочно и в покаянии, так вот они разрывают это соединение, сплетенное Богом в духовную любовь, и — как сказал сам Господь: «Где двое или трое собранных во имя мое, тут и я посреди них», — удаляют Бога проклятые эти из средины, губя — повторю снова — этими лживыми словами христианского царя, много лет бывшего порядочным, украшенного покаянием, приблизившегося к Богу, находящегося во всяческом воздержании и чистоте. О вы, злодеи,

исполненные всякой злобы и коварства, губители своего отечества, а лучше сказать — всего царства святорусского! Что вам за пользу принесет это? Скоро увидите вы, как на деле исполнится это над вами и над детьми вашими, и услышите вечное проклятие грядущих поколений!

И царь, напившись от окаянных смертоносного яда, смешанного со сладкой лестью, а сам, наполнившись коварством, вернее же глупостью, расхваливает этот совет, любит и принимает их как друзей, связывает себя с ними клятвами, вооружившись как на своих врагов против святых и невинных, а потом против всех добрых, желающих ему добра и душу за него полагающих, собрав и построив вокруг себя сильный и большой прямо сатанинский полк. А что потом начинает он и делает тут же? Собирает он собраньем не только весь свой гражданский сенат, но и всех духовных, то есть митрополита призывает и епископов, из городов, а после прибавляет нескольких коварных монахов — Мисаила, по прозванию Сукина, давно прославившегося кознями, и неистового Вассиана Бесного, справедливо названного так, а с ними и других таких же и подобных, наполненных лицемерием, всяким дьявольским бесстыдством и дерзостью. Усаживает он их близ себя и с благодарностью прислушивается к ним, когда они клевещут и ложь изрекают на святых, с великой гордыней и презрением наговаривают на праведников несправедливости. Чем же занимаются на этом собрании? Расписав провинности этих мужей, заочно их исчисляют. Ведь и митрополит тогда сказал перед всеми: «Нужно, — сказал, — чтобы они были приведены сюда к нам, чтобы очевидны стали поклепы на них, а нам действительно нужно слышать, как они ответят на них». А когда порядочные все с ним согласились и то же сказали, погубители, то есть льстецы, завопили вместе с царем: «Не нужно, дескать, о епископ! Потому что если придут эти известные злодеи и колдуны, то царя околдуют и нас погубят!» Так что осудили их заочно. О смеха достойный, но бедствиями исполненный суд царя, обманутого льстецами!

Иерей Сильвестр, его духовник, оказывается в заточении в Соловецком монастыре, на дальнем острове, что лежит в Ледовитом океане, в земле карел, диких лопарей. Алексей же удаляется без суда с глаз его в только что взятый нами город Феллин, где пребывает некоторое время экзархом. Но когда узнали злодеи, что и там помогает ему Бог — поскольку немало не взятых еще крепостей в Лифляндии захотели покориться ему ради порядочности его, ибо, и в опале оказавшись, царю своему служил он верно, — то вновь несут они царю клеветы за клеветами, нашептывания за нашептываниями, измышления за измышлениями на этого честного и порядочного человека. Царь тотчас распорядился отправить его в Дерпт и держать под стражей. Через два месяца после этого он заболел горячкой, исповедался и, приняв святые дары Христа, Бога нашего, к нему отошел. А когда клеветники узнали о его смерти, то с воплями бросились к царю: «Вот изменник твой сам принял смертоносный яд и умер».

А иерей Сильвестр еще пока не был изгнан, заметив, что царь не по-божески уже начинает некоторые дела, препятствовал ему и часто

наставлял, чтобы пребывал он в страхе Божьем, жил в воздержании, и другими многими божественными словами поучал и часто наставлял. А тот вовсе этого не слушал, но к льстецам склонил свое сердце и слух. Приняв все это во внимание и то, что царь отвернулся от него, пресвитер отбыл в монастырь, находящийся в ста милях от Москвы, и там, пребывая в монашестве, продолжал свою отменную и чистую жизнь. Но клеветники, узнав, что и там он окружен почетом от монахов, и потому, разрываясь от зависти, — то завидуя славному мужу, то опасаясь, чтобы не услышал о нем царь и не возвратил снова к себе, и чтобы не стали явны тогда их преступления и самоуправства в судах и издавна любимая их привычка к многочисленным взяткам, и чтобы вновь заведенные попойки и скверности снова не были пресечены этим святым, — извлекли они его оттуда и завезли на Соловки, как я уже раньше сказал, откуда бы и слух о нем не доходил, хвастаясь, будто бы на соборе осудили его, мужа отменного и готового ответить на клеветы.

Слыхано ли под солнцем о таком суде без очного говорения? Так и Иоанн Златоуст порицает Феофила и императрицу и весь собор за несправедливое свое изгнание и пишет в своем послании к Иннокентию, папе римскому, начало которому следующее: «Думаю, что еще до отправления моих посланий слышало твое благочестие, какую смуту осмелилась здесь затеять неправда». А в конце того послания следующее: «И если мы оказались перед врагами, которые поступили столь презренно и замышляют новые козни, поскольку изгнали нас несправедливо, не дав ни записей, ни книг, не назвав доносителей, то мы сами должны защищаться и править суд и докажем, что сами они виновны в том, что на нас возводят, мы же невинны. А вопреки чему они поступили? Вопреки всем правилам, вопреки всем церковным канонам. Да что говорю я о церковных канонах? Такого никогда не бывало ни в языческих судах, ни при варварских тронах, и ни скифы, ни сарматы никогда не решались вести суд, если одна сторона была заочно оклеветана», и так далее и тому подобное, как это хорошо видно при чтении в этом его послании. Вот каков соборный суд нашего христианского царя! Вот как замечательно изготовлен декрет коварным сонмом льстецов на вечной памяти позор для грядущих поколений и на унижение русского народа, потому что в его земле родились эти коварные, злобные отродья ехидны! Прогрызли они чрево у матери своей, святой русской земли, что породила и воспитала их поистине на беду свою и запустение!

Какой же после того плод возрастает от знаменитых льстецов, вернее же злобных губителей? Какой оборот принимают события? Что царь от этого приобретает и получает? Тотчас на этом готовит Дьявол прямой вход ко злобе: свободно передвижение на широком и знаменитом этом пути в отличие от узкого и соразмерного пути Христова. Но как же начинают они это и как разрушают прежнюю умеренность жизни царя, о котором говорили, что он повязан рабством? Начинают они частые пиршества с великим пьянством, от которых рождаются всякие скверности. И что же прибавляют к этому? Чаши — и великие, поистине посвященные Дьяволу! А чаши таковы: наполняют их особо хмельным напитком и первую предлагают выпить царю, а потом всем присутствующим на пиру с царем. И если этими чашами до полусмерти,

вернее же до неистовства, не упьются, они другую и третью прибавляют, а не желающих пить и творить эти беззакония они с великими угрозами заставляют и к царю взывают: «Вот, дескать, такой-то и такой-то имярек, не желают они веселы быть на пиру твоем, вроде как тебя и нас осуждают и насмехаются, как над пьяницами, лицемерно выставляя себя праведниками. Кажется, что они недоброжелатели твои, потому что с тобой не согласны и тебя не слушаются: Сильвестров или Алексеев дух, то есть навык, не вышел еще из них!» И другими еще более пространными бесовскими речами срамят и ругают многих трезвых, умеренных в порядочной жизни и обычаях людей, выливают на них проклятые эти чаши, которыми не желают, хотя бы и могли, те упиваться, а сверх того угрожают им смертью и разными муками, так что из-за этого многих вскоре погубили. Поистине новое идолослужение и посвящение и приношение не кумиру Аполлона и подобным, но самому Сатане и его бесам: приносят в жертву не волов и козлов, насильно влекомых на убиение, но свободной волей души свои и тела, и совершают это в слепоте ради сребролюбия и славы мира сего! И так разрушают прежнюю честную и воздержанную жизнь царя, злобные и несчастные!

Вот что, царь, получил ты от наушничающих тебе, возлюбленных твоих льстецов: вместо прежнего твоего святого поста и воздержания — губительное пьянство с посвященными Дьяволу чашами, вместо святой и целомудренной жизни — мерзости, наполненные всякими сквернами, вместо твердости и царского твоего суда — к жесткости и бесчеловечию толкнули, вместо тихих и кротких молитв, с которыми обращался ты к своему Богу, — научили тебя лени и долгому сну, а после сна зевоте, головной боли с похмелья и другим безмерным и несказанным бедам. А то, что восхваляли тебя, возносили и говорили, что ты великий, непобедимый и храбрый царь, то действительно ты был такой, когда жил в Божьем страхе. Но, надменный и обольщенный ими, что ты получил? Вместо мужества твоего и храбрости — беглец от врага и трус: великий христианский царь бежит от басурманского волка, который сам раньше, от него убегая в степь, места себе не находил! Что доброго, полезного и похвального и Богу угодного приобрел ты по совету возлюбленных твоих льстецов и по молитвам чудовского Левки и всех других лукавых монахов? Разве что опустошение земли твоей — как от тебя самого с твоими опричниками, так и от помянутого пса басурманского, а сверх того, дурную славу у соседних народов, проклятие и слезные укоры от всего народа. А что еще хуже и постыдней и о чем слышать особенно тяжело — сама отчина твоя, великий и многолюдный город, славный во всей вселенной град Москва нежданно сожжен и истреблен с бесчисленным христианским населением. О самая тяжкая беда, о которой горько слышать! Уж не пора ль было образумиться и покаяться перед Богом, как Манассия, и самому творцу, искупившему нас драгоценной своей кровью, предаться волей врожденной по природе свободы, чем свободу эту по добровольному выбору отдать вопреки природе в рабство врагу человеческому, внимая верным его слугам, то есть злобным льстецам?

Все ли еще не разумеешь, о царь, к чему привели тебя угождатели и что сделали из тебя возлюбленные твои маниаки, и как низвергли и

сделали прокаженной совесть твоей души, прежде святую и украшенную многодневным покаянием? А если не веришь нам, понапрасну именуя нас коварными изменниками, пусть твое величество прочтет в «Слове о Ироде», произнесенном златовещательными устами, начало которому: «Когда стали нам теперь известны праведность Иоанна, жестокость Ирода, потряслись утробы, вострепетали сердца, померкло зрение, притупился ум». Что из чувств человеческих останется крепким, когда множество пороков губят величие добродетели? И несколько ниже еще: «И стоило потрястися утробам, вострепетать сердцам, ибо Ирод осквернил церковь, пресек иерейство (так и ты: если не Иоанна Крестителя, то архиепископа Филиппа с прочими святителями смутил), осквернил порядок, сокрушил царство. Все, что касалось благочестия, правил жизни, нравов, веры, учения, — уничтожил и смешал. Ирод, — говорит, — тиран гражданам, насильник над воинами, губитель друзей». Но изобилие злобы твоего величества таково, что уничтожает не только друзей, но вместе с опричниками твоими всю святую землю русскую, разграбитель домов и убийца сыновей! Да сохранит тебя Бог от этого и не попустит быть этому Господь, царь веков! Ведь уже и то все как по лезвию ножа идет, потому что если не сыновей, то единокровных и близких по рождению братьев ты погубил, переполняя меру кровопийцев — отца твоего и матери твоей и деда. Ведь отец твой и мать — всем известно, сколько они убили. Точно так и дед твой, с бабкой твоей гречанкой, отрекшись и забывши любовь и родство, убил своего замечательного сына Ивана, мужественного и прославленного в геройских предприятиях, рожденного от его первой жены святой Марии, княжны тверской, а также родившегося от него своего боговенчанного внука царя Димитрия вместе с матерью, святой Еленой, — первого смертоносным ядом, а второго многолетним заключением в темнице, а потом удушением. Но этим он не удовлетворился! Сверх того, в малое время удушил он в темнице тяжкими веригами своего единоутробного брата Андрея Углицкого, человека весьма рассудительного и умного, а двух его сыновей, отнятых от материнской груди, — скорбно об этом слышать и тяжко говорить, когда до такой степени возрастает человеческая злоба, особенно у христианского владыки! — без жалости уморил долголетним тюремным заключением. И князя Симеона, по прозванию Ряполовского, происходящего из рода великого Владимира, человека мужественного и умного, убил через отсечение головы. А других своих братьев, близких ему по родству, одних разогнал по чужим землям, как Михаила Верейского и Василия Ярославича, а иных, пребывающих еще в отрочестве, велел без дальних рассуждений уничтожить неповинных через тюремное заключение, закляв сына своего Василия — увы, беда, и слышать тяжело! — на скверной и проклятой заветной грамоте.

То же самое сделали со многими другими, о которых здесь опущено, потому что долго писать. Возвращаясь к упомянутому Слову Златоуста, о Ироде написанном, — «Мужеубийца близких, напояя землю кровью, испытывал он жажду крови», — так сказал Иоанн Златоуст о Ироде в своей речи, и так далее.

О царь, любимый прежде нами! Не желал бы я рассказывать и этой малой части твоих преступлений, но заставила меня и принудила моя любовь к Христу, ревностию любви разгорелся я о мучениках, братьях наших, без вины перебитых тобою! Ведь и от тебя самого не только слышал я, но и видел, как исполнялось это на деле. И об этом еще говорил ты с похвальбой: «Я, дескать, — для убитых отцом и дедом моим, — облицую их могилы драгоценным аксамитом и украшу гробы без вины убитых праведников». Вот так сбылось на тебе слово Господне, сказанное к евреям: «Потому-то, — сказал он, — злыми делами наполняя меру, показываете вы свое согласие и единодушие с вашими отцами в злобном убийстве, чем свидетельствуете сами о себе, то есть признаетесь и обнаруживаете сами себя, что вы сыновья убийц». А кто же будет украшать могилы и золотить гробы бесчисленных мучеников, убитых тобою и твоими опричниками по твоему повелению? Вот поистине достойно смеха, смешанного с великим плачем, и весьма непотребно, если бы то же делали и твои сыновья, когда бы они захотели, от чего Боже сохрани, придерживаться той же меры! Но поскольку и ни Бог, и ни те, убитые прежними человекоубийцами, не желали быть убитыми безвинно, точно так не желают они, чтобы по их смерти сыновья, согласные в злой воле со своими отцами, не только украшали и позлащали их могилы и гробы, но и самих их величали и восхваляли. Ибо праведники праведниками, мученики мучениками, и живущими по Божьему закону должны восхваляться и почитаться.

Но закончим уже об этом, поскольку и это немногое решили мы написать только для того, чтобы не постигло их забвенье. Ведь мудрые люди описывали в историях славные и знаменитые поступки великих людей для того, чтобы грядущие поколения им подражали, а преступные и скверные деяния коварных и злодеев описывались для того, чтобы люди остерегались и береглись их как смертоносного яда или чумы не только телесной, но и душевной. Так вот и мы, как прежде не раз говорили, кратко описали малую часть, оставляя все на Божий нелицеприятный суд, который воздаст и «сокрушит головы своих врагов, глубже маковки погрузившихся в свои прегрешения», то есть отмстит он сильным и за самую малую обиду своих убогих. И еще тот же: «Ради страдания нищих и вздохов убогих восстану ныне, — говорит Господь, — положу себя на спасение и не отступлю от него». Так же и в другом месте сказал он через этого же пророка: «Понадеялся ты, — сказал, — в беззаконии, что буду я подобен тебе. Обличу тебя и поставлю грехи твои перед тобою», — как будто он сказал: «Если не покаетесь в своей неправде и в обидах убогим покаянием Закхея».

Кроме того, лучше предоставлю я это памяти тех, кто там живет, потому что я покинул мое отечество еще в середине этой ужасной беды. Но уже и тогда виденного и слышанного об этих преступлениях и преследованиях мне хватило бы на то, чтобы написать целую книгу, как мельком и кратко напомнил я об этом в предисловии, написанном для книги Слов Иоанна Златоуста под названием «Новый Маргарит», начало которому следующее: «В год восьмой тысячи звериного века, как сказано в святом Апокалипсисе», и так далее. Однако должно мне вспомнить несправедливо убитых тех благородных и светлых мужей — светлых, я имею в виду не только по роду, но и по поступкам, —

насколько позволит мне память, а вернее, подаст благодать Святого Духа, потому что тело мое уже немощно от старости, но особенно потому, что окружен я бедами, напастями и недружелюбием здешних жителей.

Если же я о чем и забуду, то прошу дальнозорких по уму, с крепкой памятью и неугнетенных простить мне за это. Итак, начну по силе моей исчислять имена благородных мужей и юношей, вернее же, стоит осмелиться и назвать их страдальцами и новыми мучениками, безвинно убиенными.

Вскоре по смерти Алексея и по изгнании Сильвестра потянуло дымом великого гонения и разгорелся в земле русской пожар жестокости. И действительно, такого неслыханного гонения не бывало прежде не только в русской земле, но и у древних языческих царей: ведь и при этих нечестивых мучителях хватали христиан и мучили тех, кто исповедовал веру во Христа и нападал на языческих богов, но тех, кто не исповедовал и скрывал свою веру в себе, не хватали и не мучили, хоть и стояли они тут же, хоть и было о них известно, хоть и были схвачены их братья и родственники. Но наш новоявленный зверь тут же начал составлять списки имен родственников Алексея и Сильвестра, и не только родственников, но всех, о ком слышал от тех же своих клеветников, — и друзей, и знакомых соседей или даже и малознакомых, а многих и вовсе незнакомых, оклеветанных теми ради богатств их и имущества. Многих велел он хватать и подвергать различным мученьям, но других — таких еще больше — выгонять из домов и имений в дальние города. Но за что же мучил он этих невинных? За то, что земля возопила об этих праведниках в их беспричинном изгнании, обличая и кляня названных этих льстецов, соблазнивших царя. А он вместе с ними, то ли оправдываясь перед всеми, то ли оберегаясь от чар, неизвестно каких, велел их мучить — не одного, не двух, но весь народ, и имена этих невинных, что умерли в муках, и перечесть невозможно по множеству их.

Вот тогда убита преподобная Мария, по прозвищу Магдалина, с пятью своими сыновьями, потому что была она польского происхождения, потом перешла в православие и стала великая и значительная постница, много недель в году по одному разу ела, и так она воссияла в святом вдовстве, что носила на преподобном своем теле тяжелые железные вериги, порабощающие тело, чтобы покорить его духу. А другие святые дела ее и добродетели пусть остается описать тем, кто живет там. Она была оклеветана перед царем в том, что будто бы была колдуньей и единомышленницей Алексея, поэтому велел он убить ее с ее детьми, а с ней и многих других. Ведь Алексей этот был не только добродетелен сам, но друг и сотоварищ всем, боящимся Господа, и сообщник всех, хранящих заповеди его, как сказал Давид. В доме своем держал он несколько десятков прокаженных, питая и омывая их втайне, не раз собственными руками своими снимая с них гной.

И тогда же убит был в тех гонениях один человек — Иван, по прозванию Шишкин, с женой и детьми. Был он родственник Алексея и человек поистине праведный, весьма рассудительный, благородного

происхождения и богат. Потом, после этих двух ли, трех, убиты благородные мужи: Данила, единоутробный брат Алексея, с сыном Тархом, который был еще в юном возрасте, лет двенадцати, тесть этого Данилы Петр Туров, а также Федор, Алексей и Андрей Сатины — их сестра была за вышеназванным Алексеем, — а с ними и другие. Этому Петру примерно за месяц до смерти было божественное видение, предсказавшее мученическую смерть, которое он сам мне рассказал, но здесь оно ради краткости не излагается.

И еще убит был им тогда князь Дмитрий Овчинин, отец которого много лет здесь мучился за него и умер здесь же. Вот что выслужил для сына, который еще в молодом возрасте, лет двадцати или чуть больше, убит собственной рукой царя!

Тогда же убит был им князь Михаил, по прозванию Репнин, бывший уже в достоинстве сенатора. Но за что же он убит, за какую вину? Царь с некоторыми возлюбленными своими прихлебателями стал пить из тех помянутых больших чаш, посвященных Дьяволу, куда и тот приглашен был по случаю: хотел было этим того вроде как другом себе сделать. А упившись, начал царь вместе со скоморохами плясать в маске, а с ним и бывшие на пиру. Увидев такое бесчинство, этот знатный и благородный человек стал плакать и говорить ему, что недостойно его, христианского царя, так поступать. А царь стал принуждать его, говоря: «Веселись и резвись с нами» и, взяв маску, стал возлагать тому на лицо. Но тот сорвал ее, растоптал и сказал: «Да не будет мне, человеку в чине советника, совершить это беззаконие и безумие!» И царь, полный ярости, прогнал того со своих очей, а через несколько дней после этого, в воскресенье, когда тот стоял на всенощном бдении в церкви, во время чтения Евангелия, велел бесчеловечным и жестоким воинам зарезать его, стоящего близ алтаря — как невинного агнца Божия.

И в ту же ночь он велел убить своего сенатора князя Юрия, по прозванию Кашина, когда тот также шел в церковь на утреннюю молитву. И зарезан был на самом пороге церкви, и залили весь церковный пол святою кровью.

Потом убит был брат этого Юрия, Иван. А родственник их, князь Дмитрий, по прозванию Шевырев, посажен на кол. Говорят, что он был жив в течение дня и как бы не чувствовал этой жестокой муки: сидя на колу, как на престоле, воспел он наизусть канон Господу нашему Иисусу Христу и другой благодарственный канон пречистой Богородице, а вместе с ними великое правило, называемое акафист, в котором заключено все Божественное устроение мира. А по окончании пения предал он Господу святую душу.

Перебито тогда немало и других князей из этого рода. А Дмитрия, по прозванию Курлятева, дядю этих князей, повелел — неслыханное беззаконие! — силой постричь в монахи со всей семьей, то есть с женою и малыми детками, — плачущих и рыдающих. А через несколько лет всех их удавили. А был этот князь Дмитрий человек совершенный, выдающийся по уму сенатор, лучший в роду.

Потом был им убит Петр Оболенский, по прозванию Серебряный, украшенный сенаторским саном, человек, отличавшийся богатством и своим военным искусством. Потом убиты князья этого же рода Александр Ярославов и князь Владимир Курлятев, племянники того Дмитрия. А были они оба, особенно Александр, поистине люди, подобные ангелам жизнью и умом, ведь так были они искусны в книжном смысле православных догматов, наизусть зная все Священное Писание. Сверх того, были они просвещены и опытны и в военном деле. Род их ведется от великого Владимира, от колена великого князя Михаила Черниговского, который был убит безбожным Батыем за то, что насмехался над его богами и дерзновенно исповедовал Бога Христа перед столь сильным и грозным мучителем. А эти его родственники, венчанные кровью, приложены как невинные страдальцы к страдальцу за Христа и прибавлены к мученику мученики.

Тогда же убит им князь Александр Суздальский, по прозванию Горбатый, со своим единственным сыном Петром, бывшим во цвете молодости, лет семнадцати. И в тот же день убит его шурин Петр Ховрин благородного и богатого греческого рода, сын земского подскарбия, а после и брат его, Михаил Петрович. Я вспоминал об этом Александре Горбатом, когда описывал взятие Казани. А эти князья суздальские происходят по роду от Владимира Великого, более двухсот лет принадлежало им старшинство между всеми русскими князьями. Один из них, князь Андрей Суздальский, владел рекой Волгой до самого Каспийского моря. От него, насколько я помню, произошли великие князья тверские, но точнее об этом говорится в русской летописной книге. А тот новоубиенный Александр был человек глубокого ума и весьма искусный в делах войны, сверх того, был он тонкий знаток Священного Писания. Были они и перед самой смертью радостны, и не оставляла их надежда, и без вины были перебиты царем как агнцы Бога живого. Рассказывают о них бывшие тогда и видевшие это, что когда привели их на казнь, то сын, говорят, первый с покорностью склонил шею перед мечом, но отец отстранил его и сказал: «О дитя, сын мой любимый и единственный! Да не увидят мои очи отсечения твоей главы!» И первым был убит князь. А отважный юноша поднял честную голову мученика, отца своего, поцеловал и сказал, подняв взор к небу: «Благодарю тебя, царь веков, Иисусе Христе Боже наш, царствующий со Отцом и Духом Святым, что сподобил нас быть убитыми невинно, как и сам ты, невинный агнец, заклан евреями-богоборцами! И сего ради прими души наши в свои живодательные руки, Господи!» И, сказав это, склонился под секиру на усечение святой своей главы. И отошел к Христу своему с таким упованием и с великой верою.

Тогда, в те же годы или немного раньше, по его повелению убит князь Дмитрий Ряполовский, муж великого разума и большой храбрости, смолоду искусный и опытный в геройских подвигах, ибо немало, как известно там всем, выиграл он битв у безбожных измаильтян, заходя за ними далеко в самую степь. И вот выслужил! Головой заплатил! Оторвал его от жены и детей и тотчас велел предать смерти.

Еще в тот год убиты им князья ростовские Семен, Андрей, Василий и другие с ними. А после из тех же князей ростовских еще Василий

Темкин, который здесь за него страдал, с сыном своим по его повелению зарублены опричниками его, отборными катами.

Еще убит князь Петр, по прозванию Щенятев, внук князя литовского Патрикея. Был он человек весьма благородный и богатый, но, оставя все богатство и большое имущество, избрал монашество и возлюбил бескорыстную жизнь в подражание Христу. Однако и там велел мучитель мучить его, жарить на железной сковороде, раскаленной на огне, и втыкать иглы под ногти. И в таких мучениях тот скончался. Убил он также братьев его из того же рода, известных князей Петра и Ивана.

В эти же годы убиты мои братья князья ярославские, происходящие от князя смоленского святого Федора Ростиславича, правнука великого Владимира Мономаха. Их имена: князь Федор Львов, человек выдающейся храбрости и святой жизни, с молодости и до сорока лет служил он ему верно, не раз одерживал светлые победы над погаными, обагряя руки свои кровью, вернее же, освящая их кровью басурман, истинных врагов креста Христова; другой князь Федор, внук славного князя Федора Романовича, который помог его (Ивана Грозного) прадеду, находясь в Орде у хана, губителя нашего — были тогда князья русские в рабстве у ордынского хана и власть получали из его рук, — так что был тот возведен на трон с его помощью. Вот как вспомнил он и заплатил за службу и доброжелательство наших прародителей к его прародителям! Наши князья ярославские никогда не покидали в бедах и несчастьях его прародителей как истинно верные и доброжелательные братья, происходящие по роду от того же славного и блаженного Владимира Мономаха. За этим князем Федором была его двоюродная сестра, дочь князя Михаила Глинского, славного рыцаря, которого без вины погубила его (Ивана Грозного) мать: был он ей дядей и обличал ее в беззакониях. Погубил он (Иван Грозный) немало и других князей этого рода. Одного из них, Ивана Шаховского по имени, он убил собственноручно булавой в городе Невеле на пути в Полоцк. Потом князей Василия, Александра и Михаила Прозоровских по прозванию и других князей этого же рода, прозванных Ушатыми, этого же рода князей ярославских, братьев их родственных, всем родом уничтожил, потому что, думаю, были у них большие вотчины, верно, поэтому и уничтожил.

Потом Ивана, князя Пронского, из рода великих князей рязанских, человека престарелого возраста, с молодости служившего не только ему, но и отцу его еще много лет, не раз бывшего великим гетманом и удостоенного сенаторского звания. В конце он склонился к монашеству, постригся в монастыре и отрекся от всей суеты этого мира ради своего Христа. Но царь человека столь престарелого возраста и маститой старости извлек из чреды спасенных и велел утопить его в реке. И другого князя Пронского, Василия, по прозванию Рыбина, он убил.

В тот же день убито немало и других благородных мужей и отменных воинов, пожалуй, двести, другие говорят, что и больше.

Тогда же убил он двоюродного брата своего Владимира с его матерью Ефросиньей, княжной Хованской, которая была из роду великого князя литовского Ольгерда, отца польского короля Ягайлы, поистине святая и великая постница, просиявшая в святом вдовстве и монашестве.

Тогда же велел он расстрелять из ручных ружей жену брата своего княжну Одоевскую Евдокию, также поистине святую и весьма кроткую, искусную в Священном Писании, знавшую все божественное пение, и двух мальчиков, сыновей брата своего, рожденных этой святой: одному было имя Василий, лет десяти, а другой поменьше. Забыл я уже, как было имя его, зато в вечной памяти книги жизни на небесах у самого Христа, Бога нашего, он хорошо записан. Убиты и многие другие их верные слуги, не только благородные мужчины и юноши, но женщины и девицы светлых и благородных шляхетских родов.

Потом были убиты славный и между русскими князьями Михаил Воротынский и Никита, князь Одоевский, родственник его, с детками-младенцами — один лет семи, а другой поменьше — и с женой. Говорят, что весь род их погиб. Вышеназванная Евдокия, бывшая за братом царя Владимиром, сестра ему. А какая же была за ним вина, за князем Воротынским? Пожалуй, только эта: когда по сожжении великого, славного и многолюдного города Москвы крымским ханом и по печальном и грустном, когда слышишь, опустошении русской земли безбожными варварами примерно через год этот же крымский хан пошел как хищный лев с рычанием и разинутой свирепой пастью на пожрание христиан со всей своей басурманской силой, желая уже вконец опустошить эту землю и изгнать из его царства самого великого князя, то наше чудо, узнав об этом, убежал от него из Москвы за сто двадцать миль, аж в Великий Новгород, а этого Михаила Воротынского оставил с войском и велел оборонять, как сумеет, опустошенные и несчастные эти земли. И он как твердый и мужественный человек, весьма искусный полководец дал сражение этому столь сильному басурманскому зверю. Он не позволил ему развернуться и еще менее разорять беззащитных христиан, он бился с ним со всей твердостью, и говорят, что сражение длилось несколько дней. И помог христианам Бог полководческим даром благоразумного мужа, и пали басурманские полки перед воинством христианским, и говорят, что два ханских сына были убиты, а один взят живым в той битве, сам же хан едва достиг Орды, бросив ночью великие басурманские хоругви и свои шатры. В той же битве взят живым и славный ханский гетман, христианский кровопийца мурза Диве. Все это — и гетмана, и ханского сына, и ханскую хоругвь, и его шатры отправил он нашему трусу и беглецу, жестокому и храброму против своих соплеменников и соотечественников, не сопротивляющихся ему.

Чем же воздал царь ему за эту службу? Прошу, внимательно выслушай эту горькую и грустную, когда слышишь, трагедию. Спустя примерно год велел он схватить, связать, привести и поставить перед собой этого победоносца и защитника своего и всей земли русской. Найдя какого-то раба его, обокравшего своего господина, — я же думаю, что был тот подучен им: ведь тогда еще князья эти сидели на своих уделах и имели под собой большие вотчины, а с них, почитай, по несколько тысяч

воинов было их слугами, а он им, князьям, завидовал и потому их губил, — царь сказал князю: «Вот, свидетельствует против тебя твой слуга, что хотел ты меня околдовать и искал для этого баб-ворожеек». Но тот, как князь чистый от молодости своей, отвечал: «Не привык я, царь, и не научился от предков своих колдовать и верить в бесовство, лишь хвалить Бога единого, в Троице славимого, и тебе, царю и государю моему, служить верой. Этот клеветник — раб мой, он убежал от меня, меня обокрав. Не подобает тебе верить ему и принимать от него свидетельства как от злодея и предателя, ложно на меня клевещущего». Но он тотчас повелел блистательнейшего родом, разумом и делами мужа, положив связанным на дерево, жечь между двух огней. Говорят, что и сам он явился как главный палач к палачам, терзающим победоносца, и подгребал под святое тело горящие угли своим проклятым жезлом.

Велел он также подвергнуть разным пыткам и вышеназванного Никиту Одоевского, например, пронзив его грудь, таскать туда и сюда <по ней> его сорочку, так что вскоре тот скончался в этих страданиях. А того прославленного победителя, без вины замученного и обгоревшего в огне, полумертвого и едва дышащего, велел он отвезти в темницу на Белоозере. Провезли его мили три, и отошел он с этого жестокого пути в путь приятный и радостный восхождения на небо к своему Христу. О самый лучший и твердый муж, исполненный великого разума! Велика и прославлена твоя блаженная память! Если недостаточна она, пожалуй, в той, можно сказать, варварской земле, в том неблагодарном нашем отечестве, то здесь, да и думаю, что везде в чужих странах, прославлена больше, чем там, не только в пределах христиан, но и у главных басурман, то есть у турок, потому что немало турецких воинов было тогда на той вышеупомянутой битве. В особенности много послано было в помощь крымскому хану от двора Махмета, великого паши, и все пропали по твоему благоусмотрению, ни один, говорят, не возвратился в Константинополь. Но что говорю я о земной твоей славе? Ведь и на небесах у царя ангелов славится память твоя как истинного мученика и победоносца как раз за ту пресветлую победу над басурманами, победу, которую ты одержал, защищая христиан, и утвердил мужеством своей храбрости. А особо сподобился ты получить великую мзду за то, что безвинно пострадал от этого кровопийцы, сподобился ты венца от Христа нашего Бога в его царствии со всеми великомучениками, потому что много ты геройствовал от молодости твоей до шестидесяти лет без малого за овец его против басурманского волка.

Оба они, близкие родственники друг другу, вместе претерпели страдания, ибо князья Воротынские и Одоевские — из рода мученика князя Михаила Черниговского, зарезанного Батыем безбожным, внешним врагом церкви. А этот Михаил-победоносец, родственник тому и тезка, пожжен внутренним драконом церкви, губителем христиан, боящимся чар. Ведь Василий, его отец, будучи стар, с упомянутой преступной и совсем молодой женой разыскивал повсюду злодейских колдунов, чтобы помогли ему в деторождении, не желая, чтобы властителем по нем был брат его. А был у него брат Юрий, весьма мужественный и доброго нрава, так что он велел и заповедал жене своей и окаянным советникам по своей смерти убить того без

промедления; того и убили. А о колдунах этих так пеклись, рассылали за ними туда и сюда вплоть до самой Карелии, то есть Финляндии (находится она на больших горах у Ледовитого океана), и оттуда приводили их к нему, лядащих этих и злобных советников сатаны. И с их помощью от скверных семян по злому произволу, а не по природе, устроенной Богом, родились у него два сына. Один такой жестокий кровопийца и губитель отечества, что не только в русской земле о таком чуде и диве не слыхали, но думаю, что поистине нигде и никогда, потому что и злобного Нерона превзошел он жестокостью и разными несказанными мерзостями. Особенно ведь то, что не был он внешний непримиримый враг и гонитель церкви Божьей, но внутренний ядовитый змей, который терзал и пожирал рабов Божьих. А другой был безумен, без памяти, бессловесен, как будто родился диким зверем.

Вот, внимательно созерцайте и смотрите на таких христиан, что осмеливаются неподобающим образом приглашать на подмогу к себе, детям своим, мужьям злобных колдунов и баб, которые ворожат на воде и нашептывают и другими чарами колдуют, общаются с Дьяволом и призывают его на помощь, — разглядите в этой неслыханной жестокости, о которой говорилось, какую помощь и какую пользу имеете вы от этого! Мне не раз приходилось слышать, что многие считают это за малость и говорят со смехом: «Этот грех мал, он легко искупается покаянием». А я говорю: «Не мал, но поистине весьма велик». Потому что нарушает он важную Божью заповедь по завету, ибо говорит Господь: «Да не убоишься никого и никому не послужишь», то есть: «Ни от кого не получишь помощи, кроме меня, — ни вверху на небе, ни внизу на земле и ни в безднах». Еще об этом: «Кто пред людьми откажется от меня, от того и я откажусь пред Отцом моим небесным». А вы, забыв эти непреложные заповеди Господа нашего, спешите к Дьяволу, прося у него через колдунов! Но чары, как всем известно, без отвержения от Бога и без согласия с Дьяволом не бывают. Думаю я также, что в действительности грех этот неискупим для тех, кто им поддается, и не легок для покаяния: неискупим потому, что малым его воображаете, не легок потому, что без Иудина отступничества, и без договора, то есть обета, с Дьяволом, и без отступничества от Христа, как мы говорили, этих колдунов чары, и относы, и ворожба на воде вместо начальной купели, и натирание солью вместо святого помазания, скверные нашептывания вместо открытого обращения к Христу на святом крещении, относы вместо приношения на святой жертвенник пречистого агнца — не в состоянии действовать. А все это придумано Дьяволом ради дьявольских союзников среди вышеназванных преступных людей. Но да избавит всех православных от них Господь Бог наш по премногой своей благодати! И если кто не прислушивается к ним, тому и бояться нечего, потому что рассеиваются они как дым при знаке честного креста не только от умудренных христиан, но и от простых людей, верующих во Христа и с доброй совестью живущих, у которых на сердцах плотских скрижалей начертаны евангельские слова Христовых заповедей. Об этом свидетельствует и сам Бог-Слово в той молитве, которой в конце научил молиться учеников своих, сказав: «Яко твое есть царство и сила» и так далее. В девятнадцатой беседе на Евангелие от Матфея блаженный Златоуст хорошо объясняет, что не должен христианин

бояться ни царства, ни другой силы, никого, кроме одного Бога. Если когда Дьявол порабощает нас муками, это Бог позволил. А сам он без воли Божьей, хоть и злорадный, и лютый, и непримиримый наш враг, не только нас, людей, не поработит, но даже и свиней или стад воловых или других скотов без воли Божьей. Все это засвидетельствовано в Евангелии. А лучше поймете, прочтя в другом священном толковании златого языка.

Тех, кого смог удержать в память, я перечислил среди княжеских родов.

О избиении боярских и дворянских родов.

Попробую теперь написать, насколько даст мне Господь память, о великопанских, а по-ихнему, боярских родах.

Убил он человека светлого родом Ивана Петровича, бывшего уже в преклонном возрасте, и жену его погубил Марию, действительно святую, у которой прежде, еще будучи молод, единственного возлюбленного сына оторвал от груди и голову ему отрубил — Ивана, князя Дорогобужского из рода великих князей тверских. Отец его был убит в битве с казанскими татарами, а младенец остался один на руках у матери. И она во святом вдовстве воспитала его до восемнадцати лет. О его смерти я вскользь упомянул, когда писал эту хронику, что убит он вместе со знатным юношей, двоюродным своим братом князем Федором Овчиной. И так разгорелся царь против этого Ивана, что не только слуг его, мужей-шляхтичей, различными пытками пытал и убил с семьями, но и города и села — а тот имел большую вотчину — все пожег, сам участвуя в набеге своих опричников, кого где нашел, ни жен, ни детей, сосущих при сосцах материнских, не пощадил, а в конце, говорят, велел ни одной скотины в живых не оставлять.

О Иване Шереметеве.

Мудрого своего советника Ивана, по прозванию Шереметева, о котором не раз упоминал я в хронике, еще в начале своих зверств подверг он такой злой пытке в узкой темнице с полом в остриях, что и поверить трудно. Сковал он ему тяжкими цепями шею, руки и ноги, а сверх того, толстым железным обручем поясницу, а к обручу велел привесить десять пудов железа, так что день и ночь мучил его в этом бедственном положении. Потом он пришел разговаривать с ним, а тот уже едва дышит и полумертв, оттого что в таких тяжких оковах лежит повержен на таком полу с остриями. Стал он у него среди других вопросов выпытывать и о следующем: «Где, дескать, великие капиталы твои? Отвечай мне. Знаю я, что очень ты богат, но не нашел того, что надеялся найти в твоих сокровищницах». Ответил Иван: «Целы, дескать, и скрыто лежат, где уже не достать их тебе». А он сказал: «Расскажи мне об этом, а если нет, прибавят к пыткам пытки». Ответил Иван: «Делай что хочешь. Близко уже мое избавление». А царь сказал: «Прошу тебя, расскажи мне о капиталах твоих». Ответил Иван: «Если и расскажу я тебе о них, не достать их тебе, как я сказал: перенес я их руками нищих в небесное хранилище к моему Христу». Дал он царю

тогда и другие весьма мудрые ответы, как если был бы он из мудрых философов или великих учителей. И тот, слегка сжалившись, велел освободить его от тяжких уз и перевести в лучшую темницу. Но как раз в тот день царь приказал удушить его брата Никиту, с бесчисленными на теле ранами от варварских рук, человека храброго, удостоенного уже сенаторского звания. А Иван после того с телом, разрушенным насилием, несколько лет еще прожил при нем, раздав остатки своей собственности главным образом убогим и странникам, — дав их в духовный рост мздовоздаятелю Христу Богу. Он ушел в один из монастырей и облекся в святой монашеский образ. Уж не знаю, не велел ли и там умертвить его царь.

Потом убил он двоюродного брата своей жены Семена Яковлевича, человека благородного и богатого; сын его, еще отрок возрастом, также удушен.

Еще же убиты им мужи: по имени Хозяин, по прозванию Тютин, муж греческого происхождения и весьма богатый, он был у него подскарбием земским и уничтожен со всей семьей, то есть с женой, с детьми и другими близкими, а также другие богатые и известные мужи, имен которых из-за многочисленности невозможно написать, ведь несколько тысяч убито их и не только в городе Москве, а и в других больших городах и крепостях.

Потом разграбил он великое богатство своего сенатора, собранное еще предками того. Имя тому было Иван, по прозванию Хабаров, античного рода, что звались Добрынскими. Но этот человек мало заботился о своих сокровищах, утешителем служил ему Бог, потому как был он отчасти искусен в разумении книг. А через три года царь велел его убить вместе с единственным сыном ради вотчины, потому что имел он во многих поветах великие вотчины.

Тогда же убил он человека светлого рода Михаила Матвеевича Лыкова, а с ним ближнего родственника его, очень красивого юношу во цвете младости, который был послан за границу в Германию за наукой. Там он хорошо выучился немецкому языку и письму, ибо был он там в обучении немало лет и объездил всю немецкую землю. Возвратился он было к нам в отечество, а через несколько лет вкусил без вины смерть от тирана. А тот блаженной памяти Матвей Лыков, отец Михаила, сгорел. За отечество он пострадал: когда возвратились от Стародуба войска польское и литовское со своим гетманом, немало тогда разорили они северских городов. И тот Матвей видел, что не спасти ему его крепость, и пустил вперед жену с детьми своими в плен, а потом, не желая видеть захват крепости врагами, защищал вместе с народом крепостные стены, потому что предпочел сгореть с ними, но не сдать город врагам. Жена и дети его как пленники приведены были к королю Сигизмунду Старому. И король, как истинно настоящий святой христианский, велел кормить их не как пленников, но как своих, и не только кормить в царских своих покоях, но велел, чтобы доктора его научили их шляхетским наукам и латинскому языку. Потом через несколько лет великие послы московские в Кракове Василий Морозов и Федор Воронин выпросили их у короля на родину, по правде скажу,

неблагодарную и недостойную ученых людей, в землю жестоких варваров, где один из них, по имени Иван, взят живым на битве и умерщвлен лифляндским магистром в суровой тюрьме — пострадал за отчество, как и подобает ученому человеку; а тот другой, уже названный Михаил, остался и был воеводой в Ругодиве, где и убит, как мы сказали, этим мучителем, царем-варваром. Вот так он, суровый и жестокий варвар, не помня заслуг отцов и братьев, воздает верным и служащим ему людям, украшенным светлыми своими делами!

Потом уничтожил он семейство Колычевых, также просвещенных и выдающихся в своем роду людей, единокровных Шереметевым, а прародитель этих просвещенных и знаменитых людей приехал из Германии. Имя его было Михаил, говорят, что был он из рода австрийских князей. А уничтожил он их по той причине, что очень рассвирепел на их дядю, архиепископа Филиппа, обличавшего его в преступных беззакониях, о чем коротко я расскажу позже. И было тогда знамение явлено от Бога над одним из них, по имени Иван Борисович Колычев. И вот как в действительности случилось это чудо, о чем слышал я от одного свидетеля, видевшего его.

Когда царь весьма разъярился, вернее же сказать, взбесился через неприятеля и врага человеческого, разожженный бесовскими сообщниками, и, как сказал я прежде, сжигал, разъезжая, этого Ивана Петровича городки, села и дворы с живущими в них, тогда наткнулся он, говорят, на очень высокое строение, на их бытовом языке называют его повалушей. В самых верхних покоях велел привязать он покрепче названного этого человека и как под это строение, так и под другие, стоявшие близ него, где было нагнано и заперто много людей, велел он поставить несколько бочек пороху, а сам стал вдалеке с воинским строем, как будто под вражеской крепостью, ожидая, когда взорвется строение. И когда взорвало и разметало не только эту постройку, но и другие, стоявшие поблизости, он со всеми своими опричниками, поистине как бешеный с неистовыми, со всем этим дьявольским полком выскочил во всю конскую прыть смотреть разорванные тела христиан, при этом все громогласно завопили, как при битве с врагами и как если бы самую светлую одержали победу. А в строениях этих, под которые заложен был порох, было множество связанных и запертых людей. А после того далеко в поле нашли этого Ивана: одна рука привязана к большому бревну, а сам цел сидит на земле, и ничуть нигде не поранен, и Господа славит, творящего чудеса, а прежде был распят и связан по рукам и ногам. Когда это стало известно царским опричникам, то один из них, бесчеловечный и жестокий, пустился и быстро прискакал на коне прямо к нему, увидел, что тот невредим и поет благодарственные псалмы Господу, тотчас отрубил ему саблей голову и как дар драгоценный принес ее столь же жестокому своему царю. И тот велел тут же зашить ее в кожаный мешок и послать ее к дяде Ивана, помянутому архиепископу, заключенному в тюрьме, со словами: «Вот родича твоего голова! Не помогли ему твои чары!»

Этих Колычевых в роду несколько десятков было: были среди них мужи храбрые и выдающиеся, иные из них удостоены были сенаторского звания, а иные были стратегами. И вырублены они всем родом.

Потом убил он очень храброго и разумного человека, знатока к тому же Священного Писания, Василия, по прозванию Разладина, из рода славного Ивана Родионовича, прозванного Квашней. Говорят, что и мать его Федосья, многолетняя престарелая вдова, вытерпела от мучителя многие муки, пострадав без вины. Всего у нее было трое сыновей; были они очень храбрые; один — помянутый Василий, другой — Иван, третий — Никифор, убитый еще в юности в сражении с немцами (однако немцы тогда были разбиты). Люди были они храбрые очень и мужественные, прекрасны не только телом, но поистине украшены были они добрыми нравами и душами.

И тогда же убит им был Дмитрий, называемый Пушкиным, также весьма разумный и храбрый человек уже зрелого возраста. Был он родственник Челядниных.

Потом убит им славный стратег Крик, по прозванию Тыртов, человек не только храбрый, мужественный и знаток Священного Писания, но поистине широк разумом, к тому же кроток он был и тих, весьма украшен всяческим благонравием и приятен добрыми навыками. Сверх того — что лучше еще и удивительней? — был он чист и непорочен, как родился от матери своей. Среди воинства христианского знаменит он был и прославлен, ибо много было у него на теле ран от многих сражений с разными варварами. Был он еще юн, когда храбро молодцевал при взятии Казани, где лишился одного глаза по великому и крепкому своему мужеству. И такого не пощадил кровопийца-тиран!

Тогда же или чуть раньше был им убит муж благоверный Андрей, внук славного и сильного рыцаря Дмитрия, по прозванию Шеина, из рода Морозовых, что прибыли от немцев вместе с Рюриком, пращуром русских князей, — семь храбрых и благородных мужей, среди них-то и был Мисса Морозов. А этот Дмитрий, сражаясь за православие, тоже принял мученический венец от казанского хана Махмет-Аминя.

В те же годы убиты им мужи из этого же рода Морозовых, удостоенные сенаторского звания: одному было имя Владимир, — много лет он томил его в темнице, а потом и уничтожил, — а другому было имя Лев, по прозванию Салтыков, с четырьмя или пятью сыновьями, цветущими еще цветом юности. Позже потом слышал я, что Петр Морозов жив, что и дети Льва уничтожены не все, некоторые, говорят, остались живы.

Тогда же перебиты Игнатий Заболоцкий, Богдан, Феодосий и другие их братья, выдающиеся стратеги и молодцы благородного происхождения. Говорят, что уничтожены они всем родом вместе с родственниками.

И еще перебиты Василий и братья его со своими родственниками, по прозванию Бутурлины, люди, блиставшие в своих родах. Они были в родстве с названным Иваном Петровичем.

Еще же убит им Иван Воронцов, сын того Федора. То, что в молодости своей убил царь этого отца Федора вместе с другими мужами, — я об этом упомянул, когда писал хронику.

Потом убит им муж знатного рода и весьма храбрый, с женою и единственным своим сыном отроческого еще возраста или детского, лет пяти или шести. А был человек этот из рода великих Сабуровых, и прозвание было ему Замятня. Единоутробная сестра его отца была за отцом царя — преподобная мученица Соломонида, о которой я прежде всего вспомнил в этой книжке.

Убиты им многие стратеги или командиры, люди храбрые и искусные в военном деле: Андрей, называемый Кашкаров, человек, прославившийся своими значительными заслугами, и брат его, по имени Азария, также человек разумный и искусный в Священном Писании, уничтожен с детишками, а также их братья Василий и Григорий, по прозванию Тетерины. Немало и других дядьев и братьев их с семьями, женами и детьми велел он уничтожить.

Также и из рязанской шляхты со всеми родами уничтожены благородные мужи аристократического происхождения, мужественные, храбрые, украшенные славными заслугами Даниил Чулков, командир выдающегося мужества Федор Булгаков и некоторые другие искусные богатыри и военачальники, короче говоря, разорители басурманских и защитники христианских пределов, вместе с братьями и многими другими родственниками — в тот же год и за один день в новой крепости на Дону посланными от царя свирепыми опричниками. А воеводой этих демонских воинов был любовник царя Федор Басманов, который после собственной рукой зарезал отца своего Алексея, знаменитого прихлебателя, маниака на их языке, и губителя своего и святой земли русской. О праведный Боже, сколь ты праведен, Господи, и праведны судьбы твои! Что приготавливал он братьям, то скоро вкусил и сам!

Тогда же и в тот же день убил он уже названного прославленного добротой и самого светлого в роду князя Владимира Курлятева. И тогда же вместе с ним зарезал он Григория Степанова, сына Сидора, из рода великих сенаторов рязанских. А тот-то Степан, отец Григория, был муж, прославившийся добродетелями и искусный в богатырских делах. Служил он много лет — годов до восьмидесяти — весьма верно и трудолюбиво святорусской империи. Потом прошло лишь около недели, напали на эту новую крепость поганые измаильтяне со своими царевичами, числом тысяч десять. Но христианские воины твердо противустали им, защищая от внезапного нападения поганых крепость и бедных христиан, живущих при крепости. И при этой обороне, храбро сражаясь, одни тяжело ранены, другие же, сражаясь до смерти, изрублены погаными. И вдруг после этой битвы, дня через три, — ужасно и удивительно не только говорить, но и слышать! — случилось нечто тягостное и бессмысленное: вдруг внезапно от этого свирепого зверя и губителя святой русской земли, от этого сына и сотоварища антихриста, напали вышеназванные опричники на оставшихся христианских воинов, которых они надеялись еще захватить после резни и измаильского побоища. Рассказывают, что прискакали они в город, вопя как бесноватые, рыская и кружа по домам или ставкам: «Где такой-то князь Андрей Мещерский и князь Никита, брат его, и Григорий Иванов, сын Сидора (двоюродного упомянутому)?» И хотя

слуги показывали им тела мучеников, только что убитых измаильянами, они как безумные, надеясь, что те еще живы, вломились в их дома с приготовленными пыточными орудиями, чтобы резать. И, увидев их мертвыми, помчались тут же, посрамленные, к зверю, чтобы доложить об этом.

Подобное произошло и с одним моим братом, из нашего рода, князем ярославским, которому было имя Андрей, по прозванию Аленкин, внуком названного славного князя Федора Романовича. Ему пришлось оборонять один город или крепость из северских крепостей от внезапного нападения врага, и был он застрелен из огненной пращи и на другой день умер. А на третий день прискакали опричники от тирана, чтобы зарезать его, нашли его уже мертвым и поскакали к зверю докладывать. А кровожадный и ненасытный зверь после смерти святого подвижника отнял у жены и детишек вотчину и все имущество и, переселив их с их родины в дальние земли, там, говорят, всех всей семьей в притеснениях уничтожил.

И других Сабуровых, по прозванию Долгих, а на деле больших в мужестве и храбрости, и других, Сарыхозиных, приказал уничтожить целыми семьями. Рассказывают, что вели их сразу восемьдесят душ всего с женами и детьми, также и младенцев, сосущих грудь в бессловесном еще возрасте, играющих на руках матерей, несли на казнь.

В те же годы или несколько раньше умертвил он благорожденного жителя по имени Никиту, по прозванию Казаринова, долгие годы верно служившего святорусской империи, с единственным сыном Федором, бывшим во цвете лет. А умертвил он его таким образом: когда послал он за ним отборных палачей, чтобы схватить его, тот, увидев их, уехал было от него в монастырь, стоящий на реке Оке, и принял там на себя великий ангельский образ. А когда присланные тираном опричники стали допытываться о нем, то, подражая Христу своему и изготовившись, то есть приняв святые дары, вышел он им навстречу и бесстрашно сказал: «Я тот, кого вы ищете!» Схватили они его и связанного привели к царю в кровопийственный город, называемый Слобода. И когда увидел его во ангельском чине этот зверь, наделенный речью, тотчас вскричал как истинный оскорбитель христианских таинств: «Он, дескать, ангел: так следует ему на небо возлететь!» И тотчас велел поставить под сруб бочку пороха аль две и, привязав там мужа, взорвать. И действительно, по злой воле войдя в согласие с отцом своим, сатаной, поневоле произнес ты правду лукавыми устами! Как некогда Кайафа, ярясь на Христа, непроизвольно пророчествовал, так ты, несчастный, изрек здесь верующим во Христа, вернее же мученикам, о восхождении на небо, ибо Христос своим страданием и пролитием своей драгоценнейшей крови отворил для верных небо к небесному взлету или восхождению.

К чему говорить лишнее? Если бы писал я их по именам и родам, кого хорошо помню, этих храбрых, знаменитых и благородного происхождения мужей, не уложился бы, переписывая их, в книгу. Но что сказать о тех, кого по человеческому несовершенству не удержал я

в памяти и кого поглотило забвение? Их имена навсегда занесены в книги жизни, так что и малое самое их страдание не забыто у Бога, благого мздовоздаятеля и сердцеведца, испытателя всего тайного.

После всех этих, уже названных, убит был им Михаил Морозов, муж славного рода лет восьмидесяти, был он сенатором избранной рады, со своим сыном Иваном, молодым человеком, и еще одним юношей, имя которого я забыл, и со своей женой Евдокией, была она дочь князя Дмитрия Бельского, близкого родича короля Ягайлы. Справедливо говорят, что вела она святую жизнь, потому что напоследок вместе с мужем своим и со своими возлюбленными украсилась мученическим венцом, ведь вместе претерпели они страдания от тирана.

О страдании священномученика Филиппа, митрополита московского.

Думаю, что нельзя мне умолчать о священномучениках, пострадавших от царя, хотя коснуться этого нужно по возможности кратко, оставив лучше тем, кто живет там, кто ближе и лучше осведомлен, в особенности кто мудрее и разумнее, насколько возможно подвергнуть восполнению невежество и несовершенство, так сказать, написанного нами о страдальцах, исправить, раскрасить и сделать благолепными подвиги мучеников сравнительно с тем, как это сделано у нас, скрывшихся от погони и находящихся в далеких странах. Просим извинить за недостатки или погрешности.

По смерти ли митрополита московского Афанасия, по добровольном ли оставлении им престола на архиепископский престол русской митрополии был возведен Филипп, игумен с Соловецкого острова. Как мы говорили, был он муж славного и великого рода, от молодости своей украшен добровольной монашеской нищетой и благолепной жизнью иерея, духом тверд и мужествен. Когда поставили его епископом, стал он украшаться епископскими делами, прежде всего по-апостольски ревновать о Боге. Видя, что царь поступает не по-божески, обливаясь невинной христианской кровью и совершая всякие неподобающие и скверные поступки, стал он вначале обращаться, в подходящее время, с просьбами, как сказал великий из апостолов, и настаивать во всякое время, потом угрожать страшным судом Христовым, препятствуя данной ему от Бога епископской властью, и говорить без стеснения о Господней воле столь гордому, свирепому и бесчеловечному царю. Царь же повел против него большую войну и тотчас пустился на злобные поклепы и сикофантии. Дело неслыханное и нелегкое, чтобы о нем рассказать! Рассылает он по тамошним своим русским пределам скверных своих прихлебателей: рыщут и пробегают они тут и там, как кровожадные волки, посланные свирепейшим зверем, ищут они и добывают подложные сведения против святого епископа, старательно разыскивают, зыркая тут и там, где только найти можно лжесвидетелей за большие подарки и поддержку высшей власти.

О, велика беда от неслыханной и тягчайшей бесовской дерзости! О, человеческие козни, разжигаемые дьявольским бесстыдством! Кто и где слыхал, чтобы епископа допрашивали и судили миряне? Как пишет

Григорий Богослов в Слове о похвале Афанасия Великого, имея в виду собор безбожных агарян: «Которые сажали, дескать, мирских людей и приводили на испытание к ним епископов и пресвитеров, а ведь тем мирянам и краем уха не следовало таковых слушать», и так далее. Где священные законы? Где семистолпные правила? Где апостольские уложения и уставы? Все они попраны и поруганы самым скверным зверем-кровопийцей и безмозглыми людьми, угождателями ему, губителями отечества!

Что же он делает потом? Восставая против святителя, он не посылает, однако, к константинопольскому патриарху, перед судом которого русские митрополиты, если бы оказались кем в чем обвинены, — только перед ним обязаны давать о себе показания. Он не просит у патриаршего престола наместника, чтобы допросить епископа. И действительно, бесясь на святого архиепископа, забыл ты разве свежую или недавнюю историю, которую сам часто рассказывал, о святом Петре, митрополите русском, как был на него ложный донос от заносчивого тверского епископа? Ни один из русских князей, узнав об этом, не осмелился чинить разбор между епископами, то есть судить священников. Ведь они тотчас послали к константинопольскому патриарху за наместником, чтобы он разобрался и рассудил это, как подробно об этом написано в русской летописной книге. Иль не было тебе это за образец, о зверь-кровопийца, если бы хотел ты быть христианином?

И созывает он против святителя свои скверные соборища иереев Вельзевула и проклятый сонм союзников Кайафы, и вступает с ними в соглашение, как Ирод с Пилатом. И приходят они вместе со зверем в большую церковь и садятся на святое место — о мерзость запустения с главой окружения их и с трудом уст их! — и приказывают от зловонной и проклятой власти привести к себе преподобного епископа, облеченного в освященные одежды. И выставляют они скверных людей: лжесвидетелей, предателей своего спасения — тяжко и горестно говорить об этом! — и тотчас сдирают с него спасительские одежды, и в руки палачам отдают святого человека, смладу воссиявшего добродетелями. И обнаженного волокут его из церкви и сажают на быка задом наперед — окаянные и скверные! — и свирепо без пощады бьют его тело, утомленное многолетними постами, и возят по площадям крепости и города. А он, храбрый борец, терпит все это так, как если бы не было у него тела, среди этих мучений благодарит Бога в хвалах и песнях, священномученической десницей своей благословляет бесчисленные толпы горько плачущих и рыдающих.

Уподобившись во зле самому первому и самому лютому дракону, губителю рода человеческого, этот лютый зверь не сыт еще кровью священномученика и не доволен этим неслыханным от века бесчестьем над преподобным епископом. Велит он затем оковать его тягчайшими цепями по рукам и ногам и по бедрам, ввергнуть престарелого и измученного человека, утомленного великими трудами и с немощным уже телом, в тесную и мрачную темницу, темницу велит он закрыть крепкими затворами и замками и стражу ставит к темнице — своих единомышленников во зле. Потом, день-другой спустя, посылает он в

тюрьму кого-то из своих советников посмотреть, не умер ли уже. Говорят, что когда вошли в темницу, то будто обнаружили, что епископ освобожден от тяжких оков и, воздев руки, занят божественным псалмопением, а оковы лежат рядом. Увидев это, восплакали, возрыдали и припали к коленям его посланные сенаторы, а вернувшись с поспешностью к жестокой, сумоуправной и надменной этой власти, вернее же сказать, к лютому и ненасытному хищному зверю, все подробно возвестили. Говорят, что он тут же вскричал: «Чары, дескать, чары он пустил, враг мой и изменник!» А советников, которые умилились увиденному, стал притеснять и запугивать разными смертными муками. Потом, изморив голодом свирепого медведя, велел впустить его к епископу в темницу и затворить, — это я действительно слышал от достоверного свидетеля, видевшего это. После того сам он наутро пришел и велел открыть темницу, полагая, что зверь сожрал епископа. Однако опять нашли его по Божьей благодати цела и ничуть не поранена, стоящего, как и прежде, на молитве, зверь же, сделавшись кротким, как овца, лежал в углу темницы. О чудо! Звери, свирепые по природе, изменяются вопреки природе у кротких, люди же, созданные Богом кроткими по природе, собственной волей из кротости в свирепость и бесчеловечность переходят! Рассказывают, что царь тут же вышел и сказал: «Чары, дескать, пускает епископ». Поистине то же самое говорили в древности мучители о творивших чудеса мучениках.

Рассказывают, что потом отвел мучитель епископа в один монастырь под названием Отрочий, находящийся в Тверской земле, и там пробыл он чуть не целый год, как утверждают некоторые, а царь якобы посылал к нему и благословения просил, чтобы простил его, а также о возвращении на престол. Но тот, как мы слышали, отвечал ему: «Если, дескать, обещаешь покаяться в своих грехах и удалить от себя этот дьявольский полк, собранный тобою на гибель христианам, то есть опричников, или так называемых кромешников, я благословлю, дескать, тебя и прощу, и на престол свой, послушавшись тебя, вернусь. Если же нет, да будешь ты проклят в этом веке и в будущем вместе со своими хищными опричниками и со всеми единомышленниками твоими по злу!» И одни рассказывают, что по повелению царя был он задушен в том монастыре свирепым и бесчеловечным опричником, а другие передают, что был он сожжен на горящих углях в одной из любимых крепостей царя, называемой Слободой, что наполнена христианской кровью. Так или иначе, но во всяком случае был он увенчан священномученическим венцом от Христа, которого он возлюбил смолоду и за которого претерпел страдания.

После убийства митрополита разными пытками замучено и уничтожено несколько сот клириков, а также нехиротонисанных благородных мужей. Ибо там, в той стране, многие благородные светлого рода мужи имеют собственность и в мирное время служат архиепископам, а когда случается война с соседними врагами, тогда входят они в христианское войско. Они не хиротонисаны.

Но раньше еще, чем этот Филипп был возведен на митрополию, великий князь упросил епископа казанского, по имени Герман, быть архиепископом русской митрополии. И хоть тот усиленно отказывался

от этого дела, но как великий князь, так и собор принудили его к этому. Говорят, что дня два был он уже в церковных палатах на митрополичьем дворе, но все еще отказывался от тягот великого пресвитерства, особенно потому, что не хотел быть в этом сане при столь свирепом и безрассудном царе. Говорят, что пустился он с царем в беседы, поучая его тихими и кроткими словами, напоминая ему о Страшном суде Божьем и нелицеприятном испытании каждого человека в его делах — как царей, так и частных лиц. После этих бесед царь отправился в свои покои и тотчас передал своим любимым прихлебателям это духовное наставление: ведь уже слетелись к нему отовсюду эти доброй избранной рады не только злобные клеветники, лукавые паразиты и болтуны, но и настоящие воры и разбойники, люди, полные всех бесчестных мерзостей. И они, испугавшись, что если послушается он епископского наставления, тотчас прогонит их с глаз долой и сгинут они в своих пропастях и норах, как услышали про это от царя, ответили ему в один голос: «Боже сохрани тебя, дескать, от этого наставления! Разве, царь, желаешь ты снова быть в рабстве у этого епископа, еще более горьком, чем был ты прежде много лет у Алексея и Сильвестра?» И со слезами умоляли его, припадая к его ногам, особенно же один из них, по имени Алексей Басманов, со своим сыном. Послушал он их и тотчас велел изгнать епископа из церковных палат, сказав: «Еще ты, дескать, и на митрополию не возведен, а уже в рабство обращаешь меня!» А через два дня нашли мертвым этого казанского епископа у себя на дворе. Одни говорят, что тайно удавили его по повелению царя, другие же, что умертвили смертельным ядом. А принадлежал Герман к высокому роду Полевых, как называется эта шляхта по своей вотчине. Был он человек как крупного сложения, так и великого ума, человек чистой и поистине святой жизни, знаток Священного Писания, ревнитель о Боге и плодовит в духовных трудах. К тому же был он знаком отчасти с учением Максима Философа. Хоть и происходил он из среды монахов-иосифлян, но вовсе не были ему свойственны их лукавый нрав и обычное лицемерие, а был он человек добрый, справедливый, твердого духа, великий помощник тем, кто объят напастями и бедами, очень щедр также и к нищим.

Потом убил он Пимена, архиепископа Великого Новгорода. Этот Пимен вел чистую и очень суровую жизнь, но нравом был странный: говорят, что он прислуживался к тирану и вместе с ним участвовал в гонениях на митрополита Филиппа. Но чуть позже и сам испил он от царя смертную чашу: когда тот приехал в Великий Новгород, то приказал утопить его в реке.

А тогда царь такие преследования учинил в этом большом городе, что, говорят, за один день приказал изрубить, утопить, сжечь и замучить другими муками больше пятнадцати тысяч мужчин, не считая женщин и детей. И в этом свирепом пожаре убил он тогда Андрея, называемого Тулуповым, из рода князей Стародубских, человека кроткого и благонравного, пожилого возраста. А другой муж, Цыплятев, прозванный Неудачей, из рода князей белозерских, убит с женой и детишками. Был он тоже благонравен, опытен и очень богат. Были они оба поставлены на службу великому храму Софии, то есть Премудрости

Божьей. С ними же замучены и убиты разные другие благородные шляхетные мужи и юноши.

Слышали мы, что приобрел он тогда великие кровавые и проклятые богатства, ибо в старинном этом и большом городе, в Новгороде, живет торговое население. В самом городе у них морской порт, потому и очень богаты. Похоже на то, как мне кажется, что ради этих великих богатств он и уничтожил их.

После поставили другого архиепископа на место того, как я слышал, человека кроткого и замечательного. Но года через два приказал он и этого убить с двумя аббатами, то есть большими игуменами, или архимандритами.

Сверх того, за это же время замучено им так или иначе и убито много священников и монахов. Убит им тогда игумен Корнилий, настоятель Печерского монастыря, человек святой, великий и прославленный своей добродетелью. Смолоду просиял он монашескими подвигами, воздвиг он названный монастырь великими трудами и молитвами к Богу. Там прежде, пока не было у монастыря имений и монахи пребывали в нестяжании, по благодати Христа, Бога нашего, и молитвами его пречистой Матери происходили бесчисленные чудеса. Но когда возлюбили монахи собственность, особенно же недвижимую, то есть деревни и села, померкли божественные чудеса. Вместе с ним убит был тогда другой монах, ученик этого Корнилия по имени Вассиан, по прозванию Муромцев. Был он ученый и сведущий человек, знаток Священного Писания. Говорят, что их вместе в один день задавили каким-то орудием пыток. Вместе погребены и преподобномученические их тела.

Потом он разграбил и приказал сжечь большой город Ивангород, что стоит вблизи моря на реке Нарве. Также и в Великом Пскове и в других многих городах были бесчисленные несчастья, опустошения и кровопролития, которые подробно описать невозможно.

Во всем этом служили ему его прихлебатели со свирепым полком варваров, называемых опричниками, я и прежде не раз говорил о них. На место выдающихся и украшенных доброй совестью мужей собрал он со всех своих русских земель людей скверных, наполненных всяким злом. Сверх того, еще связал он их страшными клятвами и принудил несчастных не водиться не только с друзьями и братьями, но даже и с родителями, а только во всем ему угождать и исполнять скверные и кровожадные его приказы, так что крестным целованием понуждал он этих несчастных и безрассудных на такие и еще более жестокие дела.

О, умыслы лукавого врага людей! О неслыханное зло и скверны, толкающие людей в пропасть сильнее, чем любые преступления! Слыхал ли кто когда, чтобы знаком Христа клялись в том, что будут преследовать и мучить Христа? И в том целовать знак креста, чтобы церковь Христову терзать различными муками? И страшными клятвами клясться в том, что будет расторгнута естественная любовь к родителям, родственникам и друзьям, всеянная в нас создателем? Здесь

усматривай неслыханную скверну! Здесь ослепление этих людей, так как Дьявол хитростью заставил их отречься от Христа, сначала обольстив царя, потом уже вместе с царем в эту пропасть сверг и этих несчастных и так заставил отвратиться от тех священных обетов, которые при святом крещении даются самому Христу, чтобы клясться Христовым именем и отрекаться от евангельских заповедей. Но что говорю я: евангельских? И естественных, как я сказал: тех, что и у языческих народов хранятся и соблюдаются по воспитанному в нас Богом природному дару. Ведь Евангелие учит любить врагов и благословлять преследователей и так далее, внутренняя природа всех людей без голоса кричит и без языка научает иметь к родителям покорность, а к родственникам и друзьям любовь. Но Дьявол против всего этого вооружил со своим клевретом полк опричников и околдовал их клятвами. И действительно, чары, самые проклятые и скверные изо всех чар, простерлись над бедным человеческим родом от чарами зачатого царя. Господь заповедует не поминать имени своего всуе и, являясь свободными по природе, не связывать себя какими бы то ни было клятвами, то есть ни небом, ни землей, ни головой своей, ничем другим не клясться. Но эти упомянутые опричники как в забытьи отреклись от всего этого и исполнили обратное.

Чему вы удивляетесь, живя здесь от века в свободе под христианскими королями и считая, что нельзя верить этим названным нашим бедам? Действительно, нельзя бы, казалось, верить, если бы изложил я все подробно. А это написал я, стремясь сократить горестную эту трагедию, потому что и так едва не разрывается мое сердце от великой горести.

О преподобном священномученике Феодорите.

В те же годы погубил он прославленного добродетелями мужа, поистине святого и мудрого, архимандрита саном, именем Феодорит. О нем и о священной его жизни необходимо коротко вспомнить. Происходил он из славного города Ростова, откуда вышел и святой Сергий. На тринадцатом году жизни Феодорит ушел из родительского дома и добрался до самого Соловецкого острова, в монастырь, который расположен на Ледовитом океане. Пробыл он там один год, а на четырнадцатом году жизни принял монашеский образ и поступил в святое послушание, как это обычно у юных монахов, к одному святому, мудрому и престарелому иерею, по имени Зосима, тезке и ученику самого святого Зосимы Соловецкого. Послужив ему в непрерывном духовном послушании пятнадцать лет, приобрел он там всякую духовную премудрость и по ступеням добродетели взошел к преподобию. Был он потом рукоположен новгородским архиепископом во дьякона, а после, пробыв с год у своего старца, вышел из этого монастыря с его благословением, чтобы узреть славного и великого мужа, истинного чудотворца, Александра Свирского, и пребывал у него как чистый у чистого и непорочный у непорочного. А принял тот его по прозрению вне монастыря, выйдя ему навстречу, хотя никогда не знал его и не слыхал о нем, но сказал: «Сын Авраама пришел к нам, дьякон Феодорит». И пока жил он в этом монастыре, очень любил его.

Потом пошел он от Александра за реку Волгу в находящиеся там большие монастыри, отыскивая храбрых воинов Христовых, которые воюют против темного начала власти земных владык века сего. Обошел он там все обители и поселился в большом Кирилловом монастыре, потому что нашел там духовных монахов — Сергия, по прозванию Климина, и других святых мужей. Пробыл он там года два, подражая их суровой и святой жизни, изнуряя и покоряя плоть свою в рабство и повиновение духу. Оттуда он пошел в тамошние пустыни, а там встретил блаженного Порфирия, исповедника и первомученика, бывшего игумена Сергиевой обители, в тяжких оковах перенесшего много мук от великого князя, отца нынешнего. Стоит коротко вспомнить, что за причина была страданиям этим святого Порфирия.

По повелению великого князя московского Василия был Порфирий силой выведен из пустыни на игуменство в Сергиевом монастыре. А в это время произошло вот что: этот свирепый князь Василий — как это издавна принято у князей московских жаждать крови братьев своих и по алчности своей губить их из-за жалких и несчастных вотчин — захватил тогда близкого своего родственника, брата своего самого близкого по крови, Василия, князя северского, прозванного Шемячичем, человека прославленного и очень храброго, искусного в богатырских предприятиях, справедливо будет сказать — грозу басурман, который не только защищал свою вотчину Сиверу от частых набегов безбожных измаильтян, очень часто нанося им значительные поражения, но неоднократно углублялся в степь до самой Крымской орды и там одерживал над ханами Орды блистательные победы. И вот этот-то названный князь Василий, рожденный кудесницей-гречанкой, заключил в темницу столь славного мужа, поистине победоносца, и велел немедля умертвить его в тяжких оковах.

А тут пришлось ему приехать в этот Сергиев монастырь на празднество великой Пятидесятницы (потому как существует там у князей московских обыкновение справлять этот праздник ежегодно в этом монастыре: это якобы одухотворенно). И начал святой игумен Порфирий, как человек простого нрава, выросший в уединении, просить и молить за названного Шемячича, чтобы избавил он брата от темницы и столь тяжких оков. Стал мучитель возражать ему, как будто изрыгая пламя, а старец смиренно в ответ умолял: «Если, дескать, прибыл ты в храм безначальной Троицы просить у пресветлого Бога милости за грехи свои, будь сам милосердным к несправедливо преследуемым тобою. Если же, как говоришь ты, устыжая нас, виноваты они якобы перед тобой, прости им долг немногих динариев, по слову Христа, потому что ты сам ждешь от него прощения многих талантов». И тут же велел мучитель выгнать его из монастыря и того, за кого он молил, поскорей удушить. Немедля и с радостью освободившись от игуменских одежд, отрясши прах от ног своих по заповеди Божьей и приняв свою худую и рваную пустынническую одежду, отправился старец пешком в ту пустыню, что была с молодости вожделенна для него. Но тиран и после не переставая горел яростью против святого и по доносам некоторых корыстолюбивых и лукавых монахов, истинно скверных угождателей, велел снова приволочь святого человека из столь далекой

пустыни в самую Москву и, отдав палачам, пытать различными пытками.

Спеша окончить эту историю, я опущу все беды его и муки и вспомню кратко лишь одно, что приходит мне на память, — апостольскую доброту этого удивительного человека. Когда святой был сильно истерзан пытками, то отдали его, едва живого, под надзор некоему Пашке, комнатному, или привратнику по-ихнему, который был у тирана верным катом и надзирателем при палачах. Заковал он того в тяжкие оковы, а сверх того, морил измученного человека голодом, чтобы угодить и проявить преданность тирану, желающему, чтоб поскорей наступила смерть. Но наш милосердный царь Христос не оставлял раба своего в беде, направляя свою заботу через жену надзирателя, которая проявила к нему великое человеколюбие, втайне снабжая его пищей и залечивая раны. А через какое-то время она спрятала его в одном месте и хотела освободить от уз, чтобы узник Христов смог избежать рук тирана. Говорят, что когда пришел ее муж и спросил у жены своей об узнике, отданном ему под надзор тираном, она ответила: «Еще вчера, дескать, сбежал он, и не знаю я о нем ничего». И муж ее, боясь свирепого князя, поручившего ему надзор, вынул нож, чтобы тотчас заколоться. А святой из тайного своего убежища, как некогда апостол Павел тюремному стражу, воскликнул громогласно: «Не убивай себя, господин Павел (таково было имя этого надзирателя)! Здесь я, в целости, делай со мной что хочешь!» Когда история эта достигла слуха тирана, он устыдился преподобномученика и велел, освободив от уз, отпустить его. И вновь святой с радостью отправился в свою пустыню как победоносец Христов, нося на святом своем теле вместо прекрасных цветов мученические раны, как язвы Христовы, и водворился там, по слову пророка Давида, «удаляясь от волнений света, ожидая спасителя своего, Бога».

Мы же, иностранцы и пришельцы здесь, оставив, как я уже говорил, тем, кто живет там, описать прочие страдания, жизнь его и кончину, вернемся к начатому краткому рассказу о преподобном Феодорите.

Когда жил он в той же пустыни с Порфирием, встретил он Артемия и премудрого Иоасафа, Белобаева по прозванию, и немало других пустынников, святых мужей, некоторых уже в престарелом возрасте. Подвизаясь вместе с ними в духовных трудах, прожил он там около четырех лет. Но тут старец его, предвидя свое отшествие к Богу, посылает к нему послание с просьбой вернуться к нему. И он с готовностью, как олень, отправился пешком, пройдя столь долгий путь, больше трехсот миль, по большим и непроходимым безлюдным местам, и прибыл с разбитыми от усердия и старания ногами. Но ни во что он не ставил великие труды, суровый и долгий путь в сравнении с возвышенным желанием сердца. Возвращается он, проявляя покорность, как Тимофей перед Павлом, обнимает древнего святого старца, целуя и лобзая честные священнические седины, и находится при нем с год или меньше до самой смерти старца, служа ему в немощах и недугах его. И после разлучения с телом святой души погребает он тело иерея.

Вкусил он и напился сладости пустыни, как говорит мудрейший Метафраст, описывая историю святого Николая, потому что пустынь — это отдохновение ума и покоя, лучшая родительница и воспитательница, соратник и безмолвие мысли, плодоносный корень божественного прозрения, истинная подруга духовного единения с Богом. И вот почему, зажегшись желанием безмолвного пустынножительства, отправляется он в самую удаленную пустынь — к диким лопарям, совершенно варварскому народу, и плывет по большой реке Коле, что устьем своим впадает в Ледовитый океан. Там выходит он из ладьи и восходит на высокие горы, которые Священное Писание называет ребрами севера, поселяется в диких и непроходимых лесах. А через несколько месяцев встречает он там одного старца — помнится мне, что имя ему было Митрофан, — пришедшего в эту пустынь лет за пять до того. И пребывают они вместе, хранимые Богом, в суровой пустыни, питаясь скудными травами и кореньями, которые произрастают в этой пустыни. Проведя там с этим названным старцем в святой и непорочной жизни около двадцати лет, они затем оба возвращаются к людям и приходят в большой город Новгород, где архиепископ Макарий возводит Феодорита во священника. Потом он оказывается духовником самого архиепископа, выводит на путь спасения немало знатных и богатых горожан и, не будучи епископом, дела совершает, по сути дела, просвещенного епископа. Коротко говоря, он исцеляет больных, очищает не телом, но душой прокаженных, выводит заблудших, поднимая их на плечи и приводя к Христу, главному пастырю, на деле спасая их от дьявольских сетей. Очистив их через покаяние, он присоединяет их и чистых вводит в церковь Бога живого.

А два года спустя он получает от некоторых богачей много денег для возложения Господу и возвращается в ту пустынь, но уже не один. Там, в устье названной реки Колы, он создает монастырь и в нем возводит церковь во имя безначальной Троицы. Там он собирает общество монахов и устанавливает для них священный закон, предписывая им общую и вполне нестяжательскую жизнь, то есть без имений, своими руками добывая себе пропитание, как сказал великий из апостолов: «Если кто не работает, тот не ест», и еще: «Руки мои послужили мне и тем, кто со мною». Затем он понемногу обучает приходящих к нему диких варваров и подводит их к вере Христовой, ведь тогда он уже знал их язык. Некоторых пожелавших он оглашает для пути спасения, а затем просвещает через святое крещение. Как рассказывал он мне сам, этот народ лопарей, просветившихся в святом крещении, люди очень добрые и кроткие; они не способны ни на какое лукавство, но расположены и склонны к пути спасения, так что впоследствии многие из них возлюбили монашескую жизнь по благодати нашего Христа и по священной науке Феодорита, потому что он научил их письму и перевел с церковно-славянского на их язык некоторые молитвы.

Много лет спустя, когда в этом народе распространилась евангельская проповедь и были явлены чудеса и знамения, — как говорит божественный Павел, что, дескать, знамение не для верующих, но для неверующих, — тогда за один день крестилось тысячи две обученных им и оглашенных лопарей с женами и детьми. Вот что совершил своими

трудами для диких варваров этот блаженный, подобный апостолу человек!

Но что же случается после этого? Не может вытерпеть исконный враг рода человеческого, глядя завистливыми глазами на возрастание благочестия, и разрывается от ненависти. И что же он устраивает? Он натравливает на него собранных заново монахов монастыря, незримо нашептывая им в уши и говоря им в сердце: «Тяжек, дескать, он для вас и нестерпим. Никто из людей не в состоянии стерпеть устав, назначенный им для вас. Как можете жить вы без собственности, добывая хлеб своими руками?» А поскольку Феодорит ввел у них по уставу соловецких отцов Зосимы и Савватия еще одну заповедь: «Сверх того, не только женщин не допускать туда, но и скота женского пола», соединившись с Дьяволом, эти монахи впали в неистовство: хватают они святого старца, нещадно бьют и не только выволакивают из монастыря, но изгоняют из края, как какого-нибудь врага. И пошел он против воли из той пустыни к людям и оказался игуменом в одном небольшом монастыре, находящемся в Новгородской земле, и пробыл там года два. Затем премудрый Артемий, который был тогда великим игуменом Сергиева монастыря, сообщил о нем царю. И тотчас царь призывает его к себе, а архиепископ ставит его архимандритом Евфимиева монастыря, что находится поблизости от большого города Суздаля. Четыре или пять лет управлял он там достоянием этого большого монастыря. А так как и тут нашел он весьма необузданных монахов, живущих своевольно, не по уставу и святым правилам, он обуздывает их и усмиряет Божьим страхом, обучая их жить по уставу Василия Великого. Кроме того, он не только монахов, но и самого епископа суздальского вразумляет и обличает за сребролюбие и пьянство, потому что был он человек не только великого ума и мудрости, но чист и непорочен с самого рождения, соблюдая при этом трезвенность в течение всей жизни. Вот почему, как говорит Златоуст, восстала неправда на правду, жестокость на милосердие, невоздержанность на воздержание, пьянство на трезвость и так далее. Вот почему ненавидели его и монахи, и епископ города.

В те годы по лени и по великому пьянству наших пастырей между чистой пшеницей возросли тогда плевелы, то есть отпрыски лютеранских ересей, и обратились с бласфимией на догматы церкви. По царскому распоряжению митрополит российский велел хватать повсюду таких хулителей, желая извлечь их из их ересей, которыми смущали они церковь, и где только ни находили их, повсюду хватали и приводили в главный город Москву, особо из заволжских пустыней, потому что и там проросли эти хулы. Сперва началось было это дело хорошо, но конец получило плохой, потому что, исторгая плевелы, исторгали вместе с ними, по слову Господню, святую пшеницу. А кроме того, тех из еретиков, кого можно было по-пастырски исправить, подвергли немилосердной и жестокой муке, — чуть позже об этом пойдет речь.

Когда монахи-стяжатели, исполненные лукавства, увидели еретиков, приводимых из упомянутых заволжских пустыней и из других мест, тогда возводят они клевету на преподобного и мудрого Артемия —

бывшего игумена Сергиева монастыря, который, не послушав царя, ушел в пустынь из этого большого монастыря из-за раздоров и корыстолюбивых, закоренелых в законопреступлениях монахов, — что будто бы он был участник и сторонник некоторых лютеранских ересей. Возводят они неосновательную клевету также и на других монахов, живущих без собственности по уставу Василия Великого. А наш царь с совершенно невежественными и юродивыми епископами, не выставив свидетеля и еще до суда, поверил им и тотчас тогда созвал собор, собрав отовсюду тамошних лиц духовного звания, и велел привести из пустыни в оковах преподобного мужа Артемия, столь честного и исполненного премудрости, и другого знаменитого старца, блиставшего своей бескорыстной жизнью и познаниями в Священном Писании, по имени Савва, по прозванию Шах. Когда собрали этот собор и когда представили и испытали еретиков в связи с хулой на догматы церкви, то среди них был испытан и допрошен Артемий. Ни в чем не виновный, вполне кротко изложил он свою правую веру. Спросили доказательств у доносчиков, а вернее сказать сикофантов, и они выставили свидетелями скверных и злобных людей. Но старец Артемий возразил, что они не способны быть свидетелями. Тогда они выставили Феодорита Соловецкого, бывшего суздальским архимандритом, и другого старца, известного своей добродетельностью, Иоасафа Белобаева, якобы те слыхали хулительные речи Артемия. И когда эти знаменитые мужи дали свое свидетельство, то обличили они главного наговорщика монаха Нектария за ложный донос, а Артемия оправдали как ни в чем не повинного, но напротив — воссиявшего всеми добродетелями. Тогда тот пьяный и корыстолюбивый епископ суздальский сказал из прежней ненависти: «Феодорит, дескать, старый союзник и товарищ Артемия, может, он и сам еретик, потому что пробыл с ним в одной пустыни много лет». А наш царь, помня, что Артемий очень расхваливал ему Феодорита, тотчас поверил, как пьяный пьяному и злонамеренный злонамеренному, к тому же была у него к Артемию ненависть, что не подчинился ему и не захотел больше быть на игуменстве в Сергиевом монастыре. Однако другие епископы оправдывали его, зная его как знаменитого человека. Тогда царь со своим митрополитом, угождающим ему во всем, и с другими невежественными и пьяными, как я уже говорил, епископами не поучает с любовью еретиков, но вместо исправления и духа кротости с яростью и зверской жестокостью ссылает их скованных в заключение в отдаленные крепости, в тесные и темные тюрьмы. Также и преподобного невинного святого мужа, сковав железными узами, бьют и ссылают на вечное до самой смерти заключение на Соловецкий остров. А упомянутого монаха Савву тоже ссылают в заключение до смерти к ростовскому владыке Никандру, погруженному в пьянство. И, доставив Артемия на Соловки, бросают его в очень тесную келью, не позволяя сделать ему ни малейшего облегчения. Преследовали его как богатые и любящие мирское епископы, так и эти лукавые и корыстолюбивые монахи, чтобы не только не было в русской земле этого человека, но даже бы и имя его не называлось. И вот почему это: раньше очень любил его царь и часто беседовал с ним, поучаясь от него, и они боялись, чтобы опять не полюбил его царь, а он не указал бы царю, что как епископы, так и монахи со своими настоятелями живут не по правилам апостолов и святых отцов, нарушают закон и любят имущество. Вот почему они

творят все это, осмеливаясь совершать злобные действия против святых, чтобы скрыть свою злобу и преступления. Тогда ведь они и других невинных людей замучили разными муками, напуская их с клеветой на Артемия: может быть, тот, кто добровольно не захотел повторить ее, произнесет, не вытерпев мук. Таков-то в наше время в этой стране злобный, корыстолюбивый, исполненный коварства род монахов! Поистине хуже он всяких палачей, потому что сверх свирепости еще и очень лукав. Однако возвратимся к начатому рассказу о Феодорите.

Этот блаженный человек без вины пострадал тогда от сочинителей лжи, в особенности от того пьяного и корыстолюбивого суздальского епископа, который клеветал на него вместе с монахами Евфимиева монастыря, потому что относился к нему с ненавистью по названной уже причине. Но хоть и набрасывали на него много сикофантий, не могли ни одной зацепить, и все же, поскольку лукавые эти монахи в этом мастера, сослали его в заключение в Кириллов монастырь, в котором игуменом был раньше этот суздальский епископ, чтобы ученики того мстили ему по старой ненависти епископа. Но когда привезли его туда и увидели его жившие там порядочные монахи, мужи образцовой жизни, не знавшие о коварном умысле и о злобных происках лукавых монахов, они от всей души обрадовались ему, зная, что этот человек издавна велик добродетелями и святостью. Из-за этого лукавые монахи еще больше лопались от зависти, видя, что человека этого почитают самые лучшие и святые монахи, и еще больше надругивались над ним и бесчестили его. Терпя такие бедствия, пробыл у них святой года полтора.

Наконец пишет он нам, своим духовным сыновьям, и рассказывает о нестерпимых оскорблениях от лукавых монахов. А мы, сколько собралось нас, удостоенных сенаторского звания, приходим с этим к архиепископу Макарию и все подробно рассказываем ему. Услышав и устыдившись как нашего звания, так и святого мужа, который и ему был духовником, он немедля отправляет в этот монастырь свои послания, приказывая отпустить его, чтобы жил он свободно, где пожелает. И тот ушел из Кириллова и поселился в городе Ярославле, в большом монастыре, где лежит на месте своем князь Федор Ростиславич Смоленский, и пробыл там год или два.

И вот как искусного и мудрого человека призывает его к себе царь и отправляет послом к константинопольскому патриарху просить благословения на коронацию — такого благословения и венчания, которым и каким порядком истинно христианские императоры венчались папой и патриархами. И он, подчинившись царскому распоряжению, хотя и стар, и телом немощен, а с радостью отправился в это посольство. Более года ездил он туда и сюда, претерпел в пути многие беды и трудности, там, в Константинополе, месяца два был болен лихорадкой, но Божьей благодатью был спасен от всего этого, возвратился в здравии и доставил от патриарха нашему великому князю послание с соборным благословением на возведение его в царский сан. И вскоре после этого патриарх прислал ему в Москву со своими послами — митрополитом и иеромонахом противпсалом, который

теперь митрополит адрианопольский, — книгу царского венчания. А кроме того, сам патриарх, говорят, удивлялся святому мужу, когда наслушался мудрых высказываний и речей его и услышал о смиренной и святой его жизни.

Обрадовавшись благословению патриаршего послания, великий князь одарил Феодорита тремя сотнями больших серебреников и шубой из дорогих соболей под аксамитом, а сверх того, такой духовной властью, какую только он пожелает. А он, усмехнувшись слегка, сказал: «Послушал я и исполнил твое повеление, царь, что отдал ты мне, ничуть не считаясь в моем возрасте с трудностями по нему. Достаточно мне и того в награду, что принял я благословение апостольского наместника, великого архиепископа, то есть вселенского патриарха. Но ни в дарах, ни во власти от твоего величества я не нуждаюсь: даруй их тем, кто просит у тебя и нуждается. Не привык я ни серебрениками, ни дорогими одеяниями наслаждаться или же украшаться. Более того, я отрекся от всего этого еще при пострижении моих волос. А стараюсь я украшаться изнутри душевной добротой и благодатью духовною. Одного я только прошу, чтобы до отшествия моего пребывать мне в келье в покое и безмолвии». Но царь стал просить его, чтобы не бесчестил он царского сана и принял это. И, повиновавшись отчасти, он взял из трехсот серебреников только двадцать пять и, по обычаю поклонившись, вышел от царя. Но царь велел отправить следом и шубу и положить ее в покое, где он тогда жил. Феодорит же продал шубу и тут же раздал монеты нищим. После того он предпочел поселиться в монастыре у большого города Вологды, который основал святой Димитрий Прилуцкий. А город этот Вологда лежит в ста милях от Москвы в направлении как ехать к Ледовитому океану, на водном пути.

Забыв о ненависти бесчеловечных монахов, он не ленился посещать их в основанном им монастыре — столь дальний от Вологды путь. При мне он дважды ездил в глухую Лапландию, плывя от Вологды до Холмогор двести миль по рекам, а от Холмогор до моря по Великой Двине и еще двести миль по морю до Печенги, которую зовут Мурманская земля, где и живет народ лопарей. Там же впадает в море большая река Кола, в устье которой основан им тот монастырь.

Поистине это достойно удивления: в таком возрасте переносил он столь трудный и суровый путь, летом плавая по морю, зимою же скача по непроходимым дебрям на быстроногих оленях, не щадя ни старости своей, ни немощного тела, сокрушенного долгими годами и великими трудами, чтобы посещать своих духовных детей, как этих монахов, так и лопарей, просвещенных и крещенных им, чтобы печься о спасении их душ, сеять евангельскую проповедь среди неверных, размножать благочестие — врученный ему от Бога талант — в этом народе диких и грубых варваров. Заметь себе это, полуверок, лицемерный христианин, размягченный, разнеженный различными наслаждениями, сколь храбрые есть еще старцы в православной стране, вскормленные на догматах правоверия: чем больше стареют и изнемогают телом, тем больше направляют храбрость в ревность по благочестию, тем больше взоры их обращены к Богу, тем ближе они к нему.

Как бы удивлялись этому названному святому Феодориту, если бы я описал подробно все его добродетельные и чудесные дела, из которых только один я сколько помню! Что сказать мне о том, какие были у него от Бога дарования, то есть дары Духа: сила исцелять, пророческий дар, дар мудрости, как уловлять грешников из дьявольских происков и выводить их на путь покаяния и приводить народы язычников от нечестивости и застарелого исконного безверия к вере Христовой? А что мне сказать и как поведать о том, как был он взят в обители неба, о несказанных его видениях, которыми одарил его Бог? Ведь хоть и пребывал он во бренном теле, но даны были ему бесплотные и нематериальные свойства и способность к воздухоплаванию. А как был тих и кроток этот человек, как мудро поучал, чудесно и сладко вел беседы, с пользой, подобно апостолу, говорил, когда приходилось ему беседовать с духовными детьми! Когда-то и я, недостойный, зачастую прикасался к нему, этому священному учению! Сверх того, весьма удивительно еще, как умел он и искусен был исцелять гниющие неисцелимые раны, вернее сказать, человеческие пороки, сделавшиеся привычными за долгие годы! Как утверждают все мудрые, долголетние привычки, смолоду укрепившись в человеческой душе, становятся природой и плохо, и с трудом поддаются исправлению. Он мог вырывать и искоренять из человеческих душ закоренелые мерзости и пороки, а нечистых и оскверненных очищать и просвещать и к Господу приводить через великое покаяние и слезы, а силой Святого Духа по данной ему Богом иерейской власти запрещать самому Дьяволу приступать к таковым и не сметь вновь осквернять покаявшиеся человеческие души. Поистине об этом я не только слышал от надежных людей, но видел своими глазами и сам на себе испытал великую благодать, сходившую на меня от его святости, потому что был он моим духовником и питал ко мне большую любовь. Точно так и я, многогрешный, по мере сил своих любовь и преданность приносил к нему. О муж, самый лучший и самый твердый, самый любимый мой и самый сладкий, отец мой и духовный родитель, как тяжко и скорбно не видеть мне честнейших твоих седин!

Что же получил этот превосходный человек в своем неблагодарном отечестве от этого свирепого и бесчеловечного царя? Кое-кто говорит, что он как будто упомянул тому как-то обо мне, и тот, говорят, захрипел как дикий вепрь и заскрежетал неистово зубами и тотчас велел этого святого человека утопить в реке. И так он принял мученический венец и прошел через второе крещение, которого пожелал и Господь наш Иисус Христос после крещения от Иоанна Предтечи, как сам он сказал: «Как, дескать, желаю я испить эту чашу и крещением этим креститься!» Но другие, придя из той страны, говорят о кончине его, что якобы тихой и спокойной смертью почил этот святой человек. И поистине не мог я подробней сведать о его смерти, хоть и старательно об этом разведывал. Что слышал я от людей, то и написал, находясь на чужбине, громадным пространством разлученный и без вины изгнанный из той земли любимого моего отечества.

А то, что всего подробно не написал я о нем, как сказал выше, так это как для краткости рассказа, так и из-за грубости, неопытности в духовных вопросах и к тому же малой религиозности живущих здесь людей. Но если поможет Бог и встретим мы людей духовных интересов,

стремящихся к этому, тогда вспомним кое-что о его чудесных видениях, о некоторых чудесах, поведав как духовные на пользу духовным. Как сказал апостол, те, кто из плоти, не приемлют того, что от Духа, потому что не вмещают, добровольно закрывая свое нутро. Им кажется глупостью то, что говорится о духовных вещах, потому что они целиком обращены к плотским делам, а о духовных не заботятся и даже помыслить не желают.

И вот, заканчивая историю, восхвалим по мере сил, как сможем, новоубиенных мучеников. И кто бы, имея здравый смысл, не позволил восхвалить их? Разве что был бы он гнусного, ленивого, жестокого и неистового рассудка! Может, кто-нибудь скажет: «Не покорившись нечестивым царям, мученики и идолам не служили, и перед жестокими мучителями единого Бога исповедали, и за это различные муки претерпели, и лютую приняли смерть, радуясь о Христе Боге». Я и сам это знаю, но и эти недавно убиты царем жестоким и бесчеловечным. Пусть кажется, что он верует и служит Богу, в Троице славимому, и крещением просвещен. Но единого Бога, в Троице славимого, и Дьяволы знают, и икономахи, и другие мучители исповедали. Однако и они множество мучеников и исповедников жестокими муками замучили за Христа. Ведь и мучитель Фока крещен и был римский и греческий император, а все же назван мучителем за свое бесчеловечие. Но я, пожалуй, скажу еще смелее: пусть бы взял кто двух ядовитых драконов и увидел, что один из них снаружи, а другой внутри. Какого же скорее надо стеречься, внешнего или внутреннего? Кто будет доказывать, что внешнего? Таковы были прежние цари-мучители, нечестивые идолослужители, приносившие жертвы глухим и немым идолам и боявшиеся тех новых богов, которых не следовало бояться, — как сказано: «Боялся страха, где не было страха», — и были они церкви Христовой открытые и внешние враги. А новый наш дракон, не внешний, а поистине внутренний, идолам служить — вроде как жертвы проносить им — не велел, но вначале сам исполнил волю самого Дьявола, возненавидел тесный и трудный путь, ведущий к спасению через покаяние, и радостно пустился широким и просторным путем, ведущим к погибели. Ведь и мы сами не раз слыхали из его уст, как всем говорил он вслух, когда уже развратился: «Одно, дескать, можно получить: или здешнее, или тамошнее», то есть или трудный путь Христа, или широкий Сатаны.

О безумный и несчастный! Забыл ты о царях Нового и Ветхого завета, царствовавших раньше тебя, да и о предках твоих, святых князьях русских, шедших тесным путем Христа, то есть живших в умеренности и воздержании, а царствовавших при этом добродетельно, как и сам ты царствовал хорошо, пока немало лет пребывал в покаянии. Но теперь, когда развращен ты и соблазнен льстецами, такие ты слова изрыгнул, избрав себе широкий путь Антихриста, отбросил от себя всех порядочных и разумных людей и, собрав отовсюду дьявольское войско, то есть прихлебателей и злодеев, во всем поддерживающих твои преступления, и, назвавшись церковником, стал преследовать Божью церковь. А как преследуешь! Так страшно и свирепо, что нельзя ни сказать, ни написать! Говорили мы немного об этом выше, но лишь отчасти и немного сказано выше об этих преследованиях.

Не заставлял ты приносить жертвы идолам, но вместе с собой приказывал входить в согласие с Дьяволом. Трезвых заставлял ты утопать в пьянстве, из которого вырастает все зло. Не Крону жертвы приносить и закалывать детей, но, отрекшись от природы, то есть отца и матери, и братьев, приказал резать людей на части, как и Федора Басманова заставил отца убить и безумного Никиту Прозоровского — брата своего Василия и многих других. Не пред идолом Афродиты творить мерзости и блудодеяния, но на своих открытых скверных пирах изрыгать сквернословия с криками и воплями, а что потом следовали поступки, исполненные скверны и мерзости, пусть лучше о том ведает их совесть. Не пьянствовать и бесчинствовать у поставленного идола, когда зажжется звезда Бахуса, не праздновать его праздник в одно и то же время и час, но весь свой век целиком в тысячу раз хуже, чем те язычники, что почитают Бахуса, пьянствовать и бесчинствовать, возненавидев воздержанную жизнь, проливая на проклятых пирах кровь христиан, не желающих поддерживать его в этом. Это один храбрый человек по имени Молчан Митнев обличил его на пиру пред всеми: когда принуждали его пить из тех упомянутых больших чаш, посвященных Дьяволу, тогда, говорят, вскричал он громогласно и сказал: «О царь, поистине и сам ты пьешь, и нас принуждаешь пить проклятый мед, замешанный на крови братьев наших, правоверных христиан!» А тот великим гневом тут же вспыхнул и тут же своей рукой проткнул его копьем, которое было у него в проклятом его посохе, а свирепым опричникам своим приказал вытащить его, едва дышащего, из покоя и добить. И так среди проклятого пира залил кровью полы в палате. Разве не светлый мученик по существу, не знаменитый победоносец этот человек?

Скажешь, что христианский царь? Еще и православный, добавлю я: христиан губил и грудных младенцев, рожденных православными людьми, не пощадил. Обещал, скажешь, Христу при крещении отречься от Дьявола и всех дел его и всех слуг его? Снова добавлю я: поправ заповеди Христа своего и отвергнув законоположения Евангелия, разве не открыто посвятил он себя Дьяволу и слугам его, когда собрал воинство дьявольских полков и назначил над ними полководцами несчастных своих прихлебателей, когда, зная волю Царя Небесного, на деле исполнил во всем волю Сатаны, проявив над церковью Бога живого неслыханную свирепость, не бывавшую никогда на Руси? Не боится и не пугается новых богов? Скажу на это тебе: если не боится новых, то боится чар, то есть прежнего и древнего Велиара, хотя выучил и знает, что знамением честного креста попирают и изгоняют все ужасное. Кроме того, не так ли у нашего нового разные орудия пыток, как у древних мучителей: не сковороды ли и печи, не бичеванье ли жестокое и когти острые, не раскаленные ли клещи, чтобы рвать человеческое тело, не втыкание ли игл под ногти и рассечение по суставам, не перетирание ли веревками пополам не только мужчин, но и благородных женщин и другие бесчисленные и неслыханные виды пыток, произведенные им над невинными? Все ли еще он не свирепый мучитель?

О несчастные и лукавые губители отечества, плотоядцы и кровопийцы родственников своих и соотечественников! До каких пор намерены вы

бесстыдно оправдывать этого человекотерзателя? О блаженные и достойные похвал святые мученики, новоубиенные внутренним змеем! Приняли вы страдания за вашу добрую совесть. Немного претерпев здесь и очистившись этим похвальным крещением, чистыми отошли вы к чистейшему Христу, чтобы принять мзду за труды. Разве мало они потрудились? Разве не достаточно они страдали? Не только на своей земле защищая от варваров убогих христиан, мужеством и храбростью своей они разгромили целые басурманские кровопийственные царства с неверными их царями и расширили пределы христианского царства до самого Каспийского моря и вокруг него. Они построили там христианские крепости, воздвигли святые алтари и многих неверных обратили в веру. А что сказать мне о расширении границ на другие стороны? Верой служа своему царю и христианскому обществу, какую плату получили они здесь от свирепого и бесчеловечного царя? Разве не воздаст им Христос, не украсит их мученическими венцами, когда обещал он заплатить и за чашу студеной воды? А потому, без сомнения, поедут они или поплывут на облаках навстречу Господу в первом воскресении, как сказал Иоанн Богослов в Апокалипсисе: «Блажен, дескать, тот, кто получит свою часть в первом воскресении», и Павел: «Как все в Адаме умирают, так все во Христе оживут, каждый в своем звании. Начало Христос», то есть пострадавшим: он первый воскрес в нетленном теле, он начало воскресения пострадавших за него. «Потом поверившие Христу в его пришествие», то есть во второе, когда он с ангелами явится. «Потом конец», то есть убиение Антихриста и всеобщее воскресение. «Тогда, — сказал Соломон, — встанет с великой смелостью праведник перед мучителем», то есть лицом к лицу с мучившим его или обидевшим. Тогда, думаю, и эти последние мученики с первыми страстотерпцами и победоносцами встретят своего Христа, идущего по воздуху с высочайших небес со всеми своими ангелами, чтобы спасти их. А они великими бесчисленными полками, как говорит парящий в небесах Павел, с земли «на облака подхвачены будут, чтобы в воздухе встретить Господа, и так всегда с Господом будут». Да сподобит и их, и нас по премногой благодати своей, а не за дела наши, Господь наш Иисус Христос, истинный Бог, которому слава со безначальным Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Послания Курбского

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

В настоящем издании представлены почти все наиболее значительные послания Андрея Курбского. Не публикуются лишь незначительные по объему и по содержанию послания волынского периода (Ответ восточных, два Послания Федору Бокею-Печихвостовскому, Послание Евстафию Воловичу и Послание Базилию Древинскому), которые не влияют сколько-нибудь значительным образом на общее представление о характере переписки князя.

Четыре первых Послания (из публикуемых здесь) хронологически обычно связывают со временем, непосредственно предшествовавшим его побегу в Литву или сразу же после него. Так или иначе и Ответ о правой вере, и три Послания старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву прочно связываются с районом Печер и Юрьева — теми местами, в которых разворачивались основные события, сопутствующие побегу. Стилистика этих четырех посланий и их привязанность к району Печер позволяют рассматривать их в комплексе и отдельно от Посланий волынского периода. В рукописной традиции они бытуют, как правило, в составе так называемых «печерских сборников», сформировавшихся, скорее всего, в Псково-Печерском монастыре. Современное состояние исследований рукописной традиции этих посланий не позволяет, впрочем, говорить об этом с полной уверенностью. Кроме «печерских сборников» эти послания представлены также в «сборниках Курбского» (своего рода собраниях сочинений князя), в которые наряду с первыми четырьмя Посланиями входят Послания волынского периода, а также отрывки из его переводов и другие сочинения. Один из таких «сборников Курбского» положен в основу настоящего издания Посланий (Погод., 1494). Использованы также другие списки, что оговаривается отдельно в комментарии к каждому конкретному Посланию. Испорченные места и пропуски в рукописях восстанавливаются по изданию Г. З. Кунцевича (Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные. *РИБ.* Т. XXXI. СПб., 1914).

Ответ о правой вере

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

Ответ о правой вере представляет собой в сущности краткую историю еретических учений, что позволяет поставить Курбского в один ряд с такими знатоками догматического богословия XVI в., как Иосиф Волоцкий и Зиновий Отенский. По мнению некоторых исследователей, полемический «Ответ о правой вере» был адресован известному в Юрьеве протестантскому проповеднику Иоганну Веттерману. Послание издается по рукописи Соловецкого монастыря 852/962.

ОРИГИНАЛ

Андрѣй Ивану многоученному отвѣт о правой вѣрии предлагает.

Слышил еси святый Символ, гласящ еллинским языком, от нѣкоего отрока и, слушая прилѣжно, реклъ еси: «Не полно, рече, ни совершенно, понеже Духа Святаго от Сына не глаголетъ исходити, но от Отца единаго, и се новое замышление греческая церкви, на Никейском же соборе[1] от Отца и от Сына исхожение Духа проповеданно». Так бо есми слышел от твоея премудрости. Мой к тебѣ отвѣт с помощию трисолнечныя безначалныя Единицы, яко рек еси: «Не полно, ни совершенно». Что совершеннѣйши Громова Сына, иже самѣмъ

Господемъ реченное о догме Духа святаго, написав в своем Еуаггелии: «Егда приидет утешитель, Духъ истинный, иже от Отца исходит» — сиирѣчь прежвѣчно сияет — «и той свидѣтельствует о мнѣ?»[2]. И мало повыше: «Аз, — рече, — умолю Отца и иного утешителя дасть вам».[3] Такоже реченно и божественным Лукою при концѣ его Еуглия: «И послю, — рече, — обѣтование Отца моего на вы, вы же сядете въ граде Иерусалимѣ, дондеже облечетеся силою свыше».[4] А в Дѣянии рече Петръ, верхъ ученический, емуже вверен от самого Господа ключь врат небесных, к людем жидовским, дивящимся о пришествии на апостолы Святаго Духа: «Сего и сам воскреси Богъ, емуже вси есмы свѣдѣтели. Десницею убо Божиею вознесеся и, обѣтования же Святаго Духа приемы от Отца, излия, се же вы нынѣ видите и слышите».[5]

Се ли убо ново, яко сам Господь Исус Христосъ сказа и весь лик апостольский проповѣда ипостаси Духа от Отца исхожение, якоже и Сыну безлѣтному от пребезначальнаго Отца рожение? Сим убо послѣдуя, и божественный Дионисий Арепагит, яко воистинну приим от самого Павла, до третьяго небеси восхищенна, во Образной богословии сице написав: «Источник божества Отецъ есть, Сынъ же и Духъ богорожения, аще сице лѣпо есть рещи, отрасли богорожении, аки цвѣты и вышесущественныи и свѣтове от священных словес прияхом».[6] И се, яве указ наш богословию положен, яко упостась Духа превѣчне от Отца исходит, якоже и Сынъ от Отца безначально родися. От негоже, яко от единаго пребезначальнаго начала, соприсносущнѣ оба сияют и пребывают особѣ во своих живоначалных ипостасех. А идѣже убо Духу посылатися или изливатися реченно от священных словес, то не о самой ипостаси глаголетъ, Духа бо ипостась в себѣ совершенна есть, якоже Отча и Сыновня. Богъ есть Духъ, равен Отцу и Сыну; Богъ убо не посылается. Сице Богослов Григорие против злочестиваго Макидония[7] глаголетъ: «Богъ Отецъ в себѣ совершенен, тако и Сынъ Богъ в себѣ совершененъ, тако и Духъ Святый Богъ в себѣ совершенен. Не три боги, но единъ Богъ — Святая Троица,[8] нераздѣлне существом и естествомъ раздѣляема и несмѣсьне ипостасьми свойствъ и лицы познаваема. Ово убо, — рече, — многобожия еллинского избежим, ово же слиянием Савельево,[9] жидам подобное, возненавидим».

И свойства убо ипостасей недвижимы. Аще ли движимо ипостась, х тому нѣсть свойство. А по прежевечию же и по сану, величеству вси равни, развие виновен Сынъ Отцу рожением, и Духъ Святый исхожением. Вины же рожению и изхожению не токмо не вѣдомо земнороднымъ, но ни небеснымъ чиновом. Якоже рече богогласный Исайя: «На него зряще, херувими трепещут[10] и от лица славы его серафими крылы лица закрывают».[11]

Духа же Сыновня богословцы глаголютъ, якоже и Павел рече: «Духъ Христов»,[12] но по слову существа, а не по винѣ исхожения. А собрание в Никѣи при Великом Констянтинѣ 318-ти богоносных отецъ всѣмъ вѣдомо повсюду православным, яко на христоборца Ария[13] бысть, еже он, умовредный, Господа Исуса Христа от Отча существа отлучает. И сего ради тѣ святители от престол своих двигнулися искоренити сего безбожнаго учения. Еже и бысть. Его же жилами священных словес удавиша и проклятию вѣчному предаша. И всем и бѣ

тщание о том тогда, да Господа нашего Исуса Христа, похуленного от Ария, соприсносущна Отцу и Святому Духу и равна, прославят и проповѣдают. А о Дусѣ Святемъ не бысть тогда спору и сопрения. И святый Символ тогда от них изложен бысть, да иже до сего: «и в Духа Святаго», той конецъ был.

По лѣтех немалых хула на Духъ Святый явися, за неяже и Феодосий Великий, царь, собор собра,[14] видѣв вселенную возмущенну от нея и православныя церкви многою бѣдою одержимы суща, понеже и сам патриархъ царствующаго града Макидоний, начальникъ и предстатель ереси тоя быв. И тоя ради беды от конец вселенныя богоглаголивых архиѣрей от престол их подвиже, имже предстатель быв блаженный Димас, папа римский. Григорей Богослов, Григорей Ниский и иныя великия святители от конец вселенныя снидошася в Костянтинград, и многая от них апостольскими даровании и чюдесы удобренны, и мученическими страдании украшенны. И сего безбожнаго Макидония священными словесы побѣдиша и от престола извергоша, и Духа Святаго равна Отцу и Сыну проповѣдаша, а не созданна, и силу нѣкую выше ангелъ, якоже Македоний блядословяше. И во святомъ Символѣ того ради богословия о Дусе Святом прибавивъ: «и в Духа святаго, Господа и животворящаго, от Отца исходящаго». А не от Сына, яко же Фармос[15] и вы, последующе ему, ново глаголите. Тщание тогда все бысть апостоловиднымъ святымъ и спор с Макидонием и со единомысленики его о самой ипостаси Святаго Духа и о присносущном его от Отца исхожении, а не о излиянии и посылании Духа. Калур же ваш, от Галат[16] пришедши с премудрецы своими, и Фармос папя, прельстишася, подобяся Макидонию, и явно новоприложив ко древнему богословию во святомъ Символѣ, Духа Святаго и от Сына глаголет исходити, и, на послушенство емлючи, развращеннѣ толкуютъ еуагльские словеса, яко Христос, рече, глагола посылати Духа, и апостолъ Петръ, рече, излиятися Христу Духа, приимъ от Отца.[17] И сего ради глаголют, яко от Сына Духу исходити, не умѣюще разсудити, паче же не хотяще, яко во святом символе о совершенной ипостати Духа богословъленно; а се о даровании реченно. И вмѣсто испостаси дарование полагают, хотяще упрямство свое поставити. И, филокизмами[18] аристотельскими изоостря язык, на древнѣе богословие вооружаются.

А еже реклъ еси, яко: «Аз, рече, не вѣмъ, кое истинна. Много о том спор меж вами и нами. Но папа и Лютор так глаголют, якоже мы держими. А научимся на небеси и узрим, что есть истинна». И се отвѣт, премудрый Иване, не твоего разума, ко отвѣщанию истинны недоумения полон: нѣсть бо кому мошно обрѣсти на небеси, имѣюще догматы богословия разтлѣнны. Самъ бо громогласный Павел рече: «Обручих вы дѣву чисту Христу, не имѣюще скверны и пороку»[19], сиречь церковь Божию, не токмо имуще благочестие догматы, но и житие право и непорочно, и вере подобно. Такова убо церковь, и таковую благочестия чистотою оболченна обрѣтаетца на небесѣ. А уклоняющихся в развращенная поведет Господь со творящими безаконие. Рече псалмопѣвец и царь Давидъ: «И ин возметца нечестивый и да не видит славы Господня».[20] Не слышил ли еси в Ветхом самого Бога крѣпце Моисѣю заповѣдающе о первомъ законе и о создании скинии? «Сохрани ми, — рече, — рѣчь сию

невредну»,[21] сиирѣчь, не дерзни што приложити к ней или отняти. Также и Павел божественный к галатом писал о нѣкоих, прелыцающихся от законных и от соблюдений дний: «Аще, — речем, — мы или аггелъ благовѣстит вам, паче же благовѣстихом вам, проклят да есть».[22] Аще и от малых сице проклинает, кольми паче не тщащихся древняго благочестия догмат соблюдати?

И сему послѣдующе, святыя вкупѣ сошедшеся во Ефес 200 великих архиерѣй с вашим римским первонастольником Келестином на третьем соборе на злочестивого Нестория,[23] еже он, умовредный, странная и неслыханая мудруствующе, и хулу на Христа и на рожешую его Богородицу глаголюще, и его чюжеродная и неподобная мудрования обличив, и от священного лика изринув и, соверша святый Симъвол, крѣпцѣ заповѣдаша и страшными клятвами запечетлѣша не приложити что или отняти, ни слово на слово преложити. Пригоже и вам, премудрый Иване, устыдитися древних таковых святых и толь великих, не токмо внѣшнему любомудрию совершенно наказанных и богословию искусных, но и житиемъ ангельским сияющих; а многи от них исповедания ради благочестия от безбожных еллин и от злославных царей страдании и кровьми мученическими украшенных.

Но аще мы умолчим о пременении частых законов ваших, но вещь возопиет и трубы явленнѣйши гласъ испущает. Ово убо от Карула и от фолософеи его развратишася, и опресноцѣ вмѣсто хлѣба на священной литургии полагаху, подобяся злочестивому Полинарию Ладикийскому, мертвым тѣлом совершенному животу служити повелевая. Ово же к Фармосу от апостольскаго благочестия сложишася, и во Образной богословии два испущателя Духу глаголати. А иногда от папъ ваших порготорья проповѣдана; а иногда бороды и усы побриша;[24] а нынѣ вослѣд неосвященого Лютора поидоша. А днесь, слышал есми, от немец ваших, и иныя новыя проповѣдники за морем законы полагают.

О, воистинну, трость, колеблема вѣтром от сопротивных духов! О, храмина ваша, создана на пѣсце от всѣх зрится! И по волям вашим попущенным быша лжиучители! Смятошася и поколебашася, яко пиянии, надѣяшася на хитрость и на философию тщетную, о нейже претя, Павел х Каласаем пишет.[25] И вся мудрость священная у вас поглощенна бысть сего ради. Не токмо Образныя богословии догматы растлѣнны и правила и уставы церковныя изпроверженны у вас, но и священныя книги Моисейския и пророческия от жидовских книг разтлѣнны сущи и в преводех изпрепорчены.[26] И гдѣ прилучится в них быти о Христе реченному явнѣ или гадательнѣ, во множайших мѣстех горняя долу поставленно, и никакоже согласующе древним седмидесяти проповѣдником.[27] Также и седмотысущного вѣка[28] от Моисѣя и от пророков во писанных по вашим новым преводом больши полуторы тысящи лѣтъ украдено, на роздор и уничижение хрестьянскому роду, а на пособление и на радость христоборным жидом, вмѣсто Христа ждуще богопротивника Антихриста. И супротив фсѣх апостолов и святых же глаголати[29] хотяще и изветы лукавыя себѣ полагати умышляюще, яко не у[30] еще прииде послѣдняя лѣта, ни Христу вѣруют, в плоть пришедшу, от всѣх пророк возвещенному, но паче хулят и наругаются, окаяннии, якоже древле и отцы их,

неотреченно вѣруют и уповают пришествию богоборному прелѣстнику, сыну погибельну. И нѣсть пользы християнскому роду от растлѣнных их книг Священным Писанием преводится, но паче соблазны и сметение. Якоже и словеса глаголют: «От враг свѣдительство не бывает приемлемо».[31]

Добре рече нѣкто от святых супротив преводов ваших, иже был и во премудрости, и во священной философьи мног, яко сего ради благоволи Богъ преложитися Священным Писанием всѣм от еврѣйского языка на еллинской, преже трехсот лѣт пришествия Сына своего, самѣми пророческими сыны, многия премудрости изполненными седмидесять мужими, не токмо еврейской мудрости наказанных, но египетцкую и еллинскую вконец извыкши: и ведая, рече, безначальный Отецъ ко присносущному и единородному Сыну своему непримирительную брань жидовскую, не токмо в самой страсти, и по вознесении во апостольском, но и днесь, и яко хотят портити во всѣх пророческих словесех лежащая о Христе пророчения. И сего ради попусти Богъ преже многих лѣт пришествия Христова сему быти. И аще бы сего не было, они бы возмогли противу нас извѣт поставити, изпрепортя словеса, в книгах о Христѣ реченная, и глаголали бы: «Вам, рече, апостоли инако проповѣдали, а у нас не так написано». И благодатию Божиею заградиша уста их, того ради, яко сами отцы их преложиша Писания их Птоломѣю книголюбцу во Египтѣ. Ихже превода хитрость и Героним ваш премудрый,[32] дивяся, похваляет, яко в различных имъ, глаголетъ, храминах сѣдити и писати, семьдесят сущим мужем, а не в малѣйших гдѣ в чинѣх превода супротивлению явитися у них, но по всему равности и согласию им быти. И невозможно, рече, так человѣком, но Духа Святаго дѣйствия исполнение. И сему древнему преводу, и от вашего Геронима похваленному, нынѣшние ваши книги во множайших противны являются. Также из священных источников Нового Завѣта разтлѣнны у вас книги от расколотворных учителей ваших. И не дивно есть имъ Писания разтлѣвати, не токмо бо превратили[33] предания древних своих апостолоподобных папъ, но и межю собя сопротивление и несогласие много имуще.

И возрите со простотою подобною на церковь Божию, в непремѣнном тождествѣ стояще и на камени Христова исповѣдания основанна, и седмостолпными догматы укрепленна, глаголю, великими седми соборы, иже сошедшеся от конец вселенныя на разгнание звѣрем в различных лѣтех, градех и мѣстех, с нимиже быша вкупѣ священном их ополчение Петра апостола намѣстники, древния папы ветхаго Рима. И плевелы различных ересей развѣялъ, и правовѣрных во едином мудрованьи совокупивъ, и церковь Христову уставы и правилы оградив, на ихже пределѣх почивающии и их разчниней[34] держащеся, от врагов мысленных и чюственных правовѣрныя неодолеваемы бывают. И поживше по заповедем Христовым, многие даровании апостольских чюдес сияют и пророческими дары украшаются, чистоты ради жительства их и преподобия, не токмо в прежних лѣтех, но и в нынѣшних. Якоже бѣ блаженный Иоаким,[35] патриархъ александрѣйский, егоже Господь по добродѣтели его многою славою прославил. И сопираяся о вѣре[36] з жидовином пред самѣмъ царемъ египетцким и пред всѣмъ народом, и за имя Христово, хулы ради

жидовина, смертоносной змѣин ядъ испив предо всѣмъ народом и останок и-сосуда пополоскав водою, жидовину даде. И абие мертвъ быв жидовин хулник, и расторжен. Патриархъ же невредим пребысть Христовою благодатию, и поднесь жив, архиерейски престолъ правит. Муж столѣтен сущь, въ юношьской крѣпости от Бога учинен, на удивление безбожным туркам и на утвержение правовѣрным, и кормила благочестия, православием дышущим во вселенной, правит и поднесь. Аще и убоги есть гонителей ради, но богат в небесных сокровищех, идѣже желают ангелы приникнути, и мудростию благочестия и жития опаством на вселѣнную сияет, емуже самовидцы быша от царя нашего, Господню гробу послание.

И еще хотѣх повинутися Давиду царю и Господня дивная и преславная во святых его сказати, еже не токмо в тамошних странах межю безбожных турков придивная и величайшая чюдеса показует, но в нашей земли как волю его во святых своих удивляет, и множайшая исцѣления от различных и неудобисцѣльных недугов вѣрующим подавает. Но удержася рука пишущаго и язык повѣствующего жестости ради вашея и невнимания ко святым. Обычай бо есть невѣрующим польза погубляти, якоже Исайя пророк рече: «Аще не вѣрите, и не имате разумѣти».[37] Отложите гордость и всяк спор суетен, и разсудите с кротостью и в тишинѣ духа Христова: отлучает от любви Христовы и хто возбраняет вас отоврещися учения и неподобнаго мудрования развращенных нынѣшних папъ ваших, нечистым и свинским жительством живущих, о ихже зле жительствѣ смрадном и сами послушествуете, и вашего прелестника новоявленнаго, Лютора, в самыя послѣдняя лѣта явишася волка суща и в кожю овчию оболченна и от супротивнаго духа на люди Божия пущенна, яко воистинну предотечю Антихристова, иже ему дѣлы своими сладко и удобно предпутие являя. Быв иногда мних, и сего[38] обѣщания отвергъся, и собою образ показа широкому и пространному пути, вводящему в погибель; тѣснаго же и прискорбнаго пути, самѣм Господомъ Исусомъ похваленна, ни во ум прияти хотя, но нагло от него отскочи и жену себѣ поят. А не хотя слушати Господень глагол, иже не повелѣ ни малых братей соблазнити.[39] Он же, окаянный, безчисленная народы соблазни и великия царства смути, и в метежи усобных ратей безчисленны крови пролия, и сопротив апостолом став и святым всѣмъ. Они бо распятым и воздержаннымъ жительством образ вселенней показовахуся и себе, аггелом, человѣки уподобиша, и землю небеси образну сотвориша, и того ради в конца вселенныя трисияннаго Божества разум вкорениша. И аще что и благословенная от Бога им по области своей, и того не сотвориша, да братий и немощных не соблазнят, якоже Павел х коринфом повѣстует: «Не имамъ ли, — рече, — власти мяса ясти, не имам ли власти сестру жену водити?» и прочая, — «да всего не творих под области моей»,[40] сиречь о слабийших ради. И в том же послании, мало повыше, рече: «Не имам ясти мяса вовѣки, да не брата моего соблажню, и да не погибнет брат немощный в том разумѣ».[41] И аще со прилежанием словеса его прочтеши, и во всѣх посланиях его о семъ обрящеши: горѣ и долу уничижение свое обращая, да на распятое и нестежательное, и чистое жительство вѣрные народи возведет. Ово рече: «Ходите во всем, якоже образ имаете нас».[42] И индѣ, различие полагая межю дѣйствующими и оженившимися: «Щадя

вас сия глаголю, понеже скорбь плотию имѣти будут таковии».[43] Индѣ: «Хощу убо всѣм быти человѣком, якоже аз, но ов убо сице, ов же сице».[44] И индѣ: «Мнѣ не будет похвалитися, токмо о крѣсте Господа Исуса Христа, имже мнѣ мир распятся, и аз мирови».[45] И индѣ: «Преходит бо образ мира сего, женивыся яко не женивыися будут»[46] и прочая.

Разумѣваяй, да разумѣй, по священных древних толковниках, словеса премудраго Павла, просвѣтителя вселѣнныя, много учен бо еси. Не потакая Лютеру, ненавѣстнику и разорителю аггелъскаго и чистаго жительства, но тѣм, иже в себѣ тщание всему апостолскому лику и святымъ о том, иже распинали плоти своя воздержным жестоким жительством. Не токмо сами ся спасут, но и множайших образом жития своего ко Христу приведут, а не растлят, ни развратят, ни уставы опровергут и правила, якоже и нынѣ новоявленныя учители ваша учиниша, о ихже нечестие не вся по ряду изреку, да не слух твой отягчится, сытости ради слова, но едину часть от них разрушенную исповѣмъ благовѣрия. Хто бо от апостолъ или от святых образ написанный Господа Исуса Христа по подобию вочеловечение его, и пречистыя Матери его, и совершенных святых его, идолы нарек? И на почесть Христу и святым его иконы поставленныя Кроновым и Зевсовымъ, Афродитовым скверным болваном уподобляя, и церковь Божию болваницею нарѣцая, и правовѣрных людей, почитающих образ Господа нашего Исуса Христа и пречистыя Матери его, болванопоклонники назва? Ох, горе, горе, и беды бедам, во крестьянском родѣ сицевым хулам бываемым! Крестьяне ся прозывающе, а вся жидовская мудръствующе. Июдейских сонмов отлучаетеся, а по всему нраву их подобящеся. Христу глаголюще поклонятися, а всю ярость жидовскую на иконе исполняюще. Аще его з жиды не распинающе, на небеси бо есть, но образ его, на паметь нам оставленный, по улицам влачаще и огню предающе. И за ланиту его по лицу не ударяюще, но священнолѣпного образа зрак его желѣзом и теслами скребающе, и воины копием его не прободающе, но на образ его стрелами и пищальми стреляюще. А распятому на крестѣ глаголютъ покланятися, а знамение животворящаго креста его на себѣ не полагающе. Аще святых его со еллины не закалающе, и со июдѣи камением не побивающе, но святых ихъ иконы сокрушающе и по торжищех ногами топчуще, и правовѣрным людем, паче древних гонителей, муки и гонения наводяще. Странно слышание и слезно видѣние, и умилен позор, сицевым хулам на церковь Христову бываемым! И не стыдящеся хрестьянским именем прозывати, а июдѣй пуще и еллин горчайши дѣлы показашася. Познавайтеся, в каковых естя и каковым видом повинны. Сего ради дерзнутого от вас нечестия крѣпкие царства ваша смятошася и претвердыя грады ваша разбиенны бысть, и земля смятошася, людие воинством разхищени быша, и безчисленая народи мечю предашася, и мужских сердца женских сердецъ слабѣйши явишася, и совѣты вашими ко глупому концу приведенны естя, якоже праведный Иев в бѣсѣде ко другом своим пишет.[47] И аще не покаетеся и не обратитеся ко древнему благочестию, и еще ктому весте реку огнену, еяже волны, глаголютъ, выше облак небесных со презѣлным шумом возводятся, в нейже вси законопреступницы со Дияволом мучими будут. От неяже избавит

Господь Исусъ Христос всѣх православных, вѣрующих в него, емуже слава со Отцем и со Святым Духомъ вьвѣки.

---

[1] *...на Никейском же соборе...* — Первый вселенский собор в Никее был созван в 325 г. по инициативе императора Константина. Был призван разрешить накопившиеся к тому времени догматические разногласия и, в частности, определить отношение церкви к ереси Ария, отрицавшего божественную сущность Иисуса Христа. Составленный на соборе и утвержденный им символ веры подтверждал единосущность Отца и Сына. Собор, таким образом, выразил свое отношение к арианству, которое было предано анафеме.

[2] *«Егда... о мнѣ».* — Иоан. 15, 26.

[3] *«Аз... вам».* — Иоан. 14, 16.

[4] *«И послю... свыше».* — Лк. 24, 49.

[5] *«Сего... слышите».* — Деян. 2, 32—33.

[6] *«Источник... прияхом».* — Ср. Migne, Patr. gr., t. 3, col. 1031, 1034 (De mystica theologia, cap. 3). См. также 2-е Послание к Кузьме Мамоничу.

[7] *...злочестиваго Макидония...* — Епископ константинопольский Македоний (355—359) возглавлял одну из арианских группировок, деятельность которых к концу правления императора Юлиана Отступника представляла серьезную угрозу никейской церкви. Македониане отрицали божественную сущность Святого Духа. В числе других еретических учений македонианство было осуждено вторым вселенским собором в Константинополе (381 г.), созванным императором Феодосием. Основным источником по истории собора ввиду отсутствия его актов служат сочинения Григория Богослова.

[8] *...Троица...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[9] *...слиянием. Савельево...* — Проповедовавший в Риме, скорее всего, в первые годы III в. пресвитер Пентаполя Ливийского Савеллий основывал свое учение на утверждении, что Бог сам в себе есть монада, но при откровении он расширяется в троичность. Соответственно, он не признавал никакого различия трех ипостасей Божества.

[10] *...трепещут...* — В рукописи «трепещетаху». Восст. по изд. Кунцевича.

[11] *«На него... закрывают».* — Исход. 6, 1—3.

[12] *«Дух Христов».* — Рим. 8, 9.

[13] *...на христоборца Ария...* — См. выше коммент. к *«на Никейском же соборе».*

[14] *...Феодосий... собор собра...* — См. выше коммент. к *«злочестиваго Макидония».*

[15] *...Фармос...* — Имя папы римского Формоза (891—896) часто упоминается византийскими и славянскими источниками как символ отступничества от правой веры, символ «латинства». В действительности судьба этого папы была обусловлена прежде всего борьбой различных партий у папского престола и не была связана какими-либо конкретными действиями или событиями с усилением раскола между восточной и западной церквами. Византийские источники утверждают, однако, что папа Формоз «развврати немцъ от греческой веры». Греческие полемисты, чьи сочинения переводились на Руси, производили все «латинские ереси» от франков *(галлат* — см. след. коммент.), или германцев, что, впрочем, имело под собой реальную основу, поскольку Карл Великий, при котором окончательно утвердились расхождения между обеими церквами, активно привлекал в свою администрацию просвещенных представителей галло-романской знати, а они во многом определили направленность культурного развития империи. В общей массе безымянных западных «ересиархов» историческое сознание византийцев, привыкших производить все ереси от известных лиц, естественно, стремилось найти единичного виновника «заблуждений». Так случилось, например, с Петром Гугнивым, который, если и существовал, то не имел никакого отношения к тем еретическим течениям, которые ему приписывали византийские и соответственно славянские источники.

[16] *Калур... от Галат...* — Далее в тексте *Карул,* от латинск. Carolus. Карл Великий, император Священной Римской империи (800—814). Его коронование окончательно закрепило отделение Рима от Византии (см. предыдущ. коммент.). Рим снова стал центром западного мира, а император был признан главой западного христианского мира. К концу его правления встал вопрос об исхождении Святого Духа. В латинской традиции к этому времени утвердилось мнение об исхождении Святого Духа как от Бога-Отца, так и от Бога-Сына (folioque). Это учение нашло отражение и в Символе веры, так называемом Афанасиевом, а впервые прозвучало еще на третьем соборе в Толедо в 589 г. в виде вставки в никейский Символ веры. Вероятно, уже позднее оно перешло из Испании во Францию (отсюда *галлаты).* Употребляемое Курбским название *галлаты* (т. е. галлы) представляет собой архаическую греческую форму*,* что косвенно может указывать на время составления источника, переводом которого пользовались на Руси. С особой настойчивостью вопрос о filioque встал на соборе в Аахене в 809 г. Собор одобрил прибавление filioque к Символу веры. Папа Лев III не воспротивился этому прибавлению, однако известил о нем восточную церковь. Настоящие разногласия по этому поводу разгорелись уже позже и были закреплены произошедшим в 1054 г. окончательным разделением западной и восточной церквей.

[17] *Духа... от Отца.* — Ср. Деян. 2, 33.

[18] *...филокизмами...* — Или испорч. «силлогизмами», или каламбур Курбского.

[19] *«Обручих... пороку».* — Ср. 2 Кор. II, 2; Еф. 5, 27.

[20] *«И ин... Господня».* — Ср. Пс. 36, 28; 68, 24.

[21] *«Сохрани... невредну».* — Исход. 12, 24.

[22] *«Аще... да есть».* — Ср. Гал. 1, 8.

[23] *...во Ефес... Нестория...* — Несторий был избран патриархом константинопольским в 428 г. и сразу же организовал суровые гонения на всякого рода еретиков, но вскоре и сам оказался еретиком. Утверждал, что деву Марию не следует называть Богородицей, т. к. она родила не Бога, а только человека, с которым Слово Божье соединялось помимо нее. Человек Иисус был, по его мнению, только обителью Божества, и только по наитию Святого Духа стал помазанником. Новая ересь была опровергнута Кириллом Александрийским, а также поместным римским собором во главе с папой Келестином. Поскольку Несторий продолжал проповедовать свое учение, император Феодосий созвал в 431 г. вселенский собор в Ефесе, который и покончил с этим учением.

[24] *Ово убо от Карула... побриша.* — В этом отрывке изложены основные моменты, по которым произошло и сохраняется формальное разделение западной и восточной церквей. *Аполлинарий Лаодикийский* (епископ с 362 по 392 г.) — известный христианский писатель-публицист, прославившийся особенно своими трудами против ересей. Впоследствии же сам проповедовал учение о разумной душе и теле Христа, отличное от канонического. Аполлинарианство было осуждено вторым вселенским собором в Константинополе (381 г.).

[25] *...Павел х Каласаем пишет.* — Ср. Кол. 2, 8.

[26] *...священныя книги... изпрепорчены.* — Курбский имеет в виду под «жидовскими книгами» масоретскую редакцию еврейского текста Священного Писания, появление которой в VI в. было связано с деятельностью масоретов — хранителей предания. Из текста Библии сознательно, насколько это возможно, были исключены христологические моменты, прежде всего связанные с пророчествами о Христе. См. также ниже примеч. ко второму Посланию Вассиану Муромцеву *«О Скориных книгах»*.

[27] *...седмидесяти пропов ѣдником...* — Имеется в виду греческий перевод Ветхого Завета, получивший название Септуагинта. В соответствии с преданием этот перевод был выполнен по заданию александрийского правителя Птолемея Филадельфа в III в до н. э. семьюдесятью двумя толковниками (отсюда и название Септуагинта). Этот перевод был принят христианской церковью, с него же был сделан и славянский перевод.

[28] *...седмотысущного вѣка...* — В этом месте, по всей вероятности, нашло отражение смятение, которое было вызвано несостоявшейся кончиной мира в 1492 г. (или 7000 год от сотворения мира). По мере приближения этой даты в византийской и славянской письменности появлялись предсказания о грядущем втором пришествии Христа, которое должно было произойти в 7000 г. Поскольку оно не состоялось, в некоторых слоях появились скептические замечания по поводу подлинности пророческих предсказаний, в частности это было одной из отличительных черт московско-новгородской ереси XV—начала XVI в. См. также Второе послание Вассиану Муромцеву и Предисловие к Новому Маргариту.

[29] *...глаголати...* — В рукописи «глаго». Испр. по изд. Кунцевича.

[30] *...не у...* — в рукописи «него у». Испр. по изд. Кунцевича.

[31] *«От враг... приемлемо».* — Ср. Сир. 12, 10.

[32] *...Героним ваш премудрый...* — Иероним Блаженный (331—420). Осуществил перевод Библии на латинский язык, известный под названием Вульгаты. Известно, что в работе над переводом он пользовался текстом Септуагинты, несмотря на то что основным источником был, вероятно, еврейский текст.

[33] *...превратили...* — В рукописи «превратитили». Восст. по изд. Кунцевича.

[34] *...разчниней...* — Так в рукописи.

[35] *...блаженный Иоаким...* — Источником для этого сообщения послужило, вероятнее всего, «Хождение по святым местам купца Познякова» 1558 г. Этот памятник не был широко распространен, но лег в основу другого, более позднего и более известного сочинения «Хождения Трифона Коробейникова», где также содержится описание случая с патриархом Иоакимом.

[36] *...о вѣре...* — В рукописи «со звѣре». Восст. по изд. Кунцевича.

[37] *«Аще... разумѣти».* — Исход. 7, 9.

[38] *...сего...* — В рукописи «его». Испр. по изд. Кунцевича.

[39] *...ни малых... соблазтити.* — Ср. Матф. 18, 6; Мр. 9, 42; Лк. 17, 2.

[40] *«Не имамъ... моей».* — I Кор. 9, 4—5.

[41] *«Не имам... разумѣ».* — I Кор. 8, 13; 8, 11.

[42] *«Ходите... нас».* — Фил. 3, 17.

[43] *«Щадя... таковии».* — I Кор. 7, 28.

[44] *«Хощу... сице».* — I Кор. 7, 7.

[45] *«Мнѣ... мирови».* — Гал. 6, 14.

[46] *«Преходит... будут».* — I Кор. 7, 29—31.

[47] *...Иев... пишет.* — Ср. Иов. 31; 32, 1.

ПЕРЕВОД

Андрей Ивану многоученому предлагает ответ о правой вере.

Услышал ты от одного юноши Символ веры на греческом языке и, задумавшись, сказал: «Неполон он, дескать, и несовершенен, поскольку в нем говорится, что Святой Дух исходит только от Отца, а от Сына не исходит. Вот новый вымысел греческой церкви, ибо на Никейском соборе утверждено, что Святой Дух исходит и от Отца, и от Сына». Именно это я слышал от тебя, мудреца. Вот мой ответ с помощью трисиянного, безначального, триединого Божества на твои слова: «Неполон, несовершенен». Что может быть совершеннее сказанного о догмате Святого Духа самим Господом, который засвидетельствовал в своем Евангелии через Сына Грома следующее: «Когда придет утешитель, истинный Дух, исходящий от Отца», — то есть сияющий вечно, — «и он будет свидетельствовать обо мне»? И немного выше: «Я, — говорит он, — умолю Отца, и даст вам другого утешителя». То же сказал и божественный Лука в конце своего Евангелия: «И я пошлю обетование Отца моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше». А Петр, высший из учеников, которому сам Господь вверил ключ от ворот рая, говорит в Деяниях, обращаясь к евреям, которые удивляются сошествию Святого Духа на апостолов: «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Итак он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите».

Ново ли то, что сказал сам Господь Иисус Христос и проповедовали все апостолы об исхождении Святого Духа от Отца и о рождении предвечного Сына от пребезначального Отца? Им следует и божественный Дионисий Ареопагит, который принял учение от самого Павла, вознесенного на третьи небеса, и который пишет следующее в своем «Образном Богословии»: «Источником божества является Отец, Сын же и Дух являются порождениями Бога, если можно сказать, порожденные Богом отростки, словно цветы, и вышесущественные вещи, и свет принявшие от священных слов». Этим дано ясное указание нашему богословию — проповедовать предвечное исхождение Святого Духа от Отца, а также пребезначальное рождение Сына от Отца. Оба вечно от него, как от единого пребезначального начала исходят и пребывают отдельно в своих живоначальных ипостасях. А когда говорят, что Дух посылается и изливается через священные слова, то речь идет не о самой ипостаси, потому что ипостась Духа совершенна, присуща Отцу и Сыну. Бог есть Дух, он равен Отцу и Сыну; Бог не посылается. Вот что говорит Григорий Богослов против злонравного Македония: «Бог Отец совершенен в себе, также и Бог Сын совершенен

в себе, также и Бог Святой Дух совершенен в себе. Это не три бога, а один Бог — святая Троица, нераздельная сущностью и естеством, разделяемая и познаваемая в свойствах и лицах через разные ипостаси. Или же, — говорит он, — избежим греческого многобожия, или не примем Савелиева слияния, как у иудеев».

Свойство ипостасей в их неизменности. Если попытаться изменить ипостась, то это уже не будет свойство. Все три ипостаси существуют одновременно и одинаковы по своему значению, несмотря на то что Отец и является причиной рождения Сына и исхождения Святого Духа. Причина же рождения Сына и исхождения Святого Духа неизвестна не только земным, но и небесным иерархам. Богоголосый Исайя сказал о Господе, что херувимы, глядя на него, трепещут и закрывают лица крыльями от сияния его славы.

О Духе, исходящем от Сына, богословы говорят то же, что и Павел: «дух Христа», но имеют в виду его слово, а не источник исхождения. Никейский собор 318-ти богоносных отцов, состоявшийся при Константине Великом, был направлен, как известно, всем правоверным против безумного христоборца Ария, который отделяет сущность Господа Иисуса Христа от сущности Отца. Именно по этой причине святители оставили свои престолы и собрались, чтобы искоренить это безбожное учение. Так и случилось. Удавили его жилами священных слов и предали вечной анафеме. И все тогда заботились о том, чтобы прославлять и проповедовать нашего Господа Иисуса Христа, присносущного Отцу и равного Святому Духу, а не так, как богохульствовал Арий. А о Святом Духе тогда не было споров. И был утвержден тогда ими святой Символ веры, который заканчивался словами: «и в Святого Духа».

Через много лет родилась ересь против Святого Духа, из-за которой император Феодосий Великий, видя, какие возмущения в мире и какие беды в православной церкви она производит, — поскольку даже сам патриарх царствующего города Македоний был главным еретиком, — созвал собор. По причине этой беды отозвал он от престолов архиереев-богословов со всех сторон света. Их предводителем был блаженный Дамас, папа римский. Григорий Богослов, Григорий Нисский и другие великие святители, многие из которых были украшены епископским саном и даром чудотворства, и венцами мучеников, со всех концов вселенной собрались в Константинополе. И победили этого безбожного Македония с помощью священных слов, свергли его с престола и признали, что Святой Дух равен Отцу, но не сотворен, как об этом говорилось во вздорных речениях Македония, и не является некой силой, превосходящей силу ангелов. И поэтому в Символе веры добавили по поводу Святого Духа: «и в Духа Святого, Господа животворящего, от Отца исходящего». Но не от Сына, как об этом говорит Формоз и вы, его новые последователи. Упорно тогда спорили все апостолоподобные святые с Македонием и его единомышленниками по поводу самой ипостаси Святого Духа, о том, что он постоянно исходит от Отца, а не изливается или посылается им. А ваш Карл, придя из Галлии вместе со своими мудрецами, и папа Фармоз, свернувший с праведного пути и уподобившийся Македонию, добавляют, вопреки

древнему богословию, к Символу веры утверждение об исхождении Святого Духа и от Сына, а затем, принуждая следовать им, неверно толкуют евангельские слова и утверждают, что Христос якобы посылает Святой Дух и что апостол Петр говорит о том, что Христос изливает Святой Дух, воспринятый им от Отца. Вот поэтому они и говорят, что Дух исходит от Сына, не умея, а прежде всего не желая рассудить о том, что в соответствии с Символом веры Дух является совершенной ипостасью; они же называют его дарованием. И, упрямо настаивая на своем, говорят о нем не как об извечной сущности — ипостаси, а как о даровании. И, наострив свой язык силлогизмами Аристотеля, ополчаются против древнего богословия.

И еще вот что ты сказал: «Я, мол, не знаю что есть истина. Слишком много мы с вами об этом спорим. Но и папа, и Лютер придерживаются того же, что и мы. Думаю, что мы узнаем лишь на небесах, что такое истина». И этот твой ответ, полный недоумения по поводу истины, недостоин твоего ума, премудрый Иван: ибо не обретет на небесах истины тот, кто в богословии придерживается испорченных догматов. Ведь и сам громоголосый Павел сказал: «Потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девой, не имеющей ни скверны, ни порока», то есть Божьей церковью, придерживающейся благочестивых догматов и правильного, непорочного, благоверного жития. Именно такова небесная церковь, облаченная чистотой благочестия. А тех, кто принимает испорченные догматы, Господь поведет вместе с творящими беззаконие. Сказал ведь псалмопевец царь Давид, что нечестивые будут отвержены и не увидят славы Господней. Не помнишь ли, что сам Бог в Ветхом завете накрепко завещал Моисею, говоря о первом законе и о создании скинии? «Храните, — сказал он, — сие как закон для себя и для сынов своих на века», то есть не пытайтесь ничего ни прибавить, ни отнять. То же писал и божественный Павел к галатам о тех, кто отходит от закона и от соблюдения дней: «Но если бы даже мы или ангел стал говорить вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема». Если даже совершивших малые прегрешения предает анафеме, то что же говорить о тех, кто не стремится соблюдать догматы древнего благочестия?

Когда, следуя этим заветам, 200 великих святых архиереев во главе с вашим римским первосвященником Келестином съехались в Эфес на третий собор, созванный против злочестивого Нестория, который, повредившись в уме, начал говорить странные и неслыханные вещи и хулить Христа и Богородицу, — они обличили его чуждые и неприемлемые мудрствования, изгнали его из собрания святых и утвердили святой Символ веры, заклиная страшными клятвами и завещая крепко-накрепко ничего не добавлять, не отнимать и не изменять ни слова. Стоило бы и вам, премудрый Иван, устыдиться перед этими прежними, столь великими святыми, не только в совершенстве постигшими светскую философию и богословие, но и сияющими ангельским житием; а многие из них украшены и мученическими страданиями, которые они претерпели от безбожных язычников и покрытых дурной славой царей, и кровью, пролитой за правую веру.

Если бы и хотели мы умолчать о том, как часто меняются ваши законы, но вещь возопиет сама за себя голосом сильнее трубного звука. Вот вы, поддавшись мудрствованию Карла, вместо хлеба используете опресноки во время священной литургии и, подобно злочестивому Аполлинарию Лаодикийскому, хотите, чтобы мертвое тело способствовало совершенной жизни. Вот вы, уйдя от апостольского благочестия, вслед за Формозом говорите в Образном богословии о двух источниках Святого Духа. Вот вы вслед за вашими папами проповедуете существование чистилища; а вот вы бороды и усы сбриваете; а ныне вы идете вслед за неосвященным Лютером. Сегодня же, как я слышал, вслед за вашими немцами и другие новые заморские проповедники начали устанавливать собственные законы.

О, воистину, вы словно тростинка, колеблемая в разные стороны порывами ветра! О, дом ваш, построенный — и всем это видно — на песке! Это по вашей воле были допущены учителя, проповедующие ложное учение! Смутились вы и зашатались, словно пьяные, понадеявшись на хитрость и пустую философию, о которой предостерегал Павел в послании к колоссянам. И поэтому вся ваша священная мудрость исчезла. У вас не только искажены догматы образного богословия, а церковные правила и уставы отвергнуты, но даже священные книги Моисея и пророков испорчены при переводах по образцу еврейских книг. В них многое из того, что касается предсказаний о Христе, явных или скрытых, поставлено с ног на голову и не соответствует тому, что сказано об этом в древнем переводе семидесяти толковников. К тому же из семитысячного века, упоминаемого Моисеем и пророками, в ваших новых переводах украдено более полутора тысяч лет, а это способствует раздорам и унижениям среди христиан, но вызывает радость у христоборных иудеев и содействует им, ожидающим не Христа, а его противника Антихриста. Они же не только, вопреки всем апостолам и святым, проповедуют свои хитрые вымыслы о том, что будто бы не пришли еще последние времена, и не только не верят в воплощение Христа, предсказанное всеми пророками, но и еще больше, чем их отцы, ругают его и поносят, и неизменно веруют, окаянные, в богоборного обольстителя, сына Дьявола, уповая на его пришествие. И не пользу христианскому роду приносит Священное Писание, переведенное по этим испорченным книгам, а только искушение и смятение. Об этом и в самом Писании сказано: «Не верь врагу твоему вовек».

Против ваших переводов можно возразить словами одного из святых, который был весьма умен и силен в священной философии и который удачно заметил, что Бог потому благоволил, чтобы семьдесят исполненных величайшего ума мужей, сыновей самих пророков, досконально изучивших не только еврейскую мудрость, но и египетскую, и греческую, — Бог потому благоволил, чтобы еще за триста лет до пришествия его Сына все Священное Писание было переведено ими с еврейского языка на греческий, что он, безначальный Отец, знал, что иудеи будут вести непримиримую борьбу против его присносущного и единородного Сына, и не только во время самой страсти или после его вознесения еще в апостольские времена, но и в наши дни, когда они стремятся исказить предсказания всех апостолов о

Христе. Вот поэтому попустил Бог, чтобы перевод был совершен за многие годы до пришествия Христа. И если бы этого не случилось тогда, то теперь они смогли бы, исказив то, что сказано в книгах о Христе, строить нам козни, и говорили бы нам: «Вам, дескать, апостолы проповедовали не то, что написано у нас». И вот, по Божьей благодати, заграждены их уста, потому что сами их отцы перевели их писания для любителя книг Птолемея в Египте. Их искусству перевода удивляется и ваш мудрейший Иероним и хвалит этот перевод, и говорит о том, что эти семьдесят мужей, трудясь отдельно друг от друга, не допустили ни малейших разногласий в своих переводах, но проявили в своем усердии удивительное согласие во всем. Невозможно, сказал он, чтобы это могли сделать люди, но воистину, сделано это воплощением Святого Духа. А ваши нынешние переводы очень сильно противоречат этому древнему, восхваленному вашим Иеронимом. И ваши книги Нового Завета, эти священные источники, также искажены вашими учителями, творящими раскол. И не удивительно, что они искажают Писания, потому что они не только отступили от древних преданий ваших равноапостольных пап, но и между собой во многом не согласны и противоречат друг другу.

Взгляните же с подобающей прямотой на церковь Божью, основанную и неизменно, постоянно стоящую на твердом камне Христовой веры и укрепленную семистолпными догматами, то есть семью великими соборами, на которые в разные времена, в разных городах и местностях собиралось со всех концов вселенной священное ополчение, чтобы отогнать зверей. В этом ополчении были и наместники апостола Петра, прежние папы древнего Рима. Развеяв плевелы различных ересей и объединив правоверных в единомыслии, оградив Христову церковь уставами и правилами, они сделали неуязвимыми для видимых и невидимых врагов тех правоверных, которые придерживаются их учения. Прожив свою жизнь по заповедям Христа, многие из них украшаются апостольским и пророческим даром в награду за чистое, преподобное житие, и так было не только в прежние времена, но бывает и в нынешние. Так было и с блаженным патриархом александрийским Иоакимом, которого Господь по его благодати прославил великой славой. Однажды во время спора с иудеем о вере в присутствии египетского царя и многих людей он во имя Христа, которого поносил иудей, выпил на глазах у всех смертельный змеиный яд, а остатки яда в сосуде, ополоснув, дал выпить иудею. И этот богохульник тотчас же умер и распался. Патриарх же по благодати Христа остался невредим и живет до сих пор, занимая архиерейский престол. Будучи уже в столетнем возрасте, он имеет от Бога юношескую крепость и, на удивление безбожным туркам, по сей день стоит у кормила благочестия, ведет за собой православных и укрепляет их по всей вселенной. Хоть и беден он в миру, преследуемый гонителями, но обладает небесными сокровищами столь великими, что к ним даже ангелы стремятся, и во всей вселенной сияет он своей благочестивой мудростью и праведным житием, чему свидетелями были посланники нашего царя ко гробу Господню.

Хотел я, подражая царю Давиду, рассказать и о других святых деяниях Господа, который не только в тех странах, среди безбожных турок,

совершает удивительные и величайшие чудеса, но также и в нашей земле своими святыми удивительными делами вызывает восхищение, подавая исцеление многочисленным верующим, страдающим различными недугами. Но удержалась рука пишущего и смолк язык повествующего, остановленные вашей жестокостью и пренебрежением к святыням. Ибо неверующие обычно не способны воспринимать благо, о чем сказал и пророк Исайя: «Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены». Отбросьте вашу гордыню и все суетные пререкания и рассудите в кротости и в спокойствии духа Христова: кто отлучает вас от его любви и кто препятствует вам отречься от учения и недостойного мудрствования ваших нынешних развращенных пап, живущих, словно свиньи, нечистым смрадным житием, которому и сами вы подражаете, и кто мешает вам отречься от учения вашего новоявленного обольстителя Лютера, этого совсем недавно объявившегося волка в овечьей шкуре, натравленного на Божьих людей вражьим духом, этого истинного предвестника Антихриста, своими делами прокладывающего для него легкий и удобный путь. Был он когда-то монахом, но потом отрекся от монашества и показал собой пример скатывания на широкий и пространный путь, ведущий к погибели; и даже не задумываясь о тесном и прискорбном пути, указанном самим Господом Иисусом, он внезапно его оставляет и берет себе жену. И не прислушался к слову Господа, который строго повелевал не соблазнять меньших братьев. И вот он, окаянный, соблазнил бесчисленное множество людей, поколебал великие царства и способствовал величайшим кровопролитиям во время междоусобных войн, восстав против апостолов и святых. Ведь все апостолы и святые своим христоподобным и воздержанным житием показали пример всей вселенной и, будучи людьми, уподобили себя ангелам, и землю уподобили небу, а исповедание трисиянного Божества укоренялось по всей вселенной. И если они могли совершить что-либо, что было в их власти, данной им от Бога, но не совершали этого, так это потому, что не хотели соблазнять своих меньших братьев, как об этом пишет Павел в послании к коринфянам: «Или мы не имеем власти есть и пить? Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену?» — и далее, — «однако мы не воспользовались сею властью», что значит, заботились о слабых. И еще немного выше в том же послании говорит он: «Не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего, и пусть не погибнет немощный брат от знания моего». И если ты внимательно прочтешь его слова, то увидишь, что он во всех посланиях пишет о том же: и к высокому, и к низкому обращает свое уничижение, чтобы верных людей привести к христоподобному, нестяжательному и чистому житию. В одном месте он говорит: «Подражайте мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в вас». В другом месте говорит о том, что имеющие жен ничем не отличаются от не имеющих, а только «будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль». Еще в одном месте: «Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе». И еще: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, а я для мира». И в другом месте: «Ибо проходит образ мира сего, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие», и так далее.

Понимая сказанное святыми древними толковниками, а затем и премудрым Павлом, просветителем вселенной, пойми ты, многоученый, что не стоит подражать Лютеру, ненавистнику и разрушителю ангелоподобного чистого жития, а нужно подражать всем апостолам и святым, которые с усердием соблюдали суровое, воздержанное житие, умерщвляя свою плоть. Они не только сами спасутся, но и многих людей своим примером приведут к Христу. Они не растлят, не развратят, не отвергнут уставы и правила, как это ныне учинили ваши новые учители, примеров нечестивости которых я не буду перечислять полностью, чтобы не обременять твой слух чрезмерными словами, но скажу только об одном из того, как они разрушают благоверие. Кто, скажи, из апостолов и святых назвал идолами образ Господа Иисуса Христа, написанный по подобию его человеческого воплощения, и образ его пречистой Матери, и совершенных святых? И кто иконы, поставленные на почитание Христа и его святых, уподобляет скверным идолам, изображающим Кроноса, Зевса и Афродиту, кто церковь Божью называет «болваницей», а правоверных людей, почитающих образ Господа нашего Иисуса Христа и его пречистой Матери, назвал идолопоклонниками? Ох, горе горькое и беды бедные, оттого что в христианском роде случаются такие хуления! Христианами себя называете, а сами иудейскую мудрость исповедуете. От иудеев отмежевываетесь, а сами во всем нравы их перенимаете. Говорите, что поклоняетесь Христу, а сами обрушиваете на икону свою ярость, словно иудеи. Хоть и не распинаете его на кресте вместе с иудеями, — на небесах уже он — но образ его, оставленный нам на память, таскаете по улицам и бросаете в огонь. Хоть пощечин ему не наносите, но его святой образ на иконе железным скребком и топором соскабливаете. Хоть копьем его, подобно воинам, не пронзаете, но в его изображения на иконах из пищалей и луков стреляете. Говорите, что распятому на кресте поклоняетесь, но знамение его животворящего креста на себя не полагаете. Хоть самих его святых вместе с язычниками и не закалываете и вместе с иудеями камнями не забрасываете, но иконы этих святых сокрушаете и на площадях ногами топчете, а правоверных людей преследуете пытками и гонениями еще большими, чем при древних гонителях. Странно слышать и невозможно видеть без слез этот жалкий позор, когда церковь подвергается таким надругательствам! Не стыдитесь называть себя христианами, хоть сами при этом творите дела хуже тех, которые совершали иудеи и язычники. Так знайте же, к чему вы пришли и в чем повинны. Нечестивость, на которую вы решились, привела к тому, что ваши сильные царства исчезли, ваши неприступные крепости разбиты, и земли ваши исчезли, ваши люди разграблены войсками, и многие из них погибли от меча, а ваши советы привели вас к глупому концу, — как сказал обо всем этом праведный Иов в беседе со своими друзьями. И если вы не покаетесь и не вернетесь к древнему благочестию, то суждено вам познать огненную реку, волны которой, как говорят, с огромным шумом возносятся выше облаков, а в ней все законопреступники подвергаются мучениям от Дьявола. От этой реки пусть избавит всех верующих в него православных Господь Иисус Христос, которому слава с Отцом и Святым Духом вовеки.

Первое послание Вассиану Муромцеву

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящем издании представлены почти все наиболее значительные послания Андрея Курбского. Не публикуются лишь незначительные по объему и по содержанию послания волынского периода (Ответ восточных, два Послания Федору Бокею-Печихвостовскому, Послание Евстафию Воловичу и Послание Базилию Древинскому), которые не влияют сколько-нибудь значительным образом на общее представление о характере переписки князя.

Четыре первых Послания (из публикуемых здесь) хронологически обычно связывают со временем, непосредственно предшествовавшим его побегу в Литву или сразу же после него. Так или иначе и Ответ о правой вере, и три Послания старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву прочно связываются с районом Печер и Юрьева — теми местами, в которых развора-чивались основные события, сопутствующие побегу. Стилистика этих четырех посланий и их привязанность к району Печер позволяют рассматривать их в комплексе и отдельно от Посланий волынского периода. В рукописной традиции они бытуют, как правило, в составе так называемых «печерских сборников», сформировавшихся, скорее всего, в Псково-Печерском монастыре. Совре-менное состояние исследований рукописной традиции этих посланий не позволяет, впрочем, говорить об этом с полной уверенностью. Кроме «печерских сборников» эти послания представлены также в «сборниках Курбского» (своего рода собраниях сочинений князя), в которые наряду с первыми четырьмя Посланиями входят Послания волынского периода, а также отрывки из его переводов и другие сочинения. Один из таких «сборников Курбского» положен в основу настоящего издания Посланий (Погод., 1494). Использованы также другие списки, что оговаривается отдельно в комментарии к каждому конкретному Посланию. Испорченные места и пропуски в рукописях восстанавливаются по изданию Г. З. Кунцевича (Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные. *РИБ.* Т. XXXI. СПб., 1914).

Первое послание Вассиану Муромцеву, так же как и Ответ о правой вере, публикуется по рукописи Соловецкого монастыря 852/962. Заглавие в ней отсутствует, и оно восстанавливается по изданию Кунцевича. Ни в самом заглавии, ни в обращении нет точного указания адресата. Однако общая стилистика послания позволяет предположить, что адресат его тот же, что и в двух последующих посланиях. К тому же и во втором, и в третьем Посланиях также идет речь об апокрифическом Евангелии Никодима, которое представляет собой основную тему первого Послания.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКАГО О ЛОЖНЫХ ПИСАНИИ, В ПЕЧЕРСКОЙ МОНАСТЫРЬ НЕКОЕМУ СТАРЦУ

Чину подобия безтелесных, во сверстницех искуснѣйшему, радоватися.

Книга, глаголемая Райская,[1] иже суть в Божиих церквах, от вашея святыни к рукам моим пришла,[2] и нѣкая уже от словес в ней смотрел есми, и мню, яко недостаточествует сие имя, но воистинну небесной красотѣ уподобленна и всякими преудобренными словесы украшена, и священными догматы свидѣтельствованна.

А повесть ону прочтох, глаголему Никодимову.[3] И не суть от пророк умолчанна, ото апостолъ не слышано, еуаглистом сопротивну, от учитель вселенских во свѣдительство не приемлемо. А слышах от Езекѣиля колесницу четырьма колы составлену, скрыпѣние колес ея гелгел,[4] глас испущающи. А навыкох от Давида во Псалмѣх[5] о колеснице же оной предглаголемо, на нейже тмами тем вѣрных седяще, к небесным обителем тысящами учитель правима. И по лѣтех предреченная, збысться сия колесница, четырьмя художники предивное составленна, паче же от божествена параклита укреплена. Аще и в различных *местех* и градех кола составляемы, но по всему равное согласие имуща, яко от самого Бога и от гор нѣбесных на землю пущаема. И от ея звука вселенная потрясеся, дѣмони разбѣгошася, идоли изтребишася, нечестия исчезоша, велиар[6] посрамися, истинна проповѣдася, трисияннаго Божества разум в конца вселенныя водрузися, человеки аггеломъ подобни быша, небеси земля образна явися. От гласа глаголъ ея предивнаго царие умолкоша, и на уста персты положиша, и наруганному и оплеванному, и разпятому нас ради сильныя и владѣющая землями с радостию усердне вѣроваша, и со страхом и с трепятом поклонишася, а не Корсурова ради почтения и по плату ступание.[7] Довольно, мню, четыре кола[8] небесному восхождению, не надобе пятое. «И не суть то рѣчи и словеса, иже не слыхали гласи их. Есть то рѣчи и словеса, иже во всю землю изыдоша вѣщания их и в конца вселенныя глаголы их».

По премногой чести и по ввѣрении ключ небесных от Христа Петръ привеликий вѣрою зѣлне взущен бысть, яко и Сатана поречен,[9] пререцающе поношение и безчестие, и смерть Господню. А от хотящего народа поставити его царемъ Господь мой отходит[10]: паче же бы во время самыя страсти сего отвратился, аще от нѣкоих и почтен бы был.

Но воистинну лож есть сие писание и неправда, и от нѣкоего неискусна и лукава написана. А се лжеплетение и прежде аз видах, полским языком написана. Смотри сам со прилежанием сего суесловия: не токмо хватая Священная во свидѣтельство словесем своим развращенѣ полагает, но и во множайших, и межи собя сопротивная и неслыханная глаголетъ. А о нощи страстей Христовых и о спасенной муке всей зри со опасением во благовѣстие Матфѣевѣ. Аще ли будет гдѣ сокращенно, и ты в Маркѣ и Лукѣ, и во благовѣстие Громова Сына,[11] послѣди мало не всю повѣсть о навѣтех и бранех жидовских со Христомъ написавше, и тремя неявленная возвестивше. Якоже и Хрисостомос сказает.

Не прогневайся, молюся вамъ, по кротости[12] святаго отца и твоей любви. От худаго ума и дебелаго сердца дерзнух написати сия, яко воистинну къ премудрым отцемъ по слове сына Вирсавиина и правнука Седекова.[13] Аще и бритостны ти строки сия явится, и ты раздери и огню предай их. И всяк разумеваяй разумѣет, яко же хощет, в настоящем. А уклоняющихся в развращенная[14] поведет Господь с творящими безаконие. И не буди се, Господи, всѣм православным, паче же очиствованных и премудрых жительству подобящеся. Аминь.

А хотѣх и иная повѣсти сея слогни ложная обличити, но устыдѣхся и сопрятохся высоты ради преподобныя и свѣтлости отца и твоей ради честности и святыни. И можете попремногу паче нас разумѣти, обращаяся в воинъстве безтелесных, искушати седмерицею словеса, паче миролюбцев. И многажды много вамъ челом бью, помолитеся обо мнѣ, окаянном, понеже паки напасти и бѣды от Вавилова на нас кипѣти многи начинают.

Зри в концы писания сего, что глаголет, слыша бо о себе благочестивый сей муж наветы и умышления великого князя, еже хотяще убити, и сего ради сице пишет, и помышляше, како бы избегнути неправеднаго убиения.[15]

---

[1] *Книга... Райская...* — Имеется в виду книга Рай, представляющая собой календарный сборник уставных чтений. Тематика этого сборника определялась евангельскими и ветхозаветными сюжетами, которые использовались в византийской и древнерусской письменности в дидактических и торжественных словах.

[2] *...иже... пришла...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[3] *...повесть... Никодимову.* — Апокрифическое Евангелие от Никодима, тайного ученика Христа. Не обозначенное ни в одном из индексов запрещенных книг, оно получило довольно широкое распространение в славянской письменности и известно в трех редакциях.

[4] *...скрыпение... гелгел...* — Ср. Иез. 10, 13. «Галгал» — колесо по-древнееврейски.

[5] *...во Псалмѣх...* — Ср. Пс. 67, 18.

[6] *...велиар...* — Дух зла (велиал), в переводе с евр. означает «недостойный, гнусный, виновник всякого зла и нечестия». Употреблялось вначале в отвлеченном смысле, позже применительно к Дьяволу, Сатане.

[7] *...Корсурова... ступание.* — Корсур — гонец (от латинск. cursor). В отличие от канонических Евангелий Евангелие Никодима сообщает, что «корсур», посланный за Иисусом Христом для суда, воздает ему почести и расстилает перед ним полотно. При входе в зал суда языческие знамена склоняются перед ним, а народ радостно приветствует его. Никодим выступает с защитой Христа и со свидетельством о нем. Именно этот пафос и критикует Курбский.

[8] *...кола...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[9] *...Петръ... Сатана поречен...* — Ср. Мф. 16, 22—23.

[10] *...царемъ... отходит.* — Ср. Иов. 6, 15.

[11] *...Громова Сына...* — Громовы сыны — имя, данное Иисусом Христом апостолам братьям Иакову и Иоанну, сынам Заведдеевым. Здесь речь идет о Евангелии от Иоанна, одного из них.

[12] *...по кротости...* — В рукописи «покростри». Восст. по изд. Кунцевича.

[13] *...сына... Седекова.* — Имеется в виду царь Соломон, рожденный Вирсавией во втором браке от царя Давида.

[14] *...в развращенная...* — В рукописи «возвращенная». Восст. по изд. Кунцевича.

[15] *Зри... убиения.* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича. Эта приписка отсутствует в рукописи, по которой публикуется текст послания, однако присутствует во многих других.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО В ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ К НЕКОЕМУ СТАРЦУ ОБ ОТРЕЧЕННЫХ ПИСАНИЯХ, «КОТОРЫЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ СРЕДИ БОЖЕСТВЕННЫХ ПИСАНИЙ»

Подобному бесплотным ангелам, искуснейшему среди равных радоваться.

Уже просмотрел я некоторые слова из книги Рай, которая встречается в Божьих церквях и послана ко мне вашей святостью, и думаю, что это название даже не вполне достаточно, потому что она не только уподоблена небесной красоте, но и украшена различными прекраснейшими словами, и укреплена священными догматами.

Прочел я в ней одну повесть, называемую Никодимовой. И не нашел в ней ничего, что не было бы сказано пророками, или того, о чем не слышали бы мы от апостолов, что не соответствовало бы евангелистам или противоречило бы свидетельствам великих учителей. И слышал я от Иезекеиля о колеснице на четырех колесах, и колеса ее скрипят, издают звук. И из псалмов Давида я также слышал предсказание об

этой колеснице, управляемой тысячами учителей и несущей многие тысячи верных к небесным обителям. И вот, через годы, действительно появилась эта предсказанная колесница, удивительнейшим образом созданная четырьмя художниками и укрепленная силой Святого Духа. Колеса ее, хоть и создавались в разных городах, согласуются в своем движении друг с другом, поскольку она послана на землю самим Богом и небесными силами. От звука, издаваемого ею, сотряслась вселенная, разбежались дьяволы, сокрушились идолы, исчезли нечестивые, был посрамлен велиар, и тогда во всех концах вселенной проповедовалась и утверждалась истина о триедином Боге, и люди стали подобны ангелам, а земля небесам. При удивительнейшем звуке ее речи замолчали цари, приложив палец к устам, а могущественные властелины, владеющие многими землями, в страхе и трепете склонились и уверовали радостно и всем сердцем тому, кто был поруган, попран и распят ради нас, но не тому, которого почтил Корсур, расстилая перед ним ковер. Думаю, что достаточно и четырех колес для восхождения на небеса, а в пятом нет нужды. «Колеса эти — слова и свидетельства, и нет языка, нет наречия, где не слышался бы голос их, и до пределов вселенной слова их».

Великий Петр, которому Христос оказал великую честь и вручил ключ от рая, вынужден был замолчать и даже назван сатаной, когда он прекословил Христу, предрекающему свое скорое поношение, бесчестие и смерть. А от народа, желающего поставить его царем, Господь уходит: тем более во время самого мученичества он отвратился бы от чьих-либо почестей.

Воистину, это сочинение является ложью и неправдой, и написано оно невеждой и лжецом. Эти лживые измышления я встречал уже раньше, написанные по-польски. Присмотрись и сам внимательно к этому пустословию: ведь он не только неверно использует Священное Писание для доказательства своих измышлений, но и пишет о многих неслыханных, противоречащих друг другу вещах. Сравни описание ночи страстей Христовых и всего его искупительного мученичества с тем, что сказано об этом в благовествовании от Матфея и Луки, а также в благовествовании Сына Грома, сделавшего почти полное описание козней евреев против Христа и сообщившего то, о чем не сказано у трех других евангелистов. Об этом говорит и Златоуст.

Прошу, надеясь на присущую тебе, святому отцу, кротость и на твою любовь, не гневаться на меня. По своему худоумию и жестокосердию осмелился я написать тебе, как премудрому отцу — по слову сына Вирсавии и правнука Седека. Если покажется тебе мое писание плохим, то порви его и сожги. Пусть всякий понимающий понимает это как хочет. Но уклоняющихся в отступничество Господь поведет вместе с творящими беззаконие. Только пусть не случится это со всеми православными, Господи, особенно с теми, кто очистился и удостоился благочестивого жития. Аминь.

Хотел я опровергнуть и другие места этой повести, да устыдился и устрашился твоей высоты и светлости, честности твоего святоотеческого преподобия. Вы ведь, пребывая среди невидимого воинства, можете гораздо лучше нас, мирских, протолковать

написанное и знаете гораздо больше нас. И очень прошу помолиться за меня, грешного, потому что все больше напастей и бед вавилонских обрушивается на нас.

Смотри в конце этого писания, что говорит благочестивый муж, узнавший о клевете и замыслах на него великого князя, стремящегося его убить, и что он пишет о том, каким образом он старается избежать этой несправедливой смерти.

Второе послание Вассиану Муромцеву

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящем издании представлены почти все наиболее значительные послания Андрея Курбского. Не публикуются лишь незначительные по объему и по содержанию послания волынского периода (Ответ восточных, два Послания Федору Бокею-Печихвостовскому, Послание Евстафию Воловичу и Послание Базилию Древинскому), которые не влияют сколько-нибудь значительным образом на общее представление о характере переписки князя.

Четыре первых Послания (из публикуемых здесь) хронологически обычно связывают со временем, непосредственно предшествовавшим его побегу в Литву или сразу же после него. Так или иначе и Ответ о правой вере, и три Послания старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву прочно связываются с районом Печер и Юрьева — теми местами, в которых развора-чивались основные события, сопутствующие побегу. Стилистика этих четырех посланий и их привязанность к району Печер позволяют рассматривать их в комплексе и отдельно от Посланий волынского периода. В рукописной традиции они бытуют, как правило, в составе так называемых «печерских сборников», сформировавшихся, скорее всего, в Псково-Печерском монастыре. Современное состояние исследований рукописной традиции этих посланий не позволяет, впрочем, говорить об этом с полной уверенностью. Кроме «печерских сборников» эти послания представлены также в «сборниках Курбского» (своего рода собраниях сочинений князя), в которые наряду с первыми четырьмя Посланиями входят Послания волынского периода, а также отрывки из его переводов и другие сочинения. Один из таких «сборников Курбского» положен в основу настоящего издания Посланий (Погод., 1494). Использованы также другие списки, что оговаривается отдельно в комментарии к каждому конкретному Посланию. Испорченные места и пропуски в рукописях восстанавливаются по изданию Г. З. Кунцевича (Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные. *РИБ.* Т. XXXI. СПб., 1914).

Второе послание Вассиану Муромцеву издается по рукописи Соловецкого монастыря 852/962.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ К СТАРЦУ ВАСЬЯНУ

Писанием сказателю и во мнихѣх честному моему господину радоватися.

Посланейцо твое, любовию помазанное, дошло до меня. Книгу и Герасимово житие и счет лѣтом привезли же ко мнѣ, и много челом бью на благы твоих. Да паметца обрѣлася в твоей грамотки запечатана, а написано в ней, яко Григорей рече Богослов называет тайным учеником Христовым Никодима.[1] Ино аз вѣм то, что истинна. И индѣ об нищелюбии в слове рече о нем, якоже Никодим исполу Христа любил.[2] И се по прилучею слова написа о нем Богослов, мнит ми ся, а не уничижая мужа. Блаженныя же мужи Иосиф[3] и Никодим безмѣръным похвалам достойны от Бога Отца, и от аггелъ удивленны, и от соборов вѣрных возвеличенны, сподобивыися послужити во[4] время спасенныя страсти живодательному агнецу Божию, заколенному за весь мир. И опрятающе тѣло мертво суще живоноснаго Исуса, ово пеленами обвивающе, ово столитренными ароматами мажюще, и затвориша во гробѣ убиеннаго Господа плотию, всѣм сущим во гробѣх живот даровавша. Ихже сего ради многие от святых похвалами ублажиша, овы во словех торжественных, овы в канунех возпѣвша. Паче златы языком и усты похвалу слагающим глаголет: «Блажени, — рече, — руцѣ Иосифа и Никодима, осязающе тѣло неприступнаго Бога, пред нимже стояще, херувими трепещут, и от лица славы его серафимы ужасаются, Иосиф же и Никодим со дерзновением приступают и всѣх живота плотию умершаго со креста снимают», и протчая. И инде той же: «Ученицы, — рече, — разбегошася страха ради июдейска, владыку и учителя единого оставивша, яко от убогих и от незнаменитых суще, паче же во пророцех лежащая и о них исполнися. Распаляют же ся вѣрою потаенныя ученицы, и от благородия, и от свѣтлости ради вину вземше, Иосиф дерзостно к Пилату приступает и вкупѣ с Никодимом пригвожденаго Господа со креста снимает, и погребению Христову служители бывают, не боящеся июдей, величества ради сана»,[5] и прочая.

И аз, не тѣм противяся чюдным мужем, первое посланейцо послал к тебѣ — прочти его со вниманием — но противлюся лжесловесником, преобразующимся во истовыя учители, и пишет повесть сопротив еуаггельским словесем, и имена своя скрывше, да не обличенны будут, и подписуют их на святых имена, да удобно их писание приимется простыми и ненаученными. И о таковых издавна Павел богогласный

пишет: «Блюдитеся, — рече, — да не погибнет простота ваша въ их лукавъстве».[6] И инъ, иже почерп премудрость от животворящих персей, от ипостасныя Премудрости Божия: «Не всякому, — рече, — духу вѣруйте, но искушайте духи»,[7] и прочая. А яз и паки вам воспамяну, аще вам и инаково нѣкаково обрѣтется. Хто стерпит таковаго супротивления апостолом? Петръ глаголетъ: «Емше Исуса»; а еуагглисты всѣ вопиют: «Приведоша связанна Господа от Каияфы х Пилату во многих муках и поругании, да грѣхи связанное человечество разрѣшит и поруганныхъ и мучимых от Диявола избавит». А нового Еуаггелия повѣсть: «Корсур, рече, со многою честию и молениемъ пред Пилата приведе Исуса». Не дивно врагомъ нашим, искони бо им обычай межю чистыя пшеницы плевелы сѣяти. Дивно православным, паче же искуснейшим в чинѣх, вмѣсто пшеницы плевелы услажатися, а всегда имѣюще пророческая словеса пред очима лежаща. «Словеса, рече, Господня, словеса чиста, сребро раждежно, искушенно земля, очищенно седморицею».[8] И индѣ: «Сказали мнѣ законопреступницы суесловие, а не яко закон твой, Господи».[9]

Али не слышал еси, какову бѣду от таковых в Литовской земле церковь Божия приемлет, и како на апостолская словеса и на святых учение и уставы самыя християньския дѣти от врагов возверенны бысть? И от овчии кротости звѣрие обрѣтошася, и стада вѣрных нещадно расхищают и, апостолская словеса превращающи, развращенне толкуют, и на святых хулу возлагаютъ, паче же на Златауста клеветами ополчаются. И от книг руских емлючи словеса развращенныя, от Еремѣи,[10] попа болгарскаго сложены, и иных таковых, и на Златаустово имя подписано и на иных святыхъ, яко щиты себѣ носят, и из-за них на закон Христовъ ругании и хулами стрѣляют, и вѣрных, тяжющихся с ними по невѣдѣнию, аки за словеса святых удобне одолѣвают, яко безотвѣтных, и от истиннаго пути на прелесть свою возводят.

О, горе нам! Како не зрим прилѣжно мысленным своим оком древняго дракуна, врага нашего бодрово и никогдаже спящаво, и множайшими лѣты искуство злобы имущаго! Он бо древле праотцемъ завистию во едеме смерть сотвори, и роду их на безбожие и чародѣйства разумы преврати, и скотолѣпному и нечистому жительству научи. Он праведному Иеву внезапу все имѣние и дѣти погуби, и тѣло нещадно сокруши. Онъ во Египте против Моисея чародѣйцев воздвиже и чародѣйствовати сотвори. Он противу пророческих ликов пророчествовати научи ложно, не именемъ Господнимъ, якоже при Амосе Азарию,[11] сына Зороавля, и при Еремѣи Ананию,[12] и иных таковых, от ихъже напастей Божий пророкъ и живота своего отрицашеся.[13] Он, лютый, богоборных жидов на самого Господа вооружи, творя их бутто законоревнителей. Он ото апостолскаго лика предателя Христу ученика сотвори. Он апостоломъ в проповѣди многия беды и напасти наведе. Он прелютых царей-гонителей на Христову церковь воздвиже и нестерпимыя и горчайшая муки на вѣрных умысли.

И видѣв церковь Господню ото множайших гонений не одолеваему и кровми апостолъ и мученикъ наипаче свѣтлѣйшу явившая, и царей-гонителей без вѣсти погибших и вмѣсто их православныя возведенны, и боагочестие на лицѣ всея земли повсюду растуще, — и он, злокозненый, иная умышляет: ото учителей християнских мужей востави, глаголющих развращенная, яков же бѣ Арий, и Макидоний, и Несторий,[14] и иныя различныя злославныя еретики, и иже церковь Христову по различным временем и лѣтом неистовне смущаше. Их же Господь седмочисленных полков богособранными святители тогда от стада паствъ своих отогна, и церковь свою догматы благочестия свѣтлѣйши солнъца украси и неприступну, свѣтлости ради, врагом мысленымъ и чувственнымъ содѣла.

И недругъ нашъ древний иная умышляет. И начальников наших, и пастырей подходит, и нѣкоих от нихъ гордостем и жительству растлѣнному научает, и соль земли[15] в буйство претваряет. Яко им бѣ должно негиблющими брашны и пребывающими всѣх питати и свѣт миру быти, и грѣхъ ради людских спротивная явися: вмѣсто свѣта — тма и смущение образ показася. И оставя твердыя и священныя словеса, бабскими баснями и растлѣнными словесы, и отнюдь не свѣдѣтельными от священных буков, услажатися увещевая их. Апостольская же и пророческая словеса, и святыхъ преподобных великих учителей, точию кожами красными и златом со драгоцѣннымъ камением и бисеры украсив, и в казнах за твердыми заклепы положи, и тщеславующеся ими, и цѣны слагающе, — «толики и толики», — сказуют приходящим.

Аще ли лучится от тѣх священных словес прочитаемыи коим быти, и мы, смѣющеся меж собя, — а не глаголю, ругающеся, — глаголем: «Ефремовы, рече, словеса[16] подобны горестию хрѣну обрѣтаются». И противу иных божественных книг извѣты иныя лукавыя умышляем: «Первыя, рече, роды по тѣх жительство имѣли, а нам тако не вмѣщается». И от сего явно не на пользу, но на тщеславие себѣ держим ихъ, якоже и дѣлом показася. И аще бы прочитали их со охотою, и внимали лежащему разуму в них со усердием, не бы никогдаже хотѣли услажатися чюждописанными и несогласными повѣстьми, ниже бы на законопреступление и слабость когда укланялися. И ими же нас Лютор и ученики его потязуют: «Се и се, ваши святые учители ложно и несогласно написали». А учители того и не слыхали. Написал невѣдомо и неслыханная, и покрыв себе, да не слышан будет, а подписал на святыхъ имя, и удобно творя къ прелыщению слышащих Писания своя развращенная. И о подобных таковых Господъ пророком рече: «Не послах ихъ, а они течаху, и никогдаже глаголах имъ, а они именем моим пророчествоваху».[17] Тако и ныне враги наши[18] имяны святыхъ дѣйствуют: иже во святых, рече, слово Иоанна Златоустаго, или иных святых слово[19] о том и о томъ, а Иван и иные святые не слыхали таковых.

Благовременно днесь рещи аггелов глас, къ Громову Сыну реченной: «Горѣ, горе живущим на мори и на земли! Яко разрѣшен бысть Сотона от темницы своея на прелыцение ихъ, имѣя в себѣ ярость велию».[20] Воистину разрѣшен есть по всему уже, и излиял ярость свою на вѣрныя и изливает, и прельстил страны многия и прелыцает, по вселеннѣй отступлению от Бога языки научает. И слыша Павла к солуняном[21] вѣщающа въ 2.

Возведем мысленное око на восток[22] и посмотрим разумным видѣнием. Гдѣ Индѣя и Ефиопия? Гдѣ Египет и Ливия, и Александрия, страны великия и преславныя, многою вѣрою ко Христу древле[23] усвоенныя? Гдѣ Сирия, древле боголюбивая? Гдѣ Палестина, земля священная, от неяже Христос по плоти и вси пророцы, и апостоли? Гдѣ Евтропия, иже бѣ в премудрости правовѣрия многи? Гдѣ Констянтинъград преславный, онже бысть яко око вселенней благочестиемъ? Гдѣ новопросиявшия во благовѣрии Сербы и Болгары, и ихъ власти высокия, и грады преизобильныя? Не вси ли сия преславныя и преименитыя царства в прежних лѣтах единодушно правую вѣру держаще? И нынѣ, грѣх дѣля многих, безбожными властели обладанны и врагом креста Христова в руцѣ преданны, и от нихже вѣрныя люди беспрестани прелыцаеми, и томими, и на различныя прелести от правовѣрия отводими, овы ласкании, и тщами славами прелестнаго мира сего, овы бѣдами и скорбми многими принуждаеми. И аще гдѣ обрѣтутся народи православныя, крѣпце православие держаще, и от безбожныхъ тех властелей гонения горшаго и на поругания беспрестани претерпѣвают, яко им пригоже, мнит ми ся, живыми мученики ото всѣх православных нареченными быти. Понеже догматы благочестия невредно соблюдают и законом Христовым, яко свѣтила, в мире сияют, живуще посредѣ рода строптива и развращена.

И паки обратим зритильное души к западным странамъ и посмотрим опаснѣ мыслию. Гдѣ Рим державный, в немъже[24] Петра апостола намѣстники, древние папы пожиша? Гдѣ Италия, от самых апостолъ благовѣрием украшенна? Гдѣ Испания славная, от апостола Павла благочестием насаженная? Гдѣ Медиолам, град многонародный, в немже Амбросий великий благочестием кормила управлял? Гдѣ Карфаген? Гдѣ Галаты внуренныя? Гдѣ Германия Великая? Гдѣ различныя языки, по западным странам живуще, в них бе ото апостолъ и от намѣстник апостолских Еуаггелия Христова смотрения проповѣдано и нарочитыми епископы по всѣм тѣм странам, яко многими звѣздами свѣтлыми, украшенны были и многие лѣта единомыслием благовѣрия со восточными святыми пожиша, и сошедшеся на всѣх соборех единая мудрѣствоваша и единодушно со усердием противу мысленных и чювственных враговъ ополчашася? И бѣ тогда дивно было видети от самых край вселенныя, яко крылати летающе, ко единому мѣсту збирающеся слова ради Божия и вѣры

утвержения, ихже ревности по Бозѣ и долгота пути, ни бѣды шума морскаго, ни разбойническая лютости возможе одолѣти. Возрим днесь мыслене. Гдѣ сиа вся? Не все ли в различныя ереси разлияшася? И от толь великия любви и ревности по Бозе наипачи невѣрных непримирительныя враги праве мудрѣствующим обрѣтаются?

Мы же, убогия, от древних родов мало и познаваемыя, во едином углѣ вселенныя живуще, и на последок века[25] благодатию Христовою не от дѣлъ признани, ни от добродѣтелей познани, но от неизмѣримаго его благодатнаго человѣколюбия призвани быхом въ его достояние, якоже бѣ ему обычай искони человѣческому роду даром премногое милосердие простирати. И днесь в какую высоту достигохом? Книги, от Божия Параклита написанны, Ветхия и Новыя, своим языком имуще. Епископи по великим властем седяще, всяким преизобилием полны суще, в церквах мног мир имуще. И аще бы хотѣли учити священному учению, ни от когоже нигдѣ возбраняеми. И вся земля наша Руская от края до края, яко пшеница чиста, вѣрою Божиею обрѣтается. Храми Божии на лицѣ ея подобни частостию звѣздъ небесных водруженны. Множество монастырей создани, имже числа не вѣм — хто вѣсть? в нихже бесчисленное множество преподобных мнихов водворяются. Царие и князи в православной вѣре от древних родов и поднесь от превышняго помазуются на правление суда и на заступление от врагов чювственныхъ. Со Еремием рещи милосердие Господне должно есть: «Земля наша наполнена вѣры Божия и преизобилует, якоже вода морская».[26] Что воздадим Господеви, еже воздалъ намъ? Кто не подивится, и кто от радости не восплачет, и кто не возблагодарит несказанныя его и бесчисленныя милосердиа щедрот к нашему языку?

Возрим же с прилежанием и разумѣем внятно, что мы творим противу великих даров человеколюбиваго Бога, крѣпце нам заповѣдающе о соблюдении заповѣдей своих, а хотяще нас сподобити царствия своего небеснаго. Мы же, нечювственнии и неблагодарнии, яко аспиды, затыкая ушы свои от святых[27] словес его, и приклоняемся послушанием паче ко врагу своему, лстящему нас тщею[28] славою мира сего и ведуще нас по пространному пути в погибель. Не возможе бо он, злоначальный, благодати ради Божия, в вѣре у нас никакова порока сотворити, и он иными лестьми начинает, древле учиненым чином смущение наводит, хотя испразнити апостолом реченное слово: «Хто в чем призван, в том и да пребывает».[29] Зрим и здѣ прилѣжно, како сопротивныя злым совѣтом его проходят.

Державные, призванные и на власть от Бога поставленны, да судом праведным подовластных разсудят и в кротости и в милости державу управят. И грѣх ради наших вмѣсто кротости сверепѣе звѣрей кровоядцовъ обрѣтаются, яко ни от естества подобново пощадѣти попустиша, неслыханые смерти и муки на доброхотных своих

умыслиша. О нерадѣнии же державы и кривинѣ суда, и о несытствѣ граблений чюжих имѣний ни изрещи риторскими языки сея днешния беды возможно.

Посмотрим же и на священнический чин, в каких обрѣтается — не яко их осужаемъ, не буди то, но беду свою оплакуем, — не токмо душа своя за паству Христову полагают, но и расхищают, вѣм, — яко бѣдно ми глаголати — не токмо разхищаютъ, но и учители расхитителем бывают, начало и образ всякому законупреступлению собою полагают. Не глаголютъ пред цари, не стыдяся, о свидѣнии Господни, но паче потаковники бывают. Не вдовиц и сирот заступают, ни напаствованных и бѣдных избавляют, ни плѣнников от пленения искупуют, но села себѣ устрояют, и великия храмы поставляют, и богатествы многими кипят, и корыстьми, яко благочестием, ся[30] украшают. Гдѣ убо хто возпрѣти царю или властелем о законопреступленных, и запрѣти благовременно и безвременно? Гдѣ Илия, о Нафѣевѣ крови возревновавый,[31] и ста царю в лици обличением? Гдѣ Елисей, посрамивый царя Иилева израилева сына Ахавова?[32] Гдѣ велики пророкъ, обличающи неправедных царей? Гдѣ Амбросий Медиаламский, смиривый великаго царя Феодосия?[33] Гдѣ златословесный Иван, со зѣльным запрещением обличив царицу[34] златолюбивую? Гдѣ патриарховъ лики и боговидных святителей и множества преподобных, ревнующе по Бозѣ, и нестыдно обличающих неправедных царей и властелей в различных законопреступных дѣлех, исполняюще и блюдуще слово Спасителя Христа, глаголющее: «Аще кто постыдится мене и моих словес в роде сем прелюбодѣйнем и грѣшнем, Сынъ Человѣческий постыдится его пред аггелы Божиими».[35] Кто нынѣ, не стыдяся, словеса еуаггельская глаголеть, и кто по братии души своя полагают?[36] Аз не вѣм хто. Но якоже пожару люту возгорѣвшуся на лици земли всея нашея, и премножество домовъ зрим от пламени бѣдных напастей искореневаеми. И хто, текше, от таковых отъимет? И хто угасит? И хто братию от таковых и толь лютых бѣдъ избавитъ? Никтоже! Воистинну ни заступающаго, ни помогающаго нѣсть, развѣ Господа. Но каждо своим богатеством промышляет и, обнявши его, простерты лежат, и ко властем ласкающеся всячески и примиряющеся, да свое сохранятъ и к тем еще множайшее приобрящут. И аще хто гдѣ явится по Бозѣ ревнующи правостию слова, и за то от держав властей, яко злодеи, осужение приемлют, и по многих томлении горцѣ безообразным смертем предаются. Такоже и иноковъ, отрекшихся волею всѣх красных мира сего, и проклявше себе страшными клятвами пред Богомъ и святыми его аггелы, подходитъ и увѣщеваетъ вселукавый змий, яко, забыв обѣты своя, многими богатествы подавлятися и безмѣрных имѣний, многих сел, властелем быти, и от тѣх себѣ великие богатства собирати, и в твердых хранилищах их затворяти и, наполнився имъ, отрыгати от сих во иныя, яко язычником бѣ обычай, ихже древле Псаломник окаевает, и тѣм хвалитися не стыдящеся пред всѣми, яко велику нѣкую часть благочестия исправив. Многие же мятежи и крови, от тѣх имѣней бываемыя, и межуусобныя брани, и клятвам преступление хто может изглаголати? Росты же и мшелоимства июдейские, и презрѣние убогих братей, и гладом и мразом, и нуждами

всяческими мучащихся, — хто может сказати? И иная же злая и неисповѣдимая дѣла, ихже писанию предати невозможно: совѣсть их да вѣдает.

Воинской же чинъ нынѣ худѣйши строевъ обрѣтеся, яко многим не имѣти не токмо коней, къ бранем уготовленныхъ, или оружий ратных, но и дневныя пищи. Ихже недостатки и убожества, и бѣд их смущения всяко словество превзыде.

Купецкий же чинъ и земледѣлецъ всѣ днесь узрим, како стражут, безмѣрными данми продаваеми и от немилостивых приставов влачими и без милосердия биеми, — и, овы дани вземше, ины взимающе, о иных посылающе, и иныя умышляюще.

Бѣдно видѣние и умилен позоръ! Таковых ради неистерпимых мукъ овым без вѣсти бегуном ото отечества быти, овым любезныя дѣти своя, исчадия чрева своего, в вѣчныя работы продаваеми; и овым своими руками смерти себѣ умышляим — удавлению и быстринам рѣчным и иным таковым себе предавати — ото многия горести душам помрачатися естественому их бытству.

Зри Павла к солуняном глаголюща.[37] Видиши ли, яко древний змий разрѣшен от темницы своея и како ратует завистными всѣми козньми своими на церкви Божия, како вселенную смяте и множество языков отступлению от Христова закона научает, и научи, и в различныя их ереси разлиявъ? И како нынѣ в нашей земли злим совѣтом своим горняя доле постави, чины чиномъ злыя обѣдники сотвори, и братиям единовѣрным вмѣсто хлѣба единым от других снѣдатися учини, умышляет вся злая беспрестани, и научает человеков в сопротивных к Богу обращатися?

Хто нас утѣшит и хто заступит от таковых нестерпимых бѣд и различных напастей, развѣ Господа Исуса, заступающаго правовѣрных всѣх от таковых навѣтов вражиих, и претерпѣвших до конца почестьми, нетлѣнными вѣнцы прославляюще? Да не смутимся, аще и сицевым злым бываемымъ, и воздвигнем главы своя къ живущему в превыспрених, отнюдуже ждемъ его, спасителя нашего, яко приближается уже избавление наше. Отринем всяко забвение и невѣдѣние, потщимся без лѣности на прочитание божестненых словес, да почерпше от них мудрость божественаго разума и укрепився духовною сею и пребывающею пищею, и возможем братися противу мысленнаго врага нашего с помощию владыки нашего Христа. И

одолѣвъ ему, посрамим его всячески, и соблазны его, и смущение, и навѣты различные нивочтоже вмѣним, понеже церковь Христова неодолѣваема, ни одолѣнна от кого будетъ — ни от самого Диявола з бѣсы его, ни от Антихриста с мучители его, но на камени Христова исповѣдания недвижима вовѣки пребывает.

Но горѣ грабящим и крови проливающим, и милости, и суда не имущим во властех своихъ! Блажени и треблажени претерпѣвающеи и различныя напасти от таковых, зане же время отмщения близ есть. Горе соблажняющим и напасти творящеи и озлобление стаду паствы Христовы! Горе неведѣнием и забвением погрузившимся и вослѣд грядуще таковым, и не вѣдуще разсудити добраго от злаго, лѣности своея ради! Горе нам, овцам, оскудѣвшимъ от твердыя пища! Горе нам, яко не имѣем днесь искусных воловъ при яслех, иже бы прямо орали сердечныя наши бразды ралы еуаггельских словес и раздирали оляденѣвшии наша сердца многолѣтными и неподобными обычаи! И аще гдѣ и рѣтко обрящутси таковыя правители, от Бога нам на пользу данныя, и за православия их и учения всячески и оболганнии и ненавидими бывают от лжебратии нечеловѣколюбивых и лукавых! Горе нам, иже о заповѣдех Господнихъ не радящим и законы Божия попирающе! Горе нам, яко вмѣсто свѣта всему миру тма и соблазнъ бывающе, и вмѣсто целомудренаго и чиста жительства свинским и нечестивым житием живуще, яко сих ради дѣлъ наших имени Божиему хулитися во языцех! Горе нам, яко паче Христа мамонѣ работаем, и тщимся множайших селъ имѣний обложитися, нежели, распродавъ села и имѣния и раздав неимущим[38] поити вослѣд Христа по словеси его! Горе мнѣ, окаянному, врага своего послушавше, и в таковом обычаи многоденством затвердѣвшу! И от сицевых дѣлъ надѣюся избавленъ быти Господа моего Исуса щедротами, исцеляюще мя ваших рукъ духовным врачеством и ожидающе мя на покаяние по милосердию милости своея, яко тому подобает всяка слава со Отцем и Святым Духом в бесконечныя веки. Аминъ.[39]

О Скориных книгах[40]

Да и се тебѣ не утаитися, прелюбезный друже мой: обрѣтаются книги в земли нашей Ветхаго и Новаго Завѣта и пророческие вси, а превод Скорины полоцкаго. Преведены не в давных лѣтех, аки лѣт 50 или мало к сим, а с препорчаных книг жидовскихъ. Еврѣи бо, паче реку каифяне, по вознесении Христовѣ, сопротивляяся апостолом и святых всѣм и поднесь беспрестани на соборищах ихъ. Зломудрецы их, умышляючи, портят словеса священная, в Моисѣе лежащая и во пророцех ихъ предреченное о Христѣ нашем. Тако и числа лѣтом крадут седморичнаго вѣка,[41] и глаголют, яко полшесть тысящи лѣт по ся мѣста еще прошло, и не пришли послѣдние лѣта, ни Христос явился плотию. А ждутъ, богоборныя, вмѣсто Христа Антихриста, хотяща

пущенна быти от отца их Диявола на прельщение и пагубу роду християнскому.

А новые, от частых расколодѣющихъ учителей их, растлѣнны, и православные бы им не всем вѣрили: есть во множайших растлѣнны и покрадены. И, внимающи во всем преводу сему новому, немало от язык вѣрующих соблазнишася, и без разума жидовскаго во всем мудръствующе. Апостолских же и святыхъ всѣх уставов и законоположений ни слышати хотят, но паче хулят и ругаются им з жиды вкупѣ. Яковы же есть от Лютора, у нихже аз сам видѣх Библии Люторюв перевод, согласующе по всему Скоринниным Библием.

И кому[42] инымъ книжником тщание будет учитися царьствия ради небеснаго новым и ветхим сокровищем, и оны да старых, нарочитых, паче Максима Философа, преводовъ взыскуют. А Ветхих да почитаютъ от седмидесять преводниковъ, иже преведены бысть за 300 лѣт до Христова рожества. От нихже послѣди во вселенной православные насладишася, и узрѣх в них словеса воистиннѣ извѣстные, духом Божиимъ от пророкъ святых предиреченные о избавителе нашем Исусе Христѣ. А по крещении Руские земли и в нашъ языкъ приведенны, а по монастырем, чаю, по многимъ есть в казнах ихъ.

Мир и любовь въ Троицы славимаго Бога да будет с тобою. Аминь.

---

[1] *...Григорей... Никодима.* — Имеется в виду слово 45 Григория Богослова «На святую Пасху», в котором он называет Никодима «ночным богочтецом».

[2] *...Никодим... любил.* — В своем 14-м слове «О любви к бедным» Григорий Богослов называет Никодима «вполовину только показавшим любовь свою ко Христу». Говорит он об этом, впрочем, в числе других примеров проявления любви ко Христу. Так что следующее дальше в тексте замечание Курбского о том, что Григорий написал это «по прилучею», вполне обосновано.

[3] *...Иосиф...* — Иосиф Аримафейский, участвовавший вместе с Никодимом в оказании погребальных почестей Христу. В соответствии с Евангелием Никодима Иосиф был посажен в тюрьму фарисеями, но освобожден оттуда воскресшим Христом.

[4] *...во...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[5] *«Блаженни... сана».* — Ср. Migne. Patr. gr., t. 59. In Ioannem homilia, col. 463—464.

[6] *«Блюдитеся... лукавъстве».* — 2 Кор. II, 3.

[7] *«Не всякому... духи...* — 1 Иоан. 4, 1.

[8] *«Словеса... седморицею».* — Пс. II, 7.

[9] *«Сказали... Господи».* — Пс. II, 8, 85.

[10] *...от Еремѣи...* — Болгарский поп Иеремия, сподвижник Богумила, родоначальник неоманихейской ереси в Болгарии. Иеремии источники приписывают авторство некоторых апокрифических сочинений, внесенных в индексы запрещенных книг. Неизвестно, какие именно сочинения Иеремии, подписанные именем Иоанна Златоуста, имеет в виду Курбский. Ср. также Предисловие к Новому Маргариту.

[11] *...при Амосе Азарию...* — Ср. Иер. 28.

[12] *...при Еремѣи Ананию...* — Ср. Ам. 7, 10—17.

[13] *...живота своего отрицашеся.* — 3 Цар. 19, 4.

[14] *...Арий, и Македоний, и Несторий...* — См. выше коммент. к«Ответу о правой вере».

[15] ... *«соль земли»...* —Так Иисус Христос называет своих учеников апостолов. Ср. Матф. 5, 13.

[16] *...Ефремовы... словеса...* — Ефрем Сирин, один из великих учителей церкви IV в., талантливый писатель, автор огромного количества произведений, прежде всего толкований на Священное Писание, нравоучительных сочинений. Представитель строго конфессионального, охранительного направления в богословии. Его сочинение о втором пришествии Христа подвергалось критике со стороны представителей так называемой ереси жидовствующих. Оппонент этой ереси, Иосиф Волоцкий, включил в свое антиеретическое сочинение «Просветитель» слово на ересь «новгородцкых еретиков, хулящих писания святаго Ефрема».

[17] *«Не послах... пророчествоваху».* — Иер. 23, 21.

[18] *Тако... наши...* — В рукописи обрезано. Восст. по изд. Кунцевича.

[19] *...Иоанна Златоустаго... слово...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[20] *«Горѣ... велию».* — Апок. 12, 12; 20, 2.

[21] *...Павла к солуняном...* — Ср. 2 Сол. 2.

[22] *...на восток...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[23] *...древле...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[24] ...в *немъже...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[25] *...на последок века...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[26] *«Земля... морская».* — Ср. Иер. 32, 22.

[27] *...святых...* — В рукописи «своих». Восст. по изд. Кунцевича.

[28] *...нас тщею...* — В рукописи «настоящею». Восст. по изд. Кунцевича.

[29] *«Хто... пребывает».* — I Кор. 7, 20; 7, 24.

[30] *...ся...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[31] *...Илия... возревновавый...* — История о том, как Илия обличил царя Ахава, по чьей вине был убит Навуфей. После обличения Илии Ахав раскаялся и смирился перед Богом.

[32] *Гдѣ Елисей... Ахавова?* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича. Имеется в виду история о том, как Елисей вступился за бедную женщину перед царем Израилевым Иоаромом, сыном Ахава.

[33] *...Амбросий... Феодосия?* — Вероятно, имеется в виду история о том, как византийский император Феодосий, будучи на богослужении в Миланском соборе, занял место в той части, которая предназначалась для клира. Амвросий не побоялся указать ему на место среди мирян и Феодосий, выразив благодарность, подчинился. По возвращении в Константинополь он ввел такой же порядок в своей столице.

[34] *...златословесный Иван... царицу...* — Вероятно, имеется в виду обращение Иоанна Златоуста к императрице Евдоксии, в котором он резко обличает ее за несправедливость.

[35] *«Аще... Божиими».* — Мр. 8, 38.

[36] *...и кто ... полагают?* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[37] *Зри... глаголюща.* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича. Ср. 2 Сол. 2.

[38] *...раздав неимущим....* — В рукописи отсутств. Восст. по изд. Кунцевича.

[39] *...со Отцем... Аминь.* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[40] *О Скориных книгах.* — Этого заглавия в рукописи нет. Восст. по изд. Кунцевича. В этом отрывке Курбский критикует перевод Священного Писания на старобелорусский язык, выполненный Франциском Скориной и напечатанный им в Праге и в Вильне в 1517—1525 гг. Для перевода он использовал в числе других источников и Вульгату, и ее чешский перевод, напечатанный в 1506 г. в Венеции, репутация которых в глазах правоверного христианина должна была быть сильно испорченной ввиду их связи с масоретскими еврейскими текстами (см. выше коммент. к «Ответу о правой вере»).

[41] *...седморичнаго века...* — В этом отрывке нашло отражение средневековое представление о конце света, предполагавшемся в 1492 г. от рождества Христова (или в 7000 г. от сотворения мира). Согласно этому представлению, именно в 7000 г. должно было наступить тысячелетнее царство Христа после его второго пришествия. Согласно же иудейскому календарю, мир был создан за 3761 год до рождества Христова, т. е. разница в летосчислении у православных и иудеев составляла приблизительно 1500 лет. См. также «Ответ о правой вере» и Предисловие к Новому Маргариту.

[42] *...И кому...* — В рукописи «и ко». Испр. по изд. Кунцевича.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ СТАРЦУ ВАССИАНУ

Толкователю Писания и благочестивому монаху, моему господину радоваться.

Получил я твое послание, украшенное любовью. Привезли мне также книгу и житие Иеронима, и расчет лет, и низко кланяюсь за твое добро. В этом послании я нашел замечание о том, что Григорий Богослов называет Никодима тайным учеником Христа. Но и я знаю, что это так. Однажды в своем слове о нищелюбии он сказал, что Никодим любил Христа вполсилы. Но думаю, что эти слова Богослов написал по другому поводу, не желая унизить этого мужа. Блаженные мужи Иосиф и Никодим, послужившие агнцу Божию во время его спасительного мучения, удостоены величайших похвал от Бога-Отца, прославлены ангелами и возвеличены соборами праведников. Именно Иосиф и Никодим, заботясь о мертвом теле животворящего Иисуса, обвили пеленами умерщвленного плотью, но дарующего всем мертвым жизнь, Господа, помазали его драгоценными ароматами и похоронили в гробнице. За это многие святые прославили их: одни в своих торжественных словах, другие воспели в канонах. И лучше всех, слагая им похвалу, сказал Иоанн Златоуст: «Блаженны руки Иосифа и

Никодима, осязающие плоть недоступного Бога, перед которым трепещут херувимы и от сияния которого ужасаются серафимы. Иосиф же и Никодим смело подходят к кресту и умершего плотью ради жизни всех людей снимают с креста» и так далее. И немного дальше: «Ученики, словно убогие и худородные, разбежались из страха перед иудеями, и таким образом исполнилось сказанное о них пророками. А тайные ученики, Иосиф и Никодим, смело обращаются к Пилату, снимают с креста распятого Господа и выступают как служители Христова погребения, не боясь иудеев, проявляя величие духа», и прочее.

И я свое первое послание написал тебе не потому, что я против этих замечательных мужей, — прочти его внимательно, — а потому, что я против ложных писателей, которые, притворяясь истовыми учителями, пишут повести, не согласующиеся со словами Евангелия, и, чтобы не быть обличенными, скрывают свои имена и подписываются именами святых, рассчитывая таким образом, что простые и неграмотные их с легкостью примут. И о таких богогласный Павел давно уже написал: «Остерегайтесь, чтобы не погубили они вашу простоту своей хитростью». И еще сказал тот, который почерпнул свой ум от животворящей груди, от самой Премудрости Божьей: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов» и прочее. И еще я вам напомню, чтобы вы знали и другое. Кто сможет противиться сказанному апостолом? Петр говорит: «Схватив Иисуса»; и все евангелисты восклицают: «Связав, привели от Каиафы к Пилату Господа, претерпевшего различные мучения и надругательства во имя спасения опутанного грехами человечества и избавления его от мучений и надругательств от Дьявола». А вот что говорится в новом Евангелии: «Корсур привел Христа к Пилату с великими почестями и с молитвами». Не удивительно слышать подобное от наших врагов, которые давно уже привыкли сеять плевелы в чистой пшенице. Но удивительно то, что служители православной церкви, и прежде всего наиболее опытные, всегда имеющие перед глазами слова из пророчеств, наслаждаются вместо пшеницы плевелами. «Слова Господни — слова чисты, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное». И еще в другом месте: «Сказали мне отступники от закона суесловие, противное закону твоему, Господи».

Или ты не слышал, какая беда от всего этого случилась с Божьей церковью в Литовской земле, где враги сумели восстановить против апостольских заветов, против святоотеческого учения и уставов даже самих детей христианской церкви? Среди кротких овец объявились звери и беспощадно расхищают стада верных, а сказанное апостолами искажают, затем неверно толкуют и возводят хулу на святых, среди которых больше всех подвергается оклеветанию Златоуст. Выбирая из русских книг отступнические сочинения болгарского попа Иеремии и других ему подобных, подписывавшихся именем Златоуста, и других святых, они пользуются ими, словно щитами, и, спрятавшись за них,

нападают с ругательствами и хулениями на учение Христа, а тех верных, пытающихся им противостоять, но невежественных и потому безответных, они ловко побеждают и сбивают их с истинного пути на ложный, вводя в заблуждение этими сочинениями, как будто принадлежащими святым.

О горе нам! Почему же мы не следим бдительным внутренним взором за этим древним драконом, нашим недремлющим врагом, который никогда не спит и многие годы изощряется в своей вражде против нас! Это он из зависти погубил когда-то в раю наших прародителей, а разум их потомков совратил в безбожие и колдовство, научил их жить, подобно скотам, в нечистоте. Это он погубил внезапно все имущество и детей праведного Иова, а его тело жестоко поразил. Он восстановил в Египте волхвов против Моисея и сотворил чары. Он научил пророчествовать ложно, не от имени Господа и наперекор истинным пророкам, как это произошло с сыном Зароава Азарией при Амосе, с Ананией при Иеремии, а также с другими, и что толкнуло в свое время Божьего пророка просить у Бога смерти. Он ополчил богоборствующих евреев против самого Господа, внушив им, будто они защищают закон. Он сделал предателем одного из апостолов, учеников Христа. Он устраивал различные беды и несчастья апостолам во время проповеди. Он насылал на Христову церковь презлейших царей-гонителей и изобретал жесточайшие, невыносимые мучения, которыми они преследовали верных.

Но когда он увидел, что многочисленные преследования не смогли сломить Божию церковь, которая стала только ярче сиять от крови, пролитой апостолами и мучениками, а цари-гонители бесследно исчезли, и вместо них на престолы возведены правоверные государи, и благочестие распространяется по всей земле, — тогда он изобрел другое: из числа учителей церкви он выделил нескольких, которые начали проповедовать ложное учение, и среди них были Арий, Македоний, Несторий и другие еретики, оставившие после себя дурную память тем, что многие годы они в разное время жестоко преследовали церковь. Но все они были отогнаны Господом от его паствы, когда он своим именем собрал полчища святителей на семи вселенских соборах и украсил благочестивыми, сияющими ярче солнца догматами свою церковь, которая, благодаря этому сиянию, стала неприступной для видимых и невидимых врагов.

Тогда наш давнишний враг замышляет другое. Он наступает на наших начальников и пастырей и некоторых из них делает горделивыми и склоняет в развратное житие, соль земли обращая в безумцев. Им ведь было предназначено насыщать всех неиссякаемой пищей и светить миру, но из-за человеческих грехов все случилось наоборот: вместо света — тьма и замутненные образы. А вместо твердого Священного

Писания — бабьи басни и искаженные писания, нисколько не согласные со Священным Писанием, и ими он и призывает наслаждаться. И вот они, украсив слова апостолов, пророков и преподобных великих святых учителей дорогой кожей, золотом, драгоценными камнями и жемчугом, прячут их за крепкими запорами в свои кладовые и, похваляясь ими и назначая им цену, говорят приходящим: «Столько-то и столько-то».

Мы же, если и случится нам когда-либо прочесть что-либо из священных книг, рассказываем один другому, шутя (если не сказать, ругаясь): «Ефремовы, мол, слова горьки, словно хрен». А на другие божественные книги измышляем другие хитрые наговоры: «Прежние, дескать, поколения жили сразу же после того, как они были написаны, ну а нам так не под силу». А это свидетельствует о том, что храним мы их не для пользы, а из-за тщеславия, что и видно по нашим делам. И если бы мы внимательно читали эти книги и стремились почерпнуть содержащиеся в них знания, то нам никогда не понадобилось бы наслаждаться чужими, испорченными писаниями, и не были бы мы бессильны, и не нарушали бы закон. Ведь, используя эти писания, Лютер со своими учениками нападают на нас: «Вот, дескать, ваши святые учителя написали ложное и неправильное». А учителя об этом и не слыхали. Сам он написал нечто неведомое и неслыханное и, скрывая свое имя, подписался именем святого, чтобы таким образом ему легче было обманывать тех, кто прислушивается к его неверному учению. О таких сказал Господь устами пророка: «Я не посылал этих пророков, а они сами побежали; я никогда не говорил им, а они пророчествовали моим именем». Так и теперь поступают наши враги и говорят, прикрываясь именами святых: «Святого, — например, — Иоанна Златоуста, или других святых, слово о том-то и о том-то». А Иоанн и эти святые и не слыхали об этом.

Самое время сегодня вспомнить сказанное ангелами Сыну Грома: «Горе, горе живущим на море и на земле! Выпущен уже Сатана из своей темницы и вышел в сильной ярости обольщать их». Воистину, по всему видно, что он уже выпущен, что уже излил и продолжает изливать свою ярость на верных, что уже обольстил и продолжает обольщать многие страны во вселенной, и учит отступничеству от Бога. Прислушайся к тому, что говорит и Павел во 2-м послании к солунянам.

Обратим мысленно свой взгляд на восток и задумаемся. Где Индия и Эфиопия? Где Египет и Ливия, и Александрия, великие и славные страны, когда-то отличавшиеся крепкой верой во Христа? Где прежде боголюбивая Сирия? Где Палестина, священная земля, в которой родился Христос, все пророки и апостолы? Где Евтропия, которая пребывала когда-то в мудрости правоверия? Где славный Константинополь, который был для вселенной примером благочестия?

Где недавно просиявшие благоверием Сербия и Болгария с их великими властелинами и богатейшими городами? Не придерживались ли когда-то все эти славные, знаменитые государства истинной веры? А теперь, из-за многочисленных грехов, они покорены безбожными завоевателями, которые бесконечно мучают правоверных людей и толкают их на путь отступничества от истинной веры, обольщая их суетной славой земного мира или обрушивая на них многочисленные беды и страдания. И мне кажется, что оставшиеся в этих странах православные люди, стойко придерживающиеся правой веры и постоянно претерпевающие от этих завоевателей жесточайшие гонения и надругательства, достойны того, чтобы все православные называли их живыми мучениками. Ведь они, живя среди коварных и неверных людей, непоколебимо отстаивают догматы благочестия и подобно светилам просвещают мир законом Христа.

Обратим наш внутренний взор и на западные страны и хорошенько задумаемся. Где державный Рим, в котором издревле пребывали наместники апостола Петра, папы? Где Италия, которую сами апостолы украсили благоверием? Где славная Испания, в которой апостол Павел насаждал благочестие? Где многолюдный город Милан, в котором великий Амвросий правил благочестиво? Где Карфаген? Где Галлия? Где великая Германия? Где народы других западных стран, в которых Христово Евангелие проповедовали апостолы и их наместники, и которые, словно многочисленными яркими звездами, были украшены знаменитыми епископами, ранее всегда бывшими единомышленниками восточных святых, когда они собирались на соборы, соглашались друг с другом и единодушно ополчались против видимых и невидимых врагов? И как прекрасно было тогда видеть, как все они, словно на крыльях, устремлялись со всех концов вселенной в одно место во имя слова Божьего и утверждения веры, а их страстному рвению услужить Богу не могли помешать ни дальний путь, ни морские штормы, ни свирепство разбойников. Посмотрим же сегодня мысленно. Где все они? Не обратились ли в различные ереси? И не превратились ли они, ранее отличавшиеся столь великой любовью к Богу и стремлением служить ему, в непримиримых, страшнее неверных, врагов правоверия?

А мы, недостойные, мало известные древним народам, живущие на краю вселенной, последними познали Христову благодать; и не за дела наши, ни за нашу добродетельность были мы призваны в его власть, а только в силу всегда ему присущего, величайшего, бескорыстного милосердия к человеческому роду. А сегодня каких высот мы достигли? Богодухновенные книги Ветхого и Нового Завета мы имеем на своем языке. Епископы управляют большими областями, где полно всякого добра, а в церквях царит спокойствие. И никто нигде не возбраняет постигать Священное Писание. И вся наша Русская земля от края и до края, словно чистой пшеницей, наполнена верой в Бога. Лицо ее украшает столько Божьих храмов, сколько звезд на небе, и множество монастырей, которым нет числа (кто бы мог их сосчитать?), с

бесчисленным множеством монахов. Цари и князья, которые издревле и до наших дней придерживаются православной веры, самим всевышним помазуются на отправление правосудия и на защиту от видимых врагов. Можно повторить вслед за Иеремией, что благодаря величайшему милосердию Господа «земля наша наполнена верой в Бога столь обильной, как морская вода». Как отблагодарю Господа, который облагодетельствовал нас? И кто смог бы не восхититься, не заплакать от радости и не возблагодарил бы его за несказанно великое милосердие и щедрость, которые он обращает к нашему народу?

Так посмотрим же внимательно и задумаемся над тем, как мы благодарим за такие великие дары человеколюбивого Бога, который, желая удостоить нас своего небесного царства, завещает нам строго соблюдать его заповеди. Неблагодарные и бесчувственные, словно змеи, мы затыкаем свои уши при звуке его святой речи и прислушиваемся больше к тому, что говорит наш враг, искушающий нас суетной славой земного мира и ведущий к погибели по своему привольному пути. И вот он, этот начальник всему злому, не сумев по Божьей благодати найти никакого изъяна в нашей вере, изобретает различные хитрости и начинает смущать древние священнические чины, словно желая обесценить слова апостола: «В каком звании кто призван, в том и остается». Посмотрим же и здесь внимательно, как живут те, кто против его злых замыслов.

Правители, поставленные на власть Богом, призваны судить своих подданных праведным судом и управлять государством в мире и любви. Но в наказание за наши грехи они уподобляются хищным зверям, которые не имеют присущей людям жалости и изобретают невиданные мучения на погибель тем, кто желает им добра. И никакая риторика не поможет рассказать о всех этих нынешних бедах — о неустройстве в государстве, о несправедливом суде, о ненасытном разграблении чужого имущества.

Посмотрим же и на священническое сословие, в котором встречаются такие — нет, не буду я сейчас их осуждать, а только расскажу о нашем горе, — встречаются такие, что не только не защищают Христову паству, но и, как я знаю, — тяжело мне об этом говорить — грабят ее, и не просто грабят, но еще и научают этому грабителей, показывая пример и ведя за собой. Они не только не обличают бесстрашно царя с помощью божественного откровения, а наоборот, поощряют его. Они не защищают вдов и сирот, не помогают пребывающим в бедах и напастях, не выкупают пленных из плена, а приобретают себе земельные владения, строят огромные дома, купаются в многочисленных богатствах и вместо благочестия украшают себя добычей. Где тот, кто мог бы запретить царю и его сановникам творить беззакония по всякому поводу? Где Илья, заступившийся за кровь Навуфея и

обличавший царя прямо в лицо? Где Елисей, посрамивший израильского царя Иоарама, сына Ахава? Где все пророки, обличавшие несправедливых царей? Где Амвросий Медиоланский, усмиривший императора Феодосия Великого? Где Иоанн Златоуст, сурово обличавший императрицу за ее сребролюбие? Где теперь все патриархи и богоподобные святители, и многочисленные преподобные, подражающие Богу и бесстрашно обличающие законопреступные дела неправедных царей и властителей, выполняя и соблюдая сказанное спасителем Христом: «Если кто постыдится меня и моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и сын человеческий перед Божьими ангелами». Кто теперь без стыда произносит евангельские слова и кто готов положить душу за своих братьев? Я не знаю такого. Но вижу, как все лицо нашей земли объято жесточайшим пожаром и как множество домов исчезает в пламени бед и напастей. Кто придет и избавит нас от этого? Кто погасит пожар и избавит братьев от столь жестоких бед? Никто! Воистину, нет ни защитника, ни помощника, кроме Господа. Все думают лишь о своем богатстве и, ухватившись за него, простираются перед власть имущими, льстят им и заискивают перед ними, лишь бы только сохранить свое богатство и приумножить его. А если и сыщется кто-нибудь, кто говорит, выполняя Божью волю, о правде, то такого власти осуждают и, после многих мучений, предают страшной смерти. Также и монахи, которые когда-то добровольно отреклись от всех радостей земной жизни и поклялись страшными клятвами перед Богом и его ангелами, поддаются козням и уговорам коварного змея и, забыв свои обеты, стремятся урвать как можно больше богатств, завладеть безмерными имениями во многих селах, собирать с них огромные богатства и упрятывать их в прочные хранилища, а, наполнив одни, отрыгать их в другие, — как это свойственно было язычникам, некогда обличенным Псалмопевцем, — и похваляться ими, словно великим благодеянием. А кто смог бы рассказать о многочисленных ссорах и кровопролитиях, о междоусобных войнах и клятвопреступлениях, происходящих из-за этих богатств? А еврейское ростовщичество и корыстолюбие, и презрение к бедным братьям, страдающим от холода, голода и других несчастий, — кто мог бы это описать? И множество других немыслимо жестоких дел, которые и описать невозможно, лежит на их совести.

А военное сословие совсем обнищало, потому что многим из них не только боевых коней и оружия не хватает, но и пищи. И никакими словами невозможно описать их нужду и бедность, и одолевающие их невзгоды.

Видим также, как сегодня страдают купцы и земледельцы, облагаемые безмерными данями и преследуемые безжалостными надсмотрщиками, которые немилосердно издеваются над ними, — собрав одну дань, тотчас же возвращаются за другой, затем посылают за новой и уже замышляют очередную.

Грустное зрелище и горький позор! Из-за таких невыносимых мучений иные тайно убегают из отечества; иные своих любимых детей, плоды чрева своего, продают в вечное рабство; иные своими руками предают себя смерти — или удавляя себя, или бросаясь в быструю реку, или другим каким-нибудь способом — от горя естественная чистота их сознания помутняется.

Смотри, что говорит Павел солунянам. Видите, что уже древний змей выпущен из своей темницы и, полный зависти, плетет свои козни против Божьей церкви, что смущает вселенную и что учит многие народы, и научил уже их, столкнув на путь ересей, нарушать Христов закон? Так теперь в нашей земле злым своим советом все поставил с ног на голову — разные сословия сделал врагами друг другу, единоверных братьев заставил вместо хлеба питаться друг другом, — и беспрестанно чинит всякое зло и учит людей становиться врагами Бога.

Кто еще кроме Господа Иисуса, который защищает правоверных от вражьих происков, а сохраняющих верность в страданиях прославляет почестями и нетленными венцами, — кто еще может нас утешить и защитить от таких невыносимых бед и напастей? Так пусть не поколеблют нас все эти несчастья и обратим наши головы к живущему на небесах, откуда мы и ждем его, нашего спасителя, ибо приближается уже час нашего избавления. И оставив всякое забвение, незнание и лень, постараемся прочесть божественные слова, почерпнуть из них мудрость божественного разума и укрепиться этой вечной духовной пищей, чтобы уметь противостоять с помощью Христа владыки нашему духовному врагу. Если сумеем это сделать, то победим его окончательно, и тогда все его соблазны, искушения и козни будут нам не страшны, потому что Христова церковь непобедима и не будет побеждена никем — ни Дьяволом с его бесами, ни Антихристом с его мучителями, — но будет покоиться непоколебимо и вечно на камне Христовой веры.

Но горе тем, кто грабит и проливает кровь невинных и кто властвует без любви и справедливости! Блаженны же, трижды блаженны будут страдающие от них, ибо близок уже час отмщения за них. Горе тем, кто вводит в соблазн и искушение и приносит различные беды и зло стаду паствы Христовой! Горе и тем, кто, погрузившись в невежество и забвение, следует за ними, не умея из-за своей лени отличить добро от зла. Горе нам, овцам, истощавшим без хорошей пищи! Горе нам, не имеющим сегодня искусных волов в наших яслях, которые могли бы разрыхлить плугами евангельских слов борозды в наших сердцах, заросших сорняками многолетних непристойных обычаев! Если же где-нибудь иногда и находятся такие учители, которых Бог посылает нам на

пользу, то хитрые и человеконенавистные, лживые братья клевещут на них, ненавидя за правоту их слова и учения! Горе нам, не соблюдающим заповеди Господни и презирающим закон Божий! Горе нам, вместо света видящим тьму и искушение по всему миру и вместо чистого жития живущим по-свински, из-за чего имя Божье хулится среди язычников! Горе нам, вместо Христа служащим мамоне и стремящимся приобрести как можно больше богатств вместо того, чтобы, распродав свои имения и раздав имущество, следовать за Христом по его слову! Горе и мне, несчастному, внявшему совету моего врага и в течение многих дней затвердевшему в таких нравах! Но надеюсь, что буду избавлен от этого великодушием Господа моего Иисуса, исцеляющего меня духовным врачеством ваших рук и ожидающего меня с покаянием по своему милосердию. Вечная ему слава с Отцом и Святым Духом. Аминь.

О Скориных книгах[40]

Да будет тебе известно, любезный мой друг, что в нашей земле встречаются книги Ветхого и Нового Завета и книги всех пророков в переводе Скорины полоцкого. Перевод этот сделан недавно, лет 50назад или что-то около этого по испорченным иудейским книгам. Иудеи же, если не сказать каиафяне, как после вознесения Христа противоречили всем апостолам и святым, так и по сей день: их коварные мудрецы на своих сборищах постоянно что-либо измышляют и искажают священные слова, сказанные Моисеем и их пророками, и предреченные о нашем Христе. И крадут число лет семитысячного века, говоря, что прошло еще только 5 с половиной тысяч лет и не наступили еще последние времена, и не было еще явления Христа во плоти. А вместо Христа ждут они, противники Бога, пришествия Антихриста, который будет выпущен Дьяволом, их отцом, на испытание и погибель христиан.

А писания, происходящие от новых учителей-отступников, во многих местах неполны и испорчены, поэтому православные не должны им во всем доверять. И уже немало верующих народов, во всем принимающих этот новый перевод, сбилось с пути и начинает во всем следовать иудейским мудрствованиям. И не хотят даже слышать об уставах и законоположениях апостолов и всех святых, а только хулят их вместе с евреями. Таковы последователи Лютера, у которых сам я видел переведенную им Библию, во всем соответствующую переводу Скорины.

Поэтому, если кто-либо из книжников захочет во имя обретения царствия небесного узнать сокровища Ветхого и Нового Завета, то пускай он обратится к старым, известным переводам, и прежде всего к

переводам Максима Философа. А книги Ветхого Завета лучше читать в переводе семидесяти, который был сделан еще за 300лет до рождения Христа. Этим переводом впоследствии наслаждались православные во всей вселенной, и увидел я в нем знаменитые, подлинные слова, которыми дух Божий через уста своих пророков предрекал пришествие нашего избавителя Иисуса Христа. После крещения Руси эти книги были переведены и на наш язык, и думаю, что их можно найти в сокровищницах многих монастырей.

Мир и любовь почитаемого в Троице Бога пусть будет с тобой. Аминь.

Третье послание Вассиану Муромцеву

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящем издании представлены почти все наиболее значительные послания Андрея Курбского. Не публикуются лишь незначительные по объему и по содержанию послания волынского периода (Ответ восточных, два Послания Федору Бокею-Печихвостовскому, Послание Евстафию Воловичу и Послание Базилию Древинскому), которые не влияют сколько-нибудь значительным образом на общее представление о характере переписки князя.

Четыре первых Послания (из публикуемых здесь) хронологически обычно связывают со временем, непосредственно предшествовавшим его побегу в Литву или сразу же после него. Так или иначе и Ответ о правой вере, и три Послания старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву прочно связываются с районом Печер и Юрьева — теми местами, в которых развора-чивались основные события, сопутствующие побегу. Стилистика этих четырех посланий и их привязанность к району Печер позволяют рассматривать их в комплексе и отдельно от Посланий волынского периода. В рукописной традиции они бытуют, как правило, в составе так называемых «печерских сборников», сформировавшихся, скорее всего, в Псково-Печерском монастыре. Современное состояние исследований рукописной традиции этих посланий не позволяет, впрочем, говорить об этом с полной уверенностью. Кроме «печерских сборников» эти послания представлены также в «сборниках Курбского» (своего рода собраниях сочинений князя), в которые наряду с первыми четырьмя Посланиями входят Послания волынского периода, а также отрывки из его переводов и другие сочинения. Один из таких «сборников Курбского» положен в основу настоящего издания Посланий (Погод., 1494). Использованы также другие списки, что оговаривается отдельно

в комментарии к каждому конкретному Посланию. Испорченные места и пропуски в рукописях восстанавливаются по изданию Г. 3. Кунцевича (Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные. *РИБ.* Т. XXXI. СПб., 1914).

Текст этого Послания издается по рукописи Российской национальной библиотеки, Погод. 1567. В рукописи заглавие отсутствует, но перед началом Послания, которое начинается киноварным инициалом, помещена неболылая приписка, перед которой есть общее заглавие: «Курбскаго в Печерской монастырь». Текст приписки следующий: «Вымите, Бога ради, положено писание под печью, страха ради смертнаго. А писано в Печеры, одно в столбцѣхъ, а другое в тетратях. А положено под печью в ызбушке в моей в малой. Писано дѣло государьское. И вы то отошлите любо къ государю, а любо ко Пречистой в Печеры. Да осталися тетратки переплетеныя, кожа на нихъ не положена. И вы и тѣхъ, Бога ради, не затеряйте». Название приводится по другим спискам.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ К СТАРЦУ ВАСЬЯНУ

Во пречестную обитель пречистые Богородицы Печерскаго монастыря, господину старцу Васьяну Андрѣй Курпской радоватися.

Посылал есми к игумену и к вам человѣка своего бити челом о потребных животу, и для недостоинства моего от вас презрен бых. А вины своей явныя пред вами нѣ вем: имал был есми деньги у вас, и яз и заплатил, а нынѣ не хотѣл же должен есми быти вашему преподобству. А коли есми шли первое в Немцы,[1] и яз видел игумена и вас всѣх, монастырь оставя, внутрь града крыющихся. А егда же, Божиею помощию и заступлениемъ ангела моего, люботрудне на ерман и на грады их во ополчение господне воинствовали есмя, аки семь лѣт безпрестани — не вѣм, и не вящи ли — и нынѣ есте не в трепете, ни во ужасе, но в тишинѣ и в мирѣ глубоцѣ, да и трудов ради наших от царя славы и различными угодьи одарены. Мы же, окаянные, аще и множайше томихомся, и во тмах смертей быхомъ от различных пращ и от огненых стреляний, и не токмо честь или имение довольно, или воздания нѣкая получихомъ, но сопротиво: грѣх ради наших нам збышася, паче же мнѣ, грѣшному и бѣдному. Каких напастей и бѣд, и наруганий, и гонений не претерпѣхъ! Многажды в бѣдах своих ко архииереом и ко святителем, и к вашего чина преподобным со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадах и, валяяся пред ногами их, землю слезами омаках, — и ни малыя помощи, ни утешения бедам своим от них получих. Но, вмѣсто заступления, нѣкои от них потаковники и кровем нашим наострители явишася. Но и се еще мала им явишася: и еще к сему приложиша, яко и от Бога православных не

устыдѣшася отчюждати и еретиками прозывати, и различными и ложными шептании во ухо державному клеветати.

А днесь слышах от нѣкоего аки честнаго мниха, архииерея, умыслъ ереси Феофила Александръскаго проповѣдаемому, иже солгал он, манячи Евдоксѣе и стаинником ея,[2] оклеветающих бес правды многострадальнаго земнаго херувима, преблаженнѣйшаго Златоустъца.[3] И глаголетъ сицѣ во человѣкоугодном учении своем: «Не надобе, рече, глаголати пред цари, не стыдяся, о свидѣниих Господних, ниже обличати о различных законопреступлѣнныхъ дѣлех их, неудобостерпима ярость их человѣческому естеству, но и церкви смущение». И свидѣльства приводит, крадучи от различных священных словес и развращенно толкуя, къ своей ему погибели. Аще сице мнение его попустится, и уже Христу и воином его миродержец одолел.

Ох, горѣ человѣком, по страсти славолюбия Священная разумѣвающим и толкующим! Гдѣ лики пророкъ, гдѣ собрание апостолъ? Гдѣ собори мученических борителей? Гдѣ храброване преблаженных исповѣдникъ? Кое им слово дадите похвалы? Чим ся вѣнчаша, и чим спаслися, и чим прегордых державныхъ обуздали? И чим вселѣнную утишили, аще не юношескии бы храброванием обличительных словес показали, належанием и понужением благовременным и безвременным? И како разумѣете всю евангельскую проповѣдь, от нихже едино воспомяну, Спасителем реченное: «Аще хто постыдится менѣ и моих словесъ»,[4] и прочая. Златоусты и о единой вдовицы не умолча,[5] днесь же всю землю нашу погибшу уже предаде. И о сем даже и до сихъ.

Но о себѣ яз, бѣдном и окаянномъ, мало вам воспомяну. Колико трудихся, и вхождах, и исхождах пред полки господьними, и с воинством Бога живаго, и никогдаже бегуном бывах, но паче одолѣния пресвѣтла Христовою благодатию и силою поставлях. И колико бѣд претерпевах, и нуждъ телесных, и учящения ран! Ино же, мню, яко и вы нынѣ вѣсте, яже приях в варварских различных ополчениих. Но и за сия мнѣ, бедному, воздасте, всего лишенному? И Богъ сведѣтель праведный и крепкий межу вами и мною. И аще ко вратом смертным приближусь, и сие писанейцо велю в руку собе вложити,[6] идущи с ним к неумытному судьѣ, к надежде христьянской, къ богуначальному моему Исусу, заступающаго мя и покрывающа во всѣхъ прелютых и нестерпимых гонении.

Недобра есть похвала в вас.[7] Не токмо есть нас продали и отчаяли, но и милостыни есте, обычные язычником и мытарем, не сотворили.

Имущи у собя что подати, а утробу свою затворили, еще же и взаем прошенно и паки возвращенно быти хотящеся.

Да послал есми к тебѣ второе посланейцо против вашего пятаго Еуаггелия.[8] А аз, хваля на вашей почести, поклоняюся. Аще от преподобных и похвальных сицевая получихом, от прочих же чего чаяти?

---

[1] *...шли... в Немцы...* — Здесь Курбский говорит о начальном этапе Ливонской войны, когда он вначале во главе сторожевого полка, а затем, будучи вместе с А. Ф. Адашевым во главе передового полка русского войска, участвовал в успешно завершенном походе русских войск на Нейгауз и Дерпт.

[2] *...стаинником ея...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[3] *...Феофила... Златоустъца.* — Здесь Курбский проводит историческую параллель между современными ему событиями и тем случаем, когда Феофил, епископ Александрийский, имея сильное влияние при дворе императрицы Евдоксии, хитростью подчинил ее своему влиянию и сумел оклеветать бывшего в то время епископом константинопольским Иоанна Златоуста, что и привело к изгнанию последнего из Константинополя в 404 г.

[4] *«Аще кто... словесъ».* — Ср. Мр. 8, 38; Лк. 9, 26.

[5] *Златоусты... не умолча...* — См. коммент. ко Второму посланию Вассиану Муромцеву.

[6] *...писанейцо... вложити...* — См. Первое послание Курбского Ивану Грозному.

[7] *...вас.* — В рукописи «наша». Испр. по изд. Кунцевича.

[8] *...пятаго Еуаггелия.* — См. Второе послание Вассиану Муромцеву.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ СТАРЦУ ВАССИАНУ

В пречистую обитель Пречистой Богородицы, господину старцу Вассиану Андрей Курбский, радоваться.

Посылал я к игумену и к вам своего слугу просить о необходимом для жизни и, недостойный, получил я отказ. Но я не вижу никакой моей явной вины перед вами: брал я у вас деньги, но и отдал их, потому что не хотел быть должником вашего преподобия. А вы, — как я видел во время нашего первого похода на немцев, — все вместе с вашим игуменом оставили монастырь и укрылись в крепости. И в то время как мы, хранимые Богом и его ангелами, беспрестанно в течение 7лет — а думаю, может быть, и больше — покоряли в сражениях немцев и их города, вы не испытывали и сейчас по-прежнему не испытываете ни страха, ни ужаса, но живете в тишине и величайшем покое. Да еще к тому же вас, а не нас за наши подвиги, одарил царь различными почестями и имениями. А мы не только не получили никаких почестей, или значительных имений, или каких-либо вознаграждений за то, что претерпели столько страданий и не один раз бывали покрыты смертной тьмой, находясь под огнем различных орудий, — но наоборот: по грехам нашим мы и получили, а особенно я, бедный. Каких только напастей, бед, надругательств и гонений я не вынес! И сколько я ни обращался с жалобными словами о помощи к архиереям, к святителям и к вам, преподобным, сколько ни припадал я в рыданиях к их ногам и не валялся в них, орошая землю слезами, — никакой помощи и утешения в моих бедах от них не получил. И вместо того чтобы быть нам защитниками, некоторые из них содействовали пролитию нашей крови. Но и этого им оказалось мало, и тогда они начали без стыда отлучать нас, православных, от Бога и называть еретиками, а царю нашептывать в ухо разные клеветнические измышления.

А сегодня слышал я, как один будто бы благочестивый монах, архиерей, проповедовал измышления ереси Феофила Александрийского, который солгал в угоду Евдоксии и ложно оклеветал перед ее пособниками многострадального земного херувима, блаженнейшего Златоуста, говоря следующие угоднические слова: «Не следует, мол, говорить без стыда перед царями о Божьем законе и обличать их законопреступные дела, поскольку невыносима их ярость для людей». Тем самым, искажая священные слова и неверно их толкуя, он приводит церковь к погибели. Потому что если принять такое мнение, то Христос и его воины будут побеждены светским правителем.

О, горе людям, которые, имея страсть к познанию Писания, понимают и толкуют его! Где пророки, где собрание апостолов? Где соборы борцов-мучеников? Где мужество блаженнейших исповедников? Какими словами воздадим им похвалу? Чем все они венчаны, чем действовали ради спасения и чем обуздали гордых правителей? И чем вселенную успокоили, если не юношеской отвагой обличительных слов,

настойчивостью и постоянным убеждением? А как вы понимаете евангельские проповеди, из которых я напомню только одно место, где Спаситель говорит: «Ибо кто постыдится меня и моих слов» и так далее. Златоуст когда-то и за одну вдову вступился, а ныне всю нашу погибшую землю предал. Но достаточно об этом.

А о себе, бедном страдальце, я лишь немногое скажу. Сколько раз бывал я в опасности, сколько я исходил, предводительствуя христианскими полками, с Божьим воинством, но никогда не отступал и всегда силою Христа побеждал. А сколько бед я перенес, сколько телесных страданий и частых ран! Думаю, что и вы не знаете всего того, что пришлось мне испытать, выступая с ополчениями против различных варваров. Но воздастся ли мне за это, бедному и всего лишенному? Бог между мной и вами надежный и праведный судья. И когда приближусь к вратам смерти, то велю это мое писание вложить мне в руку и пойду с ним к неподкупному судье, к надежде христиан, к моему богоначальному Иисусу, моему заступнику и защитнику от всех злейших и невыносимых гонений.

Недобрая ваша похвала. Вы не только нас предали и привели в отчаянье, но и не проявили должного быть у вас милосердия, присущего даже язычникам и мытарям. Имея что дать, вы затворили все в своей утробе, хоть и просил я взаймы и обещал вернуть.

Да послали мы тебе второе послание против всего пятого Евангелия. Я же с благодарностью за ваше вознаграждение кланяюсь. Если от преподобных такое получил, то чего же ждать от остальных?

Послание Марку Сарыхозину

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящем издании представлены почти все наиболее значительные послания Андрея Курбского. Не публикуются лишь незначительные по объему и по содержанию послания волынского периода (Ответ восточных, два Послания Федору Бокею-Печихвостовскому, Послание Евстафию Воловичу и Послание Базилию Древинскому), которые не влияют сколько-нибудь значительным образом на общее представление о характере переписки князя.

Марк Сарыхозин, бежавший из России в Литву, жил при дворе князя Юрия Юрьевича Слуцкого, где в это же время жил и старец Артемий (см. коммент.). Текст Послания публикуется по рукописи Погод. 1494.

ОРИГИНАЛ

ЛИСТ КНЯЗЬ АНДРѢЯ КУРБСКАГО ДА МАРКА, УЧЕНИКА АРТЕМИЯ

Юноше, свѣтлых обычаевъ навыкшему, брату и приятелю моему милому, господину Марку обышное поздравление.

Притом прозба моя начинается до васъ, с таковою краткою повестию. Случилося ми некогда бесѣдовати со преподобным старцемъ твоимъ, а моимъ отцомъ и господином, блаженныя памяти преподобнымъ исповѣдником Артемием.[1] А бѣседа была о книжных делех, наипаче же о книзе Великого Василия, просившу ми ее у него для прочитания, кою ли, поведал, есть у себя — яко мя потомъ и даровалъ ею, з ласки своея. Азъ же вопросихъ: «Аще ли вся есть книга Великого Василия у нас?» Он отвѣщал ми, иже толико переведена Постническая книга у нас и неколико ктому от различных повѣстей словес, и ктому рекъ: «Есть написана книга, евангельскими и апостольскими словѣсы едиными, избирающи и сочиняючи приличные, и глаголют ее аки бы Василиа Великого». Аз рекъ: «Не вѣмъ, естьли есть его». «А что, — рѣкъ, — налѣпшая книга его,[2] о естественных вещахъ писанная,[3] и иные книги супротив ерѣтиковъ,[4] тѣ не преведѣны в нашъ языкъ». И ктому просил мя, ижбы аз потщание учинил, купил книгу Василиеву всю и добыл такова человѣка, кто бы моглъ з грѣцка языка, обо з латинского, превести ее. Аз отвѣщал: «Аще, — молвлю, — и добуду грецким умѣющаго, або латинским, но словеньский не будут умѣти». Преподобный же со усердиемъ реклъ: «Аз, — рѣче, — с потщаниемъ в старости моей, аще бы и пѣшему случилося ми, препоясався, пойду с-Слутца[5] там, гдѣ ми кажешь, и буду пособляти в преводе, и склоняючи на словѣнской». И повторе воистинну рѣклъ: «Обы, — рѣклъ, — сподобил мя Богъ, то ми же бы аз по словенскии помогал».

Азъ же, сие слышахъ ото устъ преподобнаго, не токмо о таковых людехъ попечение учиних, набываючи их к такому дѣлу, но и самъ немало лѣт изнурих по силѣ моей, уже в сединах, со многими труды, приучахся языку римъскому. К тому и благородному юношу, брата моего, князя Михаила Оболѣнского[6] умалихъ, ижебы во младомъ еще будущий вѣцѣ, навык тех внѣшнихъ наукъ во языце римсте. Он же послушал мя, и изнурих три лѣта в Краковѣ в школѣ, и потом совершения ради до Влох ехалъ, оставя домъ, жену и дѣти, и тамо аки два лѣта пребыл. А ныне, благодатию Божиею, возвратился к нам, здрав и в праотеческом благочестию цѣлъ, яко корабль, преполон дражайших корыстей.

Аз же не токмо Великого Василия всю книгу купих,[7] но иных некоторых учителей наших: все опѣры книги Златоустовы, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Иоанна Домаскина и кронику некую, ново з грѣцка на латынской преложенную, зѣло потребную и премудрую, написана от муже некоего зацъного, Никифора Калийста. А тѣхъ всѣхъ книгъ — которая что в себя имѣет — преписавшии рѣстра,[8]

посылаю до вашей милости и держу то от вас, иже вскоре ихъ прочтете и разсмотрите нашъ недостаток книжный, паче же глас словес божественных.

А того ради прозбу и моление братцкое к вашей милости простираю: союза ради любовнаго Христа нашего, такоже и раба его, старца твоего, а моего отца, святаго преподобного Артемия, — яви любовь ко единоплемянной Росии, ко всему словенскому языку! Не обленись до нас приѣхати на колько месяцей, даючи помощь нашему грубству и неискувству![9] Бо не обвыкли мы, яко аз, тако и князь Михайло, словѣнску языку вконецъ, и того ради боимся пуститися едины, без помощи, на так великое и достойнохвальное дѣло. А того ради послах к тебѣ предисловейцо единой книги нашего пѣреводу,[10] не ижебы имъ величаяся, або тщаславяся тем — Боже, сохрани насъ от таковых! — но оказуючи недостаток и невежество наше, яко тамъ прочитающе, лепей разсмотришъ. Бо исках помощи себѣ, сѣмо и овамо обращаяся, и никакоже обрѣтохом. Аще ли Богъ тя принѣсет до нас, то бы аз селъ со единым боколяромъ[11] за книгу Павловых епистолей, бѣседованныхъ от Хрисостома, а ваше бы милость сел за другую книгу со князем Михаилом — або Григория Богослова, або Василия Великого. Посылаю тѣ вашей милости подарок духовный — арацыю едину Григория Богослова, а другое слово Великого Василия преводу нашего: прошу, ижебы есть принял тот малый нашь упоминокъ с любовию.

Прости мя глаголати еще дерзнувши: аще бы еси имѣлъ и покинул сот копъ от его милости княжати Слуцкаго юркгелту, мнимаю, честнейший и похвальнѣйший пред Богом братцким прозбом в духовных вещах уступити, нежели текущаго и влекомого держатися. А данное ти сребро от Господа торжником дати, талант умножати, ктому еще во единоколенных просвещение. А слышал есмь от некоторых, иже его милости князь Слуцкий разумѣетъ от нас, иже бы аз тебѣ от него пребавлял до службъ моих. А который, ум умѣющий, християнин не рад бы себѣ товарыщи имѣлъ, а еще ктому «сына свѣта», яко Богослов пишет в том реченью, от меня до тебя посланном? Но аз того никакоже дерзнув с тобою, сведчю, но токмо ныне прозбы моей простираю до вас того ради предреченного дѣла, а ни службъ для, а ни иныя коея вѣщи, воистинну. А памята ми ся, ижем его милости молвил, иже ми вашу милость прислал в помощь к тому дѣлу, а у их милости свое обыкновение: мнимани бо. О том, милость ваша, ведай, естьли ея коснет той превод: ни за чем, токмо того ради, иже бѣз помощи не можемъ, а не смѣемъ дерзнути. А всяко пущаю произволению воли твоей. Аминь.

---

[1] …*исповѣдником Артемием.* — Игумен Троице-Сергиева монастыря старец Артемий был идеологом нестяжательства. Обвиненный иосифлянским руководством русской церкви в еретичестве, был сослан в 1554 г. в Соловецкий монастырь, откуда и бежал в Литву вместе с осужденным за ересь Феодосием Косым. В Литве он сблизился с Курбским, который называл его, как видно из текста Послания, своим

духовным отцом. Артемий известен своими полемическими посланиями.

[2] *На поле:* Сиирѣчь, яже о шести днехъ писаная убо, тамо о всѣхъ естественных вещах совершение выписалъ такъ прекраснѣ, яко никтоже от вѣка другий описал, яко Василий Великий.

[3] *...о естественных вещахъ писанная...* — Речь идет об одиннадцати беседах Василия Великого на Шестоднев (комментарии на библейские сообщения о шести днях творения). Полный перевод этого сочинения был осуществлен только в 1656 г. Епифанием Славинецким и напечатан в Москве в 1665 г.

[4] *...супротив ерѣтиковъ...* — Вероятно, имеются в виду пять книг Василия Великого в защиту учения о святой Троице против Евномия.

[5] *...пойду с-Слутца...* — Г. Слуцк в 100 км на юг от Минска был центром удельного Слуцкого княжества, резиденцией князей Олельковичей, ведущих родословную от Ольгерда. В середине XVI в. представлял собой один из значительных культурных центров на территории Великого княжества Литовского.

[6] *...Михаила Оболѣнского...* — Князь Михаил Андреевич Оболенский-Ноготков отъехал в Литву до 1568 г. после получения им королевского привилея. Жил при дворе князя Андрея Курбского и принимал участие в организованной им переводческой деятельности. Переводил, в частности, вместе с князем Курбским «Богословие» Иоанна Дамаскина. См. коммент. к Предисловию к переводу сочинений Иоанна Дамаскина.

[7] *...купих...* — В рукописи «купить». Испр. по изд. Кунцевича.

[8] *На поле:* реистръ.

[9] *...неискувству.* — Так в рукописи.

[10] *...предисловейцо... пѣреводу...* — Скорее всего, Курбский имеет в виду свое Предисловие к Новому Маргариту (см. ниже).

[11] *...со единым боколяромъ...* — Вероятно, речь идет об Амброжии Бжежевском, предполагаемом авторе перевода Хроники Мартина Бельского на белорусский язык. См. также ниже Предисловие к Новому Маргариту.

ПЕРЕВОД

ПИСЬМО КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО МАРКУ, УЧЕНИКУ АРТЕМИЯ

Юноше, усвоившему добрые нравы, моему любимому брату и другу, господину Марку неизменный привет.

Начиная прямо с моей просьбы к вам, изложу кратко следующее. Довелось мне однажды беседовать с твоим преподобным старцем, а

моим духовным отцом и господином, с блаженной памяти преподобным исповедником Артемием. Беседовали мы о книжных делах, а более всего о книге Василия Великого, которую я просил у него для прочтения, так как он сказал мне, что она у него есть, — и которую мне потом и подарил по своей любезности. Я тогда спросил: «Есть ли у нас полный перевод сочинений Василия Великого?» Он ответил, что у нас переведена только его книга «О постничестве» и несколько отрывков из других произведений, а потом добавил: «Есть одна рукописная книга, в которую входят избранные слова из Евангелия и Апостола, или подобные им; говорят, что ее написал Василий Великий». Я сказал: «Не знаю, так ли это». «А что касается, — сказал он, — его наилучшего сочинения о естественных вещах, а также его сочинений против еретиков, то они не переведены на наш язык». И еще он попросил меня, чтобы я постарался и приобрел книгу, содержащую все сочинения Василия, и нашел человека, который мог бы перевести ее с греческого или латинского языка. На это я ответил: «Может, дескать, и найдется кто-либо, знающий греческий или латинский язык, но знающего славянский мне не сыскать». А преподобный поспешил мне на это сказать: «Я, — говорит, — хоть и старый, но если понадобится, то даже пешком, подпоясавшись, пойду из Слуцка туда, куда ты мне велишь, и охотно помогу тебе в переводе, поправляя славянский текст». И потом еще раз повторил: «Если бы только дал мне Бог, то я бы помог вам со славянским языком».

И я, услышав такое из уст преподобного, не только начал искать нужных для этого дела людей, но и сам, уже будучи седым, немало лет истратил в трудах, чтобы изучить, насколько это было в моих силах, латинский язык. К тому же упросил я одного благородного юношу, моего брата князя Михаила Оболенского, чтобы он, пока еще в молодом возрасте, изучил светские науки на латинском языке. Он меня послушал и три года провел в Кракове, обучаясь в университете, а затем, чтобы совершенствоваться, уехал в Италию, оставив дом, жену и детей, и провел там около двух лет. И вот теперь по Божьей благодати возвратился к нам здоровый и невредимый в праотеческом благоверии, подобный кораблю, наполненному драгоценнейшими товарами.

А я купил не только все сочинения Василия Великого, но также и некоторых других наших учителей: все сочинения Иоанна Златоуста, произведения Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и одну очень полезную и умную Хронику, написанную благородным мужем Никифором Каллистом и недавно переведенную с греческого языка на латинский. Переписав оглавление всех этих книг, — что какая в себе содержит, — посылаю его вашей милости и оставляю вам, чтобы, прочитав его, вы увидели, скольких еще книг, содержащих в себе звуки божественной речи, нам не хватает.

А отсюда и моя братская просьба к тебе: во имя любовного единения нашего Христа и его раба, а твоего старца и моего духовного отца, святого преподобного Артемия, — прояви свою любовь к единокровной России, ко всему славянскому народу! Не поленись приехать к нам на несколько месяцев и помоги нам, невежественным и неопытным! Потому что как я, так и князь Михаил, не зная в совершенстве

славянского языка, не решаемся взяться сами, без чьей-либо помощи, за такое великое и достохвальное дело. Посылаю также тебе предисловие к одной из книг, переведенной нами, но не из гордости или тщеславия — сохрани нас Бог от этого! — а для того чтобы ты, прочитав его, смог лучше увидеть нашу скудость и невежество. Искал я себе помощников, обращаясь в разные места, но так и не нашел. Но если бы тебя привел к нам Бог, то я с одним бакалавром взялся бы за перевод посланий апостола Павла, протолкованных Хризостомом, а ваша милость с князем Михаилом принялись бы за другую книгу — или Григория Богослова, или Василия Великого. При этом посылаю вашей милости духовный подарок — одну орацию Григория Богослова и одно слово Василия Великого в нашем переводе. Прошу принять с любовью этот наш небольшой подарок на память.

Прости, что осмеливаюсь тебе сказать еще вот о чем: если даже ты имеешь сотню коп годовых денег от князя Слуцкого, то думаю, что честнее и достойнее было бы все же перед Богом уступить братским просьбам, касающимся духовных вещей, чем стремиться к преходящему и суетному. Полученное же тобой по милости Господа серебро лучше было бы раздать на торжищах, а самому приумножать свой талант, способствуя при этом просвещению своих соотечественников. Слышал я от людей, будто бы князь Слуцкий считает, что переманиваю тебя на службу к себе. А какой же имеющий ум христианин не был бы рад иметь у себя в товарищах «сына света», как выражается Богослов в своем слове, которое я тебе послал? Я же, клянусь тебе, и не помышлял звать тебя к себе ни на службу, ни для какого-нибудь иного дела, кроме как для того, о чем я говорил тебе выше. Помнится мне, что просил я как-то его милость о том, чтобы он прислал ко мне вашу милость для помощи в этом деле, да его милость из-за свойственной ему мнительности по своему обыкновению понял все иначе. Пусть ваша милость знает, если зайдет речь об этом переводе: просим мы только потому, что не можем и не осмеливаемся без вашей помощи взяться за работу. Впрочем, оставляю решать тебе. Аминь.

Первое послание Кузьме Мамоничу

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

Кузьма Мамонич был одним из виднейших православных культурных деятелей Великого княжества Литовского. Активно участвовал в деятельности Виленского православного братства, а позже основал вместе с Петром Мстиславцем православную типографию в Вильне. В отличие от большинства других сочинений Курбского это послание, так же как и второе его послание Кузьме Мамоничу, посвящено полемике не с протестантами (еретиками), а с католиками, прежде всего с иезуитами.

ОРИГИНАЛ

ЛИСТЪ АНДРЕЯ КУРБСКОГО ДА КОЗМЫ МАМОНИЧА

Господину и брату моему милому, пану Кузмѣ, обычное и доброхотное поздравление, со женою и с чады, и со всемъ домом твоимъ.

Слышах от немалых людей зацных, также, яко и от вашей милости, и от пана Петра, а одномъ езуите, иже много отрыгал ядовитыми слогнями на святую непорочную вѣру нашу, нарицающе нас схизматиками. А сами будуще совершенные схизматицы, *напившеся* от мутных источников, истекающих от новомудренных ихъ папъ, преступников явственных и соперников святых вселенских великих седми синодов,[1] кои были удержаны не тылько восточных наших церквей епископами, но и заподными их самыми святыми папежи древними. Но о семъ, Бог даст ширей устъ, и беседовати потщимся. Но точию со своими! Но аще с ними случится, а ныне едино воспомянемъ, чемъ онѣ наших, несовершенныхъ во Писаниях, устрашают, повѣдающе: «Елицы, аще не повинуются римскому, не певнии[2] суть своего избавления». Сие ложное из страшилище латвие[3] обличится. А ныне советуете нашим, иже бы бѣз ученных нашея страны не сражалися с ними годанными и не ходили бы к ним на их наказанье, «тлят бо, — реклъ апостолъ, — обычаии добрыя бѣседы хитролѣсныя».[4] А что же сего хитролѣснѣе, еже правоверных, в седмостолпных догматехъ стоящих, наругати и сромотити, и со еретики смешевати — с люторы, и с цвыглияны, и с калвинами, и со иными нечестивыми ругателми? И отводити от правовѣрия и от апостольских догматов к полуверию, к новомысленной и хромой феологии от истинного богословия не стыдятся? И мало на томъ мающе,[5] еще горшѣе ко горшему прикладающе. Начинаютъ крестити повторей[6] крещенныхъ во имя триипостасного Божества и мазанныхъ миромъ радования и елеем милосердия, забывше заповеди Христа своего и апостолов его, наипаче же подтвержения великого третияго синоду,[7] о том чтолку[8] явственно пишут: «Исповѣдую, рече, едино крещение во оставление грехов». Они же, запамятов все те и приклоня уши свои къ еретику древнему Донатисту,[9] во толиких странах бывшему, о немъже святый Августин, иже много тружался и напастей подъялъ, истребляюще его учение.

Бога ради, молю, не ужасайтеся ихъ и не дивитеся остроте языка и елокудыи[10] ихъ, сиирѣчь словеству, або вымовѣ.[11] Ибо зѣло похвально словеству навыкати и дѣиствовати, ижебы оброняти правду. А они, смешавши елокуцию з диалекътическими софизматы, и предающе ктому понунцыацию,[12] на прововерных обращают, истинну тщася разорити араторскими штуками,[13] похлебующе попе своему, возносяще и хваляще грозного и велеможного епископа, оружением препоясанного и полки воинов со различными бронями около себя водящаго, а наших патриарховъ, по Божию попущению убогихъ и нищихъ, смиренномудриемъ Христовым украшенныхъ, и между бѣзбожными турками по всемученическому терпещих, а благочестия догматы невредно соблюдающихъ, хуляще. О, шкода,[14] иже не написали ся тех размовъ, кои были при вашей милости с ними у меня на обѣде такъ рокъ![15] Бо ся было имъ статечне отвѣщанно

священными Писанми на их нововымышленные, то есть,[16] яко оне ныне держат о произхождении Святаго Духа и о Библеях ихъ различных преводников, и о лѣтех от создания мира и, четвертое, о зверхътности[17] папы их[18] — чемъ ныне страшат правоверныхъ.

А такъ и повторе прошу, ижебы наши не ходили к нимъ часто на них казание, бѣз искусныхъ наших, и не вдавалися в гадки, преслушающе самого Господа, чрез Иоанна Феолога глаголющаго к Фиарфиской церкви, кое в себѣ сице ся имѣет: «Вамъ же глаголю, и протчимъ сущимъ во Фиафире, иже не имут учения сего, и иже не разумѣетъ глубины сатанинския», якоже глаголет: «Не возложу на вы тяготы иные; токмо, еже имѣете, держите, дондеже прииду».[19] А естьли Богъ восхощетъ, и мы к вамъ поспешимся со тремя нарочитыми свѣдками: [20] з Дионисием Ореопагитскимъ и со Иоанном Златоустым, и со Иоанномъ Домаскиным, и со иными святыми древнеми учительми, кои их явственнѣ обличаютъ новосмысшленную феологию, что они блядут о происхождении Святаго Духа. О чомъ намъ с ними гадание трудно зѣло, их для упрямства, нежели о иных ихъ расколехъ, а звлаще о том, том паче.

А такъ, естьли бы ся здало вашей милости, прочти то посланейцо в дому пана Зарецкого и всем во правовѣрии стоящим виленским мещаном. А меня, многогрешного, в любви своей и в молитвах пред Богом не запамятуйте. Аминь.

---

[1] *На поле:* соборов.

[2] *На поле:* вѣдома.

[3] *На поле:* лутши.

[4] *...«тлят... хитролѣсныя».* — Ср. I Кор. 15, 33.

[5] *На поле:* мняще.

[6] *На поле:* паки.

[7] *На поле:* собора.

[8] *На поле:* главке или артокулце. *...чтолку...* — Так в рукописи.

[9] *...древнему Донатисту...* — Донат, епископ карфагенский, по имени которого было названо мощное еретическое течение во времена гонений на христиан императора Диоклетиана. Вопреки указанию Курбского на «Италийские страны», движение затронуло прежде всего церковь Северной Африки. В полемике против донатистов особенно видное место принадлежит блаженному Августину, епископу гиппонскому (354—430).

[10] *...елокудыи...* — Испорч. от латинск. eloquentia — дар слова, красноречие.

[11] *На поле:* разуму.

[12] *...понунцыацию...* . — Испорч. от латинск. pronunciatio — произношение.

[13] *На поле:* риторскими стихи.

[14] *На поле: о* бѣда.

[15] *На поле:* тому нынѣ год.

[16] *На поле:* спирѣчь.

[17] *На поле:* о началствѣ.

[18] *...яко оне... папы их...* — В этом отрывке Курбский резюмирует основные моменты, по которым велась полемика между православными и их оппонентами, представителями других конфессий.

[19] *«Вамъ же... прииду».* — Ср. Апок. 2, 24—25.

[20] *На поле:* свидѣтельми.

ПЕРЕВОД

ПИСЬМО АНДРЕЯ КУРБСКОГО КУЗЬМЕ МАМОНИЧУ

Господину и любимому моему брату пану Кузьме с женой и с детьми, и со всем домом мой всегдашний искренний привет.

Слышал я от многих благородных людей, в том числе и от вашей милости, и от пана Петра, о том иезуите, который извергал многочисленные ядовитые слова на нашу святую и непорочную веру, обзывая нас схизматиками. Но ведь это они сами явные схизматики, пьющие из источников, замутненных их папами, которые изобретают новые мудрствования и являются совершенно очевидными отступниками от постановлений семи великих святых вселенских соборов, в которых участвовали не только епископы наших восточных церквей, но и их прежние святые западные папы. Именно об этом с Божьей помощью постараемся говорить. Но только со своими! А если придется говорить с ними, то необходимо только помнить о том, чем они наших, слабых в Писании, устрашают, говоря им: «Тот, кто не подчиняется Риму, не может быть уверен в своем спасении». Это их ложное устрашение легко обличается. Только наказывайте нашим, чтобы они без ученых с нашей стороны не участвовали в спорах с ними и не ходили бы к нам на проповеди, ибо, как сказал апостол, коварные беседы развращают добрые нравы. А что может быть коварнее того, чтобы правоверных, придерживающихся семистолпных догматов, ругать и срамить, путать их с еретиками — с последователями Лютера,

Цвингли и Кальвина, и с другими нечестивыми богохульниками, и уводить их, не стыдясь, от правоверия, апостольских догматов и от истинного богословия, приводя к полувере и к хромой теологии? И этого, считают, им еще мало! Худшее к худшему добавляют: начинают по второму разу крестить уже крещенных во имя триединого Бога и помазанных мирром радости и елеем милосердия, забыв заповеди своего Христа и его апостолов, и прежде всего постановления великого третьего собора, особенно же ту главу, в которой ясно написано: «Исповедую единое крещение во отпущение грехов». Они же, забыв обо всем, подставляют свои уши древнему еретику Донату, бывшему когда-то в Итальянской земле и которому с большим трудом сумел противостоять их святой Августин, искореняя его учение.

Ради Бога, прошу вас, не пугайтесь и не удивляйтесь остроте их языка и их красноречию, то есть словесности, или изощренности. Изучать красноречие и использовать его, чтобы отстаивать истину — это весьма похвально. Но они, смешав красноречие с софистической диалектикой и добавив к этому еще хорошее произношение, обращают все это против правоверных, пытаются ниспровергнуть истину ораторским искусством, стремясь угодить своему папе, превознося и восхваляя грозных епископов, препоясанных оружием и предводительствующих воинскими полками в различных сражениях; наших же патриархов, по Божьему произволению убогих и нищих, но украшенных смиренной мудростью, претерпевающих различные мучения от безбожных турков, но непоколебимо сохраняющих догматы благочестия, бранят. О, какая досада, что не записали мы тех разговоров, которые вели с ними в присутствии вашей милости у меня на обеде около года назад! Потому что тогда мы спокойно возражали им при помощи Священного Писания на их новые измышления, то есть: их мнение о происхождении Святого Духа; их различные переводы Библии; летосчисление от сотворения мира; и в-четвертых, о верховенстве их папы — чем они теперь устрашают правоверных.

И еще раз прошу вас, пусть наши не ходят часто на их проповеди без кого-либо опытного из наших и пусть не пускаются с ними в споры, нарушая заповедь самого Господа, который сказал ангелу Фиатирской церкви устами Иоанна Богослова следующее: «Вам же и прочим находящимся в Фиатире, которые не держат сего учения и которые не знают так называемых глубин сатанинских, сказываю, что не наложу на вас много бремени; только то, что имеете, держите, пока приду». А если Богу будет угодно, то мы к вам поспешим вместе с тремя достойными свидетелями: с Дионисием Ареопагитом, с Иоанном Златоустом и с Иоанном Дамаскиным, а также с другими святыми прежними учителями, которые явно обличают их новоизмышленное богословие, содержащее выдумки о происхождении Святого Духа. Об этом более, чем о других их раскольнических вещах, трудно спорить с ними по причине их упрямства.

Если вашей милости это посланьице покажется важным, то прочти его в доме пана Зарецкого, а также всем виленским жителям, хранящим правоверие. А меня, многогрешного, в любви своей и в молитвах перед Богом не забывай. Аминь.

Второе послание Кузьме Мамоничу

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ОРИГИНАЛ

ДО КУЗЬМЫ МАМОНИЧА ЛИСТ 2

А еже пишеши ко мнѣ, любимиче, о злохитроствовах езуитских, уже к тебѣ есми первие сего писал: не ужесайтеся софизматов их, но стойте токмо в православной вѣре крѣпце, и пребывайте бодре и трезве, яко верховный Петръ рече,[1] да не жрут[2] вас мысленные звѣри, злохитрѣствы своими изгубят супостаты восточных церквей. Бо ани что выдали супротив церкви нашей? Книжки, с своими силогизмами поганскими повапленi, и паче же рещи, софистчки превращающе и разстлѣвающе апостольскую теологию[3] и влекуще чрез естество воду на прегордаго ихъ епископа римскаго.

Кол оле, уже, благодати ради Божия, подана намъ книга в помощь от Святыя горы, яко самою рукою Божию принесена, простоты ради и глубокаго неискуства церковников рускихъ церквей, а не глаголу о лености для и обжерства епископов наших, о нейже первѣе изъявих ти, юже княже Костянтин далъ пану Горабурде[4] на препись и мне, яко у меня уже преписана (...) скорописью и исправлена по силе моей. В той-то книге на теперешние дутки их, або пущалки, на все силогизмы их, папою и всеми кардинами,[5] паче же самым превознесенным ихъ и выше небесъ взимающимся, налѣпшием ихъ феологом, неяким мнихом Фомою,[6] рыгано ядовите, и хитролѣсне на апостольскую феологом восточных церквей, паче же лживина[7] на блаженного Домаскина, понеже онъ паче всѣхъ острѣйше ихъ новоявленую ерѣсь обличаетъ о прохождению Духа Святаго — ото ж, пане, на все тѣ острые ихъ и ядовитые софизматы уже давно имъ соборне отвещано и отписано, и праве безъстыдные уста ихъ затканы чрезъ неяких боговидныхъ мужей, Григория и Нила,[8] митрополитовъ селунъскихъ, что все в той книге, прилежне читаючи, обрящете.

Аз же совѣтую вамъ сию цидулу мою прочести всему собору виленскому,[9] мужемъ, во правовѣрныхъ догматехъ стоящимъ, да возревнуютъ ревностию Божиею по праотеческомъ сродномъ своемъ правовѣрию, да наймутъ писаря добраго, кто бы, приписыючи ее, не попсавал, взявши тую книгу у пана Гарабурды, або у меня, да препишутъ. И преписавше, трезве да прочитают, отлучившеся от пиянъства. Бо тамъ готовы отвѣты блаженныхъ оных мужей. А есть ли будемъ простерты лежати во давно обыкновеннемъ пиянстве, тогда — от чего, Боже, сохрани! — не токмо паны езуиты и презвитерове римския церкви, силныя во Священном Писанию силогизмами[10] и софизматы поганъскими, аки с рысьими скурами ополчени, и здыбавши, нашедши, могут поражати и разстерзати васъ лежащихъ, но и ледаякие

звѣрятка, сирѣчь новоявленного глупъства исполненные еритики, могутъ разстерзати и развлачати васъ кожды во свою азвину — от чего, Боже, сохрани нас!

А такъ, любимиче, по фторей и про третей кротъ, напоминаю вам, духовныя ради любвѣ: не унывайте, а ни отчевайтесь; не ужасайтеся тех-то предреченных софизматов, но избѣрите себѣ мужа единого от презвитеров, а не будет ли, и вы хотя от простых, словесна и Писаниям искусна и, принявъ ту книгу в руки, противитися непреборимымъ оным и непреодолѣваемым оружием, призываючи в помощь пребезначальную Троицу, еяже зѣло обидят паны езуине, полагающе въ божествѣ естественныя два начала, или два источника животворящего параклита, явственне сопротивляющеся Дионисию Ореогапиду,[11] он бо рече во образной богословии: источник божества Отецъ; Сынъ же и Духъ богосажденного божества отросли, аки бы цвѣти существа[12] и свети. А како ли суть, нарещи, ни помыслити можно не токмо человѣком, а не премирным, ближайшим ко Богу силам, бо и тѣ, зряще на явление Божества, лица свои крылы закрывают. А паны езуиты со прочими своими ногою главою безстыдствуют, хотяще показати слогизмами предреченными два начала и два источника во пресущественномъ божестве, презревши, або занедбавши[13] всех источников древних богословцов. И что глаголю богословець? И самого апостола Деонисия Ореопагита,[14] ученика небопрешественного Павла, яже апостольством своим уловил всю Германию и Францыю, и великий град Париж, идеже и мучительством от Доментияна, нечестивого цесаря, преукрашен, скончался. Кому ныне вѣрили, да розсудят всѣ разум имущие: или тому всему древнему богословному лику со апостолы, или тѣмъ прегордым и упрямым, которыя ногою главою безстудне грядут, презрѣвши всѣх восточных феологов? А что глаголю восточных феологов! Своих древних папъ и епископов западных богословных — Амбросия Медиаламского и святаго Августина, яко в книге оной узрите отчасти вкратце воспоминан ото отвещателей оных, за восточныя церкви борющеся сопротив ихъ упрямству; но они хотятъ всяко на своемъ поставити.

---

[1] *...Петръ рече...* — Ср. I Петр. 5, 8.

[2] *...жрут...* — В рукописи «трут». Испр. по смыслу.

[3] *На поле:* богословию.

[4] *...пану Горабурде...* — Речь идет, вероятно, о Василии Михайловиче Гарабурде, сыне писаря Великого княжества Литовского, который, как и его отец, Михаил Гарабурда, был видным православным деятелем. В 1582 г. он напечатал в Виленской типографии «Октоих».

[5] *...кардинами...* — Так в рукописи.

[6] *...Фомою...* — Имеется в виду выдающийся теолог-схоластик, монах-доминиканец Фома Аквинский (ок. 1225—1274), чья основная заслуга состояла в систематизации различных областей знаний и в попытке свести в единое целое философию и богословие.

[7] *На поле:* лжа.

[8] *...Григория и Нила...* — Епископ фессалоникийский Григорий Палама и его преемник на кафедре Нил Кавасила, представители религиозно-философского течения — исихазма, авторы многочисленных сочинений, в том числе и полемических, знаменовавших собой к XV в. окончательный провал попыток объединения церквей.

[9] *...виленскому...* — В рукописи «вселеньскому». Испр. по изд. Кунцевича.

[10] ..*силогизмами...* — В рукописи «силогизмании». Испр. по смыслу.

[11] *...Ореогапиду...* — Так в рукописи.

[12] *На поле:* сустанции.

[13] *На поле:* или нивочтоже вменивши.

[14] *...Дионисия Ореопагита...* — Здесь Курбский, следуя за средневековой традицией, отождествляет под одним именем трех разных лиц. Дионисий Ареопагит, епископ афинский, принял христианство от апостола Павла (см. Деян. 17, 34). Но христианство в Галлии распространял не он, а Св. Дионисий Парижский. Вопрос о тождестве этих двух святых был поставлен еще Петром Абелляром, но разрешен только в рамках гуманистической критики в лице Лоренцо Валлы и Эразма Роттердамского. Они же высказали сомнение в том, что Дионисий Ареопагит является, как считалось, автором весьма авторитетного в греческой церкви корпуса сочинений, и установили, что авторство могло принадлежать какому-нибудь представителю христианского платонизма, которого традиция впредь именует Псевдо-Дионисием.

ПЕРЕВОД

КУЗЬМЕ МАМОНИЧУ ПИСЬМО 2-е

По поводу того, что ты пишешь мне, любезный, о злохитрости иезуитов, я уже тебе писал ранее: не бойтесь их софизмов, но держитесь крепко православной веры, «трезвитесь, бодрствуйте», как сказал апостол Петр, чтобы не съели вас мысленные звери и не погубили враги своей злохитростью восточную церковь. Ведь они что издали против нашей церкви? Напечатали книжки, подкрашенные их языческими силлогизмами, которыми они софистически разрушают и развращают апостольское богословие и наперекор природе поддерживают их прегордого римского епископа.

Сколько времени уже прошло, как дана нам, по благодати Божьей, — по причине глубокого невежества церковников русской церкви, уже не говоря о лени и обжорстве наших епископов, — словно рукой самого Господа принесенная нам в помощь со Святой горы книга, о которой я уже раньше тебе сообщал, что князь Константин дал ее для переписывания пану Гарабурде и мне и что у меня она уже переписана скорописью и исправлена, насколько в моих силах. В этой книге на все их теперешние дудки, или пищали, на все их силлогизмы, папой и всеми кардиналами, а особенно наилучшим, самым превознесенным, возвышающимся выше небес их теологом, неким монахом Фомой, — на все их ядовитые и хитролестные силлогизмы, извергаемые против апостольского богословия восточных церквей, а более всего против блаженного Дамаскина, на которого они придумывают самые клеветнические измышления, потому что он острее всех обличает их новоявленную ересь о исхождении Святого Духа, — так вот, пан, на все эти острые и ядовитые их софизмы уже давно им ответили сообща и отписали некие боговидные мужи, Григорий и Нил, митрополиты солунские, заткав их бесстыдные уста, и все это, читая, ты найдешь в этой книге.

Я же советую вам это мое послание прочесть перед всем виленским собранием, перед мужами, стоящими в правоверных догматах, с тем чтобы они, заботясь о Боге, проявили заботу о родном их праотеческом правоверии и переписали эту книгу, взяв ее у меня или у пана Гарабурды и наняв хорошего писаря, который бы ее не испортил, переписывая. А переписав, пусть в трезвости ее прочитают, оставив пьянство. Ибо там содержатся готовые ответы этих блаженных мужей. А если же будем лежать простертые в давнем и привычном пьянстве, тогда — от чего Боже сохрани! — не только паны иезуиты, или пресвитеры римской церкви, сильные в Священном Писании благодаря античным силлогизмам и софизмам, которыми они покрыты, словно рысьими шкурами, — не только они, разузнав, могут найти вас, лежащих, пожрать и растерзать, но и никчемные зверюшки, то есть еретики, преисполненные новоявленной глупости, могут растерзать и растащить вас каждый в свою нору — от этого сохрани нас, Боже!

Так вот, любезный мой, и дважды, и трижды я вам напоминаю во имя моей духовной любви: не унывайте и не отчаивайтесь, не ужасайтесь этих софизмов, о которых я вам рассказал, но изберите какого-нибудь мужа из священников, а если такого не найдется, то и из простых, сильного в словесности и опытного в Писании, чтобы он, взяв эту книгу в руки, оборонялся этим непобедимым и непреодолимым оружием, призывая в помощь пребезначальную Троицу, которую сильно хулят паны иезуиты, полагая в божестве два естественных начала или два источника животворящего Святого Духа, противясь таким образом Дионисию Ареопагиту, который говорит в образном богословии: источник божества Отец; Сын же и Дух — это отрасли божества, посаженные Богом, словно цвет и свет его существа. А как это все устроено — ни высказать, ни подумать невозможно не только людям, но и блаженнейшим, ближайшим к Богу силам, потому что и они при виде Бога закрывают свои лица крыльями. А паны иезуиты вместе со своими верными, бесстыдно обнажив голову, хотят доказать при помощи этих

силлогизмов существование двух начал и двух источников предвечного божества, пренебрегая всеми древними источниками и забывая их — всех богословов, и не только богословов, но и самого равноапостольного Дионисия Ареопагита, ученика шествующего по небесам Павла, который своим апостольством обратил всю Германию, и Францию, и великий город Париж, где и скончался, приняв мученичество от нечестивого императора Домитиана. Так пусть же рассудят все, имеющие разум, кому больше верить: или всему этому древнему собранию богословов и апостолов, или же этим гордецам и упрямцам, которые ходят с голыми головами и презирают всех восточных богословов? Да что говорить о восточных богословах! Презирают и своих западных прежних богословов, пап и епископов — Амвросия Медиоланского и святого Августина, о которых, как вы увидите в этой книге, вспоминают ее авторы и говорят о том, что они противостояли западному упрямству и защищали восточную церковь, — и во что бы то ни стало хотят настоять на своем.

Послание Кодиану Чапличу

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

Кодиан Чаплич, представитель волынского шляхетского рода Чапличей-Шпановских, принадлежал, как следует из текста письма, к той части волынской шляхты, которая оказалась затронутой реформационными веяниями. В своем имении он приютил бежавших из России вольнодумцев Феодосия Косого и Игнатия, проповедовавших антитринитаристские идеи. Обличительный пафос Курбского направлен прежде всего против них.

ОРИГИНАЛ

ЕПИСТОЛИЯ КО КОДИЯНУ ЧАПЛИЧЮ АНДРѢЯ ЯРОСЛАВСКОГО

На тую-то епистолию збирали по три роки собор люторове и, не описавши, розыдошась кожды во своя норы, яко змиеве церковные, ядом смертоносным на прововерных дышущеи.[1]

*П*ане господине Чапличю! На шириковещательный твой листъ, который писалъ еси до нас з должайшею екъзордиею, малый сокрощенный отвѣтъ нашъ.

Припоминати нам рачишъ от святаго Писания Ветхого и Нового немало, паче же аки бы научая нас, яко недостаточных и неискусных. В том есть вашей милости воля. Але аще есмя и многогрешный, и бурями в морѣ семъ многомятежном волнуемы, паче же от потвори и от ненавѣсти оскрѣстных стесняемы,[2] но всяко благодарим Бога, иже есма, за благодатию его, от младости нашей во Священных Писаниях по

силе нашей научени и утверждении в вѣре християнъской благочестивых догматов, яко проповедали пророцы,[3] яко уставили, от Христа приемши, апостоли; не так, яко ваша милость пишетъ — «единым писаниемъ», но и словѣсы, яко рекъ апостол къ коринфомъ: «Хвалю вас, братие, яко всегда мя помните, и якоже предах вамъ, предание держите»;[4] паки ко селуном: «Тѣмъже убо, братие, стойте и держите предания, имъже научитеся, аще словом, аще посланием вашим»,[5] и инде словом первие являетъ, потом писаниемъ, что на тот часъ, краткости для пишуще, оставляю. Такоже и святых древних великихъ отецъ, седмижды от конецъ вселенныя стекшихся по различным временам и лѣтом, и на истребление различных ересей, ихже насѣял плевелосѣятель враг посреде чистыя пшеницы, и на расуждение, и на разгонания праведного от нечестивого, яко, чрезъ Езекеиля[6] зрится, от Бога заповеданно, — ихже разсмотря и разсудя, — отогнали от церкви и онафѣме предали. Ни огнем, ни мечем, яко ѣсть некоторым ныне обычай, апостольские догматы утвердили и укрѣпили, и уставы церкви, писании своими, яко градъ тверды, правовернымъ предали. Тѣхъ, господине, таковых, и для сицевых держуся, яко и апостольских.

А твою милость есми о том не просил, чего бы мя есть научил, альбо мнѣ толковал Святое Письмо, а наипаче, вѣдая вашу милость, иже еси от мутных источников напоенъ и от истинного самочинника, который есть достоинъ нарицатися истинным самочинником,[7] иже по апостольскимъ уставом и намѣсников от их обѣщался былъ чистоту хранити и нестяжание, и паки возвратился в миръ ко широкому и пространному пути, и жену поялъ. Нечему ему, иноку, научити вас, только тому, иже бы ся поживилъ з женою. И изгнездилъся у вас в домѣх, яко змий со ядом, и растворил его с мѣдом, сииречь смѣшиваючи свое самочиние со Священными Писании, понеже и всемъ древним еретиком есть обычай смешевати учения свои и укрѣпляти ихъ свидѣтельствы Священных Писаний, софистицкии, аки церьковнически. А того дѣля, господине, прошу тя: дай ми покой с теми новыми толковании. Бо яко апостоли и ихъ ученицы не потребовали толкованей Симоновых и Николаевых, — яко Петръ заповѣдует вѣрным древним во втором послании при конце, — также а ни Дионисий Ариопагит и Тимофей Маркиоковых и протчих, такоже а ни Афонасей Александрийский и три великие святители Ариевых и Македониевых, и Аполинариевых, и Евномиевых, такоже и Кирил Александрийский, Келестин Римский — Несториевых хуленей, такоже Амбросий и Августин, и Герасим — Донатинтовных и Пелегионовых, такоже и Метофрастъ премудрый и Домаскин блаженный, твой неприятель, егоже ти оклеветал, велеможный панъ Игнатей предреченный — Севирова и Ефтихиева, Сергия и Пира, и Петра Кнафѣуса толкованния, ихъже ныне ересь армены держат, — также, господине, и аз, грешный и последний от собрания христианского — Меленктота Филиппа и Лютора Мартина, и учеников его, Цвинглияна, Калвина[8] и протчих, которыя яже еще за живота его с нимъ не згодили[9] во скверных ихъ догматех, яко неуставленные от неуставичного духа движими,[10] симже последуют ныне пан Феодосѣй и панъ Игнатей, не такъ ради ученей, яко зацных для своих паней, — не согласую имъ а ни приемлю: «Ни вкушаю и ни прикоснутся, яже суть во

истление». Бо им о том немало тщание, ижебы, вкрадшися в церковь, от уского и прискорбного пути некоторого слабейших наших ко широкому и пространному, брюх ласкающему[11] пути, уловили.

А что ваша милость пишешь, ижебы я тебе написал и указал о Люторе, почему есмь (...) нарицал его тевтопрофидом,[12] и о томъ есми с вашею милостию устне молвил широцѣ, и указывал тебѣ, иже онъ не только презрѣл всех, от вѣка угодивших святых, але из Вѣтхихъ книгъ многих и апостольских посланных некоторых приемлет. Милость ваша, подобно, непамятливы, альбо хощет от нас неяковое вытягнути писание и дати пану Игнатию на ругание нашея церкви Божия. Того у нас не обрящеши, бо сохранимся, по Господню словеси, повергати святыя псом и сыпати бисеры чистыя и световидныя богоукрашения. А ктому и апостолъ заповѣдаетъ: по первом и втором наказанию всякого еритика отлучитися,[13] вѣдый, яко сицевый розвратился уже до конца. Бо ваша милость уже давно к одной странѣ приклонил ухо, недосведша гаданием, и навык таковым. Еще ктому, яко слышим ото многихъ панов волынцов, яко на лыцыях,[14] такъ и на съѣздах, со жарты и шутками, поразитски словеса священные от Божественных Книг хватаючи лопатами, не срамляешся — яко и мы слыхали ото многихъ вашея страны инославных, за купки, полными малмазии — Писанми вещати еуаггельские проповеди, паче же реку, на церковь Бога живаго хуления рыгати. А мы, господине, так не обыкли; но яко научихомся от древних Святых Писаний, такожe и от живых учителей наших, Максима многострадального и от Артемия отца, нового исповедника, со смиренномудриемъ и со кротостию, и со многим прилежанием, и охотою Священного Писания читати и разумѣвати, не отлучающеся древних великих толковников церковных, а не внемлюще еретическим бредням. А вашей милости есмо довольно со кротостию хотели отвещати у его милости у князя воеводы в Корцу[15] при многихъ свѣтках,[16] бо ваша милость сперва был дался слышати, аки бы ни в чомъ хотел от насъ научитися и пользоватися. Вопрошаючи нас, яко с молчанием дали мѣсто вопросомъ твоим, тогда ваша милость простер вопросы, и притом вскорѣ расширил и выклады, утвержаючи их свидетельствы инославных. И того было вящей, неже на године, яко и всем дивитися, не выслушав повести ани мало. А егда мы теми отвѣщати, аще и мало зело глаголати, а ваша милость зараз возопил: «О, долготе звяг[17] твоих! О, рече, хощешь мя препрети своимъ велерѣчиемъ!» Мы, виде, иже по страсти гневной, а не по разуму, дали есмо покой вашей милости, яко и нынѣ просим. А так, герцуй, господине, по стремнинах,[18] яко хощешь! Бо кожды человѣкъ самовластного естества, еже есть: что перед себя взял, от того умысла трудно тебѣ отвратити. А естьли бы ваша милость неискушательне, а ни со упрямством хотел от нас пользоватися, не тѣмъ бы было обычаемъ показати а ни начало вопрошения, а ни произволения ваше — естьли бы было пользы для духовныя и спасения души.

А что ся тыче о епискупахъ богатыхъ и о мнихех многостяжательных, имъже были надавали предки наши имений не на кормчемство а не на пожитки скверныя, но странноприимства ради и убогих за поможения, и на благолѣпие церковное. А яко ныне ими шафуют[19] — нехай имъ Бог судит, а не яз, бо я маю и свое бремя грѣхов тяжко, о немъже есми

повелен отвѣт дати праведному судии. Но не о тѣхъ намъ слово, но истинных, апостолъ подобных епископехъ и о мнихѣх нестежательных, ангельское житие проходящих, ихъже Лютор вкупе смешав с нынешними законопреступники, похуливъ и уставы ихъ отверглъ, яко и ваша милость блаженного оного и многие святыни и исполненного Домаскина. А мню, ихже не читаючи, а ни досвѣтча, только слыша от претора,[20] хулишь ю: книга его не преведена во словенско, а естьли часть нѣкая и преведена, тогды такъ от нерадящих и от приписующих запсовано, иже неудобно ко выразумѣнию. А у грѣков и у латын вся есть. И ваша милость и учительство, пан Игнатей, не токмо по-грѣцки, але и по-латынски, сподеваяся, ани мало не умѣете, только хулити и сваритися искусны есте. Можате тамо, по той польской барбарии наученыя, сѣти рабити,[21] не стыдещеся боговидца Исайя пророка словѣс: «Горѣ прелагающему свет во тьму и тьму во свѣтъ, и глаголющему сладкое горкое и горкое сладко»,[22] и прочие, чего бых вашей милости вседушно не зычил.[23] Естьли бы могло быти, ижебы есте отворили и другой стране ухо, ноипаче же памятающе на праотецъ своих правовѣрие.

Писанъ на Ковлю, по рожении Исуса Христа, сына Божия, 1575-го месяца марта двадесять перваго дня.

---

[1] *На тую-то... дышущеи.* — Этот первый абзац Послания представляет собой, скорее всего, более позднюю приписку, попавшую затем в основной текст письма. На это указывает как стиль приписки, так и тот факт, что в рукописи в слове «пане», которым начинается следующий абзац, буква «п» отсутствует, как это часто бывало, когда писец забывал написать киноварный инициал. Неясно, о каком соборе, который собирали «люторове», идет речь.

[2] *...паче же... стесняемы...* — Живя на Волыни, Курбский должен был непрестанно доказывать перед местной шляхтой свое право на дарованные ему королем Сигизмундом Августом имения, часто с оружием в руках. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные сохранившиеся документы из владимирских книг городских.

[3] *...пророцы...* — В рукописи «пророды». Испр. по смыслу.

[4] *«Хвалю... держите».* — I Кор. 11, 2.

[5] *«Тѣмъже... вашим».* — 2 Сол. 2, 15.

[6] *...чрезъ Езекеиля...* — Ср. Иез. 3, 18—21.

[7] *На поле:* Еже есть Игнатий чернецъ, и вторый Феодосий Кривой, а последи и арианином сталъ, яже развращенъ очима и душею бысть.

[8] *...Симоновых и Николаевых... Калвина...* — В этом отрывке Курбский в сжатой форме излагает историю еретических движений, ограничиваясь именами главных ересиархов, равно как и их оппонентов. Себя он ставит, таким образом, в один ряд с виднейшими богословами прошлого, а главными своими противниками видит современных протестантов — Меланктона, Лютера, Цвингли, Кальвина, а также их последователей — Феодосия и Игнатия.

[9] *На поле:* на не согласилися.

[10] *На поле:* непостолянные от непостояннаго духа подвизаеми.

[11] *На поле:* чреволюбному.

[12] *...тевтопрофидом...* — Искаженная форма слова «псевдопрофет».

[13] *«По первом... отлучитися»...* — Ср. Тит. 3, 10.

[14] *...на лыцыях...* — На торгах, от латинск. licitatio — аукцион, продажа.

[15] *...в Корцу...* — Корец — резиденция князей корецких, богатое торговое местечко. Вероятно, именно здесь, на «лыцыях», происходили диспуты, о которых говорит Курбский.

[16] *На поле:* свидѣтелехъ.

[17] *На поле:* неподобных словъ.

[18] *На поле:* по высоких мѣстѣх.

[19] *На поле:* владѣютъ.

[20] *На поле:* преступника. *...от претора...* — От латинск. praedator — разбойник, грабитель.

[21] *На поле:* творити.

[22] *«Горѣ... сладко»...* — Ср. Исход. 5, 20.

[23] *На поле:* не изволяхъ.

ПЕРЕВОД

ПИСЬМО АНДРЕЯ ЯРОСЛАВСКОГО КОДИАНУ ЧАПЛИЧУ

По поводу этого письма лютеране в течение трех лет собирались на собор, но, так и не отписав, разошлись все по своим норам, словно церковные змеи, обдавая правоверных смертоносным дыханием.

Пан господин Чаплич! На твое нам широковещательное послание, хаотическое и длинное, вот наш малый сокращенный ответ.

Советуешь нам, словно неученым и неискусным, вспоминать почаще Священное Писание Ветхого и Нового Завета. На то вашей милости воля. Но мы, хоть и многогрешны и волнуемы бурями в этом бушующем море — а более всего клеветой и ненавистью соседей преследуемы, — все же благодарим Бога за то, что по его благодати еще с молодых лет, насколько было в наших силах, обучены Священному Писанию и утверждены в благочестивых догматах христианской веры так, как проповедовали пророки и постановили, приняв от Христа, апостолы; не так, как ваша милость пишет — «только писанием», — но и словом, как сказано это у апостола в послании к коринфянам: «Хвалю вас, братья, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам»; и еще в послании в солунянам: «Итак, братья, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим», и в других местах вначале просвещает словом, а затем Писанием, но об этом для краткости больше писать сейчас не буду. Ведь и великие древние святые отцы, которые семикратно собирались в разные времена со всех концов вселенной для того, чтобы истребить различные ереси, насеянные врагом-плевелосеятелем среди чистой пшеницы, и чтобы отделить, по Божьей заповеди, высказанной Иезекеилем, праведное от нечестивого — и они, вначале обсудив и обговорив, — отогнали еретиков от церкви и предали их анафеме. Ни огнем, ни мечом, как это теперь у некоторых принято, а апостольскими догматами укрепили и утвердили, словно неприступную крепость, церковные уставы и, описав их затем, передали правоверным. Их-то, господин, я и держусь, как и апостольских правил.

А твою милость я о том не просил, чтобы ты меня чему-либо учил или чтобы толковал мне Священное Писание, тем более что ты напоен, как мне известно, из мутных источников настоящим своевольником, который действительно достоин того, чтобы его называли настоящим своевольником, который давал клятву хранить чистоту апостольских уставов и избегать мирских благ, но тотчас же вернулся в мир, на широкий и пространный путь, и взял себе жену. И нечему ему, монаху, научить вас, кроме того, как позабавиться с женой. Угнездился он в ваших домах, словно ядовитый змей, и смешал яд с медом, то есть свое своеволие со Священным Писанием, так же как и у всех прежних еретиков существовал обычай смешивать свои учения со Священным Писанием и подкреплять их свидетельствами из него — как бы по-церковному, а на самом деле софистически. А поэтому, господин мой, прошу тебя: оставь меня в покое с этими новыми толкованиями. Потому что, как апостолы и их ученики не нуждались в толкованиях Симона и Николая, — и об этом наказывает Петр прежним правоверным в конце своего второго послания, — как Дионисий Ареопагит и Тимофей не нуждались в толкованиях Маркиона и прочих, как Афанасий Александрийский и три великих святителя в толкованиях Ария, Македония, Аполлинария и Евномия, как Кирилл Александрийский и Келестин Римский не нуждались в хулениях Нестория, как Амвросий, Августин и Иероним в толкованиях Доната и Пелагия, как премудрый Метафраст и блаженный Дамаскин, твой враг, оклеветанный в твоих глазах, вельможный пан, ранее упомянутым Игнатием, в толкованиях Севера, Евтихия, Сергия, Пира и Петра Гнафия, ереси которых ныне придерживаются армяне, — так же, мой господин, и я, грешный и

последний из христиан, толкований Филиппа Меленктона, Мартина Лютера и его учеников, Цвингли, Кальвина и прочих, которые еще при его жизни, будучи непостоянными и движимыми непостоянным духом, не могли найти согласия в своих скверных догматах, и за которыми ныне следуют пан Феодосий и пан Игнатий, привлекаемые не столько учением, сколько прекрасными паннами, — я их толкований не приемлю: «Не прикоснусь, не вкушу, не дотронусь к тому, что все истлевает от употребления». Ведь они немало заботятся о том, как бы, прокравшись в церковь, тех наших, которые послабее, столкнуть с узкого и прискорбного пути на широкий и пространный, ласкающий брюхо путь.

А то, что ты просишь, ваша милость, чтобы я тебе написал и разъяснил, почему я называл Лютера псевдопророком, так уже много об этом толковал с вашей милостью во время разговоров и объяснял тебе, что он не только пренебрег всеми прежними святыми угодниками, но также не принимает и многие книги Ветхого Завета, и некоторые послания апостолов. Ваша милость об этом, вероятно, забыл или хочешь вытянуть из нас какое-либо писание, чтобы дать его потом пану Игнатию на поругание нашей Божьей церкви. Так этого ты от нас не добьешься, ибо мы, по завету Господа, воздержимся от того, чтобы давать святыню псам и метать чистый и светоносный, богоукрашенный бисер перед свиньями. Да и апостол к тому же завещает: после первого и второго наставления отстраняться от всякого еретика, зная, что он развращен окончательно. А ваша милость давно уже склонил ухо в одну сторону — к развращенным учениям — и усвоил их. А еще слышали мы от многих волынских панов, что ты во время торгов и на съездах, словно лопатами выхватывая божественные слова из Священного Писания, произносишь с шутками и насмешками, словно бесстыдный приживальщик, евангельские проповеди, а если сказать точнее — извергаешь ругательства на церковь живого Бога подобно многим иноверным в вашей стране, которые, как мы знаем, делают это за чарами, полными мальвазии. Но мы, господин мой, к такому не привыкли; и, как были обучены древним Священным Писанием и нашими живыми учителями — многострадальным Максимом и отцом Артемием, новым исповедником, — так и продолжаем со смиренномудрием и с кротостью, с большим прилежанием и охотой читать и понимать Священное Писание, не отлучаясь от великих древних церковных толковников и не внимая бреду еретиков. А будучи у воеводы, у князя в Корце, мы готовы были при многих свидетелях спокойно отвечать на вопросы вашей милости, потому что сначала ваша милость будто бы хотел нас слушать, словно желая чему-либо у нас поучиться. И когда ты задавал нам вопросы, мы выслушивали их молча, и поэтому ваша милость, предлагая вопросы, вскоре их расширил своими толкованиями и подкреплял их доводами иноверных. И длилось это больше часа, так что все удивлялись и не слушали твоего повествования. Но когда мы начали тебе отвечать, то ваша милость, хоть мы и очень недолго еще говорили, сразу же закричал: «О, как долга твоя болтовня! Ты, дескать, хочешь меня победить своим велеречием!» Тогда мы, видя, что это все происходит от гнева, а не от разума, оставили вашу милость в покое, о чем теперь просим и тебя. Так что, скачи, господин мой, по стремнинам, как сам хочешь! Ибо каждый человек имеет свою волю, а

это значит, что если ты себе что-либо постановил, то трудно тебя от этого отговорить. А если бы ваша милость хотел говорить с нами для своей пользы, а не для того, чтобы нас испытать, то не таким образом следовало бы и задавать вопросы, и проявлять вашу волю, — если бы это делалось для духовной пользы и во имя спасения души.

А что касается богатых епископов и многостяжательных монахов, которым наши предки в свое время давали много средств, так это не для того, чтобы их тратить на еду и на скверное имущество, а для приюта и для помощи убогим, и на украшение церкви. А как они теперь ими распоряжаются — то пусть их судит Бог, а не я, ибо у меня и свое бремя грехов тяжелое, и о нем мне велено держать ответ перед праведным судьей. И не о них я хочу говорить, а об истинных, подобных апостолам, епископах и нестяжательных монахах, ведущих ангелоподобное житие, тех, которых Лютер смешал вместе с нынешними законопреступниками и подверг хулению, и чьи уставы отверг, так же как и ваша милость отверг этого блаженного, исполненного великой святости Дамаскина. Думаю, что ты ругаешь его книгу, не прочитав ее и не разбираясь в ней, а только зная о ней понаслышке от этого разбойника: ведь книга его не переведена на славянский, а если какая-нибудь часть и переведена, то так испорчена нерадивыми переписчиками, что в ней невозможно разобраться. А на греческом и на латинском она есть в полном виде. Да только думаю, что ни ваша милость, ни учитель ваш, пан Игнатий, не только греческого, но и латыни нисколько не знаете, а изощряетесь лишь в хулении да в ругани. Можете себе, выученные на этой польской тарабарщине, расставлять сети, не стыдясь слов боговидца пророка Исайи: «Горе почитающему свет тьмою, а тьму — светом, называющего сладкое горьким, а горькое сладким», и прочее, чего бы я от всей души вашей милости не пожелал. Если бы только могло так случиться, чтобы вы отворили свое ухо и в другую сторону, помня прежде всего о правоверии своих праотцев!

Писано в Ковеле, 1575-го года от рождества Иисуса Христа, сына Божьего, месяца марта 21 дня.

Послание княгине Чарторыйской

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

Чарторыйские были одним из наиболее могущественных родов Речи Посполитой. Принимали деятельнейшее участие в подписании Люблинской унии (1569 г.). Княгиня Иоанова Чарторыйская — жена или вдова князя Ивана Федоровича Чарторыйского, игравшего, как и его брат Александр, немаловажную роль в судьбах страны. Судьба сына Ивана Федоровича, князя Юрия Ивановича, о котором идет речь в послании, не напрасно вызывала тревогу у Курбского. Вероятно, не без

влияния полученного в Вильне образования он впоследствии перешел в католицизм и был его ревностным поборником, оказывал сильное покровительство иезуитам.

ОРИГИНАЛ

ЛИСТЪ КНЯЗЯ АНДРѢЯ КУРБСКОГО ДА КНЯГИНИ ИОАНОВОЙ ЧЕРТОРЫЖСКИЕ

Честнѣйшей госпожи, вельможной и светлой в роде, паче же во правовѣрию светлейшей и вдовства чистотою сияюще, от нас покорное поклонение честности твоей. Да будеши здрава со возлюбленными чады твоими!

А за то благодаримъ велице, яко твоя честность писала к намъ, иже сынъ твой во страсе Божии и в правовѣрии в праотеческом утверженъ и охоту мает по Священным Писаниемъ. И, что дивнѣйшаго, иже в таковом юном вѣку к таковым прележит, послушающе Христа своего, яко он реклъ: «Испытуйте Писания, в нихъже обрящѣте живот вечный».[1] Сихъ бо ради во юношеские души вселятся благодать духовная от младости и, егда в совершенне возрастъ достигнут, бывают с них мужи велици и знамениты. Егдаже не утеснятся во утробахъ добрымъ произволениемъ, бывают и сынове свѣта, и обрози доброт, и церковные поборники зацных родов своих похвалами. Господи Иисусе Христе, Боже нашъ! Соверши в таковых того младенца!

А еже твоя милость писала еси к нам, иже хощеши послати его до Вильни, римского закона честых презвитеров иизуитов,[2] и то умышление твое похвално. Но всяко не хощу тя утаити, яко слуга и приятель твой, во всем тебѣ доброхотнѣ, иже многие родители были дали им, яко княжатскихъ родов, такъ и шлехецких, и честных гражанъ, дѣтки своя учити наукомъ[3] вызволенном (яко слышим от нѣкихъ). Но они, не науча, первие мало не всехъ, в неразумном еще будучи вѣку, номовя ихъ хитролѣсне, отлучили от правовѣрия и покрестили и во свое полуверии, яко Крошинского князя сыночковъ и другихъ. И того ради многие отцы дѣти от нихъ свои паки отобрали; они ненавистники и противники зѣло великии нашему правовѣрию, и нарицают четырех патриархов и все восточные церкви схизматиками, сиирѣчь раскольниками, а сами паче будуще сущие схизматицы, съ их папою и со всеми кардиналы. А сие пишу, не их ненавидя, а ни завидя им — не буди, но правду воистинну и, что ся дѣетъ, остерегаючи твою честность.

А всяко Василий Великий, Григорий Богослов, Иоаннъ Златоустый и многи к тому нарочиты мужие ѣздили учитися тѣхъ наукъ з домов ат родителей своихъ до Афин, ко паганским философом. Но правости душевныя и праотеческого правовѣрия ни намней отмѣнили, но украсася благолѣпне по внутренному человеку, возвратилися ко отечеству, яко корабли велики со дражайшими корыстьми. А Иоаннъ Домаскин и Козьма Пѣснопѣвецъ научени были тѣмъ всемъ наукам свободным от единого учителя в дому отца их, егоже набыл[4] отецъ

имъ. И такъ философии он навык, яко естественно, такъ и обычай, иже вышши его никтоже обрѣлся. Аз же лѣпей сие пущаю на мудрое разсуждение вашей милости и приятелей твоих.

А тот листъ, писанный от нас ко единому брату, имъже есмо отчасти отвѣщали противъ тех езуитов дерзновения, обранячи наше правовѣрие, посылаю, преписав, до вашей милости вмѣсто малого подарка, что ваше милость рачи приняти от мене со обычною кротостию, яко святой вдовице достоит. А книжки тое, о нейже пишешь ми, при себе не маю, есть она в Ковлю; которая вельми полезна, альбо пожитачна, наипаче же юного возраста отроком, и я пошлю ее вашей милости и сыну твоему на прочитание, а естьли полюбитъ, и на препись. А преписав, мнѣ еи ваша милость возвратити рачите, бо и самым намъ она потребна зѣло. Прошу теж вашей милости о том листѣ до езуитов, писаннемъ скорым переписав, до вашей милости есми послал — не давай,[5] ваша милость, его читати, а ни преписывати иноверным, одно правовѣрнымъ бо того есть писания потреба.

А за тѣмъ прошу, ижбы мя ваша милость во святых молитвах своих не запамятала.

---

[1] *«Испытуйте... живот вечный».* — Ср. Иоан. 5, 39.

[2] *...до Вильни... иезуитов...* — После призвания в 1567 г. ордена иезуитов в Литву для борьбы с Реформацией в Вильне был основан иезуитский коллегиум (позже ставший академией), что положило начало Виленскому университету, где наряду с теологией преподавались также и «вызволенные науки».

[3] *...наукомъ...* — В рукописи «наускомъ». Испр. по смыслу.

[4] *На поле:* обрѣлъ.

[5] *...не давай...* — В рукописи «но до». Испр. по изд. Кунцевича.

ПЕРЕВОД

ПИСЬМО КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО КНЯГИНЕ ИВАНОВОЙ ЧАРТОРЫЙСКОЙ

Дорогой госпоже высокого и светлого рода, прославившейся святостью своего правоверия и чистотой своего вдовства, наш низкий поклон. Здоровья тебе и твоим любимым детям!

Приносим тебе большую благодарность за то, что твоя светлость написала нам о своем сыне, который, имея страх Божий и пребывая твердо в отеческом правоверии, хочет изучать Священное Писание. Удивительнее всего то, что уже в таком юном возрасте он стремится к

этому, следуя Христу, который сказал: «Исследуйте Писания, в них вы найдете жизнь вечную». Именно благодаря такому старанию в юношеские души с ранних лет вселяется благодать, и когда они достигают зрелого возраста, то из них получаются великие и знаменитые мужи. Если они не становятся по своей воле чревоугодниками, то, будучи сыновьями света и являя собой образец добродетели, они посвящают свою жизнь защите церкви, во славу своих великих родов. Господи Иисусе Христе, Бог наш! Сделай, чтобы этот младенец стал таким!

А что касается твоего желания, о котором твоя милость нам писала, чтобы послать его в Вильну на учебу к честным пресвитерам римского ордена иезуитов, то это твое желание похвально. Но все же не хочу, будучи твоим слугой и другом, во всем доброжелательным тебе, скрыть от тебя то, что уже многие родители как княжеского происхождения, так и из шляхты и почтенных горожан отдали им (как я слышал от некоторых) своих детей обучаться свободным наукам. Но те сразу же почти всех их, еще не достигших зрелого возраста, ничему не научив, убедили хитростью перекреститься в свое полуверие и отлучили от правоверия, как сделали они это с сыновьями князя Крошинского и с другими. И поэтому многие родители своих детей от них тотчас же забрали: ведь иезуиты большие враги нашего правоверия и ненавидят его, а четырех патриархов и всю восточную церковь называют схизматиками, то есть раскольниками, являясь в действительности сами вместе с их папой и кардиналами настоящими схизматиками. А пишу я это не потому, что их ненавижу или завидую им, — это не так, а чтобы предостеречь тебя и чтобы ты знала правду о том, что происходит.

Но, однако, и Василий Великий, и Григорий Богослов, и Иоанн Златоуст, и многие другие знаменитые мужи уезжали из своих родительских домов к языческим философам в Афины, чтобы изучать там свободные науки. И они нисколько не растеряли своей душевной праведности и не отступили от праотеческого правоверия, а украсились душевной красотой и вернулись в отечество, словно большие корабли, наполненные драгоценнейшими товарами. А Иоанн Дамаскин и Козьма Песнопевец были обучены всем этим свободным наукам в доме их отца учителем, которого он для них нашел. И вот, Иоанн Дамаскин настолько хорошо изучил философию, как естественную так и нравственную, что равных ему не было. Но все это я оставляю, и пусть ваша милость обсудит это со своими друзьями.

А то письмо, которое мы написали для одного нашего брата и в котором, защищая наше правоверие, постарались отчасти опровергнуть дерзости этих иезуитов, я переписал и посылаю вашей милости в качестве небольшого подарка, и пусть ваша милость соизволит принять его от меня с присущей святой вдове кротостью. Что касается той книги, о которой ты мне пишешь, то у меня ее с собой нет, она в Ковеле; она нам очень полезна и необходима, а особенно юным отрокам, и я пошлю ее вашей милости, чтобы твой сын ее прочел, а если понравится — то и переписал. Переписав же, пусть ваша милость соизволит мне ее вернуть, ибо и нам самим она очень нужна. Прошу

также вашу милость то письмо против иезуитов, которое я переписал скорописью и послал вашей милости, не давать ни читать, ни переписывать иноверным, потому что оно предназначено только для правоверных.

А затем прошу, чтобы ваша милость меня в своих молитвах не забывала.

Первое послание князю Константину Острожскому

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

Князь Константин Острожский (1526—1608), киевский воевода. Род князей Острожских был одним из самых могущественных в Речи Посполитой. Используя свой огромный авторитет и вес в обществе, содействовал развитию просвещения среди православного населения Речи Посполитой. Несмотря на свою верность православию, отличался веротерпимостью и принимал у себя при дворе представителей других конфессий, прежде всего протестантов, надеясь на их помощь в полемике с католиками. Курбский считал это недопустимым и критиковал князя Острожского за его связь с ними, и в частности с неким Мотовило, антитринитарием, о котором и идет речь во всех трех посланиях князю Острожскому.

ОРИГИНАЛ

ЛИСТЪ АНДРѢЯ ЯРОСЛАВСКОГО ДО КОСТЯНТИНА ОСТРОЗСКОГО ПРОТИВ ВАРВАРА НЕЯКОГО, МНЯЩЕГОСЯ БЫТИ МУДРА, ЕЖЕ ПОХУЛИЛ СЛОВЕСА НОВОПРЕЛОЖЕННЫЕ ИОАННА ЗЛАТАУСТАГО

Неудобно бываетъ человѣку грубому и неученому, и еще к тому умомъ врежденному, императором[1] быти и войска водити, и полки ко сражению враговъ по чину устрояти. И еще паки недостойнеше таковому философские, о высоких радующеся разумехъ, пробовати[2] и разсуждати и овыя похваляти, и иныя наругати. Понеже зѣло мнѣ дивно, иже послал есми до вашей свѣтлости княжецкие вѣщь духовную — от апостольkихъ словесъ от насветлѣйшаго мужа протолкованну, и не точию внешнѣе философии и верхъ достигшаго, но Духа Святаго исполненнаго. И таковым вселенским учителем явишася, иже[3] паче его лѣпши ни един обретается во востоке и в заподе во пространных изъявлениих[4] еуаггльских и апостольских, и пророческих словесъ, непререкомыми свидетельствы и аргумѣнтъ содержимых. От нихже едину вѣщь,[5] якобы тридражайшия сосуды камением драгимъ и маргарить словесы его украшени, преведох от римска,[6] не отменяючи сенсу, а ни граматического чину а ни в намнѣиших по силе моей, а предложихъ ю на вожделенный и любимы, праотцъ твоих прирожденны языкъ славенскими. И послахъ ево к вашей свѣтлости на прохлаждение

духовное, яко ко благородной душе и светлой княжацкой, от зацнѣйшаго и святейшаго учителя заимствовал. От вашей же милости, не вѣмъ, яко случилося, дати таковыя пробовати[7] человѣку, не токмо в науках неискусному, но и граматических чинов отнюдь не вѣдущему, ктому же и скверных словес исполненному, и востыду не имѣющему, глаголы Свещенных Писаний нечисте и скверно отрыгающему. Бо и сам от устъ его слышах словеса Павла апостола развращенные, буесловествующе. Або пишет ваша милость, ажебы их, лѣпшаго ради выразумения, на польщизну приложити дал. Верь ми, ваша милость, естьли бы и немало ученых сошлося, словенска языка скланяюще чины граматические и прелагающие в польскую барбарию, изложити текстъ в текстъ[8] не возмогут. А не токмо словенские альбо грецкие беседы, а ниже слюбымыя ихъ латинския. Сенсъ быти неяко можетъ, но околичность слогней зѣло будет далеко.

А естьли бы вашей милости не полюбилась, то бы ваша милость тот папер спалити казал, або попу якому в церковь рускую отдалъ. А идебы ваша милость мене не разумѣл замышляти от сѣбя, того ради посла, выписавши, стих колько строкъ от книги Деонисия Ореогапида, пишущу ему до Тимофѣя апостола; совѣтует не являти духовных лядокому, яко сам узришь, прочитаючи.

От книги Дионисия Ореопагита.[9] Ты же, о дитя, по преподобном, еже у нас, священническомъ преданию, уставоположению, самъ же священнолѣпие слыши, иже священне глаголемых, божествен божественных учениемъ быша, и еже во умъ сокровением святая скутав от несвященного множества, яко единовидныя сохрани: не бо праведно, якоже словѣса рѣша, во свины поврещи, иже умных бисер чистое и боговидное, и добротворъное украшение.

---

[1] *На поле:* повелителемъ.

[2] *На поле:* искушати.

[3] *На поле:* Иоанна Златоустаго глаголеть.

[4] *На поле:* толкованиях.

[5] *На поле:* Сиирѣчь бесѣду о вѣре и любви, и о надежди, еже толковалъ Хризостом апостолом Павлом глаголанныя словеса.

[6] *...преведох от римска...* — Это Слово «О вѣре, и надежди, и любови» также входит в состав Нового Маргарита как глава 70 (см. также коммент. к Предисловию к Новому Маргариту).

[7] *На поле:* искушати.

[8] *На поле:* слово в слово.

[9] *От книги Дионисия Ореопагита.* — На основании одного только этого отрывка из Дионисия Ареопагита некоторые исследователи полагали, что Курбский переводил также и этого автора. Но данный отрывок почти буквально совпадает с текстом, помещенным в Великие Минеи-Четьи (см. *ВМЧ,* 3 окт., стлб. 296). Других указаний на то, что Курбский переводил Дионисия Ареопагита, не существует.

ПЕРЕВОД

ПИСЬМО АНДРЕЯ ЯРОСЛАВСКОГО К КОНСТАНТИНУ ОСТРОЖСКОМУ, НАПРАВЛЕННОЕ ПРОТИВ НЕКОЕГО ВАРВАРА, СЧИТАЮЩЕГО СЕБЯ МУДРЫМ И ПОНОСЯЩЕГО НОВЫЙ ПЕРЕВОД СЛОВ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

Не пристало человеку невежественному и неученому, да еще и поврежденному умом, быть императором, предводительствовать войсками и заниматься расстановкой войск в боевом порядке для сражения с врагом. А еще меньше пристало такому рассуждать о высоком разуме, обсуждать и истолковывать философские вещи, хваля одно и смеясь над другим. И вот что меня очень удивило: послал я вашей княжеской светлости вещь духовную — слова апостола, протолкованные светлейшим мужем, который не только постиг вершины светской учености, но и преисполнен Святого Духа. И не было никого другого ни на востоке, ни на западе, кто мог бы лучше и подробнее, чем этот вселенский учитель, объяснять слова евангелистов, апостолов и пророков, содержащие неопровержимые свидетельства и аргументы. Одно из его произведений, которые можно сравнивать с драгоценнейшими сосудами, украшенными дорогими камнями и жемчугом, перевел я с латинского языка на любимый и желанный твоим предкам, родной их славянский язык, стараясь ни в чем нисколько не изменять ни смысл, ни грамматический строй. И послал я его к вашей милости для душевного удовольствия, предлагая вашей благородной, святой княжеской душе то, что почерпнул я от этого благороднейшего и святейшего учителя. И не знаю, как могло такое случиться с вашей милостью, чтобы давать его читать человеку, который не только мало смыслит в науке, но и совершенно несведущ в грамматике, да к тому же еще преисполнен сквернословия и извергает без стыда скверные нечистоты на Священное Писание. Я сам слышал, как он в своих дерзких речах искажал слова апостола Павла. Или вот еще, советует ваша милость отдать их для перевода на польский язык для лучшего их понимания. Поверь мне, ваша милость, что если бы даже собралось много ученых и они бы пытались передать грамматические формы славянского языка в польской тарабарщине, но передать текст в текст не смогут. И не только славянские или греческие тексты, но даже и их любимые латинские. Смысл еще можно кое-как передать, но слог будет очень многого лишен.

Уж лучше бы ваша милость приказал сжечь это писание, если оно вашей милости не понравилось, или отдал бы его какому-нибудь попу в русскую церковь. А чтобы ваша милость не подумал, что я вымышляю что-нибудь от себя, я посылаю вам несколько строк из книги Дионисия

Ареопагита, где он обращается к апостолу Тимофею и советует не показывать глупцам духовные вещи, как ты сам увидишь, прочитав.

Из книги Дионисия Ареопагита. Ты же, мое дитя, согласно преподобному, имеющемуся у нас священническому преданию и установоположению, слушай сам священнолепие бываемого в святости произносимых божественных учений, и то, что бывает в уме, спрячь священным сокровением от множества непосвященных и храни как видимое только одному, ибо, по евангельскому слову, не подобает перед свиньями метать бисер ума, чистое, боговидное и добротворное украшение.

Второе послание князю Константину Острожскому

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ОРИГИНАЛ

ЛИСТЪ АНДРѢЯ ЯРОСЛАВСКОГО ДА КНЯЗЯ КОСТЯНТИНА, ВОЕВОДЫ КИЕВСКОГО

Листъ твоего величества, такъ и книжица Скаркги езуита,[1] софизматов исполненая, также и листъ до твоей милости писаны ото инославного и прелукавого Мотовила (не вѣмъ, естьли и ныне еще, або и поднесь, любимаго твоего слуги) — прияхомъ ихъ и выразумѣхом. Другое оставя, немощи ради недуга моего, обдержащаго мя, о том-то мало Мотовиле реку. Хто слышалъ от вѣка, или гдѣ писано в крониках, ижбы волко разтерзателя ко стаду овѣцъ на пожить взывати? — сииречь, ижбы христианинъ правоверный ото арианина христоненавистного услаждался епистолиями, или приимовал от него Писания, на помощь церкви Христа Бога? А той-то Мотовило инославны не токмо арианского духа в себѣ имѣетъ, но воистинну сугубе злѣйшаго, неистовѣйшаго диявола, ланфима на общего владыку, Христа нашего, отрыгающа, подалеко горчайшии и ядовидши, нежели Арий безбожны. Бо он согласник и обновитель Павла Самосадского ерѣси и Фотинуса[2] неякого, древних еретиков, которые прѣли преждевѣчности Сына Божияго и не вѣрили пророческимъ словесемъ, начало полагающе от Марии Христу, ихже давно попранно и обличенна ерѣсь, и проклятием осуждена и с ними вкупе.

Годит ли ти ся от таковаго, о вельможный и свѣтлѣйший княжа християнский, догматовъ испытовати и отвѣтов просити на езуитцкии фабулы, софизматы повапленные? Охъ мнѣ! От лѣности вся ся нам приключат, нерадѣния ради прочитаний Священных Писаний. Яко ти много о семъ и устнѣ стужах, или докучах, до прочитаеши ихъ часто, аще и помалу. И не престану ти воистинну докучати и до моей смерти — понежа зѣло люблю тя — дондеже узрю тя лѣпшее тщание о семъ приложити и охоту в сердцы твоем подвигнути, понежъ в том

избавление наше належитъ, яко самъ Христос рече: «Прочитайте, — рече, — Писания, в нихъже обрящете живот вѣчный», и паки: «Прочитайте Писания, понеже тѣ свидетельствуют о мнѣ».[3] Естьли, государю, был еси хотя мало прочитал, послухав мене, слуги твоего верного, не токмо бы возгнушася еси самъ от таковых догматов или отвѣтов просити, или изыскивати, но и другимъ нашея страны правоверным христианом возбранил бы еси и запретилъ.

---

[1] *...книжица Скаркги езуита...* — Петр Скарга (1536—1612), выдающийся польский проповедник, писатель, с 1579 г. ректор Виленской академии. В своих сочинениях обосновывал необходимость единения христианской церкви под началом папы римского, резко критикуя при этом православие. «Книжица», о которой идет речь, это, скорее всего, первое виленское издание его сочинений «О единстве Божьей церкви» (1577 г.) с посвящением князю Константину Острожскому, в котором он высказывает надежду на то, что сможет обратить князя в католицизм. Судя по Третьему посланию Курбского князю Острожскому, именно для полемики с этим сочинением князь Константин предполагал использовать антитринитария Мотовила.

[2] *...Павла Самосадского ... Фотинуса...* — Павел Самосатский был назначен ок. 260 г. епископом антиохийским. Отвергал различие лиц в Божестве и отрицал Божественное происхождение Иисуса Христа. Был низложен в 264 г. собором епископов Сирии, Азии и Аравии. *Фотин* — епископ сирмийский. Подобно Павлу Самосатскому, утверждал, что Слово Божие не имеет личного бытия и не родилось от Отца предвечно, а Христос — простой человек, только одушевленный Словом Божиим. Был осужден не только Антиохийским (345 г.) и Медиоланским (347 г.) соборами, но также и арианами на Сирмийском соборе 351 г.

[3] *«Прочитайте... о мнѣ».* — Ср. Иоан. 5, 39.

ПЕРЕВОД

ПИСЬМО АНДРЕЯ ЯРОСЛАВСКОГО КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ, ВОЕВОДЕ КИЕВСКОМУ

Письмо твоего величества вместе с книжицей иезиута Скарги, полной софизмов, а также письмо, написанное для твоей милости хитрейшим иноверцем Мотовиллом (не знаю, есть ли он, твой любимый слуга, до сих пор еще у тебя), — все это я получил и изучил. Оставляя все прочее по причине слабости, вызванной поразившей меня болезнью, скажу только немного об этом Мотовилле. Слыхал ли кто-нибудь, и в каких хрониках можно прочесть о том, чтобы хищного волка призывали в стадо пасущихся овец? — то есть, чтобы правоверный христианин наслаждался письмами христоненавистного арианина и принимал от него толкования Писаний для поддержки Христовой церкви? Ведь этот иноверный Мотовилло имеет в себе не просто арианский дух, но

настоящего, злобнейшего и неистовейшего дьявола, который извергает гораздо более горькие и ядовитые ругательства на нашего общего владыку, Христа, чем безбожный Арий. Ибо он является последователем и обновителем ереси Павла Самосатского и некоего Фотина, древних еретиков, которые, не веря словам пророков, оспаривали предвечность Божьего Сына, а начало Христа связывали с Марией, и чья ересь давно уже сокрушена, обличена и проклята вместе с ними.

Пристало ли тебе, вельможный, светлейший христианский князь, просить у него истолковывать догмы и давать ответы на подкрашенные софизмами иезуитские басни? О, горе! Все это случается с нами от лени, от нерадивого прочтения Священного Писания. Я уже много раз твердил тебе об этом и в наших беседах и докучал тебе советами — читать его пусть и понемногу, но часто. И поскольку я очень тебя люблю, не перестану докучать тебе до самой смерти, пока не пробужу в твоем сердце желания и не увижу большего стремления к Писаниям, в которых наше спасение, — как и сам Христос сказал нам: «Исследуйте Писания, в них вы найдете вечную жизнь» и еще: «Исследуйте Писания, они свидетельствуют о мне». Если бы ты, государь мой, хоть немного прочитал их, послушав меня, твоего верного слугу, то ты бы не только сам погнушался просить истолковывать догматы у таких людей, но и другим правоверным христианам в нашей стране возбранил бы это делать и запретил.

Третье послание князю Константину Острожскому

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ОРИГИНАЛ

ЦЕДУЛА КНЯЗЯ АНДРѢЯ КУРБСКОГО ДА КНЯЗЯ ВОЕВОДЫ КИЕВСКОГО

И не вѣмъ, откуды сия приключившися вашему величеству. Прислал ми ваша милость книгу от сына Дияволя написану и от явственного неприятеля Христа нашего, истинней рекше, от антихристова помощника и верного слуги ево сочинену! Мнѣ ваша милость, христианину правоверному, брату своему присяглому, негли вмѣсто поминка шлет! О бѣда, воистинну плачю достойна! О нензда[1] преокаяннейшая! В таковую дерзость и стултицею[2] начальници христианские внидоша, иже не токмо тых ядовитых драконов в домех своих питати и ховати не стыдятся, но и за оборонителей и помощниковъ ихъ себѣ мнимаютъ. И что еще дивнѣйшаго — за духовных бѣсов духовных! Церковь Божию обраняти имъ росказуют и книги

сопротив полуверных латиновъ[3] писати имъ повелѣвают! О, заслепления и безумия нашего! Пророкъ глаголет: «Се, дние грядут, будутъ ходити человѣцы во дни, яко в нощи, и во свѣте ходяще, осезати будутъ, яко слепѣцъ, стену».[4]

Кто слышал, и кто видѣлъ от вѣка, волка стража овцамъ поставляти, и ядовитаго аспида дѣткам опекуна[5] творити? Воистинну сие не токмо предивнѣйше, но и тысящу крат горше: учеников Павла Самосацкого и Фотинуса, древних еретиков, давно уже проклятых и попраных от церкве Божии, во православных догматех сияюще, тако и такъ презлых — оборонительми и защитниками поставляти! То се убо, ерѣтицы предреченные и нынешнии, ученицы ихъ, не токмо Сына Божия ото Отча существа отлучаютъ, яко Арий, но и преждевѣчное рождество его, от Отца прият, точию от Марии начало ему полагающе; а пророческим гласом о преждевѣчном рождествѣ его и апостольскимъ проповѣданием не вѣрят и смеются прескверно! А Сына Божия, его глаголют пред простѣйшими и глупыми нашими, аки бы то мѣдом смертоносный яд помазующе и неправду злости своей тощею ихъ правдою покрывающе, яко на удѣ льщение рыбам рыбылов полагает. А такова Сына Божия разумѣют, яко Аарона и Самуила, и протчих человеков, по существу тления рожденных.

О, государю мой превозлюбленный! Паки не усрамишися и не устыдишся Христа твоего, присносущного, совечного и равного Отцу, Сына Божия, умершаго за нас плотию, искупившаго тя мирочистительною кровию своею? С таковыми дружитися, и собщатися, и ихъ на помощь призывати — подобно не токмо уже преслушавши, и уже негли и возгнушившися пророков и апостолов, ибо пророкъ глаголющь: «Ненавидяших ли тя, Господи, возненавидехъ, и о вразѣхъ твоих изумѣхся? Совершенною ненавистию возненавидѣхъ ихъ, и неприятели быша мнѣ»;[6] апостол великий вопиет: «Блюдитеся псов, хранитеся злых дѣлателей, расколовъ неверных»,[7] «тлят бо, — рече, — обычаи добрыя бѣседы злые»;[8] и инде: «Не вкуси, — рече, — не прикоснись, яже суть во истление».[9] А любовникъ твой, Мотовило, не токмо во всей прескверной книзе своей фалшивѣ пророческие словеса выкладает, паче же прескверне и грубно, и в конклюзии[10] тоето книги своей Христа проповѣдует паки преитти, и на тысящу лѣтъ еще тленное житие уставити вѣрнымъ своимъ, и ясти и питии, и под винницами[11] наслаждатися. А сие, подобно, и малые дѣтки вѣдают: гдѣ ядение и питие — тамо и истекание, сиирѣчь в ободва прохода, а и гдѣ истекание — тамо и тление, а гдѣ тление — тамо и дѣторождение. Новый Магмѣте! И еще прегорший — в догматех своих скверныхъ о Христе, нежели Магмет, бо и Магмет во алкоране не таковых о Христѣ и о Рождшей его хуление не полагаетъ, но сполу нѣяка исповѣдует.[12]

А моглъ бы ваша милость тую книгу, сваров и ядов смертоносных исполненную, дивно святому[13] своему Алексѣю даровати, бо он умѣетъ и тому искусен, яко за едовитые плюховыми[14] словѣсы и нечистыми глаголы равные отдавати. А мнѣ, слузѣ твоему вѣрному и приятелю присяжному, на что сей былъ в доме гной — бо люди из дому гной возятъ? Паче же душевныя и неисцельная гагрина, а по-вашему то «канцер», заразливы и неисцельный, от негоже ужъ мало не вся Волынь

заразилася и нѣисцелне болят, скверными догматы подущати? А писал бы от пророков и апостолов, вкратце бѣручи, на тые бретки того нового Фотинна; но праздно и туне, видѣло ми ся, премудрому Соломону глаголющему, иже не достоитъ бѣзумным, паче вконецъ растлѣнным, отвѣту;[15] такъже и Павел к Тимофѣю: «По первомъ, — рече, — и второмъ наказания, всякого человѣка еритика отрицатися, вѣдый, яко таковый развратился до конца и согрѣшаетъ, самъ в себѣ осужденъ»[16] — сииречь, поправши сумнение свое, или совѣсть безсрамне, и ни о комже радяща, всех святых премудрых учителей выше разумѣти мнящася, о ни толкования ихъ приемлюще, и не имѣюще пред очима страха Божия, на ногою главою, сиирѣчь безстыдне, толкует и выкладает, яко ему видится, яко и словеса его свѣтчат,[17] называюще римских епископов антихристовыхъ, что есть смѣху и преудивлению достойно пред теми, яже умъ имѣетъ.

А тую книгу посылал до вашей милости вцеле. А до вашего величества того ради дерзнух написати, ведый тя, иже княжа христианские, от святых и прародителей по роду влекомъ, жалатель праотеческого благочестия, и ктому муж разумен и отчасти во правоверных догматехъ искусенъ еси. Да претерпишь от друга верного, аще, господине, прикре[18] и жестовице обрящется, послѣдующе премудрого слову: «Лѣпше, рече, лоза приятеля, нежили ласкательные целования вражии»;[19] и инде: «Обличи, рече, премудра, и возлюбит тя» и протчии; и паки: «Покажи, рече, праведного», сиирѣчь напомяни, «и приложит приимати со благодарением»,[20] або завдячно, и прочие. А сего ради,[21] государю мой, мнѣ зѣло превозлюбленнѣйшъ и прижелательнѣйший, не прогнѣвайся о дерзновенном, яже воистинну любви ради духовныя написано, и приими сие от мене, слуги твоего вѣрного, со христоподобною[22] кротостию. А ктому возвесели общего царя нашего, Христа, Бога нашего: престани уже дружитися с теми неприятельми[23] его прелукавыми и презлыми, ибо никтоже может другъ царевъ быти, кто с неприятельми его дружбу ведетъ или кто ихъ у себя ховает, яко за днарами[24] змиев. И трикратне молю ти ся: престани, уподобляюся праотецъ твоих ревности благочестия, отжени ихъ ко подобнымъ имъ, «не вкушай, ни прикоснися, яже суть во истлѣние»,[25] аще хощеши Христа твоего помощь в дому имѣти. Отъжени, глаголю, прелютых и прелукавых ругателей, да будеши от него благословен и возлюбленъ со всемъ домом твоимъ княжацкимъ в тѣмъ вѣце и в грядущемъ. Аминь.

---

[1] *На поле:* О нужда. *...нензда...* — В рукописи «неизда», испорч. от западнорусизма «нендза». Испр. по изд. Кунцевича.

[2] *...стултицею...* — Испорч. от латинск. stultiloquentia — глупые речи, вздор.

[3] *...полуверных латинов...* — Определение Курбским католиков как «полуверных», в то время как протестантов он считал исчадиями ада,

позволяет уяснить его отношение к обеим конфессиям. Впрочем, это корректно с догматической точки зрения: католики — заблудшие христиане, а лютеране — еретики. Значительная часть местной православной элиты во главе с князем Константином Острожским готова была в духе Варшавской конфедерации идти на союз с протестантами, чтобы вместе с ними противостоять контрреформации.

[4] *«Се, дние... стену».* — Исход. 59, 9—10.

[5] *На поле:* пѣстуна.

[6] *«Ненавидящих ... быша мнѣ»...* — Пс. 138, 21—22.

[7] *«Блюдитеся... неверных»...* — Фил. 3, 2.

[8] *...«тлят бо... злые»...* — I Кор. 15, 33.

[9] *«Не вкуси... во истление».* — Кол. 2, 21—22.

[10] *На поле:* во окончении.

[11] *На поле:* под древесы.

[12] *...Магмет... исповедует.* — Ср., напр., гл. 3 Корана «Семейство Имрана» и гл. 4 «Жены».

[13] *...дивно святому ...* — В рукописи «дино свету». Испр. по изд. Кунцевича.

[14] *На поле:* скверными.

[15] *...не достоитъ... отвѣту...* — Ср. Сир. 22, 12.

[16] *«По первомъ... осужденъ»...* — Тит. 3, 10.

[17] *На поле:* свидѣтельствуют.

[18] *На поле:* трудно.

[19] *«Лѣпше... вражии»...* — Ср. Притч. 27, 6.

[20] *«Покажи... со благодарением»...* — Ср. Притч. 9, 8—9.

[21] *...ради...* — В рукописи отсутствует. Восст. по изд. Кунцевича.

[22] *...христоподобною...* — В рукописи «христопреподобного». Испр. по изд. Кунцевича.

[23] *На поле:* супустаты.

[24] *...за днарами...* — Так в рукописи. Вероятно, испорч. «за дверями».

[25] *...«не вкушай... во истлѣние»...* — Ср. Кол. 2, 21—22.

ПЕРЕВОД

ПИСЬМО КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО КНЯЗЮ ВОЕВОДЕ КИЕВСКОМУ

Не могу понять, как такое могло случиться с вашей милостью. Прислал мне ваша милость книгу, написанную сыном Дьявола, сочиненную явным врагом нашего Христа, а правильнее сказать, помощником Антихриста и его верным слугой! Неужели мне, правоверному христианину, своему названному брату, ваша милость шлет это в качестве подарка! О, беда, воистину достойная слез! О, горестная печаль! В какие дерзости и глупости окунулись христианские начальники, если не только не боятся кормить и прятать в своих домах таких ядовитых драконов, но и считают их защитниками веры и своими помощниками. А что удивительнее всего — считают своими духовными этих духовных бесов! Поручают им защищать Божью церковь и повелевают писать книги против полуверных латинян! О, наша слепота и безумие! Пророк говорит: «Идут времена, когда будут люди спотыкаться в полдень, словно во тьме, и днем будут ощупывать стену, словно слепые».

Кто когда-либо слышал или видел, чтобы волка поставляли сторожем для овец, а ядовитого змея назначали опекуном для детей? Призывать на помощь и делать своими защитниками последователей Павла Самосатского и Фотина, этих древних, давно уже проклятых и поверженных еретиков, после которых церковь снова уже просияла догматами правоверия, — это не просто странно, но в тысячу раз хуже! Ведь эти их последователи, нынешние еретики, не только подобно Арию отделяют сущность Божьего Сына от сущности Отца, но и опровергают его предвечное рождение, воспринятое от Отца, и связывают его начало с Марией; словам же пророков и проповедям апостолов о его предвечном рождении они не верят и осмеивают их самым скверным образом! А имя Сына Божьего употребляют, чтобы во время бесед с теми из наших, кто попроще да поглупее, скрывать этой худой правдой свою злостную неправду, словно медом смазывая свой смертоносный яд, и использовать его подобно рыболову, насаживающему на крючок приманку для рыб. На самом же деле они считают, что Сын Божий такой же, как Аарон, Самуил и другие люди — смертный человек.

О, мой превозлюбленный государь! Неужели не устыдишься и не усрамишься своего Христа, Сына Божьего, предвечного, совечного и равного Отцу, умершего за нас плотью и искупившего твои грехи своей очищающей мир кровью? Дружить с такими и общаться, и призывать их на помощь — это значит не только не прислушиваться к сказанному пророками и апостолами, но и погнушаться ими, ибо вот что говорит пророк: «Мне ли не возненавидеть ненавидящих тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне»; а великий апостол восклицает: «Берегитесь псов,

берегитесь злых делателей и происков неверных», «ибо худые сообщества, — говорит, — развращают добрые нравы»; и еще: «Не прикасайся, — говорит, — не вкушай того, что истлевает от употребления». А твой любимец Мотовилло, мало того что всюду в своей нечестивой книге излагает неверно, а прежде всего невежественно и искаженно, слова пророков, но еще и утверждает в заключении ее, что не было еще пришествия Христа и оно только ожидается, и устанавливает для своих верных срок в тысячу лет, чтобы жить растленной жизнью, есть и пить, и наслаждаться под виноградной лозой. Но ведь даже малым детям известно: где еда и питье — там и истекание в оба прохода, где истекание — там и тление, а где тление — там и деторождение. Вот новый Магомет! И даже хуже Магомета со своими нечестивыми догматами о Христе, потому что даже у Магомета в Коране не найти подобных ругательств на Христа и Богородицу, которых он наполовину признает.

А мог бы ваша милость ту книгу, наполненную ругательствами и смертоносным ядом, дать своему Алексею, обладающему удивительной святостью и способному умело и по достоинству ответить на такие ядовитые, полные гнусных и нечестивых слов, речения. А мне, твоему верному слуге и другу, зачем нужен в доме этот навоз — ведь люди обычно вывозят навоз из дома? А точнее, зачем нужна эта душевная неизлечимая гангрена, а по-вашему «канцер», заразный и неизлечимый, который уже поразил почти всю Волынь, и она неизлечимо больна, развращаемая скверными догматами? Я бы мог, выбрав немного из слов пророков и апостолов, опровергнуть бред этого нового Фотина; но напрасно и впустую, мне кажется, были сказаны слова премудрого Соломона о том, что не подобает беседовать с безрассудным, а тем более с полным безумцем; и слова апостола Павла к Тимофею: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» — то есть, отвращайся того, кто, отбросив всякий стыд и совесть, не заботясь ни о ком, считая себя умнее всех премудрых святых учителей, не признавая их учений и не имея никакого страха Божия, проповедует свои бессмысленные или бесстыдные рассуждения по поводу римских епископов, которых он считает и называет, как свидетельствуют их слова, епископами Антихриста, а это странно и смешно всякому, кто имеет ум.

Эту книгу я отослал вашей милости в полном виде. А написать вашему величеству решился потому, что знаю тебя как князя, происходящего из святого христианского рода, как защитника праотеческого благочестия, да к тому же умного и достаточно опытного в догматах правоверия мужа. Может быть и больно, и жестоко тебе покажется, но ты стерпи слова верного друга, напоминающего тебе сказанное мудрецом: «Лучше укоризны от любящего, чем лживые поцелуи врага»; и в другом месте: «Обличай мудрого, и он возлюбит тебя», и далее: «Дай наставление мудрому», то есть напомни, «и он с благодарностью приумножит знание», и прочее. Так не прогневайся, мой любимый государь, за дерзость и прими с достойной Христа кротостью от меня, твоего верного слуги, это послание, написанное во имя духовной любви. И обрадуй Христа, твоего Бога и нашего общего царя: перестань

дружить с этими его хитрыми и злыми врагами, потому что не может быть другом царя тот, кто дружит с его врагами и прячет их у себя за дверями, этих змей. Трижды прошу тебя: вспомни ревностное благочестие твоих праотцев и остановись, отошли их к подобным им, «не вкушай, не прикасайся к тому, что истлевает от употребления», — если хочешь, чтобы помощь Христа была в твоем доме. Отошли, повторяю, злых и коварных ругателей и будешь им благословен и возлюблен вместе со всем твоим княжеским домом и в нынешнем веке, и в будущем. Аминь.

Послание Семену Седларю

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящем издании представлены почти все наиболее значительные послания Андрея Курбского. В рукописной традиции они бытуют, как правило, в составе так называемых «печерских сборников», сформировавшихся, скорее всего, в Псково-Печерском монастыре. Современное состояние исследований рукописной традиции этих посланий не позволяет, впрочем, говорить об этом с полной уверенностью. Кроме «печерских сборников» эти послания представлены также в «сборниках Курбского» (своего рода собраниях сочинений князя), в которые наряду с первыми четырьмя Посланиями входят Послания волынского периода, а также отрывки из его переводов и другие сочинения. Один из таких «сборников Курбского» положен в основу настоящего издания Посланий (Погод., 1494). Использованы также другие списки, что оговаривается отдельно в комментарии к каждому конкретному Посланию. Испорченные места и пропуски в рукописях восстанавливаются по изданию Г. З. Кунцевича (Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные. *РИБ.* Т. XXXI. СПб., 1914).

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНѢЙЦО КРАТКОЕ К СЕМѢНУ СЕДЛАРЮ, МЕЩЕНИНУ ЛВОВСКОМУ, МУЖУ ЧЕСТНОМУ, О ДУХОВНЫХ ВЕЩАХЪ ВОПРОШАЮЩЕМУ

О, превозлюбленный мой брате, правовѣриемъ украшенный! Епистолию твою приях и прочтох, и выразумѣхъ, и познахъ в тобѣ искры, от божественного огня возгорѣниемъ являемия.

Желел еси насъ от духовной вещии, ижъ нѣции разкольники, взявши пред себя упрямство, и от аригенен[1] будучи наквашени, пургатарию нѣкую утверждаютъ, сииречь чистельный огнь, гегеньне безконечной конецъ полагати хотяще и самого Христа, безконечную геенну проповѣдающаго, грѣшным намъ милостивнѣишии и премудрѣйшии

показующе. И на свидетельство ерѣси своей приводяще апостольское слово — яко писал еси к нам во епистолии своей, — идеже Павел глаголет коринфом: «Дѣла убо згорят, самъ же спасетца»,[2] аки бы «очищу ихъ» проповедалъ апостол. Твоя же честность, ревность ко благочестию имуще, хотящеся учителя вселенного толкования о семъ повѣдати, яже златыми усты протолковал Павловы епистолии, свыше благодать от животворящего Духа приемши. Желание твое исполнихом бѣз закоснения, не фолгуючи, или не щадячи старость и недуга, мнѣ належащего, и прочих приключившых ми ся напастей, вскоре преложихомъ от римского языка во словенской не токмо о семъ реченны виршъ, или стих, но всю целую бѣседу оную и со нравоучениемъ, и послахом ко твоей честности, брату моему любимому и другу единоверному, послушлив будучи во всемъ по любви духовной. А вашей милости прошу: приими сей мой подарок духовный завдячно[3] и внимай, читаючи себѣ, и услаждайся имъ со правоверными восточных церквей. А схизматиком оным не показуй того, а ни споруйся с ними — зело сварливы и упрямы. Бо и апостолъ великий не совѣтует сваритися, а ни супротивитися, пишущи ко апостолу Тимофѣю а сем, мужу, благодатии Духа исполненому сущу и пророчества дорованиемъ украшенному.

А проси от мене отца Мины, ижебы мя наведил,[4] или самъ почтися наведати[5] мя, прошу тя, в тѣх приключивших ми ся бедах. Аще бы могло быти, тогда, благодать Духа помощь призвавши, усты ко устом бѣседовати о том будемъ, како с ними подобает поступовати, да не возмогут противитися правде. Бо имъ есть обычай в том, зѣло искусными силогизмами поганских философов, смешавших ихъ со упорностию своею, истинее евангельской софититцками сопротивлятися и проповедь апостольскую разорити. О паче же на таковых нападают и сопротив тѣх возмогают, которые зброи оружие от Священного Писания аще и имѣють, а дѣйствовати ими не умѣют и сопротивлятися врагомъ неискусны. Мудрому или разумному довлѣетъ.

Дань з Милѣтович року 80, месяца генваря.

Андрѣй Курбавский и Ярославский

---

[1] *...от аригенен...* — Испорч. от «Ориген». Ориген (185—254), известнейший богослов и философ, чьи разыскания послужили основой для разработки позднейшими богословами (в частности Фомой Аквинским) догмата о чистилище, который был окончательно принят католической церковью на Флорентийском соборе в 1439 г.

[2] *«Дела... спасетца»...* — I Кор. 3, 15.

[3] *На поле:* благодарно.

[4] *На поле:* посѣтил.

[5] *...наведати...* — В рукописи «ненавидити». Западнорусизм «наведати» — навестить, не понятый переписчиком. Восст. по изд. Кунцевича.

ПЕРЕВОД

КРАТКОЕ ПОСЛАНИЕ СЕМЕНУ СЕДЛАРЮ, ЛЬВОВСКОМУ МЕЩАНИНУ, ПОЧТЕННОМУ МУЖУ, СПРАШИВАЮЩЕМУ О ДУХОВНЫХ ВЕЩАХ

О, превозлюбленный мой брат, украшенный правоверием! Я получил твое письмо, прочел его и распознал, увидел в тебе разгорающиеся искры божественного огня.

Ты нас спрашивал о духовных вещах, касающихся того, что некоторые упрямые раскольники, наученные последователями Оригена, твердят о существовании некоего чистилища, то есть очищающего огня, и тем самым хотят установить некоторый предел вечному мучению, а нам, грешным, хотят показаться мудрее и милостивее самого Христа, который говорит о вечном мучении. А в доказательство своей ереси, как ты нам писал в своем письме, приводят слова апостола Павла, обращенные к коринфянам: «Дело сгорит, а сам спасется», словно бы апостол проповедовал очищение. И, твоя честь, стремясь быть благочестивым, хочешь узнать, как толкует это место вселенский учитель Златоуст, который, приняв свыше благодать животворящего Духа, протолковал послания Павла. И вот я желание твое исполнил без промедления, не щадя своей старости и не думая о ней и о поразившей меня болезни, так же как и о других случившихся со мной бедах, и быстро перевел с латинского языка на славянский не только это место, или этот стих, но и всю беседу вместе с нравоучением и, подчиняясь во всем законам духовной любви, послал ее твоей чести, моему любимому брату и единоверному другу. А вашу милость прошу: прими этот мой духовный подарок благосклонно и изучай, читай его и наслаждайся вместе с правоверными восточной церкви. А тем схизматикам его не показывай и не вступай с ними в споры, потому что они очень бранливы и упрямы. Ведь и сам великий апостол в своем послании к Тимофею, мужу, наполненному благодатью Духа и украшенному даром пророчества, не советует пререкаться и спорить.

Попроси от моего имени отца Мину, чтобы он навестил меня, да и ты сам почти меня своим посещением, ибо я пребываю во множестве навалившихся на меня бед. И если это случится, то, призвав на помощь благодать Святого Духа, лицом к лицу побеседуем с тобой о том, как подобает вести себя с ними, чтобы они не смогли противостоять правде. Ведь у них так принято, чтобы, смешав весьма изощренные силлогизмы языческих философов со своим упрямством, и со своей софистикой, противиться евангельской истине и развращать евангельское учение. А больше всего они нападают на тех, кто имеет оружие Священного Писания, но не умеет им пользоваться и сопротивляться с его помощью врагам, и одолевают таковых. Мудрому и умному достаточно.

Дан в Миляновичах 80-го года, января месяца.

Андрей Курбский и Ярославский.

Предисловия к переводам Андрея Курбского

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

Предисловие к Новому Маргариту

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

Новый Маргарит, в который Курбский включил свои переводы из сочинений Иоанна Златоуста, представляет собой оригинальный сборник, который состоит из двух частей — триодной и минейной. По своей структуре он не имеет ничего общего с традиционным древнерусским сборником сочинений Златоуста — Маргаритом. Новый Маргарит сегодня известен только в двух списках. Один из них, хранящийся в Российской государственной библиотеке (собр. Ундольского, 187), дефектный: в нем отсутствуют первые 111 листов, в том числе и те, на которых должно было бы быть Предисловие. Другой список, полный, хранится в Вольфенбюттеле, в библиотеке герцога Августа (God-Guelf. 64—43. Extrav.). В 1976 г. Инга Ауэрбах начала издание этого списка. По ее изданию и публикуется Предисловие.

ОРИГИНАЛ

ПРЕДОСЛОВИЕ МНОГОГРЕШНАГО АНДРЕЯ ЯРОСЛАВСКАГО НА КНИГУ СИЮ, ДОСТОЙНУЮ НАРИЦАТИСЯ «НОВЫЙ МАРГАРИТ», В ТОЙЖЕ ОТЧАСТИ ЖАЛОСТЪНА И ПЛАЧУ ДОСТОЙНАЯ ИСТОРИЯ КРАТКА И О ПЛОДѢХЪ ЛАСКАТЕЛЕЙ. ГЛАВА 1

В лѣтехъ осмые тысещи вѣка зверинаго,[1] — яко глаголетъся во Апокалипси, «вожделѣют человѣцы смерти... и бежит от нихъ смерть», [2] — таковые намъ приключишася за грехи наши. — Что жъ таковое? И которая вина сицевымъ?

Изъгнанъну ми бывшу безъ правды от земли Божии, и въ странъстве пребывающу между человѣки тяжкими и зело негостелюбными, и х тому въ ересехъ разъличъныхъ разъвращенъми. А во отечестве, слышахъ, огнь мучительства прелютѣйши горящъ и гонениемъ попаляемъ людъ хрестиянскый без пощажения. И лютость кипяща презѣлная на народ хрестиянскый, горшая, нежели при древних мучителех, або при христоборных июдѣех. Тамо бо аще и на Христа

нашего всяко безчеловѣчие ярости изливаемо, но женский род пощажен был, яко о Богородице при кресте и мироносицах повѣствованно, также и о прочых, послуживших ко погребению Христову. Нынѣ же толико от ласкателей,[3] от сожителницы бѣсовские подгреваемых, царь бысть возверзенъ — не токмо мужей нарочитых и свѣтлых чиновников, албо воинов крѣпких, но и жен, благообразных и пресвѣтлых в родѣх, погубил различными муками. И младенцов въ первом възрасте и в мяхком телеси, и сущих от сесцов матеръных, не пощадил. И не ста ему ярость звѣрства. До того разгнѣвався туне на сановитых — не точию их заглади вовсеродно, но и обитания их,[4] и веси, и села со живущими их убогими подручними, со женами, з дѣтками всеродно погубляти повелевает нѣяких воином безчеловѣчнейших, на то възбранным от него, горши димиев,[5] нареченным от него кромѣшником. И хтому еще совѣтует ласкатели явственно з самым Сатаною против закона Божиа. В законе Божии глаголетъ: «Да не понесет сын грехов отца своего, а ни отецъ грехов сына своего, каждый во своем греси умрет и по своей вине понесетъ казнь».[6] А ласкатели[7] советуют, аще кого оклевещут и повиннымъ сотворят, и праведника грѣшникомъ учинят, и измѣнником нарекут по ихъ обыкновенному слову, — не токмо того без суда осуждаютъ и казни предают, но и до трех поколений от отца и от матери по роду влекомых осужают и казнятъ, и всеродно погубляют. Не токмо единоколѣнных,[8] но аще и знаем был, и сусѣд, и мало ко дружбе причастен, иже в незамирение — и бещисленные зла, гнѣвъ непримирительный и крови пролитные производять на неповинных.

А пророкъ глаголетъ,[9] паче же Богъ пророкомъ: «Не закасняй[10] праздень, а ни изнуряй лѣтъ младых во отечестве, но гряди до земель чуждых, узри сотворение твоего Создателя, разсмотри дѣла человѣческие на свѣте, навыкни обычаем добрымъ и возратися во отечество богат и плодовит, — не богацтвы тлѣющими богатъ, но нетлѣнными, сиречь, душевными нравы, и плодовит добротами».[11] А совѣты ласкателей повелевают и заклинанми обвязуют, явственъне съпротивляяся пророку, не преходити а ни за границу до чужыхъ странъ, затворяюще аки твердыне адове свободное[12] естество (чрез законъ Божий), то есть[13] по образу и по подобию Божию сотвореннаго человѣка. И яко свинямъ, во хлевине запертымъ, питатися узаконяют неволителне.

Господь повелевает[14] не клятися ни небом, ни землею, ни иными клятвами, но точию доволствовати ко вѣрности: еже «ей, ей», еже «ни, ни».[15] Ласкатели совѣтуют, крестъ чесный положа, албо Еуаггелие, и написавши исповѣдь со твердымъ обещанием и со проклинанием, отбвезоваютъ[16] мучителю работами и вечною неволею, принуждают окоянных и оплетают неволителне лехкоумие их.

Господь глаголет, научающе: «Совершеннѣйшей любви душу за други полагати».[17] А ласкатели совѣтуют при присезе[18] окаянным не знатися не токмо съ други и ближними, но и самых родителей, и брат, и сестръ отрицатися, но точию мучительскую скверную тайну хранити и во всем, против совести и Бога, волю его исполняти.

Господь повелевает врагов любити и гонящих благословляти, злодѣйствующих не отомщевати.[19] А ласкатели совѣтуют при присязе друговъ ненавидети, неповинных обидети и грабити, доброхотствующих и душу за царя и за общую вещъ[20] полагающих закалати, яко агнецовъ, и различними смертьми разтерзати. Не палачами[21] таковые дѣйствующе, но самым руки кровавить и рѣзати человѣковъ по составом. На таковых всѣх и такъ прескверънѣйшихъ дѣлехъ присегати[22] повелевают и страшным знамением Христа нашего таковые утвержают и печатлѣют и сицевые претягчайшие, и звѣрем неподобные дѣла. А что глаголю звѣрем. А ни самым дѣмоном! Бо и бѣси бѣсов любят, точию злости их на человѣческом роде исполняют. Таковы добры думы[23] ласкателей, отворящему цареви уши имъ! Удобнѣйше смрад безумному нѣкоему печатати златымъ перъстенем, нежели печатью Христа нашего таковые прескверънѣйшие печатлѣти.

Что же по сих? И во яковые прибытки производятся совѣты ласкателей?[24] И послушающей их царь что получает? И яко въ возмездие от Бога приемлеть, умиленное и жалостное ко слышанию (егда наши малые остатечные отечества разорил и овые собѣ побралъ, овые варваром подавал)? Тогда Богъ воскоре на отомщение въстает и, не обинувся, воздает (еще ко исправлению подвижуще человѣка преступлешаго). Град Москву, многонародный и преславный въ вселенной, варваръскими руками сожьжен быти внезаапу попущается;[25] и за два, або за тры часы зельним пламенемъ потребляется со множайшими церквами Божиими и со бещисленными народы хрестиянскими, и с чиноначалники обоих чиновъ, мирскаго и духовнаго; внезапу, аки берние по пути, поглажается умиленъне и слезне. Окресные же веси и грады пленятся, и множество святых монастырей разгоряется, и во пленъ люду хрестиянского бещисленные множества, аки скоти, чредами гонятся.

Ибо воскоре безчеловѣчие царево и единонравных его от Бога обличается на образ хотящим беззаконовати. Таковые он мзды ему служащим воздалъ, так отечество украсилъ, так ко единоколѣнным доброт показалъ, таковую ко единоязычнымъ ему любовъ простеръ! Таковые суть ласкателей[26] плоды и таковы полезны совѣты, и в таково зло возрастают, безпрестанне ложные во уши царей шепъчуще.

И мнѣ же, нещасливому, что воздалъ? Матерь ми и жену, и отрочка единаго, сына моего, в заточению затворенных, троскою поморил. Братию мою, единоколенных княжат ярославских, различними смертьми поморилъ, служащих ему вѣрне, имѣния мои и их разграбил. И над то всегорчайшего, от любимаго отечества изгнал, от другов прелюбезных разлучилъ.

И не до настоящих яростию сталъ, но и к невещественным сказати устремляется. Звѣзды с небеси совлащити тщится, сиречь, мучеников веньцов отлучати, и прогнанных и изообиженныхъ мздовъздаяния от праведнаго Судьи лишати умышляет. — Што се естъ таковое дивное глаголешъ? — Митрополиту своему преуродивому, и не точию от патриярха не херотоннисанному, с подобними ему епископы законнопреступними и во всем злостем его согласающими, но и от

Филипа, митрополита[27] преже бывшаго, новоявленнаго священомученика, запрещен и не благословен, мучителски на престолъ наскочилъ.[28] Тѣхъ всѣх избиенныхъ от него различними муками, во церквах, на амвоны вошедше, кляти повелевает (таковым в ризи святителские оболченным зверем), и от хрестиянские части отлучати мучеников тщатся; что все в день нелицемѣрнаго, праведнаго суда Христова на главы их обратится. И инъших же злых, еже слышах и видѣх, на целую книгу не исписалъ быхъ. Мню, иже человѣкъ бы сего зла человѣком не возмогъ сотворити, но сам Дьяволъ, рыкающей яко левъ и ярящийся прелютейше на род хрестиянский, разрешенъ уже будуще от темницы своее и пущенный на прельщение языков, имея ярость велию. Змий[29] онъ превеликий, имѣюще брань со святыми и възвышающе опаш[30] свой на высоту, низлагающе с небеси третину звѣздъ небесных,[31] то есть человѣковъ нарочитых и властелей хрестиянских, в высоких догматех и в жительстве священнолѣпном, последи же разслабившихся и славу мира сего възлюбивше, и волею своею под его власть покорившихся, низложил на землю.[32] То есть[33] в волю его живых уловилъ. И дѣйствует уже ими елико хощет, яко сосуды своими, Богу попущающу по неизреченным судьбам его. А избранных своих Богъ (до конца претерпѣвших) здѣ искушающе, аки злато в горниле.

Азъ же вся сия вѣдѣхъ и слышах, и бых объят жалостию и стисняем отовсюду унинием, и снѣдающе тѣ нестерпимые предреченныи беды, яко моль, сердце мое. Помянухъ же и обращахся в скорбехъ ко Господу моему со воздыхании тяжкими и со слезами, просяще помощи и заступления, да отовратит гнѣв свой и их, и да не презрит унением потребитися.

И утешающи ми ся въ книжных дѣлех, и разумы высочайших древних мужей прохождах. Прочитах, разсмотрях физические,[34] и обучахся, и навыках еттических.[35] Часто же обращахся и прочитах сродные мои Священные Писания, имиже праотцы мои были по душе воспитанны. И случило ми ся, часто внимающе в них, вспамятати о преподобном Максиме, новом исповѣднику, ибо прилучило ми ся с ним нѣкогда бесѣдовати. И вопросих его о книгах великих учителей наших въсточных,[36] если бы всѣ преведенны были от грецка языка въ словенски. И гдѣ суть? Если у серъбовъ, альбо у болгорув суть, або у иных языков словенских? Онъ же отвещал ми, ижь не праведны[37] суть во словенский, но в грецком всѣ обретаются. А не токмо во словенский, но ни в латинский языкъ не дозволенны были преложитися. Аще и зело их римляня жалали, и многие прошения о том чинили, но грецкими цесарми было зраняемо сие им и никакоже попущаемо. «Не вѣм, — реклъ, — чего ради». Даже до царствующаго града взятся. А егда обстом былъ Константинов град от безбожных турковъ, и цесару Константинъ, послѣдний, вѣдѣл беду, належащую на град многую и нестерпимую, сам с воинъством ополчашеся против турков, броняще стѣн града да иже до смерти. А царицу свою со всею казною[38] и со газофилякиею книжною выпустил на Бѣлое море в кораблѣх до Родиса и до Венацѣи. Егда же, грѣх ради хрестиянских, Константинов град по Божию праведному суду преданъ под власть безбожных турковъ, и святилище великое Божии Премудрости[39] оскверненно суще, и

олтаръ великий опровръжен, патриярхъ Анастасий и презвитери, и вси клирицы от церкви отогнанны, и в плѣнъ, и в работу взяти. Послѣди же патриярхъ от рук их утече с нѣкоими презвитеры и дияконы до Венацѣи, и зъ собою всю газофилякию[40] церковную изнесе. Венеты же, видѣвъ давно желателное в руках их, все оставя, яшеся вседушне за книги учителей въсточнихъ церквей. И посаждают дву презвитеровъ софѣйских и Петра архидиякона, мужей не точию въ Священныхъ Писаниях и искусных, но и внѣшную философию навыкших. И хтому придают им въ помощъ своих премудрых. И преводят книги всѣх учителей нашихъ, елико их обрели, от еллинскые бесѣды на римскую по чину и разуму грамотическому, не отмѣняюще ни малѣйше. И, преложивше на языкъ свой, дают в друкъ[41] и размножают много, и посылают, продавающе их лехкою ценою, не точию въ Италию, но и по всѣм странам западным на исправление и просвѣщение народов хрестиянских. Тѣ[42] Максим повѣдал ми. Аз же сие слышах от превозлюбленнаго учителя моего з самых его преподобных уст.

И приехавъ мнѣ уже ту ото отечества моего, со жаланием потщахся латиньску языку приучатися, того ради, ижбы моглъ преложити на свой языкъ, что еще не преложено. Ижь наших учителей чуждые наслажаются, а мы гладом духовным таем, на свои зряще. И того ради немало лѣт изнурихъ в грамотических и в диалектических, и во прочих науках приучаяся. Егда уже по силе моей навыкох ихъ, тогда купихъ книги. И умолих юношу ко преводу (у негоже внѣшным наукам учихся) имянем Амъброжия,[43] от родителей хрестиянских роженна, зело в Писаниях и искусна суща, и верх философии внишныя достигша. И первие протолковах с ним з латинскаго в словенско всѣ главы с книг Златоустовых,[44] што онъ исправилъ, на сем свѣте будучи, трех ради вин.

Первая: да явится, колико праведеннаго[45] Златоустовых словес в наш словенский язык, и разсмотрится в них, коликое еще множество не преведенно.

Другая: негли возревнуют ревностию по Боже благоверные мужие, жалатели благочестия, и преложат сие на свой имъ язык, тую ненаситимую доброту, каплющую от златаго языка духовную благодать, в похвалу и в память свою и родов их.

Третяя вина: иже нѣкоторые поетове[46] и многие еритицы написали повѣсти и слова нѣкоторые на прелыщение и на наругание хрестиянское, наипаче же преуродивый Еремия, поп болгорский, еретик манетовы ереси,[47] вѣдаючи того преславнаго учителя ото всех любимая и похваляема, и покриваючи своими имяна, подписали титул его ко своим словесем, да удобне приймутся имяни его ради. И аще нѣхто разсмотрит в реистре сем, тогда обличается, аще суть Златоустовых, або ни.

Азъ же, разсмотривъ главъ сих,[48] и хотѣхъ со жаланием устремитися на епистолии Павла, от него протолкованные, ижбы их моглъ склонити на словенский от латинска. И исках мужей, словенским языком книжным добре умѣющих, и не возмогохъ обрести. Аще и елицых

обретох мнихов и мирскихъ — не возхотѣша помощи ми. Мниси отрекошася, уничажающеся непохвальне — не глаголю — лицемерне, або лѣностьне, от того достохвальнаго дѣла. Мирские не восхотѣша, объяты будучи суетными мира сего, и подавляюще сѣмя благовѣрия тернием и осотом. Аз же бояхся, ижь от младости не до конца навыкох книжнаго словенъскаго языка, понеже безпрестанне обращахъся и лѣта изнурях, за повелением царевым, в чину стратилацкове, потом в синглицкомъ. Исправлях дѣла овогда судебные, овогда совѣтнические, [49] многожды же и частократ с воинством ополчахся против врагов креста Христова.

Также и ту приехавъ, принужден бых кролем ко службам его въенным. И егда упразнихся от нихъ, ненавысные и лукавые сусѣди прекаждаху ми дѣло сие, лакомством[50] и завистию движими, хотяще ми выдрати данное ми имѣне з ласки королевские на препитание. Не только то отъяти и пожрети хотяще, многие ради зависти, но и крови моей насытитися желающе. Понеже уже и слуги моего[51] и брата превозлюбленнаго и вѣрнаго кровъ пролияша, и внезапу от жизни сея разлучиша, мужа, не точию в военных вещах крепкаго и искуснаго, но и в разумѣ свѣтлаго, который здравие мое от гонения на своей вые вынес со другими слугами. И того ради воспящахся от того великаго дѣла до времяни.

А всяко покусихся с предреченным оным, с наученѣйшим юношею, нѣкои от словес его преложити, кои еще в словенском никогдаже были преведенны. То есть,[52] слова преведох на великие празники Владычни, елико их обрѣтох, и других немало, в таковых бедах и в напастех пребывая, и по силе моей. И склонях спадки[53] и роды, и образцы, и часы, и иные грамотические чыны неотменне и истинне. Так и разума нигдѣже разтлѣх, бо престерегах того со великим трудом и прилежанием. Также и знаки книжным обычаем поставлях. И аще гдѣ погреших в чом, — то есть,[54] не памятаючи книжных пословиц словенских, лѣпотами украшенных, и вместо того гдѣ-буде простую пословицу введох, — пречитающи ми, молюся с любовию и христоподобною кротостию — да исправятся. Ибо и со Павлом дерзну рещи: «Аще и невѣжда есми словом, но не разумом».[55] Аще ли хто въсхощет спадки и часы, и прочие чыны предреченные грамотические исправляти — Господи Боже, дай таковый обрелся. Может, и зело может исправляти, хто искусен в грамотѣческих чинѣх, и во прочиих науках совершенъ, нежели аз. Аще ли хто тѣх неискусен будучи, да не дръзнет исправляти, понеже препортит и растлит, а исправляти не может. Но первие да учится, искусится трудолюбне многѣми лѣты, да навыкаетъ. И потом иных учит, и Писания исправляет. Ибо варваръ не может философских разумѣти, также и неученых учити, и неискусные ремеслу — ремесленные художества устрояти и дѣлати не могут.

Всяко сопротивное сопротивным вкупе пребывати не может. А ижъ нечистота чистотѣ сопротивна, того ради, не очистився, очищати других не может. Несовершенъ будучи сам, учити иных не может. А еже неискусным — нѣсть совершенъ, того ради иных учити не можетъ. Всяк, искусився словесных и дѣлателных — совершен есть. А всяк, совершенный во учениях словенских и свидѣтельствованный в дѣлех

добрых — уже искусен. А про то[56] иных учити, просвещати может, яко от сокровища духовнаго уже подающе и умножающе талантъ, ему вданный от Христа, Бога нашего.

---

[1] *На поле:* Зри во Апокалипсѣ: «Звѣрь осмый есть». То же есть во осмой тисещи вящей злостию возмогает, аще и не родился еще, Антихрист, — всяко уже на праге дверей широких и пространных, и з стаинники, помогающими ему, действует. «От седми в пагубу будет, идет», и прочие тамъ разсмотряй, духовъне разумѣй.

[2] *«вожделѣют... смерть»...* — Ср. Апок. 9, 6.

[3] *На поле:* От потаковников, альбо от похлебников.

[4] *На поле:* дворы их, альбо домы.

[5] *На поле:* Димий — грецка пословица, а по-руску — палачи або каты.

[6] *«Да не понесет... казнь».* — Ср. Лев. 19, 17.

[7] *На поле:* а потаковники.

[8] *На поле:* южиковъ.

[9] *А пророкъ глаголетъ...* — Ср. Сир. 6, 18—37.

[10] *На поле:* Исус Сирахов.

[11] *На поле:* цнотами.

[12] *На поле:* вольное.

[13] *На поле:* сиречь.

[14] *Господь повелевает...* — Ср. Мф. 5, 34—37.

[15] *На поле:* так, так; ни так, ни так.

[16] *...отбвезоваютъ...* — Так в рукописи.

[17] *«Совершеннѣйшей... полагати».* — Ср. Иоан. 15, 13.

[18] *На поле:* при целованию креста або Еуаггелия.

[19] *Господь... отомщевати.* — Ср. Мф. 5, 44; Лк. 6, 27.

[20] *На поле:* за посполитую рѣчь.

[21] *На поле:* не каты.

[22] *На поле:* крестъ цѣловати.

[23] *На поле:* совѣты, або рады.

[24] *На поле:* По их слову московскому — «маняков», або «потаковников», а ту обыкли их нарицати «похлѣбники».

[25] *Град Москву... попущается...* — Курбский имеет в виду знаменитый московский пожар 1571 г., когда крымский хан Девлет-Гирей во главе 120-тысячного войска совершил опустошительный набег на Русь и сжег Москву.

[26] *На поле:* Сказ, стихи нѣяких премудрыхъ о плодѣхъ ласкателей: «Ни единъ прищъ повѣтренный во кролевстве горши над ласкателя. Ни единое безсловесное прелютейше над похлѣбника. Лучше есть впасти вмежу вранов (в рукописи — «врагов», испр. по смыслу), нежели маньяковъ, овые бо ядят мертвых, а тѣ живых».

[27] *На поле:* Се, архиепископъ Филипъ от роду велика был. И от младости все оставя, взем крестъ, последовахуся, и вящей тридесети лѣтъ мнишествовал и в посте провосиялъ. Последи же, на престолъ возведен руские митрополии. И глагола о свѣдѣнии Господних, так пред лютым, безчеловѣчным царем, ни в чесомже стыдящеся, обличающе его, о неправдах и о кровопийствах. И того ради многие, над обычай неслыханные бещестия и муки притерпѣлъ от него. Послѣди же удавлен повелением его. Так от Христа священномученичества венец принялъ, егоже ради и пострадалъ.

[28] *...Филипа... наскочилъ.* — Митрополит Филипп, в миру Федор Степанович Колычев (1507—1569), был возведен в сан в 1566 г. Еще до избрания митрополитом он обличал царя за бесчинства, творимые опричниками. Непреклонность митрополита в обличении царя побудила последнего организовать следствие по сбору компрометирующего материала, что и было сделано путем подлогов и угроз. 8 ноября 1568 г. во время богослужения в Успенском соборе явившиеся туда опричники во главе с Федором Басмановым произнесли соборный приговор и лишили митрополита святительских одежд. Окончательно митрополит был заточен в Тверской Отроч монастырь. Во время похода царя на Новгород посланный в монастырь Малюта Скуратов задушил митрополита в его келье. Тотчас же последовали репрессии против близких митрополиту людей, было казнено около десяти человек из рода Колычевых.

[29] *На поле:* драконъ. Зри во Апокалипси прилежне и прировнай тое пророчество нынѣшняго вѣка бесѣдамъ.

[30] *На поле:* хоботъ сиречъ.

[31] *...третину звездъ небесных...* — Ср. Апок. 8, 12.

[32] *На поле:* земными вещьми оплелъ.

[33] *На поле:* сиреч.

[34] *На поле:* «Физика» есть книга аристотельская, коя в собѣ замыкает прироженную, або естественную, философию, и есть зело премудро.

[35] *На поле:* Также и «Еттика», десет книг аристотельских, кои научают наилепше философии, сиречь обычае любомудрия, и человѣческому роду наипаче зело потребнѣйша.

[36] *На поле:* О книгах великих учителей наших въсточных сказ. О тѣх-то книгах учителей наших восточных много лѣт стужали моленми многими и прошенми западные царие с самым папою их на препись у царей грецких и у патриярховъ наших (и никакоже, николиже пулучиша их от них). Послѣдиже торговаше их многою ценою. Нѣции глаголют — за кождый лист давали им по червоному златому, а нѣции поведают, иже по коруне, яже по три златыхъ червоных важит. А ни за таковую цѣну даша им, и подобно, древняго ради свару, или премногие ради зависти. А потом, по Божию попущению, все сами им в руки привезли их. Нам же нынѣ, благодати ради Христовы, без всякие цѣны, даром приведенна немалая часть от них на наш язык словенский — ово Максимом Философом и Селиваном, учеником его, ово мною, многогрешнымъ, с помощники моими, учеными мужеми, искусными толковники в римской бесѣде. Боже, да и читаеми были со потщанием и со охотою. Без цены, даром просвѣщаетеся по душах своих независтне.

[37] *...не праведны...* — Так в рукописи.

[38] *На поле:* скарбом.

[39] *На поле:* Софии.

[40] *На поле:* либрарию, або книгохранителницу.

[41] *На поле:* на печатование.

[42] *На поле:* сие.

[43] *На поле:* Амъброжия. *...Амъброжия...* — Возможно, переводчик Хроники Мартина Бельского на белорусский язык Амброжий Бжежевский. См. также Послание Марку Сарыхозину.

[44] *И первие... Златоустовых...* — Оглавление сочинений Иоанна Златоуста, переведенное Курбским на русский язык (возможно, с издания Эразма Роттердамского), также включено им в состав Нового Маргарита.

[45] *...праведеннаго...* — Так в рукописи.

[46] *На поле:* Нѣкоторые поетове, складающе прекрасные словеса и полезные, и таяще имяна свои, подписовалися Златаустовым титулом,

что есть непохвально и тщеславно. Зрится — чужимъ румянцом украшатися.

[47] *...Еремия... манетовы ереси...* — Болгарский поп Иеремия, один из проповедников неоманихейской богомильской ереси в Болгарии (X в.). Ср. также Второе послание Вассиану Муромцеву.

[48] *На поле:* В главах сих те-тое епистоли, нѣции глаголют, толкующе Златауста патриярхом уже будуще в Константинополю, егда его вдѣлъ проклъсынгел его, Павла ему апостола во ухо шепчуща.

[49] *Исправлях... совѣтнические...* — В Москве Курбский был известен не только как храбрый военачальник. В 1556—1557 гг. он принимал участие в проведении политики «избранной рады» — проводил смотр служилых людей в Муроме, участвовал в определении размеров поместных окладов дворян. В 1556 г., 28 лет от роду, Курбский был пожалован боярским чином.

[50] *На поле:* миролюбием, або сребролюбием.

[51] *На поле:* имѣанием Иоанна, Канымета наречением. *Иоанн Калымет* — один из близких Курбскому людей, с которыми он бежал в Литву.

[52] *На поле:* сиречь.

[53] *На поле:* казусы, або склонения, фигуры и времяна.

[54] *На поле:* сиречь.

[55] *«Аще... не разумом».* — Ср. 2 Кор. 11, 6.

[56] *На поле:* того ради.

ПЕРЕВОД

ПРЕДИСЛОВИЕ МНОГОГРЕШНОГО АНДРЕЯ ЯРОСЛАВСКОГО К ЭТОЙ КНИГЕ, КОТОРУЮ МОЖНО НАЗВАТЬ «НОВЫЙ МАРГАРИТ». В НЕЙ ЧАСТИЧНО СОДЕРЖИТСЯ ГРУСТНАЯ, ДОСТОЙНАЯ СЛЕЗ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О ПЛОДАХ, КОТОРЫЕ ПРИНОСЯТ ЛЬСТЕЦЫ. ГЛАВА 1

В восьмитысячных годах звериного века, — как сказано в Апокалипсисе, «люди будут искать смерти... но смерть убежит от них», — вот что случилось с нами за наши грехи. — Что же? И какая тому причина?

Изгнан я был несправедливо из Божьей земли и скитался среди грешных и весьма негостеприимных людей, развращенных к тому же различными ересями. А в отечестве, слышал я, горит жесточайший огонь мучений, и народ христианский сгорает в нем, преследуемый беспощадными гонениями. И вскипает величайшая злоба на христиан, даже большая, чем при древних мучителях или христоборных иудеях. Там хоть и изливалась нечеловеческая ярость на нашего Христа, но,

однако, женский род был пощажен, как это видно из повествования о Богородице при кресте и о женах мироносицах, а также о других, погребавших Христа. Теперь же царь настолько разъярен льстецами, подстрекаемыми его дьявольской сожительницей, — что не только знаменитых мужей и светлых чиновников, и храбрых воинов, но и благообразных и благородных жен погубил различными мучениями. И даже новорожденных младенцев, еще не окрепших и питающихся от материнской груди, не пощадил. И не иссяк его звериный гнев. До того разгневался беспричинно на сановитых, что не только погубил их вместе с целыми их родами, но даже и жилища их, и деревни, и села вместе с живущими там убогими их слугами, женами и детьми — всех повелевает уничтожать всеродно своим бесчеловечнейшим, хуже димиев, воинам, как раз для этого им и отобранных и названных им опричниками. А льстецы, явно действуя заодно с самим сатаной, побуждают его своими советами нарушать закон Божий. В законе Божьем сказано: «Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление». У них же, если по наущениям льстецов кого-либо оклевещут и обвинят, сделают праведника грешником и назовут его, по своему обыкновению, изменником, — то не только его самого осуждают без суда и предают казни, но и всех его потомков до трех поколений по отцовской и по материнской линии осуждают и казнят, и уничтожают целые роды. И не только на сородичей, но и на знакомых, и на соседей, и даже на недругов, пребывающих в ссоре, — на всех невинных обрушивают бесчисленные злодеяния, непримиримый гнев и проливают их кровь.

Пророк, или Бог устами пророка, советует не закосневать в безделии и не растрачивать напрасно молодых лет в своем отечестве, а идти в другие страны, чтобы увидеть творение своего Создателя, рассмотреть дела человеческие на свете, научиться хорошим обычаям и вернуться к себе в отечество богатым и плодовитым, — не богатством тленным богатым, но нетленным душевными свойствами и плодовитым добрыми нравами. Льстецы же своими советами, явно противясь пророку, принуждают, связав клятвенными обещаниями, не переходить границу и не идти в другие страны и затворяют, словно в адской твердыне, свободное естество (по закону Божию), то есть человека, созданного по образу и подобию Бога. И словно свиней, запертых в хлеву, заставляют питаться в неволе.

Господь повелевает не клясться в верности ни небом, ни землей, ни иными клятвами, но обходиться только словами: «Да, да; нет, нет». Льстецы же своими советами оплетают несчастных легкоумных и понуждают их перед честным крестом или перед Евангелием открыто подписать свои обещания и клятвы, и отдают их, таким образом, в рабство и в вечную неволю мучителю.

Господь говорит, поучая: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». А льстецы заставляют несчастных под присягой отречься не только от друзей и близких, но даже и от родителей, и от братьев и сестер, и принуждают служить одному только

мучителю, хранить его скверную тайну и во всем исполнять его волю, идя против совести и Бога.

Господь повелевает любить врагов ваших и благословлять гонящих вас, и не мстить врагам. Льстецы же под присягой заставляют ненавидеть друзей, обижать и грабить невинных, а верных и отдающих свою душу за царя и за общее дело закалывать, словно неповинных агнцев, и предавать всех различным казням. И делают все это не руками палачей, но сами руки свои кровавят и режут людей на части. И вынуждают присягать в верности во всех этих отвратительнейших делах, подтверждать это грозным крестным знамением, а затем закрепляют печатью все эти злейшие, не свойственные даже зверям дела. Да что зверям? Даже самим демонам! Потому что даже бесы любят себе подобных, а злобу свою лишь на человеческий род изливают. Таковы добрые советы льстецов, которым царь отворяет свои уши! И не лучше ли какому-либо безумцу нечистоты запечатывать золотым перстнем, чем закреплять печатью нашего Христа такие отвратительнейшие клятвы.

А что же потом? И какую пользу приносят советы льстецов? И что получает прислушивающийся к ним царь? И какое возмездие, горестное и печальное, приемлет он от Бога (после того как разорил уже последние наши малые вотчины, взяв некоторые из них себе, а другие раздав варварам)? Тогда очень скоро Бог начинает мстить и сразу же воздает (еще предоставляя возможность исправиться преступившему человеку). Город Москва, многолюдный и известнейший во вселенной, по Божьему попущению сжигается руками варваров; за два или за три часа уничтожается огромным пламенем вместе со множеством Божьих церквей и вместе с бесчисленным христианским населением, и вместе с чиноначальниками обоих званий — мирского и духовного; внезапно, словно дорожная грязь, сравнивается с землей, что вызывает жалость и слезы. А окрестные деревни и города пленятся, и множество святых монастырей сжигается, бесчисленное же множество христианского люда, словно скот, стадами угоняется в плен.

Так очень скоро бесчеловечность царя и ему подобных обличается Богом в назидание тем, кто отступает от закона. Так-то царь отблагодарил своих слуг, так отечество украсил, так единоколенных облагодетельствовал, такую любовь к единоязычным своим проявил! Вот таковы плоды льстецов и таковы их полезные советы, и таковым злом оборачивается беспрестанно нашептываемая в уши царя ложь!

А меня, несчастного, как он отблагодарил? Мою мать и жену, и единственное дитя, сына моего, извел тоской, затворив в темнице. Моих единоколенных братьев, князей ярославских, служивших ему верно, погубил различными смертями, а имения их и мои разграбил. И что горестнее всего, прогнал меня из любимого отечества, разлучив с любимыми друзьями.

И не только на земные вещи обрушил свой гнев, но и на духовные нападает. Хочет звезды сорвать с небес, то есть мучеников лишить их

венцов, и помышляет о том, как бы отнять у прогнанных и у обиженных то, что они получили от праведного Судии. — Что за странные вещи ты говоришь? — Митрополит его преюродивый, вместе с подобными ему законопреступными епископами, пособниками его во всех злодеяниях, — не только не хиротонисанный патриархом, но запрещенный и не благословленный также прежним митрополитом Филиппом, новым священномучеником, — насильно захватил престол. И повелевает он своим зверям (одетым в священнические одежды) проклинать, взойдя на церковные амвоны, всех тех, кого он погубил различными мучительствами, и отлучать их от христианства; но в день нелицемерного, праведного суда Христова все это обратится на их головы. И не хватило бы даже целой книги, чтобы описать все то зло, которое я видел и о котором слышал. Думаю, что человек не в состоянии причинить столько бед людям. Это сам Дьявол, рычащий, словно лев, яростно и злобно, на человеческий род, выпущен уже из своей темницы на испытание народов. Этот огромный змей, сражаясь со святыми и высоко вздымая свой хвост, низвергает с высот треть небесных звезд, то есть знаменитых людей и христианских властителей, которые прежде отличались верностью священным догматам и вели праведную жизнь; впоследствии же, когда они расслабились и полюбили мирскую славу, и по своей воле подчинились ему, он низверг их на землю. То есть подчинил их своей воле и действует уже ими, словно своими орудиями, по невыразимому Божьему произволению. А своих избранников (до конца пострадавших) Бог испытывает здесь, словно золото в горниле.

Все это я видел и слышал, и был подавлен горем и унынием, и все эти нестерпимые беды, словно моль, точили мое сердце. И скорбно, с тяжелыми вздохами и со слезами, обращался я в молитвах к моему Господу, прося у него помощи и заступничества и чтобы он отвратил свой гнев и гнев этих святых и не позволил бы погибнуть от скорби.

Утешение себе я нашел в книжных делах, обратившись к разуму величайших древних мужей. Прочел и рассмотрел «Физику», изучил и усвоил «Этику». Часто брал я и перечитывал родное мое Священное Писание, на котором были духовно воспитаны мои предки. Изучая его, вспомнил я о преподобном Максиме, новом исповеднике, поскольку мне пришлось с ним однажды беседовать. Тогда я спросил его, все ли сочинения наших великих восточных учителей переведены с греческого языка на славянский. А если переведены, то где? У сербов ли, или у болгар, или же у других славянских народов? Он мне ответил, что они не переведены на славянский язык и существуют только на греческом. Но не только на славянский, а даже на латинский язык не позволили их перевести. И как ни стремились римляне заполучить эти книги, сколько ни просили об этом — византийские императоры отказывали им и не допустили этого. «Не знаю, — сказал, — почему». И так продолжалось вплоть до падения Константинополя. Когда же безбожные турки осадили Константинополь, то император Константин, понимая, что нависшая над городом страшная беда неотвратима, сам выступил с воинством против них и сражался на городских стенах, пока не погиб. А императрица и с ней вся казна и библиотека были отправлены на кораблях по Эгейскому морю на остров Родос и в

Венецию. Когда же в наказание за прегрешения христиан отдан был Константинополь Божьим произволением во власть безбожных турок, то великая церковь Премудрости Божией была осквернена, великий алтарь свергнут, а патриарх Анастасий, пресвитеры и все клирики изгнаны из церкви, пленены и отданы в рабство. Позже патриарх с некоторыми пресвитерами и диаконами смогли убежать от них в Венецию и увезли с собой всю церковную газофилякию. А венецианцы, увидев в своих руках то, что давно уже хотели получить, бросили все и тотчас же взялись за перевод книг учителей восточной церкви. Поручают это двум софийским пресвитерам и архидиакону Петру, мужам, не только знающим Священное Писание, но и обученным светской философии. А в помощь им дают своих ученых. И переводят они с греческого языка на латинский, соблюдая грамматические правила и не нарушая смысла, ничего не изменяя, все те книги, которые были привезены. Затем, переведя их на свой язык, отдают в тиснение, размножают в большом количестве и продают по низкой цене, рассылая их не только по Италии, но и по всем западным странам для исправления христианских народов. Все это рассказал мне Максим. Обо всем этом слышал я из уст самого преподобного, любимого моего учителя.

Приехав сюда из моего отечества, я с усердием принялся за изучение латинского языка с той целью, чтобы перевести на наш язык то, что еще не переведено. Ведь нашими учителями наслаждаются другие, а мы, глядя на них, погибаем от духовного голода. Именно поэтому немало лет изнурял я себя, обучаясь грамматике, диалектике и другим наукам. И когда уже изучил их, насколько это было в моих силах, тогда купил книги. А в помощники себе упросил юношу по имени Амброжий (у которого учился я светским наукам), сына христианских родителей, весьма сведущего в Священном Писании и постигшего также вершины светской учености. Прежде всего перевели мы с латинского языка на славянский оглавление всех сочинений Златоуста, написанных им самим, что вызвано тремя причинами.

Первая: чтобы стало ясно, сколько творений Златоуста переведено на славянский язык, а сколько еще не переведено.

Вторая: чтобы благоверные мужи, ревностно воспылав благочестием, перевели на наш язык, во славу себе и своим потомкам, эту неиссякаемую добродетель и духовную благодать, проистекающую от золотых уст.

Третья причина: некоторые писатели и еретики, особенно юродивый болгарский поп Иеремия, последователь манентовой ереси, зная, что этот славный учитель всеми любим и почитаем, подписывались под своими сочинениями именем Златоуста, рассчитывая, таким образом, что их будут легко принимать. И если кто-либо посмотрит в этот реестр, то увидит, действительно ли принадлежат такие сочинения Златоусту.

Просмотрев оглавление, я решил перевести с латинского языка на славянский послания апостола Павла с толкованиями Златоуста. И начал тогда искать мужей, хорошо знающих книжный славянский язык,

но не смог таких найти. Если и находил кого-либо из монахов или из мирян, они отказывались мне помочь. Монахи отказывались от этого достохвального дела из-за лени, при этом недостойно, если не сказать лицемерно, уничижаясь. Миряне же не захотели, пребывая в суетах мира сего и заглушая семя благоверия терновником и осотом. Сам же я опасался, поскольку еще в молодости не овладел в совершенстве книжным славянским языком, из-за того что на протяжении многих лет вынужден был постоянно выполнять царские приказания, будучи вначале полководцем, а затем на государственной службе. Иногда выполнял обязанности судьи, иногда советника и очень часто участвовал в ополчении против врагов креста Христова.

Также и здесь, когда приехал, должен был по приказу короля выполнять воинские обязанности. А когда освободился от них, то ненавистные и хитрые соседи, движимые жадностью и завистью, мешали мне в этом деле, желая отнять имения, данные мне на пропитание его королевской милостью. И, одолеваемые великой завистью, они хотели не только отнять эти имения и пожрать их, но и крови моей желали напиться. И уже пролили кровь, и разлучили с жизнью моего верного слугу и любимого брата, не только сильного и искусного в военном деле, но и светлого умом, и на своих плечах вместе с другими слугами вынесшего меня живым из преследования. Это и препятствовало мне до времени заниматься тем великим делом.

Однако я попытался вместе с тем упомянутым выше ученейшим юношей перевести некоторые из его слов, никогда до этого не переведенных на славянский. То есть перевел, одолеваемый такими бедами и напастями, те из Слов на великие Господские праздники, которые я сумел найти, и немало других Слов. При этом, насколько было в моих силах, сохранял, не изменяя падежи и роды, фигуры и времена, и другие грамматические категории. И смысла ни в чем не изменил, потому что очень усердно и прилежно за этим следил. Книжные знаки также расставил по правилам. А если в чем-либо ошибся, то есть не вспомнил красивых славянских выражений и употребил простые обороты, то прошу с любовью и с христианской кротостью: читая, исправляйте меня. Ибо осмелюсь повторить сказанное Павлом: «Хоть и невежествен словом, но не разумом». Если же кто-либо захочет исправлять склонения и времена, и другие упомянутые выше грамматические категории, — то дай Бог, чтобы такой нашелся. Может и даже очень может исправлять меня тот, кто более меня опытен и совершенен в грамматике и в других науках. Но тот, кто неопытен, пусть не пытается исправлять, потому что испортит и исказит, но исправить не сможет. Пусть такой сначала учится, приобретет многолетний опыт и знание. А тогда уж пусть и других учит и исправляет Писания. Ибо варвар не может разобраться в философии и учить неученых, а неопытные в ремеслах не могут создавать художественных произведений.

Невозможно, чтобы две крайности одновременно существовали вместе. И поскольку нечистота противоположна чистоте, то, следовательно, тот, кто не очистился сам, не может очищать других. Тот, кто сам несовершенен, не может учить других. А тот, кто неопытен —

несовершенен, а поэтому не может учить других. Всякий, искушенный в словесности или в каком-либо деле, — совершенен. А всякий, кто совершенен в славянской грамоте и славен добрыми делами, — уже искусен. И поэтому может учить и просвещать других, приобщая к духовным сокровищам других и умножая свой талант, врученный ему Христом, нашим Богом.

Предисловие к "Диалектике" Иоанна Дамаскина

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

Сочинение Иоанна Дамаскина под названием «Источник знания» было известно в древнерусской письменной традиции под названием «Небеса» в неполном переводе X в. Иоанна Экзарха. Курбский перевел прежде всего «Богословие», а затем и другие части этого сочинения — «Диалектику» и «Книгу о ересях». В разных списках эти переводы Курбского представлены по-разному. Один из наиболее полных списков — список *ГИМ* (собр. Хлудова, 60). В 1858 г. М. Оболенский опубликовал Предисловие по этому списку (см.: Библиографические записки. 1858. Т. I. № 12. Стлб. 355—366). Это издание использовано для настоящей публикации.

ОРИГИНАЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ АНДРЕЯ, ГРЕХМИ ИСПОЛНЕНАГО

Сладокъ убо медъ паче иных овощей вкушателнымъ чувствомъ познавается. Зело того сладчайши словеса божественные умной и невещественной душе обрѣтаются. А сего ради сею пищею духовъною, паче тѣлесные, питати душу безсмертную достоитъ. Яко и божественный Давыдъ глаголетъ: «Коль сладки гортани моему словеса твои, паче меда устамъ моимъ».[1] Не точию убо прочитание божественныхъ словесъ во благоденствие живущимъ полезны (которые преизобилуютъ и оплываютъ богатествы), — тѣмъ научаются страху Божию, тѣмъ ко милосердию и милости склонни бываютъ, тѣмъ воспоминается смертный часъ и отшествие ко иному животу, — но и во скорбехъ живущимъ, и бѣдами объятымъ паче полѣзнейши, ибо мати имъ утѣшению и радости Писания прочитание бываетъ, услажаетъ бо и окормляетъ душу, и кости душевные крѣпки и несокрушительны сотворяетъ, яко тотъ же пророкъ реклъ: «Хранитъ Господь всѣ кости ихъ и не едина от нихъ не сокрушится»,[2] сирѣчь силы естества душевнаго костми нарицающе. Сие бо и мнѣ, недостойному, по благодати Христа моего многажды во странствию моемъ случалось, егда объятъ былъ отъ живущихъ окрестъ нечестивыхъ обидами и потвармиi[3] нестерпимыми

(которые паче всякие остроты желѣза острѣйши), имиже ко губительнѣйшему унынию принуждаемъ бывахъ. Мало не скончаша мя на земли, аще бы не Господь мой сими помогалъ, укреплялъ и утѣшалъ мя.

И едино случися прочитати книгу многострадательного Максима, который много бѣдъ и лжеклеветаней во многие лѣта претерпѣлъ от лжебратии. И обрѣтохъ въ ней едино посланейцо къ нѣякому Егорию,[4] имъже острегает его отъ развращенныхъ писменъ, утверждающе во правовѣрныхъ догматѣхъ, а похваляетъ и совѣтуетъ ему читати книгу Дамаскинову, сице глаголюще: «Внимай православнымъ учителемъ, что, господине, — реклъ, — нѣсть лучши книги Дамаскиновы. Аще бы прямо преведена была и исправлена, въистину небесной красотѣ подобна и пище райстей, и сладчайше паче меда и сота». Азъ же сему зело удивихся и скорбию объятъ быхъ, ижь большая часть книгъ учителей нашихъ не преведена есть въ словенский языкъ, и нѣкоторые преведенны непрямо отъ преводниковъ неискусныхъ, а нѣцыи отъ приписующихъ въконецъ испорчены.[5] И размышляхъ собѣ: откуды сицевая тщета намъ? Оттуды, воистину, ижь древние учители были наши во обоихъ научены и искусны, сирѣчь, во внѣшныхъ ученияхъ философскихъ и во Священныхъ Писанияхъ, и къточу тщаливы и бодры, а мы неискусны, и учитися лѣниви, и вопрошати о невѣдомыхъ горди и презоривы, и аще мало нѣчто навыкнемъ, мнимся уже все умѣти. И сего ради, аще что въ Писанияхъ обрящемъ недовѣдомо, порътимъ и растлѣваемъ, яко ся намъ видитъ. А ведущихъ не хощемъ вопросити, а ни поучитися хотимъ, но простерты лежимъ, лѣностию и гнусностию погруженны.

И сего ради со прилежаниемъ прочтохъ книгу блаженнаго Дамаскина — книгу, глаголю, зело премудрую и много намъ потребную (бо онъ былъ учитель послѣдней и, избираючи отъ всѣхъ учителей, вкратце описалъ), яко бы зерцало церкви и щитъ, альбо бронь крѣпкую ото всѣхъ еретиковъ. И обрѣтохъ ее не токмо преведену недобре, альбо отъ преписующыхъ отнудъ растлѣнну, но и ко выразумѣнию неудобну и никомуже познаваему; ктому и несполна преведенну, многихъ бо словесъ въ нашей не обрѣтается.

И набыхъ книгу, грецки по единой странѣ писанную, а на другой по-римски.[6] И къ тому дѣлу призвахъ и умолихъ въ помощь собѣ Михаила, Андреева сына, Оболенскаго[7] (яже есть з роду[8] княжатъ черниговскихъ). Самъ бо сему недоволенъ быхъ, понеже во старости уже философъскихъ искуствъ приучахся, а онъ во младыхъ лѣтехъ прошелъ и ихъ научился. И начахъ исправляти ю, а чего не было въ нашей словенской, сызнова преводити.[9] И такъ трудоносне, ижъ намъ легчайше обрѣталося не бывшее преводити, нежели испорченное и растлѣнное исправляти. Бо не обрѣташась в первой книзѣ 6 глав, еяже паче иныхъ писалъ богословне. Во второй десяти, которая писана метафизицки и физицки. Егда же доидохъ к третьей, обретохъ тое книги точию два слова начальные, а двадесяти и седми словесъ не было, еяже писалъ такоже философски противъ различныхъ еретиковъ, паче же единовольниковъ, оброняючи церковные догматы зело премудрыми,

непререкомыми, истинными аргументы,[10] або свидѣтельствы. Такоже и въ четвертой пятинадесяти глав не было.

Послѣди же книги сее обретохъ диалектику, зело нарочиту написану, и отъ философии указания, послану къ Козьме, епископу маюмскому, и иные потребные и прекрасные повѣсти, ихже у насъ нѣсть преведенно.

Азъ же къ тому не могохъ приити за бѣдами и напастьми страньства моего, иже бы моглъ преложити до конца его всю книгу священную и многополезную, яко рѣхомъ, отъ таковаго свѣтлаго и апостолоподобнаго мужа написанную. Ибо ровняется онъ в феологии[11] Дионисию Ареопаитскому и Григорию Богослову; въ глубочайшыхъ же духа изысканияхъ Васиилю Великому; во обронению же церковныхъ догматовъ (аще и не такъ пространн) Иоанну Златоустому. Подпираетъ же ся и держится крѣпце (сопротивъ еретиковъ борящеся) Афанасия Великаго и премудраго Кирилла Александрийскаго. А что же реку о чистомъ и священнолѣпномъ его жительствѣ? Понеже списатель жытия его Иоанъ, блаженный епископъ,[12] написалъ по достатку о всемъ: яко, въ мирѣ еще онъ бывше, обрѣлъся пресвѣтлымъ исповѣдникомъ и до крови пострадалъ, яко истинный побѣдоносецъ,[13] во отсеченю руки за имя Христово и рождсшие его, навѣтомъ нечестиваго Лва Саврина, перваго иконохама. Къτому тогда извещенно и свидѣтельствовано от Бога знамениемъ онымъ великимъ преподобие его, еже есть изцѣлениемъ руки его уже умершие. Отовсюду убо таковыми и такъ великими ограженъ и вооруженъ самое Премудрости ипостасные словесы и дѣлы и святыхъ апостоловъ его, и пророковъ, и древнихъ учителей — апостальскихъ намѣсниковъ, — и аще со прилежаниемъ прочтеши книгу его, узриши его стояща, яко истинаго поборника церкви Божии, всего вооруженна зброею свѣтлою и крѣпькою, паче солнца сияющею, сирѣчь догматы пресвѣтлѣйшими апостольскаго правовѣрия, и мечь обнаженъ обоюдуостръ въ руце держаще, сирѣчь глаголъ Божий. И сице, еретические роды посецающе, самъ же въ догматѣхъ благочестия непреодолимъ бывающе, а правовѣрнымъ многое утѣшение и неизреченную радость и веселие, и надежду изливающе.

А сего ради молю и совѣтую: аще кто языка словенскаго братий нашыхъ хощетъ прочитати книгу его, и оныхъ древнихъ учителей премудрыхъ церковныхъ, да первое учатъся трудолюбне и тщательне прочитаютъ со прилежаниемъ Божественные Писания. Потомъ и внѣшнымъ поучаются, сирѣчь философскимъ искуствамъ (аще ли не обрящутъ в землѣ своей толковыхъ учителей, да не лѣнятся ѣздити и до чужихъ странъ, яко Исусъ, сынъ Сираховъ, совѣтоетъ).[14] Понеже оные предреченные святые многие лѣта изнурили, не щадечи проторовъ, въ тѣхъ поучаяся: овы ездили до далечайшихъ чужыхъ странъ, овыи же во домѣхъ своихъ учашеся, набывающе имъ родители таковыхъ учителей, — яко и тому Дамаскину отецъ его, — и сице, украшаху внутреннаго человѣка безсмертнаго. Яко и онъ пишетъ во четвертыхъ книгахъ своихъ во слове о Писанияхъ пространне, якову полезность отъ прочитания Писаней приобрѣтаемъ. О внѣшныхъ же сице: аще ли что отъ внѣшныхъ приобрѣсти можемъ — будемъ искусны купцы, иже истовое и чистѣйшее злато собирающе, а нечистое отмещуще. Да

приемлемъ словеса предобрѣйшие,[15] боговъ же, смѣху достойныхъ, и басни чуждые, псом отвержемъ, сирѣчь невѣрнымъ и еретиком.

А для Бога, не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнящимся быти учительми, паче же прелесникомъ. Яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будуще во оной русской землѣ, яже подъ державою московскаго царя есть; глаголютъ бо они, прельщаючи юношь тщаливыхъ ко науцѣ, хотящыхъ навыкати Писания (понеже во оной землѣ еще многие обрѣтаются, пекущиеся о своемъ спасению), и со прещением заповѣдуютъ имъ, глаголюще: «Не читайте книгъ много!» И указуютъ на тѣхъ, аще кто ума изступилъ: «Онсица, рече, въ книгахъ зашелся, а онъсица въ ересь впал». О, бѣда! Отъ чего бѣси бѣгаютъ и ищезаютъ, и чѣмъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются — сие они оружие отъемлютъ, и сие врачество смертоносным ядом[16] нарицаютъ; не памятуючи Господня слова, яко самъ реклъ: «Прочитайте Писания, въ нихъже обрящете жывотъ вѣчный», и паки: «Испытайте Писания, понеже тѣ свидѣтельствуютъ о мнѣ».[17]

О бѣда! О горе! Еще и горшее слышахъ, глаголющыхъ ихъ: «Не треба, — рече, — ниевозможно нынѣ по евангельскому закону жыти, бо нынѣ родъ человѣческий слабъ есть». Аки бы рекли: «Треба намъ легчайшый законодавецъ, нежели Христосъ». А сего ради, и не хотяще, принуждаются согласовати Антихристу — слабому[18] законодавцу, и того повиноватися закону широкому и пространному, а не Христову, тѣсному и прискорбному. И, претворя образъ во дряхлость смирения лицемѣрнаго, глаголют: «Дай, рече, имѣния къ монастырю, а сего ради муки вѣчные избудешь». И иные таковые басни, якобы пияныхъ бабъ, смѣху достойные, слышахъ. А того ради не подобаетъ таковымъ прелесникомъ внимати, и о таковыхъ бо Златоустый въ бесѣдѣ 23 толкований своихъ, еже от Матфея, глаголетъ: «Внемлите же! — рече. — Отъ лживыхъ пророковъ приидутъ бо къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Се, со псы и со свиньями нынѣ видъ ловления, и навѣтъ онъ много лютѣйшь онаго. Овыи бо (сирѣчь псы и свиньи) исповѣдуеми и явствени, сии же прикровенни». Тѣмъ же и онѣхъ убо отлучатися повелѣлъ, сихъ же разсмотряти со опасениемъ, понеже невозможно есть отъ перваго ихъ увѣдети прихождения, лицемѣрия ихъ ради. Того ради реклъ: «Внемлите!» И паки мало ниже, полагающе ихъ горше, нежели псов и свиней, сице глаголетъ: «Не токмо свиней хранитися и псовъ подобаетъ, но съ сими и другаго лукавнѣйшаго рода сего, еже есть волковъ».

А того ради, яко рѣхом,[19] прилежати намъ подобаетъ трудолюбне ко прочитанию Священных Писаний, послушающе паче Христа и святыхъ его, яко Павелъ совѣтуетъ Фимофею[20] внимати чтению и учению, нежели оныхъ глупства предреченныхъ волковъ. И не токмо священнымъ, но и внѣшнымъ учитися потщимся, яко Григорий Богословъ во слове глаголетъ, еже писалъ о нищелюбию,[21] сице глаголюще: «Но и внешное, егоже мнози отъ христианъ отплеваютъ, аки навѣтно и пакостно, и отъ Бога далече мечуще, злѣ ведяще», и прочая. И по малехъ: «Сице убо, сихъ, елико взыскательно же и зрительно — приемлемъ, а елико ко бесомъ приводитъ и въ прелесть, въ пагубы глубину — отвергохомъ». И по малехъ: «Не укорно убо

наказание внѣшьное, зане сице мнится нѣкимъ, но ненаказанныхъ и лукавыхъ мнѣние (рекше, неискусныхъ и лихорадныхъ, иже хотятъ всѣмъ быти по нихъ самыхъ, до во общине ихъ злость крыется, и наказанию своему обличителей избѣгаютъ». Сие Григорий. Се, слышите, возлюбленные, ижъ многажды того ради Писаний возбраняютъ намъ читати и навыкати внѣшныхъ, иже бы прелесть ихъ самыхъ не открылася и всѣмъ явственна не была, еюже незлобивыхъ души прельщаютъ, сопротивъ евангельскаго закона и святыхъ седмостолпныхъ правилъ ходяще, и по своему самочинию живуще, ризами точию украшающеся, а не дѣлы, яко словеса глаголютъ: «Сами не входятъ, и хотящимъ внити возбраняютъ», и царемъ, и властителемъ угождающе ласкательнми слухи.

Къtому да будетъ сие вам вѣдомо: еще не будемъ со прилежаниемъ прочитати и учитися, не будемъ учителей нашыхъ книгъ и разумѣти, ибо они были мудры и искусны, мудре и прекрасне, подъ мѣрами и чины грамотическими и риторскими, философскимъ обычаемъ писали. И якобы градъ твердый на превысочайшей горѣ, догматы благочестия намъ оставили со бещисленными различными обронении, сирѣчь, непреодолимыми свидѣтельствы, яко с пращами огнистыми направили и яко луки крѣпкие, и стрѣлы въ тулехъ готовые положили, и уготовали писания свои, по потребастеѣхъ таковыхъ кому дѣйствовати и стрѣляти.

Чего жъ ради мы боимся и лѣнимся уже уготованнымъ дѣйствовати? Того ради, ижь есмя глупы и неискусны, а къtому лѣнивы и гнюсны, и потакаемъ, и слухаемъ паче таковыхъ предреченныхъ учителей, и того ради избираемъ ихъ на власти духовные, ижь ласкательными намъ слухи человѣкоугодне во всемъ согласуютъ и ни въ чесомъже насъ обличаютъ,[22] а ни исправляти умѣютъ, аще въ чемъ совращаемъся и заблужаемъ от пути Господня. А того деля и царства[23] многие христианские уже погибли, а иные погибаютъ. А въ которыхъ царствахъ Священные Писания прилежне прочитаеми бываютъ и искуствамъ философскимъ навыкаютъ, тѣ и нынѣ за благодатию Христовою непоколеблемы стоятъ. И не токмо сами стоятъ вцѣлѣ, но и многие краины поседаютъ и границы свои далечайше разширяютъ, ажь до конецъ вселенные подо власти послушенствъ своихъ покоряютъ, и злата, и сребра, и драгоцѣннаго камения многие корысти бещисленные обрѣтаютъ. И что еще къtому наилѣпшаго и напохвалнѣйшаго — людъ глубокихъ варваровъ, подобию звѣрей дубравныхъ живущихъ, ко богопознанию приводятъ трисияннаго Божества и святымъ крещениемъ просвѣщаютъ. А иже бы не видѣлося намъ сие празно глаголати, да прочтется книга, глаголемая «Кроника о новом свѣтѣ»,[24] яко короли шпанский и португальский, недавными лѣты во Индие многие земли подъ свои власти покорили, и научивъ ихъ христианскимъ обычаемъ, и святымъ крещениемъ просвѣтили.

Писания убо священные всѣмъ христианомъ вѣдомы, иже суть полезны не токмо къ земному пребыванию, но и къ небесному возхожению. О наукахъ же внѣшныхъ простые христиане не вѣдаютъ, а многие ихъ и страшатся (понеже ельнинскихъ философей обрѣтение),[25] по реченному: «Убояшеся страха, идеже не бѣ страха».[26]

А сего ради мы кратце изъявимъ: иже видѣли древние мужие родоначальники скоро по размешению языковъ, ижь родъ человѣческий въ скотоподобие наклоняется, и тѣлеснымъ сластем[27] прилежитъ, а душевными добротами тлѣетъ. И сего ради послѣднимъ родомъ перволѣпотные доброты украшение доброхотствующе описали,[28] сирѣчь, словесные науки, имиже человѣкъ былъ украшенъ от Бога по внутренному человѣку, сирѣчь душе, иже бы до конца въ забвение и невѣдение не пришелъ родъ нашъ.

Граматику написали, которая часть учитъ, яко прямо подобаетъ человѣку глаголати, а частью, яко прямо писати. А двѣ части оставляю долготы ради речения. А реторику написали, которая учитъ зело прекрасне и превосходне глаголати, ово вкратце много и разумъ замыкающе, ово пространне расширяюще, но и то подъ мѣрами, не допущающе со вѣлеречениемъ много звягати. Диалектику написали, которая учитъ, яко мѣрами слогни складати, чѣмъ правду и истинну отъ лжи и потвари[29] раздѣлити. Естественную философию написали о всѣхъ естественныхъ бытствахъ, тѣлесныхъ и безтелесныхъ, яко елико ихъ отъ Бога въ существо приведенны. Нравоказательную[30] философию написали, еюже царства и гражаньства благочинне правятся, которая научаетъ правде и разумности, мужеству и целомудрию,[31] и инымъ добротамъ душевнымъ, которые[32] отъ тѣхъ исходятъ, яко отъ начальныхъ добродѣтелей, яже отъ Бога намъ по естеству вложенны. Круга же небесного обращения, сирѣчь благочиние звѣзднаго течения, сего Сифъ родоначальникъ архангеломъ наученъ (яко пишет Филонъ Жидъ),[33] чему и правнук его Авраамъ былъ искусенъ, отъ чего и Бога позналъ.

Зри жъ, любимиче, не бойся! Сия бо вся намъ отъ трисияннаго Божества даровашася, и не токмо намъ, но и всѣмъ премирнымъ силамъ, и всѣмъ нижайшимъ и превыспреннимъ, елицы от небытия въ бытие приведенны, и елицы отъ подлежащие вещи созданны и украшенны. Яко рѣхомъ, от пребезначальные Троицы всѣ создашася и совершишась. Яко пророкъ глаголетъ: «Словомъ Господнимъ небеса утвердилися, и духомъ устъ его вся сила ихъ»,[34] емуже слава вовѣки. Аминь.

---

[1] *«Коль сладки... моимъ».* — Ср. Пс. 118, 103.

[2] *«Хранитъ... не сокрушится».* — Ср. Пс. 33, 21.

[3] *На поле:* лжесшиваньми.

[4] *...къ нѣякому Егорию...* — Имеется в виду Послание о Луцидариусе Максима Грека.

[5] *На поле:* растлѣнны.

[6] *...грецки... по-римски.* — Подлинником для перевода послужило, вероятно, базельское издание сочинений Иоанна Дамаскина 1548 г., в котором были напечатаны параллельно латинский и греческий тексты.

[7] *...Михаила... Оболенскаго...* — См. Послание Марку Сарыхозину.

[8] *На поле:* от поколѣния.

[9] *И начахъ... преводити...* — В переводе Иоанна Экзарха было только 48 глав вместо 100 глав оригинала.

[10] *На поле:* доводы.

[11] *На поле:* в богословию.

[12] *...Иоанъ... епископъ...* — Имеется в виду Иоанн, епископ Иерусалимский.

[13] *...побѣдоносецъ...* — Аллюзия на родовое имя Иоанна Дамаскина — Мансур, что значит «победитель». Один из знатнейших родов Дамасского халифата.

[14] *...Исусъ... Сираховъ, совѣтоет...* — Ср. Сир. 6, 18—37.

[15] *На поле:* благолѣпнѣйшие.

[16] *На поле:* трутизною.

[17] *«Прочитайте... о мнѣ».* — Ср. Иоан. 5, 39.

[18] *На поле:* роскошному.

[19] *На поле:* И паки о томъ же въ бѣсѣдѣ от Матфея 47 и от Иоанна 37 въ началѣ и во множайшыхѣ мѣстѣхъ. Аще со охотою прочтеши книгу его священную всю, узриши: не токмо книгъ не возбраняетъ прочитати, но совѣтуетъ, и молитъ, и принуждаетъ.

[20] *Павелъ... Фимофею...* — Ср. 2 Тим. 3, 16.

[21] *...о нищелюбию...* — Цитируемое здесь Курбским сочинение Григория Богослова представляет собой на самом деле надгробное слово Василию Великому.

[22] *На поле:* Вопросъ. Чего ради царие и князи таковыхъ нынѣ избираютъ учителей? — Того ради, воистинну, иже бы не обличали ихъ злости, лукавства и лютости, забывши Премудростию Божиею реченное: «Любяй обличение хранитъ свою душу» (Ср. Притч. 14, 25), и паки: «Обличай мудраго, и возлюбитъ тя» (Ср. Притч. 9, 8). А понеже не любятъ обличения, того ради не токмо сами всеродне ищезаютъ, но и царства погубляютъ. Яко, зримъ, Грецкое и Сирское, Болгарское и Сербьское, и яко наше домашнее, паче всѣхъ лютѣйшее Бытыево пленение, и яко нынѣ внезапное преславнаго христианскаго града

Москвы сожжение (см. Предисловие к Новому Маргариту), и бещисленное кровей пролитие отъ самаго царя и отъ окресныхъ враговъ, — ни отъ кого уросло сие, точию отъ человѣкоугодниковъ, яко и того самаго царя, прежде добраго бывша, превратили и навели въ таковые неизреченные и неслыханные злости и пагубы.

[23] *На поле:* Сказ. Яко и внѣшные мудрецы о ихъ плодѣхъ глаголютъ. Можете познати ихъ отъ сихъ краткописанныхъ стиховъ: «Ни единъ прыщъ повѣтренный во царствѣ горши ласкателя; ни едино безсловесное прелютѣйшее надъ человѣкоугодника; лучше есть впасти между врановъ, нежели между ласкателей, оные ядятъ мертвыхъ, а тѣ живыхъ».

[24] *На поле:* Лѣтописная о Новомъ мирѣ.

[25] *На поле:* изобретение.

[26] *«Убояшася... страха».* — Пс. 52, 6.

[27] *На поле:* роскошами.

[28] *На поле:* писанми предали.

[29] *На поле:* лжесшивания.

[30] *На поле:* обычайную.

[31] *На поле:* воздержанию.

[32] *На поле:* яже.

[33] *...Филонъ Жидъ...* — Филон Александрийский, или Филон Иудей (ок. 20 г. до н. э. — 50 г. н. э.) — выдающийся представитель еврейского эллинизма, богослов, апологет иудаизма и религиозный мыслитель, оказавший большое влияние на последующее богословие своим экзегетическим методом и своим учением о Логосе. В космологии Филон развивал разработанное стоиками в духе платонизма оправдание Бога.

[34] *«Словомъ... их»...* — Ср. Притч. 3, 19.

ПЕРЕВОД

ПРЕДИСЛОВИЕ АНДРЕЯ, ИСПОЛНЕННОГО ГРЕХОВ

Сладкий мед распознается вкусовыми ощущениями быстрее, чем другие плоды. Для разумной и невещественной души божественные слова слаще меда. И поэтому бессмертную душу надлежит питать более духовной пищей, нежели телесной. Ведь и божественный Давид сказал: «Как сладки гортани моей слова твои, лучше меда устам моим». Чтение божественных слов, — поскольку оно научает страху Божию, вызывает склонность к милосердию и жалости, заставляет вспоминать о смерти и

об отшествии в иной мир, — полезно не только живущим в благоденствии (тем, кто нежится в изобилии и богатстве), но и еще большую пользу приносит оно живущим в скорбях и в бедах, поскольку оно бывает для них источником утешения и радости, услаждает и насыщает душу, а душевные кости делает крепкими и несокрушимыми, по словам того же пророка: «Хранит Господь все кости его, и ни одна из них не сокрушится», который называет костями душевные силы. Так же по благодати моего Христа случилось и со мной, когда, пребывая в моем странствии, был я многократно преследуем нестерпимыми (острее всякого острого железа) обидами и гонениями от живущих окрест нечестивцев, что приводило меня в губительнейшее уныние. И оставил бы я уже землю, если бы Господь не помогал мне своими словами, не укреплял бы и не утешал.

Однажды мне довелось прочесть книгу многострадального Максима, который в течение многих лет претерпевал великое зло и наговоры лукавых монахов. В ней я нашел послание к некоему Георгию, в котором он, укрепляя последнего в догматах правоверия, остерегает его от прочтения испорченных писаний, но хвалит и советует читать книги Дамаскина, и говорит следующее: «Прислушивайся к православным учителям. Что, господин мой, — говорит, — может быть лучше книги Дамаскина? Если бы она была хорошо переведена и исправлена, то воистину была бы равна небесной красоте и райской пище, и была бы слаще меда и сот». Я же очень заинтересовался этим и был очень опечален тем, что большая часть сочинений наших учителей не переведена на славянский язык, а то, что переведено, — переведено плохо или же вконец испорчено неопытными переписчиками. И задумался я: отчего мы так бедны? Оттого, воистину, что в отличие от прежних учителей — ученых и искушенных в обоих учениях, то есть во внешней философии и в Священном Писании, да к тому же смелых и трудолюбивых, — мы неопытны и ленимся учиться и спрашивать, а неизвестное горделиво презираем, и если даже небольшую часть чего-либо и узнаем, то узнать все полностью ленимся. И поэтому, если находим в Писаниях что-либо не совсем ясное, портим его, искажая по своему усмотрению. И не хотим ни спрашивать, ни учиться у знающих людей, а лежим распростертые, погрузившись в лень и мерзость.

Поэтому я внимательно прочел книгу блаженного Дамаскина, книгу действительно весьма умную и очень нам нужную (потому что он, будучи последним из учителей, выбрал и кратко изложил самое главное из того, что написали предыдущие учителя), — книгу, которую можно назвать броней, или щитом, крепкой защитой для церкви от всех еретиков. И увидел я, что она, будучи плохо переведенной и испорченной переписчиками, настолько запутана, что никто не способен в ней разобраться; к тому же и переведена она не полностью, и многие главы в переводе отсутствуют.

Тогда я приобрел эту книгу, написанную на двух языках: с одной стороны по-гречески, а с другой по-латински, с целью перевести ее. Но чувствуя, что сам я не готов к этому делу, поскольку обучался философии уже в старости, — упросил помочь мне Михаила Андреевича Оболенского (из рода князей черниговских), который постиг науку в

молодые годы. И начал я исправлять прежний славянский перевод, а что в нем отсутствовало, то переводил сам. Славянский текст был настолько сложен, что оказалось гораздо легче переводить недостающее, чем править испорченное и искаженное. В первой части прежнего перевода, содержащей «Богословие», не хватало 6 глав. Во второй части, где перевод «Физики» и «Метафизики», не было десяти глав. Когда же дошел до третьей, содержащей философские рассуждения против различных еретиков (прежде всего монофелитов) и очень мудрые, неопровержимые аргументы, или свидетельства, в защиту церковных догматов, то обнаружил в ней только две первые главы, остальных же двадцати семи не было. И в четвертой части не было пятнадцати глав.

Непереведенной оказалась и «Диалектика» — прекрасно написанное, адресованное майюмскому епископу Козьме, философское сочинение, а также и другие нужные и прекрасные сочинения, которые я обнаружил в конце книги.

Одолеваемый бедами и напастями в моем изгнании, я не мог перевести до конца эту священную и очень полезную книгу, написанную, как мы уже сказали, этим святым равноапостольным мужем, который в теологии равен Дионисию Ареопагиту и Григорию Богослову; в глубочайших изысканиях духа — Василию Великому; в защите церковных догматов — Иоанну Златоусту (хоть и не столь обширно). Он находит себе опору (сражаясь против еретиков) в следовании Афанасию Великому и премудрому Кириллу Александрийскому. А что можно сказать о его чистой и благообразной жизни? Автор его Жития, блаженный епископ Иоанн, написал понемногу обо всем: о том, что он, живя еще в миру, стал известнейшим проповедником и как истинный победоносец пострадал до крови за имя и за рождение Христово, когда ему отрубили руку по наговору главного иконоборца Льва Исавра. Уже тогда Господь Бог известил и засвидетельствовал его великое преподобие своим знамением, исцелив его отрубленную руку. И если, — будучи со всех сторон вооруженным и защищенным словами и делами самой божественной премудрости и святых апостолов, пророков и древних равноапостольных учителей, — если прочтешь ты внимательно эту книгу, то увидишь этого истинного защитника Божьей церкви облаченным в светлую и крепкую, сияющую ярче солнца броню, — то есть в святейшие догматы апостольского правоверия, и держащим в руке свой обнаженный обоюдоострый меч — то есть слово Божье. И вот он, непобедимый в догматах благочестия, посекает племена еретиков, а правоверным приносит великое утешение, несказанную радость, веселье и надежду.

Поэтому прошу и советую: если кто-либо из наших братьев славянского племени захочет прочесть его книгу или книги других древних, премудрых учителей церкви, то пусть прежде всего трудолюбиво учится и читает внимательно Священное Писание. Затем пусть обучается светским наукам, то есть философии (а если не найдет для этого учителей в своей земле, то пусть не ленится ехать в другие страны, как советует Иисус, сын Сирахов). Ведь и эти святые, о которых мы сказали выше, многие годы потратили на учение, не скупясь на расходы: одни

из них ездили в дальние страны, для других же родители приглашали учителей в дома, как и отец этого Дамаскина, — и таким образом украшали бессмертную душу. Он сам в Слове о Священном Писании из четвертой главы своего сочинения пространно пишет о том, какую пользу приносит чтение Писания. О внешних же науках пишет следующее: если можем что-либо из них почерпнуть — то уподобимся опытным купцам, которые настоящее, чистое золото собирают, а нечистое отвергают. Возьмем же из них все самое хорошее, а богов, достойных осмеяния, и чуждые нам басни выбросим псам, то есть неверным и еретикам.

Но, ради Бога, не будем потворствовать безумцам, а тем более — хитрецам, которые нас обманывают, выдавая себя за учителей. Пребывая еще в той Русской земле, что под властью московского царя, я не раз слышал, как они обманывают юношей, стремящихся к учению и к постижению Священного Писания (в той земле есть еще немало людей, пекущихся о своем спасении), и, запрещая, говорят им: «Не читайте много книг!» И указывают на умалишенных: «Этот, мол, от книг умом помрачился, а этот в ересь впал». О, беда! То, от чего бесы убегают и исчезают, и чем еретики обличаются, и что помогает исправлению некоторых, — такое оружие они отнимают, такое лечение они смертоносным ядом называют, не желая помнить слов Господа, сказавшего: «Прочитайте Писания, в них вы найдете жизнь вечную», и еще: «Исследуйте Писания, они свидетельствуют о мне».

О, беда! О, горе! Еще и худшее слышал я от них: «Не надо, — говорят, — невозможно ныне жить по евангельскому закону, потому что ныне род человеческий слаб». Словно бы хотели сказать: «Нужен нам менее строгий законодатель, чем Христос». И поэтому, даже если и не хотят, все равно вынуждены подчиняться Антихристу — мягкому законодателю, и повиноваться ему, ведущему по широкому и пространному пути, а не Христу, ведущему по пути узкому и мученическому. И вот, приняв лицемерный облик смиренной печали, они говорят: «Дай имений к монастырю и тогда избавишься от вечных страданий». И другие такие же смехотворные басни, словно пьяными бабами рассказанные, слышал я от них. А поэтому не подобает прислушиваться к тому, что проповедуют эти льстецы, о которых сказал Иоанн Златоуст в 23-й беседе на Евангелие от Матфея: «Будьте внимательны! — говорит он. — Ибо придут к вам лживые пророки — волки в овчих шкурах. И будут они охотиться за душами вместе с псами и свиньями, но козни их будут намного страшнее, потому что эти (то есть псы и свиньи) исповедуются явно, а те скрытно». Тем самым повелел он отвергать одних, а к другим относиться настороженно, поскольку невозможно, по причине их лицемерия, сразу же распознать их козни. Именно поэтому сказал он: «Будьте внимательны!» А немного ниже он говорит, указывая на то, что они хуже псов и свиней: «Не только свиней и псов подобает остерегаться, но также и того лукавейшего отродья, каковым являются волки».

И вот поэтому нам следует, как я уже сказал, трудолюбиво постигать Священное Писание (так и Павел советует Тимофею читать и учиться) и прислушиваться к слову Христа и его святых, а не ко глупостям этих

волков. Но нам необходимо изучать не только Священное Писание, но и светскую философию, о которой сказано у Иоанна Богослова в Слове о нищелюбии следующее: «Но и ученость светскую, которой многие из христиан по худому разумению гнушаются, как лживой, опасной и удаляющей от Бога...» и так далее. И немного ниже: «Так и в науках мы заимствовали исследования и умозрения, но отринули все то, что ведет к демонам, к заблуждению и во глубину погибели». И далее: «Не должно унижать ученость, как рассуждают об этом некоторые, а, напротив, надо признать глупыми и невеждами (то есть безыскусными и злорадными) тех, которые, придерживаясь такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве». Так сказал Григорий Богослов. Вот, слышите, возлюбленные мои? — они потому запрещают нам внимательно изучать Писания, что не хотят, чтобы таким образом обнаружилась и не стала для нас очевидной их ложь, которой они совращают невинные души и угождают царям и владыкам, — они, которые украшают себя только одеждами, а не делами, и живут самовольно, не по евангельскому закону и святым семистолпным правилам, а по сказанному: «Сами не входят, и хотящим войти запрещают».

И пусть же будет вам известно: если мы не посвятим себя прилежному чтению и учению, то не поймем сочинений наших авторов, ибо они были умными и образованными и писали умно и красиво, соблюдая грамматические правила и риторические приемы, как это принято у философов. И оставили нам — словно твердейшую крепость на высочайшей горе, с различными многочисленными укреплениями — свои догматы благочестия вместе с неопровержимыми аргументами; и уложили — словно огненные пращи, крепкие луки и стрелы в тулах — свои писания, уже готовые к тому, чтобы ими действовать и обороняться в случае необходимости.

Отчего же мы боимся и ленимся использовать то, что уже дано нам в готовом виде? Оттого, что мы глупы и неопытны, да к тому же ленивы и отвратительны, и следуем охотнее за этими упомянутыми выше так называемыми учителями, и даже выбираем их в свои духовные учителя, поскольку эти льстецы во всем нам угождают и потакают, ни в чем не обличают и не поправляют, если мы сбиваемся с истинного пути Господнего. Именно по этой причине многие христианские государства уже погибли, а другие гибнут. Те же страны, где люди прилежно изучают Священное Писание и философское искусство, и доныне стоят незыблемо по благодати Христа. И не только сами остаются невредимыми, но и владеют многими областями, и распространяют свою власть над подданными до пределов вселенной, добывая себе золото и серебро, драгоценные камни и другие бесчисленные богатства. А что важнее всего и что более всего достойно похвалы — они приводят к познанию Бога, просвещая святым крещением закоренелых варваров, живущих подобно лесным зверям. А чтобы вам это не казалось голословным, прочтите в книге под названием «Хроника Нового света» о том, как испанский и португальский короли недавно покорили много земель в Индии, обучили там людей христианским нравам и просветили их святым крещением.

О Священном Писании христиане знают, что оно необходимо и в земной жизни, и для восхождения на небеса. О светских же науках простые христиане ничего не знают и даже часто их страшатся (поскольку они являются приобретением эллинской философии) по сказанному: «Испугались там, где нет страха».

И по этому поводу мы вкратце скажем следующее: вскоре после смешения языков увидели древние родоначальники, что человеческий род начинает скатываться в скотоподобие и предаваться телесным наслаждениям, а его духовные добродетели начинают угасать. Тогда они для будущих поколений добровольно описали ту величайшую красоту и украшение, которым Бог украсил внутреннего человека, то есть его душу — словесное искусство, заботясь о том, чтобы наш род окончательно не впал в беспамятство и невежество.

Грамматику они составили, которая учит отчасти тому, как правильно говорить, а отчасти тому, как правильно писать. Объяснение этих двух частей я опускаю, чтобы изложение не было слишком длинным. Разработали они и риторику, которая учит и тому, как излагать мысль сжато, и тому, как давать пространные объяснения, но соблюдать при этом умеренность и не допускать, чтобы красноречие превращалось в болтовню. Написали диалектику, которая учит, как правильно строить свою речь и каким образом правду и истину отличать от волхвований. Написали они и естественную философию, объясняющую божественную сущность всех естественных ценностей, плотских и духовных, и философию нравов, которая помогает разумно управлять государствами и обществами, утверждает правду и разум, мужество и целомудрие, и другие духовные добродетели, которые происходят из этих основных, заложенных в нас Богом от природы. Описали и устройство небесного свода, то есть законы обращения звезд, открытые праотцу Сифу архангелом Михаилом (как об этом пишет Филон Еврей), в которых был весьма сведущ его правнук Авраам, познавший таким образом Бога.

Так смотри же, возлюбленный, и не бойся! Все это трисиянным Божеством даровано нам, и не только нам, но и всем вещам от глубин до высот вселенной, которые им из небытия в бытие приведены, из хаоса созданы и украшены. Как я уже сказал, пребезначальной Троицей все создано и свершено. Так говорит и пророк: «Словом Господним небеса утвердились, и духом уст его вся сила их». Господу слава вовеки. Аминь.

Предисловие к переводам житий Симеона Метафраста

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Цехановича

ВСТУПЛЕНИЕ

Перевод Курбским житий, собранных и отредактированных Симеоном Метафрастом (ум. в 940 г.), представляет собой уникальную попытку во всей древнерусской письменности. Труд Курбского сохранился в одном списке *(ГИМ,* Синод. собр., 219), по которому и публикуется Предисловие.

ОРИГИНАЛ

ПОВЕСТЬ КРАТКА О СИМИОНЕ МЕТОФРАСТЕ, ЧЕГО РАДИ ГЛАГОЛЮТСЯ МНОГИЕ СЛОВЕСА И ПОВЕСТИ, АЩЕ НЕ ОНАГО НАПИСАНЫ, «В СИМИОНЕ МЕТОФРАСТЕ»

Не потреба было о том славном мужу воспоминати и изъявляти, егоже востокъ и запад вѣдает и почитает. Восточные, глаголю, церкви всѣ, яже под 4 патриярхи, западные же, яже под папою римъскимъ. Но глубокаго ради варварства и неискуства языка нашаго, или, свойственнѣйше рещи, безпамятия ради и невѣдания, яже от лѣности человѣком приключаются — не неполезно, мню, мало изъявити о том блаженном Симионе Метофрасте, што он во свои времена церкве Божии полезность принес, яко от еретическихъ замышлений обронил, — яко о нем свидѣтельствует мужъ ученый Псел, житие его риторски прекрасне пишуще. Но мы дерзнухом правити вкратце вашей любви, яже слышахомъ и навыкохомъ о нем.

Егда дьявол, супостат рода человѣческаго, истощил тулы свои, стреляюще на церковь различными ересьми, и испразнилъ мѣхи, сѣюще плевелы между чистою пшеницею (обличенны бо быша умышление его и стаинниковъ его на великих соборех нашими великими церковными учительми) — заградишася и затканны быша уста еретические. И благодатию Божиею преукрасилась церковь Христа, Бога нашаго, и провозсияла паче солнца во всей вселенной о пресущественном и трисианном Божестве феология, и проповѣдано ясное правовѣрие о вочеловѣчению Христове. И не токмо о тѣхъ, но и о всѣх догматех церковных истинные правила и законоположение написашася прежреченными великими святыми, понеже помагаша им животворящаго Параклита сила. Яко сам Господ рече: «Не вы будете глаголюще, но Духъ Отца вашего будет глаголати в васъ».[1]

Онже презлый дракон, или змий превеликий, видѣвъ собя побежденна и отогнанна со стаинники, или с помочниками своими, сиреч, со различными еретиками, — что начинает и что з безчисленныя и презлыя зависти исполненый замышляет? И по смерти их презлою завистию своею движет, хитролесными злокозньствы славу святых попрати хотяще, здес на церковь находит, аки бы мирная и полезная приносити хотяша, и под сладким медом яд сокрывати тщится, яко в Давыде речено о нем: «Благо же, благо же душамъ вашимъ будет!»[2] Еретиковъ, паче же манентовы ереси,[3] род подходит и научает, яже во всехъ скверных догматех своих сносудно и мечтателно пишут и глаголютъ, аки бы то похваляюще Христа и святых его, а все ложное и развращенна, на наругание церковное дѣйствует ими. Ктому и мужей, тщеславия и сребролюбия исполненыхъ, подходитъ, яже жалают корыстоватися благочестием, и поучает их преподобных жития и

подвига (сый, иже в животѣ их непримирительные брани имѣлъ ажь до смерти их!), такоже и мученические борения и подвиги, на нихже мучителей научал различными муками, да крепость ума их во Христове вѣре преломит. Егда же еще зрит и прежде воскресения и суда Христова о небесных и земных прославляемых и преудивляемых ихъ, и человѣковъ вѣрных во всѣхъ ревнующих, и подобящихся им, — тогда оных прежреченных, яко рѣхом, научает преизлишне хвалити преподобных, такоже и о мучениках ложные и развращенные, мечтанию и сном подобные, писати и замышляти. Тако в нѣкоторых церквах насѣял развращенных словес и повестей множество. А сие все творятъ того ради, иже тѣхъ ради ложных и праведным, и истинным не было вѣрено. Сие древле и при Моисеи сотворил: егда чудодействовал пророк пред царем во Египте за повелѣнием Господним, он же Аньния и Мамврия[4] с ложными чудесы подвиг. Сие и при других пророцех поставлял, всескверный, сие и при святых апостолех чрез Симона-волхва,[5] противящася Богу и помрачающе ложными волхвовании и мечтании истинные чюдодѣйствия и силы.

Видѣв же церковные епископы наши, паче же искусные и ученые, сих развращенных словес безчисленное множество во церквах Божиих насѣяно, потщашася со усердием, како бы послѣдние таковые дьяволи превелы от церкви отогнати и истребити, а вмѣсто тѣхъ церковь Христову праведными и истинными преукрасити и ублаголепити. И заповедают со цесарским повелѣнием всѣ четыре великие архиепископи, и посылает посълания от своих патриаршеских престолов во всю вселенную, заповѣдующа, яко Словеса всѣ на владычни праздники, и богородичны, и апостолские, тако и мученические, и преподобных подвиги и жития да отовсюду принесутся в Константинов град. И избирают соборне онаго прежреченнаго, преученнѣйшаго в жителстве и в добрых нравех просвещеннаго благороднаго мужа, на негоже в то время во всей вселенной не обрестеся добрейшъ и искуснѣйшъ, подвижут же сего и молят соборне на сие достохвалное дело: да прочтет, искусит вся сия, и еже согласные апостолом и пророком, истинным отцем, сия да приимет и церкви Христове в похвалу да возложитъ, развращенные же да отложит.

Он, яко Христа Бога послушник, абие покорился повелѣнию их соборному сущих правовѣрных, и от святых, знаемыхъ церковных учителей Слова писаные на владычни праздники, на богородичны, и на апостолские, приал, такоже и мученические многие, и апостольские написаны. Или аще и обреталися, якоже прежде рѣхом, от еретиков написаны развращенне — таковые отринул. И аще нѣкоторые написаны были варварско и неискусно — таковые он сам написалъ и ублаголѣпил, и на славу и преукрашение церковное возложил и освятил. А того ради часто глаголются в натписах: «Сие и сие слово обретается в Симионе Метофрасте». Тѣмъ же и нам подобает — воистинну глаголю — достоит таковым искуснымъ и свидѣтелствованным вѣрити и ревновати житием и подвигом ихъ спасения ради нашего, а не бабским басням и еретическимъ брѣдням, или хренским и свинским замышлением, яже любят корыстоватися лицемѣрне и кормыхати благочестием. И якоже и в здѣшних земляхъ нѣгде удержаться, паче на подкорю соборы их волочатся, такоже и во оных руских предѣлах, ихже здѣ обыкли

нарицати Московскою землею,[6] таковые непохвальные на прелесть человеком обретаются. Ихъже и нас, за молитвами святых, да избавит Господь Исус Христос, емуже слава во веки вековъ. Аминь!

---

[1] *«Не вы... в васъ».* — Мф. 10, 19.

[2] *«Благо... будет!»* — Ср. Пс. 24, 13.

[3] ...*манентовы ереси...* — См. также Второе послание Вассиану Муромцеву и Предисловие к Новому Маргариту.

[4] *...Аньния и Мамврия...* — Имена египетских волхвов, которые не встречаются в Библии, но присутствуют в русских источниках, например в Повести временных лет.

[5] *...Симона-волхва...* — Симон-волхв, современник апостолов, основатель гностической секты симониан. По общему мнению древних писателей (Ириней, Тертуллиан и др.), был родоначальником гностицизма и всех ересей.

[6] *...Московскою землею...* — В рукописи это слово смыто, но читается.

ПЕРЕВОД

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О СИМЕОНЕ МЕТАФРАСТЕ: ПОЧЕМУ ГОВОРЯТ О МНОГИХ СЛОВАХ И ПОВЕСТЯХ, ХОТЬ И НЕ ИМ НАПИСАННЫХ, ЧТО ОНИ «В СИМЕОНЕ МЕТАФРАСТЕ»

Не стоило бы вспоминать и рассказывать о том славном муже, которого и восток, и запад и знают, и почитают. Говорю о восточной церкви, которая под властью четырех патриархов, и о западной, которая под властью папы римского. Но для нашего народа — по причине его закоренелого варварства и безыскусности или, вернее сказать, по причине беспамятства и невежества, которые появляются у людей из-за лени, — не бесполезно, думаю, немного узнать об этом блаженном Симеоне Метафрасте, о том, какую пользу он принес в свое время Божьей церкви, как защитил ее от нападок еретиков, по свидетельству ученого мужа Пселла в прекрасном, риторически написанном им его житии. Постараемся вкратце сообщить вам то, что слышали и что узнали о нем.

Когда дьявол, враг человеческого рода, опустошил свои колчаны, обстреливая церковь различными ересями, и исчерпал мешки, сея плевела между чистой пшеницы, тогда были заграждены и замкнуты уста еретиков (потому что были разоблачены на великих соборах нашими великими учителями замыслы его и его сообщников). И украсилась Божьей благодатью церковь Христа, Бога нашего, и засияло ярче солнца богословие во всей вселенной — учение о предвечном,

трисиянном Божестве, и была проповедуема ясная истина о вочеловечении Христа. И не только об этом, но и обо всех церковных догматах были написаны истинные правила и законоположения упомянутыми выше великими святыми, поскольку им помогала сила животворящего Святого Духа, по сказанному самим Господом: «Не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас».

И тогда этот злейший дракон, или огромнейший змей, видя, что он и его сообщники, то есть различные еретики, уже побеждены и изгнаны, — что же он тогда начинает и что, исполненный великой и злобной зависти, замышляет? После смерти этих святых, движимый злобной завистью и стремящийся своим коварным и злым умыслом попрать их славу, тотчас же обращается он к церкви со словами Давида: «Благо же, благо же душам вашим будет!» — якобы желая принести мир и пользу, но на самом деле под сладким медом скрывая яд. Тогда находит он еретическое племя, и прежде всего последователей манихейской ереси, и научает их писать и проповедовать, словно во сне или в бреду, свои скверные догматы, якобы восхваляющие Христа и его святых, а на самом деле ложные и извращенные, — и таким образом использует их для надругательства над церковью. К тому же находит он тщеславных и сребролюбивых мужей, стремящихся извлечь выгоду из своего благочестия, и учит их на примере жития и подвига преподобных (он, который еще при жизни их непрерывно боролся с ними вплоть до смерти!), а также на примере борьбы и подвига мучеников, на которых по его же наущению различные мучители придумывали различные мучительства, чтобы сломить их дух в Христовой вере, — тогда этих вышеупомянутых мужей, как я сказал, научает он чрезмерно хвалить преподобных, а о мучениках сочинять, словно во сне или в бреду, ложные и извращенные истории. И творит это все для того, чтобы из-за этой лжи не было веры в правду и истину. То же самое он делал и в древние времена при Моисее: когда пророк по повелению Господа творил чудеса перед фараоном в Египте, он наслал Анния и Мамврия с ложными чудесами. То же самое он, прескверный, совершал и при других пророках, так же действовал и при святых апостолах через Симона-волхва, противящегося Богу и омрачающего истинные чудеса и свойства своими ложными чудодействами и измышлениями.

Увидев, какое бесчисленное множество этих извращенных слов посеяно в Божьих церквах, наши епископы, а особенно те из них, которые были искушенными и учеными, принялись с усердием за дело, стремясь истребить и изгнать из церкви все эти последние дьявольские плевела, а вместо них украсить и благолепить церковь Христову праведными и подлинными сочинениями. И тогда, заручившись императорским приказом, все четверо великих архиепископов шлют от своих патриарших престолов послания во все концы вселенной и повелевают свезти в Константинополь отовсюду Слова на господские, богородичные и апостольские праздники, а также жития преподобных и мучеников. И избирают сообща этого упомянутого выше благородного мужа, живущего в величайшей праведности и украшенного добрыми нравами, умнее и добродетельнее которого в ту пору во всей вселенной невозможно было сыскать, и, упросив его сообща, побуждают

совершить достохвальное дело: прочесть и проверить все и выбрать то, что соответствует учению апостолов и пророков — истинных отцов, — и принести все это во славу Христовой церкви, а все испорченное отвергнуть.

Он, будучи послушным Христу Богу, тотчас же подчинился соборному повелению правоверных отцов и отобрал Слова на господские, богородичные и апостольские праздники, а также жития многих мучеников и апостолов, действительно написанные святыми, знаменитыми церковными учителями. Если же находил среди них какие-либо слова, искаженные еретиками, — те отвергал. А те, что были написаны безыскусным и варварским образом, — он их сам переписал и украсил, освятил и преподнес церкви для ее славы и украшения. Именно поэтому часто говорят: «Такое-то и такое-то слово есть в Симеоне Метафрасте». И мы — истинно говорю я вам — во имя нашего спасения должны доверять именно этим проверенным и испытанным Словам и житиям подвижников, а не бабьим басням и бредовым измышлениям еретиков, которые привыкли лицемерно извлекать пользу из своего мнимого благочестия. От этих недостойных еретиков, совращающих с праведного пути, жить стало невыносимо как живущим в здешних землях, где происходят их соборы, так и живущим в тех русских областях, которые здесь привыкли называть Московской землей. И их, и нас молитвами святых да спасет Господь Иисус Христос, которому слава во веки веков. Аминь.